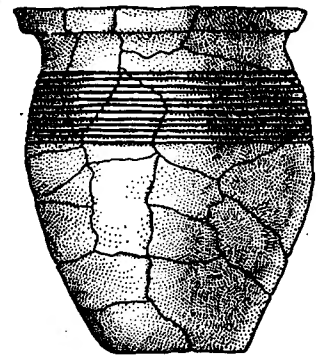
АРХЕОЛОГИЯ УКРАИНСКОЙ ССР

В ТРЕХ ТОМАХ

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

И. И. Артеменко (главный редактор), В. Д. Баран, В. М. Зубарь (ответственный секретарь), С. Д. Крыжицкий, Д. Я. Телегин, П. П. Толочко Е. В. Черненко

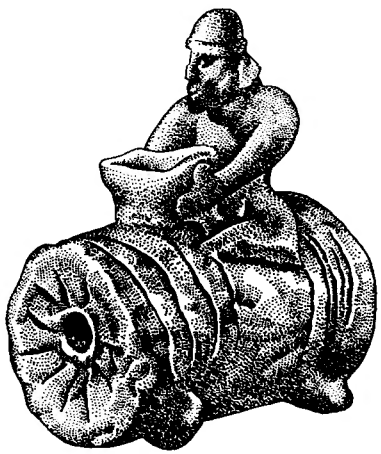


КИЕВ
НАУКОВА ДУМКА

АРХЕОЛОГИЯ УКРАИНСКОЙ ССР

ТОМ
ТРЕТИЙ

РАННЕСЛАВЯНСКИЙ И ДРЕВНЕРУССКИЙ ПЕРИОДЫ



РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ТОМА

В. Д. Баран (ответственный редактор),
М. П. Кучера,
Е. В. Максимов,
Р. С. Орлов (секретарь),
А. Т. Смиленко,
П. П. Толочко

КИЕВ
НАУКОВА ДУМКА
1986

В томе рассмотрена история и материальная культура населения территории Украинской ССР периода I — начала II тыс. н. э. Освещены вопросы этнической истории восточных славян и социально-экономического развития восточнославянского общества. Показано образование древнерусского государства, его развитие до середины XIII в. Материалы I тыс. н. э. приведены по *археологическим культурам*. *Археология* времени Киевской Руси освещена по типам археологических памятников и по категориям материальной культуры. Дана также характеристика кочевых племен южноукраинских степей и памятников оседлого населения Причерноморья и Крыма в эпоху средневековья.
Для археологов, историков, этнографов.

Авторы тома

В. Д. Баран, Р. С. Орлов, П. П. Толочко,
В. А. Анохин, Ю. С. Асеев, В. В. Аулих,
И. А. Баранов, Д. Т. Березовец, С. А. Беляева,
Д. И. Блифельд, В. И. Бидзиля,
Л. В. Вакуленко, С. А. Высоцкий, В. Д. Гопак,
В. И. Довженок, О. И. Домбровский,
В. Н. Зоценко, Г. Ю. Ивакин, В. П. Коваленко,
А. А. Козловский, Д. Н. Козак,
Н. М. Кравченко, М. П. Кучера,
Е. В. Максимов, Б. В. Магомедов,
Г. Г. Мезенцева, А. П. Моця, О. В. Пархоменко,
С. П. Пачкова, О. М. Приходнюк,
Л. М. Рутковская, А. Т. Смиленко,
М. Ю. Смишко, О. В. Сухобоков,
Р. В. Терпиловский, Б. А. Тимощук,
В. А. Харламов, В. Н. Цыгылык, Р. А. Юра

Рецензенты

И. С. Винокур, С. Р. Килиевич, П. И. Хавлюк

Редакция литературы по социальным проблемам зарубежных стран, археологии и документалистике

А 0507000000-332 подписное
М221(04)-86

© Издательство «Наукова думка», 1986

ВСТУПЛЕНИЕ

На протяжении XIX—XX вв. открыто большое количество археологических памятников, принадлежащих племенам и народам, населявшим современную территорию Украины в I — начале II тыс. н. э. В последние годы исследованы многочисленные поселения, городища и могильники указанного времени, что значительно пополнило источниковедческую базу.

В предлагаемой читателю работе рассматриваются в хронологической последовательности археологические культуры и их локальные группы на территории Юго-Восточной Европы, экономические и социальные процессы, происходившие на территории УССР в I — начале II тыс. н. э., в частности у восточных славян в предгосударственный и государственный периоды.

Историческое и культурное развитие восточных славян протекало в благоприятных природых условиях — они занимали лесостепную и значительную часть лесной зоны Восточной Европы. Разветвленная водная система связывала земли славян с Римской империей, Византией, странами Западной Европы. Взаимовлияния и тесные контакты с другими народами способствовали обогащению славянской культуры.

Древнейший период истории славян теряется в далеком прошлом. По данным лингвистики и археологии, изначальная территория древних славян предполагается между Днепром и бассейном Вислы, а, возможно, и Одера. Ученым пока не известна первая праславянская культура на этой территории. Существует предположение, что предками восточных славян были оседлые племена эпохи бронзы и раннего железного века. В дальнейшем предстоит сложная, но необходимая работа по определению тех культур бронзового и раннежелезного периодов, которые типологически через промежуточные звенья можно будет увязать со славянскими культурами средневековья.

В I — II вв. н. э. в Восточной Европе древние писатели упоминают славян под именем венедов. Плиний Старший (70-е годы I в. н. э.) в «Естественной истории» пишет, что «земли до реки Вистулы (Вислы) обитаемы сарматами, венедами, скиррами и гиррами» [§ 97]. Так как сарматы в это время проживали в пределах степной и, частично, лесостепной зоны, а германские племена скирров и гирров размещались, очевидно, в бассейне нижней Вислы, то местоположение венедов окажется где-то между ними, возможно, в бассейне Вислы и восточнее от него.

В «Руководстве по географии» Птолемея (середина II в. н. э.) подробно описываются размеры и положение Европейской Сарматии, которая на севере ограничивалась Венедским заливом Сарматского океана (Балтийского моря), на юге — Карпатскими горами, на западе — рекой Вистулой, а на востоке — рекой Танаисом (Доном). «Заселяют Сарматию очень многочисленные племена: венеды по всему Венедскому заливу, выше Дакии — певкины и бастарны, по всему берегу Меотиды (Азовское море) — язиги и роксоланы» [кн. 3, гл. V, 19]. Как видим, Птолемей помещает венедов на берегу Балтики.

Что касается Тацита (конец I в. н. э.), то его сообщение о венедах дает некоторый материал для выяснения их этноса и образа жизни, но поч-

ти ничего для определения их географии. «Здесь конец Свебии. Отнести ли певкинов, венедов и феннов к германцам или сарматам, право, не знаю, хотя певкины, которых некоторые называют бастарнами, речью, образом жизни, оседлостью и жилищами повторяют германцев. Неопрятность у всех, праздность и косность среди знати. Из-за смешанных браков их облик становится все безобразнее, и они приобретают черты сарматов. Венеды переняли многие из их (сарматов) нравов, ибо ради грабежа рыщут по лесам и горам, какие только не существуют между певкинами и феннами. Однако их скорее можно причислить к германцам, потому что они сооружают себе дома, носят щиты и передвигаются пешими, притом с большой быстротой» [«О происхождении германцев и местоположении Германии», 46].

Таким образом, по Тациту, область венедов находилась между бастарнами, проживавшими на юго-восточных склонах Карпат, и феннами, занимавшими лесную зону Европы.

Резюмируя сообщения античных писателей о венедах, нельзя не заметить, что в описании их территории отсутствует однозначность или определенность. Поэтому и вывод можно сделать лишь предположительный: венеды в это время находились где-то к югу от Балтийского побережья, к северу от Карпат и к востоку от Верхней и Средней Вислы.

На рубеже I тыс. н. э. в бассейне Верхнего и Среднего Днепра и Припяти была распространена зарубинецкая культура. От нее и принято начинать археологию восточных славян. В соседних областях на территории современной УССР существовали другие археологические культуры: латенская, лукашевская, пшеворская и липицкая, принадлежавшие соседним с восточными славянами народам — кельтам, дакам, германцам и др. В отдельных регионах на определенных хронологических этапах элементы перечисленных культур интегрируются и наблюдаются вместе со славянскими культурами.

Эти процессы наиболее выразительны на Волыни и в Поднестровье, также в верховье Южного Буга. Со второй половины II в. замечается тенденция к формированию единой культуры. Однако развитие этой тенденции нарушается появлением на указанной территории еще одной группировки. В конце II — начале III в. на территории Волыни возникают поселения и могильники вельбарской культуры, что связано с миграцией готов из Нижнего Повисленья в Северное Причерноморье. Создается новая историческая обстановка, которая значительно повлияла на развитие дальнейших политических и этнокультурных процессов в Междуречье Днепра и Вислы. Однако памятники, объединившие в разной степени элементы зарубинецкой, пшеворской и липицкой культур остаются наиболее весомым компонентом новых образований — черняховской и киевской культур в лесостепной зоне Днепровского Правобережья.

Обе эти культуры возникают в начале III в. н. э. Несколько раньше в Прикарпатье формируется культура Карпатских курганов.

Население этих культур находилось в тесных экономических отношениях и поддерживало оживленные связи с римскими провинциями Северного Причерноморья и Подунавья. Влияние высокой провинциально-римской культуры особенно заметно на материалах черняховской культуры и культуры Карпатских курганов. На их территории возникают центры гончарного производства, металлургии; во внутренней торговле имеет хождение римская монета. Важной чертой культур второй четверти I тыс. н. э. является их интеграция и развитие тех культурных элементов, которые в дальнейшем составляют подоснову формирования славянских раннесредневековых древностей.

Это отмечено на тех поселениях ки-

евской и черняховской культур, которые доживают до V в. н. э. На киевских поселениях появляется черняховская гончарная керамика и многие изделия из металла и кости, а на позднечерняховских поселениях — формы лепных сосудов аналогичны киевским.

Именно в лесостепной и лесной зоне Восточной Европы создаются подосновы возникновения новых раннесредневековых славянских культур. Начало их формирования относится ко второй половине V в. В это время в истории Европы происходили важные политические и этнические сдвиги, связанные с разгромом гуннами готского объединения, сложением крупных объединений славянских племен, событиями «великого переселения народов» и кризисом рабовладельческого строя античного мира. Они активно влияли на ход раннесредневековой истории.

В середине I тыс. н. э. под ударами варваров распалась западноримская империя. В последующее время славяне и другие народы вели упорную борьбу против Византии, в процессе которой произошло расселение славян в регионы Центральной Европы и на Балканы. В это время они попадают в поле зрения византийских историков.

Византийские авторы VI — VII вв.— Иордан, Прокопий Кессарийский, Менандр Протиктор, Псевдо-Маврикий, Феофилакт Симокатта и другие, знавшие славян под именем венедов, антов и склавинов, отводят им значительное место в своих произведениях, как многочисленному народу, принимающему активное участие в событиях Юго-Восточной и Центральной Европы. Исходя из интересов Византии, они рассматривают вопросы внутренней организации и социально-экономической структуры славянского общества, развития военного дела, взаимоотношений с империей и другими народами как ее союзниками, так и врагами [Мишулин, 1941, с. 231—280].

Приводимые ими сведения о территории обитания и расселения славян в первой половине и середине I тыс. н. э. наиболее важны. Иордан хорошо знает и довольно отчетливо определяет территорию славян. Он пишет: «Начиная от места зарождения реки Вистулы, на безмерных пространствах расположилось многолюдное племя венетов. Хотя их наименования теперь меняются соответственно различным родам и местностям, все же преимущественно они называются склавенами и антами.

Склавены живут от города Навиентуна и озера, именуемого Мурсианским, до Данастра, а на север — до Висклы: вместо городов у них болота и леса. Анты же сильнейшие их обоих [племен] — распространяются от Данастра до Данапра, там, где Понтийское море образует излучину...» [Иордан, 1960, с. 71—72].

Сказанное Иорданом подтверждают и другие византийские источники, также фиксирующие славян в VI в. в междуречье Дуная и Днепра. На северном берегу Дуная отмечает славян Прокопий Кессарийский в своем труде «История войн» («Война с готами», кн. 1, 2), написанном, как и «Гетика» Иордана, в 50-х годах VI в. В отличие от Иордана Прокопий в Подунавье упоминает не только склавинов, но и антов, считая их одним народом: «...некогда даже имя у славян и антов было одно и тоже. В древности оба эти племени называли спорами [«рассеянными»], думаю, потому, что они жили, занимая страну «спораден», «рассеянно», отдельными поселками. Поэтому-то им и земли надо занимать много. Они живут, занимая большую часть берега Истра по ту сторону реки» [Прокопий из Кессарии, 1950, с. 297—298].

Важные сведения о склавинах и антах в Подунавье, не противоречащие данным Прокопия, содержит «Стратегикон» Псевдо-Маврикия: «...их реки (склавинов и антов. — *В. Д. Баран)* вливаются в Дунай...»; «...мест-

ности, занятые склавинами и антами, расположены вдоль рек, и они так соприкасаются друг с другом, что между ними нет столь большого расстояния, чтобы о нем стоило упоминать. Племена славян и антов сходны по своему образу жизни, по своим нравам, по своей любви к свободе; их никоим образом нельзя склонить к рабству или подчинению в своей стране...» [Мишулин, 1941, с. 253—257]. Склавинов среди племен Подунавья VI в. неоднократно называют Менандр и Феофилакт Симокатта.

Оценивая данные византийских источников о славянах, следует иметь в виду, что они относятся к середине VI в., а потому должны отражать положение славян в Подунавье в несколько более раннее время, по-видимому, в первой половине VI в., а возможно, и в конце V в. Этим, пожалуй, объясняются и некоторые расхождения между данными древних авторов. И если Иордан упоминает склавинов, а Прокопий — склавинов и антов, то, по всей вероятности, речь идет о двух близких по времени, но разных этапах в истории расселения славянских племен на юг [Петров, 1972, с. 27—28]. По-видимому, в конце V—начале VI в. склавины и анты еще составляли две различные группировки славян, и лишь в более позднее время, в середине VI в., они действуют в Подунавье объединенно. Как известно, Псевдо-Маврикий в «Стратегиконе» пишет о жизни и нравах склавинов и антов, не отделяя их друг от друга, а в начале VII в. этноним «анты» исчезает со страниц письменных источников. Подчеркнем, что письменные источники VI в. отчетливо фиксируют славян — склавинов и антов — на левом берегу Дуная, отмечая их набеги на пограничные области империи почти на протяжении всей средней части этой реки. В конце VI — начале VII в. славяне переходят Дунай.

Научная ценность письменных источников, фиксирующих славян на территории Европы уже в первых веках нашей эры, неоспорима. При этом следует иметь в виду, что заложенная в них информация не полная, а нередко и отрывочная, так как античные авторы были слабо ознакомлены с историческими процессами, происходившими в глубинных областях Восточной и Центральной Европы, далеко расположенных от границ Римской империи и Византии. Поэтому многие вопросы этногеографии славян, их западных, восточных и северных границ, а также процессов расселения, исторического и социально-экономического развития без использования и сопоставления других источников, в том числе и археологических, не могут быть всесторонне изучены.

Исследование археологических памятников дало возможность уточнить территорию и определить общие черты славянских культур V — IX вв., а также показать их специфику в различных регионах. К ним относится планировка поселений, определенный тип жилища, погребальный обряд, набор посуды, украшений, характер социально-экономической структуры. Специфические особенности, проявляются в деталях интерьера жилищ, некоторых отличиях погребального обряда, форме и орнаментации глиняной посуды. Все это позволило выделить ряд раннесредневековых славянских культур и разделить их на два хронологических этапа. К раннему (V — VII вв.) относятся пражская, пеньковская и колочинская культуры, к позднему (конец VII—IX вв.) — волынцевская, роменская и типа Луки-Райковецкой. Некоторые культуры или группы памятников могут быть связаны с союзами восточнославянских племен, упоминаемыми византийскими источниками и летописью.

Единство и различие славянской культуры в разных областях ее территории объясняется сложностью исторического развития восточных славян во второй половине I тыс. н. э., когда из племенных культур склады-

валась единая культура древнерусского народа.

На основании археологических материалов можно получить представление об уровне экономического развития восточных славян, основными отраслями хозяйства которых были земледелие и скотоводство. Развитие ремесла способствовало отделению ряда его отраслей от земледелия. Этот процесс знаменовал начало общественного разделения труда, приведшего, в свою очередь, к зарождению и развитию внутреннего обмена и внешней торговли.

В VI — VII вв. в восточнославянском обществе продолжается процесс распада первобытнообщинного строя и зарождения социально-классовых отношений. В это время начинают складываться и крупные межплеменные союзы, что явилось результатом длительного внутреннего развития восточных славян.

На рубеже VIII — IX вв. на Среднем Поднепровье сложилось государственное образование «Русская земля». Оно находилось на более высоком уровне политической организации по сравнению с союзами племен и объединяло союзы полян, северян, древлян, дреговичей, полочан. По своим масштабам Русь, представлявшая собой своеобразный вариант раннефеодального государства с верховной собственностью на землю, вассалитетом, основанным на земельных владениях и с широким кругооборотом прибавочного продукта, не уступала крупнейшим государствам Западной Европы.

Длительный процесс становления Древнерусского государства с центром в Киеве завершился в конце IX в. объединением Южной и Северной Руси. В VIII—IX вв. прогресс в области основных форм хозяйства — земледелия и ремесла — привел к значительному увеличению производительности труда, созданию условий для завершения процесса распада первобытнообщинных отношений и формирования классового общества. В это время восточнославянская родовая община перерастала в территориальную, приобретала новое содержание. Она стала объектом эксплуатации родоплеменной верхушки, обособлявшейся в феодальную.

Восточные славяне минули в своем развитии рабовладельческую формацию. У них, как и у многих народов, феодализм формировался на базе разложения первобытнообщинного строя. Главной начальной формой феодальной эксплуатации в IX—X вв. было так называемое полюдье, обложение данью подчиненных Киеву славянских земель. Постепенно, по мере захвата князьями земель, формировалась вотчина, что вызвало к жизни такую форму, эксплуатации, как отработки. Одной из форм феодальной эксплуатации на Руси была денежная рента, засвидетельствованная письменными источниками уже для X в. Позже она становится более распространенной.

Формы феодальной эксплуатации определялись уровнем развития производства и, в свою очередь, оказывали влияние на экономическое развитие общества. Характерной особенностью Древнерусского государства были быстрые темпы его социально-экономического развития. За сравнительно короткий период с IX по XI вв. Русь добилась огромных успехов в развитии хозяйства, культуры, городов.

Сельское хозяйство, занимавшее ведущее место в экономике Киевской Руси, имело древние традиции и достигло высокого уровня развития. Оно располагало достаточным набором орудий труда, достигло высокого агротехнического уровня с несколькими системами земледелия — паровой, с двухпольным и трехпольным севооборотами, подсечной и перелоговой. Выращивались пшеница, рожь, ячмень, овес, просо, гречиха, конопля, лен, горох, полба, мак и другие культуры. Производительность труда в земледелии была достаточно высокой,

что позволяло выращивать зерновых значительно больше, чем было необходимо для удовлетворения потребности населения.

Важной отраслью сельскохозяйственного производства Киевской Руси являлось животноводство. Высокий уровень земледелия, а также наличие пастбищ и сенокосов позволяли содержать в феодальных хозяйствах огромные стада крупного рогатого скота, коней, овец. Неприкосновенность собственности на домашних животных гарантировалась законодательством, известным из «Русской правды».

Вспомогательную, но существенную роль в хозяйстве играли охота, рыболовство, пчеловодство. Продукция этих промыслов широким потоком поступала на рынок, в том числе и международный. Поэтому вполне понятен интерес к ним древнерусского законодательства, направленного на охрану угодий, борти и т. п.

В хозяйственном развитии Древнерусского государства заметное место занимало высокоразвитое ремесленное производство. Важнейшей его отраслью была черная металлургия и металлообработка. Ассортимент изделий из железа насчитывал около 150 названий, а древнерусские кузнецы владели всеми известными тогда техническими и технологическими приемами его обработки: ковкой, сваркой, закалкой, вваривaнием стальных лезвий, инкрустацией цветными металлами. Высокого уровня мастерства достигли древнерусские «кузнецы злату и серебру», изготовлявшие золотые диадемы и бармы, колты и ожерелья, серебряные браслеты-наручи и другие ювелирные изделия. Они выполнены в технике перегородчатых эмалей, скани, черни, литья, чеканки и уже в X — XI вв. получили широкое распространение. Наиболее массовую продукцию поставляли на рынок древнерусские керамисты, резчики по дереву и кости. Крупнейшими ремесленными центрами Киевской Руси являлись Киев, Чернигов, Новгород, Смоленск, Владимир, Переяславль и другие города.

По форме организации древнерусское ремесло делилось на свободное, развивавшееся в городских посадах, и вотчинное, местом средоточия которого являлись усадьбы феодалов, монастыри. Многие виды ремесленного производства — железодобывающее, кузнечное, гончарное, деревообрабатывающее, ткацкое — развивались также в селах.

Важной отраслью экономики являлась торговля, уровень развития которой определялся состоянием сельскохозяйственного и ремесленного производства. Наряду с внутренней широкое развитие получила международная торговля Руси. Крупнейшей торговой коммуникацией являлся путь «от Грек», или «Греческий», связывавший Русь с балтийскими и черноморскими рынками. Важную роль играли также «Соляной» и «Залозный» торговые пути, ведшие в Галичину и на Кавказ. Киевская Русь поставляла на международные рынки меха, мед, воск, шкуры, некоторые виды ремесленных изделий, а также рабов. Взамен ввозились золото, дорогие ткани, вино, масло, серебряная и стеклянная посуда, вещи христианского культа, оружие, цветные металлы. Основными контрагентами международной торговли Киевской Руси были Византия, Волжско-Камская Болгария, Хазария, страны Арабского Востока, скандинавские, центральноевропейские и западноевропейские страны. В Киевской Руси имелись купеческие объединения, специализировавшиеся на торговле с определенными странами или на определенных видах товаров. Известная Ивановская община Новгорода сосредоточила в своих руках торговлю воском. Купеческие объединения «гречников» и «залозников» вели торговлю с Византией и Кавказом. Во многих древнерусских городах — Киеве, Новгороде, Смоленске и других — существовали торговые дворы иностранных купцов.

Развитие торговли было невозмож-

но без денежного обращения. На раннем этапе (VIII — X вв.) на Руси ходили арабские дирхемы, найденные на древнерусских землях сотнями тысяч, византийские номизмы и милиарисии, западноевропейские динары. При Владимире Святославиче и Ярославе Владимировиче Русь чеканила собственные деньги — серебряники и златники. С XI в. для расчетов при крупных торговых операциях использовались серебряные слитки, так называемые гривны, весом от 95 до 197 г. Известны гривны трех типов: киевские, новгородские и черниговские.

Развитие феодальных отношений на Руси сопровождалось социальной дифференциацией населения. В письменных источниках встречаются названия, характеризующие социальное положение сельского населения времен Киевской Руси: «село», «сельцо», «деревня», «погост», «двор», «дом». Они отличались друг от друга не только размерами, но и социальными функциями. «Погост» источники определяют как центральное поселение округи, возможно, сельской общины, где находились торг, культовые учреждения. «Деревней» назывались небольшие дочерние поселения, образованные выходцами из больших сел. «Дворы», или «дома», являлись усадьбами отдельных феодалов, центрами феодальных владений. Последние имели мощные укрепления, что обусловливалось необходимостью защиты имущества феодалов.

Изменения, происходившие в сфере общественно-политической и социально-экономической жизни восточных славян, уже в третьей четверти I тыс. н. э., привели к появлению новых форм поселений — укрепленных «градов». Они представляли собой межплеменные центры, порубежные укрепления, пункты сбора дани, общинные сакральные места. В VIII—IX вв. в сельском хозяйстве, ремесле, торговле, а также в общественных отношениях был достигнут такой уровень, при котором многие межплеменные центры превратились в раннефеодальные города. В это время возникают и новые городские средоточия, являвшиеся экономическими, политико-административными и военными центрами Древнерусского государства.

«Повесть временных лет» для IX — X вв. упоминает более 20 древнерусских городов, а для XI в. — еще 32. В целом, согласно летописным данным, на Руси к XIII в. существовало около 300 городов. Основной контингент населения состоял из ремесленников — кузнецов, гончаров, стеклоделов, ювелиров, оружейников, резчиков по кости, строителей, представителей других специальностей, которых на Руси насчитывалось более 60. В крупных городах они имели профессиональные объединения, артели, свидетельством чему являются названия городских концов (гончарный, плотницкий, кожемяцкий), ворот (кузнечные), а также упоминания в письменных источниках «городников».

Хозяйственная деятельность населения древнерусских городов не ограничивалась ремеслом и торговлей. Характерной для них была также тесная связь с сельским хозяйством. Об этом свидетельствуют многочисленные находки сельскохозяйственных орудий труда, а также средоточие в городах усадеб феодалов, владевших крупными вотчинами.

В IX — начале XII в. государственное управление на Руси сосредоточивалось в руках класса феодалов, тесно связанных между собой системой вассальных отношений. В их основе лежала иерархическая структура феодального землевладения. Главой государства и верховным собственником всей земли был великий киевский князь. Под его рукой находились «светлые князья», бояре и дружинная знать, владевшие княжествами и крупными вотчинами. Составной частью феодального класса на Руси стало и высшее духовенство — митрополит, епископы, игумены.

В первые десятилетия XII в. завершился раннефеодальный период в истории Древней Руси и началась эпоха феодальной раздробленности. Для нее характерны углубление процессов феодализации земель, выделение отдельных княжеств. Однако процессы феодального дробления не останавливают дальнейшего развития производства и культуры: совершенствуются орудия земледелия, возрастает технический уровень ремесла, закладываются новые города. Распространяется летописание, появляются высокохудожественные литературные произведения, возникают новые архитектурные школы. Археологические материалы, полученные раскопками древнерусских городов и городищ, поселений и могильников от Ладожского севера до южных окраин Киевской Руси и от Карпат до Суздальского залесья, показывают, что на Руси в XII — XIII вв. сложился единый (при определенных локальных отличиях) стиль культуры, формирование которого не зависело от политического дробления земель. Творцом этой культуры была древнерусская народность, развивавшаяся в XII — XIII вв. по пути дальнейшей консолидации

Нашествие орд Чингисхана и Батыя прервало развитие древнерусской культуры, но не уничтожило ее. На ее основе, в иных исторических условиях, сложились культуры братских восточнославянских народов — русских, украинцев и белорусов. Культура каждого из них уходит корнями в эпоху Киевской Руси — общей колыбели русского, украинского и белорусского народов.

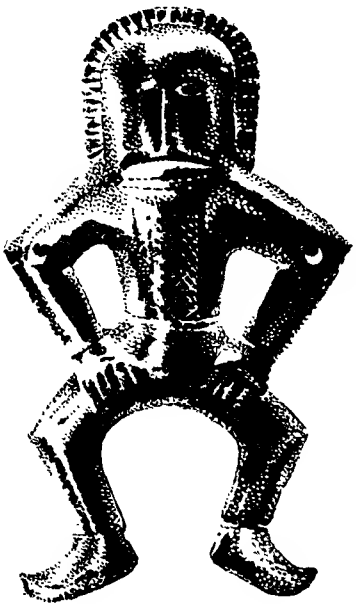
В степной зоне УССР распространены археологические памятники неславянских племен и народностей. На юго-востоке к ним относится салтовская археологическая культура VIII — X вв., оставленная, как считают исследователи, в основном племенами аланов и болгар, связанных в политическом отношении с Хазарским каганатом.

В южных степях в IX — XII вв. кочевали тюркоязычные племена печенегов, торков и половцев. Крым был заселен разнородным в этническом отношении населением, находившимся под властью Византии, а также нередко и в сфере политического влияния Киевской Руси. Юго-восточная часть Крыма с конца X в. входила в состав древнерусского Тмутараканского княжества. Города Херсонес (Корсунь русских летописей), Судак (Сурож) поддерживали с Русью тесные экономические связи. В аналогичном положении находилось и Северо-Западное Причерноморье.

Третий том коллективного труда «Археология Украинской ССР» состоит из двух частей: первая посвящена археологии раннеславянского периода, вторая — археологии Киевской Руси и средневековой археологии юга современной Украины.

Часть первая

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ КУЛЬТУРЫ I тыс. н. э.



I КУЛЬТУРЫ ПОЗДНЕЛАТЕНСКОГО И РАННЕРИМСКОГО ВРЕМЕНИ

Зарубинецкая культура

В 1899 г. киевский археолог В. В. Хвойка раскопал возле с. Зарубинцы Каневского уезда Киевской губернии три бескурганных погребения с пережженными костями, необычными лепными сосудами и бронзовыми украшениями [Хвойка, 1901, с. 182—184]. Так на Поднепровье была открыта новая археологическая культура, впоследствии названная зарубинецкой, и положено начало изучения зарубинецких памятников.

Первые крупные раскопки были проведены на могильнике у с. Корчеватое близ Киева в 1940—1941 гг. Здесь И. М. Самойловский открыл более 100 погребений [Самойловский, 1959]. Однако по-настоящему широкое изучение зарубинецких памятников развернулось в послевоенные годы, когда раскопками, помимо Среднего Поднепровья, были охвачены обширные районы Припятского Полесья, Верхнего Поднепровья, а также бассейны Десны и Южного Буга.

На Среднем Поднепровье масштабные работы проводились на поселениях недалеко от Канева (Пилипенкова Гора, Бабина Гора) и Киева (Лютеж, Оболонь). Здесь раскапывался также самый большой на Поднепровье Пироговский могильник и другие могильники этого же типа (Хотяновка, Вишенки, Казаровичи, Суботов). В Припятском Полесье были раскопаны крупные могильники — Велемичи I и II, Отвержичи, Воронино, а на территории Верхнего Поднепровья полностью исследованы поселение и могильник Чаплин. В несколько меньшем объеме велись исследования на Верхней Десне (поселения Почеп и Синьково) и Южном Буге (Марьяновка, Носовцы, Рахны), а также во многих других районах — на Тетереве, Сейме, Трубеже, Тясмине, Нижнем Днепре.

Благодаря проведенным работам в настоящее время на территории распространения зарубинецкой культуры известно свыше 500 поселений и могильников, из которых около 70 раскопаны. На них обнаружено более 1000 погребений и 200 жилищ, однако в научный оборот введена всего лишь часть материалов, что затрудняет освещение различных элементов зарубинецкой культуры и выяснение таких важных ее исторических сторон, как генезис и хронология, этнос и место зарубинецкого населения в древней истории народов южной части Восточной Европы.

На протяжении всего периода изучения зарубинецкой культуры по поводу всех этих вопросов отечественными и зарубежными учеными высказывались различные мнения. Не имея возможности дать в этом разделе полное изложение зарубинецкой историографии, упомянем лишь несколько положений, принадлежащих специалистам в области зарубинецкой археологии.

По мнению П. Н. Третьякова, зарубинецкая культура сыграла важную роль в древней истории славян. Особенно ясно это видно на примере памятников I—II вв. н. э. на территории Верхнего Подесенья, которые стали основой праславянских древностей III—V вв. [Третьяков, 1966, с. 220].

Как считал Ю. В. Кухаренко, в зарубинецкой культуре заметны определенные элементы, характерные для предшествующей позднепоморской культуры бассейна Вислы, свидетель-

ствующие об участии повисленских племен в процессе формирования зарубинецких древностей [Кухаренко, 1960].

При изучении вопросов зарубинецкой хронологии К. В. Каспаровой удалось установить, что могильники Припятского Полесья функционировали здесь лишь до середины I в. н. э. [Каспарова, 1976, с. 128—140].

Решающее значение для определения начальной даты зарубинецкой культуры приобрели обломки античных позднеэллинистических амфор из среднеднепровских поселений. Этот материал в совокупности с фибулами, найденными в ранних погребениях Среднего Поднепровья, позволил Е. В. Максимову отнести начало зарубинецкой культуры к последней трети III в. до н. э. [1972, с. 115].

Многие другие стороны зарубинецкой проблемы, оставаясь дискуссионными, еще ждут своего решения.

Зарубинецкие памятники охватывают территорию современного Полесья и Украинской Лесостепи, от бассейна Припяти, Сожа и Десны на севере до Трубежа и Южного Буга на юге. По размерам эту территорию можно сравнить с площадью современной Франции или ФРГ, однако ее заселенность в зарубинецкое время была незначительной. Небольшие поселки размещались вдоль речных берегов, а обширные глубинные районы оставались безлюдными.

В. В. Петров первым обратил внимание на своеобразие керамики, жилищ и погребального обряда в двух различных районах зарубинецкой территории — Днепровском и Припятском [1961]. Ю. В. Кухаренко и П. Н. Третьяков, руководствуясь аналогичными соображениями, разделили зарубинецкую культуру на три локальные группы: припятско-полесскую, верхнеднепровскую и среднеднепровскую [Кухаренко, 1964, с. 10; Третьяков, 1969, с. 10—13].

В настоящее время имеющиеся в распоряжении науки материалы позволяют разделить обширную территорию зарубинецкой культуры на пять локальных регионов. Первым из них является Среднее Поднепровье, где поселения и могильники расположены на берегах Днепра от устья Десны до Тясмина. На Среднем Поднепровье раскапывались такие известные зарубинецкие памятники, как Пилипенкова Гора, Оболонь, Бабина Гора, Пирогов, Корчеватое, Дедов Шпиль, Субботов и другие, являющиеся эталонными для зарубинецкой культуры [Максимов, 1972].

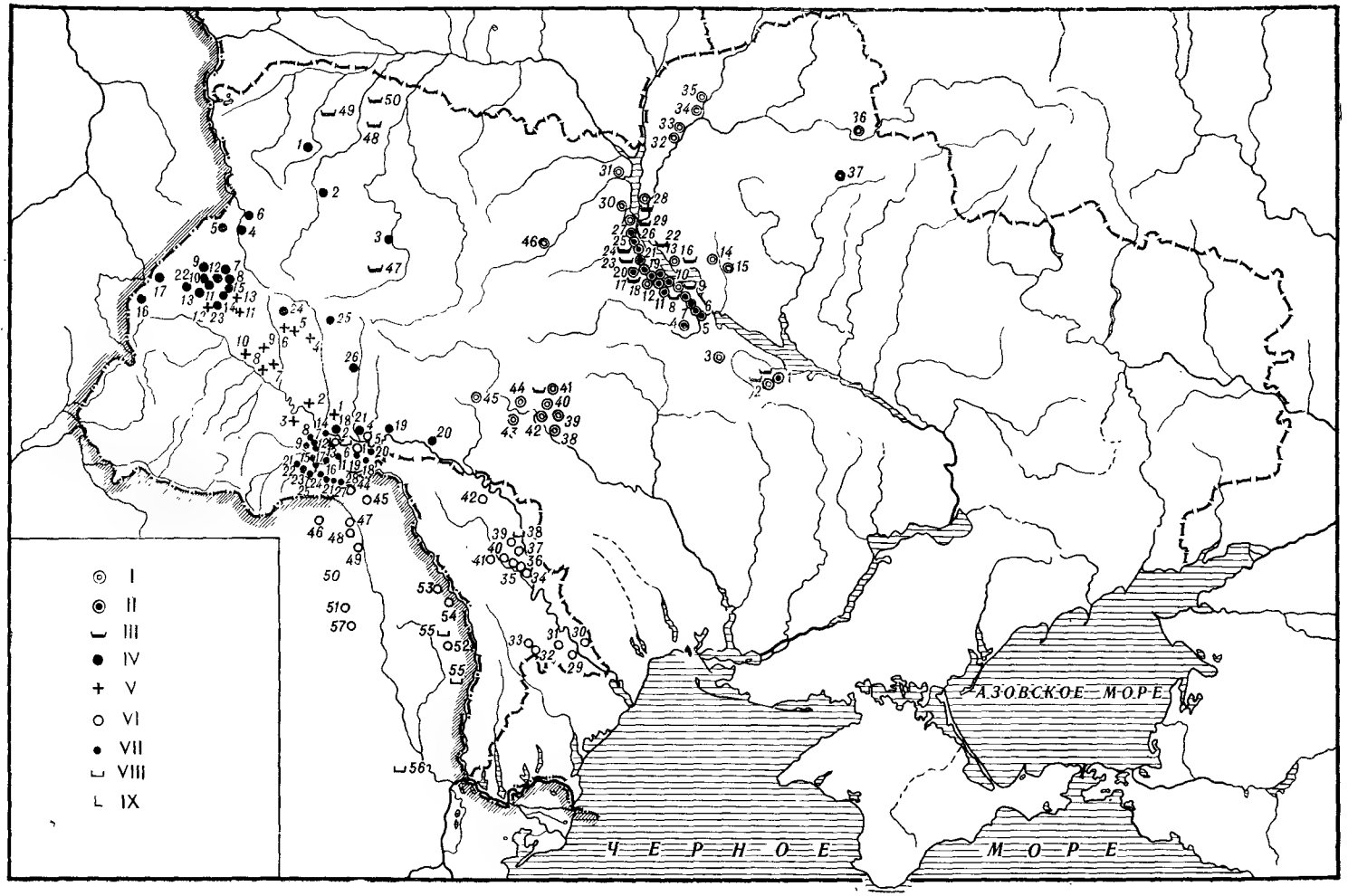
Второй локальный регион составляет Припятское Полесье, где памятники занимают правый берег среднего течения Припяти и низовья ее притоков Горыни и Стыри. Здесь исследовано несколько больших могильников — Велемичи I и II, Отвержичи, Воронино [Кухаренко, 1961, 1964; Каспарова, 1969, 1972].

Третий регион — район Верхнего Днепра. Он занимает Юго-Восточную Белоруссию по течению Днепра от Березины до устья Припяти, а также берега р. Сож. Здесь наиболее исследованным памятником является приднепровское городище и могильник у с. Чаплин Гомельской области [Кухаренко, 1959; Третьяков, 1959; Поболь 1971, 1973]. Аналогичные материалы были получены при работах на городищах Милоград, Горошков и др.

Четвертый регион находится в Верхнем Подесенье, где наиболее известным памятником является поселение у г. Почеп Брянской области [Заверняев, 1969]. Интерес представляет также селище Синьково, в материалах которого отчетливо прослеживаются влияния местных культур.

Пятый регион расположен на среднем течении Южного Буга. Здесь хорошо исследованы поселения Марьяновка и Носовцы, поселение и могильник Рахны [Хавлюк, 1971, 1975].

Зарубинецкие поселения были мысовыми и пойменными. Первые располагались на высоких речных или овражных мысах, вторые — на всхолмлениях речной поймы или на краю над-


I
II
III
IV
V
VI
VII
VIII
IX
АЗОВСКОЕ МОРЕ
ЧЕРНОЕ МОРЕ

пойменной террасы. Мысовые поселения известны на Поднепровье и Побужье (Пилипенкова Гора, Чаплин, Марьяновка), пойменные характерны для бассейна Припяти и Десны. В позднее время существования зарубинецкой культуры пойменные поселения появляются и в Поднепровье (Таценки, Оболонь).

Размеры поселений невелики, до 2 га, их площадь зависела от рельефа местности и времени существования памятника.

Поднепровские мысовые поселения имели оборонительные сооружения — земляные рвы и валы с частоколом, которые окружали, иногда несколькими рядами, вершину холма (Пилипенкова Гора, Бабина Гора, Ходосовка). На Среднем Поднепровье таких укрепленных поселений насчитывается около 30. Внутри укреплений находились жилые и хозяйственные постройки.

Поселения размещались небольшими группами («гнездами») по 10—15 поселений. Каждая такая группа поселений принадлежала отдельному племени. На Среднем Поднепровье выделяются три гнезда: каневское, ржищевское и киевское.

Жилища представляли собой небольшие сооружения размерами 3—4×4—5 м квадратной или прямоугольной формы. На Среднем Поднепровье земляной пол жилища устраивался в верхней части материка, на глубине 0,3 до 0,8 м от современной поверхности. Очаг размещался возле одной из стен или в центральной части жилища и представлял собой участок пола диаметром до 0,8 м, огражденный невысокой каменной или глиняной стенкой. Рядом находилась небольшая очажная яма. В теплое время года огонь разводили на каменной

Карта 1. Карта археологических культур рубежа — первой четверти I тыс. н.э.:

I — поселения зарубинецкой культуры;
II — городища зарубинецкой культуры;
III — могильники зарубинецкой культуры;
IV — памятники пшеворской культуры;
V — памятники липицкой культуры;
VI — раскопанные памятники культуры Поенешти-Лукашевка;
VII — разведанные поселения культуры Поенешти-Лукашевка;
VIII — могильники культуры Поенешти-Лукашевка;
IX — единичные погребения культуры Поенешти-Лукашевка.
Зарубинецкая культура:
1 — Суботов;
2 — Завадовка (Жаботин);
3 — Орловец;
4 — Сахновка;
5 — Пилипенкова Гора;
6 — Московка;
7 — Селище;
8 — Бабина Гора; Дедов Шпиль;
9 — Зарубинцы, Малая Горка;
10 — Монастырек;
11 — Ходоров;
12 — Шучинка;
13 — Витачев;
14 — Пасечная;
15 — Селище;
16 — Койлов;
17 — Девич-Гора (Триполье);
18 — Таценки;
19 — Новые Безрадичи;
20 — Великие Дмитровичи;
21 — Ходосовка;
22 — Вишенки;
23 — Пирогов;
24 — Корчеватое;
25 — Киев (Замковая Гора);
26 — Киев (Юрковица);
27 — Киев (Оболонь);
28 — Хотяновка;
29 — Казаровичи;
30 — Лютеж;
31 — Грини;
32 — Табаевка;
33 — Шестовицы;
34 — Киселевка;
35 — Змеевка;
36 — Харьевка;
37 — Басовка;
38 — Гнатовка;
39 — Марьяновка;
40 — Носовцы;
41 — Рахны;
42 — Сокольцы;
43 — Бортники;
44 — Волчек;
45 — Винницкие Хутора;
46 — Тетеревка;
47 — Могиляны;
48 — Отвержичи;
49 — Черск;
50 — Велемичи.
Культура Поенешти-Лукашевка:
1 — Круглик;
2 — Перебыковцы;
3 — Кодын;
4 — Гринчук;
5 — Сокол;
6 — Долиняны;
7 — Криводин;
8 — Кицмань;
9 — Валява;
10 — Малинцы;
11 — Клишковцы;
12 — Ставчаны;
13 — Жировка;
14 — Вороничаны;
15 — Топоровцы;
16 — Новоселка;
17 — Горшпие Шеровцы;
18 — Зеленая;
19 — Грушевцы;
20 — Грубна;
21 — Корытное;
22 — Драчинцы;
23 — Волока;
24 — Михальча;
25 — Черновцы;
26 — Острица;
27 — Кулешовка;
28 — Ретковцы;
29 — Пуркары;
30 — Градинцы;
31 — Калфа;
32 — Вассиены;
33 — Ульма;
34 — Требужены;
35 — Бранешты;
36 — Иванча;
37 — Лукашевка II;
38 — Лукашевка I;
39 — Лукашевка IV;
40 — Машкауцы;
41 — Суручены;
42 — Алчедар;
43 — Бухинешти;
44 — Икимены;
45 — Кукорэни;
46 — Боташана;
47 — Глэвенешти;
48 — Спиноза;
49 — Яссы;
50 — Лунка-Чурей;
51 — Тирпешти;
52 — Боросешти;
53 — Рэдукэни;
54 — Арсура;
55 — Поенешти;
56 — Сипотены;
57 — Гелэшти.
Пшеворская культура:
1 — Подрожье;
2 — Боратин;
3 — Хоров;
4 — Свитязев;
5 — Белз;
6 — Бендюга;
7 — Подберезцы;
8 — Чишки;
9 — Сокольники I;
10 — Сокольники II;
11 — Зубра;
12 — Пасеки-Зубрицкие;
13 — Комарно;
14 — Давыдов;
15 — Черепин;
16 — Ножанковичи;
17 — Поповичи;
18 — Горошева;
19 — Оселевка;
20 — Бернашевка;
21 — Великая Слобода;
22 — Березец;
23 — Гринев;
24 — Перепельники;
25 — Лучка;
26 — Монастыриха.
Липицкая культура:
1 — Голиграды;
2 — Зеленый Гай;
3 — Незвиско;
4 — Верхняя Липица;
5 — Ремезовцы;
6 — Лагодов;
7 — Бовшев;
8 — Колоколин;
9 — Болотня;
10 — Залески;
11 — Чижиков;
12 — Гринев;
13 — Звенигород.

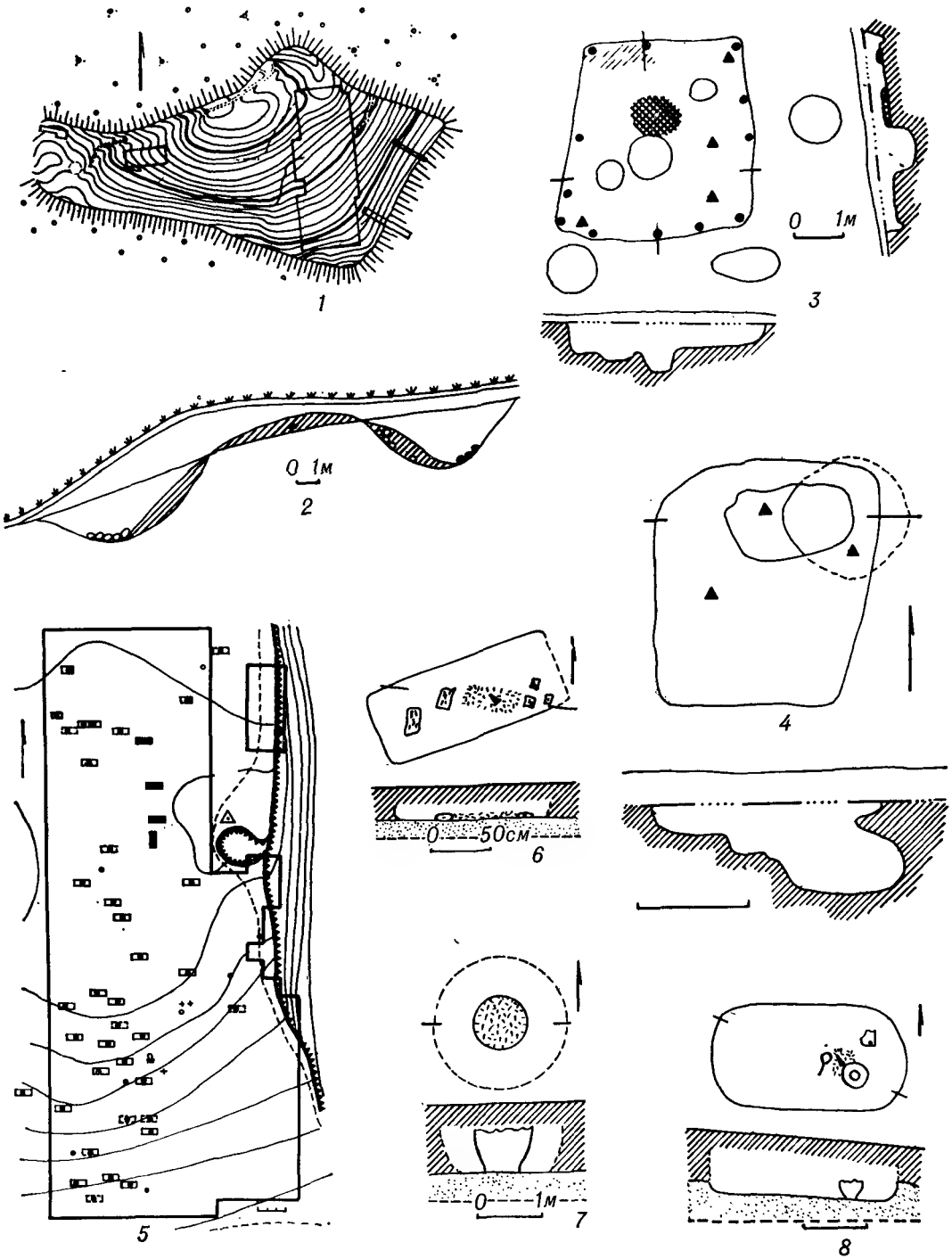


Рис. 1.

Зарубинецкая культура. Поселения и могильники:

1 — городище Пилипенкова Гора;
2 — Бабина Гора, разрез укреплений;
3 — Пилипенкова Гора, жилище № 22;
4 — Пилипенкова Гора, хозяйственное сооружение;
5 — Пироговский могильник, план раскопок 1966 г.;
6, 7 — Пироговский могильник, погребения № 8 и 22;
8 — могильник Дидов Шпиль, погребение № 1.

вымостке возле жилища. Стены были каркасно-плетневой конструкции, их основу составляли столбы диаметром 10—15 см, вбитые в грунт на небольшом расстоянии друг от друга. Между ними крепился плетень, который обмазывали и белили. Подобное устройство жилищ отмечено на южнобугских и деснянских поселениях.

На Верхнем Поднепровье строили наземные жилища [Третьяков, 1959, с. 124—126]. Их основой являлись толстые столбы, вкопанные по углам и вдоль стен. Последние сооружались из бревен, которые по концам затесывались и впускались в вертикальные пазы столбов-стояков. Глиняная обмазка отсутствовала.

На Припяти известны остатки полуземлянок, углубленных в грунт до 1 м. Ямы от столбов не найдены, вероятно, стены были бревенчатыми.

На Верхнем Подесенье, кроме каркасных днепровских жилищ и длинных жилищ юхновского типа, известны (в позднезарубинецкое время) полуземлянки с бревенчатыми стенами и центральным столбом.

Крыши зарубинецких жилищ были двухскатными [Третьяков, 1959, с. 128]. Для кровли использовали жерди, солому или камыш, а также глину.

Размеры жилищ и наличие очага свидетельствуют о том, что они предназначались для проживания небольшой семьи, которая вела самостоятельное хозяйство.

На зарубинецких поселениях открыты погреба и многочисленные хозяйственные ямы диаметром до 1,2 и глубиной до 1 м цилиндрической или колоколовидной формы. Размещались ямы-погреба возле жилищ, реже — внутри них.

В заполнении жилищ и ям встречены кости животных и рыб, обломки чернолощеной, кухонной и античной керамики, орудия труда, украшения.

Могильники зарубинецкой культуры не имеют внешних сооружений. Однако при раскопках иногда фиксировались ямы от столбов, указывающие что в древности над могилами существовали опознавательные знаки. Могильники находились недалеко от поселений, за ближайшим оврагом или лощиной, например Чаплинский могильник на Верхнем Днепре или Дедов Шпиль близ Канева. Но иногда могильники расположены на значительном расстоянии — до 1 км — от поселения (Пирогов). Видимо, под могильник обязательно выбиралась местность, похожая на территорию поселения.

По особенностям обряда известно пять типов погребений: 1) ямные трупосожжения — с захоронением на дне ямы чистых костей и вещей, не побывавших в огне; 2) урновые трупосожжения — с захоронением остатков кремации в сосуде-урне, поставленном на дно ямы; 3) смешанные трупосожжения, в которых кости и инвентарь помещались в урне и на дне могилы; 4) трупоположения; 5) кенотафы (могилы без остатков кремации, но с инвентарем).

В количественном отношении преоб-

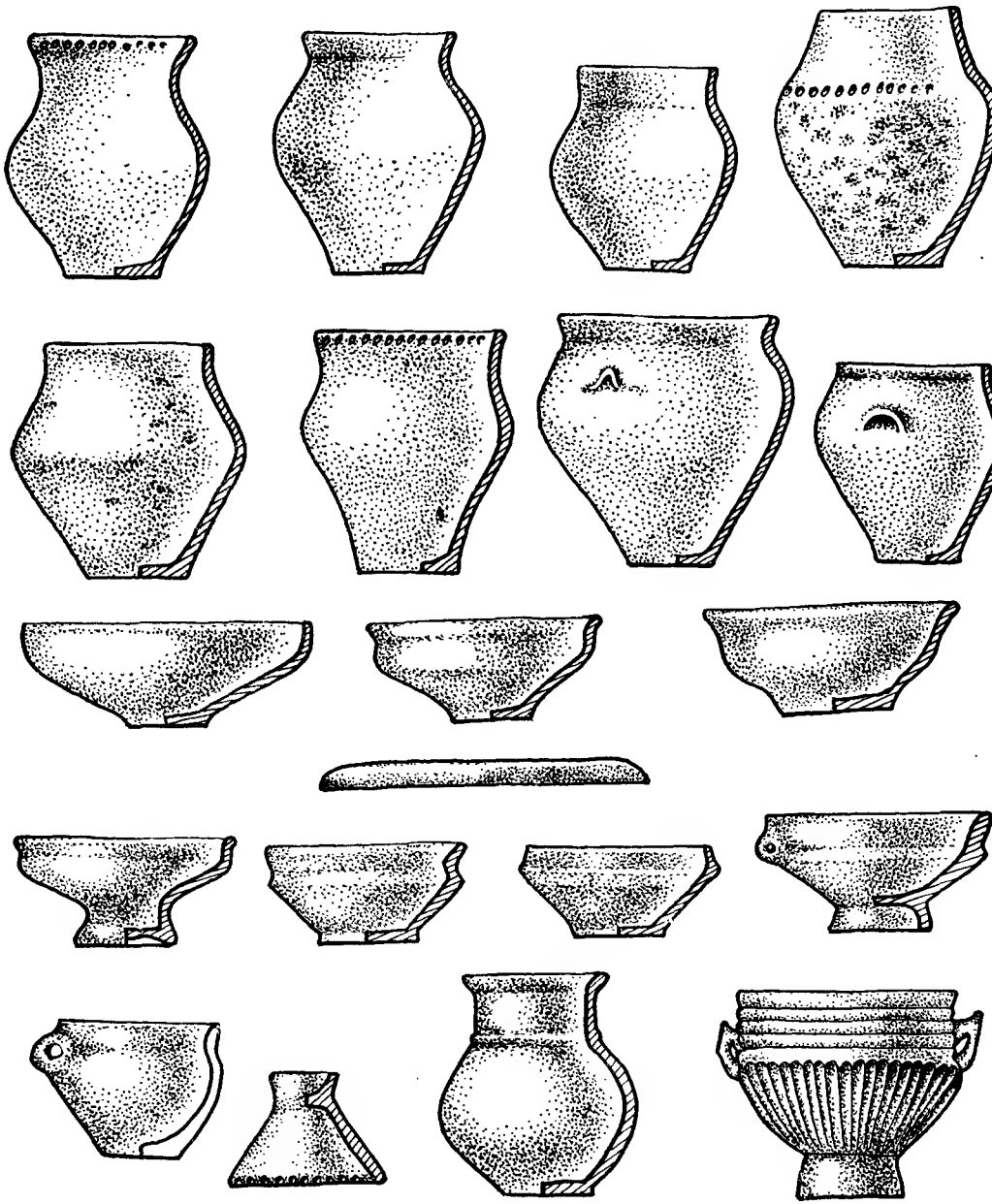
Таблица 1. Соотношение различных типов погребений

Регионы зарубинецкой культуры	Общее количество погребений	Трупосожжения			Трупоположения	Кенотафы	Тип не установлен
		ямные	урновые	смешанные			
Среднее Поднепровье	455	335	36	13	22	16	33
Припятское Полесье	478	360	38	1	4	45	30
Верхнее Поднепровье (Чаплин)	288	278	—	—	—	8	2

ладают трупосожжения — более 90%. В Верхнем Поднепровье встречены только ямные трупосожжения; в Припятском Полесье и на Среднем Поднепровье известны и урновые трупосожжения, причем их намного меньше, чем ямных.

Как видим, главным ритуальным обрядом было трупосожжение. Кремация производилась на стороне, вне пределов могильной ямы, на окраине могильника.

Погребения совершались в неглубоких ямах, дно которых находилось в верхней части материка. Поскольку



глубина его залегания различна, то и погребения фиксируются от 0,2 до 1,2 м от современной поверхности. Расстояние между могилами нестабильное. Большинство ям оказались

Рис. 2. Зарубинецкая культура. Формы керамики Среднего Поднепровья с шероховатой и чернолощеной поверхностью.

удлиненными, прямоугольной или овальной формы, длина ям 1,2—1,6 м, иногда до 2, ширина 0,6—1,0 м. На дне таких ям встречаются одно или несколько небольших углублений для пережженных костей умершего. Известны также круглые или квадратные ямы, размером 0,5—1,0 м, в которых находились урны.

Ориентировка удлиненных могил зависела от направления реки, причем на Среднем Поднепровье могилы перпендикулярны берегу, а на Верхнем Поднепровье и Припяти — параллельны.

Количество пережженных костей обычно невелико. Как правило, кости чистые, без золы и угля погребального костра. В ямных погребениях кости черепа нередко помещались сверху.

В ямных погребениях вещи и кости в большинстве случаев находились в противоположных частях могилы — на Среднем Поднепровье инвентарю отводилась западная часть ямы, а костям — восточная, ближайшая к реке.

Погребальный инвентарь однообразен и небогат. В могилы клали главным образом бытовую чернолощеную посуду — горшки, миски и кружки. На Среднем Днепре и в Полесье до 30 % всех погребений имели набор из трех сосудов. Значительно реже встречаются предметы личного убора и украшения. На Среднем Поднепровье в половине погребений найдены кости домашних животных, представляющие собой остатки ритуальной пищи.

Ямные погребения равномерно размещались по всей площади могильников. Это обстоятельство свидетельствует о распространении ямного обряда в течение всего времени существования некрополей.

Урновые погребения состоят из сосудов с пережженными костями и сопровождающего погребального инвентаря. Урнами служили бытовые сосуды, преимущественно горшки и корчаги. Урны на Среднем Поднепровье ничем не закрывались, что является отличительной чертой погребального обряда этого региона. Пережженные кости урновых погребений, как и кости ямных захоронений очищались от остатков погребального костра; отсутствуют различия между ними и в количественном отношении. Инвентаря в урновых могилах Среднего Поднепровья значительно меньше, чем в ямных.

Трупоположения встречаются крайне редко. На Пироговском могильнике они представлены тремя погребениями (из 154 исследованных); в Корчеватовском (103 погребения) их открыто семь (еще шесть погребений с одними черепами); на могильнике Дедов Шпиль (44 погребения) пять представляли собой захоронения детских черепов, которые, по-видимому, следует считать остатками полных трупоположений. Кроме Среднего Поднепровья четыре захоронения черепов известны в Велемичах на Припяти.

Кенотафы не имеют останков погребенного. По устройству и размерам могильной ямы, составу инвентаря и размещению на площади могильников они ничем не отличаются от обычных зарубинецких трупосожжений. Такие захоронения принято считать могилами мемориального характера.

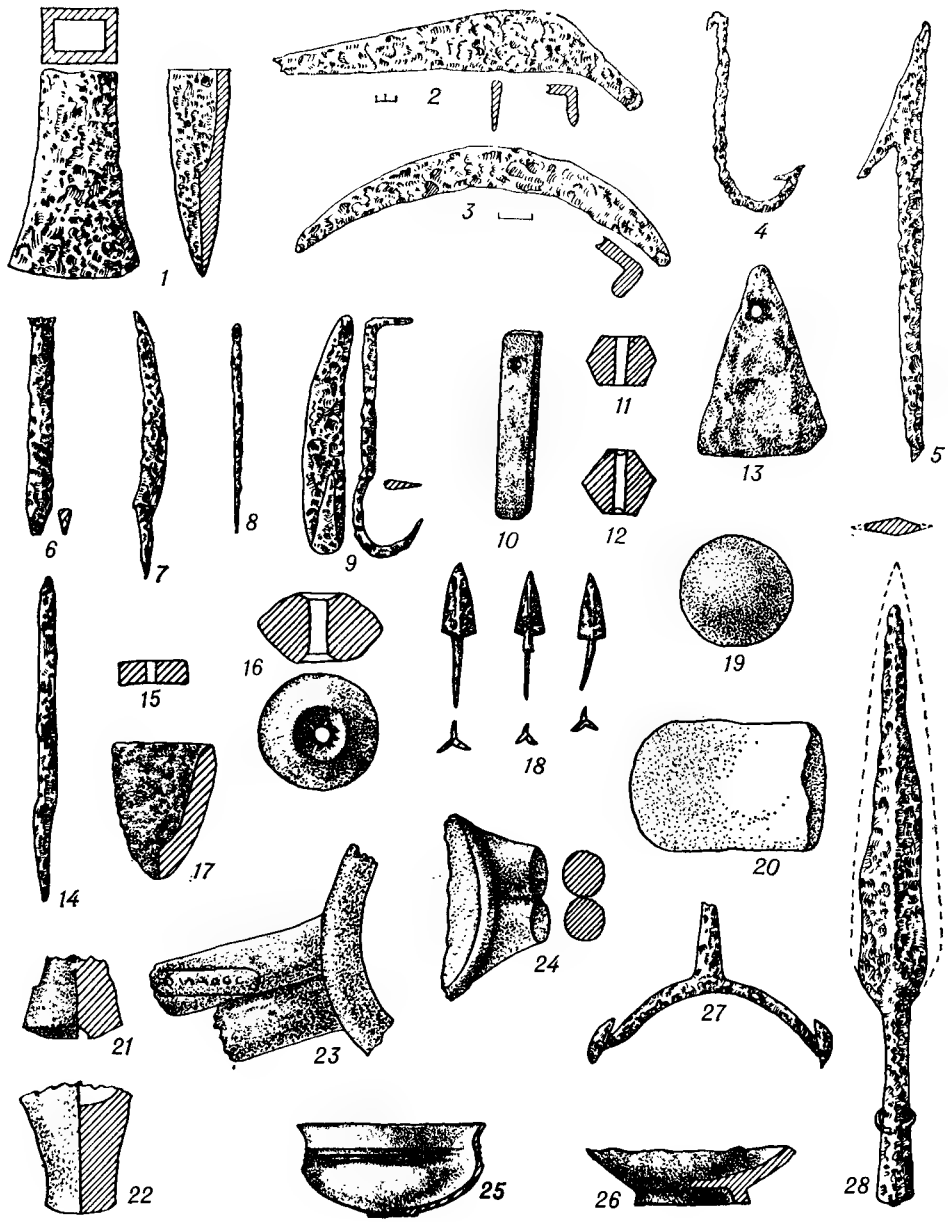
Керамика является наиболее многочисленной группой находок на памятниках зарубинецкой культуры. Более 95% ее составляют лепные сосуды местного изготовления. Они вылеплены из глины с примесями шамота, реже — мелкотолченого камня. Обжигали посуду на костре. По особенностям обработки внешней поверхности местная керамика подразделяется на лощеную и нелощеную (шероховатую). Иногда встречаются сосуды со складча-

той, так называемой храповатой поверхностью. Цвет поверхности лощеных сосудов черный или коричневый, а нелощеных — серый или светло-коричневый.

Нелощеная посуда предназначалась для приготовления пищи или хранения продуктов и воды, лощеная — являлась столовой и применялась в ритуальных целях.

Местная посуда представлена горшками и корчагами, крышками к ним, лепешечницами, мисками, кувшинами, кружками, вазами, стопками.

Орнаментирована посуда небогато.



Это круглые или овальные ямки, косые насечки по краю венчика кухонных горшков, крышек и корчаг, невысокий, расчлененный ямками валик, проходящий по плечу корчаг; у лощеных горшков и мисок — круговой уступ возле основания шейки, рельефные подковообразные псевдоушки, ногтевые вдавления по поверхности корпуса.

Рис. 3. Зарубинецкая культура. Орудия труда, оружие, предметы импорта из Среднего Поднепровья.
1 — топор-кельт; 2 — коса; 3 — серп; 4 — рыболовный крючок; 5 — наконечник остроги; 6 — зубило; 7, 14 — ножи; 8 — игла; 9 — лошкарь; 10 — оселок; 11, 12, 15, 16 — пряслица; 13 — грузило от ткацкого станка; 18 — железные наконечники от сарматских стрел; 19 — каменный шар от пращи; 20 — зернотерка; 21—26 — фрагменты греческих амфор и столовой посуды; 27 — шпора; 28 — наконечник копья.

При топологической характеристике зарубинецкой посуды следует учитывать лепную технику изготовления. При ручной формировке сосуду придавалась традиционная форма, детали же могли получаться каждый раз другими. Поэтому даже в одном погребении или жилище не бывает совершенно одинаковых сосудов, вследствие чего существующие в литературе типологические определения зарубинецкой керамики очень разнообразны.

В основу предлагаемой типологии положено выделение главных черт каждого из видов сосудов. Горшки имеют профилированный корпус и четкое плечо, позволяющее выделять типы. По форме и высоте плеча горшки разделены на три типа: округлобокие со средним плечом; ребристые со средним плечом; округлобокие с высоким плечом. Каждый из типов по особенностям венчиков делится еще на несколько (до пяти) вариантов [Максимов, 1982].

Для корчаг характерна большая вместимость. На Среднем Поднепровье и в Полесье они повторяют форму горшков первого и третьего типов. Корчаги орнаментированы ямками или насечками по краю венчика; встречаются и рельефные валики у основания шейки (Среднее Поднепровье), складчатый («храповатый») корпус с лощеной шейкой и придонной частью (Припятское Полесье, Среднее Поднепровье).

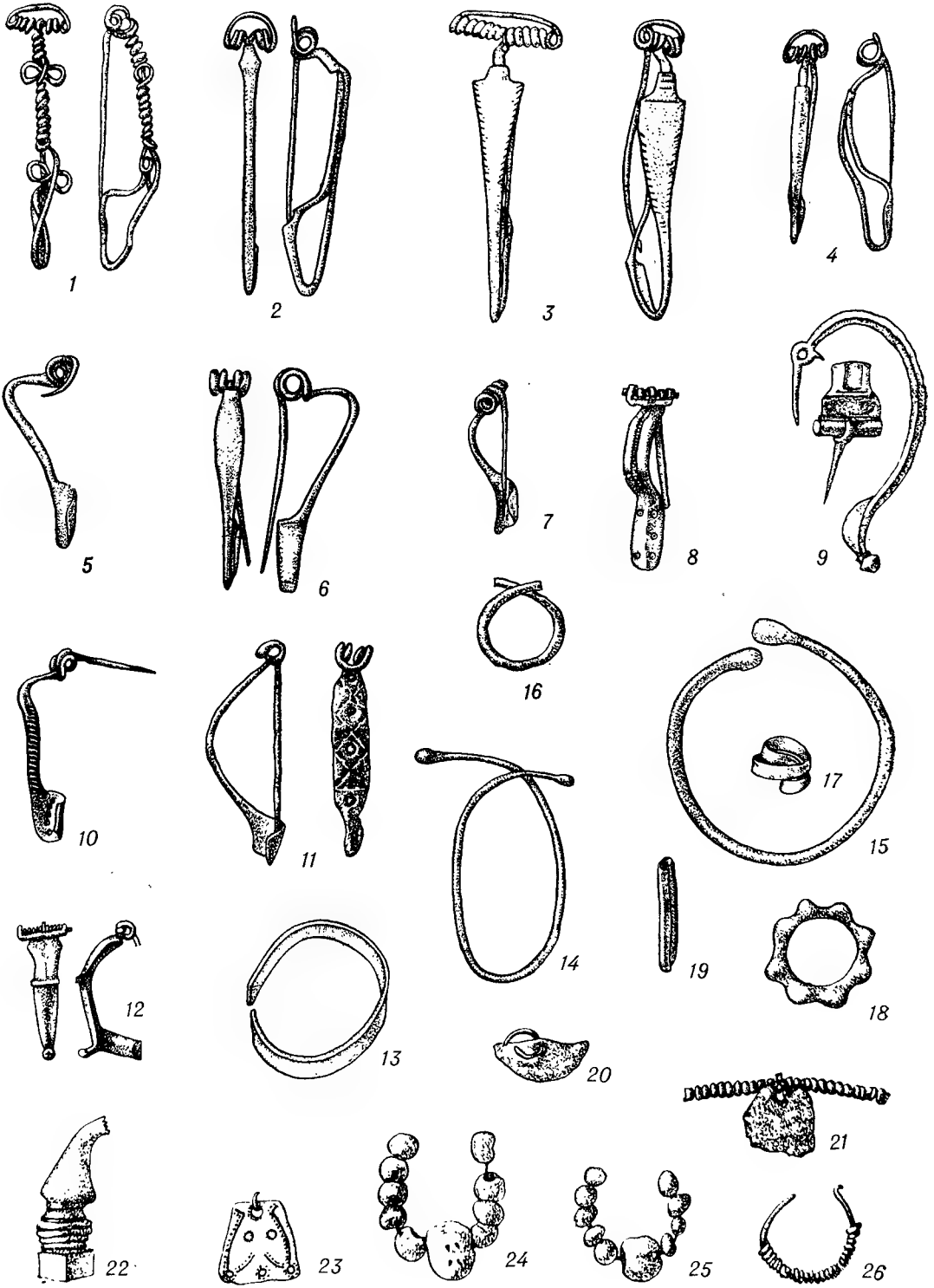
Миски по количеству находок занимают второе место после горшков. По особенности профилировки корпуса они делятся на три типа: полусферические, округлоплечие, остроплечие. Форма венчика и дна позволяет внутри каждого типа выделить два-четыре варианта [Максимов, 1982].

Крышки для кухонных горшков известны на поселениях Среднего и Верхнего Поднепровья. Они изготовлялись из такой же грубой керамической массы, что и горшки и корчаги, имеют шероховатую поверхность коричневого или серого цвета. Форма корпуса коническая. Диаметры венчиков соответствуют диаметрам венчиков кухонных горшков. Корпус оканчивался ручкой-отростком цилиндрической формы. Край корпуса иногда орнаментировался ямками.

Лепешечницы имели вид круглых дисков диаметром до 30 см при толщине около 1 см. Одна сторона диска делалась лощеной и украшалась ногтевым орнаментом, другая оставалась шероховатой.

Большая часть кружек имеет высоту 10—13 см. Форма кружек повторяет форму горшков со средним и высоким плечом, а также мисок второго и третьего типов. Непременной принадлежностью кружек является петельчатая ручка, соединяющая венчик с плечом. Наружная поверхность сосудов лощеная или выглаженная, цвет черный или коричневый. В погребениях иногда встречаются кружки с шероховатой поверхностью, изготовленные из грубого керамического теста. Эти кружки делались наспех, специально для погребений.

Кувшины представляют собой горшковидные сосуды с суженным цилиндровидным горлом различной высоты.


1
2
3
4
5
6
7
8
9
16
10
11
17
15
14
19
18
12
13
20
21
22
23
24
25
26

В Припятском Полесье встречаются кувшины с ручками.

Вазы известны в Среднем Поднепровье. Это высокие и вместительные тщательно изготовленные сосуды с лощеной поверхностью, имеющие несколько ручек и кольцевое дно. Наиболее известной является ваза из Субботова, корпус которой украшен 36-ю вертикальными канавками-каннелюрами.

Стопки — конусовидные сосудики высотой 6—7 см с лощеной, выглаженной или шероховатой поверхностью. Они обнаружены в погребениях бассейна Припяти и на поселениях Верхнего и Среднего Поднепровья.

Местная керамика каждого региона имеет свои характерные отличия, особенно заметные при сравнении однотипных горшков, мисок, кружек и кувшинов.

Орудия труда представлены прежде всего железными ножами (на Пилипенковой Горе найдено 29 ножей, в Лютеже — 8, Почепе — 20, Чаплине — 57 и т. д.). Ножи небольшие, длина лезвия 10—15, ширина 1,5—2,5 см. Известны два типа ножей — с горбатой и прямой спинками. Первые по времени более ранние. На черенки ножей набивались рукоятки (деревянные или костяные).

Серпы (Субботов, Марьяновка, Бабина Гора, Зарубинцы, Лютеж, Чаплин) малоизогнуты, длина лезвия 12—18 см, ширина до 3,5 см. Лезвие оканчивалось небольшим шипом-отростком, на котором крепилась деревянная рукоять. Для уборки злаков и покоса трав применялись короткие косы латенского типа (Бабина Гора), крепившиеся к деревянной рукояти при помощи кольца (Монастырек, Зарубинцы). Обрабатывали дерево топорами латенского типа с вертикальной втулкой (Таценки, Бортничи, Чаплин). Известны небольшие долота и зубила (Лютеж, Почеп), а также другие орудия труда и предметы быта: крупные массивные рыболовные крючки (Субботов, Ходосовка, Ходоров, Чаплин), одношипные остроги (Пилипенкова Гора, Оболонь, Чаплин), железные иглы с ушками (Субботов, Почеп) изогнутые бритвы с петлевидной ручкой (Койлов, Таценки), на многих поселениях найдены железные шилья.

Оружие представлено небольшими железными наконечниками копий листовидной, ромбической и стреловидной формы (Корчеватое, Басовка, Харьевка, Велимичи, Чаплин, Горошков). На городищах Среднего Поднепровья (Ходосовка, Юрковица, Селище, Бабина Гора, Пилипенкова Гора) встречены каменные и глиняные шары диаметром 3—4 см, являвшиеся снарядами для метательного оружия типа пращи.

На некоторых поселениях обнаружены бронзовые и железные наконечники стрел. Первые (Зарубинцы, Завадовка, Таценки, Юрковица) являются позднескифскими (III в. до н. э.), а вторые (Юрковица, Ходосовка, Монастырек, Бабина Гора) — сарматскими (I в. до н. э.— I в. н. э.).

Из предметов убора и украшений наиболее распространенными были бронзовые и железные фибулы, найденные примерно в каждом третьем погребении. Всего в зарубинецкой области известно около 660 фибул, из них среднеднепровских и припятских — по 250; на Верхнем Днепре найдено около 140, на Верхнем Подесенье — 10 и столько же на Южном Буге. Многие фибулы местного производства. Важное научное значение фибул состоит в том, что они являются надежно датирующими предметами.

По своему устройству и внешнему виду фибулы делятся на несколько типов. Бóльшая часть из них — фибулы латенской конструкции, остальные — провинциально-римские, причерноморские, подвязные, глазчатые и др.

Рис. 4.

Зарубинецкая культура. Предметы личного убора и украшения:

1—12 — бронзовые фибулы;
13—15 — железные и бронзовые браслеты;
16—18 — железные и бронзовые кольца;
19 — бронзовая пронизь;
20, 21, 23 — бронзовые подвески;
22 — фрагмент поясного бронзового крючка;
24, 25 — стеклянные бусы;
26 — бронзовая серьга.

Из 173 фибул, найденных на Среднем Поднепровье, около 140 — фибулы латенского типа, из которых более половины (82) местной зарубинецкой группы. Отличительной чертой зарубинецких фибул является треугольный щиток различной величины, продолжающий ножку. По размерам и форме щитка зарубинецкие фибулы делятся на пять хронологических вариантов. Фибулы позднелатенской конструкции с рамочной или пластинчатой ножкой встречаются на памятниках зарубинецкой культуры с конца I в. до н. э. и рубежа нашей эры.

Немногочисленные импортные среднелатенские, провинциально-римские и причерноморские фибулы поступали на Среднее Поднепровье из Юго-Западной Европы и периферии античного мира. Для северных зарубинецких регионов источником поступления фибул была Центральная и Средняя Европа.

Остальные предметы личного убора и украшения составляют булавки, браслеты, кольца, подвески, серьги, поясные наборы, пряжки и бусы.

Булавки длинные (15—30 см), с кольцевидной, спиралевидной, гвоздевидной, ушковидной головками. Единичными экземплярами представлены двухигольные булавки с волнообразной перемычкой. Все типы зарубинецких булавок были распространены в предшествующую — скифскую — эпоху.

Браслеты бронзовые и железные (Чаплин). Они делятся на: одновитковые с концами различной формы, заходящими друг за друга или прикрепленными к корпусу; спиральные многовитковые с нескрепленными концами различной формы: литые (бронзовые) в виде сплошного обруча, украшенного с внешней стороны многочисленными шишечками. Последние являются импортами.

Кольца по конструкции повторяют браслеты. Диаметр колец 1,5—2 см. Подобно браслетам кольца изготовлялись из проволоки круглой, четырехугольной, многогранной или ложновитой в сечении. Они делятся на: одновитковые с примыкающими или заходящими друг за друга концами; многовитковые; литые, по наружной стороне которых имеются выступы или шишечки. Диаметр последних 4—5 см, возможно, они применялись как височные украшения или подвески.

Довольно распространенными были бронзовые подвески трапециевидной формы, изготовленные из тонких пластинок длиной 2—6 см с небольшой дырочкой для подвешивания. Подвески орнаментировались линиями или фигурами из линий и точек, вдавленными с внутренней стороны. Реже встречаются подвески в форме лунниц (Таценки), а также в виде круглых блях (Горшков, Чаплин, Велемичи I). Бляхи в центре имели отверстие и орнаментированы точками и линиями, выдавленными изнутри.

Серьги встречены на Дедовом Шпиле, Субботовском и Корчеватовском могильниках. Это округлые дужки из бронзовой или серебряной проволоки, иногда обмотанной бронзовой спиралью, концы соединялись простым замком. Подобные серьги известны в Северном Причерноморье [Вязьмитина, 1962, рис. 82, *4*], откуда они, вероятно, и попали к населению зарубинецкой культуры.

Застежки (пряжки) встречены в Верхнем Поднепровье, на Припяти и в Подесенье (Почеп). Они имеют вид круглого кольца обычно из железной проволоки с несоединяющимися уплощенными концами, согнутыми в спиральки. На корпус застежки надет проволочный подвижной язычок.

Известны бронзовые спирали, свернутые из круглой или граненой проволоки. В центре спирали крепились бусина или трапециевидная бронзовая пластинка (Пирогов, Велемичи II). Такие украшения носились на шее в виде гривны [Каспарова, 1972, рис. 20, *1, 16*].

Известны бронзовые, стеклянные и пастовые бусины. Бронзовые бусины, так называемые пронизи, входили на-

ряду с привозными стеклянными бусинами в состав ожерелий. Пронизи сделаны из тонких пластинок, свернутых в трубочки различной (до 4 см) длины.

Стеклянные бусины были мелкими, синего, зеленого, желтого цвета или позолоченные, по форме круглые (единичные, сдвоенные и строенные), цилиндрические и дисковидные.

Пастовые бусины более крупные. Они круглые, синие или желтые с цветными «глазками» или различными цветными пятнами, полосками. Стеклянные и бисерные бусы относятся в основном к I в. н. э., тогда как пастовые глазчатые — к III—II вв. до н. э. [Алексеева, 1975, с. 60—71].

Поясной набор представлен крючками, основами пояса, пряжками и скрепами. Бронзовый крючок из Субботова обычен для поясов латенского типа начала I в. н. э. Поясные скрепы из Чаплина имеют вид овальных железных пластинок с загнутыми друг к другу концами [Поболь, 1971, рис. 68, *27*]; поясная основа из Велимичи I [Кухаренко, 1964, табл. 17, *21*] состоит из бронзового граненого кольца, на которое надеты два железных пластинчатых зажима; удлиненные железные пряжки из Жаботина [Максимов, 1972, табл. XXV, *13*] и Почепа [Заверняев, 1969, рис. 14, *23*] обычны среди сарматских и среднеевропейских племен. В Отвержичах найден фрагмент пояса с крючком, украшенный бронзовыми пластинками с бляшками [Каспарова, 1969, с. 156]. Аналогии такому поясу широко известны, и в Лукашевском могильнике, и в памятниках ясторфской культуры на Эльбе, и в кельто-иллирийских древностях II—I вв. до н. э. Пояс из Отвержичей датируется фибулами I в. до н. э.

Предметы импорта поступали к зарубинецкому населению в результате обмена. Наиболее значительной была торговля между Средним Поднепровьем и областью античного Северного Причерноморья, в первую очередь — Ольвии. С запада поступали редкие изделия из бронзы и железа латенских образцов, еще меньше обнаружено предметов сарматского типа.

Поскольку торговля с античным Югом была обменной, на зарубинецкой территории встречено лишь несколько случайных находок античных монет. Отметим бронзовую монету (халк) чеканки 105—90 гг. до н. э. из хозяйственного сооружения на Пилипенковой Горе.

Из привозных изделий наиболее многочисленными являются греческие амфоры, фрагменты которых найдены на поселениях Среднего Поднепровья, где они составляют до 10% находок керамики. В амфорах на территории Среднего Поднепровья привозилось с берегов Черного моря греческое вино. В других районах зарубинецкой культуры амфорная керамика известна в единичных находках (городище Чаплин).

Кроме амфор встречены фрагменты античной столовой посуды, а также предметы из стекла и бронзы.

Стеклянные изделия — упоминавшиеся выше бусы различных расцветок и форм. Находки бус известны на поселениях и в погребениях. Только около 1200 найдено на Чаплинском городище [Поболь, 1971, с. 138], куда они поступали из Ольвии. Кроме бус в Субботове и Почепе найдены фигурные подвески из голубой стекловидной египетской пасты. Такие изделия были распространены в Северном Причерноморье в I—III вв. н. э. [Алексеева, 1975, рис. 4].

Импортные вещи западного изготовления представлены единичными находками латенской керамики и бронзовыми изделиями.

Обломок кельтского сосуда, покрытого графитом, найден на могильнике Велемичи I. На могильнике Субботов обнаружен бронзовый сосуд I в. до н. э.—I в. н. э. и поясной крючок I в. н. э. [Максимов, 1972, табл. XXV]. На Среднем Поднепровье встречены бронзовые украшения латенского типа [Кухаренко, 1959, с. 31].

С юго-запада и юга поступали так-

же бронзовые фибулы среднелатенской конструкции и раннеримских типов.

Добыча железа производилась из болотных (озерных) руд. Плавка осуществлялась в глинобитных сыродутных горнах; топливом служил древесный уголь. В результате многочасовой плавки получали небольшой слиток железа — крицу, которую затем проковывали для удаления шлака.

Железо выплавляли на каждом поселении, что подтверждается встреченными здесь злаками. Существовали, однако, и более крупные мастерские, например, Лютеж, где добывалась и обогащалась железная руда, выжигался древесный уголь и в горнах выплавлялся металл [Бидзиля, Пачкова, 1969].

В кузнечном ремесле использовалось низкосортное кричное железо, однако в южных районах Среднего Поднепровья уже знали сталь, которую получали при помощи цементации. Некоторые изделия из стали подвергались закалке.

Ювелирные изделия изготовляли из привозной бронзы. Сначала путем переплавки пришедших в негодность бронзовых вещей получали слитки, затем, применяя проковку, протяжку и чеканку, изготовляли фибулы, булавки, браслеты, кольца и пр.

Бронзу плавили в тиглях в домашнем очаге. Тигли представляли собой небольшие толстостенные круглодонные глиняные сосуды. На поселении Пилипенкова Гора в жилищах или рядом с ними обнаружено более 40 тиглей.

Керамическим ремеслом занимались женщины. Глину вымешивали, добавляя шамот, песок и растительную примесь. Симметричность корпуса и четкость формировки венчиков чернолощеной посуды свидетельствуют о том, что при работе пользовались гончарным кругом ручного типа [Пачкова, 1974, с. 120; Бобринский, 1978, с. 27]. После формовки поверхность выглаживалась и полировалась. Обжигали высушенные сосуды на костре. Для получения чернолощеной посуды применяли способ обвара — раскаленный сосуд помещали в теплый мучной раствор [Рыбаков, 1948, с. 172]. Для керамики с шероховатой поверхностью готовили более грубое тесто с примесью крупнозернистого песка или шамота. Изготовление зарубинецкой посуды не вышло за пределы домашнего ремесла.

Существование ткачества подтверждается находками массивных грузил, глиняных пряслиц и металлических фибул. Пирамидальные грузила из высушенной глины имели сквозное отверстие для подвешивания, они были деталью примитивного ткацкого станка вертикального типа. Пряслица являлись частью веретена, а булавки-фибулы свидетельствуют о распространении одежды из тканей. Ткани делали из льна, конопли или шерсти.

Обрабатывали кожу и меха костяными орудиями, ножами, иглами и шильями.

Дерево широко применялось в строительстве и хозяйстве. Из него сооружались дома, изготовлялись рала, ткацкие станки, челны-однодревки, рукояти серпов, кос, ножей, топоров, острог, долот, копий, дротики, а также ложки, гребни и многое другое. Дерево обрабатывали топорами (Таценки, Хлопков, Чаплин), стругами (Марьяновка, Ходосовка), теслами и долотами (Лютеж, Чаплин), сверлами (Пилипенкова Гора, Зарубинцы), ложкарями (Ходосовка), ножами.

Из кости изготовляли разнообразные проколки, рукояти для ножей, из камня — зернотерки, точильные бруски, литейные формочки, пращевые шары.

Торговля с периферией античного мира и соседними племенами носила меновой характер. На юг торговый путь шел по Днепру, где транзитными пунктами служили поселения Малой Скифии. В жилищах этих поселений и их некрополях встречается зарубинецкая чернолощеная керамика. На юг вывозили меха, шкуры, мед, воск.

Земледелие являлось важной стороной хозяйства, что подтверждается находками серпов, кос, зернотерок, отпечатками на керамике зерен культурных растений и сопутствующих им сорняков.

Объективными показателями уровня земледелия могли бы стать орудия для обработки почвы. Однако они не найдены. По-видимому, почва обрабатывалась деревянными ралами, распространенными с эпохи бронзы на этой территории.

Системой землепользования являлся перелог, при котором плодородные почвы восстанавливались через несколько лет естественным образом. Пойменными участками можно было пользоваться ежегодно.

О существовании перелоговой системы земледелия свидетельствует специфический набор растений, куда входили просо, пшеница-двухзернянка, пленчатый ячмень [Пачкова, Якушевич, 1969, с. 3—13]. Рожь, характерная для парового земледелия, не была известна.

При перелоге получали небольшие урожаи. Ограниченные размеры пашни, доступной для обработки деревянными ралами, также указывают на то, что зарубинецкое земледелие носило экстенсивный характер.

Зерно хранили во вместительных толстостенных корчагах, которые встречаются в каждом зарубинецком жилище.

Пищевые особенности злаков, их количественное соотношение, установленное по отпечаткам зерен на керамике, где просо встречалось раз в пять чаще пшеницы и ячменя, частые находки терочников свидетельствуют о том, что зерно прежде всего шло на изготовление крупы и основной хлебной пищей была каша. Для ритуальных целей выпекались лепешки на плоских сковородках-лепешницах.

Из огородных культур по находкам семян известны горох и репа [Пачкова, 1974, с. 21]; большинство хозяйственных ям предназначалось для ее хранения [Третьяков, 1959, с. 132]. Отпечатки семян конопли и льна на керамике [Пачкова, 1974, с. 22] и фольклорный материал Восточной Европы позволяют утверждать, что зарубинцы возделывали эти растения.

О составе стада у племен зарубинецкой культуры можно судить по обломкам костей, встречающимся на поселениях, а также по костям животных (остаткам ритуальной пищи), найденным в погребениях Среднего Поднепровья. Мягкий климат, обширные луга и леса-дубравы создавали благоприятные условия для разведения домашних животных. Животноводство было приселищным, что соответствовало оседлому способу жизни населения и богатой кормовой базе, доступной в течение большей части года, поскольку климат в Восточной Европе в те времена был более теплым.

Изучение найденных костей животных показало, что зарубинецкое стадо состояло из коров, свиней, мелкого рогатого скота и лошадей [Максимов, 1972, с. 173]. Особое место занимала свинья как источник мяса. Ее широкому разведению способствовали быстрота воспроизводства, неприхотливость в пище, выносливость этого животного, а также наличие обширных дубовых лесов на Поднепровье.

Разведение крупного и мелкого рогатого скота обеспечивало население мясом, молоком, шерстью, кожей, а также тягловой силой при обработке полей.

На поселениях найдены кости собаки, выполнявшей сторожевые и охотничьи функции. Охотились на кабана, оленя, лося, зубра, реже — медведя. Важное место занимала добыча пушного зверя, прежде всего бобра и куницы.

Приведенные данные показывают, что животноводство и в определенной степени охота в экономике зарубинецкого общества играли важную роль. Здесь, как и в Центральной Европе, скот все еще оставался главным достоянием [Маркс, Энгельс. Соч., 2-е изд., т. 19, ст. 452]. Сказанное подтверждает-

ся сообщением Полибия, историка II в. до н. э., о том, что из глубин Причерноморья в Грецию поступали, в первую очередь, продукты животноводства и охоты [Всеобщая история, IV, *38*].

Только позднее, с VII—XIII вв., с распространением пашенных орудий с железными наральниками и более совершенной системы землепользования, земледелие становится самой продуктивной отраслью хозяйства, подчинив себе скотоводство и отодвинув на второй план промыслы — охоту, рыбную ловлю и бортничество [Третьяков, 1953, с. 271].

Занятию рыболовством благоприятствовало расположение поселений по берегам рек, богатых рыбой. Во время раскопок повсеместно встречается чешуя крупных рыб — осетра, судака, сома; известны и орудия рыболовства — большие железные крючки и одношипные остроги. Сети, естественно, не сохранились. Существовали лодки, которые имели вид узких и длинных челнов, выдолбленных из толстого ствола (Хатяновка).

Хронология зарубинецкой культуры определяется датирующими вещами импортного происхождения, найденными на поселениях и могильниках. На территории современной Украины такими предметами являются обломки античных амфор, повсеместно встречаемые на поселениях Среднего Поднепровья, а также Южного Побужья.

Хронология могильников устанавливается по импортным фибулам и фибулам местного изготовления. Наиболее ранние редкие расчлененные фибулы среднелатенской конструкции найдены на Среднем Поднепровье и в Припятском Полесье. Самые распространенные местные среднелатенские фибулы с треугольным щитком, так называемые зарубинецкие, известны в Среднем и Верхнем Поднепровье и в Припятском Полесье. Фибулы позднелатенских типов найдены в Припятском Полесье, Среднем и Верхнем Поднепровье, Верхнем Подесенье, а поздние фибулы — глазчатые, причерноморских типов и с подвязными приемниками — происходят из Среднего и Верхнего Поднепровья, Южного Побужья и Верхнего Подесенья.

Датирующие материалы, несомненно, отражают реальную хронологию зарубинецких памятников каждого региона. Они свидетельствуют о том, что зарубинецкие поселения Среднего Поднепровья типа Пилипенковой Горы существовали уже в 30—20-е годы III в.

Таблица 2. Встречаемость импортов и хронология регионов зарубинецкой культуры

Регион	Амфоры эллинистические	Амфоры раннеримские	Фибулы расчлененные	Фибулы зарубинецкие	Фибулы раннеримские	Фибулы поздние	Количество признаков	Хронология
Среднее Поднепровье	+	+	+	+	+	+	6	Конец III в. до н. э.— II в. н. э.
Припятское Полесье	—	—	+	+	+	—	3	Рубеж III—II вв. до н. э.— конец I в. н. э.
Верхнее Поднепровье	Мало	—	—	+	+	+	3	Рубеж III—II вв. до н. э.— начало II в. н. э.
Южное Побужье	—	+	—	Мало	—	+	2	Вторая половина I в. до н. э.— II в. н. э.
Верхнее Подесенье	—	—	—	—	+	+	2	Вторая половина I в. до н. э. — II в. н. э.

до н. э. до середины или конца I в. н. э. Некоторые памятники этого региона, сохранившие определенные черты зарубинецкой культуры (Лютеж, Таценки-Довжик, Девич-Гора), продолжали функционировать до середины и конца II в. н. э.

На Припятском Полесье зарубинецкие могильники появляются не позднее рубежа III—II вв. до н. э. или же в первой половине II в. до н. э., так как здесь найдены расчлененные среднелатенские фибулы этого времени. Причем рубеж III—II вв. до н. э. более вероятен, ибо на Среднем Днепре, где найдены аналогичные ранние фибулы, встречены и фрагменты амфор конца III в. до н. э. Поздние комплексы Припятского региона датируются 40—70-и годами I в. н. э., что подтверждают раннеримские фибулы «воинского» типа.

Памятники Верхнего Поднепровья не имеют надежных импортных вещей для определения времени начала местной зарубинецкой культуры. Но принимая во внимание изредка встречающиеся здесь единичные обломки эллинистических амфор и архаический вид местной кухонной керамики, а также единство исторического процесса для всех ранних зарубинецких племен, можно предположить, что здесь зарубинецкая культура возникла в то же время, что и на Среднем Поднепровье и Припятском Полесье.

Позднюю дату Верхнеднепровского региона — начало II в. н. э. — определяют фибулы с подвязной ножкой, найденные в погребениях Чаплина [Поболь, 1971, с. 175].

На Верхнем Подесенье зарубинецкая культура появилась вместе с позднелатенскими фибулами «воинского» типа с прогнутым корпусом, датируемыми I в. н. э. Прежняя датировка этих фибул в последнее время удревнена. Они определяются второй половиной I в. до н. э. [Каспарова, 1976]. Поздней датой деснянских памятников является конец II в. н. э. Она установлена на основании позднелатенских фибул со скрученной спинкой и фибул с подвязным приемником, глазчатых фибул, а также импортной керамики [Заверняев, 1969, с. 114].

Время Южнобугского региона определяется фрагментами амфор из светлой и красной глины I в. до н. э.— I в. н. э. (Марьяновка, Носовцы), сероглиняными мисками на кольцевой ножке и подвеской из египетской пасты I в. н. э. (Носовцы), фибулами типа Авцисса и фибулами с высоким приемником и двумя валиками на спинке первой половины I в. н. э. Принимая во внимание особенности исторической обстановки, появление зарубинецких памятников на Южном Буге следует относить ко второй половине I в. до н. э. Что же касается поздней даты этого региона, то ее обосновывают такие материалы могильника Рахны, как глазчатые фибулы первой половины II в. н. э. и одночленные фибулы с плоской орнаментированной спинкой II в. н. э. [Амброз, 1966, с. 35, 43].

Для всей территории зарубинецкой культуры обобщенной ранней датой является конец III в. до н. э. — рубеж III—II вв. до н. э. Именно в этот период зарубинецкие поселения и могильники появляются на Среднем и Верхнем Поднепровье, а также в Припятском Полесье. Здесь они существуют до второй половины I в. н. э.

Вторая половина I в. н. э. может считаться концом зарубинецких памятников классического типа. В более позднее время они или вовсе не известны (Припять), или встречаются в видоизмененной форме вплоть до начала II в. н. э. (Верхнее Поднепровье), или же конца этого столетия (Верхнее Подесенье, Южное Побужье, Среднее Поднепровье).

Периодизация зарубинецких памятников основана на фиксации изменений материальной культуры населения, происходивших в течение достаточно длительных промежутков времени. Эти изменения были вызваны социально-экономическим развитием самого зарубинецкого общества, но немалое значение имели контакты с соседними

племенами, а также военные столкновения.

В многовековом существовании зарубинецкой культуры выделяются три периода: ранний, средний, поздний.

К раннему периоду принадлежат памятники, датируемые с конца III в. до н. э. до конца I в. до н. э. Они встречаются только в Среднем и Верхнем Поднепровье, Припятском Полесье и отсутствуют в Верхнем Подесенье и Южном Побужье. Ранний период был временем расцвета зарубинецкого общества, роста его сельского хозяйства и ремесла, обменной торговли с соседями и мирных отношений с ними. Для населения Среднего Поднепровья особенно важны были торговые контакты с периферией античных центров Северного Причерноморья.

Средний период охватывает время с рубежа нашей эры до второй половины I в. н. э. В этот период происходят серьезные изменения во всех сферах жизни зарубинецкого населения Среднего Поднепровья и Припятского Полесья, вызванные экспансией гетов и сарматов в конце I в. до н. э., а также готов и других племен Повисленья. Верхнеднепровский регион эти события непосредственно не затронули. На Среднем Поднепровье в связи с угрозой с юга повсеместно укрепляются старые поселения (Пилипенкова Гора, Монастырек), сооружаются новые укрепленные поселения (Ходосовка, Бабина Гора). Напряженная обстановка заставляет часть населения переместиться в труднодоступные пойменные места (Таценки, Оболонь) или в глухие районы Верхнего Подесенья и Южного Побужья, что привело к образованию новых регионов зарубинецкой оседлости. Под давлением северо-западных племен Припятское Полесье во второй половине I в. н. э. оставляется зарубинецким населением, а на Волыни и Подолии появляются зарубинецкие памятники (Могиляны) и материалы припятского облика (Ремезовцы, Подборцы).

Изменения в материальной культуре хорошо прослеживаются по чернолощеной керамике, где ведущее место занимают остроребериые формы. Появляются новые — позднелатенские — типы фибул. Значительно уменьшается античный импорт.

Поздний период существования зарубинецкой культуры приходится в основном на II в. н. э. В это время постепенно исчезают характерные зарубинецкие черты, но этот процесс происходит в каждом из регионов по-разному. На Припятском Полесье зарубинецкие могильники уже давно заброшены. На Среднем Поднепровье и в Южном Побужье они существуют до середины или конца II в. н. э. (Грини, Лютеж, Таценки-Довжик, Девич-Гора, Трубеж, Рахны). Со второй половины I — середины II в. н. э. здесь распространяются сарматские могильники. В материальной культуре этих зарубинецких памятников появляются элементы пшеворской культуры и культуры штрихованной керамики (Грини, Вишенки, Таценки).

Исчезают зарубинецкие фибулы с треугольным щитком, их сменяют фибулы европейских типов — глазчатые, причерноморские, паннонские. На Средний Днепр начинают поступать серебряные римские денарии II в. н. э.

Со второй половины II в. н. э. в южной части Среднего Поднепровья уже формируется новое историческое образование — черняховская культура. В этот процесс было втянуто и местное позднезарубинецкое население [Баран, 1981, с. 149, 162].

На Верхнем Поднепровье, в северной части Среднего Поднепровья и Верхнем Подесенье с середины II в. н. э. при сохранении некоторых зарубинецких черт начинают проявляться особенности новой (киевской) культуры, заметные в домостроительстве и керамике.

Происхождение и формирование зарубинецкой культуры было явлением достаточно сложным. В нем принимали участие местное население Поднепровья и Полесья, а также различные среднеевропейские племена, продви-

гавшиеся на юго-восток в бассейн Вислы, Днестра, Прута и Днепра.

В результате смешения местных и пришлых племен на обширной территории Средней и Восточной Европы образовались латенизированные, сходные по обряду кремации, чернолощеной керамике, фибулам латенских типов, но различные по своему содержанию культуры — пшеворская на Висле, поенешти-лукашевская на Днестре и Пруте и зарубинецкая в бассейне Днепра.

При выяснении особенностей зарубинецкой культуры важно определить ее истоки в предшествующих местных культурах Поднепровья и вклад пришлых культур, поскольку каждая из них имела присущие только им формы домостроительства, керамики, погребального обряда, свои типы фибул.

Местные культуры предшествующего времени (VI—III вв. до н. э.) в каждом из трех раннезарубинецких регионов были разными. Так, западная часть бассейна Припяти представляла собой окраину позднепоморской культуры, а его восточная часть была занята милоградцами. На Верхнем Поднепровье обитали милоградские племена, а в Среднем Поднепровье известны памятники лесостепной (сколотской) культуры на Тясмине и в Поросье и подгорцевской на Киевщине.

Что касается прошлых культур, то на Припяти заметны черты позднепоморской и подклешевой культур, а на Среднем Поднепровье, кроме них — еще элементы юго-западного (балканского) типа.

Таким образом, особенности каждого из раннезарубинецких регионов сложились в результате взаимодействия культурных традиций жившего здесь ранее населения, с элементами позднепоморской, подклешевой и других культур.

Зарубинецкая культура, следовательно, не стала дальнейшим этапом в поступательном развитии какой-либо местной или пришлой культуры, а являлась новым историческим образованием на Поднепровье.

Определить этнический состав зарубинецких племен, поскольку они не упоминаются в сочинениях древних авторов, представляется делом не простым. Современные исследователи не пришли к единому выводу. Некоторые ученые называют носителей зарубинецкой культуры славянами-венедами, германцами или балтами.

Отождествление зарубинецкого населения с венедами основано на интерпретации сведений Плиния Старшего, Тацита и Птолемея. Однако эти сведения неопределенны, и по ним невозможно локализировать территорию венедов («где-то между Карпатами и Балтийским морем»), но ясно, что она находилась за пределами распространения зарубинецкой культуры.

Для решения этнической принадлежности зарубинецкой культуры привлекаются также археологические данные. Однако их рассматривают только в типологическом плане, выводя эту культуру из более ранних культур, этнос которых (германский, фракийский, балтский или славянский) считался установленным.

Подобные разработки не могут привести к положительному результату, поскольку зарубинецкая культура не стала модификацией какой-либо одной предшествующей культуры, а вобрала в себя элементы нескольких различных по своему этническому содержанию культур — позднепоморской, подклешевой, сколотской и милоградской.

Ценные сведения для выяснения зарубинецкой этнической проблемы дает языкознание. При сопоставлении карт гидронимов и зарубинецких памятников видна концентрация славянских речных названий на территории Среднеднепровского и Полесского регионов зарубинецкой культуры, в междуречье Тетерева и Припяти, в то время как германские или иранские гидронимы не встречаются на всем пространстве между Днепром и Днестром [Трубачев, 1968, с. 214]. На Среднем Днестре известны группы кельто-иллирийских

названий, а на Среднем Днепре — фракийских, распространившихся сюда с юго-запада. Однако эти многозначительные факты не могут быть безоговорочно использованы при решении интересующего нас вопроса, поскольку гидронимы не имеют надежного хронологического определения.

Важное значение для определения этноса зарубинцев имеют памятники недавно открытой киевской культуры III—V вв. Наиболее ранние из них, такие, как Казаровичи, Обухов, Колодезный Бугор, Абидня, генетически увязываются с позднезарубинецкими материалами Поднепровья и Подесенья (Грини, Лютеж, Почеп) [Третьяков, 1974, с. 40—118; Максимов, 1978, с. 55—56]. Со временем эти особенности в киевской культуре исчезают и на первое место выдвигаются черты, сближающие киевскую культуру с ранними памятниками пеньковской, колочинской и других славянских культур VI—VII вв. Наличие этих несомненных генетических связей киевской культуры с зарубинецкой, с одной стороны, и раннеславянскими древностями — с другой, позволяет считать зарубинецкую культуру праславянской.

Поенешти-лукашевская культура

Памятники культуры Поенешти-Лукашевка, расположенные в Карпато-Днестровском регионе, впервые были открыты на территории Румынии в 1936 г. в результате раскопок К. Чиходару могильника Поенешти близ г. Васлуй в Румынии. Выделил и интерпретировал их Р. Вульпе после продолжения раскопок могильника в 1949 г. Одновременно вблизи могильника были открыты синхронные ему поселения (Vulpe, 1953, с. 310—506].

В 1953 г. Г. Б. Федоровым на территории Молдавской ССР обнаружен и исследован могильник у с. Лукашевка Оргеевского района. Исследователь обратил внимание на сходство материалов Поенештского и Лукашевского могильников и объединил их в одну культуру [1960, с. 8—56].

За последние десятилетия число систематически исследованных поенешти-лукашевских памятников возросло. На территории Молдавской ССР, по данным М. А. Романовской, они зафиксированы в 16 пунктах (среди них могильник, 14 поселений и отдельное погребение) [1974, с. 74—85]; на территории Румынии, главным образом в центральной части Северной Молдовы, по данным М. Бабеша,— в 76 пунктах (66 поселений, 7 могильников, в трех пунктах — отдельные погребения) [1978, с. 3—11]. На территории Украинской ССР разведками открыто около 40 пунктов, которые предварительно можно отнести к памятникам культуры Поенешти-Лукашевка.

Границы распространения памятников этой культуры могут быть определены следующим образом: от северных подножий Восточных Карпат к югу до г. Пятра-Нямц, затем на юго-восток по линии, пересекающей р. Серет между г. Бакэу и г. Роман к р. Прут у г. Леово, затем к р. Днестр на восток у г. Бендеры. Восточная и северная границы определяются долиной Днестра.

По мере открытия памятников культуры Поенешти-Лукашевка возникли и проблемы, связанные с их интерпретацией. Они касаются прежде всего вопросов хронологии, происхождения, связей с предшествующими, синхронными и последующими культурами, этнической принадлежности населения, оставившего эти памятники, а также территории распространения и географических рамок культуры.

За более чем тридцатилетний период изучения этой культуры большое число ученых изложили в литературе свои взгляды по многим касающимся ее проблемам. Однако до сих пор отсутствует единое мнение о происхождении культуры. Наличие исключительно лощеной посуды в погребениях, фибул латенских типов и сходства в погребальном обряде с культурами латенского круга породило гипотезу о пришлом характере поенешти-лукашевской культуры. Разногласие у сто-

ронников этой гипотезы вызывает лишь вопрос о прародине пришельцев. Первый интерпретатор анализируемой культуры Р. Вульпе истоками ее считал обширные области пшеворской культуры на Висле и Одере от Карпат до Балтики [1953, p. 491—492]. К. Такенберг расширял ее до междуречья Одера и Эльбы [1973, p. 423—424]. Р. Хахман выводил ее из группы племен ясторфской культуры (Лаузитц) [1961, p. 118].

Вторая группа исследователей поддерживает автохтонную теорию происхождения культуры [Федоров, 1960, с. 50—51; Романовская, 1969, с. 81—94, и др.]. Г. Б. Федоров считает, что поенешти-лукашевская культура явилась дальнейшим развитием местной гетской культуры, в среде которой оказались пришельцы-бастарны, носители культуры позднепоморско-раннепшеворского облика, пришедшие с верховьев Вислы на рубеже III—II вв. до н. э.

В зависимости от истоков культуры решался вопрос об ее этнической атрибутации. Бастарнской считают ее Р. Вульпе, М. Бабеш, германской — Р. Хахман, К. Такенберг, в основе гетской — Г. Б. Федоров и М. А. Романовская.

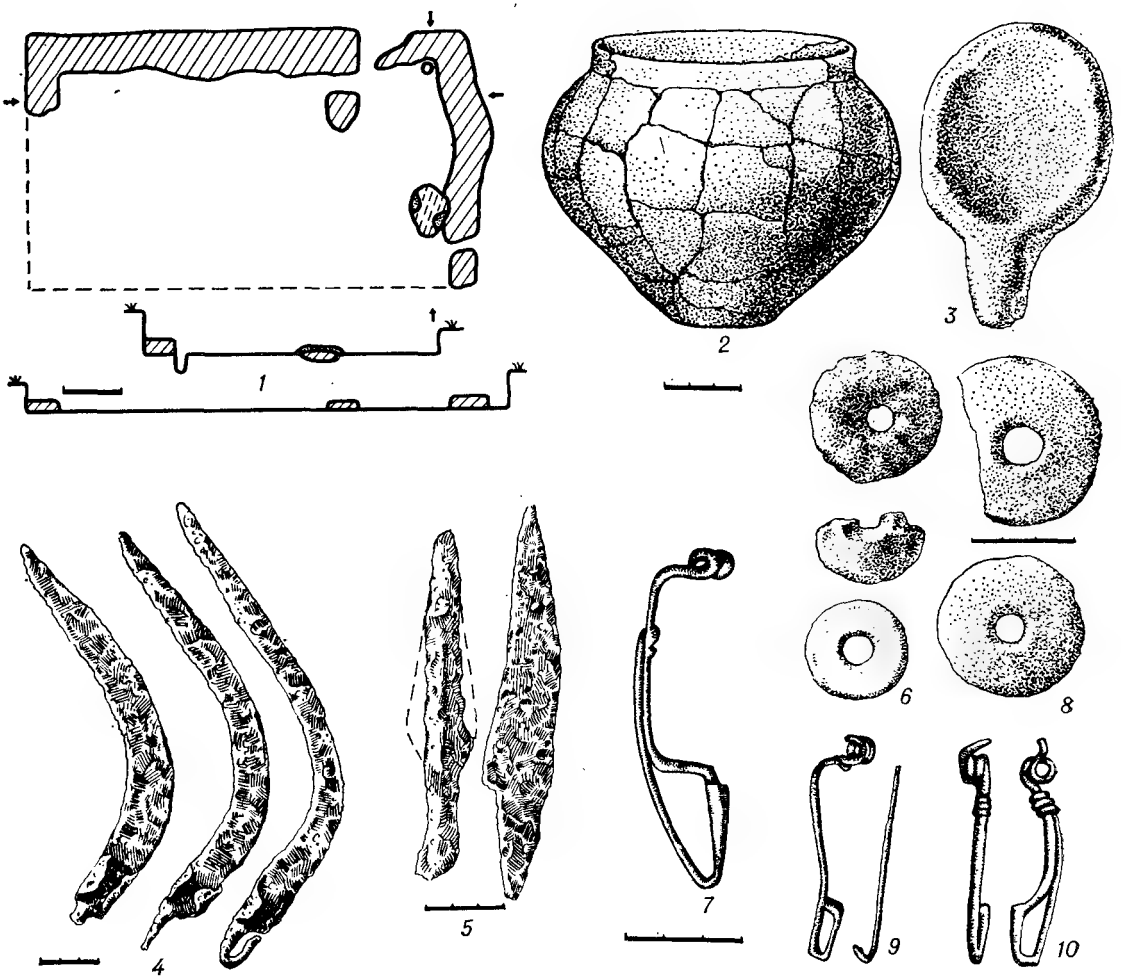
На территории Украинской ССР первые памятники культуры Поенешти-Лукашевка были открыты у с. Круглик Хотинского района Черновицкой области в 1957—1959 гг. Вблизи села Б. А. Тимощуком и И. С. Винокуром в скифском кургане проводились раскопки поселения и впускного погребения, относящихся к поенешти-лукашевской культуре. Разведками археологических экспедиций, главным образом Черновицкого университета и Института археологии АН УССР, к настоящему времени открыто до 40 пунктов в Черновицкой области и в Среднем Поднестровье. Однако более или менее широким разведкам и стационарным раскопкам подвергались только некоторые из них — поселения у с. Круглик и Перебыковцы Черновицкой области (С. П. Пачкова), у с. Сокол Хмельницкой области (Л. В. Вакуленко), у с. Острица в уроч. Кодын Черновицкой области (И. П. Русанова, Б. А. Тимощук).

Поселения поенешти-лукашевской культуры не были укрепленными и размещались вблизи источников воды. По топографии они делятся на поселения мысового типа с четко выраженными естественными границами (Круглик) и поселения открытого типа, расположенные на кромке надпойменной террасы (Сокол). Планировка застройки поселения по материалам раскопок не прослеживается.

Площадь поселений небольшая (до 2 га), культурный слой незначительный. Жилые постройки невелики по размерам и конструктивно представлены двумя типами — наземными и полуземляночными сооружениями. На территории УССР открыты поселения, на которых имеется лишь какой-то один из типов жилищ: наземные (Круглик) или полуземлянки (Сокол). Однако в Молдавии наземные и полуземляночные сооружения обычно встречаются на одном и том же поселении (Лукашевка II, Ульма и др.). Наземные жилища подпрямоугольной формы, стены углублены на 0,2—0,3 м от дневной поверхности. Крыша крепилась на столбах, следы которых сохранились в ряде жилищ в виде ямок, расположенных вдоль линии стен. В наземном жилище № 3 на поселении Круглик зафиксирована лишь одна столбовая ямка. На поселении Лукашевка II в жилище № 3 столбовые ямки тянулись вдоль длинной оси жилища. В некоторых же наземных жилищах следов от столбовых ям не обнаружено (Ульма, жилище № 2; Бранешти, жилище № 1). Стены домов были каркасно-плетневой конструкции. Остатки их сохранились в виде завалов глиняной обмазки с отпечатками жердей и прутьев. Пол земляной, ровный, утрамбованный. Отапливались жилища с помощью открытых очагов или глинобитных печей, размещавшихся вблизи одной из стен.

Площадь наземных жилищ колебалась в пределах 17—24 м², но в отдельных случаях дома были большими — до 48 м² (жилище № 3 в Круглике).

Площадь полуземляночных жилищ не превышала 20 м². Они представляли собой постройки прямоугольной или овальной формы, углубленная часть которых врезалась в материк на 0,5 м и глубже. О конструкции стен полуземляночных жилищ на материалах раскопок поселений УССР судить трудно. Можно только предположить, что наземные части стен были глинобитные, так как в полуземлянках на поселении Сокол зафиксированы небольшие кусочки глиняной обмазки. В материалах Молдавской ССР в ряде полуземлянок открыты следы от столбовых ямок вдоль стен и в центре жилища (Лукашевка II, жилища № 2, 4) и куски глиняной обмазки. Пол также был глиняным; обогрев производился, вероятнее всего, с помощью очагов или глинобитных печей, хотя на поселении Сокол четкие следы их не зафиксированы. Интерьер некоторых углубленных жилищ дополняли предпечные ямы или ямы для хранения продуктов.



Возле жилищ на поселениях находились надворные очаги и хозяйственные ямы, разнообразные по форме и назначению. Некоторые постройки

можно считать производственными сооружениями. На поселении Ульма найдена постройка с остатками горна для переплавки бронзы.

На полу возле него лежали обломки

Рис. 5. Культура Поенешти-Лукашевка:
1 — план наземного жилища из поселения Круглик;
2 — сосуд из погребения у с. Гринчук;
3 — глиняная льячка из поселения Круглик;
4 — железные серпы из поселения Круглик;
5 — наконечник железного копья из поселения Круглик;
6 — железный нож из поселения Круглик;
7 — бронзовая фибула из могильника Поенешти;
8 — глиняные пряслица из поселения Круглик;
9 — железная фибула из могильника Лукашевка;
10 — железная фибула из поселения Круглик.

глиняного сопла, куски бронзового шлака. В Бранештах в одной из построек зафиксирована печь для обжига керамики.

Из погребальных памятников на территории Украины известно единичное погребение у с. Гринчук. Возможно, оно являлось частью могильника, разрушенного в древнерусское время строительными сооружениями городища, расположенного здесь же. Обряд погребения, зафиксированный на украинских памятниках, аналогичен обряду основной территории культуры.

Могильники размещались вблизи поселений в сходных с ними топографических условиях. Погребение у с. Гринчук располагалось примерно в 1,5 км к юго-востоку от мыса, на котором найдена керамика поенешти-лукашевского типа. Лукашевский могильник отстоял на 2,5 км к западу от поселения Лукашевка II и находился в сходных с ним топографических условиях.

Внешние признаки погребений в настоящее время отсутствуют. Можно предполагать, что места погребений в древности как-то обозначались. Нарушения одного погребения другим в достаточно полно раскопанных могильниках не зафиксированы.

Погребения совершались в неглубоких ямках, которые иногда не достигали материкового уровня. В связи с этим не всегда можно установить контуры могильной ямы. Когда это было возможно, фиксировались круглые в плане ямы диаметром 0,5—0,6 м, глубиной 0,3—1,3 м (могильники у сел Поенешти и Лукашевка).

Основным обрядом являлось трупосожжение, совершенное на стороне. Прах сожженного помещали в урну и ставили на дно могильной ямы. Известны случаи, когда урна с прахом ставилась на остатки погребального костра (погребение № 11 Лукашевского могильника). Иногда остатки костра в виде кусочков древесного угля и золы прослеживаются в засыпке погребений и возле урны (погребение возле с. Гринчук, некоторые погребения на таких известных могильниках, как Боросешти и Лукашевка).

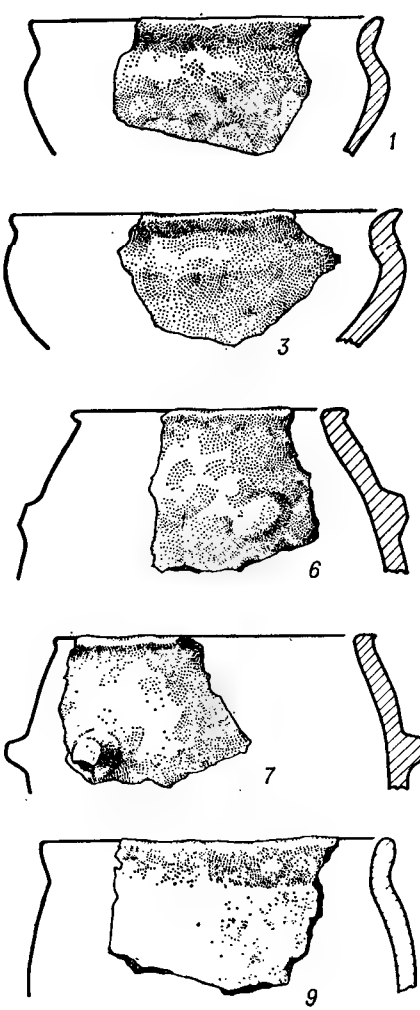
Как правило, остатки кремации, помещаемые в урну, тщательно очищались от следов погребального костра. Лишь в отдельных погребениях среди костей умершего встречались кусочки древесного угля (погребение у с. Гринчук; погребения № 4, 10, 15 на могильнике Лукашевка).

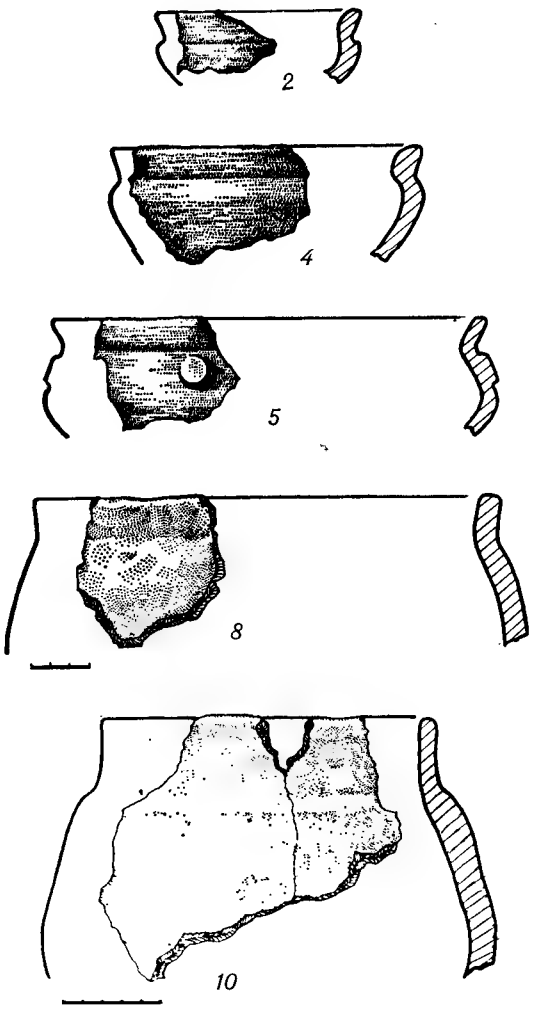
Урна в большинстве погребений накрывалась крышкой. Но имеются погребения без крышек (Гринчук, Сипотены, Лукашевка). Урнами служили различной формы сосуды: миски, горшки, кувшины. В качестве крышек, как правило, применялись миски. Изредка встречались ямные трупосожжения (Поенешти, одно погребение; Лукашевка, одно погребение; несколько погребений в Боросештах).

В погребениях, открытых на территории УССР, как и в могильниках Молдавии, сосуды-приставки не обнаружены.

В урнах найден сопровождающий материал. Часть предметов со следами погребального костра. Чаще всего это фибулы, бусы, браслеты, пронизи, детали поясного набора, то есть принадлежности костюма и украшения. Встречаются вещи, положенные после совершения кремации,— ножи, пряслица, иглы, шилья, орудия труда. На всех широко исследованных могильниках открыты и безынвентарные погребения. В небольшом количестве известны кенотафы.

Исследование погребения у с. Гринчук, проведенное Е. И. Даниловой, обнаружило в урне пережженные кости взрослого человека, а возле урны — мелкого животного. В зарубинецких могильниках Среднего Поднепровья обычай ставить в погребения мясную пищу являлся ритуалом, в других же областях зарубинецкой культуры он известен в единичных случаях.





Зафиксированы также пережженные кости животных в отдельных погребениях на могильниках Вишенки (Киевская область), Отвержичи и Велемичи II. В Белорусском Полесье найдены пережженные кости фаланги лапы медведя, а в урне погребения № 1 Корчеватовского могильника — пережженная кость собаки.

Среди вещественного материала памятников Поенешти-Лукашевка на первом месте по количеству стоит керамика. Посуда местного производства изготовлена ручным способом. Она делится на две большие группы по способу обработки внешней поверхности.

Первая группа представлена посудой с шероховатой поверхностью. Предназначалась она для приготовле-

ния пищи, хранения продуктов и воды. На поселениях такая посуда составляет основное количество находок. Вторая группа — посуда с лощеной поверхностью. Она выполняла функции столовой посуды и использовалась в ритуальных целях. На поселениях она составляет 12—15% всех керамических обломков, на могильниках — подавляющее большинство.

Рис. 6. Культура Поенешти-Лукашевка. Керамика из поселений Круглик (1, 2, 7, 9, 10) и Сокол (3—6, 8). 1—5 — обломки лощеных мисок; 6—10 — обломки кухонных нелощеных горшков.

Основной формой посуды первой группы был слегка выпуклобокий или округлобокий горшок. По характеру общей профилировки выделяется несколько основных типов горшков: слегка выпуклобокие сосуды с невыделенной горловиной и нередко загнутыми внутрь краями или очень слабо выделенной горловиной; горшки с отогнутой наружу прямой или изогнутой горловиной и округлобоким корпусом.

Мисок с нелощенной поверхностью меньше, чем горшков. Значительную группу из них составляют миски с невыделенной горловиной и загнутыми внутрь краями часто с горизонтальным срезом венчика. Найдено небольшое количество мисок с выделенной горловиной S-видного профиля, приближающиеся по форме к лощеным. Имеются сосуды в виде конических чашек с ручками или плошек, иногда на пустотелой ножке. Эти сосуды могли использоваться в качестве крышек и светильников. Среди материалов поселений встречаются плоские диски, служившие, вероятно, сковородками-лепешечницами, дуршлаги и миниатюрные сосудики.

Основным видом украшения этой группы посуды являлись разнообразные рельефные налепы; двойные и одинарные шишечки; вертикально и горизонтально расположенные ушки и подковки; налепной валик, расчлененный ямками и насечками, иногда прерывающийся налепами других форм. Углубленный орнамент как самостоятельный вид встречается реже. Главным образом, это пальцевые вдавления и насечки по венчику или горизонтально расположенные пояском по стенкам. Особым видом орнаментации можно считать прием специального ошершавливания стенок, когда их делали нарочито грубыми, бугристыми, «храповатыми», а горловина и придонная часть при этом заглаживалась и подлощивалась. Сосудов с таким оформлением не так уже много на памятниках поенешти-лукашевской культуры. По материалам поселения у с. Круглик их не более 8%.

Лощеная посуда отличается тщательностью изготовления, черным, черно-коричневым или темно-серым цветом, хорошо вымешанным тестом с более мелкими, чем в нелощеной, примесями.

Наибольшее количество экземпляров лощеной посуды дают миски. Для них характерна округлобокость корпуса, узкое днище, высоко поднятые основания плечиков и граненность внутренней линии горловины. В могильнике Поенешти миски имеют иксовидные ручки (в 24 экземплярах из 27, а у 17 мисок из могильника Лукашевка они отсутствуют). Примерно половину всех мисок составляют низкие; средних по высоте меньше; высокие миски встречаются в единичных экземплярах.

Горшков на поенешти-лукашевских памятниках (особенно могильниках) меньше. Для лощеных горшков, как и мисок, характерны округлобокость корпуса и граненность внутренней линии горловины, правда, в значительно меньшей степени, чем у мисок.

По пропорциям выделяется несколько групп лощеных горшков: узкодонные очень приземистые горшки с высоко расположенными плечиками; низкие горшки, высота которых немного меньше наибольшего диаметра корпуса (они более стройные, чем первая группа горшков; все они узкодонны, с плечиками, расположенными по середине или чуть выше середины высо-

ты сосуда); горшки, высота которых превышает наибольший диаметр корпуса (они узкодонны, плечики расположены по середине высоты сосуда, в некоторых случаях — с высоко поднятыми основаниями плечиков).

Кружки — небольшие сосуды горшковидной формы с ручкой — встречаются на поенешти-лукашевских поселениях и могильниках. У них также округлобокий корпус и нередко фацетированная горловина с внутренней стороны. По своим пропорциям они повторяют формы горшков. Ручки, как правило, иксовидной формы, овальные или прямоугольные в сечении, петельчатые, соединяют горловины с плечом. Роль кружек выполняли также высокие миски с ручкой.

Кувшины — горшковидные сосуды с узким горлом различной высоты и ручкой чаще всего иксовидной формы.

Лощеная посуда орнаментировалась редко. Можно назвать несколько горшков из могильника Поенешти, богато и разнообразно украшенных резными орнаментами и налепами.

Из глиняных изделий на памятниках поенешти-лукашевской культуры известны пирамидальные грузила для ткацкого станка и пряслица: плоские, изготовленные из стенок античных амфор и лепных лощеных и нелощенных сосудов, вылепленные из куска глины, биконической, округло-уплощенной и горшковидной формы. Некоторые из них орнаментированы прорезным узором и наколами.

Орудия труда представлены железными серпами. На поселении Круглик найдены семь целых серпов. По размерам они не были стандартными — длина по лезвию составляла 13—22, ширина 1,5—2,3 см. Такой же серп найден на поселении Лукашевка II. Из поселения Круглик происходит железный наральник вытянутой листовидной формы — латенского типа. Наральники использовались как рабочие наконечники рала без полоза. Большая часть железных орудий труда представлена ножами, найденными почти на каждом поселении и могильнике. Размеры их невелики: длина лезвия от 10 до 18, ширина от 1,5 до 3 см. Они имеют характерные для эпохи Латена формы — с горбатой и прямой спинкой.

Встречаются железные шилья, туалетные щипцы, иглы, долота, железные серповидные бритвы, небольшой топор-кельт, точильные бруски и зернотерки из камня, растиральники из ручек эллинистических амфор, костяные проколки, глиняные ложки для разлива цветного металла.

Оружие представлено единичными находками. Из Круглика происходит наконечник копья. В памятниках Молдавской ССР и румынской Молдовы отмечены наконечники копий, стрел, железные мечи, остатки щитов.

Наиболее многочисленными предметами убора являются фибулы, изготовленные из железа и бронзы, в отдельных случаях — из серебра. Наиболее часто их находят в могильниках. Так, в Поенештском могильнике они встречаются в 39 погребениях из 55, в Лукашевском — в 9 из 21. Большая часть фибул имеет среднелатенскую схему — с расчлененной конструкцией с шариками и гладкие проволочные, скрепленной конструкции. На территории Украины из опубликованных материалов известна только фибула позднелатенской схемы с рамочной ножкой, найденная на поселении Круглик. На более полно раскопанных памятниках зафиксированы железные и бронзовые браслеты.

На могильниках и поселениях основной зоны распространения культуры найдены бусы, изготовленные из стекла и стеклянной пасты, камня и глины, бронзы и золота. Особенно много белых прозрачных, иногда позолоченных бус, сферических и продолговатых. Пастовые бусы, синие или белые, разнообразны по форме и размерам, украшены цветными «глазками» (Лукашевка II, Ульма, могильник Поенешти и т. д.). Этот вид бус датируется последними веками до нашей эры. В погребениях Поенештского и Лукашев-

ского могильников найдены золотые, серебряные и бронзовые спирали.

Детали поясного набора представлены крючками и пряжками. Крючки отличаются оформлением спинки. Имеются крючки с лентовидной спинкой и в виде треугольника с острыми углами.

Из предметов культа можно назвать находки, сделанные за пределами УССР (Боросешти и Гелыешти, СРР): фигурку бронзового идола (поселение Лукашевка II), а также очажные подставки, так называемые конки или Feuerböcken, сделанные из камня либо глины в виде зооморфных фигурок, украшенных меандром и солярными знаками.

Материалы исследованных памятников на территории УССР и данные из памятников Молдавии и Румынской Молдовы дают определенные сведения об общественном устройстве, хозяйственной деятельности племен поенешти-лукашевской культуры.

Эти племена жили в небольших по размерам поселениях с неустановившейся планировкой, что характерно для оседлого населения периода распада первобытнообщинного строя. Устройство и небольшие размеры жилищ свидетельствуют о том, что в них проживали отдельные малые семьи.

Вещи, найденные в жилищах, и погребальный инвентарь, обнаруженный в захоронениях, немногочисленны и сравнительно однообразны. Это, возможно, указывает на отсутствие значительного имущественного расслоения, а возможно, и социального. Однако элементы или зачатки его все же можно проследить. К ним относятся немногочисленные находки античного импорта, которым могло себя обеспечивать не все население, а только ограниченный круг лиц.

Основой экономической базы поенешти-лукашевского общества являлось пашенное земледелие и приселищное скотоводство. По отпечаткам растений на керамике и глиняной обмазке из Круглика можно определить, что они выращивали просо, голозерный ячмень, коноплю, полбу-двузернянку, мягкую пшеницу, пленчатый ячмень. Состав домашнего стада по результатам остеологического анализа свидетельствует о том, что первое место в домашнем стаде занимал бык, затем овца, свинья и лошадь.

Возможно, большое хозяйственное значение имели лесные промыслы, охота и рыболовство.

О существовании местной черной металлургии говорят остатки железных шлаков на поселениях. Металлографическое исследование железных изделий из Круглика показало, что местным кузнецам кроме сыродутного железа была известна и сталь. Они владели различными кузнечными приемами, в том числе и техникой сварки железа со сталью. В целом местное кузнечное ремесло по уровню своего развития было близко железообработке зарубинецких племен.

Существование местного производства изделий из цветных металлов, а именно из меди и бронзы, подтверждают следы производственного сооружения с остатками горна, сопла и шлаков, найденного при раскопках поселения Ульма.

Определенного развития достигли прядение, ткачество, строительство и другие виды производств, необходимые для удовлетворения жизненных потребностей в условиях натурального хозяйства. Но все они носили еще домашний характер. Наиболее развитыми из них были железодобывающее и кузнечное, сам характер которых требовал специализации, не позволяющей долго оставаться в рамках домашнего производства. Хотя и они, возможно, не вышли за рамки общинного ремесла.

Для местной керамики, изготовленной лепным способом, характерны утонченность форм и высокое качество исполнения, особенно для столовой лощеной посуды.

О связях племен поенешти-лукашевской культуры с окружающей этнической средой можно судить по материа-

лам, найденным как на поселениях, так и в могильниках.

Из предметов греческого импорта на первом месте стоят обломки родосских и косских амфор, в которых привозилось вино и масло, а также украшения из стекла и бронзы. Предметы кельтского импорта в количественном отношении уступают античному, но влияние кельтской культуры на культуру Поенешти-Лукашевка очень заметно, что отразилось в общем облике культуры. Обломки кельтской керамики найдены на поселениях Круглик, Боросешти, Лунка Чурей и др.

Бронзовые сосуды из погребений в Сипотенах, Рэкэтэу, кельтские украшения, оружие, орудия труда свидетельствуют о тесных связях с кельтским миром.

Экономические связи существовали и с населением Дакии, откуда могли поступать не только бронзовые изделия, но и бронза в слитках. О связях с населением скифо-сарматского мира говорят некоторые детали военного снаряжения и упряжи.

Аналогии чернолощеным мискам и горшкам, украшениям, частям поясного набора и мечам из поенешти-лукашевских памятников различных территорий распространения культуры прослеживаются в материалах позднелатенского времени на обширной территории от Эльбы до Днепра. Это свидетельствует о связях населения поенешти-лукашевской культуры с населением ясторфской, пшеворской, зарубинецкой культур, характер которых был, по всей вероятности, многосторонний и разноплановый, включающий культурный, торговый, военный и этнический аспекты. Проследить эти связи в каждом конкретном случае из-за ограниченности материалов в настоящее время трудно.

Датировка памятников культуры Поенешти-Лукашевка на территории Украинской ССР базируется на отдельных категориях вещей — прежде всего фибул и обломков кельтских сосудов и античных амфор.

На поселении Круглик в жилище № 3 обнаружена фибула позднелатенской схемы с рамчатой ножкой и слабо прогнутой спинкой. Здесь же найден фрагмент расписного кельтского сосуда. Производство такой керамики у кельтов продолжалось еще во второй половине I в. до н. э. и в начале римской эпохи. На поселении Круглик в большом количестве встречаются обломки позднеэллинистических амфор, не выходящих за пределы II—I вв. до н. э. На поселениях Лукашевка II и Лунка Чурей найдено 10 амфорных обломков с клеймами, относящихся, по определению Д. Б. Шелова и Б. Н. Гракова, к 220—180 и 184—146 гг. до н. э. (по хронологической схеме В. Грейс — к 210—175 и 175—146 гг. до н. э.).

Хронологию могильников определяют фибулы среднелатенской и отдельные экземпляры позднелатенской схемы. Наиболее ранние из них — расчлененные фибулы с шариком могут быть отнесены к концу среднелатенского периода — рубежу III—II или началу II в. до н. э. Позднелатенские фибулы с рамчатым приемником, возможно, не выходят за пределы второй половины I в. до н. э. Эта дата подтверждается находками обломков кельтской керамики. Таким образом, вся культура может укладываться в рамки начала II в. до н. э., возможно, рубеж III—II вв. до н. э.— до второй половины I в. до н. э.

Проблема генезиса памятников поенешти-лукашевской культуры на территории Украины тесно взаимосвязана с решением этого вопроса для всей культуры. Поенешти-лукашевская культура относится к числу археологических культур, возникших на окраине латенского мира в период миграции среднеевропейских племен. Эти племена, попадая в чуждую этническую среду, но близкую им по социально-экономическому уровню развития, смешивались с местным населением, создавая качественно новые образования, основанные на симбиозе черт материальной и духовной куль-

туры. Субстратом, на основе которого сложилась эта культура, явилась гетская культура предшествующего времени. Подтверждением сказанному является местонахождение поселений и могильников поенешти-лукашевской культуры на тех же местах, где зафиксированы многочисленные гетские памятники IV—III вв. до н. э. со свойственными им традициями в жилищном строительстве, некоторых формах кухонной керамики.

Но это не явилось прямым продолжением предшествующей культуры. Поенешти-лукашевская культура сложилась в результате взаимодействия синтеза различных этнокультурных пришлых элементов с местными. Привнесенные чуждые элементы ярче всего проявляются в керамическом комплексе могильников.

Чернолощеные горшки, миски, кружки с иксовидной ручкой и граненым внутренним краем горловины имеют многочисленные аналогии в культуре Ясторф, особенно в губинской группе, и в памятниках пшеворской культуры.

По пропорциям некоторые миски и горшки поенешти-лукашевских могильников близки соответствующим типам сосудов из зарубинецких могильников Среднего Поднепровья и Полесья.

Особенности погребального обряда (трупосожжение на стороне с захоронением очищенных от костра косточек в урнах, накрытых крышками) позволяют видеть его истоки в рассматриваемой нами местной гетской культуре предшествующего времени и в ясторфской культуре губинской группы на территории Средней Германии. Характер украшений — расчлененные фибулы с шариками, проволочные среднелатенской конструкции, типы застежек, детали поясного набора — доказывает, что приток пришлых компонентов, участвующих в создании исследуемой культуры, шел с обширной территории Средней и Северной Европы.

Памятниками, расположенными на территории Украинской ССР, которые отражают миграционный процесс последних веков до нашей эры различных в культурном отношении племен, являются поселение у с. Горошево Борщевского района Тернопольской области (раскопки С. П. Пачковой) и могильник у с. Долиняны Хотинского района Черновицкой области (раскопки Г. И. Смирновой).

Поселение Горошево расположено на северной окраине поенешти-лукашевской культуры. В его материальной культуре фиксируется симбиоз нескольких культур, ясторфской, пшеворской и позднего этапа вейхеровско-кратошинской. Они в различной степени проявляются и в поенешти-лукашевских поселенческих комплексах. Но на поселении Горошево вовсе не прослеживается влияние гетской культуры, являющейся субстратом для культуры Поенешти-Лукашевка. Представляется вполне возможным, что в создании культуры Поенешти-Лукашевка в качестве пришлых элементов принимали непосредственное участие племена, материальная культура поселений которых представлена в Горошевом. По времени функционирования поселение Горошево совпадает, вероятно, со временем сложения и развития поенешти-лукашевской культуры.

Могильник у с. Долиняны расположен на северо-восточной окраине распространения памятников поенешти-лукашевской культуры. Судя по набору датирующих вещей, могильник Долиняны возник в этом районе тогда, когда процесс сложения поенешти-лукашевской культуры уже начался. В нем отражен процесс продвижения населения в Среднее Поднестровье, вероятнее всего, из районов, возможно, связанных с надодерской группой ясторфской культуры или каким-то иным кругом культур, где был распространен ямный обряд бескерамичных погребений. Но это население не внесло существенного вклада в формирование облика поенешти-лукашев-

ской культуры, и памятники, оставленные им, не относятся к культуре Поенешти-Лукашевка.

Античные историки, в частности Страбон, говорят о гетах, перечисляя народы, живущие к северу от Дуная. Соседями с севера они называют тирагетов, бастарнов, галатов, германцев. На карте Птолемея бастарны — соседи тирагетов на левом берегу Днестра, по соседству с которыми живут германцы. Как видим, на исследуемой территории упоминаются тирагеты и бастарны, хотя основные события, связанные с последними, локализуются чаще всего в местах к югу от Дуная (Полибий, Диодор Сицилийский, Тит Ливий, Плутарх) или на Нижнем Дунае (Дион Кассий). Самих бастарнов ранние источники считают кельтами (Тит Ливий, Плутарх), авторы более позднего времени — германцами (Плиний) или смешанным населением (Тацит).

Возможно, именно к населению, оставившему памятники культуры Поенешти-Лукашевка, относится сообщение Страбона о смешении бастарнов с фракийцами. Однако процесс смешения бастарнов с местным тирагетским населением не завершился созданием новой народности. Пришельцы, ввиду малочисленности, были ассимилированы местным населением к концу I в. до н. э.

Латенская культура

Культура, сложившаяся на рубеже VI—V вв. до н. э. в междуречье верховьев Дуная и Рейна на территории современной Швейцарии, Франции и ФРГ, носит название латенской. Она возникла на основе культур местных племен гальштатского периода раннего железного века под сильным влиянием античной цивилизации. Свое название культура получила от поселения Ла-Тен на берегу Невшательского озера в Швейцарии. Ее творцами были племена кельтов. Время существования культуры — V в. до н. э. — рубеж нашей эры, внутри которого выделены четыре ступени. Обоснованную хронологию латенской культуры, построенную на основных типах вещевого материала, произведениях художественного ремесла и их взаимовстречаемости в памятниках Европы, предложил Я. Филип.

Огромным было влияние латенской культуры не только на синхронные, но и на более поздние культуры.

Вопросы взаимоотношения кельтов с населением Восточной Европы поднимались уже в последней четверти прошлого века, когда в Ольвии был найден декрет в честь Протогена, где дважды упоминаются галаты — кельтское племя Нижнего Подунавья [Латышев, 1887, с. 69—86; Браун, 1899, с. 117]. Со временем круг источников расширился. Одним из таких источников являются материалы зарубинецкой культуры. С начала нашего столетия латенские древности стали темой специальных исследований русских археологов [Спицын, 1904, с. 78—86; Беляшевский, 1904, с. 13—17], и с этого времени ученые уже не оставляют их без внимания [Спицын, 1948, с. 54—55; Кухаренко, 1959; Крушельницкая, 1962, с. 273; Мачинский, 1973; Бідзіля, 1971, с. 154—179).

Существенное влияние на освещение истории кельтов оказали лингвистические изыскания из области сравнительного языкознания, гидронимии и топонимии [Шахматов, 1918; Трубачев, 1968, с. 276; Pokorny, 1938, с. 39—67; Feist, 1948; Halder, 1968, с. 158; Lehr-Splawiński, 1956, с. 1—10]. Эти работы показали, что территория Восточной Европы была зоной языковых контактов, оставивших заметный след и в славянской лексике [Кузьмин, 1974, с. 54—83].

Наиболее существенное значение в оценке роли кельтов в истории населения Восточной Европы имеет археология. Необходимо иметь в виду, что не всю латенскую культуру следует связывать с кельтами. Существовали три области Латена: территория формирования и расцвета латенской культуры, соответствующая земле исторических кельтов; территория,

ставшая объектом кельтской военной экспансии, где получила распространение латенская культура, но сами кельты составляли этническое меньшинство; территория областей, граничивших с латенской культурой и подвергавшихся определенному культурному воздействию.

Наиболее распространенным является предположение, что латенская культура, не занимая земли Восточной Европы, оказала на их население сильное культурное влияние. Говоря об этом, исследователи исходят из того факта, что на территории СССР восточнее Карпатского хребта вообще отсутствуют чисто латенские памятники.

В конце 50-х годов Ю. В. Кухаренко опубликовал сводку находок латенских вещей на территории СССР, разделив материалы на собственно латенские импорты и предметы местного производства, созданные по латенским образцам. Однако в работу автор включил и большое количество нелатенских вещей. В результате Ю. В. Кухаренко пришел к сомнительному выводу об инфильтрации кельтов в Поднепровье [1959, с. 31—35]. О проникновении кельтов восточнее Карпат писали и некоторые другие исследователи [Амброз, 1964; Крушельницкая, 1962, с. 119—122], но наиболее категорически это мнение было высказано Д. А. Мачинским.

Исходя из современного состояния источников, мы вправе сделать вывод о влиянии латенской культуры на памятники Восточной Европы рубежа нашей эры, но без заметного кельтского присутствия в среде местного населения. Отдельные кельтские предметы, встреченные на памятниках местных культур, можно рассматривать как кельтские импорты. Более заметное влияние Латена проявилось во взаимствованиях их технических достижений, в ремесленном производстве — в черной металлургии, металлообработке и, частично, ювелирном ремесле.

Памятники латенской культуры на территории СССР известны в пределах Закарпатской области УССР, в верхнем течении р. Тиса, то есть на территории, которая в географическом отношении представляла собой часть центральноевропейских земель с пересеченной местностью и небольшими быстрыми реками. Вместе с памятниками Словакии древности Закарпатья составляют наиболее удаленную группу среднеевропейского Латена, достигающую основного хребта Украинских Карпат. За пределами СССР аналогичные памятники известны в Польском Прикарпатье у верховьев Вислы, а в южном направлении — в северной части Румынии и в Венгрии.

В Закарпатье латенские памятники представлены неукрепленными поселениями, обособленными ремесленными центрами, курганными могильниками, кладами и отдельными находками. Памятники сосредоточены главным образом в долине р. Тиса и ее правых притоков — рек Уж, Латорица, Боржава и Ботар. В горной части Карпат известны только случайные находки, сделанные в районах Ужоцкого, Верецкого и Яблонецкого горных перевалов. Связи с Прикарпатьем осуществлялись по долине р. Латорица и через Верецкий перевал, а далее по главной водной артерии области — р. Тиса.

Начало изучения Латена в Закарпатье относится к середине прошлого века и связано с именем местного краеведа Т. Легоцкого.

В 60-е годы прошлого века Т. Легоцким было открыто первое поселение латенской культуры, которое сейчас известно в литературе как поселение Галиш-Ловачка [Бідзіля, 1964, с. 92—114].

В 20—30-е годы нынешнего столетия исследование латенских памятников осуществлялось чехословацкими археологами и местными краеведами. Я. Эйснер, собравший новые данные о Латене долины р. Тиса, впервые поставил вопрос об их этнической принадлежности [Ejsner, 1922]. В 30-е годы поселения латенской

культуры открыты на территории г. Мукачево братьями Я. и Э. Затлукало. В начале 40-х годов охранные работы на территории г. Ужгород проводил П. П. Сова-Гмитров, открыв здесь два латенских поселения [Szova-Gmitrov, 1942].

В послевоенное время археологические работы проводились здесь Ужгородским государственным университетом и Закарпатским областным историко-краеведческим музеем, а также Институтом археологии АН УССР. В результате раскопок помимо памятников других исторических эпох обнаружены и частично исследованы около 20 поселений латенской культуры. Особо следует выделить открытие и изучение крупного производственного района II—I вв. до н. э., специализировавшегося на железодобыче. Он занимал огромную территорию (более 50 км^2) в долине левого притока р. Тиса — р. Ботар и в настоящее время состоит из 15 отдельных пунктов.

В целом латенские памятники Закарпатья изучены неравномерно, особенно могильники. Латенские древности Закарпатья нередко содержат уникальные данные по истории населения конца I тыс. до н. э., в одинаковой степени важные как для среднеевропейских, так и для восточноевропейских культур.

На территории Закарпатья известно 41 поселение латенской культуры. Большая их часть расположена на водоразделах горных рек на небольших останцах сильно пересеченной местности. Топография поселений благоприятствовала занятию земледелием, скотоводством и ремеслами. Важную роль в экономике населения играли легко доступные полезные ископаемые юго-западных склонов Карпат. Широко использовались гематитовые и болотные железные руды, меднорудные источники, гранит, мягкий вулканический трахит, сланец и другие породы камня, а также залежи графита, бурого угля (сапропелит) и строительная древесина.

Латенские поселения Закарпатья представлены селищами открытого типа, не имеющими искусственных оборонительных сооружений.

Отсутствие городищ-оппидумов составляет одну из характерных черт, отличающих данную группу памятников от среднеевропейских кельтских древностей. Очевидно, роль укреплений в условиях Карпат выполняли естественный рельеф местности и лесные чащи, являвшиеся надежным укрытием в период опасности. О подобном способе укрытия и его эффективности неоднократно упоминал Юлий Цезарь [1962, с. 89].

Площадь большинства поселений не превышала 1,5—2 га при толщине культурного слоя около 0,5 м. Наиболее исследованы поселения Галиш-Ловачка, Большие Ратовцы, Верхние Реметы, Осий, Горбок, два поселения на окраине Ужгорода, Ново-Клиново, Дьяково, Волчанское, а также Виноградово II и Олешник.

Поселения делятся на два типа — обычные и производственные центры.

Первый тип поселений представлен большинством памятников. Здесь бедный культурный слой, небольшое количество жилищ и хозяйственных построек. Это место обитания патриархальной семейной общины. Жилища — прямоугольные полуземлянки площадью 15—20 м^2 — опущены в землю на глубину до 1 м. В центре жилищ размещался круглый очаг диаметром 1,0—1,95 м, как правило, обложенный камнем и обмазанный глиной. Возле очага нередко встречались плоские каменные плиты до 1,5 м в длину, служившие, вероятно, своеобразными лежанками [Lehoczky, 1892, с. 50]. В некоторых жилищах в качестве лежанок вдоль длинных стен оставались материковые останцы [Потушняк, 1958, с. 127—128]. Стены жилищ возводились из глиняной обмазки на плетневом каркасе.

Два жилища на поселении Осий были наземными, но форму их зафиксировать не удалось. В отличие от полуземлянок наземные жилища имели

открытые очаги без каменных вымосток.

На некоторых поселениях зафиксирована система планировки жилищ, подчинявшаяся топографии местности. Так, на поселении Большие Ратовцы жилища располагались по кругу на склоне небольшой возвышенности. Центральная часть поселения была свободной от застройки и использовалась, видимо, для загона скота. На площади между жилищами находились хозяйственные ямы цилиндрической формы с плоским дном диаметром 1—1,5 и глубиной около 1 м. В их заполнении встречены кости животных и обломки керамики [Потушняк, 1958, с. 134—140]. На поселении в карьере Ужгородского кирпичного завода полуземляночные жилища стояли в один ряд вдоль склона небольшого обрыва [Sova-Gmitrov, 1942, с. 327—328]. Однако большинство поселений не имеет плановой застройки.

Второй тип поселений представлен производственными центрами, где кроме рядовых общинников-земледельцев жили ремесленники-профессионалы. Наиболее крупным производственным поселением в Закарпатье является Галиш-Ловачка. Оно расположено между восточной окраиной с. Клячаново и западной окраиной г. Мукачево. Здесь открыты 24 полуземлянки с каменными очагами и глинобитными стенами на деревянном каркасе. Жилища располагались без определенной системы на значительном расстоянии друг от друга, между ними находились хозяйственные ямы. На северо-восточной окраине поселения в стороне от жилых сооружений размещались металлургические мастерские и сыродутные горны [Lehoczki, 1892, с. 48].

Некоторые жилища были одновременно и мастерскими, например, жилище № 3, где найдены кузнечная крица, наковальня, молоток, кузнечные клещи, большое каменное точило. Там же найдено большое количество готовой кузнечной продукции — наральники, серпы, втульчатые топоры, наконечник копья, тесло, сверло, топоры, удила, ножи-скребки для обработки кожи, а также многочисленные бытовые изделия из железа. В жилище обнаружены две серебряные монеты.

К мастерским могут быть отнесены жилища № 1, 2, 7. Это тем более вероятно, что в культурном слое поселения найдены еще три большие и три малые наковальни, два молотакувалды, четыре ручных молотка, три зубила, пробойник и напильник, свидетельствующие о существовании на поселении нескольких хорошо оборудованных кузниц [Бідзіля, 1964, с. 93; Бідзіля, 1971, с. 35].

Кроме черной металлургии и металлообработки на поселении широкое развитие получила обработка цветного металла и ювелирное дело, что засвидетельствовано находками двух конических тиглей из графита и шестью двусторонними литейными формами из графита, сланца и песчаника, служивших для изготовления поясных цепочек, височных колец и монетных заготовок. На поселении найдено немало и готовых ювелирных изделий — фибул, браслетов, поясных цепочек и т. д.

Местные кузнецы изготовляли инструмент и орудия для деревообработки. На поселении найдены 53 топора, 10 тесел, 25 долот, 13 стамесок, несколько сверл и пилок-ножевок. Большое место в продукции кузнецов занимало производство орудий земледелия, среди которых 32 наральника различных типов, 22 серпа, 28 косгорбуш различных размеров и типов. С земледелием связаны круглые ротационные жернова и прямоугольные каменные зернотерки, представленные более чем 100 экземплярами.

На поселении были широко развиты промыслы, связанные с обработкой продукции животноводства. Здесь найдены ножницы для стрижки овец, ножи для обработки кожи, железные шилья.

Бытовой инвентарь богат: в культурном слое встречено 12 больших ножей-секачей, 11 кухонных ножей,

несколько цепей для подвешивания котлов, железные вилы, цепи различного хозяйственного назначения, дверные замки, громадное количество гвоздей, костылей, обойм и прочих мелких изделий.

Из предметов вооружения на поселении найдено два меча среднелатенской схемы, кинжал с антропоморфной ручкой, 27 наконечников копий, 14 наконечников стрел и два наконечника дротиков.

Керамика представлена гончарными сосудами позднелатенских форм и местной лепной посудой.

В целом материалы поселения Галиш-Ловачка свидетельствуют, что это был один из крупнейших ремесленных и экономических центров латенской культуры Средней Европы последней четверти I тыс. до н. э.

На территории Закарпатья в настоящее время исследовано еще несколько производственных пунктов железодобычи. Это поселения у сел Ново-Клиново, Дьяково, Юливцы, Чепа, Волчанское, которые вошли в литературу под названием Закарпатского центра черной металлургии [Бідзіля, 1970, с. 32—49; Балагурі, Бідзіля, Пеняк, 1973, с. 53—60]. Перечисленные пункты не являются поселениями в прямом смысле слова. Их можно характеризовать как места производственной деятельности, где сосредоточено большое количество сыродутных металлургических горнов, но отсутствуют жилые и хозяйственные сооружения. Все они находятся в пределах 1—2 км друг от друга в заболоченной местности возле небольшой р. Ботар, левого притока Тисы. Культурный слой состоит из отходов металлургического производства. На каждом из них металлургические горны расположены отдельными скоплениями — по несколько десятков вместе. В настоящее время исследованы в районе с. Ново-Клиново 133, в Дьяково — 96, в Волчанском — 24, Юливцах — 17, Чепе — 14 металлургических горнов; всего 284 сыродутных горна.

Горны представляли собой небольшие круглые ямы диаметром 40—50 см, углубленные в материк на 30—50 см, стенки которых обмазывались глиной. Горны наполнен остывшим шлаком, вес которого достигал в среднем 100 кг. Наземные стенки горнов сохранились в обломках. За пределами горнов обнаружены прямоугольные ямы размером 1,5×2 и глубиной 0,5—0,6 м, где хранились запасы древесного угля.

Позднелатенская графитовая керамика датирует производственные комплексы у с. Ново-Клиново II—I вв. до н. э. Синхронным ему является поселение Галиш-Ловачка, расположенное на расстоянии 30 км и, видимо, бывшее главным потребителем продукции ново-клиновских металлургов.

Погребальные памятники латенского времени изучены слабо, однако имеющиеся данные позволяют составить общее представление о погребальных памятниках Латена Закарпатья.

В отличие от латенских грунтовых погребений в Средней Европе с трупоположениями, на территории Закарпатья получил распространение обряд трупосожжения под курганными насыпями. Кремация осуществлялась за пределами могильника; захоронения — урновые и ямные. Урна ставилась под насыпь кургана на уровне горизонта. В качестве урн использовались лепные горшки и только в отдельных случаях — латенские гончарные сосуды. Иногда остатки сожжения ссыпались в округлую ямку под курганом. В качестве погребального инвентаря клали миски, черпаки и горшки лепной и гончарной выделки. Преобладает лепная керамика, характерная для местной куштановицкой культуры предшествующего времени VI — начала III в. до н. э. [Смирнова, Бернякович, 1965, с. 106].

Все надежно фиксированные погребения латенского времени и с латенским инвентарем открыты в курганах позднекуштановицкой культуры: курганы IX, XI, XV возле с. Колодное

Иршавского района [Смирнова, Бернякович, 1965, с. 107].

То же открыто Э. А. Балагури в кургане у с. Бобовое Виноградовского района в 1964 г. [Бідзіля, 1971, с. 44].

На территории Закарпатья известно несколько кладов ювелирных изделий, орудий труда и монетных находок латенского времени.

В 1952 г. в с. Малая Бегань Береговского района при земляных работах на глубине 1,6 м найден клад ювелирных изделий и культовых предметов: гладкий круглый браслет из голубого стекла, медный ножной браслет из трех полушарий (сохранилось одно) и две бронзовые статуэтки: кабана в позе нападения, использовавшаяся как амулет, и изображение обнаженного мужчины в магической позе. На спине статуэтки имеется отверстие для крепления.

В с. Клячаново Мукачевского района в 1954 г. открыт клад орудий труда, состоящий из четырех железных топоров-кельтов, железного наральника вытянутой формы, стамески с трубчатой втулкой, железного пробойника и кухонного ножа.

Более 100 серебряных монет обнаружено в кладе из с. Гаразвдовка Береговского района, найденного в 1957 г. Монеты представляют собой серебряные подражания тетрадрахмам Филиппа II Македонского и относятся ко II в. до н. э.

Производственный и бытовой инвентарь из поселений и кладов латенского времени Закарпатья позволяет охарактеризовать основные направления хозяйственной деятельности местного населения.

Орудия земледелия представлены более чем 80 предметами по обработке почвы, сбору и переработке продуктов земледелия. Большинство орудий происходит из поселения Галиш-Ловачка, часть вещей найдена в кладах и на других поселениях.

Наральники (37 экз.) изготовлены из толстого листового железа треугольной формы путем загиба широких лопастей в овальную втулку. Выделяются наральники узколезвийные и широколезвийные. Серпы (22 экз.) имеют длину 25—30 см при ширине рабочей части 2—2,5 см. Косы (18 экз.) относятся к косам-горбушам. Зернотерки (более 100 экз.) найдены в жилищах Галиш-Ловачки и других поселений. Они округлой формы, диаметром 35—40 см при толщине около 10 см с отверстием на верхнем камне диаметром до 3 см. Более многочисленны прямоугольные зернотерки размером 30×40 и толщиной 8—10 см.

Об уровне кузнечного ремесла дают представление две крицы из поселения Галиш-Ловачка, найденные в жилище № 3, весом 3,2 и 2,8 кг, а также шесть наковален больших и малых размеров.

Три большие наковальни имеют довольно широкую рабочую площадку. Малые наковальни использовались для слесарно-ювелирных работ. Молотки (всего 7 экз.) представлены двумя кувалдами и пятью молотами-ручниками. Вес молотов-кувалд — до 6 кг.

К специальному инструментарию для обработки металла относятся шарнирные щипцы, три зубила, напильник в виде прямоугольного стержня с косыми насечками. Ювелиру принадлежали два графитовых тигля и шесть литейных форм для отливки бронзовых поясных цепочек, височных колец и монетных заготовок. Для обработки дерева использовались топоры, долота, стамески, а также сверла, клинья.

На всех поселениях встречены глиняные и каменные грузила конической или полусферической формы, пряслица, железные шилья, ножи-скребки для обработки кожи с полукруглым лезвием.

Вооружение составляет малочисленную группу находок. Мечи представлены позднелатенскими типами, характерными для кельтских памятников Европы. 28 наконечников копий делятся на три типа: наконечники с

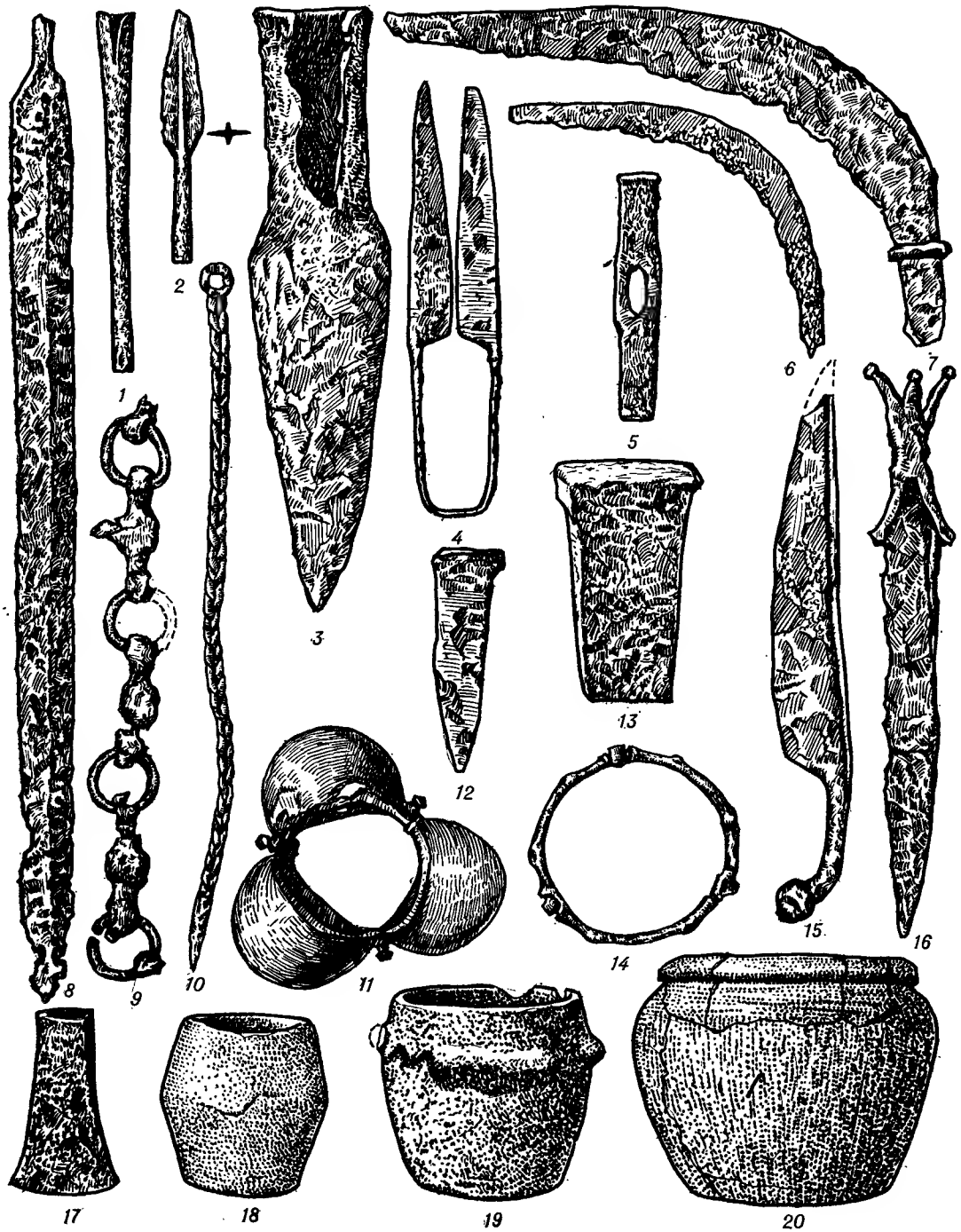


Рис. 7. Латенская культура. Инвентарь поселения Галиш-Ловачка.

Орудия труда (1—7, 12, 13, 15, 17), оружие (8, 16), украшения (9—11, 14) лепная посуда (18, 19), гончарный сосуд (20).

узким прямым ребром жесткости по центру и короткой втулкой (8 экз.); наконечники с длинным листовидным пером и короткой втулкой (18 экз.); наконечники с узким лавролистым пером и длинной втулкой (4 экз.). Известны наконечники дротиков и стрел.

Конское снаряжение представлено шестью железными кольчатыми удилами и парой железных псалиев.

Керамика присутствует на всех латенских памятниках и представлена гончарной и лепной посудой. Гончарная керамика (до 40% находок) известна в виде: простой сероглиняной, лощеной, графитовой и расписной. Тесто мелкоструктурное, с примесью песка, стенки тонкие. По форме гончарная керамика представлена горшками, мисками, кувшинами, кубками и крупными зерновиками, которые в основном повторяют формы среднеевропейских латенских изделий. Графитовые горшки имеют приземистую банковидную форму с широким венчиком и корпусом, густо орнаментированными вертикальными расчесами. С кельтами связана и расписная керамика.

Лепная керамика восходит к формам куштановицкой культуры раннего железного века. Наиболее распространенными являются горшки с примесью дресвы, шамота и крупнозернистого песка в тесте. Они представлены банковидными, тюльпановидными, биконическими и округлобокими формами. Орнаментировались они расчлененным валиком, шишечками, расположенными симметрично с четырех сторон корпуса, налепными «полумесяцами», пальцевыми защипами и т. д. Широко распространенными были также фракийские миски и черпаки.

Из предметов бытового назначения чаще всего встречаются разнообразные ножи, цепи, двух- и трехзубые небольшие железные вилы, листовидная железная бритва, пружина трубчатого замка, кресала, костыли, точильные камни, оковки от деревянной тары.

Украшения генетически связаны с кельтскими древностями. Среди них наиболее представительными являются браслеты, поясные цепочки, фибулы, бусы, а также единичные экземпляры колец, перстней, ракушек.

Браслеты были ручные и ножные. Изготовлялись они из бронзы, железа, стекла, сапропелита, ножные — всегда из меди. Основной тип ручных браслетов украшен сочетанием бородавчатых выступов.

Поясные цепочки кельтских типов являлись неотъемлемой принадлежностью женского и мужского народного костюма, а также воинов.

Фибулы немногочисленны, они принадлежат к проволочным одночленным фибулам I в. до н. э.

Большинство датирующихся находок из памятников Закарпатья имеет аналогии в закрытых комплексах латенских древностей Средней Европы и в целом могут быть отнесены ко II—I вв. до н. э.

Надежным источником для датировки являются серебряные монеты, массовое распространение которых в Восточной Словакии и Закарпатье приходится на середину II в. до н. э. [Ondruch, 1964, с. 22; Castelin, 1958, с. 77—82]. Железный кинжал с антропоморфной ручкой [Kudrnsč, 1956, с. 487—490] и женская поясная бронзовая цепочка с эмалью [Filip, 1956, с. 169—197] датируются II в. до н. э. Ко II—I вв. до н. э. относятся два длинных меча из поселения Галиш-Ловачка, а также медные ножные браслеты из этого же поселения и Малобеганьского клада [Filip, 1956, с. 136; Lajos, 1933, с. 38]. Им синхронны ручные бронзовые, стеклянные и сапропелитовые браслеты (Benadik, 1955, с. 774], а также проволочные железные гладкие фибулы и с шариком на спинке, бытовавшие во II—I вв. до н. э.

Более ранней является духцовская фибула из Куштановицкого могильника, тип которой известен уже в середине III в. до н. э. и бытует до I в. до н. э. [Filip, 1956, с. 99—102]. Из Га-

лиш-Ловачки известна бронзовая профилированная фибула с длинным приемником, датирующаяся в пределах I в. до н. э. [Kolnik, 1961, с. 245]. Последней четвертью I тыс. до н. э. датируется гончарная графитовая керамика с вертикальными расчесами [Benadik, 1962, с. 388 — 289).

На основании упомянутых изделий, а также других находок латенская культура в Закарпатье, в целом, может быть отнесена ко времени от рубежа III—II вв. до н. э. и до самого рубежа нашей эры. Латенская культура Закарпатья сложилась на основе двух компонентов: местной куштановицкой культуры скифского времени и среднеевропейской латенской. Под влиянием Латена коренным образом меняется облик примитивной куштановицкой культуры, появляются высокоразвитые металлургия и металлообработка черных и цветных металлов, приобретает распространение гончарный круг, резко возрастает торговый обмен, начинает чеканиться местная монета, происходит техническое перевооружение земледелия. Ряд населенных пунктов превращается в крупные ремесленно-производственные центры.

Этническая принадлежность латенских памятников Закарпатья представляется довольно сложной. Археологические материалы позволяют заключить, что носители куштановицкой культуры раннего железного века являлись в позднелатенское время основным населением Верхней Тисы. Их, видимо, и следует считать главными носителями Латена Закарпатья.

Северофракийскому куштановицкому населению принадлежат курганные могильники с трупосожжением, господствующие в Латене Закарпатья. С куштановицкими племенами связана вся лепная керамика поселений и могильников, на долю которой приходится около 70% глиняных изделий. В то же время организация ремесленного производства, состав гончарной керамики, ювелирных изделий и монетная система без сомнения свидетельствуют о присутствии в Закарпатье кельтского этнического компонента, и, если он почти незаметный, неуловимый в материале большинства поселений, то в ремесленных центрах типа Галиш-Ловачки и Ново-Клиново этот элемент весьма значителен.

Пшеворская культура и волыно-подольская группа

Основной территорией распространения пшеворской культуры является южная и центральная Польша в междуречье Вислы и Одера. В восточном направлении памятники этой культуры достигают бассейна Западного Буга и верхнего течения Днестра. Свое название культура получила от г. Пшеворск Жешувского воеводства в Польше, возле которого в с. Гаць в 1905 г. исследован большой могильник.

Пшеворская культура сформировалась в начале II в. до н. э. на основе местной поморско-клешевой культуры под сильным влиянием латенской («кельтской») культуры [Godłovski, 1981, s. 57—59] и просуществовала вплоть до IV — начала V в. н. э., когда на смену ей приходит славянская культура пражского типа.

Памятники пшеворской культуры в Польше в настоящее время довольно хорошо изучены. Исследовано более 40 больших могильников, ряд поселений, на основе которых ведутся широкие разработки ее хронологии, социально-экономического развития, этнической принадлежности.

Пшеворские древности представляют культуру оседлого земледельческого населения со стационарными поселениями неукрепленного типа и большими могильниками. На поселениях открыты наземные и полуземляночные жилища столбовой и срубной конструкции. Рядом находились хозяйственные постройки наземного типа и ямы-погреба. Погребальный обряд характеризуется трупосожжениями двух типов: ямным и урновым. Погребения воинов сопровождались предметами вооружения. На территории пшевор-

ской культуры известны крупные ремесленные центры производства железа и гончарной керамики (район Свентокжицких гор, Новая Гута, Иголомья), обслуживавшие большие территории, в том числе римские провинции.

Наличие разнокультурных компонентов в составе пшеворской культуры породило противоречивые гипотезы об этнической принадлежности ее носителей. В довоенные и первые послевоенные годы преобладало мнение о славянской (венедской) принадлежности населения пшеворской культуры. Особенно последовательно эту точку зрения отстаивали Ю. Костшевский и его ученики. В настоящее время в польской литературе превалирует мнение, отождествляющее пшеворское население с германским племенем лугиев, известным на этой территории в первых веках нашей эры по письменным источникам [Godłovski, 1981, s. 134—135]. Однако ряд польских и советских исследователей отстаивают мнение о пребывании в составе пшеворской культуры и славянского компонента [Русанова, 1976, с. 205—215; Седов, 1979, с. 62—64].

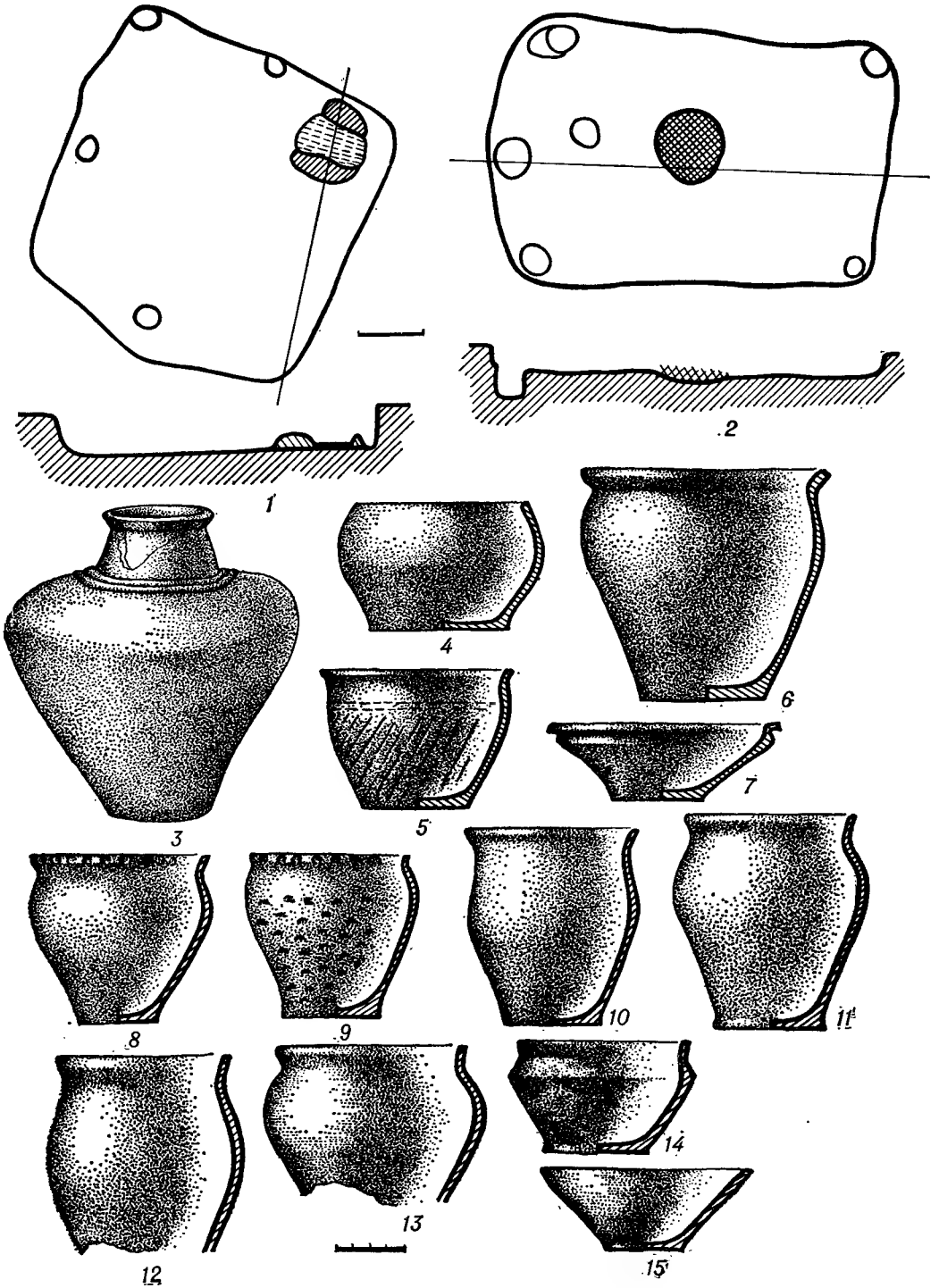
На территории УССР памятники пшеворской культуры распространены в бассейнах Западного Буга и Верхнего Поднестровья. Наиболее восточным памятником является поселение у с. Подрожье на р. Стоход (правый приток Припяти), южным — поселение у с. Комарно на р. Верещица (правый приток Днестра). Несколько поселений с материалами пшеворской культуры открыты и в Среднем Поднестровье. На Волыни пшеворские племена соседствовали с зарубинецкими, в Поднестровье — с фракийскими племенами.

Кроме поселений, открытых в последние годы, известны единичные пшеворские погребения или их группы, расположенные южнее и восточнее ареала культуры (в Среднем Поднестровье, на Подолии, в Закарпатье).

Первые памятники пшеворской культуры в виде отдельных погребений, сопровождающихся предметами вооружения, открыты случайно еще в конце XIX в. Часть из них, расположенную *в Верхнем Поднестровье и Западном* Побужье, впервые опубликовал В. Деметрикевич, потом К. Гадачек [1909, s. 18—21], в Закарпатье — Л. Легоцкий [1912, s. 87]. Полную обработку и обобщение всех известных пшеворских древностей на западноукраинских землях осуществил в 30-х годах нынешнего столетия М. Ю. Смишко [1932]. Им доказано, что пшеворские памятники существовали здесь с середины I в. до н. э. — до III в. н. э. и являются следами продвижения германских племен в Попрутье и Семиградье.

В послевоенные годы получены новые материалы пшеворской культуры в западных областях УССР. На двух смешанных пшеворско-липицких могильниках в Звенигороде И. К. Свешниковым обнаружено шесть погребений пшеворского типа. Важное значение имеют материалы, открытые Г. И. Смирновой в Незвисках, В. Д. Бараном — в Черепине. Исходя из новых данных, М. Ю. Смишко предположил возможность существования в Поднестровье локальной группы первых веков нашей эры, близкой к пшеворской культуре Повисленья, которую можно рассматривать как возможный компонент славянской культуры [1959, с. 20].

Систематические работы по исследованию пшеворской культуры в Поднестровье и на Волыни начались в последнее десятилетие. Начиная с 1973 г. Д. Н. Козак открыл около 30 поселений этой культуры. Большинство из них содержит материалы зарубинецкого типа. Многие из открытых поселений подвергнуты археологическим раскопкам (Подберезцы, Сокольники I, Пасеки-Зубрицкие, Чишки, Зубра, Подборцы, Давыдов, Березец в Верхнем Поднестровье, Бернашевка, Великая Слободка в Среднем Поднестровье, Боратин I, II, Горькая Полонка II на Волыни). Исследования проводились и на могильнике пшеворской культуры в с. Гринев Львовской области. Значительный материал получен


1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15

при раскопках смешанного пшеворского-липицкого могильника в с. Звенигород на усадьбе М. Великача.

На Волыни И. П. Русановой, В. К. Воляником проведены широкие исследования пшеворского и пшеворско-зарубинецкого поселения у с. Подрожье. В Среднем Поднестровье С. П. Пачковой осуществлялись многолетние раскопки позднелатенского пшеворского поселения возле с. Горошевая Тернопольской области. В настоящее время в распоряжении исследователей имеются материалы из 24 отдельных погребений и их групп, двух могильников и более чем 30 пшеворских и пшеворско-зарубинецких поселений.

Поселения располагались в долинах рек и ручейков на песчаных мысах, на первых надпойменных террасах (позднелатенское время) и на средней части склонов оврагов, балок (римское время). Размеры ранних поселений составляли 0,2—0,4 га, поздних —1,3—1,4 га.

На поселениях выявлены жилые постройки, хозяйственные сооружения и ямы, открытые очаги. На памятниках в Подберезцах, Пасеках-Зубрицких, Сокольниках I жилища размещались вдоль речки или склона на расстоянии 10—20 м друг от друга без какой-либо системы. Планировка жилищ устойчива, все они ориентированы стенками по сторонам света, причем длинные стенки обращены к солнцу. Большая часть хозяйственных сооружений, обнаруженных на поселениях, расположена недалеко от жилищ, что косвенно может свидетельствовать о наличии отдельных хозяйственных единиц. Такая застройка поселений характерна для всей территории, где обитали пшеворские племена, и вполне соответствует описанию поселений народов «Германии» римским историком I в. н. э. Корнелием Тацитом: «Свои села они размещают не так как мы..., а каждый из них оставляет вокруг своего дома просторный участок» [1970, т. 2, *16,* с. 360].

Жилищами служили углубленные и наземные сооружения. Преобладают первые. Они имеют прямоугольную, реже квадратную форму и опущены в материк на 0,2—0,6 м. Площадь их составляет от 14 до 20 м². В одном из углов, как правило, с северной части жилища или в центре в небольшом углублении находилось отопительное устройство. Это открытый очаг, выложенный камнями или подмазанный глиной, реже — глинобитная печь. Нередко очаги отделялись от остальной площади жилища перегородкой. В некоторых жилищах вдоль одной из длинных стен оставлялся материковый выступ, который облицовывался деревом и использовался для хозяйственных нужд или служил лежанкой.

По углам и посредине коротких стен размещались ямки от столбов, поддерживающих стену и крышу. Стены имели столбово-каркасную или срубную конструкцию. С внутренней и, возможно, с внешней стороны стены обмазывались глиной, обожженные куски которой в значительном количестве обнаружены в заполнении жилищ. Крыша опиралась на столбы, расположенные посредине стен. На них укладывалась перекладина (коньковый прогон), к которой крепилась верхняя часть стропил. Нижние концы стропил опирались на бревна длинных стенок. Крыша двухскатная и крылась соломой или сеном, возможно, хворостом.

Наземные жилища на поселениях единичны и появляются только в начале позднеримского времени, то есть в конце II в. н. э. Остатки таких жилищ представлены бо́льшим или меньшим скоплением глиняной обмазки на уровне древней поверхности с отпечатками хвороста и деревянных конструкций на одной из сторон. Как правило, они имели прямоугольную форму площадью 16—18 м². Пол прослеживается

Рис. 8. Пшеворская культура и волыноподольская группа. Планы жилищ и лепная посуда:
1 — Пасека-Зубрицкие, жилище № 11;
2 — Подберезцы, жилище № 6;
3 — урна из погребения в Беньдюге;
4—15 — лепная керамика из поселения Пасеки-Зубрицкие (4, 6—10, 13, 15), Подберезцы (5, 12, 14) и Давыдов (11).

слабо, очевидно, он был земляным. В одном из углов размещался очаг, выложенный камнями. Судя по отпечаткам деревянных конструкций на кусках глиняной обмазки, наземные жилища строились на деревянной основе. Опорой стенок плетневой конструкции и крыши были вертикально вбитые в землю столбы, стоявшие по углам и посредине стенок. Ямки от таких столбов открыты в ряде жилищ. С внутренней и внешней сторон стены обмазывались глиной. Следов от верхнего перекрытия жилищ не найдено. Крыша, очевидно, имела конструкцию, близкую к углубленным жилищам.

Хозяйственные сооружения, находившиеся возле жилищ, представлены наземными постройками и ямами. Первые не имеют устойчивой формы. Одни из них прямоугольные, другие — близки к круглым и квадратным. Дно незначительно углублено в землю. Они занимают от 8 до 15 м², но иногда и больше — до 20 м². Внутри размещались одна или несколько подвальных ям, вдоль стенок и по углам — ямки от столбов. Последние были основой стенок и крыши построек.

Хозяйственные ямы округлой и овальной формы с вертикальными стенками и ровным дном. Их диаметр составляет 0,8—2 м, глубина 0,7—1,5 м. Нередко стенки и дно ям подмазаны глиной и обожжены.

Хозяйственные сооружения и погреба использовались для хранения продуктов земледелия и животноводства, кормов для животных и т. п.

Могильники пшеворской культуры расположены, в основном, на возвышенностях. Преобладающее большинство погребений представляет собой плоские могилы без каких-либо конструкций на поверхности. В двух случаях погребения опущены в более ранние курганы (Каменка Великая, Капустинцы). В Братове (Закарпатье) несколько пшеворских погребений открыты под курганной насыпью, характерной для культуры карпатских курганов.

Все погребения совершены по обряду трупосожжения в урне. Кальцинированные косточки тщательно очищались от остатков костра. Некоторые урны накрывались умбоном, каменной плиткой, фрагментом керамики. Важным элементом погребального обряда было сопровождение умершего ритуальным инвентарем. В могилу клали мелкие фрагменты керамики, предметы военного снаряжения, хозяйственные вещи, предметы убора. Все предметы имеют, как правило, следы пребывания в огне. Оружие и другие острорежущие предметы переломаны на две-три части или согнуты.

Специфической особенностью пшеворских погребальных памятников Поднестровья и Западного Побужья, а также Закарпатья является то, что большинство погребений совершены на небольших могильниках или в одиночку. Преобладающая их часть сопровождалась оружием. Отсюда возникло представление, что наличие в погребениях оружия является неотъемлемой чертой погребального обряда пшеворских племен. В ходе дальнейших исследований выяснилось, что оружие находилось лишь в отдельно совершенных погребениях конца II — начала III в. н. э. На могильниках оно встречается редко и найдено лишь в 29% погребений.

Внимание привлекает относительно большое количество мечей и предметов снаряжения всадника в отдельно совершенных погребениях. Так, лишь в Поднестровье и Западном Побужье в 21 таком погребении обнаружено 13 мечей, которые на могильниках пшеворской культуры в Польше встречаются очень редко. Найдено большое количество шпор (25 экз.), но в Польше они встречаются в одном из пяти погребений с оружием.

Основное количество оружия (62%) относится к концу II — началу III в. н. э. То же наблюдается и в Закарпатье. Приведенные данные свидетельствуют о пребывании в Поднестровье и Закарпатье в упомянутое время хорошо вооруженных воинских конных от-

рядов и об активных военных действиях.

Типично пшеворским является также обычай вонзать оружие в дно погребальной ямы, что прослежено в одном из погребений на могильнике в с. Гринев. Здесь в дно погребальной ямы было воткнуто три части меча. Кроме мечей, для таких целей использовались наконечники копий, ножницы и другие острые предметы.

По особенностям погребального обряда могильники Поднестровья и Западного Побужья наиболее близки погребальным памятникам Юго-Восточной Польши (Копки, Гаци).

Керамика населения Поднестровья и Западного Побужья на рубеже и в первых веках нашей эры в основном лепная. Это горшки, миски, кружки. В позднелатенское время все сосуды имели утолщенные, профилированные венчики, сглаженную или специально ошершавленную поверхность корпуса. В римское время преобладают грубые, толстостенные горшки [Козак, 1978, с. 78—80]. Керамика поселений отличается от сосудов, найденных в погребениях. Последние более совершенны, разнообразны по форме, часто орнаментированы. Со второй половины I в. н. э. на поселениях появляется в небольшом количестве кружальная керамика липицкой культуры.

С третьей четверти II в. н. э. в Верхнем Поднестровье получают распространение гончарная керамика (преимущественно миски) и амфорная тара из Северо-Западного Причерноморья. Миски изготовлены из очищенной глины, лощеные, богато орнаментированы. В III в. н. э. гончарная керамика уже изготовлялась на месте, о чем свидетельствуют открытые на этой территории гончарные мастерские (Репнев II, Неслухов, Сокольники).

Кроме керамики на поселениях и могильниках найдены многочисленные предметы производственного назначения, оружие, украшения. Из глины изготовлялись пряслица, грузила, катушки для ткацких станков, льячки и тигли для ювелирного производства. Из железных изделий, связанных с ремеслами, следует назвать шилья, топоры, тесла. Украшения представлены фибулами, булавками, бусинами, костяными амулетами; поясной набор состоит из разнообразных скреп для пояса, пряжек. К бытовым предметам относятся ножи, гребни, ключи, бритвы, ножницы, кресала. Разнообразны предметы вооружения, обнаруженные в погребениях.

Необходимо назвать искусно изготовленную из бронзы накладку ножен меча, найденную в богатом погребении пшеворской культуры на могильнике Гринев. Оборотная сторона ножен была оббита тонкой бронзовой жестью, а лицевая — украшена чеканными зооморфными образами. В прямоугольных рамках изображены волк, терзающий жертву; грифон; акт священного брака героя и героини; баран, поедающий молодые стебли; вооруженный всадник. Все пять изображений объединены единой завершающей композицией, передающей древний мифологический сюжет о происхождении рода [Козак, Орлов, 1982]. Оковка нижней части ножен вычеканена из бронзовой пластины и имеет форму дуги. Края пластины загнуты внутрь, образуя желобок, в который вкладывался конец ножен. Ножны изготовлены в придунайских провинциях Рима по заказу и принадлежали одному из вождей пшеворских племен Поднестровья в начале I в. н. э. Они представляют значительный интерес для изучения уровня и характера идеологических воззрений населений Поднестровья первых веков нашей эры.

Вещевые находки, в частности фибулы, пряжки, гребни, некоторые предметы вооружения и керамики, датируют древности пшеворского типа западных областей УССР началом I в. до н. э.— III в. н. э. Тщательное изучение материалов, широкое исследование поселений возле с. Подберезцы и с. Пасеки-Зубрицкие Львовской области, подкрепленное рядом датирующих предметов из многочисленных

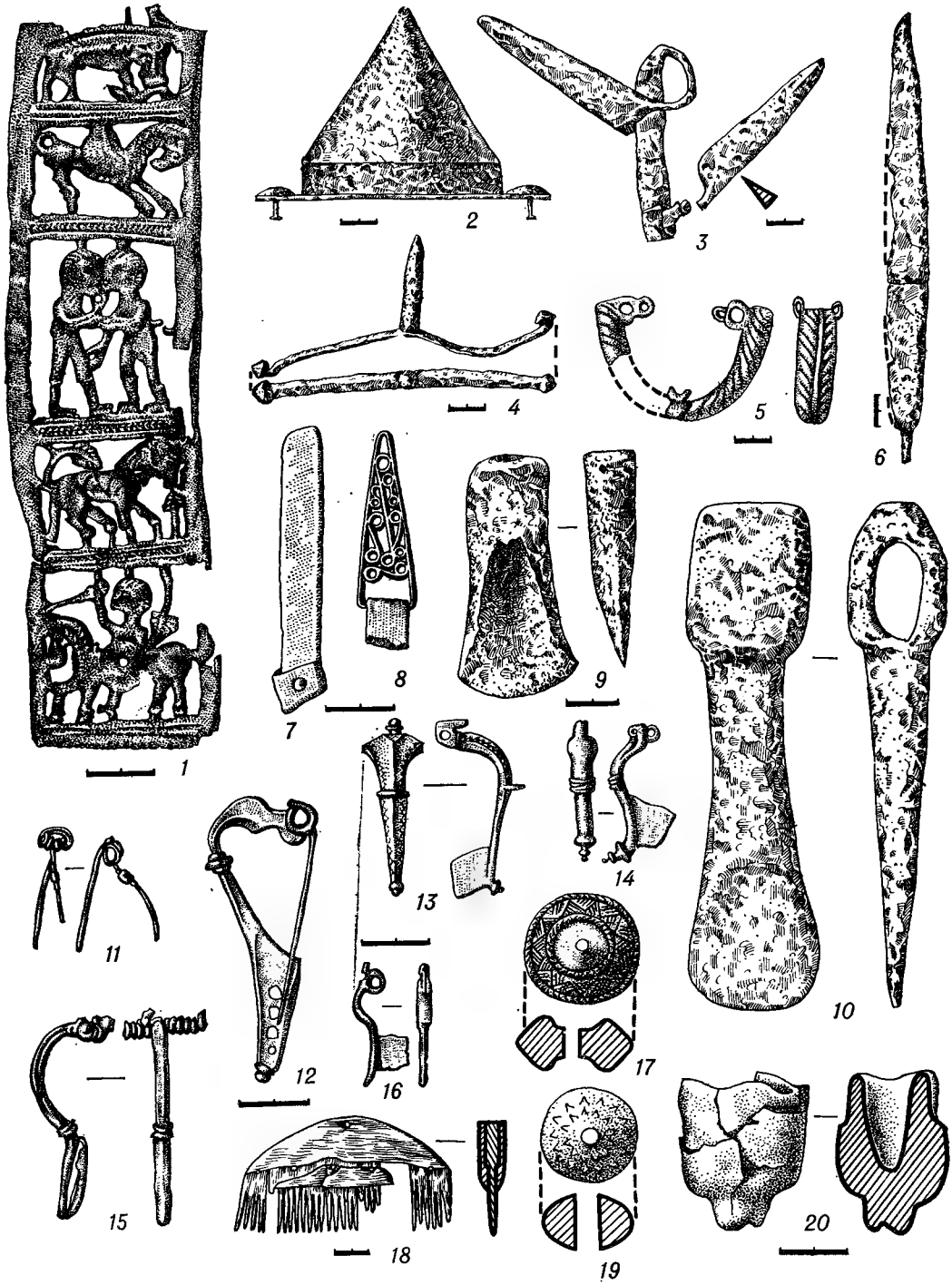


Рис. 9.
Пшеворская культура и волыно-подольская группа.

Изделия из металла, кости, глины:
1—8, 12 — Гринев;
9, 10, 16, 17, 19, 20 — Сокольники I;
11 — Бернашевка;
13 — Пасеки-Зубрицкие;
14, 15, 18 — Подберезцы.

объектов, а также других поселений и могильников, позволили выделить три хронологических периода непрерывного развития материальной культуры населения рассматриваемой территории.

В объектах, представляющих первый период, найдена исключительно пшеворская позднелатенская керамика с утолщенными, профилированными венчиками, которая по многим аналогиям в Польше датируется средней и поздней фазами позднелатенского времени (I в. до н. э.— середина I в. н. э.). Этому периоду соответствуют поселения в Чишках, Комарно, Поповичах, Подрожье (нижний слой), ряд погребений могильника в Гриневе с проволочными шпорами, позднелатенскими типами мечей и наконечников копий.

В поселениях, относящихся ко второму периоду, наряду с раннеримскими формами пшеворской керамики встречаются пшеворские керамические сосуды позднелатенского времени, кружальная и лепная керамика липицкой культуры, лепные плоские диски и керамика зарубинецкой культуры. К этому периоду относятся поселения у сел Подборцы, Зубра, Пасеки-Зубрицкие, Подберезцы, Майдан-Гологорский в Верхнем Поднестровье, Бернашовка, Великая Слободка I в Среднем Поднестровье, Подрожье, Хоров, Боратин I, Горькая Полонка II на Волыни. Из погребальных памятников назовем захоронение в могильниках Гринев, Звенигород, отдельные погребения в могильнике возле Хотимира, Лучке, Монастырихе. Здесь найдены пластинчатые шпоры с высоким острым шипом, остропрофилированные и трубчатые фибулы, умбоны с острым слабо выделенным шипом, бусы из египетского фаянса, пряжки, которые в целом датируются второй половиной I—II в. н. э.

На поселениях третьего периода основную массу керамики составляют горшки, имеющие своими прототипами зарубинецкие и пшеворские формы. Редко встречаются миски и кружки. Лощение и ошершавленность поверхности сосудов исчезают. Наряду с лепной на большинстве памятников найдена кружальная керамика провинциально-римского типа, обломки амфор. Хронология этих комплексов определяется фибулами, производными от остропрофилированных, с высоким приемником и ранними подвязными, трехчастными костяными гребнями с дуговидной спинкой и др., датирующиеся последней четвертью II—III в. К этому периоду относятся поселения возле с. Сокольники (I и II), поселения недалеко от сел Давыдово, Жировка, Подберезцы, Пасеки-Зубрицкие в Верхнем Поднестровье, Великая Слободка I в Среднем Поднестровье. Несколько дольше — до начала IV в. существовали поселения в селах Подберезцы, Березец. Погребальные памятники этого времени представлены большим количеством отдельных погребений с оружием, сконцентрированными вдоль обоих берегов среднего течения Днестра, в Закарпатье и верховьях Западного Буга.

Главным занятием населения Верхнего Поднестровья и Западной Волыни в первой половине I тыс. н. э. было земледелие и приселищное животноводство. Как показали палеоботанические исследования, основными зерновыми культурами было просо, пшеница, рожь, ячмень. Из бобовых и технических культур выращивали горох, чечевицу, коноплю. В составе домашнего стада преобладал крупный рогатый скот, который использовался, в первую очередь, как тягловая сила. Разводили свиней, овец и коз. На высоком уровне находились добыча и обработка металлов, ювелирное ремесло, дерево- и костеобработка, прядение и ткачество.

На протяжении I в. до н. э.— III в. н. э. культура Верхнего Поднестровья и Западной Волыни постепенно изменялась.

В первом периоде она практически не отличается от пшеворской культуры Польши: одинаковы топография

поселений, жилые и хозяйственные постройки, идентична керамика, изделия из металла, погребальный обряд. Характер культуры в рассматриваемом регионе существенно меняется с середины I в. н. э. в результате интеграции пшеворской, липицкой и зарубинецкой культур. Этот процесс с течением времени приводит к образованию волыно-подольской культурной группы, существенно отличающейся от пшеворской культуры на запад от Вислы.

С липицкими племенами, появившимися в Поднестровье в середине I в. н. э., пшеворское население проживало в непосредственной территориальной близости и в мирных отношениях, что способствовало установлению тесных контактов. О взаимосвязях липицкого и пшеворского населения свидетельствуют материалы могильника в Звенигороде (усадьба Великача), где отмечен симбиоз липицких и пшеворских элементов погребального обряда [Козак, 1978а]. Активные пшеворско-липицкие взаимовлияния прослеживаются на материалах поселений. В пшеворских объектах второго периода встречается кружальная керамика липицкой культуры (фрагменты горшков, чаши на высокой ножке), которая импортировалась из липицкой среды. В отдельных жилищах и культурном слое поселений найдены фрагменты лепных горшков липицкой культуры. Пшеворское население заимствовало у липицких племен некоторые элементы хозяйственной деятельности и духовной культуры. Через липицкие племена осуществлялась связь пшеворского населения с придунайскими римскими провинциями, откуда в Верхнее Поднестровье поступали изделия из глины и металла. В равной степени наблюдается процесс обратного взаимодействия. Пшеворские сосуды, металлические изделия, в частности предметы вооружения, вещи хозяйственного и бытового назначения открыты практически на всех липицких поселениях.

С середины I в. н. э. в Западную Волынь и Поднестровье проникают группы зарубинецкого населения из Полесья и Среднего Поднепровья. Они селились на уже существовавших пшеворских поселениях, иногда смешиваясь с липицким населением (Ремезовцы). Зарубинецкое население сохраняло свои культурные традиции, особенно в изготовлении керамики. Зарубинецкие сосуды составляют на памятниках Верхнего Поднестровья раннеримского времени около 30% керамического комплекса.

Влияние зарубинецких племен сказалось и в жилищном строительстве: появляются полуземлянки квадратной формы со срубной конструкцией стен. В свою очередь, пшеворские племена в I в. н. э., проникая на восток и юго-восток, активно воздействовали на население Поднепровья и Южного Побужья. Об этом свидетельствует появление ряда элементов пшеворской культуры в материалах местных памятников. Благодаря пшеворско-зарубинецким контактам на обширном пространстве между Западным Бугом и Днепром образуются своеобразные древности, характерной чертой которых является сочетание пшеворских и зарубинецких элементов. Однако формирование на этой территории новой культуры было прервано в конце II в. вторжением на Волынь и Подолию вельбарских племен (готов).

В Поднестровье, не затронутом готским вторжением, в результате пшеворско-зарубинецкого интеграционного процесса во второй половине II в. н. э. образовались качественно новые памятники, отражающие следующий этап этнокультурного развития носителей волыно-подольской культурной группы. Поселения размещаются на средней части склонов, обращенных к солнцу. Жилища имеют стойкий и однообразный характер и представлены прямоугольными или квадратными полуземлянками с очагом посередине пола или в одном из углов, реже глиняной печкой в углу, пристенным материковым выступом-прилавком, столбовыми ямами по углам и посередине

противоположных стенок. В это же время появляются наземные глинобитные жилища.

Среди лепного керамического комплекса описываемых памятников уже трудно выделить зарубинецкие или пшеворские сосуды. Основной формой являются горшки вытянутых пропорций с легко отогнутыми венчиками и высокими округлыми плечиками, биконические и округлобокие сосуды. В керамике отсутствуют липицкие элементы. Лепной керамический комплекс имеет много сходных черт с керамикой киевской культуры Правобережья. Со второй половины II в. н. э. появляются гончарные миски провинциально-римского типа, амфоры, южные типы фибул, бус и другие изделия южного происхождения. На поселениях значительно увеличивается количество металлических изделий, в частности, орудий труда, появляются ротационные жернова. По данным палеоботанического анализа, большинство зерен культурных злаков найдено на поселениях II—III вв. н. э., что позволяет говорить о заметном росте экономики местных племен.

Во второй половине III в. н. э. в Поднестровье сформировались памятники черняховского типа. Сравнение основных элементов культуры волынопольского и черняховского населения указывает на их значительную близость. Одинаковы топографические условия размещения поселений, жилища, хозяйственные постройки. Близки также лепные сосуды, предметы быта, украшения. Наблюдаемые отличия в культуре этих двух групп населения объясняются неодинаковым уровнем социально-экономического развития. Приведенные данные свидетельствуют, что в рассматриваемом регионе с изменением культуры не происходит смены населения. Основными носителями культуры черняховского типа являлось местное население, потомки зарубинецко-пшеворских племен.

Вопрос об этнической принадлежности носителей памятников первой четверти I тыс. н. э. в Верхнем Поднестровье и Западной Волыни можно решить путем их сопоставления с более поздними, этнически определенными памятниками. Таковыми являются древности черняховского типа, генетическая связь которых с ранесредневековой славянской культурой доказана В. Д. Бараном [Баран, 1981, с. 163—177]. В свою очередь, устанавливается преемственность между черняховскими древностями и памятниками волынопольской группы. Следовательно, можно предположить, что этнокультурный процесс, происходивший в Поднестровье и Западной Волыни в I в. до н. э.— IV в. н. э., является процессом формирования одной из восточных групп раннеславянских племен.

Что же касается единичных пшеворских погребений с оружием конца II—III в., о которых речь шла выше, то связь носителей этих памятников с местным населением Поднестровья и Волыни не установлена. Во всяком случае они не оставили какого-либо следа в местной культуре и не нарушили ее развития. Очевидно, это были, по определению М. Ю. Смишко, небольшие вооруженные отряды позднепшеворского населения Мазовии, продвигавшиеся по течению Западного Буга и Днестра в Попрутье и Семиградье.

Липицкая культура

Липицкая культура получила свое название от большого могильника с трупосожжениями, открытого в 1889 г. у с. Верхняя Липица Рогатинского района Ивано-Франковской области. Двухлетние раскопки И. Коперницкого (1889—1890 гг.) явились началом ее изучения.

Дальнейшие исследования могильника не производились, в литературе появилось лишь краткое упоминание о нем с датировкой материала [Pautowicz, 1898, с. 4; Demetrykiewicz, 1898, с. 130].

Первым попытался проанализировать полученные материалы и выде-

лить их в отдельную культуру в 1911 г. К. Гадачек [Hadaczek, 1912, с. 23—28]. Им высказано предположение, что липицкая культура возникла на базе развития местных культур под влиянием причерноморской греко-римской цивилизации.

Вторым памятником липицкой культуры было открытое и частично исследованное в 1926 г. поселение у с. Незвиско Ивано-Франковской области. В 30-е годы обнаружено еще несколько памятников липицкой культуры и среди них могильник у с. Гринев на Львовщине, исследовавшийся М. Смишко в 1930 г. На основании анализа материалов из Верхнелипецкого и Гриневского могильников М. Ю. Смишко доказал существование в первых веках нашей эры отдельной липицкой культуры [Śmiszko, 1932, с. 179].

Рассмотрению памятников липицкой культуры посвящена и работа М. А. Тихановой [1941].

Исследование памятников липицкой культуры началось в основном в послевоенные годы. В 1947 и 1960 гг. раскапывалось поселение у с. Залески Львовской области [Смішко, 1952, с. 337—350]. Два углубленных жилища открыты В. Д. Бараном в 1954—1955 гг. при исследовании черняховского поселения у с. Черепин под Львовом [Баран, 1961]. В 1962—1964 гг. В. Н. Цыгылыком проведены широкие исследования на поселении липицкой культуры у с. Верхняя Липица, расположенном рядом с известным Верхнелипицким могильником [Цигилик, 1965, с. 180—184; 1975].

Интересное поселение открыто и широко исследовано в 1965—1968 гг. в верховьях р. Золотая Липа возле с. Ремозовцы Золочевского района Львовской области. Здесь вместе с керамикой липицкой культуры найдены материалы зарубинецкого типа. В этом же районе аналогичное поселение открыто у с. Майдан-Гологорский [Цыгылык, 1971].

Два жилища с материалами липицкой культуры раскопаны В. Д. Бараном в 1966 г. у с. Зеленый Гай Тернопольской области [1967]. Кроме поселений исследовались могильники и отдельные погребения [Свешников, 1957]. В. Н. Цыгылыком почти полностью исследован могильник у с. Болотня Львовской области в 1977 г. [1978]. В 1979 г. им же проведены раскопки поселения у с. Водники под Львовом; в результате изучены три жилища и остатки железоплавильного горна [Цыгылык, 1980].

Всего к настоящему времени исследовано 16 памятников липицкой культуры — поселений, могильников, отдельных погребений.

Территория распространения памятников липицкой культуры охватывает левобережье Верхнего Днестра от р. Верещица на западе до р. Острица на востоке. Наиболее выдвинутым на юго-восток является поселение в с. Зеленый Гай. Согласно результатам исследований последних лет, северная граница культуры проходит по верховьям притоков р. Днестр, немного южнее Львова и Золочева (Черепин, Водники, Лагодов, Ремезовцы), а южная — по р. Днестр. И только поселение у с. Незвиско Ивано-Франковской области находится на правом берегу р. Днестр.

Поселения липицкой культуры занимают южные или юго-западные склоны надпойменных террас рек, ручьев и неглубоких балок и тянутся полосой вдоль склонов.

В размещении объектов на поселениях наблюдается некоторая закономерность. Так, на поселении в с. Ремезовцы жилища вместе с хозяйственными постройками и очагами тянулись тремя полосами вдоль склона. То же наблюдается и на Верхнелипицком поселении. Можно даже предположить существование на поселениях отдельных комплексов.

Жилища делятся на два типа: наземные и углубленные. Наземные жилища открыты на поселениях у сел Залески [Смішко, 1952, с. 338—340], Водник [Цыгылык, 1980, с. 347] и на поселении в с. Ремезовцы [Цигилик, 1975, с. 63].

Наличие кусков глиняной обмазки с отпечатками прутьев, а также столбовых ям на поселениях Верхняя Липица, Ремезовцы, Залески, Водники свидетельствуют о том, что каркас наземных жилищ состоял из плетня, обмазанного глиной. Так же могла строиться и наземная часть углубленных жилищ. Под скоплением глиняной обмазки наземных жилищ прослежены остатки печей (Залески) или очагов (Ремезовцы, Водники).

Преобладающим типом жилищ липицкого населения были полуземлянки глубиной 0,7—1,3 м и землянки, углубленные до 2,4 м от современной поверхности. Жилища имели четырехугольную, реже — овальную форму площадью до 25 м^2. Исключение составляет жилище VI Верхнелипицкого поселения, площадь которого превышала 46 м^2.

Четырехугольные жилища ориентированы стенками по сторонам света или соответственно линии края урочища. Большинство вырезанных в материке камер имело вертикальные стенки и ровный хорошо утрамбованный пол.

Входом служили вырезанные в материке ступеньки —лестницы, прослеженные в ряде жилищ липицких поселений.

Для обогрева жилищ и приготовления пищи использовались очаги, открытые на полу в некоторых полуземлянках (Верхняя Липица, Ремезовцы, Водники). Очаги или выкладывались из кусков песчаника, скрепленных глиной, или представляли собой обожженные до красного цвета глиняные площадки, иногда просто обожженную часть пола. Размеры очагов в среднем 07—1,0 м, но встречаются и несколько больше. Возле очагов находились предочажные ямы, заполненные пеплом. В двух жилищах на поселении в с. Бовшев раскопаны печи.

Остатки печей, очагов встречаются и за пределами жилищ. Оборудованные легкими навесами, они использовались в летнее время.

Неотъемлемой частью всех поселений являются многочисленные ямы. Большинство из них имели округлую в плане форму, слабо суженные книзу, иногда вертикальные стенки и закругленное дно. Диаметр ям 1,1—2,1, глубина 1,0—1,9 м от современной поверхности. Они использовались для хозяйственных нужд, нередко в них хранилось зерно (в яме из Верхнелипицкого поселения найдено большое количество обугленного проса).

Для лучшего представления о характере липицких поселений рассмотрим объекты, связанные с производством. В этом отношении особого внимания заслуживают жилища XI и XII на поселении у с. Ремезовцы.

Жилище XI представляло собой полуземлянку четырехугольной в плане формы с вырезанными в материке вертикальными стенками и ровным полом, углубленным на 0,92 м от современной поверхности. С восточной стороны к жилищу примыкало более глубокое сооружение — камера четырехугольной формы, одинаковой с жилищем ширины. Под северной и восточной стенками находилось материковое возвышение для более удобного подхода к железоплавильным горнам, вырезанным на борту сооружения. Четыре горна стояли рядом, пятый — в 0,7 м к западу от них. Все они имели округлую в плане форму с расширенными книзу стенками, ровным дном. В стенках прослежены продухи, выходившие внутрь сооружения.

Глубина сохранившейся части горнов 0,3—0,52 м, диаметр дна — 0,3—0,4, диаметр верхней части 0,2—0,28 м. На дне горнов обнаружен древесный уголь, на котором залегали железные шлаки.

Железоплавильный горн несколько большего размера открыт на борту жилища XII, представляющего собой землянку овальной в плане формы размером 5×5,3, глубиной 1,8 м от современной поверхности. Вырезанные в материке стенки землянки почти вертикальные, пол ровный. Под южной и юго-западной стенками — материковое

возвышение шириной 1,4 м с небольшой ровной площадкой в юго-восточной части. Площадка расположена перед вырезанным на борту жилища железоплавильным горном. Горн имел округлую в плане форму с почти вертикальными стенками и ровным дном. Его диаметр в верхней части 0,21 м, глубина 0,8, диаметр по дну 0,22 м. На высоте 0,45 м от дна горна находился продух диаметром 0,18 м, направленный под углом 45° к стенкам горна и выходивший на площадку. На дне горна обнаружен слой древесного угля толщиной 0,2 м, сверху — железный шлак.

Детальное обследование и разрезы стенок горнов, а также наличие большого количества железных шлаков в жилищах XI и XII показывают, что в них на протяжении длительного времени выплавляли железо.

Могильники липицкой культуры расположены на возвышенных местах вблизи поселений. Наличие хорошо исследованных могильников в селах Верхняя Липица, Болотня, Звенигород, Гринев позволяет достаточно полно осветить погребальный обряд населения липицкой культуры.

Основным и доминирующим способом захоронения было трупосожжение. Умерших сжигали на территории могильников на специально сооруженных кострах (ustrina). Следы трех костров открыты на Верхнелипицком могильнике [Smiszko, 1932, с. 62].

По свидетельству Геродота и Ксенофонта, обычай сжигать умерших на специальных кострах (ustrina) был распространен у фракийцев и, в частности, широко использовался дакийским населением на территории современной Румынии, что подтверждается и археологическими материалами [Macrea, Protase, Rusu, 1961].

Пережженные человеческие кости складывались в урны. Туда же помещали и мелкие предметы: фибулы, поясные пряжки, ножи, шила, бритвы, ключи, кресала, бусины, зеркала, пряслица. Иногда они лежали возле урны или под ней, например в могильниках Гринев и Болотня. Так, под урной погребений XXI в с. Болотня найдены бронзовая фибула, железная пряжка, пряслице; под дном урны погребения XXII — железные части от какого-то музыкального инструмента с цилиндриками-бубенчиками; под урной погребения XXIII — железный нож, шило и два ключа.

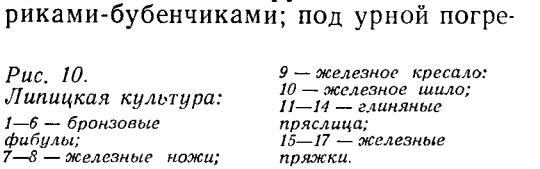


Рис. 10. Липицкая культура: 1—6 — бронзовые фибулы; 7—8 — железные ножи; 9 — железное кресало; 10 — железное шило; 11—14 — глиняные пряслица; 15—17 — железные пряжки.

Урны с прахом умершего, прикрытые мисками, чашами на высокой ножке, фрагментами горшков, реже каменными плитками, ставились в ямки и засыпались землей. Трудно сказать, как обозначались погребения на поверхности. Известны случаи нарушения одного погребения другим (Верхнелипицкий могильник).

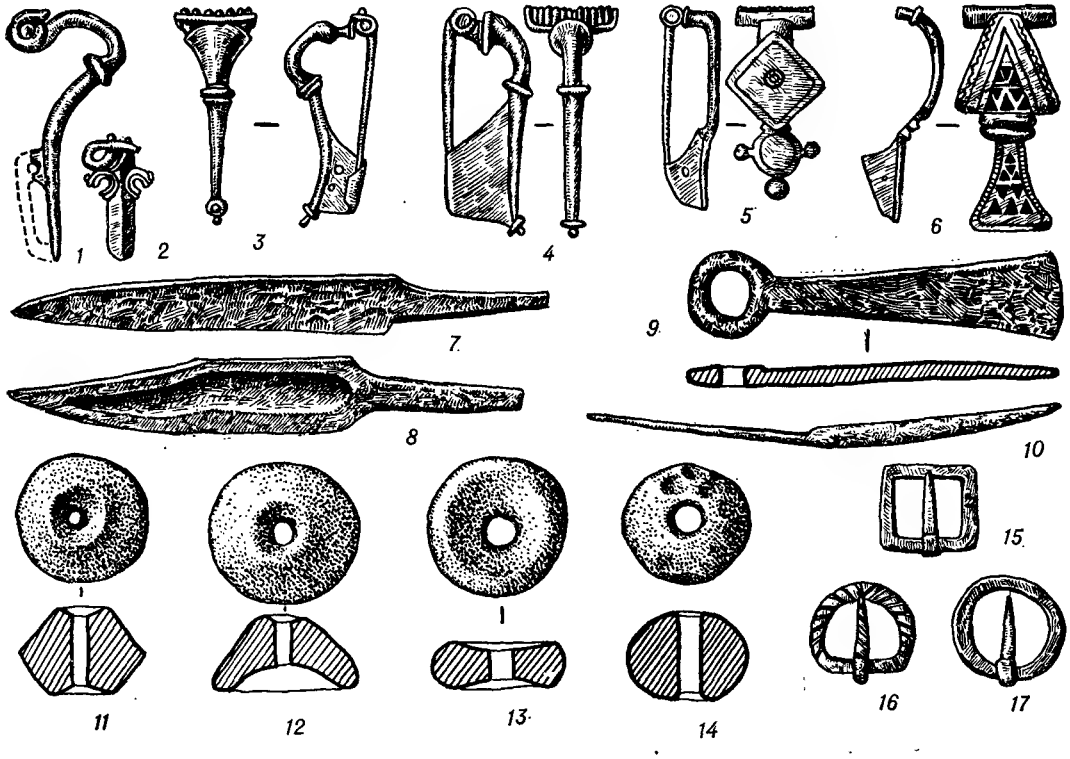
Кроме трупосожжений на липицких могильниках встречаются трупоположения. Однако можно считать, что они не присущи липицкому населению. Из семи трупоположений на могильнике в с. Верхняя Липица только одному сопутствовал характерный для липицкой культуры инвентарь, остальные были без каких-либо предметов. Но даже если предположить, что все семь погребений липицкие, то и в этом случае они составляли только 2,3%. На Гриневском могильнике трупоположения не обнаружены.

Погребальный обряд липицкого населения полностью отвечает способу погребения даков с территории современной Румынии, где известны те же типы погребений и специальные костры для сжигания покойников [Macrea, Rusu, 1960, с. 228].

Для полного представления о погребальных памятниках липицкого населения рассмотрим два богатых погребения в селах Колоколин Ивано-Франковской области и Чижиков Львовской области. В открытом в 1935 г. погребении в с. Колоколин найдены четыре

бронзовые фибулы, бронзовые пряжка, оковка и части пояса, ручка от кувшина с изображением Пана, фрагменты серебряных пластинок и ножек от так называемого сакрального столика. ке; небольшой толстостенный горшок, а также нижняя часть гончарного горшка.

Бронзовые предметы обоих погребений изготовлены в римских мастерских I в. до н. э.— начала I в. н. э. Сохранившийся в фрагментах серебряный сакральный столик из погребения в Колоколине изготовлен в кельтском стиле позднелатенского времени.



М. Ю. Смишко датировал погребение началом нашей эры [1935, с. 160].

Раскопанное в 1955 г. погребение в с. Чижиков представляло собой трупоположение, ориентированное головой на север. Кроме истлевшего войлока с бронзовой пластинкой в погребении найдены: бронзовая ойнохоя с широкой массивной ручкой, украшенной изображением головы и лап льва; сферическая миска на кольцевом поддоне; ручка от посоха (патер) с реалистическим изображением бараньей головки; две небольшие шпоры с фигурным основанием и тонкими шипами; маленькая пластинка полуовальной формы; лепная чаша на высокой нож-

Описанные погребения не являются типичными для липицкой культуры, возможно, они принадлежали племенной верхушке, уже не соблюдавшей липицкие погребальные обряды. Эти погребения могут свидетельствовать о разложении родового строя и о зарождении социального неравенства среди населения Верхнего Поднестровья.

Основную часть материала из поселений и могильников составляет керамика. По способу изготовления она делится на лепную и гончарную. Лепная керамика преобладает на поселениях, в погребениях ее значительно меньше. По составу глиняной массы, способу обработки поверхности и фор-

мам она подразделяется на две группы: с неровной шероховатой поверхностью и ровной залощенной.

Для первой группы типичны конические плошки с массивной вертикальной ручкой, тюльпановидные и округлобокие горшки различных размеров. Редко встречаются небольшие шаровидные горшки с загнутым вовнутрь венчиком. Нередко поверхность горшков первой подгруппы украшается налепными валиками с поперечными пальцевыми вдавлениями, косыми насечками, налепами с вдавлением по середине, реже горизонтальными волнистыми углубленными линиями. Вся эта керамика имела кухонное назначение.

Вторая подгруппа лепной посуды изготовлена более тщательно: стенки намного тоньше, лучше обожжены, поверхность ровная, заглаженная, часто залощеная, желтоватого или коричневого цвета. Орнаментация, как правило, отсутствует. Характерными формами являются биконические горшки, миски с загнутыми вовнутрь венчиками, не-

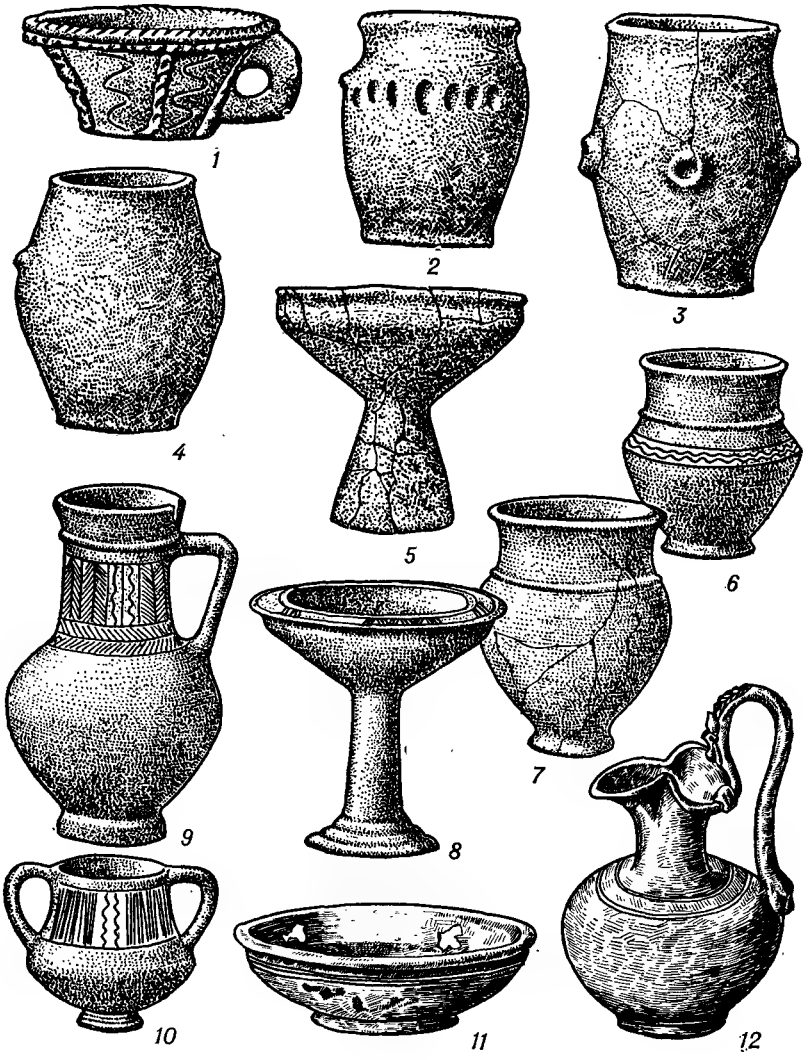


Рис. 11.
Липицкая культура. Посуда лепная (1—5), гончарная (6—11), бронзовая (11—12).

большие двуухие сосуды, чаши на высокой ножке. Аналогичная керамика известна на памятниках типа Будапешт — Табан в Венгрии [Parducz, 1941], а также на территории Словакии [Tocik, 1959, с. 841—863].

Гончарная керамика изготовлялась из глины без примесей на усовершенствованном быстровращающемся круге. Поверхность сосудов серого, реже — черного цвета, хорошо заглажена, нередко орнаментирована лощеными зигзаговидными линиями, комбинациями лощеных и матовых полос, углубленными линиями.

Наиболее характерными формами гончарной посуды являются чаши на высокой ножке, небольшие двуухие сосуды, округлобокие горшки, кувшины. Миски отсутствуют. Большинство горшков биконической формы с переломом стенок, в верхней части отдельным от горла уступом, отогнутым венчиком и дном на кольцевой подставке. Характерны биконические сосуды с двумя плоскими дуговидными ушками, соединяющими край венчика с бочком. Одноухие кувшины имеют шаровидный корпус, цилиндрическое горло и дно на кольцевой подставке. Только липицкой культуре на нашей территории присущи чаши на высокой ножке. Многочисленные аналогии для липицкой лепной и гончарной керамики находим в керамических комплексах дакийских памятников Румынии (Пояна, Тиносу, Поролиссум, Попешти, Пятра-Нямц и др.) [Parwan, 1926, с. 184, 197, 792; Vulpe, 1924, рис. 27, 28, 30; 1927—1929, с. 283—300; Macrea, Rusu, Mitrofan, 1962, рис. 5; Nitu, Zamosteanu, Zamosteanu, 1959, с. 369, рис. 8, *1*]. Среди керамических изделий — пряслица и конические блоки с поперечными сквозными отверстиями. Последние могли применяться как грузики для ткацких станков.

Изделия из металла представлены в основном орудиями производства, предметами быта, украшениями. Это железный топор, долота, ножи, шилья, напильник, ключи, кресала, пряжки, бритвы, наральник, бронзовые подвески, фибулы, зеркала. Большинство перечисленных вещей, например, железные, изготовлялись на месте, а некоторые были привозными.

Среди изделий из железа частыми находками являются ножи. Они встречаются почти во всех погребениях, нередко в заполнении объектов и культурном слое липицких поселений. Единичными экземплярами представлены железные топор, напильник, наральник. Вместе с тем на липицких памятниках почти отсутствуют предметы вооружения, если не считать двух наконечников копий с листовидным острием и округлой втулкой из могильника в Болотне (раскопки И. Г. Свешникова в 1954 г.). Уникальными находками являются две железные бритвы.

Бронзовые изделия представлены в основном остропрофилированными фибулами. Известны фибулы типа Наугейм (очковидные), шарнирные, украшенные эмалью. Единичным экземпляром представлена смычковая фибула.

На поселении в с. Ремезовцы найдена бронзовая пластинчатая подвеска ромбовидной формы с двумя рядами углублений по диагонали. Для липицкой культуры характерны круглые плоские зеркала диаметром около 7 см, изготовленные из специального серебристого сплава (потины). Они встречаются главным образом в погребениях.

Кроме металлических изделий население липицкой культуры пользовалось различными изделиями из кости (гребни, проколки, рукояти ножей, коньки, орнаментированные свистки), камня (жернова, точильные бруски). Стеклянные изделия встречаются редко. Они представлены хорошо сохранившимся цилиндрическим кубком и фрагментом кубка с профилированной подставкой (поселение в с. Залески), стеклянными и эмалированными бусами светло-зеленого и оранжевого цвета, с инкрустированной поверхностью, а также из горного хрусталя.

Хронология липицкой культуры определяется достаточно четко, поскольку

значительное количество находок из поселений и могильников поддается датировке. Это монеты, гемма, фибулы, фрагменты амфор и т. п. Наиболее ранними являются остропрофилированные фибулы (тип 68, по О. Альмгрену), датирующиеся I в. н. э. [Almgren, 1923, S. 36].

К самому началу нашей эры отнесены вещи богатого погребения из с. Колоколин [Smiszko, 1935]; богатое погребение из Чижикова [Смишко, 1957] датируется I в. н. э., фибулы с эмалью, монеты Фаустины Младшей, гемма с изображением Гермеса — II в. н. э.

Найденные на поселениях в селах Верхняя Липица и Ремезовцы железные шпоры с асимметричной дужкой и небольшим крючком сверху шипа, по классификации М. Яна, появляются около 200 г. н. э. и получают распространение в первой половине III в. н. э. [1921]. Концом II — началом III в. н. э. датируются узкогорлые амфоры с асимметрично профилированными ручками.

Исходя из сказанного хронологические рамки липицкой культуры могут быть определены I в. н. э. — началом III в. н. э.

Широкие исследования поселений и могильников дают основания считать, что население липицкой культуры занималось земледелием. О развитом земледелии свидетельствуют размещение поселений на мысах с хорошим наслоением чернозема, их долговременность, наличие зерновых ям с обожженными стенками и остатками обугленного зерна, оттисков зерна, половы, соломы на днищах горшков и на глиняной обмазке, жерновые камни [Цигилик, 1975, с. 131]. Убедительным доказательством развитого земледелия у липицких племен является находка железного наральника на поселении в с. Майдан-Гологорский [Цигилик, 1973, с. 88]. Такие наральники, с симметричными плечиками, применялись на усовершенствованном для того времени орудии обработки земли — рале с полозом, подобно плугу, горизонтально срезавшим пласт почвы на соответствующую глубину.

Значительное место в хозяйственной деятельности липицкого населения занимало скотоводство. О развитом скотоводстве свидетельствует анализ костей животных с поселения Верхняя Липица, согласно которому 88,5% составляли кости домашних животных, а среди них: корова (бык) — 55,7%, свинья — 32,4, овца — 8,5%. Земледелие и скотоводство дополняли друг друга. Охота играла вспомогательную роль.

Определенное место в хозяйстве занимали ремесла, что подтверждается находками различных железных предметов, в том числе кузнечных инструментов, значительных скоплений железных шлаков. Открытие на поселении в с. Ремезовцы двух сооружений с шестью железоплавильными горнами многоразового использования [Цигилик, 1975, с. 133] свидетельствует о плавке железа. Скорее всего, это были производственные комплексы, где работали мастера-профессионалы. Сырьем для получения железа служила болотная руда, залежи которой имеются в непосредственной близости от поселения. Следы железоплавильного горна открыты в 1979 г. на поселении около с. Водник [Цыгылык, 1980, с. 347].

О развитии обработки кости свидетельствуют находки костяных изделий (проколки, шилья, рукояти ножей, коньки). К сложным изделиям из кости относятся иногда хорошо орнаментированные гребни, костяной свисток с поселения Верхняя Липица. Нередко отполированная поверхность свистков украшалась сложным нарезным геометрическим орнаментом.

Среди различных видов деятельности липицкого населения важное место занимало гончарство. Высокое качество гончарной посуды указывает на то, что ее изготовляли на усовершенствованном быстровращающемся круге. Для изготовления такой керамики необходимы были специальные навы-

ки. Следовательно, этим могли заниматься только мастера-профессионалы.

Наравне с ремеслом развивается и торговля. Тесные политические и торговые связи существовали между племенами липицкой культуры и населением Дакии. Через Дакию липицкое население поддерживало торговые контакты с Римской империей. О существовании этих связей свидетельствуют и находки импортных изделий: фрагменты римских амфор, привозные изделия из богатых погребений в селах Чижиков и Колоколин; металлические зеркала из могильников возле сел Звенигород, Верхняя Липица и Болотня; монеты Фаустины Младшей, гемма с изображением Гермеса из поселения Верхняя Липица; значительное количество фибул, в том числе с эмалью, стеклянные и эмалированные бусины из с. Залески. Не исключено, что торговля велась и с городами Причерноморья, торговые пути к которым проходили по Днестру.

Высокий уровень развития земледелия, скотоводства, ремесел, торговли способствовал накоплению средств и сосредоточению их в руках отдельных людей. Это вело к постепенному выделению племенной верхушки, к дальнейшему разложению родово-общинного строя. Родовая община сменялась территориальной, создавались предпосылки для возникновения классового общества. Свидетельством этому являются богатые погребения в селах Колоколин, Чижиков и Звенигород.

Важным и сложным является вопрос о происхождении и этнической принадлежности липицкой культуры. По этому поводу в литературе высказывались различные точки зрения. Некоторые исследователи пытались связать липицкую культуру с ранними славянами, считая ее одной из основных частей в формировании славянского этноса.

Анализ липицких материалов, в частности керамики, показал ее близость к керамическим комплексам дакийских памятников территории Румынии. Аналогии прослеживаются также в домостроительстве и погребальном обряде [Цигилик, 1975, с. 143—150]. Все это позволяет нам говорить о генетической общности липицкого и дакийского населения. Мнения о дакийской принадлежности липицкой культуры придерживаются многие советские исследователи: М. Ю. Смишко, М. А. Тиханова, И. Т. Кругликова, В. Д. Баран. О дакийском характере липицкой культуры писали и румынские ученые Б. Митря, Г. Диакону, С. Моринц, чехословацкий исследователь А. Точек и др.

Проведенный сравнительный анализ липицких и дакийских поселений, домостроительства, погребального обряда и керамических материалов [Цигилик, 1975] позволяет считать, что липицкое население Верхнего Поднестровья является наиболее выдвинутой на север частью дакийских племен. Очевидно, это были костобоки. Птолемей в «Географии», отмечает, что одно из дакийских племен — «костобоки из-за гор» (costoboci transmontani) — занимало территорию к северу от Карпат [Ptol., II, *5—21*], следовательно, оно проживало где-то в пределах Верхнего Поднестровья.

Вероятно, липицкое население, пройдя Карпатские горы, вышло на Днестр и, продвинувшись вверх по его левым притокам, осело на плодородных землях. Здесь, в верховьях левых притоков Днестра, оно встретилось с населением зарубинецкой культуры, которое, осваивая новые территории, продвинулось сюда из Волыни. Подтверждением сказанному являются смешанные липицко-зарубинецкие поселения в селах Ремезовцы, Майдан-Гологорский, Вороняки, исследовавшиеся в 1965—1969 гг. В. Д. Бараном и В. Н. Цыгылыком. Смешанные зарубинецко-пшеворские поселения открыты возле сел Подберезцы, Зубра, Пасеки-Зубрицкие, Подборцы, Сокольники I [Козак, 1978, с. 72—90].

Липицкое население контактирова-

ло с пшеворскими племенами, что объясняется одновременным пребыванием этих двух групп населения в смежных районах. Об их контактах свидетельствуют находки пшеворских материалов на памятниках липицкой культуры, например фрагменты пшеворской керамики и железной шпоры (Верхняя Липица, Ремезовцы, Майдан-Гологорский). Кроме того, на могильнике в Звенигороде открыты липицкие погребения с пшеворским оружием. По-видимому, пшеворские обычаи проникают и в погребальный обряд липицкого населения. Вместе с тем отдельные элементы липицкой культуры проникают в пшеворскую. В первую очередь сказанное относится к гончарной керамике и некоторым категориям хозяйственно-бытовых предметов [Козак, 1978, с. 86—89].

Важным является вопрос об исторической судьбе липицкого населения. Изучение археологических материалов показало, что верхней хронологической границей существования липицкой культуры является начало III в. н. э., когда ее сменяют памятники черняховской культуры. В. Д. Баран доказал, что данные о перерастании липицкой культуры в черняховскую отсутствуют [1961]. Исследования В. Н. Цыгылыка подтвердили, что липицкая культура на Верхнем Поднестровье — явление временное. Основная масса населения липицкой культуры мигрировала из этого района за Днестр и Карпаты. Не исключено, что какая-то незначительная часть могла остаться на Верхнем Поднестровье и ассимилироваться черняховским населением.

II КУЛЬТУРЫ ПОЗДНЕРИМСКОГО ВРЕМЕНИ

Черняховская культура

Черняховская культура — одно из крупнейших социально-экономических и этнокультурных образований первой половины I тыс. н. э. в Юго-Восточной Европе. Ее территория охватывает лесостепную и степную зоны современной территории Правобережной Украины, Лесостепь левобережья Днепра, Молдавию, левобережье Нижнего Дуная, частично Трансильванию в Румынии, а также часть Юго-Восточной Польши.

Название культуры происходит от известного могильника, расположенного у с. Черняхов Кагарлыцкого района Киевской области, исследованного В. В. Хвойкой в 1900—1901 гг. [1901, с. 172—190]. Кроме названного могильника В. В. Хвойка раскапывал могильник у с. Ромашки Рокитнянского района той же области и поселения у сел Стретовка, Жуковцы и Витачов в Среднем Поднепровье [Хвойка, 1913]. Все эти памятники объединены им в одну культуру, датированы II—V вв. н. э. и выделены из более ранних и поздних древностей на территории Поднепровья. В конце XIX — начале XX в., то есть параллельно с В. В. Хвойкой, в верховьях Днестра и Западного Буга начал раскопки черняховских памятников К. Гадачек, исследовавший поселение в Неслухове и могильник в Псарах [1900]. Исследования В. В. Хвойки и К. Гадачека представляют собой определенный этап в изучении черняховской культуры. В 20—30-х годах какие-либо значительные работы на черняховских памятниках не проводились, за исключением раскопок Масловского могильника (С. С. Гамченко). Исследования Н. Е. Макаренко, М. Я. Рудинского, А. В. Добровольского, М. Ю. Смишко и других носили разведочный характер и проводились эпизодически.

Планомерное изучение черняховской культуры началось после Великой Отечественной войны. В этот период в Поднепровье значительные раскопки проводили Э. А. Сымонович (Журовка, Ломоватое, Каменка-Днепровская, Гавриловка и др.), Е. В. Махно (Ягнятин, Жуковцы, Компанийцы, Успенка и др.), А. Т. Смиленко (Никольское, Леськи — вместе с М. Ю. Брайчевским, Башмачка), Н. М. Кравченко (Обухов). На Южном Буге Н. М. Кравченко и В. П. Петров раскопали Косановский могильник, а П. И. Хавлюк открыл и частично исследовал ряд черняховских памятников. В Верхнем Поднестровье и Западной Волыне систематические исследования проводили М. Ю. Смишко (Неслухов, Костянец, Островац и др.) и В. Д. Баран (Репнев, Черепин, Бовшев, Демьянов II и др.). В Среднем Поднестровье работали М. А. Тиханова (Лука-Врублевецкая), И. С. Винокур (Ружичанка, Бакота, Бернашовка), В. Д. Баран (Теремцы), Г. Ф. Никитина (Романковцы), В. Н. Цыгылык (Оселевка), Л. В. Вакуленко (Сокол), И. П. Герета (Чернелов-Русский), Г. И. Смирнова (Незвиско). В Черновицкой области большое количество памятников открыл и частично исследовал Б. А. Тимощук. На Волыни интересные памятники раскопаны М. А. Тихановой (Лепесовка) и В. К. Воляником (Бережанка). В Северо-Западном Причерноморье систематические исследования черняховских поселений и могильников проводили Э. А. Сымонович (Викторовка, Коблево, Ранжево, Фурмановка), Б. В. Магамедов (Каборга, Каменка-Анчекрак, Александровка), А. В. Гудкова (Нагорное, Холмское).

Большие работы проведены на территории черняховской культуры за пределами Украинской ССР. 650 памятников открыто в Молдавии [Рикман, 1975, с. 71]. Их исследования проводили Г. Б. Федоров, Э. А. Рикман, И. А. Рафалович. Широко раскопаны могильники Малаешты, Будешты, Данчены, поселения Лопатна, Делакеу и др. На территории Румынии черняховская культура стала называться по могильнику Сынтана де Муреш. Румынские ученые открыли более 500 памятников, бóльшее число которых исследовано [Vulpe, 1957; Diaconu, 1965; Ioniţa, 1966]. К наибо-

В. В. Хвойка.

лее исследованным памятникам относятся Тыргшор, Спанцов, Извоар. Незначительное количество черняховских памятников известно и на территории Юго-Восточной Польши [PZP, 1981, t. 5, s. 278—282].

По подсчетам Е. В. Махно, составившей карту памятников черняховской культуры, на территории современной Украины в настоящее время их известно около 3000. Раскопано более 100 поселений и 50 могильников, открыто более 400 жилищ и 3000 погребений. Большинство этих мате-

риалов опубликовано в сборниках статей и периодических изданиях *. Вышли в свет обобщающие монографии по проблемам черняховской культуры [Брайчевский, 1964; Винокур, 1972; Баран, 1981].

Постоянное внимание археологов к черняховской культуре во многом объясняется тем, что большинство касающихся ее проблем до сих пор не решено. Важнейшими из них являются проблемы происхождения и этнического содержания черняховских древностей. В. В. Хвойка, открывший первые памятники этой культуры, в типологическом и этническом отношениях связывал их с зарубинецкими древностями, а ее носителями считал автохтонное (славянское) население лесостепных областей Восточной Европы [Хвойка, 1901, с. 172—190]. Его поддержал Н. Беляшевский, придававший большое значение провинциально-римским влияниям на формирование черняховской культуры [1904, с. 1—2]. Автохтонность черняховского населения признавал А. А. Спицын [1948, с. 53—70], а также польские ученые К. Гадачек и Т. Рейман. Против концепции В. В. Хвойки выступили немецкие исследователи П. Рейнеке, Е. Бреннер, Е. Блюме и др., которых поддержали некоторые польские ученые (В. Антонович, Л. Козловский, Ю. Костжевский, К. Тименецкий). Последние связывали появление памятников черняховского типа на территории Украины с приходом сюда населения из Северо-Западной Польши, в частности германских племен готов и гепидов.

В послевоенные годы в этнической интерпретации черняховских древностей наметились три основные концепции. Славянскую принадлежность основной массы черняховского населения отстаивают М. Ю. Смишко, Е. М. Махно, Э. А. Сымонович, А. Т. Смиленко, М. Ю. Брайчевский. Часть ученых — М. И. Артамонов, М. А. Тиханова, Ю. В. Кухаренко — признают решающую роль готских племен в создании рассматриваемой культуры. Все большее распространение получает концепция, согласно которой носителями черняховской культуры выступают разноэтничные племена, в том числе и славянские (П. Н. Третьяков, В. Д. Баран, Г. Б. Федоров, Э. А. Рикман, Н. М. Кравченко, И. С. Винокур, В. В. Седов).

На всей территории распространения черняховской культуры известно более 150 поселений, на которых проводились археологические раскопки. Из них более 100 находится на территории Украины. На некоторых поселениях осуществлены широкие исследования, открыто несколько десятков жилищ и хозяйственных построек (Бакота, Журовка, Рипнев II, Теремцы и др.). Полученные данные позволяют дать обстоятельную характеристику черняховских поселений, определить их топографию, планировку, характер домостроительства, количественное соотношение различных типов жилищ.

Поселения размещались на южных, юго-восточных и юго-западных пологих склонах первых террас небольших рек, ручьев и водоемов. Встречаются черняховские поселения на небольших возвышенностях в пойме рек (Бовшев II, Лучинцы и др.), а также по берегам больших рек (Теремцы, Сокол, Бакота). В ряде регионов прослежено, что поселения располагались более или менее крупными группами на небольшом (1—5 км) расстоянии друг от друга. В большинстве случаев поселения тянутся длинной полосой от 500 м до 1—2 км, шириной 100—200 м, занимая среднюю часть склона.

Размеры поселений различны: площадь от 2—4 га (Бовшев, Теремцы) до 15—20 га и более. В настоящее время невозможно установить коли-

* Черняховской культуре посвящены три специальных выпуска серийного издания «Материалы и исследования по археологии СССР» (№ 82, 116, 139) и сборник статей «Могильники черняховской культуры» [М., 1979].

чество жилых и хозяйственных построек на черняховских поселениях, так как ни одно из них полностью не раскопано. На наиболее исследованных поселениях (Бакота, Журовка, Репнев II, Теремцы) открыто от 28 до 44 жилищ. На многих поселениях зафиксирован мощный культурный слой с остатками перекрывающих друг друга построек, свидетельствующий об их длительном существовании.

Постройки размещались группами на небольшом расстоянии друг от друга и двумя рядами вдоль склона, приближаясь к уличной системе застройки (Репнев II). Хозяйственные постройки находились на свободном месте между рядами жилищ, на специально отведенной территории, или рядом с жилищем, образуя с ним единый хозяйственный комплекс.

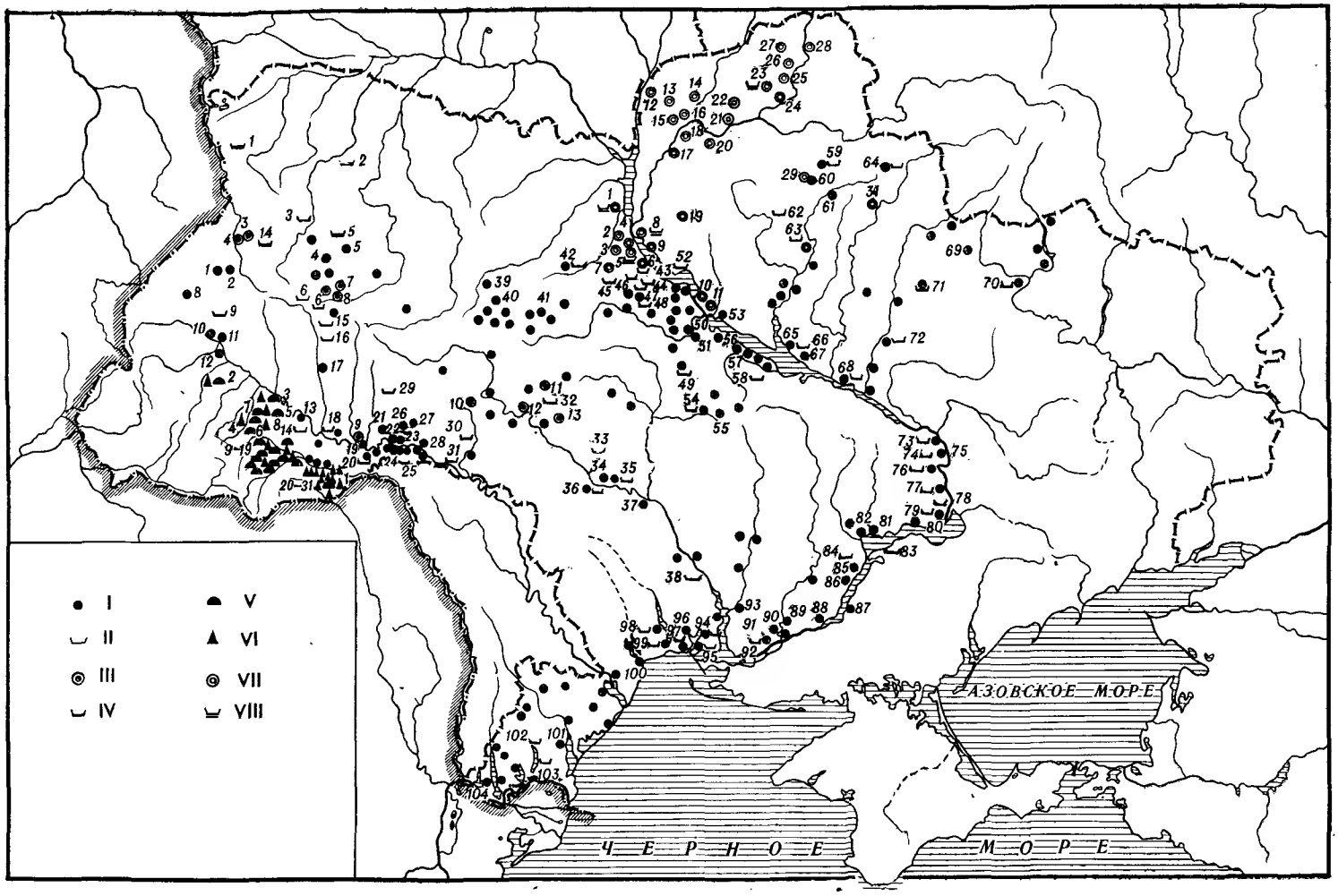
На территории черняховской культуры существовало три типа жилищ; углубленные, нижняя часть которых врезалась в материк; наземные глинобитные постройки и наземные каменные дома. Их соотношение в различных регионах распространения черняховской культуры неодинаково. В лесостепной полосе современной Украины между Днепром, Днестром и Западным Бугом преобладают углубленные жилища, в Днестро-Прутском междуречье — наземные глинобитные постройки. Каменные наземные дома открыты в северопричерноморском регионе, прилегающем к античным городам. Всего на нескольких поселениях этого региона помимо каменных открыты единичные углубленные или наземные сооружения. Необходимо отметить, что на поселениях черняховской культуры всегда преобладает какой-либо один определенный тип постройки. Всего лишь приблизительно на 10 поселениях черняховской культуры открыты наземные и углубленные жилища в одинаковом количестве.

Углубленные жилища представлены, в основном, полуземлянками, опущенными в грунт на 0,65—1,80 м от современной поверхности (на 0,35—1,50 м от древней поверхности). В верховьях Западного Буга и на Днестре открыты и более глубокие жилища-землянки, опущенные в грунт до 2,5 м от современной поверхности. Землянки известны и на Среднем Поднепровье.

Полуземлянки имели четырехугольную, несколько вытянутую в плане форму с закругленными углами, но извест ны жилища, по форме приближающиеся к овалу. На левобережье Среднего Днестра подавляющее большинство полуземлянок квадратной формы. Ориентированы жилища стенками или углами по сторонам света. Размеры жилища 6—9, 10—24 м², встречаются и относительно большие жилища — более 30 м².

Стенки жилищ, вырезанные в материке, отвесны или несколько сужены книзу. Пол в большинстве случаев ровный, хорошо утрамбованный. В отдельных случаях прослежен вход, обычно с южной, юго-восточной или юго-западной стороны. В ряде жилищ, особенно в Поднестровье, обнаружены пристенные выступы-прилавки, размещавшиеся под одной, двумя, а иногда и тремя стенками. Очевидно, это были скамейки или лежанки. Под полом жилища иногда сооружались ямы хозяйственного назначения, чаще всего в одном из его углов.

Подавляющее большинство жилищ обогревалось открытыми очагами, которые сооружались на полу в одном из углов или под одной из стенок. Под подмазывался глиной, изредка устраивался на каменной выкладке. Сравнительно небольшое количество жилищ имеют печи, сложенные из глины или камня. Глиняные печи иногда врезались в материковую стенку полуземлянки (Журовка, Демьянов II). Свод выкладывался из глиняных вальков, под и стенки подмазывались глиной. Внутренние размеры глиняных печей в среднем 0,50×70—1 м. На поселении в Чижикове Львовской области открыта сравнительно хорошо сохранившаяся глиняная печь (1,2×1,3 м), исполь-


I
II
III
IV
V
VI
VII
VIII
АЗОВСКОЕ МОРЕ
ЧЕРНОЕ МОРЕ

зовавшаяся не только для бытовых, но и для производственных целей.

Печи-каменки на поселениях черняховской культуры известны на Среднем и Верхнем Днестре, где повсеместно встречаются выходы камня-песчаника. Причем печи-каменки характерны только для полуземлянок подквадратной формы. Установлено, что эти жилища появляются на черняховских поселениях довольно поздно — не раньше IV в. н. э. Наибольшее количество полуземлянок с печами-каменками исследовано на поселениях в селах Теремцы, Бакота и Сокол Хмельницкой области, где они были основным типом жилищ. Основы стенок печей-каменок сложены из крупных, а свод — из мелких камней. Под подмазан глиной. Внутренние размеры печей-каменок 0,4×0,8 м.

Землянки отличаются от полуземлянок значительной глубиной и формой: большинство из них овальные или четырехугольные. Площадь землянок колеблется от 10 до 25 м². В одной из материковых стенок вырезаны уступы-ступеньки, ведущие в жилище. Нередко они облицовывались деревом. Очаг в землянках помещался в центре.

Стены полуземлянок имели каркасно-плетневую конструкцию и обмазывались довольно толстым слоем глины, о чем свидетельствует наличие в заполнении жилищ большого количе-

Карта 2.
Археологические культуры второй четверти I тыс. н. э.:

I — поселения черняховской культуры;
II — могильники черняховской культуры;
III — поселения вельбарской культуры;
IV — могильники вельбарской культуры;
V — поселения культуры карпатских курганов;
VI — могильники культуры карпатских курганов;
VII — поселения киевской культуры;
VIII — могильники киевской культуры.

Черняховская культура:

1 — Неслухов;
2 — Репнев;
3 — Баев;
4 — Редкодубы;
5 — Костянец;
6 — Раковец-Чесновский;
7 — Бережанка;
8 — Черепин;
9 — Псары;
10 — Демьянов II;
11 — Бовшев;
12 — Островец;
13 — Незвиско;
14 — Городница;
15 — Романово Село;
16 — Чернелов-Русский;
17 — Сухостав;
18 — Устя;
19 — Сокол;
20 — Оселевка;
21 — Лука-Врублевецкая;
22 — Теремцы;
23 — Бакота;
24 — Комаров;
25 — Романковцы;
26 — Иванковцы;
27 — Ставчаны;
28 — Бернашевка;
29 — Ружичанка;
30 — Заячевка;
31 — Вилы-Яругские;
32 — Косанов;
33 — Рыжевка;
34 — Синицевка-Сабатиновка;
35 — Данилова Балка;
36 — Кринички;
37 — Грушевка;
38 — Городок;
39 — Пражев;
40 — Слободище;
41 — Ягнятин;
42 — Дедовщина;
43 — Обухов;
44 — Жуковцы;
45 — Борохнянская Ольшанка;
46 — Деревяна;
47 — Черняхов;
48 — Ромашки;
49 — Журавка;
50 — Николаевка;
51 — Завадовка;
52 — Переяслав-Хмельницкий;
53 — Новолиповское;
54 — Маслово;
55 — Турия;
56 — Лески;
57 — Ломоватое;
58 — Стецовка;
59 — Успенка;
60 — Беседовка;
61 — Коровинцы;
62 — Гурбинцы;
63 — Лохвица;
64 — Сумы;
65 — Радуцковка;
66 — Градижск;
67 — Максимовка;
68 — Компанийцы;
69 — Пересечное;
70 — Новопокровка;
71 — Кантемировка;
72 — Писаревка;
73 — Волошское;
74 — Башмачка;
75 — Никольское;
76 — Федоровка;
77 — Августиновка;
78 — Новоалександровка;
79 — Привольное;
80 — Капуловка;
81 — Кут;
82 — Грушевка;
83 — Каменка-Днепровская;
84 — Гавриловка;
85 — Осокоровка;
86 — Дудчаны;
87 — Каиры;
88 — Берислав;
89 — Кондаково;
90 — Афанасьевка;
91 — Александровка;
92 — Дарьевка;
93 — Калиновка;
94 — Каменка-Анчекрак;
95 — Каборга;
96 — Тигуло-Березанка;
97 — Викторовка;
98 — Ранжевое;
99 — Коблево;
100 — Киселево;
101 — Нерушай;
102 — Холмское;
103 — Фурмановка;
104 — Нагорное.

Культура карпатских курганов:

1 — Глубокая;
2 — Нижний Струтинь;
3 — Марковцы;
4 — Грабовцы;
5 — Каменка;
6 — Переросль;
7 — Цуцилов;
8 — Волосов;
9 — Печенежин;
10 — Корнич;
11 — Грушов;
12 — Мышин;
13 — Телипы;
14 — Стопчатов;
15 — Дебеславцы;
16 — Цуцилов;
17 — Трач;
18 — Ганев;
19 — Рожнев;
20 — Рогатка (Черновцы);
21 — Валя Кузьмина;
22 — Коровия;
23 — Мыслов;
24 — Глинница;
25 — Драченцы;
26 — Ясени;
27 — Дубовка;
28 — Ропча;
29 — Великий Кучуров;
30 — Михальча;
31 — Слободка;
32 — Тарнавка;
33 — Иза.

Вельбарская культура:

1 — Любомль;
2 — Деревянное;
3 — Федоровцы;
4 — Ромош;
5 — Дитиничи;
6 — Борсуки;
7 — Лепесовка;
8 — Викнины Великие;
9 — Великая Слобода II;
10 — Демидовка;
11 — Слободка;
12 — Гунька;
13 — Зяньковцы;
14 — Машев.

Киевская культура:

1 — Козаровичи;
2 — Белогородка;
3 — Глеваха;
4 — Ходосовка;
5 — Новые Безрадичи;
6 — Обухов II, III, VII;
7 — Хлепча;
8 — Красный Хутор;
9 — Вишенки;
10 — Решетки;
11 — Сушки 2;
12 — Радуль;
13 — Роище;
14 — Клочков;
15 — Ульяновка;
16 — Киселевка 2;
17 — Золотинка;
18 — Выбли;
19 — Любечанов;
20 — Салтыкова Девица;
21 — Максаки;
22 — Мена 5;
23 — Киреевка;
24 — Вишенки;
25 — Мезин;
26 — Лавриков Лес;
27 — Форостовичи;
28 — Бирин;
29 — Беседовка;
30 — Сенча;
31 — Курган-Азак.

ства кусков глиняной обмазки с выразительными отпечатками деревянных конструкций. Стены поднимались выше углубленной части жилища и крепились столбами. Ямки от столбов размещались по углам полуземлянки, а иногда и посередине стены. Крыша была двухскатной и покрывалась соломой или камышом.

В землянках наземные стенки отсутствовали. Их заменяла довольно высокая крыша на деревянном каркасе, нижние края которого опирались на борта землянки. Крыша покрывалась соломой или камышом и сверху обмазывалась глиной наподобие полуземлянок.

В позднечерняховское время появляются четырехугольные подквадратные полуземлянки со срубными стенами, крепившиеся к столбам или «в обло». Таких жилищ немного, и все они расположены в одном регионе — на Среднем и Верхнем Днестре (Бакота, Теремцы, Сокол, Черепин). По конструкции они близки к славянским жилищам раннего средневековья. Отметим, что в Поднестровье срубные постройки не имеют прямых прототипов. Квадратные жилища с деревянными стенами столбовой или срубной конструкции наиболее характерны для лесной полосы Восточной Европы. Они известны на поселениях зарубинецкой, а позднее — киевской культуры.

Большинство наземных глинобитных жилищ представлено завалами обожженой глиняной обмазки, залегающей обычно сплошным слоем прямоугольной формы. Во многих случаях по краям обмазки прослеживаются ямки от столбов, являвшиеся основой стен, сплетенных из прутьев и обмазанных глиной. Глиняная обмазка с отпечатками деревянных конструкций является остатками упавших стен, а возможно, и перекрытий жилища. Крыша двухскатная, покрыта соломой или камышом, как и в углубленных жилищах. В жилищах открыты очаги, изредка — глиняные печи. Размеры жилищ колеблются от 10 до 30 м^2.

На территории УССР, а также Молдавской ССР известно около 10 черняховских поселений, где открыты большие многокамерные глинобитные наземные постройки площадью от 50 до 120 м^2. Установлено, что они всегда сопутствуют небольшим глинобитным наземным жилищам и не известны на поселениях, где преобладают полуземлянки. Это длинные четырехугольные дома со стенами, возведенными из плетня, обмазанного глиной, иногда несколько углубленные в землю. Края жилищ в большинстве случаев обозначены ямками от столбов, являвшихся основой стен и двухскатной кровли. Такие дома имели одно или два жилых помещения с очагом, расположенным в центре, а также хозяйственные помещения или хлев. В хозяйственных помещениях открыты ямы-хранилища. Так, на поселении у с. Сухостав Тернопольской области М. Ю. Смишко открыл длинную трехкамерную постройку, ориентированную на оси юго-запад—северо-восток, размерами 14,4×6,4 м. Постройка разделялась стенами на три помещения. В крайнем помещении, длиной 7 м, стояла глиняная печь. Два других, меньших, имели хозяйственное назначение.

Отметим, что большие длинные дома, в отличие от углубленных или наземных домов меньших размеров, не имеют прототипов в более ранних культурах Юго-Восточной Европы. В первых веках нашей эры они известны, в основном, на территории Центральной Европы и Южной Прибалтики.

Каменные постройки характерны для черняховских поселений Северо-Западного Причерноморья. Среди них встречаются небольшие дома с одним помещением и крупные многокамерные сооружения с несколькими жилыми и хозяйственными помещениями. Типичной каменной постройкой был длинный двухкамерный, реже трехкамерный дом с последовательным расположением комнат. Средние размеры построек 5,5—6×15—20 м. К дому примыкал двор (загон для скота), нередко окруженный каменной стеной. Та-

кая усадьба представляла собой отдельный хозяйственный комплекс. В северопричерноморском регионе они открыты возле сел Киселево, Ранжево, Каменка-Анчекрак и др.

Кроме жилищ, на черняховских поселениях открыто большое количество хозяйственных сооружений: ямы-хранилища и глинобитные наземные постройки. Их число нередко превышает количество жилищ. Так, на черняховском поселении Бовшев II на 10 жилищ приходилось 47 хозяйственных ям. Ямы имели овальную, близкую к округлой форму и суженные книзу выпуклые или отвесные стенки. Их размеры от 1 до 2,5 м. Встречены ямы глубиной до 3 м, а на поселении Рипнев II открыта хозяйственная яма глубиной 3,58 м от современной поверхности. Диаметр большинства ям 1,5—2,5 м, но известны и диаметром до 1 м. Площадь наземных или углубленных хозяйственных построек, как правило, не превышала 10 м^2. Стены каркасно-плетневой конструкции, крыша — двухскатная.

На черняховских поселениях открыты очаги и печи, сложенные вне жилищ и использовавшиеся в летнее время. Они не отличаются от отопительных сооружений самих помещений, но основания очагов вне жилищ нередко выложены из камня. Иногда на поселениях встречаются производственные сооружения — железоплавильные и гончарные горны.

Среди черняховских памятников особое место занимают укрепленные городища. В настоящее время их известно три — одно в Днепропетровской области (Башмачка) и два в Николаевской (Александровка и Городок). Городище Башмачка расположено в центральной части поселения (1000×200 м) на высоком мысу. Его размеры 60×40 м. Укрепления на первом строительном этапе представляли собой земляной вал с деревянным частоколом, на втором — каменные стены. С напольной стороны стена состояла из двух панцирей (толщина 0,55—0,7 м) и поперечных перегородок, образовавших клети, заполненные землей. Две клети, размером по 2,7×2,7, служили помещениями. Под стеной и на некотором расстоянии от нее находились три линии рвов. В пределах укрепленной части поселения открыты остатки углубленных и наземных построек, а также очагов, выложенных из камня. В центре — большая прямоугольная постройка, размером 6×4 м, со стенами столбовой конструкции. Открыты также следы железоделательного и костерезного ремесла, а за пределами каменных стен — гончарный горн [Смиленко, 1975, с. 53].

Александровское городище расположено на высоком мысу р. Ингулец. Со всех сторон оно окружено каменными стенами, а с напольной — дополнительно защищено рвом и валом. Первые исследователи отмечали наличие пристенных башен, однако до настоящего времени они не сохранились. На внутреннем пространстве городища, первоначальные размеры которого составляли 200×180 м, прослежены фундаменты длинных (до 40—50 м) каменных домов, разделенных на отдельные помещения. Они однотипны каменным постройкам черняховских поселений Причерноморья, но размеры их значительно больше.

Городище Городок занимало высокий скалистый мыс при впадении р. Чичиклея в Южный Буг. Во многом оно сходно с Александровским. Здесь также обнаружены следы длинных каменных построек, расположенных рядами, параллельными напольной линии укреплений. Размеры городища 270×140 м.

Материалы черняховских поселений и городищ с разнотипными жилищами свидетельствуют о синкретичности культуры и участии в ее формировании различных этнических компонентов.

Рядом с черняховскими поселениями размещались могильники. Но не всегда их удается обнаружить. Как правило, могильники располагались несколько выше поселений, что зависело от рельефа местности, но на расстоя-

нии, не превышающем 100 м. О размерах могильников судить трудно, так как немногие раскопаны полностью. Важнейшие сведения о наиболее исследованных из них приведены в табл. 3. За пределами Украины крупнейшими могильниками являются Будешты в Молдавии — 362 погребения [Рикман, 1967] и Тыргшор в Румынии — 257 погребений [Diaconu, 1965].

Таблица 3. **Крупнейшие могильники черняховской культуры на территории УССР**

Памятник	Всего	Трупоположення			Трупосожжження			Источник
		Количество	Ямы с заплечиками	Ямы с подбоем, катакомбы	Количество	В урне	В ямке	
Черняхов	251	182	—	1	69	—	—	Петров, 1965б
Косанов	121	39	3	1	82	4	78	Кравченко, 1967
Компанийцы	107	41	—	2	66	6	60	Махно, 1971
Гавриловка	96	54	7	1	42	19	23	Сымонович, 1955, 1960
Маслово	91	29	—	—	62	30	5	Петров, 1964а
Оселевка	89	20	—	—	69	28	19	Раскопки Г. Ф. Никитиной
Ружичанка	70	34	—	—	35	—	35	Винокур, 1979
Коблево	58	50	10	8	8	4	4	Сымонович, 1979
Романковцы	50	49	—	—	1	—	1	Раскопки Г. Ф. Никитиной
Переяслав-Хмельницкий	40	19	6	2	21	—	21	Гончаров, Махно, 1957
Каменка-Анчекрак	33	33	28	3	—	—	—	Раскопки Б. В. Магомедова
Баев	32	13	—	—	19	1	18	Кухаренко, 1975
Чернелов-Русский	32	31	2	—	1	—	—	Раскопки И. П. Гереты
Привольное	28	10	—	—	18	8	8	Кухаренко, 1955
Каборга IV	27	18	3	4	9	—	9	Магомедов, 1979а
Фурмановка	25	22	3	10	3	—	3	Раскопки Э. А. Сымоновича
Островец	25	7	—	—	18	8	3	Раскопки М. Ю. Смишко
Лохвица	20	12	—	—	8	—	—	Березовец, Петров, 1960
Ранжево	20	20	10	4	—	—	—	Сымонович, 1979
Ромашки	19	15	—	—	4	—	—	Брайчевский, 1960
Раковец-Чесновский	18	13	1	—	5	5	2	Винокур, Островский, 1967
Заячевка	15	15	—	—	—	—	—	Хавлюк, 1974
Викторовка	14	12	6	3	2	2	—	Сымонович, 1966
Каменка	12	1	—	1	11	3	8	Сымонович, 1955
Кантемировка	10	6	1	1	4	3	1	Махно, 1952а
Бережанка	9	6	—	1	3	—	3	Воляник, 1974
Городок	9	3	—	—	6	4	2	Магомедов, 1979б
Данилова Балка	8	8	—	--	—	—	—	Сымонович, 1952б

Характерной чертой погребального обряда черняховской культуры является биритуализм, то есть сочетание трупоположений (ингумации) с трупосожжениями (кремации). Исключение составляют могильники Причерноморья, где трупосожжения не обнаружены — Холмское, Каменка-Анчекрак, Ранжево. На большинстве остальных черняховских могильников трупосожжения составляют меньше полови-

ны всех захоронений и редко превышают 60% (Привольное, Маслово, Косанов, Оселевка). Обычно захоронения обоих видов размещаются на могильниках вперемешку. Обособленные группы погребений с одним обрядом встречаются нечасто. Так, в Косанове северный участок могильника был занят трупоположениями. В древности некоторые могилы как-то обозначались, скорее всего, небольшими холмиками, о чем свидетельствует тот факт, что они редко перекрывались более поздними захоронениями.

Могилы-трупосожжения делятся на два основных типа — урновые (остатки кремации ссыпаны в сосуд) и безурновые. По наличию или отсутствию золы от костра, камней, инвентаря, размерам ям и т. п. исследователи выделяют гораздо больше типов и вариантов трупосожжения [Кравченко, 1970]. Кремация покойника совершалась в стороне от могилы и, как правило, за пределами кладбищ. Места сожжений удается обнаружить редко.

Подавляющее большинство захоронений с трупоположениями совершено в обычных прямоугольных ямах. Реже встречаются погребения в ямах с заплечиками, подбоем или в склепах-катакомбах. Они известны на многих могильниках, но особенно характерны для Причерноморья. Могилы с заплечиками и подбои перекрывались деревянными плахами или каменными плитами.

В редких случаях следы деревянных конструкций прослеживаются и в ямных трупоположениях, например в двух погребениях могильника Черняхов. Обычно умерших клали в вытянутой позе на спине, головой на север или запад. Изредка встречаются скорченные погребения. Покойного нередко сопровождает инвентарь, включающий остатки убора, предметы личного обихода (фибулы, пряжки, бусы, подвески, гребни), а также инвентарь, связанный с культом мертвых,— посуда, содержавшая пищу, остатки самой пищи (кости животных, яичная скорлупа), личные орудия труда (нож, шило, игла, точильный брусок, пряслице). В наиболее богатых погребениях выявлено до 20 сосудов. В трупосожжениях некоторых могильников (Завадовка, Компанийцы, Ромашки) встречены мечи, наконечники копий и стрел, топоры, умбоны, рукояти от щитов. В целом для погребального обряда черняховской культуры оружие не характерно.

Составной частью черняховского погребального обряда было поминание покойника (тризна). Следы тризны прослеживаются обычно в виде скопления битой посуды, костей животных, углей в верхней части засыпи могилы (Косанов, Раковец, Ружичанка и др.). Этот обряд совершался в момент захоронения или по прошествии какого-то времени.

Значительная часть черняховских трупоположений перекопана вскоре после захоронения, причем нарушена только верхняя часть скелета. Мнения исследователей по этому поводу разделились. Одни считают, что разрушения погребений связано с ограблением, другие видят в нем ритуальные действия [Сымонович, 1963, с. 49—50]. В пользу последнего мнения свидетельствуют следы тризн в перекопах некоторых разрушенных погребениях (Городок, Каменка-Анчекрак). С культом мертвых, а именно с ритуалом «кормления душ», связывают находки сосудов, зарытых на территории могильников.

Не нашел удовлетворительного объяснения факт различной ориентации могил. То, что погребения с западной ориентацией, как правило, не содержат инвентаря, позволило предположить христианизацию черняховского общества [Сымонович, 1978].

Важную информацию о многих сторонах жизни черняховского общества дает инвентарь, найденный при раскопках поселений и могильников. Главным образом это керамика, орудия труда, предметы вооружения и снаряжения воинов, предметы быта и домашняя утварь, принадлежности ко-

стюма и украшения. Отдельной категорией находок являются римские монеты. Они будут рассмотрены в разделе об экономике черняховских племен.

Наиболее массовими находками на памятниках черняховской культуры является глиняная посуда. Изредка встречаются и сосуды из стекла. Основу черняховского керамического комплекса составляли гончарные изделия. На многих поселениях широко использовалась и лепная посуда домашнего изготовления. В незначительном количестве встречается импортная посуда. Установлено, что обломки лепной посуды на поселениях, где ведущим типом жилищ являются наземные глинобитные постройки, редко превышают несколько процентов всех керамических находок. Этот процент заметно увеличивается на поселениях в междуречье Днестра и Днепра, где преобладают углубленные жилища (Демьянов, Бовшев, Журовка и др.) (табл. 4). Импортная керамика, в целом, малочисленна, за исключением памятников Причерноморья.

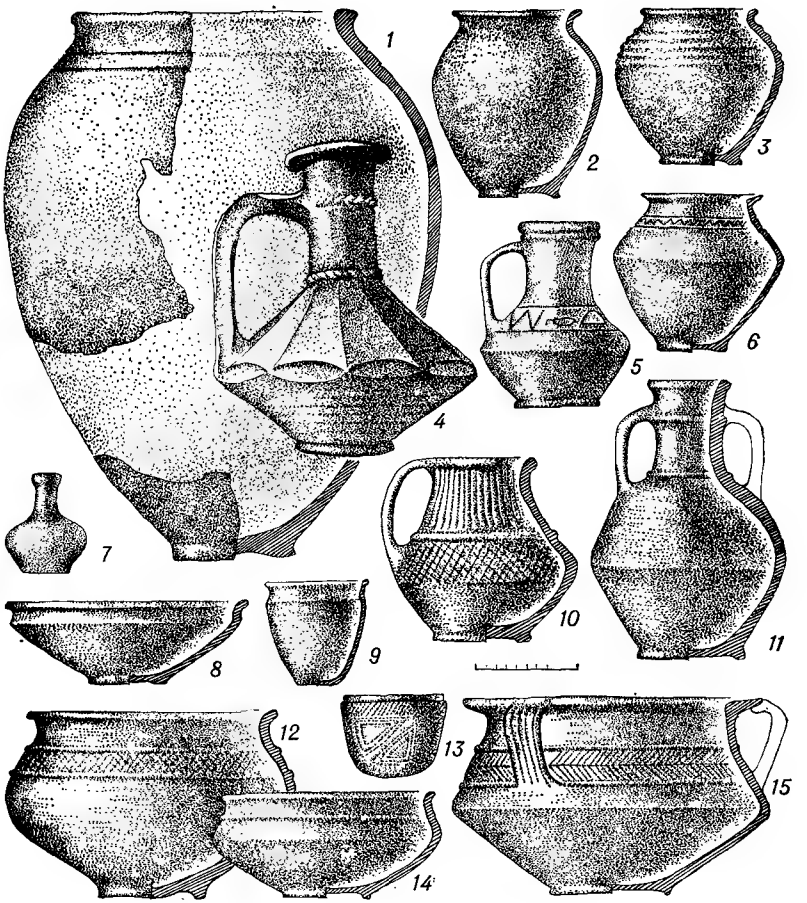


Рис. 12. Черняховская культура. Гончарная посуда:
1 — Кут;
2, 3, 8, 12, 14 — Черняхов;
4 — Коровинцы;
5 — Ромашки;
6 — Городок;
7, 10 — Ново-александровка;
9 — Чубовка;
11 — Сычавка;
13 — Гавриловка;
15 — Каборга.

В соответствии с составом глиняного теста местная гончарная посуда делится на два сорта: кухонную из глины с примесями и столовую из тонкой глины, обычно с лощеной поверхностью. Кухонная посуда представлена горшками. Они довольно стандартны по форме, хотя и варьируют по размерам, пропорциям, оформлению

венчика и поддона. Из глины с грубыми примесями, кроме кухонных горшков, изготовляли и большие сосуды для хранения зерна (корчаги или пифосы). Столовая посуда отличается большим разнообразием видов. Черняховское население пользовалось мисками, вазами с ручками, кувшинами, кружками, столовыми горшками, кубками. Строгие формы сосудов, декор, сочетающий лощеную поверхность и линии с матовыми орнаментальными полями, свидетельствуют о развитом эстетическом чувстве мастеров. Орнаменты, обычно состоящие из геометрических элементов, иногда создают сложные смысловые композиции. В некоторых из них исследователи видят земледельческие календари [Рыбаков, 1962, с. 66—90; Винокур, 1969, с. 48—61]. Встречаются и довольно реалистические изображения животных.

Основная масса лепной керамики представлена горшками нескольких типов. Встречаются кубки, миски, плошки, а также единичные вазы и кувшины. Лепная посуда обычно изготовлялась из грубой плохо промешанной глины, хотя известны и изысканные, богато декорированные экземпляры, главным образом на памятниках, где встречаются пшеворские или вельбарские элементы.

Происхождение керамического комплекса довольно сложное. Некоторые формы гончарной посуды (горшки, миски) вместе с технологией гончарного производства заимствованы из провинциально-римской среды. Остальные формы посуды (особенно это заметно в лепной керамике) имеют корни в позднескифской и сарматской культурах Северного Причерноморья; в междуречье Днепра и Днестры их прототипы встречаются на памятниках II в. н. э. (Подрожье, Ремезовцы, Слобода, Сокольники и др.), на которых интегрируются элементы позднезарубинецкой и пшеворской культур; в междуречье Днестра и Дуная, в гето-дакийской культуре [Сымонович, 1957, с. 14—19; Федоров, 1960, с. 116—140; Никитина, 1966, с. 70—85; Рикман, 1975, с. 166—186; Магомедов, 1977, с. 111—123; 1982, с. 140—143; Баран, 1981, с. 95, 154—159].

Импортная посуда представлена

Таблица 4. **Соотношение лепной посуды с типами жилищ на черняховских поселениях территории УССР (кроме Причерноморья)**

Поселения	Лепная посуда, %	Количество жилищ		Источник
		углубленных	наземных	
Ягнятин	2	—	10	Махно, 1952б
Жуковцы	5	—	10	Раскопки Е. В. Махно
Комаров	Около 10	—	5	Смішко, 1964
Леськи	10	—	2	Смиленко, Брайчевский, 1967
Киселев	10	—	4	Раскопки И. С. Винокура
Новолиповское	11	—	12	Раскопки Е. В. Махно
Синевцы	14	—	3	Воляник, 1979
Иванковцы	15	—	4	Брайчевский, Довженок, 1967
Никольское	26	7	—	Брайчевская, 1960
Репнев II	34,3	28	—	Баран, 1964
Бакота	40	32	12	Раскопки И. С. Винокура
Бовшев II	52,3	8	—	Баран, 1981
Демьянов	60,3	4	—	Баран, 1971
Черепин	Более 60	8	—	Баран, 1961
Журовка	Около 70	33	—	Раскопки Э. А. Сымоновича

главным образом амфорной тарой. На основной территории черняховской культуры широко распространены узкогорлые светлоглиняные сосуды так называемого инкерманского типа (известно более 20 целых экземпляров). Эти амфоры происходят из Малой Азии и датируются концом III—IV в. Форма корпуса коническая; на некоторых красной краской нанесены гре-

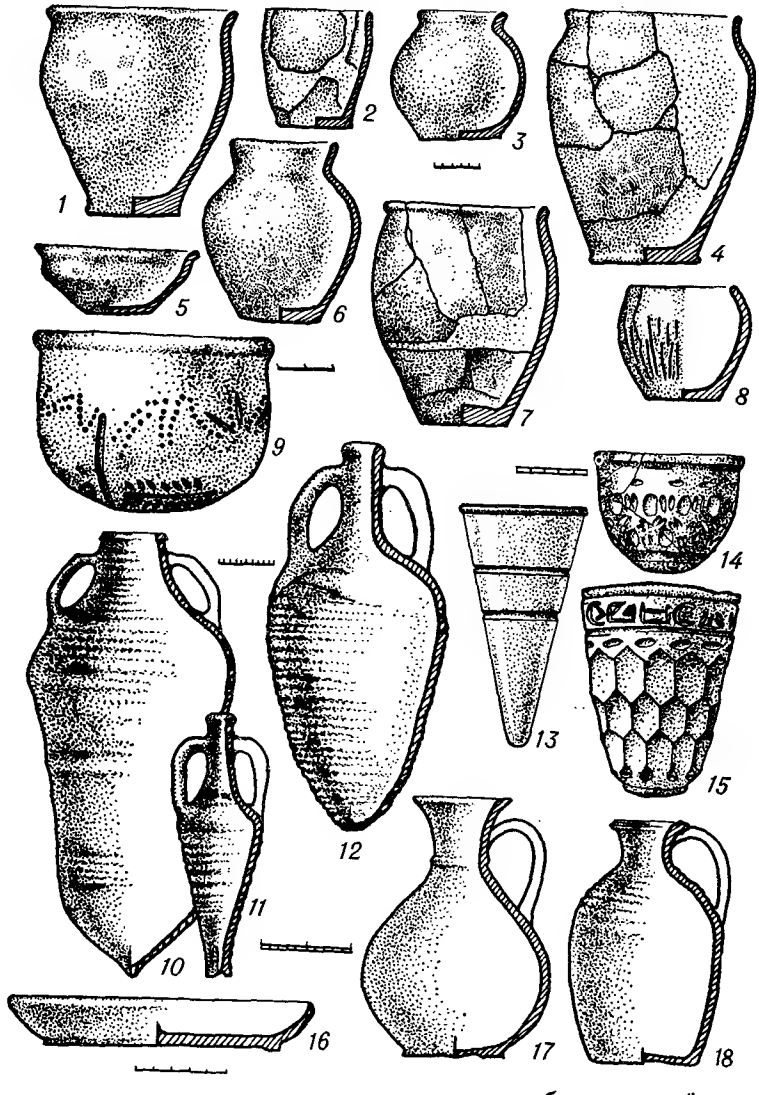


Рис. 13.
Черняховская культура. Лепная (1—9) и импортная посуда (10—18):
1—12 — керамика;
13—15 — стекло;
16—18 — краснолаковая керамика
(1, 2 — Теремцы;
3, 10—12 — Каменка-Анчекрак;
4 — Бовшев;
5, 8, 13, 14,
17 — Гавриловка;
6 — Большая Кореniха;
7 — Черепин;
9 — Каборга;
15, 18 — Ранжевое;
16 — Сычавка).

ческие надписи. Реже встречаются приземистые амфоры первой половины III в. и более крупные, яйцевидной формы, изготовленные в конце IV—начале Vв. В приморские районы в IV в. ввозилось большое количество красноглиняных широкогорлых амфор объемом 50—70 л (объем синхронных «инкерманских» амфор — 7—13 л). Из-за трудностей транспортировки они редко поступали в глубинные районы Степи и Лесостепи. Прочие типы амфор на территории черняховской культуры встречаются в единичных случаях.

Из римских провинций ввозилась также парадная краснолаковая (изредка краснолощеная) и стеклянная посуда. Краснолаковые изделия представлены кувшинами, мисками, чашка-

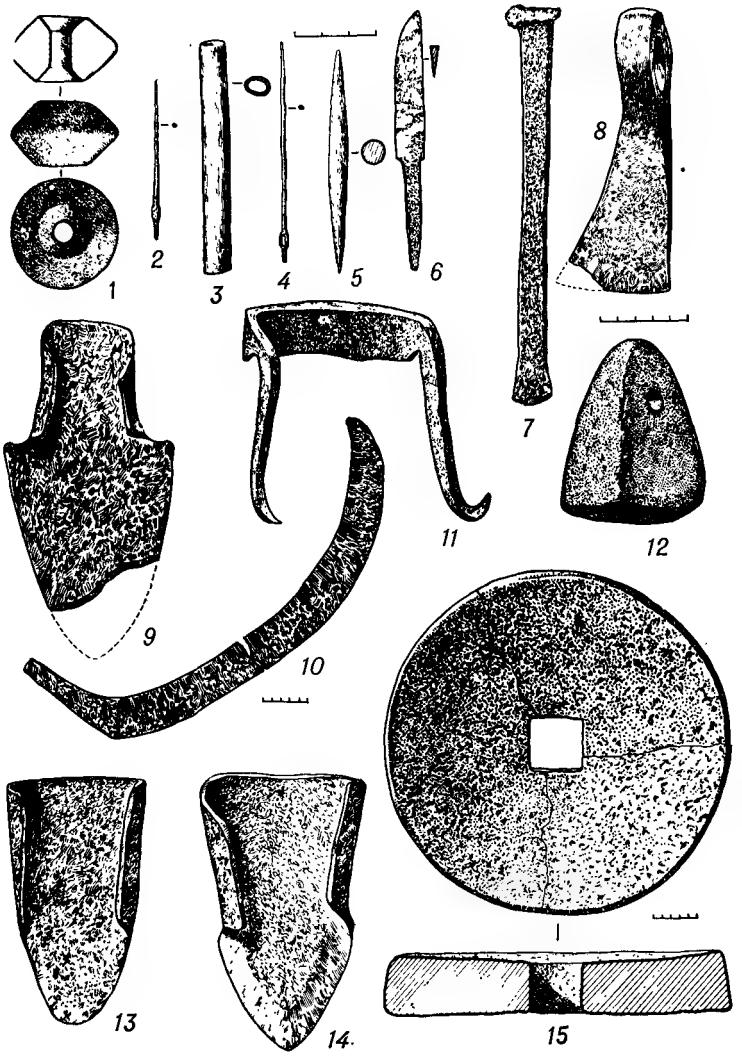


Рис. 14. Черняховская культура. Орудия труда:
1, 12 — керамика;
2, 4 — бронза;
3, 5 — кость;
6—11, 13, 14 — железо;
15 — известняк
(1 — Косанов;
2—4 — Каборга;
5, 10 — Каменка-Анчекрак;
6, 12 — Черняхов;
7, 11 — Репнев;
8 — Компанийцы;
9 — Мирное;
13 — Волошское;
14 — Кринички,
15 — Александровка).

ми. Среди них редко встречаются экземпляры с рельефным изображением (фрагмент из с. Черепин). Стеклянная посуда представлена почти исключительно кубками, большинство которых изготовлено из зеленого стекла; встречаются также синие, фиолетовые, красные, матовые, бесцветные. Кубки делятся на два типа: цилиндрические (более ранние) и конические. Различаются они и толщиной стенок. Некоторые имеют массивные поддоны. Многие сосуды украшены шлифовкой — овалами или сплошной фацетировкой, иногда встречаются греческие благопожелательные надписи (Ранжево, Комаров, Малаешты). Надпись на кубке из Ранжево гласит: «пей, да поживай со всем домом».

Важной чертой черняховской культуры, отличающейся ее от культур предшествующего времени, является

большое количество орудий труда, особенно железных. Значительная часть их связана с сельским хозяйством.

Железные наконечники пахотных орудий — наральники — найдены почти на 20 черняховских поселениях Украины (Ягнятин, Кринички, Волошское, Репнев II, Тилигуло-Березанка и др.). Они делятся на два типа — узколопастные и более совершенные широколопастные. Иногда в конструкции рал применялись чересла (плужные ножи — Репнев II). Изредка встречаются мотыги (Дарьевка) и железные оковки от деревянных лопат (Киселево). Частыми находками являются серпы. Например, на могильнике Чернелов-Русский открыт клад из девяти серпов и четырех кос. Черняховские серпы представлены двумя типами, которые отличаются конструкцией рукоятки. У серпов первого типа она крепилась на пластине, с загнутым в сторону концом, образующим пяту; у второго — насаживалась на черенок, как у средневековых и современных серпов. Первый тип известен в Восточной Европе еще со скифского времени (бронзовые еще раньше), второй — появляется во время существования черняховской культуры. Косы распространены меньше (Слободище, Чернелов-Русский, Неслухов, Каменка-Анчекрак). Длина лезвий черняховских кос 50 см.

Орудия, связанные с обработкой металлов, на черняховских памятниках встречаются редко. Такие необходимые в производстве вещи, как наковальня, молот, клещи, пока не найдены. С поселения Журовка происходят небольшое зубило и пробойник, изготовленные из хорошо закаленной стали.

Большая группа железных орудий связана с обработкой дерева. Это топоры, тесла, стамески, скобели, сверла, найденные на поселениях Бовшев II, Репнев II, Привольное, Иванковцы, Леськи и др. Пока в единственном экземпляре известен токарный резец (Бовшев).

На всех памятниках встречаются ножи — универсальные орудия, применяемые в производстве и быту. У большинства железных ножей длиной 6—12 см деревянная или костяная рукоять крепилась на коротком черенке. Интересен тип ножей с длинной металлической рукоятью и, как правило, ланцетовидным лезвием. Они изготовлялись из высококачественной стали или бронзы и, возможно, служили хирургическими инструментами [Сымонович, 1971, с. 83—87].

В домашних ремеслах и промыслах применялись шилья из железа и бронзы, костяные прокалки, пружинные ножницы (Кринички), рыболовные крючки. Нередко встречаются костяные коньки-лощила для обработки кож, глиняные или костяные пряслица, применявшиеся при прядении, глиняные грузила для ткацких станков. Затачивались инструменты при помощи брусков (оселков) из песчаника.

По сравнению с синхронными культурами черняховские памятники дают довольно незначительное количество предметов вооружения и снаряжения воина. Найденные мечи относятся к различным типам. Меч из с. Ягнятин— короткий (43 см), широкий, с закругленным концом. У меча, найденного на Компанийцевском могильнике, длинный клинок (77 см), суживающийся к концу. Несколько мечей происходят из черняховских памятников Молдавии. На Ягнятинском поселении, кроме описанного меча, найден боевой однолезвийный нож — скрамасакс. Известны находки кинжалов (Кринички, Будешты). Метательное оружие представлено наконечниками дротиков, стрел и копий. На современной территории Украины наконечники копий найдены в селах Компанийцы, Успенка, Журовка, Жуковцы, Каменка Кировоградской области. На поселениях Репнев II и Черепин известны втоки от копий (оковки пяты древка). Наконечники дротиков различной формы (двушипный, ланцетовидный, ромбический) найдены в Репнев II, Ромашки.

Наконечники стрел относятся к раз-

личным типам — втульчатые и черенковые с различной формой пера. Они обнаружены на поселениях Переяслав-Хмельницкий, Ромашки, Бердичев, Журовка, Леськи, Волошское, Каменка-Анчекрак и др. В качестве оружия применялись и топоры. По сравнению с плотницкими они имели меньшие размеры (Журовка, Нерушай, Кринички), хотя в погребении воина в с. Компанийцы найден топор, подобный плотницкому. Из оборонительного снаряжения известны щиты. Железный умбон и рукоять щита найдены в с. Компанийцы, рукоять — в с. Александровка. К снаряжению воина-всадника относятся шпоры, обнаруженные на поселениях Черепин, Бовшев II, Неслухов, Переяслав-Хмельницкий, удила (Лохвица), а также пряжки и кольца от сбруи. На Косановском могильнике найден обломок бронзового прорезного псалия римского типа.

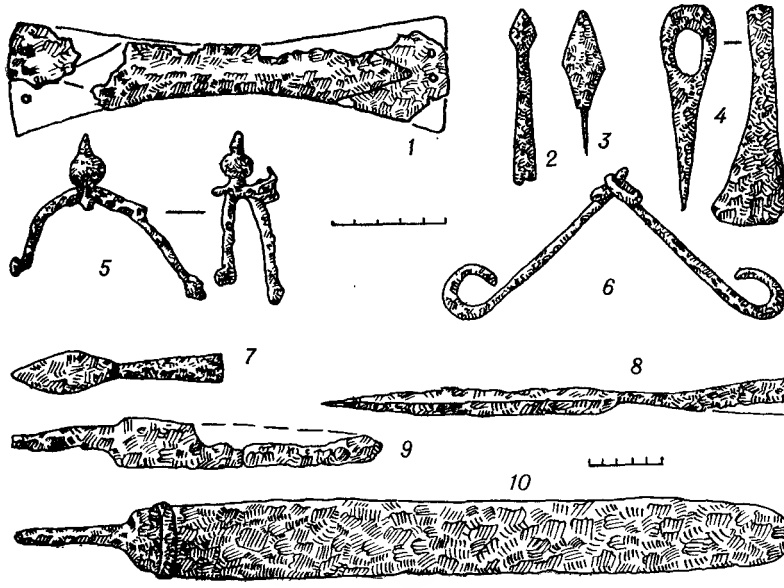
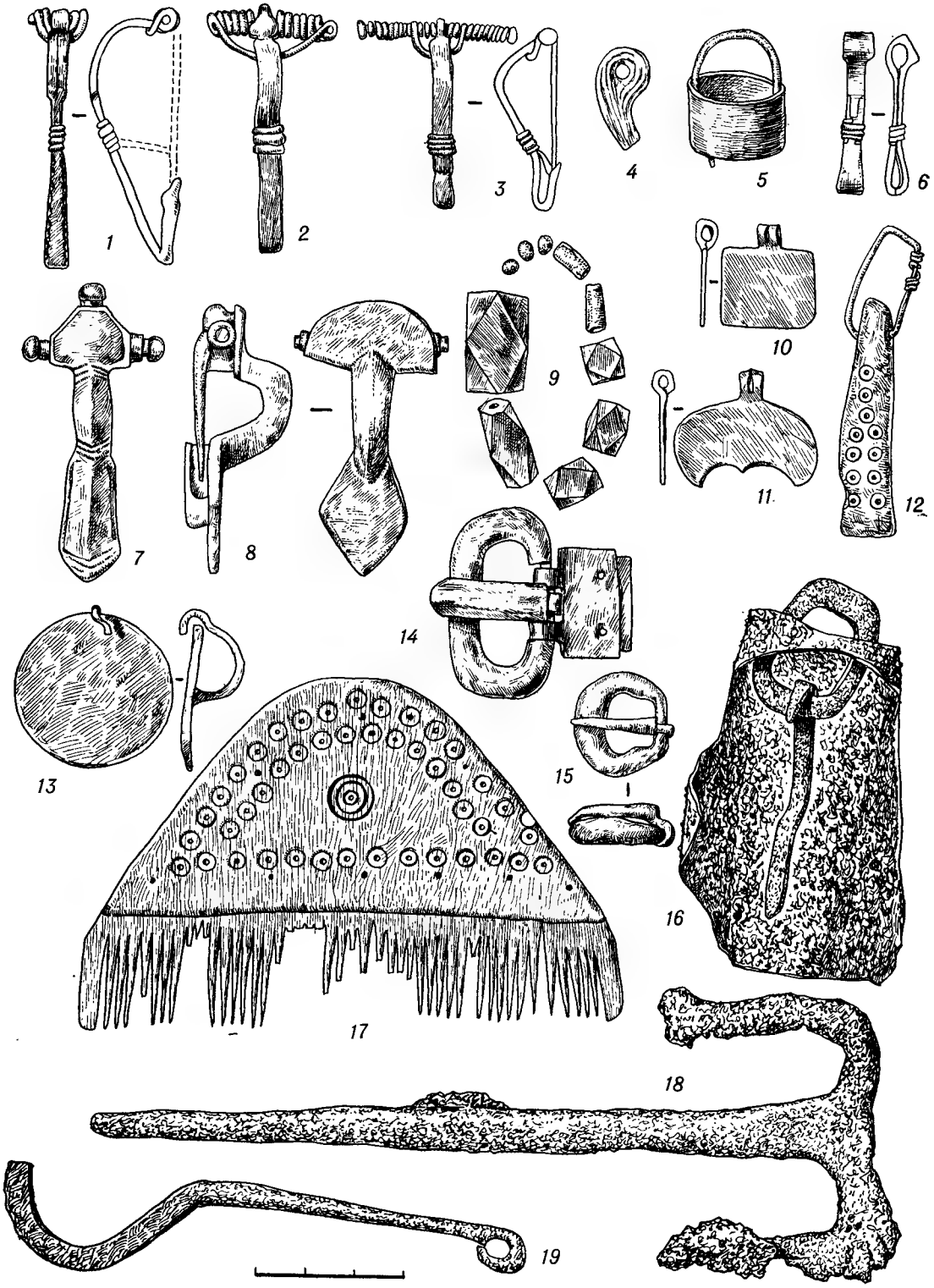


Рис. 15. Черняховская культура. Оружие и снаряжение всадника (железо):
1 — Александровка;
2 — Ромашки;
3 — Каменка-Анчекрак;
4 — Журавка;
5 — Черепин;
6 — Лохвица;
7 — Теремцы;
8 — Успенка;
9, 10 — Ягнятин.

Большая часть предметов быта и домашней утвари изготовлена из металла, но встречаются предметы из кости и камня. Обычной находкой являются гребни. Изредка они делались из железа (Кринички, Журовка), как правило — из кости [Никитина, 1969, с. 147—159] и имели широкое распространение в европейских культурах позднеримского времени. Костяные гребни состояли из пластины с зубцами, соединенными с двумя пластинами-накладками, образующими спинку. Конструкция скреплялась бронзовыми или железными заклепками.

На поселениях и могильниках находят пинцеты, имевшие, по-видимому, туалетное назначение. Они изготовлялись из бронзы, реже серебра, нередко украшались фасетками и гранями. В домашнем быту использовались железные и бронзовые иглы. Судя по находкам в погребениях, они хранились в костных трубочках-игольниках.

Иногда попадаются железные замки и ключи. Замки имели трубчатый корпус с пружинным механизмом (Репнев II, Каборга IV, Гавриловка, Ружичанка). Они аналогичны древнерусским изделиям. Ключ от такого замка найден в Репневе. Встречаются якоревидные и крюковидные ключи от деревянных засовов (Кринички, Костянец, Леськи, Черепин, Репнев II, Неслухов). В погребениях изредка находят остатки ларцов, окованные металлическими пластинами и запиравшиеся бронзовыми ключами (Косаново, Пе-


1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19

реяслав-Хмельницкий); железные детали от деревянных ведер — ручки, ушки и обручи (Компанийцы, Каменка-Анчекрак); железные гвозди, кресала (Кринички), ухваты (Репнев II, Демьянов II); ботала для скота (Леськи); бронзовые колокольчики (Черняхов, Ружичанка) и т. д.

Археологические находки позволяют приблизительно восстановить одежду черняховского населения. Верхней одеждой, возможно, парадной, служил плащ, застегивавшийся на плечах одной или двумя фибулами (застежки типа пружинной булавки). Под плащ надевали длинную рубаху, перепоясанную узким ремнем с маленькой пряжкой. На поясе иногда подвешивался небольшой нож в кожаном чехле, гребень и мешочек-сумка для мелких вещей. Ткани, судя по фрагментам из погребений и отпечаткам на глине, делались из шерсти и растительного волокна. Переплетение нитей — полотняное и саржевое. В одном случае найдены остатки золотой парчи (Переяславский могильник). О черняховской обуви можно судить по глиняному кубку из Каборгского могильника, выполненного в виде кожаного сапожка с узором.

Фибулы из бронзы, реже из железа или серебра, являются массовой категорией находок, особенно на могильниках. Важной особенностью фибул является их значительная изменчивость в зависимости от культурных влияний и вкусов эпохи, что позволяет использовать их как надежный датирующий материал [Амброз, 1966].

Рис. 16. Черняховская культура. Украшения и предметы быта:
1—3, 5, 7, 8, 13, 15 — бронза; 4 — стекло; 6, 10, 11, 14 — серебро; 9 — сердолик; стекло; 12, 17 — кость; 18, 19 — железо (1, 17 — Каборга; 2, 3, 9 — 11, 15 — Косанов; 4 — Каменка-Анчекрак; 5 — Новоалександровка; 6 — Городок; 7 — Теремцы; 8 — Компанийцы; 12 — Гавриловка; 13 — Коблево; 16, 19 — Леськи; 18 — Черепин).

Ранние черняховские фибулы изготовлялись из проволоки. Они невелики по размерам и обычно почти лишены украшений (исключение составляют некоторые изделия западных образцов). Поздние экземпляры нередко массивны; распространен тип так называемых двущитковых фибул, спинки которых украшаются разнообразными фасетками и гранями.

Пряжки менее подвержены временным изменениям. Они также изготовлялись из различных металлов и отличались способом изготовления (ковка, литье), конструкцией и формой. Щиток пряжки из Среднего Поднепровья украшен рельефным изображением человеческого лица. Иногда пояса дополнялись металлическими накладками и наконечниками.

Население черняховской культуры охотно использовало различные украшения. Чаще всего встречаются подвески и бусы, реже — серьги, височные кольца, браслеты, гривны. Многие украшения выполняли роль амулетов. Наиболее разнообразным видом украшений являются подвески. Они вплетались в волосы, служили деталями ожерелий, возможно, использовались как серьги. Иногда встречаются так называемые ведерковидные подвески, реже корзиновидные и треугольные (Каборгский могильник). Все три типа представляют собой миниатюрные емкости, предназначавшиеся, по мнению исследователей, для ношения ароматических веществ.

Изготовлялись они из железа и бронзы. Исключение составляет золотой экземпляр из Рыжевки, украшенный зернью.

Украшения в виде бронзовых или серебряных пластинок в форме полумесяца, прямоугольника или круга (лунницы) считались символами Луны и Солнца (Черняхов, Косаново). Очевидно, амулетами были и костяные пирамидальные подвески, украшенные циркульными кружками. Они известны на многих черняховских могильниках. Встречаются незамысловатые изделия в виде кольца из бронзовой, серебряной или золотой проволоки, часто дополненные стеклянными бусами.

Редки стеклянные украшения в виде когтя (Борохтянская Ольшанка, Каменка-Анчекрак). На некоторых памятниках найдены янтарные грибовидные подвески прибалтийского происхождения (Косаново, Ружичанка, Рыжевка). Уникальна миниатюрная бронзовая фигурка льва с кольцом для подвешивания из с. Черепин. В погребениях иногда встречаются подвески-амулеты из морских раковин (Черняхов, Гавриловка, Ружичанка, Косаново, Бережанка и др.), из клыков кабанов (Ружичанка) или медведей (Косаново). Иногда в качестве подвесок использовались римские монеты.

Серьги встречаются на южных черняховских памятниках. Экземпляр с овальным щитком найден на Каборгском могильнике, с круглым — на поселении Ранжево. Известны височные кольца и браслеты из бронзовой проволоки, встречаются браслеты из бронзовых пластин, в том числе с пуансонным орнаментом (Кринички, Косаново). Несложны по конструкции гривны из круглой в сечении проволоки, происходящие из поселений Косаново и Черепин.

Разнообразны по форме и материалу бусы. В женских погребениях черняховских могильников нередко находят целые наборы этих украшений. Бусы из стекла различных цветов и формы: округлые, линзовидные, 14-гранные, прямоугольные и т. п. Некоторые оформлены разноцветными глазками и нитями. Широкое распространение среди черняховского населения получил сердолик. В некоторых погребениях встречаются ожерелья из 14-гранных сердоликовых бусин. Реже встречаются бусы из янтаря, коралла, горного хрусталя, алебастра, фаянса.

Вопрос хронологии является одним из наиболее дискуссионных среди исследователей черняховской культуры, так как хронологическое членение вышло за пределы источниковедения и стало частью более широкой проблемы — этнической интерпретации памятников черняховского типа.

В. В. Хвойка, открывший первые черняховские памятники, определил их хронологические рамки II—V вв. н. э. [Хвойка, 1901, с. 172—190; 1913, с. 43—44]. Предложенная им датировка была поддержана многими исследователями. Попытки ограничить рамки существования черняховской культуры временем пребывания в Северном Причерноморье германского племени готов [Reinecke, 1902, с. 46] не подтвердились археологическими материалами. Нельзя признать удачной и попытку расширить верхнюю хронологическую границу этой культуры до VI—VII вв. [Махно, 1950, с. 70—71; Брайчевский, 1957, с. 17].

В настоящее время большинство ученых склонны датировать черняховскую культуру концом II — началом V в. Внутри этого отрезка времени они выделяют три периода: конец II — первая половина III в.— формирование культуры; вторая половина III — IV в.— расцвет; конец IV — начало V в. — угасание черняховской культуры.

Период формирования черняховской культуры связан с подъемом активности варварских племен на границах Римской империи и усилением влияния провинциально-римской экономики и культуры. Наиболее ранние комплексы, относящиеся к этому времени, происходят в основном из южных и западных районов черняховской культуры. На Верхнем Днестре в конце II в. н. э. возникают поселение Черепин, могильники Городница и Псары, а на Подолии и Среднем Днестре — могильник Ружичанка, поселения Незвиско и Макаровка. Видимо, этим же временем датируется появление на Волыни могильника Раковец-Чесновский. Также во II в. н. э. возникают некоторые черняховские памятники Молдавии [Рикман, 1975, с. 238]. В Причерноморье появляется поселение Каменка-Анчекрак. В Среднем Поднепровье к наиболее ранним черняховским памятникам конца II в. н. э. можно отнести поселение Ломоватое.

Следующий этап развития черняховской культуры — период расцвета —

хронологически совпадает с временной стабилизацией политической жизни Юго-Восточной Европы, наступившей после окончания готских (скифских) войн 238—269 гг. Подавляющее большинство черняховских памятников датируется III—IV вв. К этому времени относятся массовые типы фибул и импортных изделий — амфоры, стеклянные бусы и т. д. Памятники этого периода распространены по всей территории культуры от Румынии и Прикарпатья до Харьковщины.

Конечный этап черняховской культуры связан с событиями, последовавшими за гуннским вторжением. В это время наблюдается значительный отток населения из Юго-Восточной Европы, в основном готов и аланов. До начала V в. продолжают существовать немногие памятники. Полностью черняховская культура исчезает не позднее середины этого века. Наиболее монолитная группа поселений, продолжающих существовать в V в., открыта на Среднем и Верхнем Днестре: Бакота, Сокол, Теремцы, Репнев II, Черепин, Бовшев. Для них характерно наличие подквадратных полуземлянок, нередко с печью-каменкой. В керамических комплексах увеличивается количество грубой лепной посуды. На поселении в Теремцах одно такое жилище датируется трехпальчатой фибулой первой половиной V в. н. э. [Баран, 1981, с. 148]. Погребения этого времени известны в Молдавии и Румынии, в Поднепровье (Борохтянская Ольшанка, Журовка, Компанийцы, Гавриловка) и Причерноморье (Ранжево, Холмское).

Тесные связи населения черняховской культуры с римскими провинциями во многом предопределили ее высокое социально-экономическое развитие. По сравнению с предшествующим периодом черняховские племена имели более разнообразные и совершенные орудия труда. Выделяются новые виды ремесла, большое значение приобретает торговля. Росту общественного продукта сопутствует рост населения: плотность расположения черняховских памятников гораздо выше плотности расположения более ранних зарубинецких и сарматских древностей.

Основой социально-экономического прогресса племен черняховской культуры явился высокий для своего времени уровень развития земледельческих орудий, значительно более совершенных, чем в предшествующее время.

На черняховских поселениях встречаются железные детали упряжных пахотных орудий — узко- и широколопастных наральников и чересел. На основании этих находок некоторые исследователи пришли к выводу о применении на территории черняховских племен плуга, то есть орудия, способного не только разрыхлять почву, но и переворачивать пласт. По другим данным, эти предметы являлись деталями обычного рала [Краснов, 1971, с. 3—11]. Для возделывания огородных культур применялись мотыги и деревянные лопаты с железными оковками. Урожай убирали главным образом серпами. Первыми среди синхронных варварских народов Восточной Европы земледельцы черняховской культуры начали широко применять косы.

Зерно хранилось в специальных круглых ямах, нижняя часть которых иногда обожжена. Важным нововведением в процесс первичной обработки продуктов земледелия было использование ротационных жерновов. По сравнению с зернотерками, применявшимися в предчерняховское время, они повышали производительность труда в три-четыре раза. Этнографические параллели и дошедшие до нас остатки мельниц позволили реконструировать эти устройства [Сымонович, 1952а, с. 97—107; Винокур, 1970, с. 238—244; Хавлюк, 1977, с. 21—28]. Для лущения проса и приготовления крупы использовались ступы, в том числе и ножные.

Довольно разнообразен состав злаковых культур, выращивавшихся черняховскими земледельцами. Они известны благодаря находкам обугленных остатков (например, на поселении

Афанасьевка в Николаевской области обнаружено около 10 кг обугленного зерна), а также по отпечаткам зерен и половы и на фрагментах керамики и глиняной обмазке. По данным Г. А. Пашкевич [1981, с. 34—35], наиболее распространенным среди черняховских племен хлебным злаком была пшеница-двузернянка. Сеяли и другие ее виды: однозернянку, спельту, карликовую пшеницу. Несколько реже встречается ячмень. Кроме того, на черняховских памятниках отмечены следы проса, овса, ржи, из бобовых — чины, гороха и чечевицы, из технических культур— конопли.

Выявлены некоторые локальные отличия в ассортименте культурных растений. Так, чина характерна для черняховских памятников Молдавии, а ячмень чаще встречается на Украине. Еще больше отличий в этом отношении наблюдается у носителей соседних культур лесной зоны, где господствующей культурой была рожь.

Продуктивное земледелие черняховских племен дополнялось развитым животноводством, что подтверждается незначительной ролью охоты в системе хозяйства: на поселениях Правобережной Украины к диким животным относится только 3,5% определенных по костным остаткам особей [Бэлан, 1977, с. 30]. Население черняховской культуры разводило традиционный для средней полосы Европы скот: коров, коз, овец, свиней, лошадей. На поселениях Новокондаково (р. Ингулец) и Иванковцы (Среднее Поднестровье) найдены кости осла. Видовое распределение животных внутри стад, принадлежавших черняховским племенам различных географических зон, имеет отличия (табл. 5), которые объясняются не только природно-климатическими условиями, но и местной традицией. Так, значительный процент лошади в стадах причерноморского населения отражает пережитки кочевого скотоводства у потомков скифов и сармат.

Таблица 5. **Соотношение видов сельскохозяйственных животных в зонах распространения черняховской культуры (%)**

Зона	Определено особей, шт.	Крупный рогатый скот	Мелкий рогатый скот	Свинья	Лошадь
Правобережная Лесостепь	768	40,6	25,7	24,5	9,2
Молдавия	222	40,5	24,8	18,9	15,8
Северо-Западное Причерноморье	438	48,4	24,4	5,9	21,3

Находки костей и яичной скорлупы свидетельствуют о разведении домашней птицы, в частности кур. Известны и такие домашние животные, как собака и кошка.

На базе продуктивного сельского хозяйства, прежде всего земледелия, у племен черняховской культуры развивалось ремесленное производство. По сравнению с предшествующим временем наблюдается не только дальнейший прогресс известных ранее видов ремесла, но и появление некоторых новых его отраслей.

Несомненно, большинство черняховских ремесленников выделились из местного населения. Вместе с тем имеются сведения о пребывании на черняховской территории выходцев из провинциально-римской среды, занимавшихся наиболее сложными видами ремесленного производства. Так, на поселении Комаров (Черновицкая область) открыты остатки стеклоделательной мастерской, обнаружены следы каменных построек античного облика, римская плинфа, большое количество амфорной тары (Смішко, 1964, с. 67—

80]. Все это резко выделяет данный памятник из окружающих черняховских поселений и позволяет предположить, что производством стеклянных изделий здесь занимались римские мастера, сбывавшие свою продукцию местному населению. Такое приближение производства к потребителю давало римским предпринимателям громадную прибыль, так как снимало необходимость в транспортных расходах. Следы подобных античных «факторий» имеются и в других районах черняховской территории: Лепесовка в Тернопольской области, Собарь в Молдавии. Некоторые ученые отводят провинциально-римским ремесленникам значительную роль в экономике черняховской культуры, полагая, что они держали в руках и производство гончарной посуды (М. А. Тиханова, В. Д. Баран).

Судя по количеству найденных железных изделий, на территории Восточной Европы позднеримского времени выплавлялось значительное количество черного металла. Следы выплавки железа (обычно в виде шлаков и кусков крицы) зафиксированы более чем на 40 черняховских поселениях. Железоплавильные горны встречаются редко, так как их обычно сооружали за пределами поселений. Они известны на поселениях Лука-Врублевецкая, Иванковцы, на некоторых памятниках Молдавии. Горнам придавали цилиндрическую форму, стенки обмазывали глиной. Некоторые были впущены в грунт на глубину до 1 м. Сырьевой базой для небольших местных производств служили болотные руды. Крупные черняховские производственные центры еще не известны. Однако это не означает, что они не существовали, так как скопление многих десятков плавильных горнов первой четверти I тыс. н. э. открыто под Уманью (раскопки В. И. Бидзили, Д. П. Недопако), а на территории соседней пшеворской культуры возле г. Новая Гута (ПНР) в позднеримское время действовал один из крупнейших в Европе металлургических центров.

На рядовых черняховских поселениях добыча и обработка железной руды были незначительны. Обе эти операции выполнялись одним человеком. Кузнец, обслуживавший сельскую общину, был мастером-универсалом. Среди археологических материалов известны 57 наименований изделий из железа и стали: орудия сельского хозяйства и промыслов, ремеленные инструменты, оружие, конская сбруя и снаряжение всадника, предметы быта и домашняя утварь, принадлежности костюма и украшения. Около половины этих изделий изготовлено из стали. К отбору сырья кузнецы подходили дифференцированно: на памятниках Поднепровья орудий труда из стали изготовлен 61%, остальных изделий — 3% [Гопак, 1980, с. 150]. Некоторые вещи изготовлялись с помощью сварки, в том числе из пакетного металла (ножи, топоры, серпы, зубила, мечи, наконечники копий и дротиков). Широко применялась термическая обработка: закалка или закалка с последующим отпуском.

Более высоким уровнем кузнечной техники во второй четверти I тыс. н. э. обладал только античный мир. Примерно на одном уровне с черняховскими племенами находилось население синхронных памятников Южной Польши и Чехословакии, сохранившее и широко использовавшее наследие кельтской металлообработки [Вознесенская, 1972, с. 8—33].

Черняховское население в большом количестве применяло изделия из цветных металлов. Почти все они изготовлены из медных сплавов, небольшая часть из серебра или биллона (сплав серебра и меди), золото встречается редко. 95—98% этих вещей составляют принадлежности костюма или украшения: застежки для плащей (фибулы), пряжки, различные подвески, булавки, серьги, браслеты, швейные гривны. Орудия труда представлены иглами и шильями. Иногда встречаются ножи из бронзы.

Вопрос об источниках снабжения

черняховских мастерских медью остается открытым. Разнообразие и сложность медных сплавов свидетельствуют не только о высоком мастерстве местных ремесленников, но и о том, что в качестве сырья использовался металл различного происхождения, в том числе лом вещей, поступавших с других территорий. Цветной металл переплавляли в специальных тиглях и заливали в литейные формы. Небольшая каменная форма для отливки пластинок найдена в с. Черепин.

Среди многообразия черняховских медных сплавов можно выделить два *наиболее характерных* типа: оловянистые и свинцово-оловянистые бронзы ($^1/_3$ изделий) и многокомпонентный сплав с ведущими концентрациями цинка (более $^1/_4$ изделий). Реже применялась латунь — сплав меди с цинком — и биллон. Черняховский комплекс сплавов является продуктом взаимодействия двух больших зон металлообработки: причерноморской (преобладают оловянистые бронзы) и прибалтийской (преобладают многокомпонентные сплавы). Первая из них оказала более заметное влияние на местный цветной металл. Прибалтийские сплавы чаще находят в западных областях Украины и в Молдавии [Черных, Барцева, 1972, с. 63—89].

Источником изучения черняховского ремесла является не только готовая продукция, но и остатки производственных сооружений. Более чем на 20 черняховских поселениях УССР открыты гончарные горны: села Завадовка, Журовка (Черкасская область), Никольское (Днепропетровская область), Коровинцы (Сумская область), Лука-Врублевецкая, Воробиевка (Хмельницкая область), Неслухов, Сокольники I, Репнев II (Львовская область), Калиновка (Одесская область) и т. д. Немало горнов обнаружено на черняховских поселениях Молдавии и Румынии. Кроме того, на многих поселениях найдены гончарные шлаки, являющиеся обязательными спутниками процесса обжига керамики.

Реже встречаются остатки гончарных мастерских. Лучше других сохранилась мастерская на Журовском поселении [Сымонович, 1966, с. 117—121; Бобринский, Гусаков, 1973, с. 150—162]. Мастерская помещалась в наземной постройке размерами 5×3 м рядом с горном для обжига. В помещении сохранились запасы глины на различной стадии приготовления, а также остатки необожженных сосудов. В полу прослежены следы деревянного подпятника от гончарного круга. Здесь же найдены кремневые гальки-лощила и костяная правилка для обработки поверхности посуды.

Гончарные горны имели двухъярусную конструкцию. Из нижней топочной камеры через отверстия в горизонтальной перегородке раскаленные газы поступали в верхнюю камеру, где обжигалась посуда. Горны отличались друг от друга размерами и, следовательно, производительностью. Так, в гончарном горне из с. Будешты (Молдавия), по данным Э. А. Рикмана, можно было обжигать одновременно до 150 сосудов [1975, с. 169], а в репневском горне — не более 25.

Черняховские ремесленники выработали богатый ассортимент посуды. Освоенная ими технология гончарного производства обеспечивала высокую производительность труда, полностью удовлетворявшую потребности общества. По подсчетам А. А. Бобринского [1978, с. 26—33], мастер тратил на изготовление одного среднего сосуда 8—10 минут, ежедневно производя от 30 до 80 сосудов, обеспечивая округу в радиусе до десятков километров.

Из домашнего производства, кроме металлообрабатывающего и гончарного ремесла, выделяется обработка рога и кости, изготовление многочастных гребней. О ремесленном уровне этого производства свидетельствует массовость находок гребней, унифицированность типов и сложная конструкция, требующая значительных затрат труда и производственных навыков. В Румынской Молдове исследованы остатки мастерской по производству греб-

ней. Найденные в ней сырье, заготовки, отходы свидетельствуют о хорошо налаженном массовом производстве. Несомненно, подобные мастерские существовали и на территории современной Украины. Поделки из рога и кости, не требующие специальных производственных навыков, в подавляющем большинстве являются продуктами домашнего ремесла. Это «коньки»-лощила, пирамидальные подвески, кубики (кости) для игры, пряслица, игольники, проколки и т. п.

На территории распространения черняховской культуры камень широко применялся только в районе Причерноморья, где в изобилии имеется мягкий известняк, а традиция его использования насчитывает многие столетия. Из этого материала сооружались постройки, использовали его в конструкциях могил, изготовляли хозяйственные поделки (корыта, якоря). На остальных черняховских землях повсеместное распространение получили только жернова из известняка, туфа или гранита, а также оселки из песчаника или сланца. Изредка встречаются каменные литейные формы (Черепин) и сосуды (Каборга IV). В Среднем Поднестровье и в соседних районах, где, как и в Причерномерье, известняк является легкодоступным материалом, встречается каменная культовая скульптура. Они открыты в языческих святилищах на черняховских поселениях Иванковцы и Ставчаны [Брайчевский, Довженок, 1967, с. 238—262; Винокур, 1972, с. 109—112]. Известны они и на поселении Калюс, Бакота, Кременное, Непоротово, Козлов и др., а также на Раковецком могильнике [Винокур, 1972, с. 112—117]. Большинство изваяний изготовлено в виде квадратной или прямоугольной в сечении антропоморфной стелы, на некоторых обозначены руки.

Безусловно, изготовление идолов не носило массового характера. Некоторые сведения о ремесленном производстве изделий из камня имеются только для жерновов. По мнению П. И. Хавлюка, такое производство существовало у с. Луговое в бассейне Южного Буга на базе месторождения вулканического туфа [Хавлюк, 1980, с. 30—34]. Здесь на месте древнего карьера найдены отходы производства, клинья из оленьего рога, черняховская керамика. На стенках карьера видны следы от кирок. Жернова из этого производственного центра распространились на широкой территории Лесостепи от Днестра до Днепра и даже проникли в ареал соседней киевской культуры.

Производство остальных каменных изделий, так же как обработка кож, прядение, ткачество, деревообработка и т. п., у черняховских племен еще не достигло уровня самостоятельных ремесленных производств, а имело характер домашних промыслов. О существовании этих занятий свидетельствуют орудия труда и остатки изделий.

Производство изделий из стекла не было широко распространенным. Выше упоминалось о стеклоделательной мастерской возле с. Комаров в Черновицкой области, оставленной пришлыми провинциально-римскими мастерами [Смішко, 1964, с. 67—80]. Плавильные горны, глиняная форма для выдувания кубков, шлаки, большое количество осколков бракованных и разбитых стеклянных изделий (кубки, бусы) не оставляют сомнений в существовании здесь налаженного производства на рынок. Однако учитывая широкое распространение стеклянных изделий на черняховских памятниках и то, что мастерских, за исключением с. Комаров, мы не знаем, можно считать, что подавляющее количество изделий из стекла поступало из римских провинций при помощи торговли.

Развитие различных видов производства у черняховских племен неизбежно стимулировало рост внутреннего и внешнего обмена, что отразилось на всех сторонах жизни общества. Во многом справедливо мнение, что черняховская культура «являлась продук-

том ремесла и торговли» [Третьяков, 1970, с. 177].

Об уровне развития внутреннего обмена в обществе можно судить по уровню организации ремесла. У черняховских племен в качестве самостоятельных производств выделились металлообработка, гончарное, отчасти костерезное и, возможно, камнетесное ремесла. Мастера работали, как правило, на заказ в пределах общины или группы соседних общин, получая за свой труд продукты сельского хозяйства. Сведения о зачатках товарного производства, то есть производства товаров не на заказ, а на рынок, имеются только для гончарного ремесла [Бобринский, 1978, с. 26—33]. Но и в этом случае взаимоотношения производителей и потребителей вряд ли выходили за рамки натурального обмена. То же можно сказать о торговле ценным сырьем (цветные металлы) или изделиями из редких материалов (например, жернова из вулканического туфа).

О широком развитии торговли черняховских племен с греко-римским миром свидетельствует, в первую очередь, многочисленный античный импорт, а также нумизматический материал. Меньшее значение имела торговля с соседними варварскими племенами. О существовании такой торговли говорят найденные на территории соседней киевской культуры изделия черняховского ремесла — гончарная керамика, фибулы, гребни, жернова. Черняховское население получало некоторые товары из Прибалтики — янтарь и, возможно, отдельные типы фибул.

Если в обмене с экономически неразвитыми племенами черняховский экспорт был представлен в основном ремесленными изделиями, то в торговле с античным миром на первый план выступает вывоз сельскохозяйственной продукции. Исследователи не пришли к единому мнению в вопросе о вывозе хлеба в пределы Римской империи. Часть авторов видит в хлебном экспорте основу торговли с античным миром [Рыбаков, 1948, с. 42—43; Брайчевский, 1964, 238—240]. Другие не придают ему решающего значения [Рикман, 1975, с. 228] или полностью отрицают [Кропоткин, 1967, с. 112—113; Тиханова, 1974, с. 69]. По-видимому, черняховцы вывозили хлеб главным образом из районов, наиболее удобных в транспортном отношении. Представление о товарах, участвовавших в обмене Причерноморья со Средиземноморьем, правда, в более раннее время (II в. до н. э.), можно получить из «Истории» Полибия: «Для необходимых жизненных потребностей окружающие Понт страны доставляют скот и огромное количество бесспорно отличнейших рабов, а из предметов роскоши доставляют в изобилии мед, воск и соленую рыбу. Получают же они из продуктов, которыми изобилуют наши страны, масло и всякого рода вино; хлебом же они обмениваются с нами, то доставляя его в случае нужды, то получая...» [История, IV, *38*]. Вряд ли эти традиционные товары могли намного измениться в позднеримское время.

Наличие развитой внешней торговли предполагало существование торговцев-посредников, в руках которых скапливались товары, предназначенные для вывоза. Примером своего рода торговой фактории, принадлежащей такому купцу, может являться усадьба, расположенная на окраине крупнейшего черняховского поселения в районе Днепро-Бугского лимана — Каменка-Анчекрак. Из раскрытых здесь помещений, построенных из камня (всего их было не менее 14), только три оборудованы очагами и могут быть признаны жилыми. Большинство остальных помещений, площадью во многие десятки квадратных метров, почти лишены находок в виде развалов сосудов, орудий труда и т. д. Видимо, их использовали как склады сельскохозяйственной продукции и хлевы для скота. Большое количество скота могло помещаться в обнесенном каменной оградой квадратном дворе

площадью 1600 м². О налаженных торговых связях местных жителей с античными центрами свидетельствуют находки большого количества амфорной тары — ее обломки превышают половину керамических находок на поселении.

Одним из важнейших аспектов вопроса об уровне развития торговли у черняховских племен является вопрос о денежном обращении. На территории Восточной Европы известно более тысячи кладов и отдельных монет (почти исключительно серебряных), часть из которых связана с черняховскими памятниками [Брайчевский, 1959, Кропоткин, 1961; 1966, с. 74—102]. При этом большинство римских монет на территории черняховской культуры датируется I—II вв. н. э., а с 30-х годов III в. поступление монетного серебра значительно сокращается. По-видимому, это было вызвано экономическим кризисом в Римской империи и связанной с ним «порчей» серебряной монеты. При императоре Каракалле взамен полноценных серебряных денариев начинается выпуск биллоновых антонинианов, а так как варвары хорошо понимали разницу между чистым благородным металлом и дешевым сплавом, они долгое время продолжали пользоваться старой полноценной монетой [Кропоткин, 1970, с. 159].

Сокращению ввоза монет сопутствовало значительное увеличение импорта греко-римских товаров, пик которого падает на IV в. Из развитых областей античного мира, в основном из Малой Азии и Восточного Средиземноморья, к племенам черняховской культуры поступали вино и масло в амфорах, стеклянная и краснолаковая посуда, бусы из стекла и полудрагоценных камней, дорогие ткани и т. п.

Следы проникновения импортных товаров в различных количествах обнаруживаются практически на всех черняховских памятниках. Естественно, что большая их часть оседала в областях, которые можно рассматривать как контактную зону с античным миром — Северо-Западное Причерноморье, Молдавия, Нижнее Подунавье. Так, на черняховских поселениях Черноморского побережья в среднем 20—30% керамики представлено обломками амфорной тары. Для основной территории культуры этот показатель не превышает 3—5%.

Как и амфоры, импортная столовая керамика (обычно краснолаковая) распространилась по всей черняховской территории. Ее обломки найдены на многих памятниках Лесостепи, однако целые экземпляры встречаются редко, как правило, на могильниках (Черняхов, Малиновцы). В приморских районах такой посуды больше. Из римских провинций ввозилась и стеклянная посуда, главным образом кубки.

Наиболее массовой группой импортных изделий на черняховских памятниках являются бусы из стекла и сердолика, а также янтаря, коралла, горного хрусталя, алебастра, фаянса. Стекло и фаянс поступали из римских провинций (в основном из Египета и Сирии), янтарь — из Прибалтики. Месторождения сердолика известны в Закавказье. С берегов далеких морей бассейна Индийского океана черняховские племена получали раковины, которым придавалось значение амулетов.

Для социальной структуры черняховского общества характерны противоречивые черты. С одной стороны, установлено наличие больших существовавших длительное время поселений с уличной системой планировки, наземными каменными или глинобитными постройками и загонами для скота. Богатые погребения, денежные и вещевые клады дополняют эту картину. Все это свидетельствует об имущественном расслоении общества и развитии черт, характеризующих территориальную общину, допускает возможность существования племенных организаций и даже союзов племен — крупных политических образований, возникающих в период военной демократии [Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 21, с. 158—159].

Известны и небольшие черняховские поселения (Бовшев II, Ракобуты, Сокол, Теремцы) с групповой планировкой зданий, углубленными постройками и большим количеством хозяйственных ям, расположенных группами на отдельных участках поселения, которыми, по-видимому, пользовались коллективно. На этих поселениях найдено большое количество лепной посуды домашнего производства. Такие памятники по своему характеру больше отвечают той общественной организации, которая свойственна периоду выделения из родовой общины больших патриархальных семей и образования патронимических институтов.

Подобные противоречия в общественной структуре черняховского населения объясняются его разноэтничностью и далеко не равномерным развитием различных племенных групп, входивших в состав черняховской культуры.

Интеграционные процессы внутри самой культуры так и не достигли того уровня развития, при котором этнические и социально-экономические различия и противоречия были бы ликвидированы. Черняховская этнокультурная общность сложилась на основе различных этнических группировок и до конца своего существования оставалась в социально-экономическом плане неоднородной.

В период своего расцвета (III—IV вв.) черняховская культура объединяла население от верховьев Западного Буга до Северного Донца, от притоков Припяти и Сейма до Нижнего Дуная и Черноморского побережья. Археологические материалы свидетельствуют об определенном социально-экономическом и культурном единстве этого населения, имевшем одновременно и некоторые локальные особенности.

Общие для черняховского населения черты проявляются в следующих характеристиках: 1) основа экономики — развитое земледелие; выделение ведущих ремесел в самостоятельные отрасли; интенсивный товарообмен с античным миром; 2) объединение продукции ремесленного производства в единый стиль, близкий многим областям Южной и Центральной Европы (гончарная керамика, изделия из металла и кости); 3) размещение открытых поселений на пологих склонах ручьев и рек; жилища углубленные и наземные; 4) определенная общность идеологических воззрений, выраженная в погребальном обряде: бескурганные могильники, биритуализм (сочетание трупоположений и трупосожжений), северная и западная ориентировка трупоположений и т. п.

Различие культурных субстратов на разных территориях и связи с соседними этническими группами обусловили проявление местных специфических черт, послуживших основой для выделения в черняховской культуре локальных групп памятников. Первую попытку в этом направлении предприняла М. А. Тиханова [1957, с. 168—194], выделившая пять локальных вариантов: Среднее Поднепровье, Порожистый Днепр, Поднестровье, Нижний Дунай с Северо-Восточной Трансильванией, Волынь. В целом принцип членения черняховской культуры был признан археологами, хотя до последнего времени отсутствуют единство мнений относительно количества и этнокультурного содержания локальних групп. Так, Е. В. Махно [1970, с. 49—58] выделяет Среднее Поднепровье в качестве основной черняховской территории, вокруг которой размещается «инфильтрационное кольцо», включающее волынскую, поднестровскую, южностепную и сеймо-донецкую группы. Появление этих групп она объясняет влиянием черняховской культуры на менее развитые соседние племена. Некоторые авторы отрицают включение в состав черняховского ареала области Северо-Западного Причерноморья [Махно, 1970; с. 49—58; Сміленко, 1975, с. 48; Щукин, 1979, с. 71—72].

В последнее время В. Д. Баран на основании наиболее важных местных особенностей памятников выделил

в качестве локальных групп три региона: Северо-Западное Причерноморье, междуречье Днестра, Прута и Дуная, а также лесостепную зону современной Украины [Баран, 1981, с. 163—165]. Для первой локальной группы характерны: преобладание каменного домостроительства; преобладание трупоположений над трупосожжениями при значительном проценте ям с подбоями и заплечиками; в инвентаре значительный процент импортной посуды, среди лепной керамики много скифо-сарматских форм. Для памятников междуречья Днестра, Прута и Дуная наиболее характерны наземные глинобитные жилища; на могильниках преобладают трупоположения, большое количество погребений со скороченными скелетами; специфический тип лепной посуды. В локальной группе Лесостепной Украины преобладают углубленные жилища; преобладание трупоположений над трупосожжениями незначительно: обряд трупоположения более единообразен, чем в других локальных группах; появляются особые типы лепной посуды, близкой к керамике раннесредневековых славянских культур; лепная посуда наиболее характерна для поселений с углубленными жилищами.

Наличие локальных вариантов внутри черняховской культурной общности объясняется неодинаковым этническим составом населения. В Северо-Западном Причерноморье преобладали эллинизированные скифо-сарматы; в Днестро-Пруто-Дунайском междуречье — гето-даки; в лесостепной зоне Украины проживали славянские племена. Кроме того, черняховское население всех этих территорий включало в себя различные по численности группы готов и сармат.

Этнические компоненты черняховского населения определяют в основном благодаря сходству элементов культуры с предшествующими, синхронными или последующими культурами. Главными культурно- и этноопределяющими признаками для черняховской культуры являются лепная керамика, погребальный обряд и тип жилища. Этноопределяющие признаки различных племен нередко встречаются на одних и тех же памятниках, что становится одной из главных черт черняховской культуры со времени ее зарождения.

Период формирования черняховской культуры совпадает с возникновением в I—II вв. н. э. в Восточной Европе новой исторической обстановки. В лесостепные области, Поднестровье и Подунавье проникают сарматы, нарушившие стабильность местных культур. Население приходящих в упадок позднескифских городищ Нижнего Днепра расселяется по северо-западному побережью Черного моря. Натиск сармат приводит в движение поднепровские зарубинецкие племена, в результате чего значительная часть их поселений прекращает существование. Памятники в районе Киева и на Южном Буге, продолжавшие существовать в I и II вв. н. э., приобретают новые черты, значительно отличающиеся от раннезарубинецких древностей [Хавлюк, 1968, с. 226; Максимов, 1971, с. 77].

В Верхнем Поднестровье в конце II в. н. э. исчезают поселения липицкой культуры. На поселениях пшеворской культуры в верховьях Днестра и Западного Буга появляются элементы позднезарубинецкой культуры, а на зарубинецких памятниках Южного Побужья — пшеворской. Наиболее важными образованиями в междуречье Днепра и Вислы накануне формирования черняховской культуры были памятники, которые в разной степени объединяли элементы предшествующих культур — зарубинецкой, пшеворской, липицкой. Эти памятники типа Подрожье на Волыни, Ремезовцы и Оселевка на Верхнем Днестре, Рахны на Южном Буге. Поселения еще недостаточно изучены, однако важно, что они представляют новое культурное образование, не являясь продолжением лишь какой-то одной из предшествующих культур.

В начале III в. культурно-этнические процессы на территории формирующейся черняховской культуры усложнило вторжение какой-то части пшеворского населения, оставившего погребения с оружием, и гото-гепидских племен, в результате чего появились памятники типа Дитиничи—Тришин (родственные вельбарской культуре на территории Польши). Следы этого вторжения лучше всего прослеживаются на Волыни и к юго-востоку от нее, то есть на пути продвижения гото-гепидов из Нижнего Повисленья в Причерноморье. Эти племена, сохранив черты своей культуры, приобрели новые, свойственные культурам провинциально-римской периферии.

Одним из важнейших последствий культурной интеграции предчерняховского периода было исчезновение внутриплеменной замкнутости, что делало народы более восприимчивыми к внешним влияниям, порождало новые культурные и экономические связи. Начавшееся передвижение варварских отрядов и целых племен у границ империи, усилившиеся контакты с населением Северо-Западного Причерноморья, набеги на римские владения, приносившие богатую добычу, способствовали подъему экономики степных и лесостепных народов Восточной Европы, знакомил их с достижениями античной цивилизации. Большую роль в проникновении причерноморских традиций в Лесостепь сыграло продвижение сюда групп сарматского населения, присутствие которого отчетливо прослеживается во всем ареале черняховской культуры.

В этой среде с конца II в. н. э. начинает формироваться единая культура — черняховская. Ее важной чертой стало глубокое проникновение провинциально-римских элементов в местную варварскую среду. Контакты восточноевропейских народов с античными центрами Причерноморья, ранее ограничивавшиеся торговлей, в конце раннеримского периода поднимаются на качественно новую ступень. Кроме товаров (ввоз которых резко увеличивается), начинает импортироваться прогрессивная технология, соответствующая более высокой ступени развития общества. Черняховская культура объединила в себе производственно-технические достижения провинциально-римской культуры (железный наральник, ротационные жернова, прогрессивные приемы в металлообработке, гончарное ремесло и т. д.) с традициями создавших ее народов, проявлявшимися в бытовой и идеологической сферах (домостроительство, погребальный обряд, костюм, украшения и т. д.). Этот синтез хорошо иллюстрируется на примере черняховского керамического комплекса: основой явилась заимствованная в Северном Причерноморье технология производства сероглиняной гончарной керамики и некоторые ее массовые типы. Попав в среду формирующейся многоэтнической культуры, они были дополнены типами посуды, развившихся из сарматских, зарубинецких, пшеворских, вельбарских лепных форм [Магомедов, 1977, с. 111—123; Баран, 1981, с. 95—98].

Определенную роль в сложении черняховской культуры сыграли готские (или скифские) войны (238—269). Борьба с Римской империей требовала объединения значительных военных сил, что привело к созданию крупных именных союзов. Период расцвета черняховской культуры характеризуется относительной стабильностью. Подъему экономики сопутствует рост народонаселения. Территория культуры, в период формирования ограниченная лесостепной и степной частью Правобережной Украины и Молдавией, распространяется на левобережье Днепра и в низовья Дуная. На этом этапе культурно-этнические различия черняховских племен в значительной мере стираются. Развитие экономических, этнических и политических связей создает условия для распространения единых типов и относительной унификации погребального обряда. На ар-

хеологическом материале улавливаются лишь отдельные этнографические черты, позволяющие с той или иной степенью достоверности различать этнические компоненты черняховской культуры и выделять в ней локальные варианты.

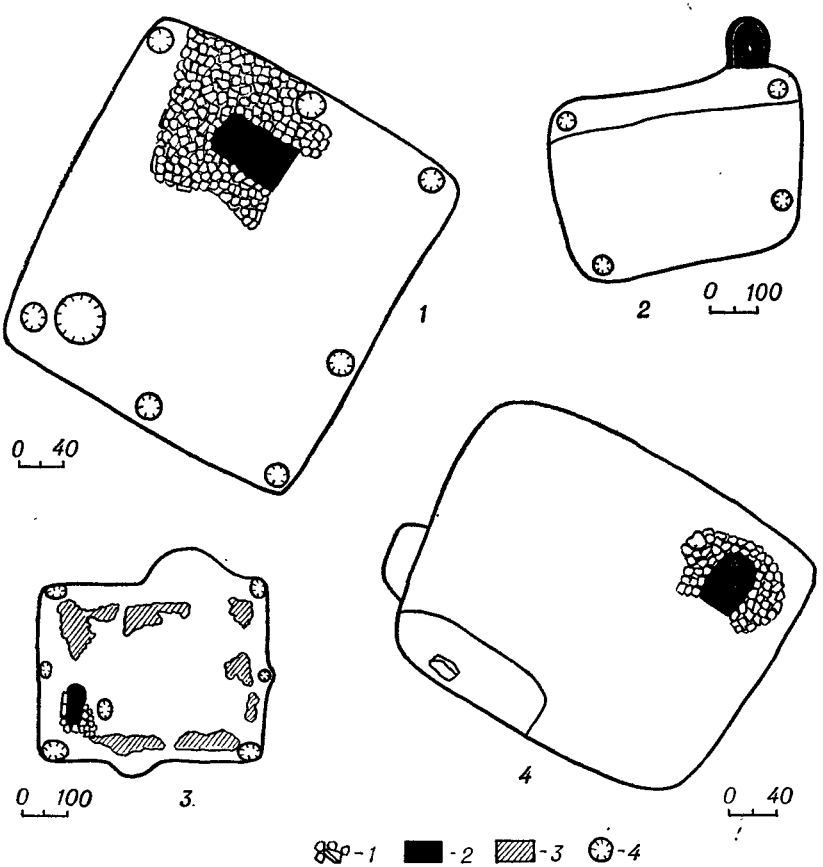


Рис. 17.
Полуземляночные жилища заключительного этапа черняховской культуры:
1 — камни;
2 — поды печей;
3 — глинобитная обмазка;
4 — ямки.
1, 4 — Теремцы;
2 — Демьянов;
3 — Сокол.

Упадок и угасание черняховской культуры приходится на конец IV—V в. и связан с нашествием гуннов. Многие регионы черняховской культуры, особенно южные, были опустошены. Готы, а с ними и значительная часть сармато-аланов покидают области черняховской культуры и отходят на запад. Однако многие северо-западные поселения черняховской доживает до середины V в., о чем свидетельствует найденная в одном из жилищ трехпальчатая фибула, датирующаяся первой половиной V в. Жилища на этом поселении — четырехугольные полуземлянки столбовой или срубной конструкции. 24 имели печи-каменки. Керамические комплексы жилищ включают почти равное количество гончарной и лепной посуды.

Оставшаяся часть черняховского населения, главным образом в лесостеп-

ной полосе современной Украины, принимает участие как один из компонентов в сложении новых культурных образований, а именно пражской и пеньковской культур. По-видимому, вклад черняховских древностей в сложение пражской культуры несколько бóльший, чем в пеньковскую, основу которой составляют древности, связанные с киевской культурой. Из сказанного можно сделать вывод о наличии в среде черняховской культуры славянского населения. В позднеримское время оно не создало какой-то отдельной культуры, а было приобщено, как и другие этнические группировки Юго-Восточной и Центральной Европы, к общей культурной модели, созданной под влиянием провинциально-римской культуры.

После разгрома причерноморских готов гуннами в Восточной Европе сложилась новая политическая обстановка — начались славяно-готские войны, описанные Иорданом [Иордан, 1960, с. 115]. Эти войны расцениваются нами как борьба за политический престиж. Они проходили с переменным успехом и закончились поражением антского князя Божа. Основной силой, противостоящей готам, были анты — славянское население, входившее в состав днепро-днестровской группы черняховской культуры.

Поражение Божа не остановило процесса консолидации славянских племен. Создаются новые военно-политические союзы, занявшие в Юго-Восточной Европе место распавшегося готского объединения, состоявшего из различных этнических группировок степного и лесостепного населения.

Благодаря открытию славянских памятников, датированных фибулами V в. н. э., готско-антские войны можно считать началом формирования новой этнокультурной общности, в которой ведущее место занимали славяне. В ее составе оказалась и славянская часть населения черняховской культуры.

Киевская культура

К киевской культуре относятся памятники второй четверти I тыс. н. э., распространенные от Среднего и Верхнего Поднепровья до Курского Посеймья.

Выделение рассматриваемых древностей в отдельную группу было осуществлено В. Н. Даниленко, назвавшим их памятниками киевского типа, так как они располагались не только в окрестностях Киева, но и в черте города. Это название должно было подчеркнуть и их особую роль в процессе славянского этногенеза. В конце 50-х — 60-х годов В. Н. Даниленко проведены раскопки нескольких памятников киевского типа у сел Бортничи, Новые Безрадичи, Ходосовка. В результате этих исследований получены материалы, давшие общее представление о новой культуре: типах поселений и могильников, культурно-хронологическом комплексе, жилищах, погребениях. В. Н. Даниленко выдвинул рабочую гипотезу о месте памятников киевского типа в культурно-историческом развитии Среднего Поднепровья, их хронологии, генетических корнях и этнической принадлежности [1976, с. 65—92].

До начала 70-х годов памятники киевского типа на территории Среднего Поднепровья почти не изучались и вновь привлекли внимание лишь после охранных раскопок поселения и могильника с. Козаровичи [Максимов, Орлов, 1974, с. 11—21]. С этого же времени работы, связанные с поисками и раскопками памятников киевского типа, ведутся экспедицией под руководством Н. М. Кравченко в Обуховском, Васильковском и Фастовском районах Киевской области. В результате многолетних исследований обнаружена группа поселений под Обуховым, где к настоящему времени проведены раскопки трех из них (Обухов II, III, VII).

Обследованы новые местонахождения под Васильковом и Фастовом; небольшие раскопки проведены на поселениях возле хут. Хлепча (Большая Салтановка), Новые Безрадичи, Васильков [Кравченко, Абашина, Горо-

ховский, 1975, с. 91—95]. Полученные данные позволили провести сравнительный анализ киевской культуры с позднезарубинецкой (I—II вв. н. э.), славянской (V—V вв.), а также черняховской культурами.

Отдельные киевские поселения открыты в Среднем Поднепровье в начале 80-х годов В. Н. Даниленко, Р. В. Терпиловским (Глеваха), О. М. Приходнюком, Е. Л. Гороховским (Сушки 2), С. П. Пачковой (Вишенки).

Параллельно систематические исследования памятников киевского типа велись в Подесенье. Здесь в 60-х годах П. Н. Третьяков выделил и изучил так называемые деснянские древности, в их числе поселения Лавриков Лес, Киреевка, Вишенки и могильник близ с. Киреевка [Третьяков, 1974, с. 89—118]. Тогда же ряд аналогичных поселений был исследован Э. А. Сымоновичем, а в начале 70-х годов Е. А. Горюновым [1981, с. 102].

В середине 70-х годов широкие исследования проведены на поселениях в районе Чернигова — Роище, Ульяновка, Киселевка 2, Выбли (Е. В. Максимов, Р. В. Терпиловский). В результате памятники киевского типа наиболее хорошо изучены на Подесенье [Терпиловский, 1980, с. 7—20]. Полученные материалы позволили дать всестороннюю характеристику наиболее поздним памятникам киевского типа этой территории и провести их сравнительный анализ с раннесредневековыми.

Район Подесенья к настоящему времени исследован довольно полно также благодаря разведкам, систематически проводимым археологической секцией Черниговского областного общества охраны памятников истории и культуры (Г. А. Кузнецов, А. В. Шекун, В. П. Коваленко) и других краеведов (А. А. Попко, В. Е. Куриленко и др.).

Отдельные памятники киевского типа известны в поречье Сулы, Псла и Ворсклы (поселения Беседовка, Курган Азак и Сенча).

Одновременно с исследованиями на Украине родственные памятникам киевского типа древности были открыты и исследованы в Курской области РСФСР в бассейне р. Сейм, где раскапывались поселения Букреевка 2, Каменево 2 и др. (Э. А. Сымонович), а также в Юго-Восточной Белоруссии, где Л. Д. Поболем с 50-х годов изучаются комплексы памятников Абидня и Тайманово [1969, с. 89—117].

По археологической литературе памятники киевского типа пока известны сравнительно мало. Поэтому их источниковедческая база может быть охарактеризована только в предварительном плане. На территории современной Украины (Среднее Поднепровье, Нижнее и Среднее Подесенье) нам известны около 150 памятников киевского типа, из которых раскапывалось всего 26. В числе последних находятся четыре могильника. На поселениях исследовано около 50 жилищ, на могильниках — около 40 погребений.

Неразработанность источниковедческих вопросов вызвала появление в литературе противоречивых суждений о характере памятников киевского типа, их происхождении и дальнейшем развитии, отношении к синхронным культурам смежных регионов. Подавляющее большинство исследователей считают основным субстратом киевской культуры зарубинецкую. Вместе с тем Э. А. Сымоновичем было высказано мнение о генетической связи киевской культуры с черняховской [1980, с. 134—135]. Разногласия касаются и степени участия зарубинецкой культуры в сложении памятников киевского типы. В. Н. Даниленко и Л. Д. Поболь считали памятники киевского типа прямым продолжением зарубинецкой культуры, ее поздним этапом. По мнению Н. М. Кравченко, Р. В. Терпиловского, Е. Г. Горюнова, Е. В. Максимова, памятники киевского типа генетически связаны с зарубинецкой культурой (что не исключает других культурных воздействий), однако являются самостоятель-

ной культурой, основные элементы которой отличаются от зарубинецких.

Острая дискуссия развернулась вокруг вопроса об этнической принадлежности населения, оставившего памятники киевской культуры. Их относили к славянам [Поболь, 1969, с. 116—117; Третьяков, 1974, с. 48—49; Даниленко, 1976, с. 66] или к восточным балтам [Русанова, 1976, с. 82—84; Седов, 1979, с. 76—77].

Поселения киевской культуры представляют собой неукрепленные небольших размеров селища, занимавшие преимущественно приречные участки первых надпойменных террас небольших рек, а также пойменные останцы. В Среднем Поднепровье известны поселения, расположенные на высоком коренном берегу вдоль обводненных балок (Обухов II, III, VII, Белогородка).

Площадь поселений, как правило, небольшая: обычно она не превышает 0,5 га. Для поселений киевской культуры характерен слабый культурный слой. Нередко поселения территориально совмещены с поселениями более ранних или более поздних эпох. Часто культурный слой полностью распахан и отчетливо фиксируется только рядом с постройками. Поселения обычно располагались «гнездами» — на расстоянии 0,5—1 км друг от друга. Такие «гнезда» поселений отмечены в устье рек Стугна и Красная возле Киева, в верховьях рек Стрижень и Белоус недалеко от Чернигова и т. д.

Так как ни одно поселение киевской культуры не раскопано полностью, то об их планировке можно высказать только общие соображения. Обычно жилища размещались компактной группой, реже — вытянуты вдоль склона. Помимо жилищ на поселениях встречаются различные хозяйственные и производственные постройки: ямы для хранения продуктов, хозяйственные наземные сооружения, очаги на открытом воздухе, домницы.

Жилища киевской культуры — однокамерные небольших размеров (10—17 м²) квадратные в плане сооружения с углубленным в большей или в меньшей степени в землю полом. Стены чаще всего сложены из бревен или плах. Конструкция жилищ срубная или столбовая. В некоторых случаях расположение ям от столбов позволяет установить, что крыша была двухскатной. Вход обычно находился со стороны склона или с юга. Отметим особенности домостроительства, характерные для отдельных районов.

Так, для Подесенья основным типом являются полуземлянки с центральным опорным столбом кровли и открытым очагом возле него (Лавриков Лес, Роище, Ульяновка и др.). Подобные постройки генетически восходят к домостроительству памятников типа Почепа [Заверняев, 1969, с. 92—98]. Для III—V вв. они известны и в Курском Посеймье.

Локальной особенностью среднеднепровских жилищ является разнообразие их конструктивных схем. Помимо срубов здесь встречаются жилища каркасно-глиняной конструкции (Обухов II, VII, Глеваха); кроме очагов — печи; жилища — как сильно углубленные (до 1 м), так и слабоуглубленные (0,1—0,3 м). Подобное разнообразие типов восходит в данном районе к зарубинецким прототипам [Кравченко, Гороховский, 1979, с. 64—65]. Внутренняя планировка жилищ киевской культуры Среднего Поднепровья определяется расположением отопительного сооружения в северном углу помещения или же в его средней части.

Очаг, под которого иногда вымощен фрагментами керамики или камнем на глиняной основе, типичен для всей территории киевской культуры. В целом, однако, очаги, подбитые черепками, наиболее характерны для Среднего Поднепровья (Казаровичи, Обухов II). Небольшие печи в виде врезанного в лесовую стенку камина известны в отдельных случаях (Белогородка, Роище, жилище № 14). Подобные печи встречены и в Посеймье (Букреевка 2).

Для Подесенья типичными являют-

ся открытые очаги на уровне пола или расположенные в небольшом углублении. Отметим, что и на других территориях также наблюдается определенное своеобразие типов отопительных сооружений (например, в Белоруссии —очаги, вымощенные камнем).

На каждом из поселений киевской культуры открыты хозяйственные сооружения. Наиболее характерны круглые или овальные ямы с вертикальными или несколько расширяющимися к ровному дну (колоколовидные) стенами. В некоторых случаях в ямах встречаются развалы крупных корчаг (Обухов II, Новые Безрадичи, Хлепча, Роище). Это свидетельствует о том, что в них хранили зерно или другие сельскохозяйственные продукты. Обычные размеры хозяйственных ям: диаметр верхней части 1—1,4, глубина 0,6—1,2 м.

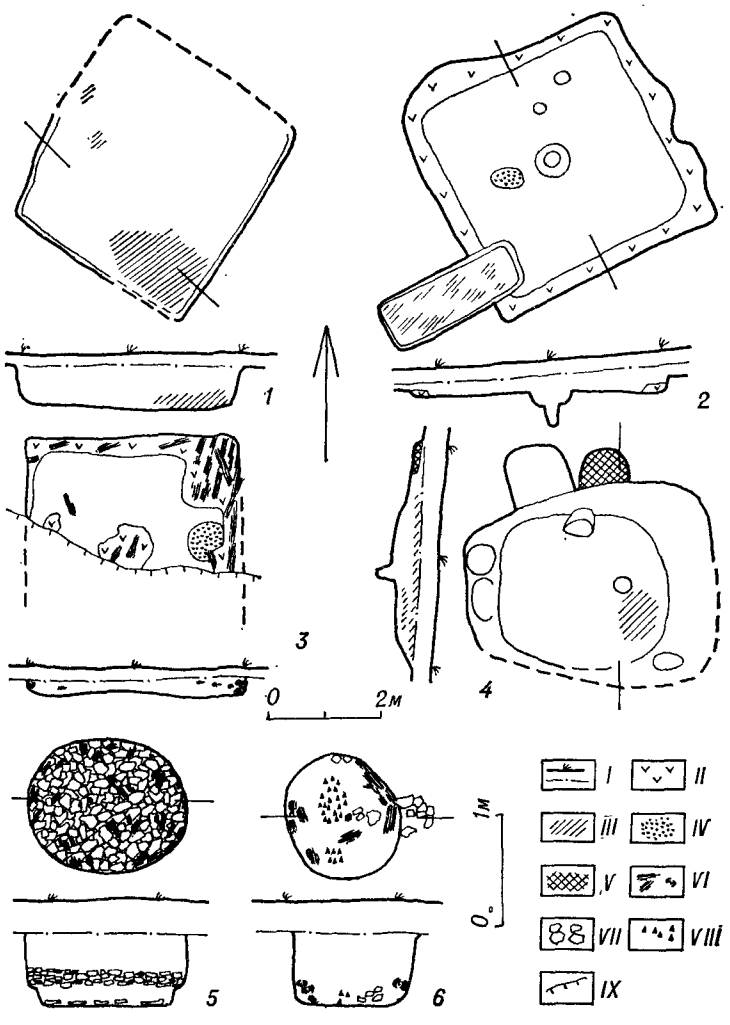


Рис. 18.
Жилища и погребения киевской культуры:
I — пахотный слой;
II — следы дерева;
III — скопления обожженной глиняной обмазки;
IV — место очага;
V — глиняный под печи;
VI — угли;
VII — керамика;
VIII — кальцинированные кости;
IX — обрыв.
1 — Казаровичи, жилище № 6;
2 — Роище, жилище № 3;
3 — Красный Хутор, жилище № 2;
4 — Роище, жилище № 14;
5 — Казаровичи, погребение № 4;
6 — Казаровичи, погребение № 2.

На некоторых поселениях киевской культуры открыты следы наземных построек с глиняной обмазкой стен, иногда перекрывавших несколько ям-погребов. Назначение их по сохранившимся остаткам удается определить не всегда. Однако их хозяйственное

и производственное назначение не вызывает сомнений. Так, на поселении Обухов II рядом с остатками такого сооружения найдены запасы железной руды. В наземной постройке № 5 поселения Ульяновка хранились различные сельскохозяйственные продукты и, судя по находкам различных орудий, производилась их переработка [Максимов, Терпиловский, 1979, с. 25—32].

В хозяйственный комплекс входили и очаги на открытом воздухе, от которых обычно сохраняются массивные поды (диаметр до 1,5 м). Для конструкции таких очагов характерен толстый слой обмазки из глины и использование черепков и камня для вымостки. В некоторых случаях под сооружался не из одного, а из нескольких слоев обмазки. Один из очажных подов, открытых на Обухове III, состоял из девяти слоев вымостки из черепков, перемещавшихся с глиняными прокладками [Абашина, Гороховський, 1975, с. 63—66]. Фрагменты керамики из вымостки принадлежали 39 сосудам разнообразных типов и форм. Открытые очаги, скорее всего предназначались для коллективного приготовления пищи (выпечки хлеба?), о чем может свидетельствовать расположение такого очага в центре скопления жилищ III—V вв. на поселении Обухов. Можно предположить, что подобные очаги использовались и для обрядовых целей. На это указывает комплекс памятников Обухова III, где вблизи двух открытых очагов не найдено каких-либо признаков культурного слоя и построек. Кроме того, вблизи одного из очагов найден жертвенный камень с изображением тамговых знаков и животных.

Каменные вымостки очагов, исследованные на поселениях Юго-Восточной Белоруссии вне построек, также предназначались для приготовления пищи на открытом воздухе в летнее время или, возможно, принадлежали остаткам наземных жилищ.

Остатки производственных или ремесленных комплексов киевской культуры представлены скудно. К их числу относятся следы железоделательного производства с домницей и ямой, заполненной кусками железных шлаков на поселении вблизи Василькова. По своей конструкции горн напоминал домницы из Лютежа. Следует назвать крупное скопление железной руды на поселении Обухов II, а также на поселении Обухов VII, что, очевидно, может свидетельствовать о широком распространении железоделательного производства.

Ювелирным ремеслом, вероятно, занимались в обычных жилищах, судя по обломкам тиглей в жилище № 3 поселения Роище и в жилище № 1 поселения Киселевка 2. Следами керамического производства можно считать скопления глиняной массы на поселении Роище.

Погребальный обряд племен киевской культуры характеризуется по небольшому количеству погребальных памятников. В Среднем Поднепровье исследованы могильники возле сел Козаровичи, Новые Безрадичи, Бортничи, а в Подесенье — Киреевка. Могильники — бескурганные, расположенные в тех же топографических условиях, что и связанные с ними поселения. По имеющимся данным, в могильниках открыто несколько десятков погребений по обряду сожжения на стороне. Специфической особенностью киевских погребений, отличающей их от сожжений других культур, является захоронение остатков кремации в неглубоких ямах округлой формы (диаметром 0,4—1,5 м). В погребальные ямы помимо кальцинированных косточек помещались остатки погребального костра и следы тризны в виде фрагментов посуды и костей животных, а в редких случаях — предметы личного убора и пряслица.

О региональных особенностях погребального обряда киевской культуры говорить преждевременно из-за слабой изученности. Однако, судя по могильнику возле с. Казаровичи, для Среднего Поднепровья как будто ти-

пично помещение в захоронения многочисленных фрагментов повторно пережженных сосудов [Максимов, Орлов, 1974, с. 11—17].

Судя по отрывочным сообщениям, погребальный обряд населения киевской культуры Верхнего Поднепровья, представленный не менее чем сотней захоронений на могильниках Абидня и Тайманово, в целом близок среднеднепровскому и деснянскому.

Истоки погребальной обрядности киевской культуры далеко не ясны, так как население, обитавшее на очерченной территории в предыдущий период, использовало обряд трупосожжения, отличавшийся от киевского. Вместе с тем наиболее близким по типу к киевскому является погребальный обряд милоградской культуры Южной Белоруссии [Мельниковская, 1967, с. 41—48]. В погребальном обряде киевских могильников как бы возрождаются основные черты милоградских захоронений скифского времени. Интересен и тот факт, что на рубеже нашей эры подобные черты погребального обряда сохраняются прежде всего на могильниках верхнеднепровской группы зарубинецкой культуры. Некоторые особенности киевских захоронений находят аналогии и в погребальных обрядах пшеворской и черняховской культур.

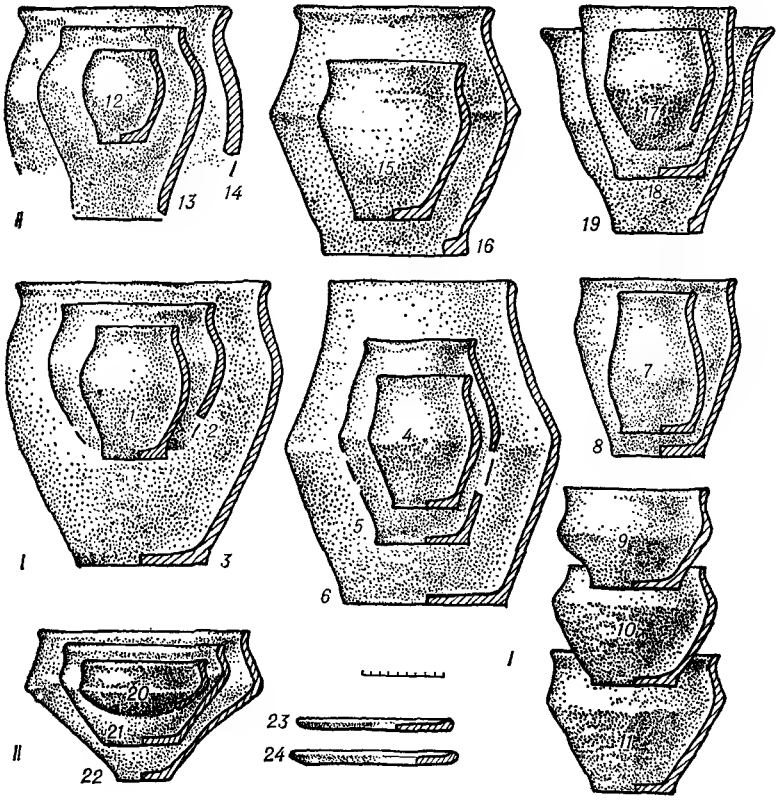


Рис. 19. Керамика киевской культуры из памятников Среднего Поднепровья:
I — ранний комплекс (1—3, 5—7, 9, 10 — Обухов III, под № 1; 4, 8 — Казаровичи; 11 — Сушки 2); II — поздний комплекс (12—14, 16—18, 22—24 — Обухов II; 15, 19—21 — Обухов III, под № 2).

Керамика киевского типа лепная или со следами формовки на поворотном столике. Орнаментация встречается крайне редко и представлена насечками или пальцевыми вдавлениями по венчику, следами расчесов гребенкой по корпусу. В нескольких случаях встречен пластический орнамент в виде горизонтальных налепных вали-

ков под венчиком (Козаровичи, Роище, Абидня) и налепных подковок в верхней части сосуда (Обухов III). В Среднем Поднепровье и Подесенье в качестве отощающей примеси в составе керамической массы применялся шамот или песок, в Верхнем Поднепровье — дресва. Столовая посуда аккуратно сглажена или вылощена, поверхность темно-серого или красноватого цвета.

Для профилировки киевской керамики характерно сочетание ребристых (биконических) форм со слабопрофилированными и округлобокими сосудами [Кравченко, Гороховский, 1979, с. 66]. Во всех районах распространения киевской культуры основное место принадлежит кухонной (горшки и диски), а также тарной (корчаги) посуде. Столовая керамика представлена мисками и горшковидными сосудами.

Сравнительный анализ посуды из памятников киевского типа различных территорий свидетельствует о том, что в ранний период преобладают горшки и корчаги с широкой горловиной и максимальным расширением корпуса в верхней части. За ними, как правило, следуют округлобокие сосуды с максимальным расширением корпуса на середине высоты или удлиненные биконические горшки. Для различных районов киевской культуры можно отметить ряд индивидуальных форм: Среднее Поднепровье — вытянутые сосуды с высоким расположением плеча; Верхнее Поднепровье — слабопрофилированные горшки; Подесенье — тюльпановидные горшки. Горшки и корчаги в ранних комплексах дополняются столовыми подлощенными высокими мисками простых ребристых форм, напоминающими зарубинецкие и пшеворские, и горшковидными сосудами, а также дисками — сковородками и крышками.

Для позднего керамического набора киевской культуры характерно широкое распространение приземистых, по сравнению с ранними, биконических горшков с ребром на середине высоты, а также слабопрофилированных и тюльпановидных форм. Появляются цилиндроконические горшки. На поздней фазе существования киевской культуры среди столовой посуды распространяются лепные миски, подражающие гончарным изделиям черняховской культуры (Обухов III, очаг № 2; Роище, яма № 168). На позднем этапе также отмечаются определенные локальные отличия в ассортименте керамических форм, хотя общие черты в целом преобладают.

Орудия труда и промыслов изготовлены главным образом из железа и стали. Ножи имеют спинку в виде слабой дуги или же прямую спинку и резкие уступы при переходе к черенку. Другой группой универсальных инструментов являются круглые или четырехгранные шилья. Более редки находки орудий сельскохозяйственного производства. Единственный экземпляр небольшого наральника происходит из постройки № 5 поселения Ульяновка. Основными орудиями для уборки злаков служили серпы (Бортничи, Обухов VII, Абидня, Роище). Это относительно слабо изогнутые орудия с черенковым креплением рукояти или с крючком на конце пятки. Серп из Роища конструктивно близок черняховским изделиям.

Среди деревообрабатывающих инструментов наиболее распространены долота. Из поселения Роище происходит фрагмент перовидного небольшого сверла, скобель с двумя рукоятями. Обломок рукояти аналогичного изделия встречен в Ульяновке.

Миниатюрная, видимо для изготовления ювелирных изделий, наковальня (Новые Безрадичи), колокольчик для скота (Ульяновка), крупные пружинные ножницы и пластинчатые кресала (Абидня), бритвы (Роище, Тайманово, Каменево 2), ключ (Глеваха), а также иглы, рыболовные крючки и острога дополняют ассортимент железных изделий киевской культуры.

Кость применялась при изготовлении орудий, необходимых при различных домашних ремеслах, прежде все-

го — кожевенном. Из ребер крупных животных изготовлялись тупики-струги для снятия мездры; из плюсневых или пястных костей лошади — «коньки» для разминания замши или разглаживания ткани, а также кочедыки, спицы и крупные иголки.

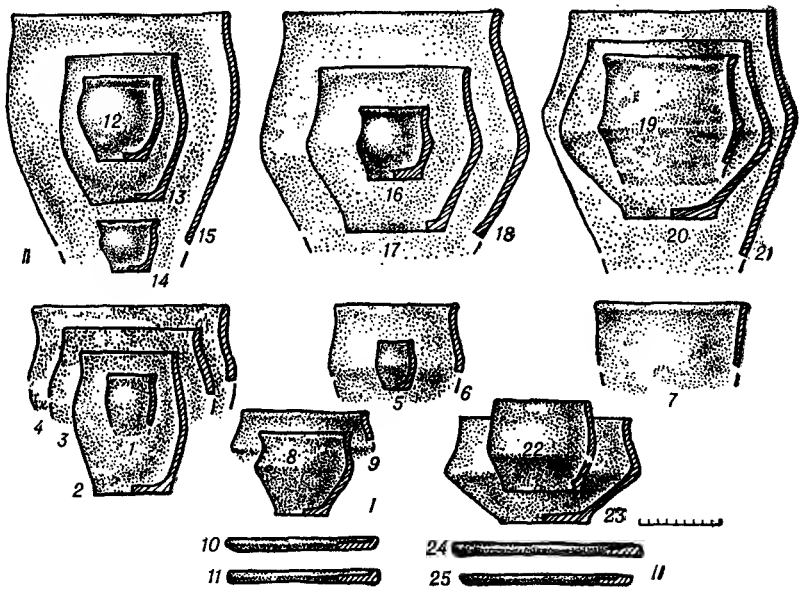


Рис. 20. Керамика киевской культуры из памятников Нижнего и Среднего Подесенья: I — ранний комплекс (1—8, 10, II — Лавриков Лес; 9 — Киреевка; II — поздний комплекс (12 — Киселевка 2; 13, 16, 19, 24, 25 — Ульяновка; 14, 15, 17, 18, 20—23 — Роище).

Из глины, кроме посуды, вырабатывались конические тигли и льячки для плавки и разливки бронзы, глиняные грузила для сетей и оттяжки нитей основы вертикального ткацкого станка (Абидня, Роище, Киселевка 2). Упрощенно-биконические пряслица с большим отверстием типичны для памятников киевского типа по всей территории их распространения. Поверхность нередко залощена, редко украшена орнаментом.

Аналогичное по форме пряслице, но изготовленное из сланца, найдено на поселении Лавриков Лес. Из камня делали также точильные бруски и, реже, сферические зернотерки.

Предметы вооружения и воинского снаряжения в памятниках киевского типа встречаются крайне редко. Известно несколько наконечников стрел (Ульяновка, Абидня), а также железная шпора (Новые Безрадичи). При всей незначительности находок особое внимание обращает на себя богатая конская серебряная сбруя (принадлежность снаряжения всадника) из Роища. Она найдена в виде клада, в состав которого входили пять лунниц большого размера из тонкого листа и три проволочных кольца.

Предметы убора и украшения из бронзы или железа в значительной степени близки к общеевропейским типам римского времени. Это различные варианты подвязных и так называемых воинских фибул (Новые Безрадичи, Ходосовка, Бортничи, Козаровичи, Обухов VII, Лавриков Лес, Киреевка, Бирин, Каменево 2, Абидня и Тайманово) и пряжек (Хлепча, Абидня, Тайманово, Роище, Ульяновка, Киселевка 2), а также браслет с утолщенными концами (Ульяновка) и проволочные браслеты. Своеобразие культуре придают посоховидные булавки (Абидня, Лавриков Лес, Киреевка, Новые Безрадичи), трапециевидные и очковидные подвески (Абидня, Роище, Ульяновка, Киреевка, Ходо-

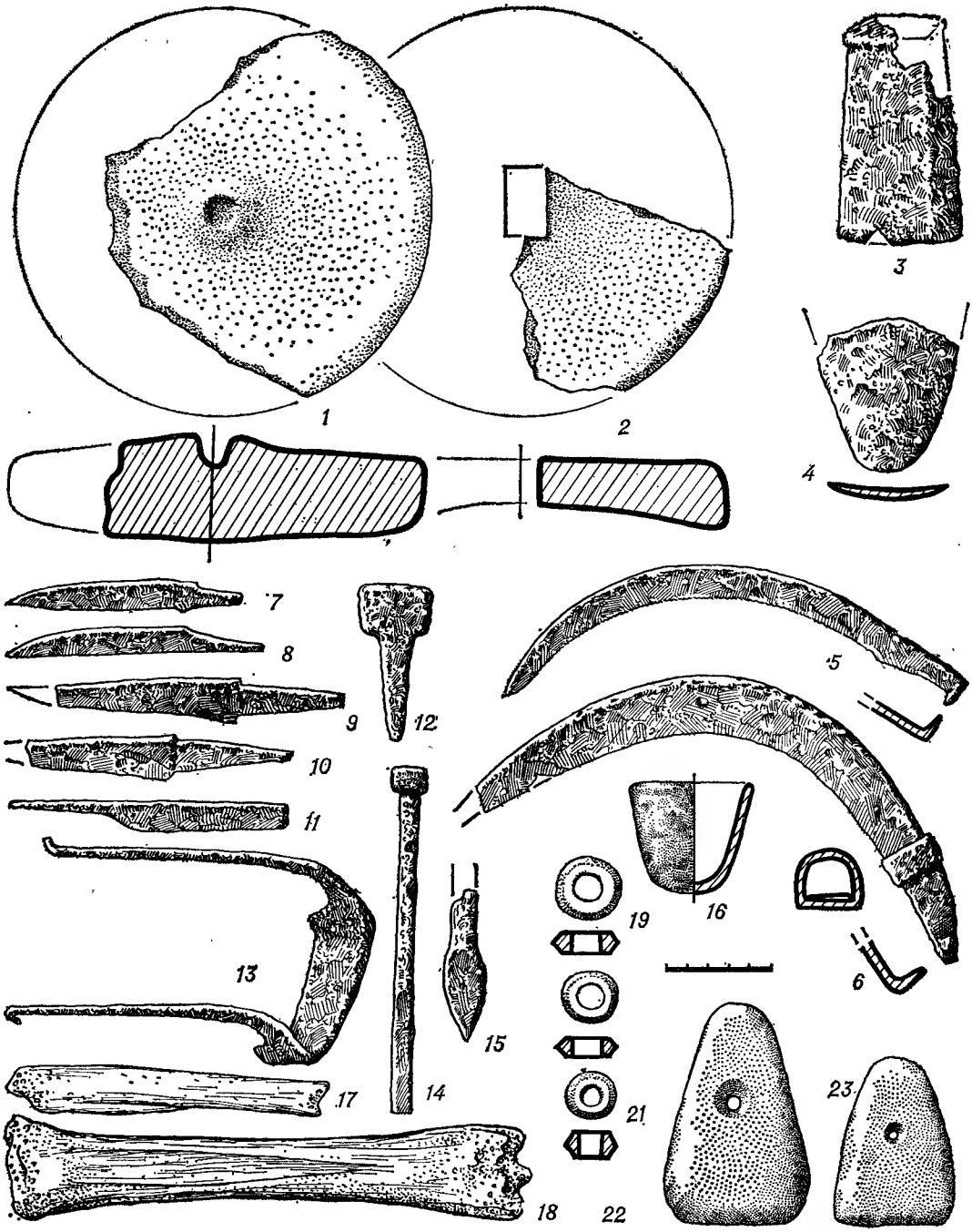


Рис. 21. **Хозяйственно-бытовой инвентарь** *киевской культуры: 1, 6, 9, 11, 13—18, 22, 23 — Роище; 2—4, 7, 8, 10 — Ульяновка; 5 — Обухов VII; 12, 19—21 — Новые Безрадичи (1, 2 — камень; 16, 19 — 23 — глина; 17, 18 — кость; остальное — железо).*

совка), спиральные и трубчатые пронизи и др.

Предметы личного убора дополняются единичными глиняными бусами из сел Абидня и Ульяновка, а также когтем-амулетом из с. Выбли.

Особое место среди украшений киевской культуры занимают изделия с выемчатой эмалью. Это литые бронзовые предметы с углублениями, заполненными разноцветной стекловидной массой. Нередко они орнаментированы сквозными прорезями геометрических очертаний. Такие изделия обнаружены на памятниках Среднего Поднепровья: Козаровичи (две подвески-лунницы), Бортничи (обломок подвески?), Новые Безрадичи (лунница и треугольная фибула), Хлепча (нагрудная цепь). Около десятка подобных укрешений встречено также в Абидне и Тайманово. Кроме того, в двух случаях вещи того же круга найдены на позднезарубинецких поселениях I—II вв. н. э. (обломок подкововидной фибулы из Оболони и лунница из Картамышево 2) и в одном — в черняховском комплексе (две перекладчатые фибулы из погребения № 2 могильника Компанийцы).

На Среднем Поднепровье известно около 200 разнообразных изделий с эмалью из 50 местонахождений, не связанных с конкретными комплексами [Спицын, 1903, с. 169—178; Корзухина, 1978, с. 63—74]. Часть из них является кладами (Межигорский, Борзнянский и пр.), а предметы, известные как Жукинский клад, по всей вероятности, происходят из погребения с трупосожжением. Высокая концентрация таких изделий на территории киевской культуры и их находки в комплексах киевского типа свидетельствуют о том, что в Поднепровье они связаны прежде всего с перечисленными памятниками [Даниленко, 1976, с. 85—87]. Своеобразный стиль поднепровских выемчатых эмалей, возможно, говорит и об их местном производстве, хотя в целом ареал распространения изделий с эмалью охватывает территорию от Восточной Прибалтики на западе до Прикамья на востоке и от Швеции на севере до Северного Кавказа и Крыма на юге.

Так как эмали сравнительно редко встречаются в комплексах, то и хронология их разработана недостаточно. В комплексах киевской культуры, а также в кладах, судя по совместным находкам фибул и других датирующих вещей, предметы с эмалями встречаются с конца II до IV в. [Гороховский, 1980, с. 143—144]. Детализация хронологии украшений с эмалью из кладов, возможно, позволит в будущем создать и более дробную периодизацию киевской культуры.

Импортные изделия из памятников киевского типа в основном связываются с черняховской культурой, причем они встречаются не только на памятниках Среднего Поднепровья, Подесенья и Посеймья, непосредственно граничащих с черняховской территорией, но и на Верхнем Днепре (Тайманово). Наиболее многочисленной категорией импорта является изготовленная на гончарном круге столовая посуда. Фрагменты привозных мисок, кувшинов и горшков обычно не превышают 2—5% по отношению к лепной посуде. Лишь в заполнении постройки № 1 поселения Роище фрагменты гончарной посуды составили 15%, в жилище № 1 поселения Глеваха — 48%. Вероятно, через черняховские племена на территорию киевской культуры поступали амфоры позднеримских типов. Так, обломки амфор танаисского типа найдены на поселении Беседовка, а фрагменты более поздней амфоры — на поселении Роище.

Реже на памятниках киевского типа встречаются привозные фибулы и пряжки, изготовленные главным образом из бронзы, а также стеклянные бусы. К импорту можно отнести и трехслойные костяные гребни из Роища и Ульяновки — технологически весьма сложные изделия, а также пинцеты и фрагменты бронзовых сосудов провинциально-римских типов из Тайманово и Абидни. В Каменево 2 най-

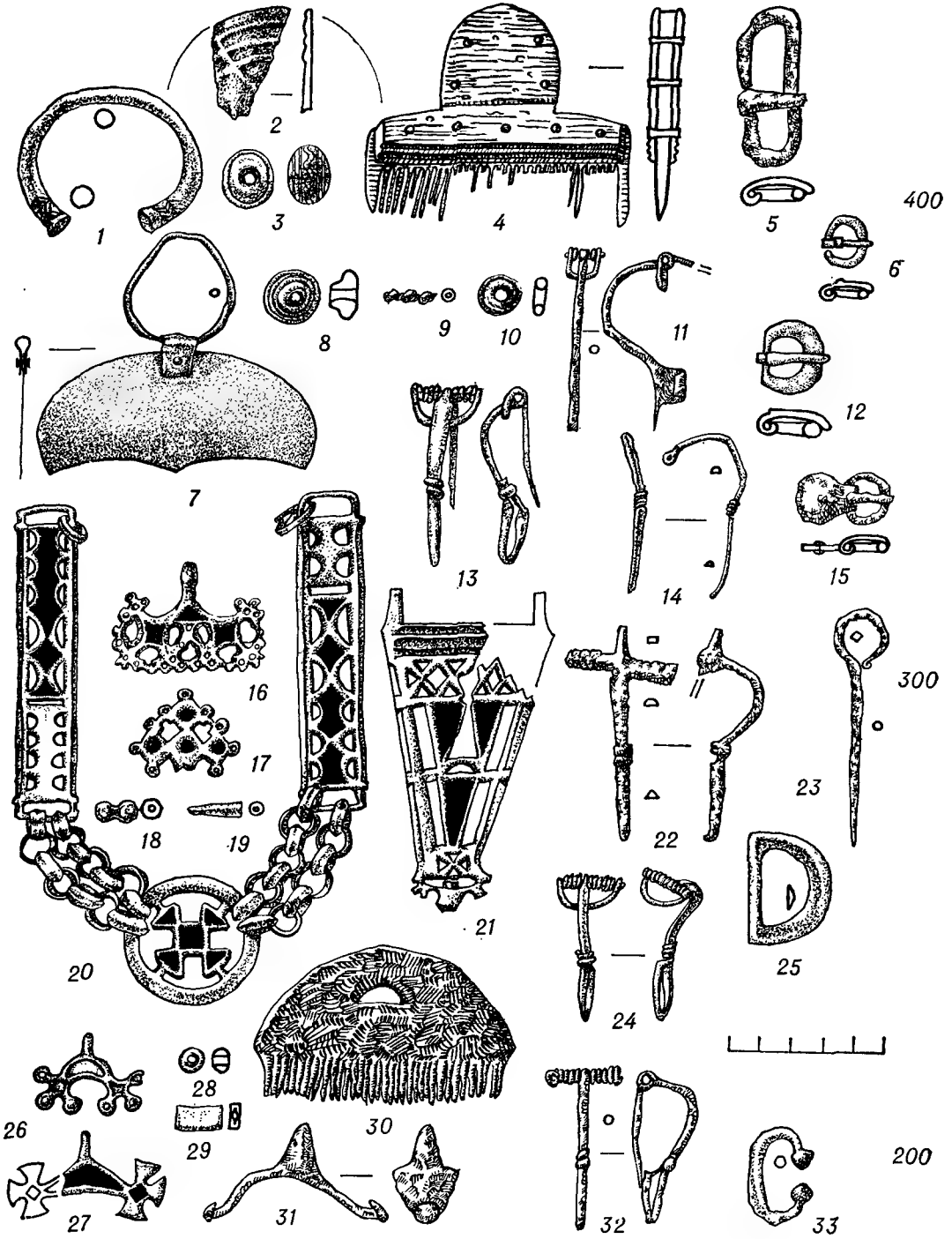


Рис. 22.
Предметы личного убора киевской культуры:
1, 2, 6, 8 — Ульяновка;
3—5, 7 — Роище;
9, 10 — Киселевка 2;
11, 13 — Ходосовка;
12 — Салтыкова Девица II;
14 — Куриловка;
15, 18—20 — Хлепча;
16, 21, 24, 25, 30, 31 — Новые Безрадичи;
17 — Бортничи;
22, 23 — Лавриков Лес;
26—29, 32, 33 — Казаровичи (1, 2, 6, 12, 14, 16, 17, 20, 21,
24—27, 33 — бронза;
3, 8—10, 18, 19, 28, 29 — стекло;
4 — кость;
5, 11, 13, 15, 22, 23, 30, 31 — железо;
7 — серебро).

дена верхняя часть стеклянного кувшина. На ряде поселений Подесенья встречены фрагменты жерновов от ручных мельниц, изготовленных из вулканического туфа, вероятно, южнобугского происхождения. Здесь же известен крупный черняховский центр, где изготовлялись жернова.

Обломок зеркала с петлей в центре из Ульяновки типичен для вещей, связываемых с продвижением гуннов на запад в конце IV — начале V в.

В целом можно отметить, что наиболее насыщены импортами поселения Черниговского Подесенья: Роище, Ульяновка и др., а также, возможно, памятники Посеймья. Ряд особенностей отдельных памятников последней группы, например, Букреевка 2, сближает их с черняховскими древностями, что дает возможность рассматривать их как переходные между киевской и черняховской культурами.

Из вышеизложенного следует, что памятники киевского типа образуют специфический культурно-хронологический комплекс, занимающий современную территорию Северо-Восточной Украины, а также соседние области РСФСР (Брянскую, Курскую) и БССР (Гомельскую, Могилевскую).

Локальные особенности киевской культуры наиболее выразительно прослеживаются для четырех основных регионов: средне- и верхнеднепровского, деснянского и сейминского. Эти особенности проявляются в составе и типах керамики, в конструктивных особенностях жилищ и отопительных сооружений. Имеются и местные отличия в характере и направлении связей с соседними племенами. Однако проблема локальных вариантов еще не решена полностью и требует дополнительной разработки, что, возможно, приведет к уточнению их границ.

Этапы в развитии киевской культуры в настоящее время наиболее точно определены для древностей Среднего Поднепровья и Подесенья. Здесь выделяются два основных периода. Ранний этап представлен комплексами поселений и могильников в селах Новые Безрадичи (жилища № 4, 5, погребение № 6), Казаровичи (жилища № 3, 4, погребение № 14), а также очагом № 1 из Обухова III. На основании находок ранних типов подвязных фибул железного гребня, шпоры и прочего эти комплексы могут быть датированы III в. н. э. Предположительно, несколько позднее (до середины IV в.) существуют ранние комплексы киевской культуры в Подесенье (Лавриков Лес, Форостовичи, Киреевка).

Поздний этап выделяется по наличию комплексов, датированных на основании индивидуальных находок IV — первой половины V в. К их числу относятся погребение № 12 из с. Новые Безрадичи, жилище № 1 из Обухова II, очаг № 2 из Обухова III, жилищные комплексы из Обухова VII, жилища № 4, 5 из поселения Ходосовка — Диброва. К этому же этапу принадлежат комплексы киевской культуры из жилищ № 2, 3, 4, 12, 14 поселения Роище, а также ряд комплексов из поселений Ульяновка, Киселевка 2, Выбли. Для них характерно наличие черняховского импорта (керамика, пряжки, гребни, бусы и пр.).

Социально-экономическое развитие населения киевской культуры может быть охарактеризовано прежде всего на основе сравнительно хорошо изученных памятников Подесенья [Пашкевич, Терпиловский, 1981, с. 93—113]. Судя по топографии поселений, жители использовали под поля участки деградированных черноземов и серых лесных почв, расположенных по краям надпойменных террас, что давало возможность выпасать скот и на пойменных лугах. В условиях южной окраины лесной полосы Восточной Европы основными земледельческими системами должны были стать перелог и подсека. По мере истощения полей поселения переносились на новые места. Вероятно, так возникали некоторые «гнезда» поселений. Киевские племена, судя по отпечаткам зерновых злаков на керамике, культивировали

прежде всего просо и рожь, реже пшеницу (двузернянку, спельту) и пленчатый ячмень. Остеологический материал свидетельствует о том, что животноводство было приселищным. Преобладал крупный рогатый скот, численно ему уступали свиньи, козы и овцы, а также лошади. Вероятно, волы использовались и как основная тягловая сила при пахоте.

По набору зерновых культур и составу стада киевская культура достаточно близка к зарубинецкой и раннесредневековой славянской культурам.

Промыслы выполняли подсобные функции, пополняя пищевой рацион и источники сырья для домашнего ремесла. Объектом охоты являлись прежде всего «мясные» виды животных, что отличает киевскую культуру от культур лесной полосы Восточной Европы, где в костных остатках наиболее полно представлены пушные звери. О рыбной ловле свидетельствуют кости сома и щуки, а также иглы и кочедыки для плетения сетей.

Железоделательное и кузнечное ремесла у племен киевской культуры являлись наиболее прогрессивными отраслями производства, что подтверждается остатками сыродутного горна (Васильков I а), а также данными металлографического анализа готовых изделий. Основным материалом служило грубое кричное железо; сварка железа со сталью и термообработка применялись редко, главным образом при изготовлении ножей. Вероятно, местные кузнецы занимались и ювелирным делом. Перечисленные особенности свидетельствуют о том, что, хотя уровень металлообработки киевской культуры и уступал черняховской, в целом он соответствовал уровню кузнечного ремесла большинства племен лесостепной и лесной зон Восточной Европы.

В керамическом производстве уже применяются разнообразные технологические приемы (кольцевые и спиральные налепы, так называемая лоскутная техника), в отдельных случаях — поворотный столик. Однако все сосуды, за исключением импортных, были лепными, что в целом характеризует уровень керамического производства как доремесленный. Населению киевской культуры были известны и другие производства: деревообрабатывающее, камнерезное, кожевенное, ткацкое и т. д.

Говоря об общем уровне развития производства у племен киевской культуры, можно отметить, что основные его виды достигли общинной стадии развития, хотя архаичные черты некоторых отраслей хозяйства свидетельствуют о еще значительной роли домашних ремесел.

Торговля с соседними племенами, вероятно, носила обменный характер. Экспортировалась, очевидно, прежде всего продукция сельского хозяйства и промыслов, а ввозились посуда, жернова, предметы личного убора. Определенное место, видимо, занимал и импорт цветных металлов для нужд ювелирного ремесла.

Социальную организацию местных племен в какой-то степени можно проследить по структуре поселений киевской культуры. Смена крупных поселков первых веков нашей эры (Почеп, Оболонь) небольшими, густо расположенными поселениями, можно рассматривать как свидетельство изменения социальной организации, отразившее один из этапов развития первобытной соседской общины. Новые общественные отношения соответствовали и более высокому уровню сельскохозяйственного производства — основе экономики киевских племен, в котором все большее значение приобретало пашенное земледелие — особенно в южных районах, расположенных по соседству с племенами черняховской культуры.

По своему происхождению киевская культура генетически связана с различными группами позднезарубинецких древностей I—II вв. н. э. Среднего Поднепровья (поздние комплексы Оболонь, Лютеж, Девич-Гора) и Поде-

сенья (тип Почеп). Отметим, что при окончательном завершении формирования киевской культуры заметную роль сыграли потомки верхнеднепровских зарубинецких племен, оставившие памятники типа Абидня. Это население, в свою очередь, находилось под некоторым влиянием культуры штрихованной керамики. В результате сложившаяся киевская культура уже существенно отличалась от собственно зарубинецкой и, видимо, в большей мере отвечала новым историческим условиям. Вышесказанное позволяет считать памятники киевского типа в культурно-хронологическом и территориальном отношении явлением самостоятельным.

Дальнейшая судьба киевской культуры представляется следующим образом: ее можно рассматривать как основной компонент при сложении ряда раннесредневековых культур в середине I тыс. н. э. Славянские культуры V—VII вв. и киевскую культуру сближают не только почти одинаковый уровень социально-экономического развития их носителей, но и большинство основных черт материальной культуры. В исследованиях особенно отмечаются генетические связи памятников киевского типа с наиболее ранними памятниками пеньковской культуры, особенно на левобережье Днепра [Терпиловский, 1980, с. 18—20], а также с самыми архаичными памятниками пражского типа в Среднем Поднепровье [Кравченко, Гороховский, 1979, с. 67]. Киевская культура более северных областей, Верхнего Поднепровья и Среднего Подесенья, вероятно, сыграла главную роль в формировании колочинской культуры [Горюнов, 1981, с. 39—43]. Принадлежность славянам пражской и пеньковской культур в настоящее время не вызывает сомнений, что дает основание определить памятники киевского типа как древности прямых предков раннесредневековых славян.

Культура карпатских курганов

Культура карпатских курганов получила свое название от курганных погребений, открытых во многих местах Карпатского предгорья.

Первые исследования курганного могильника, отнесенного впоследствии к культуре карпатских курганов, были проведены венским археологом Й. Сомбати в 1893 г. Могильник расположен возле с. Глубокая на Буковине и насчитывал в то время 86 курганов. Й. Сомбати проведены раскопки двух курганов, датированных им первыми веками нашей эры [Szombathy, 1894, s. 15]. В 1912 г. курган с аналогичным обрядом погребения раскопан Й. Коперницким вблизи с. Нижний Струтинь Ивано-Франковской области [Kopernicki, 1923, с. 194—197]. Широкое изучение курганных могильников типа Глубокая и Нижний Струтинь началось только в 30-х годах. В течение 1934—1938 гг. К. Журовским, Т. Сулимирским, М. Смишко и другими исследователями открыто 85 подкурганных погребений на 15 могильниках

В послевоенные годы работы по изучению памятников этого типа возобновились. В 1949 г. М. Ю. Смишко провел исследования на двух курганных могильниках Иза I и II возле с. Иза Закарпатской области [Смішко, 1952, с. 315—337]. Б. А. Тимощук в 1951 г раскопал пять курганов на Глубокском могильнике [Тимощук, 1953, с. 54—60]. Позднее также велись небольшие по масштабам исследования на разных могильниках. Так, в 1960 г. исследовано еще пять курганов на закарпатском могильнике Иза II [Цигилик, 1962, с. 77—79]. В 1966 и 1972 гг. по три кургана раскопано на могильниках в селах Глубокая и Печенежин [Вакуленко, 1968, с. 172]. Одними из последних работ на прикарпатских могильниках являются возобновившиеся в 1975—1976 гг. исследования могильника Иза [Котигорошко, 1980, с. 220—247] и могильника в Бранешты на территории Румынии [Mihailesku-Bîrliba, 1980, p. 181, 182].

М. Ю. Смишко собрал, систематизи-

ровал и проанализировал все известные к 1960 г. материалы о погребальных памятниках культуры карпатских курганов.

Им также сделаны выводы о характере погребального обряда, хронологии, керамическом производстве, торговле и социально-экономическом развитии носителей исследуемой культуры [Смішко, 1960].

Новым этапом в изучении культуры карпатских курганов стали 60-е годы, когда был открыт и исследован ряд поселений.

Раскопки, проведенные на поселениях Глубокая, Грабовцы, Печенежин и др. дали материалы, позволяющие более полно раскрыть характер материальной культуры прикарпатских племен первой половины I тыс. н. э. [Вакуленко, 1977].

Поселения и могильники культуры карпатских курганов расположены на территории, протянувшейся вдоль восточного склона Карпат, в предгорных областях УССР и СРР. Памятники культуры известны и в предгорных районах к западу от Карпат (территория Закарпатской области УССР). Для поселений культуры карпатских курганов характерно расположение на первых или вторых надпойменных террасах небольших водоемов. Поселения открытые. Из-за отсутствия достаточно широко исследованных поселений трудно сказать что-либо определенное об их планировке. Известны как небольшие поселения, площадью от 2 до 3 га (Ганив, Грушев, Пилипы, Волосов, Трач и др.), так и больше, площадью от 5 до 7 га (Глубокая, Грабовцы, Нижний Струтинь и др.), размещавшиеся по обоим берегам речек и ручьев.

На селищах открыты наземные и углубленные жилища, а также хозяйственные постройки. Наземные жилища были небольшими, площадью от 12,5 до 13,5 м^2 (жилища № 5, 6, 10 — с. Глубокая) и большими, площадью от 20 до 37 м^2 (жилища № 1, 2, 16, 20 — с. Глубокая, № 2, 3 — с. Грабовцы, № 4, 6 — с. Волосов). Различные по размерам наземные сооружения конструктивно ничем не отличались друг от друга. Как правило, от них остаются развалы глиняной обмазки большей или меньшей плотности и очаг. В отдельных случаях прослежены ямки от столбов диаметром 0,10—0,15 и глубиной 0,20—0,30 м, находившиеся на расстоянии 0,5 м одна от другой и очерчивающие границы прямоугольных в плане сооружений.

Во многих случаях прослежен хорошо утрамбованный земляной пол.

На основе полученных данных можно предположить, что наземные жилища были прямоугольной формы с глинобитными стенами на деревянном каркасе в виде плетня, укрепленного столбами. Об этом свидетельствуют сохранившиеся от них развалы глиняной обмазки с отпечатками прутьев и деревянных конструкций, а также ямки от столбов каркаса. В центральной части каждого из наземных жилищ, ближе к одной из стен, на уровне пола находились открытые глинóбитные очаги овальной формы диаметром около 1 м. Иногда очаги сооружались из камней, обмазанных толстым слоем глины.

Среди других деталей внутреннего устройства жилищ следует назвать приочажные ямы, а в двух жилищах на поселении Глубокая обнаружены и ямы-погреба.

Углубленные жилища — полуземлянки имели прямоугольную или квадратную в плане форму, общей площадью 9—12 м^2, глубиной 0,5—0,9 м от современной поверхности. От них сохранились котлованы с хорошо нивелированным полом и вертикальными стенками. Не исключено, что стенки полуземлянок обмазывались глиной. Возможно, об этом может свидетельствовать большое количество мелких частиц обожженной глины в заполнении одной из глубокских полуземлянок. Сооружения ориентированы стенками по сторонам света и отапливались глинобитными печами (Глубокая),

очагами (Грабовцы) или печами-каменками (Кодын). При исследовании поселений обнаружены углубленные хозяйственные постройки и ямы-погреба.

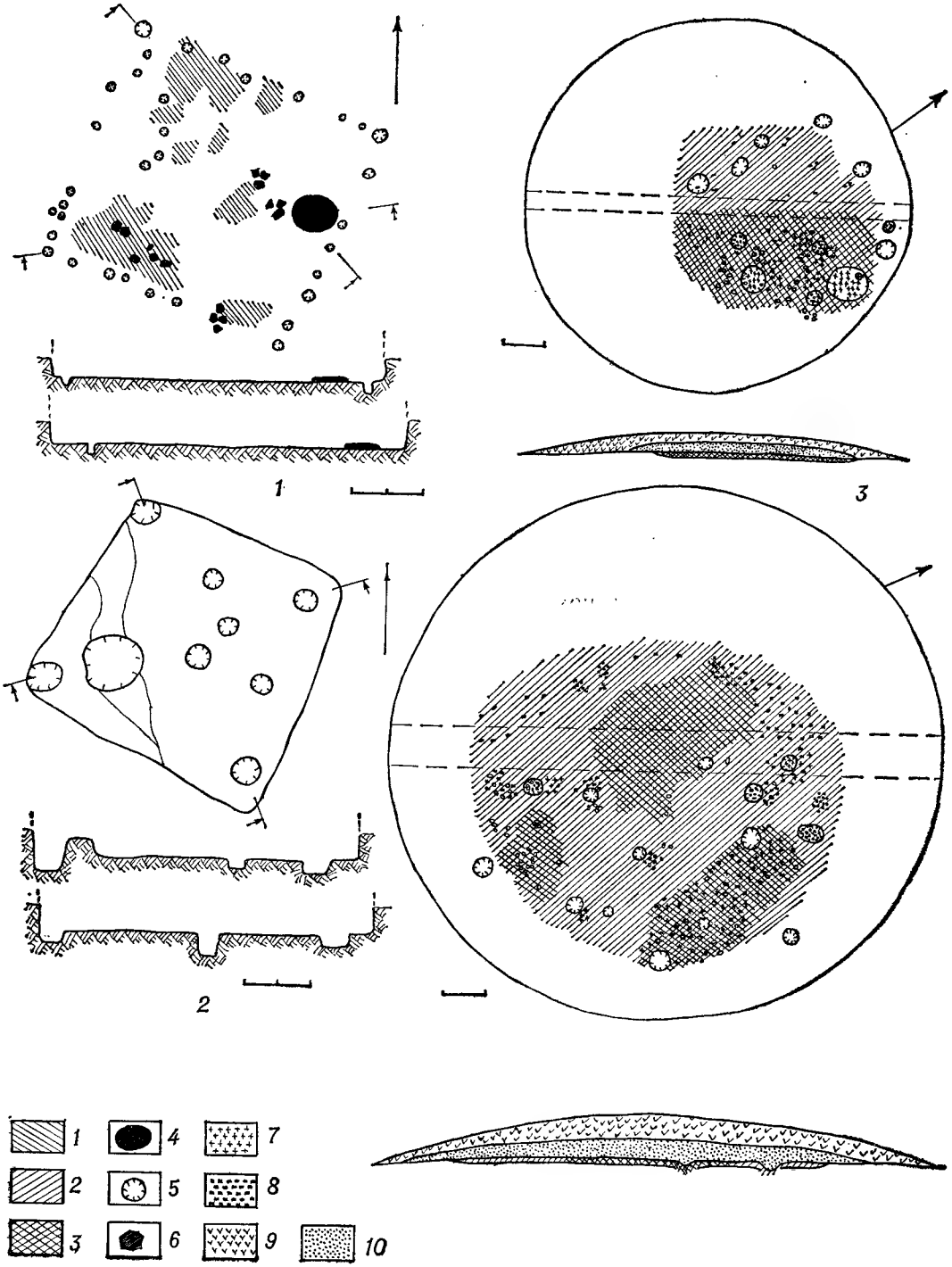
Некоторые из них имели обмазанные стенки и дно. В них, очевидно, хранилось зерно. В комплекс хозяйственных построек входили и открытые на поселениях вне жилищ очаги. Они, возможно, использовались в качестве летних кухонь и по устройству ничем не отличались от очагов в самих жилищах.

На поселении Печенежин найдены две гончарные мастерские, а вблизи с. Голынь — гончарный горн. Мастерские на поселении Печенежин состояли из углубленных рабочих помещений и самих горнов, устьями топок выходивших в эти помещения. От горнов, имеющих двухъярусную конструкцию, сохранились нижние топочные камеры, круглой в плане формы, диаметром 2,1—2,2 м. В центре топочных камер находились глинобитные столбы диаметром 0,4 и 0,5 м, служившие опорой для верхних обжигательных камер. Глинобитные поды-решетки обжигательных камер толщиной 20 см имели отверстия-продухи диаметром 8—10 см. Хорошо сохранились устья топок с сильно обожженными сводами и подами. Производственные помещения имели овальную в плане форму, размерами 4×3 м и 5,8×3,3 м, глубиной 0,8—1 м от современной поверхности. В одном из помещений прослежены вход со ступенькой и четыре ямы от столбов, поддерживавших крышу. В заполнении объектов — большое количество обломков гончарной посуды, керамический брак и шлаки.

В настоящее время известно более 20 курганных могильников культуры карпатских курганов, на которых исследовано более 150 погребений. Располагались они главным образом на возвышенных участках местности в 0,5—1 км от поселений. Такая закономерность прослежена на памятниках Нижний Струтинь, Грабовцы, Каменка, Цуцилов, Грушев и др. Исследованные могильники состояли из различного числа курганов. Наибольший из них возле с. Глубокая насчитывал 86 курганов, могильник у с. Перерось — 67, Нижний Струтинь — 46, Печенежин — 43. Более 20 курганов открыто на могильниках Иза, Каменка, Корнич, Марковцы. Остальные насчитывали до 12 насыпей. На некоторых могильниках курганы размещались двумя или тремя отдельными группами (Глубокая, Нижний Струтинь, Иза, Перерось). Отметим, что из-за хозяйственной деятельности человека могильники интенсивно разрушаются и, без сомнения, современное количество курганов не отвечает их первоначальной численности. Однако самым большим из известных поселений (Глубокая, Нижний Струтинь, Печенежин) соответствуют и самые большие могильники.

Курганы представляли собой круглые куполовидные невысокие (до 1 м) насыпи диаметром в основании 10—12 м. Иногда вокруг курганов прослежены заплывшие рвы (Ганев, Дебеславцы, Перерось). В нескольких случаях насыпи обложены камнями. На одном из курганов на могильнике в с. Перерось вокруг погребения была сооружена каменная стена шириной 1,5 и высотой 0,5 м. Она замыкала круг диаметром 4 м. В нескольких курганах из разных могильников слой или скопление галечника перекрывали место трупосожжения, а в кургане в с Подгородье галькой была покрыта вся насыпь.

На всех могильниках прослежен исключительно обряд трупосожжения. В большинстве случаев кремация, очевидно, осуществлялась на месте захоронения, что принято считать специфической чертой погребального обряда культуры карпатских курганов. Однако в некоторых курганах на разных могильниках прослежены только слабые следы от костра, явно недостаточного для сожжения тела покойника, или же следы костра вообще не обнаружены.


1
2
3
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10

Очевидно, существовал обычай ставить или бросать в костер глиняную посуду, обломки которой со следами повторного обжига найдены во всех курганах. В некоторых исследованных курганах под насыпью специальным ровиком обводилось место сожжения. М. Ю. Смишко, классифицируя известные погребальные памятники культуры карпатских курганов, выделил три варианта погребального обряда. Наиболее распространенным являлся ямный вариант, при котором остатки кремации помещали в одну или несколько ямок, вырытых на месте сожжения на подкурганной площади. Для второго варианта характерно погребение на горизонте, когда остатки трупосожжения оставлялись на месте кремации или же собирались в кучу. Третий вариант представлен группой курганов, где очищенные кальцинированные кости помещались в глиняные урны. Однако не во всех курганах можно четко определить один из перечисленных вариантов погребений. Иногда в одном кургане смешивались элементы различных вариантов погребений. Например, в трех курганах в с. Нижний Струтинь сожженные кости помимо урны помещались в ямку; в четырех курганах (Ганев III, Глубокая IV, Марковцы III, Трач VI) часть костей была оставлена на горизонте, а остальные помещены в одну или несколько ямок.

Подавляющее большинство находок, обнаруженных памятников культуры карпатских курганов, составляет керамическая посуда, представленная лепными и кружальными изделиями. Отметим, что керамические комплексы поселений и могильников имеют различное соотношение лепной и кружальной посуды. Если в погребениях кружальная посуда составляет более 50% [Смішко, 1960, с. 87], то на поселениях на их долю приходится около 20%.

Лепная посуда представлена толстостенными изделиями коричневого или серого цвета с примесями шамота в тесте.

Поверхность сосудов нередко сглажена, иногда бугристая, неровная, обжиг неравномерный.

Наиболее распространенной формой лепной посуды являются горшки различных типов профилировки: с умеренно округлобоким корпусом, короткой шейкой, слегка отогнутым наружу венчиком; с округлобоким выпуклым корпусом, высокой шейкой, отделенной от корпуса перегибом и срезанным венчиком; с невыделенной шейкой и коническими стенками, сужающимися ко дну плавным изгибом. Встречаются сосуды с невыделенной шейкой, округлым венчиком и загнутым вовнутрь краем, а также отдельные экземпляры других форм.

Следует особо выделить большие сосуды, служившие для хранения зерна. Распространенным типом посуды были конические чаши. Некоторые из них имеют круглые ручки, другие — высокий поддон. Встречаются конические изделия несколько бóльшего диаметра, которые можно назвать мисками. Незначительная часть лепной посуды украшена пластическим или углубленным орнаментом. Более распространены пластические украшения: валики с пальцевыми вдавлениями, насечками или защипами, короткие валики, дужки, иногда шишечки, в двух случаях — солярные знаки. Некоторые сосуды украшались насечками или пальцевыми вдавлениями по краю венчика, а также защипами в нижней части сосуда.

Найдены сосуды, орнаментированные горизонтальными и волнистыми линиями.

Рис. 23. Культура карпатских курганов. Планы наземных и углубленных жилищ из поселений:

1 — Глубокая; 2 — Королёвка 3 — Пылыпы, курган № 6; 4 — Пылыпы, курган № 1. 1 — глиняная обмазка; 2 — следы кострища; 3 — скопления остатков костра; 4 — под очага; 5 — ямка от столба; 6 — керамика; 7 — кости; 8 — угли; 9 — верхний слой насыпи; 10 — ядро насыпи.

Некоторые формы горшков имеют аналогии на черняховских памятниках Поднестровья [Баран, 1964, с. 222, рис. 7, *3—7*; с. 216, рис. 3, *4, 10*], а также распространены на поселениях римского времени в Словакии [Gamiova-Schmiedlova, 1969, s. 463, tab. 39, *1—6*]. Конические чаши с ручкой постоянно встречаются на памятниках гето-дакийского круга или на памятниках, оставленных смешанным населением, среди которого были и гето-даки. Они известны в липицкой культуре [Smiszko, 1932, s. 147, tab. XII, 4], культуре Поенешти-Вертиш-

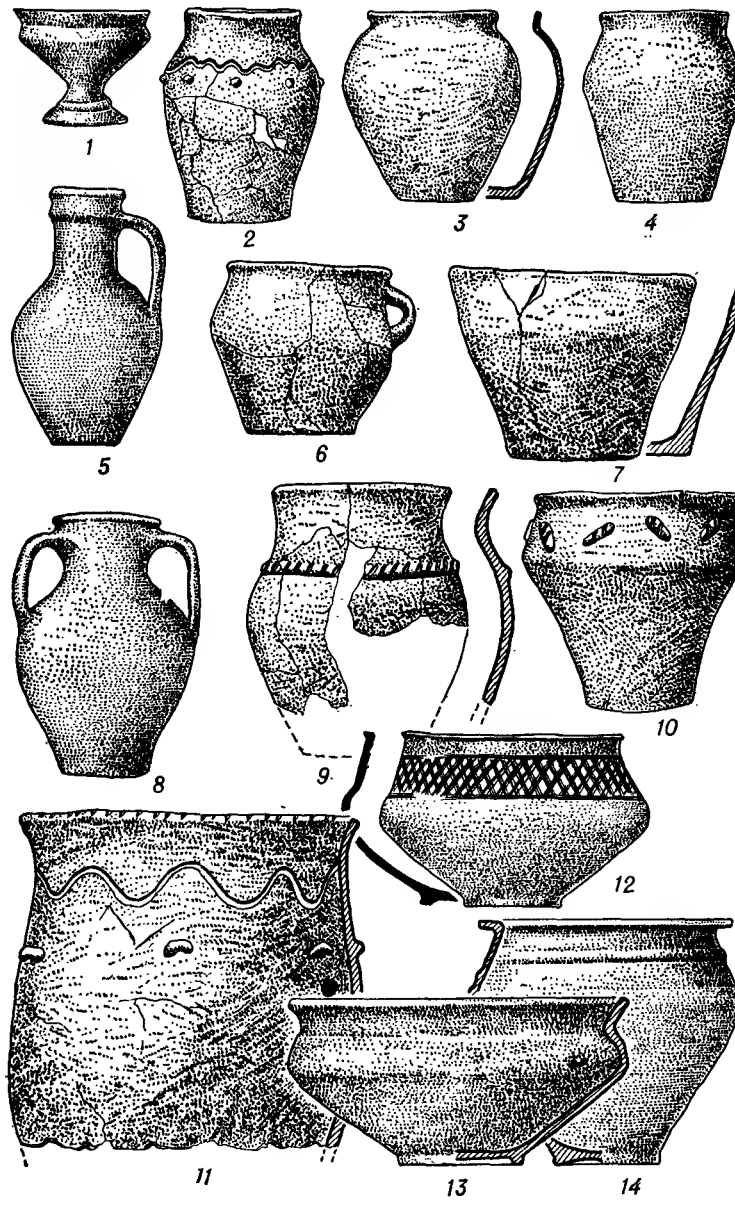


Рис. 24.
Культура карпатских курганов. Гончарная (1, 5, 8, 12—14) и лепная (2—4, 6, 7, 9, 11) посуда.

кой [Hartucki, Morintz, 1962, p. 524, ill. 3, *4*], на памятниках Сынтана де Муреш — Черняхов [Diaconu, 1965, p. 239] и в керамических комплексах Юго-Восточной Словакии [Gamiova-Schmiedlova, 1969, p. 465, tab, 40, *1, 3*].

Конические миски, подобные карпатским, были распространены на территории Карпатско-Дунайского бассейна на протяжении почти всего I тыс. н. э. Можно выделить группу горшков, которые следует считать характерными только для прикарпатского керамического комплекса. Своеобразное впечатление создает и орнаментика лепной посуды, благодаря сочетанию, нередко на одном и том же сосуде, архаических орнаментальных мотивов с широко применяемыми узорами в первой половине I тыс. н. э.

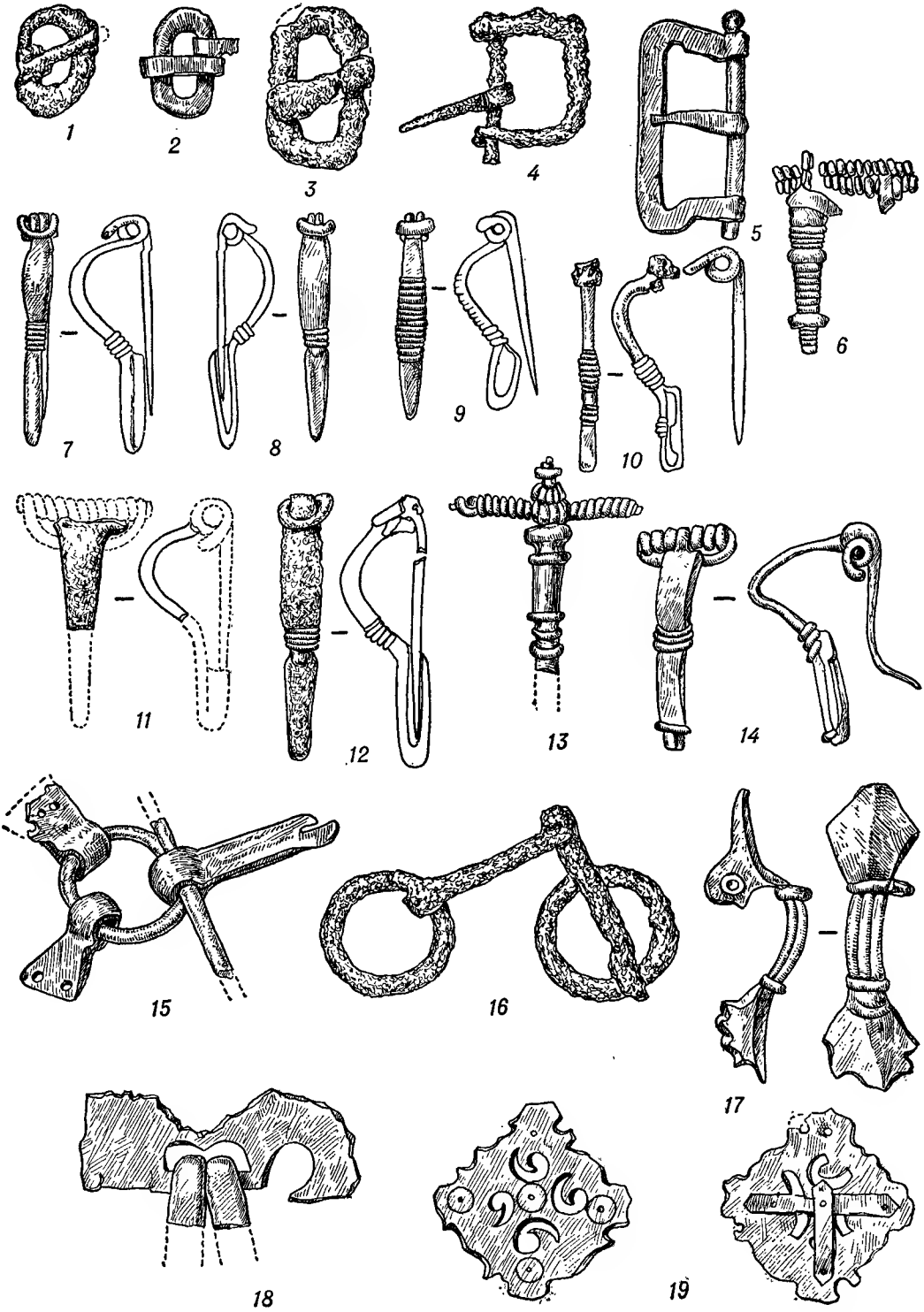
Гончарная посуда по технологии изготовления четко делится на две группы: тонкостенные изделия серого цвета с лощеной или сглаженной поверхностью, изготовленные из хорошо отмученной глины; изделия с большим количеством примеси песка в тесте. Иногда примесей так много, что поверхность черепка производит впечатление посыпанной песком. Керамика второй группы характерна для культуры карпатских курганов.

По форме изделий кружальная посуда делится на горшки, миски, двуручные и трехручные вазы, чаши на высокой ножке, кувшины, кубки, крышки. Орнамент состоит из геометрических узоров (пролощенные или прочерченные линии), гладких оттянутых валиков, изредка из сложных штампов. Для посуды второй группы характерны горшки со сложнопрофилированным венчиком и большие сосуды-зерновики. В кружальном керамическом комплексе культуры карпатских курганов, как и в других культурах этого времени, прослеживаются выразительные черты провинциально-римского влияния. Миски, подобные прикарпатским, постоянно встречаются в керамических комплексах различных культур в первой половине I тыс. н. э. — на памятниках Поднестровья, Молдавии, Румынии и Юго-Восточной Словакии.

Чаши на высокой ножке бытуют главным образом в кругу гето-дакийских культур. Округлобокие горшки и сосуды-зерновики с горизонтальными венчиками, украшенными рядами волнистых линий, также являются распространенной формой кружальной керамики римского времени. Они нередко встречаются, например, на черняховских памятниках. Достаточно заметны в кружальном керамическом комплексе культуры карпатских курганов элементы кельтского влияния. Так, биконические горшки с профилированными плечиками, вазы и другие формы напоминают изделия кельтской керамики. Однако хронологический разрыв между латенской культурой и культурой карпатских курганов не позволяет говорить о непосредственном кельтском влиянии. Очевидно, наличие кельтских элементов в кружальном керамическом комплексе культуры объясняется близостью Прикарпатья к придунайским римским провинциям, где с III в. н. э. наблюдается возрождение кельтских ремесленных традиций. Особо следует выделить своеобразные изделия прикарпатского гончарного комплекса, так называемую посыпную керамику; округлобокие тонкостенные горшки, изготовленные из крупнозернистой глины с отогнутым наружу сложнопрофилированным венчиком. Внешний край венчика оформлен уступом или округлен. Иногда верхний край венчика загнут вовнутрь и с внутренней стороны образует изгиб.

В целом керамический комплекс культуры карпатских курганов по своему составу и своеобразию сочетания форм отличается от керамических комплексов других смежных культур.

Как в погребальных комплексах, так и на селищах помимо керамики обнаружены изделия из металла и других материалов. Это орудия труда, представленные сельскохозяйственными и ремесленными инструментами


1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19

(мотыжка, серпы, зубило, жернова, точильные бруски, тупики-лощила), оружие (железные наконечники копья и дротиков, вток и заготовка стрелы). В погребении могильника в с. Стопчатов найдены биметаллические удила.

Носители культуры карпатских курганов сжигали умерших в одежде вместе с украшениями и мелкими бытовыми предметами, чем объясняется плохая сохранность находок. Среди бытовых предметов наиболее многочисленными являются железные ножи. Они обнаружены как на поселениях, так и на могильниках. Имеются железные ключи, железный игольник, бляшки.

Украшения представлены бронзовыми и железными фибулами, обломком серебряной шейной гривны, железным пластинчатым браслетом, серебряными, бронзовыми и железными поясными пряжками, стеклянными, пастовыми и сердоликовыми бусами. Найдено также несколько фрагментов костяных гребней и фрагмент костяной подвески. Особо следует упомянуть кубок цилиндрической формы, изготовленный из прозрачного красно-фиолетового стекла и украшенный светло-желтой и голубой эмалью. Он найден в сосуде-приставке урнового погребения курганного могильника возле с. Нижний Струтинь.

Первоначально на основании погребальных памятников культура карпатских курганов датировалась III—VI вв. [Смішко, 1960, с. 115—129]. Имеющиеся в настоящее время материалы дают возможность уточнить время существования культуры с конца II в. по V в. Датирующие вещевые находки в погребальных комплексах и на поселениях позволяют выделить наиболее ранние памятники. Это закарпатский могильник Иза, где обнаружены девять железных подвязных фибул с короткой пружиной и узкой ножкой [Смишко, 1960, табл. XVIII, *2*, *15*; Котигорошко, 1980, рис. 5, *1—7*]. Две из них — проволочные, остальные имеют прямоугольное сечение корпуса. Подобные фибулы хорошо известны на памятниках Словакии. Разбирая хронологию этих фибул, Т. Кольник отмечал их находки в датированных комплексах могильника Очков, где открыто 19 экз. В погребении № 222 этого же могильника железная фибула, аналогичная изовской, найдена с фрагментами terra sigillata, четко датированной концом II — началом III в. н. э. [Kolnic, 202, Obr. 11, *6—9*].

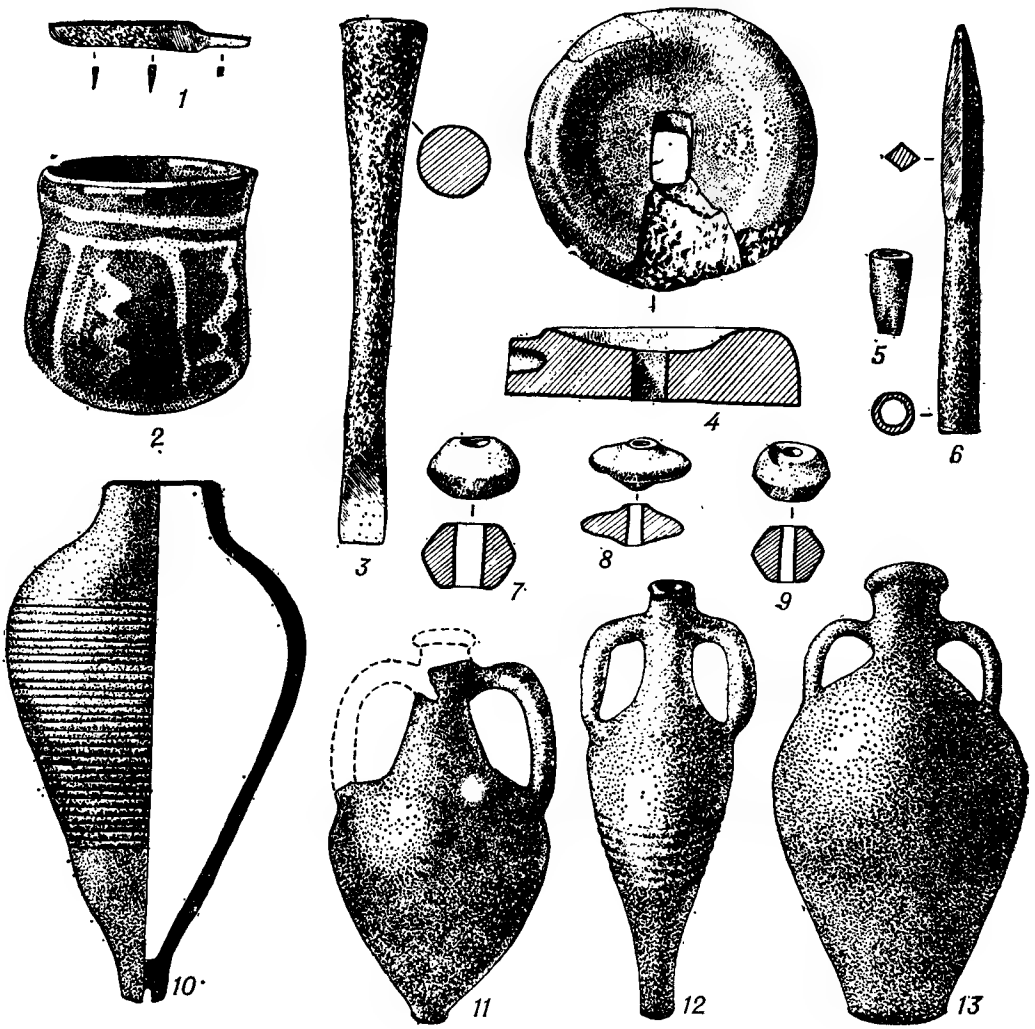
Очевидно, относительно ранние погребения должны быть и на могильнике в с. Нижний Струтинь. Обнаруженная в кургане XV этого могильника плоскодонная амфора может датироваться по аналогии с находками из римских лагерей вдоль лимеса не позже первой половины III в. н. э. [Curele, 1959, tab. XLIXV; Pelichet, 1946, s. 192—193, III, *3*]. Характерно, что на наиболее ранних — Изовском и Нижнеструтиньском — могильниках открыты погребения только с лепной керамикой, а в других погребениях этих же курганных групп, в отличие от остальных могильников, лепная посуда преобладает над кружальной. Среди ранних находок следует упомянуть амфору «танаисского» типа, обнаруженную в хозяйственной яме глубокского жилища № 2, датируемую концом II — первой половиной III в. н. э. [Зеест, 1960, с. 117]. Эти и другие находки позволяют утверждать, что культура карпатских курганов сформировалась не позже конца II — начала III в. н. э.

Хорошо обеспечен датирующим материалом и период III—IV вв. н. э., на который приходится расцвет экономической жизни прикарпатских племен. Интенсивно развиваются сельское хозяйство, ремесла, торговля, и как

Рис. 25.
Культура карпатских курганов. Изделия из металла:
1—5, 19 — пряжки;
6—14, 17 — фибулы;
15, 16, 18 — конские удила (1, 3, 4, 7—10, 12 — могильник Иза; 11 — поселение Грабовцы; 14 — поселение Королевка;
2, 15, 16, 18 — могильник Стопчатов;
5, 6, 17 — могильник Мышин;
13 — могильник Нижний Струтинь;
19 — могильник Перерось.

следствие большой приток античного импорта. К III в. относятся бронзовые двучленные фибулы, украшенные набором проволочных колец, обнаруженные в курганах Нижний Струтинь, Мышин и Марковцы, и бронзовая подвязная фибула из с. Мышин. Помимо упомянутых амфор из поселения у с. Глубокая и могильника в Нижнем Струтине происходит девять целых и

ных погребениях могильника культуры Бранешты-Немцишор в Румынии. К III—IV вв. относятся и другие находки: великолепный стеклянный кубок из кургана IV в с. Нижний Стру-



большое количество фрагментов амфор. Это инкерманские амфоры — по две из могильников в селах Глубокая и Ганев, датируемые IV в. н. э. [Зеест, 1960. с. 118—119; Шелов, 1978, с. 19]. Такие же амфоры найдены в курган-

тинь, амфоры из могильников в селах Грушев и Каменка, фрагментированные трехчастные гребни и др.

После гуннского нашествия (конец IV в. н. э.) и разгрома римских колоний Северного Причерноморья рез-

ко сокращается приток античного импорта в Северное Карпатское предгорье. Поэтому, хотя культура карпатских курганов продолжает существовать, недостаток четко датирующих материалов сказывается при определении верхней хронологической границы существования культуры.

Рис. 26. Культура карпатских курганов. Орудия труда, оружие, импортные изделия: *1, 4, 5, 11, 12 — Глубокая; 2, 13 — Нижний Струтинь; 3, 7, 9 — Грабовцы; 6, 8 — Волосов; 10 — Грушев.*

В свое время основанием для определения верхней даты культуры послужила находка бронзовой двухпластинчатой фибулы в кургане II Мышинского могильника, которую М. Ю. Смишко, ссылаясь на поздние формы двухпластинчатых фибул, датировал VI в. н. э. [Смішко, 1960, с. 110]. Но так как у этих фибул пластинки иной формы, они не могут служить аналогиями мышинскому изделию. В последние годы найдены две двухпластинчатые фибулы, конструкцией и формой пластинок близкие мышинской. Одна из них обнаружена в погребении № 1 могильника Миоркани (Румыния) в комплексе, датируемом второй половиной — концом IV в. [Joniţă, 1975, fig. 4, 5], другая — на городище Гундемайген на Дунае и датируется V в. [Werner, 1981, s. 239—240, 6, a]. Судя по деталям декора, мышинская фибула, вероятно, занимает промежуточное положение между этими изделиями, что дает возможность отнести ее ко времени не позже V в., скорее всего, к его первой половине.

Еще один поздний комплекс, несомненно захватывающий V в., открыт в кургане I могильника в Стопчатове. Здесь найдена серебряная полуовальная пряжка конца IV — начала V в. и часть биметаллических конских удил с ровным псалием, появившихся в Европе в конце IV в. Археомагнитный метод датирования, примененный при исследовании поселения у с. Глубокая, также показал дату V в.

Среди материалов культуры карпатских курганов отсутствуют такие, которые бы позволили отнести ее верхнюю дату к VI в. Кроме того, в ряде случаев (Глубокая, Волосов, Кодын, Гореча, Валя Кузьмина и др.) на местах поселений культуры карпатских курганов обнаружены славянские поселения, возникшие в конце V—VI в. н. э. Сказанное означает, что в этот период на территории Прикарпатья, как и на других территориях Центральной и Восточной Европы, распространилась культура раннесредневекового славянского населения.

Исследование памятников культуры карпатских курганов, особенно изучение материалов поселений, позволило в определенной степенн воспроизвести хозяйственную деятельность древнего населения Прикарпатья. Долгое время в археологической литературе бытовало мнение, что культура карпатских курганов принадлежала скотоводческому населению [Смішко, 1960, с. 136]. Основанием для этого служило то обстоятельство, что племена этой культуры занимали территорию с характерным для предгорья расчлененным рельефом. Дальнейшие исследования показали, что носителями культуры карпатских курганов было земледельческо-скотоводческое население, главным занятием которого являлось земледелие.

Поселения культуры карпатских курганов располагались либо в широких долинах рек с хорошо выраженными террасами (Глубокая, Черепковцы, Кут, Михайловка, Каменка, Марковцы, Волосов, Печенежин), на удобных для земледелия низинных грунтах, или в местностях с более расчлененным рельефом, занимая высокие ровные плато (Трач, Ганев, Пылыпы, Грушев). Большие размеры поселений, долговременность жизни на них, стационарные жилища, большие могильники свидетельствуют об оседлом образе жизни прикарпатских племен.

Получены данные об ассортименте возделываемых культур, способах обработки и хранения сельскохозяйствен-

ной продукции, составе домашнего стада и пр.

У носителей культуры карпатских курганов был обычай, известный у многих земледельческих племен еще с эпохи энеолита, подмешивать в глиняную обмазку стен построек, а также в тесто керамических изделий полову хлебных злаков. Исследование отпечатков зерен и половы на керамических фрагментах и кусках обмазки, найденных на поселении у с. Глубокая, показало, что прикарпатское население возделывало два вида пшеницы: полбу-спельту и полбу-двузернянку, кроме того, ячмень, овес, просо обыкновенное и итальянское (чумизу). При исследовании остатков хозяйственного сооружения с ямой-погребом на поселении в с. Черепковцы обнаружены обугленные зерна злаков: овса, ячменя, чумизы и пшеницы-спельты. С земледелием связаны и другие находки. Это обломки мотыжки, железных серпов, жернова, сосуды-зерновики. В одном из жилищ поселения у с. Глубокая обнаружены остатки мельничного сооружения. Ямки от столбов четко очерчивали квадрат размерами 1,3×1,3 м, в центре которого находился жерновой камень. На расстоянии 0,5 м от камня открыта яма диаметром 0,5 м. Очевидно, жернова были установлены на квадратном деревянном помосте, следами от которого являются ямки от столбов, поддерживавших его. В яму могли ставить сосуд-зерновик, куда ссыпалась мука.

Зерно и муку хранили в больших керамических сосудах, как гончарных, так и лепных. Зерно, как и другие продукты сельского хозяйства также хранилось в хозяйственных ямах, обнаруженных не только внутри жилищ, но и за их пределами. Зерновые ямы обмазывались глиной, дно и стены обжигались. Обнаруженные отпечатки зерна принадлежали яровым культурам. Достаточно широкий набор выращиваемых культур и другие данные, например топография селищ, их долговременность, являются свидетельством пашенного земледелия.

Большое значение в хозяйственной деятельности прикарпатского населения имело скотоводство. Оно, без сомнения, носило приселищный характер. Изучение остеологического материала поселений показало, что стадо состояло из крупного рогатого скота, коней, свиней, овец и коз. Скот давал продукты питания (молоко, мясо) и сырье для изготовления одежды и обуви (кожа, шерсть). Крупный рогатый скот и лошади служили также тягловой силой при сельскохозяйственных работах. Преобладание в стаде крупного рогатого скота, наличие свиней, не способных к дальним передвижениям, также подтверждают оседлый характер скотоводства племен Прикарпатья в это время. Имеются археологические данные о занятии населения культуры карпатских курганов охотой (наконечник и вток копья, заготовка стрелы, кости дикого быка и пр.) и рыболовством (грузила для рыбацких сетей).

Археологические исследования дали материалы для изучения развития ремесел у прикарпатского населения. Наибольшее количество данных имеется о керамическом производстве. Глиняная посуда, являющаяся наиболее массовым материалом, полученным при раскопках, состояла из кружальных и лепных изделий. Кружальная керамика изготовлялась на месте, о чем свидетельствует массовое распространение кружальных изделий, сочетание форм, присущее только керамике культуры карпатских курганов и, наконец, наличие на поселениях гончарных мастерских (Печенежин). Гончарные изделия прикарпатских племен отличаются достаточно развитой технологией. При изготовлении столовой посуды глину тщательно отмучивали и перемешивали, придавая ей пластичность. В тесто кухонной посуды добавляли песок, дресву, шамот. Обжиг гончарной продукции производился в печах двухъярусной конструкции. При этом нижняя камера служила топкой, а в верхней обжигали посуду. Камеры

разделялись глинобитным подом с продухами.

При раскопках на поселениях обнаружены остатки металлургического производства (шлаки). Найденные металлические изделия (ножи, ключи, серпы, зубила и пр.) свидетельствуют о развитии кузнечного дела. Из камня изготовляли жернова, точильные бруски, лощила. Судя по находкам изделий из кости (фрагменты гребней, тупики, подвески), существовало костерезное ремесло. Многочисленные находки прясел и грузил для ткацких станков говорят о развитии прядения и ткачества.

Социально-экономическое развитие племен культуры карпатских курганов достигло уровня, когда общество могло вырабатывать излишек продукции для обмена. Кроме того, развитие торговых отношений у племен Прикарпатья стимулировалось близостью римских подунайских и причерноморских провинций. После образования римской провинции Дакия в начале II в. н. э. территория Карпатского предгорья оказалась в непосредственной близости от границ Римской империи.

Существование торгово-обменных связей племен Прикарпатья с провинциально-римским миром засвидетельствовано находками римских импортов. Наиболее распространенной является амфорная тара. Помимо 11 целых экземпляров многочисленные амфорные обломки найдены на каждом могильнике и поселении. Амфоры изготовлены в мастерских Северного Причерноморья и Подунавья. Более далекие торговые связи подтверждаются значительным количеством обломков светлоглиняных узкогорлых амфор III—IV вв. н. э., в тесте которых заметна примесь черных частиц пироксина. Такие амфоры изготовлялись в Малой Азии, вероятнее всего, в Синопе. Путем обмена попадали к населению Прикарпатья стеклянные изделия (кубок из с. Нижний Струтинь, бусы). Очевидно, предметами импорта являются некоторые фибулы, серебряные пряжки и шейная гривна, найденные в погребениях. Отметим, что на территории распространения культуры карпатских курганов найдено большое количество римских монет (кладов и одиночных находок) [Фенин, 1951, с. 93]. Серебряный динарий императора Траяна найдена на поселении в с. Волосов. На изделия античного мира — вино, масло, украшения, стекло, а также римские монеты, которые, по мнению исследователей, играли роль денег при торговле варварских племен с Римом,— прикарпатское население, очевидно, обменивало скот, шкуры, мех, шерсть, возможно, соль и пр. Торговые пути на Прикарпатье шли по Днестру и Пруту и через карпатские перевалы.

Рассматривая хозяйственную деятельность прикарпатского населения, отметим, что археологические материалы свидетельствуют о достаточно высоком социально-экономическом развитии прикарпатских племен. Прежде всего необходимо обратить внимание на выделение гончарного ремесла. Производство керамики с помощью гончарного круга и горна обеспечивало не только прекрасное качество, но и большее количество продукции, что определяло товарный характер этого производства, то есть работу гончаров на рынок. О существовании не только внутреннего, но и внешнего рынка свидетельствуют находки отдельных монет, их кладов, а также римские импорты.

В настоящее время вопрос о происхождении культуры карпатских курганов остается открытым. На данном этапе археологической изученности территории Прикарпатья не известны памятники, которые бы хронологически непосредственно предшествовали памятникам культуры карпатских курганов. Не ясны и корни погребального обряда, выделяющие прикарпатскую культуру среди синхронных древностей с характерными для них полями погребений. В свое время М. Ю. Смишко был склонен видеть местные тра-

диции курганных погребений Прикарпатья в погребальном обряде куштановицкой культуры [Смішко, 1960, с. 131]. Хотя подобный ход развития и нельзя исключить, тем не менее, не заполненный промежуточными звеньями хронологический разрыв почти в четыре столетия (куштановицкая культура датируется VI—V вв. до н. э. — III в. до н. э.), между куштановицкими древностями и культурой карпатских курганов не дает возможности говорить о прямой генетической преемственности между ними. Аналогичный прикарпатскому погребальный ритуал прослежен на памятниках типа Кашолец-Кальбор (II в. н. э.), расположенных в Трансильвании [Macrea, 1957, 205—221] и на могильнике Земплин (II—III вв. н. э.) в Восточной Словакии [Budinsky-Krička, 1959, s. 61—69]. Однако существенные различия в материальной культуре и хронологические сопоставления не позволяют считать Трансильванию и Словакию районами, откуда обычай хоронить мертвых под курганами на месте сожжения распространился на территорию Северо-Восточного Прикарпатья.

Речь может идти лишь об общем источнике этого погребального обряда на территориях, прилегающих к Карпатам.

Археологический материал, находящийся в нашем распоряжении, позволяет сделать попытку этнической интерпретации культуры карпатских курганов. Рассматривая основные черты материальной культуры прикарпатского населения, нельзя не заметить, что в ее формировании приняло участие гето-дакийское население, этнографические признаки которого (некоторые керамические формы и их орнаментика) оставили след в культуре карпатских курганов. Составной частью культуры являются также формы посуды, не встречающиеся в среде гето-дакийских племен ни в предыдущее, ни в синхронное время. Эта посуда по форме напоминает славянскую керамику третьей четверти I тыс. н. э. Другие признаки, характерные для культуры карпатских курганов, находят соответствие в хронологически последующей материальной культуре раннесредневековых славян: расположение поселений, нередко открываемых на одной и той же площади; наличие на поселениях культуры карпатских курганов полуземлянок с печами-каменками, ставших единственной формой жилища у славян последующего периода. Общие черты прослеживаются и в погребальном ритуале обеих культур.

Раннесредневековые славянские курганные могильники размещались на водораздельных высотах или высоких берегах рек. Они состоят из небольших круглых в плане насыпей, нередко расположенных несколькими группами. Некоторые насыпи обведены небольшими рвами, во всех случаях под курганной насыпью обнаружены небольшие ритуальные костры. Славянские курганы также содержат захоронения в ямах, урнах и на горизонте. Совпадают и другие детали погребального обряда [Русанова, 1973, с. 28—30].

Особо следует подчеркнуть прослеживаемую на территории Прикарпатья преемственность между населением римского (культура карпатских курганов) и раннесредневекового времени. Достаточно убедительно это прослеживается на материалах поселения у с. Глубокая [Вакуленко, 1977, с. 85—87] и селищ возле сел Кодын [Русанова, 1977, с. 364—365], Горече II и Рогозна [Тимощук, 1976, с. 31—39]. Здесь исследованы объекты (гончарная мастерская и жилища), несущие как в самой конструкции, так и в керамике черты, связывающие обе культуры, а также следы преемственности, обусловленные наличием в них общего славянского компонента.

Таким образом, можно сделать вывод о существовании в культуре карпатских курганов двух различных этнических элементов — гето-дакийского и славянского. В процессе развития

гето-дакийские признаки постепенно исчезают и, напротив, более четко выступают черты, находящие соответствие в материальной культуре славянских древностей третьей четверти I тыс.

Вельбарская культура

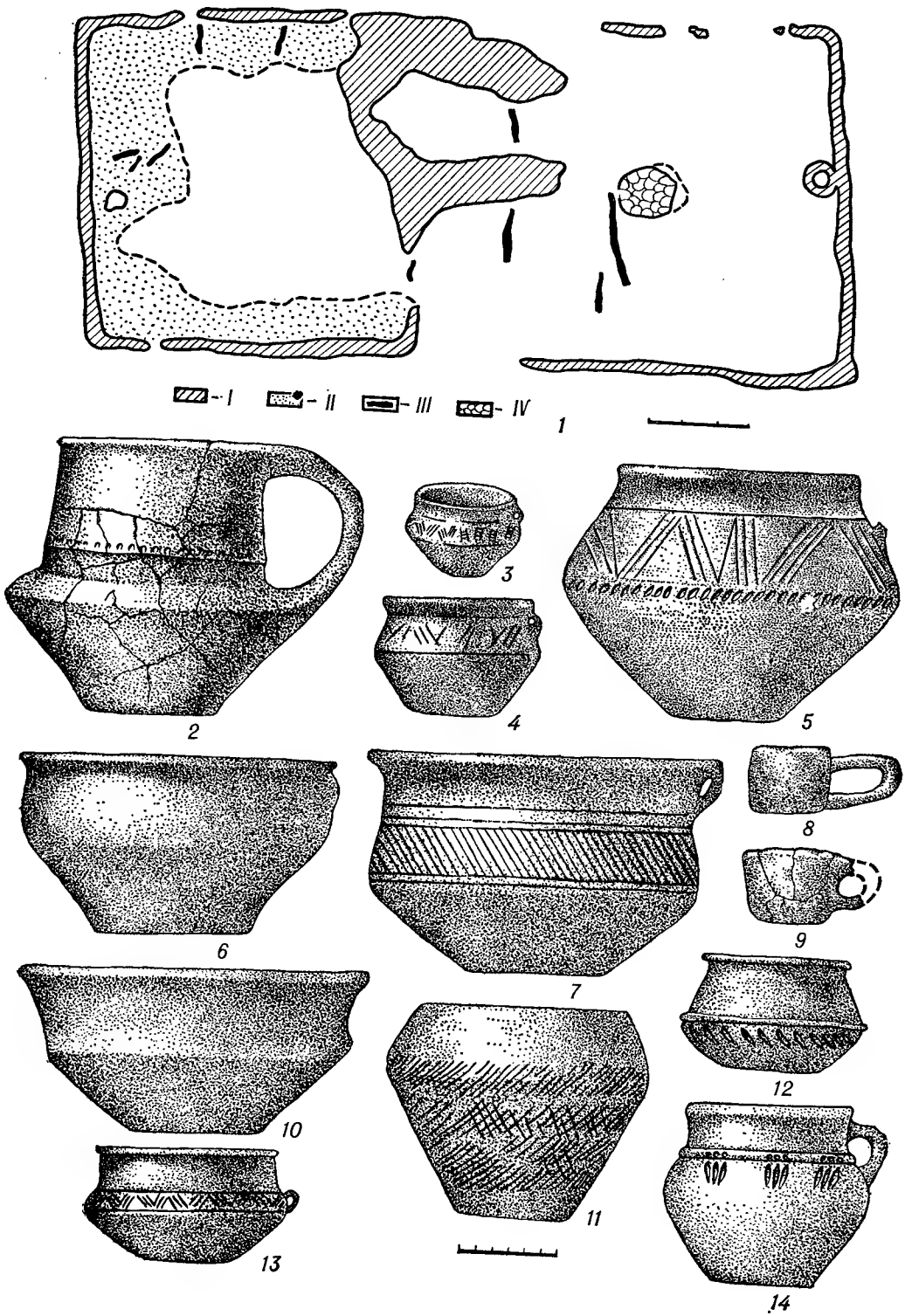
Памятники вельбарской культуры известны, главным образом, в северных областях Польши. Культура получила название от широко исследованного могильника в Вельбарке (Мальборк-Вельбарк), расположенного в Нижнем Повисленье. Памятники этой культуры известны давно. Их объединяли под названием «венедская», «оксывская», потом «гото-гепидская» культура. Сравнительно недавно К. Годловский и Р. Волонгевич предложили новое название — «вельбарская» [Godłowski, 1970; Wołągiewicz, 1974]. Последнее оказалось наиболее удачным и стало в настоящее время общепринятым.

На территории УССР и Юго-Западной Белоруссии вельбарские памятники известны под названием Брест—Тришин—Дитиничи. Хронологические рамки культуры определяются I—IV вв. На протяжении этого периода культура не только претерпела значительные изменения, но и расширился ее ареал. Польскими исследователями выделены две фазы развития культуры. Характерные черты первой фазы наиболее полно отражают материалы могильника в Любовидзе (Слупское воеводство), датируемого второй половиной I — первой половиной II в. н. э. Вторая фаза представлена могильником в Цецелях (Белостоцкое воеводство).

В любовидзкой фазе вельбарская культура занимала территорию Среднего и Восточного Поморья и Северную Великопольшу, во второй, цецельской, фазе — Восточное Поморье, Куявию, Правобережную Мазовию и Подлясье. Тогда же вельбарские памятники распространились и на западные районы УССР. Расширение их ареала на восток и юго-восток произошло в результате этнических сдвигов, связанных с появлением готов на Поморье в конце I в. н. э. В это время на территории Кашубского Поозерья наблюдается внезапное увеличение числа могильников: наряду с плоскими, существовавшими с позднелатенского времени некрополями оксывской культуры появляются новые, курганные, с каменными кругами и надгробными стелами, имеющие более ранние аналогии в Скандинавии. В начале позднеримского времени могильники обоих типов прекращают свое существование на этой территории и появляются на правобережье Средней Вислы. Эти данные, по мнению польских исследователей, отражают процесс переселения носителей вельбарской культуры, ядро которых составляли готы, с западных территорий на восток [Wołągiewicz, 1981, s. 150—155].

На территории УССР вельбарские памятники по последним данным сконцентрированы в основном в границах Волынской и Ровенской областей. Наиболее восточным памятником является поселение у с. Лепесовка Хмельницкой области. Небольшая группа вельбарских поселений открыта в последнее время в Южном Побужье.

Наиболее показательным памятником этой культуры является могильник у с. Дитиничи Ровенской области, где В. В. Аулих, И. К. Свешников и М. Ю. Смишко в 1956—1958 гг. открыли 21 погребение с трупосожжениями и большим количеством сопровождающего материала [Смишко, Свешников, 1961, с. 89—112]. Начиная с 1957 г. многолетние работы велись М. А. Тихановой на поселении вельбарской культуры у с. Лепесовка [Тиханова, 1963, с. 178—190; 1966, с. 210—212]. В 60-х — начале 70-х годов Ю. В. Кухаренко проводил небольшие раскопки на могильнике в с. Любомль [1980, с. 67—68], а В. Д. Баран — в с. Машев Волынской области. В 1971 г. Л. И. Крушельницкой


I
II
III
IV
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14

исследовано поселение вельбарской культуры у с. Ромош, а несколько позднее — у с. Федоровка Львовской области [Крушельницька, Оприск, 1975, с. 75—80]. Следует отметить работы И. П. Хавлюка на Южном Буге, Д. Н. Козака и А. Н. Журка на поселении Великая Слободка II в Среднем Поднестровье, Д. Н. Козака на поселении у с. Боратин I Волынской области (верхний слой).

Единичные погребения с материалами вельбарской культуры открыты на черняховских могильниках в селах Касаново, Рыжевка, Компанийцы и др. Кроме того, к вельбарским памятникам следует, очевидно, отнести поселение у с. Викнины-Великие, раскопанное М. Ю. Смишко в 40-х годах [1947, с. 111—122].

Поселения расположены на южных склонах оврагов, первых или вторых террасах рек, мысах среди долин. Поселение в с. Лепесовка размещалось на высоком берегу р. Стырь. Так же высоко располагалось поселение около с. Барсуки.

Точные данные о площади поселений из-за слабой их изученности отсутствуют. Наиболее полно исследованное поселение в Лепесовке занимало 9 га. Однако его первоначальная площадь была, очевидно, значительно меньше, поскольку здесь отмечено несколько строительных горизонтов. Поселение у с. Боратин I занимало площадь около 1 га.

На поселениях открыты наземные и углубленные жилища глинобитно-каркасной конструкции. От первых сохранились мощные развалы обожженной глиняной обмазки с отпечатками хвороста и деревянных конструкций. Площадь развалов составляет от 60 до 120 м^2. Жилища удлиненно-прямоугольной формы и ориентированы по линии восток—запад. Каждое из них делится на две камеры, разделенные глиняными стенками-перегородками. Одна из камер была жилой. В ней прослеживается земляной, хорошо утрамбованный пол. Посередине находился очаг.

Во второй, как правило, западной камере следов отопительных устройств не обнаружено. Существует мнение, что эта часть жилища имела хозяйственное назначение: служила мастерской или сараем.

Углубленные жилища открыты на поселении Боратин I (верхний слой). Они представлены полуземлянками подпрямоугольной, овальной или неправильной формы. Жилища ориентированы углами или стенками по сторонам света. В некоторых жилищах вдоль одной из стен оставлялся материковый останец, который облицовывался деревом и служил прилавком, лежанкой. В ряде жилищ под полом находились ямы. Характерной чертой всех полуземляночных жилищ является наличие большого количества ям от столбов, расположенных по периметру стен. Следов отопительных сооружений не обнаружено. Площадь жилищ составляет от 9 до 16 м^2, высота земляных стен 0,25—0,6 м.

Кроме жилых построек на поселениях открыты хозяйственные сооружения с углубленной в материк основой. Одно такое сооружение раскопано на поселении Ромош. Оно имело четырехугольную неправильную форму, площадью 44 м^2 [Крушельницька, Оприск, 1975, с. 76]. Еще одно сооружение углубленного типа выявлено на поселении Великая Слободка II. Форма его удлиненно-прямоугольная размерами 14,8×4,8 м; ориентация по линии восток — запад. Пол опущен в материк на 25 см и хорошо утрамбован. В полу обнаружено 50 ямок от столбов, расположенных вдоль стенок и по центральной осевой линии. От западного угла и до середины южной стенки ямки размещались в два ряда. В сооружении открыты три подвальные ямы. Система расположения ям от столбов свидетельствует о столбо-

Рис. 27. Вельбарская культура. План жилища и посуда: I — глиняная обмазка; II — обожженная земля; III — обугленные бревна; IV — под печи. 1, 3, 4 — Лепесовка; 2, 5,—10, 12 — Дитиничи; 11, 13 — Деревянное; 14 — Любомль.

вой каркасной конструкции стен. Конек крыши поддерживался рядом центральных столбов. Скорее всего, это здание имело общественное назначение.

Описанные сооружения по форме и конструкции стен близки к так называемым большим домам, истоки которых восходят к домостроительству германских племен Северо-Западной Европы. Углубленные жилища близки к жилым постройкам пшеворской культуры в Польше.

Несколько лучше изучены погребальные памятники. Наиболее полно исследованными являются могильники в селах Дитиничи, Любомль, Деревянное. По одному или больше погребений вельбарской культуры открыто в селах Могиляны, Горькая Полонка, Городище, Шумское, Колесники, Кутки. Могильники располагались на песчаных дюнах или крутых склонах балок и возвышенностей. Все они плоские, без каких-либо конструкций на поверхности. Какой-то определенной системы в расположении погребений на могильниках не прослежено. Основным типом погребального обряда было трупосожжение на стороне.

Среди трупосожжений преобладают ямные, куда ссыпались остатки пережженных костей покойника, как правило, перемешанные с золой. В единичных случаях они очищены. Вместе с костями лежали и мелкие вещи: украшения, предметы индивидуального и хозяйственного пользования. Почти все вещи, за исключением глиняных пряслиц, имеют следы повторного пребывания в огне. В отдельных случаях в погребениях над заполнением ям лежали каменные валуны или аморфные кремневые отщепы. Важной чертой погребального обряда было сопровождение погребений вторично пережженными фрагментами лепной или гончарной керамики. Этот элемент обряда сопутствует большинству ямных погребений. На могильнике в с. Дитиничи в некоторых погребениях найдены целые сосуды, перекрывавшие могильные ямы. Число их различное: от одного до пяти. Поверхность сосудов повторно обожжена.

Урновые погребения немногочисленны и представлены на разных могильниках несколькими захоронениями. Они, как и ямные, делятся на два вида: с остатками погребального костра и без него. Преобладают первые. Пережженные кости покойника помещались в глиняных сосудах-урнах. В качестве урн использовались, в основном, лепные горшки, иногда миски и кувшины. Урны не накрывались. Только в погребении из с. Любомль урна накрыта миской.

Большинство урновых погребений сопровождалось несколькими глиняными сосудами. Горшки ставились на дно погребальной ямы рядом с урной. Кроме горшков в погребениях найдены фибулы, костяные гребни, пряжки, глиняные пряслица и пр. Большинство из них имеет следы пребывания в костре. По количеству вещей урновые захоронения богаче ямных. Вещи, найденные в тех и других погребениях, одинаковы.

Кроме трупосожжений на нескольких могильниках отрыты и трупоположения с типичным для вельбарской культуры инвентарем.

Обряд трупоположения имеет много общего с сарматским, что явилось результатом влияния племен черняховской культуры. Примером такого памятника может служить могильник около с. Баев, где открыто 13 погребений с трупоположениями и материалами, характерными для вельбарской и черняховской культур [Кухаренко, 1975, с. 51—60]. Что касается трупосожжений, то в них, наряду с вельбарскими чертами, четко прослеживаются элементы погребальной обрядности пшеворских племен (наличие урновых погребений, приставок, вторично пережженного инвентаря, фрагментов керамики).

Кроме погребений, на вельбарских могильниках открыто 26 ям, неправильной формы диаметром от 0,7 до 2 м и глубиной от 0,5 до 1,7 м. Ямы

заполнены золой. В некоторых из них находились крупные камни, обломки глиняных сосудов, кости животных. Ямы размещались на могильниках без видимого порядка. Назначение их не совсем ясно. Подобные объекты открыты на могильниках Брест — Тришин, Дорогичевка — Козаровка, других вельбарских могильниках Повисленья, Поморья, Полабья, а также в Южной Скандинавии. Некоторые исследователи называют такие ямы жертвенными, связывая их с бытовавшими еще до недавнего времени у скандинавов обычаем сооружения жертвенного костра около могилы и зарыванием его остатков в особую яму [Кухаренко, 1980, с. 29].

Для памятников вельбарской культуры характерна в основном, лепная посуда. Но на каждом могильнике или поселении найдена также гончарная. На более ранних памятниках ее мало, на поздних — больше.

Лепная посуда изготовлялась из глины с примесью песка, мелкого шамота и органических примесей. Поверхность сосудов сглаженная или лощеная, нередко специально ошершавленная, коричневого или желтовато-серого цвета. Большое количество сосудов украшено углубленными или рельефными геометрическими узорами различных комбинаций. Это горизонтальные полосы углубленного зубчатого орнамента, полосы, состоящие из косых линий или каннелюр, треугольники, образованные небольшими ямками. Нередко встречается пластинчатый орнамент в виде горизонтальных профилированных поясов на плечиках с косыми насечками и ямочками. Большинство сосудов имеет глухие ушки и Х-видные ручки.

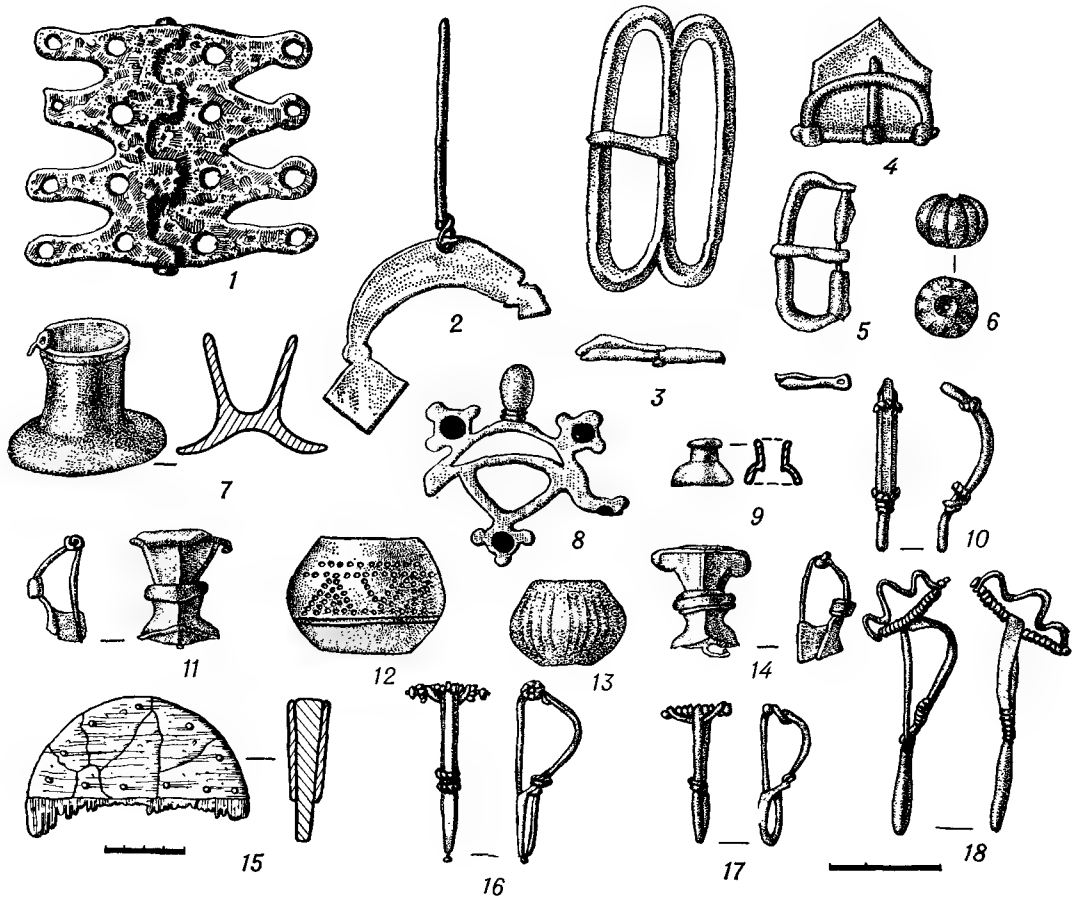
Из горшков наиболее распространенными являются приземистые широкогорлые сосуды с загнутыми внутрь венчиками. Нередко у них сглаженная верхняя часть и специально ошершавленный корпус. Менее известны невысокие биконические горшки с отогнутыми венчиками и слабовыраженными плечиками. Наиболее широко распространенными видами керамики были мискообразные широкогорлые сосуды и миски. Первые — биконической формы с отогнутыми венчиками, несколько суженной шейкой и округлым переломом плечиков на середине высоты. Миски разнообразные: тюльпановидные, биконические, цилиндроконические. Эти виды керамики почти всегда орнаментированы. Многие имеют лжеушки. Кубки в основном конической формы на высоком поддоне. Довольно часто встречаются кубки с цилиндрическим корпусом и полусферическим дном. Кружки небольшие, с Х-видными ручками, цилиндрической, цилиндроконической и лейковидной формы. Редкими видами керамики являются вазы и кувшины, дуршлаги банковидной формы, кубки на высокой пустотелой ножке. Все формы керамики имеют широкие аналогии на памятниках вельбарской культуры в Польше [Schindler, 1940]. Горшки упомянутых выше форм известны также в пшеворской культуре.

Гончарная керамика немногочисленна и представлена горшками, мисками, вазами, кувшинами различных форм и пропорций, хорошо известных на памятниках черняховской культуры. Отметим, что в отличие от поселений на могильниках встречена лишь столовая гончарная посуда с лощеной поверхностью.

Орудий труда на памятниках вельбарской культуры обнаружено мало, что объясняется слабой изученностью поселений. Это мотыга, коса-горбуша, струги, долота, шилья, ножи, льячки из поселения около с. Лепесовка, коса-горбуша из с. Великая Слободка II. Предметы вооружения и конского снаряжения также единичны: шпора, удила, наконечники стрел из с. Лепесовка. Гораздо шире представлены бытовая утварь, предметы одежды, украшения. На каждом из исследованных памятников, особенно на поселениях, найдено большое количество глиняных пряслиц. Они имеют бико-

ническую форму: большинство богато и разнообразно орнаментировано. Многочисленны грузила, служившие для натягивания основы на вертикальных ткацких станках. Они плохо обожжены, иногда просто обсушены и имеют пирамидальную или округлую форму.

Предметы одежды представлены поясными пряжками и скрепами, фибулами. Пряжки двухчастной конструкции с полукруглой рамкой и язычком, со щитком и без него. Редкой является пряжка из с. Деревянное, состоящая из двух спаренных овальных колец. Оригинальны две поясные оковки из могильника в с. Дитиничи. Одно из них состоит из двух соединенных шарниром прямоугольных пластинок, внешние края которых имеют четыре зубчика с отверстиями; вторая — состоит из двух аналогично оформленных пластинок, каждая из которых закреплена на отдельной оси. Фибулы изготовлялись из бронзы, редко — из железа. Большинство из них стержневые, двухчастной конструкции с подвязной ножкой. Они характерны для большей части Европы III—IV вв. Среди них выделяется большая серебряная фибула из с. Лепесовка с широкой, прогнутой фигурной тетивой. Из украшений найдены также булавки, стеклянные и янтарные бусы, браслеты из бронзы. Особо отметим бронзовую подвеску с выемчатой эмалью и ожерелье из бронзо-



вых лунниц с ведерковидными подвесками из с. Дитиничи.

Костяные изделия представлены трехслойными гребнями, проколками, лощилами.

Рис. 28. Вельбарская культура. Предметы личного убора: *1, 2, 4, 7—10, 12, 13 — Дитиничи; 3, 5, 17, 18 — Деревянное; 6, 14—16 — Любомль; 11 — Машев.*

Недостаточная исследованность памятников вельбарской культуры не позволяет дать развернутую характеристику хозяйства их носителей. Однако, исходя из наличия долговременных поселений, расположенных на плодородных грунтах, рядом с луговыми, богатыми травой долинами, большого количества костей животных, выявленных на поселениях, основными формами хозяйства были земледелие и скотоводство. Сказанное подтверждается находками многочисленных отпечатков зерен на керамике, обугленных зерен, отпечатков соломы на поселениях в с. Лепесовка, Боратин I и находками орудий земледелия (ротационные жернова, косы-горбуши). В целом земледелие, скотоводство были, очевидно, на том же уровне, что и у племен черняховской культуры.

Хронология вельбарских памятников на территории УССР определяется рядом датирующих вещей, прежде всего фибулами. Наиболее ранними являются фибулы с широким гребнем и расширенной ножкой, с приемником из поселения в с. Лепесовка, широкопластинчатые гребенчатые фибулы с пружиной, прикрытой цилиндрической втулкой из сел Любомль и Машев. Они датируются последней четвертью II—III в. н. э. Чаще всего встречается несколько типов подвязных фибул двучленной конструкции, характерных для III—IV вв. Наиболее поздними из них являются пластинчатые подвязные фибулы поздних вариантов из поселения в с. Ромаш, могильника в с. Баев, подвязная фибула с кнопкой на головке из того же могильника, серебряная фибула с фигурной прогнутой тетивой из с. Лепесовка, относящиеся к IV в.

Таким образом, датирующий материал позволяет определить время существования вельбарских памятников на рассматриваемой территории концом II—IV вв. Наиболее ранними являются поселение Лепесовка, могильники Любомль и Машев. Они появились на Волыни на рубеже II—III вв. н. э. Вторая, более многочисленная группа памятников относится ко второй половине III—IV в. (Дитиничи, Деревянное, Барсуки, Великая Слободка II, Ромош, Свитязев и др.). К этому же времени относятся некоторые элементы и предметы вельбарской культуры на черняховских памятниках.

Таким образом, имеются все основания говорить о двух волнах переселения носителей вельбарской культуры на Полесье и Волынь. Первая группа появилась здесь к началу образования в Днестро-Днепровском междуречье черняховской культуры, вторая — когда черняховская культура уже сформировалась. Исследования последних лет показали, что дочерняховские вельбарские памятники расположены не только на Волыни. Минуя Верхнее Поднестровье, где очевидно, была большая плотность населения, вельбарские племена уже в первой половине III в. н. э. появились на Южном Побужье, о чем свидетельствует группа поселений, исследованная П. И. Хавлюком (Гунька, Демидовка, Слободка, Заньковцы и др.). На поселениях открыты удлиненные наземные жилища глинобитной конструкции с большим количеством лепной керамики, имеющей наряду с вельбарскими выразительные черты пшеворской культуры. Здесь же обнаружено небольшое количество гончарной керамики. По мнению П. И. Хавлюка, эта керамика, представленная лощеными мисками, является импортом из северопричерноморских античных центров. Она отражает, очевидно, начальный этап провинциально-римских влияний на племена Лесостепи.

В это же время аналогичная гончарная керамика и другие северопричерноморские импорты появляются и в иных районах Лесостепи, в частности в Верхнем Поднестровье. Здесь провинциально-римское влияние, приведшее во второй половине III в. н. э. к образованию памятников черняховского типа, восприняло местное население, являвшееся потомками пшеворско-зарубинецких племен, очевидно, праславянское. Такая же картина, судя по материалам, полученным при исследовании поселения I—III вв. н. э. в с. Великая Слободка I, наблюдается и в Среднем Поднестровье.

Однако приведенные факты не подтверждают гипотезу некоторых польских и советских исследователей (К. Годловский, Ю. В. Кухаренко) о якобы главенствующей роли вельбарских племен в образовании черняховской культуры. Ю. В. Кухаренко называет даже черняховскую культуру завершающей стадией развития вельбарской культуры [1980, с. 75]. Мы считаем, что вельбарские племена, продвигаясь по территории Волыни и Подолии, втягивались наравне с местными этническими группами в сферу провинциально-римского влияния, изменяя облик своей культуры. Несостоятельно также утверждение Ю. В. Кухаренко об «отсутствии принципиальной разницы между так называемой черняховской и вельбарской культурами» [1980, с. 75]. Сделанный им вывод базируется, очевидно, на наличии памятников, в которых проявляются вельбарские и черняховские компоненты.

Естественно, вельбарские племена, обитая в чужой среде, не могли не воспринять черты культуры, присущие местному населению, иногда смешивались с ним. В свою очередь, местное население воспринимало вельбарские элементы, в основном украшения, некоторые формы керамики. Этот процесс наиболее активно происходил на Волыни, меньше в Южном Побужье, Нижнем Поднепровье, Северо-Западном Причерноморье. Однако носители вельбарской культуры все же сохранили свои отличительные черты на всем протяжении пребывания в среде черняховских племен. Для того чтобы убедиться в этом, достаточно провести сравнительный анализ материалов вельбарских поселений и поселений черняховской культуры, отличающихся между собой характером жилых построек, лепным керамическим комплексом. Об этом же свидетельствуют материалы вельбарских могильников, имеющих мало общего с могильниками черняховской культуры.

В связи со сказанным интересны материалы поселения III—IV вв. у с. Великая Слободка II в Среднем Поднестровье. Здесь преобладает гончарная керамика. Все лепные сосуды имеют аналогии в пшеворской и вельбарской культурах. Жилища представлены прямоугольными углубленными сооружениями, близкими к постройкам пшеворской культуры. Однако на поселении открыто и большое многокамерное сооружение, аналогичное «большим домам» вельбарской культуры. Материалы поселения четко отличаются от синхронных черняховских памятников Среднего Поднестровья (Бакота, Сокол, Теремцы и др.). Вполне очевидно, что вельбарское население сыграло определенную роль в истории черняховской культуры, являясь одной из ее составных частей. Наиболее целостным массивом вельбарские древности представлены лишь на Волыни, а в III в. н. э. и в Южном Побужье. На остальной территории распространения черняховских памятников, кромс Верхнего Поднестровья, отмечены отдельные вельбарские элементы. Они, по мнению исследователей, являются археологическими следами переселения вельбарских племен на юг [Баран, 1981, с 159—160]. В целом же все составные части материальной и духовной культуры вельбарских племен не имеют генетических корней на рассматриваемой территории. Вельбарская культура исчезает в IV в. н. э., не оставив каких-либо

заметных следов в культуре славян раннего средневековья.

Вопрос об этнической принадлежности вельбарских племен очень сложный. На раннем этапе своего существования на территории Польши в ней наблюдаются черты, связывающие ее с субстратной оксывской культурой. Некоторые элементы роднят ее со Скандинавией и более широким кругом западных и североевропейских культур. В ходе продвижения на восток, в частности на территорию Мазовии и Подлясья, вельбарское население смешивается с местными пшеворскими племенами. Этот процесс хорошо изучен польскими исследователями [Godlowski, 1970; Okulicz, 1970].

Очевидно, именно такие разноэтнические группы пшеворского и вельбарского населения продвигались на территорию Волыни и Южного Побужья. Взаимодействие между ними, усложненное пребыванием в новой культурной среде, с одной стороны, влияние провинциально-римской культуры — с другой, и создает своеобразие вельбарских памятников на территории Волыни и Подолии. Последним, по-видимому, объясняется их отличие от вельбарских памятников Польши.

Анализ материальной культуры вельбарских племен Волыни и Подолии, проведенные выше, позволяет выделить в ней вельбарские, пшеворские, сарматские и другие элементы, находившиеся в процессе интеграции, оставшейся незавершенной. Большинство польских и советских исследователей, изучающих вельбарские древности, называют в числе их носителей готов, а также другие германские племена. Возможно, в состав этой культуры входили и негерманские этнические группы, вовлеченные в общий миграционный поток готов. Их дифференциация на сегодняшнем уровне изучения вельбарской культуры невозможна.

III СЛАВЯНСКИЕ КУЛЬТУРЫ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

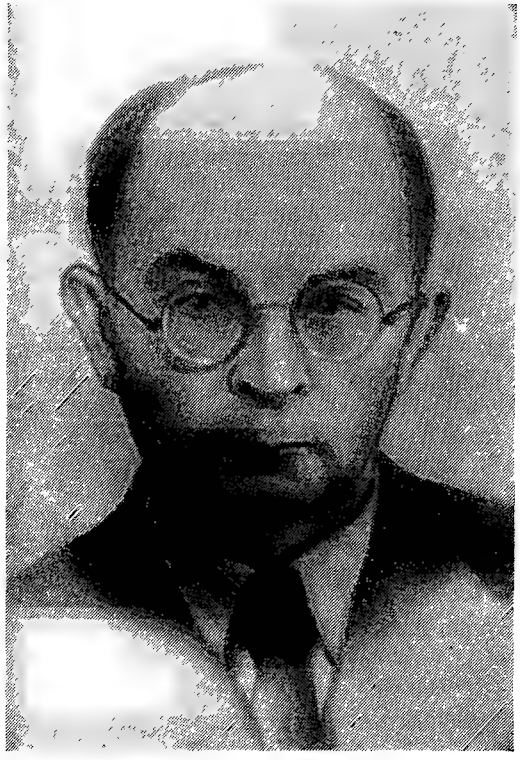
Пражская культура

Памятники пражской культуры открыты еще в конце XIX — начале XX в. С. С. Гамченко между селами Мирополь и Ульха на Волыни [Гамченко, 1901, с. 357]. Первая попытка их систематизации была сделана И. Борковским [1940]. Он впервые выделил славянские памятники третьей четверти I тыс. н. э. на территории Средней Европы в отдельную культурно-хронологическую группу. Название пражской культура получила от нахождения славянской керамики в Праге.

Планомерные раскопки памятников пражской культуры как в СССР, так и в ряде стран Центральной Европы (Чехословакия, ГДР, Польша, Румыния, Болгария) начались в 50-х годах.

На территории Украинской ССР крупномасштабные исследования поселений пражской культуры осуществлены на Волыни, в Поднестровье и Попрутье. Ю. В. Кухаренко в 50-е годы произвел раскопки нескольких поселений и городища у с. Хотомель Брестской области и у с. Бабка Ровенской области, а также небольшой курганной группы у с. Мирополь [Кухаренко, 1961]. Широкие исследования в Житомирской области начиная с 1959 г. проведены И. П. Русановой. Полностью обследованы три небольших поселения у с. Корчак, а также произведены раскопки на поселениях у сел Тетеревка, Буки, Гальск и на могильнике возле с. Мирополь. Путем разведки обследованы многие притоки р. Припять [Русанова, 1973]. Возле

с. Лука-Райковецкая на Житомирщине несколько поселений с керамикой пражского типа исследовал В. К. Гончаров [1963]. В 1956—1964 гг. в бассейне Западного Буга В. В. Аулихом и Ю. Н. Захаруком почти полностью раскопано городище у с. Зимно; В. Д. Баран и В. В. Аулих произвели раскопки трех поселений у с. Репнев [Баран, 1972]; на р. Стоход И. П. Русановой и В. К. Воляником исследовалось поселение у с. Подрожье. В 60—70-х годах значительные по масштабам исследования памятников пражской культуры проведены в Поднестровье и Попрутье. В. Д. Баран исследовал поселения у сел Бовшев, Демьянов, Зеленый Гай, Г. И. Смирнова — возле с. Незвиско Ивано-Франковской области, С. П. Пачкова — у с. Горошова Тернопольской области [Баран, 1972]; И. С. Винокур и О. М. Приходнюк произвели раскопки вблизи сел Устье, Городок, Бакота, Лука-Каветчинская, Сокол и др. Хмельницкой области [Приходнюк, 1975]. В Черновицкой области В. Д. Бараном полностью раскопано большое поселение у с. Рашков; И. П. Русановой и Б. А. Тимощуком почти полностью исследовано поселение у с. Кодын, кроме того, Б. А. Тимощук открыл и частично исследовал около 30 поселений в этом регионе; Л. В. Вакуленко произвела раскопки на поселении у с. Глубокая [Тимощук, 1976, с. 146—168].



В. П. Петров.

Таким образом, в настоящее время на территории Юго-Восточной и Средней Европы известно около 500 памятников и местонахождений пражской культуры, из них около половины — на территории Украины. Многие памятники (Корчак VII и IX, Зимно, Городок, Лука-Каветчинская, Бакота, Рашков III, Кодын I, Шелиги, Могила, Бжезно, Дессау-Мозиккау, Пржитлуки, Серата Монтеору и др.) раскопаны полностью или почти полностью. Материалы большинства открытых памятников опубликованы и обобщены в ряде статей и монографий [Кухаренко, 1961; Баран, 1972; Ауліх, 1972; Приходнюк, 1975; Русанова, 1976; Тимощук, 1976; Szymanski, 1967; Bialekova, 1962; Zeman, 1967; Herrmann, 1970; Donat, 1980].

Несмотря на относительно хорошую изученность пражской культуры, многие положения, касающиеся вопросов формирования пражских древностей, их локальных отличий, взаимосвязей с другими синхронными славянскими и неславянскими культурами, остаются спорными и дискуссионными. Особенно остро стоит вопрос о происхождении славянских культур раннего средневековья, в том числе пражских древностей и о их взаимоотношениях с культурами позднеримского времени — черняховской, пшеворской, киевской. Важным вопросом является определение той первоначальной территории, где появляются наиболее ранние поселения пражской культуры,

установление их изначальной даты и пр.

Значительный материал, накопленный в последние десятилетия, позволяет с достаточной полнотой охарактеризовать пражскую культуру на всей территории ее распространения. В данном разделе мы рассмотрим памятники, открытые на территории УССР, материалы других территорий будут привлекаться для дополнительной характеристики культуры и освещения имеющихся региональных различий.

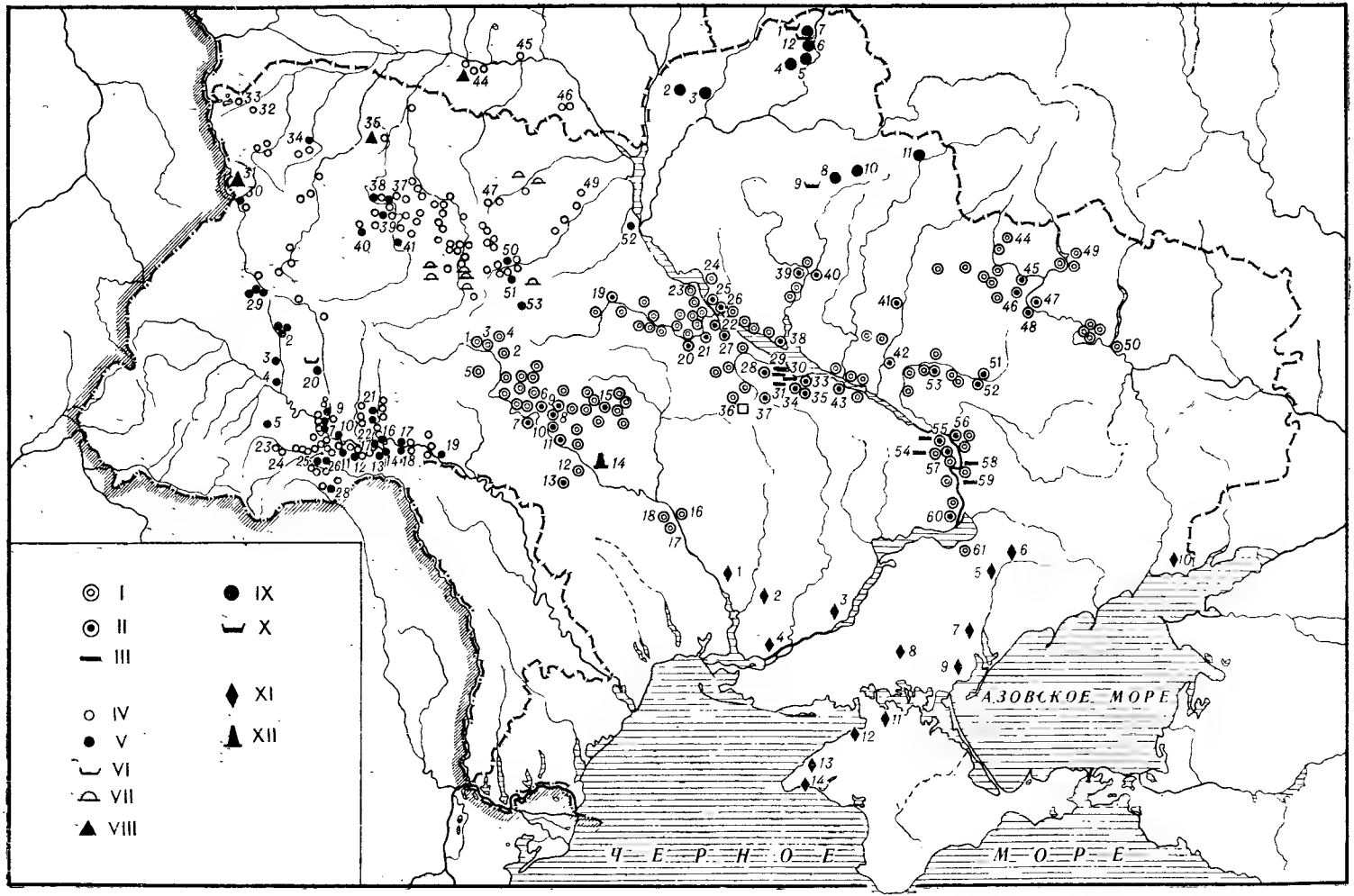
Пражская культура занимает большую территорию от правобережья Верхнего Днепра и Припяти до Эльбы и Дуная. С северо-востока к ней примыкают памятники колочинской культуры, с юго-востока — пеньковской, на северо-западе и западе она граничит с балтскими и германскими культурами, на юге — с культурами кочевников. В Верхнем Поднепровье памятники колочинской культуры частично заходят на территорию, занятую пражской культурой. В междуречье Днестра и Дуная пражские памятники перемежаются с пеньковскими древностями.

Наиболее полно в пражской культуре исследованы поселения; другие категории памятников изучены хуже. Поселения представляют собой открытые неукрепленные селища, где проживала основная часть населения. Известны единичные укрепленные поселения-городища: Зимно на р. Луге — правом притоке Западного Буга и Шелиги на левом берегу р. Слупянки — правом притоке Вислы.

Поселения расположены на берегах больших рек и их притоков, ручьев, водоемов, родников — главным образом на местах, пригодных для земледелия и скотоводства, что отвечало характеру занятий их обитателей. Нередко поселения размещены группами на расстоянии 0,5—3 км друг от друга. Многие из них занимают низкие окраины первых надпойменных террас, возвышенные места в долинах рек; значительно меньшее количество поселений находится на открытых местах высоких плато.

Размеры поселений не превышают 0,5—1 га. Количество жилищ в среднем достигает 20—30 построек, но известны поселения с меньшим и значительно бóльшим количеством жилищ. Например, на полностью раскопанных трех поселениях у с. Корчак, расположенных в большой долине р. Тетерев, открыто 6,12 и 16 жилищ, на поселении Рашков III на Днестре — 92 жилища и 53 хозяйственные ямы, а на разрушенном земляными работами участке и в обвалившейся кромке берега этого же поселения могло быть еще 10—15 жилищ. То есть в Рашкове III было более 100 полуземляночных жилищ. Однако следует учитывать, что многие жилища на поселениях разновременные, поэтому полуземлянок, функционировавших одновременно, значительно меньше. На Волыни И. П. Русанова выделяет по 5—6 одновременных жилищ, на Среднем Днестре, где размеры поселений значительно больше, их может быть от 10 до 35. На поселении Рашков III в каждом из трех выделенных В. Д. Бараном хронологических периодов существовало одновременно от 21 до 35 жилищ.

Наблюдается определенная закономерность, свидетельствующая о том, что в северных, полесских районах поселения пражской культуры были в основном небольшими, в то время как на Днестре существовали селища значительных размеров с бóльшим количеством домов. Постройки размещались во многих случаях небольшими группами на близком расстоянии друг от друга без определенной системы. Известны поселения, где жилища построены двумя рядами вдоль речного берега (Устье) или расположены гнездами по три-семь жилищ, причем расстояние между ними всегда меньше, чем между отдельными гнездами. Между жилищами находились хозяйственные ямы. Нередко они располагались рядом с определенными жили-


I
II
III
IV
V
VI
VII
VIII
IX
X
XI
XII
АЗОВСКОЕ МОРЕ
Ч Е Р Н О Е
М О Р Е

щами, составляя с ними единый хозяйственный комплекс. На полностью исследованном поселении Рашков III все жилые и хозяйственные одновременные постройки расположены группами по два, три, пять и более жилищ, составляя один двор с общими хозяйственными сооружениями.

Особое место среди укрепленных поселений пражской культуры занимает городище у с. Зимно Волынской области — наиболее ранний укрепленный пункт на славянских землях раннего средневековья [Аулих, 1972]. Оно расположено на останце высокого коренного берега р. Луга. Мыс длиной 135 и шириной 14 м поднимается над окружающей низменностью на 15—16 м. Городище занимает наиболее высокую центральную часть мыса. Края склонов в наиболее широких местах подсыпаны землей, что делало их более отвесными и неприступными. Юго-западный склон городища укреплен валом и деревянной стеной с частоколом. С северо-восточной стороны поселения — отвесный неприступный склон, укрепленный, по-видимому, лишь легким частоколом, так как каких-либо выразительных следов деревянных укреплений проследить не удалось.

Под деревянной стеной с внутренней стороны выявлены ямы от столбов, а между ними очаги, скопления обожженной глины, большое количество фрагментов лепной керамики, кости животных, изделия из металла. Все это свидетельствует о том, что около стены стояла длинная деревянная постройка, разделенная на отдельные камеры. Она тянется вдоль всей юго-западной части городища и конструктивно связана с деревянной стеной.

Горизонт раннеславянского городища стратиграфически четко отделяется

Карта 3.

Карта памятников культур третьей четверти I тыс. н. э.:

I — поселения пеньковской культуры, не подвергавшиеся раскопкам;
II — раскопанные поселения пеньковской культуры;
III — погребения и могильники пеньковской культуры;
IV — поселения пражской культуры, не подвергавшиеся раскопкам;
V — раскопанные поселения пражской культуры;
VI — погребения пражской культуры;
VII — курганы пражской культуры;
VIII — городища пражской культуры;
IX — поселения колочинской культуры;
X — могильники колочинской культуры;
XI — погребения кочевников;
XII — металлургический центр пеньковской культуры.

Пеньковская культура:

1 — Пиков;
2 — Иванов (Янов);
3 — Байковка;
4 — Глинское;
5 — Якушин;
6 — Самчинцы;
7 — Семенки;
8 — Кисляк;
9 — Куня;
10 — Ладыжин;
11 — Скибинцы;
12 — Балановка;
13 — Луги;
14 — Гайворон;
15 — Кочубеевка;
16 — Семеновка;
17—18 — Ивановка;
19 — Белая Церковь;
20 — Вильховчин;
21 — Гута-Михайловская;
22 — Крещатик;
23 — Григоровка;
24 — Цыбли;
25 — Домантова;
26 — Сушки;
27 — Будище;
28 — Стецовка;
29—32 — Большая Андрусовка;
33 — 35 — Пеньковка (Луг I, II, Молочарня);
36 — Пастырское;
37 — Беляевка;
38 — Жовнин;
39 — Хитцы;
40 — Засулье;
41 — Прогресс;
42 — Полузорье;
43 — Деревка;
44 — Липцы;
45 — Сухая Гомольша;
46 — Занки;
47 — Задонецкое;
48 — Таранцево;
49 — Петровское;
50 — Студенок;
51 — Чернетчина;
52 — Богатое;
53 — Осиповка;
54—55 — Волошское;
56 — Игрень;
57 — Звонецкое;
58 — Васильевка;
59 — Запорожец;
60 — Хортица;
61 — Скелька.

Пражская культура:

1 — Ужгород;
2 — Бовшев I, II, III;
3 — Демьянов I;
4 — Крилос;
5 — Волосов;
6 — Зеленый Гай;
7 — Городница;
8 — Колодревка;
9 — Каспаровка;
10 — Мусоровка;
11 — Перебыковцы;
12 — Рашков III;
13 — Каветчина;
14 — Сокол;
15 — Устье;
16 — Лука-Врублевецкая;
17 — Бакота;
18 — Студеница;
19 — Козлов;
20 — Звиняч I, II;
21 — Городок;
22 — Купин I;
23 — Банилов;
24 — Вашковцы;
25 — Гореча I, II;
26 — Кодын;
27 — Каменка;
28 — Глубокая I;
29 — Репнев I, II, III;
30 — Лежница;
31 — Зимнее;
32 — Легины;
33 — Краски;
34 — Подрожье;
35 — Бабка;
36 — Люблино;
37 — Зозов;
38 — Городок I;
39 — Колесники I;
40 — Липа;
41 — Курганы;
42 — Курчинцы;
43 — Глубочка;
44 — Хильчицы;
45 — Петриков;
46 — Демидовичи;
47 — Рудня;
48 — Ущица;
49 — Ризня;
50 — Корчак;
51 — Тетеревка;
52 — Киев;
53 — Райки.

Колочинская культура:

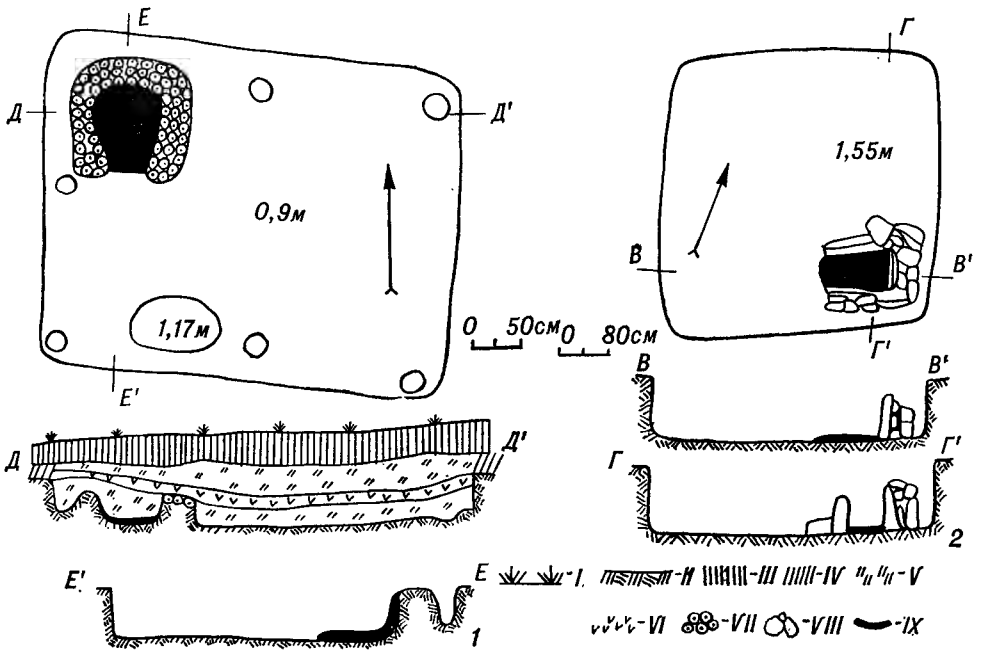
1 — Смяч;
2 — Рощще;
3 — Ровчак;
4 — Заярье;
5 — Левкин Бугор;
6 — Стрелица;
7 — Целиков Бугор;
8 — Раковая Сечь;
9 — Артюховка;
10 — Великие Будки;
11 — Груновка.

Памятники кочевников:

1 — Новая Одесса;
2 — Христофоровка;
3 — Костогрызово;
4 — Белозерка;
5 — Аккерманы;
6 — Большой Токмак;
7 — Малотерновка;
8 — Сивашское;
9 — Сивашовка;
10 — Октябрьское;
11 — Ржовое;
12 — Портовое;
13 — Черноморское;
14 — Беляус.

от нижнего более раннего слоя с материалами моравской расписной, линейно-ленточной и поморской культур. На городище найдено около 20 000 фрагментов исключительно лепной славянской керамики и около 200 изделий из железа, бронзы, серебра, стекла, кости и камня. Это орудия труда, предметы быта, вооружения, украшения, конская сбруя и пр. Нали-

На территории пражской культуры городища известны у с. Хотомель Брестской области [Кухаренко, 1961], а в Польше возле с. Шелиги Плоцкого воеводства [Szymanski, 1967]. Эти



чие отливных формочек из мергеля, бронзовых слитков, заготовок и полуфабрикатов свидетельствует, что городище являлось значительным производственным центром.

Близкое по своей топографии поселение открыто на правом берегу Западного Буга у с. Лежница Волынской области. Оно размещалось на мысу, возвышающемся над окружающей долиной на 15—20 м. Собранный подъемный материал, в частности лепная керамика VII в., свидетельствует, что поселение в какой-то мере синхронно зимновскому городищу и, несомненно, близко ему топографически. Вполне вероятно, что в процессе раскопок могут быть выявлены и следы искусственных укреплений.

городища в отличие от Зимно могут быть датированы не ранее VII—VIII вв., хотя по своему характеру они довольно близки к последнему. Городища являлись важными политическими и экономическими центрами, а также служили убежищами в случае военной опасности. Для жилищ пражской культуры в большинстве районов ее распространения характерны общие черты, но на территории между Вислой и Одером они имеют свои конструктивные особенности.

На территории современной Украины в междуречье Днепра и Западного Буга открыто более 300 жилищ. Основным их типом была квадратная полуземлянка с ровными стенами, опущенная в землю на глубину до 1 м и

больше, нижняя часть которой в большинстве случаев достигала материка. Жилища в основном небольшие, их размеры колеблются от 6 до 20 м². Жилища имели столбовую или сруб-

Рис. 29. Пражская культура. Планы и разрезы жилищ из Репнева II (1) и Рашкова III (2): I — современная поверхность; II — материк; III — слой дерна; IV — переходной слой; V — гумусированное заполнение; VI — сажистая прослойка; VII — глиняная обмазка; VIII — камни; IX — глиняный под.

ную конструкцию стен, что определяется наличием или отсутствием столбовых ям в материковом полу. Ямы от столбов расположены по углам жилищ, а нередко и посередине двух или четырех стен. Они либо отступают несколько от материковых стен, либо врезаются в них, нередко наполовину выступая за пределы котлована. От этого в значительной степени зависела сама конструкция стен. Горизонтальные плахи, из которых сложены стены, впускались в специально вырезанные пазы столбов или прижимались столбами к материковым стенам, а в наземной части — к специальной земляной подсыпке. Каркас двухскатной крыши также был деревянным. Верхние концы лаг крепились к коньку, поставленному на два более высоких столба, вкопанных в пол в центральной части противоположных стен; нижние — к верхнему венцу плах самих стен, опускаясь несколько ниже. Деревянный каркас крыши обшивался слоем соломы или камыша, а сверху покрывался слоем земли.

В срубных жилищах, в отличие от столбовых, продольные плахи, из которых сложены стены, крепились в обло или в лапу. Встречаются жилища, деревянные стены которых с внутренней стороны подмазывались глиной. Внутреннее устройство жилищ отличалось простотой и неприхотливостью. Пол обычно земляной, материковый, хорошо утрамбованный, иногда подмазан глиной. На поселении Рашков III в одном из исследованных жилищ, погибшем при пожаре, хорошо прослежены остатки пола, выложенного деревянными плахами.

В земляном полу, кроме ям от столбов, связанных с конструкцией самого жилища, имеются небольшие ямки, иногда заполненные обугленным деревом, по-видимому, от ножек различной мебели. В некоторых жилищах вдоль стен открыты так называемые прилавки, вырезанные в материке или подсыпанные глиной со следами деревянной облицовки, служившие скамейками или лежанками. Известны жилища, в которых под полом выкопаны ямы. На уровне пола они, очевидно, перекрывались деревянным настилом.

Неотъемлемым атрибутом полуземлянки пражской культуры была печь, наличие или отсутствие которой и определяло жилое или хозяйственное назначение помещения. Печи в подавляющем большинстве сложены из камней, лишь на поселениях в верховьях Западного Буга (три поселения у с. Репнев) все печи сделаны из глины. Такие же печи открыты и в отдельных жилищах на поселениях Полесья (Подрожье, Городок, Зозов и др.). По-видимому, это объясняется тем, что вблизи поселений не было выходов камня. Глиняные печи на территории Украины становятся основным отопительным сооружением славян в более позднее время.

Ставились печки в одном из углов жилища, главным образом в северной его части. Но известны случаи, когда печь стоит в южной части жилища. Между печью и материковой стенкой имеется пространство, соответствующее толщине деревянной облицовки. Однако в большинстве жилищ стенки печи плотно прилегают к материковым стенкам полуземлянки.

Для постройки глиняных печей в одном из углов жилища оставлялся глиняный материковый останец, в котором вырезалась основа печи. Стенки печи-каменки складывались из крупных колотых камней или плит, поставленных на ребро. Купол печи также состоял из плитчатых камней, поверх

которых укладывались более мелкие камни. Мелкими камнями забутовывались и стенки. Камни никогда не скреплялись каким-либо раствором. Топка печей небольшая, в среднем 0,4×0,6 м, высота 0,3—0,5 м. Под, подмазанный глиной, очень редко сложен из каменных плиток или фрагментов сосудов. Он почти всегда находился на уровне пола и редко опускался либо поднимался выше него. Свод сооружался из овальных глиняных вальков, скрепленных глиной. Размеры топок такие же, как и у печей-каменок. В единичных случаях вместо печей открыты очаги, иногда сложенные из камня.

Такие же или очень близкие по характеру славянские жилища известны в большинстве регионов распространения пражской культуры. Они выявлены на поселениях в междуречье Днестра и Дуная, на территории Словакии, Моравии и Чехии, а также в междуречье Эльбы и Заале.

Между Вислой и Одером домостроительство на поселениях пражской культуры иное. Здесь преобладают жилища овальной удлиненной формы с глиняными или сложенными из камней очагами. Эти очевидные различия в конструкции внутреннего устройства жилищ несомненно свидетельствуют об иных, свойственных для упомянутого региона традициях. Квадратные жилища с печью-каменкой, очень редко — с глиняной печью, известны лишь на правобережье Верхней Вислы, где они составляют одну региональную группу с памятниками междуречья Днепра и Вислы. Такие же жилища открыты и на отдельных поселениях прибрежной части левого берега Вислы (Могила), но глубже они не встречаются.

Характеристику поселений пражской культуры на современной территории Украины следует дополнить описанием хозяйственных построек. Их количество всегда меньше количества жилищ. Возможно, многие из них были наземными, поэтому их следы не обнаружены. Все открытые хозяйственные ямы имели в плане овальную форму, близкую к округлой, в разрезе чаще коническую. Встречаются ямы с ровными вертикальными стенками или несколько выпуклыми посередине, а также грушевидные. Глубина ям колеблется в среднем от 1 до 2 м от современной поверхности.

На памятниках пражской культуры известны объекты производственного характера. Среди них следует отметить три печи, связанные с производством металлических изделий (Репнев II). Они вырезаны в материковых бортах жилища № 31: две —с восточной, одна — с северной стороны. Форма печей близка к округлой. Стенки и под подмазаны глиной и сильно обожжены. Под каждой из печей имеет подкладку из обломков раздавленных лепных сосудов. Внутренние размеры печей от 1,05×1,06 до 1,25×1,57 м. Заполнение состояло из сажистого гумуса, железных шлаков, кусков крицы. В одной из печей прослежены окиси меди. Жилище № 31 отличается от других жилищ репневского поселения тем, что в его восточной стенке вырезана выемка для более удобного подхода к печам. Кроме того, в полу жилища напротив печей находились две ямы (диаметром 0,7 и 1,0 м, глубиной 0,22 и 0,26 м), по-видимому, для закаливания железных изделий. Несомненно, жилище и печи связаны между собой и составляют единый производственный комплекс.

Важный материал для понимания любой археологической культуры дают могильники. К сожалению, на территории Украинской ССР могильники пражской культуры исследованы в очень скромных масштабах. Материала для характеристики погребального обряда населения пражской культуры немного. Могильники и единичные погребения открыты возле сел Тетеревка, Бабка на Волыни, Звиняч Тернопольской области, г. Ужгород и др. Всего на территории Украины известно 12 могильников и отдельных погребений. Могильники пражской

культуры более широко исследованы в Румынии и Чехословакии, в частности Серата Монтеору [Nestor, 1957], Вычепы—Опатовице, Пржитлуки [Budinsku—Kricka 1947; Poulik, 1950]. Известны могильники пражской культуры в ГДР и Польше (Hermann, 1968; Krüger, 1967; Русанова, 1976].

Количество погребений на могильниках различное, во многих случаях оно не превышает и 20, но известны и большие поля погребений, насчитывающие сотни и тысячи погребенных (Пржитлуки — 436, Серата Монтеору — около 2000 погребений).

На территории Украины, в связи со слабой изученностью могильников пражской культуры, какой-либо закономерности в расположении захоронений проследить не удалось. На таких крупных могильниках, как Пржитлуки в Моравии и Серата Монтеору в Добрудже, прослеживается, хотя и не всегда, четкое групповое расположение погребений по 2—3, реже — по 5—6 в группе.

Наиболее ранние погребения (VI—VII вв.) плоские, без насыпей. Лишь на территории Восточной Волыни открыты курганные погребения, но они более характерны для VIII—IX вв. Бескурганные могильники расположены вблизи селищ и городищ. Характерной чертой погребального обряда является трупосожжение. Преобладают урновые погребения, но параллельно с ними, на одних и тех же могильниках известны погребения в грунтовых ямах. Глубина ям, куда ставились урны, 0,2—0,6, диаметром 0,2—0,8 м. На территории Волыни и Поднестровья ямные погребения пока не известны. Они обнаружены в Словакии, Моравии, Польше, а на могильнике в Серата Монтеору ямные погребения количественно преобладают над урновыми. Вместе с небольшой кучкой костей в яму иногда, но очень редко, ставили лепной сосуд, клали украшения, личные вещи. Сожжение производилось на стороне, кости, собранные в урнах, очищены от погребального костра. В Ужгороде открыты урны, стоявшие на вымостке из камней, сверху перекрытых остатками костра. Кострища диаметром около 3 м открыты на глубине 1,5—2,0 м. Как в урновых, так и в ямных погребениях вещей очень мало. Иногда встречаются железные ножи, пряжки, фибулы, оплавившиеся стеклянные бусы и наконечники стрел.

Курганные группы обычно располагались на высоких берегах рек вдали от поселений (Мирополь, Корчах, Буда Шиецкая и др.) [Русанова, 1976]. Насыпи невысокие, до 1,0 м, диаметр 4—10 м. Они обычно округлые, обнесены небольшими рвами. Урны с пережженными костями стоят на небольших ритуальных кострищах, на уровне древнего горизонта. Само сожжение происходило на стороне. Безурновые сожжения открыты в насыпях курганов, а также на горизонте и в ямках, вырытых в материке. Погребения сопровождаются отдельными сосудами или обломками нескольких разбитых сосудов.

Вещественный материал, собранный на поселениях и могильниках, состоит из керамики, изделий из металла, кости и камня. Долгое время в археологической литературе преобладало мнение о том, что пражской культуре присуща исключительно лепная посуда. Последние исследования на современной территории Украины показали, что оно верно лишь для периода VI—VII вв. На поселениях пражской культуры, возникших в более раннее время (V в.), известны комплексы, включающие помимо лепной и гончарную посуду, типичную для памятников второй четверти I тыс. н. э. Такие поселения открыты на Верхнем и Среднем Днестре (Зеленый Гай, Рашков II и III, Устье, Лука-Каветчинская и др.) и в Попрутье (Кодын I).

Гончарной керамики немного, около 15% керамического комплекса. Она представлена кухонными горшками, изготовленными из глины со значительными примесями песка и кварца, но встречаются и единичные лощеные

столовые миски. Керамика изготовлена по образцам провинциально-римской посуды, широко бытующей в комплексах черняховской и других культур римского времени на территории Средней и Юго-Восточной Европы. В отличие от памятников второй четверти I тыс. н. э. в комплексах славянских жилищ V в. ее значительно меньше; отсутствуют изысканные формы, богатая орнаментация. Гончарная керамика лишь сопутствует лепной посуде, которая в V—VII вв. становится основной в быту славянского населения пражской культуры. С упадком Римской империи прекращается деятельность гончарных центров в Юго-Восточной и Средней Европе, гончарная посуда высокого качества постепенно выходит из употребления. Возможно, ее отсутствие компенсируется в какой-то степени деревянной столовой посудой, изготовленной на токарном станке, хорошо известном славянам в это время.

Отметим еще некоторые особенности развития керамики пражской культуры в период ее становления. В комплексах V в. лепная посуда представлена одной формой — горшком. Единичные лепные миски встречаются исключительно редко, и по форме они напоминают миски позднеримского времени. Лишь в конце V — начале VI в. появляются сковородки. Для горшков периода становления пражской культуры характерны неустойчивость формы, продолжение традиций более ранней черняховской лепной по-

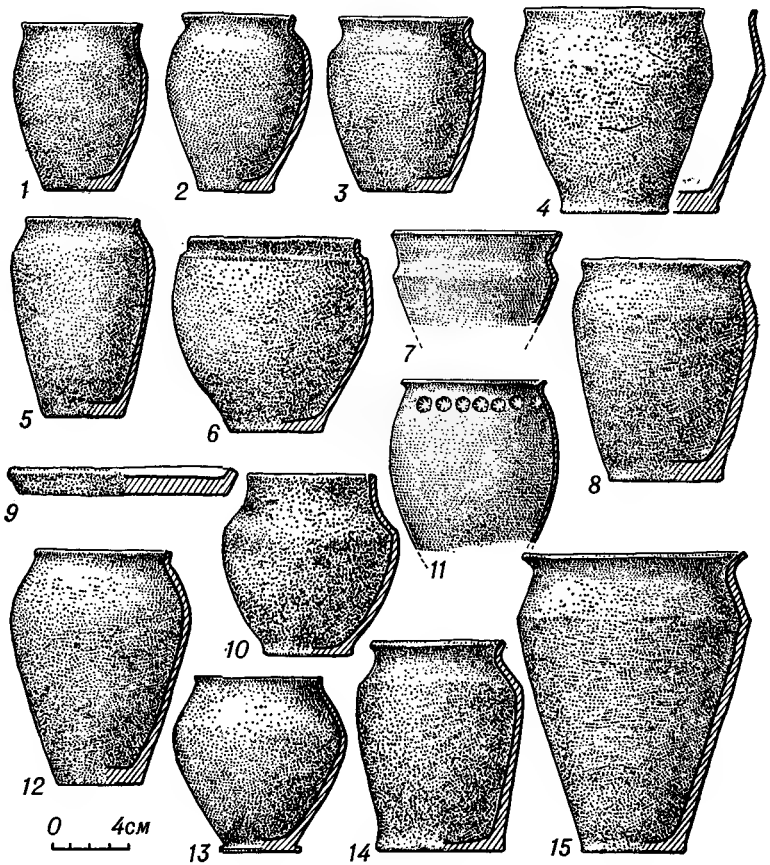


Рис. 30.
Пражская культура.
Лепная керамика:
1—4, 7—10, 13—15 — Рашков III;
5 — Корчак;
6 — Репнев II;
11 — Зеленый Гай;
12 — Кодын I.

суды, а также подражание гончарным сосудам.

Лепные горшки подразделяются на ряд типов, среди которых выделяются сосуды с низким еле отогнутым венчиком, высоко поставленными плечиками, слегка выпуклым стройным корпусом и узким плоским дном, характерные для посуды пражской культуры в VI в. В жилищах V в. эти формы по количеству уступают другим, более архаическим. Но в конце V — начале VI в. их количество увеличивается, и в некоторых регионах (Волынь) они занимают ведущее место в памятниках пражской культуры. Другие формы горшков с более пологими плечиками, иногда коническим корпусом количественно несколько уменьшаются, но всегда присутствуют в комплексах, особенно в Поднестровье. Значительно меньше их на памятниках Восточной Волыни, представляющих определенную локальную группу пражских древностей, известную под названием корчакский тип.

Значительно меньшую группу лепной посуды составляют сковородки. У них низкий бортик и толстое плоское днище. Иногда, но очень редко, встречаются небольшие толстостенные мисочки с ребристым бочком, использовавшиеся, возможно, в качестве светильников.

В глине посуды значительные примеси шамота, иногда дресвы или песка. Поверхность бугристая, изредка несколько заглаженная, цвет коричневый, с желтоватым или темным оттенком.

У некоторых сосудов под венчиком нанесен орнамент в виде валика с косыми насечками. Иногда и валик, и края венчика украшены косыми насечками или зигзагообразной линией. Известны отдельные сосуды, украшенные штампованным орнаментом в виде розетки.

В состав керамических комплексов жилищ входят глиняные пряслица и единичные глиняные грузила и льячки. Пряслица биконической формы, плоские или высокие, иногда они орнаментированы наколами. На поселениях пражского типа довольно скромно представлены орудия труда, предметы быта и украшения, но значительное их количество найдено на городище у с. Зимно.

Земледельческие орудия представлены единичными находками широколезвийных наральников (Городок, Бакота на Днестре), серпами, косами и пр. Серпы довольно развитой формы с прямым длинным черенком. Они найдены на поселениях Звиняч, Лысогорка, Горошова и других поселениях. Косы-горбуши найдены на городищах Зимно на Волыни, Устье и Городок на Днестре. На зимновском городище обнаружены кузнечные и деревообрабатывающие орудия: наковальня, зубила, молотки, токарный резец, а также пряслица из мергеля, выточенные на токарном станке. Орудия из кости представлены различными проколками, каменные — литейными формочками. Почти на каждом поселении встречаются жерновые камни. Из предметов быта найдены ножи с прямой и дуговидной спинкой, шилья и пр. На ряде поселений, особенно на зимновском городище, выявлены предметы вооружения: наконечники копий и дротиков, а также втульчатые и черенковые наконечники стрел. Последние представлены несколькими типами: двухкрыльчатые, ромбовидные, листовидные.

Предметы личного убора и украшения также в основном найдены в зимновском городище. На поселениях они встречаются довольно редко. Изготовлены они главным образом из бронзы, железа, а также серебра. Это различного типа пряжки, кольца, нашивные бляшки, нередко искусно орнаментированные или изображающие птицу, браслеты с утолщенными круглыми или гранеными концами, дуговидные и пальчатые фибулы, различные спирали. Стеклянные изделия представлены разноцветными бусинами. Уникальными находками на славянских памятниках VI—VII вв. яв-

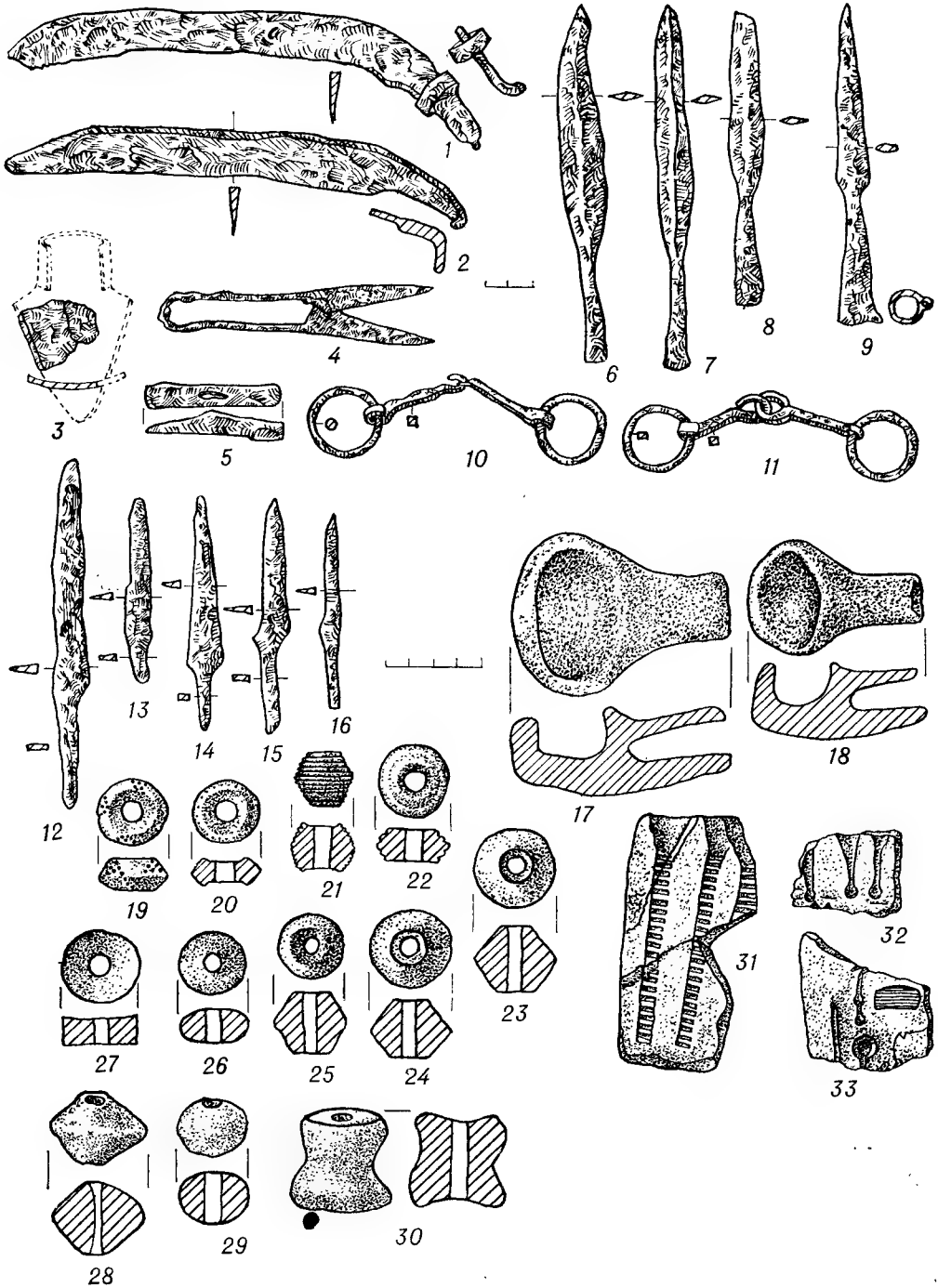


Рис. 31.
Пражская культура.
Орудия труда
(1—5, 12—33), оружие
и снаряжение
всадника (6—11):
1, 3, 12, 13, 27—30 — Городок; 2, 5—11, 17—22, 31—33 — Зимно;
4, 14—16, 23—26 — Рашков III.

ляются серебряный перстень с инкрустацией и бронзовый колокольчик, найденные на городище Зимно. Значительная часть предметов личного убора и украшений относится к кругу находок, известных в литературе под названием европейской дружинной культуры [Рыбаков, 1953, с. 63].

Хронология памятников пражской культуры пока разработана недостаточно. Крайние даты культуры — в пределах V—VII вв. н. э. Они обоснованы находками фибул, браслетов, пряжек и других хорошо датированных предметов из металла, найденных в жилищных комплексах или хорошо стратифицированных слоях, а также типологией керамики.

Нижняя дата пражской культуры на территории Украинской ССР определяется жилищными комплексами, где сочетается лепная и гончарная посуда, многие формы которой восходят к более ранним культурам римского времени — черняховской и карпатских курганов. Такие поселения открыты в Поднестровье и в верховьях Прута (Зеленый Гай, Устье, Бакота, Городок, Рашков II и III, Лука-Каветчинская, Кодын I и др.). На этих поселениях в некоторых жилищах с печами-каменками лепная славянская керамика сочетается с гончарной черняховской. На поселениях Кодын I, Лука-Каветчинская, Бакота такие комплексы датируются позднеримскими фибулами с высокой дужкой не позднее V в. [Тимощук, 1976; Приходнюк, 1982]. На поселении Рашков III (раскопки В. Д. Барана) пять жилищ датированы с помощью археомагнитного метода второй половиной — концом V в. н. э.*

Верхняя граница пражской культуры на основании браслетов, пряжек и бляшек поясного набора, широко представленных на городище у с. Зимно, а также пальчатых фибул, найденных на поселениях Демьянов I, Горошова, Черновка, Рашков III датируется VII в. н. э. [Аулих, 1972; Баран, 1972; Тимощук, Русанова, Михайлина, 1981].

В. Д. Баран, И. П. Русанова, Б. А. Тимощук делят памятники пражской культуры на три хронологических этапа. Определить хронологическую границу между ними довольно трудно — где-то в конце V и в конце VI — начале VII в. Следовательно, первый период относится к V в., второй — к VI, третий — к VII в., но этот вопрос еще требует дальнейшей разработки.

Рассматривая датировку пражской культуры, необходимо отметить, что поселения, где имеются комплексы, датируемые V в., открыты лишь на территории Верхнего и Среднего Поднестровья и в верховьях Прута. В других регионах ее распространения, в том числе и в Повисленье, они пока не известны. Все памятники пражской культуры за пределами указанного региона датируются не ранее VI в. н. э. Датировка их более ранним временем на территории Польши и Словакии базируется на типологии керамики и без подкрепления хорошо датированными изделиями не может считаться обоснованной. Определение региона, где встречаются более ранние памятники пражской культуры, имеет принципиально важное значение для направления поисков ее истоков.

Серьезной разработки требуют вопросы социально-экономического развития славянского населения пражской культуры. В археологической литературе высказаны различные мнения по этим проблемам. Одни ученые считают, что для населения пражской культуры характерны в основном небольшие родовые поселки, в пределах которых жители вели совместное хозяйство, базирующееся на подсечном земледелии, и не выходили за пределы семейной общины. Только на больших, более поздних селищах, население проживало в индивидуальных усадебных хозяйствах, объединяющихся по принципу сельской общины (И. П.

* Датировка проведена старшим научным сотрудником Института геофизики АН УССР Г. Ф. Загнием.

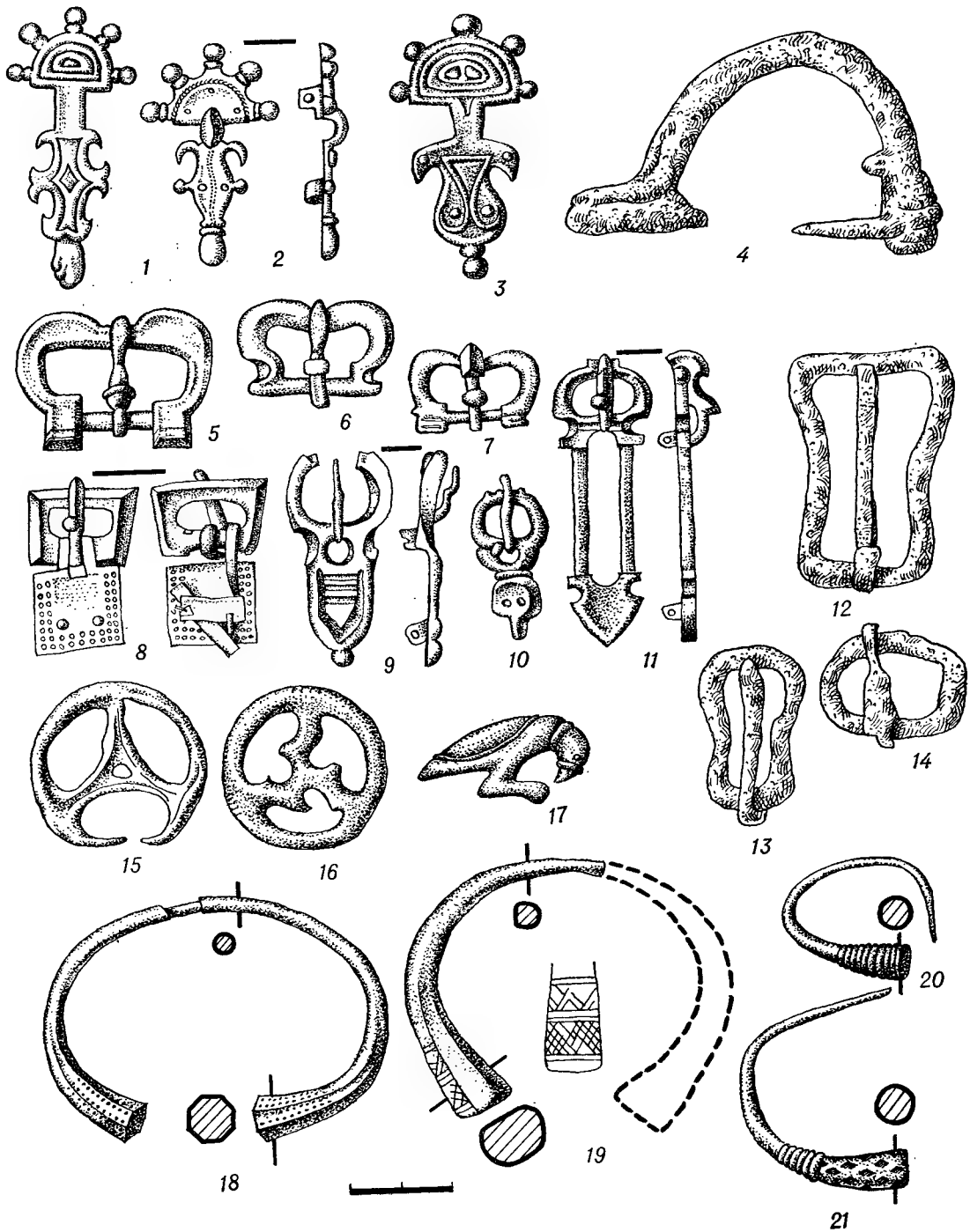


Рис. 32.
Пражская культура.
Предметы личного убора:

1, 5—14, 16—21 — Зимно;
2, 15, 19 — Рашков III;
3 — Черновка I;
4 — Кодын.

Русанова, Б. А. Тимощук). Другие исследователи полагают, что у славян V—VII вв. процесс сложения соседской общины был определяющим (В. Д. Баран, О. М. Приходнюк). Сказанное подтверждается открытыми в последнее время на Среднем Днестре большими поселениями, насчитывающими до 100 домохозяйств (Рашков III, Бакота и др.). На таких поселениях одновременно могло существовать 20—35 жилищ. На полностью исследованном поселении Рашков III одновременные жилища расположены группами по 2—3—7 каждая, составляя отдельные дворы-хозяйства. Зарождается тенденция к выделению индивидуальных жилищ-дворов, но они на большинстве поселений представлены лишь единичными жилищами. Основной экономической ячейкой славянского общества V—VII вв. можно считать большую патриархальную семью. В нее на Рашковском поселении входило от двух до семи малых семей. Каждая большая патриархальная семья представляла собой отдельную хозяйственную единицу — со своим двором, и хозяйственными постройками, в которых преимущественно содержались продукты питания. Последние использовались коллективно, всей семьей, о чем говорит всегда меньшее количество ям, чем жилищ в группе. Таких патриархальных семей на Рашковском поселении, исходя из его планировки, в первом хронологическом периоде было 8 и 1 индивидуальное хозяйство, во втором — 7 и 3 индивидуальных хозяйства, в третьем — 9 и 5 индивидуальных хозяйств. Это позволяет рассматривать славянские селища раннего средневековья (V—VII вв.) как переходную форму от первобытно-соседской к соседской общине. В ней большие патриархальные семьи, наряду с выделившимися малыми семьями, выступают между собой в экономической области как соседи. Внутри они еще сохраняют черты родово-общинного строя, как в хозяйственной, так и в семейной жизни, представляя собой замкнутые коллективы людей, ведущих натуральное хозяйство.

Следует отметить еще одну черту славянских селищ — отсутствие признаков имущественной дифференциации. Из всех исследованных жилищ в Рашкове III ни одно не выделяется своими размерами, конструктивными особенностями и богатством инвентаря. На всех других поселениях V—VII вв. пражской культуры эти признаки также не наблюдаются. В то же время на синхронном славянском городище у с. Зимно на Волыни найден богатый инвентарь: орудия труда, оружие, конская сбруя, более сотни украшений, изготовленных из цветных металлов, а также из серебра, и византийская монета [Ауліх, 1972, с. 4—100]. Оно как по своему местоположению на высоком материковом мысу и укреплениям, так и по богатству находок выделяется среди славянских памятников V—VII вв. Вероятно, это был племенной центр одного из славянских племен (возможно, дулебов) [Баран, 1972, с. 130—136], место пребывания дружины и племенной знати. Из сказанного можно сделать вывод, что имущественная дифференциация славянского общества в V—VII вв. археологически прослеживается только на уровне выделения дружинной и племенной верхушки. На более низких уровнях, в том числе сельской общины, она не прослеживается.

Ведущей отраслью хозяйства населения пражской культуры было земледелие. Поселения всегда расположены в долинах с черноземными почвами. На многих поселениях найдены зерна пшеницы, мягкой, карликовой, двузернянки, ржи, ячменя, пленчатого и голозерного проса, вики, гороха. В обожженных днищах противней, а иногда и сосудов, прослежены отпечатки соломы и половы. На некоторых поселениях (Городок, Бакота) найдены железные наральники. Исходя из природных условий — наличия плодородных земель, не покрытых лесом, а также существования на протяжении длительного времени больших селищ,

можно предположить, что более прогрессивная перелоговая система уже вытесняла во многих районах подсечное земледелие; существовала, по-видимому, и система севооборота — озимые и яровые культуры. Данные письменных источников свидетельствуют о том, что славянское население VI в. обладало большим количеством «...плодов земных, ссыпанных в кучи, особенно проса и пшеницы [Мишулин, 1941, с. 253]. Зерновые культуры собирали с помощью железных серпов, форма большинства которых близка современным (Звиняч, Горошова, Рашков III и др.), а некоторые культуры (ячмень) и с помощью кос, известных на городище Зимно, поселениях Устье, Городок и др. Зерно мололи на ручных жерновах. Жерновые камни найдены на многих поселениях пражской культуры (Зеленый Гай, Бовшев, Рашков III, Лука-Каветчинская и др.).

Видное место в хозяйстве славянского населения пражской культуры занимало скотоводство. Византийский автор VI в. Маврикий Стратег писал, что славяне имели большое количество разнообразного скота. Это подтверждают многочисленные находки костей домашних животных на всех поселениях. Изучение остеологического материала из поселений Репнев I, Зеленый Гай и др. показало, что ведущее место в скотоводстве славянского населения занимал крупный рогатый скот, на втором месте была свинья, на третьем — мелкий рогатый скот; найдены кости лошади и собаки. Отметим, что это традиционное соотношение видов домашних животных в I тыс. н. э. в регионе Днепро-Днестровского междуречья.

Важное значение для понимания экономики славянского населения пражской культуры имеют материалы, связанные с металлургией. На многих поселениях открыты следы плавки металлов в виде железной руды и шлаков (Репнев II, Бовшев II, Зимно, Демьянов I, Городок и др.). Выразительные следы ремесленного производства прослежены на поселениях Репнев II; производственные мастерские раскопаны в Зозове и Кодыне. На последнем обнаружены две постройки с мощными очагами, вокруг которых концентрировались куски железных шлаков, найден обломок железного сосуда, глиняный тигель и пр. Значительным производственным центром было городище Зимно. Здесь, кроме различных металлических изделий — орудий труда, украшений, предметов быта и оружия, найдено около 10 литейных форм, льячки, тигли, наковальня, а также заготовки и полуфабрикаты, слитки бронзы, убедительно свидетельствующие о местном железоделательном и ювелирном производстве [Аулих, 1972]. Зимновские ювелиры владели приемами литья цветных металлов и серебра, холодной ковки и чеканки. На всей раскопанной площади городища Зимно встречены железные шлаки.

Раздробленный железный шлак использовался в качестве примеси при изготовлении посуды. Хотя на городище не открыто специальной мастерской по обработке железа, можно предполагать наличие местного производства. Изготовление множества одинаковых изделий в каменных формах многоразового использования свидетельствует о существовании товарного производства. Однако необходимо отметить, что многие предметы из металла, найденные на зимновском городище, могли попасть туда в результате торговли.

Развитие пашенного земледелия и повышение его продуктивности создавало условия для возникновения ремесел, поскольку позволяло какой-то части населения не заниматься сельским хозяйством, а получать сельскохозяйственные продукты путем обмена. В настоящее время еще невозможно определить, насколько ремесленное производство населения пражской культуры было самостоятельной отраслью хозяйства. Вполне допустимо, что в некоторых регионах оно носило общинный характер.

Наличие таких пунктов, как зимновское городище с земляными и деревянными укреплениями, с большим количеством изделий из металла, предметов вооружения, несомненно свидетельствует о том, что на территории пражской культуры в VI—VII вв. появляются мощные экономические и политические центры, являющиеся, по-видимому, и местом сбора дружины. О выделении дружинной и племенной верхушки свидетельствуют и письменные византийские источники VI в. н. э., называющие имена племенных вождей, принимавших участие в войнах с готами (Бож) и других событиях, затрагивающих интересы Византии (Мезамир, Ардагаст, Мусокий).

Наиболее сложным является вопрос о происхождении пражской культуры. В настоящее время определилось несколько направлений в поисках ее истоков.

Одна группа исследователей, отдавая предпочтение социально-экономической модели, видит ее подосновы на северо-востоке (верховья Днепра), в области распространения памятников киевской культуры III—V вв. [Третьяков, 1970; Вернер, 1972, с. 102—115; Годловский, 1973; Даниленко, 1976]. Другая группа, исходя из морфологических признаков самой культуры, главным образом близости или идентичности определенной формы керамики и погребального обряда, связывает памятники пражской культуры с пшеворскими древностями [Русанова, 1976; Седов, 1979, с. 101—133]. Исследователи первой группы отрицают участие в сложении пражских древностей населения черняховской или пшеворской культур, связывая их с германцами, а сторонники второй — считают носителей киевской культуры балтами. В. В. Седов и И. П. Русанова связывают с балтами и более поздние памятники V—VII вв. Верхнего Поднепровья типа Колочин.

Общим для обеих упомянутых групп исследователей является то, что они ограничивают территорию обитания славян в римское время небольшим регионом — в первом случае Верхним Поднепровьем, во втором — Юго-Восточной Польшей. П. Н. Третьяков не исключал возможности присутствия в пшеворской или черняховской культурах славянских элементов и их участия в процессах формирования славянских раннесредневековых древностей, но отводил им в этих процессах очень незначительную роль. Б. А. Рыбаков, сопоставляя территорию сложения памятников пражского типа и более ранних культур в междуречье Днепра и Одера, пришел к выводу, что необходимо учитывать памятники пшеворской, зарубинецкой и черняховской культур, а также ряд более ранних, связанных с ними типологически, при изучении процессов, которые привели к сложению славянских древностей раннего средневековья [Рыбаков, 1981, с. 40—75].

Значительное место вопросам сложения раннеславянских культур раннего средневековья отводит В. Д. Баран. Он считает, что в процессах сложения пражской культуры принимала участие какая-то часть населения, оставившего памятники киевской культуры на территории Днепровского Правобережья и определенные группы населения черняховской культуры Лесостепного Правобережья и пшеворской культуры верховьев Вислы [Баран, 1978, с. 5—39]. При этом учитываются как социально-экономическая структура славянского общества раннего средневековья, так и морфологические признаки пражской культуры. Эта точка зрения подтверждается новыми открытиями на территории Украинской ССР, с одной стороны, славянских памятников, хорошо датированных фибулами V в., о чем говорилось выше, а с другой — поселений черняховской культуры (Черепин, Сокол, Бакота, Теремцы, Рогозна), где выявлены типичные для славян четырехугольные жилища с печью-каменкой, также датирующиеся фибулами конца IV—V в.

В отличие от раннесредневековых поселений, на которых объекты V в. определяют начало их возникновения, последние представляют завершающий этап существования черняховских поселений. Все вместе они представляют славянские древности V в., являющиеся тем еще недавно отсутствующим звеном, типологически связывающим пражские древности с культурами римского времени Их сравнительное изучение показало, что погребальный обряд славянского населения V—VI вв. (трупосожжение в урне или яме), жилищное строительство (подквадратные жилища-полуземлянки с печью-каменкой) и другие категории материальной культуры (формы лепной и гончарной керамики, фибулы, пряжки, браслеты) на территории Правобережной Украины восходят к памятникам черняховской и киевской культур. В социально-экономическом развитии население пражской культуры отходит от модели, свойственной культурам провинциально-римской периферии (черняховской, пшеворской) и принимает модель культур, находящихся севернее этой зоны, то есть киевской.

Славянские памятники VI—VII вв. между Вислой и Одером при наличии единства многих общих черт в погребальном обряде и керамике пражского типа междуречья Днестра и Днепра уже на самом раннем этапе имеют свои отличия в домостроительстве. Подобные отличия (неправильные или овальные узкие ямы с очагом или без него, отсутствие печей) сохраняются долгое время, и лишь в VII—VIII вв. наряду с неправильными появляются квадратные полуземлянки с печью-каменкой или глиняной печью. Они представляют собой отдельную локальную группу, восходящую к пшеворским древностям Юго-Восточной Польши. Эти обстоятельства приводят к принципиальному выводу о самостоятельности развития интересующей нас группы памятников, независимо от продвижения на запад славянского населения из междуречья Днепра и Верхней Вислы и наоборот. Ни верхнеднепровские памятники киевской куль-

туры, ни пшеворские сами по себе не могли стать основой славянской раннесредневековой культуры. Попытки показать расселение уже полностью сложившейся раннесредневековой пражской культуры на запад в междуречье Вислы и Одера или на восток в междуречье Вислы и Днепра не подтверждаются археологическими источниками.

Рис. 33. Жилища пражской культуры из поселения Рашков III.

В Среднее и Верхнее Подунавье, а оттуда в междуречье Одера, Эльбы и Заале памятники пражской культуры распространяются в процессе расселения славянского населения из Юго-Восточной Европы (междуречье Днепра, Днестра и Верхней Вислы), где найдены наиболее ранние, датируемые фибулами, пражские комплексы V в. н. э.

Сложению славянской культуры раннего средневековья предшествовали глубокие и сложные этнокультурные и социально-экономические процессы, втянувшие в свой круг, кроме памятников второй четверти I тыс. н. э. Верхнего Поднепровья (киевский тип), определенные группы черняховской и пшеворской культур, а также другие группы.

В своем дальнейшем развитии пражская культура в междуречье Днепра и Верхней Вислы становится основой восточнославянских древностей VIII—X вв.— этапа Луки-Райковецкой, а на территории Средней Европы — древностей многих культурно-племенных групп западного славянства. Об этом убедительно свидетельствует преемственность материальной культуры описанных древностей, проявляющаяся в типологической близости поселений, жилищ и их отопительных сооружений, погребального обряда, основных типов керамики и других категорий находок, а также в близости социально-экономической структуры. Славянские древности VIII—X вв. являются результатом дальнейшего эволюционного развития славянской культуры VI—VII вв.

Пеньковская культура

Пеньковские памятники впервые были открыты в результате работ 1956—1959 гг. Кременчугской новостроечной экспедиции под руководством Д. Т. Березовца возле с. Пеньковка в Потясминье [Березовец, 1963, с. 145—208].

Исследованные поселения в урочищах Молочарня, Луг I и II, Макаров Остров стали эталонными для группы раннесредневековых памятников, распространенных на границе Лесостепи и Степи.

К наиболее исследованным памятникам пеньковской культуры относятся поселения Вильховчик, Будище, Игрень-Подкова и группа могильников в окрестностях с. Большая Андрусовка в Поднепровье; поселения Хитцы, Заньки, Бельск, Полузорье I, Сушки на левобережье Днепра; поселения Скибинцы, Семенки, Кочубеевка и металлургический центр возле с. Гайворон на Южном Буге. Памятники с чертами пеньковской культуры исследовались также на территории Молдавии и Румынии [Бідзіля, 1963; Рафалович, 1971; Хавлюк, 1974; Teodor, 1978; Приходнюк, 1980; Горюнов, 1981].

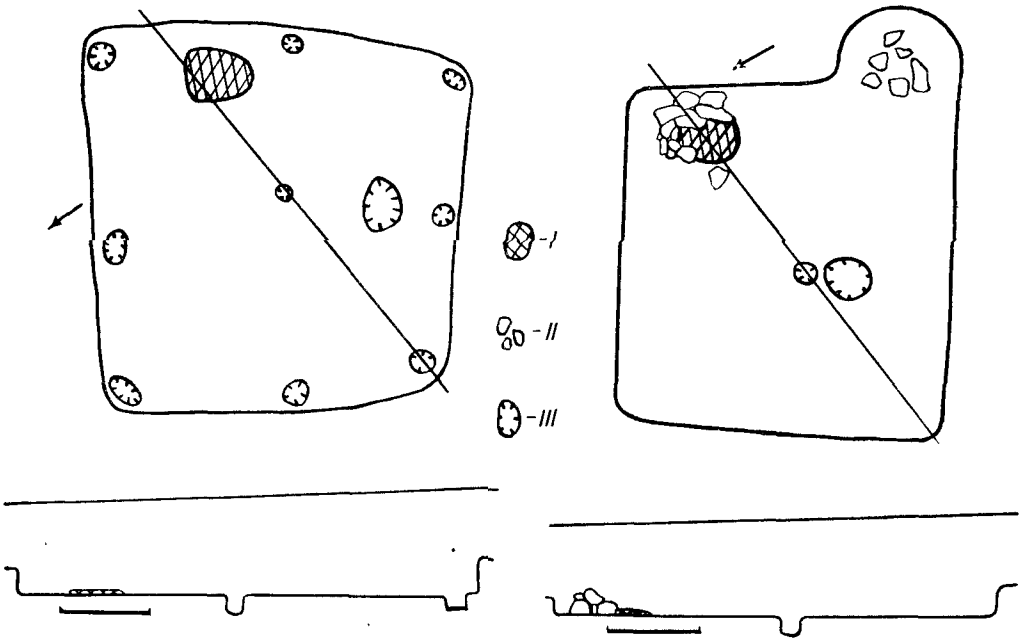
Картографированием памятников установлено, что пеньковская культура охватывает довольно обширную территорию лесостепного пограничья от Северского Донца на востоке до Нижнего Подунавья на западе.

В результате многолетних работ, продолжающихся уже более четверти века, на современной территории Украины обнаружено около 300 памятников, среди которых наиболее распространенными являются сельские поселения открытого типа.

Почти все поселения занимают низкие участки первых надпойменных террас вблизи воды, легких для обработ-

ки грунтов. Нередко рядом находятся болота и пойменные луга. В таких топографических условиях расположены поселения в Среднем Поднепровье (Молочарня, Луг I, Вильховчик, Будище, Крещатик, Гута-Михайловская и др.), в Поорелье и Днепровском Надпорожье (Осиповка, Богатое, Чернетчина, Игрень-Подкова, Диброва, Волосское, Сурская Забора и др.), в

ных объектов. Незначительная мощность слоя, по-видимому, объясняется кратковременностью жизни на поселениях и незначительным количеством одновременно функционирующих жи-



Днепровском Лесостепном Левобережье (Хитцы, Заньки, Писаревщина, Сенча, Сушки и др.), в Южном Побужье (Семенки, Самчинцы, Кисляк, Куня, Тростянец и др.).

Для раннесредневековых славянских поселений пеньковской культуры характерно расположение селищ группами по 5—7 вместе, на расстоянии 3—5 км друг от друга.

Культурный слой на пеньковских поселениях незначителен, лишь в отдельных случаях его мощность достигает 0,2—0,4 м, где встречаются отдельные обломки посуды, кости животных, угольки, камни т. п. На большинстве памятников культурный слой между постройками практически отсутствует. Чаще всего он концентрируется в заполнениях жилищных и хозяйствен-

лищ, что подтверждается археологическими данными.

Площадь большинства селищ пеньковского типа не превышает 2—3 га, а преимущественно составляет 1,5 га. На такой территории насчитывается не более 30 жилищ с подсобными постройками, ямами хозяйственного назначения, очагами и печами за пределами жилищ. Преобладают жилища, расположенные бессистемно на значительном расстоянии друг от друга (15—50 м). Нередко рядом с жилищами находятся хозяйственные ямы и постройки хозяйственного назначения. В Будищах 19 хозяйственных ям размещались компактной группой и вместе с постройками хозяйственного назначения составляли хозяйственную, юго-восточную, периферию селища. Ком-

пактной группой располагались хозяйственные ямы и на поселении Хитцы.

Не все домохозяйства на пеньковских поселениях функционировали одновременно. Свидетельством являются

Рис. 34. Пеньковская культура. Планы жилища из Кочубеевки:

I — ямы; II — камни; III — глиняные очаги.

жилища, заброшенные еще в древности (котлованы таких полуземлянок нередко засыпались глиной). Известны случаи, когда одно сооружение перекрыто другим, что указывает на их разновременность. На большинстве поселений одновременно существовало 10—15 домохозяйств. На отдельных пеньковских поселениях, занимавших небольшую территорию при значительной удаленности жилищ друг от друга, их количество могло быть и меньше [Березовец, 1963, с. 187].

Основным типом жилища в это время были четырехугольные полуземлянки площадью от 4,75 до 25 м^2.

Стационарными раскопками на пеньковских поселениях исследовано около 150 жилищ. В результате получен значительный материал, дающий представление об уровне пеньковского домостроительства. Стенки котлованов, опущенных в грунт на глубину от 0,6 до 1,8 м, главным образом вертикальные. В тех случаях, когда углубления выкапывались в песке, верхний край имел нечеткие очертания, однако по контуру пола всегда прослеживалась их четырехугольная конфигурация. Пол тщательно снивелирован и утрамбован. В некоторых жилищах прослежен вход в виде выступающих за периметр котлованов входных приямков шириной до 1 м.

В пеньковских жилищах под полом встречаются ямы. Иногда они одной стороной выходят за периметр жилища. В наиболее ранних сооружениях, ближе к центру, встречаются ямки. Принято считать, что они определяют место расположения центрального столба, усиливавшего коньковый прогон. Однако при расчетах толщины несущих конструкций славянских полуземлянок установлено, что такая опора при небольших размерах жилья конструктивно не была оправдана. Ее могли применять лишь в исключительных случаях при ослабленном коньковом прогоне. Скорее всего, такие ямки не имеют никакого отношения к опоре перекрытия. Они не всегда расположены строго в центре построек, а несколько сдвинуты в ту или иную сторону, иногда соприкасаясь с очагом [Хавлюк, 1974, с. 191, рис. 6, 2]. Ямки могли определять место расположения неизвестной нам детали интерьера жилища или какого-то производственного приспособления.

Для раннего домостроительства пеньковской культуры характерны очаги, выложенные из мелкого камня, подмазанные глиной или без следов подмазки. Позже, на правобережье Днепра вплоть до Подунавья получают распространение печи-каменки. Большинство их в плане четырехугольные, площадью от 1 до 1,5 м^2. Они сооружались на уровне пола или на материковом останце из крупного в основании и мелкого в верхней части камня, без применения связующих растворов. Поды были материковыми или подмазывались глиной; иногда их выкладывали мелкими камнями или черепками.

По конструктивным особенностям стен полуземлянки делятся на каркасные и срубные. В первом случае по углам и вдоль стен прослеживается 8—12 ямок от столбов диаметром 0,15—0,30 и глубиной 0,25—0.40 м от уровня пола. Реже бывают две или четыре ямки от столбов. В одних случаях ямки от вертикальных опор вплотную примыкали к стенкам котлована, а в других — находились на расстоянии 10—12 см от него.

Полуземлянки, где отсутствовали ямки от вертикальных опор, имели срубную конструкцию стен. Венцы сруба укладывались в углубление на

уровне пола и наращивались до нужного уровня.

Кроме жилищ на пеньковских поселениях исследовались постройки хозяйственного назначения и хозяйственные ямы. Хозяйственные постройки четырехугольных очертаний с углубленной в грунт основой площадью 5—30 м² использовались как амбары и производственные мастерские. В амбарах, как правило, находки отсутствуют, зато в производственных мастерских встречаются вещи, указывающие на то, с каким производством они связаны.

В хозяйственных ямах хранили припасы. Чаще всего встречаются овальные в плане сооружения с суженными ко дну или цилиндрическими стенками, иногда колоколовидные. Открыты ямы глубиной от 0,4 до 1,8 при диаметре 0,5—2 м. На поселениях, исследованных широкими площадями, известны очаги и печи за пределами сооружений. Очаги глинобитные или каменные, диаметром около 1 м, печи близкие по конструкции к бытовым. Они размещались вблизи жилищ и использовались в летнее время как кухни. Не исключено, что над летними кухнями сооружались перекрытия, следы от которых не сохранились.

Отдельную группу пеньковских древностей составляют немногочисленные погребальные памятники.

Для основных территорий распространения пеньковской культуры типичен обряд трупосожжения на стороне с последующим помещением кальцинированных костей в неглубокие цилиндрические ямки диаметром 0,4—0,6 и глубиной 0,3—0,5 м от современной поверхности. Встречаются урновые и ямные могилы. Ямные погребения, как правило, безынвентарные; в урновых— встречаются ритуальные горшки, бронзовые трапециевидные, спиральные подвески, пронизи, браслеты, сплавленные стеклянные бусы и т. д.

На современной территории Украины пеньковские трупоссожжения открыты возле сел Большая Андрусовка в Среднем Поднепровье, Васильевка, Волосское, Старая Игрень, хут. Запорожец, на о-ве Сурский, в устье р. Вороная в Надпорожье. Только возле с. Большая Андрусовка исследовано более или менее значительное количество погребений, что позволяет говорить о них как о могильнике. В большинстве же случаев раскопано одно или несколько захоронений.

Интересно отметить, что на поселении Старая Игрень и на некоторых других памятниках Надпорожья трупосожжения располагались на территории поселений вблизи от жилищ. Но большинство погребений и могильников находилось в 0,5—1 км от селищ, занимая возвышенные или низкие участки местности.

В окрестностях с. Большая Андрусовка обнаружено четыре могильника [Березовец, 1969, с. 58—61]. На двух из них (№ 24) собраны сосуды и прослежена концентрация кальцинированных косточек — они были размыты разливами Кременчугского водохранилища. На могильнике № 3 раскопаны четыре безурновых трупосожжения в цилиндрических ямках, перекрытых лепными сосудами. На могильнике № 1 исследовано 43 урновых и безурновых трупосожжения, часть из которых относится к этапу Лука-Райковецкая.

Таким образом, основным обрядом у племен пеньковской культуры было кремирование на стороне с последующим помещением остатков сожжений в неглубокие ямки. В то же время в районах, непосредственно примыкавших к Степи, иногда встречаются и ингумации с сопровождающим материалом, типичным для пеньковской культуры. Это спиральные подвески, пальчатые фибулы и пр. Три таких погребения исследованы возле с. Алексеевка в Надпорожье и два возле с. Селиште в Молдавии. Их наличие в этих районах связано с влиянием кочевников.

Важным звеном в системе признаков, характеризующих пеньковскую культуру, является лепной керамический комплекс.

Пеньковская посуда изготовлялась способом кольцевого ленточного налепа. Такая техника прослежена на многих сосудах, разбитых по горизонтальным линиям. В основном она не орнаментирована. Лишь большие зерновики-корчаги имеют под венчиком трехугольный и реже четырехугольный в сечении налепной валик, который иногда украшался насечками. Значительно реже встречаются налепные шишечки и подковки, являющиеся ранним признаком пеньковского гончарства, и прочерченные по сырой глине солярные и тамгообразные знаки.

Своеобразие пеньковского керамического набора определяют биконические горшки. Это стройные с острым переломом посередине высоты или приземистые с округленным ребром сосуды. Венчик у них не выделен или отогнут наружу. Наиболее многочисленны округлобокие приземистые или вытянутые горшки с максимальным расширением на середине высоты. Менее распространены тюльпановидные сосуды, с максимальным расширением в верхней трети высоты, горшки с за-

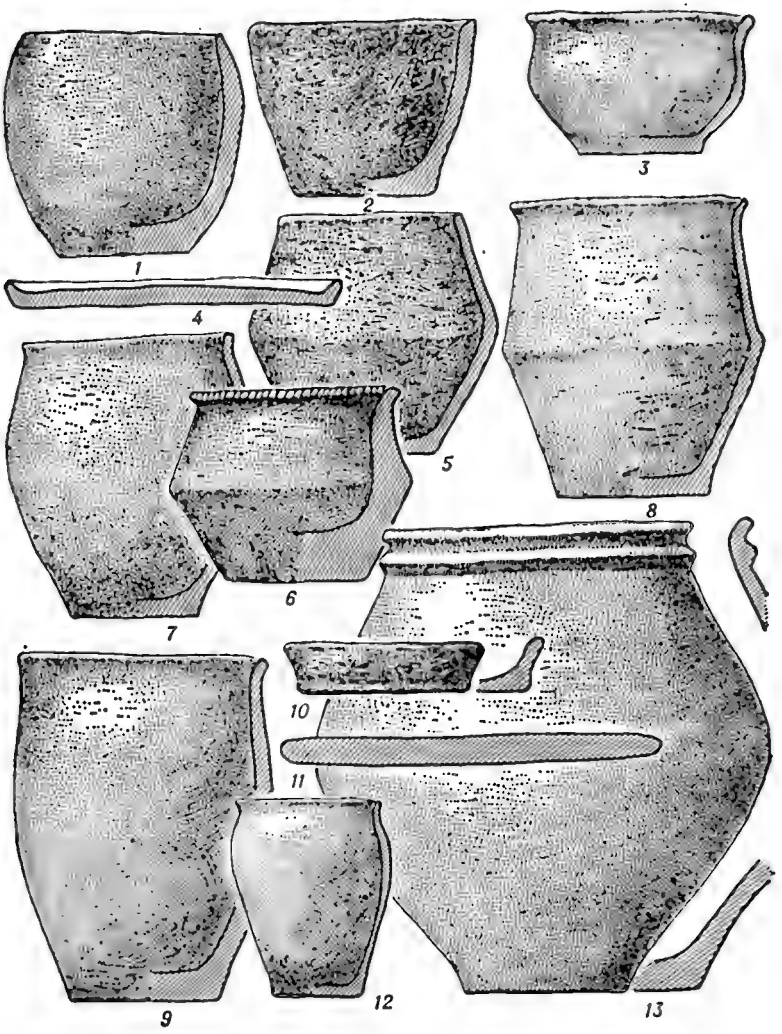
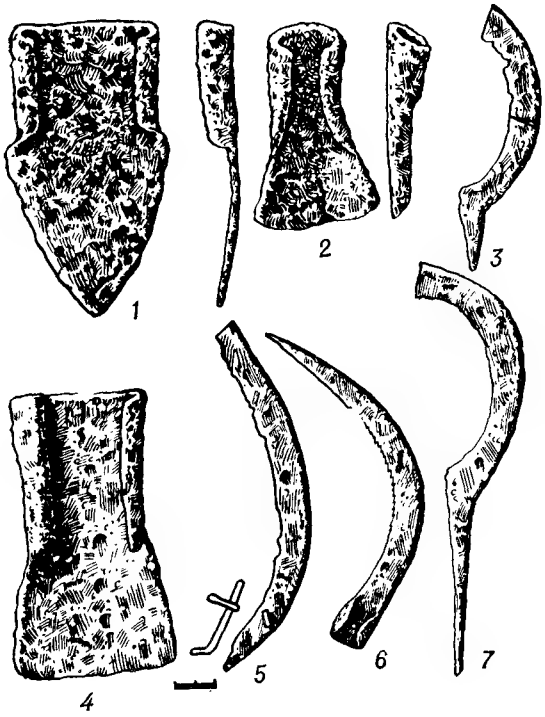
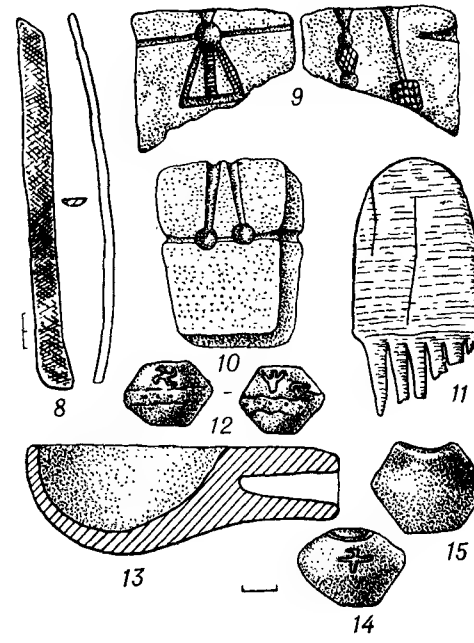


Рис. 35. Керамика пеньковской культуры:
1 — Завадовка;
2 — Прогресс;
3 — Занки;
4 — Сухая Гомольша;
5, 9 — Семенки;
6 — Сурская Забора;
7 — Таранцево;
8 — Хитцы;
10 — Цыбли;
11 — Осиповка;
12 — Тростянец;
13 — Кочубеевка.

гнутым внутрь краем, миски, диски и сковороды.

Среди раннепеньковского набора керамики встречаются фрагменты серолощеной и шероховатой гончарной керамики черняховского облика; среди более поздних наборов — пастырская и канцерская посуда. Иногда попадаются фрагменты амфор с густым рифлением по корпусу.





Кроме керамики на памятниках пеньковского типа найдены изделия из черных и цветных металлов, кости, камня, стекла и пр. Среди сельскохозяйственных орудий труда — железные наральники из поселений Любимовская Забора и Селишт; серпы из поселений Кочубеевка, Бельск, Семенки, мотыжки из поселений Богатое, Тягинская Забора, Таренцево; из предметов вооружения встречаются наконечники копий и стрел (Сурская Забора, Богатое, Семенки и др.). На поселениях нередки находки железных ножей с прямой спинкой и плоским черенком.

Из камня изготовлялись жерновые камни (Кочубеевка, Семенки и др.), точильные бруски, литейные формочки (Семенки, Скибинцы и др.). Костяные поделки представлены иглами, проколками, гребнями. Из глины чаще всего изготовлялись керамические пряслица и грузила, из стекла — бусы.

Набор украшений представлен бронзовыми пальчатыми, зоо- и антропоморфными фибулами (Молочарня, Сурская Забора, Бельск, Семенки и др.); цельнолитыми фибулами дунайского типа (Сурская Забора, Ханска II); браслетами с утолщенными концами (Игрень-Подкова, Семенки, Скибинцы); пряжками (Игрень-Подкова, Скибинцы, Семенки); зоо- и антропоморфными фигурками (Скибинцы, Старые Малаешты) и т. д.

Несмотря на общность ведущих черт материальной культуры, в среде пеньковских древностей прослеживаются и некоторые локальные отличия,

порожденные влияниями смежных синхронных культурных ареалов, естественно-географической средой и некоторыми другими факторами.

Специфические черты на локальных территориях прослеживаются на керамическом материале, являющимся наиболее массовой категорией находок. В первую очередь это касается способов подготовки глиняной массы для производства. На территории междуречий Днепра и Северского Донца, Днестра и Дуная основной примесью в тесте служил шамот, а в Днепро-Днестровском междуречье — дресва, песок и слюда. В Надпорожье в равной степени встречаются горшки с примесью шамота, дресвы, песка и слюды. В первых двух случаях выбор примесей был обусловлен отсутствием сырьевой базы для изготовления дресвы (днестровский известняк неподходящий для этого материал с технологической точки зрения). Что касается Надпорожья и Поорелья, то наличие высокого процента керамики с шамотом, орнаментированной по краю венчика насечками, объясняется влиянием кочевников, для которых шамот, органические примеси и подобная орнаментация венчика являются традиционными в керамическом производстве.

Внешними влияниями со стороны смежных массивов объясняется довольно значительное количество атипичных для всего ареала распространения пеньковской культуры отдельных керамических форм и деталей в оформлении сосудов; для левобережья Днепра это тюльпановидные горшки —ведущая форма в колочинской культуре. Кроме того, близость этих двух культурных ареалов, заключающаяся в сходности топографии и планировки поселений, в жилищном строительстве и до некоторой степени в керамических наборах, объясняется, по-видимому, не только их соседством, но и единым происхождением от культуры киевского типа.

Рис. 36. Пеньковская культура. Орудия труда и находки с поселений:
1 — Любимовская Забора; 2 — Чернетчина; 3 — Зеленянка; 4 — Тягинская Забора; 5 — Кочубеевка; 6 — Бельск; 7 10 — Семенки; 8 — Хитцы; 9 —Скибинцы; 11 — Кисляк; 12 — Сурская Забора; 13 — Тягинская Забора; 14, 15 — Игрень-Подкова.

В междуречье Днепра и Днестра, особенно в северных районах пеньковского ареала, граничащих с пражской культурой, и в междуречье Днестра и Дуная, где прослеживается сильная волна переселений славян в третьей четверти I тыс. н. э., в пеньковских комплексах встречается значительное количество керамики пражского типа. В районах Днестро-Дунайского междуречья, где славянские памятники соприкасаются с культурой Ипотешт-Кындешт-Чурел, к пеньковскому набору добавляются еще горшки с широким дном типа Чурел.

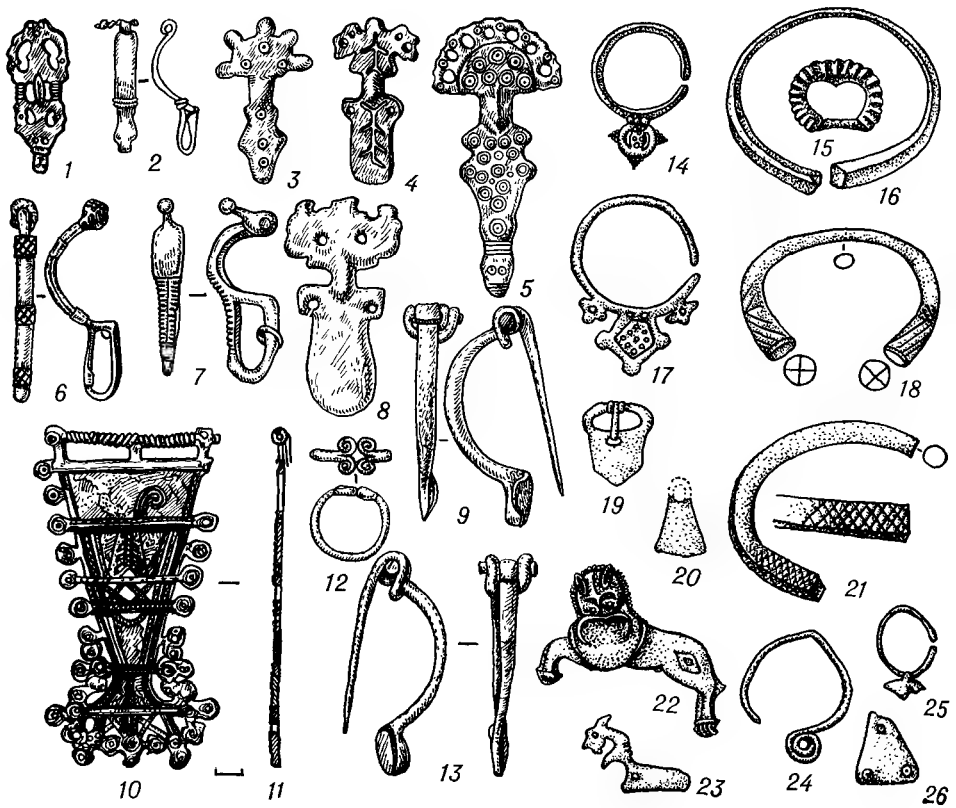
Для наиболее ранних пеньковских жилищ на всей территории распространения культуры от Северского Донца до Подунавья характерны очаги открытого типа. Позже, под влиянием пражско-корчакских древностей, между Днепром и Дунаем появляются печи-каменки. В то же время в междуречье Днепра и Северского Донца, где камень практически отсутствует, основным отопительным сооружением оставался очаг. Преобладали очаги и в Надпорожье, изобилующем камнем, что, по-видимому, кроме киевских традиций, объясняется кочевническими влияниями. Материалы Надпорожья и Поорелья фиксируют и более прямые свидетельства тесных контактов славянских племен с кочевниками. Речь идет об юртовидных полуземлянках овальных очертаний (Осиповка, Чернетчина, Богатое) и о домах на каменных цоколях (Майорка и Игрень-Подкова).

На других пеньковских территориях единичные дома кочевнического облика известны только в Среднем Поднепровье — на поселениях Стецовка и Будище, расположенных в близлежащих к степи районах.

С северо-восточным ареалом пень-

ковской культуры связаны клады мартыновского типа (VI—VII вв.). Они известны в районах Нижнего Поросья (Мартыновка, Малый Ржавец, Вильховчик), на левобережье Днепра в районе Богодухова (Козиевка, Новая Одесса) и на северо-восточной периферии пеньковского ареала (Суджа, Колосково, Ципляево).

Богатые клады, пальчатые и зоо- и



антропоморфные фибулы впервые интерпретировал А. А. Спицын, определив их как «древности антов» [1928, с. 492—495]. Проанализировав письменные источники и рассмотрев набор ювелирных украшений, Б. А. Рыбаков пришел к выводу, что «область пальчатых фибул и других вещей VI—VII вв., выделенных А. А. Спицыным, настолько полно совпадает с Приднепровской Русью, что спицынские «древности антов» следует переименовать в «древности русов», признавая, что Русь — часть антов» [Рыбаков, 1953, с. 42].

По географическому расположению клады третьей четверти I тыс. н. э. делятся на Харьковско-Курские и Поросские, близкие между собой по вещевому комплексу. Сказанное касается поясных гарнитуров, пальчатых фибул и других категорий женских украшений, что свидетельствует об общности этих древностей, позволяющей связывать их с конкретным племенем—росами (русами), являвшимся ядром антского племенного объединения.

Совсем недавно, когда пеньковские древности были изучены слабо, трудно было связывать их и клады типа Мартыновский. В последнее время такое положение коренным образом изменилось: успехи в изучении пеньковской культуры позволили поставить

вопрос об их связи с богатыми кладами. Предметы мартыновского облика найдены на пеньковских памятниках Среднего Поднепровья (Волоское, Коробовка, Звонецкое и др.).

Рис. 37. Пеньковская культура. Фибулы, украшения и предметы личного убора:

1 — Большая Андрусовка; 2, 3, 6, 7, 10, 11 — Сурская Забора; 4, 5 — Майорка; 8 — Молочарня; 9 — Звонецкая; 12 — Сушки; 13 — Куня; 14 — Гайворон; 15 — Большая Андрусовка; 16, 22 — Скибинцы; 17, 23, 24 — Семенки; 19, 26 — Сурская Забора; 20 — Тягинская Забора; 21 — Донецкое; 25 — Задонецкое.

Более того, клад из с. Вильховчик найден в лепном горшке с примесями песка в тесте. Закопан он на территории пеньковского поселения, исследования которого проводились весной 1966 г. Вблизи места находки, в траншеях, прослежен культурный слой мощностью до 0,6 м, где встречались фрагменты пеньковской керамики и кости животных. В восточной части поселения раскопано три частично перекрывающих друг друга жилища, представляющих собой подквадратные полуземлянки с печами-каменками. Исследованный комплекс из с. Вильховчик интересен еще и тем, что впервые на материалах Среднего Поднепровья клад третьей четверти I тыс. н. э. связан с синхронным пеньковским поселением.

Среди наборов из кладов мартыновского типа преобладают вещи европейского происхождения. Это пальчатые фибулы, браслеты с утолщенными концами, трапециевидные подвески, головные уборы и т. д.

Предметы поясных наборов, представленные пряжками, лжепряжками и накладными бляшками, получили распространение на всем Евроазиатском континенте во второй половине I тыс. н. э. Известны они от верхнего течения Волги на севере до Закавказья на юге, от Монголии на востоке до Италии на западе. Центром их распространения, где поясные наборы представлены наиболее разнообразными образцами, считается Европейская Степь с Крымом и Причерноморское побережье Кавказа.

Можно считать установленным, что поясные геральдические наборы возникли в VI в. в Подунавье [Амброз, 1971, с. 118], а в VIII в. появляется совершенно иной растительный и звериный стиль [Амброз, 1971а, с. 122, рис. 13, *1—56*]. Поясные наборы из кладов занимают различное место в типолого-хронологической схеме их развития. Для наиболее ранних из них (Ципляевский клад) характерны простота конфигурации и орнаментации — ровные прямоугольные края и отверстия, соединенные прорезями [Дьяченко, 1976, рис. 1, *4*]. Датируются они второй половиной VI в. н. э. [Пудовин, 1961, с. 183, рис. 1; Ковалевская, Краснов, Амброз, 1973, с. 288—289].

Отдельные пряжки из с. Мартыновка находят соответствие среди поясных накладок первой половины VII в. в Суук-Су. В первую очередь это касается пряжек и наборов с антропоморфными прорезями. Однако среди мартыновских наборов имеются и накладки с тамговидными знаками, что, по мнению А. К. Амброза, позволяет относить их ко второй половине VII в. н. э. [1971, с. 115].

Таким образом, наиболее ранние наборы открыты в Ципляевском, а наиболее поздние — в Мартыновском кладе. По комплексу вещей, поддающихся узкому датированию, можно определить, что эти клады были зарыты между серединой VI и VII в., хотя часть украшений имеет более широкую датировку.

Хронология кладов мартыновского типа вписывается в период существования пеньковской культуры, которую можно расчленить на две фазы. Отличительной особенностью первой является наличие в полуземлянках очагов, а иногда — центральных ямок. В заполнении таких жилищ найден керамический материал с чертами архаичности. От более поздних пеньковских комплексов он отличается незначи-

тельным количеством серой гончарной керамики черняховского облика и лепных горшков с загнутым внутрь краем. В ранних объектах нередко встречаются сосуды со сглаженной или даже подлощенной поверхностью, корпус украшен налепами в виде полумесяцев и шишечек. Характерной особенностью таких комплексов являются диски без закраины или с небольшой закраиной.

Вторая фаза пеньковских древностей, сохраняя облик материальной культуры предшествующего этапа, несколько видоизменяется в деталях археологических комплексов. Вместо очагов уже появляются печи, исчезают ямки в центре построек. Почти не встречаются подлощенные экземпляры посуды. Биконические горшки теряют стройность пропорций, распространяются изделия с широким корпусом и округленным ребром. Полностью исчезают гончарные черняховские горшки с загнутым внутрь краем, появляются сковороды с невысоким бортиком высотой 1—2 см. Во второй фазе пеньковской культуры встречаются кувшины канцерского и шаровидная посуда пастырского типов.

Ранней является и прорезная застежка трапециевидных очертаний с эмалями из Сурской Заборы. Аналогичную фибулу с могильника Рудишкяй в Северной Литве М. Михельбертас датирует IV—V вв. н. э. [1970, p. 125]. Б. А. Рыбаков считает, что они распространились в Среднем Поднестровье в IV—V вв. [Рыбаков, 1948, с. 56]. По центрально- и западноевропейским аналогиям [Böhme, 1974, S. 81, tab. 79, *13*] V в. датируется серебряная массивная пряжка из погребения № 4 на потясминском могильнике Андрусовка III. Ранним временем датируются большие железные арбалетные двучленные фибулы, найденные на пеньковских поселениях Куня в Южном Побужье, над Звонецким порогом и на балке Осокоровка в Надпорожье. Такие застежки датируются IV—V вв. н. э. [Svoboda, 1965, S. 229, tab. XXIV, *1*]. К V в. относится перстень с завитками из Сушкова.

Как видим, первую хронологическую фазу пеньковских древностей, которым присущи архаические черты, можно датировать V в., а возможно, и началом VI в.

Для хронологизации второй фазы пеньковской культуры первостепенное значение приобретают хорошо поддающиеся датированию цельнолитые фибулы дунайско-византийского типа, найденные на поселениях Сурская Забора, Ханска II, Сучава-Шипот и в других местах. Верхняя дата таких фибул, по-видимому, совпадает со временем разгрома дунайского лимеса, а нижняя — относится к середине первой половины VI в. Свидетельством этому служат находки таких фибул в римско-византийском слое из Садовско-Кале вместе с византийскими монетами, наиболее ранние из которых принадлежат Юстиниану I (527—565), а наиболее поздние — Маврикию (582—602) [Welkow, 1935, S. 156—158]. В Големаново-Кале цельнолитая фибула найдена вместе с монетой императора Юстина II (565—578), [Venze, 1974, s. 485—487].

Пальчатые фибулы принято датировать VII в. Однако в тех случаях, когда они выступают с другими датирующими вещами, их верхняя дата не выходит за пределы второй половины VII в. [Амброз, 1971а, с. 122—166]. На поселениях Ханска II и Сучава-Шипот, также в могильнике Селишты найдены небольшие пальчатые фибулы. В первых двух случаях их сопровождали арбалетные цельнолитые фибулы. Верхняя часть фибул с пуансонным орнаментом и щитком, обрамленным птичьими головками вместе с цельнолитой и обломком зооморфной двуглавой фибулы, найдены на поселении с лепной пеньковской керамикой возле с. Звонецкое. Эти находки датируются первой половиной VI — второй половиной VII в. [Пудовин, 1961, с. 185]. Между первой половиной VI — второй половиной VII в. можно датировать жилище № 2 из поселения Сурская За-

бора, в заполнении которого вместе с лепной биконической керамикой найден поясной наконечник, бронзовый браслет, колокольчик, спиральная подвеска и пальчатая фибула с пуансонным орнаментом.

Простые двуглавые зооморфные фибулы с лопатовидным щитком распространены в Среднем Поднепровье (Молочарня, Хмельное, Сурская Забора, устье р. Самара и др.), но иногда встречаются и в Крыму. На пеньковском поселении Звонецкое двуглавая фибула найдена вместе с цельнолитой застежкой дунайско-византийского типа, датирующейся первой половиной VI — началом VII в. Двуглавая зооморфная застежка из Суук-Су на хронологической таблице В. К. Пудовина размещена между 600—650 гг. [1961, с. 183, рис. 1], то есть хронология этой категории находок также не выходит за рамки VII в.

Итак, в результате поисков хронологических рамок второй фазы пеньковской культуры время ее существования можно определять между началом VI — второй половиной VII в. н. э.

Племена пеньковской культуры, занимавшие область Европейского лесостепного пограничья, проживали на пригородных для обработки землях. Благоприятные климатические условия также способствовали развитию земледельческого хозяйства. Земледелие племен пеньковской культуры было пахотным, о чем свидетельствуют находки железных наральников. Наряду с полевым земледелием существовала и ручная обработка земли, что подтверждается находками железных мотыжек, которыми могли обрабатываться приусадебные участки. Зерновые культуры собирали при помощи железных серпов. Помол зерна производился на ручных жерновах, которые повсеместно встречаются при раскопках пеньковских поселений. Жерновые камни обнаружены в отдельных жилищах, это позволяет предполагать, что они обслуживали несколько домохозяйств.

Данные о выращиваевых культурах получены путем палеоботанических исследований зерен злаков и их отпечатков на керамике. На поселениях Молочарня, Луг I, Осиповка, Кочубеевка и других Г. А. Пашкевич исследовались остатки и отпечатки мягкой пшеницы, проса, ячменя, ржи, гороха и овса. Наличие среди злаковых культур разноцикловых растений позволяет высказать предположение о наличии севооборота. По-видимому, чередовались посевы озимых и яровых культур.

Судя по костям животных с поселений Кочубеевка, Сушки, Завадовка, Ивановка и др., определение которых провел О. И. Журавлев, основную часть пеньковского стада составлял купный рогатый скот. Затем идут свиньи, лошади и мелкий рогатый скот. Подобный состав стада типичен для оседлого земледельческого хозяйства. Крупный рогатый скот одновременно был и тягловой силой. Преобладание костей крупного рогатого скота на пеньковских поселениях является важным агрументом в пользу пахотного земледелия, животноводство подчинялось нуждам земледельческого хозяйства.

О существовании охоты свидетельствуют кости диких животных. Однако их процент среди остеологического материала незначителен. Это говорит о второстепенной роли охоты по сравнению с приселищным животноводством. Наиболее часто встречаются кости благородного оленя и кабана, затем косули и зайца. Археологическим свидетельством рыбной ловли являются находки рыболовных крючков и костей рыб, постоянно встречающиеся при раскопках пеньковских поселений. Охота и рыбная ловля были вспомогательными отраслями хозяйства у пеньковского населения.

На территориях, занятых пеньковской культурой, известно много пунктов со следами железоделательного производства. Здесь обнаружены шлаки, железоплавильные горны и металлургический центр возле с. Гайворон.

Отдельные горны, размещавшиеся на окраинах поселений недалеко от воды, открыты на поселениях Сушки, Губник, Семенки и в других местах. Горны представляли собой небольшую овальную или почти круглую в плане печь с суженной верхней частью. Строились они из огнеупорной глины с примесью песка. Внутренние поверхности домниц ошлакованы под действием огня.

Среди разрозненных следов металлургического производства на пеньковских памятниках привлекает внимание Гайворонский металлургический центр. Он состоял из четырех агломерационных печей и 21 сыродутного горна [Бідзіля, 1963, с. 124—144], размещавшихся группами по два-три вместе.

Основным источником к изучению уровня развития кузнечного дела у племен пеньковской культуры является готовая продукция, ассортимент которой довольно значителен. К сожалению, ни на одном из подвергавшихся раскопкам поселений пеньковского типа не найдены остатки кузниц, хотя иногда при раскопках встречаются кузнечные инструменты — зубила, пробойники, маленькие наковальни (Сушки, Одая, Ханска). Однако масштабы выплавки железа свидетельствуют о местном производстве кузнечных изделий.

Металлографический анализ кузнечных изделий из ареала распространения пеньковской культуры проводился Г. А. Вознесенской и В. Д. Гопаком. Для этого были взяты образцы изделий из поселений Луг I, Будище, Кочубеевка, Семенки и др. В целом пеньковские кузнечные изделия отличаются простотой технологических характеристик. Почти все предметы откованы из кричного железа или неоднородной сырцовой, преимущественно мягкой стали. Встречаются предметы, откованные из металлического лома. Из технологических приемов, улучшающих рабочие качества орудий труда, встречается термическая обработка изделий.

Кузнечное производство населения пеньковской культуры носило ремесленный характер, о чем говорит уровень кузнечной техники. У племен пеньковской культуры происходил процесс отделения металлургического производства от кузнечной обработки металла и превращение их в самостоятельные отрасли ремесла, о чем свидетельствуют материалы Гайворонского металлургического центра. Существование таких центров свидетельствует о растущем разделении труда, о наличии рабочего коллектива, обладающего профессиональными навыками, о расширении рынка сбыта ремесленной продукции.

На пеньковских памятниках, по сравнению с другими славянскими древностями раннесредневекового времени, нередко встречаются изделия из меди, бронзы и серебра. Чаще всего они встречаются в Среднем Поднепровье, где, как полагают исследователи, находились центры по изготовлению пальчатых фибул.

Жилища-мастерские, связанные с бронзолитейным делом, обнаружены на поселениях Гута-Михайловская, Хитцы, Будище, Скибинцы (о. Мытковский) и в других районах. Скорее всего, сельские ювелиры не были ремесленниками в полном значении этого слова, а наряду с занятостью в других сферах производства занимались изготовлением украшений. Поскольку работа с металлами требовала специфических навыков, то возможно, что сельское ювелирное, кузнечное и металлургическое производство было сконцентрировано в одних руках.

В мастерских найдены тигли для плавки бронзы, льячки и литейные формочки. Возле очага или печи в таких постройках повсеместно встречаются следы литейного процесса в виде накипей бронзы на поверхности пода или на полу возле отопительного сооружения.

Судя по имеющимся находкам литье было основным приемом работы с цветными металлами. Техникой

литья изготовлялись пальчатые фибулы, височные кольца, антропоморфные изображения и пр. Пеньковские ювелиры при работе с цветными металлами применяли технику ковки, обпиловки, шлифовки, тиснения и т. д.

На территории Европейского лесостепного пограничья сырьевая база отсутствовала, поэтому местные ювелиры работали на привозном сырье, поступавшем в виде слитков. Два таких слитка найдены на поселении Хитцы и городище Селиште. Кроме того, для ювелирного литья использовались и поломанные вещи из цветных металлов.

Из домашних производств значительное распространение приобрели прядение, обработка камня, кости, дерева, что подтверждается находками керамических прясел, жерновов, иголок, деревообрабатывающих инструментов и др.

Пеньковское общество переживало интенсивный процесс разложения патриархальной семьи, сменявшейся территориальной общиной. Переход от семейной к территориальной общине отражен в археологическом материале. В одних случаях хозяйственные комплексы и подсобные сооружения концентрировались компактными группами на одном из периферийных участков селищ (Будище, Хитцы и др.), а в других — вблизи жилищ (Кочубеевка, Семенки и др.). Групповое расположение хозяйственных ям и подсобных построек может свидетельствовать, по-видимому, о тесных родственных и хозяйственных связях жителей поселка. Сами поселки можно рассматривать как общий двор патриархальной семьи.

Поселения, где подсобные постройки входили в состав индивидуального хозяйства, отражают такое состояние большой семьи, когда производство оставалось обобществленным, а конечный продукт производства распределялся между членами общины.

Промежуточным звеном между рассмотренными двумя формами хозяйственных отношений в рамках славянской общины является положение, когда господствует общественное производство и распределение, но частично конечный продукт распределяется между членами общины. Это фиксируется в тех случаях, когда на одном и том же поселении большинство хранилищ находится обособленно, а меньшее количество — возле жилых домов (Селиште).

О существовании территориальной общины у пеньковского населения может говорить тот факт, что на некоторых поселениях, особенно на границе со Степью, открыты юртовидные жилища (Богатое, Чернетчина, Осиповка, Стецовка и др.), что свидетельствует о проникновении кочевнического населения в пеньковскую среду. Такое явление совершенно исключается при господстве родовых отношений и возможно лишь при наличии территориальной общины. В состав соседской общины могли входить разноэтничные элементы.

Археологическим свидетельством выделения в среде пеньковского общества ремесленной прослойки являются Гайворонский металлургический центр и городище Селеште. То есть для пеньковского общества речь может идти о начавшемся процессе отделения ремесла от сельскохозяйственного производства.

На последней стадии разложения первобытнообщинного строя, когда ведущую роль играет территориальная общность, неизмеримо возрастает значение племенной организации. Возникает дружина, существовавшая главным образом за счет соплеменников и богатевшая в результате постоянных военных походов. Постепенно племенная верхушка и дружина концентрировали в своих руках значительные богатства. Археологическим свидетельством этому являются Мартыновский и другие клады, зарытые, несомненно, не рядовыми общинниками, а представителями племенной верхушки.

В состав наборов некоторых кладов входили предметы византийского производства, которые, скорее всего, являлись военной добычей, а не попав-

шими в Среднее Поднепровье благодаря торговле. Это тем более вероятно, что в третьей четверти I тыс. н. э. существование торговли между народами Восточной Европы и причерноморскими цивилизациями археологически почти не подтверждается.

На основных пеньковских территориях известны единичные изделия византийского происхождения: фрагменты крупных широкогорлых красноглиняных амфор, покрытых по корпусу глубоким и частым рифлением (Будище, Стецовка, Семенки, Ханска II, Селиште и др.), и цельнолитые фибулы дунайско-византийского типа (Сурская Забора, Ханска II). Ничтожен был и приток византийских монет. В исследуемом регионе к востоку от Днестра обнаружено всего около 10 византийских монет императоров Юстина I (518—527), Юстиниана I (527—565), Юстина II (565—578), Маврикия (582—602), Ираклия (610—641) и Константина II (654—659). Они найдены возле сел Кичкас, Фурсы, Максимовка, Жаботин, Золотоноша [Кропоткин, 1962, с. 31—37]. На острове возле с. Майстров в Надпорожье в 1851 г. найден клад из нескольких сот золотых византийских монет [Кропоткин, 1962, с. 31—32]. Поэтому исследователи, изучающие экономические связи народов Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства, справедливо считают период третьей четверти I тыс. н. э. безмонетным, то есть таким, когда денежные знаки отсутствовали во внутреннем обращении местных племен [Кропоткин, 1967, с. 117].

В последние годы источниковедческая база для решения вопроса о происходжении пеньковской культуры значительно пополнилась. Получены новые материалы второй четверти I тыс. н. э. киевской культуры, совпадающие на левобережье Днепра и Среднем Поднепровье с территорией распространения пеньковских древностей.

Основные культурные черты киевской и пеньковской культур близки между собой, что позволяет усматривать между ними генетическую связь. Сказанное касается топографии поселений, жилищного строительства, погребального обряда, керамического набора и некоторых категорий украшений. Все поселения киевского типа, как и пеньковские, были небольшими и размещались на краю невысоких террас недалеко от воды. Четырехугольные полуземлянки площадью около 16 м² с очагом, в которых прослеживаются ямы от центрального столба, также почти идентичны раннепеньковским.

Несмотря на то что погребальные памятники киевского и пеньковского типов изучены еще недостаточно, имеющиеся материалы позволяют усматривать родство погребального обряда обеих культур. Речь идет об обряде кремации на стороне с последующим помещением кальцинированных костей с остатками погребального костра в неглубокие круглые или овальные ямки; отсутствие внешних признаков над могилами. Все известные погребения киевского типа (Новые Безрадичи, Козаровичи, Бортничи и др.) были ямными, безурновыми. Такие же погребения раскопаны на пеньковских могильниках Большая Андрусовка и Селешты, где известны и урновые могилы. В погребальных ямках на могильниках киевской культуры в верхних слоях заполнения встречаются следы тризн в виде битой посуды и другого инвентаря. Последнее является незначительным отличием в деталях погребального обряда двух культур.

Близки, хотя и не всегда идентичны, керамические комплексы киевской и пеньковской культур. Это касается форм, определяющих специфику пеньковского керамического набора — биконических, приземистых и стройных округлобоких, тюльпановидных горшков, дисков [Приходнюк, 1980, с. 119, рис. 69].

Нельзя надеяться на полное соответствие всех компонентов киевской и пеньковской культур, носители кото-

рых жили в разные эпохи, но родство черт материальной культуры настолько значительно, что позволяет усматривать истоки ведущих черт пеньковской культуры в среде киевских древностей.

Археологические материалы подтверждают существование взаимосвязей пеньковской и черняховской культур. Они особенно ощутимы на территории Среднего Поднепровья, где черняховские памятники перемежаются с поселениями киевской культуры. Черняховские древности данного региона обладают многими материальными признаками, присущими киевской культуре: устройство жилищ, некоторые формы лепной посуды и т. п.

Исходя из имеющихся данных, процесс становления пеньковской культуры проходил в лесостепной полосе Левобережья и среднего течения Днепра в V в. н. э. В это же и последующее время происходит расселение пеньковского населения на юго-запад по лесостепному пограничью в районы Южного Побужья, Нижнего Поднестровья и Подунавья, в более раннее время занятых черняховской культурой. Здесь происходили контакты наиболее ранних пеньковских переселенцев с оставшимся черняховским населением, о чем свидетельствуют черняховские элементы на пеньковских памятниках (Скибинцы, Кочубеевка, Селище, Данчены и др.).

Археологическая локализация пеньковской культуры четко совпадает с территорией расселения антов. Анты, по Иордану, «распространяются от Данастра до Данапра, там где Понтийское море образует излучину» [Иордан, 1960, с. 72]. Прокопий Кессарийский, современник Иордана, знает антов и на левом берегу Дуная: «гунны, славяне и анты... имеют свои жилища по ту сторону реки Дуная, недалеко от его берега» [Прокопий, 1950, с. 156]. Анты и славяне, свидетельствует в другом месте своего сочинения Прокопий, «...живут, занимая большую часть берега Истра, по ту сторону реки» [1950, с. 298]. Как бы дополняя Иордана, Прокопий определяет восточную границу антского расселения. «За сагинами осели многие племена гуннов. Простирающаяся отсюда страна называется Эвликсия; прибрежную ее часть, как и внутреннюю, занимают варвары вплоть до так называемого «Меотийского болота» и до реки Танаиса [Дона], который впадает в «Болото». Само это «Болото» вливается в Эвксинский Понт. Народы, которые тут живут, в древности назывались киммерийцами, теперь же зовутся утригурами. Дальше на север от них занимают земли бесчисленные племена антов» [Прокопий, 1950, с. 384].

Таким образом, хронология пеньковских древностей и территория распространения антов письменных источников хорошо согласуются, что позволяет отождествлять их между собой. После варварских разгромов начала VII в. н. э. антского племенного образования анты — носители пеньковской культуры, потеряв политическое единство, некоторое время сохраняли общность материальных признаков. Лишь постепенно пеньковская культура была поглощена более сильными этническими массивами. На территории к западу от Днепра это были племена культуры типа Лука-Райковецкая, а на Левобережье — волынцевских древностей.

Однако пеньковская культура не исчезла бесследно, ее элементы органически вписались (иногда в трансформированном виде) в последующие культуры Восточноевропейского лесостепного пограничья.

Колочинская культура

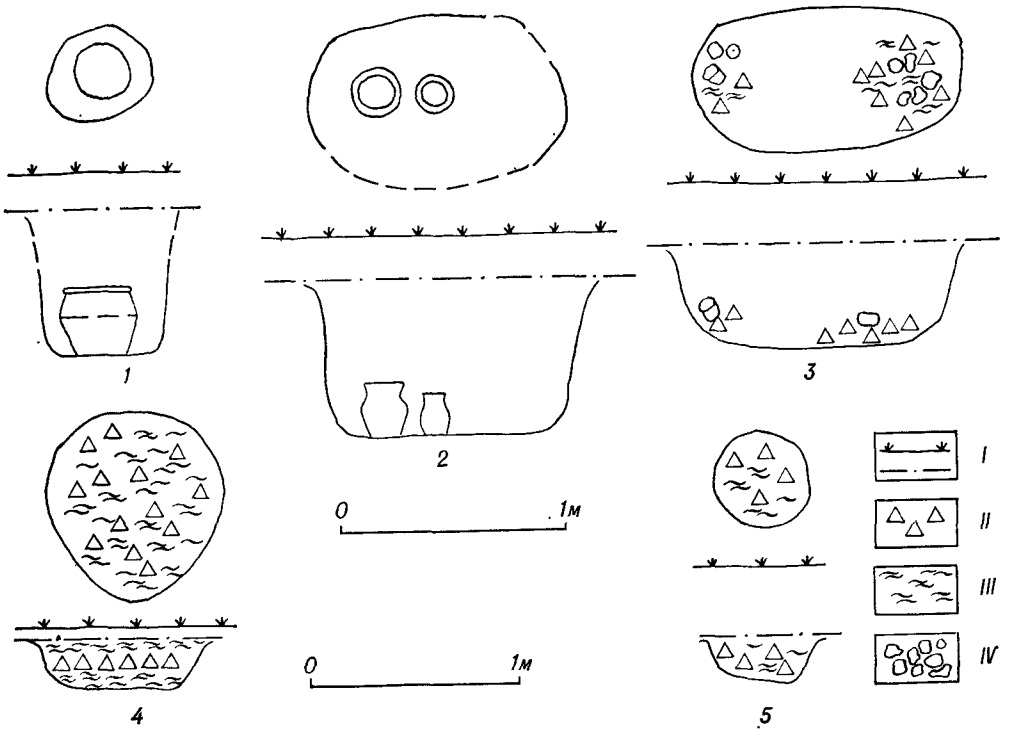
Колочинскую культуру образуют памятники V—VII вв., распространенные в южной части Верхнего Поднепровья и в поречье Десны и Сейма.

Данная группа памятников привлекла к себе внимание после раскопок, проведенных Э. А. Сымоновичем в 1955—1960 гг. на городище Колочин I в районе Гомеля. В это же время были

осуществлены работы на Новобыховском и Кветуньском могильниках, поставившие их в один ряд с находками 1909 г. возле с. Артюховка, которые длительное время считались уникальными.

Интенсивные работы на памятниках колочинского типа развернулись в 60—70-е годы. В это время на территории Юго-Восточной Белоруссии Л. Д. Поболь провел исследование могильника Нижняя Тощица, а также поселения и могильника у с. Тайманово. Многочисленные памятники открыты П. Н. Третьяковым, Э. А. Сымоновичем, Е. А. Горюновым, В. А. Падиным и другими исследователями в среднем и верхнем течении Десны. Значительный интерес вызывают исследования могильников и поселений на территории Курской области РСФСР, предпринятые вначале Ю. А. Липкингом и Э. А. Сымоновичем, а впоследствии Е. А. Горюновым. О. В. Сухобоков и Е. А. Горюнов на памятниках Лесостепной Левобережной Украины обнаружили материалы, близкие к колочинским. Все это дало возможность составить общее представление о колочинском культурно-хронологическом комплексе и его ареале.

Колочинская культура входит в состав обширной культурной области, представленной также более северными памятниками банцеровского и тушемлинского типов. Последние сравнительно неплохо изучены многолетними исследованиями А. Г. Митрофанова, Е. А. Шмидта и других ученых в Средней Белоруссии, в Смоленском Поднепровье и Подвинье [Шмидт, 1975, с. 12—25; Митрофанов, 1978, с. 84—150]. Возможно, что в эту же культурную область входили еще слабо изученные памятники типа Жабино-Михайловка, распространенные вплоть до Пскова. П. Н. Третьяков, Е. А. Горюнов и другие исследователи рассматривают колочинские древности как са-



мостоятельную археологическую культуру, основываясь на ряде различий между типами поселений (для тушемлинской и банцеровской групп характерны городища, а среди колочинских

Рис. 38. Погребения колочинской культуры (по Ю. А. Липкингу и Л. Д. Поболю): I — пахотный слой; II — кальцинированные кости; III — зола, угли; IV — керамика. 1 — Лебяжье I, погребение № 46; 2 — Лебяжье I, погребение № 104; 3 — Лебяжье I, погребение № 64; 4 — Новый Быхов, погребение № 18; 5 — Новый Быхов, погребение № 12.

памятников они немногочисленны), жилищ в составе керамического комплекса и в ассортименте металлических изделий [Третьяков, 1970, с. 52—67; Горюнов, 1981, с. 44—46]. Вместе с тем Э. А. Сымонович, И. П. Русанова и В. В. Седов относят все вышеупомянутые древности к единой археологической культуре, иногда выделяя соответствующие варианты [Седов, 1970, с. 48, 53; Сымонович, 1975, с. 25; Русанова, 1976, с. 81—82]. На территории УССР известны только памятники типа Колочина, поэтому мы рассмотрим только эту культуру.

Материалы, полученные при изучении колочинских древностей, опубликованы не полностью. Подавляющее большинство публикаций представлено краткими сообщениями с минимумом иллюстраций, а крупных статей и монографий очень мало. В известной мере уровень публикаций соответствует уровню изучения культуры, особенности которой на настоящем этапе исследований четко не определены.

Источниковедческая база из-за разрозненных сообщений в литературе может быть оценена весьма приблизительно. По нашим подсчетам, в настоящее время известно не менее 100 поселений, на 15 из которых проводились раскопки, выявившие свыше 30 построек.

Исследования проводились на 10 могильниках, где обнаружено около 400 погребений. На территории УССР колочинские памятники известны главным образом в Подесенье и смежных районах Лесостепи (около 20 памятников, раскопано — 7). На могильнике Смяч исследовано пять погребений, не считая захоронений из Артюховки, информация о которых очень скудна.

В настоящее время в исследовании памятников колочинского типа делаются лишь первые шаги. До сих пор недостаточно раскрыто их типологическое своеобразие, что вызвало появление в литературе противоречивых мнений о характере колочинской культуры, ее происхождении, хронологии, отношении к синхронным культурам смежных регионов.

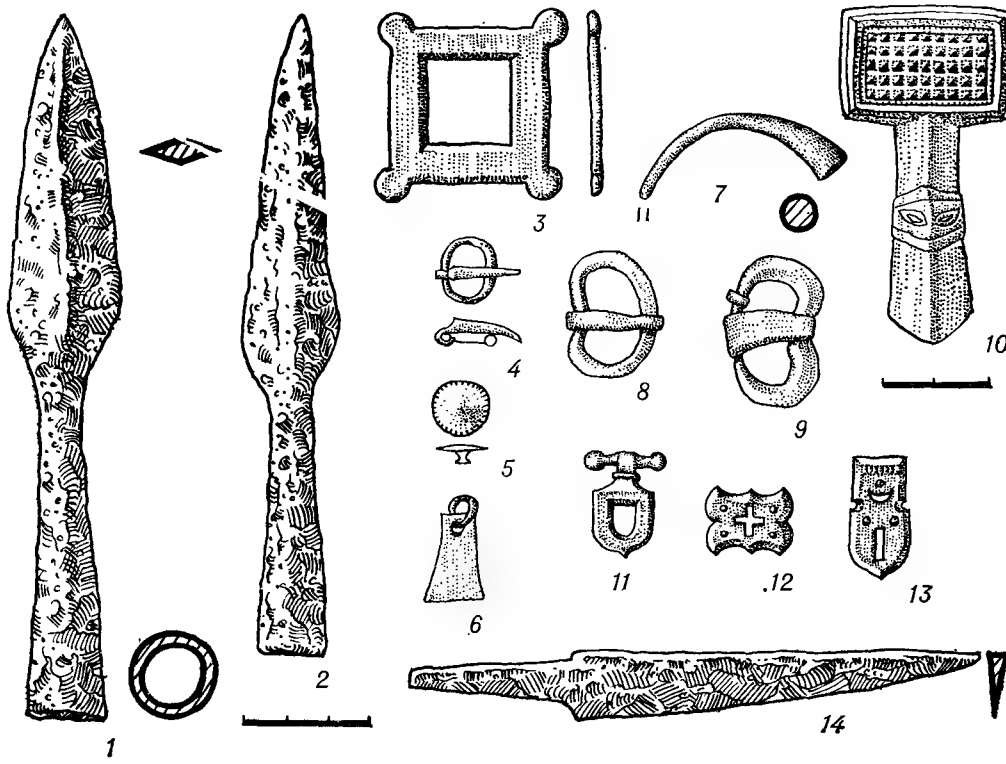
Особенно глубокими оказались расхождения в этническом определении носителей колочинских древностей. Обращая особое внимание на тот факт, что памятники колочинского типа прямо не связаны с древнерусскими древностями, а в Верхнем Поднепровье распространена балтская гидронимия, В. В. Седов, И. П. Русанова и А. Г. Митрофанов считают их носителей восточными балтами. В. Н. Даниленко, П. Н. Третьяков, Л. Д. Поболь и Е. А. Горюнов относят колочинские древности к славянским, генетически связанным с наследием зарубинецкой культуры.

Колочинские памятники распространены в южных районах лесной полосы Восточной Европы, а также в пограничной лесостепной полосе Днепровского Левобережья. Они известны от р. Друть и устья Припяти на западе до верховьев рек Сейм и Псел на востоке и от верховьев Ипути на севере до верховьев Сулы на юге.

Поселения неукрепленные, как правило, небольших размеров, расположены обычно на краю первой надпойменной террасы, реже — на дюнных останцах у поймы. Судя по находкам своеобразной керамики, некоторые городища в северной части колочинского ареала использовались в раннесредневековое время, однако сооружались ли укрепления на них в V—VII вв. или ранее не ясно. Широко исследовано

лишь мысовое городище Колочин I, служившее убежищем на случай военной опасности для обитателей расположенного рядом обширного селища [Сымонович, 1963, с. 97—120].

Жилища колочинской культуры — однокамерные квадратные в плане небольшие постройки (11—24 м²) с углубленным до 0,9 м в землю полом. Судя по четким очертаниям котлована



и остаткам дерева, в большинстве случаев конструкция стен была цельнодеревянной — срубной или каркасной. На поселении Смолянь в Верхнем Подесенье сохранились следы плетневых стен с глиняной обмазкой [Третьяков, 1974, с. 79—82]. В центре жилища обычно располагался опорный столб кровли, а недалеко от него — открытый очаг. В Тайманово открыты жилища с печью-каменкой в углу. В целом колочинские жилища очень близки постройкам киевской культуры, распространенной на данной территории в предыдущее время.

По периметру Колочинского городища были сооружены длинные бревенчатые постройки каркасной конструкции. Наиболее распространенным типом хозяйственных сооружений являлись ямы-погреба диаметром 0,6—1,5 м и глубиной 0,4—0,8 м, имевшие в разрезе колоколовидную форму.

Погребальный обряд колочинской культуры по сравнению с другими раннесредневековыми древностями Восточной Европы хорошо изучен. Для данной культуры характерно погребение остатков трупосожжения в грунтовых могильниках, нередко насчитывающих свыше 100 захоронений (Тайманово, Лебяжье). В северной части колочинского ареала, возможно, существовали и подкурганные трупосожжения (Демьянки). Сожжения проводились на особых площадках, следы которых встречены на могильнике Кня-

жий [Липкинг, 1974, с. 140]. Численно преобладают ямные погребения. Исключением является могильник Княжий, где урновые захоронения составляют почти 70%.

Рис. 39. Металлические изделия из памятников колочинской культуры (по Е. А. Горюнову и Ю. А. Липкингу): *1, 2, 8 — Княжий; 3 — Целиков Бугор (жилище № 1); 4, 5 — Смяч; 6, 7, 9, 11—13 — Лебяжье 1; 10 — Картамышево 2; 14 — Рощще (жилище № 17).*

Погребения обоих типов совершались в неглубоких округлых ямах, куда изредка клались личные вещи покойного (украшения, прясло, нож, реже — оружие), сохранившиеся при сожжении, а также преднамеренно разбитая глиняная посуда. Иногда на одном костре с умершим сжигали жертвенное животное (Смяч) или помещали в погребение мясную пищу (Лебяжье). Кальцинированные кости ссыпались на дно ямы, как правило, перемешанные с углем и золой, а в урны — очищенными. Урнами или сосудами-приставками служили обычные горшки, в отдельных случаях — емкости из дерева или бересты, зафиксированные в материалах Новобыховского могильника [Поболь, 1974, с. 169]. Иногда погребение закрывалось перевернутым вверх дном крупным сосудом. В одном случае урна была накрыта глиняным диском. При раскопках могильника Картамышево 2 Е. А. Горюнов отметил, что некоторые ямные погребения, группами по двоетрое, размещались внутри прямоугольных оградок. По деталям погребальной обрядности и инвентарю трудно выделить богатые или бедные захоронения, что свидетельствует об отсутствии значительной имущественной дифференциации в среде местных племен. Происхождение колочинской погребальной обрядности, вероятно, в первую очередь связано с киевской культурой.

Керамика колочинской культуры лепилась способом кольцевого налепа. Орнаментация исключительно редка и представлена насечками по венчику или налепным горизонтальным валиком с насечкой, а также рельефными «ушками» в верхней части сосуда. В качестве отощающей примеси в составе керамической массы обычно применялся шамот, реже — песок или дресва. Цвет поверхности серо-желтый, реже — темно-серый, обжиг неравномерный. В целом качество изготовления хуже, а ассортимент беднее, чем у посуды предыдущего периода — памятников киевского типа. Почти отсутствуют миски и подлощенная столовая посуда.

Колочинский керамический комплекс в основном представлен горшками и корчагами, а также дисками-крышками и сковородками с невысокими бортиками.

Формы горшковидных сосудов следующие: округлобокие сосуды, суженные к горлу, с максимальным расширением корпуса на середине высоты; вытянутые банковидные сосуды; горшки с широким, слегка выделенным горлом, плавно сужающиеся к днищу (тюльпановидные); биконические и цилиндро-конические ребристые сосуды; вытянутые горшки с короткой вертикальной или слабо отогнутой наружу шейкой; банковидные сосуды с загнутым вовнутрь краем [Горюнов, 1981, с. 18—22].

Шейки сосудов часто не выделены, прямые, днища с закраиной. Биконические или цилиндроконические горшки имеют закругленное ребро, четкий или слегка оттянутый валик.

Орудия в основном изготовлены из железа или стали. Это ножи с прямой или слабо выгнутой спинкой, шилья, пробойники, долота, проушной топор и обломок наральника из Тайманово. Известны фрагменты кос-горбуш и серпов, в том числе клад из Колочина, состоящий из четырех изделий. Большинство серпов — небольшие слабоизогнутые орудия с крючковым креплением рукояти. Имеются находки ры-

боловных крючков и пешни (Колочин I).

Из кости изготовлялись обычные типы орудий, необходимые при домашних ремеслах (тупики, кочедыки и т. п.).

Из глины, кроме посуды, изготовлялись пряслица биконической формы, близкие к киевским, но, в целом, более высокие, с меньшим отверстием. В редких случаях они орнаментированы наколами или процарапанными линиями. Из камня делались зернотерки, оселки и т. д.

Оружие встречается в единичных случаях: на сгоревших городищах (Колочин I) или в инвентаре отдельных погребений (Лебяжье, Княжий). Известно несколько наконечников копий, черенковых и втульчатых наконечников стрел, а также значительных размеров (возможно, боевой) нож.

Предметы убора и украшения также в основном происходят из захоронений. Это бронзовые браслеты и височные

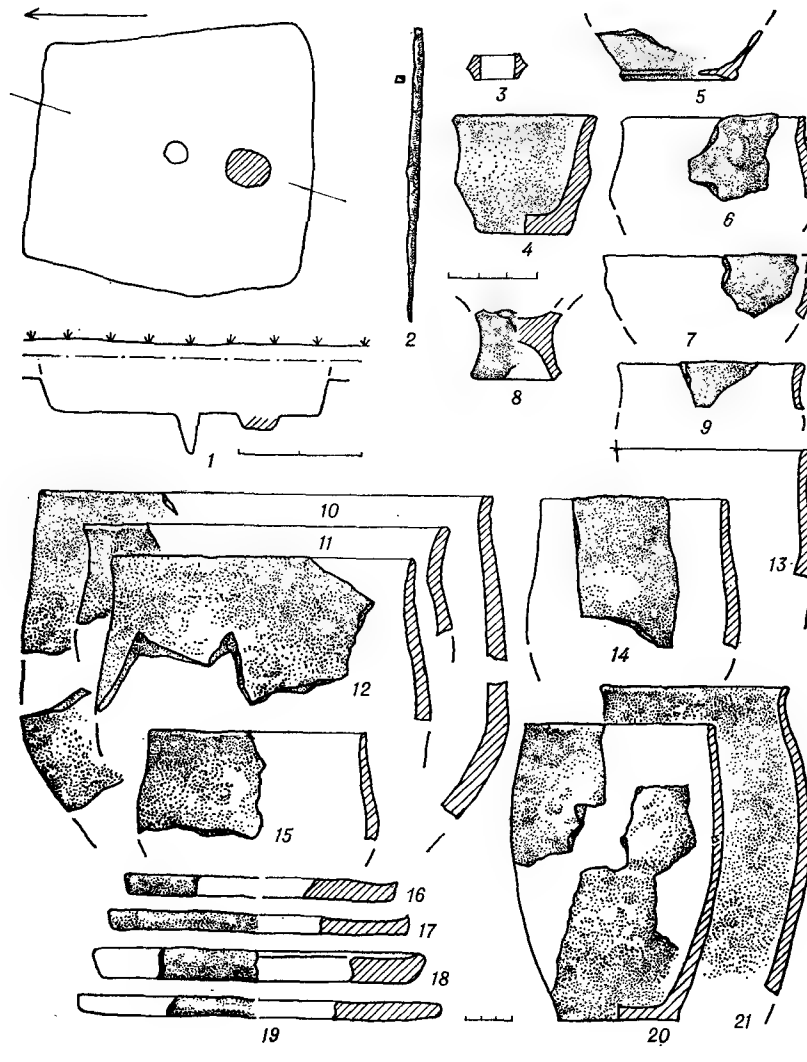


Рис. 40.
Комплекс жилища № 1 из поселения Заярье колочинской культуры:
1 — план и разрез жилища № 1;
2 — железное шило;
3 — глиняное пряслице;
5 — фрагмент черняховского гончарного сосуда;
4, 6 — 21 — лепная керамика.

кольца с утолщенными концами, различные части наборных мужских поясов (пряжки, наконечники ремней, бляшки), пирамидальные и трапециевидные подвески, стеклянные бусы. В погребении № 16 могильника Картамышево 2 найдена бронзовая литая фибула, не имеющая близких аналогий.

Большинство предметов личного убора можно отнести к кругу так называемых древностей антов.

Хронология колочинской культуры еще слабо разработана. В 60-х годах В. Н. Даниленко высказал предположение о распространении памятников колочинского типа в конце IV—V в., позднее поддержанное некоторыми исследователями. Н. М. Кравченко, Е. Л. Гороховский и Р. В. Терпиловский считают, что В. Н. Даниленко ошибочно отнес к ранним колочинским древностям поздние памятники киевского типа (Ходосовка, Сенча, Курган Азак и др.), имеющие в керамике некоторые «колочинские» элементы (единичные банковидные и цилиндроконические формы). Одним из самых ранних памятников колочинской культуры является поселение Заярье возле Новгорода-Северского, дающее в отличие от названных выше полный набор специфической колочинской посуды, который следует отнести к V в. По-видимому, в этот же период оформляется колочинская культура и на других территориях. Внутренняя периодизация памятников колочинской культуры не разработана. Большинство датирующих находок относится к VI—VII вв. [Горюнов, 1981, с. 62—63].

Хозяйственная деятельность населения колочинской культуры может быть реконструирована в общем виде. Существование земледелия подтверждается сравнительно многочисленными находками серпов, а также обгоревших зерен злаков и их отпечатками на керамике. Очевидно, местные племена в первую очередь культивировали просо и другие нетребовательные к почвенным и климатическим условиям зерновые. В лесной полосе значительную роль должна была играть подсека, что может быть засвидетельствовано открытием подсечного поля возле колочинского поселения у г. Трубчевск. Остеологический материал позволяет предположить, что в стадах колочинских племен, особенно в Лесостепи, преобладал крупный рогатый скот, вероятно, использовавшийся и как тягловая сила.

Воспроизводящие отрасли хозяйства дополняли охота и рыболовство.

Уровень кузнечного ремесла, по данным металлографического анализа, представляется сравнительно невысоким, типичным для культур лесной зоны Восточной Европы. Значительное количество примесей, редкое применение стали, слабое использование термообработки сближают колочинские изделия из черного металла с металлообработкой киевской культуры и северных памятников зарубинецкой культуры. Незначительное распространение бронзовых украшений, очевидно, может свидетельствовать о невысоком уровне литейного дела, обусловленного отсутствием местной сырьевой базы.

Исследования последних лет позволяют достаточно уверенно представить в качестве основного субстрата колочинской культуры северные группы памятников киевского типа, распространенные примерно на той же территории в III—V вв. Наблюдающиеся различия между этими культурами объясняются, вероятно, усилившимися в середине I тыс. н. э. контактами потомков населения киевской культуры с северными соседями — потомками племен культур штриховой керамики и днепро-двинской, что привело к созданию в V—VII вв. обширной культурной области. Поэтому границы между возникшими колочинской, банцеровской и тушемлинской культурами фиксируются очень слабо. Контактная зона отделяет колочинскую культуру и от более южной — пеньковской, также генетически связанной с памятниками киевского типа.

Несмотря на то что колочинские древности не имеют прямого выхода в культуру древней Руси (на данной территории на них накладывается культура, свойственная славянскому населению более южных и западных областей), носители колочинской культуры могут рассматриваться как раннесредневековые славяне. Подобный вывод следует из общего происхождения колочинской и пеньковской культур. Носителей последней единодушно отождествляют с антами письменных источников. Сделанный вывод подтверждается и отсутствием следов балтской гидронимии в южной части колочинского ареала, на территории Полтавской и Сумской областей УССР и Курской области РСФСР. Вместе с тем не исключено, что в северной части колочинского ареала, в пограничье с банцеровской и тушемлинской культурами, в число обитателей поселений колочинского типа входили и славянизированные восточные балты.

IV СЛАВЯНСКИЕ КУЛЬТУРЫ НАКАНУНЕ ОБРАЗОВАНИЯ ДРЕВНЕРУССКОГО ГОСУДАРСТВА

Славянская культура VIII—IX вв. правобережья Днепра (памятники типа Лука-Райковецкая)

Многочисленные источники VIII—IX вв., включающие территорию от Среднего Днепра до Закарпатья, дают представление о характере восточнославянской культуры данного региона. Древности VIII—IX вв. очерченной области, особенно Среднего Поднепровья, входившего в древнейшую территорию Руси [Рыбаков, 1982, с. 107], имеют важное историческое значение. Они отражают социально-экономическое и этническое развитие восточнославянского общества в период образования Древнерусского государства.

Памятники VIII—IX вв. правобережья Днепра очень близки славянским древностям смежных территорий. Однако они имеют некоторые отличия в материальной культуре — в характере домостроительства и керамического материала. В связи с этим многие археологи выделяют памятники правобережья Днепра в особую группу, известную под названием культура Лука-Райковецкая или памятники типа Лука-Райковецкая, отмечая, что они представляют собой определенный хронологический этап в развитии культуры правобережья Днепра. Название это происходит от поселения Лука-Райковецкая Житомирской области, исследованного в 1946—1948 гг. экспедицией Института археологии АН УССР под руководством В. К. Гончарова [1963].

Восточной границей данной группы древностей принято считать р. Днепр, за которым расположена синхронная роменская культура. На юге памятники типа Лука-Райковецкая достигают Потясминья и среднего течения Южного Буга. На севере рассматриваемая группа древностей граничит с р. Припять. На западе памятники типа Лука-Райковецкая занимают верховья Западного Буга и Днестра. На юго-западе УССР они известны в Прикарпатье и Закарпатье и выходят за пределы республики. Значительное их количество открыто на территории Молдавской ССР. Они родственны синхронным западно-словянским древностям Центральной Европы, особенно Южного Повисленья и Словакии, и очень близки памятникам VIII—IX вв. Болгарии и Румынии (типа Хлинча I).

В настоящее время на территории УССР известно свыше 400 памятников типа Лука-Райковецкая — поселений, городищ, могильников, культовых мест. Наиболее широко исследованными районами являются Каневщина, Во-

лынь, Буковинское Прикарпатье. Изучение памятников данного типа велось также на территории Киева, Потясминья, на Южном Буге, в верховьях Западного Буга и Днестра, на Среднем Днестре, в Закарпатье.

Начало исследований древностей VIII—IX вв. на территории от правобережья Среднего Днепра до Закарпатья относятся еще к концу XIX — началу XX в. Первоначально работы носили эпизодический характер. В советское время в предвоенные годы продолжалось накопление материала. И только в послевоенное время в достаточной степени была получена источниковедческая база для определения характера славянской культуры и ее локальных и хронологических проявлений.

Древности VIII—IX вв. в значительном количестве исследовались в области Среднего Поднепровья. Еще в начале XX в. в Киеве, на Старокиевской горе, были открыты остатки укреплений древнейшего Киевского городища с языческим капищем, а в 50—60-е годы — следы построек VII—IX вв. [Толочко, 1972, с. 46—50; 1983, с. 28]. Культурный слой открыт и на соседних горах—Замковой и Детинке [Шовкопляс, 1963]. Широкие раскопки проводились вблизи г. Канев и в низовьях р. Рось. На значительной площади в 1957—1962 гг. раскрыто Каневское поселение в 7 км к югу от Канева [Мезенцева, 1965]. Начиная с 70-х годов ведутся значительные раскопки на городище возле хут. Монастырек к северу от г. Канев [Максимов, Петрашенко, 1980]. Несколько поселений изучалось в период между 1949 и 1973 г. возле с. Сахновка в низовьях р. Рось [Приходнюк, 1980].

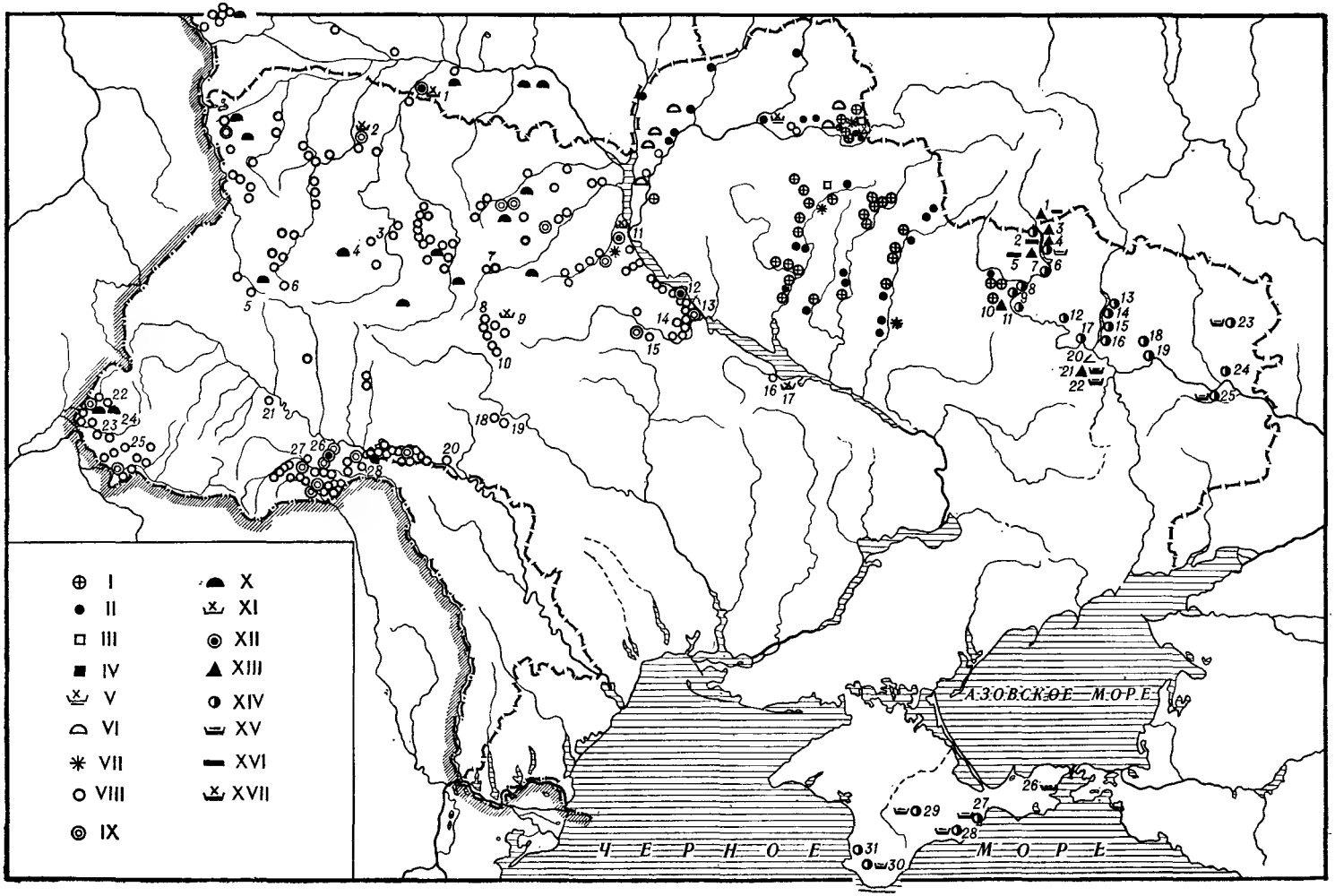
На юге Среднего Поднепровья в устье р. Тясмин у с. Пеньковка в 1956—1957 гг. исследовалось поселение VIII—IX вв. в уроч. Макаров Остров [Березовец, 1963; Линка, Шовкопляс, 1963]. В 60-е годы возле с. Большая Андрусовка изучались могильники, относящиеся к поселениям у с. Пеньковка, в том числе могильник I, синхронный поселению в уроч. Макаров Остров [Березовец, 1969].

Славянские древности Житомирщины, впервые открытые С. С. Гамченко еще в конце XIX в., изучались в 1946—1948 гг. [Гончаров, 1963] и особенно интенсивно в конце 50-х и в 60-е годы. В эти годы особенно широко раскапывались поселения у сел Тетеревка и Шумск, а также могильники недалеко от сел Межиречки, Миляновичи и др. [Русанова, 1973].

В бассейне Южного Буга в числе славянских древностей, систематически исследовавшихся в 50—60-е годы П. И. Хавлюком, были и поселения VIII—IX вв. возле сел Семенки II и Коржовка [Хавлюк, 1962].

Памятники данного периода известны в западных и юго-западных областях УССР, изучавшихся еще в конце XIX в., но в небольшом объеме. Систематические исследования памятников типа Лука-Райковецкая начали проводиться после Великой Отечественной войны. Широкие раскопки в Западной Волыни велись на городище недалеко от с. Бабка Ровенской области [Кухаренко, 1961, с. 7—11] на поселении возле с. Репнев [Аулих, 1963], на городище Плиснеск Львовской области, где обнаружены постройки VII—X вв. [Кучера, 1962]. В Верхнем Поднестровье на поселении у с. Незвиско ряд открытых построек относится к VIII—IX вв. [Смирнова, 1960]. На Среднем Днестре возле с. Григоровка исследовались поселение и металлургический центр, размещавшиеся на территории скифского городища и за его пределами [Артамонов, 1955].

В 60—70-е годы изучались славянские древности VIII—X вв. в Прикарпатье (Северная Буковина): поселения возле сел Ревное, Белая, Черновка, городища возле сел Ломачинцы, Добриновцы, Грозенцы [Тимощук, 1976]. На широких площадях исследованы поселения у сел. Рашков I [Баран, Некрасова, 1978] и Кодын [Русанова, Тимощук, 1984], содержавшие, наряду с другими объектами, постройки VIII в.


I
II
III
IV
V
VI
VII
VIII
IX
X
XI
XII
XIII
XIV
XV
XVI
XVII
АЗОВСКОЕ МОРЕ
ЧЕРНОЕ МОРЕ

Исследовались и могильники — Ревнянский, Черновский [Тимощук, Русанова, Михайлина, 1981]. Славянские поселения и могильники раскапывались в Закарпатской области в г. Ужгород и его окрестностях возле сел Червенево; Зняцево, а также в зонах новостроек [Бернякович, 1957; Котигорошко, 1977; Пеняк, 1980].

В 70—80-е годы вышли из печати работы, посвященные славянским древностям отдельных регионов, где освещены и памятники VIII—IX вв. Вышедшие монографии посвящены древностям Волыни [Русанова, 1973], Западной Волыни и Верхнего Днестра [Баран, 1972], Северной Буковины [Тимощук, 1976; Русанова, Тимощук, 1984], Закарпатья [Пеняк, 1980], Среднего Поднепровья [Приходнюк, 1980]. В перечисленных монографиях, ряде публикаций и статей дана характеристика славянской культуры VIII—IX вв. правобережья Днепра, подняты вопросы о периодизации и хронологии памятников, эволюции культуры, развитии хозяйства и общественного строя населения, его племенной принадлежности.

Представление о славянской культуре, занимавшей территорию от Правобережья Среднего Днепра до Закарпатья, дают неукрепленные поселения, городища, могильники, святилища, отдельные находки.

Как и в VI—VII вв., открытые неукрепленные поселения размещались в местах, удобных для земледелия, скотоводства и сельскохозяйственных промыслов — на плодородных участках почвы, вблизи рек, лугов, лесов. Топографическое положение поселений различно: на береговых склонах и террасах, площадках коренного берега, пойменных возвышенностях. Нередко посе-

Карта 4. Карта волынцевских, роменских, салтовских памятников и памятников типа Лука-Райковецкая:

I — городища роменской и волынцевской культур;
II — раскапывавшиеся городища роменской и волынцевской культур;
III — селища роменской и волынцевской культур;
IV — раскапывавшиеся селища роменской и волынцевской культур;
V — грунтовые могильники роменской и волынцевской культур;
VI — курганные могильники роменской и волынцевской культур;
VII — клады роменской и волынцевской культур;
VIII — поселения типа Лука-Райковецкая;
IX — нераскапывавшиеся городища типа Лука-Райковецкая;
X — курганные могильники типа Лука-Райковецкая;
XI — бескурганные погребения типа Лука-Райковецкая;
XII — раскапывавшиеся городища типа Лука-Райковецкая;
XIII — городища салтовской культуры;
XIV — селища салтовской культуры;
XV — грунтовые могильники салтовской культуры с трупоположениями;
XVI — катакомбный могильник салтовской культуры;
XVII — грунтовый могильник салтовской культуры с трупосожжением.

Волынцевская и роменская культуры:
1 — Горск;
2 — Новгород-Северский;
3 — Седнев;
4 — Чернигов;
5 — Шестовица;
6 — Сосница;
7 — Смолин;
8 — Красное Утро;
9 — Воргол;
10 — Литвиновичи;
11 — Дорошевка;
12 — Камень;
13 — Волокитино;
14 — Горки;
15 — Путивль;
16 — Волынцево;
17 — Харьевка;
18 — Бунякино;
19 — Моровск;
20 — Остер;
21 — Могрица;
22 — Великая Рыбица;
23 — Битица;
24 — Тополи;
25 — Красный Колядин;
26 — Малые Будки;
27 — Беседовка;
28 — Басовка;
29 — Медвежье;
30 — Шумск; 31 — Глинск;
32 — Свиридовка;
33 — Лохвица (Гаивщина);
34 — Городище;
35 — Хитцы;
36 — Бодаква;
37 — Броварки;
38 — Снятин;
39 — Воинская Гребля;
40 — Решетняки;
41 — Полтава;
42 — Опошня;
43 — Глинск;
44 — Городное;
45 — Журавное;
46 — Чернетчина;
47 — Заречное;
48 — Кнышевка;
49 — Каменное;
50 — Новотроицкое;
51 — Ницаха;
52 — Хотмышск;
53 — Донецкое;
54 — Хорошево;
55 — Водяное;
56 — Мохнач.

Памятники типа Лука-Райковецкая:
1 — Хотомель;
2 — Бабка;
3 — Городок;
4 — Пересопница;
5 — Репнев;
6 — Пасеснек;
7 — Бурки;
8 — Тетеревка;
9 — Шумск;
10 — Лука-Райковецкая;
11 — Киев;
12 — Монастырек;
13 — Канев;
14 — Сахновка;
15 — Момуты;
16 — Макаров Остров;
17 — Большая Андрусовка;
18 — Грабовец;
19 — Семенки;
20 — Григоровка;
21 — Незвиско;
22 — Ужгород;
23 — Зняцево;
24 — Червенево;
25 — Оросиево;
26 — Добрыновцы;
27 — Ревно;
28 — Рашков;
29 — Черновка;
30 — Кодин.

Салтовская культура:
1 — Дмитриевка;
2 — Подгоровка;
3 — Архангельское;
4 — Волчанск;
5 — Салтов;
6 — Нетайловка;
7 — Печенеги;
8 — Новая Покровка;
9 — Эсхар;
10 — Мохнач;
11 — Сухая Гомольша;
12 — Савинцы;
13 — Шейковка;
14 — Жовтневое;
15 — Боровая;
16 — Пески-Радьковские;
17 — Изюм;
18 — Титровка;
19 — Кременная;
20 — Райгородок;
21 — Маяки;
22 — Зливки;
23 — Новолимаревка;
24 — Рогалик;
25 — Желтое;
26 — Героевка;
27 — Тепсень;
28 — Кордон-Оба;
29 — Меловое;
30 — Инкерман;
31 — Песчаное;
32 — Фонтаны.

ления ограничивались ложбинами, оврагами, служившими естественной защитой, под укрытием лесов и гор. Площадь поселений различна, но обычно в пределах 3 га. Известны большие поселения с количеством построек около 100 и более. В Северной Буковине на полностью раскопанном поселении Рашков I В. Д. Бараном исследовано 90 жилищ, свыше 100 хозяйственных ям и гончарный горн конца VII — начала IX в. Б. А. Тимощуком на поселении Черновка зафиксировано 160 сооружений в виде впадин. Известны и небольшие поселения с 10—20 постройками. Для культуры типа Лука-Райковецкая характерно расположение поселений отдельными группами в виде «гнезд», а также тяготение к городищам.

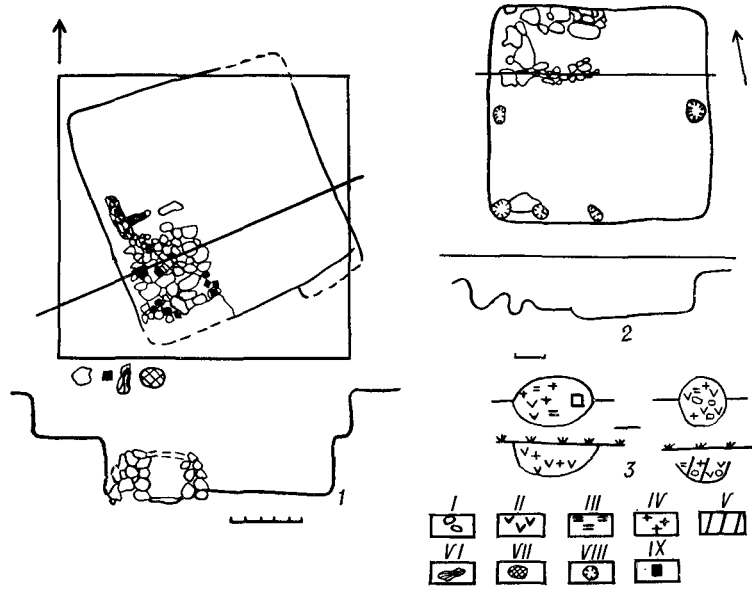


Рис. 41. Жилища VII—IX вв. Среднего Поднепровья и Прикарпатья (1—2). Бескурганные трупосожжения VII—IX вв. (3).
I — камни; II — уголь; III—обожженная глина; IV—пережженные кости; V — черная земля с углями; VI — обгорелое дерево; VII — под печи; VIII — ямки; IX — фрагменты керамики.

К наиболее широко исследованным неукрепленным поселениям, где сохранились постройки конца I тыс. н. э., относятся: Каневское в Среднем Поднепровье, Тетеревка на Волыни, Рашков I на Днестре, Кодын на Пруте. Некоторые поселения дают представление о планировке жилищ. В одних случаях жилища размещались без определенной системы, в других — группами. В отдельных случаях наблюдаются элементы рядовой уличной планировки. Так, на Каневском поселении прослежена четырехрядная планировка жилищ, в Монастырьке — трехрядная. Возле жилых построек нередко находят хозяйственные сооружения, что может свидетельствовать о существовании отдельных жилищно-хозяйственных комплексов. В некоторых случаях удалось проследить отдельные дворы (Тетеревка).

На открытых неукрепленных поселениях возводились различные типы построек. Наиболее распространенными были постройки, углубленные нижней частью в грунт до 1 м (полуземлянка). Форма их обычно прямоугольная или квадратная, иногда — овальная, площадью 6,5—30 м². В общем, площадь жилища была больше, чем в предшествующий период. Некоторые жилища углублены в грунт более чем на 1 м. Изредка встречаются наземные или почти наземные постройки, незначительно углубленные в грунт, и двухкамерные.

Известно три типа конструкции стен жилых построек. Наиболее распростра-

ненной была столбовая, с деревянной обшивкой, когда стены сооружались из плах или досок, уложенных горизонтально и закрепленных вертикальными столбами, вкопанными в углах и иногда вдоль стен постройки. Применялась также срубная конструкция стен, реже — столбовая конструкция стен с плетневым каркасом. Изнутри деревянные стены обмазывались глиной. Снаружи стены значительно углубленных построек присыпались землей, а стены построек, незначительно углубленных, оставались открытыми, возвышаясь над поверхностью земли. В последнем случае они и снаружи, большей частью, обмазывались глиной.

Очевидно, кровля жилых построек была двухскатной и представляла собой деревянный настил, присыпавшийся сверху слоем глины для утепления жилища. Верх кровли крепился на гребень, опиравшийся на столбы, вкопанные посередине коротких стен постройки. Края кровли полуземляночных жилищ опирались на стены, кровля значительно углубленных построек — на края земляного котлована. Пол жилищ земляной или обмазан слоем глины.

Обогревались жилища печами, в единичных случаях — очагами. Печи обычно сооружались напротив входа, большей частью в правом дальнем углу [Раппопорт, 1975, с. 119]. Иногда они сооружались на материковом останце или земляной подсыпке. Материалом, из которого сооружались печи, был камень и глина. Преобладали печи, сложенные из камня. Они имели прямоугольную форму длиной 1,4—1,7 и высотой до 1 м. В нижних частях печей укладывались крупные плоские камни, выше — более мелкие. Большей частью печь строилась насухо, иногда на глине или обмазывалась сверху глиной. В некоторых случаях свод сооружался из глиняных вальков.

Печи из глины в плане имели круглую форму диаметром 1,6—1,2 м, свод купольный на плетневом каркасе. Известны печи, сложенные из глины и камня. Сверху на печах иногда устраивались глиняные жаровни, а в полу возле печей выкапывали предпечные ямы. Некоторые жилища обогревались открытыми очагами, расположенными в центре постройки или около стены. В отдельных случаях прослеживаются детали устройства жилищ: земляные лежаки возле стен, ступенчатые входы, хозяйственные ямы.

Хозяйственные постройки по своей конструкции и размерам нередко напоминают жилища. Открыты наземные и углубленные в землю помещения. Стены хозяйственных построек более легкие, чем у жилищ с плетневым каркасом.

Нередко рядом с жилищами сооружали амбары с зерновыми ямами, где хранилось зерно; мельничные постройки для помола зерна; различного назначения ремесленные мастерские. Широко распространены на поселениях ямы-хранилища, погреба, помещавшиеся в жилых и хозяйственных постройках и за их пределами. В плане ямы обычно имели округлую форму, в разрезе — цилиндрическую или колоколовидную, диаметром 2 глубиной свыше 2 м. Ямы за пределами построек имели легкую шалашевидную кровлю. Стены зерновых ям обычно обмазывались глиной и обжигались. На поселениях открыты летние очаги и печи, сооружавшиеся вне построек.

Помимо открытых поселений исследовались укрепленные — городища VIII—X вв. Они открыты на территории от Среднего Поднепровья до Прикарпатья. Размещались они обычно на береговых мысах и возвышенностях, занимая площадь 0,5—5 га. Укрепления городищ чаще всего состояли из деревянных стен, реже — частоколов, земляных валов и рвов, иногда они дополнялись эскарпами и земляными откосами.

По социальному значению городища VIII—IX вв. составляли две группы: городища-убежища и городища, постоянно заселенные. В числе последних были ремесленные и административно-политические центры.

Городища-убежища, которыми пользовались только в период опасности, не имели постоянных жилищ. Культурный слой обычно беден или полностью отсутствует. Иногда на них сооружались постройки, вероятно, временного пользования. Обычно эти постройки примыкали к оборонительным сооружениям. К категории убежищ может быть отнесено мысовое городище возле с. Момоты на юге Киевской области, укрепленное двумя линиями валов и рвов и, как показала шурфовка, с бедным культурным слоем [Приходнюк, 1980, с. 135—136]. К этой же категории можно отнести городище конца I тыс. н. э. возле с. Бабка Ровенской области, округлое в плане, диаметром около 30 м. Городище окружено валом, вдоль которого обнаружены 13 ям с остатками каменных очагов и кострищ [Кухаренко, 1961, с. 7—11].

Более 10 городищ VII—IX вв. открыто и исследовано в 70-е годы в Буковинском Прикарпатье [Тимощук, 1976, с. 60—92]. Среди них городища-убежища недалеко от сел Ломачинцы, Красная Диброва, Ревное. Их оборонительные сооружения представляли собой деревянные стены, сооруженные из горизонтально уложенных бревен, закрепленных вертикальными столбами. С внешней стороны стены дополнительно укреплялись рвами и земляными откосами. В Ломачинцах стена была двойной, разделенной поперечными стенами на клети, использовавшиеся под временные жилища и мастерские. В Ревно и Красной Диброве к укреплениям изнутри пристраивались длинные наземные дома столбовой конструкции с каркасно-плетневыми стенами, обмазанными глиной. Центральная часть городищ-убежищ оставалась незастроенной.

Постоянно заселенные городища обносились деревянными стенами, дополнительно укрепленными срубами-опорами, рвами, эскарпами и деревянными откосами. Иногда сооружался частокол. Площадь городища застроена полуземлянками, но иногда постройки конструктивно связывались с укреплениями. Как упоминалось, эта категория памятников в социальном отношении не была однородной.

Административно-политическим центром Полянского княжения было древнейшее Киевское городище, укрепленное деревянной стеной и рвом, на площадке которого открыты полуземлянки [Толочко, 1972, с. 46—51].

К категории постоянно заселенных городищ относится в Среднем Поднепровье и городище возле хут. Монастырек вблизи Канева, расположенного на двух мысах Днепра. На почти полностью раскопанном восточном мысу прослежена густая застройка полуземлянками, стоящими в три ряда. Хозяйственные сооружения открыты не только возле жилищ, но и по краям городища [Максимов, Петрашенко, 1980].

В Буковинском Прикарпатье к данной категории памятников относятся городища возле сел Добриновцы и Грозенцы. Площадь Добриновского городища была густо застроена полуземлянками и ремесленными мастерскими, что позволяет рассматривать городище как ремесленный центр. Опорные срубы стены, часть из которых играла роль башен, также использовались обитателями городища под жилища и мастерские. На Грозенцовском городище к стене примыкали наземные постройки и опорные срубы, использовавшиеся под жилища.

Погребальные памятники VIII—IX вв. представлены единичными захоронениями, и только изредка исследовано по нескольку десятков захоронений. Хоронили умерших по обряду трупосожжения, совершавшегося в стороне от места погребения.

Трупосожжения относятся к бескурганным и курганным. Бескурганные делятся на урновые и безурновые. Урны с прахом умерших закапывались в неглубокие ямки. Иногда урны устанавливались в перевернутом положении. В одном захоронении встречались две-

три урны, а также сосуды-стравницы. Ямные трупосожжения представляли собой неглубокие ямки, заполненные пережженными костями. Изредка контуры ямок удавалось проследить, в других случаях в слое чернозема находили лишь кучки пережженных костей. Многие захоронения не имели погребального инвентаря. В некоторых погребениях сохранились мелкие изделия: бронзовые проволочные кольца, астрагалы, оплавленные бусы. Относительно широко исследован бескурганный могильник у с. Большая Андрусовка, *где раскрыто 29 урновых и 14* ямных трупосожжений. Большинство погребений могильника относится к VIII—IX вв. Возле с. Ревное исследовано 37 бескурганных ямных трупосожжений, культовое место-святилище, яма, где сжигались покойники, и наземный культовый дом.

Подкурганные захоронения представлены тремя типами трупосожжений: в ямах, на горизонте в виде ритуальных кострищ и в урнах. В ряде случаев фиксировались канавки, окружавшие захоронения, иногда со следами от деревянных оградок. Инвентарь представлен обломками сосудов, ножами, наконечниками стрел, украшениями. Подкурганные трупосожжения открыты на Волыни — Пересопница, Головно, Миляновичи; в Северной Буковине — Черновка; в Закарпатье — Червеново, Зняцево и др.

В IX—X вв. восточные славяне в связи с социальными изменениями в обществе и проникновением христианской религии начинают переходить от обряда трупосожжения к трупоположению. Трупоположения этого времени известны в киевских могильниках и некоторых других пунктах.

На Волыни, в Прикарпатье и в Среднем Поднепровье сохранились культовые сооружения в виде укрепленных и неукрепленных святилищ. Укрепленные святилища раскопаны в Буковинском Прикарпатье недалеко от сел Ржавинцы и Горбова [Тимощук, 1976, с. 82—91]. Они имеют округлую форму, небольшие размеры (диаметр 24—30 м) и окружены одним-двумя кольцевыми валами. На валах сохранились каменные площадки с остатками ритуальных кострищ. Культурный слой в центре городищ этого типа отсутствует. Находка четырехгранного каменного столба на Ржавинском укреплении позволяет предположить, что в центре городищ стояли идолы языческих божеств восточных славян.

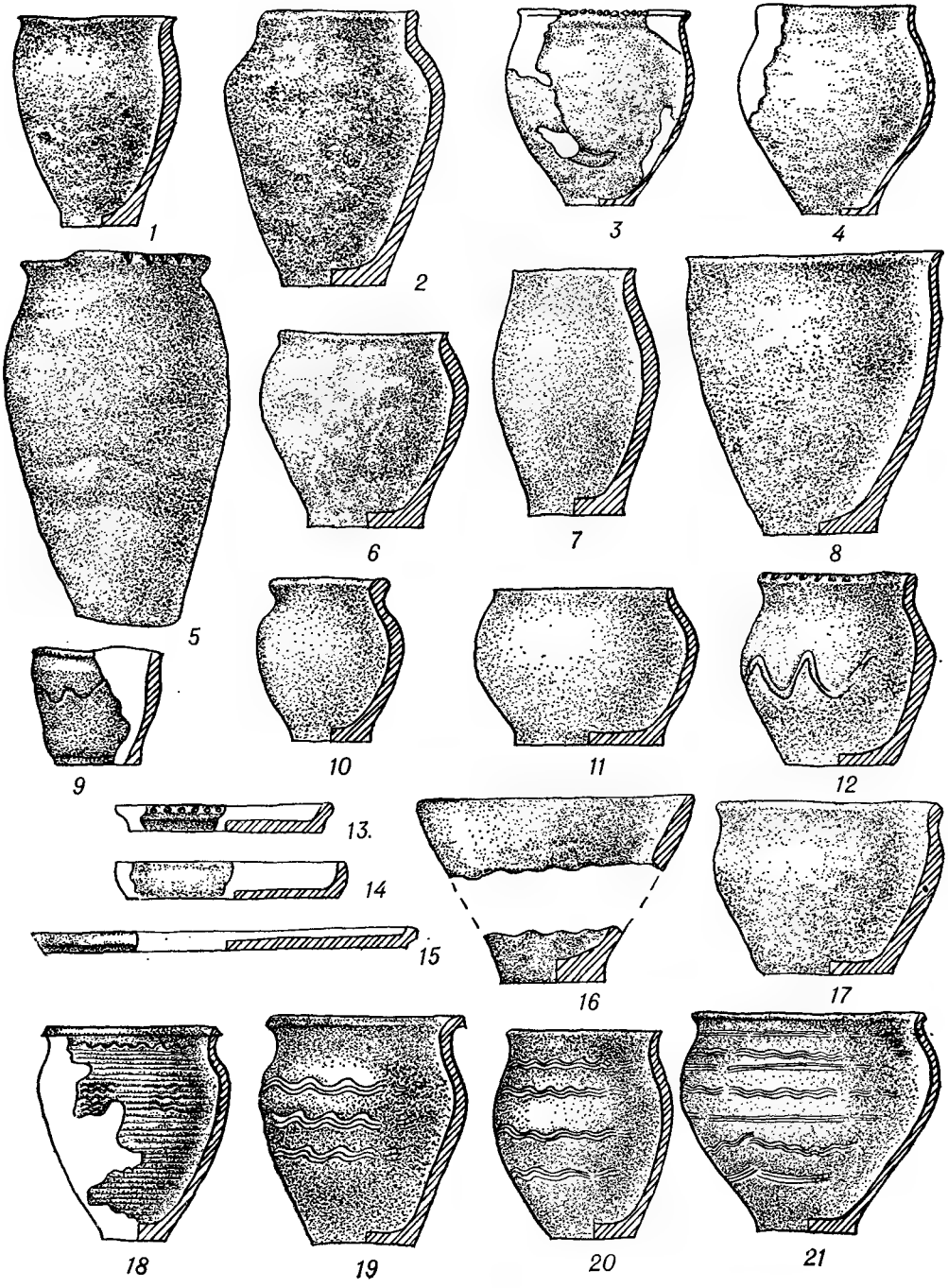
Неукрепленное святилище исследовано возле с. Шумск на Житомирщине [Русанова, 1966]. Оно расположено на берегу р. Гнилопять и имело неправильную крестовидную форму с четырьмя выступами по сторонам. Общие размеры сооружения 14,2×11 м. Почти в центре святилища находилась яма от большого столба; к северу, югу и западу от него — ямы от меньших столбов. В самом сооружении и его выступах обнаружены остатки кострищ, камни-жертвенники, кости животных, обломки глиняных сосудов и некоторые другие находки. Вероятно, сооружение не имело перекрытия.

Под открытым небом вокруг столбов, с изображениями языческих идолов, горели костры, происходили моления и жертвоприношения.

К святилищу примыкал могильник. На соседнем отроге берега открыта усадьба, необычная для поселений, возможно, связанная со святилищем. Усадьба состояла из жилища, хозяйственных построек: погреб, наземное хозяйственное сооружение с вкопанной землянкой и большой печью для обжига керамики, а также 14 небольших сарайчиков, окружавших постройки. По мнению И. П. Русановой, здесь находился дом старейшины, выполнявшего функции жреца [1973, с. 24].

В Среднем Поднепровье остатки святилищ-жертвенников открыты на древнейшем Киевском городище и возле древнерусского города Родень в устье р. Рось.

Вещевой материал состоит из керамики и других предметов быта, ору-



дий труда, оружия, конского снаряжения, украшений, монет.

Среди керамических находок преобладают сосуды, изготовленные вручную: грубые, толстостенные, с примесью крупнозернистой дресвы и шамота. Исследование способа конструирования стенок сосудов из поселения Лука-Райковецкая, проведенное А. А. Бобринским, показало, что сосуды изготовлялись наращиванием стенок из глиняных жгутов [1978, с. 167].

Первую группу керамики составляют кухонные горшки. Наиболее характерной их формой был конус. Сосуды этой формы, расширенные в верхней части и сильно суженные у дна, составляют несколько типов: с выпуклыми и невыраженными плечиками; с прямым и отогнутым венчиком. Отогнутые венчики составляют четыре варианта: с закругленным краем, с заостренным краем, с косо срезанным краем, с вертикально срезанным краем.

Для кухонных горшков характерна и округлобокая форма сосудов, у которых, по сравнению с конусовидными, меньше разница в диаметре горла и дна, а выпуклые плечики расположены ниже. Сосуды округлобокой формы представлены: яйцевидными с наибольшим расширением в верхней половине и отогнутым венчиком; подобными удлиненных пропорций; приземистыми с наибольшим расширением в средней части с прямым венчиком; тюльпановидными.

Лепные горшки изготовлялись с орнаментом и без него. Наиболее распространенные виды орнаментации: ямки, насечки, ногтевые вдавления и пальцевые вмятины, наносящиеся по краю венчиков. В отдельных случаях украшался и корпус: ямками, гребенчатыми наколами, горизонтальными и волнистыми линиями. Линейно-волнистый орнамент заимствован от гончарной керамики.

Вторую группу составляют мисковидные сосуды конусовидной и округлобокой формы. Встречаются мискицедилки с отверстием в дне или боковой стенке, кружки.

Рис. 42. Лепные (1—17) и гончарные (18—21) сосуды типа Лука-Райковецкая.

К третьей группе относятся сковородки с высоким прямым или наклоненным наружу бортиком, нередко украшенным ямками или косыми насечками по краю. Внутренняя поверхность дна этих сосудов иногда украшалась рядами ямок или прочерченными крестами.

К четвертой группе относятся массивные жаровни прямоугольной формы с высоким бортиком, иногда украшенным пальцевыми защипами или вдавлениями. Предназначались жаровни для просушки зерна и выпекания хлеба.

Гончарная посуда составляла на большинстве поселений 5—20 % общего количества керамического материала. Основная ее масса по технологическим качествам и форме близка лепной посуде, что подтверждает ее местное происхождение. Форма кухонных горшков повторяет две формы, характерные для лепных сосудов. Это — конусовидные или округлобокие сосуды с выпуклыми плечиками и отогнутыми наружу венчиками трех вариантов: с закругленным краем, с косо срезанным и вертикально срезанным краем.

Гончарные горшки украшались линейно-волнистым орнаментом, покрывающим всю поверхность сосуда. Встречаются гребенчатые наколы, иногда по краю венчика-ямочный орнамент. Последний вид орнамента возник в результате влияния лепной посуды на гончарную.

На наиболее поздних памятниках появляется гончарная посуда древнерусского, так называемого курганного, типа. От гончарной посуды типа Лука-Райковецкая эта керамика отличалась более высокими технологическими качествами и усложненной формой венчиков (так называемой манжетовидной).

В числе керамических находок поселений типа Лука-Райковецкая, расположенных вблизи Днепра и Днестра, имеется небольшое количество привозной посуды — сероглиняной салтовского типа, а также амфорной, привезенной из Таврии.

Орудия труда, найденные в памятниках типа Лука-Райковецкая, связаны главным образом с сельским хо-

зяйством и ремеслами. Это наральники, серпы, косы-горбуши, железные и костяные мотыги, жернова, зернотерки, рыболовные крючки, каменные грузила, топоры, тесла, долота, резцы-ложкари, ножи, шилья, проколки, точильные бруски, глиняные литейные формы, пряслица из глины, камня и стенок сосудов.

Оружие представлено наконечниками копий листовидной формы с круглой втулкой и наконечниками стрел несколько типов — листовидными втульчатыми, двушипными втульчатыми, ромбовидными с черенком. С Добриновского городища и поселения Репнев происходят шпоры. Они, как и большие железные пряжки Каневского поселения, являются предметами снаряжения всадника.

Немногочисленны металлические предметы быта (кресала, гвозди, дужки ведер) и украшения. К последним относятся височные проволочные кольца; подкововидная фибула; серьги-лунницы, украшенные псевдозернью; подвески-бубенчики; браслеты пластинчатые, литые и из граненой проволоки; перстни; пряжки железные, круглой и овальной формы, и бронзовая овально-рамчатая; стеклянные бусы и пронизи.

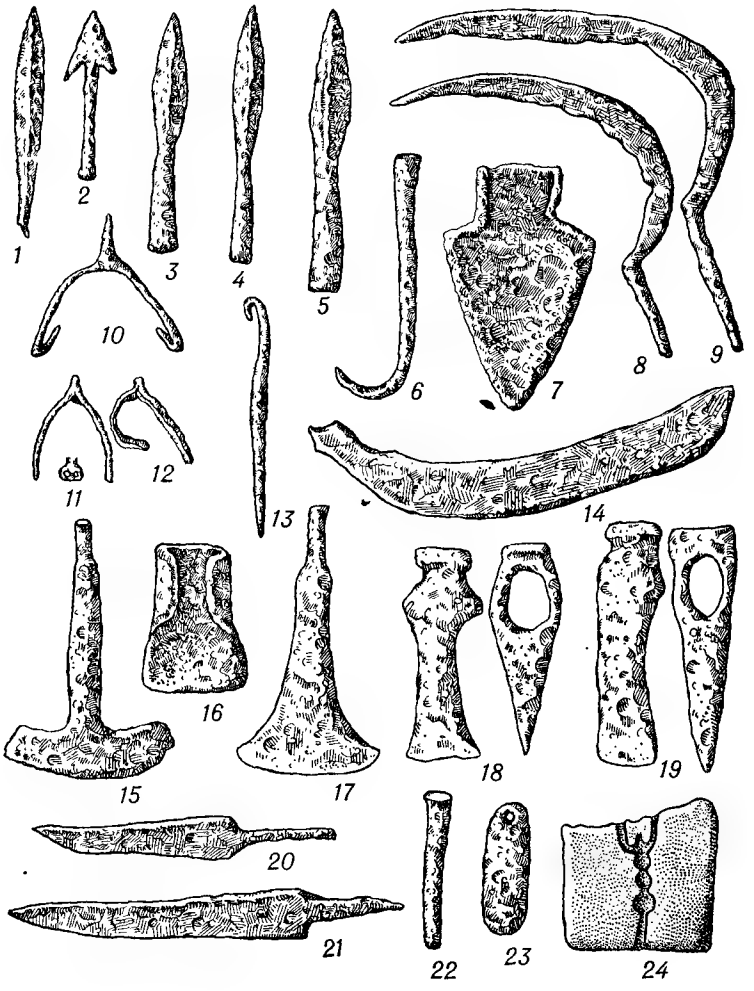


Рис. 43. Оружие и снаряжение всадника (1—5; 10—12), орудия труда (6—9; 13—24) VIII—IX вв. (Среднее Поднепровье, Волынь, Северная Буковина).

Судя по литейной форме Каневского поселения, славяне Поднепровья носили серьги в виде дужки с подвеской из трех вертикально расположенных шариков.

В Восточной Европе известны многочисленные находки арабских дирхемов VIII—IX вв. Они найдены в составе кладов и отдельно. К областям значительного их распространения относится Поднепровье и Поднестровье. Несколько кладов, содержащих дирхемы периода VIII—X вв., открыто на территории Киева. В самом Киеве известны и отдельные арабские и византийские монеты указанного периода, найденные в инвентаре погребений и случайно. В отдельных случаях монеты находили и в жилищах поселений.

Хронология памятников типа Лука-Райковецкая устанавливается различными методами. Большое значение имели наблюдения над стратиграфией памятников. Так, на городище около с. Хотомель в БССР зафиксировано два культурных слоя, разделенных пожарищем. Верхний слой с керамикой, аналогичной типа Лука-Райковецкая, датирован рядом вещей VIII—X вв. Впоследствии данные стратиграфии использовались и при датировке жилищ на поселениях Подрожье, Гульск, Монастырек, Клокучка II и др. На основании данных стратиграфии, подкрепленных датирующими вещами, была прослежена эволюция керамики и всей культуры от правобережья Днепра до Закарпатья с V—IX вв. После этого керамика стала привлекаться как датирующий материал. Эволюции и датировке славянской культуры правобережья Днепра уделила в своих работах большое внимание И. П. Русанова, Б. А. Тимощук, О. М. Приходнюк, В. А. Петрашенко [Русанова, 1973; Тимощук, 1976; Приходнюк, 1980; Петрашенко, 1982].

Культура правобережья Днепра VIII—IX вв. разделена исследователями на два этапа, отличающихся отсутствием на раннем этапе и присутствием на позднем местной гончарной посуды (по Б. А. Тимощуку, фаза B_1 и B_2). О. М. Приходнюк выделил особый этап Сахновки, относящийся к периоду формирования памятников типа Лука-Райковецкая.

Абсолютная датировка отдельных этапов в развитии культуры Лука-Райковецкая основана на находках ряда датирующих изделий. Так, наиболее раннее жилище (№ 9 городища Монастырек) с лепной посудой датируется найденным на полу арабским дирхемом 761—762 гг. — второй половиной VIII в. [Максимов, Петрашенко, 1980, с. 7]. На поселении Ханска II в Молдавии в жилище № 20 найдены две антропоморфные фибулы VIII в. вместе с лепной керамикой типа Лука-Райковецкая.

Постройки позднего этапа типа Лука-Райковецкая более многочисленны. В них обнаружены лепная и гончарная керамика, а в ряде случаев изделия, наиболее характерные для IX в. В жилище № 2 городища Монастырек найден дирхем 814 г., а в жилище № 1 — дирхем 741—742 гг. Однако другие находки свидетельствуют о более позднем времени существования постройки. На Добриновском городище найдены шпоры — одна VIII—IX вв., другая — IX—XII вв., что позволяет предположить одновременное бытование шпор в IX в. [Тимощук, 1976, с. 42].

Часть датирующих вещей имеет аналогии в материалах Новотроицкого городища левобережья Днепра: бронзовый пластинчатый браслет из поселения Буки, бронзовый литой перстень с круглым щитком из поселения Шумск, семилучевое височное кольцо с ложной зернью из городища Хотомель [Русанова, 1973, с. 18—19]. Изделия Новотроицкого городища относятся к IX в. [Ляпушкин, 1958, с. 185, 188]. Серьга в виде лунницы, найденная на городище Монастырек, аналогична великоморавским древностям IX в. [Максимов, Петрашенко, 1980, с. 14]. Перечисленные памятники позволяют предположительно относить поздний этап памятников типа Лука-Райковец-

кая к IX в. Другие изделия, найденные на поселениях Каневское, Макаров Остров, городищах Монастырек, Хотомель, датируются более широким периодом — VIII—X вв. Это наконечники стрел и копий, топоры, костяные гребни, пряжки и др. Подобные находки подтверждают датировку культуры в целом.

Для определения нижней хронологической границы памятников типа Лука-Райковецкая в некоторых случаях привлекались естественно-научные методы. Так, одно из жилищ поселения Подрожье на основании радиоуглеродного анализа датировано концом VII — началом VIII в. [Русанова, 1973, с. 21]. Ряд построек поселений Сахновка и Городок археомагнитным методом датированы концом VII — началом VIII в. [Приходнюк, 1975, с. 46; 1976, с. 117]. Судя по типологии керамики, поселения относятся к периоду формирования и начальному этапу древностей типа Лука-Райковецкая. Археомагнитным методом поселение Рашков I, где найдена лепная и гончарная керамика, датировано концом VII — началом IX в.

Памятники типа Лука-Райковецкая, по мнению многих исследователей, в генетическом плане являются непосредственным продолжением пражско-корчакских древностей. Эта точка зрения, основывающаяся на эволюции керамических форм, наиболее полно разработана И. П. Русановой. Считая, что для обеих культур характерной является конусовидная форма сосудов, И. П Русанова проследила преемственность между обеими культурами, показав эволюцию верхней части горшка — венчика и плечиков. Вместе с тем наличие среди сосудов типа Лука-Райковецкая округлобоких форм позволяет предположить, что в формировании культуры VIII—IX вв. правобережья Днепра сыграла определенную роль и пеньковская культура Среднего Поднепровья, керамика которой представлена округлобокими формами.

В наиболее поздних памятниках типа Лука-Райковецкая отражен переход от восточнославянской культуры к древнерусской. Получает распространение, сначала в небольшом количестве, а затем все больше древнерусская керамика так называемого курганного типа.

Таким образом, древности типа Лука-Райковецкая могут быть датированы концом VII—IX в. и подразделены на два этапа: ранний — конец VII—VIII в. и поздний — IX в. Для раннего этапа характерны памятники с лепными керамическими комплексами, для позднего — памятники с лепной и гончарной посудой. Наиболее поздние памятники, содержащие керамику так называемого курганного типа (Канев, Монастырек и др.), являются переходными к древнерусскому периоду и продолжают существовать и в X в.

Археологические источники отражают заметные изменения в социально-экономическом развитии восточнославянских племен VIII—IX вв. по сравнению с предшествующим периодом: увеличилось общее количество поселений и размеры отдельных поселков, что свидетельствует о росте численности населения и его концентрации в населенных пунктах. Орудия труда становятся многочисленнее, разнообразнее и технически совершеннее.

Основными видами хозяйства в VIII—IX вв., как и ранее, оставались земледелие и животноводство. Пахали при помощи рал с железным наральником, имевшим широкое треугольное лезвие. Подобные широколезвийные наральники с отвальной доской и ножом-чересломи, были технически совершеннее по сравнению с более ранними узколезвийными наральниками. Применение этих орудий повышало производительность земледелия и урожайность. Огороды обрабатывались железными и костяными мотыгами.

Можно предположить существование в Лесостепи паровой двупольной системы обработки почвы на основании находок зерен яровых и озимых культур, а также сопутствующих им

сорняков. Об ассортименте выращиваемых культурных растений дают представление палеоботанические исследования зерен и их отпечатков на глиняной обмазке и сосудах. Среди них оказались зерна злаковых и технических культур: нескольких видов пшеницы, ржи, ячменя, проса, овса, гороха, льна. Возможно, что в этот период выращивали бобы, репу, коноплю, фруктовые деревья.

Убирали урожай серпами, сено — косами-горбушами. Помол зерна осуществлялся при помощи жерновов и зернотерок. Известны специальные мельничные сооружения. Одно из них, открытое на Каневском поселении, представляло собой хозяйственную постройку, на полу которой сохранились обломки массивных жерновов. Мололи зерно в жилищах и других хозяйственных сооружениях. Зерно хранили в зерновых ямах и постройках-амбарах. Подобная постройка обнаружена в Сахновке. Она представляла собой хозяйственное помещение с зерновой ямой, где лежали обломки жерновов и железный наральник. Помещение, очевидно, использовалось для хранения зерна и орудий пахоты, а также для помола зерна. На поселениях нередки находки глиняных блюд-жаровень, на которых сушили зерно.

Другая важная отрасль хозяйства — животноводство развивалось на базе земледелия, поставлявшего необходимые корма. Остеологический материал отражает соотношение в стаде различных видов животных. Первое место принадлежало крупному рогатому скоту, затем шел мелкий рогатый скот, свинья, лошадь, птица. Крупный рогатый скот использовался как тягловая сила и как источник мясной и молочной пищи. О развитии молочного хозяйства свидетельствует распространение глиняных мисок-цедилок для изготовления творога.

Немалую роль в сельском хозяйстве играли промыслы — охота, рыболовство, бортничество. Охота существенно дополняла животноводство, на некоторых поселениях кости диких животных составляли около 50% количества всех найденных костей животных. Охотились на туров, лосей, оленей, диких кабанов, косуль, медведей, волков, лисиц, зайцев, белок. Богатые рыбой реки способствовали развитию рыболовства. На поселениях обычно находят кости и чешую рыб — щук, лещей, сомов, язей, плотвы. С рыболовством связаны рыболовные крючки, глиняные и каменные грузила от неводов.

Развитость ремесленного производства подтверждается различными типами орудий труда и ремесленной продукции, существованием ремесленных мастерских и центров с концентрацией одного или нескольких видов ремесла. К наиболее развитым видам ремесленного производства относятся металлургия и обработка металлов.

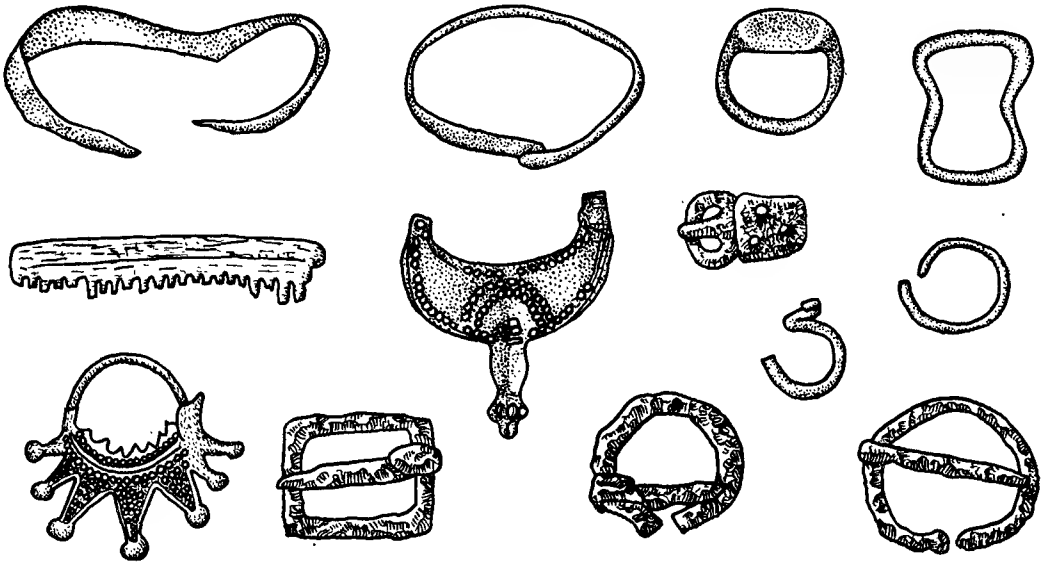
Значительный для своего времени металлургический центр открыт на Среднем Днестре на Григоровском городище. Здесь сохранилось 25 железоплавильных горнов, имевших вид небольших глиняных конусовидных сооружений высотой до 0,7 м. В нижней части лицевой стенки — отверстие-устье, выходившее в предгорновую яму. Григоровский металлургический центр снабжал железом значительную территорию, судя по объему продукции, полученной в открытых горнах.

Сваренное в горнах сыродутным способом кричное железо подвергалось дальнейшей горячей проковке в кузницах. Известно свыше 20 видов железных изделий, изготовлявшихся в раннеславянское время. Металлографические исследования железных изделий VIII—IX вв. Днепро-Днестровского междуречья показали совершенствование в этот период кузнечного ремесла, повышение качества изделий, усложнение их технологической схемы [Гопак, 1976]. Наряду со свободной ковкой распространяются приемы цементации, наварки стальных лезвий, термической обработки стали и др.

Кузнечные мастерские открыты на городищах Буковинского Прикар-

патья. Кузнечным центром было Добриновское городище, где открыто девять кузнечных мастерских. В них найдены каменные рабочие площадки с плоскими камнями-наковальнями, расположенные рядом очаги, шлаки. Добриновские кузнецы обслуживали окружавшие городище поселки.

Изделия из цветных металлов в ряде случаев изготовлялись кузнецами, керамические мастерские (с. Хреновка). Несколько таких мастерских для обжига керамики открыто на Добриновском городище. Здесь же найдена мастерская и для обработки шкур, что



однако известны специальные мастерские для производства украшений. На Каневском поселении открыта ювелирная мастерская, где найдены глиняная литейная форма для отливки серег, орудия труда и украшения. Мастера-ювелиры пользовались такими техническими приемами, как литье, ковка, чеканка, тиснение.

Значительного технического развития достигло камнерезное дело. Большого мастерства требовало изваяние каменных языческих идолов с символическими изображениями на поверхности. Из камня изготовлялись жернова, бруски, грузила, пряслица. В отдельных случаях применяли токарный станок, например при изготовлении пряслиц из мергелистого мела.

Гончарное дело после длительного упадка VI—VIII вв. в конце I тыс. н. э. испытывает новый подъем. Появляются гончарный круг и гончарные горны, свидетельствует о появлении мастеров-ремесленников, занимавшихся кожевенным делом. Обработка дерева, кости и ткачество, вероятно, оставались домашними ремеслами.

Процесс отделения ремесла от земледелия в самостоятельную отрасль труда, возможно, охватил наиболее развитые его виды: металлургию, кузнечное и ювелирное дело, обработку камня и, очевидно, кожи. Об этом свидетельствуют открытые мастерские ремесленников и концентрация этих видов ремесел в особых ремесленных центрах. Следствием обособления ремесла явилось зарождение товарного производства и внутреннего обмена. Ремесленники-профессионалы изготовляли продукцию, обменивая ее на продукты земледелия и другие ремесленные изделия. Обмен существовал не только внутри одной общины, но и между ними.

Развиваются внешние торговые связи, что подтверждается находками импортной керамики — амфор крымского происхождения и сероглиняной салтовской. В амфорах перевозили с юга

Рис. 44.
Украшения, предметы личного убора (VIII—IX вв.).

вино и масло. Салтовская посуда поступала на поселения Поднепровья из поречья Северского Донца, а на поселения Прикарпатья — из придунайских мастерских. О существовании торговых связей с востоком свидетельствуют находки арабских дирхемов VIII—X вв. Они обнаружены не только в составе кладов, но и как отдельные находки (Поднепровье, Поднестровье). Особенно много арабских монет найдено на территории Киева, что подтверждает его роль как значительного торгового центра.

Развитие ремесла и торговли связано с процессом образования городов. Города, как средоточие ремесленной и торговой деятельности, были явлениями феодальной эпохи, но зарождались они еще в дофеодальный период. В VIII—IX вв. существовали уже предшественники городов — укрепленные поселения, ремесленные, торговые и административно-политические центры (Киев, Родень, Монастырек в Поднепровье, некоторые городища Прикарпатья).

Уровень экономического развития восточнославянских племен по археологическим источникам отвечал обществу, находившемуся в процессе становления классовых феодальных отношений. В конце I тыс. н. э. продолжался процесс распада семейных общин и возникновения сельских территориальных общин. Этот процесс нашел отражение в археологическом материале. В ряде случаев в Прикарпатье засвидетельствованы «гнезда» из пяти—восьми поселков, группирующихся вокруг городища (убежища или хозяйственного центра). Такие группы памятников исследователи рассматривают как территориальную общину [Тимощук, 1976, с. 120]. Вместе с тем самостоятельной общиной следует считать и известные в то время большие поселения со значительным количеством жителей.

Коллективные хозяйства семейных общин сменяют индивидуальные хозяйства внутри сельской общины, что подтверждается наличием отдельных дворов, открытых в Тетеревке [Фролов, 1967] и на Добриновском городище. На последнем зафиксированы индивидуальные хозяйства ремесленников: расположенные рядом жилища и мастерские [Тимощук, 1976, с. 130]. Показателен также клад железных изделий, найденный в жилище поселения Макаров Остров [Березовец, 1963, с. 183—184]. Судя по размерам жилища, в нем обитала небольшая семья, владевшая орудиями труда, позволявшим ей вести самостоятельное хозяйство. Появление индивидуальных, экономически самостоятельных хозяйств привело к развитию имущественного расслоения общества. В это же время на поселениях существуют и группы близко расположенных жилищ, очевидно, родственных семей, связанных общим хозяйством и являвшихся остатками семейных общин.

Происходит и социальное расслоение общества. Формируются группы населения, занимающие различное социальное положение: общинники-земледельцы, ремесленники, жрецы, вооруженные дружинники, племенная, а позже феодальная знать.

В отношении единства восточнославянской культуры VIII—IX вв. мнения археологов-славистов не совпадают. И. И. Ляпушкин считал славянскую культуру VIII—IX вв. Восточной Европы единой [1968, с. 119—124]. И. П. Русанова предложила называть древности VIII—IX вв. Правобережного Днепра культурой типа Лука-Райковецкая, для того чтобы отличать их от роменских памятников Левобережного Днепра [Русанова, 1958, с. 41].

В последние годы в литературе вы-

сказаны предположения, что среди памятников типа Лука-Райковецкая, Поднепровья, Побужья и Поднестровья прослеживаются различия, прежде всего, в керамических комплексах [Баран, 1978, с. 21]. Предполагается, что в дальнейшем в культуре Лука-Райковецкая от Среднего Днепра до Подунавья будут выделены локальные варианты и даже самостоятельные культуры VIII—IX вв. [Приходнюк, 1980, с. 123].

Рассмотренные археологические материалы VIII—IX вв. между Средним Днепром и Закарпатьем показывают, что для славянской культуры этой территории в целом характерно единство, наличие многих общих черт. Общими для всех районов данной территории были: 1) неукрепленные и укрепленные поселения; 2) постройки, углубленные в землю столбовой и срубной конструкции; 3) печи-каменки; 4) обряд сожжения, урновый и безурновый; 5) основные типы орудий труда и украшений; 6) типы лепной посуды — конусовидные и округлобокие горшки, мисковидные сосуды, сковороды, жаровни, орнамент в виде ямок по венчику; 7) типы гончарной посуды — конусовидные и округлобокие горшки, украшенные линейно-волнистым орнаментом.

Вместе с тем памятники отдельных районов имеют некоторые локальные этнографические особенности, проявляющиеся в конструкции жилищ и их обогревательных устройств, обряде погребения, керамике и т. п.

Основным вопросом этнокультурной карты Восточной Европы периода образования Древнерусского государства является определение культуры упоминаемых летописью группировок восточных славян. Этнографические особенности памятников различных районов в ряде случаев могут быть увязаны с географическим размещением союзов восточнославянских племен, названных летописью [ПВЛ, с. 11—14].

Проблема социального содержания летописных племен, их исторической географии и связи с археологическими культурами имеет обширную историографию. В трудах советских историков определено социальное содержание упомянутых летописью группировок славян как крупных союзов племен [Рыбаков, 1982, с. 25—28]. Значительное количество трудов посвящено связи упоминаемых группировок с археологическими материалами.

В 60—70-е годы в результате широких исследований целого ряда поселений значительно расширились знания о восточнославянской культуре VIII—IX вв. Среднего Поднепровья, Волыни, Поднестровья и Прикарпатья. Некоторые исследованные памятники ученые связывают с летописными союзами племен.

С племенами полян, обитавшими, по летописи, в Киеве и вокруг города, связывают поселения VIII—IX вв. Киевщины и Каневщины [Мезенцева, 1965; Максимов, Петрашенко, 1980, с. 18]. Южнее полян, «по Днепру вниз», размещались уличи, впоследствии переселившиеся, по Новгородской летописи, на земли между Бугом и Днестром. К уличам отнесены поселения Потясминья [Березовец, 1963]. На северо-запад от Киева, в Восточной Волыни размещались земли древлян [Русанова, 1958], в верховьях Западного Буга и Днестра — дулебы, а позднее — волыняне и бужане [Баран, 1972, с. 130—136], обитавшие, согласно летописи, «по Бугу». С тиверцами, проживавшими, как сообщает летопись, по Днестру и «приседяху к Дунаеви», связывают древности Прутско-Днестровского междуречья [Федоров, 1952]. В области Прикарпатья и Закарпатья на памятниках конца I тыс. н. э. проживали племена хорватов [Тимощук, 1976, с. 137—139; Пеняк, 1980, с. 162—165].

В историографии неоднократно отмечалось, что наиболее трудно определить особенности культуры юго-западной группы восточнославянских племен. В связи со все еще недостаточной изученностью источников и несом-

ненным единством восточнославянской культуры локальные варианты культуры VIII—IX вв. правобережья Днепра продолжают оставаться мало исследованными [Смиленко, 1979; Петрашенко, 1982, с. 15—18].

Местными особенностями культуры полян в VIII—IX вв. были различного типа обогревательные сооружения — печи из камня или глины либо глины и камня. Для древностей уличей характерны бескурганные трупосожжения; для подкурганных трупосожжений древлян — оградки вокруг погребений; для волынян верховий Западного Буга — глиняные печи; для керамики тиверцев — примесь слюды. Особенностью памятников хорватов Закарпатья являются двухкамерные постройки с каркасно-плетневыми стенами и различного типа обогревательные сооружения — печи из глины и камня, очаги, а также керамика с примесью дресвы. Как видим, проблема локальных вариантов славянской культуры в конце I тыс. н. э. нуждается в дальнейших исследованиях.

Рассмотренные особенности культуры восточнославянских племен, их социально-экономическое и этническое развитие в конце I тыс. н. э. отражают начавшийся процесс формирования у восточных славян феодального общества и образования Древнерусского государства.

Археологические материалы дают представление о прогрессе в области экономики, о развитии общественного разделения труда, сложении территориальной общины и городских центров, социальном расслоении общества, о существовании союзов племен, известных по летописям, объединившихся в Древнерусское государство. С возникновением Древнерусского государства неразрывно связано формирование у восточных славян древнерусской народности, объединившей все восточнославянские и некоторые неславянские племена Восточной Европы.

Славянские древности последней четверти I тыс. н. э. Днепровского Левобережья (волынцевская и роменская культуры)

На территории Днепровского Левобережья* вторая половина I тыс. н. э. представлена главным образом памятниками волынцевской и роменской культуры.

Начало археологического изучения славянских памятников Левобережья следует отнести к середине XIX в., когда впервые были предприняты раскопки Донецкого городища близ г. Харьков [Пассек, 1839, с. 201] и курганов в Курском Посеймье [Дмитрюков, 1854, с. 26—37]. В конце XIX в. большую работу по исследованию левобережных памятников проводил Д. Я. Самоквасов, разработавший принципы их датировки и классификации [Самоквасов, 1878, с. 225; 1908; 1916]. В это же время Ю. А. Морозов обследовал городища Харьковской губернии, а в самом начале XX в. В. Г. Ляскоронский провел разведки в бассейнах основных левых притоков Днепра в центральной и юго-восточной части Днепровского Левобережья [Ляскоронский, 1901; 1907; Морозов, 1902]. Живой интерес к славянским древностям рассматриваемой территории проявляли В. А. Городцов, А. А. Спицын, В. В. Хвойка. Важный вклад в изучение славянских памятников Украины внес Н. Е. Макаренко, открывший и впервые обследовавший в 1901 г. группу поселений в окрестностях г. Ромны, получивших название памятников роменской культуры. В это же время открыта группа раннеславянских древностей, тогда еще не выделенных в особый волынцевский тип. В 1898 г. при вспашке поля между селами Малые Будки и Константинов были случайно найдены своеобразные сосуды, переданные позже в Эрмитаж.

В 1906 г. Н. Е. Макаренко с участием В. Ф. Беспальчева провел здесь ис-

* Под термином понимается территория собственно Левобережной Украины вместе с прилегающими районами РСФСР (Брянское Подесенье и Курско-Белгородское Посеймье).

следования, в результате чего выявлены остатки могильника с трупосожжениями и захоронениями в урнах [Макаренко, 1907, с. 50—54].

В конце 20—30-х годов XX в. коллектив научных сотрудников г. Харькова проводил археологические обследования в Харьковской области. Работы разведочного характера тогда же проводились на территории Полтавщины и в окрестностях г. Курск.

В конце 30-х годов П. Н. Третьяков и И. И. Ляпушкин в бассейне р. Ворскла и Б. А. Рыбаков в Курской области продолжили изучение роменских древностей [Рыбаков, 1939, с. 319; Ляпушкин, 1946; Третьяков, 1947, с. 123]. Успешно начатые исследования были прерваны Великой Отечественной войной, после окончания которой, наряду с систематическими разведками, в ряде мест проводились раскопки экспедицией ИИМК АН СССР с ИА АН УССР. С 1938 по 1950 г. обследованы бассейны нижнего течения р. Десна, рек Сейм, Сула, Псел, Ворскла и бассейна верхнего течения Северского Донца, благодаря чему в научный оборот введено несколько десятков поселений роменского типа; получен материал для определения южных, восточных и западных границ распространения роменских памятников; установлено, что на обследованной территории они широко распространены в пределах районов с лесостепным и лесным ландшафтом, причем граница роменских поселений выходит далеко за пределы Левобережной Украины по среднему и верхнему течению Десны.

Среди исследователей послевоенного времени славянскими древностями Днепровского Левобережья занимался И. И. Ляпушкин. Проведенные им разведки (1938, 1940, 1945—1950 гг.) позволили с большей точностью определить общий характер раннеславянских памятников. Раскопки, предпринятые И. И. Ляпушкиным в Полтаве, Опошне и других пунктах, способствовали уточнению датировки собственно роменских древностей [Ляпушкин, 1946, с. 117; 1949, с. 58; 1952, с. 285]. Особенно большое значение имеет изучение полностью раскопанного городища Новотроицкое (среднее течение р. Псел) [Ляпушкин, 1958]. И. И. Ляпушкину принадлежит заслуга создания сводки древностей Днепровского Левобережья эпохи железа, среди которых большое внимание уделено славяно-русским памятникам VIII—XIII вв. [Ляпушкин, 1962].

Значительное место в изучении славянских памятников Левобережья принадлежит Институту археологии АН УССР. Особенно важным было открытие (1948) и многолетнее исследование (1948—1949, 1953, 1965—1966 гг.) поселения и могильника в уроч. Стан около с. Волынцево Путивльского района Сумской области, давших название целой группе раннеславянских древностей [Березовец, 1952; 1953; 1953а; 1955; 1967].

В 1948—1950 гг. исследовались могильник и поселение близ г. Сосница [Виноградский, 1952; Березовец, 1955], в ходе раскопок которых получены новые материалы для характеристики памятников волынцевского типа. В эти же годы аналогичные поселения открыты в районе г. Курск.

Большое внимание уделялось и городищам роменской культуры: разведка Ф. Б. Копылова в Посулье в 1945 — 1946 гг. [Копылов, 1949], раскопки В. И. Довженка городища возле с. Волынцево [Довженок, 1952], Д. Т. Березовца — городища у с. Воргол в 1949 г., Донецкого городища под Харьковом, возобновленных Б. А. Шрамко в 1955 г. [Шрамко, 1962] и др.

В последние годы исследованием памятников волынцевского типа и роменской культуры занимается Левобережная славяно-русская экспедиция ИА АН УССР, силами которой в 1968 г. проведены охранные раскопки городищ у сел Червоный Ранок и Волокитино в бассейне р. Сейм [Сухобоков, 1974; 1975, рис. 46]; раскопки городища около с. Ницаха в бассейне р. Ворскла [Сухобоков, 1974а]; завершены раскопки раннеславянского поселе-

ния близ с. Опошня Полтавской области [О. В. Сухобоков, 1975 г.], а также роменско-древнерусского археологического комплекса недалеко от с. Каменное в среднем течении р. Псел (раскопки О. В. Сухобокова в 1976—1978 гг.). В 1980—1981 гг. Волынцевский отряд Левобережной славяно-русской экспедиции провел завершающие исследования этого памятника [Юренко, 1981; 1982].

В эти же годы раннеславянские древности исследовались Днепровским Левобережным отрядом ЛО ИА АН СССР под руководством Е. А. Горюнова. В результате проведенных работ (1968—1977 гг.) открыто несколько десятков памятников волынцевского типа [Горюнов, 1981]. Значительно расширился и ареал названных памятников, южная граница которых проходит в районе Киева [Орлов, 1972; Кравченко, 1975; Сухобоков, 1977, и др.].

Многолетние исследования позволили установить ареалы памятников волынцевского типа и роменской культуры. Границы первых определяются следующим образом: северная проходит по устью р. Гасома и бассейну р. Судость, западная — по Правобережной Киевщине (Ходосовка, Обухов II), крайняя восточная — в районе г. Курск. Южную границу установить вполне определенно еще не удается. Ареал памятников роменской культуры расположен только на территории Днепровского Левобережья. На севере граница роменской культуры проходит вдоль северной границы Брянской области, на северо-западе — по р. Судость, на западе — по р. Днепр. Северо-восточная граница проходит по линии Витемля — Севск — Шапулинка, восточная — по линии Шапулинка — Мохнач. Южная граница в целом совпадает с границей Лесостепи [Діброва, 1958, с. 104], проходя по линии Задонецкое — Решетняки — Кременчуг [Сухобоков, 1975, карта 4].

Таким образом, ареалы волынцевских и роменских памятников в основном совпадают, занимая территорию Днепровского Левобережья.

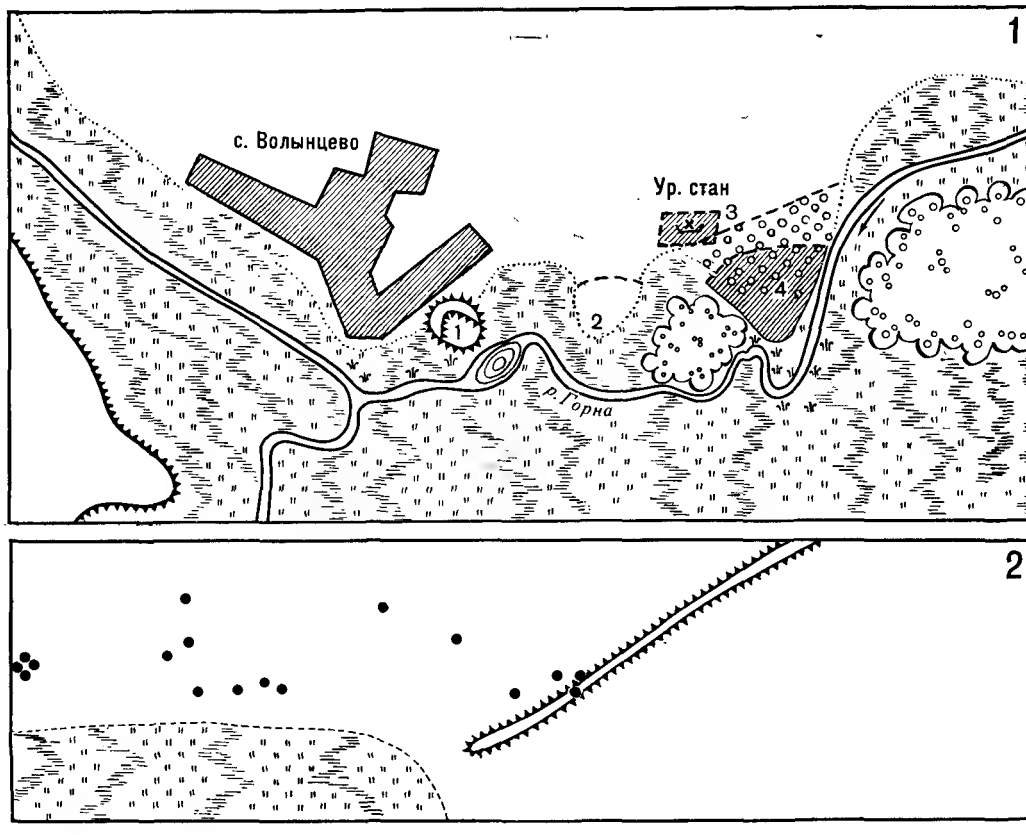
В границах очерченной территории рассматриваемые памятники расположены по берегам рек Десна, Сейм, Сула, Псел, Ворскла и Северский Донец, а также их притоков. Для бассейнов этих рек характерны подзолистые почвы, что указывает на наличие здесь в древности мощных лесных массивов. Отсутствие волынцевских и роменских памятников по берегам рек Супой, Трубеж, Хорол, Коломак, не имеющих подзолов, весьма симптоматично. Точно также отсутствуют они и в безлесной болотистой пойме низовьев Десны и Сейма, Переяславском Поднепровье, низовьях Псла и Ворсклы. Напомним сообщение летописца о левобережных славянах, которые «живяху в лѣсех».

До сих пор не прекращаются дискуссии относительно происхождения, хронологии, типологических и генетических связей раннеславянских памятников Днепровского Левобережья, их месте среди восточнославянских древностей. Так, одни исследователи считают волынцевские памятники реликтом черняховской культуры [Брайчевский, 1968, с. 90], другие — вообще не признают их своеобразия и считают эти памятники однородными с роменскими и синхронными им [Ляпушкин, 1968, с. 61—62], третьи — усматривают их специфичность, в инокультурных элементах [Третьяков, 1969]. Ряд исследователей вообще отрицают существование раннеславянских памятников на Левобережье ранее VIII в. н. э. [Ляпушкин, 1961; 1968; Артамонов, 1967], в то время как другие склонны признавать их наличие с момента появления позднезарубинецких памятников [Третьяков, 1966; 1968].

Вызывает споры вопрос и о происхождении роменской культуры. Так, если Д. Т. Березовец высказывался за безусловно местные ее корни, то П. Н. Третьяков считал ее пришлой из района Подмосковья и Смоленщины [1969], против чего серьезно возражает Сухобоков [1975, с. 138—140].

Спорным является и само название

культуры — «роменско - боршевская». Предложенный в одной из ранних работ И. И. Ляпушкина [1947, с. 126, 127] термин, объединяющий две группы синхронных славянских памятников Левобережья, с одной стороны, и Подонья — с другой, является общепринятым в литературе. Между тем специалисты пришли к выводу о неправомерности такого объединения



[Москаленко, 1965; Рыбаков, 1953; 1964], так как, несмотря на определенное сходство, роменские и боршевские памятники имеют существенные различия не только в материальной культуре [Москаленко, 1965, с. 155; Винников, 1974, с. 25—26], но и в погребальных обрядах [Соловьева, 1956, с. 164—165; Сухобоков, 1975, с. 144—146].

По-видимому, речь может идти о роменской и боршевской культурах как проявлениях северянской и вятичской этнографически различных общностей.

Памятники волынцевской культуры. Большинство памятников этой культуры расположено в бассейне рек Десны и Сейма, где открыто больше половины известных в настоящее время поселений и могильников.

Поселения, как правило, расположены на понижающихся участках надпойменных террас и всхолмлениях в пойменных долинах. Таково местоположение селища возле с. Волынцево (уроч. Стан) Путивльского района Сумской области. Оно размещено на языковидном выступе большого останца (560×340 м), возвышающегося над

заболоченной поймой р. Горны (приток Сейма) на 5—7 м. Каких-либо следов оборонительных сооружений не обнаружено.

Аналогично местоположение и посе-

Рис. 45. Ситуационный план раннеславянских памятников (1) и план могильника у с. Волынцево (2).

лений близ Сосницы (уроч. Лан) — недалеко от впадения р. Убодь в Десну; Киселевки II — на мысу невысокой (до 5 м) надпойменной террасы левого берега р. Замглай; Роище III— уроч. Логи на сниженном участке левого берега р. Стрижень в Черниговском Полесье. На пологом склоне коренного берега р. Сейм находится Авдеевское поселение. Так же расположено селище Обухов II при слиянии рек Стугна и Кобрин с Днепром [Кравченко, 1979]; снижающиеся склоны широкой балки занимает Ходосовское поселение на Киевском Правобережье.

Как видим, поселениям волынцевского типа свойственно расположение в относительно низких местах близ воды, а также отсутствие искусственных оборонительных сооружений.

Исключение составляют Опошнянское поселение на Ворскле, а также Битицкое и Новотроицкое городище на Псле, расположенные на высоких мысах коренного берега. Несмотря на наличие материалов волынцевского типа, Опошня и Новотроицкое относятся к переходным памятникам, являясь ранним этапом роменской культуры. Сложнее обстоит дело с Битицким городищем, занимающим два высоких мыса, разделенных глубоким и широким оврагом, обнесенных двумя рядами мощных валов и рвов. Подобные укрепления не характерны для собственно волынцевских памятников, как и вообще раннеславянских поселений Восточной Европы [Довженок, 1953]. Наличие значительных культурных слоев с материалами скифо-сарматского времени позволяет предполагать, что этим временем датируется и сооружение укреплений на городище.

О планировке волынцевских поселений судить трудно, так как в настоящее время полностью исследовано только селище возле с. Волынцево. На основании произведенных в ходе раскопок наблюдений можно утверждать, что какой-либо специальной планировки поселение у с. Волынцево не имело.

Для общей характеристики домостроительства на памятниках волынцевского типа имеются данные о более чем ста жилых постройках из различных поселений; более половины раскопано на Волынцевском поселении.

Жилища в основном представляли собой полуземлянки. В конструктивном отношении они делятся на срубные и столбовые, причем последние преобладают. Размеры жилищ от 12 до 36 м^2. Независимо от размеров жилищ и их конструкции, все они опущены на 0,2—0,4 м ниже уровня материка. Полы либо имели вид утрамбованной площадки из материковой глины, иногда с подсыпкой речного песка, либо делались из известковой массы, смешанной с песком (Волынцево). В полуземлянках столбовой конструкции при расчистке пола прослеживаются ямки от кольев, находившихся в 15—30 см друг от друга, и более крупные ямки от опорных столбов, располагавшихся посередине стен и по углам. В числе других конструктивных деталей можно назвать остатки входа в виде ступенек или полого опускающейся аппарели (в Волынцеве — 13 жилищ). Примером жилища плетнево-столбовой конструкции является сооружение, раскопанное в 1980 г. (полуземлянка № 39). Это квадратная в плане постройка (4,8×4,8 м), углубленная на 0,6 м от древней поверхности. В полу по углам жилища и посередине стен обнаружены ямки (до 0,35 м в диаметре) от опорных столбов, углубленных в материк на 0,35 м от пола и отстоявших от стенок котлована на 0,08—

0,1 м. Печь, обращенная устьем к южной стене, находилась в северо-восточном углу. Она была вырезана в массиве специально заготовленной спондиловой глины [Юренко, 1981].

Стены жилищ срубной конструкции складывались из бревен толщиной 0,25—0,3 м, нередко обтесанных с внутренней стороны и скрепленных по углам. Примером постройки срубной конструкции может быть раскопанное Д. Т. Березовцом в 1953 г. сгоревшее в древности жилище № 13. Оно имело квадратную в плане форму с длиной стен 4,0 м и было ориентировано стенами по сторонам света. Пол, состоящий из толстого слоя обожженной глины, углублен на 1,1 м от уровня древнего горизонта. Стены сложены из бревен толщиной 0,25—0,30 м (сохранилось от трех до пяти венцов), обтесанных с внутренней стороны и скрепленных в «обло». Вход в жилище расположен в северной стене; его ширина составляла около 1 м. С поверхности ко входу шел постепенно понижающийся коридор, из которого две ступеньки высотой 0,3 и шириной до 0,75 м вели непосредственно в жилище. Вся площадь жилища была покрыта завалом из обожженных бревен толщиной 18—20 см, расположение которых позволило реконструировать крышу. Длинная слега, концы которой выходили за пределы котлована, опираясь на два вкопанных за пределами жилища столба, образовывала гребень крыши. Перпендикулярно, лежа верхней частью на ней, а нижним концом опираясь на землю, располагались другие жерди. Гребень крыши поднимался над стенками сруба на 1,20 м, образовывая угол в 30°. Поверх деревянного перекрытия насыпался слой земли, смешанной с глиной [Березовець, 1975, с. 139].

Важной частью внутреннего устройства жилища являлась печь, вырезавшаяся из материкового останца, если углубленная часть жилища сооружалась в лессовом грунте, или из специально заготовленной спондиловой глины, если котлован жилища выкапывался в песчаной почве. Обычно печь стояла в одном из углов северной части жилища. Свод печи выкладывался из специально заготовленных глиняных вальков (так называемых конусов) *разнообразной формы*.

Примером такого сооружения может служить печь в жилище № 17, находившаяся в северо-восточном углу, где был отгорожен участок трапециевидной в плане формы со сторонами 1,1—1,2 м и 1,45—1,25, высотой 0,5—0,6 м. Две стороны загородки выложены из плах — обтесанной стороной внутрь; от смещения они удерживались вбитыми с наружной стороны колышками. Остальными сторонами служили стенки самого жилища. Внутри загородки печь сбита из спондиловой глины зеленовато-серого цвета. Толщина стен печи составляла 0,2—0,3 м, а торцовая часть достигала 0,4—0,5 м. На плоских площадках стен возводился свод из «конусов». Под печи нередко выкладывался из обломков преимущественно гончарной керамики. На такую вымостку намазывался слой глины. В ряде случаев разборка подов печей из некоторых жилищ Волынцевского поселения позволила выявить интересные конструктивные детали. Так, при сооружении печей в жилищах № 38, 39, 41 в массиве спондиловой глины выкапывалось воронковидное углубление диаметром 0,50 и глубиной 0,30 м, заполнявшееся чистым речным песком, на который затем намазывался под. Подобный прием увеличивал теплоемкость печи и способствовал длительному сохранению тепла.

Хозяйственные и производственные сооружения представлены различными ямами, расположенными обычно внутри жилищ и, редко, за их пределами. Ямы имеют цилиндрическую и конусовидную форму, в плане они круглые. Ямы углублены ниже пола на 0,2—1,2 м, их верхний диаметр 0,4—1,3 м. Изнутри стенки ям, вырытых в супесчаном грунте или культурном слое, обмазывались глиной и нередко имели следы обжига. Ямы-хранилища закры-

вались деревянными крышками. Одна из них сохранилась в жилище № 13 на Волынцевском поселении.

Известны и наземные хозяйственные постройки. Это прямоугольные в плане сооружения, углубленные на 0,15—0,2 м от уровня древнего горизонта, размерами около 16 м². Пол жилищ состоял из слоя плотно утрамбованной глины, толщиной до 2—4 см, лежавшем на черноземе. Стены сооружались из плетневого каркаса, обмазанного глиной, о чем свидетельствуют завалы глины по границам площадки пола. В постройках иногда встречаются глубокие (до 1,5 м) зерновые ямы с обмазанными глиной и обожженными стенками.

Большинство помещений производственного назначения подобно жилищам углублены в землю, но они значительно бóльших размеров. Так, размеры постройки № 12 из раскопок Д. Т. Березовца на Волынцевском селище составляли 4,6×9 м при глубине 1,1 м. В ней открыты три печи, из которых только одна была бытовой. В заполнении остальных печей найдено множество кусков железного шлака. Необычно толстые стенки печей (до 40 см) и их обожженность на глубину 25—30 см дает основания усматривать в них остатки горнов для производства железа.

Другой тип производственных сооружений открыт раскопками 1981 г. Это углубленные части, вероятно, наземных построек, с легкими перекрытиями в виде двухскатной крыши, опирающейся на два столба, вынесенные за пределы углубленной части помещения (до 16 м²), и на угловые столбы котлована. Здесь обнаружены остатки сравнительно небольшой (0,6×0,6 м) печи с диаметром пода 0,25 м, в развале которой найдены пять целых и два фрагментированных небольших сосудика, по-видимому, тигельков [Юренко, 1981]. В ряде случаев следы железоделательного производства фиксируются в обычных жилых полуземлянках с бытовыми печами.

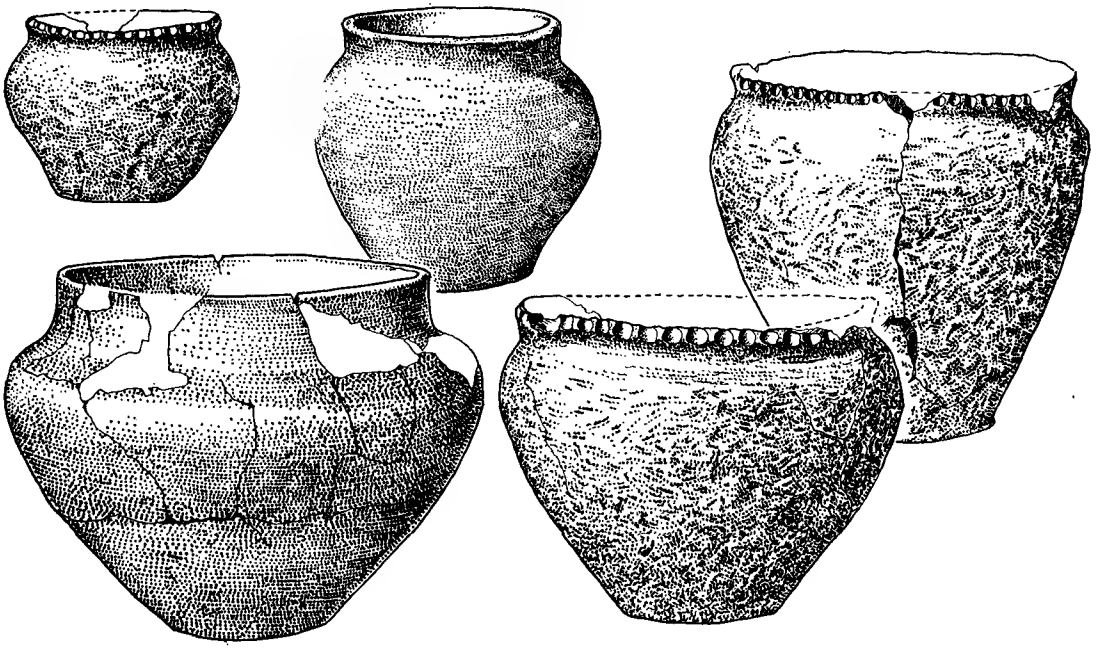
Могильники волынцевского типа немногочисленны. Среди них наиболее исследован могильник близ Волынцевского поселения. Это бескурганный могильник без всяких внешних признаков, с урновыми захоронениями остатков трупосожжений на стороне. Могильник протяженностью 40—35 м и шириной 50—70 м расположен на северном краю останца и на плато к западу от него. В нем раскопано 17 погребений, состоявших из урн с прахом и стравниц, устанавливавшихся на специально расчищенных в слое дерна площадках (погребения № 2, 3). Сосуды в погребениях образовывали линию, вытянутую с востока на запад (погребения № 1—5), причем урны всегда ставились с восточной стороны. По наблюдениям Д. Т. Березовца, гончарная и имитирующая ее посуда ни разу не встречена в одном и том же погребении. Наряду с тем, подражающие гончарным сосуды никогда не использовались в качестве стравниц.

Вместе с прахом покойного в урны помещали и предметы убора: пастовые и стеклянные бусины различных цветов, бронзовые браслеты с расплющенными несомкнутыми концами. Отсутствие на некоторых украшениях следов огня, а также наличие в погребениях обрывков кольчуги и ножен от меча позволяют высказать предположение о символическом значении сопровождающего инвентаря [Березовец, 1969, с. 9].

Трупосожжения производились на стороне, на специально сооружавшихся бревенчатых площадках. Две из них обнаружены во время раскопок Сосницкого могильника. На площадках найдены кальцинированные человеческие кости, оплавленные стеклянные бусы и другие предметы убора.

Аналогичны вышеописанным и погребения, открытые Н. Е. Макаренко возле сел Малые Будки — Константинов. Особенностью этого могильника являются оградки из толстых кольев, окружавшие урновые захоронения, обнаруженные на глубине 0,2—0,25 м от современной поверхности.

Керамика памятников волынцевского типа по технологии делится на гончарную (5—10%) и лепную (90—95%). Гончарная представлена сосудами типа корчаг приземистых пропорций, с широкой горловиной, образованной вертикальным венчиком и резко выпуклыми плечиками, а также импортными амфорами. Посуда изготовлялась из хорошо вымешанной глины с



примесью песка в тесте. Гладкая поверхность черного или темно-коричневого цвета орнаментировалась фризом лощеных или врезных волнистых и горизонтальных линий, между которыми помещались косые отпечатки гребенчатого штампа, многорядная волна, нанесенная с помощью того же штампа. Среди гончарной посуды следует назвать салтовские сероглиняные лощеные кувшины, а также красноглиняные амфоры с зональным мелким рифлением поверхности.

Лепная керамика делится на три типа. Первый представлен горшками с невысоким отогнутым венчиком, плавными плечиками, почти ровными стенками и грубой шероховатой поверхностью. К ним относятся и сосуды слаборасчлененной почти банковидной формы. Обычно они орнаментированы пальцево-ногтевыми защипами по срезу венчика. Ко второму типу относятся сосуды с заглаженной, иногда ангобированной, поверхностью. Это глубокие сосуды с широкой горловиной, нешироким отогнутым венчиком, конусовидным корпусом и узким дном; глубокие миски и сковородки, орнаментированные аккуратными пальцевыми вдавлениями по венчикам и бортикам. Тесто этих сосудов с более тонкой примесью — она не выступает на поверхности. Третий тип включает горшки с вертикальным или слегка наклоненным вовнутрь венчиком, крутыми плечиками и прямыми стенками. Поверхность залощена, орнамент отсутствует.

В состав керамического комплекса волынцевских памятников входит посуда, ближайшие аналогии которой встречаются среди поселений пеньковской культуры. Это горшки стройных пропорций с наибольшим расширением

корпуса в верхней трети. О. М. Приходнюк относит их к третьему типу пеньковского комплекса [1980, рис. 9]. Помимо описанных встречаются формы, близкие к киевской культуре.

Рис. 46. Керамика VIII в. из поселения и могильника уроч. Стан возле с. Волынцево.

Большинство лепной керамики изготовлено из теста, в состав которого входит и крупнотолченый шамот. Поэтому поверхность сосудов неровная, бугристая. Обжиг неравномерный; преобладает грязно-бурый или темно-серый цвет внешней поверхности, в изломе — черный.

К числу керамических изделий следует отнести и пряслица различных форм: биконические с узким отверстием, усеченно-биконические с широким отверстием, изготовленные из стенок амфор и гончарных сосудов.

На поселениях волынцевского типа найдено значительное количество орудий труда, что может свидетельствовать о занятии населения земледелием, сельскохозяйственными промыслами и скотоводством*. Среди сельскохозяйственных орудий встречаются узколопастные наральники, обломки серпов и кос-горбуш (Волынцево, Битица), зернотерки и обломки жерновов. В большом количестве встречены сточенные железные ножи с прямой спинкой, железные и костяные шилья, костяные проколки-кочедыки, разнообразные точильные бруски. В культурном слое и жилищах найдены калачевидные кресала, дужки от ведер, туалетные пинцеты, железные и бронзовые пряжки. Из предметов вооружения и снаряжения можно назвать наконечники копья (Битица) и дротика (Волынцево), кольчужные пояса (Волынцево), железные и бронзовые пряжки, обоймицы и оковки от ножен меча или сабли (Волынцево).

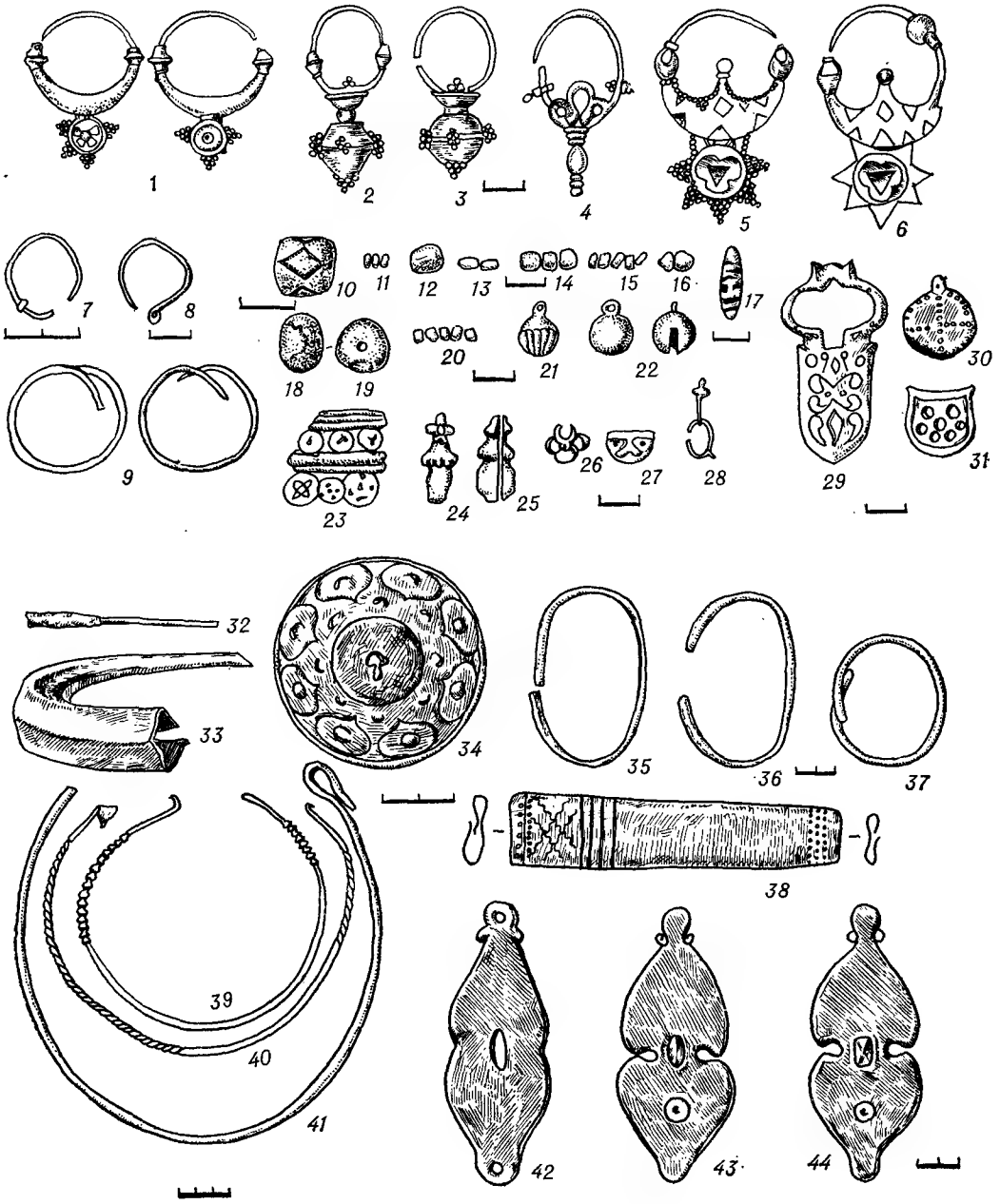
Из украшений можно назвать мозаичные, стеклянные многочастные и пастовые бусины, антропоморфные бляшки от поясного набора (Ходосовка), бронзовые и серебряные проволочные браслеты с расплющенными концами (Волынцево, Харьевский клад). Наиболее полно набор украшений представлен в Харьевском кладе, хранившемся в горшке волынцевского типа [Березовец, 1975]. Интересна серьга из каплевидной стеклянной бусины с впаянной в нее бронзовой проволокой (Киселевка), имеющая аналогии в раннесалтовских памятниках [Баранов, 1977]. К раннесалтовским предметам относится и обломок зеркала, обнаруженный в одном из жилищ Сосницкого поселения. Культовые предметы представлены просверленными клыками медведя и астрагалами, найденными в жилищах Роище и Волынцево.

Против датировки волынцевских памятников VII—VIII вв. выступил И. И. Ляпушкин, отнесший их к роменской культуре и датировавший, соответственно, VIII—X вв. [1959, с. 78; 1968].

Сам характер волынцевских памятников говорит против их включения в число древностей роменской культуры. Так, по своему местоположению и характеру волынцевские поселения стоят гораздо ближе к памятникам середины I тыс. н. э., чем к роменским городищам. Близки к могильникам середины I тыс. н. э. и могильники волынцевского типа, в то время как курганные погребения роменской культуры отличаются от им предшествующих. Хронология волынцевских памятников определяется и найденными на них предметами. Сравнительно хорошо датируется Харьевский клад. Пастовые бусы с очковым орнаментом аналогичны бусам из рязанских могильников, где они датируются V—VII вв. [Ефименко, 1937]. Бронзовые брасле-

* Более полная характеристика хозяйства населений волынцевской культуры будет приведена в разделе о памятниках роменского типа, ввиду их хронологической близости.

ты из погребения № 1 Волынцевского могильника по форме и технологии аналогичны серебряным браслетам из Фативижского клада, в состав которого входят хорошо датированные аварские изделия VII в. [Березовец, 1965]. Обломок салтовского зеркала из Сосницкого могильника близок зеркалам из могильника Чми, которые Н. Я. Мерперт относит к VII —первой половине VIII в. [1951]. Следует упомянуть бронзовые трапециевидные подвески, ближайшие аналогии которым известны в составе Суджанского клада VI—VII вв. [Рыбаков, 1949].



Таким образом, совокупность данных топографии, характера поселений и могильников, материалы раскопок позволяют датировать памятники волынцевского типа VII—VIII вв. Вместе с тем для волынцевских древностей характерны определенные устойчивые признаки, свойственные археологической культуре. Поэтому вряд ли можно считать правильной точку зрения специалистов, объединивших их с роменской культурой.

Рис. 47. Украшения из памятников волынцевской культуры: 1—3, 5—6, 9—29, 31, 33, 35—37, 39—44 — Харьевка; 4 — Битица; 7, 17, 24—25, 30 — Новотроицкое; 10, 11—16, 18—20— Малые Будки; 8, 21, 22, 32, 38 — Волынцево; 26—28 — Ходосовка; 34 — Опошня.

Роменская культура. В конце I тыс. н. э. на широкой территории Днепровского Левобережья по основным левым притокам Днепра распространяются памятники роменской культуры.

Роменские поселения главным образом размещаются на высоких правых коренных берегах рек Десны, Сейма, Сулы, Псла, Ворсклы и Северского Донца, в местах, господствующих над местностью.

Для этой цели использовались мысы, образованные поймами рек и впадающими в них балками. Именно в таких условиях размещено большинство роменских поселений, что свидетельствует о стремлении жителей максимально использовать рельеф местности для защиты от нападений. Иногда поселения располагались в заболоченных, труднопроходимых поймах рек, получивших названия «болотных».

Как видим, топографические условия памятников роменской культуры резко отличаются от древностей предшествовавшего времени. По своему характеру поселения конца I тыс. н. э. относятся к категории городищ.

Чаще всего для своих поселений раннеславянское население роменской культуры использовало небольших размеров городища скифского времени, расположенные на мысах с крутыми склонами и укреплениями в виде валов и рвов с напольной стороны. При этом заселялись только те скифские городища, которые по местоположению, характеру укреплений и размерам площадки соответствовали собственно роменским городищам. Заселялись и большие городища, но только в том случае, если их площадки, окруженные оборонительной линией, были разделены на укрепления меньших размеров. Под поселение занимался участок укрепленной территории, обязательно расположенный на мысу с крутыми склонами.

Роменские городища представляют собой не столько искусственные, сколько естественные убежища. Обычным приемом усиления естественной крутизны склонов мыса было эскарпирование верхней части обрыва, что достигалось путем зачистки склона на высоту 5—10 м. В результате образовывалась горизонтальная площадка шириной 2—3 м (Червоный Ранок, Сары, Ницаха и др.). Площадка городища отделялась от плато оборонительной линией из вала и рва. Высота вала достигала 6 м, ширина рва — от 5 до 10—12, глубина 1,5—6 м от уровня горизонта. Иногда укрепленная линия защищала поселение не только с напольной стороны, но и по периметру.

Роменские городища VIII—X вв. Днепровского Левобережья представляли собой достаточно устойчивый тип поселений, обусловленный как внутренним укладом оставившего их населения, так и задачами обороны.

Форма городища зависела от рельефа береговых мысов. «Болотные» же городища нередко занимали песчаные дюны или холмы и обносились кольцевыми валами и рвами. Их площадки имеют в плане почти круглую или же овальную форму.

«Болотные» городища расположены в пойме рек, нередко заболоченной, и по форме укрепленной площадки почти ничем не отличаются от городищ

древнерусского времени. Для определения их принадлежности приходится прибегать к анализу керамических остатков. Наличие роменской керамики на некоторых из них дает основания утверждать, что поселения с кольцевой планировкой укреплений появляются еще в VIII—X вв., становясь в последующий период основной формой укрепленного поселения.

Оборонительная линия сооружалась на земляном валу. Так, на Донецком городище была возведена стена из дубовых бревен, закрепленных горизонтально между парными вертикальными столбами. Остатки деревянных конструкций прослежены на Коробовском и, по-видимому, Мохначевском городищах [Шрамко, 1962]. Следы аналогичных укреплений зафиксированы на раннеславянском поселении возле с. Опошня под Полтавой [Сухобоков, Иченская, Юренко, 1976]. В некоторых случаях на роменских городищах зафиксировано применение камня вместе с дерево-земляными конструкциями. Так, на Коробовском городище вал скифского времени был дополнительно укреплен двумя рядами крупных камней из песчаника, положенных вдоль вершины вала и образовывавших панцирь на высоту до 1,5 м. Пространство между двумя рядами камней (около 2 м) забутовано мелким щебнем вперемешку с песком. Щебневой обсыпкой укреплены и склоны песчаного вала для предотвращения его от осыпания. На верхушке вала в забутованном пространстве прослежены остатки сгоревших конструкций, вероятно, от деревянной стены типа частокола. Аналогичная картина прослежена и на городище Малый Балкан возле с. Ницаха [Сухобоков, 1975], а также на городище Каменное в бассейне р. Псел [Сухобоков, 1979]. Таким образом, можно говорить о том, что славянское население Левобережья уже с VIII—X вв. применяло камень при строительстве фортификационных сооружений.

Большинство роменских поселений состоит из городища и примыкающего к нему с напольной стороны селища, размеры которого иногда значительно превосходят укрепленную часть поселения, составляя с ним единое целое. Так, неукрепленная часть Донецкого городища тянется вдоль берега реки на 1,5 км; селище у с. Каменное — до 10 га, в то время как площадь самого городища составляет 0,22 га; размеры селища возле городища близ с. Ницаха — около 12 га.

В отличие от бассейнов других рек Днепровского Левобережья в Подесенье представлено большое количество самостоятельных открытых поселений. Занимая пологие склоны берегов или понижающиеся участки надпойменных террас, они аналогичны поселениям волынцевского типа. Как правило, ниже роменского слоя шел раннеславянский середины — третьей четверти I тыс. н. э., например с. Разлеты, Сосница (уроч. Медвежье) Черниговской области.

Для роменских городищ характерно расположение «гнездами» по два — семь поселений в 2—5 км одно от другого. Очевидно, это было вызвано социально-экономическими причинами и отражало определенные связи между хозяйственными коллективами.

Как и для более ранних периодов, для роменской культуры характерны жилища в виде полуземлянок. Они углублены в материк или в предшествовавшие напластования культурного слоя на 0,5—1,2 м от поверхности, четырехугольные в плане, занимают площадь от 9—12 до 20—25 м². Стены полуземлянок отвесные, ориентированы по линии северо-восток — юго-запад и северо-запад — юго-восток. Колебания ориентировки не превышают 15°.

Стены углубленной части жилищ облицовывались деревянными плахами, укреплявшимися системой стояков или плетнем, обмазанным глиной. Вместе с тем роменским жилищам присущи и срубные конструкции. На Волокитинском городище была расчищена на обрыве полуземлянка, при

раскопках которой в материковой глине были прослежены остатки угла сруба в виде соединенных под прямым углом бревен толщиной 25—30 см, концы которых выступали на 28 и 30 см [Сухобоков, 1974]. Такая конструктивная деталь роменских жилищ, как ступенчатый вход с облицованной деревом подошвой, прослежен на Донецком городище и на селище возле с. Каменное. Следы волокового окна в одной из роменских полуземлянок зафиксированы Б. А. Шрамко на Донецком городище. Окно прорубалось в стене, противоположной входу. По-видимому, над входом сооружалось какое-то перекрытие в виде навеса или сеней. Следы от столбов выявлены при раскопках жилища № 2 на поселении возле с. Каменное. Крыша жилищ невысокая, двухскатная, о чем говорит наличие мощных столбов, расположенных по линии, параллельной входу и несших на себе князевую слегу.

Внутреннее устройство жилищ роменской культуры состояло из печи и выступов вдоль стен, сооруженных из останцов, вырезанных при выкапывании углубленной части постройки.

Печь находилась в одном из углов и представляла собой кубовидный или удлиненный останец размерами 1,2—1,7×1,5×1,0—1,3 м, в котором вырезалась полость топки с арочным сводом высотой 0,4—0,6 м. На верхней плоскости печи прорезывалось отверстие, служившее для установки горшков с пищей. Дым выходил через топочное отверстие и вытягивался в волоковое оконце. Под действием огня свод печи быстро разрушался. Его ремонтировали глиняными блоками — «конусами» разнообразной формы. Они обнаружены на многих роменских поселениях.

Другой деталью внутренней обстановки роменских жилищ являлись «прилавки», или «лежанки». Их назначение различно: в одних случаях они служили как-бы своеобразной мебелью [Д. Т. Березовец], а в других — верстаками в производственных помещениях (И. И. Ляпушкин).

Хозяйственные сооружения в виде колоколовидных в разрезе ям-погребов иногда встречаются в жилищах, но чаще всего находятся за их пределами в непосредственной близости от них, что прослежено на большинстве исследованных памятников. О назначении ям говорит древнерусский термин — «житняя яма». Верхний диаметр ям от 0,5 до 1,5 м, нижний — от 0,7 до 2,0, глубина от 0,5 до 3,0 м. Стены ям обмазывались глиной, а их закопченность свидетельствует о применении профилактических мер против вредителей. По-видимому, ямы-погреба имели какие-то деревянные перекрытия, о чем говорит наличие обгорелого дерева и золы в некоторых из них.

Среди хозяйственных сооружений встречались и наземные. Так, на Новотроицком поселении открыты остатки прямоугольной в плане наземной постройки размерами 2—3×2—3 м, стены которой возведены из вертикально стоящих впритык плах шириной до 0,3 м. Внутри таких сооружений выявлены остатки очагов и хозяйственные ямы.

Полевые исследования городищ роменской культуры последних лет позволили придти к заключению, что сколько-нибудь правильная планировка жилищ на большинстве поселений отсутствует. Жилища размещались очень скученно, но следов какой-либо связи между ними не прослежено. Постройки хозяйственного назначения находились обычно вблизи жилищ.

Исключением является Донецкое городище, где прослежены элементы уличной планировки: полуземлянки расположены по прямой линии с проходами между ними, что образовывало улицу, идущую через все городище [Шрамко, 1962].

В «Повести временных лет», где речь идет о населении рассматриваемой территории, так описывается погребальный обряд: «мертвеца сожижаху и посемъ собравше кости вложаху в судину малу и поставяху на

столпѣ на путѣх...» [т. I, с. 15]. Д. Я. Самоквасовым открыта группа могильников с трупосожжением на стороне и лепными урнами, поставленными в верхней части насыпи. Г. Ф. Соловьева по материалам восточнославянских могильников VIII—XIV вв. выделила локальные варианты погребального обряда для всей восточнославянской территории, в том числе и для Левобережья (группа I: Средняя Десна — все течение Сейма — верховья Сулы).

Могильники имели вид полусферических насыпей высотой 1,5—3, диаметром 5—12 м. В верхнюю часть насыпи помещались лепные горшки с прахом сожженного на стороне и личными вещами умершего, со следами действия огня. В ряде случаев ни в насыпи курганов, ни на горизонте никаких погребений не найдено. По-видимому, захоронения, совершенные на верхушке кургана, быстро подвергались разрушению и не сохранились до нашего времени.

Описанный погребальный обряд не является господствующим на всей территории распространения роменской культуры: известны и могильники с иным обрядом; в одних и тех же могильниках сосуществует несколько обрядов (трупосожжение на стороне, на месте насыпи, трупоположение и т. д.). Эти различия принято объяснять этнографическими особенностями [Соловьева, 1956, с. 146—148]. Вместе с тем некоторые исследователи усматривают в них определенную эволюцию погребального обряда: наиболее ранние роменские курганы содержат урны в самом верху насыпи; позднее урны углубляют в насыпь сначала на 1/4 высоты насыпи, затем — на половину, сменяясь, наконец, сожжением на месте. Впоследствии появляется трупоположение [Березовец, 1969, с. 129]. Если все сказанное верно для основного региона расселения северян, то в пограничных районах следует учитывать этнографические различия, связанные с инфильтрацией на территорию Левобережья иноплеменного населения. Последнее подтверждается наблюдениями Д. Я. Самоквасова, согласно которым в междуречье Днепра и Десны одновременные курганы с трупосожжениями на стороне «образуют отдельные скопления рядом со скоплением курганов, покрывающих кострища» [Самоквасов, 1916, с. 68]. Вместе с тем необходимо отметить существование и бескурганных погребений с захоронением остатков кремации в неглубоких ямках, одно из которых обнаружено при раскопках Донецкого городища [Шрамко, 1962, с. 314].

Ведущую категорию находок на роменских памятниках составляет глиняная посуда, преимущественно лепная. Керамика по назначению и технологии изготовления делится на две большие группы — кухонную и столовую.

К первой группе относятся горшки, миски, сковородки, вторую составляют средневековые амфоры из Среднего Причерноморья, Приазовья и Крыма, а также гончарная посуда салтовского круга.

Керамика первой группы подразделяется на четыре подгруппы, из которых наиболее многочисленной является первая подгруппа горшковидных сосудов, в свою очередь, разделенная на четыре типа.

Первый тип составляют кухонные горшки с выпуклым корпусом, невысоким отогнутым венчиком, с диаметром горла меньше высоты сосуда и диаметром дна, составляющим 1/2 диаметра горловины. В тесте значительные примеси шамота или дресвы, толщина стенок 1 см. Цвет поверхности темно-бурый, в изломе черный. Сосуды этого типа орнаментировались по краю венчика, плечикам и корпусу отпечатками гребенчатого штампа, палочки, обмотанной шнурком, насечкой, защипами в различных сочетаниях. Иногда применялись и другие орнаментальные мотивы вроде врезной горизонтальной и волнистой линии в разнообразных комбинациях.

Для второго типа характерна широ-

кая горловина, слабовыраженные венчик и плечики, коническая форма корпуса и дно, диаметр которого составляет 1/3 диаметра горловины. По тесту и цвету черепка сосуды аналогичны горшкам первого типа. Орнаментировался только срез венчика и теми же приемами, что и венчики сосудов первого типа.

Сосуды третьего типа имеют также широкую горловину, слабовыраженные венчики и плечики, округловыпуклый корпус и широкое дно, близкое соотношение ширины и высоты. Орнаментировался только край венчика.

Горшки четвертого типа отличаются от описанных выше цилиндрическим венчиком (до 7 см высотой), слегка наклоненным внутрь. Плечики сосудов иногда резко выражены, в других случаях плавно переходят в конический корпус. Пропорции горшков неустойчивы. Отличает их также более совершенная технология — изготовлены они из относительно чистой глины, поверхность гладкая, обжиг лучшего качества. В некоторых случаях поверхность покрывалась сплошным или частичным лощением. Наряду с использованием лощения в виде вертикальных полос применялись обычные роменские приемы орнаментации. При этом край венчика не орнаментировался, а отпечатки гусеничного штампа наносились по плечикам.

Сосуды второй подгруппы представлены мисками с широким горлом, диаметр которого значительно превышал высоту сосуда. В составе теста более мелкие примеси шамота или дресвы, поэтому поверхность мисок гладкая и ровная. Орнаментировался срез венчика, иногда плечики.

Третья подгруппа представлена сковородками с высоким (до 4—5 см) бортиком диаметром 20—25 см. Бортик имеет наклон наружу, реже — вовнутрь. Нередко срез бортика орнаментирован отпечатками гусеничного штампа, насечками или пальцевыми вдавлениями. Иногда по дну сковородок с внутренней стороны наносился крест. К этой же подгруппе следует отнести и противни, зачастую монтировавшиеся на своде печи. Такого рода противни, бортик которых достигал 10—14 см, толщиной до 5 и размером 60—80 см, известны на поселениях волынцевского типа и ранних роменских (Опошня).

К четвертой подгруппе относятся кувшиновидные сосуды, представленные незначительными фрагментами.

Имеются основания полагать, что какая-то часть роменской керамики производилась на примитивном гончарном круге [Бобринский, 1978]. Сказанное подтверждают находки днищ роменских сосудов с клеймами и находки в одних и тех же жилищных комплексах лепной и гончарной славянской посуды [Монастырище, Гочево]. Косвенным подтверждением может служить и открытая в раннеславянском слое Донецкого городища обжигательная печь; в ее заполнении обнаружены фрагменты днищ сосудов с клеймом в виде креста, вписанного в квадрат [Шрамко, 1962].

Из числа роменских памятников выделяется Опошнянское поселение, где почти отсутствует орнаментированная посуда; в керамический комплекс входят сковородки с особо низким (1—2 см) бортиком. Такие же сковородки обнаружены на Новотроицком городище.

Необходимо отметить, что на ряде роменских городищ встречается и гончарная керамика так называемого курганного типа (Каменное, Монастырище) и типичная киеворусская (Полтава).

Среди глиняных изделий встречаются пряслица усеченно-биконической формы, реже — изготовленные из стенок гончарной салтовской посуды и амфор. Вместе с тем на некоторых городищах в роменских слоях исследователи отмечают наличие шиферных пряслиц (Червоный Ранок, Каменное, Ницаха). Назовем также глиняные поделки: «хлебцы», фигурки животных, свистульки и т. п.

На поселениях роменской культуры

в ходе раскопок выявлены многочисленные орудия труда: земледельческие и ремесленные, отражающие сельскохозяйственный характер занятий населения. Орудия земледелия — узко- и широколопастные наральники — известны на памятниках как лесных, так и лесостепных районов Левобережья (Курган, Новотроицкое, Ницаха). Нередко встречаются мотыжки, предназначенные для приусадебного земледелия. Серпы и косы-горбуши найдены на поселении Новотроицкое, городищах Каменное, Ницаха, Донецкое. На многих памятниках обнаружены клиновидные топоры (Курган, Новотроицкое, Ницаха), долота (Ницаха), ложкорезы (Новотроицкое, Каменное), резцы (Ницаха), медорезки (Воргол, Каменное), рыболовные крючки, грузила и иглы для плетения сетей (Донецкое, Каменное, Воргол, Ницаха, нижние горизонты Путивля). На некоторых памятниках открыты детали железоплавильных горнов (Коробовы Хутора), крицы и шлаки (Каменное, Донецкое, Ницаха). Найдены и орудия металлообработки: наковальня (Мохнач), кузнечные клещи (Решетняки), пробойники (Ницаха) и т. п.

На Новотроицком поселении и в Опэшне выявлены следы обработки цветных металлов.

Среди предметов быта имеются различные костяные проколки-кочедыки, железные ножи, шилья, ножницы, оковки лопат, калачевидные кресала, дужки от ведер, жернова, точильные бруски и т. п.. Предметы вооружения и снаряжения встречаются редко: это обломок меча (Новотроицкое), сабля раннего типа из роменского слоя Донецкого поселения, железные и костяные наконечники стрел, боевые ножи.

Об украшениях жителей роменских поселений дают представление клады — Суджанский, Ивахниковский, оба Полтавских. Найденные на Новотроицком городище два клада содержат изготовленные из серебра и бронзы пластинчатые браслеты, шейные гривны, височные кольца, проволочные браслеты, стеклянные и пастовые бусы, серебряные и бронзовые перстни, сережки и подвески салтовского типа.

В одном из роменских погребений с трупосожжением возле с. Каменное найдена бронзовая гривна, изготовленная из крученого прутика, стеклянные посеребренные и позолоченные многочастные бусы. В других погребениях того же памятника обнаружены северянские височные спиралевидные кольца, серебряные антропо- и зооморфные бляшки и пряжка салтовского типа. Обычной деталью одежды были бронзовые посеребренные бубенчики и литые бронзовые пуговицы. По-видимому, к числу украшений могут быть отнесены и предметы культового характера — просверленные клыки медведя, волка и собаки, нередко встречаемые в погребениях вместе с бусами.

Повсеместно находимые на памятниках Днепровского Левобережья последней трети I тыс. н. э. орудия земледелия вместе с зернами ржи, пшеницы, проса, овса, вики, гороха, конопли и льна свидетельствуют о том, что местные жители вели оседлый образ жизни и основным их занятием являлось земледелие. Известны наральники двух вариантов — узкие и широкие, что подтверждает существование развитого пашенного земледелия и их дифференцированное использование для различных почв.

На волынцевском этапе земледелие было пойменным: обрабатывались участки заливаемой весной поймы, что позволяло использовать эти земли практически неограниченное время. С изменением климатических условий в конце I тыс. н. э. и в результате совершенствования орудий труда начинают возделываться суходольные участки и получает применение переложная система. Сроки пребывания участков под предлогом постепенно сокращаются, что приводит к двуполью, а с сокращением срока перелога до одного года — к трехполью. О существовании у славян двуполья пишет и автор середины X в. Ибрагим Ибн-Якуб, что славяне сеют два раза в год и собирают

два урожая [цит. по: Куник, Розен, 1878, с. 54]. Последнее подтверждается находками зерен яровых и озимых разновидностей пшеницы, а также овса в роменских слоях Донецкого городища и на Новотроицком городище.

Палеоэкономический анализ позволяет воссоздать картину развитого земледелия раннеславянского населения Днепровского Левобережья второй половины I тыс. н. э. Широкий ассортимент зерновых культур, усовершенствование орудий труда для обработки почвы, подсечно-переложная система земледелия в сочетании с двупольным, а в конце I тыс. н. э., вероятно, и трехпольным севооборотом давали возможность производить не только необходимый, но и прибавочный продукт [Сухобоков, 1975, с. 87—102].

Роль животноводства была значительной. Остеологические материалы с поселений Днепровского Левобережья позволяют утверждать, что в раннеславянском хозяйстве были представлены домашние животные, разводимые и ныне. Животноводство было приселищным. На раннем этапе в пищу употреблялась и лошадь (Волынцево), но впоследствии ее использовали лишь в качестве тягловой силы. Главным образом разводили крупный рогатый скот (40%) и свиней (27%). Значительным источником продуктов являлись присваивающие отрасли хозяйства: охота, рыболовство, бортничество и собирательство.

Большое место в хозяйстве занимало ремесленное производство, в основном железоделательное и металлообрабатывающее. Железо выплавляли в горнах емкого типа, открытых на Волынцевском поселении. О значительных масштабах производства свидетельствует Гочевский металлургический центр, занимавший площадь 10 000 м ^{2}.

Славянские кузнецы Левобережья владели приемами горячей и холодной ковки, кузнечной сварки, цементации и другими приемами, что позволяло получать продукцию довольно высокого качества, дифференцированно применяя различные приемы [Гопак, 1976].

На основании изучения различных украшений, найденных на волынцевских и роменских памятниках Днепровского Левобережья второй половины I тыс. н. э., можно говорить о развитом ювелирном ремесле. Мастера-ювелиры знали литье, штамповку по матрицам (Новотроицкое, Волынцево, Харьевка), пуансон, паяние, сварку различных металлов, спайку пластин в торец, резание ножницами и т. п. (Фативижский, Суджанский, Харьевский и Полтавский клады). Подобное разнообразие технологических приемов требует особых навыков и умений, что свидетельствует о специализации ремесленников, возможной при выделении ремесла в отдельную отрасль.

Керамическое производство также находилось на стадии выделения его в особую отрасль ремесла, несмотря на то что большинство глиняной посуды изготовлялось вручную. В конце I тыс. н. э. появляется гончарная посуда, сохраняющая специфическую роменскую орнаментику (Монастырище, Ницаха).

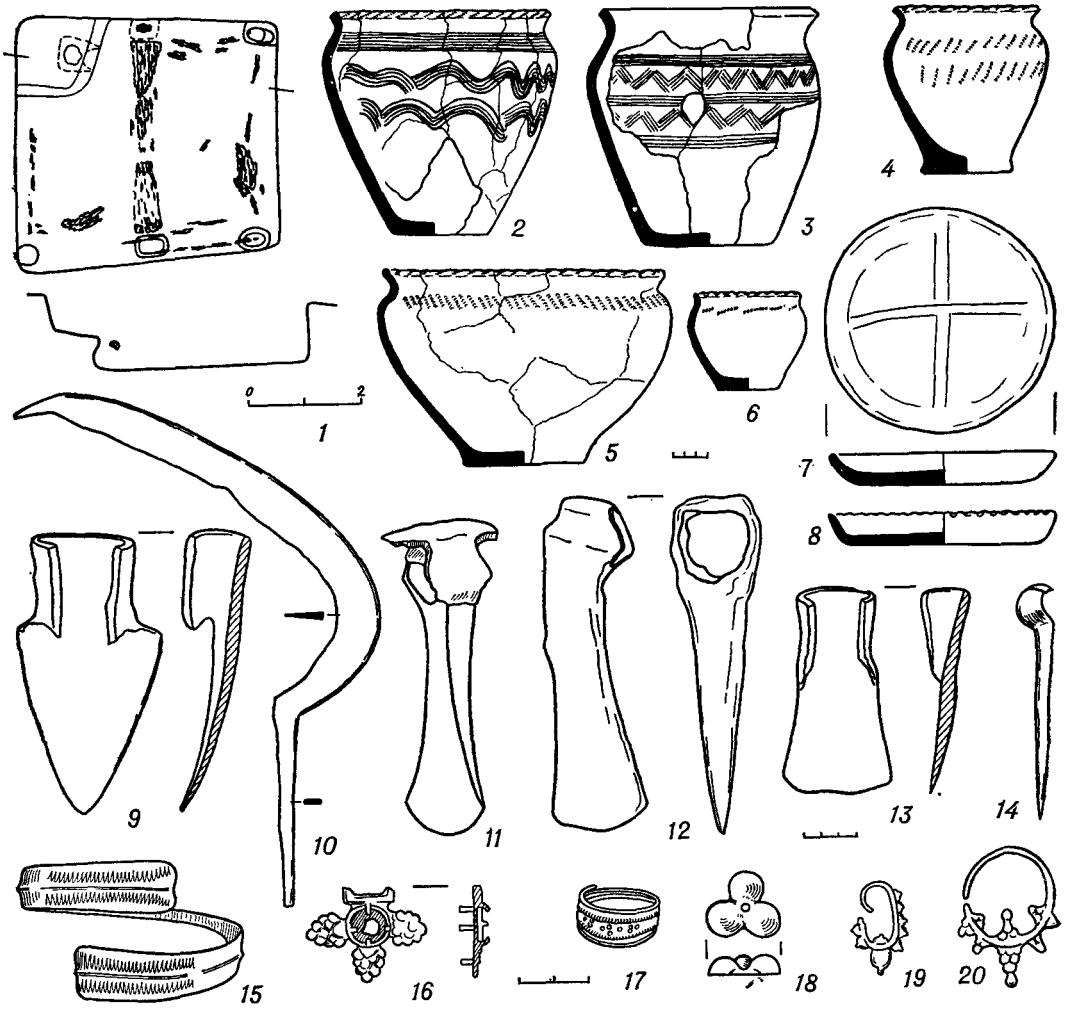
О существовании камнеобрабатывающего ремесла свидетельствуют находки точильных камней, зернотерок, жерновов и т. п. Об обработке дерева можно судить на основании остатков построек и находок специальных деревообрабатывающих инструментов (топоры, ложкорезы, тесла, стамески, долота и пр.). Многочисленные поделки из кости и рога позволяют говорить о костерезном ремесле.

Наличие достаточно развитого сельского хозяйства наряду с обособленными (или находящимися в процессе обособления) отраслями ремесла способствовало развитию внутреннего обмена.

Существование внешнеторговых связей подтверждается находками кладов восточных монет и предметов импорта, поступавших не только с территории салтовских племен, но и из весьма отдаленных стран.

Имеются все основания связывать большинство раннесредневековых по-

селений с территориальными общинами, а их жителей рассматривать как земледельцев-общинников, объединенных не столько родственными, сколько экономическими узами. Небольшие размеры жилищ и относящихся к ним хозяйственных построек позволяют говорить об индивидуальной семье как основной хозяйственной единице. Наряду с ней в Полесье существует и



большая патриархальная семья, что объясняется существованием в лесной зоне более примитивных форм земледелия, требовавших усилий больших коллективов.

Переход к двуполью и трехполью в Лесостепи, начавшийся в первой половине I тыс. н. э. и сопровождавшийся распадом семейных общин, привел к объединению хозяйственно-самостоятельных семей по принципу соседства [Рыбаков, 1958, с. 842]. С появлением соседской (или территориальной) общины изменяется система землепользования, при которой социальной основой объединенных в общину индивидуальных домохозяйств становится коллективная собственность на землю. При этом земля обрабатывалась

отдельными семьями. Последние и являлись собственниками производимой продукции.

Ежегодные переделы общественной пахотной земли постепенно закрепля-

Рис. 48. Роменская культура. Городище Новотроицкое: *1 — план и разрез жилища; 2—8 — керамика; 9—14 железо; 15—20 — серебро.*

ли землю за отдельными домохозяйствами, способствуя появлению частной собственности и дифференциации общества. «Для России такой ход развития представляется исторически вполне доказанным»,— писал Ф. Энгельс [Маркс К., Энгельс Ф., Соч., 2-изд., т. 21, с. 140].

Можно утверждать, что поселения VIII—X вв. отражают «вервь» или «мир» переходного периода от родовой общины к территориальной, выступающей позднее в качестве юридического субъекта «Русской Правды». В среде раннеславянского общества уже происходит значительное расслоение, что подтверждается многочисленными монетными и вещевыми кладами, принадлежащими представителям общинной верхушки. Харьевский, Фативижский, Суджанский, Ивахниковский и Полтавские клады содержат серии вещей, близких по стилю исполнения, что предполагает изготовление ценных предметов на заказ. Естественно, такой заказ не мог сделать простой общинник. В кладах, по-видимому, следует усматривать не случайное скопление награбленных вещей или сырье для ювелира, а, скорее всего, наследуемые фамильные драгоценности [Корзухина, 1955, с. 68—81; Третьяков, 1968, с. 185; Березовец, 1969].

Многосторонний процесс распада родовых отношений приводил к упрочению связей между соседскими общинами — «мирами», а укрепление власти общинной верхушки способствовало объединению общин в племена и последних — в союзы племен. Этот процесс, по-видимому, и отражен в «гнездах» городищ, группирующихся вокруг одного, известного позднее как город летописных источников [Рыбаков, 1958, с. 852]. Для VIII—X вв. на территории Днепровского Левобережья такими центрами были Воргол, Путивль, Рыльск, Донец и др. Небольшие племенные образования со своими племенными князьями объединялись в союзы, возглавляемые «великим князем». Одним из таких союзов были Сѣверы, первые сведения о которых в недатированной части «Повести временных лет» относятся к VI в. н. э. [Рыбаков, 1963, с. 219—236].

В последние десятилетия широкие исследования Днепровского Левобережья, особенно городища Новотроицкого, позволили выявить материалы, подтверждающие датировку роменской культуры VIII—X вв. На Новотроицком городище найден клад, состоящий из вещей и восточных монет VIII—X вв. [Ляпушкин, 1958, рис. 13, 25]. Аналогичные находки сделаны на Донецком городище и на могильнике возле с. Каменное.

Таким образом, общая хронология памятников роменского типа определяется некоторым архаизмом культуры, наличием монетных находок и хорошо датированными импортными изделиями с керамикой салтовского круга в пределах последних столетий I тыс. н. э. (VIII—X вв.) [Ляпушкин, 1961, с. 234].

Материалы и некоторые особенности ряда городищ Украинского Левобережья позволяют подразделить памятки роменской культуры на две хронологические группы: раннероменскую и позднероменскую.

К первой из них следует отнести такие ранние городища и поселения, которые имеют черты, сближающие их с памятниками предшествующего времени. Таковы поселения в с. Опошня и близ с. Новотроицкое на р. Псел. Незначительные укрепления Опошни или же полное отсутствие их, как в Новотроицком, сближают эти памятники с древностями третьей четверти I тыс. н. э. Вместе с тем по топографическим

условиям их местоположение ничем не отличается от большинства роменских городищ. До VIII в. укрепления вообще не характерны [Довженок, 1953], что дает основания относить названные памятники к раннему этапу роменской культуры. Кроме того, керамический комплекс Опошнянского поселения отличается от типично роменского формой сосудов, отсутствием гусеничного штампа на плечиках, наличием типичных для волынцевских памятников глиняных блюд и присущих для поселений третьей четверти I тыс. н. э. сковородок с невысоким бортиком. В керамике Новотроицкого городища имеются черты, связывающие ее с предшествующим периодом. Речь идет о банковидных сосудах, распространенных и среди керамики Опошни.

Таким образом, памятники вроде Опошни и Новотроицкого типологически отличаются от большинства роменских. На Опошнянском поселении найдено зеркало салтовского типа [Ляпушкин, 1961, рис. 20], аналогичное зеркалам из могильника Чми и датируемое VII — первой половиной VIII в. [Мерперт, 1951], что может наряду с другими данными датировать поселение до середины VIII в. Нижняя граница существования Новотроицкого поселения определяется по совокупности вещей (украшений) рубежом VIII—IX вв., а верхняя — рубежом IX—X вв. на основании монетных находок и салтовской керамики. Все это позволяет датировать раннероменский этап второй половиной VIII—IX в.

На основании материалов раскопок некоторых городищ с роменскими культурными отложениями можно предполагать их непрерывное существование и в более позднее время (X—XIII вв). Наличие перемежающих прослоек между ними (вроде слоя пожарища на Донецком городище, датированном табаристанским дирхемом X в.) дает основания выделить группы роменских памятников, прекративших свое существование на рубеже IX—X вв., и ряд поселений роменской культуры, жизнь на которых продолжалась без перерыва и в X—XIII вв. Помимо этого, критерием такого членения может служить непосредственно анализ керамического комплекса последних, перерастание лепной роменской керамики в гончарную эпохи Киевской Руси и сосуществование посуды обеих технологий в закрытых комплексах некоторых городищ (Гочево, Монастырище, Червоный Ранок, Каменное и др.).

Период сосуществования роменских и киеворусских традиций в гончарном производстве косвенно отражает сложный и многогранный процесс врастания роменской культуры в общедревнерусскую. Поэтому в нем правомерно видеть поздний этап существования роменских памятников, хронология которого определяется X — началом XI в. Помимо этого существует ряд городищ, занимающих промежуточное место. Таково Донецкое, нижняя граница роменских слоев которого определяется находками салтовских импортов и арабских диргемов первой четвертью IX в., а верхняя — началом — X в.

Многолетнее изучение левобережных памятников второй половины I тыс. н. э. показывает, что положение о неоднократных нарушениях оседлой жизни земледельческого населения (Г. Ф. Корзухина) не подтверждается конкретными археологическими материалами.

Возникнув в результате непрерывного развития оседлого населения, памятники роменской культуры хронологически и генетически увязываются с древностями эпохи сложения древнерусского государства на территории Днепровского Левобережья.

Вместе с тем если славянская принадлежность роменской культуры не вызывает сомнений, то вопрос о ее связях с предшествующими памятниками и сейчас является спорным. По мнению некоторых археологов, роменская культура на Левобережном Поднепровье является пришлой (И. И. Ляпушкин, П. Н. Третьяков). И. И. Ляпушкин, считая волынцевские памятники

синхронными древностям роменского типа, вообще отрицал возможность существования славянских памятников на рассматриваемой территории ранее VIII в. н. э.

Гипотеза П. Н. Третьякова, что истоки роменской культуры находятся за пределами ее распространения, не получила подтверждения ни при анализе керамического материала из Троицкого городища в Подмосковье и материалов из так называемых длинных курганов Смоленщины, с одной стороны, ни при изучении роменских памятников Днепровского Левобережья — с другой [Сухобоков, 1975, с. 138—140; Седов, 1982, с. 137). Более убедительным представляется мнение Д. Т. Березовца об автохтонном происхождении населения, оставившего памятники волынцевского и роменского типов. Анализ памятников волынцевского типа (датировка которых VII—VIII вв. не вызывает сомнений) и древностей роменского типа показывает их генетическую близость: однотипность основных форм лепной посуды, последовательное развитие характерной орнаментации и погребального обряда, однотипность жилищ, устойчивость хозяйственного облика обеих групп памятников.

Однако нельзя не видеть определенных различий между памятниками волынцевского и роменского типов, которые проявляются в различном характере поселений и их топографии, наличия на волынцевских поселениях специфической гончарной керамики, в некоторой архаичности их облика по сравнению с роменскими. Таким образом, нельзя утверждать, что волынцевские памятники «трансформируются» в роменские (Д. Т. Березовец): связь между этими группами древностей является опосредствованной. Так, памятники типа Опошни сочетают в себе характерные черты указанных групп славянских древностей, относящихся к последней трети I тыс. н. э.

Соотношение между памятниками волынцевского типа и памятниками, предшествовавшими древностям середины и второй четверти I тыс. н. э. прослеживаются не вполне отчетливо. Тем не менее вопрос о генезисе роменской — достоверно славянской — культуры может быть решен на основе следующей схемы: на базе киевской культуры в Полесье и лесостепных районах Левобережья формируются колочинская и пеньковская культуры, оказавшие влияние на образование древностей волынцевского типа.

В этой связи одним из важнейших считается вопрос о взаимоотношениях славянского населения Днепровского Левобережья с иноэтничными племенами, обитавшими на этой территории. М. И. Артамонов и В. В. Седов, рассматривая этноисторический процесс на данной территории, допускают возможность участия сармато-аланских и тюрко-болгарских племен в формировании славянских племенных союзов, о которых говорится в «Повести временных лет». С. А. Плетнева относит установление контактов между этими группами левобережного населения к более позднему времени, усматривая культурные взаимовлияния носителей салтовской культуры со славянами VIII—X вв. Мы считаем, что территориальная близость и политическая экспансия Хазарского каганата (в состав которого входили алано-болгарские племена салтовской культуры) должны были отразиться не только в известных сообщениях летописи об уплате дани хазарам славянскими племенами, но и в археологических источниках. Вероятно, этим влиянием следует объяснить появление в керамическом комплексе волынцевских памятников своеобразной гончарной керамики, имеющей сходство с посудой салтовского круга.

С возникновением Хазарского каганата славянское население Днепровского Левобережья попадает под власть каганов, осуществляемую наместниками-тудунами. Хазарское господство над северянами, вятичами и радимичами нашло отражение в письменных источниках, где говорится об их

даннической отношении к хазарам. Степень зависимости славянских племен от каганата определялась территориальной близостью к нему.

Находясь под властью Хазарского каганата, славянское население Левобережного Поднепровья и Подонья отставало в своем развитии от других восточнославянских племен, что проявилось в некоторой архаичности древностей роменского и боршевского типов [Гапусенко, 1966, с. 41].

Вместе с тем какая-то часть северянского населения очень рано (начало IX в.) была втянута в процесс культурной, социально-экономической и, по-видимому, политической интеграции, вызванной образованием Киевской Руси. Интеграция роменской культуры в общерусскую происходит наиболее интенсивно в районах, примыкающих к зарождающимся городам Чернигову и Любечу, упоминание о которых мы находим в первых русских договорах с Византией. По-видимому, присоединение северян к Киевскому государству было добровольным, так как между ними устанавливаются союзнические отношения. Ни письменные, ни археологические источники не дают оснований говорить о каких-то военных конфликтах между ними. Сообщение летописи о походе Святослава на северян, очевидно, следует рассматривать как демонстрацию военной мощи Древнерусского государства, что и вызвало отпадение их от Хазарского каганата и присоединение к другим славянским племенам, объединившимся вокруг Киева.

С образованием Древнерусского государства и становлением его культуры в течение некоторого времени роменская культура сосуществует с киевоорусской, оставаясь культурой отдаленных, преимущественно сельских, левобережных районов Киевской Руси. Начавшись в междуречье Днепра и Десны, процесс врастания роменской культуры в общерусскую протекал не везде так интенсивно, как в этом районе. Имеющиеся археологические данные дают основания считать этот процесс довольно длительным для районов Левобережья—Посеймье, Поворсклье, бассейн Северского Донца. На открытых здесь поселениях и могильниках сохранились своеобразные роменские черты вплоть до XI в.

Северяне, войдя в состав Киевской Руси, были надежным заслоном, преграждающим от нападения кочевников на внутренние земли государства, что отразилось в системе городищ вдоль правых берегов левых притоков Днепра, образовавших, таким образом, глубоко эшелонированный район на восточном порубежье южнорусских земель.

Ценой кровопролитной борьбы, вызвавшей запустение целых районов, гибель большинства роменских городищ, печенеги, а позднее половцы получили доступ в Киевское Поднепровье. Прямое подтверждение этому мы находим в летописи, повествующей о том, что Владимир приступил к строительству новой линии укреплений. «Нача ставити городы по Десне и по Трубеже, и по Суле, и по Стугне, и поча нарубати мужи лучше от словен и от чуди, и от вятичь, и от сих насели грады, бе бо рать от печенег».

V РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫЕ ПАМЯТНИКИ ЮГА УКРАИНЫ

Салтовская культура

Памятники салтовской культуры (называемой также «салтово-маяцкой» по имени Маяцкого городища) распространены на обширной территории Лесостепи и Степи, бассейнов рек Северский Донец и Дон, в Приазовье, Крыму, на Волге, в Болгарии. Изучив большое количество памятников,

С. А. Плетнева выделила в салтовской культуре семь локальных вариантов: средневолжский, дунайский, дагестанский, крымский, приазовский, верхнедонский и нижнедонский [Плетнева, 1967, с. 8]. На территории Украинской ССР известны памятники верхнедонского, приазовского и крымского вариантов.

Памятники салтовской культуры привлекли внимание исследователей с 1900 г. — когда был открыт в с. Верхний Салтов Харьковской губернии учителем В. А. Бабенко катакомбный могильник, давший название всей культуре. В 1901 г.. В. А. Городцовым в с.Зливки Харьковской губернии открыт и изучен ямный могильник с инвентарем, близким инвентарю Верхнесалтовского могильника [Городцов, 1905, с. 211—213]. Открытие Верхнесалтовского и Зливкинского могильников, хорошо датированных вещевыми комплексами и арабскими дирхемами VII—X вв., дало возможность датировать аналогичные памятники последней четвертью 1 тыс. н. э.

Богатство инвентаря и своеобразие обряда захоронения Верхнесалтовского могильника привлекли внимание многих археологов. Помимо В. А. Бабенко здесь работали Д. И. Багалей, Е. П. Трефильев, А. М. Покровский, А. С. Федоровский, П. С. Уваров, Н. Е. Макаренко. .В первый период изучения салтовской культуры, длившийся около 20 лет, основное внимание исследователей было сосредоточено только на изучении Верхнесалтовского могильника, а это привело к тому, что в научный обиход салтовская культура вошла не в комплексе (поселения, жилища, бытовой и хозяйственный инвентарь, обряд захоронения и т. п.), а только та ее часть, которая была связана с обрядом захоронения. После Великой Октябрьской социалистической революции по среднему течению Северского Донца во время разведок сотрудниками Изюмского и Луганского краеведческих музеев открыты новые салтовские памятники: Залиманье, Шейковка, Петропавловка (Рогалик) [Ляпушкин, 1958, с. 88]. В 1920 г. Харьковский исторический музей возобновил исследование Верхнесалтовского могильника [Тесленко, 1927, с. 353—356], а с 1921 г. исследование памятника продолжил В. А. Бабенко.

Новый этап в изучении памятников конца I тыс.. н. э. в бассейне Дона связан с именем М. И. Артамонова. В 30-е годы под его руководством Волго-Донская, а затем Саркельская экспедиции исследовали средневековые памятники нижнего течения р. Дон. Главное внимание уделялось комплексу археологических памятников в районе станицы Цимлянской, где, кроме разведок, производились раскопки на Левобережном и Правобережном городищах. Результаты разведок и обследования памятников обобщены в книге [Артамонов, 1935].

В 1946—1948 гг. Харьковским университетом под руководством С. А. Семенова-Зусера вновь исследовались и Верхнесалтовский могильник, и городище [Семенов-Зусер, 1949, с. 112—135; 1952, с. 217—284].В бассейне р. Дон в 1947—1948 гг. Днепровской Левобережной эспедицией и в 1950—1951 гг. разведочным отрядом Волго-Донской экспедиции ИИМК выявлены новые памятники салтов-маяцкой культуры. В эти же годы обследованы и хорошо известные городища: Салтовское, Маяцкое, Правобережное, Цимлянское. Результаты исследований дополнили данные об отдельных памятниках и о характере культуры, о границах их распространения в бассейне р. Дон. Стало ясно, что памятники салтово-маяцкого типа в бассейне Дона к юго-востоку от Лесостепи переходят на побережье Азовского моря, в Крым, на Тамань и сливаются с родственными памятниками Северо-Кавказских предгорий (Чми, Балта и др.) [Ляпушкин, 1958, с. 90].

В 50-х годах памятники салтово-маяцкой культуры исследовал И. И. Ляпушкин. Им разработана классификация салтово-маяцких памятников: го-

родищ, поселений, жилищ и погребальных комплексов — и выделено два варианта салтово-маяцкой культуры — северный и южный [Ляпушкин, 1958]. К северному варианту И. И. Ляпушкин отнес городища с каменными стенами, жилища-полуземлянки, катакомбные могильники, к южному — городища, укрепленные земляными валами, жилища-юрты и ямные могильники. Памятники северного варианта И. И. Ляпушкин считал аланскими, а южные относил к праболгарам.

Большой вклад в исследование салтово-маяцких древностей внесла С. А. Плетнева. Более десяти лет С. А. Плетнева руководила разведотрядом, выявившим около 120 новых памятников и обследовавшим многие ранее известные. Итоги исследований обобщены в ряде работ С. А. Плетневой, где дана характеристика отдельных групп археологических источников, показан процесс перехода от кочевого способа жизни к оседлому, развитие ремесел, земледелия, торговли, формирование новых отношений у народов, заселявших Лесостепь и Степь Юго-Восточной Европы во второй половине I тыс. н. э. [Плетнева, 1967; 1981].

В 1959 г. Д. Т. Березовец возобновил изучение археологических памятников в районе Верхнего Салтова. На протяжении 1959—1961, 1965 и 1967 гг. были изучены Верхнесалтовское городище и посад, продолжено изучение катакомбного могильника, на левом берегу Северского Донца открыто и исследовано Нетайловское поселение и относящийся к нему грунтовый могильник. В 1968 г. разведотрядом Института археологии АН УССР под руководством Д. Т. Березовца произведены разведки салтовских памятников по побережью Азовского моря. Результаты изучения салтовской культуры опубликованы Д. Т. Березовцом в ряде статей [1962, 1965, 1970, 1975].

В. К. Михеев, А. П. Дяченко, А. К. Дегтярь изучают памятники салтово-маяцкой культуры на территории Харьковской и Донецкой областей. Систематическое исследование памятников салтово-маяцкой культуры на территории Нижнедонских и Приазовских районов проводят археологи Ростовского областного музея краеведения [Флеров, 1971]. И. А. Баранов ввел в научный оборот большую группу памятников VII—X вв., рассмотрев их характер, вопросы хронологии, социальную структуру тюрко-болгар в Крыму, роль византийского влияния в сложении данного локального варианта [Баранов, 1977].

Салтовские памятники среднего течения Северского Донца изучает К. И. Красильников. Им выявлено и обследовано большое количество новых поселений и могильников, открыты значительные гончарные центры [Красильников, 1976; 1981].

Исследование памятников Северного Кавказа и Центрального Предкавказья дали значительный материал для характеристики дагестанского варианта культуры. По мнению исследователей, памятники VII—IX вв. в данном регионе оставлены болгарами. Они полностью аналогичны памятникам нижнедонских и других вариантов салтово-маяцкой культуры (А. В. Гадло, В. Б. Ковалевская).

Характеристика болгарских племен, вопросы этнического состава, происхождения и расселения их в VII—IX вв., материалы болгарских могильников и поселений, исследованных на Средней Волге (Большие Тарханы, Кайбелы, Танкеевка и др.), подробно рассмотрены В. Ф. Генингом и А. Х. Халиковым. На основании материалов известных в то время могильников В. Ф. Генинг проследил пути переселения болгарских племен на Дунай из Приазовья и Подонья и высказал предположение, что наиболее вероятной территорией расселения группы племен, откочевавших позднее на Волгу, была область среднего течения Дона [Генинг, Халиков, 1964, с. 128—129]. Раскопки К. И. Красильникова, проведенные в бассейне среднего течения Северского Донца, и открытие им могильников возле сел Желтое и Ново-

лимаревка с обрядом погребения, аналогичным могильнику около с. Большие Тарханы, подтверждают эту гипотезу [Красильников, 1978].

Одним из основных вопросов, который пытались решить исследователи с момента открытия Верхнесалтовского могильника, был вопрос об этнической принадлежности населения, оставившего могильник и аналогичные ему памятники. А. А. Спицын первый пришел к выводу, что могильник следует связать с аланами Кавказа [1909, с. 72], Д. И. Багалей и Д. Я. Самоквасов считали, что Верхнесалтовский, как и северокавказские катакомбные могильники, оставлен хазарами [1908, с. 233]. Их поддержали В. А. Бабенко [1914, с. 464—470] и Ю. В. Готье [1927, с. 68].

М. И. Артамонов полагал, что народы, обитавшие в Подонье и Приазовье в VIII—IX вв., представляли собой конгломерат различных, взаимовлияющих друг на друга племенных групп, состоявших в основном из ираноязычных алан и тюркоязычных болгар. С. А. Плетнева, разделившая салтово-маяцкую культуру на семь вариантов, считает, что пять вариантов культуры, распространенных в Юго-Восточной Европе, были объединены Хазарским каганатом, а сама салтовская культура оставлена народами, входившими в каганат: аланами, болгарами и, возможно, хазарами.

Салтово-маяцкая культура представлена различными типами памятников. Сохранились остатки многочисленных поселений, кочевий, городищ, известны катакомбные и ямные могильники, случайные находки вещей и их комплексов. Основную и наиболее многочисленную группу салтово-маяцких памятников составляют поселения. В настоящее время на всей территории распространения салтовской культуры известно около 400 поселений и городищ [Ляпушкин, 1961, с. 197—214; Плетнева, 1967, с. 13, 191—196; Березовец, 1975, с. 423; Баранов, 1977; Красильников, 1981]. На основании накопленного материала все поселения салтово-маяцкой культуры разделены на несколько групп: 1) кочевья; 2) неукрепленные поселения; 3) городища, укрепленные земляными валами; 4) городища, укрепленные земляными валами и каменными стенами; 5) города [Плетнева, 1967, с. 13—50].

Кочевья являлись сезонными стойбищами. Для них характерно незначительное количество находок на поверхности: фрагменты амфор, лепных и гончарных горшков, кости животных и рыб. Амфорный материал свидетельствует о связях кочевого населения с Крымом и Византией [Плетнева, 1967, с. 13—19]. Неукрепленные поселения размещались по берегам рек.

Городища по характеру укреплений делятся на два типа: с земляными валами; с земляными валами и стенами из камня. На территории Подонья известно шесть городищ с земляными валами, три из них — возле сел Маяки Донецкой области, Богородичное и Костомарово в бассейне верхнего течения р. Северский Донец [Плетнева, 1967, с. 22]. Городища этой группы размещаются на высоких плато береговых террас. Остатки их укреплений сохранились в виде невысоких земляных валов и примыкающих к ним с внешней стороны неглубоких рвов. Оборонительные сооружения окружают площадку поселения только с напольной стороны. Размеры огражденной площадки колеблются в пределах 15—20 га [Ляпушкин, 1958, с. 93]. Кроме городищ с земляными валами для салтово-маяцкой культуры характерны городища-замки, имевшие в недоступной части мыса каменные цитадели. Такие городища, за исключением Правобережного Цимлянского, известны главным образом на территории Лесостепи, на высоких, труднодоступных мысах по берегам Дона, Северского Донца, Оскола (Дмитриевское, Коробово, Ютановка, Карабут, Эсхар, Мохнач, Гомольша, Архангельское, Подлысенки, Салтово). Каменные стены укреплений довольно мощные, толщиной 3—4 м; с внешней

стороны к ним примыкал ров, размеры цитаделей колеблются в пределах 200—250×100—150 м [Плетнева, 1967, с. 25—44].

Верхнесалтовское городище расположено в южной части современного с. Верхний Салтов Харьковской области, на высоком правом берегу Северского Донца. Выбор места для крепости, очевидно, обусловлен сообра-

Рис. 49.
План археологических памятников у с. Верхний Салтов:
1 — городища;
2 — цитадель;
3 — посад;
4 — катакомбный могильник;
5 — поселение;
6 — грунтовый могильник.

жениями фортификационного характера. С востока и севера крутые склоны возвышенности (до 20 м) были хорошим природным оборонным рубежом. Западная часть возвышенности — пологая. Наиболее доступна южная сторона, примыкающая к возвышенности правого берега Северского Донца.

Городище с севера, запада, юга обнесено земляным валом и рвом. Восточный склон, обращенный к реке, неприступен, так как русло Северского Донца в древности проходило у подножия возвышенности. Кроме того, склоны ее были эскарпированы и достигали крутизны 45°. Посередине городища почти под прямым углом к реке проходил глубокий ров, деливший городище на две части: северную и южную. Наиболее укреплена юго-восточная часть, где стояла цитадель с мощными каменными стенами. Крепость имела прямоугольную форму, размерами приблизительно 100×140 м. Стены сооружены из известняка и двух рядов облицовочных плит—внутреннего и внешнего, пространство между которыми забутовывалось мелким камнем, щебнем, глиной. Плиты панциря имели правильную прямоугольную форму размерами 0,45×0,50—0,60 м. Поверхность плит частично обработана. Облицовочные плиты уложены насухо, без фундамента, непосредственно на поверхности древнего горизонта. Южная стена достигала толщины 4 м. Судя по рельефу, западная стена имела такую же толщину. Северная стена, расположенная возле обрыва, очевидно, была одной толщины с восточной — 3,65 м. Неодинаковая толщина стен объясняется тем, что салтовские фортификаторы учитывали и использовали условия рельефа. Определить высоту крепостных стен в наше время невозможно, однако массивность их в нижней части свидетельствует о большой нагрузке. Вероятно, их высота достигала 10—12 м.

Как и другие средневековые крепости, Верхнесалтовская была укреплена башнями, одна из которых открыта возле восточной стены. От башни сохранился каменный фундамент, пря-

моугольный в плане, размерами 5,90×3—3,20 м. Кроме каменных стен, крепость укреплена рвом.

Материалы, полученные при изучении городища в 1959—1961 гг., свидетельствуют о том, что в районе с. Верхний Салтов в VIII—X вв. существовал большой (площадью около 120 га) средневековый город, являвшийся, очевидно, крупным ремесленным, торговым и, возможно, административным центром.

На территории бассейна Северского Донца исследованы поселения Жовтневое, Нетайловское [Березовец, 1975], Новолимаревка, Подгаевка, Рогалик [Красильников, 1981], давшие представление о системе планировки поселений — линейной и круговой и об этапах заселения поселений и целых регионов Среднедонечья.

Среди материалов, открытых при раскопках поселений и городищ, жилые и хозяйственные постройки занимают важное место. Салтовские жилища, изученные на огромной территории распространения культуры, делятся на три группы: юрты, полуземлянки, наземные жилища, среди которых выделяются определенные типы. Юрты — жилища, характерные для степных народов, исследованы в Подонье и Приазовье. Основание юрт диаметром 3—4 м углублено в землю на 0,2—0,5 м. По краю вдоль стен обычно прослеживаются ямки от деревянного каркаса. Для обогрева жилища и приготовления пищи служил очаг, чаще всего расположенный в центре юрты.

Кроме юрт для поселений салтово-маяцкой культуры характерны полуземлянки, исследованные на поселениях Лесостепи и Нижнего Дона. Полуземлянки площадью 6—20 м² имели квадратную или прямоугольную форму и углублены на 0,5—1,0 м. Полуземлянки столбовые с одно- или двухскатной крышей. Стены полуземлянок были плетневыми, дощатыми. Пищу готовили на очаге или печи.

Наземные жилища имели столбовую конструкцию и тростниковые стены, толщиной 0,15 м, обмазанные глиной с двух сторон. Жилища прямоугольной формы, размерами 20—40 м². Отапливались они одним-двумя очагами. Центральный — служил и для приготовления пищи. Кроме того, в Крыму, Приазовье, Дагестане, Болгарии известны постройки на каменных цоколях. Цоколи, толщиной 0,6 м, выложены в той же технике, что и стены городищ или в «елочку». На цоколях возводились массивные глинобитные стены, очаги размещались в центре или в углу помещения [Ляпушкин, 1958, с. 236—314; Плетнева, 1967, с. 63].

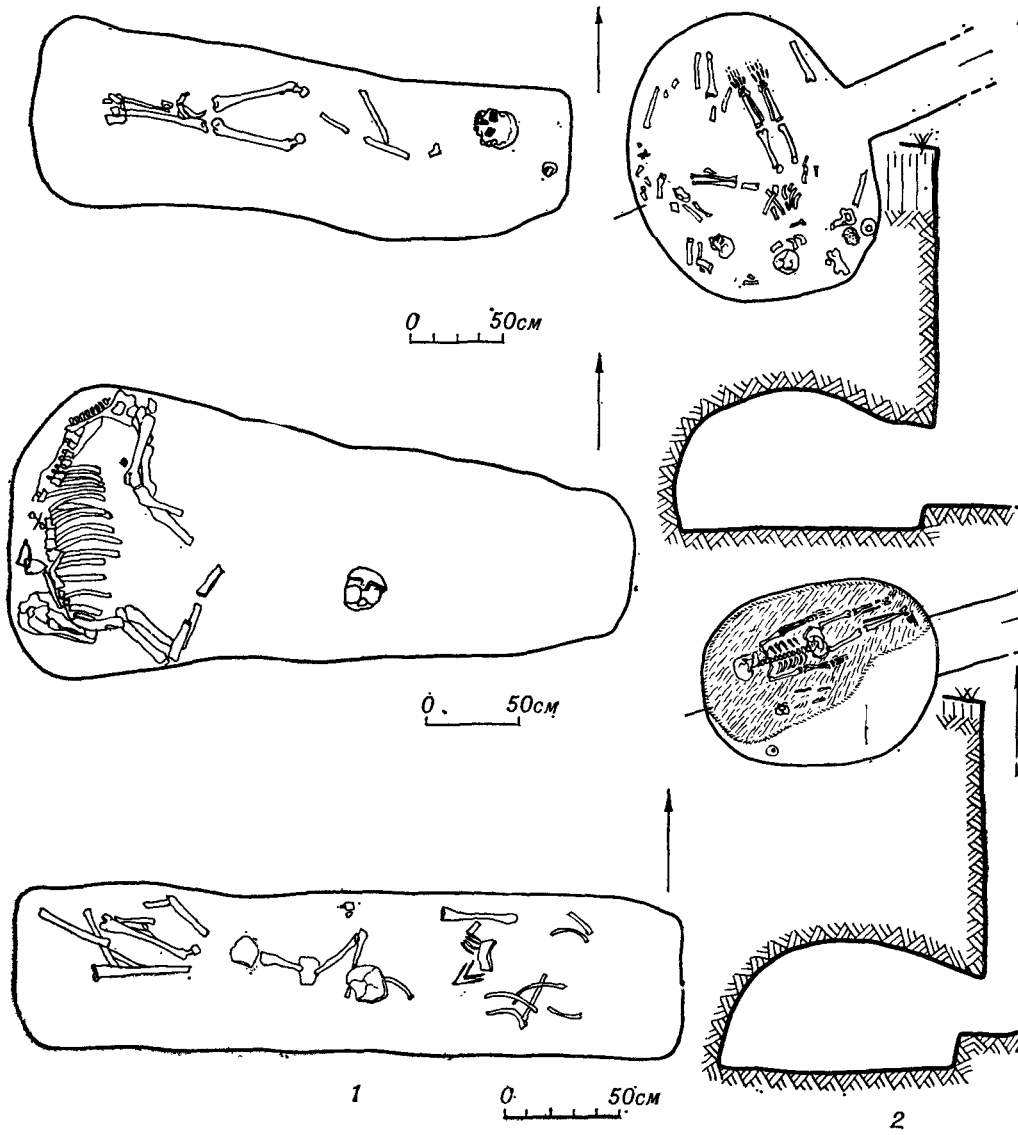
Помимо жилищ исследованы многочисленные хозяйственные ямы различной формы и размеров, погреба, хозяйственные постройки, имевшие полуземляночную конструкцию.

Богатый материал, характеризующий салтовскую культуру, обнаружен при исследовании могильников. Могильники этой культуры не сохранили до наших дней наземных признаков, и поэтому почти все обнаружены случайно. Для населения Подонья в конце I тыс. н. э. были характерны в основном захоронения в катакомбах и ямах. В верховьях Дона и Северского Донца открыто девять катакомбных могильников, в Верхнесалтовском — раскопано более 300 катакомб. Ямные могильники обнаружены в Среднедонечье и Крыму. В лесостепной зоне исследованы Зливкинский, Нетайловский, Волоконовский.

Верхнесалтовский катакомбный могильник находится севернее городища, на мысу коренного берега Северского Донца, отделенном Нетечинским оврагом, тянущимся с юго-запада от городища к Замуловскому оврагу. Могильник занимал также западные склоны Нетечинского оврага, южные и северные склоны Замуловского оврага и склоны Симоненкова и Капиносова оврагов, впадающих в Замуловский с севера. На площади могильника (около 100 га) размещалось не менее 30 000 катакомб. Участок, расположенный между Симоненковым и Капино-

совым *оврагами, изучен* за период 1901—1948 гг. В 60-х годах исследовался участок могильника, расположенный на мысу, образованном Северским Донцом и Нетечинским оврагом возле городища.

Дромосы катакомб на участке у Симоненкова и Капиносова оврагов ориентированы в направлении восток — запад, юго-восток, северо-запад, юг-



север. Ширина дромосов колеблется от 0,4 до 1,2 м. Иногда в полу дромоса были вырезаны ступеньки различной высоты. Вход нескольких катакомб закрыт деревом или камнем. Размеры погребальных камер: длина 1,40—2,70 м, ширина 1,15—2,0 высота — 0,76—2,30 м. По отношению к дромосу большинство камер поперечные, количество прямоугольных и овальных камер почти одинаково.

Погребения одиночные и коллективные. Преобладали одиночные. Среди коллективных встречались погребения с двумя, тремя и четырьмя скелетами. Большинство из них лежало в анатомическом порядке, остальные частично нарушены или разбросаны. Как правило, покойников сопровождал погребальный инвентарь.

Рис. 50. Планы погребений Нетайловского (1) и Салтовского (2) могильников.

На участке могильника возле городища прослежены отличия в устройстве катакомб и в некоторых чертах погребального обряда. При работах 1959 г. здесь обнаружена интересная черта: погребальные камеры заполнялись материковой глиной. Одиночные захоронения на данном участке составляют половину всех погребений, среди них преобладают женские. Несколько меньше половины составляют погребения с двумя скелетами; редки погребения трех-четырех человек в одной камере. Большинство скелетов лежит не в анатомическом порядке.

Особенности погребального обряда, выявленные при исследовании различных участков Салтовского могильника, а также других катакомбных могильников (Подгоровский, Дмитриевский), отражают определенные различия в мировоззрении и социальной структуре населения Лесостепного Подонья.

Большой интерес для дополнительной характеристики салтовской культуры представляют материалы Нетайловского грунтового могильника, расположенного на левом берегу Северского Донца на ровной площадке боровой террасы возле с. Нетайловка Харьковской области. Основные раскопки памятника проводились в 1960—1961 гг. В северо-западной части могильника на площади 4440 м^2 исследовано 124 погребения. Предположительно могильник занимал площадь около 14 га, на которых, по подсчетам Д. Т. Березовца, могло находиться более 5000 погребений.

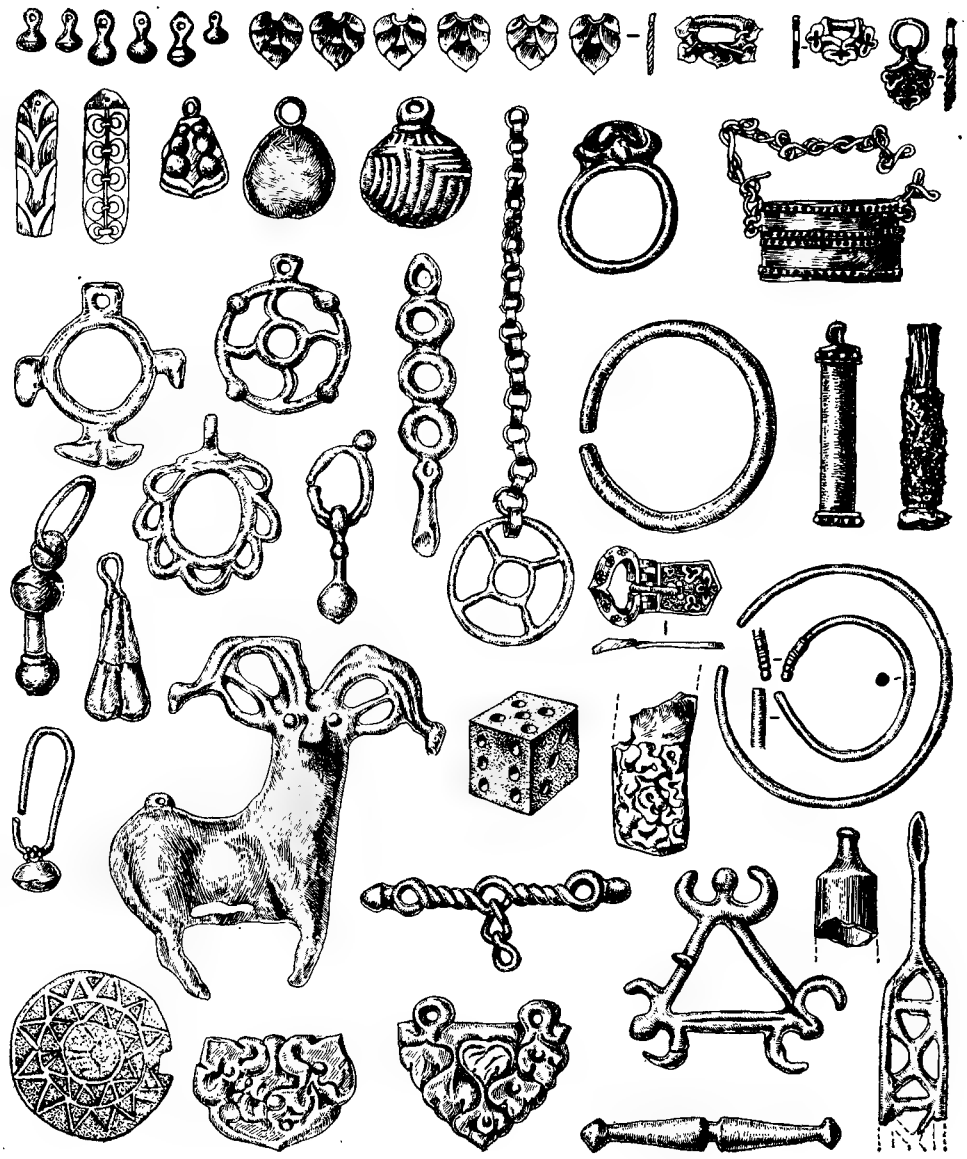
Захоронения совершены в грунтовых ямах. Отсутствие взаимонарушения могил свидетельствует о том, что в древности все могилы имели какие-то отличительные знаки. Могильные ямы очень длинные, узкие и глубокие, по форме делятся на следующие типы: прямоугольные, прямоугольные с закругленными углами, трапециевидные и имеющие сложную комбинированную конструкцию. Преобладают ямы первого типа.

Для Нетайловского могильника характерен своеобразный обряд захоронения умерших: отсутствие целых скелетов, лежащих в анатомическом порядке. В 82 погребениях обнаружены человеческие кости, остальные могилы не содержали останков людей.

Судя по расположению костей и инвентаря в могилах, а также по наличию различных групп погребений, захоронения совершались несколькими способами. Д. Т. Березовец высказал некоторые предположения относительно погребального обряда Нетайловского могильника [Березовец, 1959—1961, с. 9—10]. Возможно, в одних случаях покойника клали в могилу, которая оставалась открытой длительное время, и под воздействием природных факторов мелкие и наиболее рыхлые кости разрушались. Перед окончательной засыпкой могилы оставшиеся кости перемешивались. В тех случаях, когда умершего только слегка присыпали землей, кости и сопровождающий инвентарь сохранялись в нижней части заполнения ямы. Возможно, бытовал еще один способ погребения — тело покойника некоторое время лежало на поверхности земли, на специальной площадке, а затем останки переносились в могилу и иногда клались в анатомическом порядке, а чаще всего просто разбрасывались по дну ямы. Если скелет был разрушен полностью, в могилу помещали только несколько костей и принадлежавшие умершему вещи, которые также раскладывались в необходимом порядке.

Обряд разрушения скелетов умерших был вызван страхом перед покойником. Этнографические данные свидетельствуют о том, что многие народы обезображивали и уродовали труп, борясь с предполагаемой воплощенной в нем злой силой.

Во время работ на салтовских памятниках найдено большое количество вещей из металла, камня, стекла, глины. Керамика, обнаруженная на салтовских памятниках, делится на следующие группы: 1) кухонную, 2) столовую, 3) тарную. Большая часть посуды изготовлена на гончарном круге, однако на поселениях обнаружена и лепная керамика, найдено несколько фрагментов сковородок. Состав керамического комплекса на



поселениях довольно разнообразен, преобладает кухонная керамика, составляющая почти половину керамических комплексов поселений.

Керамика первой группы — горшки

Рис. 51. Украшения и предметы убора салтовской культуры из Верхнего Салтова и Нетайловки.

серого или бурого цвета — отличается хорошей технологией изготовления. Они сделаны из тщательно вымешанной глины с большой примесью шамота. Форма кухонных горшков довольно стандартная. Найденные обломки и целые сосуды свидетельствуют о том, что горшки имели высоту 20—25, диаметр венчика 15—18 см. По форме они округлобокие, с ровным широким дном. Венчики всегда простые, без сложной профилировки. Нередко венчик представляет собой отогнутый край сосуда, плоский, кососрезанный или закругленный. Отличительной чертой горшков этой группы является своеобразный линейный орнамент, покрывающий почти всю их поверхность. Кроме линейного многие горшки украшены волнистым орнаментом, нанесенным по основанию шейки и плечикам, реже — по корпусу. Почти всегда волна наносилась по рифлению или выше него тем же пяти—семизубым штампом, которым выполнено и само рифление. Иногда горизонтальный орнамент сочетался с вертикальным образуя прямую или косую сетку. Венчики в большинстве случаев орнаментированы насечками или отпечатками гребенчатого штампа.

Для второй группы керамики — столовой — характерно большое разнообразие форм; в глиняном тесте примесь очень мелкого шамота или песка; поверхность сосудов лощеная, серого, черного, изредка желтого или красного цвета. Серо- и чернолощеная посуда — основной тип керамики в катакомбных могильниках. В керамических комплексах поселений она составляет 20—25 %. В группе столовой керамики можно выделить следующие виды посуды: кувшины, кружки, кубышки, горшки, миски. Кувшины — наиболее нестандартный тип столовой керамики: каждый кувшин отличается своеобразием и неповторимостью формы. Кувшины изготовлялись одноручные и двуручные. Как правило, почти все они имеют носик-слив. В большинстве случаев сосуды украшены различными комбинациями из пролощенных линий, полос, редко колец и полуколец, налепных сосков, вдавленных желобков по основанию горла и корпусу. Иногда горло кувшина на всю высоту украшено горизонтальным или слегка волнистым рифлением.

Кроме серо- и чернолощеных кувшинов, на памятниках верховий Северского Донца известны небольшие красноглиняные ойнохои с округлым корпусом и ручкой. По своим формам и технологии изготовления (глиняное тесто аналогично амфорному) они резко отличаются от местной керамики салтовских могильников. Эти кувшинчики известны также в Саркеле, на Правобережном Цимлянском городище, в Крыму. Судя по их однотипности, они изготовлялись в одной из южных мастерских и распространялись по всей территории салтово-маяцкой культуры.

Кроме кувшинов на поселениях и могильниках найдены кружки, также разнообразной формы. Известны кружки со средней высотой шейки и приплюснутым корпусом, с высокой шейкой и очень приплюснутым корпусом. Характерным признаком кружек является ручка, прикрепленная к шейке и корпусу. Нередко встречаются двойные ручки в виде стилизованных фигурок животных. Кружки с зооморфными ручками известны в Дмитриевке и Салтове. Орнаментация кружек простая: чаще всего поверхность заглажена вертикальным и горизонтальным лощением, иногда по корпусу прочерчена косая сетка или желобок.

К столовой керамике относятся также небольшие лощеные кубышки,

имеющие шаровидно-сплющенную форму. Кубышки орнаментированы пролощенными линиями и врезными желобками, иногда с небольшой петельковидной ручкой, прикрепленной к верхней части корпуса. В группу столовой керамики входят горшки, изготовленные из того же теста, что и кувшины, и украшенные пролощенным орнаментом миски.

няные амфоры имели короткое узкое горло, отогнутый венчик с горизонтальным краем, полукругло изогнутые, в сечении овальные, слегка ребристые ручки, круглое дно. Амфоры относят-

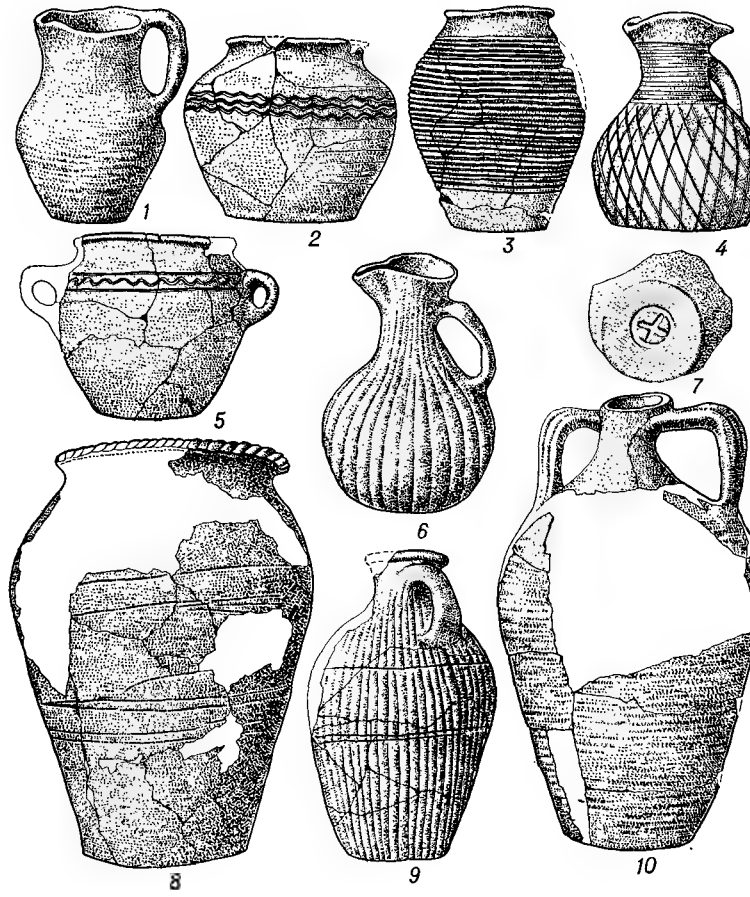


Рис. 52.
Керамика салтовской культуры:
1—7, 9—10 — Верхний Салтов;
8 — Нетайловка.

В третью группу входят сосуды для хранения продуктов: горшки — пифосы для сыпучих продуктов, амфоры и большие кувшиновидные сосуды для жидкостей. Горшки-пифосы по форме и орнаментации повторяют кухонные рифленые горшки, однако, отличаются бóльшей массивностью.

По количеству найденных фрагментов амфоры занимают второе место после кухонных горшков. Красноглися к импортным изделиям, поступавшим на север из Крыма и Приазовья.

Судя по разнообразию форм кухонных горшков и их своеобразию на каждом из поселений, можно заключить, что на больших поселениях салтовской культуры работали гончары, которые, придерживаясь единой формы и приемов украшения кухонных горшков, изготовляли сосуды, характерные только

для тех поселений, где они производились.

Почти вся салтовская керамика изготовлена на гончарном круге. Изучение донышек по методике А. А. Бобринского и М. Комши [Комша, 1961; Бобринский, 1962; 1978] позволяет установить наличие ручного и ножного гончарных кругов. Основная часть керамики изготовлена на ножном гончарном круге. Нередко в центре верхнего диска мастером вырезалось клеймо. Наибольшее распространение получил круг с вписанным в него квадратом или крестом. Наличие многих типов клейм на поселениях салтовской культуры и освоение салтовскими гончарами различных в конструктивном отношении типов гончарных кругов позволяют говорить о выделении и становлении гончарного ремесла как самостоятельной отрасли производства и появлении центров гончарного ремесла.

Значительное место среди материалов салтово-маяцкой культуры занимают изделия из железа: орудия земледелия, обработки дерева, рыбных промыслов, оружие, конское снаряжение. Из орудий труда на поселениях салтовской культуры найдены косы-горбуши, тесла-мотыжки, резцы, щипцы, кузнечные инструменты. Наиболее распространенными орудиями были ножи. Нередки на поселениях пряслица, изготовленные из стенок амфор или лощеных сосудов, иногда из глины, кости или камня. Жернова небольшого диаметра (30—40 см) и толщины (5—10 см) изготовлялись из песчаника, точильные камни — из песчаника, сланца, гранита. Изделия из кости представлены проколками, ручками для ножей и кинжалов, горлышками от бурдюков.

Предметы вооружения в основном найдены в могильниках. Это сабли, боевые топоры, кистени, наконечники стрел и копий, предметы конского снаряжения (удила, стремена, пряжки).

Украшения, характерные для салтовской культуры, разнообразны: кольца, перстни, серьги, браслеты, подвески, пряжки, бубенчики, декоративные бляшки для кожаных поясов, украшения конской сбруи, бусы. Все они изготовлены из бронзы или серебра, редко — золота.

Некоторые предметы, найденные в могилах, играли роль амулетов при жизни их владельцев. Широкое распространение получили амулеты из костей лисицы, волка, зайца. Кроме зубов и клыков хищников в качестве амулетов применяли различные подвески, связанные с солярным культом. Это подвески с птичьими головками в виде различных колец. Зеркала, имеющие форму круглого диска, блестящие с одной стороны и орнаментированные с другой, также символизировали солнечное божество, которому с древнейших времен поклонялись многие народы.

При исследовании Верхнесалтовского катакомбного могильника найдено около 100 монет, в основном арабских дирхемов, использовавшихся в качестве украшений. Кроме Верхнего Салтова единичные монеты найдены в могильниках Нетайловском и Дмитриевском. Наиболее ранние монеты из катакомб Верхнесалтовского могильника датируются VI—VII вв., наиболее поздние — X в.; большинство монет относится к VIII—IX вв. Памятники салтовской культуры по монетным находкам и вещевым аналогиям датируются в основном VIII—IX вв.; лесостепные памятники существовали и в X в., судя по находкам монет этого времени [Плетнева, Николаенко, 1976, с. 293—297].

Материалы салтово-маяцких памятников дают представление о характере хозяйства алано-болгарского населения. Одним из его основных занятий было земледелие, о чем свидетельствуют, прежде всего, находки сельскохозяйственных орудий обработки земли, уборки и переработки урожая, а также зерна или отпечатки различных злаковых культур. Наличие пашенного земледелия подтверждают находки лемехов и чересел на городище Маяки.

Обрабатывали землю, очевидно, и теслами-мотыжками. Урожай собирали серпами и косами. На памятниках салтовской культуры найдены серпы и косы (более 70).

О значительном развитии скотоводства и его характере свидетельствуют остатки разнообразного остеологического материала, найденного в большом количестве на поселениях. Для

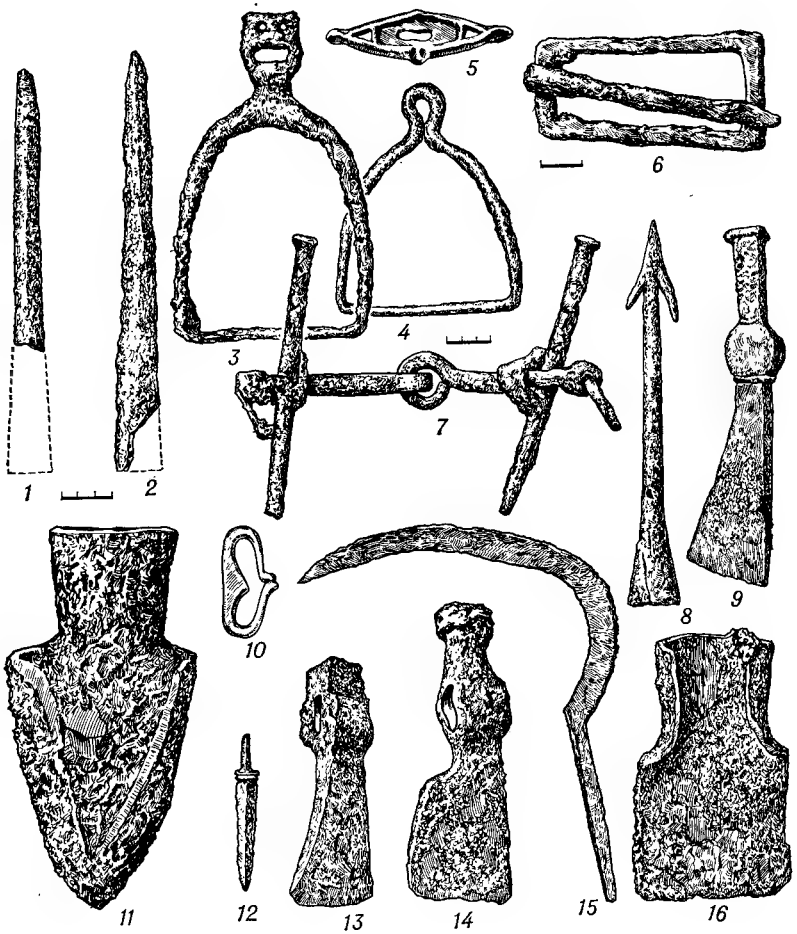


Рис. 53.
Изделия из железа салтовской культуры:
1—4, 6 — Нетайловка; 5, 8, 9, 11, 15 — Маяки; 10, 12—14, 16 — Верхний Салтов.

Лесостепи показателен характер остеологического материала из Салтова. Здесь преобладают кости крупного рогатого скота и свиньи. В незначительном количестве представлен мелкий рогатый скот, что свидетельствует об оседлом характере скотоводства в этом районе. Кочевая часть населения, возвращавшаяся в холодное время года на зимовища или поселения, разводила в основном мелкий рогатый скот и лошадей. Наряду с земледелием и скотоводством салтовцы занимались рыболовством и охотой.

Развитие различных видов хозяйственной деятельности способствовало возникновению обмена и торговли между группами населения, занятого в разных областях хозяйства. Разнообразие керамики и гончарных клейм свидетельствует о наличии центров гончарного ремесла (Салтов, Рогалик), чьи мастера снабжали своей продукцией не только проживавших на этих поселениях, но и близлежащие и

даже соседние славянские поселки. Кроме керамики предметом торговли могли быть изделия салтовских кузнецов.

Торговля между славянским населением и Востоком до середины IX в. велась главным образом по Северскому Донцу, так называемым хазарским путем. Очевидно, Верхний Салтов был одним из крупных торговых центров на этом пути. Об оживленной торговле в Верхнем Салтове в VIII—IX вв. свидетельствует большое количество восточных монет, найденных в катакомбах могильника. Импортировались прежде всего различные украшения: бусы, серьги, браслеты, перстни. С Кавказа и Востока поступали зеркала; амфоры и ойнохои привозились из крымских и приазовских гончарных мастерских. Часть товаров оседала на салтовских землях, часть вывозилась в соседние славянские.

Основные материалы для определения этнического состава населения, оставившего салтово-маяцкую культуру, дают могильники. Для салтовцев характерны два основных типа погребальных обрядов: катакомбный и ямный. Катакомбные могильники распространены в северных лесостепных районах Дона и Северского Донца, ямные — в степных районах Подонья, Приазовья и в Крыму. Предполагается, что население, хоронившее своих покойников в катакомбах, — аланское. Подобное мнение базируется на аналогии материалов Верхнесалтовского могильника с материалами могильников Кавказа и данных антропологии. Ямные могильники, судя по иному антропологическому типу похороненных в них людей и по обряду захоронения, оставлены племенами, этническая принадлежность которых определена как болгарская.

Народы, жившие в VIII—X вв. в Подонье, Приазовье, Крыму (аланы и болгары), являются основными носителями и создателями салтово-маяцкой культуры. Отличия, прослеженные в погребальных обрядах аланов и болгар, свидетельствуют о наличии среди них различных племенных объединений.

Социально-политическая организация населения, оставившего верхнесалтовские памятники, характеризуется становлением и развитием феодальных отношений. Салтовская культура сложилась в границах единой политической организации — Хазарского каганата. Одновременно с его распадом в X в. исчезает и салтовская культура.

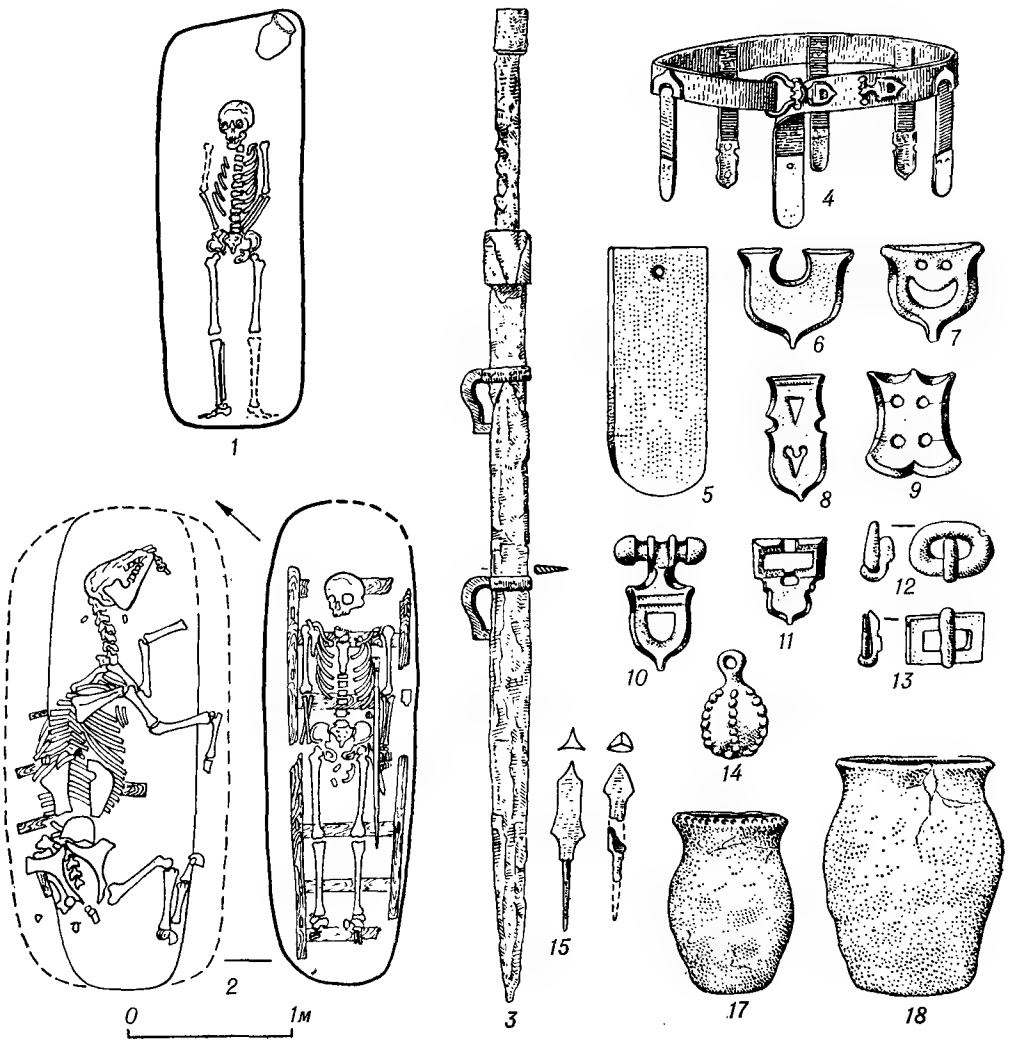
Погребения кочевников и клады эпохи раннего средневековья

Как результат гуннского нашествия, вызвавшего Великое переселение народов, в степях Северного Причерноморья и Приазовья к рубежу V—VI вв. письменные источники отмечают появление гуннов-акацир, теснимых с востока болгарами. Готский историк Иордан (середина VI в.) отождествлял болгар с оногурами в ряду других, так называемых гуннских племен. В середине VI в. оногуры соседствовали с родственными им кутригурами, границей между которыми Прокопий Кессарийский называет Танаис. Широко известны рассказы Прокопия о гуннах-утигурах, кутригурах, сабирах, не всегда равноценные по точности сведения, продолжающие традиции античной историографии [Удальцова, 1974, с. 195].

Болгары в последней четверти V в. принимают участие в войнах на стороне Византии и совместно с другими «варварами» опустошают Балканский полуостров [Артамонов, 1962, с. 80]. В 558 г. в причерноморской степи появились авары, вскоре переселившиеся в Подунавье. Ценные сведения об аварах как о могущественном народе, об их отношениях со славянами и Византией содержатся у Менандра Протиктора в рассказе об опустошении страны антов [Menandros]. Большую историческую ценность представляют данные Стратегикона и Псевдо-Маврикия, описывающих авар как кочевников, разделенных на враждующие между

собой роды, но находившиеся под властью единого правителя-кагана [Маврикий, 1903; Zasterova, 1964].

Обосновавшись в Паннонии, аварский союз племен включил болгар-кутригур и славян, которых подвергали жестокому угнетению. Сведения о воинственных аварах сохранились в древнерусских летописях: «Си же обри воеваху на словенех, и примучиша дулебы, сущая словены...» [ПВЛ, с. 14].



Представляется вероятным, что в период между появлением авар (558 г.) и до 30-х годов VII в. (объединение приазовских и причерноморских болгар в первое государственное образование — Великую Болгарию) степи Причерноморья и Приазовья занимали кутригуры, сохранявшие связи с аварами в Паннонии [Артамонов, 1962, с. 160]. Великая Болгария объединила разноэтничные кочевые орды, в состав которых, согласно русскому летописцу, вошли угры и «угри белии» [Плетнева, 1979, с. 26].

В 60-х—70-х годах VII в. после разгрома основных сил приазовских бол-

гар хазарами болгарская орда во главе с Аспарухом откочевала через восточноевропейские степи за Дунай. Хазары на несколько столетий установили политическое господство над сте-

Рис. 54. Планы погребений VI—VII вв. Керамика, оружие, поясные и сбруйные украшения (реконструкция пояса В. В. Дорофеева):
1 — Черноморское; 2, 3—11, 15, 16 — Сивашовка; 12, 13 — Сивашское; 17 — Христофоровка; 18 — Черноморское.

пями Причерноморья, Приазовья и Крыма, исчезнув как реальная политическая сила после разгрома Хазарского каганата князем Святославом в 965 г.

Археологические источники слабо освещают историю кочевых племен третьей четверти I тыс. н. э. Основная категория находок — единичные погребения, чаще всего впущенные в насыпи курганов (трупоположения и трупосожжения). В большинстве случаев эти погребения обнаружены случайно, поэтому А. К. Амброз в сводной работе о кочевнических древностях приводит данные о восьми исследованных погребениях [Амброз, 1981]. Однако если учитывать все известные находки, то число комплексов увеличивается в несколько раз, не разрешая проблему их этнической интерпретации из-за отсутствия данных о погребальном обряде. Некоторые из обнаруженных комплексов с вещами, характерными для кочевников евразийских степей, вызывают у исследователей споры по поводу их этнической принадлежности.

Из-за отсутствия достаточного количества тщательно документированных погребений представляется верным подразделение кочевнических комплексов на группы по сочетанию вариантов вещей единого назначения и декора, предложенное А. К. Амброзом. Исследователь разделил кочевнические древности V—VIII вв. на шесть групп [Амброз, 1981]. К первой группе отнесено погребение в Беляусе первой половины V в., совершенное в узкой прямоугольной яме головой на север. Возле ног погребенного сложена конская сбруя, а под ней — череп, кости ног и бедренная кость коня (возможно, остатки снятой шкуры и жертвенное мясо). К памятникам кочевников первой группы отнесены трупосожжения в курганах VIII и IX близ Новогригорьевки [Минаева, 1927]. В ямах сохранились остатки совершенных на стороне трупосожжений: угли, кости, обкладки сбруи, пряжки, посуда, оружие. Над погребальными ямами — скопления камней, иногда со следами тризны. Из инвентаря наиболее характерны для первой группы предметы, обтянутые тонким листовым золотом и инкрустированные гранатом и сердоликом.

Трупоположения в ямах с ориентацией на север или северо-восток, реже — на запад или восток, типичны для второй, четвертой и шестой групп. Ко второй и третьей группам А. К. Амброзом отнесены погребения типа погребений кургана VII возле Новогригорьевки на Днепре, Мелитополя [Пешанов, 1961], а также многочисленные изделия с обильной зернью, вставками из янтаря, предварительно датируемые VI—VII вв. В четвертую группу входят погребения рядового населения с пряжками и накладками ремня в так называемом геральдическом стиле (Большой Токмак, Аккермень, Белозерка и др.), датируемые второй половиной VI—VII в. К пятой группе отнесены одновременные четвертой группе погребения высшей знати (Малая Перещепина, Келегеи, Глодосы). К шестой группе относится памятник типа поминального комплекса VIII возле с. Вознесенка [Амброз, 1981]. Отметим, что известные погребения (Беляус, Большой Токмак, Аккермень) совершены в ямах прямоугольной или овальной формы, иногда с заплечиками и деревянным перекрытием.

Новые и важные данные о погребальном обряде кочевников Причерноморья и Приазовья получены в ходе раскопок погребений, впущенных в курганы Херсонской, Николаевской,

Крымской и Запорожской областей (1970—1980 г.), собранные А. И. Кубышевым и В. В. Дорофеевым. Из-за отсутствия публикаций новые комплексы могут быть охарактеризованы в общих чертах. Погребения возле сел Христофоровка, Новая Одесса Николаевской области и Черноморское Херсонской области по погребальному обряду и размещению инвентаря соот-

Особенностью данной группы является отсутствие погребений с захоронениями коня и редко встречаемые кости барана — остатки жертвенной пищи. В целом погребальный обряд

Таблица 6. **Сравнительная характеристика погребений по обряду трупоположения**

Погребение	Ориентация	Захоронение коня	Сбруя	Оружие	Глиняная посуда	Поясной набор
Сивашовка	св	×	×	×	×	×
Сивашское	св	×	×	×	—	×
Христофоровка, курган № 7, погребение № 7	св	—	—	—	×	×
Христофоровка, курган № 7, погребение № 12	в	—	—	×	×	×
Христофоровка, курган № 8, погребение № 1						
Черноморское	св?	×	—	—	×	×
Рисовое, курган № 2, погребение № 10	св	—	—	—	×	×
Рисовое, курган № 13, погребение № 2	с-св	×	—	×	—	×
Аккермень	св	—	—	×	×	×
Большой Токмак	сз	—	—	—	×	×
Новая Одесса, курган № 1, погребение № 3	св	—	—	—		×
Новая Одесса, курган № 7, погребение № 4	с-св	—	—	—	×	
Портовое	св	×	×	×	—	?
Белозерка	?					
Костогрызово	св	×	—	×	—	×
Териовка, курган № 22, погребение № 1	с	—	—	—	—	
Виноградное	з	×	×	×	—	×

Примечание: св — северо-восток, в — восток, сз — северо-запад, с — север, з — запад.

ветствуют четвертой группе, выделенной А. К. Амброзом как могилы рядового населения. Они совершены в узких овальных или прямоугольных ямах, реже — с каменным закладом и заплечиками. В некоторых случаях зафиксирован подбой с каменным закладом (Новая Одесса, группа IV, курган № 1, погребение № 3). Умерший, как правило, лежит вытянуто на спине, головой на северо-восток — восток, а в аналогичном по обряду погребении поблизости с. Большой Токмак — на северо-запад. Инвентарь незначителен — лепной горшок возле изголовья, нож, кресало, пряжка, реже — поясной набор (Христофоровка, курган № 1, погребение № 7). В этом же кургане в погребении № 12, подобно захоронению в Рисовом (курган № 13, погребение № 12) под Краснoперекопском, найдены обкладки лука.

этой группы близок населению, оставившему в более позднее время ямные могильники в Подонье, в Волжской и Дунайской Болгарии, которое определяют как болгар. Ориентация умерших наиболее близка (головой на восток или северо-восток) погребенным в Нетайловском могильнике на Северском Донце и Нови Пазаре в Болгарии [Станчев, Иванов, 1958; Иченская, 1981], отличаясь от Большетарханского (головой на запад) [Генинг, Халиков, 1974]. Объяснить наличие в конструкции некоторых могил как подбоя, так и могил с конским захоронением довольно трудно.

Другая группа погребений, обнаруженная возле сел Виноградное Запорожской области, Костогрызово, Сивашовка, Сивашское Херсонской области, Портовое Крымской области, не имеет аналогий среди групп, выделен-

ных А. К. Амброзом [1981]. Погребения совершены либо в широкой яме с конем на уступе, либо в узкой яме овальной формы (Сивашовка, Сивашское), с заплечиками и останками коня на деревянном перекрытии, либо в подборе с конем на уступе входной ямы (Виноградное). От гробовищ сложной конструкции сохранились продольные и поперечные плахи. Погребенные лежат вытянуто на спине головой на северо-восток, запад, также ориентировано и захоронение коня. Инвентарь этой группы богаче: поясной набор, колчан с петлями, в котором сохранились трехгранные стрелы, удила, оббивки луков, палаши. В изголовье погребенных — остатки жертвенного мяса (череп барана). Описанный погребальный обряд близок могилам воинов-всадников позднеаварских могильников Кискорос, Житавской Тони [Laszlo, 1955; Budinsky-Kriska, 1956].

Хронология обеих групп погребальных комплексов может быть определена на основании работ А. К. Амброза, В. Ф. Генинга, В. Б. Ковалевской [Амброз, 1971, 1980; Ковалевская, 1972; Генинг, 1979], выполненных на материалах хорошо исследованных могильников Прикамья и Башкирии. Показательны для хронологии цельнолитые поясные наборы с геральдическими прорезными бляшками, Т-видные бляшки, костыльковые застежки, В-видные кольца пряжек, датирующие комплексы серединой VI — серединой VII в. Палаш из погребения возле Сивашовки имеет ножны со скобами в виде буквы «Р». Со второй половины VII в. эти виды скоб у авар сменяются полукруглыми; клинок без изгиба [Амброз, 1981].

Инвентарь погребений дает представление о снаряжении коня, оружии и деталях костюма воина-всадника. Дуговидные оковки от лук седла найдены в Мелитополе. В Сивашовке обнаружены железные грызла с восьмерковидными концами. Хорошо сохранились однолезвийные мечи-палаши в погребениях возле сел Виноградное, Сивашовка и Сивашское. Рукоять мечей без перекрытия с навершием, клинок длиной до 0,9 м. В Виноградном, Христофоровке, Сивашском, Рисовом найдены костяные обкладки луков, аналогичные аварским из Кескемета [Toth, 1980]. В Сивашском, Сивашовке, Костогрызово встречены обычные для этой эпохи железные ромбические трехлопастные наконечники стрел с черенком. От костюма в погребениях сохраняются детали пояса — пряжки, геральдические бляшки разнообразной формы, чаще литые (серебро и медный сплав), наконечники из двух тонких пластин. Лучше всего сохранился пояс из Сивашовки, реконструированный А. И. Кубышевым и В. В. Дорофеевым.

Глиняная посуда происходит из трех комплексов Христофоровки, сел Черноморское, Новая Одесса, Аккермень, Большой Токмак. Она представлена лепными приземистыми горшками с четко выделенной шейкой и отогнутым венчиком. По краю иногда наносились насечки, ямки, корпус изредка покрывался грубой штриховкой. Наибольший диаметр приходится на середину высоты горшка. В Христофоровке найден горшок с ручкой.

Вопрос об этносе рассмотренных выше групп кочевников, погребальный обряд которых свидетельствует о заметном имущественном расслоении, спорен. Возможно, что население, оставившее эти группы комплексов, по этническим признакам следует отнести к болгарам, хотя нельзя исключать присутствие авар и угров. Изменения в погребальном обряде, появление богатых погребений воинов с лошадьми, сходных с позднеаварскими погребениями Паннонии, могли быть вызваны участием кутригурского союза племен в аварских войнах с Византией до 30 г. VII в.

Особую группу составляют памятники Поднепровья типа Малая Перещепина (Глодосы, Келегеи, Новые Санжары, Макуховка). Характерной их особенностью является наличие в

составе вещей значительного количества драгоценностей, а также оружия и конского снаряжения, дающих представление о снаряжении богатого воина-всадника и его коня. Первоначально памятники данной группы интерпретировались как клады, впоследствии было доказано, что часть из них представляет собой богатые погребения. А. К. Амброз объединяет их в пятую группу захоронений высшей знати [1981, с. 13].

Памятники этого типа распространены преимущественно на границе Лесостепи и Степи. Большинство из них относится к числу случайных находок. Немного сведений сохранилось о наиболее ранней находке около с. Макуховка на р. Коломак в 5 км от Полтавы. В конце XIX в. найдено большое количество золотых предметов.

В 1912 г. на окраине с. Малая Перещепина вблизи г. Полтава обнаружен богатейший клад, содержавший до 25 кг золотых и 50 кг серебряных изделий. Количество найденных в нем вещей исчислялось сотнями. Многочисленную группу составляла драгоценная посуда. В числе других находок было оружие, предметы личного убора, конское снаряжение, многочисленные (69 экз.) золотые византийские монеты (хранятся в Государственном Эрмитаже) [Фармаковский, 1913; Бобринский, 1914; Моисеев, 1914].

В 1927 г. возле с. Келегеи, расположенного в дельте Днепра, также найден клад, состоявший из золотых украшений, византийских монет и остатков оружия (хранится в Музее исторических драгоценностей УССР, г. Киев). В 1928 г. у с. Зачепиловка вблизи г. Новые Санжары обнаружены остатки погребения воина с конем, сопровождавшиеся богатым инвентарем [Смиленко, 1968].

В 1961 г. у с. Глодосы на Кировоградщине открыто погребение (ямное трупосожжение) с многочисленными драгоценными изделиями и дружинным снаряжением (хранятся в Музее исторических драгоценностей УССР, г. Киев). Антропологическое и гистологическое изучение пережженных костей показало наличие среди них костей человека. Раскопками 1962 г. открыты два параллельных рва, окружавших место захоронения [Сміленко, 1965].

Предметы личного убора памятников типа Малой Перещепины включали высокохудожественные ювелирные изделия. Серьги изготовлены в виде дужки с подвесками, пирамидок или шариков. Шейные и нагрудные украшения — витые гривны, плетеные цепи, ожерелья из бус. Подвески к цепям и гривнам представлены медальонами, лунницами, крестами. Серьги и нагрудные украшения в большинстве своем византийского происхождения. В состав изделий входили браслеты: литые с несомкнутыми концами, широкие, сложной шарнирной конструкции; перстни со щитками: плоские, цилиндрические, конусовидные, пирамидальные, нередко с гнездами для вставок; поясные наборы: пряжки с овальными или прямоугольными дужками и обоймами — щитовидными, треугольными, полукруглыми; крупные пряжки сложного устройства; плоские поясные наконечники, застежки — «псевдопряжки», бляшки-накладки различной формы.

Оружие представлено саблями, кинжалами, топорами, копьями, стрелами. Сабли древнейшего типа почти прямые. Рукояти и ножны нередко украшены золотыми накладками, орнаментированными тиснением, зернью, псевдозернью, инкрустацией. Наконечники копий листовидной формы, стрелы — трехлопастные, трехгранные.

Из предметов конского снаряжения найдены удила, стремена, оковки седла, пряжки и бляшки от конской сбруи. Удила двухчастные с крюковидно изогнутыми концами посередине и двумя кольцами на концах для продевания псалий и ремней уздечки. Стремена округлые, иногда с плоским подножьем, вверху имеют петлю или прямоугольную пластинку с отверсти-

ем, куда продевались ремни подпруги. Многочисленные бляшки, украшавшие ремни конской сбруи, изготовлялись из серебра или бронзы и покрывались золотым листом. Большой частью они полусферические (иногда со втулкой) или трапециевидные, украшенные тисненым орнаментом.

Значительную группу предметов составляют находки из Малой Перещепины — золотые и серебряные сосуды: умывальный прибор, блюда, тарелки, кувшины, чаши, вазы, кубки, амфоры, ритоны, ложки. Большинство сосудов привозные — византийского или иранского происхождения.

Памятники датируются многими входящими в состав инвентаря вещами. В первую очередь следует назвать византийские монеты (общее их количество в названных находках 89), чеканенные между 582 и 668 гг. [Кропоткин, 1962, с. 36]. Монеты принадлежат императорам Маврикию Тиберию (582 — 602), Фоке (602 — 610), Ираклию и Ираклию с сыновьями (610 — 641), Константину II (641 — 668). Довольно точно могуть быть датированы и некоторые из драгоценных сосудов с византийскими, в частности константинопольскими, клеймами VI — первой половины VII в. [Matzulewitsek, 1929]. К датирующим предметам относятся прямые сабли в золотых обкладках, округлые стремена с трапециевидным и петлевидным ушком, трехлопастные стрелы, поясные пряжки — восьмерковидная, с двурогим и геральдическим щитком, полусферические бляшки от конской сбруи. Датировка этих вещей уточняется предметами, относящимися к узкому хронологическому периоду (сабли, стремена, пряжки с двурогим и геральдическим щитком, бляшки от конской сбруи). Последние находки датируют памятники концом VII — началом VIII в. [Амброз, 1971, 1973; Ковалевская, 1979, с. 52].

В 1930 г. при постройке Днепрогэса В. А. Гринченко исследовалось сооружение возле с. Вознесенка, представлявшее собой замкнутый прямоугольный вал, насыпанный из земли и камней. Внутри вала в одной из ям найдены изделия из драгоценных металлов и дружинное снаряжение, частью оплавленные, перемешанные с золотой, угольками и костями. Интересны две серебряные фигурки орла и льва — навершия знамен. На груди орла—греческая монограмма, обозначавшая имя «Петров» [Мацулевич, 1959]. В. А. Гринченко считал найденный материал остатками коллективного сожжения воинов и полководцев, а все сооружение — военным лагерем [1950]. А. К. Амброз рассматривает памятник как поминальный комплекс знати, отнеся его к шестой группе древностей первой половины VIII в. [1981, с. 13].

В отношении этнической принадлежности памятников типа Малой Перещепины и Вознесенки в литературе высказывались различные точки зрения.

В последнее время преобладает мнение, что названные древности оставлены кочевниками. Например, А. К. Амброз связывает их с тюркскими памятниками [1981]. Огромное количество разнообразных изделий, найденных в рассмотренных местонахождениях, имеет неоценимое значение в изучении различных сторон жизни раннесредневекового населения Юго-Восточной Европы: ремесел, торговых связей, искусства, военного дела.

Памятники раннесредневекового Крыма

На территории Крымского полуострова известно более 300 археологических памятников эпохи раннего средневековья. Бóльшая их часть принадлежит своеобразной общности, сложившейся в результате синтеза культуры ранневизантийских городов Южной Таврики и Боспора с культурами разноэтнических варварских народов. Среди последних были не только местные племена, пережившие в горах кровавые катаклизмы III—V вв. и на-

зываемые в письменных источниках этого времени тавро-скифами, но и пришлые кочевые и полукочевые народы, проникавшие в Таврику в течение всей эпохи Великого переселения народов.

Начало этому процессу было положено вторжением дружин готского племенного союза, сложившегося в Северном Причерноморье к середине III в. н. э. С их походами хронологически совпадают разрушения большинства укреплений и всех поселений европейской части Боспора, «позднескифских» городищ Юго-Западной Таврики, поселений хоры Херсонеса, римского военного поста в Хараксе и пр. Оседание новых этнических групп, входивших в состав разноязычных готских отрядов, привело к существенным этнокультурным изменениям на Крымском полуострове. Это нашло отражение в обрядах и погребальном инвентаре могильников эпохи Великого переселения, появившихся близ разоренных позднеантичных центров, а также в культурном облике синхронных им поселений.

Памятники второй половины III — V вв. Наиболее ранние памятники этой группы представлены могильниками второй половины III—IV в. н. э. Они расположены в речных долинах Юго-Западного предгорья и внутренней гряды Крымских гор (могильники Бельбек I, Инкерман, Черноречье, Алма-Кермен, совхоз «Севастопольский»), в теснинах центральной части Главной гряды (Ени-Сала, Нейзац, Чуюнча), на южном побережье Таврики (Кизил-Таш, Чатырдаг, Алушта, Ялта, Харакс), а также на Керченском полуострове (Заморское, Керчь). Могильники Боспора, Ени-Салы и Нейзаца состоят из грунтовых или каменных вырубных склепов, грунтовых и подбойный могил; небольшой некрополь в уроч. Чуюнча близ с. Курортное — из невысоких каменных курганов с трупосожжениями; остальные могильники — биритуальные: наряду с трупоположениями открыты трупосожжения в ямах, каменных урнах, амфорах, лепных сероглиняных горшках и в столовых гончарных сероглиняных сосудах. В южнобережных могильниках преобладали трупосожжения, достигая на Чатырдаге 100 и в Хараксе 87,7%. В Юго-Западной Таврике они составляли менее половины всех могил: в Черноречье — 45%, Бельбеке I — 13, Инкермане — 6%.

Конструкции погребальных сооружений с трупоположениями в могильниках III—IV вв. разнообразны. Склепы имели длинный (до 5,0 м) дромос, прямоугольную или трапециевидную в плане камеру с коробовым или куполообразным перекрытием. Погребения ориентированы на запад или северо-запад. Подбойные могилы — на северо-восток или юг с подбоями в северной, южной и восточной стенках ямы. В числе грунтовых могил встречаются большие могилы с заплечиками, перекрытые каменными плитами и простые грунтовые ямы. Преобладают южная и юго-восточная ориентация могил, однако известны могилы и с западной ориентацией.

Погребенные лежали на спине с вытянутыми ногами; иногда ноги скрещены в ступнях. Положение рук неустойчиво. В ряде могил умершие лежали в деревянных колодах или были завернуты в кошму. Для всех могил характерны подсыпки из углей или мела. Инвентарь, в целом, однообразен. Преобладает импортная краснолаковая керамика (миски и кувшины), обычно ставившаяся в изголовье погребенных, реже находки сероглиняных лепных и гончарных столовых сосудов. В Инкермане, Черноречье и могильнике близ совхоза «Севастопольский» обнаружены остроребериые кувшины и миски с пролощенной поверхностью, а также светлоглиняные амфоры так называемого инкерманского типа. В торевтике преобладали женские украшения: фибулы, браслеты, перстни, всевозможные подвески. Мужские погребения сопровождались деталями поясных набо-

ров, фибулами-брошами с эмалью, деталями конской сбруи и оружием. В Черноречье и Нейзаце найдены поясные бляхи и пряжки с прорезным орнаментом в виде стилизованных конских головок и сарматских знаков. На пряжке из Нейзаца вырезаны те же сарматские знаки, что и на стене склепа [Соломонник, 1956, с. 79].

Относительно культурной принадлежности могильников второй половины III—IV в. в Крыму мнения исследователей расходятся. В. Д. Блаватский связывал могильник Харакса с потомками римлян и местного земледельческого населения [1951, с. 291]. Т. Н. Высотская считает все без исключения могильники этого времени поздне-скифскими [1972, с. 69], а Э. А. Сымонович — памятниками скифо-сарматского круга [1975, с. 80—86]. Большинство же исследователей усматривают в обряде и инвентаре могильников III—IV вв. традиции черняховской культуры и связывают их с этническими группами, мигрировавшими в Таврику из районов распространения черняховской и родственной ей культур (В. П. Бабенчиков, Е. В. Веймарн, Н. В. Пятышева, Б. А. Рыбаков, А. П. Смирнов, С. Ф. Стржилецкий, А. К. Амброз, В. В. Кропоткин и др.).

Находки умбонов и ручек от щитов (Керчь, Озерное III, Харакс, Чатырдаг, Донузлавское городище) ряд исследователей связывают с инфильтрацией в Таврику готов, входивших в состав черняховской и родственной ей пшеворской культуры. Эта точка зрения [Пиоро, 1973, с. 92—99], не получившая широкого признания среди археологов, подтвердилась первой в Северном Причерноморье бесспорной находкой пшеворских комплексов в могильнике на склоне горы Чатырдаг [Мыц, 1981, с. 133—134].

В одном из чатырдагских трупосожжений найдены ритуально согнутый меч, два наконечника копий, нож, серп, краснолаковые сосуды; в другом — бронзовые браслеты, железный умбон от щита, серп, двусторонний боевой топорик, наконечник копья. Состав вещей из этих могил свидетельствует о принадлежности Чатырдагского могильника воннам. Североевропейское происхождение этих могильников помимо письменных источников (Аммиан Марцелин, Зосим, Иордан, Прокопий и др.) подтверждается распространением в Крыму в конце III—первой половине V вв. изделий германского круга: фибул, двухпластинчатых пряжек, подвесок в виде молоточков Тора и оружия — щитов с железными куполовидными умбонами, обоюдоострых боевых топоров и широких мечей кельтского типа. Наиболее ярким примером германской торевтики может служить большая серебряная двухпластинчатая пряжка с позолотой, щиток которой украшен черненым конским триквестром и солярными символами, а язычок — бородатым мужским лицом [Баранов, 1975, с. 271—275].

Большая часть дружин, по известиям современников, покинула Крымский полуостров в конце III—IV в., совершая грабительские походы на еще неопустошенные римские окраины. С их миграцией на запад, возможно, и связано прекращение функционирования биритуальных могильников в Южной Таврике. Незначительная часть готов, называвшаяся, по Прокопию Кессарийскому, тетраксинтами, осела в европейской части Боспора. Они оказали наиболее организованное сопротивление гунискому нашествию в конце IV в., но, в конечном итоге, были вытеснены ими на Тамань и в район Новороссийской бухты. Согласно сообщениям византийских хронистов (Прокопий, Агафий и др.), таманские готы в качестве федератов Византии защищали северные границы империи от вторжения гунно-болгарских орд. Мы считаем, что в таманских тетракситах можно видеть жителей страны Дори, локализация которой уже более 100 лет вызывает ожесточенные споры.

Вместо биритуальных могильников крымских предгорий и побережья в конце IV в. появляются впускные по-

гребения кочевников в курганах на равнинной части полуострова: Чикаренко, Бабенково, Донузлав, Марфовка, совхоз им. Калинина, гора Климентьева, Миролюбовка, Феодосия. Как правило, погребения совершены в простых грунтовых ямах и ориентированы на северо-запад, север и запад. Исключением является могильник на территории Донузлавского городища,

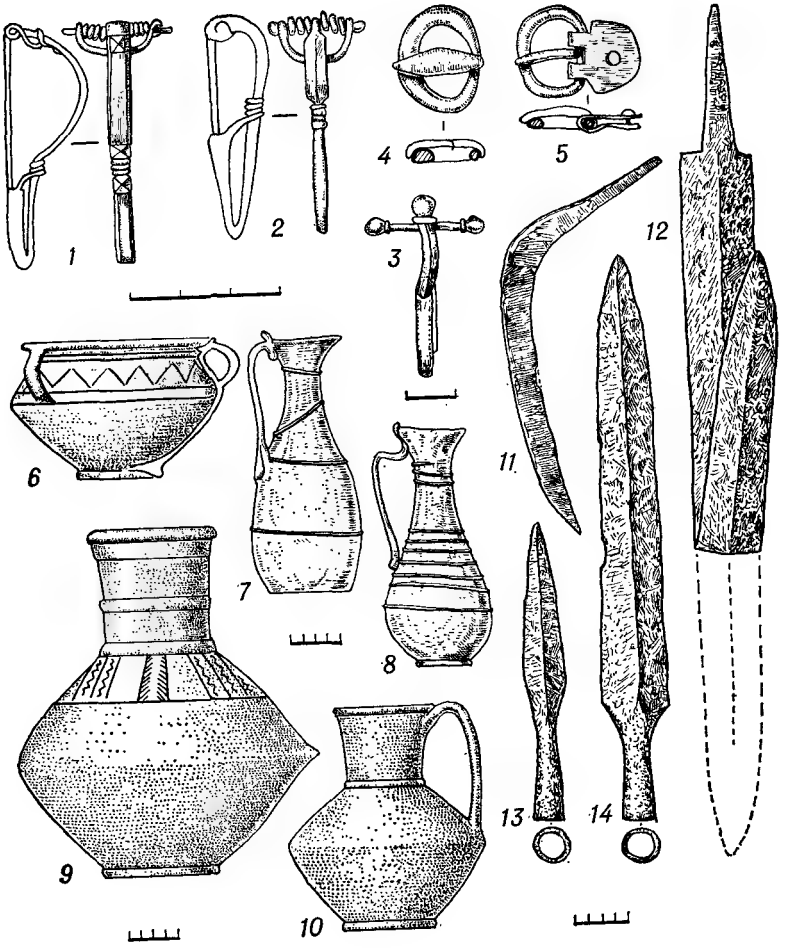


Рис. 55. Находки в биритуальных могильниках Крыма III—IV вв.:
1, 10 — Черноморье; 2, 3, 5, 12 — Инкерман; 4, 8, 13 — совхоз «Свастопольский»; 7, 14 — Чатырдаг.

трехлопастные наконечники стрел, однолезвийные и обоюдоострые мечи, бронзовые котлы, разнообразные украшения, выполненные из золота в технике литья с пуансонным орнамен-

совершенное в каменном античном склепе. Все погребенные лежали на спине с вытянутыми конечностями и сопровождались богатым инвентарем. За исключением изделий из донузлавского и миролюбовского курганов все они сильно повреждены, и в музеи поступили отдельные вещи: тяжелые том и инкрустацией гранатами и сердоликом [Баранов, 1973, с. 243—245]. Такие полихромные украшения получили широкое распространение на всей территории гуннского государства и являются наиболее ярким свидетельством гуннской культуры [Засецкая, 1975, с. 10].

Наибольшее количество полихромных украшений обнаружено в уникальном погребении кочевника конца IV—начала V в. возле с. Миролюбовка Красногвардейского района [Черепанова, Щепинский, 1966, с. 83]. В грунтовой могиле, впущенной в полу небольшого кургана, открыто погребение гуннского вождя с конем. О знатности умершего свидетельствуют массивная золотая гривна, находившаяся на шее, а также золотая диадема, венчавшая лоб, богато инкрустированная альмандинами. Кованый пояс состоял из золотой пряжки, инкрустированной такими же альмандинами, и из многочисленных бляшек, изготовленных в той же технике. Одежда умершего гунна и сбруя его коня расшиты бляшками с пуансонным орнаментом и инкрустацией лилово-красными альмандинами. Рядом со склепом лежал длинный железный меч, ножны и рукоять которого украшали золотые пластины, а также колчан со стрелами и лук. Жертвенная пища находилась в бронзовом котле.

В момент вторжения гунны истребили большую часть населения Боспора, хоры Херсонеса и Малой Скифии. Оставшееся в живых население они угнали в Центральную Европу [Иордан, 1969]. Разгрома избежал только Херсонес, деловая активность которого замерла почти на столетие. Именно этими событиями можно объяснить появление боспорских ювелиров в V в. на Дунае и в Италии [Амброз, 1971, с. 104—105]. Смешавшись с аборигенами, они создали небольшой, но своеобразный этнокультурный мир. Очевидно, именно эта группа стала известна в Византии как тавро-скифы.

Поселения IV—V вв. н. э. в Горной Таврике, которые можно связать с тавро-скифами, немногочисленны. Они расположены компактной группой в центральной части горного массива. Три небольших по площади селища (не более 1 га) находятся на западных отрогах Долгоруковской яйлы: в устье Малиновой балки и в уроч. Ени-Сала близ с. Перевальное, а также у истоков р. Малый Салгир. К этому же времени относятся комплексы в пещерах Главной и Внутренней гряд Крымских гор: усадьба на туфовой площадке перед пещерой Кизил-Коба близ с. Перевальное и хозяйственные сооружения в одной из ее пещер [Домбровский, 1963, с. 152—163]; верхний слой пещеры Ман на горе Южная Демерджи; пещеры Змеиная (Симферополь) и Орта-Кая (Бахчисарай).

Гуннское вторжение оказало определенное влияние на хозяйство населения, проживавшего на северных склонах Главной горной гряды. Пашенное земледелие предгорий, преобладающее до III—IV вв., в конце IV—V в. сменяет отгонное и приусадебное скотоводство, а также — единственно возможное в горных условиях — садоводство и виноградарство. Судя по раскопанному в пещерах Кизил-Кобы хранилищу вина, виноделие носило товарный характер.

В конце IV в. гунны, движимые имперскими устремлениями своих вождей и подгоняемые голодом, начавшимися в разоренной ими и обезлюдевшей Скифии [Приск Понтийский], ушли в Закавказье и далее на Восток.

Новая эпоха в истории Таврии началась в 453 г., когда в битве на р. Недао в Паннонии восставшие гепиды разгромили гуннов. Старший сын Атиллы погиб в бою, а его братья бежали в северо-понтийские степи и на побережье Меотиды. Последовавший за распадом степной «империи» передел ее владений привел к массовым перемещениям кочевых и полукочевых народов, ранее входивших в гуннский союз. Первыми вернулись в Крым с разрешения Византии «скирры, сагадарии и часть аланов со своим вождем Кандак» [Иордан, 1969, с. 119]. С появлением этих ираноязычных племен, скорее всего, связано возникновение в Юго-Западной Таврике в середине V в. поселений, укреплений и трехобрядовых могильников.

Памятники середины V—VII в. Они расположены компактной группой в

Байдарской долине и в горах между реками Альма и Черная, а также на Южном побережье Таврики. Изучавшие их Н. И. Репников, Е. В. Веймарн, А. Л. Якобсон, О. И. Домбровский и другие исследователи отмечали синхронность поселений и укреплений могильникам, усматривая в оставившем их населении этнокультурную общность. Связывая сообщение Иордана с появлением в середине V в. в Юго-Западной Таврике новых памятников, можно предположить, что главенствующее положение в этой общности занимали аланы. О причинах их расселения именно в этом районе, прикрывавшем со стороны степей византийский Херсон, сообщается в так называемом послании епископа Федора (XIII в.): «близ Херсона живут аланы столько же по своей воле, сколько по желанию херсонцев, словно некое ограждение и охрана» [Кулаковский, 1898, с. 17].

Очевидно, аланы выступали в роли пограничных воинов — акритов, что хорошо согласуется с известием Иордана.

Исходя из сказанного становятся понятными причины заселения аланами Южного берега Крыма не в середине V в., как в Юго-Западной Таврике, а лишь во второй половине VI в. Об этом же свидетельствует хронология наиболее хорошо изученного могильника Суук-Су, ранние комплексы которого датируются второй половиной VI в. [Амброз, 1974, с. 19]. Такой датировке не противоречат и комплексы могильников Тоха-да-хыр, Кикенеиз, Фуны и др.

Топографически южнобережные могильники расположены в непосредственной близости от возведенных во второй половине VI в. византийских крепостей Алустон и Горзувиты. Хронологическое совпадение между строительством этих укреплений и нижней датой могильников дает основание предполагать, что и здесь аланы играли роль акритов или федератов Византийской империи.

Поселения Юго-Западной Таврики середины V—VI в. составляли единый комплекс с синхронными им катакомбными могильниками. В V в. появляется культурный слой на укрепленных поселениях Бурун-Кая возле с. Баштановка и Сараман-Кая возле с. Трудолюбовка, а также на неукрепленных селищах у подножья скалы Бурун-Кая (так называемое поселение на глинище), на плато Баклы и Мангупа. Этим же временем датируется наиболее ранний материал в естественных гротах мыса Ай-Тодор и материалы, открытые под искусственными пещерами Чилтер-Кобы близ Сюйрени. Они датируются на основании находок фрагментов амфор с щишечками на дне (тип Суджа), светлоглиняных гладкостенных остродонных амфор с веретеновидным корпусом, широко представленных помимо Крыма в комплексах Ильичевского городища на Тамани, а также небольших красноглиняных корчажек со слабовыраженной желобчатостью. Последние появляются в слоях IV в. в Фанагории и Пантикапее и бытуют в V в. [Зеест, 1960, с. 120, тип 98].

Остатки гончарной печи по производству таких амфор обнаружены в 1974 г. в уроч. Битак в Симферополе.

Укрепленное поселение на скале Бурун-Кая расположено на вытянутом в длину утесе, защищенном с трех сторон обрывами, а с напольной — оборонительной стеной, толщиной около 3,0 м. Стена сложена насухо из разнокалиберного бута и поставлена на грунт без фундамента, что свидетельствует о низком уровне строительной техники оседающих кочевых алан. Культурный слой внутри городища Бурун-Кая незначителен (до 0,3 м) и слабо насыщен находками, что подтверждает мысль об использовании укрепления в качестве убежища. Перед стеной убежища находилось более 10 построек. Их круглые в плане стены сложены насухо из мелкого бута. В центре сооружений — очажные ямы. Скорее всего, это были юрты, что со-

ответствовало полукочевому образу жизни населения.

Планировка поселений середины V—VI вв. не изучена. На поселении под скалой Бурун-Кая обнаружены остатки лишь одной землянки, длиной 4,0 м, и двух хозяйственных ям грушевидной формы. Остатки другой постройки с тарелковидным очагом обнаружены в гроте под Сюйренской крепостью. Создается впечатление, что поселения V—VI вв. были временными и для алан этого периода не характерно каменное строительство.

Около середины VI в. обстановка в Таврике стабилизируется, что объясняется включением Боспора в состав Византийской империи и прекращением гуннских набегов. Для VI—VII вв. характерно полное отсутствие укреплений в Юго-Западной Таврике. Неоднократно высказывавшиеся предположения о существовании оборонительных стен V—VII вв. на Эски-Кермене, Мангупе, Каламите и Пампук-Кае [Веймарн, 1963, с. 81; Якобсон, 1970, с. 10] в результате исследований последнего десятилетия не подтвердились (раскопки В. Л. Мыца, Е. А. Паршиной, А. И. Айбабина и др.).

Поселения V—VII вв. в Юго-Западной Таврике неукрепленные. Помимо функционировавших поселений предшествующего периода во второй половине VI в. возникают новые в Байдарской долине (Ай-Дмитрий, Бага), в Келен-Балке и на Гераклейском п-ове близ Херсона, под Загайтанской скалой в Инкермане, возле с. Большое Садовое и др. Они датируются на основании повсеместных находок западнопонтийских амфор с волнистым глубоким рифлением (так называемые амфоры типа Истрия) и круглодонных амфор с широким рифлением и сложнопрофилированными, как бы перекрученными ручками [Антонова, 1971, тип 2]. Вместе с ними обычно находят амфоры-корчаги с цилиндрическим корпусом и острым дном, изготовленные в мастерских Библоса [Riley, 1975, p. 26—29], надежно датируемые концом VI— первой половиной VII в. Этим же временем можно датировать и гончарные красноглиняные кувшины с двумя ручками и ойнохои с высоким цилиндрическим горлом, расписанные иногда по плечикам белой краской. Их датировка установлена на основании закрытых комплексов могильников Суук-Су, Скалистое, Чуфут-Кале и Боспора (могильник на Госпитальной улице).

Поселения VI—VII вв. изучены плохо. Как правило, они представляют собой обрывки культурного слоя, испорченного более поздними перекопами (Мангуп, Эски-Кермен, Пампук-Кая). Закрытые комплексы обнаружены только на поселении под Загайтанской скалой в Инкермане [Веймарн, 1963, с. 63; Баранов, 1971, с. 3]. Здесь известно более 10 усадеб VI—VII вв., располагающихся ярусами на четырех террасах. Длина террас около 1 км. Они отделены одна от другой относительно прямыми улицами; усадьбы в пределах террасы-квартала разделялись узкими ступенчатыми переулками, выходившими под прямым углом на поперечные улицы.

Усадьбы Загайтанского поселения состояли из прямоугольного в плане жилого дома (6,5×7,0 м) и открытого со стороны улицы большого двора, в котором находились вырубленные в скале тарапаны — давильни для вина и сока. Рядом с ними в скале были вырублены биконические пифосовидные сокосборники и зерновые ямы, закрывавшиеся каменными крышками. Во дворе одной из усадеб открыта большая мукомольня, где найдены парные известняковые жернова диаметром около 2,0 м.

Стены домов VI—VII вв. сложены на глине из блоков пиленого известняка и поставлены в вырубленные в скале «постели». Дома двухэтажные. Первый этаж, частично вырубленный в скале, использовался под хлев. В нем имелись привязи для скота, ясли, выдолбленные из камня поилки и пр. На втором этаже устраивался глинобитный очаг. В архитектуре домов

VI—VII вв. и планировке поселения отразилось завершение перехода местного населения к оседлости и его византинизация.

С конца VI в. в составе керамики преобладает гончарная посуда. В это время получают широкое распространение тонкостенные горшки-кастрюли банковидной формы и глубокие миски-макитры византийского типа (до этого известны только в Херсонесе), а также гончарные сероглиняные сосуды с зигзаговидным орнаментом, граффити. Значительно расширился ассортимент импортной керамики. Наряду с названными выше типами посуды в конце VI—VII в. появились желобчатые амфоры с шишечкой на остром дне и округлым корпусом (поздний вариант амфор типа Харакс-Суджа), самосские амфоры, остродонные желобчатые амфоры с перехватом, пифосы. С середины VII в. известные ранее типы кувшинов полностью вытесняются расписными красноглиняными ойнохоями баклинского типа.

С поселениями второй половины V—VII в. связаны синхронные могильники Скалистое, Сахарная Головка, Эски-Кермен, Инкерман, Чуфут-Кале, Суук-Су и др. Погребения второй половины V — первой половины VI в. обнаружены в могильниках возле с. Скалистое и горы Сахарная Головка. Остальные некрополи возникают в VI в. и используются до конца IX в., что свидетельствует о неизменности основной части населения Южной Таврики на протяжении пяти столетий.

Изучение катакомбных могильников Южной Таврики продолжается около столетия. Возникшие разногласия исследователей касались как хронологии комплексов, связанной с постепенной обработкой методик, так и этнокультурных определений. Н. И. Репников в соответствии с исторической традицией его времени считал все могильники «областью крымских готов», то есть исторической Готии, германскими [Репников, 1906]. Он разделил раскопанный им в 1903—1905 гг. могильник Суук-Су на два горизонта и датировал их V—VII вв. и VIII—XI вв. А. Гетце, И. Вернер, Д. Чалань, В. К. Пудовин сузили датировку материала нижнего слоя Суук-Су до второй половины VI — первой половины VII в. А. К. Амброз впервые в изучении крымских могильников произвел корреляцию комплексов и разделил Суук-Су на шесть хронологических периодов. В послевоенные годы вновь появляется интерес к имени носителей археологической культуры, к которой принадлежат катакомбные могильники. А. Л. Якобсон и Е. В. Веймарн считали их сарматскими [Якобсон, 1964, с. 14], В. В. Кропоткин — готоаланскими (1958, с. 207—212) или аланскими с незначительной примесью германского этноса начиная с середины VII в. По нашему мнению, инфильтрация германцев в аланскую среду произошла после разгрома в середине VII в. гото-федератских поселений на Тамани хазарами. Именно с этого времени в трудах византийских хронистов появляется топоним Готия применительно к Горной Таврике.

Могильники типа Суук-Су состоят из погребальных сооружений трех типов: грунтовых склепов, подбойных и грунтовых могил. Склепы преобладали над остальными типами погребальных сооружений. В могильнике возле с. Скалистое, раскопанном Е. В. Веймарном в 1959—1961 гг., из 848 погребальных сооружений зафиксировано 37 подбойных и 8 грунтовых могил. Склепы представляли собой подпрямоугольную погребальную камеру со сводчатым потолком, к которой вел трапециевидный дромос. Размеры камер колеблются от 2,5×2,0 м до 2,6×3,0 м при длине дромоса от 2,0 до 4,5 м. Входное отверстие в склеп закрывалось каменной плитой. В ряде случаев в западной стене камеры вырубалась ниша, куда ставились сосуды с ритуальной пищей и питьем.

Погребенные в склепах ориентированы головами на юго-восток. Подавляющее большинство захоронений со-

вершено в колодах, ставившихся на плоские плиты. В одном из склепов Баклинского могильника колоды стояли на вымостке из черепицы — керамид. Положение ног вытянутое, рук — неустойчивое. Склепы являлись семейными усыпальницами, и погребенные в них, как правило, лежали ярусами.

Подбойные и грунтовые могилы ориентированы на юго-восток с сезонными отклонениями. Грунтовые могилы имели заплечики и перекрывались каменными плитами. Подбойные могилы представляли собой прямоугольный колодец, в боковой стене которого вырубался один наклонный подбой, заложенный камнем.

В первой половине VII в. лепная посуда в погребальном инвентаре могильников полностью вытесняется гончарной — кувшинами из красной или красно-коричневой глины, формованными на ножном круге. Со второй половины VII в. последние, как и на поселениях, уступают место расписным ойнохоям баклинского типа.

Мужские погребения сопровождались наборными поясами, иногда оружием и конским убором, обоюдоострыми мечами, щитами, тюркскими сложносоставными луками с костяными накладками, колчанами с тяжелыми трехлопастными стрелами, небольшими кинжалами, ножами, уздечками с псалиями и пр. Для женских погребений V—VII вв. типичны широкие (до 6—7 см) пояса с литыми серебряными пряжками, украшенными гравировкой, пуансоном и золочением, а также стилизованные антропо- и зооморфные украшения. На последних нередки полихромные вставки из полудрагоценных камней и цветного стекла.

Запястья рук умерших украшали массивные бронзовые или серебряные браслеты со слегка расширяющимися концами, а головной убор — височные кольца. На груди погребенных имелись парные фибулы и ожерелья из серебряных и золотых подвесок в виде трубочек, пирамидок и бус — мозаичных, гагатовых и сердоликовых. Широко представленный в крымских могильниках женский костюм сложился, по А. К. Амброзу, в гото-гепидской среде на Среднем Дунае и был воспринят племенами, входившими в гуннский союз. Около середины V в. он был занесен аланами, «скиррами и сагадариями» в Таврику. Вместе с костюмом на полуостров проникают некоторые типы поясных украшений, пальчатые фибулы, декорированные кербшнитной резьбой, застежки в форме цикады, женские трапециевидные и орлиноголовые пряжки и пр. [Айбабин, 1979].

В течение второй половины VI—VII в. дунайские элементы в материальной культуре Таврики, принесенные аланами из Паннонии, видоизменяются и, частично, исчезают. Они вытесняются изделиями местных мастеров, ремесло которых развивалось под влиянием провинциально-византийских центров (Херсон, Алустон и Горзувит), а также собственно византийской торевтики. Так, в VII в. в могильниках Юго-Западной Таврики получают распространение пряжки с крестом и львом, изготовленные в местных мастерских в подражание византийским и сасанидским.

Со второй половины VII в. византийская торевтика безраздельно господствует в некрополях Южной Таврики: становятся типичными поясные наборы геральдического типа, пряжки с портретами, колты с павлинами, пряжки типа «Сиракузы» и «Коринф», пряжки с крестовидными щитками и пр. К концу VII в. начинает византинизироваться и погребальный обряд, что связано с христианизацией населения Крымской Готии. В это время появляются могилы с западной ориентацией погребенных, а погребальный инвентарь беднеет и унифицируется. В могилах с западной ориентацией находят нательные кресты с расширяющимися концами, христианские амулеты с греко-византийскими святыми (например, амулеты со святыми Георгием и Минной, обнаруженные в склепах Эски-Кермена). В могильниках Скалистое, Чуфут-Кале и Суук-Су в комп-

лексах второй половины VII—VIII в. появляются антропоморфные стелы с крестами и надгробия в виде крестов.

Раннесредневековые могильники *Юго-Западной Таврики* типологически близки позднеантичным могильникам этого же района, что позволяет высказать предположение о стабильности населения так называемого позднескифского государства первых веков нашей эры и Южной Таврики второй половины V—IX вв. Исходя из сообщения Иордана, со значительной степенью уверенности можно говорить, что и в эпоху поздней античности основным населением юго-западных предгорий Таврики были аланы и родственные им племена.

Одновременно с памятниками местного населения в VI—VII вв. на южном побережье Крыма появляются византийские форпосты, служившие для охраны каботажного плавания в Северном Причерноморье. Первые две крепости — Алустон и Горзубиты — возведены императором Юстинианом I (527—565). Сведения об их сооружении содержатся в трактате «О постройках» Прокопия Кессарийского (III, VII, *10*). Обе крепости использовались до XVIII в., оборонительные сооружения раннесредневековой эпохи были перекрыты кладками более позднего времени. Археологическое изучение Горзувита (современный Гурзуф) было предпринято в 1963—1967 гг. О. И. Домбровским [1974]; разведочные шурфовки Алустона проводил в 1981 г. В. А. Сидоренко.

Алуштинское укрепление возведено на отдельно стоящей возвышенности и представляет собой неправильный пятиугольник [Кеппен, 1837, с. 154]. Стены сложены на известковом растворе и имеют толщину до 2,5 м. С напольной стороны они усилены тремя башнями: шестиугольной (Чатал-Куле), квадратной (Орта-Куле) и круглой (Ашага-Куле). В западной части крепости находилась небольшая цитадель.

Гурзуфская крепость расположена на вершине скалистого утеса Дженевез-Кая, господствующего над бухтой, пригодной для стоянки кораблей. При раскопках обнаружена оборонительная стена цитадели, толщиной до 4 м, и прямоугольная башня. С северо-востока к цитадели примыкала стена внешнего пояса обороны (Домбровский, 1974, с. 9).

С крепостью в Гурзуфе связаны два поселения VI—VII вв., расположенные в уроч. Суук-Су и на западном склоне горы Аю-Даг в Артеке, а также катакомбные могильники Суук-Су и Тохада-хыр, оставленные аланами. Во второй половине VII в. округа Горзувита заселяется малоазийскими греками, с которыми можно связать появление здесь плитовых могил. Такие погребения, датированные пряжками типа «Коринф», византийскими геральдическими поясными наборами и другими вещами второй половины VII в., обнаружены в верхнем слое Суук-Су, Балготы и Кореиза (Репников, 1906, с. 37—38). К этому же времени относятся первые захоронения в византийском каменном склепе с коробовым сводом в Симеизе и могилы в базилике на поселении Суук-Су, раскопанной в 1950 г. А. Л. Якобсоном.

Византийские памятники VIII—X вв. Византинизация Таврики резко усилилась в первой половине VIII в. в связи с массовой эмиграцией малоазийских греков из Византии в период иконоборческих гонений. В это время появляются плитовые могильники в Ласпи, Бекетово, Гурзуфе, Гугуше, Партените, Алуште, Семидворье, Судаке, Щебетовке, Лагерном, Планерском, Наниково и в других местах. Погребения в них совершены по христианскому обряду: на спине головой на запад; в ряде могил найдены нательные кресты. Датируются могилы монетами иконоборческих императоров (на Тепсене), пряжками типа «Сиракузы» (Семидворье, Суук-Су), строительной надписью храма Апостолов, внутри которого обнаружены погребения (Партенит), ойнохоей баклинского типа (Судак). Антропологические материалы из плитовых могил VIII—IX вв. свидетельст-

вуют о несомненном отличии физического типа погребенных в могильниках этого типа от погребенных в могилах типа нижнего слоя Суук-Су (Соколова, 1958. с. 17—74).

Одновременно с плитовыми могильниками на всей территории Южного берега Крыма почти одновременно возникают сельские поселения и укрепленные монастыри. В настоящее время здесь известно более 40 поселений провинциально-византийской культуры, датирующихся VIII—X вв. [Баранов, 1981, с. 58]. Их хронология основана на массовых находках фрагментов круглодонных красноглиняных амфор VIII—IX вв. и византийской белоглиняной глазированной посуды второй половины IX—X в. Амфоры обжигались в двухъярусных гончарных печах, получивших распространение в Таврике в иконоборческую эпоху. Они обнаружены в Ласпи, Мисхоре, Ливадии, Ялте, Сотере, Чабан-Куле, Канакской балке, Новом Свете, Судаке, Лесном [Баранов, 1979, с. 112]. Вместе с амфорами в таких печах обжигались расписные ойнохои и фляги, небольшие плоскодонные пифосы, столовые сосуды, горшки и строительная керамика — кирпичи-плинфы и черепица.

С середины IX в. на этих же поселениях получают распространение небольшие оранжевоглиняные амфоры с шаровидным корпусом и клеймами императорских мастерских Константинополя и просмоленные высокогорлые кувшины с ленточными ручками, изготовлявшиеся на Тамани. Вместе с высокогорлыми кувшинами в одних и тех же комплексах Восточной Таврики появляются круглодонные желобчатые корчажки из красно-коричневой глины фанагорийского типа.

Южнобережные поселения VIII—IX вв. значительны по площади и количеству построек. Так, поселения Хаспио в Ласпи, Артекское, селища на вершине горы Аю-Даг, Кастель и Ураги занимают площадь 25 га, на которой построено от 30 до 100 каменных домов. Все поселения с напольной стороны обнесены оградами толщиной до 3 м, имевшими оборонительное значение. Упорядоченная планировка на поселениях отсутствовала.

Наиболее ярким памятником этого типа является Аю-Даг. Здесь на вершине залесенной горы и в труднодоступных ущельях, обрывающихся в сторону моря, находились четыре больших поселения, подходы к которым защищались четырьмя поясами оборонительных стен, сложенных насухо из крупного бута. Стены имели неправильную форму и при высоте 4—5 м основанием опирались непосредственно на грунт.

На самой вершине у выхода тропы на плато находилось кольцевидное укрепление с двадцатью башенными выступами; его оборонительная стена имела боевую площадку и парапет. Укрепление, вероятно, использовалось небоеспособным населением в качестве убежища в случае военной опасности; здесь же могли укрывать и общинный скот.

Укрепления VIII—IX вв. с совершенно аналогичными оборонительными стенами, сложенными насухо, открыты на горе Биюк-Исар, Крестовая в Нижней Ореанде, на утесе Палекастр в Никите и на горе Ай-Йори возле с. Изобильное.

На поселениях Аю-Дага изучено около 30 домов двух типов: однокамерных хижин размером 3×4 м и домов-пятистенок, размеры которых вдвое превышали однокамерные. Высота стен некоторых домов превышала 2 м. Однокамерные жилища VIII—IX вв. помимо Аю-Дага известны в Ласпи на поселении Хаспио, в Симеизе на скале «Крыло лебедя», на мысе Плака; двухкамерные — на мысе Троицы, хребте Урага, горе Кастель, Тепсене и поселениях Отузской и Судакской долин. Они сложены из бута и всегда покрыты красноглиняными керамидами.

В центре поселений находился храм. Наиболее характерным типом сельской церкви была небольшая по площади и удлиненная в плане однонефная базилика с постропильной крышей и цир-

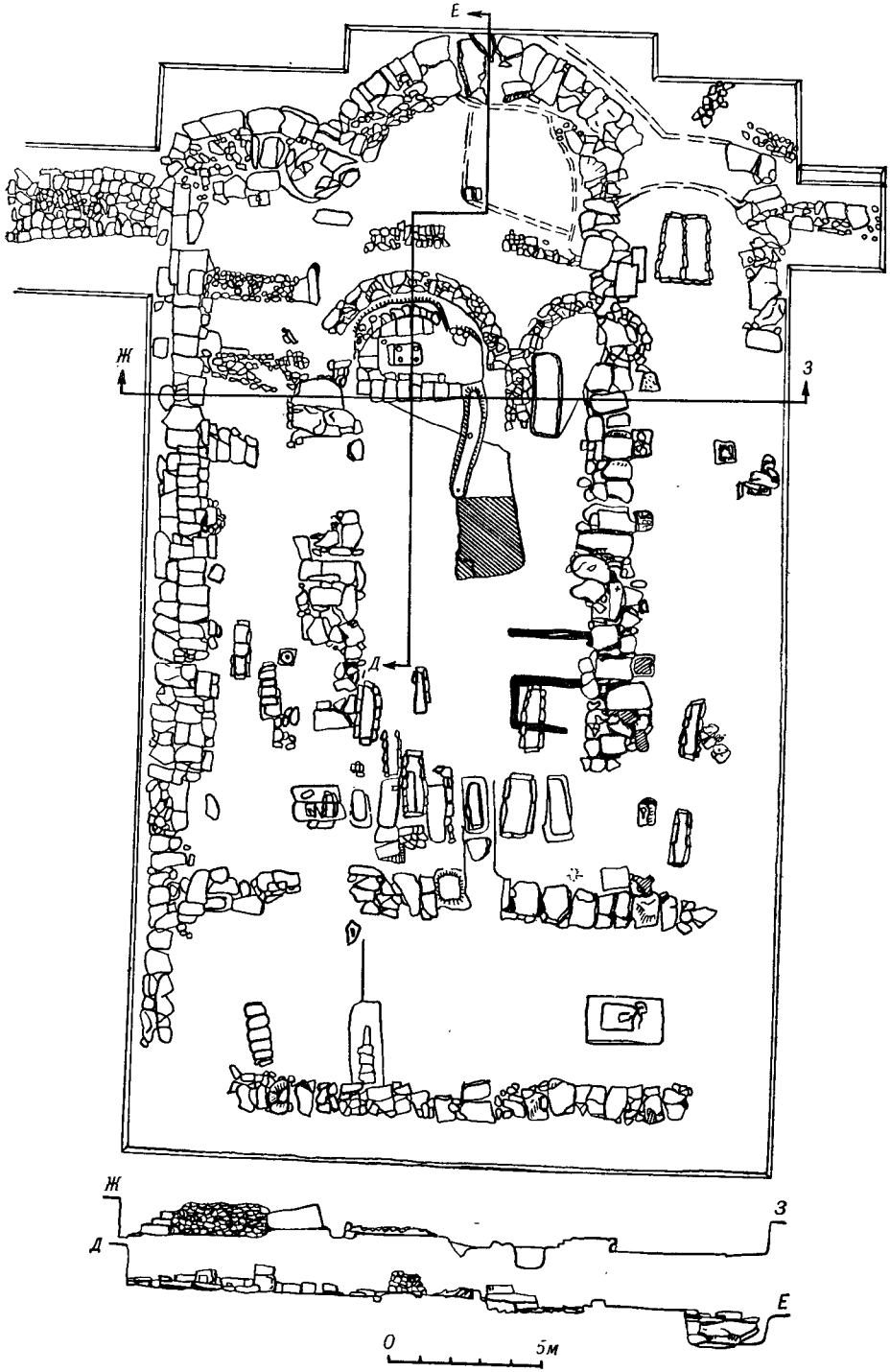


Рис. 56.
План тепсеньской базилики VIII—IX вв.

кульной, реже—эллипосидной в плане, *апсидой*. Примером может служить византийский храм второй половины VIII в. на холме Кордон-Оба [Баранов, 1981, с. 69—70]. Аналогичные храмы раскопаны в 1964—1970 гг. на горе Ильяс-Кая, на поселении Хаспио в Ласпи, в Форосе, Симеизе, в Верхней и Нижней Массандре, на горе Ай-Тодор в Малом Маяке. Три подобные часовни открыты в Судаке и одна в Лагерном. Близкие по типу и размерам базилики широко распространены в ранневизантийскую эпоху в Сирии, Палестине и Килликийской Армении. В иконоборческую эпоху этот тип базилик появляется и в Южной Таврике.

Одновременно с сельскими часовнями в иконоборческую эпоху появляются трехнефные и трехапсидные базилики значительно больших размеров. Наибольшая из них раскопана в 1950—1953 гг. В. П. Бабенчиковым на Тепсене [1958, с. 101]. Ее размеры 37×21 м. Базилика сооружена из известняковых квадров, размером около 1,5×0,85×0,25 м, уложенных на плоские плиты фундамента «логом и тычком». Нефы храма разделялись массивными прямоугольными столбами, а в его западной части имелся нартекс. Судя по монетам в плитовых могилах, базилика была сооружена в первой четверти — середине VIII в. и около той же середины столетия была разрушена хазарами [Баранов, 1981, с. 57]. В. В. Кропоткин идентифицирует монастырь на Тепсене с Фуллами, бывшем в X в. центром епархии Хотзиров и несколько позднее Фульской [Кропоткин, 1958, с. 207].

Тепсеньская базилика по планировке и строительным приемам напоминает меньший, но богаче декорированный храм в Партените — знаменитый храм св. Апостолов, построенный около середины VIII в. епископом Иоанном Готским. Базилика раскопана Н. И. Репниковым в 1907 г. [Репников, 1909]. Размеры кафедрального храма 17×12 м. Как и Тепсеньская, Партенитская базилика разделена на нефы аркадами, опиравшимися на квадратные в плане столбы, а в ее западной части имелся небольшой нартекс. С трех сторон базилику окружала крытая галерея.

Самая большая из известных в Крыму трехапсидных базилик открыта в 1978 г. в Судаке А. И. Айбабиным. Раскопана лишь часть центрального нефа и апсиды, расстояние между плечами которой составляет 12 м. Стены базилики возведены в той же технике, что и стены большого тепсеньского храма; они сложены из крупных плит сланца в «постелях». Размеры базилики и ее датировка позволяют локализовать здесь легендарный храм Софии Сурожской, возведенный епископом Стефаном.

Деятельность монашеской иммиграции в иконоборческую эпоху с Южного берега Таврики распространилась и на ее горные районы. В VIII—IX вв. здесь возникает значительная группа пещерных монастырей, византийская архитектурная традиция которых прослеживается в планировке пещерных церквей и монашеских келий.

Пещерные монастыри Горного Крыма (Бакла, Качи-Кальон, Челтер-Коба, Мангупский, Челтера, Шулдан и Загайтанский) возникли рядом с поселениями VI—VII вв. В VIII в. монахи нередко использовали вырубленные в скале хозяйственные и жилые помещения таких поселений. Планомерное изучение искусственных пещер, из которых состояли так называемые пещерные города Крыма, было начато в конце XIX в. А. Л. Бертье-Делагардом, доказавшим их разнотипность и разновременность. Он выделил из большой группы памятников пещерные монастыри, которые Ю. А. Кулаковский связал с монашеской эмиграцией из Малой Азии в эпоху иконоборчества. В этом направлении разведочные раскопки велись Н. И. Репниковым, В. П. Бабенчиковым, Е. В. Веймарном и др. Разведки позволили поставить вопрос о сложном феодальном характере пещерных монастырей, в которых соб-

ственно пещерные сооружения играли далеко не главенствующую роль.

Феодализация Юго-Западной Таврики связана с появлением первых крепостей, среди которых главенствующее положение занимала крепость Дорос — родовое гнездо «господина Готии» с конца VII в. Локализация Дороса спорна. Н. И. Репников и Е. В. Веймарн помещали его на Эски-Кермене, А. Л. Якобсон, М. В. Тиханова, А. Г. Герцен — на Мангупе.

Экономический подъем в Южной Таврике в первой половине VIII в., вероятнее всего, был связан с малоазийской эмиграцией, принесшей в горные районы развитые социальные отношения и передовую для своего времени технику и технологию.

Материалы Судакской экспедиции Института археологии АН УССР 1977—1982 гг. дают основание считать, что Сугдея как город сложилась не ранее первой половины VIII в. в результате слияния пяти неукрепленных поселений и небольших монастырей, группировавшихся вокруг епископского замка на вершине Крепостной горы [Баранов, 1981а]. Процесс формирования города был длительным и завершился, в целом, около X в., когда на северном склоне Крепостной горы появились кварталы с упорядоченной планировкой, обнесенные оборонительной стеной с башнями, а рядом с портом — ремесленные слободы. Через порт Сугдеи уже в VIII в. осуществлялась обширная торговля продуктами виноградарства и виноделия, экспортировавшихся в амфорах местного производства. Северный ареал распространения крымских амфор в Восточной Европе доходил до Гнездова.

Ситуация, аналогичная Судакской, в первой половине VIII в. сложилась и

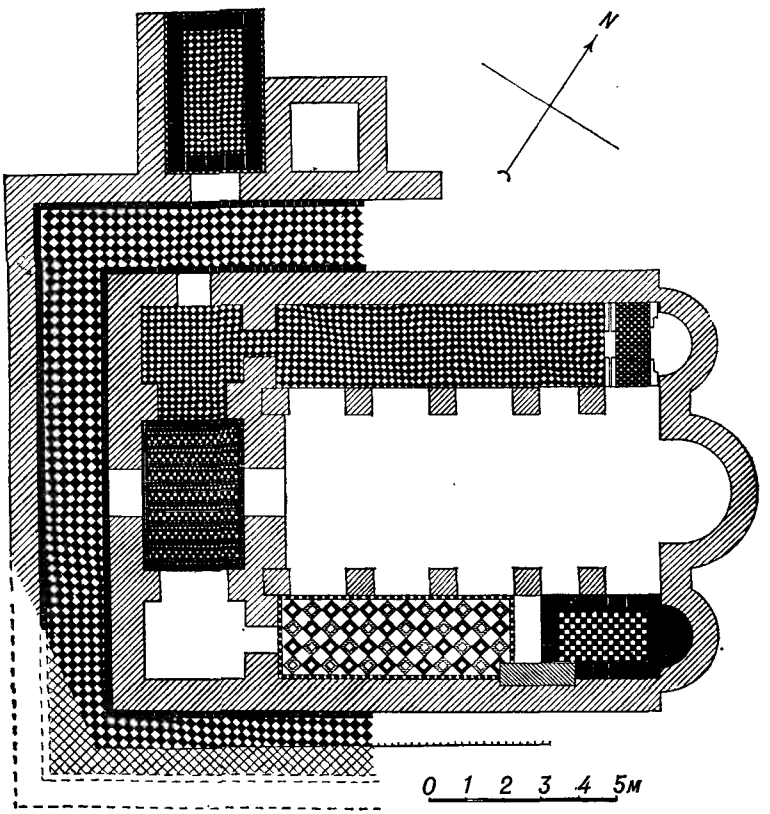


Рис. 57.
Мозаика пола партенитской базилики VIII в.

на Тепсене (предполагаемые Фуллы), и в Партените. Здесь вокруг больших монастырей группируются многочисленные сельские поселения, выделяется ремесленное (главным образом, гончарное) производство и функционируют торжища. Однако в отличие от Сугдеи процесс образования города на Тепсене и в Партените остался незавершенным. Он был прерван хазарским нашествием в Юго-Восточную Таврику около середины VIII в. и уничтожением антихазарского центра в Партенитах при подавлении восстания Иоанна Готского в 787 г. Главной ударной силой Хазарского каганата в Таврике были отряды тюрко-болгар, сыгравшие основную роль в сложении крымской этнокультурной общности.

Поселения ранних болгар VII—X вв. Памятники древнеболгарской культуры в Крыму открыты на Керченском п-ове, в центральной части Горного Крыма, а также на юго-восточном и северо-западном побережьях Таврики. И. И. Ляпушкин отнес эти памятники к салтово-маяцкой культуре, А. В. Гадло доказал тюрко-кочевническую природу ее носителей, а С. А. Плетнева выделила их в самостоятельный крымско-болгарский вариант салтово-маяцкой культуры.

В настоящее время в Таврике известно 109 болгарских поселений и 10 грунтовых могильников, составлявших с поселениями единый комплекс [Баранов, 1981, с. 57]. Поселения погибли в результате каких-то катастроф: повсеместно прослеживаются следы от пожаров и разрушений. Раскопаны 21 поселение и 6 грунтовых могильников, на которых открыты более 150 жилых и хозяйственных построек, свыше 50 зерновых ям и более 200 грунтовых могил.

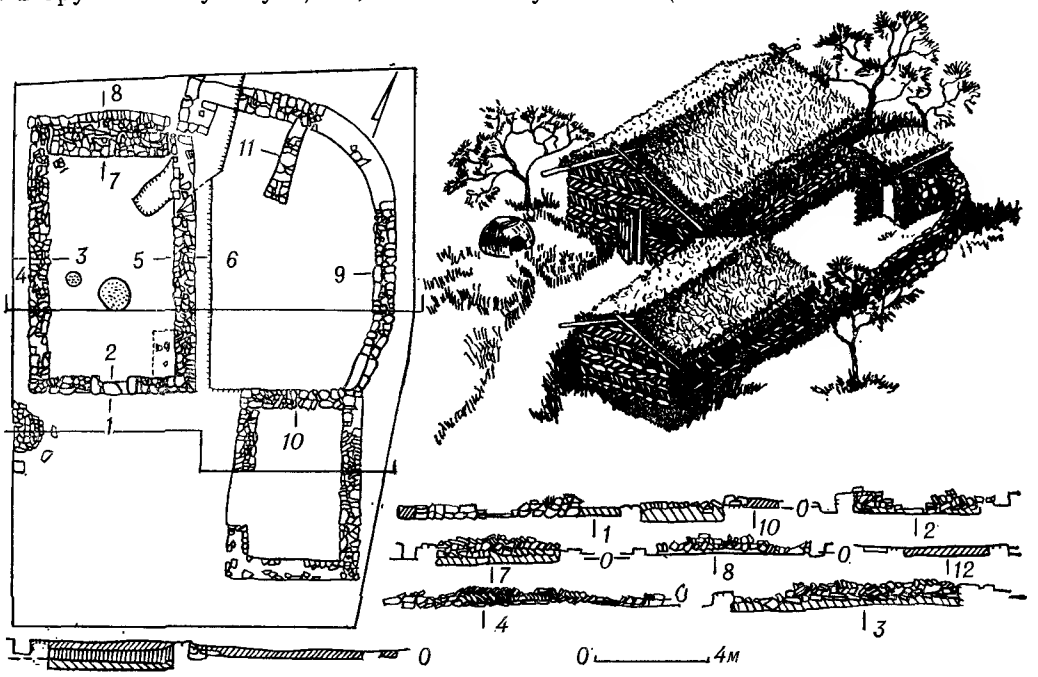
Хронологизация поселений произведена на основании надежно датированных комплексов с амфорами западнопонтийского и местного производства, высокогорлых кувшинов, расписных двуручных кувшинов и ойнохой баклинского типа, а также типично салтовских предметов торевтики — поясных наборов, копоушек, перстней, серег и т. п. Эти материалы позволили разделить раннеболгарские поселения Таврики на две группы, соответствующие двум периодам существования салтово-маяцкой культуры в Крыму. Поселения первого периода датируются второй половиной VII — первой половиной VIII в., второго — второй половиной VIII—X вв. [Баранов, 1977, с. 3—14].

Ко второй половине VII—первой половине VIII в. относятся 31 поселение и 2 могильника (нижний слой Героевки, Пташкино, Фронтовое, Тау-Кипчак, Меловое, Ак-Кая и др.). Поселение Тау-Кипчак, наиболее типичное из них, полностью изучено в 1969—1970 гг. На обоих берегах р. Зуи в уроч. Тау-Кипчак на площади около 100 га обнаружены 24 полуземлянки и 10 наземных домов с каменными стенами. Постройки располагались пятью «кустами», состоявшими из однотипных сооружений, группировавшихся по два-три вместе. Группы построек отстояли одна от другой на 10—25 м. В каждой группе лишь один дом имел в углу тарелковидный очаг, диаметром около 1 м, то есть он был жилым; безочажные постройки имели хозяйственное назначение. Всего в Тау-Кипчаке насчитывается 34 жилища, в которых могли проживать около 120 человек.

Болгары, придя в Таврику во второй половине VII в. из Приазовья, принесли с собой присущий им тип жилища — полуземлянку с куполовидной крышей. Такие постройки помимо Тау-Кипчака обнаружены в нижнем слое Героевки, Пташкино, в Меловом, Фонтанах и других крымских поселениях. Полуземлянки Тау-Кипчака, за исключением двух, стандартны 3×3,5 и 3×4 м. Две землянки значительно бóльших размеров (5,4×5 м и 4×6,8 м) принадлежали, скорее всего, главам двух больших семей. Постройки впущены в грунт на глубину до 1 м и имели саманные (в одном случае каменные) стены. Столкнувшись в Крыму с развитым каменным строительст-

вом, болгары начинают возводить наземные жилища, однако по-прежнему бытуют землянки. Первые наземные дома в деталях повторяли полуземлянку (3×3,5 м). Аналогична и планировка комплекса: вокруг жилища группировались по две хозяйственные постройки.

Полы наземных жилищ были впущены в грунт на глубину 0,3 м, а стены



выше каменного цоколя сооружались из саманных кирпичей. Цоколь построек сложен «в елку» насухо. Каменные кладки первых домов полностью повторяли контур котлованов, что было связано с отсутствием навыков перевязывать углы. С тем же, вероятно, связано и распространение у салтовцев Таврики присущей только им техники кладки «в елку». В первой половине VIII в. в Тау-Кипчаке и Героевке появляются двухкамерные дома с саманными стенами, сложенными на каменном цоколе.. Как и в однокамерных, их полы были впущены в грунт. Под жилье использовалось меншее помещение размером около 3,2×4,5 м, а примыкавшее к нему смежное помещение, размером около 5×2,5 м, имело хозяйственное назначение.

Керамический комплекс поселений второй половины VII — первой половины VIII в. состоял из небольшого числа местных и импортных амфор и кувшинов (они изготовлялись в гончарных мастерских провинциально-византийских поселений Крыма), сероглиняных лощеных грушевидных кувшинов аланского типа, а также сероглиняной кухонной посуды, типичной для всех салтовских поселений Подонья и Приазовья. Принесенные в Таврику при миграции лепные кухонные горшки, украшенные линейно-волнистым орнаментом, и грушевидные лощеные кувшины к концу VII в. полностью вытесняются кухонной керамикой, изготовленной на ручном круге и византийской привозной столовой посудой. Сероглиняные горшки, судя по остаткам печи, изготовлялись в каждом болгарском селе. У них яйцевидный корпус с небольшим, но сильно отогнутым венчиком. Плечики корпуса горшков украшались гребенчатым

линейным, линейно-волнистым и волнистым орнаментом.

В постройках поселений этой группы найдено большое количество земледельческих орудий: небольших наральников, серпов, мотыжек, жерновов, каменных ступ. Среди находок зерна преобладают просо и мелкая пшеница. Стратиграфические наблюдения в Тау-Кипчаке позволили предположить, что вспашка земли производилась тяжелым плугом с предшествующим выжиганием леса. Система земледелия была двупольной. Получаемого зерна хватало не только для нужд самого села, но не менее 60 т могло использоваться для продажи, то есть земледелие носило товарный характер. Животноводство играло вспомогательную роль. Стадо состояло из мелкого рогатого скота (козы, овцы), а также из коров и свиней. Находки последних свидетельствуют о значительной степени оседлости населения Тау-Кипчака.

Рис. 58. План и реконструкция усадьбы древнеболгарского поселения второй половины VIII—X в. на холме Кордно-Оба.

Болгарские поселения второй половины VIII—X в. составляют подавляющее большинство в Таврике: из 82 поселений этого периода 13 подвергались систематическим раскопкам (Тиритака, Мирмекий, Илурат, верхние слои Героевки и Тепсеня, Кордон-Оба, Загайтанское поселение и др.). На них раскопаны 2 полуземлянки (Кордон-Оба и Щебетовка) и более 70 жилых и хозяйственных построек с саманными стенами на каменных цоколях, а также 5 христианских храмов. Однокамерные каменные постройки Кордон-Обы, Тепсеня, Героевки и Тиритаки бóльших размеров, чем дома предшествующего периода (8,1×5,1 м), а вместо очажной ямы в них сооружены печи-каменки византийского типа. Такие дома более византийские и по внешнему виду: они имеют правильную форму с выложенными камнем дверными откосами, а окна стеклились. Однако в отличие от провинциально-византийских домов болгарские постройки второй половины VIII—X в. сложены «в елку» насухо из мелкого плитняка, поставленного на ребро. Как и в постройках первого периода, дома Тепсеня, Тиритаки и Кордон-Обы впущены в грунт на глубину 0,2—0,3 м, что характерно для византийского гражданского строительства.

Однокамерные постройки функционировали короткий срок. Дома этого типа на Тепсене и Кордон-Обе были заброшены уже в первой половине IX в. и полностью вытеснены домами-пятистенками, типичными для южнобережных провинциально-византийских поселений. Их размеры — 5,5×10 м, 5,5×13 и 5,8×10,5 м. Как и византийские, болгарские пятистенки полностью сложены из камня и имели по два помещения под одной крышей, четкую прямоугольную планировку, выложенные из тесаного камня откосы и застекленные окна. Однако и эти дома возведены по тем же принципам, что и болгарские однокамерные постройки VIII—IX вв.: их стены сложены насухо «в елку» и поставлены на грунт без фундаментов, а полы впущены в грунт. Стены болгарских пятистенок не перевязаны в углах, а крыши перекрыты не черепицей, а соломой и землей. Кочевнические пережитки проявились и в способе отделения жилой части дома от хозяйственной: оба помещения имели отдельные входы со двора и под жилье использовалось меньшее, в котором стояла печь. Большее помещение применялось для хозяйственных нужд. Таким образом, заимствования из византийского строительства были чисто внешними.

Как и в первый период, керамический комплекс болгар второго периода состоял из приобретавшихся на византийских торжищах амфор, пифосов и столовой посуды, а кухонная керамика оставалась сероглиняной.

Почти не изменился и хозяйственный уклад. Производство зерна попрежнему имеет преобладающее зна-

чение. Мягкие и полбяные сорта пшеницы во второй половине VIII в. сменяет твердая пшеница, заимствованная болгарами и хазарами на Северном Кавказе и в Закавказье у арабов. Кроме того, на побережье болгары начинают заниматься виноградарством, о чем свидетельствует находка виноградного плантажа и ножа для сборки урожая на Кордон-Обе. В VIII—IX вв. в Солхате, на Тепсене, Бакле и Кордон-Обе отмечается появление у болгар железоделательного и ювелирного производства. Салтовскими мастерами изготовлялись литые пряжки, бляшки и наконечники поясных наборов, серьги с шариками, лунницы, бляшки-тройчатки, наконечники мечей и пр. Массовое производство украшений на болгарских поселениях привело к распространению салтовской моды среди населения Южнобережной и Горной Таврики, а также в византийском Херсоне. Салтовская торевтика в VIII—IX вв. появляется в аланских склепах Скалистого, Чуфут-Кале и Эски-Кермена, а также в византийских плитовых могилах верхнего слоя Суук-Су, Баклы и Тиритаки. Влияние болгар сказалось и на гончарном производстве соседних племен. В IX—X вв. на Южном берегу Крыма и в Херсонесе появляются тонкостенные сероглиняные кружки, горшки и кувшины, декорированные в салтовских традициях.

Раннеболгарская культура исчезла около середины X в. в результате кровопролитных хазаро-византийских войн, последовавших за разгромом князем Святославом Хазарского государства. Усиление в горных и прибрежных районах Таврики византийской администрации и создание после падения Хазарского государства фемы Херсона, включавшей районы Готии, привело к усилению контактов ранних болгар с аланским и греческим населением. В X—XI вв. в результате взаимопроникновения различных культур появляется единая этнокультурная общность.

Часть вторая

АРХЕОЛОГИЯ ЭПОХИ КИЕВСКОЙ РУСИ

ВВЕДЕНИЕ

Археологические исследования древнерусских городов начались еще в XIX в., но в дореволюционный период они носили случайный характер. Историки и археологи длительное время ограничивались письменными источниками о городах и занимались в основном определением их местоположения в связи с изучением исторической географии Киевской Руси. За годы Советской власти осуществлены планомерные раскопки целого ряда древнерусских городов, в том числе находившихся на территории современной УССР. Полученные материалы, в сочетании с летописными данными, являются ценным источником для изучения раннефеодальных городов, возникших у восточных славян с формированием классового общества и образованием Древнерусского государства.

По данным М. Н. Тихомирова [1956], «Повесть временных лет» называет для IX—X вв. свыше 20 городов на Руси; для XI в. летописи засвидетельствовали 64 города; для XII в.— еще 134, а для времени накануне нашествия хана Батыя — еще 47 городов. Всего на территории древней Руси в доордынский период летописи упоминают 271 город. Перечень далеко не полный, так как летописи упоминали города лишь в связи с теми или иными политическими и военными событиями. Более полные данные получены А. В. Кузой, использовавшим не только летописи, но и другие категории древних письменных источников, в том числе доордынского периода, например «Список русских городов, дальних и ближних», составленный в конце XIV — начале XV в. на основании более ранних, до нас не дошедших источников. Всего по этим данным насчитывается 414 городов, возникших на Руси до середины XIII в. [Куза, 1975, с. 64].

Необходимо иметь в виду, что древнерусский термин «град» или «город», происходящий от слова «городить» (то есть ограждать), означал, как и в других странах эпохи средневековья, любой укрепленный пункт независимо от социально-экономического характера. Поэтому не все «города» письменных источников являлись городами в современном понимании этого слова, как центры ремесла и торговли. Значительная часть среди них была небольшими военно-феодальными поселениями и оборонительными пунктами.

Средневековый город, в том числе и древнерусский, был сложным социальным организмом, который нельзя охарактеризовать какой-либо одной чертой. Города являлись экономическими, административными и культурными центрами отдельных земель, княжеств и волостей. В первую очередь, в них были развиты ремесла и торговля, находились дворы феодалов данной округи, основывались церкви и монастыри. Города были первоклассными для своего времени крепостями и играли ведущую роль в обороне страны от вражеских нападений. Социальный состав населения городов отличался значительным разнообразием: в них жили ремесленники, купцы, бояре, князья, дружинники, холопы, духовенство. Жители города не порывали и с сельским хозяйством, имели пригородные поля, огороды, сады, разводили скот и птицу, а также занимались охотой и рыболовством. Не во всех городах в одинаковой мере были выражены пере-

численные особенности. В эпоху древней Руси в условиях сложения и хозяйственного освоения государственной территории, строительства опорных пунктов в системе обороны страны происходил бурный процесс возникновения новых городов, которые находились на различных этапах социально-экономического развития. Как правило, мелкие, удельные города имели ограниченное административное и культурное значение, а в их экономике значительный удельный вес занимало сельское хозяйство. В последнее время высказано вполне справедливое мнение о хозяйственной специализации отдельных городов при наличии определенных источников сырья [Толочко, 1979, с. 160]. При этом ведущей функцией в развитии одних городов являлись ремесло, других — торговля, третьих — административно-культурное значение, четвертых — земледелие. Не удивительно, что ряд древнерусских городов в процессе своего становления сохранял еще аграрно-ремесленный или аграрно-торговый характер.

Такие крупные города, как Киев, Новгород, Полоцк, Чернигов, Переяславль, Галич, Владимир-Волынский, Смоленск, Суздаль, Ростов, Владимир-на-Клязьме, Туров, Рязань, Новгород-Северский, играли ведущую роль в экономической, политической и культурной жизни Руси. Они занимали укрепленную площадь от нескольких десятков до нескольких сотен гектаров, кроме центральной части—детинца — имели еще большие торгово-ремесленные посады с многочисленным населением и пригородную сельскохозяйственную округу.

Однако некоторые известные древнерусские города, за исключением Белгорода, Вышгорода, Василева (на р. Стугна), Торческа (городище возле современного с. Шарки на р. Ольшаница в Поросье), Плеснеска, занимали укрепленную площадь в пределах нескольких гектаров, в редких случаях свыше 10 га. На территории современной УССР к ним относятся Звенигород, Василев, Теребовль, Белз, Бужск в Поднестровье и Западном Побужье; Луцк на р. Стырь, Шумск, Пересопница, Дорогобуж в бассейне р. Горынь; Искоростень на р. Уж; Городск на р. Тетерев; Юрьев (современная Белая Церковь), Корсунь и Родень на р. Рось; Любеч, Витачев и Чучин на Днепре; Моровск и Сновск в Подесенье; Путивль и Вырь (современный г. Белополье) и Посеймье; Воинь на р. Сула и др. Они были локальными хозяйственными и военно-административными центрами и обычно передавались великим князем в держание своим подручным — младшим князьям и боярам. Некоторые из этих городов являлись центрами удельных княжеств.

Судя по летописным известиям, к перечисленной категории городов принадлежали Треполь и Канев на Днепре и Вручий (современный г. Овруч на Житомирщине), городища которых не сохранились.

В целом древнерусских городских поселений на территории современной УССР было значительно больше. Немало летописных «городов» остаются археологически неизвестными — их городища не обнаружены или разрушены, а по содержащимся в письменных источниках упоминаниям трудно судить о роли и значении этих укрепленных пунктов. Среди сохранившихся безымянных городищ какая-то часть также принадлежит городам, но без стационарных археологических исследований об этом можно говорить лишь предположительно.

Как исторический тип населенных пунктов древнерусские города являлись качественно новым образованием, возникшим в результате дальнейшего углубления процессов общественного разделения труда. Они были не только средоточием политического и экономического господства феодалов над трудящимися массами, но и носителями прогрессивных тенденций в развитии древнерусской экономики и культуры. Население городов сыграло ведущую роль в борьбе против внешних

врагов, отстаивании интересов единства древнерусских земель.

Ниже мы переходим к характеристике наиболее изученных древнерусских городов на территории современной УССР. Конкретное рассмотрение результатов исследований позволит полнее ознакомиться с вопросами происхождения городов, особенностей их материальной культуры, хозяйственной деятельности жителей, роли этих населенных пунктов в общественно-политической жизни древней Руси.

I ДРЕВНЕРУССКИЕ ГОРОДА

Киев

Возникновение Киева советская историческая наука относит к концу V в. Первое датированное известие о Киеве приходится на 862 г. В конце IX—начале X в. Киев становится столицей огромного феодального государства восточных славян — Киевской Руси. В XI—XIII вв. Киев — один из крупнейших городов средневековой Европы. Как главный политический, экономический, культурный и религиозный центр Руси Киев сохранил свое значение вплоть до разорения его в 1240 г. полчищами Батыя.

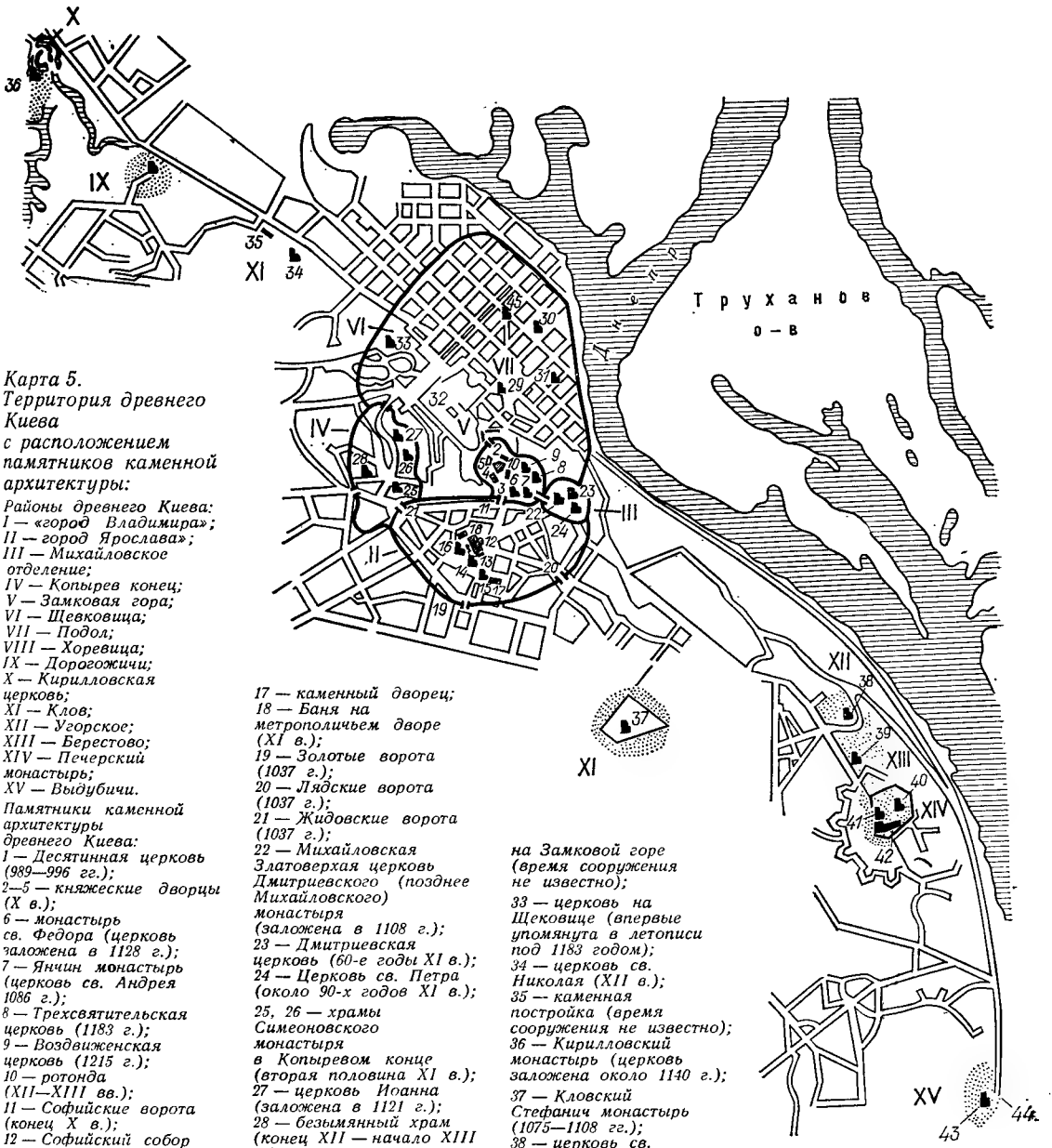
Вопросы возникновения и развития Киева неразрывно связаны с образованием и дальнейшим развитием Древнерусского государства. Без правильного понимания роли Киева невозможно достоверно разрешить многие проблемы древней истории нашей страны. Поэтому история Киева издавна вызывала глубокий интерес у исследователей. Первыми историками Киева стали древнерусские летописцы, которые не только фиксировали чисто исторические события, но и внесли в летопись свидетельства о различных топографических памятниках Киева IX—XIII вв. Курганы, укрепления, урочища, архитектурные сооружения, упоминаемые летописцами, помогли исследователям дать правдивый и конкретный образ города тех веков.

Интересное и важное описание остатков памятников материальной культуры Киева до нашествия хана Батыя оставили путешественники и мемуаристы XVI — XVIII вв. (Э. Лясота, М. Груневег, Г. Боплан, П. Развидовский, П. Алеппский и др.).

Первые попытки археологического изучения Киева относятся к концу XVIII—началу XIX в. и связаны с деятельностью М. Берлинского, Е. Болховитинова, К. Лохвицкого. В это время исследовались остатки Золотых ворот, Ирининской церкви и церкви около Иордановского ручья на Подоле. На протяжении 30—40-х годов XIX в. археологические работы проводились на территории усадеб Десятинной и Трехсвятительской церквей и Михайловского монастыря (А. Анненков, А. Ставровский). Во второй половине XIX в. исследовались курганы в уроч. Батыева гора (Я. Волошинский), над Иордановской церковью, храмы на Копыревом конце (П. Лошкарев), велись наблюдения за строительными работами (Г. Кибальчич, И. Хойновский). В это время появились обобщающие труды по исторической топографии древнего Киева М. А. Максимовича, Н. В. Закревского, Н. И. Петрова, С. П. Голубева и др.

В начале XX в. В. В. Хвойка, Д. В. Милеев, С. П. Вельмин вели раскопки на территории Старокиевской горы, усадьбы Софийского собора, прерванные первой мировой войной.

В советское время археологическое изучение древнего Киева возобновилось. Раскопки 20—30-х годов XX в. (В. Ляскоронский, С. Гамченко, Ф. Молчановский) обогатили археологию Киева новыми открытиями. Характерной особенностью археологических исследований Киева в советское время стало то, что наряду с тради-



Карта 5.
Территория древнего Киева с расположением памятников каменной архитектуры:

Районы древнего Киева:
I — «город Владимира»;
II — город Ярослава»;
III — Михайловское отделение;
IV — Копырев конец;
V — Замковая гора;
VI — Щевковица;
VII — Подол;
VIII — Хоревица;
IX — Дорогожичи;
X — Кирилловская церковь;
XI — Клов;
XII — Угорское;
XIII — Берестово;
XIV — Печерский монастырь;
XV — Выдубичи.

Памятники каменной архитектуры древнего Киева:
1 — Десятинная церковь (989—996 гг.);
2—5 — княжеские дворцы (X в.);
6 — монастырь св. Федора (церковь заложена в 1128 г.);
7 — Янчин монастырь (церковь св. Андрея 1086 г.);
8 — Трехсвятительская церковь (1183 г.);
9 — Воздвиженская церковь (1215 г.);
10 — ротонда (XII—XIII вв.);
11 — Софийские ворота (конец X в.);
12 — Софийский собор (1017—1037 гг.);
13 — стена митрополичьего двора (XI в.);
14 — Георгиевский монастырь (около 1051—1053 гг.);
15 — Ирининский монастырь (около 1051—1053 гг.);
16 — безымянный храм (XI в.);
17 — каменный дворец;
18 — Баня на метрополичьем дворе (XI в.);
19 — Золотые ворота (1037 г.);
20 — Лядские ворота (1037 г.);
21 — Жидовские ворота (1037 г.);
22 — Михайловская Златоверхая церковь Дмитриевского (позднее Михайловского) монастыря (заложена в 1108 г.);
23 — Дмитриевская церковь (60-е годы XI в.);
24 — Церковь св. Петра (около 90-х годов XI в.);
25, 26 — храмы Симеоновского монастыря в Копыревом конце (вторая половина XI в.);
27 — церковь Иоанна (заложена в 1121 г.);
28 — безымянный храм (конец XII — начало XIII в.);
29 — церковь Богоматери Пирогощи (1131—1135 гг.);
30 — церковь св. Михаила — Новгородская божница (около середины XII в.);
31 — церковь Бориса и Глеба — Турова божница (около середины XII в.);
32 — каменная постройка на Замковой горе (время сооружения не известно);
33 — церковь на Щековице (впервые упомянута в летописи под 1183 годом);
34 — церковь св. Николая (XII в.);
35 — каменная постройка (время сооружения не известно);
36 — Кирилловский монастырь (церковь заложена около 1140 г.);
37 — Кловский Стефанич монастырь (1075—1108 гг.);
38 — церковь св. Николы (конец XI в. — начало XII в.);
39 — Спасская церковь (первая четверть XII в.);
40 — Успенский собор Печерского монастыря (1073—1089 гг.);
41 — Троицкая надвратная церковь Печерского монастыря (1108 г.);
42 — каменная стена вокруг Печерского монастыря (XII в.);
43 — Михайловская церковь Выдубицкого монастыря (1070—1088 гг.);
44 — стена Милонега;
45 — безымянный храм XII—XIII вв.

ционными раскопками центральной части города, начали исследоваться и посадские районы (гора Детинка, Замковая, Копырев конец, Подол).

В 1938—1952 гг. на территории Киева и его околиц проводила систематические работы Киевская археологическая экспедиция ИИМК АН СССР и

ИА АН УССР под руководством М. К. Каргера [1958, 1961].

Ценные археологические материалы добыты раскопками В. А. Богусевича. В 1950 г. им проведены первые стационарные исследования на Подоле, в ходе которых открыта трехкамерная постройка — стеклоделательная мастерская. На территории Киево-Печерского заповедника обнаружены мастерская по изготовлению стекла и смальты, а также каменная стена монастыря XII в. В 1951 г. исследовался вал Ярослава Мудрого на участке по ул. Малая Подвальная, № 13.

В 1955 г. проведены раскопки (В. К. Гончаров) на территории усадеб № 7—9 по ул. Владимирской. В 1960 г. исследовалась территория Старокиевской горы (П. П. Толочко, С. Р. Килиевич), Копырева конца (П. П. Толочко, Ю. С. Асеев) и Клова (П. П. Толочко).

В 1970 г. для систематического исследования города в Институте археологии АН УССР создана Киевская экспедиция (руководитель П. П. Толочко). Работы проводились во всех исторических частях города и на околице («город Владимира», «город Ярослава», Подол, Копырев конец, Клов, Печерск, Выдубичи, Китаево, Церковщина и т. д.).

Кроме целевых стационарных исследований проводятся широкие спасательные археологические работы на новостройках города, а также регулярные наблюдения за земляными работами. Итоги археологических исследований Киева в 70-е годы подведены в коллективной монографии «Новое в археологии Киева».

Археологические исследования города, которые проводятся уже более 150 лет, значительно расширили круг исторических источников о древнем Киеве. Они позволяют воссоздать картину жизни Киева, осветить его культуру, экономику, быт, определить размеры и топографическое размещение отдельных районов, а также выяснить основные этапы его исторического развития.

Киев возник на правом берегу Днепра, ниже устья Десны, и, таким образом, контролировал весь бассейн Верхнего Днепра. Здесь же проходит пограничная зона лесов и лесостепи. Выгоды и преимущества географического положения Киева дополнялись удобством его топографического размещения — часть высокого (100 м) плато, ограниченного долинами Днепра, Лыбеди, Сырца. Протяженность плато с севера на юг 14—15 км, с запада на восток 3—4 км. Оно перерезано в различных направлениях многочисленными оврагами, образующими изолированные естественные укрепления высот, мысов, останцов. В древности в большинстве из этих оврагов протекали небольшие речки и ручьи: Глубочица, Киянка, Сетомль, Клов, Сырец, Крещатик и др. Около Михайловской горы (восточный выступ Старокиевского плато) Днепр поворачивает несколько севернее и здесь образует широкую долину, которая тянется до Вышгорода. Часть долины под Старокиевской горой получила название Подола и являлась одним из крупнейших районов древнего Киева. Через Подол протекала р. Почайна, устье которой было удобной речной гаванью.

Начало заселения территории Киева относится к раннему каменному веку. Стоянки этого периода открыты на ул. Кирилловской (теперь ул. Фрунзе, № 61) и в уроч. Протасов Яр вблизи Байкового кладбища. Последующие эпохи — неолит, бронзовый и железный века — также представлены на территории Киева достаточно широко.

Эпоха рубежа старой и новой эр и первой половины I тыс. н. э. оставили на территории Киева памятники зарубинецкой и черняховской культур. Материалы этого времени обнаружены на горах Замковой (Киселевке), Старокиевской, Юрковице, в районе Львовской площади, на Подоле, Оболони и Печерске. Большое количество римских монет (в кладах и случайных находках), местонахождение которых

топографически совпадает с находками керамики первой половины I тыс. н. э., свидетельствует о значительных связях киевских поселений того периода с периферией римского мира.

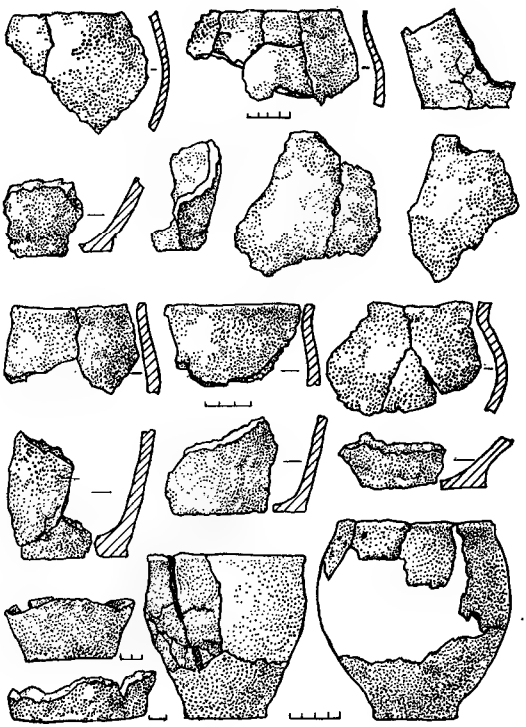


Рис. 59.
Киев. Керамика из жилища V—IV вв.

Известные археологические материалы показывают, что одним из древнейших заселенных районов города являлась Замковая гора, которая исключительно выгодно расположена топографически. Раскопки 1932—1933 и 1940 гг. обнаружили культурный слой конца V — VI в., насыщенный лепной керамикой, пряслицами, печиной, костями животных и т. п. С этим слоем, вероятно, связаны и находки трех византийских монет императоров Анастасия I (498—518) и Юстиниана I (527—566). Вблизи горы, на Подоле, найдены еще две византийские монеты Евдоксии и Юстиниана I, датируемые 537 г. [Петров, 1897]. Из вещей VI—VII вв. следует назвать два амфориска, один из которых обнаружен на Замковой горе, второй — на Подоле.

В истории Киева середина I тыс. н. э. оставалась наименее освещенным периодом. И только в последние годы благодаря успехам, достигнутым археологами в исследовании славянских памятников этого времени и новым находкам в Киеве, стало возможным более четкое осмысление ранее обнаруженных материалов и определение начального этапа истории Киева.

Материалы середины I тыс. н. э. открыты также в районе Старокиевской горы. В 90-х годах XIX в. на ул. Малая Житомирская (современная ул. Постышева) найдены большая антропоморфная фибула и серебряный браслет с расширенными концами, происходившими, вероятно, из одного клада [Корзухина, 1955; Каргер, 1958]. В 1893 г. во время земляных работ в старой части города найдены также антропоморфные и пальчатые фибулы из низкопробного серебра. В начале XX в. на территории Верхнего Киева найдены пять серебряных браслетов с утолщенными концами и два — в районе Софийского собора. Обе находки происходят из одного района и, возможно, составляли единый комплекс — клад.

В. В. Хвойка на усадьбе Петровского обнаружил фрагмент бронзовой фибулы с красной выемчатой эмалью. Археологические исследования на Старокиевской горе показали наличие не только отдельных находок, но и культурного слоя конца V—VII вв.

Раскопками Д. Милеева, Ф. Молчановского, М Каргера был открыт и исследован ров древнейшего городища на Старокиевской горе. Ров, глубиной около 4 м от уровня материка, с остатками вала и деревянных балок от частокола, начинался от северо-восточного края Старокиевской горы, шел сначала на юг, потом поворачивал на юго-запад и перерезал всю юго-запад-

ную часть горы, заканчиваясь над уроч. Гончары. Лепная керамика, найденная на дне рва в разных местах, датирует его VII—VIII вв.

В 1908 г. в центре древнейшего городища В. В. Хвойка раскопал языческое святилище. В 1909 г. в древних культурных слоях обнаружили следы каких-то древних сооружений, напоминавшие глинобитные печи [ИАК, 1909].

Лепная керамика красноватого цвета обнаружена в 1939 г. на усадьбе Слюсаревского (Десятинный переулок, № 8). В том же году раскрыто жилище, в заполнении которого встречена грубая лепная керамика, глиняные пряслица, фрагмент гончарной керамики салтовского типа. В 1958 г. в 20 м от южного угла здания Исторического музея раскопан культурный слой с лепной керамикой VII—VIII вв., а в развале какого-то сооружения, вероятно жилища, найден лепной горшок.

Жилище VII—VIII вв. исследовано в 1965 г. на склоне Старокиевской горы. Печь, сложенная из мелких камней песчаника и глиняных вальков, размещалась в юго-западном углу помещения. В заполнении обнаружено большое количество лепной и примитивной гончарной керамики (горшки, сковородки), глиняное пряслице и т. п. Рядом находилась хозяйственная яма, заполненная аналогичной керамикой.

В 1971 г. раскопано жилище с глинобитной печью, в заполнении которой встречена керамика корчакского типа конца V—VI в. (П. П. Толочко, В. К. Гончаров) [НАК, 1981].

Материалы этого времени открыты также на горе Детинке, Щекавице, Подоле.

Скопление находок конца V—VIII в. на относительно небольшом участке свидетельствует о значительной концентрации населения в этом районе Киева в VI—VIII вв. и существовании здесь городища.

Анализ археологического материала (П. П. Толочко) показал, что он выстраивается в единую культурно-историческую цепочку — с конца V в. Этим временем и следует датировать начало развития первого киевского городка, ставшего в IX—X вв. центральным ядром столицы Древнерусского государства [Толочко, 198].

Основание города можно связывать, как показали работы Б. А. Рыбакова, с деятельностью князя Кия [Рыбаков, 1982].

В IX—X вв. территория Киева значительно расширяется. Поселения и городища этого периода размещаются на горах Старокиевской, Замковой, Лысой, Щекавице, Детинке, Кудрявце, Подоле. Одновременно с расширением Киева увеличивается и его центральная часть. Уже к середине X в. за пределы детинца VI—VIII вв. выносятся некоторые княжеские постройки. Об этом свидетельствует летописная статья 945 г.: «Бѣ внѣ города дворъ теремный и другий, идеже есть дворъ демесниковъ, за святою Богородицею надь горою, бѣ бо ту теремъ каменъ». Исследователи связывают с этим дворцом, существовавшим уже во времена Игоря, каменное сооружение, обнаруженное и исследованное в 1907—1908, 1936, 1957, 1966 гг. На северо-востоке от Десятинной церкви в 1908 г. открыто срубное жилище X в. размером 5×5 м.

Археологические исследования и наблюдения за земляными работами на Замковой горе показали, что культурные слои IX—X вв. распространены по всему плато горы. В 1932, 1933, 1940 гг. здесь обнаружены жилища, собрана керамика IX—X вв. В. В. Хвойкой найдена формочка для отливки дирхемов, что указывает на наличие ювелирной мастерской. В 1908 г. на этой же горе выявлен клад херсонесско-византийских монет IX—X вв. В разные годы на Замковой горе находили арабские дирхемы. В 1897 г. на кладбище Фроловского монастыря открыты фундаменты постройки из тонкой плинфы [Петров, 1897], принадлежавшие, возможно, одному из княжеских дворцов X в.

В IX—X вв. в состав городской тер-

ритории входит городище на Лысой горе, занимавшее удобную в топографическом отношении высоту. В районе городища в 1863 г. найден клад из 192 серебряных восточных монет VIII—X вв. Такие же монеты встречены здесь и в погребениях. Следовательно, жители городища вели оживленную торговлю с мусульманским Востоком уже во второй половине VIII в. Этим же временем следует датировать и появление здесь укреплений. В 1965 г. на южном выступе Лысой горы открыто жилище с керамикой, характерной для IX—X вв., и погребение этого же времени.

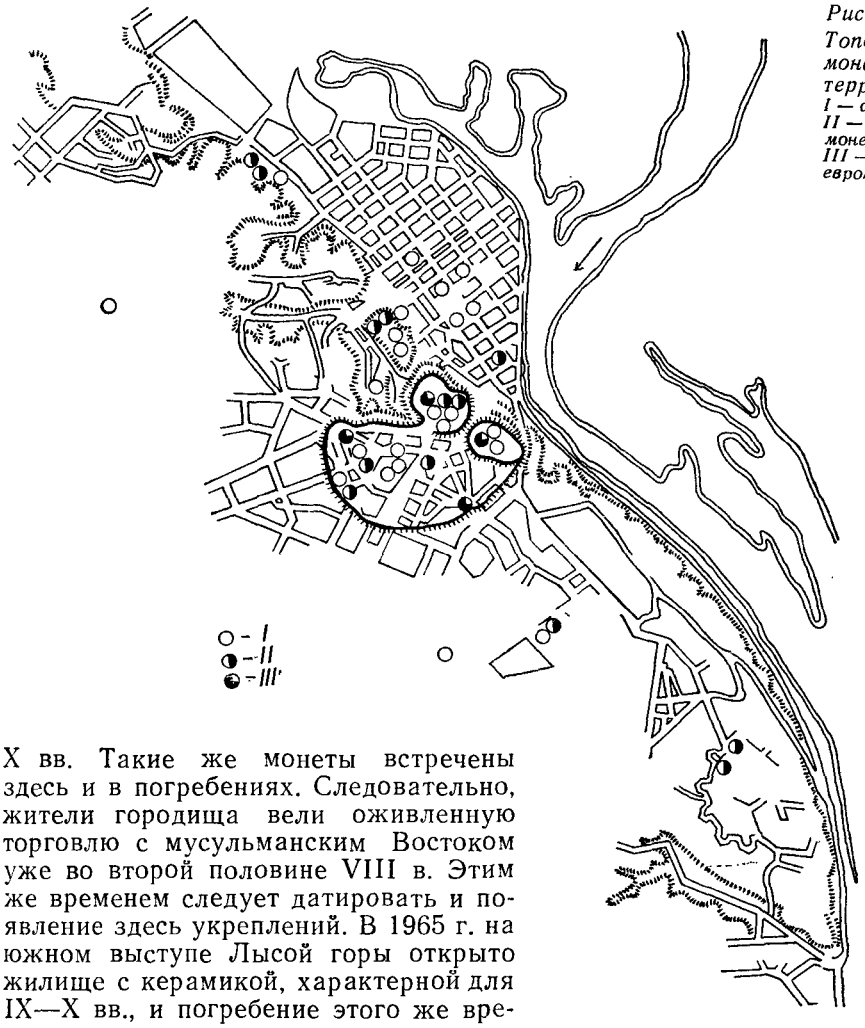


Рис. 60.
Топография монетных находок на территории Киева:
I — арабские монеты;
II — византийские монеты;
III — западноевропейские монеты.

Культурные слои IX—X вв. распространены на большей части Подола (от Почтовой площади до ул. Ратманского).

Согласно летописи, на Подоле находилась первая на Руси христианская церковь св. Ильи, упоминаемая при заключении договора Игоря с Византией в 944 г.: «А христьянскую Русь водища въ церковъ святаго Ильи, яже сесть надъ ручьемъ, конецъ пасыньцъ бесѣды». Некоторые исследователи предполагают, что она находилась в районе впадения р. Глубочица в Почайну.

Дендрохронологические исследования древесины из подольских раскопок на Красной площади (1972 г.) и Житном торге (1973 г.) продатировали срубы из нижнего культурного слоя соответственно 913 и 887 гг. [НАК, 1981].

Рассмотренные поселения и городи-

ща IX—X вв. представляли собой не изолированные населенные пункты (как иногда утверждается), а отдельные составные части единого города. На Старокиевской горе находился детинец с княжескими постройками. Подол, Лысая гора, Щекавица, Кудрявец и другие районы преимущественно составляли посад города.

Еще во второй половине XIX в. на территории Киева существовало множество древних курганов. Один из первых их исследователей Я. Волошинский писал, что в киевской местности курганы размещены частично в самом городе, частично за его пределами: в предместьях, на хуторах, дачах или на склонах днепровских гор. Все они размещаются большими или меньшими группами. Общее количество киевских курганов достигало 200.

Помимо Я. Волошинского изучением киевского некрополя занимались В. В. Хвойка, Д. В. Милеев, Н. Ф. Беляшевский, С. С. Гамченко, М. К. Каргер и др. Результаты этих исследований освещены в работах Л. А. Голубевой и М. К. Каргера [Голубева, 1949; Каргер, 1958].

Киевский некрополь состоит из двух основных групп (могильников). Первый из них объединяет погребения, находившиеся на территории Верхнего Киева, второй — на Кирилловских высотах. Последний еще в начале XX в. насчитывал несколько сот курганов [Хвойка, 1913]. Погребения IX—X вв. обнаружены также на северо-восточном выступе горы Пионерского парка над Днепром, на Батыевой горе над Лыбедью. В 60—70-х годах XIX в. могильник на Батыевой горе насчитывал более 200 курганов. Захоронения киевских некрополей осуществлены по двум обрядам — трупосожжением и трупоположением. Каждый из них имеет свои отличия в характере могильных ям, могильных сооружений, в инвентаре, ориентации и т. д. В киевском некрополе обнаружены захоронения в гробах, больших срубных гробницах, погребения с конем, с деревянными ведрами и ковшами, с дорогим оружием. В инвентаре погребений встречались разнообразные вещи личного пользования, ожерелья, сережки, подвески, крестики, пряжки, накладки на пояс, застежки-фибулы и т. п. По мнению исследователей, такие различия свидетельствуют не только об этнической, но и о социальной неоднородности населения Киева IX—X вв.

Наряду с многочисленными рядовыми погребениями киевские могильники дают значительное количество богатых захоронений. Прежде всего сказанное относится к погребениям в срубных гробницах, раскопанных на Старокиевской горе и в районе Кирилловских высот. Здесь найдены утонченные изделия из золота и серебра, остатки дорогой одежды, арабские дирхемы, пышно украшенное оружие. Обнаруженный материал не оставляет сомнения в том, что погребенные в срубных гробницах были знатными людьми.

На конец X — середину XIII в. приходится наиболее бурный рост территории Киева, расцвет экономики и культуры. О роли и значении Киева этого времени красноречиво свидетельствует летописец середины XII в.: «И кто убо не возлюбитъ Киевскаго княженія, понеже вся честь, и слава, и величество, и глава всѣм землем русском Киевъ и отъ всѣх далнихъ многихъ царствъ стицахуся всекіе человъци и купци и всякихъ благихъ от всъх странъ бываше в немъ» [ПСРЛ, 1965].

Древнейшее киевское городище уже во времена Игоря и Ольги стало тесным даже для княжеского детинца. При Владимире Святославиче вокруг старого детинца сооружаются мощные земляные укрепления нового. Они проходят от края древнейшего городища вдоль склонов горы к оврагу (линия современного фуникулера). Здесь вал поворачивал на юго-запад и доходил до угла пл. Калинина и ул. Большая Житомирская. Отсюда вдоль северной стороны ул. Большая Житомирская и склонов над Гончарным ов-

рагом вал ограждал детинец с юго-запада и запада. Площадь детинца («города Владимира») X — начала XI в. составляла 10 га. Направление и конфигурация валов полностью отвечали топографии местности. Почти со всех сторон детинец имел естественные укрепления — крутые склоны Старокиевской горы. И только с юго-запада она соединялась с общим плато киевского возвышения. Именно здесь были сооружены центральные въездные ворота в киевский детинец. В литературе эти ворота получили название Софийских.

Остатки ворот открыты на ул. Владимирская в 16 м от ее пересечения с ул. Большая Житомирская. Сохранились фундаменты двух пилонов, толщиной 2,3 м, а по краям 3,5 м. Длина фундаментов 10 м, общая ширина 10, ширина проезжей части около 4, а посередине 6 м. Вероятно, они являлись основанием каменной сторожевой башни с проездной аркой. Через ров, проходивший перед воротами, был переброшен мост, упоминающийся в летописи под 1067 и 1147 гг.

В XI в. Киев продолжал быстро расти как крупнейший экономический, административный и культурный центр Руси. Старая линия укреплений «города Владимира» уже не отвечала необходимым требованиям обороны города. В первой половине XI в. при Ярославе Мудром закладывается новая крепость, охватывавшая значительно бóльшую территорию.

Линия укреплений «города Ярослава» начиналась от валов X в. (в районе фуникулера) и тянулась по склонам Михайловской горы. В районе современной ул. Челюскинцев вал круто поворачивал на запад и спускался на пл. Октябрьской Революции, оттуда вдоль ул. Малая Подвальная к Золотым воротам. От последних вал шел по линии ул. Ярославов Вал до Львовской площади, а там поворачивал на восток и тянулся вдоль склонов гор параллельно ул. Большая Житомирская к Софийским воротам. Длина укреплений «города Ярослава» составляла 3,5 км, а новая территория, охваченная ими, превышала 70 га.

«Город Ярослава» имел трое въездных ворот: Лядские, Жидовские и Золотые. Жидовские размещались где-то в районе Львовской площади, остатки их не найдены. Проездная часть Лядских ворот обнаружена в 1981 г. (М. А. Сагайдак, В. А. Харламов) при исследованиях Ярославова вала на пл. Октябрьской Революции. Сами ворота не сохранились, поскольку, очевидно, были деревянными. На их месте в позднесредневековое время были построены каменные ворота, получившие название Печерских. Остатки Золотых ворот сохранились до нашего времени. Представить их первоначальный вид во многом помогли исследования С. А. Высоцкого в 1972—1973 гг. [НАК, 1981].

Золотые ворота представляли собой двухъярусное сооружение. Нижний ярус состоял из двух каменных стен с арочным перекрытием проезда, к которым с двух сторон примыкал вал. Над ними размещалась сторожевая площадка и Благовещенская церковь.

Валы «города Ярослава» неоднократно исследовались археологами. В 1879 г. при перепланировке ул. Ярославов Вал был срыт сохранившийся до этого времени вал. Высота его превышала 16 м. Вал состоял из деревянных срубов, заполненных светлым лессом. В 1935 г. при земляных работах на углу ул. Чкалова и Ярославов Вал, а затем в 1947—1948 гг. по ул. Ярославов Вал, № 7—9 обнаружены остатки еще двух фрагментов укреплений времен «города Ярослава». С внешней стороны вала проходил глубокий ров. Стационарные раскопки вала проводились в 1951 г. на участке между бывшей телевышкой и усадьбой №13 по ул. Малая Подвальная. Были выявлены мощные деревянные конструкции, служившие основой вала. На исследованном участке вал сохранился на высоту 6 м от древнего горизонта [Ефименко, Богусевич, 1952].

Важные дополнения для реконст-

рукции укреплений времени Ярослава Мудрого дали исследования 1972—1973 гг. Золотых ворот и 1981 г. на пл. Октябрьской Революции. В итоге установлено, что каркас вала состоял из срубов-городен, располагавшихся по ширине в девять рядов. Это самые мощные дерево-земляные укрепления, известные до сих пор на территории древней Руси.

Во второй половине XI в. застраивается так называемая Михайловская гора (верхнее плато современной Владимирской горки), представлявшая собой почти изолированный останец и лишь в районе пл. Калинина соединявшаяся со Старокиевской горой. Топографические особенности горы, а также конфигурация укреплений Михайловского монастыря XVII — XVIII вв. дают основания утверждать, что этот район в XI — XIII вв. имел отдельную систему укреплений. Въездные ворота нового «города Изяслава — Святополка» находились где-то вблизи Михайловского Златоверхого собора. Князь Изяслав и его сыновья Ярополк и Святополк основали здесь церкви Дмитриевскую, Михайловскую и Петра.

Киев XI—XIII вв. имел большой ремесленно-торговый посад. Бóльшая его часть находилась на Подоле. Летопись дает достаточно определенное представление о роли этого района в жизни Киева. Здесь размещались торговая и вечевая площадь, стояли каменные церкви. Под 1161 годом летопись сообщает об оборонительных сооружениях Подола — «столпии».

В археологическом отношении систематическое изучение Подола началось в 70-х годах XX в. На основании данных, полученных в результате целевых и новостроечных раскопок, а также наблюдений за земляными работами район Подола XI—XIII в. простирался от Почтовой площади до ул. Ратманского на северо-западе. Вероятно, примерно по линии этой улицы проходило летописное «столпие». Площадь Подола древнерусского времени достигала 180—200 га. За укреплениями посада размещались усадьбы «предградья», тянувшегося вдоль дороги на Дорогожичи (к Кирилловской церкви).

Раскопки Подола 1950 г. (В. А. Богусевич) и 1971—1984 гг. (П. П. Толочко, К. Н. Гупало, Г. Ю. Ивакин, М. А. Сагайдак) показали, что в IX—XIII вв. этот большой район Киева был застроен преимущественно срубными жилыми и хозяйственными постройками. Всего раскопано более 70 построек.

Отдельные части или районы многих древнерусских городов в летописи называются концами. В Новгороде известно пять, в Киеве один — Копырев конец. Как правило, они относятся к посадским районам города. В летописи Копырев конец упоминается довольно часто. На основании этих упоминаний его можно локализировать северо-западнее Жидовских ворот «города Ярослава». Более конкретные данные о местонахождении Копырева конца и его размерах дает археологический материал. На северо-запад от «города Ярослава» обнаружен древнерусский культурный слой, который распространяется практически по всей площади современного Кудрявца (район улиц Смирнова-Ласточкина, Кудрявской, Нестеровского и Кияновского переулков). Кроме керамики, стеклянных браслетов, шиферных пряслиц, железных ножей, монетных кладов здесь открыты остатки жилищ XI—XIII вв., фундаменты каменных соборов этого же времени.

Картографирование известных древнерусских материалов говорит о том, что это был густонаселенный район Киева. Начинался он сразу за Жидовскими воротами, шел вдоль Кудрявских склонов в направлении Глубочицкого спуска, включая мыс вдоль ул. Смирнова-Ласточкина, а также район ул. Обсерваторная. Общая площадь Копырева конца достигала 40 га.

В историко-топографической литературе конца XIX — начала XX в. дискутировался вопрос о существовании ук-

реплений Копырева конца. Были высказаны несколько взаимоисключающих предположений. Дополнительное исследование этого вопроса позволило (П. П. Толочко) придти к выводу, что Копырев конец был укреплен земляными валами. Летопись называет даже название ворот в системе этих укреплений. В 1202 г. именно через эти ворота киевляне впускают в город Романа Мстиславича: «отвориша ему кияне ворота Подольская, в Копыревѣ конци» [ПСРЛ, 1927]. В 1974 г. этот вывод был подтвержден раскопками Я. Е. Боровского на Кияновском переулке, открывшими остатки вала Копырева конца.

Посадскими районами Киева XI—XII вв. были также Замковая гора, Детинка, Щекавица, на которых найдены археологические материалы этого времени.

В XI—XIII вв. вокруг Киева существовали пригородные слободы, села, княжеские дворы и монастырские усадьбы, непосредственно связанные с Киевом и составлявшие его периферийные районы.

На севере крайним районом Киева был Кирилловский монастырь, основанный Всеволодом Ольговичем в 40-х годах XII в. Наблюдения за земляными работами показали, что территория горы на север и запад от собора была занята жилыми постройками. В районе монастыря, «под святым Курилом», размещались летописные Дорогожичи, неоднократно упоминаемые летописью в эпизодах, связанных с борьбой князей за Киев. В археологическом отношении район мало изучен. Лишь в 1978 г. здесь выявлены остатки жилищ и железообрабатывающей мастерской.

На возвышенности над Лыбедью размещалось княжеское с. Предславино, упоминаемое летописью. В конце X—начале XI в. здесь проживала одна из жен Владимира Святославича — Рогнеда. Вероятно, тут размещался и княжеский двор. Предположительно, с. Предславино можно связать с поселением, открытым И. И. Мовчаном в 1976 г. на ул. Красноармейская. Археологические обследования долины Лыбеди обнаружили в районе Караваевых дач культурный слой X—XIII вв., а на Батыевой горе — большой курганный могильник с интересными материалами. Следы еще одного поселения выявлены в 1981 г. в парке имени XXII съезда КПСС.

На южной околице Киева размещалось княжеское село, известное по летописи под названием Берестово. Летопись неоднократно упоминает княжеский двор, размещавшийся здесь. В первой половине XI в. в Берестове стояла церковь святых Апостолов, а на рубеже XII в. построен Спасский собор, сохранившийся до нашего времени.

Летопись упоминает княжеский двор «под Угорским» (район Аскольдовой могилы), однако археологические материалы древнерусского времени здесь не выявлены. Поэтому точно локализировать этот двор пока не удается.

В XI в. вблизи с. Берестово возникает Печерский монастырь, который вскоре становится крупнейшим монастырем Руси, влиятельным идеологическим и культурным центром. Центральным каменным сооружением монастыря был Успенский собор, основанный в 1073 г. и варварски разрушенный фашистами в 1941 г. Руины собора исследовались в 1945, 1952, 1962, 1963 гг. [Богусевич, 1948; Холостенко, 1975; 1976]. В XII в. в Печерском монастыре строится надвратная Троицкая церковь, трапезная, каменная оборонительная стена вокруг монастыря. Последняя обнаружена раскопками 1951 г.

Археологические материалы, найденные на территории митрополичьего сада, свидетельствуют, что монастырь владел хорошо развитым хозяйством. Здесь открыта мастерская по изготовлению смальты и стекла [Богусевич, 1954]. И. И. Мовчаном в 1978 г. в Ближних пещерах раскопана не известная ранее подземная церковь с

граффити на стенах. В результате этих раскопок длина известных ходов Ближних пещер увеличилась более чем на 100 м.

На юг от Печерска, на высоком Выдубицком холме, размещался Красный двор — замок Всеволода Ярославича. Рядом находился Выдубицкий монастырь с каменным Михайловским собором, основанным в 1070 г. В 1199 г. выдающимся зодчим Петром Милонегом была возведена подпорная стена, предотвращавшая оползни холма, на котором стоял собор. С Выдубицким монастырем связан и комплекс Зверинецких пещер.

К западу от Печерского монастыря в 70-х годах XI в. игумен Стефан основал Кловский монастырь. Местонахождение его долгое время оставалось неизвестным, и только в 1963 г. П. П. Толочко открыл фрагмент постройки. Полностью собор монастыря исследован в 1974—1975 гг. [НАК, 1981].

В XI—XIII вв. было заселено и Киевское Левобережье, в том числе и островная его часть. Об этом свидетельствуют как летописные упоминания, так и неоднократные археологические находки.

Таким образом, в XI—XIII вв. Киев занимал площадь более 380 га (Верхний город — 80 га, посад — около 250, околица — 50 га). На этой площади могло проживать 50 тыс. человек. По своим масштабам Киев являлся одним из крупнейших городов средневековой Европы. Население Новгорода XII—XIII вв. достигало 30 тыс. человек (по М. М. Тихомирову), Лондона в XII в.— 20, а в XIV — 40 тыс. человек. Население больших торговых городов Ганзейского союза не превышало 20—22 тыс. человек.

Древний Киев поражал современников своими размерами, живописным расположением, мощными крепостными валами со сторожевыми башнями и воротами, десятками каменных дворцов и соборов, прекрасной деревянной архитектурой жилых кварталов.

За время археологических исследований Киева открыто более 200 жилых и хозяйственных построек. Большая их часть выявлена в центральной части города — около 100, в пределах «города Ярослава» — 20, на территории усадьбы Михайловского монастыря — 16, на Замковой горе — 5, на Детинке — 3, на Подоле — около 70. К ним еще следует добавить десятки жилищ, зафиксированных во время наблюдений за земляными работами на Подоле, Копыревом конце, в районе Кирилловских высот и т. д.

Впервые жилища древнего Киева обнаружены и исследованы раскопками В. В. Хвойка в 1907—1908 гг. на Старокиевской горе (из 19 открытых им построек 8 исследовано полностью). По мнению В. В. Хвойка, стены жилищ складывали из толстых сосновых колод. Особой прочностью отличались фундаментные колоды-подкладки, являвшиеся основанием стен и всегда помещавшиеся в специальные углубления. Иногда к основной камере пристраивалась меньшая — сени [Хвойка, 1913]. В четырех жилищах В. В. Хвойка обнаружил конструктивные детали, позволившие ему утверждать, что отдельные постройки были двухэтажными. К такому же выводу пришла и Г. Ф. Корзухина, предложившая их реконструкцию.

Данные о характере массовой застройки Киева значительно пополнились раскопками М. К. Каргера, В. К. Гончарова, В. А. Богусевича, П. П. Толочко, С. Р. Килиевич, К. Н. Гупало, Г. Ю. Ивакина, М. А. Сагайдака. Раскопки на Михайловской горе, на ул. Владимирская № 7—9, ул. Большая Житомирская № 14, на склонах Старокиевской горы, на ул. Рейтарская № 36—38, а также в различных местах Подола дали возможность проследить планировку отдельных дворов и даже целых кварталов.

Усадьбы размещались вдоль улиц и переулков, а также по берегам ручьев и отгораживались одна от другой и от улицы заборами. Интересно, что направление современных улиц Владимирская, Большая Житомирская, Полины Осипенко и других почти точно

совпадает с направлением древних улиц, которые тут проходили. Ширина улиц равнялась в основном 6 м (на раскопках по ул. Владимирская, Полины Осипенко, Хоревая, Нижний и Верхний Вал), а переулков — 3—3,4 м. На склонах Старокиевской горы жилища размещались террасами.

Киев X—XIII вв. имел достаточно четкую планировочную структуру. Ее важнейшими узлами являлись ворота в системе валов, городские площади, архитектурные ансамбли, куда радиально стекались уличные магистрали. Направление улиц зависело также от топографических факторов: гор, рек и ручьев. Главные городские магистрали Верхнего Киева сохранились до нашего времени; на Подоле — до пожара 1811 г.

В конструктивном отношении жилища делятся на два основных типа: наземные срубные и углубленные в землю столбовой конструкции.

Срубные постройки во время раскопок Верхнего города (а также верхних горизонтов Подола) прослеживаются плохо, поскольку в обезвоженных слоях дерево практически не сохраняется.

Только в последнее десятилетие, в связи с широкими раскопками на Подоле, доказано, что его массовая застройка была срубной. Срубы выявлены практически на всей территории древнего Подола. Обнаружены они также и в пределах Верхнего города. Для срубных жилищ Киева характерны определенные постоянные признаки. Как правило, это большие (6,4×4,5; 7×5; 7,6×8 м) двухкамерные сооружения — пятистенки, возведенные из сосновых бревен диаметром 20—22 см. В одном из углов сруба, преимущественно образованном внутренней и внешней стенами, стояла глинобитная печь. Во многих срубах настелен дощатый пол. Раскопки большого жилого сруба на Красной площади показали, что он имел два этажа. Вероятно, в Киеве было немало таких зданий. Вход в срубные жилища Подола, из-за периодических разливов Днепра, находился на уровне 4—5 венца и вел в сени, а затем в светлицу. Как и в городах северных и северо-западных районов Руси, между бревнами стен прокладывался для утепления мох.

Стены жилищ, углубленных в землю, возводились из досок или обаполов, крепившихся в пазах угловых столбов. В отдельных жилищах столбы обнаружены и в средней части стен. Постройки в плане всегда прямоугольные, редко — квадратные. Размеры углубленных в землю частей, как правило, небольшие: 4×4; 5×3,2; 9×3 м. Вероятно, во многих случаях это было не само жилище, а лишь его подклет. Таким образом, жилище (двух-трехкамерное) было наземным, а углублялся в землю подклет одной из камер.

Открыты жилища из двух, реже трех камер. Одна из камер, где находилась печь,— жилая, другие являлись сенями, мастерскими, кладовыми.

Внутреннее устройство таких построек характеризовалось определенными постоянными чертами. Как правило, в одном из углов жилища на невысоком (20—40 см) возвышении возводилась печь. В подавляющем большинстве это глинобитное полусферическое сооружение с челюстями. Встречаются печи, сложенные из плинфы, камней песчаника и т. п. Недалеко от печи находились хозяйственные ямы. Вдоль одной из стен жилища, чаще той, где стояла печь, помещалась глинобитная или деревянная лежанка на вкопанных столбиках.

Больших размеров достигло в Киеве каменное строительство. Летопись упоминает около 25 различных каменных сооружений, но в действительности их, конечно, было намного больше. Археологи открывают все новые и новые остатки архитектурных памятников, о которых письменные источники умалчивают. Так, в 1975—1976 гг. открыта ротонда [НАК, 1981], в 1981 г. на ул. Волошская № 23 выявлен не известный ранее храм конца XII — на-

чала XIII в. Уже открыто более 40 каменных построек древнерусского периода, а многочисленные развалы строительных материалов, обнаруженные в ходе наблюдений за земляными работами, свидетельствуют о том, что будущие раскопки увеличат известное количество монументальных построек древнего Киева.

Данные археологических исследований вместе с архитектурными памятниками, дожившими до наших дней, позволят воссоздать в общих чертах вид архитектурных комплексов Киева X—XIII вв. Характерной особенностью каменного строительства древнего Киева было то, что все монументальные сооружения размещались определенными ансамблями, образовавшими композиционные центры отдельных районов города.

Для Киева конца X — начала XI в. таким композиционным центром была Десятинная церковь на Старокиевской горе, окруженная княжескими дворцами. Она построена в 989—996 гг. Ее ядро представляло собой трехнефную, шестистолпную, украшенную мозаикой и фресковой росписью постройку. Археологические исследования выявили остатки прекрасного мозаичного пола, мраморных капителей, обломки мраморных плит, шиферных резных плит и т. д. [Каргер, 1961].

Вокруг Десятинной церкви размещались каменные княжеские дворцы, остатки которых открыты археологами. Четыре из них изучены достаточно хорошо. Древнейшие княжеские дворцы находились в центре городища (в районе капища) и в 30 м на юго-восток от Десятинной церкви. Здания дворцов возведены из бутового камня и тонкой плинфы на известковом растворе с примесью цемянки. Поперечные стены делили дворцы на несколько помещений. Третий каменный дворец стоял южнее Десятинной церкви. Его фундаменты можно видеть и сейчас над тротуаром ул. Владимирская, рядом со входом на территорию Исторического музея. Остатки четвертого каменного дворца обнаружены на запад от церкви, на современном Десятинном переулке между усадьбами № 5 и 6. По своей планировке дворец похож на предыдущие. В западной части усадьбы современного Исторического музея В. В. Хвойкой открыты остатки еще двух каменных построек.

Архитектурно-археологические исследования этих дворцов обнаружили остатки настенной фресковой живописи, мозаики и другие детали внутреннего убранства. Исследователи считают, что княжеские дворцы на Старокиевской горе имели не менее двух этажей.

В последующие века центральная часть Киева обогатилась новыми каменными постройками: церковью св. Андрея (Янчин монастырь, 1086 г.), Федоровским монастырем (1128 г.), Васильевской (1183 г.) и Воздвиженской (около 1215 г.) церквами. Размещались они в юго-восточной части «города Владимира». Васильевская (Трехсвятительская) церковь, просуществовавшая до 30-х годов XX в., стояла невдалеке от современной станции фуникулера. Федоровский монастырь размещался в районе пересечения улиц Владимирская и Большая Житомирская, его остатки обнаружены на территории усадьбы № 9 по ул. Владимирская. Янчин монастырь и Воздвиженская церковь находились, очевидно, на территории усадьбы школы № 6 и в районе Андреевской церкви XVIII в. В 1975—1976 гг. по ул. Владимирская № 3 исследовалась постройка необычной для Киева круглой в плане формы — ротонда конца XII — начала XIII в. Отсутствие апсидной части, находок предметов культа и наличие нескольких храмов поблизости дали основание для утверждения, что открытое сооружение имело светский, а не церковный характер. Возможно, это была парадная палата для княжеских и боярских совещаний [НАК, 1981].

Таким образом, в пределах «города Владимира» в X—XIII вв. существо-

вало не менее пяти церковных и семи каменных светских построек, а также каменные ворота, служившие парадным входом в детинец.

В первой половине XI в. во время княжения Ярослава Мудрого в Киеве сооружается новый архитектурный ансамбль, который своей красотой и монументальностью построек превосходил ансамбль «города Владимира». По замыслу строителей, центром нового «града великого» стал Софийский собор.

До нашего времени Софийский собор дошел в баро́чном убранстве XVII—XVIII вв., но основные конструктивные части и внутреннее оформление сохранились с XI в. В результате расчистки и раскрытия древних фресковых росписей и мозаик исследователи в значительной степени восстановили первоначальный интерьер Софии. Уникальные настенные фрески и мозаики, освобожденные от многовековых наслоений, и сегодня поражают своим художественным совершенством и техническим мастерством. Большую роль в украшении собора играли разнообразные произведения декоративного искусства — резные шиферные плиты хор, карнизы, мраморные колонны и капители, мозаичный пол и т. д. Вокруг собора размещались различные жилые постройки и службы митрополичьего двора, одна из них — каменная баня — выявлена раскопками. Как показали археологические исследования, весь митрополичий двор был окружен мощной каменной стеной.

В архитектурный ансамбль «города Ярослава» входили еще три собора и дворцовое сооружение. Монастыри св. Ирины (40-е годы XI в.) и св. Георгия (около 1051 г.) известны по летописям, а третий храм и дворец раскрыты раскопками. Георгиевский собор размещался на запад от Софии (угол Стрелецкого переулка и ул. Золотоворотской). Старые наблюдения за земляными работами и исследования 1979 г. (Я. Е. Боровский, М. А. Сагайдак) дали возможность реконструировать план здания. Это был крупный трехнефный шестистолпный храм, окруженный с трех сторон галереей.

Аналогичную планировочную структуру имели и два других одновременных ему собора: на углу улиц Владимирская и Ирининская [ЖМНП, 1836; Фундуклей, 1847] и на углу ул. Стрелецкая и Георгиевского переулка [Милеев, 1911]. Не известно, какой из них был посвящен св. Ирине, но по традиции это имя связывается с собором на ул. Владимирская (он открыт раньше). Южнее этого собора находился каменный дворец [ИАК, 1913]. В 1970 г. на ул. Ирининская открыт комплекс печей для обжига извести (П. П. Толочко), обслуживавший каменное строительство эпохи Ярослава Мудрого [НАК, 1981].

В конце XI — начале XII в. возводится архитектурный ансамбль на Михайловской горе. Около 1060 г. Изяслав Ярославич построил здесь Дмитриевский монастырь; между 1085—1087 гг. его сын Ярополк закладывает церковь св. Петра, а другой сын Святополк в 1108 г. — Михайловский Златоверхий собор. Последний являлся одним из лучших произведений древнерусского зодчества.

О местонахождении других построек на Михайловской горе известно лишь по кратким упоминаниям в литературе и наблюдениям за земляными работами. Впервые остатки какой-то древней постройки здесь были обнаружены в конце XVIII в. [Берлинский, 1920]. Раскопками А. Анненкова 1838 г. открыты руины еще одного древнего храма [ЖМНП, XXI]. В 40-х годах XX в. на территории усадьбы № 4 по ул. Героев Революции строители наткнулись на какой-то каменный фундамент. В 1979 г. фрагмент этого сооружения был исследован при проведении земляных работ. Исследователи пришли к мнению, что это остатки Дмитриевского собора.

На территории Копырева конца выявлено четыре каменные постройки. Впервые остатки храма здесь были

найдены в 70-х годах XIX в. на углу Вознесенского спуска (ул. Смирнова-Ласточкина) и Кияновского переулка. В результате исследований открыт пол из глазированых плиток, прослежена техника кладки. Собор датируется концом XI в., очевидно, его можно связывать с летописным монастырем св. Семиона [Каргер, 1961]. На ул. Смирнова-Ласточкина ниже художественного института П. А. Лошкарев в 1878 г. открыл остатки древнерусского храма XII в. В 1947 г. его повторно исследовал М. К. Каргер [1961].

Фундамент еще одного храма Копырева конца обнаружен перед фасадом художественного института. Он был украшен фресковой росписью, глазированными плитками, шиферными плитами. Датируется второй половиной XI в. [Каргер, 1961]. Остатки четвертой каменной постройки выявлены и частично исследованы в 1967 г. на территории усадьбы № 9 по Нестеровскому переулку. Постройка имела небольшие размеры и была расписана фресками. Характер строительной техники позволяет датировать ее рубежом XII — XIII вв. [НАК, 1981].

Летопись упоминает о трех храмах на Подоле: Успенском (Пирогоща), Михайловском (Новгородский) и Борисоглебская. Местонахождение Пирогощи хорошо известно — церковь дожила до 30-х годов XX в. Остатки храма исследовались в 1976—1979 гг. (К. И. Гупало, Г. Ю. Ивакин). Храм построен в 1131—1135 гг. Это наиболее ранний храм на Руси (из известных в науке), стены которого сложены в новой — порядовой технике кладки. Впервые в древнерусском зодчестве были применены пилястры в виде полуколонн. Впечатляют необычайно мощные фундаменты постройки — 4 м. Интересно, что эти фундаменты сложены из строительных материалов другой, какой-то более ранней древнерусской церкви. Остатки фундаментов древнерусских построек обнаружены по улицам Борисоглебская № 11, Андреевская № 7, Волошская № 11 и 23. Однако строительные материалы и техника кладки конца XII в., по мнению исследователей, не позволяют их с надежностью отождествить с Михайловской или Борисоглебской церквами, упомянутыми летописью в 1146—1147 гг.

Архитектурный вид древнего Киева дополняли постройки городских околиц. Николаевская церковь Иордановского монастыря, Кирилловская церковь, Кловский монастырь, церковь Спаса на Берестове, церковь на Щекавице, обнаруженная в 1980 г., Печерский и Выдубицкий монастыри обрамляли центральную часть города.

Быстрыми темпами развития Киев обязан прежде всего ремеслу и торговле, которые являлись экономической основой древнерусских городов. За короткое время Киев выдвигается на одно из первых мест на Руси, а уже в X—XI вв. становится главным торгово-ремесленным центром всех восточнославянских земель.

Материалы, засвидетельствовавшие высокоразвитое и разнообразное ремесленное производство Киева, были впервые получены В. В. Хвойкой в 1907—1909 гг. на усадьбе М. Петровского (Старокиевская гора). Здесь раскопаны две косторезные, одна камнеобрабатывающая и две ювелирные мастерские. В наши дни остатки ремесленных мастерских открыты на всей огромной площади древнего Киева: на Старокиевской горе, Детинке, в «городе Ярослава», на Замковой горе, Подоле, Михайловской горе, Печерске. В Киеве ремесленным производством занимались ремесленники более 60 специальностей. Их продукция удовлетворяла потребности населения не только Киева, но и многих других городов и селений Руси, лучшие образцы выходили и на международный рынок.

Среди городских ремесел первое место занимали железообрабатывающее и кузнечное. В древнерусских городах кузнецы, как правило, селились

на околицах, которые в археологическом отношении изучены слабо. Возможно, именно поэтому во время раскопок на территории Киева кузниц выявлено мало. В 1930 г. на Детинке

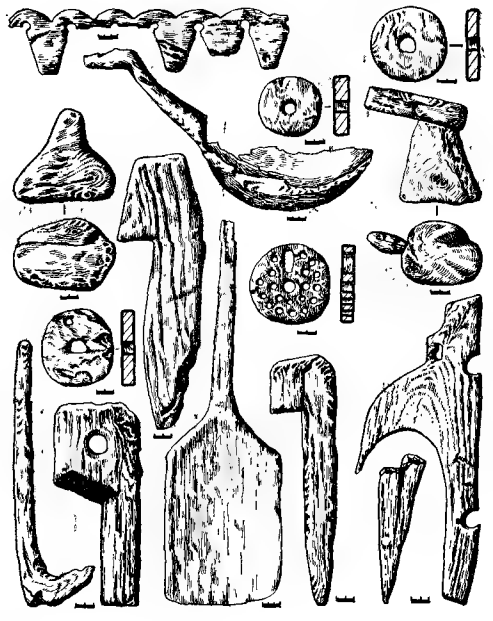


Рис. 61.
Киев. Деревянные предметы из раскопок Подола.

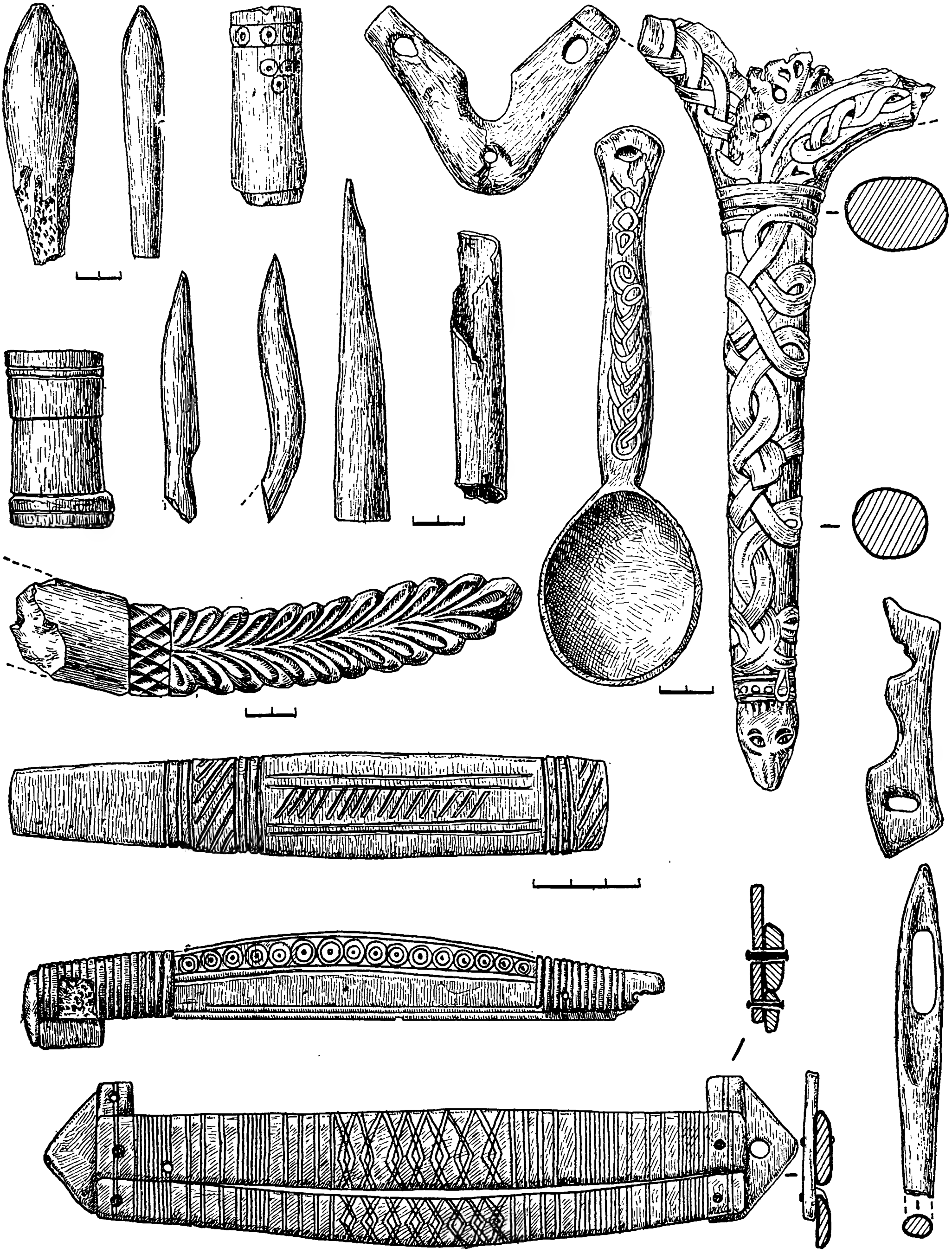
удалось проследить остатки кузнечной мастерской.

На Старокиевской горе в 1981 г. (С. Р. Килиевич) обнаружены следы еще одной кузницы. В разных местах Подола открыты скопления крицы и железных шлаков, причем нередко на берегах небольших ручьев. Эти находки, как и многочисленные изделия из черного металла, свидетельствуют о широком ассортименте изделий из железа и стали. Структурное их изучение (Г. А. Вознесенская) показало, что киевские кузнецы владели всеми способами обработки железа: цементацией, многослойной наваркой, варкой стальных лезвий и т. д. [НАК, 1981]. Особенно высокого уровня развития достигло ремесло «кузнецов по злату, серебру и меди». Анализ ювелирных изделий подтверждает, что в обработке цветных и благородных металлов ремесленники Киева владели всеми техническими секретами, известными в то время мастерами наиболее передовых стран Европы.

Литейное дело, ковка и чеканка по металлу, тиснение и штамповка, чернь, скань и филигрань, инкрустация — вот те разновидности обработки цветных металлов, которыми владели ювелиры Киева.

Ювелирные мастерские по обработке цветных металлов открыты на Старокиевской горе и Замковой на Подоле. В 1975 г. на ул. Верхний Вал на Подоле открыта мастерская X в. по изготовлению поясных бляшек [Гупало, Ивакин, Сагайдак, 1979]. Здесь найдены великолепные по исполнению формочки из розового шифера для изготовления поясных украшений. Это наиболее ранние киевские литейные формы. Кроме того, они являются единственным известным набором форм для изготовления поясных бляшек во всей Евразии.

Большого развития достигло также производство стекла и эмалей. Остатки мастерских по изготовлению стеклянных и эмальерных изделий исследованы на Старокиевской горе, в «городе Ярослава», на Михайловской горе, Печерске, в нескольких местах Подола. В 1981—1982 гг. такая мастерская открыта по ул. Щекавицкая № 25 (Г. Ю. Ивакин). На территории усадьбы Софийского собора обнаружено большое количество смальты, в том числе бракованной, обломок миски, в которой варилась смальта, что подтверждает существование рядом мастерской, изготовлявшей смальту для Софийского собора. В киевских стеклоделательных мастерских изготовляли смальту, браслеты, перстни, вставки для них, посуду и оконное стекло. Отметим, что наиболее ранние находки киевского стекла (донца ост-



родонных кубков) происходят из слоев X в. (Красная площадь, 1972).

Мастерские по обработке камня и кости найдены на Старокиевской горе и Замковой на Подоле. В. В. Хвойке удалось исследовать мастерскую по обработке крупных масс камня, в которой изготовлялись мраморные, шиферные и гранитные плиты, карнизы и капители для украшения Десятинной церкви. Об уровне мастерства киевских резчиков по камню свидетель-

ствуют шиферные плиты хор Софийского собора, знаменитые рельефы из Михайловского, Печерского, Ирининского и других монастырей. О масштабах использования шифера говорит

Рис. 62. Киев. Костяные изделия.

тот факт, что только при исследовании Успенского собора найдено 544 плиты, покрывавшие общую площадь 530 м².

На Подоле, на ул. Верхний Вал (выше мастерской по отливке поясных бляшек) в слоях XII в. обнаружена мастерская по изготовлению пряслиц из овручского шифера.

Столяры и косторезы Киева применяли токарные станки, о чем свидетельствуют находки шахмат, шашек, ковшей. Изделия гончаров представлены широким ассортиментом. Во время раскопок встречаются разнообразные горшки, корчаги, мисочки, светильники, игрушки, писанки, плитки пола, глиняные иконки и т. п. Многие из них покрыты глазурью.

Распространенной специальностью киевских ювелиров была обработка янтаря, причем в основном днепровского. Кроме мастерской на Михайловской горе еще три выявлены в последние годы на Подоле: улицы Ярославская № 41 (1968 г.), Зелинского № 5 (1975 г.), Щекавицкая № 25 (1981 г.). В них изготовлялись крестики, бусы, различные подвески, вставки для перстней. Иногда ремесленник мог совмещать несколько специальностей. Так, при раскопках на ул. Щекавицкая № 25 в обнаруженной мастерской изготовлялись не только стеклянные, но и янтарные изделия.

В последние годы сделаны интересные находки, относящиеся к строительному делу. На ул. Ирининская обнаружен комплекс печей XI в. для обжига извести; на Старокиевской горе раскрыт комплекс — печи для обжига плинфы для Десятинской церкви. На подворье Софии также открыта печь для обжига плинфы [НАК, 1981].

Важную роль в экономической жизни Киева играла торговля. Местом торговых операций были торги или торжища. По сообщению Титмара Мерзебургского, в Киеве начала XI в. существовало восемь рынков. Два из них (Торговище на Подоле и Бабин торжок на Старокиевской горе) упоминаются летописью. Согласно сообщению Печерского Патерика, на киевских рынках можно было купить все — от простенького женского украшения до крупных партий сельскохозяйственных продуктов и ремесленных изделий.

На протяжении X—XIII вв. Киев являлся крупнейшим торговым центром Руси. Сюда прибывали купцы не только со всех концов Древнерусского государства, но и из зарубежных стран (Скандинавии, Польши, Германии, Чехии, Венгрии, Византии, Арабского Востока, Хазарии и т. д.). Купцы некоторых древнерусских городов, а также иностранные имели в Киеве свои постоянные торговые колонии. Новгородцы даже построили на своем торговом подворье на Подоле Михайловскую (Новгородскую) божницу. Во время нападения половцев на Киев в 1203 г. «гости, иноземця всякого языка, затвориша в церквах и вдаша им живот, а товари з ними (с половцами) разделиша на колы».

На территории Киева выявлено около 11 тыс. арабских монет VIII—X вв. Их находки сосредоточивались главным образом на Подоле, Кирилловских высотах, Старокиевской горе и Печерске. Отдельные клады насчитывали по нескольку тысяч монет: клад 1706 г. (Печерск) состоял из 2380 арабских дирхемов; 1851 г. (Аскольдова могила) — более 3000; клад 1913 г. (ул. Ярославов вал, № 15) — около 3000 монет.

Византийских монет обнаружено около 200. В 15 случаях они найдены в Верхнем городе, в 13 — на Подоле.

В Верхнем городе (Михайловская и Старокиевская горы, «город Яросла-

ва») найдены и западноевропейские монеты. Небольшой клад из четырех западноевропейских денариев первой половины XI в. (три из них — английские) выявлен при раскопках 1978 г. на ул. Рейтарская № 36—38. Место клада расположено в непосредственной близости от Жидовских ворот, где начинался большой торговый путь на Краков — Регенсбург и находились кварталы ростовщиков [НАК, 1981].

О развитой торговле Киева свидетельствуют также находки серебряных и золотых гривен — монетных слитков. Обнаружено их около 270, преимущественно в центральной части города.

Из Киева в разные районы Руси вывозились стеклянные браслеты, бусы, пряслица, медальоны, кресты-энколпионы, колты, браслеты, трубчатые замки, писанки, посуда с глазурью и т. д. За границу (в Польшу, Чехию, Крым, Скандинавию и т. д.) из Киева поступали колты, трехбусинные сережки, энколпионы, пряслица, трубчатые замки, писанки и пр.

Отдельную категорию археологических памятников древнего Киева составляют клады. Их изучение дает ценнейший материал для характеристики как общего экономического богатства города, так и уровня развития ремесла и искусства, торговых и культурных связей, выяснения вопросов исторической и социальной топографии Киева X—XII вв. [Толочко, 1980].

За время археологического исследования Киева найдено около 60 кладов ювелирных изделий из золота и серебра — примерно треть всех известных древнерусских кладов. В их состав входят диадемы, бармы, колты, наручи, шейные гривны, драгоценные ожерелья, височные кольца, перстни, реже монеты и монетные гривны. Количественный и качественный состав киевских кладов различный: от 300—400 изделий из золота и серебра до 5—10 из низкопробного серебра или даже бронзы. Такие небольшие и небогатые клады, вероятно, принадлежали княжеским дружинникам, мелким торговцам и ремесленникам. Подавляющее же большинство крупных киевских кладов принадлежало лицам княжеско-боярского круга.

Один из таких кладов найден в 1842 г. при планировке площади возле Десятинной церкви. Строители в пещере или погребе, вырытом в материковой глине, нашли огромный клад, едва уместившийся в двух мешках. Из сохранившихся фрагментарных данных о составе клада мы узнаем, что здесь были золотые сосуды (от продажи которых на переплавку владелец получил несколько тысяч рублей), золотые колты с перегородчатой эмалью, золотые медальоны с изображением святых (бармы), золотые медальоны от ожерельев и т. п.

Исключительным богатством отличался клад 1889 г. из усадьбы Гребеновского (современный Рыльский переулок). Кроме девяти монетных гривен, византийских золотых монет, шейных золотой и серебряной гривен, колтов, сережек, браслетов, перстней, золотой парчи и т. д., в состав клада входила золотая княжеская диадема с перегородчатой эмалью. В семи киотцах диадемы помещена композиция деисуса. Вероятно, находка такого характера свидетельствует о местонахождении здесь какой-то княжеской усадьбы.

Очевидно, топография находок кладов отображает топографию крупных феодальных дворов или их гнезд в древнем Киеве. Из 60 кладов 56 найдено в Верхнем Киеве: 28 — в детинце («городе Владимира», 16 — в «городе Ярослава»; 12 — в «городе Изяслава — Святополка» (Михайловская гора). Киевские посады и околицы практически не дали кладов.

Подавляющее большинство ювелирных изделий из кладов датируется XIII в. и свидетельствует не только об огромных богатствах киевской верхушки, но и о высоком уровне развития ювелирного ремесла Киева, о значительном производственном потенци-

але киевских мастерских этого времени.

Важной категорией археологических находок древнего Киева является сфрагистический материал. Киев занимает второе место по числу находок древнерусских вислых актовых печатей после Новгорода (57 экз.). Начало русской сфрагистики связано с Киевом. В Киеве найдена в 1912 г. древнейшая русская печать Святослава Игоревича. В последние годы здесь обнаружено 12 моливдовулов. Находки печатей отражают социальную топографию Киева. Большинство их найдено на территории Верхнего города. В 1974 г. впервые выявлены актовые печати (вторая половина XI в.) на киевском посаде — Подоле. Этот факт свидетельствует о достаточно раннем развитии частного акта в Киеве [НАК, 1981].

Археологические исследования показали, что в XII—XIII вв. Киев продолжал расти и развиваться. На подъеме находилось развитие ремесла, широко велось каменное строительство, процветали литература и другие виды искусства, развивалось и совершенствовалось земледелие, в городе сосредоточивались огромные экономические богатства.

Это прогрессивное, поступательное развитие Киева было насильственно прервано в 1240 г. нашествием полчищ Батыя. Археологические раскопки дают яркую и правдивую картину гибели тысяч киевлян во время «Батыевой погибели». Раскопками обнаружено несколько громадных братских могил. В 1892 г. на усадьбе по ул. Владимирская № 1 раскопана могила, где лежали человеческие скелеты. Позднее Д. В. Милеев обнаружил продолжение этого захоронения. Еще одна братская могила раскопана В. В. Хвойкой к востоку от развалин Десятинной церкви. В «городе Владимира» и на Михайловской горе неоднократно открывали сгоревшие, обвалившиеся жилища. Археологические раскопки позволяют определить степень разрушения города, судьбу тысяч киевлян [Каргер, 1961; Килиевич, 1982].

Киев был сожжен, разрушен, разграблен. Бóльшая часть населения или погибла, или была угнана в рабство. Киев потерял ценнейшие кадры ремесленников, веками накапливавших свой опыт, умение и достигших высочайших вершин в своем деле. Произошла грандиозная «информационная катастрофа». Удар был нанесен экономике города, его культуре; исчезли традиционные экономические связи со многими районами страны, само Древнерусское государство перестало существовать.

Киев получил тяжелейший удар, что затормозило его развитие на несколько веков. Но город не был полностью уничтожен, превращен в пустыню. Археологические раскопки показали, что жизнь продолжалась во всех исторических частях Киева, хотя количество населения значительно уменьшилось. Киев оставался центром русской митрополии. Город вел международную торговлю, продолжало развиваться ремесло, поддерживалась письменная традиция, чеканилась собственная монета. Исследования показали, что дальнейшее развитие материальной (ремесла, каменного строительства, оборонительного зодчества и т. п.) и духовной культуры Киева базировалось на традициях и достижениях древнерусского времени.

Древний Киев пережил три основных этапа развития: первый — конец V—VIII вв., второй — IX—X вв., третий — XI—XIII вв.

Для первого этапа характерно выдвижение Киева на одно из ведущих мест в восточнославянском мире. Основанная в конце V в. князем Кием крепость на Старокиевской горе становится центром Полянского княжения, а затем всего Поднепровья.

На втором этапе Киев превращается в столицу огромного феодального государства восточных славян. Как политический и экономический центр он в IX—X вв. становится уже известным далеко за пределами восточносла-

вянских земель. В этот период определяются основные черты исторической топографии Киева. Поселения и городища IX—X вв., выявленные на значительной территории, следует рассматривать не как самостоятельные, не связанные между собой пункты, а как составные части раннефеодального города.

В XI—XIII вв. древний Киев достигает вершины своего развития. В этот период возводятся многочисленные каменные постройки, отдельные районы Киева обносятся мощными укреплениями, высочайшего развития достигает экономика и культура, значительно вырастают размеры города и количество населения.

Чернигов

Вторым по размерам и значению городом Среднего Поднепровья в эпоху Киевской Руси был Чернигов, впервые упомянутый в договоре Руси с Византией 907 г.

Высоты правого берега Десны, на которых возник город, замыкали весь обширный бассейн рек Десны, Сейма и Снови. Системой мелких речек и озер Чернигов был связан прямым водным путем с Любечем на Днепре, что позволяло вести собственную северную торговлю, минуя Киев, а через верховья Сейма и Десны с Доном и Окой, что открывало пути на Восток.

Интерес к черниговским древностям пробудился еще в XVIII в. [Шафонский, 1851]. Однако археологические исследования на территории города начались только в 70—80-х годах XIX в. и долгое время ограничивались раскопками курганов. В 1872—1873, 1908 гг. Д. Я. Самоквасов раскопал крупнейший черниговский курган Черную могилу и 138 насыпей, в том числе 120 на Болдиных горах, 11 — в Стрижневской группе, 7 — на «Старом кладбище в Березках» [Самоквасов, 1908, 1916, 1917].

Широкое археологическое изучение Чернигова началось только в советское время. В 1923 г. Н. Е. Макаренко проводил исследования Спасского собора XI в. (1928 г.). Экспедицией Б. А. Рыбакова в 1946—1959 гг. вскрыты остатки Благовещенской (1186 г.) и Михайловской (1174 г.) церквей и

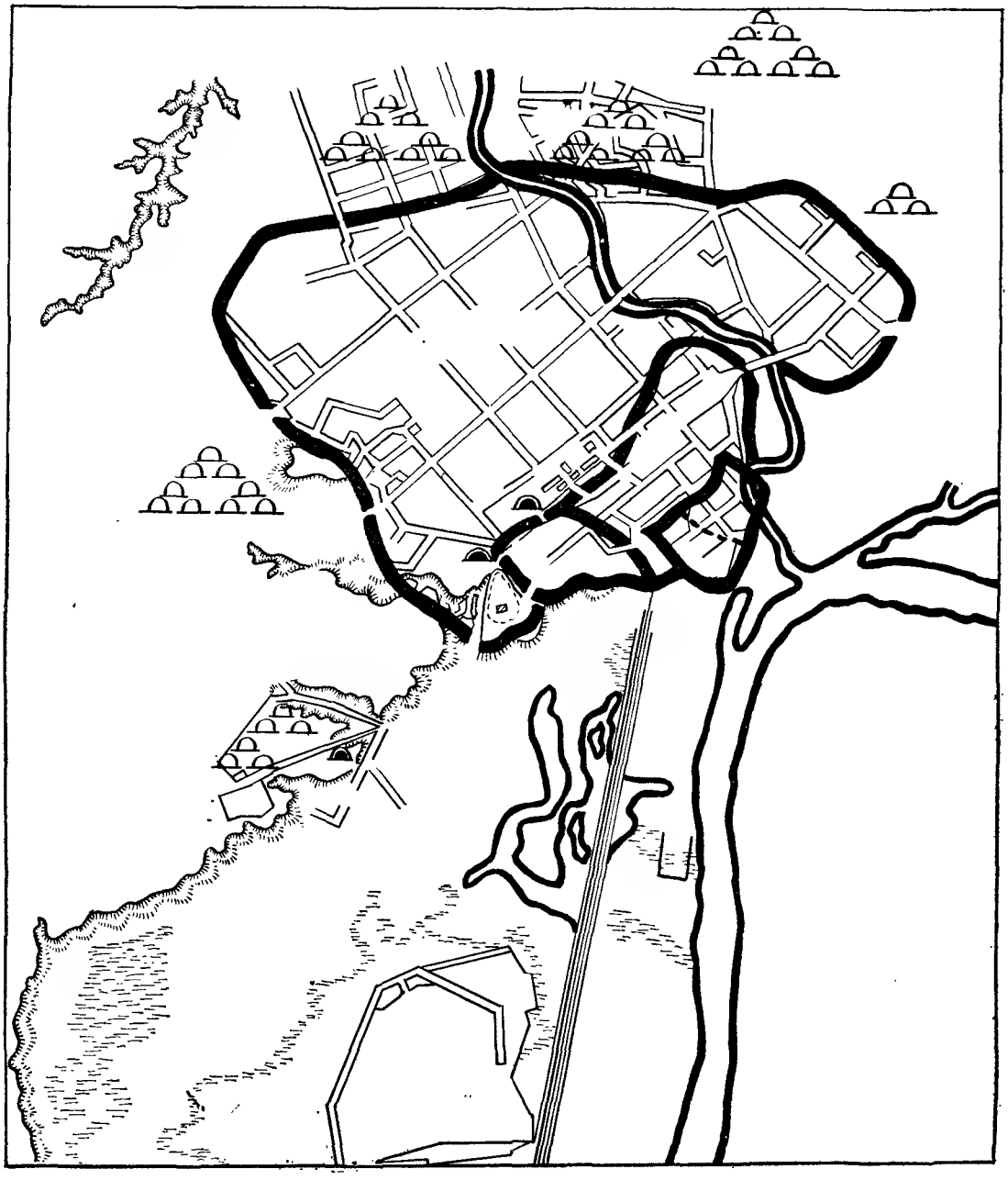
Рис. 63.
План древнего Чернигова (по Б. А. Рыбакову).

другие археологические объекты в «окольном городе» и «передгородье» [Рыбаков, 1949, 1956, 1958, 1959]. Исследования, охватившие различные *районы древнего Чернигова, осуществила* в 1947—1953 гг. экспедиция В. А. Богусевича [1952, 1955]. В 1952 г. Д. И. Блифельд раскопал 12 курганов на «Старом кладбище в Березках» [1955; 1965]. Исследования архитектурных памятников XI—XIII вв. проводились Н. В. Холостенко [1956, 1969]. В последние годы на территории древнего города охранные работы ведутся Черниговским историческим музеем и Черниговским государственным архитектурно-историческим заповедником [Коваленко, Карнабед, 1980].

Территория древнего Чернигова была заселена уже в первой половине I тыс. н. э., что подтверждается находками лепной керамики и римских монет IV в. [Рыбаков, 1949; Богусевич, 1952]. Культурный слой с материалами середины и третьей четверти 1 тыс. н. э. выявлен в различных частях города [Богусевич, 1955]. Остатки жилища VII—VIII вв. исследованы на берегу Стрижня [Рыбаков, 1949]. Аналогичные материалы получены здесь и в 1984—1985 гг. В различных районах города (детинец, Третьяк, Елецкая гора) встречена керамика волынцевской и роменской культур VIII—X вв. [Богусевич, 1955].

Все это позволяет считать, что древний Чернигов образовался в результате слияния нескольких славянских поселений [Рыбаков, 1949] или, вернее, путем выделения из их числа одного,

занимавшего наиболее выгодное положение и перенявшего все ведущие функции. Особенно ценными в этом отношении являются наблюдения за стратиграфией правобережной террасы р. Стрижень (детинец), где отмечено перерастание слоев VII — VIII вв. в более поздние [Рыбаков, 1946]. Судя по топографическим особенностям памятника — на мысу коренной террасы, населенный пункт, видимо, был укреплен, что подтверждается выявленными при археологических иссле-



дованиях остатками рвов. Слабая изученность древнейших археологических памятников Чернигова не позволяет пока точно определить время возникновения города. Вероятно, это произошло в конце VII — VIII в. Во всяком случае, в самом начале X в. Чернигов был уже вторым по значению городом в Среднем Поднепровье. Сразу за городскими стенами, как и в

Б. А. Рыбаков.

Киеве, находился могильник с трупосожжениями, выявленный в 1947 г. в 100 м к югу от Спасского собора (возле р. Могилка) [Богусевич, 1952]. Неподалеку располагалось и языческое святилище, о чем свидетельствует найденный в 1700 г. в северо-западной части детинца серебряный идол [Логвин, 1980]. Еще одно святилище находилось, вероятно, на берегах озера, в бывшей Святой роще, окруженной со всех сторон протоками и болотами.

В 80—90-х годах X в., когда в Среднем Поднепровье Владимир Святославич развернул массовое строительство крепостей «градов», черниговский детинец был реконструирован и расширен. Он занимал уже весь юго-западный участок мыса (около 11 га). У его подножия находился обширный черниговский подол, часть которого (вероятно, район древней пристани) уже в это время была укреплена валом с деревянными конструкциями. Довольно плотно были застроены и края террас Десны и Стрижня.

XI в. был важным этапом в истории Чернигова и всей Черниговo-Северской земли. В 1024 г., после битвы под Лиственом, Чернигов стал центром огромного княжества, а Мстислав Владимирович — первым известным нам по письменным источникам черниговским князем. Доходы с подвластных владений, поступавшие прежде в Киев, стали оседать теперь в Чернигове, что способствовало дальнейшему развитию города. Видимо, в это время появляется вторая линия городских укреплений, оградившая «окольный град», равный по площади «городу Ярослава» в Киеве.

В северо-западной части детинца был заложен новый княжий двор, где в начале 30-х годов XI в. развернулось строительство Спасского собора.

В XII в. существенно расширилась площадь детинца: она составила теперь около 16 га. Первоначальный ров, проходивший в 70 м к востоку от Спасского собора, был засыпан [Богусевич, 1955]. Значительно отодвинулась на восток и граница «окольного града», площадь которого достигла 40 га. Еще около 20 га занимал Третьяк — западный участок «окольного града», имевший самостоятельную оборонительную линию. В первой половине XII в. легкой линией укреплений из частокола, вала и рва (летописный «острог» 1152 г.) было ограждено «передгородье», формирование которого началось значительно раньше. Однако рост города продолжался такими быстрыми темпами, что скоро его территория вышла за пределы и этой оборонительной линии. В 1958—1959 гг.

на углу улиц Щорса и Комсомольской открыты остатки богатой феодальной усадьбы XII в. со своими укреплениями и деревянной башней. К северо-востоку от нее размещалось ремесленное поселение [Рыбаков, 1958, 1959]. Несмотря на страшный пожар 1152 г., «передгородье» настолько разрослось, что скоро возникла необходимость в создании новой оборонительной линии. Укрепления, возведенные в конце XII — первой половине XIII в., охватили огромный район площадью 88 га. Общая площадь города в первой половине XIII в. составила более 200 га, а население — 25 тыс. человек [Історія УРСР, 1977, т. 1].

Городскую территорию широкой дугой окаймляли многочисленные курганные группы. Еще в конце XIX в. Д. Я. Самоквасов насчитывал в окрестностях Чернигова свыше 550 курганов в нескольких группах, от большинства из которых в наши дни сохранились только отдельные насыпи.

На юго-западной окраине города, на знаменитых Болдиных горах, расположено крупнейшее курганное кладбище — Троицкая группа. Здесь на крутом холме возвышаются огромные насыпи Гульбище и Безымянный, рядом с которыми сохранилось свыше 220 небольших курганов (некоторые из них носят следы раскопок). Северная часть этой группы уничтожена городской застройкой и дорогой (ул. Толстого).

Курган Гульбище (высота 8,5 м) является наиболее ранним из исследованных погребальных памятников Чернигова. В нем по обряду трупосожжения на месте был погребен знатный воин и женщина. В погребении найдены один из крупнейших русских мечей (длина 126 см), стремена, кольчуга, шлем, остатки щита, два копья, топор, костяные накладки лука, различные бытовые предметы и украшения. Анализ погребального инвентаря и наличие на кострище саманидского дирхема конца IX в. позволяют датировать Гульбище началом X в. [Рыбаков, 1949].

Близкими по времени погребальному обряду и инвентарю к Гульбищу являются Безымянный и еще два больших кургана, находившиеся неподалеку. Первый из них (высота 7, диаметр 21 м) содержал остатки трупосожжения на месте и по характеру погребального инвентаря датируется первой половиной X в. [Рыбаков, 1949]; два других (высота 2,5—3, диаметр 24—25 м) погребения X в. совершены по обряду трупоположения в срубных гробницах [Самоквасов, 1908]. Во всех 116 раскопанных Д. Я. Самоквасовым на Болдиных горах малых курганах выявлены остатки трупоположений X — начала XI в.: 96 из них безынвентарные; в 20 найдены отдельные украшения (перстни, серьги, височные кольца, пуговицы) или предметы быта, главным образом ножи.

К северу от Болдиных гор, в районе современного вокзала, на летописном Олеговом поле находилась вторая курганная группа, в которой Д. Я. Самоквасов насчитал пять небольших курганов и один большой длинный (Довга Могила).

К северо-востоку от Олегова поля, за пределами «передгородья», одна против другой по обоим берегам Стрижня, располагались еще две группы курганов: Стрижневская и «Старое кладбище в Березках». В первой из них (улицы Гоголя, Котляревского и др.) Д. Я. Самоквасов обнаружил до 100 небольших насыпей, во второй (район улиц 1 Мая — Дзержинского) — 45. К северу от последних находилось уроч. Курганье (район ул. Интернациональная), где по обеим сторонам дороги на с. Халявино открыто еще 12 курганов. Из 18 раскопанных насыпей на «Старом кладбище в Березках» 11 содержали трупосожжения, 3 — трупоположения. В 4 курганах погребения не выявлены. Среди 11 курганов с сожжениями выделяются 4, содержавшие парные погребения вместе с конем. Необходимо отметить раскопанное в 1952 г. погребение дружинника в срубной гробнице, за восточ-

ной стенкой которой лежали скелеты двух коней и «слуги-раба» [Блифельд, 1955]. Еще одно дружинное погребение с конем в срубной гробнице раскопано П. М. Добровольским в группе на Халявинской дороге [Верзилов, 1928]. Во всех 11 курганах, исследованных в Стрижневской группе, выявлены трупоположения в ямах; 9 из них были безынвентарными; в двух случаях обнаружены остатки одежды и мелкие украшения.

Следующая группа размещалась в районе нынешнего городского сада, вдоль дороги на Рюричев, где сохранилось несколько небольших насыпей. В усадьбах на противоположной стороне ул. Шевченко сохранились два больших, слившихся в основании кургана высотой до 6 м; еще один — по ул. Восточночешская.

Наибольший интерес среди памятников Черниговского некрополя представляет знаменитая Черная Могила. Это обособленно стоящий около ограды Елецкого монастыря огромный курган X в. Его размеры: высота более 10 м, окружность кургана 125, окружность рва 170 м при ширине 7 м, объем насыпи около 6000 куб. м. Изучение материалов Черной Могилы из раскопок Д. Я. Самоквасова (1872—1873 гг.) позволило Б. А. Рыбакову в деталях реконструировать погребальный обряд. Исходя из характера и размещения находок, Б. А. Рыбаков пришел к выводу, что на кострище, устроенном на подсыпке высотой 1,5 м, были сожжены пожилой знатный воин (справа), воин-юноша (в центре) и молодая женщина (слева), сопровождаемые богатым погребальным инвентарем. Кроме двух комплектов оружия (шлемы, мечи, кольчуги, ножи-скрамасаксы, 10 копий, 12 стрел, сабля, щит) и воинского снаряжения, на кострище в свое время были положены 10 серпов, 12 деревянных ведер, железные сосуды, бронзовая жаровня, бронзовый сосуд с бабками, множество различных украшений и бытовых предметов, а также два коня, крупный рогатый скот и пр. После сожжения часть погребального инвентаря (два шлема, две кольчуги, два ножа-скрамасакса) была снята с кострища. Насыпь над ним доведена до высоты 7 м, и на ее вершине установлен большой железный котел, наполненный пережженными бараньими и птичьими костями, клочьями бараньей шерсти, поверх которого лежала голова барана с рогами. Около котла сложены вещи, извлеченные из кострища, а также небольшой бронзовый идол, две золотые византийские монеты и два турьих рога.

Наличие турьих рогов, украшенных великолепными серебряными оковками с позолотой и чернью, является свидетельством о высоком социальном статусе погребенных. После тризны курган был досыпан на полную высоту. По находкам византийских монет (две в насыпи и половинка на кострище) он датируется 60-ми годами X в. Сочетание в погребении большого количества дорогого оружия и культовых предметов наряду с огромными размерами курганной насыпи и пышностью погребального обряда позволяют предполагать, что в Черной Могиле похоронен черниговский князь [Рыбаков, 1949].

Княжеским был, вероятно и открытый в сквере им. Н. Попудренко курган княжны Черны, разрушенный в 1851 г. во время строительных работ. Под насыпью найдено богатое дружинное погребение воина в кольчуге. Среди прочих вещей найдена серебряная оковка от турьего рога, украшенная чернью [Рыбаков, 1949].

В различных частях древнего Чернигова открыты десятки жилищ и хозяйственных построек: на детинце — свыше 15; на Третьяке — свыше 70; около Пятницкой церкви — 3; на ул. Лермонтова — 5; на углу улиц Шевченко и Пушкина («окольный град») — 16; на углу улиц Щорса и Комсомольская («передгородье») — около 20 и т. д. [Богусевич, 1952, 1955; Рыбаков, 1949, 1959; Коваленко, Карнабед, 1980]. В целом остатки древнерусских построек

выявлены на всей территории Чернигова до нашествия орд хана Батыя.

Все жилища различны по типам и размерам. Большинство их углублены в материк на различную глубину, но встречаются и наземные постройки. В плане жилища обычно имеют прямоугольную форму площадью 12—20 м², хотя известны и двухкамерные строения большей площади. Печи в основном глинобитные [Богусевич, 1955].

В различных частях Чернигова исследованы и усадьбы зажиточных горожан. Остатки одной из них открыты в 1947 г. на северном краю детинца. Здесь частично исследована большая наземная срубная постройка, а также углубленное в материк на 0,80 м помещение площадью 5×4, являвшееся ее частью. Всю южную половину этого помещения занимала огромная (2,40×1,80 м) печь. Стены постройки выложены полихромными глазированными плитками. Вероятно, это была поварня богатой усадьбы. Прослежены следы вала и рва, ограждавших усадьбу. Принадлежала она, вероятно, одному из черниговских бояр [Рыбаков, 1949]. Следы двух других подобных усадеб обнаружены на Третьяке в 1947 и 1979 гг.

Древний Чернигов богат памятниками монументальной архитектуры. Крупнейшим из них является Спасский собор, возведенный в 30-х годах XI в. на княжьем дворе. Это огромный (33,2×22,1 м) восьмистолпный крестовокупольный храм с пятью главами, богато украшенный орнаментальными поясами снаружи, фресками внутри, с мраморными колоннами, резными шиферными парапетами хоров, шиферными с мозаичной инкрустацией полами. Он является одним из древнейших каменных сооружений эпохи Киевской Руси, сохранившихся до наших дней. Несколько позже с севера к собору была пристроена небольшая круглая башня с ходом на хоры; а с южной — небольшая крещальня.

Рис. 64. Чернигов. Спасский собор XI в. Западный фасад. Реконструкция (по Г. Н. Логвину).

Неподалеку от собора выявлены следы еще двух каменных построек княжьего двора. Остатки фундаментов (9,8×6,6 м) одной из них обнаружены внутри Борисоглебского собора. Н. В. Холостенко считал выявленную постройку прямоугольным двухкамер-

ным двухэтажным теремом [1963]. По мнению П. А. Раппопорта, это остатки небольшого храма. Судя по толщине стен (около 1,5 м), постройка была двухэтажной. В 20 м к юго-западу от этого здания обнаружен фундамент небольшого квадратного в плане (7,5×7,5 м) сооружения. Толщина стен (1,4 м) при незначительных размерах постройки также свидетельствует о ее многоэтажности. Очевидно, это был трехэтажный терем, крытый свинцовыми листами, богато украшенный и расписанный фресками [Богусевич, Холостенко, 1952]. Оба терема погибли от пожара в конце XI в. (вероятно, в ходе осады 1094 г.).

В XII в. на их месте был заложен Борисоглебский собор — величественный шестистолпный трехапсидный однокупольный храм (26,5×18,1 м). Опоясанный с трех сторон галереями, украшенный архитектурными деталями, в частности знаменитыми резными белокаменными капителями, собор являлся родовой усыпальницей Давидовичей [Логвин, 1980].

В 12 м к западу от башни Спасского собора во второй половине XII в. была сооружена еще одна каменная постройка (8×8 м). От нее сохранились остатки двух параллельных стен — западной и восточной (толщина 2,5 м), между которыми находился пролет шириной 3 м, перекрытый полуцилиндрическим сводом. Здание имело не менее двух этажей и было украшено мозаикой, фресками и цветными глазированными плитками. Вероятно, это были въездные ворота с надвратной церковью, которые вели к епископскому двору [Богусевич, 1955].

После перенесения княжеского двора в северо-восточную часть детинца (район СШ № 2) там были сооружены Михайловская (1174 г.) и Благовещенская (1186 г.) церкви, не дошедшие до наших дней. Остатки первой из них — трехапсидной четырехстолпной однокупольной церкви (19×15 м) — открыты к востоку от школьной усадьбы [Рыбаков, 1956]; руины второй — большого (30×26 м) трехапсидного шестистолпного храма, окруженного с трех сторон галереями-усыпальницами — в 100 м к югу от Михайловской церкви [Рыбаков, 1949].

Следы еще одной каменной постройки, находившейся на княжьем дворе, обнаружены в 1980 г. под фундаментами бывшего дома дворянских собраний. Назначение и размеры ее выяснить не удалось.

При раскопках на Третьяке в большом количестве встречались плинфа XII в., фрагменты глазированных плиток, куски цемянки и т. п. [Богусевич, 1952]. В 1978 г. около Екатерининской церкви при строительстве погреба обнаружено женское трупоположение эпохи древней Руси, сопровождавшееся двумя серебряными браслетами и двумя колтами [Самоквасов, 1906]. В 1979 г. здесь выявлено парное трупоположение; при одном из погребенных найдены четыре бронзовых проволочных височных кольца [Коваленко, Карнабед, 1980]. Все находки свидетельствуют о том, что Екатерининская церковь XVIII в., очевидно, была построена на месте кирпичного храма XII в.

В XII в. каменные храмы украсили также территорию Елецкого и пещерного Ильинского монастырей. В первом был возведен трехапсидный шестистолпный однокупольный собор Успения Богородицы, принадлежащий к числу лучших произведений архитектуры XII в.; во втором — маленькая (13×7,5 м) однонефная бесстолпная церковь Ильи Пророка [Логвин, 1980]. Еще одна небольшая трехапсидная двухстолпная церковь с нартексом была возведена в конце XII — начале XIII в. на высокой коренной террасе между Елецким и Ильинским монастырями. Размеры основной части здания — 14×10, нартекса — 5×10 м.

На рубеже XII—XIII вв. на городском торгу на территории «передгородья» на средства черниговских ремесленников и купцов была построена Пятницкая церковь — небольшой (16×12 м) четырехстолпной трехап-

сидный однокупольный храм, по праву считающийся жемчужиной древнерусского зодчества периода феодальной раздробленности [Логвин, 1980]. Тот факт, что Пятницкая церковь построена не князем, а купцами и ремесленниками, свидетельствует об их численности и значительных экономических возможностях.

Рис. 65. Чернигов. Пятницкая церковь конца XII в. Реконструкция (по П. Г. Барановскому).

На территории Чернигова найдено 11 драгоценных кладов XII—XIII вв., из них 6 — на детинце. Первый клад, найденный в 1850 г., состоял из двух золотых колтов, браслета, перстня и подвески [Рыбаков, 1949]. Второй, обнаруженный в 1878 г. в обрыве берега р. Стрижень около фундаментов Благовещенской церкви, содержал девять денежных серебряных гривн [Рыбаков, 1949]. В третьем — найденном неподалеку, обнаружено несколько золотых и серебряных браслетов, сережки и другие украшения [Рыбаков, 1949]. Два — выявлены около южной стены Борисоглебского собора: первый в 1883 г. [Самоквасов, 1908], второй — в 1957 г. [Холостенко, 1962]. Оба клада представляют собой однотипные золотые и серебряные женские украшения (браслеты, колты, перстни, височные кольца, серьги, цепочки, проволочные плетенные цепи со змеевидными наконечниками) и вместе составляют набор, причем некоторые украшения дают полные комплекты лишь в том

случае, если оба клада объединяются вместе. Еще один клад обнаружен в 1923 г. во время раскопок в юго-восточной пристройке к Спасскому собору. Он был спрятан под полом и включал серебряные женские украшения: два браслета с чернью и позолотой, две серьги, одну монетную гривну и рясны [Макаренко, 1928].

Два клада найдены на огородах Елецкого монастыря около Черной Могилы. Клад 1848 г. состоял из 57 литых поясных серебряных с позолотой бляшек, 5 серебряных подвесок, 2 золотых перстней и золотых браслетов. В первой половине XIX в. здесь найден и второй клад. Он хранился в окованном железном ларце и содержал золотые украшения: браслеты, бусы, ожерелья, пояса, сережки, кольца и пр. [Корзухина, 1954].

Исключительно интересные находки сделаны на черниговском «предгородье». Здесь в 1878 г. на бывшей Александровской площади (район ул. Щорса) найден клад, состоявший из двух золотых колтов, рясны, створки серебряного браслета, куска серебряной плетеной цепи, шести шиферных пряслиц [Самоквасов, 1908]. В 1957 г. в районе улиц Щорса — Комсомольская при строительных работах найдена большая серебряная с позолотой чаша, богато украшенная изображениями геральдических и человеческих фигур, зверей, птиц и сцен, выполненных чеканкой в стиле высокого рельефа и черни [Холостенко, 1958]. В этом же районе найдена массивная крышка от золотой дарохранительницы второй половины XII в. работы ювелиров Нижней Лотарингии [Даркевич, Едомаха, 1964]. В 1958 г. здесь открыт еще один клад из золотых подвески и шейной цепи. Подвеска представляет собой часть богатой диадемы и состоит из пустотелой бипирамидальной верхушки с прикрепленными к ней пятью цепочками, оканчивающимися бубенчиками: верхушка диадемы украшена жемчугом и вставками из яшмы. Цепь (длина — 173 см, вес — 277,29 г) сплетена из тонкой золотой проволоки и оканчивается змеиными головками, украшенными вставками из яшмы [Попудренко, 1975].

Большинство перечисленных кладов можно со значительной степенью вероятности связывать с событиями 18 октября 1239 г. Несмотря на героическое сопротивление защитников, Чернигов был взят ордами хана Менгу и разорен дотла. Экономическое, политическое и культурное значение города надолго было подорвано. Даже резиденция черниговских князей в 1263 г. была перенесена в лесной Брянск, меньше пострадавший от нашествия.

Чернигов являлся крупным ремесленным центром древней Руси. Разнообразный вещевой материал, полученный при раскопках курганов, свидетельствует о высоком уровне развития ремесла и культуры древнего Чернигова уже в X в. и позволяет говорить о существовании в это время своеобразной черниговской школы художественной металлообработки [Орлов, 1981]. Следы ремесленного производства обнаружены при раскопках в различных частях города. Остатки мастерских литейщиков исследованы в 1949 г. на детинце. Найдено большое количество брусков и слитков меди, олова, свинца, металлические шлаки и каменная литейная формочка для отливки орнаментированных перстней [Богусевич, 1955]. Подобные находки встречались и около Пятницкой церкви.

Высокий уровень развития ювелирного дела в Чернигове подтверждают и найденные здесь медные матрицы. При помощи одной из матриц изготовлено несколько золотых колтов, происходящих из различных черниговских кладов, и знаменитая чаша черниговского князя Владимира Давыдовича, найденная на Волге [Рыбаков, 1949]. Остатки железоделательного производства в виде ям, наполненных железными шлаками, крицами и древесным углем, открыты в 1951 г. на де-

тинце, в 1956 г. — на территории «передгородья», а в 1979 г. — на Третьяке [Богусевич, 1955; Рыбаков, 1956]. Сильно поврежденный перекопами кузнечный горн, заполненный золой и углем, исследован в 1956 г. на детинце. Здесь же найдены куски крицы и обломок глиняного сопла [Рыбаков, 1956]. Остатки другого горна зафиксированы в 1983 г. на Третьяке. Тогда же у Екатерининской церкви открыты остатки гончарного горна конца X — начала XI в., в котором находилось свыше 20 сосудов.

Следы кожевенного производства, отходами которого в XII в. был засыпан старый ров детинца, обнаружены к северо-востоку от Спасского собора. На Подоле около оз. Млыновище исследована нижняя часть сложенной из кирпича конца XI в. большой печи округлой формы для обжига плинфы [Богусевич, 1955]. Пять печей другого типа — прямоугольных — раскопаны в 1984 г. в уроч. Святая роща. Две из них (4,6××4,8 и 3,6×4,1 м) сохранились на высоту более 1 м; три остальные разрушены почти полностью. Все они сложены из плинфы второй половины XII в. Остатки смолокуренного промысла зафиксированы на берегу р. Стрижень в 1982 г. (Предгородье). Следы ремесленного производства зафиксированы и на северо-западной окраине Предгородья [Рыбаков, 1958, 1959]. В различных районах древнего Чернигова встречались и отдельные находки ремесленных инструментов.

Письменные и археологические источники рисуют нам Чернигов IX—XIII вв. как один из крупнейших городов Южной Руси, столицу обширного княжества, крупный торгово-ремесленный, культурный и политический центр, сыгравший важную роль в истории становления и развития Древнерусского государства.

Переяславль

Переяславль (ныне районный центр Киевской области г. Переяслав-Хмельницкий) принадлежал к числу крупнейших городов Киевской Руси. О времени возникновения Переяславля достоверные данные отсутствуют. Впервые он упоминается в летописи в изложении текста договора 907 г. киевского князя Олега с Византией. В этом договоре Переяславль назван третьим после Киева и Чернигова среди русских городов, которым Византия обязывалась выплачивать дань.

В летописи сообщается также легенда об основании Переяславля киевским князем Владимиром Святославичем в 993 г. на месте победы русских над печенегами. Не вступая в сражение, стороны выставили по единоборцу, поединок между которыми принес успех русскому богатырю-юноше, и печенеги поспешно отступили, преследуемые русским войском. В честь этого события Владимир заложил город на месте расположения русского войска — на броду возле р. Трубеж и назвал его Переяславлем — «зане перея славу отрок».

Трудно объяснить несогласованность двух приведенных летописных сообщений о Переяславле. По археологическим данным, сохранившиеся остатки оборонительных сооружений Переяславля относятся ко времени княжения Владимира Святославича [Раппопорт, 1956].

На протяжении всего древнерусского периода — до половины XIII в.— Переяславль оставался главным форпостом Руси на Левобережье Днепра в борьбе со степными кочевниками. В стратегическом отношении он занимал второе место после Киева в Среднем Поднепровье, и с его именем, как ни одного другого города, связаны все важнейшие военно-политические события на территории Южной Руси. Прикрывая левый фланг обороны южнорусских границ в Среднем Поднепровье, Переяславль всегда стоял на страже интересов единства русских земель. Став в 1054 г. центром Переяславского княжества, город оставался под по-

литической опекой Киева, мобилизуя ресурсы княжества на защиту жизненно важных интересов всей Руси.

Переяславль являлся важным экономическим и культурным центром Руси. В нем сосредоточивались различные ремесла, была развита торговля, распространялась письменность, переписывались и переводились книги. Исследователи считают, что в конце XI в.

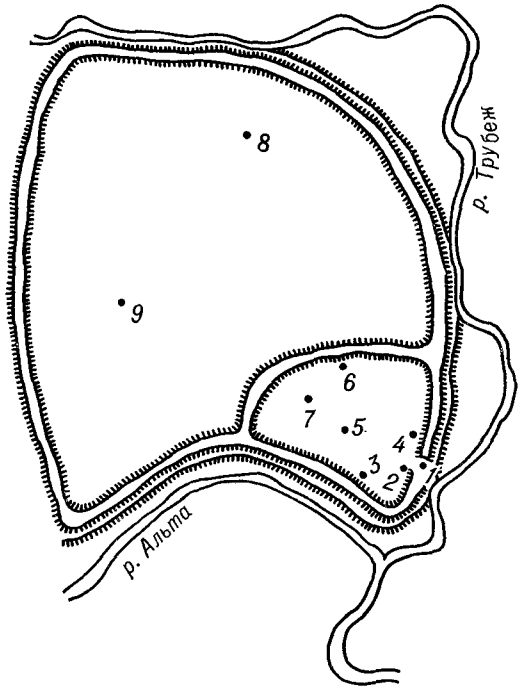


Рис. 66.

План укреплений древнего Переяславля:

1 — Епископские ворота, X в.;
2 — Михайловский собор, XI в.;
3 — дворцовое сооружение, XI в.;
4 — церковь Андрея, XI в.;
5 — однонефная церковь XI в.;
6 — церковь Богородицы, XI в.;
7 — часовня XII в.;
8 — церковь, XII в.;
9 — церковь, XI в.

в Переяславле велось летописание [Шахматов, 1938]. В городе находилась резиденция митрополита, а затем епископа, дворы влиятельного боярства, монастыри.

В последующие столетия территория древнего города постоянно застраивалась, и сохранности его остатков причинен значительный урон.

Город состоял из двух укрепленных частей, занимавших мысовидное возвышение при впадении р. Альты в р. Трубеж: детинца, площадью около 10 га, располагавшегося на конце мыса, и посада (окольного града), площадью около 80 га, примыкавшего с напольной стороны к детинцу. Территория города этими размерами не ограничивалась. Под 1151 г. летопись упоминает о сожжении во время военных действий «передгородья», которое находилось, очевидно, перед укрепленными частями. По линии укреплений детинца и посада только местами сохранились на поверхности остатки и следы спланированных вала и рва. Такая же участь постигла и большой курганный могильник, находившийся перед городом.

Впервые остатки древнерусских архитектурных памятников в Переяславле открыты в 1840 г. А. Анненковым и в 1888 г. П. Лашкаревым [1898]. Более значительные исследования на курганном могильнике осуществлены в 1877 г. Д. Я. Самоквасовым [1908] и в 1902 г. Н. Е. Бранденбургом [1908].

Широкие разведывательные работы на территории города и могильнике проведены в 1945 г. экспедицией Института археологии АН СССР и АН УССР под руководством Б. А. Рыбакова [1949]. Значительные результаты в изучении культовой архитектуры древнего города были получены многолетними (1949, 1952, 1953, 1956 гг.) раскопками экспедицией институтов археологии АН СССР и АН УССР, возглавляемой М. К. Каргером [1954]. В 1951—1953 гг. изучение дерево-земляных укреплений проводилось П. А. Раппопортом (Институт археологии АН СССР), а в 1958 г. — экспедицией Института археологии АН УССР, Академии строительства и архитектуры УССР и Переяслав-Хмельницким государственным историческим музеем исследованы на детинце фундаменты церкви [Брайчевский, Асеев, 1960]. Большие работы по изучению камен-

ного оборонительного и гражданского зодчества провела в 1959—1963 гг. экспедиция Института археологии АН УССР, Академии строительства и архитектуры УССР и Переяслав-Хмельницкого государственного исторического музея под руководством Р. А. Юры [Асєєв, Козін, Сікорський, Юра, 1962; Асеев, Сикорский, Юра, 1967].

Постоянную археологическую службу по наблюдению за земляными работами в городе осуществляет с 1953 г. Переяслав-Хмельницкий государственный исторический музей, а ныне историко-культурный заповедник под руководством М. И. Сикорского. Сотрудниками музея изучаются архитектурные памятники, открытые вышеупомянутыми экспедициями, а также обнаружены остатки других объектов, в том числе стеклоделательной мастерской [Сікорський, 1976; Асеев, Харламов, Сикорский, 1979].

Частичными раскопками вала детинца установлено, что это было мощное оборонительное сооружение. По ширине вала проходило несколько рядов дубовых городен, а внешний край был укреплен кладкой из сырцовых кирпичей.

В Переяславе находилось большое количество каменных монументальных сооружений. Под 1108 г. летопись упоминает о постройке митрополитом Иоаном каменной церкви Воздвиженья. Под 1089 г. сообщается об интенсивной строительной деятельности митрополита Ефрема: «в се же лѣто священа бысть церквы святого Михаила Переяславьская Ефрѣмом, митрополитом тоя церквы, юже бѣ создал велику сущю, бѣ бо преже в Переяславли митрополья, и простроі ю великою пристроею, украсив ю всякою красотою... Сий бо Ефрѣм... тогда много зданья въ здвиже: докончав церковь святого Михаила, заложи церковь на воротѣх городных во имя святого мученика Феодора, посемь святаго Андрѣя у церкве от воротъ и строенье баньное камено, сего же не бысть преже в Руси. И град бѣ заложил камень от церкве святаго мученика Феодора и украси город Переяславьский здании церковными и прочими зданьи» [ПВЛ, 1950].

В 1098 г. по приказу Владимира Мономаха, в то время переяславльского князя, на княжем дворе строится Успенская церковь.

Всего в пределах укреплений открыты остатки девяти каменных сооружений, из них семь — на детинце. Часть каменных построек, в частности из числа упомянутых в летописи, еще не открыта.

Археологическими исследованиями локализовано большинство упомянутых в летописи сооружений и уточнена топография детинца. В северной части детинца размещался княжеский двор с Княжескими воротами, а в южной — епископский двор с Епископскими воротами.

Остатки летописных Епископских ворот открыты на юго-восточном краю детинца. От них сохранились поперек вала две массивные стены, сложенные из кирпича и камня, между которыми находился проезд шириной около 4 м, вымощенный крупными камнями с ровной внешней поверхностью. Стены сохранились местами на высоту до 2 м. Они были расчленены пилонами, служившими опорой для арок сводчатого перекрытия проезда. При раскопках в воротном пролете обнаружен массивный завал строительных материалов от надвратной церкви, в том числе многочисленные фрагменты штукатурки с остатками фресковой росписи, смальта от мозаик, куски свинцовых листов от кровли и обломки круглого оконного стекла.

К воротам с внутренней стороны вала примыкала прямоугольная в плане (6,2×4,4 м) башня с двухмаршевой лестницей, ведущей к церкви. Сохранились основание башни и низ дверного проема. К башне под тупым углом примыкала каменная стена, остатки которой прослежены на длину около 10 м. Стена имела ширину 1,2 м и была расчленена выступами-лопатками.

По приемам строительной техники и характеру строительных материалов весь воротный комплекс относится к

концу XI в. Это позволяет связать его с летописным сообщением 1089 г. о постройке митрополитом Ефремом «каменного града» с надвратной церковью Федора. Открытая раскопками каменная стена отделяла епископский двор от остальной площади детинца.

Главной постройкой епископского двора, как и всего детинца, был Михайловский собор 1098 г., находившийся к юго-западу от ворот. Раскопками установлено, что древний собор имел размеры 27,6×33 м, то есть значительно превышал находящуюся на его месте современную Михайловскую церковь. В плане он близок киевскому Софийскому собору и внутри членился колоннами на пять продольных частей — нефов. Стены украшены фресками и мозаикой, а пол вымощен мозаикой, шиферными плитами и разноцветными глазированными плитками. Раскопками открыты две пристройки к собору — перед центральным входом и у северо-восточного угла.

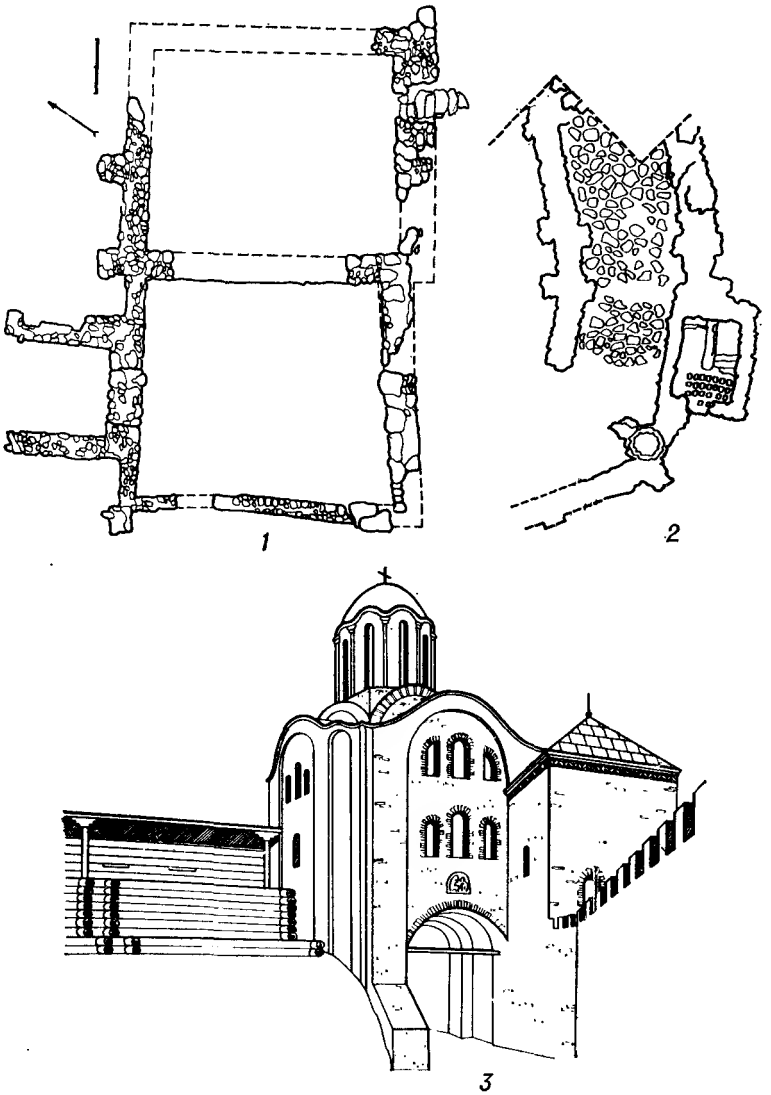


Рис. 67. Переяславль. Планы дворцового сооружения XI в. (1) и остатков Епископских ворот XI в. (2). Епископские ворота XI в. Реконструкция (по Ю. С. Асееву) (3).

В епископской части детинца, к западу от Михайловского собора, исследованы остатки монументальной каменной постройки гражданского назначения конца XI в., очевидно епископского дворца. Постройка в плане имела прямоугольную форму, размером 18×11 м и была двухкамерной. Открыто два входа с мраморными колоннами. Один вход имел ступени из шиферных плит. Массивность продольных стен (толщина около 1,5 м), усиленных контрфорсами и ступенчатым фундаментом, свидетельствует о многоэтажности здания. Пол покрыт шиферными плитами, инкрустированными мозаикой. Под полом — обломки керамических труб, возможно, от водопровода. Стены внутри украшены композициями из мозаики и панелями из разноцветных тонких мраморных плит. Сводчатое перекрытие было черепичным, а в отдельных местах применялись свинцовые листы. На полу сооружения найдены различные предметы древнерусского времени, в том числе вислая свинцовая печать епископа, наконечник копья, кистень, стеклянная и глиняная посуда.

Севернее Епископских ворот исследованы фундаменты небольшой (14,2×11,5 м) летописной Андреевской церкви XI в., а севернее дворцового сооружения открыты остатки небольшой безымянной однонефной церкви XI в. с притвором. Церковь была украшена фресковой росписью, а пол вымощен керамическими глазированными плитками.

В северной части детинца исследованы остатки церкви конца XI в., по-видимому, летописной церкви Успения Богородицы, построенной Владимиром Мономахом в 1098 г. на княжеском дворе. Церковь трехнефная, размером 20×12 м. Внутренняя центральная (подкупольная) часть образовывала в плане не квадрат, а вытянутый прямоугольник, что характерно для переяславльской архитектуры. От пола церкви сохранилось значительное количество глазированных плиток желтого, зеленого и вишневого цвета.

В северо-западной части детинца по соседству с княжеским двором (а возможно, и на самом дворе) находилась небольшая однонефная бесстолпная церковь XII в., остатки которой обнаружены в конце XIX в. при строительстве Успенской церкви.

В западной части детинца в пределах епископского двора открыты остатки уникальной стеклоделательной мастерской, которая из-за современной застройки исследована не полностью [Сікорський, 1976]. Мастерская в плане круглая, сложена из камня и кирпича-плинфы. Стены в сохранившейся части достигали толщины до 1 м. Местами они потрескались от высокой температуры и залиты изнутри сплошной застывшей массой смальты желтого, зеленого и вишневого цвета. В углублениях между кирпичами обнаружены толстые наслоения застывшего прозрачного стекла. В руинах мастерской найдено большое количество обломков круглого оконного стекла толщиной 1 мм, диаметром 16,8 и 22,5 см и около сотни круглых заготовок смальты диаметром 10—12 см желтого, зеленого и вишневого цвета. Заготовки разделывались на кусочки смальты для мозаик различных размеров и форм толщиной от 5 до 17 мм. Найдены также затвердевшие кусочки вишневой краски. По характеру строительной техники сооружение можно отнести к концу XI в.

Возле мастерской открыты две ямы с углем и яма с поташем — необходимыми компонентами для производства стекла и смальты. Дубовые угли и поташ встречены также в культурном слое за пределами ям. Очевидно, производственный комплекс занимал значительную площадь и функционировал длительное время, обеспечивая нужды феодальной знати не только Переяславля, но и других городов.

На детинце открыты также остатки нескольких жилищ наземного типа [Рыбаков, 1949].

Основная часть населения Переяславля проживала на посаде. Раскопки

здесь проводились в значительно меньшем объеме. Тем не менее ими получены важные сведения о социальной контрастности материальной культуры в этой части города.

В северной части посада открыта небольшая (15,5×8 м) церковь-усыпальница XI в. Ее стены с остатками фресковой росписи сохранились на высоту до 1,5 м; пол вымощен глазированными плитками. В специальных нишах, устроенных в стенах, стояли шиферные саркофаги с погребениями какого-то знатного феодального рода. На полу церкви среди других бронзовых изделий найдены обломки высокохудожественного хороса и оригинальный подсвечник, украшенный изображениями зверей.

В наше время над остатками церкви-усыпальницы с целью их сохранности и экспозиции построен специальный павильон.

В западной части посада исследованы фундаменты большого (21×14 м) трехнефного шестистолпного храма XII в. с фресковой росписью стен и полом из глазированных плиток. В стенах сделаны ниши-усыпальницы. Значительные размеры церкви позволяют усматривать в ней один из городских соборов.

На кирпичах церкви обнаружены древнерусские надписи. Они сделаны по сырой глине, очевидно, мастерами, изготовлявшими кирпич. Этот факт свидетельствует о распространении письменности среди городского населения древней Руси. Недалеко от церкви найден бронзовый водолей в форме льва, который, очевидно, хранился в соборе.

На посаде открыты жилища рядового населения, занимавшегося ремеслом и сельским хозяйством. О ремесленной деятельности части населения свидетельствует упоминание в летописи Кузнечных ворот.

Жилища небольшие (3×4 м), деревянной постройки, углубленные нижней частью в землю. В одном из углов находилась глинобитная сводчатая печь, топившаяся по-черному. В жилищах встречены обычные предметы быта.

Типичное жилище XII—XIII вв. открыто в восточной части посада. В плане оно имело квадратную форму (4,4×4,45 м) и было углублено в материк на 0,7 м. По углам прослежены ямки от столбов, крепивших деревянные стены и поддерживавших кровлю. Печь, к сожалению, полностью уничтожена строительством на этом месте более позднего жилища.

На глинобитном полу жилища найдены обломки каменных жерновов, глиняной посуды, костей животных.

Раскопками на могильнике обнаружены погребения в ямах под курганами. Большинство из них безынвентарные; в некоторых встречались ножи, гребешки, перстни, пуговицы. Только в единичных погребениях найдены украшения из серебра. Могильник датируется XI—XIII вв. и принадлежит в основном рядовым жителям города.

Вокруг Переяславля находились княжеские, боярские и монастырские владения. Летопись упоминает села Карань, Стрякову, Кудново, Мажево, Янчино. Наиболее густо было заселено нижнее течение р. Трубеж, где открыты поселения с культурным слоем XI—XIII вв. В устье р. Трубеж находилась гавань Переяславля (летописное Устье).

В 1239 г. Переяславль был опустошен нашествием полчищ хана Батыя. Несмотря на упорное сопротивление защитников, враг штурмом овладел городом и, по свидетельству летописи, превратил его в руины, учинив грабеж и жестокую расправу над жителями.

Впоследствии город возрождается вновь и к XVII в. становится одним из важнейших центров на Левобережье Украины.

Галич

«Повесть временных лет» впервые упоминает Галич лишь в середине XII в.

[ПСРЛ, 1962, т. 2], причем как удельный город, столицу одноименного княжества. Вскоре город становится столицей Галицкой земли, возникшей в результате объединения Галицкого, Звенигородского, Перемышльского и Теребовльского княжеств князем Владимирком Володаревичем (1141—1152). Три года спустя после первого упоминания летопись сообщает, что мятежные галичане, недовольные своим правителем, используя его кратковременное отсутствие, пригласили на галицкий престол князя Ивана Ростиславича «Берладника». Восставшие выдержали трехнедельную осаду войск Владимирка, и только голод заставил их сдаться [ПСРЛ, 1962, т. 2].

Из письменных сообщений ясно, что в середине XII в. Галич был уже хорошо укрепленным городом, способным выдержать продолжительную осаду. Такой город не мог возникнуть на протяжении краткого времени на необжитом месте. Несомненно, здесь и ранее существовало укрепленное или открытое поселение по непонятным причинам не названное летописцем. Подобное явление не единично. Нередко отсутствует летописная информация о раннем этапе существования многих древнерусских городов. Но название Галич встречается и в других древнерусских письменных источниках. Так, в Киево-Печерском патерике Галич упомянут при описании княжеских междоусобиц 1096 г. [Патерик, 1911]. По мнению ряда исследователей, это название использовано здесь как сокращенное название Галицкой земли. Но пока не ясен вопрос, какое название появилось раньше — Галич или Галицкая земля? Из более поздних литературных сочинений Галич упомянут в «Слове о полку Игореве», где возвеличен галицкий князь Ярослав Осмомысл [1967, с. 76]. Предания о славном и богатом городе Галиче сохранили на протяжении многих столетий северорусские былины, в частности о Дюке Степаныче [Онежские былины, 1938, с. 595; 1940, с. 226].

Упоминания Галича, связанные с событиями более раннего времени, нежели первые упоминания древнерусских летописей, встречаются в письменных источниках соседних стран. Так, польский хронист Ян Длугош упоминает Галич в связи с событиями 1125 г. Во время русско-польской войны князь Володарь Ростиславич вынужден был отступить под самый Галич, где собирал силы для контрудара. Из контекста явствует, что Галич был уже крупным центром, надежным опорным пунктом.

Но самое ценное упоминание находим у венгерского историка, так называемого анонимного нотария короля Белы, использовавшего доступные ему, но ныне неизвестные более ранние источники. Он описывает гостеприимство галицкого князя, у которого около месяца задержался вместе со своим отрядом венгерский вождь Ольмош по пути на новые кочевья в Паннонии. Древнерусские источники упоминают переход венгров в окрестностях Киева около 900 г. [ПСРЛ, 1962, т. 2, с. 18]. Подтверждением этому сообщению может быть исследованное в 1937 г. в окрестностях древнего Галича погребение богатого венгерского всадника, датированное X в. Традиции былого величия Галича сохранились в народной памяти до наших дней.

На протяжении многих лет безраздельно господствовало мнение, что древний город находился на месте нынешнего Галича на Днестре (районный центр Ивано-Франковской области). И только в середине прошлого века развернулась дискуссия о местонахождении остатков летописного города. Спор был начат львовскими историками А. С. Петрушевичем, отстаивавшим традиционную концепцию, и И. И. Шараневичем, считавшим, что город находился на высоком берегу р. Ломницы, около 3 км к западу от современного Галича. В результате обсуждения большинство исследователей приняло новую концепцию, выдвинутую А. Чоловским, согласно которой остатками летописного Галича следует

считать большое городище, расположенное над р. Луква в с. Крылос, около 5 км к югу от Галича [Czolowski, 1890]. Эта концепция, несмотря на критику со стороны некоторых историков [Тихомиров, 1956, с. 330], остается доминирующей до сегодняшнего дня. Она принята в качестве рабочей гипотезы и в современных исследованиях древнего Галича.

В ходе дискуссии привлекались археологические источники. Инициатором первых археологических исследований стал И. И. Шараневич. На протяжении трех лет (1882—1884 гг.) в окрестностях Галича, Крылоса и соседней Залуквы были раскрыты и обследованы фундаменты семи белокаменных монументальных сооружений, большинство которых признаны остатками церквей. Со времени начала этих работ прошло уже сто лет. За этот период небольшие разведывательные раскопки проводили также Й. Пеленский и А. Чоловский. Более широкие исследования на городище в Крылосе проводила в 30-е годы нашего столетия экспедиция Музея Научного общества им. Т. Г. Шевченко во Львове. Главным ее достижением явилось открытие фундаментов Успенского собора XII в., упомянутого летописью. Некоторые исследователи считают, что эта находка решила спор о локализации древнего города в пользу концепции А. Чоловского.

В 50-е годы нашего столетия кратковременные исследования Крылосского городища вели В. И. Довженок, В. К. Гончаров, М. К. Каргер. Велись они, несмотря на интересные результаты, несистематически и носили спорадический характер.

Многолетнее планомерное изучение древнего Галича началось в 1969 г., когда была организована совместная Галицкая археологическая экспедиция Института общественных наук АН УССР во Львове и Ивано-Франковского краеведческого музея, продолжающая исследования и в настоящее время.

Городище древнего Галича располагалось на мысовидном отроге высокого коренного берега р. Луква, правого притока Днестра. С запада мыс защищался обрывом берега и омывался водами реки, а с востока был ограничен труднопроходимым крутым оврагом Мозолевого потока, правого притока р. Луква. Высота мыса над уровнем реки около 70 м. На этой неприступной горе, с вершины которой хорошо обозреваются окрестности, стояла крепость, занимавшая в XII—XIII вв. около 50 га площади.

Защищенный естественными преградами мыс был дополнительно укреплен искусственными сооружениями. С южной, напольной, стороны его защищали мощные линии валов и рвов. На расстоянии около 1300 м от стрелки мыса была сооружена оборонительная линия из тройных валов и рвов, соединяющих обрывистый берег р. Луква с оврагом Мозолевого потока и отрезающих мыс с напольной стороны у самого основания. Длина этой линии около 600 м. В центральной части валов имеется разрыв, защищенный с внешней стороны земляными насыпями, по-видимому, след от главных ворот города.

На расстоянии около 500 м к северу мыс перерезала вторая, дугообразная выгнутая линия укреплений, состоящая из двух мощных валов и глубокого рва между ними. Максимальная высота вала от уровня внутренней площадки городища — 10, а от дна рва — 15 м. Общая длина линии 624 м. Оба вала, особенно внешний, в значительной степени раскопаны. В восточной части оборонительной линии существует разрыв, носящий название Воротище. И в наши дни сквозь линию валов здесь проходит главная улица села. Площадь, расположенная между обеими линиями, составляет около 24 га и носит название Качков.

На самой стрелке мыса, на расстоянии около 300 м от второй линии обороны, находилась небольшая площадка, подтреугольной формы, размером приблизительно 150×200 м. Раскопками установлено, что она была укреплена по периметру валом. Второй вал

насыпан параллельно первому, в нескольких метрах ниже края плато площадки, на склоне мыса [Аулих, 1973]. Насыпь вала перекрывала культурный слой с материалами X—XI вв., следовательно, вал насыпан не ранее конца XI в. Площадка имеет местное название Золотой Ток, и ряд исследователей считают, что именно здесь находился княжий двор.

Естественную неприступность городища усиливали искусственные укрепления. Так, в разных местах на склоне мыса насыпались валы, а на них возводились деревянные конструкции, от которых остался слой горелого дерева. Труднопроходимость оврага Мозолевого потока усложнялась еще поднятием уровня вод при помощи целой системы дамб.

Укреплены были также отдельные участки территории на подступах к городищу. Так, в литературе упомянуты существовавшие в начале нашего века, но ныне уже почти незаметные остатки оборонительных сооружений в урочищах Прокалиев сад, Штепановка, Юрьевское, Ивановское и др. [Чачковський, Хмілевський, 1938, с. 70—75].

Кратко описанные выше остатки укреплений дают представление об общем виде крепости в конце XIII в., накануне ее упадка. Но город существовал гораздо раньше. За последние годы исследовано около 20 жилищ, относящихся к VIII—XI вв. Они разбросаны по территории, охватывающей всю площадь будущей крепости от стрелки мыса и до половины южной площадки городища. Жилища раннего этапа представлены полуземлянками почти правильной квадратной формы площадью от 9 до 22 м². В шести случаях удалось установить несомненные следы столбовой конструкции стенок жилища, в трех — срубной. В 15 полуземлянках обнаружены развалы печей-каменок, в 4 — следы печей или очагов, конструкция которых неясна, и в 1 — нечеткие следы ступенек, располагавшихся напротив устья печи. Какого-нибудь твердого правила в размещении печи в жилище не установлено, обычно она находилась в одном из углов. В общем все элементы ранних жилищ Крылосского городища полностью отвечают характеристике древнерусского жилища VIII—X вв., разработанной П. А. Раппопортом [1975, с. 117—125].

Углубленные жилища имели в наземной части главным образом столбовую конструкцию. Но наряду с ними в нескольких случаях зафиксировано применение срубной конструкции стен.

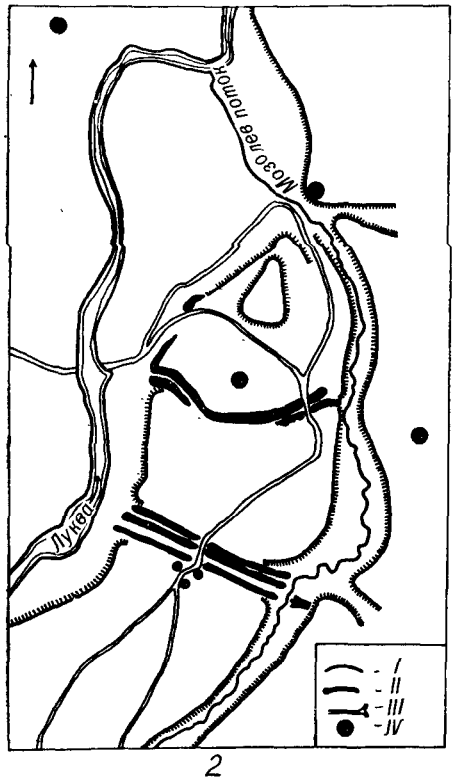
По особенностям устройства жилищ невозможно выделить среди них более ранние и более поздние. В определении хронологии жилищ очень показательны различия в характере находок из их заполнения, в первую очередь керамики. По способу изготовления, составу керамического теста, особенностям орнаментации галичскую керамику VIII—XI вв. можно разделить на четыре хронологических комплекса [Аулих, 1976]. Четко прослеживается развитие керамического производства от обтачивания на легком гончарном ручном круге сосудов, изготовленных лепным способом, до керамики, полностью изготовленной на усовершенствованном круге с ускоренным вращением, обеспечивавшим довольно высокое качество продукции.

В результате изучения полуземлянок с ранним керамическим материалом установлено, что поселение на Крылосской горе существовало уже в VIII—XI вв. Нерешенным остается вопрос о его характере: было это открытое или укрепленное поселение. Окончательный ответ на него можно будет получить только в результате детального изучения хронологии оборонительных сооружений городища, что довольно сложно, так как строительство укреплений стольного города в XII—XIII в. в значительной степени уничтожило более ранние укрепления, от которых могли не сохраниться заметные следы.

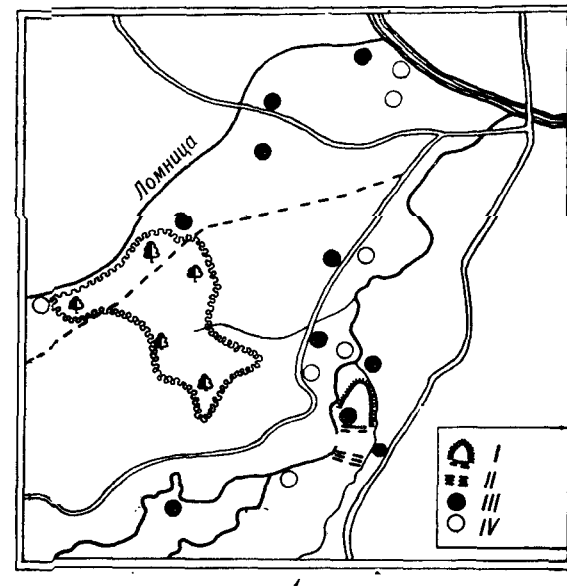
Напомним, что примерно на половине самой южной площадки городища,

в уроч. Качков еще в 30-е годы выявлены остатки сильно разрушенного вала [Чачковський, Хмілевський, 1938, с. 81], к настоящему времени не сохранившиеся. Возможно, именно этот вал был первоначальной оборонительной линией Галича. Вероятность такого предположения подтверждается тем, что все обнаруженные до сих пор жилища VIII—XI вв. расположены на территории, ограниченной уничтоженным валом. Дальнейшие исследования внесут ясность в этот вопрос.

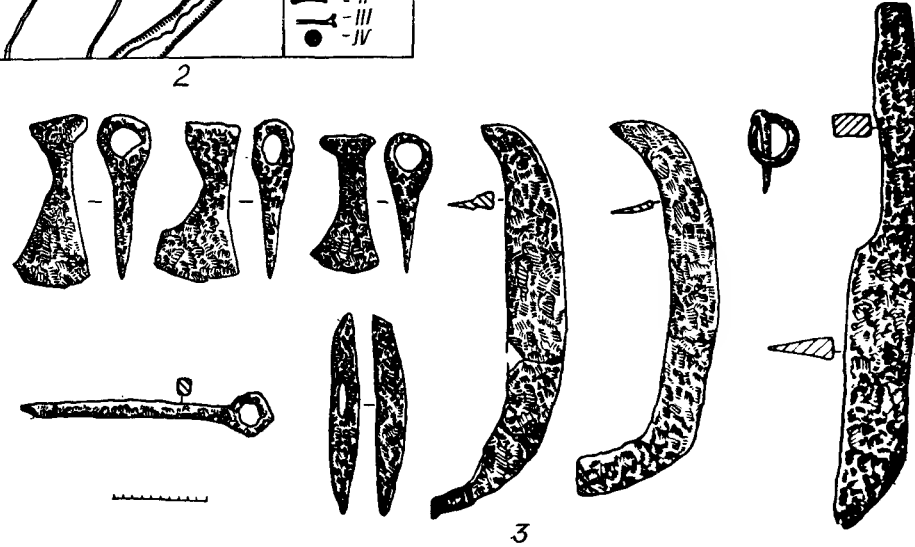
Факт существования на месте летописного Галича населенного пункта на-



2



1



3

чиная с VIII, а возможно, и с конца VII в. позволяет с достоверностью принимать сообщение венгерского хрониста о пребывании Альмоша в Галиче. Кроме вышеупомянутого венгерского

Рис. 68. Галич.

1 — План древнего города и окрестностей: I — Крылосское городище; II — валы; III — руины известных памятников архитектуры: IV — предполагаемые местонахождения памятников. 2 — Крылосское городище: I — склоны и обрывы; II — валы; III — древние дороги; IV — руины древних зданий; 3 — набор орудий труда из железа.

погребения X в. известно и синхронное поселение. Новое значение приобретает найденный в 1947 г. на окраине Крылоса клад куфических монет второй половины X в. [Гончаров, 1955, с. 30], относящийся к последнему периоду бытования куфических монет в Восточной Европе. Такие находки обычно тесно связаны с трассами древних торговых путей. Чаще всего они встречаются в районе больших городов — центров торговли. Н. Ф. Котляр особенно подчеркивает значение находок дирхемов на Подолии и в Северном Прикарпатье, фиксирующих направление торгового пути, связывающего Киевскую Русь с Западом [Котляр, 1971]. Прохождение этого пути через район Галича признают почти все исследователи торговли средневековой Европы. Более того, все они согласны с тем, что именно возле Галича начиналось ответвление этого пути вдоль подножья Карпат в Венгрию через «Русские ворота» [Рыбаков, 1951, с. 364].

Доказательством очень ранних торговых связей Северного Прикарпатья с Византией Ю. Костржевский считал крылосский клад серебряных предметов VII в., попавший сюда, по его мнению, только через торговый путь, пролегавший вдоль Днестра. Б. А. Рыбаков называет Византию одним из самых важных торговых партнеров Галицкого княжества. Весомой статьей импорта иследователь считает венгерских рысаков, а главным объектом экспорта — подкарпатскую соль. Торговый путь через Галич в Киев именовался «соляным». Это название сохранилось и в позднесредневековом документе для дороги, ведущей из нынешнего Галича через с. Сокол в крупные центры подкарпатского солеварения — Калуш и Долину. С древнейших времен эти центры поставляли соль в Поднепровье.

Среди различных теорий происхождения названия Галич наиболее распространено мнение о том, что в его основе лежит греческое слово «гальс» — соль. Очень весомым подтверждением этой концепции является наблюдение Н. Я. Аристова, отмечавшего, что и самый большой центр солеварения Северо-Восточной Руси тоже имел название Галич [Аристов, 1866, с. 71].

Таким образом, имеются серьезные доказательства в пользу того, что у подножья Крылосской горы с древнейших времен проходил важный торговый путь, по которому везли главным образом подкарпатскую соль. Возле этого пути возникло поселение, ставшее впоследствии ядром крупного древнерусского города Галича.

Интересные материалы получены и для изучения облика древнего города в период его расцвета XII—XIII вв. Около середины XII в. Галич становится столицей одноименного княжества, которое под властью династии Ростиславичей вскоре занимает видное положение среди древнерусских княжеств. На переломе XII и XIII вв., в результате объединения с Волынским княжеством, Галич становится столицей одного из крупнейших княжеств — Галицко-Волынского. В стольном городе формируется описанная выше система укреплений, а на средней площадке князь Ярослав Осмомысл сооружает великолепный Успенский собор, по величине уступающий только киевской Софии.

Собор построен из белого камня в стиле галицкой архитектурной школы. Это пятинефный, трехапсидный храм, богато украшенный фигурной и орна-

ментальной резьбой — масками, барельефами, колонками, орнаментами и т. п. Ярким образцом галицкой школы резьбы по камню является открытый недавно барельеф с изображением дракона. Пол храма был выложен каменной плиткой. Недалеко от собора открыто большое скопление керамических глазированных плиток, которые, по мнению М. В. Малевской и П. А. Раппопорта, происходят от первоначального пола собора, снятого во время ремонта. При раскопках фундамента открыт каменный саркофаг с погребением мужчины, а рядом с ним — погребение молодой женщины. Поскольку больше мужских погребений в храме не обнаружено, а летопись сообщает, что в Успенском соборе Галича был похоронен князь Ярослав Осмомысл, вполне вероятно, что в этом саркофаге лежали останки князя.

Большой интерес исследователей всегда вызывала площадка Золотого тока, которую нередко считают детинцем городища, местом, где размещался княжий двор. Эта часть городища исследована наиболее полно. Так как до сих пор не обнаружены остатки княжеского дворца, то была высказана мысль, что дворец был деревянным и от него не осталось четких следов. Из текста летописи явствует, что дворец был, по крайней мере, двухэтажным и связан переходом-галереей с дворцовой церковью Спаса. Византийский историк Никита Хониат описывает роскошную роспись интерьера дворца. В свете этих сообщений более убедительным представляется предположение, что дворец хотя бы частично, в нижней части, был каменным.

На Золотом токе исследованы остатки многочисленных наземных жилищ, от которых в слое чернозема остались развалы глинобитных печей, нечеткие завалы глины от рухнувших стен и культурный слой, интенсивно насыщенный материалами XII—XIII вв. На территории Золотого тока найдено большое количество предметов, принадлежавших, предположительно, знати или представителям состоятельных слоев населения города. Это целые и фрагментированные кресты-энколпионы, золотые украшения с эмалью, серебряные серьги, а также широкий ассортимент изделий из железа и множество фрагментов разнообразной керамики XII—XIII вв.

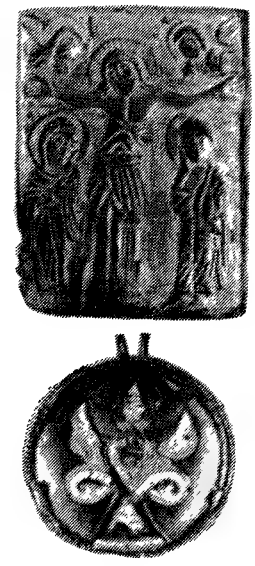


Рис. 69.
Галич:
1 — Каменная иконка XIII в.;
2 — золотой медальон с перегородчатой эмалью.

Найденные предметы свидетельствуют о принадлежности большинства жителей Золотого тока к привилегированным слоям населения. Такое предположение подтверждается материалами раскопок на террасовидном уступе на склоне стрелки городища, севернее Золотого тока. Здесь, на небольшой площади, открыты два углубленных жилища XII—XIII вв., одно из них погибшее в результате пожара. Сохранился очень богатый инвентарь, в том числе несколько сосудов, которые удалось реставрировать, а также разнообразный набор железный орудий: чересло от плуга, две косы-горбуши, три топора, кайло, сверло для дерева, обрывки кольчуги, конские пута, фляга из бронзовой жести, шесть целых стеклянных браслетов и пр. Пол жилища вымощен досками и покрыт тканью, возможно, ковриком. Все это говорит о зажиточности хозяев жилищ.

Неподалеку открыто подсобное помещение, вероятно, кладовая ювелира-литейщика. Сооружение небольшое, квадратное в плане (2×2 м), но довольно глубокое. Стены деревянные, перекрытие из бронзовой жести. В заполнении найдено свыше 150 тигельков для плавки бронзы, матрицы для изготовления полых украшений и нашивных бляшек из благородных металлов, большое количество поврежденных бронзовых украшений и предметов культа, в том числе фрагменты нескольких энколпионов, а также уникальная коллекция, состоящая из трех каменных и двух бронзовых иконок, служивших, вероятно, образцами для изготовления копий. Отсутствие очага и, главным образом, малая площадь и большая глубина помещения указывают на его подсобное, а не производственное назначение.

Интерпретация расположения помещения рядом с предполагаемым княжеским дворцом затруднительна и не может быть однозначной: либо это кладовая вотчинного ремесленника, обслуживавшего княжескую семью и придворных, либо неподалеку от дворца проживали представители городской социальной верхушки, к которой относится и мастер-ювелир с принадлежавшей ему большой мастерской. В пользу второго предположения говорит находка значительного количества тигельков, свидетельствующих о внушительных масштабах бронзолитейного производства, рассчитанного, по всей вероятности, на широкий круг потребителей, интересующихся более «демократическими» бронзовыми украшениями. Возможно, на территории детинца находилась только кладовая, а сама мастерская могла располагаться в месте, более доступном для посетителей.

Вариантов объяснения можно привести много, но все они подтверждают зажиточность и эстетические потребности населения, проживавшего в древнерусское время на стрелке городища, по соседству с Золотым током.

В свое время была выдвинута гипотеза о трехчленном делении Галича, согласно которой площадка Золотого тока была занята княжеской усадьбой, центральная площадка с Успенским собором определена как «епископская часть», а самая южная, внешняя, площадка считалась «окольным городом» — ремесленно-торговым посадом [Гончаров, 1955, с. 22—23]. В. П. Петров на основании этой гипотезы выдвинул концепцию о социальном членении территории древнерусских городов. Он писал, что «Галич типичный средневековый город, несущий на себе все признаки феодального времени. Структура города отражает социальную структуру общества. Каждое из трех сословий общества имеет в городе свою особую часть, имеет свое, отдельное, искусственно укрепленное поселение, обособленное от любого другого» [1964, с. 130—131]. Каждое из сословных поселений отмежевывалось якобы друг от друга валами и рвами, образуя замкнутое в себе целое.

Сравнение этой концепции с результатами археологических исследований показывает ее несостоятельность. Прежде всего не соответствует действительности утверждение об обособленности каждой части города. Все укрепления обращены лицевой стороной к напольному направлению, составляя три оборонительные линии города, и ни в коем случае не отмежевывали друг от друга его районы. Не подтвердилась и интерпретация внешней части городища как окольного города. Большая часть этой площадки оставалась незаселенной, и только в юго-восточном углу прослеживаются слабые следы заселения, что не отвечает приписываемой этой площадке роли ремесленно-торгового посада крупного города.

В разное время проводились исследования на отдельных участках равнины, простирающейся у подножья Крылосской горы, в частности на полях части села, имеющей название «Подгородье», а также на урочищах Царинка, Четверки, Церквище и Юрьевское,

расположенных рядом с городищем. И всюду обнаружен культурный слой с объектами древнерусского времени.

Так, например, в уроч. Царинка открыты остатки сгоревшего, вероятно, двухэтажного большого дома с богатым инвентарем. В уроч. Церквище исследованы следы поселения, связанного с добычей железа из болотной руды. Следы кузнечной и бронзолитейной мастерских обнаружены в уроч. Юрьевское, а остатки стеклоделательного производства — на околице соседнего с. Викторово [Археологія Української РСР, 1975, т. 3, с. 226—228]. Наличие интенсивного культурного слоя древнерусского времени прослежено в обрыве берега р. Луква на протяжении около 2,5 км. В уроч. Подгородье известны остатки нескольких древних белокаменных церквей, из которых две — Благовещенская и Воскресенская — в прошлом подвергались раскопкам.

Исходя из сведений, собранных в результате многолетних исследований, можно высказать некоторые соображения о структуре древнего Галича накануне нашествия орд Батыя.

На территории городища в Крылосе находился, вероятно, только политико-административный и культурный центр города, где проживали представители общественной и церковной верхушки, а также небольшое количество обслуживавших их простых людей и сторожей городской охраны. Внешняя площадка оставалась почти незаселенной и служила убежищем для населения окружавших крепость поселений. Сама площадка неудобна для постоянного проживания и тем более для ремесленного производства из-за отсутствия источников воды. Заселен был только район, прилегавший к долине Мозолевого потока.

Торгово-ремесленный посад — «Подгородье» — находился у подножья Крылосской горы. Из крепости на Подол вели две дороги, сохранившиеся до наших дней. Одна проходит по западному склону горы и носит название «Погарище», а вторая — по восточному склону, вдоль долины Мозолевого потока. Первоначально она проходила по самому обрыву оврага, вдоль несохранившегося вала, но позднее переместилась вверх по склону горы. Дорога сохранила древнее название «Вывозы», перекликающееся с древнерусским «Узвоз».

Плотным кольцом, в радиусе нескольких километров, крепость окружали многочисленные ремесленные слободы, боярские и монастырские усадьбы, кое-где сохранились руины древних храмов. В. Й. Довженок отмечал, что некоторые из них можно связывать с определенными лицами «из среды галицкого боярства, имена которых известны по летописи» [1955, с. 12—13]. Так, следы поселения в уроч. Штепановка он связывал с именем боярина Ильи Щепановича, поселение в уроч. Юрьевское — с владениями бояр Юрия Прокоповича или Юрия Домажирича. К таким названиям можно отнести и наименования расположенных неподалеку сел Чаргов и Демьянов, напоминающие фамилию бояр Чагровичей и имя галицкого тысяцкого Демьяна.

Некоторые из этих поселений-спутников имели укрепления и выполняли роль форпостов, предохраняющих город от внезапного нападения. При впадении р. Луква в Днестр существовала, предположительно, речная пристань, ставшая впоследствии ядром нового города, сохранившего название Галич до наших дней.

Исследования остатков древнего Галича раскрывают перед нами картину крупного древнерусского города, политико-административного, экономического и культурного центра богатой Галицкой земли, расположенной на юго-западном рубеже древней Руси. Эта территория была областью, где пересекались местные древнерусские традиции с западными влияниями в результате постоянных контактов с соседними странами. Наглядным примером этому может быть галицкая архитектурная школа, носящая отчетливый отпечаток влияния романского искус-

ства. Из Галича на Запад поступали вызывавшие восхищение изделия древнерусского ремесла: украшения с эмалями, резная кость («резьба русов»), цилиндрические замки и пр. Вероятно, отсюда приглашались иконописцы, оставившие в польских костелах великолепную настенную роспись.

Нашествие орд Батыя подорвало могущество Галича, но не уничтожило его. Галицко-Волынская летопись после этого события еще восемь раз упоминает Галич. Последнее упоминание относится к 1272 г. Окончательный упадок наступил в середине XIV в. в результате военной интервенции польско-литовских феодалов. Административный центр переносится на новое место, где на высоком берегу Днестра сооружается «Старостинский» замок. На Крылосской горе еще продолжительное время находится центр галицкой епископии, со временем утративший свое значение.

Зримыми следами былого величия Галича остались мощные земляные укрепления и микротопонимы, сохранившие до сих пор древние названия частей города, дорог, церквей, боярских усадеб.

Новгород-Северский

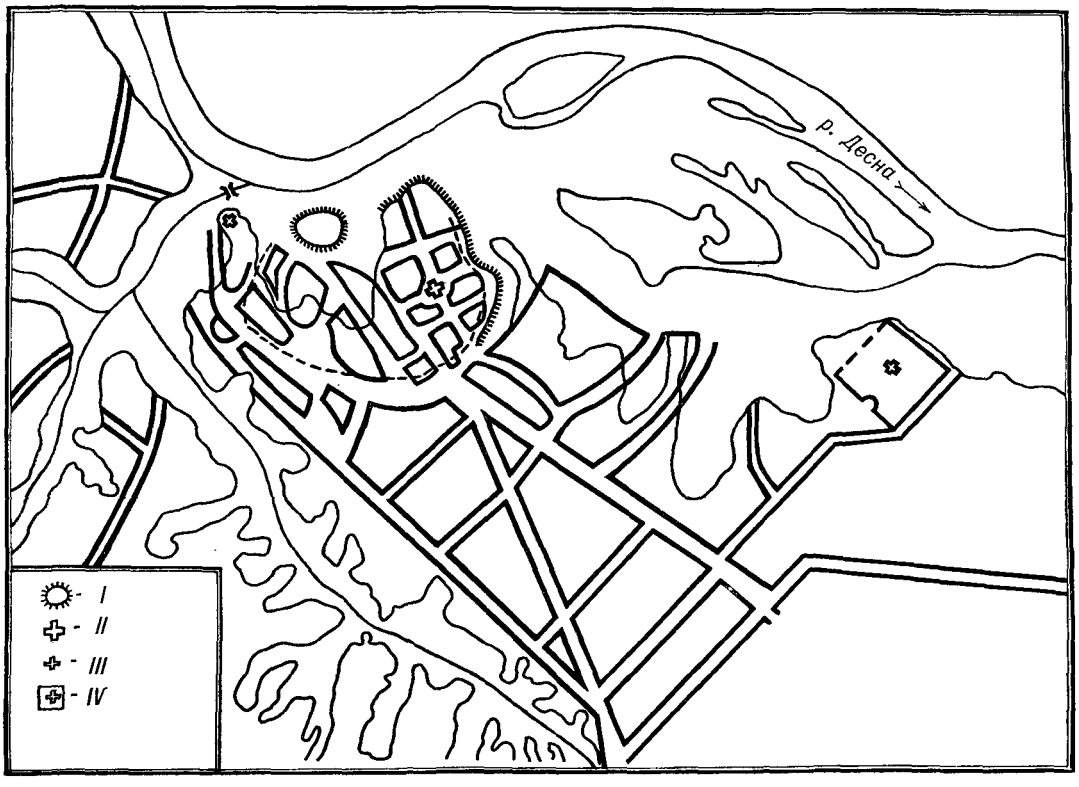
Новгород-Северский относится к числу древнейших городов Восточной Европы. Первое упоминание о нем содержится в «Поучении Владимира Мономаха детям» при описании событий 1078—1079 гг., когда в окрестностях города был разбит крупный отряд половцев. В конце XI в., после решения Любечского съезда, Новгород-Северский становится столицей обширного княжества, отделившегося в 1140—1150 гг. от Черниговской земли [Рыбаков, 1982, с. 498]. В это же время город становится одним из значительных центров Днепровского Левобережья, и его название часто встречается на страницах древнерусских летописей при описании событий многочисленных феодальных войн. Летописное известие об осаде столицы Северской земли великим киевским князем Изяславом Мстиславичем в 1152 г. характеризует город как большую и сильную крепость, гарнизон которой выдержал штурм, после чего противник «...выидоша изъ острога, и отступяче отъ града...». Стремясь проводить самостоятельную политику, новгород-северские князья постоянно вступали в союзы или конфликтовали с правителями других древнерусских земель, а также с различными кочевническими ордами. Политическая история Новгорода-Северского с конца XI в. связана с деятельностью Ольговичей — потомков Олега Святославича.

История археологического изучения города пока небогата. Несмотря на то что Новгород-Северский эпизодически привлекал внимание многих историков и археологов XIX — начала XX в. [Самоквасов, 1873, с. 124; 1878, с. 229; 1908, с. 39, 40, 109, 110], на его территории почти не проводились никакие работы. Археологическое изучение Новгород-Северского началось только в советское время [Воеводский, 1946]. С 1979 г. стационарные раскопки в городе ведутся экспедицией Институтов археологии АН СССР и АН УССР и Черниговского исторического музея.

Как показали археологические исследования, древнерусский Новгород-Северский возник на высоком правом берегу р. Десна на месте нескольких поселений роменской культуры в конце X в. Вероятно, он возник как укрепленный форпост на северо-восточных границах «Русской земли» в процессе освоения северянской территории. На Замке (детинец древнего города) исследовано несколько жилищ, хозяйственные постройки и оборонительные сооружения этого периода. Синхронные материалы, полученные на Городке (посадская часть) и в других местах, свидетельствуют о большой концентрации населения уже в первые века существования города. Многочисленные находки ремесленных изделий и украшений, а также отхо-

дов ремесленного производства говорят о наличии среди городского населения мастеров различных специальностей.

Выделение в конце XI в. Новгород-Северского удельного княжества дало мощный импульс развитию города. В XII—XIII вв. город имел многочастную структуру. Ядром города являлся детинец, площадью около 2 га, расположенный на высоком (50 м) останце коренной террасы Десны с крутыми обрывистыми склонами. Древнейшие укрепления на детинце возведены в последней четверти X в. и состояли из вала, идущего по периметру останца. Как и в других древнерусских городах, в валу детинца Новгород-Северского открыты деревянные конструкции. В конце XI — начале XII в. оборонительные сооружения Замка реконструируются, в результате чего мощность земляных укреплений увеличивается почти вдвое. Въезд на городище располагался с южной стороны.



Судя по письменным и археологическим данным, на детинце находилась резиденция новгород-северских князей и центральный храм города — церковь Михаила. Археологическими исследованиями выявлены некоторые постройки, которые можно связывать с княжеским двором. В северо-западной части Замка открыты остатки княжеского погреба-медуши XII в. площадью около 50 м^2, где хранилось свыше 100 амфор с вином и медом, а также другие съестные припасы. Медуша представляла собой слегка углубленную в материковый слой постройку прямоугольной формы с мощными несущими столбами по углам и вырытыми в материке круглыми ячейками (диаметр 0,3—0,6, глубина 0,15—0,2 м), в которых вертикально стояли амфоры. Для большей устойчивости сосудов ячейки заливались

цемяночным раствором. Кроме того, здесь же находились обширные ямы-погреба, где хранились запасы мяса, рыбы и т. п.

Вблизи медуши исследована углу-

Рис. 70. План Новгород-Северского: I — замок; II — Успенский собор; III — Никольская церковь; IV — Спасский монастырь.

бленная на 1,3 м в материковый слой столбовая постройка XI в. Своими размерами (4,5×4,5 м) она отличалась от всех остальных.

Отдельные категории находок, собранные на Замке (предметы воинского старяжения и вооружения, украшения), подтверждают интерпретацию этого района древнего Новгорода-Северского как места сосредоточения феодальной верхушки. Тут, кроме всего, найдена свинцовая вислая печать Святослава Ярославича (1073—1076), на одной из сторон которой помещено поясное изображение князя, а на другой — его небесный патрон Николай.

Детинец с трех сторон окружал окольный град площадью около 30 га. Судя по сообщениям летописи 1146—1152 гг. и археологическим наблюдениям, окольный град имел свою систему оборонительных сооружений, состоявшую из рва и вала с деревянными конструкциями на нем. В эту часть города вели трое ворот: Черниговские, Курские и Водяные.

Остатки монументальных строений на территории летописного города пока не обнаружены, а работы вблизи Успенского собора XVIII в. и Никольской церкви XVIII в. до сих пор не выявили каких-либо следов древнерусских каменных построек.

На посаде концентрировалось основное ремесленное производство, о чем свидетельствуют находки домниц и разнообразных следов железоделательного производства, кузнечного, ювелирного, гончарного, костерезного и других ремесел, выявленных в разных частях его территории.

К стенам окольного града примыкали обширные неукрепленные селища, выявленные в результате разведовательных работ.

В 2 км от города ниже по Десне в XII—XIII вв. находился Спасо-Преображенский монастырь. На его территории исследован центральный Спасский собор конца XII — начала XIII в. [Холостенко, 1958], представляющий собой трехапсидный четырехстолпный храм. Размеры здания без притворов составляли 20,1×13,3 м. С запада церковь имела прямоугольный притвор с небольшой папертью перед ним. К северному и южному фасадам пристроены не обычные притворы, а полукруглые (типа апсид), придававшие ей характер храма-триконха. Фундамент храма сложен из камней на растворе (глубина заложения 1,3—1,8 м) и перекрыт тремя-четырьмя рядами кирпичной кладки. Стены возведены в технике равнослойной кладки из кирпичей-плинф на растворе с цемянкой. Столбы храма — крестчатые. Местами сохранился пол, выложенный кирпичами, причем в алтарной части и западном притворе они были глазированными полихромными. Снаружи здание украшали сложнопрофилированные пилястры. Обнаруженный во время раскопок лекальный кирпич позволяет предположить, что здание было декорировано аркатурой, сетчатым орнаментом, «городками» и поребриком. Выявленное на многих фрагментах плинфы княжеское клеймо позволяет говорить о заказчике строительства. Найдены многочисленные обломки штукатурки с остатками фресковой живописи, в том числе с граффити. Собор построен в эпоху формирования на Руси местных архитектурных школ, что и отразилось в его облике.

Городской некрополь можно предположительно локализировать в 1 км к востоку от укреплений древнерусского времени, где исследован раскопанный кладоискателями курган.

На территории летописного города зафиксированы жилища двух типов — углубленные и наземные. На первых

этапах развития города преобладает углубленный тип жилищ с глинобитной печью. Одно из таких жилищ обнаружено в 1980 г. на детинце (раскоп VI). Оно представляло собой полуземлянку прямоугольной формы с глинобитной печью. По углам жилища и между ними — ямки от столбов, с помощью которых крепились деревянные плахи стен. По находкам в заполнении постройки фрагментов роменской лепной и древнерусской гончарной керамики, а также обломка железных удил жилище может быть датировано концом X в. Здесь же найдены костяные проколки, астрагал со сверленым отверстием, шиферное пряслице.

Рядом с жилищем располагался синхронный ему комплекс хозяйственных сооружений. Это частично углубленная в землю постройка, под крышей которой помещались три хозяйственные ямы-погреба значительных размеров. Ямы были колоколовидной и грушевидной формы с обожженными материковыми стенами. Кроме того, вблизи обнаружено несколько отдельных хозяйственных ям меньших размеров, видимо, относившихся к этому комплексу.

В связи с большой продолжительностью жизни на Замке следы наземных жилищ прослеживаются гораздо хуже: главным образом по концентрации находок, завалам обмазки стен, наличию остатков печей, а иногда и по цвету пола, слегка подмазанного глиной. Особый интерес представляет жилище № 1 из раскопа VI. Здесь в юго-западном углу выявлены остатки печи-каменки. Печь, по-видимому, стояла на деревянной опечке, и ее конструктивные особенности детально проследить не удалось. Но сам факт наличия отопительного сооружения подобного типа свидетельствует о том, что среди местного южнорусского населения находились выходцы из северных районов Руси, где такая конструкция печей широко распространена. В помещении найдены два миниатюрных сосудика из желтоватого стекла, обломки еще двух цветных стеклянных сосудов, железные ножи, писало и ключ, пряслице из стенки гончарного сосуда, фрагменты стеклянных оконниц, железное писало с бокаловидной лопаточкой, железная шпора, инкрустированная медной проволокой, а также значительное количество фрагментов гончарных сосудов середины XII — начала XIII в.

Следы ремесленных построек еще слабо исследованы. Можно назвать обнаруженные на территории окольного города остатки трех печей (домницы) для выплавки железа из болотной руды. Они представляли собой ямы с почти вертикальными обожженными стенами. С четырех сторон, через под верхней уцелевшей части, в нижнюю камеру шли узкие желобки. Край пода около желобков сильно прокален. Верхняя часть домниц уничтожена. На основании открытого в одной из камер керамического материала комплекс можно датировать X — началом XI в.

Крицы и шлаки зафиксированы и на противоположной части ремесленно-торгового посада, на берегу безымянного ручья. Наличие других высокоразвитых ремесел и торговли засвидетельствованы многочисленными находками различных категорий вещей. Новгород-северские мастера уже в X в. применяли гончарный круг, о чем свидетельствуют массовые находки кружальной керамики разнообразных размеров и форм. В это же время, наряду с кружальной керамикой, применялась и лепная керамика роменского типа. В последующие столетия в городе широко было развито производство плинфы.

О высоком уровне железообрабатывающего производства свидетельствуют находки предметов вооружения (топоры, наконечники стрел и сулиц), воинского снаряжения (пряжки, шпоры), быта (ножи, кресала, замки, зубила, ключи, гвозди), сельскохозяйственных орудий и т. д. Существование ювелирного и стеклоделательного ремесел

подтверждается фрагментами литейных форм, выплесками цветных металлов, шлаками, обломками изделий. Отдельные категории вещей говорят о развитии других ремесел: косторезного, камнерезного, дерево- и кожеобрабатывающих, а также ткацкого, скорняжного и др. По-видимому, какая-то часть ремесленного населения города находилась в различных формах зависимости от феодалов, что подтверждается наличием княжеских клейм в отдельных категориях находок.

О торговых связях свидетельствуют находки изделий из прибалтийского янтаря, восточные стеклянные сосуды и бусы, пряслица из овручского шифера, обломки жерновов из волынского туфа, стеклянные браслеты киевского и византийского производства. Частыми находками являются обломки византийских и киевских амфор, в которых в Новгород-Северский доставлялись импортные масло и вино. Связи с северорусскими землями прослеживаются в находках резной костяной копоушки, прямая аналогия которой известна на Неревском раскопе Новгорода Великого и бронзовой шумящей подвески («гусиная лапка»), широко известной в финно-угорской среде.

Как и в других древнерусских городах, важную роль в жизни населения играли подсобные промыслы — охота, рыболовство, собирательство и приусадебное хозяйство.

Вышеприведенные сведения говорят о высоком уровне социально-экономического развития древнего Новгорода-Северского. Как уже отмечалось, с конца XI в. город становится центром удельного княжества и все чаще привлекает к себе внимание летописцев. С событиями, в которых принимал участие новгород-северский князь Святослав Ольгович, связано в древнерусских письменных источниках первое упоминание о Москве. Богатство князей местной династии привлекало внимание современников. Летописец перечисляет княжеские села в окрестностях города, где находились богатые загородные дворы, огромные запасы продовольствия и «всякой готовизны», стада скота и многочисленная челядь. С Новгородом-Северским связан поход Игоря Святославича в 1185 г. на половцев, который послужил основанием для создания шедевра мировой литературы «Слова о полку Игореве».

В конце XII — первой половине XIII в. в результате дальнейшего социально-экономического развития бурно растут другие центры княжества, что привело к его дроблению и ослабило силы накануне нашествия орд хана Батыя.

Таким образом, на современном этапе исследований, на основании письменных и археологических данных, можно выделить три основных этапа в развитии Новгорода-Северского до XIII в.

1. VIII—X вв. На территории будущего города существует «гнездо» поселений роменской культуры. В X в. поселение, расположенное на Замке, начинает играть главную роль.

2. Конец X—XI в. На базе всех этих поселений формируется небольшой город с центром на Замке, который, очевидно, становится опорным пунктом в освоении государственной властью Подесенья. Основание города предположительно можно связывать с деятельностью киевского князя Владимира Святославича.

3. С конца XI в. Новгород-Северский становится столицей удельного княжества, что в XII—XIII вв. приводит к подъему экономики, росту территории и народонаселения города.

Нашествие орд Батыя оборвало это развитие, о чем свидетельствуют открытые в разных частях городской территории следы запустения. В XIV в. Новгород-Северский попал под власть литовских феодалов, а с 1500 г. добровольно перешел под власть Московского государства.

Любеч

Любеч, один из древнейших русских городов, ныне поселок городского ти-

па Репкинского района Черниговской области, занимал холмы левого высокого берега Днепра, вытянутые цепочкой с юго-запада на северо-восток. В середине цепочки холмов возле устья р. Гончаровка находится детинец древнего Любеча — городище Замок. Он размещался на небольшом (100×30 м), но высоком (около 40 м) останце с крутыми склонами. К северу от городища простирается днепровская пойма с двумя озерами, упомянутыми в летописи. Одно из них, превратившееся ныне в затон Днепра, играло роль гавани, о чем свидетельствует открытый на его берегу культурный слой с византийскими монетами. К северо-востоку от Замка, на правом берегу р. Гончаровка, расположено небольшое мысовое городище Лысица, очевидно, часть городского посада, окружавшего Замок также с юга и запада. Он был огражден мощным валом и рвом. От въезда в юго-западной части по глубокой впадине шла дорога, разделяющая посад на две части — прибрежную («первый посад») и внутреннюю («второй посад»), расположенную за Замком. Перед валом находился значительный неукрепленный посад, еще западнее — Воскресенский монастырь XI—XII вв., пещера Антония Печерского и урочище Кораблище, связанное, видимо, с наличием здесь корабельных сосен. К юго-востоку от второго посада находится урочище Гончары, где издавна известны выходы высококачественной гончарной глины и обнаружен древнерусский культурный слой.

Курганный некрополь древнего Любеча размещался, очевидно, главным образом к северо-востоку от города. Еще в конце XIX в. он занимал обширную территорию и состоял из трех групп. Первая из них находилась в 300 м к северо-востоку от древнего города, в северо-восточной части горы Лисица, за валами городища. Она состояла из 30 насыпей и до наших дней не сохранилась. Вторая (около 100 курганов) — в 1,5 км к юго-востоку — востоку от города, в урочище Высокое поле. В древности эта группа занимала более обширную территорию. В наши дни она входит в застройку Любеча. В начале XX в. здесь существовали десятки курганов, из которых уцелел только один. Часть группы сохранилась на территории современного кладбища, однако уцелевшие курганы повреждены впускными погребениями. Третья группа размещалась к северо-востоку от Любеча, по дороге в с. Малиновка, и насчитывала четыре насыпи.

В двух первых группах раскопано в общей сложности 45 насыпей, из которых 3 содержали остатки трупосожжения на стороне, 18 — на месте, 2 — трупоположения в подкурганных ямах. В остальных 23 курганах погребения отсутствовали или были разрушены. По погребальному обряду и характеру керамического материала они датируются IX—X вв.

Археологические исследования Любеча начались в конце XIX в., когда было раскопано 30 курганов первой и второй групп. Небольшие работы на Замке проводились Г. А. Милорадовичем и Е. Романовым. В 1907 г. М. К. Якимович раскопал две насыпи в урочище Высокое поле. Но только в советское время началось широкое исследование города: в 1948 г. на детинце и посадах разведочные раскопки проводились В. Г. Гончаровым. В 1957—1960 гг. памятники Любеча исследовала экспедиция Института археологии АН СССР под руководством академика Б. А. Рыбакова. В результате полностью раскопан Замок, а также исследованы посады и курганный могильник в урочище Высокое поле (13 насыпей).

По свидетельству археологических материалов, территория Любеча была заселена еще в бронзовом веке (первый посад и Лысица). К периоду раннего железного века относятся материалы милоградской культуры (Замок). Славянское поселение (зарубинецкая культура) существовало здесь уже в первые века нашей эры.

В связи с активизацией в последней четверти I тыс. н. э. днепровского водного пути здесь, по мнению Б. А. Рыбакова, к IX в. возник небольшой городок с деревянными стенами. По-

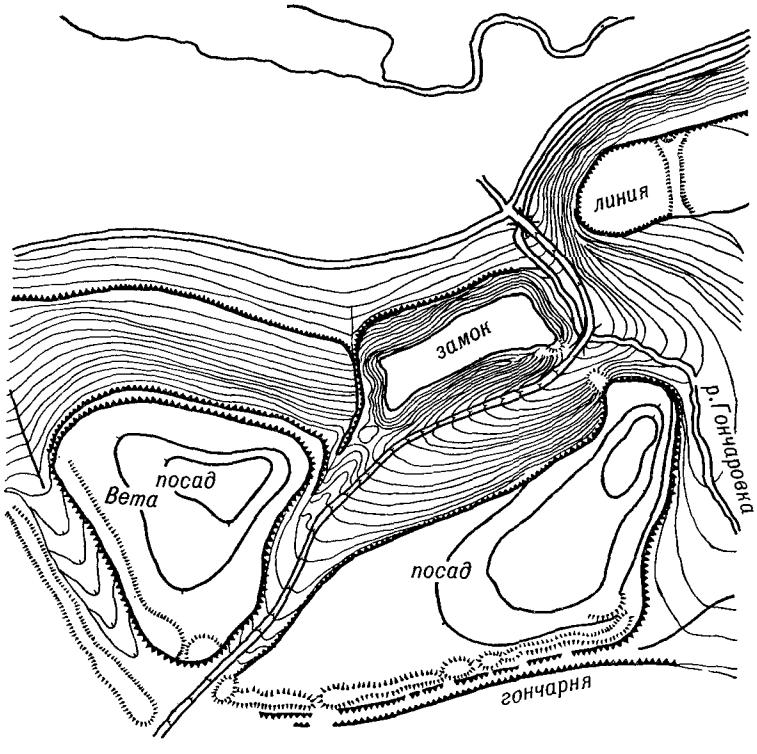


Рис. 71. Любеч. План укрепленной части города.

видимому, Любеч был одним из становищ на этом пути, а после возникновения Древнерусского государства стал важнейшим форпостом Киева на Днепре. В 882 г. Олег взял его по пути в Киев. С этого времени городом управляли книжеские посадники. Одним из них, очевидно, был Малк Любечанин, отец былинного Добрыни и Малуши, ключницы княгини Ольги, впоследствии одной из жен Святослава Игоревича, матери Владимира Святославича.

Любеч, являвшийся важным опорным пунктом княжеского полюдья, развивается быстро. Уже в X в. формируется его первый посад, а в конце X в. город обносится валом. Тогда же, вероятно, вновь заселяется и Лысица. В этот период Любеч являлся одним из крупных центров Древнерусского государства, он упоминается среди важнейших русских городов в договоре 907 г. и известен византийскому императору Константину Багрянородному. К X в. относятся и два клада дирхемов, найденных на территории Любеча.

Во второй половине XI в. реконструируются любечские укрепления. Укрепления Замка состояли из расположенных по краю останца дубовых городен, заполненных глиной, над которыми возвышалась деревянная стена — заборола. К городням вплотную примыкали жилые срубы — клети — с плоскими крышами, перекрытыми слоем глины, служившими боевой площадкой заборол. На стены вели ступени из колод. В землю вдоль стен вкапывались большие медные котлы для «вара» — кипятка, кото-

рым поливали врагов во время штурма.

От посадов Замок отделялся сухим рвом, через который был перекинут подъемный мост, поднимавшийся «журавцем» и коловоротом, расположенным в специальной мостовой башне. Из посада к мосту вела высокая насыпь — пандус (ширина свыше 10 м). От башни к главным воротам крепости вверх по склону шла мощеная бревенчатая дорога, огражденная стенами. Неподалеку от мостовой башни прослежены остатки кузницы XI—XII вв. [Рыбаков, 1960].

Ворота с двумя башнями имели довольно глубокий (длиной около 6 м) тоннель с тремя заслонами, преграждавшими путь врагу. За ними находился небольшой двор, где размещалась стража. Здесь же исследованы помещения для воротной стражи, множество клетей-кладовых с различными запасами, медуши для вина и меда с остатками корчаг, рыбные склады, зерновые ямы-погреба, ямы для хранения воды и т. д. Обшая емкость всех хранилищ на Замке измеряется сотнями тонн. Под подсчетом Б. А. Рыбакова, гарнизон в 200—250 человек мог продержаться, не пополняя запасов, более года.

В глубине двора стояла самая высокая постройка детинца — башня-донжон. Судя по найденному в подземелиях башни кладу великолепных золотых и серебряных украшений, хозяин спрятанного здесь клада был богатым боярином, комендантом Замка [Рыбаков, 1964].

Главным сооружением Замка являлся деревянный трехэтажный княжеский дворец (40×9—13 м) с тремя высокими теремами, отделявшийся от донжона небольшим парадным двором. За дворцом стояла небольшая (6,5×6,5 м) в виде башни деревянная церковь с шатровым верхом, крытым свинцовыми листами. Около церкви находилось кладбище, занимавшее восточную часть Замка.

Исследованы на детинце и остатки рядовых жилищ различных типов: двухэтажные с подклетом; одноэтажные углубленные в землю; однокамерные и двухкамерные. Их площадь колеблется от 9 до 20 м². Отапливались они глинобитными печами. Одно из раскопанных жилищ принадлежало мастеру-ювелиру. В его заполнении собрано значительное количество целых и фрагментированных тигельков, обломков медной проволоки и медных предметов. В центральной части Замка раскопано жилище костереза XI в. [Гончаров, 1952]. На городище обнаружены также остатки мастерских по изготовлению шиферных пряслиц и стеклянных браслетов [Щапова, 1968, 1972].

Почти одновременно с производством стеклянных браслетов в Любече начинают изготовлять глазированную посуду. Мастерская, призводившая эту посуду, работала, очевидно, специально для нужд княжеского двора. Раскопками на Замке обнаружено около 400 обломков глазированных сосудов, из которых полностью реконструируются 175. Все они покрыты прозрачной свинцовой глазурью зеленовато-желтого цвета [Макарова, 1972].

Очевидно, любечский Замок был домениальным владением, где сосредоточивалась «вся жизнь» черниговских князей [Рыбаков, 1960]. В 1147 г. смоленский князь Ростислав «...Любець пожегл и много воевал и зла Ольговичем створил» [ПСРЛ, 1962, т. 2]. Слой пожарища, связываемый с сожжением Любеча в 1147 г., обнаружен во всех частях Замка и на въезде.

Ограбление Замка является главной причиной малочисленности обнаруженного здесь инвентаря. Лишь в тайниках найдены серебряные денежные гривны (в том числе одна с надписью «полонь») и украшения из золота и серебра (узкопластинчатые и створчатые браслеты, бусы, бляшки с перегородчатой эмалью, перстни, колты, височные кольца и пр.), спрятанные во время гибели Замка. Найде-

ны также разнообразные предметы вооружения (перекрестие меча, обрывки кольчуги, боевой топор, булава, наконечники копий и стрел), многочисленные земледельческие орудия труда (серпы, жернова и пр.), различные бытовые вещи.

Среди последних выделяются пять шиферных пряслиц с надписями XI—XIII вв. Одна из них, судя по надписи, изготовлена самим мастером-камнерезом: «Иванко создал тебе это, единственной дочери». В других надписях встречаются имена Нежилы, Степаниды, Николая и начало азбуки от А до З. Найдена также каменная иконка XII в. с поясным изображением святого и надписью «Яковъ» на обороте [Рыбаков, 1960].

Любечский Замок являлся резиденцией черниговских князей и полностью был приспособлен к жизни и обслуживанию княжеского семейства. Сравнение археологических и письменных данных позволяет считать его основателем черниговского князя Владимира Мономаха (1074—1094) [Рыбаков, 1964].

Основное население Любеча проживало вне Замка. Внутри стен посада и за их пределами обнаружен довольно мощный культурный слой X—XIII вв. Стены, возведенные еще в конце X в., в XI в. подверглись реконструкции. Их укрепили массивным глиняным валом, поверх которого установлены дубовые городни [Рыбаков, 1964].

На самой высокой точке западного вала посада раскопками выявлены остатки деревянной сторожевой башни. Это заполненная в нижней части глиной квадратная постройка (6×6 м), к которой вплотную примыкали городни. Башня укреплена тремя массивами глины, расположенными с внутренней стороны посада. На посадах древнего Любеча исследованы также остатки наземных и полуземляночных жилищ X—XIII вв., с глинобитными печами и различные хозяйственные сооружения.

Раскопки Любечского комплекса памятников впервые в истории русской и славянской археологии позволили восстановить облик богатого феодального замка XI—XII вв. с его планировкой и размещением военных и хозяйственных объектов. Определилось и соотношение обширного ремесленного посада и резко обособленного от него княжеского двора [Рыбаков, 1964].

Разгром 1147 г. и последующие неоднократные грабежи сильно подорвали значение Любеча. В 1159 г. черниговский князь Святослав Всеволодович упоминает его среди пустых, разоренных усобицами городов, в которых сидят лишь «псари та половцы» [ПСРЛ, 1962, т. 2]. Впрочем, Любеч сравнительно быстро оправился от усобиц и уже в 1180 г. Святослав Всеволодович созывает здесь своих вассалов на совещание.

Судьба Любеча в XIII в. не известна: следов нашествия орд хана Батыя раскопками не обнаружено, а письменные источники не упоминают его среди городов, лежавших на пути полчищ. Видимо, Любечу удалось избежать участи большинства древнерусских городов.

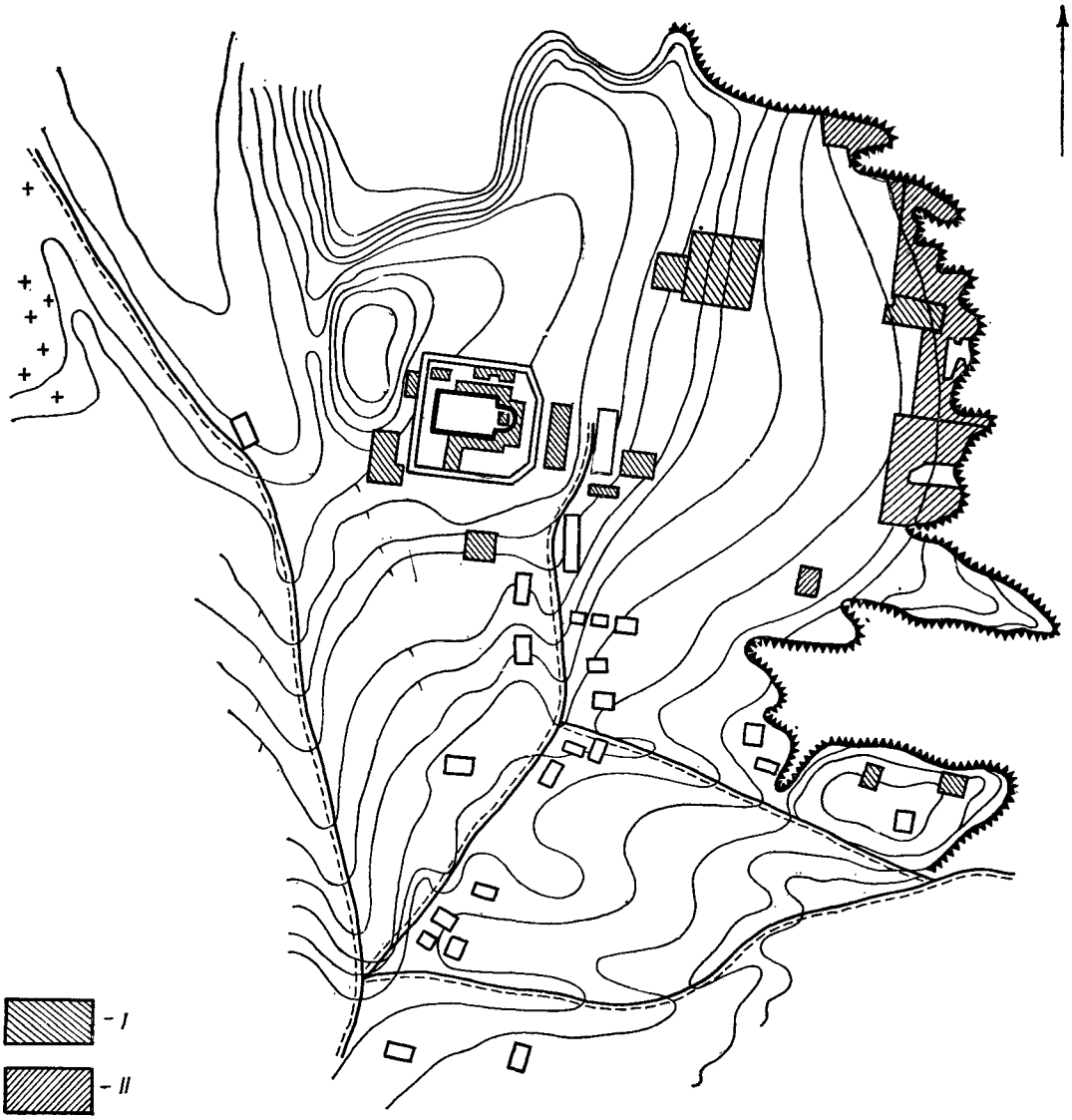
Вышгород

Одним из значительных центров Древнерусского государства являлся Вышгород. Первое летописное упоминание о нем датировано 946 г. и связано с покорением древлянской земли княгиней Ольгой. Древлянская дань, взимаемая великокняжеской администрацией, распределялась между Киевом и Вышгородом: «И възложиша на ня [древлян] данъ тяжку. И двѣ части идета Киеву, а третьяя Вышегороду к Ользе; бѣ бо Вышегородъ градъ Вольжин» [ПСРЛ, 1962, т. 2, стб. 48]. По подсчетам В. И. Довженка, Ипатьевская летопись с 946 по 1214 гг. 38 раз упоминает Вышгород в связи с различными событиями политической жизни Киевской Руси.

Первые археологические работы в

Вышгороде были проведены в 20-х годах XIX в. и ограничились изучением остатков каменного храма.

Небольшие работы по расчистке древних фундаментов храма проводились перед закладкой новой каменной Борисоглебской церкви в 1860 г. Во время работы III Археологического съезда в Киеве (1874 г.) вновь были предприняты раскопки фундаментов



храма. В дореволюционное время вышли две монографии, посвященные истории города. Первая из них является весьма неудачной компиляцией со множеством домыслов [Маниковский, 1890]. Вторая содержит представляющую определенный интерес интерпретацию летописных событий, связанных с Вышгородом, но ставит своей целью доказать, что Вышгород входил в состав территории Киева — собственно «город Владимира» [Ляскоронский, 1913].

В советское время изучением Вышгорода занимались В. И. Довженок, М. К. Каргер, Б. А. Рыбаков, П. А. Раппопорт.

В результате этих работ был разре-

Рис. 72.
План Вышгородского городища:
I — раскопки 1979—1981 гг.;
II — раскопки 30—70-х годов.

зан оборонительный вал, вскрыто до 10 погребений на городских некрополях, исследовано более 40 построек жилого и хозяйственного назначения, около 30 — производственных. Изучены остатки Борисоглебской церкви XI — начале XII в. [Довженок, 1950, с. 72—97; 1952; Каргер, 1952, с. 88—99; Чумаченко, 1974, с. 359—360].

Город возник на одном из отрогов правобережной террасы Днепра в 20 км на северо-запад от Киева, выше устья Десны. Площадь города в период его расцвета (середина XII в.) превышала 80 га, площадь детинца — около 9 га. Остатки укреплений детинца, высотой до 10 м, сохранились с запада и юго-запада. В конструкции земляного вала применялись деревянные срубы. С южной стороны детинец окружал ров. С востока город защищали обрывистые склоны террасы, а с севера — овраги. Обособленным районом города был и южный отрог террасы, площадью около 2,5 га, известный под названием Ольжина гора. С трех сторон она окружена оврагами и только с запада соединена узким перешейком с основным плато.

Некрополь древнерусского Вышгорода находился на расстоянии 2 км к западу от центра городища (уроч. «Могилки на ставкáх»). Хотя могильник и имел курганные насыпи, но относился ко времени расцвета городской жизни. Следы курганных насыпей прослеживались также в 500 м к северо-востоку от городища.

Из летописных данных можно заключить, что Вышгород с самого начала своей истории играл роль загородной княжеской резиденции. Кроме того, он был мощной крепостью-замком, охранявшей северо-западные подступы к столице. Вскоре после официального принятия христианства на Руси в Вышгороде строится деревянная церковь Василия в честь патрона Владимира Святославича. О ней мы узнаем из летописного повествования 1015 г., где речь идет об убийстве сыновей Владимира — Бориса и Глеба, погребенных возле Васильевского храма в Вышгороде [ПСРЛ, 1962, т. 2, стб. 121—124; Богуславський, 1928, с. 28, 35].

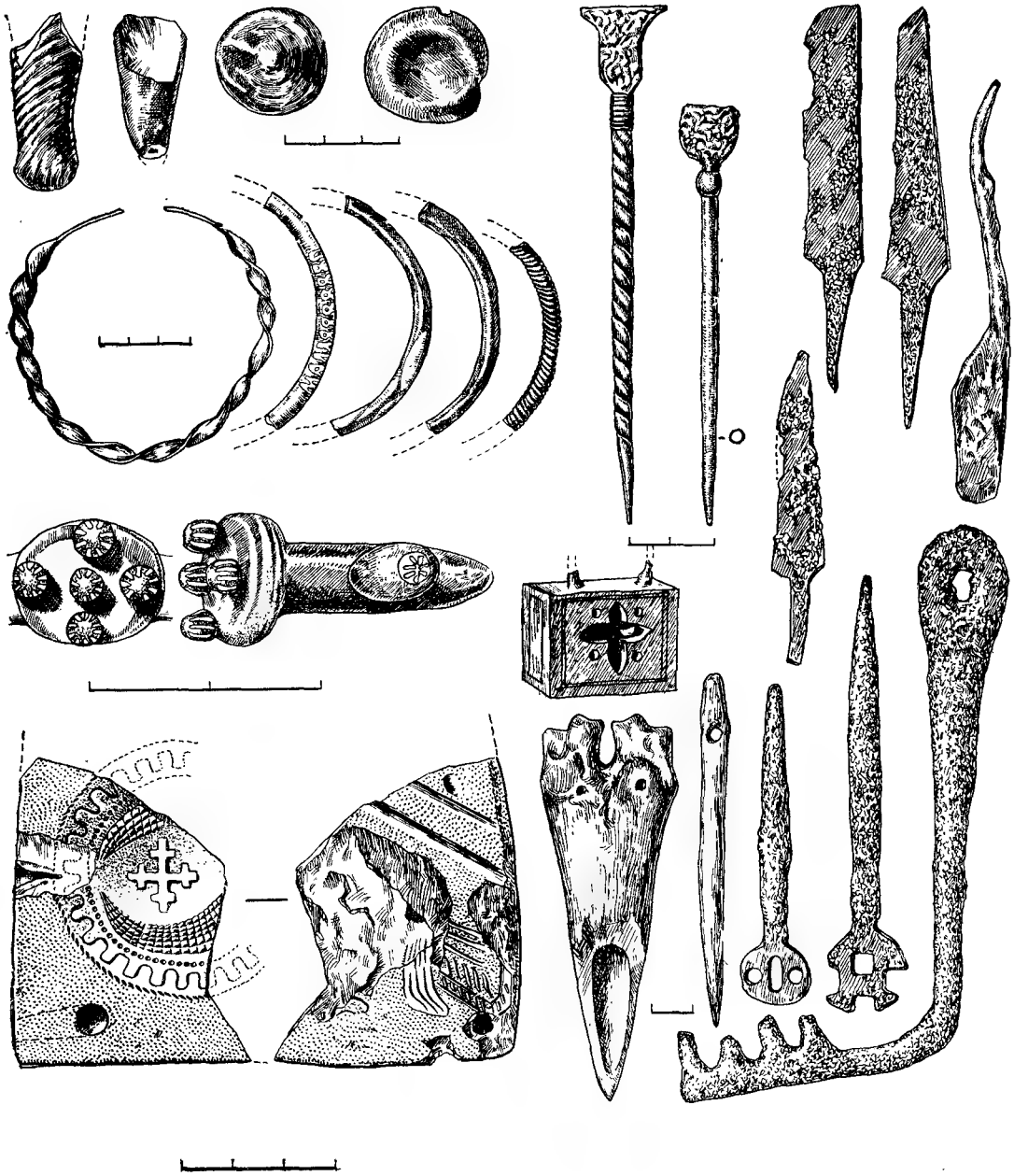
О размерах Вышгорода X в. судить трудно. Вероятно, он включал собственно детинец, в центре которого в конце X в. и была сооружена Васильевская церковь. Незначительные археологические материалы, относящиеся ко времени ранее XI в., открытые в северо-восточной части городища, дают основания предполагать, что в раннем Вышгороде кроме «града — детинца» существовал ремесленный жилой квартал, примыкавший с востока к детинцу. Площадь его, по-видимому, не превышала 1,5 га [Довженок, 1950, с. 68, табл. I, *1, 2, 5;* Голубева, 1968, с. 28, рис. 2, *3*].

Становление Вышгорода как крупного политико-культового и экономического центра Киевской земли связано с периодом княжения Ярослава Мудрого и его преемников.

Известия летописи, «Сказания» и «Чтения о Борисе и Глебе» освещают некоторые детали организации управленческого аппарата Вышгорода в XI—XII вв. Жизнь в городе всецело подчинялась интересам великого князя. В пределах города находился загородный двор властителя Руси. Здесь в 1054 г. скончался Ярослав Мудрый, прибывший сюда после огласки своего завещания относительно великокняжеского стола. Управление городом сосредоточивалось в руках «верных людей», защищавших интересы великокняжеского домена. Нередко это были престолонаследники. Как и свет-

ская, церковная власть в Вышгороде также находилась в руках доверенных лиц великого князя. Настоятелем построенной в 1072 г. церкви был верный Ярославичам Лазарь, ставший в княжение Всеволода Ярославича игуменом Выдубецкого великокняжеского патронального монастыря (1088 г.), а с 1105 по 1113 гг. занимавший епископскую кафедру в Переяславле.

Свидетельством того, что Вышгород играл роль великокняжеской резиденции и находился в сфере политики Киева, могут служить и найденные здесь печати князей, занимавших сто-



личный стол, и их союзников. Это три печати Изяслава Ярославича (1054—1078), одна — Владимира Всеволодовича Мономаха (1113—1125) и еще одна — Давида Ростиславича периода

Рис. 73. Изделия и инструменты ремесленников древнерусского Вышгорода.

его вышгородского княжения (1169—1180). Из Вышгорода происходят еще две вислые печати середины — второй половины XII в., принадлежащие лицам верховной власти.

Топография города XI — середины XIII вв. в археологических исследованиях выступает хронологически нерасчлененной. Сложившаяся к середине XI в. планировка и социально-топографическая структура не претерпели каких-либо значительных изменений в последующее время.

В XI в. возникает квартал на «Ольжиной горе». К сожалению, еще не представляется возможным говорить о социально-экономическом характере этого района. К концу XI — началу XII в., вероятнее всего, относится освоение обширного пространства плато террасы к югу от детинца. Данный район имел ярко выраженный ремесленный характер. В восточной его части, вдоль сохранившегося участка рва, отделявшего этот район города от центра, сосредоточивалось керамическое производство.

Территория к северо-западу и северо-востоку от детинца в X в. была занята производственными комплексами, связанными с железообработкой. К середине XI в. «район металлургов» уменьшается. Здесь появляются жилые усадьбы. В период расцвета города (XII — начало XIII в.) этот район отодвигается еще дальше на восток, к самому краю плато городища. Собранный при раскопках усадеб центральной и западной частей северного района городища материал, вместе с размерами жилых построек, свидетельствует о принадлежности его обитателей к зажиточной части населения Вышгорода XII—XIII вв. Отсюда происходит большая часть всех обнаруженных на городище ювелирных изделий, импортной керамики и стеклянных изделий. Встречаются фрагменты церковной утвари (части хоросов) и культовых регалий (энколпионы). Здесь же найдено пять из семи вислых свинцовых печатей.

Раскопки в северной части городища дали значительные материалы о характере застройки древнерусского Вышгорода. Здесь прослежено четыре жилищно-хозяйственных комплекса. Жилые кварталы имели поусадебную структуру. Усадьба обычно состояла из одного-двух жилых строений и двух или более хозяйственных построек. Основными конструктивными приемами возведения стен жилых зданий была укладка их в «заброс» из деревянных плах на столбовом каркасе и рубка из цельных венцов. Многие из жилых построек имели углубленные подклеты. Они углублены в материк от уровня дневной поверхности на 0,5—1,5 м.

Размеры срубных построек не превышали 5,50×7 м. Длина стен каркасных домов от 5 до 8 м. Жилые дома в основном двухкамерные, пятистенные. Печи обычно размещались в углах жилых построек. Они устраивались на глиняной платформе, были глинобитными и имели подковообразную форму.

Хозяйственные строения нередко возведены из облегченного плетневого каркаса. Это наземные сооружения размерами 3×2,7—2,85 м. В пределах усадьбы их могло быть до трех. По торцам усадеб — хозяйственные ямы. Стены некоторых из них обожжены. Обычно на усадьбе их насчитывалось от двух до четырех. В комплекс усадьбы, расположенной в центре данного района, исследованной в 1972 и 1979—1981 гг., кроме двух жилых и одной хозяйственной постройки, входила и печь-коптильня, находившаяся в севе-

ро-западном торце. Она сохранилась на высоту 0,6 м; ее размеры 3,8×1,8 м.

Раскопками 1934—1937 гг. вблизи северо-восточного края городища установлено, что открытые производственные комплексы размещались двумя рядами, ориентированными по линии восток — запад. Между ними находилась незастроенная площадь шириной до 10 м, которую принято считать улицей. Это самая восточная улица города XII в.

Исходя из ориентации построек центра северного плато городища по оси северо-восток — юго-запад, можно

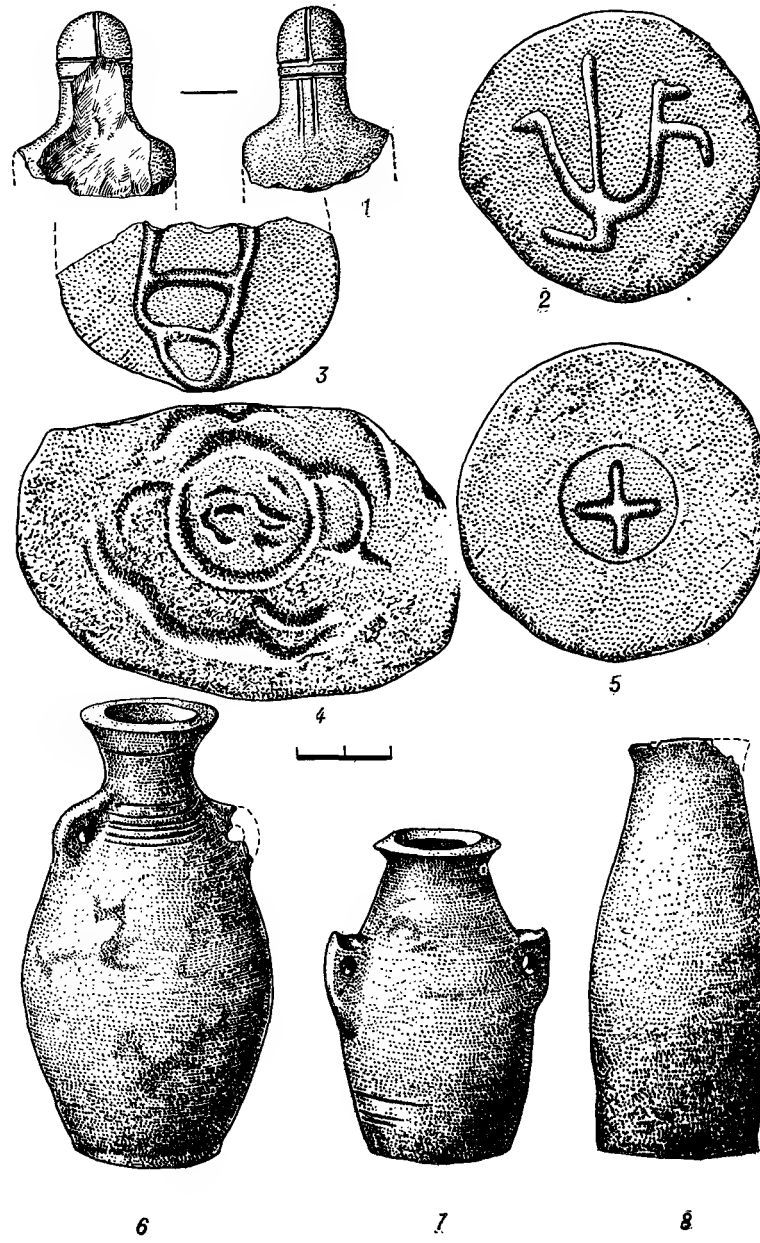


Рис. 74.
Фрагмент фигурки воина-всадника (1), образцы клейм на донышках горшков XII в. (2—5), амфорки «киевского» типа (6—8).

высказать предположение, что такое же направление имели улицы, идущие между усадьбами. Вместе с остатками кольцевой магистрали, открытой в 30-х годах, вполне вероятно наличие в Вышгороде периода его расцвета радиально-кольцевой планировки, со сходящимися уличными радиусами у детинца. Застройка северного района Вышгорода была плотной. Окрытые в 1981 г. следы частоколов от примыкавших друг к другу трех соседних усадеб показали, что промежутки между ними практически отсутствовали.

Письменные источники оставили нам свидетельства о ряде сменивших друг друга храмов. Первая вышгородская церковь была сооружена при Владимире Святославиче. В 20-х годах XI в. на месте сгоревшего Васильевского храма возводится новая деревянная пятикупольная церковь. Строился храм под руководством вышгородского «градника» Милонега. По окончании строительства сюда были перенесены тела Бориса и Глеба.

Следующий храм, заменивший обветшалую церковь, строил «старейшина огородъников» Ждан-Никола. Ее торжественное освящение, в котором приняли участие все три Ярославича — Изяслав, Святослав и Всеволод, церковные деятели во главе с митрополитом Георгием, а также боярская верхушка Киева и Вышгорода, произошло в 1072 г. По мнению исследователей, именно на этом освящении, сыгравшем роль княжеского съезда, была принята «Правда Ярославичей».

Почти на полстолетия растянулось строительство каменного вышгородского храма в честь Бориса и Глеба, начавшееся вблизи церкви 1072 г. при Святославе Ярославиче. Освящение его состоялось только в 1115 г.

Исследования 1936—1937 гг. показали, что эта была одна из самых больших на территории древней Руси восьмистолпная трехнефная церковь площадью 42×22 м.

Археологические исследования представляют Вышгород как значительный экономический центр. Раскопки кузнечных мастерских в восточной части городища свидетельствуют о том, что начиная с X — первой половины XI в. здесь уже существует железообрабатывающее ремесло.

Исследованиями 1979 г. у южной оконечности восточного склона городища открыты не только железообрабатывающие мастерские, но и найдена донная часть металлургического горна. Наиболее массовыми изделиями вышгородских кузнецов являются ножи, гвозди, замки и ключи, кресала, ножницы, светцы, писала-стили, наконечники стрел.

В 1934 — 1937 гг. и 1947 г. в южной части городища открыты остатки 13 гончарных горнов XII в., расположенных двумя рядами вдоль юго-западного рва детинца. Судя по четырем наиболее сохранившимся горнам, они были двухъярусными [Довженок, 1950, с. 72—73; 1952, с. 233—234].

Помимо кухонной и столовой посуды вышгородские гончары изготовляли глиняные глазированные плитки, мелкую пластику (обычно фигурки всадников, животных), а также писанки, покрытые полихромными разводами. Довольно распространенными гончарными изделиями в Вышгороде являются и двухъярусные светильники из светлой, хорошо отмученной глины.

Керамические изделия подтверждают вывод Т. И. Макаровой о сложении в Вышгороде XII в. местной школы гончаров, применявших оригинальные способы ангобирования и глазирования керамических изделий [Макарова, 1972, с. 11].

Следы стеклоделательного производства представлены остатками мастерской, открытой в 30-х годах на северо-восточной окраине городища. В ней сохранились стекловидные шлаки, слитки свинца, кусок серы и глиняный толстостенный тигелек, на котором имелся налет желто-коричневой эмали. Рядом с помещением обнаружена льячка закрытого типа с двумя высту-

пами — вверху и на торце — для захвата клещами. Такие льячки могли применяться одновременно для плавки меди, серебра, изготовления эмали. Найденные сырье и инструменты характерны для стеклоделательных и эмальерных мастерских.

В фондохранилищах ГИМ УССР и ИА АН УССР имеется свыше 200 фрагментов стеклянной посуды, более 500 браслетов, десятки бусин, перстней и колец, обнаруженные при раскопках и разведках в Вышгороде и бытовавшие здесь в XI — середине XIII вв.

Находки в отдельных постройках северо-восточного склона ювелирных инструментов (штамп для тиснения колтов, бронзовая матрица для тиснения щитков-медальонов, из которых составлялись диадемы и нагрудные цепи, пуансоны, два ювелирных молоточка ювелирные зубила, льячки), а также полуфабрикатов и заготовок ювелирных изделий свидетельствуют о существовании в этом районе ювелирного ремесла. Остатки ювелирной мастерской обнаружены и возле основы юго-западного вала городища, где собраны штамп для изготовления лоточков очелья и фрагменты двух литейных формочек, датируемых не ранее конца XI — середины XII в.

В одной из построек западного ряда строений около восточного склона городища встречено значительное количество обрезанных и опиленных кусков оленьих рогов. Исследователи интерпретируют данное помещение как косторезную мастерскую.

О широких внешнеэкономических связях древнерусского Вышгорода дают представление многочисленные стеклянные изделия. Наибольшее число импортной стеклянной посуды составляют кубки из голубого прозрачного не покрытого патиной стекла с расписным узором, выполненным составом белого цвета. Технологическая характеристика фрагментов данной посуды соответствует стеклу, изготовляемому в византийских ближневосточных городах. Неоднократно встречались и браслеты, изготовленные в тех же мастерских: плоско-выпуклые с пластичным узором или гладкие круглые различных цветов. К восточному импорту следует отнести сердоликовые многогранные и пастовые зонные бусы.

О стабильности византийской торговли могут свидетельствовать находки амфорной тары и полихромной столовой посуды. В жилищных комплексах северного района Вышгорода XII—XIII вв. красноглиняные амфоры составляют до 25% общего числа обнаруженной здесь керамики.

Западноевропейский импорт представлен тремя серебряными денариями конца X — начала XI в. и фрагментом романского подсвечника начала XIII в.

В культурном слое XII в. встречены вещи прибалтийского происхождения: овальный в сечении браслет с утончающимися концами (X—XII вв.), небольшая бронзовая скорлуповидная фибула со следами позолоты.

Таким образом, древнерусский Вышгород в свете письменных и археологических источников предстает как один из крупнейших экономических и культурных центров Древнерусского государства. Нашествие орд Батыя прервало поступательное развитие города.

Путивль

Древнерусский Путивль занимал высокие мысы правого берега р. Сейм в его среднем течении. Первые упоминания о Путивле в летописи относятся к 1146 г., когда принадлежавший новгород-северскому князю Святославу Ольговичу город был осажден войсками киевского великого князя Изяслава Мстиславича и его союзников — князей черниговского и переяславского. Город сдался после продолжительной осады. Победители захватили двор Святослава и разделили между собой его имущество: летописец называет 500 берковцов меда, 80

корчаг вина, 700 человек челяди, а также княжескую казну, золотую и серебряную утварь, книги и колокола.

После событий 1146 г. Путивль был передан в юрисдикцию черниговских князей, а в 1149 г. снова переходит во владения Святослава Ольговича и его потомков — новгород-северских князей.

К началу похода Игоря Святославича на половцев в 1185 г. в городе княжил его сын Владимир. Путивль был местом сбора русских дружин перед героическим походом: «Трубы *трубят в Новгороде, стоять стязи в* Путивле» [«Слово о полку Игореве», 50]. В поэме упоминаются и укрепления города — в повествовании о плаче Ярославны «на заборолѣх» крепостной стены. О сожжении деревянных укреплений посада Путивля известно из письменных источников под 1185 г., когда после поражения Игоря половцы, первое появление которых под Путивлем датировано 1152 г., вторглись в северные районы Левобережья.

В летописях имеются сведения об участии путивльской дружины в битве на Калке в 1224 г., но отсутствуют сообщения о судьбе Путивля во время нашествия орд Батыя 1237—1241 гг. Очевидно, город постигла участь всех южнорусских городов, оказавших сопротивление чужеземцам.

В 1356 г. Путивль захвачен Ольгердом и до 1500 г. входил в состав княжества Литовского, после чего был освобожден русскими войсками и вошел в состав Московского государства. В начале XVII в. город включен во владения шляхетско-магнатской Польши, но уже в 1634 г. возвращен России и выполнял функции пограничного города-крепости. После воссоединения Украины с Россией он утрачивает свою роль и становится рядовым городом.

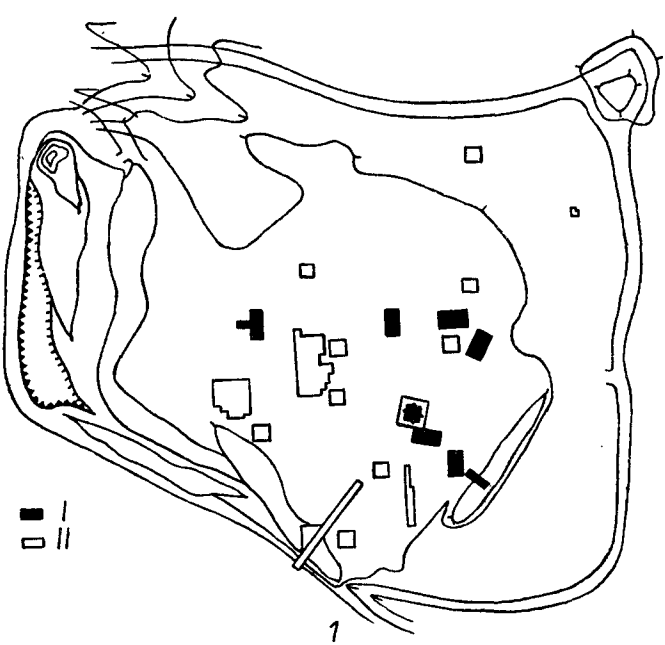
Первые археологические обследования Путивля провел в 1947 г. Д. Т. Березовец [1952]. В 1959—1961 гг. раскопки в Путивле проводил В. А. Богусевич [1963], а в 1965 — Б. А. Рыбаков [1966]. В 1979 г. археологические исследования на территории города и его окрестностей возобновлены экспедицией ИА АН УССР под руководством О. В. Сухобокова [1980, 1982].

Раскопки последних лет показали, что на территории города еще в VIII—X вв. существовало несколько поселений роменской культуры, естественно-топографическим центром которых было поселение в уроч. Городок.

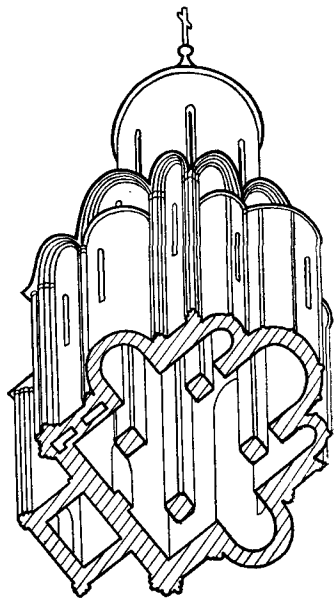
Поселение занимает мыс трапециевидной в плане формы площадью около 1 га. Мыс с юга ограничен крутым террасовидным склоном, с севера, востока и запада — глубокими оврагами. Вход на городище расположен в северо-восточной части, на узком (до 10 м шириной) перешейке, перерезанном рвом, засыпанным при перепланировке в конце XVIII в. Вал сохранился только в северной части периметра городища. Археологические материалы позволяют рассматривать Городок в качестве детинца древнерусского города, где размещался княжеский двор. К северу от него — обширный посад, защищенный деревянными стенами («острог»), воздвигнутыми на холмах, полукольцом охватывающих территорию и упиравшимися западными и восточными концами в овраги, отрезавшие площадку детинца.

Д. Т. Березовец открыл на городище культурные отложения XVII — XVIII вв., древнерусского времени и догосударственного периода (VIII — X вв.). В. А. Богусевичем в центральной части Городка обнаружены остатки фундамента каменной дворцовой церкви в виде прямоугольника, площадью 18×20 м, с двумя полукруглыми выступами с северной и южной сторон. На восточной стороне фасада сохранились три алтарных выступа полукруглой в плане формы, на западном — притвор в виде выступа прямоугольно-овальной формы. Северо-западная часть сооружения была вновь раскрыта Б. А. Рыбаковым, тщательно исследовавшим слой строительных

остатков, залегавший непосредственно под слоем пожарища и датированный концом 30-х годов XIII в. Наблюдения над стратиграфией и кропотливый анализ материала позволили придти к выводу, что церковь строилась накануне нашествия орд Батыя, но сооружение ее не было завершено. Об этом свидетельствуют отсутствие штукатурки и каких-либо следов фресковой живописи [Рыбаков, 1966]. Неподалеку от церкви раскопана мастерская-жилище ювелира, имевшая вид полуземлянки площадью 2,5×3 м. В ней, наряду с керамикой XII—XIII вв., обнаружен набор тигельков и куски медного шлака. Вблизи самой церкви открыто свыше десяти ям-погребов, в заполнении которых содержались остатки глиняной посуды XII—XIII вв., хозяйственный инвентарь, предметы конского снаряжения, украшения и т. п. Тогда же Б. А. Рыбаковым в насыпи вала на северном участке площадки городища обнаружены остатки дубовых срубов-городень, датируемых второй половиной XII в.



1


2

В валу северо-западной части Городка в 1979—1980 гг. выявлены следы трех строительных горизонтов. Первый из них имел вид сплошной (без интервалов) линии квадратов (2,0××1,8 м) со светлым заполнением на фоне темно-бурой глины, составляющей насыпь вала на глубине 1,2—2,2 м от современной поверхности. Прослежены остатки бревенчатых срубов, прослойки обожженной глины, золы, угольные скопления. В основании этого строительного горизонта на глубине 2,8—3,2 м найден ряд обгоревших дубовых бревен, лежащих на мощной (до 1,2 м) подсыпке. Найденные в ней и в заполнении срубов немногочисленные обломки керамики позволяют датировать второй строительный горизонт концом X — серединой XI в.

Ниже подсыпки в слое перекрытого чернозема и материкового грунта прослежены остатки еще более древних оборонительных конструкций в виде ям от столбов двухрядного частокола, состоявшего из бревен толщиной 0,25—0,35 м. Подобные оборонительные сооружения, следы которых от-

крыты в нижних слоях некоторых памятников, относящихся к роменской культуре (Опошня, Донецкое), позволяют датировать третий — наиболее древний — строительный горизонт вре-

Рис. 75. Путивль. План укреплений города (1). Реконструкция церкви начала XIII в. (по Г. К. Вагнеру) (2): I — шурфы и раскопы 1959—1961 гг.; II — раскопы 1979—1981 гг.

менем не позднее VIII—IX вв. Это подтверждается также находками лепной роменской керамики в нижних отложениях культурного слоя, мощность которого колеблется от 1,5 до 3,5 м.

Оборонительные сооружения неоднократно реконструировались в древнерусское время, о чем свидетельствуют следы клетей и остатки обгоревших бревен, обожженной глины в насыпи вала на различных уровнях. В XV—XVII вв. насыпь, образовавшаяся из разрушенных древнерусских сооружений, служила своего рода фундаментом для позднесредневековых укреплений Городка, а в начале XVIII в.— основой для сооружения бастионов петровского времени.

В одном из раскопов к северо-востоку от остатков храма обнаружено несколько горизонтов человеческих скелетов. Их неправильное анатомическое положение, наряду с нарушением христианского обряда и следами насильственной смерти, позволяет усматривать в этом скоплении своего рода «братскую могилу» — свидетельство погрома 1239 г. Под ними расчищена полуземлянка площадью 21 м^2, со следами пожарища, запасами красной охры и небольшими глиняными сосудиками.

Очевидно, это было жилище-мастерская художника. Рядом обнаружено другое, также сгоревшее, жилище. В хозяйственной яме-погребке последнего жилища найден скелет ребенка, по-видимому, спрятавшегося в яме и в ней погибшего.

Посад древнего Путивля, за исключением разведочных шурфов Д. Т. Березовца и Б. А. Рыбакова, археологическим исследованиям не подвергался. Тем не менее во время земляных работ здесь найдены остатки древнерусской керамики, обломки стеклянных браслетов, шиферные пряслица, двулезвийный широкий меч, кольчуга, наконечники стрел и копья. Археологический материал свидетельствует о том, что посад города в XI—XIII вв. был густо застроен. По-видимому, торгово-ремесленное население посада играло значительную роль во внутриполитической жизни Путивля. Об этом может свидетельствовать тот факт, что жители Путивля во время осады 1146 г. открыли ворота Давыдовичам, которые «целовали крест не давать город на разграбление» [ПСРЛ, 1962, т. 2], но разгромили двор Святослава и разделили между собой его имущество.

В 1979 г. были предприняты археологические исследования в других пунктах территории Путивля, в результате которых открыты культурные остатки древнерусского и роменского времени. Одно из них (уроч. Никольская Горка) расположено ниже по течению Сейма в 350 м к западу от уроч. Городок. Площадка городища представляет собой узкий мыс, вытянутый по линии запад—восток, площадью около 2 га. Мощность культурного слоя на нем составляет 1,8—2,5 м. Остатки оборонительных сооружений не сохранились из-за неоднократных перепланировок площади в связи с городской застройкой. При снятии культурного слоя открыто около 20 захоронений по христианскому обряду не ранее конца XII — начала XIII в. Однако на нижних уровнях могильника обнаружены три погребения со следами частичного трупосожжения, что может свидетельствовать об их более древнем происхождении (X—XI вв.).

В восточной и центральной частях площадки под горизонтом древнерусских погребений найдены остатки четырех роменских жилищ с глиняными печами и очагами и около 10 хозяй-

ственных сооружений на глубине 2,5—3 м. Керамический материал позволяет датировать роменское поселение VIII—X вв.

На другом поселении, в уроч. Коптева Гора, расположенном в 800 м к востоку от Городка и занимающем небольшой останец (44×22 м), разрушающийся эрозией, выявлены остатки четырех жилищ и около 10 хозяйственных сооружений. Все жилища полуземляночного типа, прямоугольные в плане, с печью, вырезанной в материковом останце, или очагом в одном из углов. Конструктивные особенности жилищ и печей, наряду с анализом индивидуальных находок и керамического материала, в котором вместе с лепной посудой архаического и типично роменского облика присутствуют обломки сосудов так называемой переходной технологии, позволяют отнести поселение к роменской культуре и датировать его VIII — началом XI в. Отсутствие явных следов пожарища, скудность предметов ремесла и быта дают основания для предположения о добровольном уходе жителей на другое место. Последнее подтверждается раскопками на Никольской Горке.

Значительный слой с древнерусскими и позднесредневековыми материалами обнаружен Д. Т. Березовцом на выступающем в пойму останце в уроч. Подмонастырская Слобода в 500 м к юго-востоку от Городка [Березовец, 1952] на усадьбе детдома № 2. В ходе шурфовки 1979 г. получено большое количество керамики конца XIII—XIV вв., а также материалы позднесредневековой культуры XV—XVIII вв.

Еще один пункт с аналогичными материалами расположен в 1,5—1,8 км к западу от уроч. Городок на территории маслозавода. Здесь выявлен мощный культурный слой (до 2 м) с пятнами жилищ и хозяйственных ям в обрыве берега. Топографические условия местности дают основания для предположения о существовании здесь поселения XI—XIII вв., располагавшегося под защитой стен посада.

Городище в уроч. Городок, благодаря центральному положению в ансамбле высот, окружающих его, было естественным средоточием группы раннеславянских поселений роменской культуры VIII—X вв. В дальнейшем именно на нем возник двор князя и резиденция княжеской администрации — детинец древнерусского Путивля. Город возник на путях, связывающих северо-западные и северные районы древнерусского государства с южнорусскими землями. Можно утверждать, что к моменту первого упоминания о Путивле в письменных источниках это уже было поселением городского типа, торгово-ремесленный центр, имевший продолжительную историю.

Белгород

Древний Белгород был крупным экономическим и культурным центром Руси, игравшим большую роль в обороне Киева от внешних врагов и во время междоусобиц.

Стремясь к киевскому престолу, князья неоднократно захватывали Белгород и оставляли в городе вассалов, чтобы удержать Киев.

Белгород находился в 23 км на запад от Киева, где теперь расположено с. Белгородка, по правому берегу р. Ирпень, притока Днепра, на важном торговом пути из Киева на Волынь и Галич. Через Белгород шел торговый путь в Регенсбург, соединяющий столицу Руси с Западной Европой.

Первое упоминание Белгорода в летописи относится к 980 г. Впоследствии он называется в летописных сводах более 40 раз в связи с различными событиями: становлением князей на великокняжеский престол, посажением епископов, строительством укреплений и храмов, войнами с печенегами, междоусобицами и др. [ПВЛ, 1950; ПСРЛ, 1846, т. 1, с. 142, 171; ПСРЛ, т. 7, с. 24, 29].

Археологическое изучение Белгорода началось во второй половине XIX в. разведками И. П. Хрущева и В. Б. Антоновича. В 1909—1910 гг. раскопки в Белгородке проводил В. В. Хвойко, выявивший остатки древних храмов, жилищ и хозяйственных построек и начавший изучение его укреплений [Хвойко, 1913].

Более широкие археологические исследования Белгорода стали возможны только в советское время. Б. А. Рыбаков, Ю. С. Асеев, А. Н. Кирпичников, П. А. Раппопорт, Д. И. Блифельд в разные годы проводили раскопки храмов, валов, жилищ и могильников древнего Белгорода. С 1966 г. планомерные раскопки ведет археологическая экспедиция Киевского университета под руководством Г. Г. Мезенцевой и Е. А. Линевой.

Местность эта была заселена с древнейших времен, о чем свидетельствуют остатки поселения трипольской культуры середины III тыс. до н. э.

Высокое плато (до 50 м) над заболоченным берегом реки с крутыми склонами с запада и юга создали здесь естественную крепость, которая в дальнейшем была укреплена валами и рвами.

Во второй половине I тыс. н. э. здесь существовало мысовое городище славян округлой формы, площадью 8,5 га, укрепленное рвом и валом, частично сохранившихся в южной части.

В конце X в. князь Владимир строит на месте городища большую крепость и значительно расширяет город. В летописи под 991 г. записано: «Володимир заложи град Белгород, и наруби в нъ от инѣх городов, и много людий сведе во нъ; бѣ бо любя град съ».

За валами с восточной и южной сторон тянулись глубокие рвы, а с западной и северной — крутые склоны к реке и оврагу.

Главный въезд в детинец находился в восточной линии укреплений и имел сложное устройство: валы поворачивали внутрь детинца на 45 м и создавали узкий проезд (шириной 2 м), а в местах поворота валов стояли две въездные башни. Остатки правой башни открыты во время раскопок. Она представляла собой деревянное сооружение размером 3,75×2,70 м. От городских ворот в сторону реки проходила центральная улица, идущая с юго-востока на северо-запад.

С южной стороны размещался другой въезд в детинец, где валы также закруглялись внутрь. От него с юга на север тянулась улица, выходящая на центральную.

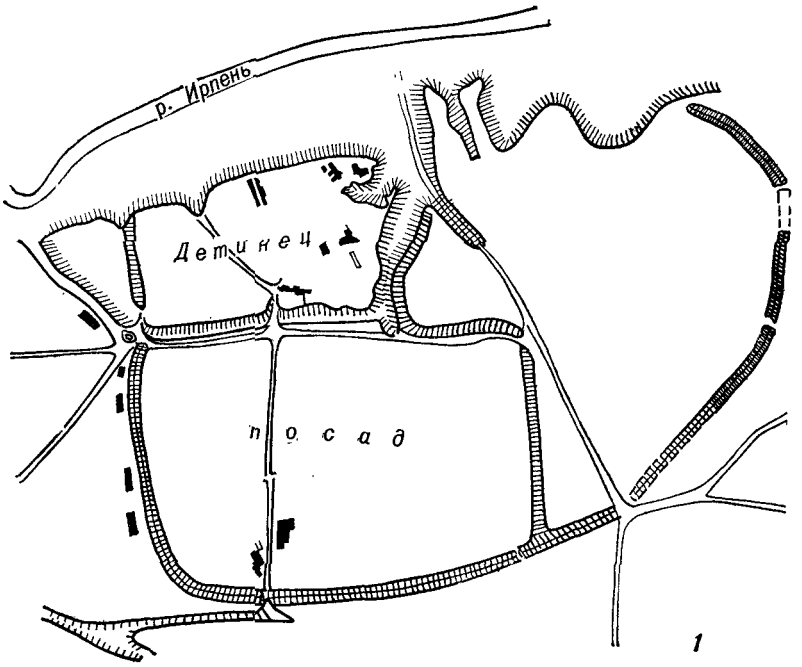
Еще один въезд располагался в северо-восточном углу детинца и вел в овраг, где проходила главная дорога из Киева в Галич [Мезенцева, 1968].

Детинец, площадью 12,5 га, занимал мысовую часть первоначального городища. С четырех сторон он был укреплен земляными валами с деревянными конструкциями и сырцовым заполнением. Общая протяженность валов детинца достигала 1,5 км. Лучше сохранилась их восточная линия протяженностью 450 м. Валы здесь достигают в высоту 11,5 м.

В центральной части детинца находились храмы, княжеские и боярские терема, епископский двор. Уже с X в. (992 г.) в Белгороде существовало епископство, о чем свидетельствуют не только летописи, но и граффити из Софии Киевской, в частности о епископе Луке Белгородском [Высоцкий, 1966, с. 45—46]. Один из храмов XII—XIII вв. служил усыпальницей белгородским епископам. Возможно, что здесь велось раннее летописание. Известно, что, начиная от Владимира, Белгород являлся княжеской резиденцией. В XII в. в Белгороде обосновался Рюрик Ростиславич, который, согласно летописи, вел в Белгороде большое строительство: отстроил свой двор, а на месте деревянной церкви в 1197 г. воздвиг большой шестистолпный собор Апостолов — выдающийся памятник древнерусской архитектуры. Во время раскопок раскрыты фундаменты храма, полы, частично стены и другие конструкции [Асеев, 1982]. Прямоугольный в плане собор имел в длину

26,1, в ширину — 19,2 м. На востоке он завершался тремя апсидами, а внутреннее пространство делилось шестью столбами на три нефа. Внешние стороны стен расчленены профилированными пилястрами. Собор венчали три купола. Внутри стены и своды были *расписаны золотофонными фресками*, а полы покрыты «ковром» из разноцветных майоликовых плит.

больших размеров (7,8×4 м) имела перегородки и была украшена майоликовыми плитками. *Возможно, что* это остатки княжеских и боярских теремов.



1

Рядом с собором Апостолов В. В. Хвойко открыты фундаменты еще одного храма, доисследованного в 1968—1969 гг. Б. А. Рыбаковым. Это довольно большой (20,2×14,5 м) четырехстолпный одноапсидный храм с кубическим центральным объемом, украшенный пилястрами и майоликовыми полами. Под храмом открыты остатки сгоревшей деревянной часовеньки с выложенным майоликовыми плитами полом и частично стенами, а также пристройка с белокаменным саркофагом, украшенным резьбой. В нем совершено погребение епископа Максима, умершего в 1189 г. [Рыбаков, 1969].

На детинце раскопано большое количество жилищ, мастерских и хозяйственных помещений. Часть построек

Большинство выявленных раскопками жилищ было полуземлянками прямоугольной формы, размерами в среднем 4×3,3 м, 4,5×3,2 и 5×4 м, углубленными на 0,8—1,2 м, с круглой глинобитной печью диаметром 1—1,5 м. Вдоль стен прослеживались лежанки или лавки, вырезанные из материкового грунта.

Рядом с жилищами располагались сараи, ямы и погреба прямоугольной или круглой формы.

На восток от детинца находился посад Белгорода, имевший, как и детинец, прямоугольную форму. Посад с севера, востока и юга окружен высокими валами с такими же, как и на детинце, деревянными конструкциями и заполнением из сырцовых кирпичей. За валом проходил глубокий ров.

Площадь посада 40 га. С северной стороны к детинцу и посаду примыкал окольный град площадью 45 га, окруженный высоким земляным валом.

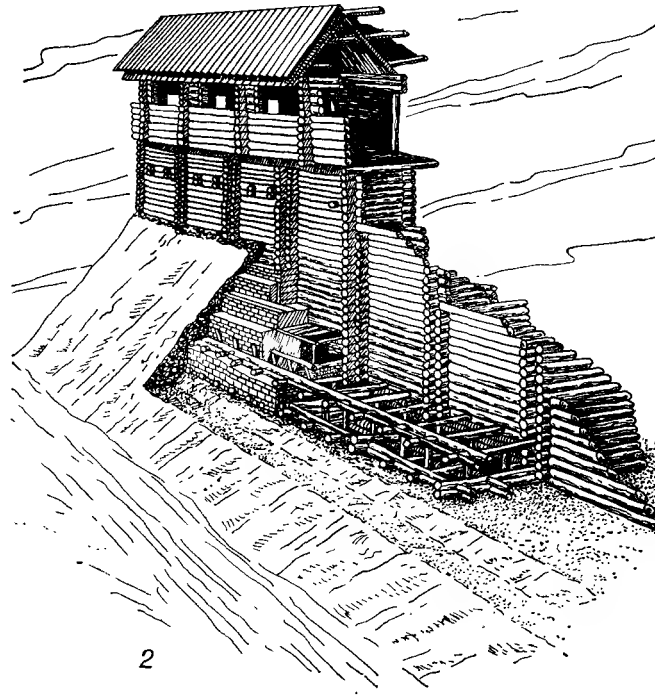


Рис. 76. Белгород. План укреплений (1) и реконструкция оборонительных стен Белгорода (по М. Г. Городцову и Б. А. Рыбакову) (2).

На посаде Белгорода открыты 25 полуземляночных жилищ такого же типа, что и на детинце, гончарный район и несколько металлообрабатывающих мастерских.

Особый интерес представляет гончарный район, расположенный в юго-восточной части посада. Здесь обнаружено девять гончарных горнов, большое количество керамических изделий — посуды, плиток, кирпичей, игрушек и других предметов, а также полуфабрикатов и шлаков, свидетельствующих о большом и интенсивном производстве, обеспечивавшем продукцией, очевидно, не только Белгород, но и сельскую округу и, по-видимому, Киев.

Горны располагались группами по два-три, имели грушевидную и округлую форму, диаметром 1,3—2 м. Они состояли из двух камер: нижней — топочной и верхней — обжигательной. Верхняя имела под с отверстиями-продухами и глинобитный свод.

Один из горнов сохранился на высоту 1,45 м. Диаметр обжигательной камеры 1,5 м; в глинобитном поде 11 продухов диаметром 15—20 см каждое. Топочная камера круглая, высотой 0,5 м, в центре — столб-козел из материкового грунта, поддерживающий верхнюю камеру. Другой горн имел большую обжигательную камеру (диаметр 2 м). Свод сделан из прутьев, обмазанных глиной, толщиной 10—15 см. В поде — девять продухов, расположенных по кругу, каждый диаметром 10—12 см. Топочная камера имела грушевидную форму и была углублена на 1,2 м в материк. В центре камеры — вырезан столб из материка. Из топочной камеры шел длинный канал в притопочную овальную большую яму (2,65×2 м), где обнаружены остатки дров и угля. Такие гончарные горны использовались в древнерусских городах в X—XII вв., но в Белгороде они открыты впервые, что позволяет изучить их

конструкцию и уровень развития древнерусского ремесла.

Возле горнов найдено огромное количество кухонной (горшки, сковородки, крышки) и столовой посуды (миски, кружки, кувшины), а также керамической тары, представленной корчагами. Все они выполнены из хорошо обожженной белой глины и нередко украшены углубленным линей-

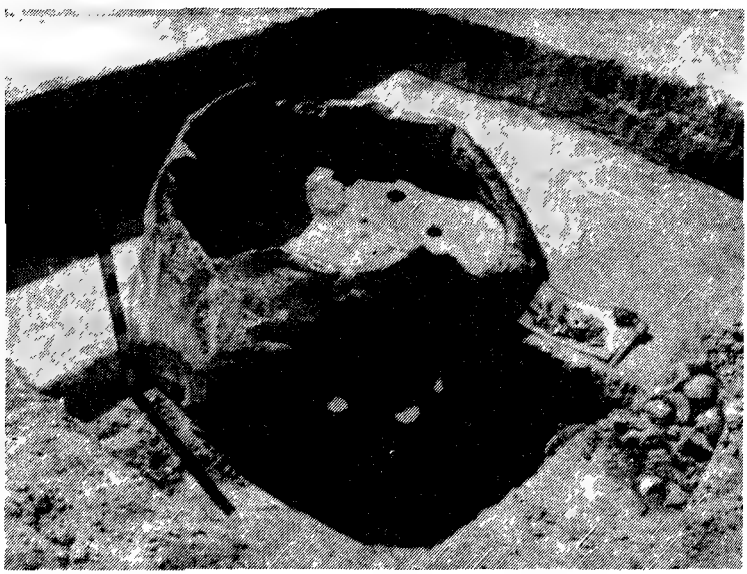


Рис. 77. Белгород. Гончарный горн.

ным и волнистым орнаментом. Иногда на них встречаются различные клейма, в том числе и в виде двузубца [Ліньова, Мезенцева, 1980]. По аналогиям из Киева и других древнерусских городов такая керамика датируется X—XII вв.

На посаде открыты большая металлообрабатывающая мастерская (6×5,7 м) с двумя печами, большое количество железного шлака, различные металлические изделия: ножи, косы, серпы, оковки лопат, трубчатые замки, дужки ведер, удила, кресала, шпоры, наконечники стрел, кинжалы, писала и другие предметы, датируемые X—XIII вв. [Мезенцева, Гопак, 1974].

Древний могильник Белгорода расположен за южной линией валов посада. Раскопками Я. П. Прилипко открыто 22 погребения с трупоположениями, ориентированными на запад. В них найдены серебряные, бронзовые и височные кольца и перстни. В одном погребении сохранились остатки одежды из серебряно-золотой парчовой ткани, украшенной вышивкой в виде плетенки. По обряду погребений и находкам могильник датируется XI—XIII вв.

Здесь же находился и более ранний могильник Белгорода. Открыты погребения с трупосожжениями, которые, по-видимому, являлись подкурганными погребениями дружинников. Одно из них представляло собой большое кострище, на котором были сожжены воин с женщиной и конем. Инвентарь воина состоял из железных стремян и удил X в., части рукояти меча с узором из эмали, женского — шиферного пряслица и битых горшков X в.

Второе погребение найдено в 100 м на восток. В захоронении обнаружено трупосожжение в ладье, стоявшей в яме, заполненной деревом. Носовая и кормовая части ладьи обложены глиняными вальками, сохранившими форму сожженных носа и кормы. При расчистке ладьи найдено большое коли-

чество кальцинированных человеческих костей и костей животных. Из инвентаря можно назвать железную шейную гривну (подобная известна из погребения знатного дружинника в Киеве), серебряные и бронзовые украшения и другие предметы, аналогичные инвентарю дружинных погребений X в. Киева, Чернигова и Шестовиц [Мезенцева, Прилипко, 1980].

Все находки из раскопок детинца, посада и могильника Белгорода свидетельствуют о высоком уровне развития его экономики и культуры в X—XIII вв.

Древний Белгород, как и Киев, был разрушен в 1240 г. Жизнь на нем возобновилась только в небольшой части — на месте древнего детинца, где открыты жилища позднейших периодов. Во времена хозяйничания на этих землях литовско-польских магнатов древний Белгород превратился в село, получившее название Белгородка.

Родень

Родень — один из древнейших городов Руси, возникший в сосредоточии славянских земель Среднего Поднепровья, играл важную роль в ранней истории нашей страны. Находясь на водном пути «из варяг в греки», связывая Поросье с Днепром, Родень быстро развивается и превращается в значительный экономический и культурный центр, становится одной из сильнейших крепостей на юге Руси.

Первое летописное упоминание о нем относится к 980 г. Оно связано с борьбой за киевский престол между князьями Владимиром и Ярополком. Будучи еще новгородским князем, Владимир решил захватить Киев и осадил его. Воевода Ярополка Блуд, войдя в сговор с Владимиром, посоветовал Ярополку бежать из Киева в город Родень: «И послуша его Ярополкъ и избѣгь перед нимъ, затворися въ градѣ Родынѣ на усть Рси рѣки, а Володимиръ вниде в Киевъ, и осѣде Ярополка в Роднѣ. И бѣ гладъ великъ в немъ и есть притча и до сего дне: бѣда аки в Роднѣ» [ПВЛ, 1950, с. 55].

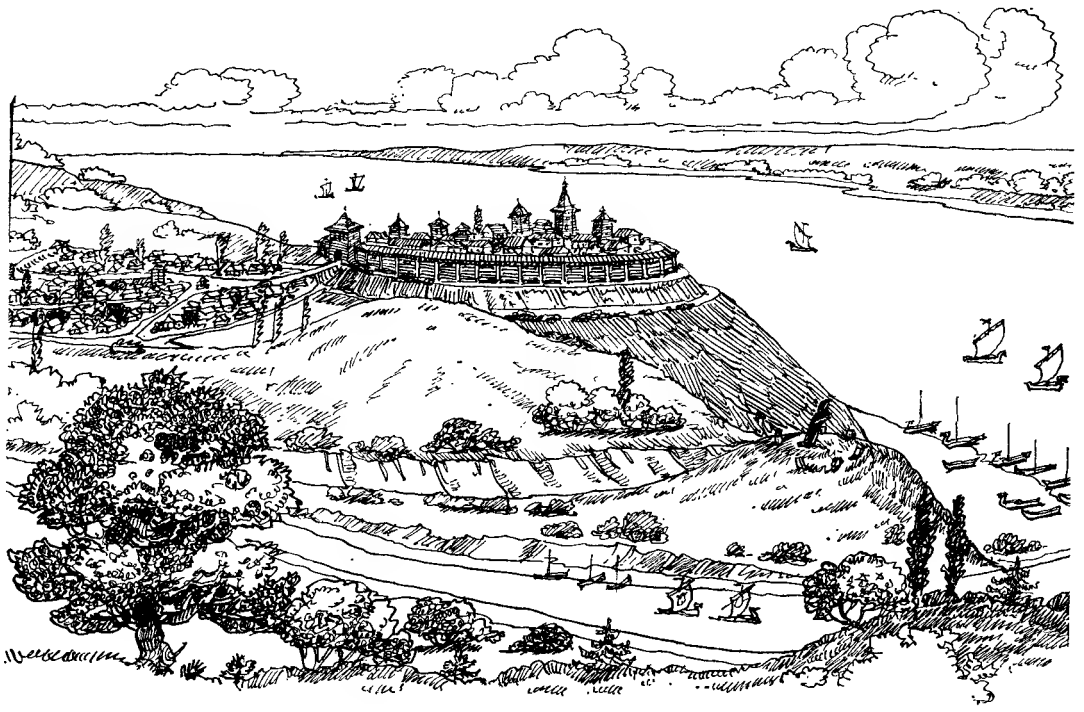
Открытие Роденя относится ко второй половине XIX в. Первыми, кто обнаружили его памятники, оказались искатели кладов. Драгоценные украшения и разнообразные предметы ремесла и быта попали в руки коллекционеров и в музеи многих городов, заинтересовали ученых. Археологическое изучение Роденя в 1876 г. начал Д. Я. Самоквасов [Самоквасов, 1908, с. 263]. В 1890 г. Княжью гору, где находился Родень, купил В. В. Тарновский, и с этого времени исследованием Родня на протяжении многих лет занимался Н. Ф. Беляшевский. Им раскопана значительная часть детинца Роденя и найдено большое количество различных предметов — бытовых, культовых, вооружения, сельскохозяйственных орудий труда, многочисленных инструментов и изделий ремесленников, а также 12 кладов с прекрасными золотыми и серебряными украшениями. Н. Ф. Беляшевский первый установил местонахождение летописного Роденя на Княжьей горе около Канева и опубликовал основные итоги своих раскопок [Беляшевский, 1892].

Находки из Роденя оказались настолько важными, что были изданы в ряде трудов [Самоквасов, 1892; Кондаков, 1896; Хойновский, 1896; Ханенко, 1899; Рыбаков, 1948; Корзухина, 1954].

С 1958 по 1965 г. изучение Роденя проводилось археологическими экспедициями Киевского университета под руководством Г. Г. Мезенцевой. Были продолжены раскопки на детинце Роденя, проведены раскопки его посада, открыт и исследован могильник. Эти раскопки позволили установить систему укреплений Роденя, планировку города, устройство жилищ, мастерских, хозяйственных построек, обряд погребений, а также изучить памятники материальной и духовной культуры [Мезенцева, 1968].

Древний Родень расположен на одной из высоких гор Каневской гряды, получившей в дальнейшем название

Княжьей, на правом берегу Днепра, возле устья р. Рось, между современными г. Канев и с. Пекари Черкасской области. Княжья гора вытянута с северо-востока на юго-запад и стрелкой выходит к Днепру. Она возвышается на 63 м над уровнем Днепра и окружающими ее горами. С двух сторон горы пролегают глубокие овраги — Марьин и Княжий, усиливающие ее



недоступность. Неоднократные обвалы склонов значительно уменьшили площадь Княжьей горы, которая теперь составляет всего 4 га.

История Роденя уходит в глубину веков, о чем свидетельствует, прежде всего, его имя. Он назван в честь древнейшего бога Рода. По-видимому, в этих местах находилось святилище Рода, давшее затем название городу. На Княжьей горе найдены антропоморфные фибулы и другие украшения V—VI вв., а возле ее подножия открыто поселение полян VII—IX вв. [Мезенцева, 1965]. Планировка поселения, жилища, мастерские и другие постройки, а также характер хозяйства, ремесленных изделий и предметов быта во многих чертах близки памятникам Княжьей горы и свидетельствуют о том, что история Роденя начиналась с этого поселения, подобно многим древнерусским городам.

Основная масса находок из Княжьей горы датируется IX—XIII вв. В этот период Родень представлял собой значительный город с высоко развитыми экономикой и культурой.

Как и все древнерусские города, Родень имел детинец и посад. Детинец размещался на мысовой части Княжьей горы и был укреплен валом и рвом, сохранившихся только в напольной части на высоту 6 м при ширине 9,5 м. Перед валом проходил глубокий ров. По верху валов шли крепостные дубовые стены-городни. Их следы выявлены во время раскопок. В центре напольной части укреплений находился въезд в детинец. Раскопками открыты остатки въездной деревянной башни, возвышавшейся над воротами. Здесь обнаружены остатки листовой

меди. Еще раньше на Княжьей горе найдена медная пластина, на которой золотой инкрустацией по черному фону изображена трехэтажная башня, примыкающая к зубчатой крепостной

Рис. 78.
Родень.
Реконструкция.

стене. Возле нее стоят воины с копьями и щитами. Возможно, это изображение укреплений Роденя. Пластина датируется IX—X вв.

Посад Роденя занимал остальную часть Княжьей горы и по площади был почти вдвое больше детинца. С напольной стороны он укреплен двумя рядами валов и рвов. Со временем они очень расплылись, так как не имели внутренних конструкций, и сохранились только на высоту 1,5 м при ширине до 4 м.

Окруженный оврагами и могучими линиями укреплений, Родень был густо заселен. Раскопками последних лет установлено, что планировка города прямолинейная. На детинце от городских ворот и до мысовой части проходила центральная улица, на которую выходили более узкие боковые. На посаде улицы шли также вдоль горы, что подтверждается порядовой застройкой раскопанных здесь жилищ.

В Родене обнаружены многочисленные постройки: наземные и полуземляночные жилища, ремесленные мастерские, погреба, сараи и пр. В мысовой части Княжьей горы открыты остатки трех больших срубных сооружений, где найдены серебряные и золотые украшения. Возможно, это были княжеские хоромы, где жил Ярополк во время осады города. Где-то рядом стояла церковь. От нее сохранились части бронзового паникадила, лампады, подсвечники, кресты, колокола и церковная посуда. Вероятно, церковь была деревянной и полностью сгорела.

Основная масса городской застройки представляла собой усадьбы с жилищами и хозяйственными постройками, различными по размерам, формам и назначению.

Многочисленные находки на Княжьей горе подтверждают высокое развитие экономики Роденя. Главное место принадлежало ремеслу: кузнечному, литейному, ювелирному, гончарному, косторезному, деревообрабатывающему, камнерезному, стекольному и многим другим. Из кузнечных инструментов встречены в большом количестве клещи, наковальни, молотки, щипцы, секачи, резцы и пр. Кузнецы Роденя изготовляли сельскохозяйственные орудия, различные инструменты для ремесленников, оружие и множество бытовых предметов.

Особого развития достигло ювелирное ремесло. Найдены слитки металлов, заготовки, штампы, формочки, мелкие инструменты ювелиров, свидетельствующие о производстве изделий из драгоценных металлов в высокой технике литья, скани, зерни, черни и эмали. На Княжьей горе обнаружены разнообразные золотые, серебряные и бронзовые украшения: сережки, височные кольца, очелья, шейные гривны, ожерелья с подвесками, браслеты и всевозможные кольца и перстни, не уступающие ювелирным изделиям древнего Киева и являющиеся шедеврами древнерусского искусства [Каталог украинских древностей В. В. Тарнавского, 1898].

Гончары Роденя изготовляли из местных глин большое количество кухонной и столовой посуды, тары, жерновов, пряслиц, грузил, иконок, крестиков и детских игрушек.

Высокое мастерство ремесленников Роденя подтверждают и украшенные резьбой костяные ручки зеркал, рукояти мечей, кинжалов, гребни, каменные крестики, иконки и различные изделия из самоцветов [Рыбаков, 1948].

Наряду с ремеслом в Родене, как и в других городах Руси, было развито земледелие, огородничество, скотоводство, охота, рыболовство и другие промыслы, о чем свидетельствуют находки лемехов и чересел от плугов, кос, серпов, ножниц для стрижки

овец, костяных наконечников стрел для охоты, рыболовных крючков и грузил от сетей.

Значительную роль в хозяйстве Роденя играла торговля. Так как Родень находился на берегу Днепра — основной торговой магистрали, через него провозились товары, поступавшие из Византии и стран Востока — пряности, драгоценные камни, шелка, вина и т. п.— в Киев, Смоленск, Новгород и другие города; провозились товары и из северных городов древней Руси — меха, янтарь, мед, воск, ремесленные изделия, некоторые виды оружия и бытовые предметы. Родень связывал Поросье с севером, югом и востоком. О широких торговых связях Роденя свидетельствуют находки восточных и византийских монет, гривен киевского и новгородского типов, чашечки весов для взвешивания золота, свинцовая гиря, вислые печати и другие предметы.

Большое количество находок из Роденя относится к военному делу и свидетельствует о том, что город являлся одним из основных форпостов Киевской Руси в борьбе с печенегами и половцами. На Княжьей горе найдены почти все виды древнерусского вооружения: наконечники копий и стрел разнообразных видов и форм (более 600 экз.) [Шендрик, 1958], мечи, сабли, кинжалы, кистени, булавы, боевые гири, кольчуги, шлемы, панцири, умбоны щитов и пр.

Найденные на Княжьей горе изделия подтверждают высокий экономический и культурный потенциал Роденя в X—XIII вв. Родень находился в полном расцвете, когда на него напали орды хана Батыя. Город был сожжен, а жители перебиты. В одной из ям возле городских ворот найдены кости 60 человек. Множество человеческих костей обнаружено и возле самих ворот. Жизнь в Родене больше не возобновлялась. Памятники материальной культуры после XIII в. на Княжьей горе отсутствуют. И все же, каковы бы ни были разрушения, культурные достижения Роденя не погибли бесследно — они вошли составной частью в сокровищницу культуры древней Руси, способствовали развитию культуры нашей страны в последующие века.

Плеснеск

В древнерусской летописи Плеснеск упоминается дважды. Под 1183 г. говорится о неудачной попытке Романа Мстиславича изгнать из Плеснеска своих врагов — галицких бояр и их союзников — венгерских феодалов. Второе летописное упоминание, относящееся к 1233 г., сообщает об отнятии Плеснеска галицким князем Данилом Романовичем у бояр Арбузовичей. Упоминание о Плеснеске имеется и в поэме «Слово о полку Игоревом». Из лаконичных сообщений письменных источников следует, что Плеснеск являлся укрепленным населенным пунктом на галицко-волынском пограничье и в конце XII — первой половине XIII в. играл определенную роль в феодальных войнах, связанных с объединением галицко-волынских земель.

От Плеснеска сохранилось большое городище с остатками курганного могильника возле хут. Плеснеск около с. Подгорцы Бродовского района Львовской области.

Исследования древнего Плеснеска начались в 1810 г. и спорадически проводились до начала XX в. [Кучера, 1962]. Основное внимание уделялось могильнику, на котором, по сохранившимся данным, раскопано не менее 60 курганов.

Раскопки на Плеснеском городище, предпринятые в 1940 г. кафедрой археологии Львовского госуниверситета, носили разведывательный характер. В 1946—1949 гг. исследования проводились Львовским отделом Института археологии АН УССР (ныне Отдел археологии Института общественных наук АН УССР) под руководством И. Д. Старчука. Раскопками получен основной археологический материал,

характеризующий памятники древнего Плеснеска.

В 1953 г. раскопки на городище были возобновлены Институтом археологии АН УССР под руководством В. К. Гончарова. В 1954 г. исследования на городище продолжал М. П. Кучера.

Всего в Плеснеске открыто свыше 70 жилых и хозяйственных сооружений и найдено большое количество разнообразных предметов материальной культуры. Раскопки показали, что древний Плеснеск существовал с конца VIII—IX в. до начала XIII в.

Плеснеское городище состоит из двух почти равных по площади частей: верхней и нижней. Верхняя часть расположена на мысу плато и имеет ровную поверхность. Нижняя — занимает окрестную долину и склоны, примыкая к верхней части с юго-востока, юга и юго-запада. Поверхность ее неровная. Расположена она на 60—80 м ниже верхней части.

Через нижнюю часть городища протекает ручей, берущий свое начало в балке у северо-западного края городища и впадающий в Бужек Олеский — приток Западного Буга. Городище в плане имеет овальную форму, занимая площадь около 160 га.

Верхнюю и нижнюю части городища охватывает внешняя оборонительная линия, состоящая из валов, рвов и естественных оврагов. Сложная система внутренних оборонительных линий пересекает верхнюю площадь городища с запада на восток девятью рядами земляных валов со рвами и делит ее на несколько частей. Центральными среди них, судя по мощности укреплений и насыщенности культурного слоя вещевыми находками, были три южные части на мысу плато.

В литературе высказывалось мнение, что валы Плеснеского городища относятся к раннежелезному веку и что в древнерусское время использовалась для защиты только южная часть его оборонительных сооружений [Раппопорт, 1965]. Доказательства в пользу приведенного мнения отсутствуют, не считая наличия на городище в незначительном количестве керамики скифского времени. В насыпи валов двух южных мысовых частей и вала северо-западной части городища обнаружены материалы древнерусского времени. Причем скопление керамики X в. находилось в валу южной мысовой части среди остатков сгоревшего сооружения, очевидно башни [Кучера, 1968].

Тем не менее нельзя игнорировать приводимые П. А. Раппопортом аргументы в пользу высказанного им мнения — большие размеры Плеснеского городища и особенности планировки оборонительной системы. Эти черты действительно характерны как для ряда городищ скифского времени, так и для больших городищ с густой сетью валов, заселенных в древнерусскую эпоху непродолжительное время или же имеющих незначительный культурный слой древнерусского времени.

Вполне вероятно, что городище древнего Плеснеска существовало с раннежелезного века и его укрепления использовались славянами с момента поселения на нем в племенной период. Наличие культурного слоя VIII—IX вв. на труднодоступной верхней мысовой части городища, удаленной от источников воды и лишенной нормальных условий для хозяйственной деятельности жителей, свидетельствует о том, что она с самого начала заселения имела оборонительное значение и использовалась как укрепление.

Оборонительная система Плеснеского городища совершенствовалась в течение длительного времени. Очевидно, среди валов городища имеются не только дославянские, но и древнерусские. Конкретные данные могут быть получены только последующими раскопками.

Наиболее значительные раскопки проведены на второй с юга мысовой части городища. Третья часть исследовалась в меньшей степени. Раскопки на крайней мысовой части, северо-западной части верхней площади го-

родища и в нижней части носили разведывательный характер.

Жилища и хозяйственные сооружения, открытые на городище, представлены остатками полуземлянок и наземных построек. Всего раскопано 48 полуземлянок и одна землянка; прослежены остатки 23 наземных построек. 64 помещения были жилищами, 8 — хозяйственными постройками *.

Полуземляночный тип жилища существовал в Плеснеске с VIII—IX до XIII в., наземные жилища — XII—XIII вв.

Жилища VIII—IX вв. (с раннегончарной керамикой) в плане почти квадратные. Они углублены в грунт на 0,8—1 м и занимали площадь около 10—12 м^2. В трех жилищах обнаружено *по одной печи-каменке; в двух*, очевидно, находились очаги. Хозяйственные сооружения углублены в грунт на 0,4 м. Характерной особенностью полуземлянок этого времени является отсутствие в них столбовой конструкции. Стены, вероятно, возводились в сруб.

Жилища X в. имели столбовую конструкцию и несколько бóльшие размеры (11,5—14 м^2), хотя по глубине (0,85—1,05 м) они почти не отличались от жилищ VIII—IX в. Во всех жилищах этого времени открыты печи-каменки.

Жилища XI в. прямоугольные, реже квадратные, углублены в грунт на 0,85—1,15 м. Размеры их неодинаковы: от 6 до 37 м^2. В целом они занимали несколько бóльшую площадь, чем жилища предшествовавшего времени. К двум жилищам XI в. примыкало по одной небольшой полуземлянке хозяйственного назначения; одно жилище имело входной коридор-сени, второе было двухкамерным. В девяти жилищах открыты ступенчатые входы, вырезанные в материковой глине. В некоторых жилищах вдоль стен прослежены остатки деревянной облицовки, которая крепилась столбами.

Полуземляночные жилища XII—XIII вв., как правило, прямоугольной формы, углублены в грунт всего на 0,4—0,5 м и имеют небольшие размеры. Вместо печей-каменок — глинобитные печи, сложенные из глины и частично камней. Стены жилищ крепились столбами. В полуземляночной постройке хозяйственного назначения стены были сложены в сруб.

От 22 наземных жилищ XII—XIII вв. сохранились развалы глинобитных печей. Контуры самих построек в культурном слое не прослеживаются. Обнаруженная *на городище землянка* этого времени (глубиной свыше 2 м) являлась хозяйственным помещением (погребом) какого-то богатого двора. В ней открыты сосуды для хранения припасов — амфоры, вкопанные нижней частью в земляной пол. От богатых наземных построек XII—XIII вв. происходит 168 фрагментированных керамических плиток, применявшихся как облицовочный материал.

В жилищах, а также в культурном слое вокруг них найден значительный археологический материал, дающий представление о характере материальной культуры древнего Плеснеска и занятиях его жителей.

Из орудий земледелия найдены два железных наральника (один — в жилище XI в.) и нож от плуга — чересло. Обнаружены также 19 серпов и 4 косы, главным образом в обломках, и фрагментированная железная оковка от деревянной лопаты, так называемого рыльца, применявшейся в древней Руси для возделывания огородов.

Ремесленная деятельность наиболее полно представлена обработкой железа. Отходы железоделательного производства — шлаки — нередко встречаются в культурном слое сплошными скоплениями. Найдено также несколько целых и надрубленных железных криц, кузнечное и слесарное зубила, пробойники, два каменных точильных круга.

* Хозяйственные постройки преимущественно наземные, и их следы плохо сохранились. Этим объясняется незначительное количество открытых хозяйственных построек по сравнению с жилищами.

Среди орудий литейно-ювелирного ремесла заслуживают внимания каменная формочка для одновременного изготовления четырех одинаковых украшений — поясных бляшек, найденная в одном из жилищ XI в. К остаткам ювелирной мастерской XII—XIII вв. принадлежат обломки тигельков-льячек, шлаки, образовавшиеся при разливе бронзы, пинцет. Здесь же обнаружены обломки бронзовых трехбусинных сережек, изготовленных в этой мастерской. Ювелирам Плесненска были известны чеканка и штамповка, о чем свидетельствуют находки пуансона и матрицы для тиснения украшений.

К орудиям обработки дерева принадлежат шесть топоров (пять фрагментированных), три тесла, скобель, пять долот, три резца, стамеска.

Важной группой находок является оружие и предметы воинского снаря-

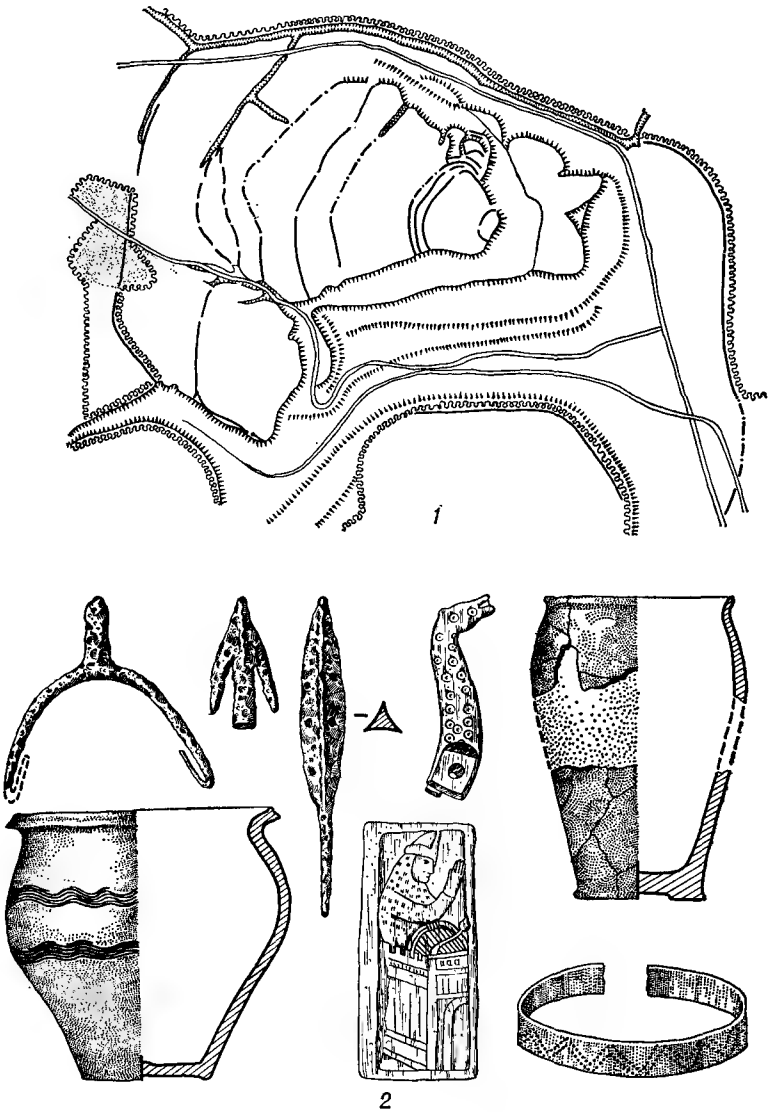


Рис. 79. Плесненск. План укреплений (1) и изделия из раскопок (2).

жения. К ним относятся наконечник копья, перекрестие меча, три обломка однолезвийных мечей, 107 наконечников стрел, костяная булава, два кистеня. Из предметов военного снаряжения обнаружены 23 целые и фрагментированные шпоры, среди которых одна позолоченая, а некоторые другие инкрустированы серебром. Найдены также железные оковки от колчанов, железные удила, псалии. Подавляющее число предметов вооружения обнаружено в слоях XI—XIII вв. К VIII—IX вв. принадлежат шпора западнославянского типа и трехлопастный наконечник стрелы от лука.

Из бытовых металлических изделий найдено 40 железных ключей, несколько обломков железных цилиндрических замков, 364 ножа, несколько пружинных ножниц, кресал, свыше 20 железных и бронзовых пряжек, разнообразные бронзовые и серебряные подвески, бронзовые и медные браслеты и т. п. Из культовых предметов — бронзовые подвеска от паникадила и складной крестик; из принадлежностей туалета — художественно обработанные бронзовые уховертка и булавка, железный туалетный пинцет.

Изделия из камня представлены 140 точильными брусками, относящимися преимущественно к комплексам XI—XIII вв., и 133 пряслицами от веретен, из которых 26 известняковых найдены в слое VIII—IX вв., а 107 шиферных — в слое XI—XIII вв.

Из стеклянных изделий найдены общераспространенные типы украшений — браслеты, бусины, перстни. Стеклянные браслеты обнаружены только в комплексах XII—XIII вв. Из предметов потребления зажиточных слоев населения обнаружено несколько разбитых стеклянных кубков, главным образом в упоминавшейся выше хозяйственной постройке-погребе XII—XIII вв.

Наиболее многочисленной группой находок являются керамические изделия, представленные в основном глиняной посудой. Последняя, за исключением нескольких лепных сосудов, изготовлена на гончарном круге. Лепные сосуды встречены только в одной полуземлянке, причем они лежали на полу вокруг очага вместе с гончарными сосудами VIII—IX вв.

В северной части городища и за его пределами в лесу, на площади 6 га, сохранились остатки курганного могильника. Бóльшая его часть уничтожена распашкой.

Сохранившиеся данные о раскопках курганного могильника свидетельствуют, что до начала XI в. жители древнего Плеснеска погребали умерших по обряду кремации. В XI в. распространяется ингумация, которая в XII—XIII вв. становится единой формой погребального обряда. Захоронения совершены на древней поверхности, непосредственно под насыпью кургана, в отдельных случаях умершие погребены в ямах под курганами. В большинстве погребений, особенно по обряду кремации, обнаружены глиняные сосуды; реже — украшения и единичные предметы личного обихода: височные кольца из серебряной проволоки, бронзовые перстни, железные ножи, иногда каменные точильные бруски и т. п. В шести погребениях обнаружен очень богатый инвентарь — мечи с золотой и серебряной инкрустацией, кольчуга, золотые браслеты и перстни, серебряные кресты и многочисленные украшения из благородных металлов, стекла и камня. Погребения принадлежали богатым воинам-дружинникам и датируются XI в.

Раскопками открыто также 104 погребения во второй и третьей южных частях городища на мысу плато, относящихся к XIII—XIV вв. Умершие погребены в культурном слое в руинах жилищ XII—XIII вв. Некоторые погребения сопровождались украшениями и бытовыми предметами древнерусского типа; отдельные погребения перекрывались сверху каменными плитами.

В истории Плеснеска можно выделить три основных этапа. Основатели Плеснеска в конце VIII в. заселили,

по всей видимости, городище более раннего времени. Судя по распространению культурного слоя VIII—IX вв., обнаруженного в верхней мысовой части и у ее подножия в нижней части городища, первоначальная площадь заселения составляла не менее 10—12 га. В X в. территория Плеснеска значительно расширилась и составила не менее 100 га. Это было крупное общинное поселение, укрепленное, несомненно, в какой-то части. Очевидно, уже с самого начала оно являлось административным центром более мелких окрестных поселений и входило вместе с ними в одно из протогосударственных объединений восточных славян. Учитывая местоположение Плеснеска на Волыно-Подольском плато (водораздел между бассейнами Западного Буга и Днестра) и то, что он в XII в. входил в состав Галицкого княжества, можно предположить, что и в более раннее время он тяготел к области Верхнего Поднестровья, заселенной по письменным источникам IX—X вв. дулебами и хорватами.

В XI в. в материальной культуре Плеснеска появляются новые черты. Керамика в типологическом и технологическом отношениях становится неоднородной. Котлованы полуземлянок имеют в плане округленные углы. Стены не прямолинейные, а слегка изогнуты наружу. Печи-каменки уже сооружаются из мелких камней и по форме приближаются к очагам. Происходят изменения и в характере заселенности Плеснеска. Густо застраивается южная половина мысовой части городища, однако в нижней части численность населения значительно уменьшается.

Все эти изменения, очевидно, находятся в прямой связи с летописными сообщениями конца X — начала XI в. о борьбе между Русью и Польшей за западнорусские земли, включение их в 981 г. в состав Древнерусского государства и последующие безуспешные попытки Польши овладеть этими землями. Вхождение Плеснеска в состав Древнерусского государства подтверждается наличием раннего клейма Рюриковичей (Владимира Святославича (?)) на одном из сосудов конца X — начала XI в.

В это же время происходят заметные изменения социального характера. К XI в. относятся шесть погребений богатых и знатных воинов. Имеются достоверные данные, что в конце X — начале XI в. южная мысовая часть городища уже имела мощные укрепления. Раскопками вала открыты каменные кладки с деревянными сгоревшими сооружениями, в которых находилась в момент пожара керамика рубежа X—XI вв. На этой же площадке перед валом открыта полуземлянка конца X — начала XI в., заполненная характерным для насыпи вала грунтом и существовавшая незадолго перед сооружением или ремонтом укреплений.

Наличие мощных укреплений могут свидетельствовать о деятельности киевских князей по закреплению и освоению государственной территории. Очевидно, в Плеснеске находилась резиденция представителя княжеской власти с военно-феодальной администрацией.

Последний период в развитии Плеснеска (XII — первая половина XIII в.) соответствовал периоду феодальной раздробленности, когда на территории древней Руси существовали отдельные феодальные княжества. В течение этого периода Плеснеск входил сначала в состав Галицкого, а затем, с конца XII в., в состав Галицко-Волынского княжества. Как пограничный пункт Галицкого княжества Плеснеск играл определенную роль в военных событиях по объединению Галицко-Волынской Руси. К этому времени относятся упоминания о нем в письменных источниках.

Для рассматриваемого периода характерны заметные изменения в материальной культуре, возрастание роли ремесла и экономических связей, превращение Плеснеска в феодальный город. Массовым типом жилищ стано-

вятся наземные постройки. Появляются стеклянные браслеты и сосуды, глиняные амфоры, глазированные керамические строительные плитки и другие изделия. По сравнению с XI в. площадь Плеснеска увеличивается. Территория расширяется в основном в северном направлении. Наиболее заселенными были три южные верхние *части городища*, каждая из которых защищена наиболее мощными оборонительными валами.

Археологические и письменные данные свидетельствуют о проживании в Плеснеске крупных феодалов, в частности, летописных бояр Арбузовичей, которые в период ослабления княжеской власти чувствовали себя полноправными хозяевами города.

Жизнь в Плеснеске после нашествия орд Батыя прекратилась не сразу. В двух центральных частях городища открыты кладбища XIII—XIV вв. Не исключено, что они возникли еще в древнерусское время и находились при церквах. Большинство погребений совершено в культурном слое со строительными остатками XII—XIII вв. По-видимому, в какой-то части городища жизнь продолжалась еще во второй половине XIII—XIV в.

Воинь

Воинь упоминается в древнерусской летописи четыре раза. В 1055 г. под Воинем переяславский князь Всеволод Ярославич победил торков, впервые появившихся на границе Руси. В 1079 г. к Воиню подошел из далекой Тмутаракани князь-изгой с половцами, однако тот же Всеволод Ярославич отвел угрозу их нападения на Переяславщину. В 1110 г. из-под Воиня возвратились русские князья с войском, прервав поход против половцев. В 1147 г. под Воинем был заключен мир между киевским князем Изяславом Святославичем и половцами.

Летописные упоминания характеризуют Воинь как хорошо известный на Руси крупный населенный пункт, находившийся на Левобережье Днепра на южной границе Переяславского княжества.

Остатками Воиня является городище на правом берегу р. Сула при ее впадении в Днепр, в настоящее время затопленное водохранилищем Кременчугской ГЭС [Довженок, Гончаров, Юра, 1966; Юра, 1975]. Возле городища до 1959 г. существовал хутор под названием Воинская Гребля или Воинцы, сохранивший имя древнего города. Впервые это городище отождествил с летописным Воинем В. Г. Ляскоронский. Он также обратил внимание на сообщение люстрации Каневского замка 1552 г., в которой оно было названо Воинским.

В связи со строительством Кременчугской ГЭС на городище в течение четырех сезонов 1956—1959 гг. проводились раскопки Институтом археологии АН УССР под руководством В. И. Довженка, В. К. Гончарова, В. А. Богусевича.

Городище состояло из мощного подкововидного вала, сооруженного на краю надпойменной террасы и огибавшего с запада, юга и юго-востока участок речной поймы. Вал, длиной около 400 м, состоял из трех почти равных прямолинейных отрезков, соединявшихся с юго-запада под прямым, а с юго-востока — под тупым углом. Северо-западный конец вала, очевидно, был частично размыт весенними половодьями и доходил почти до края поймы; северо-восточный конец вала примыкал к Суле, к моменту исследований он был подмыт водой и резко обрывался к руслу реки.

В средней части изгиба между валом и поймой находилась узкая сегментовидная площадка, отчасти перекрытая сползшей насыпью вала. Разведывательными раскопками на ней открыт культурный слой. Площадка, длиной около 100 и шириной в среднем 30 м, представляла собой пологий край надпойменной террасы.

Размеры вала значительные: ширина в северо-западной и северо-восточной частях составляла в среднем 35 м при

высоте 3 м, а в более узкой южной части он сохранился на высоту 7 м. С внешней стороны вала проходил оборонительный ров шириной 20, глубиной 3 м.

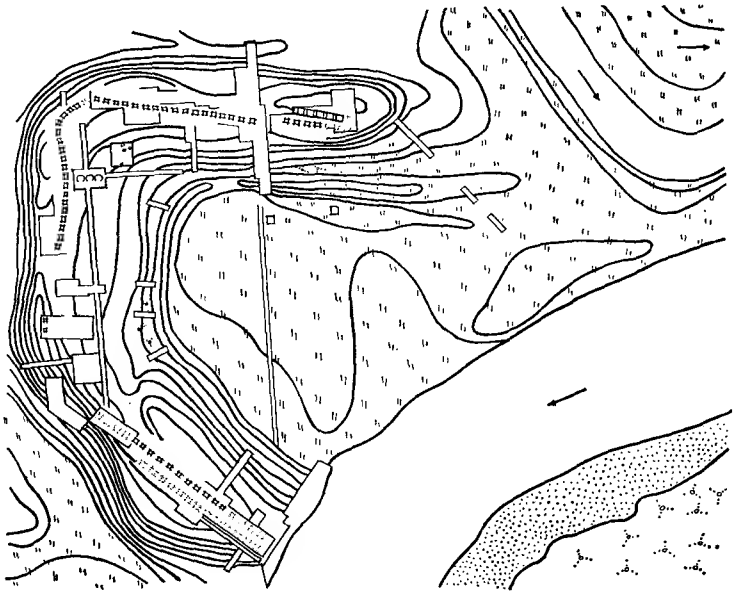


Рис. 80. Воинь. План раскопок детинца.

На правом берегу Сулы в границах городища в трех местах найдены дубовые бревна, опущенные в грунт ниже уровня воды, с заостренными верхними концами, свидетельствующие, возможно, о наличии в древности частокола, установленного по краю естественной водной преграды. К северу от городища находилась старица Сулы — Кривуля, а еще далее — труднодоступная заболоченная пойма.

Однако наличие столь мощного вала с южной стороны и отсутствие его с северной, ограждение валом не поселения, а лишенной культурного слоя низкой поймы, ежегодно затапливаемой весенними паводками, выделяет городище среди обычных укрепленных пунктов. Особенность Воинского городища заключается в том, что оно было укрепленной гаванью. Этим объясняется и неслучайное происхождение заплывшего рва, сохранившегося на всем протяжении вдоль вала с внутренней его стороны, по краю поймы, и соединявшегося с рекой. В ров заходили на стоянку ладьи купеческих караванов, двигавшихся по Суле и далее по Днепру к Черному морю и обратно.

К западу от городища, являвшегося укрепленным центром — детинцем города, на возвышении первой надпойменной террасы, площадью 23 га, размещалось поселение — посад древнего Воиня. Посад ограничивался с севера и запада старицами Сулы — Кривулей и Ривчаком. 500 м южнее находилась заболоченная старица Днепра. Культурный слой древнерусского времени обнаружен также в 150 м севернее городища на мысовидном возвышении при слиянии Кривули и Сулы — так называемом Иванковом бугре, площадью около 0,25 га. К северо-западу от посада на западном берегу Ривчака разведывательными раскопками открыт древний грунтовой могильник с почти безынвентарными христианскими погребениями.

Изучением оборонительных сооружений и жилищно-хозяйственных комплексов установлено, что древний Воинь существовал с конца X до первой половины XIII вв.

Первоначальные укрепления Воиня не сохранились. В XI в. восточная

часть их (на детинце) реконструировалась, а в западной части (на посаде) они были заброшены и впоследствии спланированы. Зачисткой торца вала со стороны Сулы, а также поперечной траншеей в северо-восточной части детинца установлено, что под существующим валом находятся два более ранних вала со рвом между ними. На посаде в 100 м западнее детинца открыт в нескольких местах поперечный ров, заполненный грунтом с многочисленными культурными остатками XI в. Ров перекрыт культурным слоем XII—XIII вв. На месте полностью спланированного вала на внутреннем краю рва в нижней части культурного слоя сохранилось основание вала в виде полосы очень твердого насыпного грунта. На одном из участков на остатках вала открыто полуземляночное жилище конца XI в., что свидетельствует о запустении вала посада уже в XI в.

Во внутренней части вала детинца размещались срубные помещения — клети с различным бытовым инвентарем. В этой части вал раскопан на 3/4 длины — на протяжении около 100 м на северо-восточном конце, около 70 м в средней части и около 120 м на северо-западном конце.

Исследовано 47 клетей; примерно 17 клетей имели плохую сохранность. Среди их остатков не удалось различить отдельные помещения. Городен раскрыто свыше 90 : 81 со стороны Сулы (41 — во внешнем ряду и 40 — во внутреннем) и 13 на северо-западном конце (7 — во внешнем ряду и 6 — во внутреннем).

В северо-восточной части — со стороны Сулы — два ряда городен и внутренний ряд клетей составляли в плане единую конструкцию, образованную четырьмя параллельными продольными стенами, разделенными на отдельные камеры поперечными стенами. Ряд клетей и непосредственно примыкавший к ним с наружной стороны внутренний ряд городен имели одинаковую (поперек вала) ширину — по 2,5 м. Крайний наружный ряд городен имел ширину 3—3,5 м. Размеры городен вдоль вала составляли по 1,5 м— на таком расстоянии находились поперечные стены, сплошные для обоих рядов. Поперечные стены клетей также размещались по одной линии с поперечными стенами городен, но клети имели размеры (вдоль вала) по 3—3,15 м (соответственно двум городням) и были разделены межклетьевыми промежутками шириной 1,5 м (соответственно одной городне). Таким образом, размеры клетей составляли 3—3,15×2,5 м, городен — 1,5×3—3,5 (внешний ряд) и 1,5×2,5 м (внутренний ряд). Межклетьевые промежутки равны по размерам городням внутреннего ряда.

В средней части вала (с юга) и в северо-западной части размеры клетей несколько иные: 2,6—3 м поперек вала и 3—3,3 м вдоль вала, с промежутками 1,1—1,2 м. Городни в северо-западной части занимали поперек вала 4,5 м (внешний ряд) и около 3 м (внутренний ряд). В продольном к валу направлении городни имели ширину 2,6 м и делились, как и клети, промежутками, шириной 1,2 м.

Если в северо-восточной части городни и клети строились одновременно, то в северо-западной части клети конструктивно не были связаны с городнями и взаимосвязаны между собой, что позволяло в любое время перестраивать ту или иную клеть.

В северо-восточной части клети и городни сгорели; в северо-западной части следы пожара имели только клети. Хорошо сохранившиеся стены городен прослежены в северо-западной части насыпи вала на глубину 12 венцов. Учитывая толщину бревен — в среднем 0,25 м, городни углублялись в насыпь вала более чем на 2,5 м. Несохранившаяся пустотелая верхняя часть городен выходила на поверхность в виде рубленой стены. Это подтверждается раскопками в северо-восточной части, где верхние бревна обоих рядов городен обуглились в результате пожара наземной части.

На одном участке с юга на вершине вала обнаружены остатки наземной стены, состоявшей из одного ряда пустотелых дубовых срубов, рухнувших в момент пожара во внутреннюю сторону детинца. Здесь на протяжении 28 м открыта опрокинутая набок и оказавшаяся внизу внутренняя продольная стена конструкции с закрепленными в ней и торчащими вверх бревнами поперечных стен. Внешняя продольная стена вместе с закрепленными в ней концами поперечных стен полностью сгорела. Сохранившаяся часть внутренней продольной стены имела высоту 2,5 м, а в поперечных стенах уцелело до 10 венцов бревен, диаметром 20 см. Расстояние между остатками поперечных стен не было одинаковым; в лучше сохранившихся местах оно составляло от 0,7 м до 1,8 м. Возможно, это объясняется тем, что срубы стояли в месте поворота вала (во внутреннюю сторону) и при падении они сместились: местами перекрыли друг друга, а местами — разъехались. После пожара оборонительные сооружения Воиня еще какое-то время функционировали. Завал срубной стены присыпали грунтом, в результате чего в средней части вала образовался узкий крутой гребень, впоследствии уже не перестраивавшийся.

В северо-западной части поперек вала проходил въезд на городище. Он открыт во внутренней части вала между клетями. Въезд имел вид дороги, длиной 8, шириной 2,6 м, вымощенной поперек дубовыми плахами, положенными на три ряда продольных лаг. Ниже находились остатки более ранней мостовой, лежавшей на субструкции из костей животных.

Огромный вал городища и открытые в нем остатки многорядных срубных деревянных конструкций относятся ко второму этапу оборонительного строительства Воиня. Зачисткой вала со стороны Сулы и заложенной здесь поперечной траншеей установлено, что городни и клети размещаются в толще вала, построенного на месте двух предыдущих валов и рва между ними.

Клети, сооруженные в Воине очевидно в XI в., не могли использоваться под помещения вплоть до XIII в. Часть из них со временем пришла в запустение, а часть — перестраивалась.

Большинство клетей к моменту пожара находилось в заброшенном состоянии. Их земляные полы, особенно во внешней части, со стороны городен, перекрывались наплывами глинистого грунта, где прослежено значительное количество прослоек, понижающихся ко внутреннему краю и свидетельствующие о том, что клети протекали и длительное время не ремонтировались. Нижние венцы клетей в пределах наплыва не сгорели, а сгнили.

В этих клетях найдены разрозненные обломки керамики, отдельные кости животных, иногда кости рыб, единичные бытовые вещи — шиферное пряслице, железный ножик, иногда рыболовный крючок, наконечник стрелы, в отдельных случаях — точильный брусок, гвозди, очень редко — замок или ключ. Несомненно, что клети в свое время использовались жителями Воиня не только для хозяйственных нужд, но и для укрытия в момент опасности. В двух клетях на полу обнаружено большое скопление чешуи и костей рыб. Очевидно, в них хранилась вяленая рыба. В четырех клетях найдены жерновые камни, в том числе в одной из них — еще и скопление костей рыб и чешуи, а также обгоревшая мука и обломки замков. В трех клетях встретились редкие находки: в одной — деформированный в результате пожара бронзовый колокол, во второй — костяная булава, в третьей — византийская медная монета XI в. (вместе с рыболовным крючком, железным ножом, бронзовой пластинкой, железным кольцом, двумя шиферными пряслицами, обломками амфоры и горшков).

Более широкий ассортимент находок выявлен в девяти клетях. В одной из них под завалом обугленных конструкций и на полу обнаружены набор кузнечно-слесарных инструментов, предметы вооружения и различ-

ные бытовые изделия: молот-кувалда, наковаленка, молоток, куски железа, каменный точильный брусок, железные стержни, гвозди, части железного пластинчатого панциря, обрывки кольчуги, наконечник стрелы, три ключа, бронзовый колокольчик, бронзовая застежка от книги, шесть раздавленных горшков, обломки деревянного точеного сосуда, шиферное пряслице и неопределимые окисленные железные предметы.

В шести клетях находилась тара (горшки, деревянные бочки или плетенные из прутьев корзины, в некоторых случаях берестяные коробы, точенные на токарном станке деревянные миски) и скопления обугленных зерен злаков (просо, пшеница, иногда рожь и горох). Из других находок, кроме тары и злаков, обнаружены в двух случаях мотки ниток, византийская монета начала XI в., жернова, бёрдо от ткацкого станка, бронзовая лампадка и другие единичные вещи бытового назначения. В двух остальных клетях находки более разнообразны: в одной — 10 горшков, несколько фрагментов деревянных мисок, круглая буханка хлеба, диаметром 15 см, клубок ниток, 2 замка, ключ; во второй — 4 горшка, 2 деревянные миски, 2 свинцовые весовые гири, византийская монета конца X — начала XI в., топор, долото, 2 точильных бруска, обугленные зерна пшеницы, шерсть, часть деревянного гребня, 2 шиферных пряслица и некоторые другие фрагментированные предметы.

Очевидно, клети использовались в первую очередь для хранения различных хозяйственных припасов и утвари. Возможно, некоторые из них служили жилищами, хотя достоверных остатков печей в них не обнаружено.

Среди упомянутых девяти клетей в семи обнаружены полы из сосновых, реже — дубовых досок. Надо полагать, что клети отстраивались взамен старых. По-видимому, обновленных клетей к концу XII — началу XIII в. существовало больше. Пять клетей с деревянными полами находились среди клетей по обеим сторонам въезда в северо-западной части городища. Очевидно, открытые здесь клети одновременные: они размещались на одном уровне и конструктивно не были связаны с городнями. Судя по планировке и стратиграфии, настил въезда старше клетей. Одна клеть с деревянным полом открыта возле юго-западного угла городища. Пол в ней на 35 см возвышался над уровнем пола соседних клетей. Под досками пола находилась земляная присыпка, а под ней — остатки сгоревшей более ранней клети с земляным полом. В обеих клетях обнаружены немногочисленные обычные находки.

Приведенные факты позволяют считать, что выходившие из строя деревянные конструкции укреплений Воиня в какой-то степени восстанавливались.

Разведывательными раскопками на площадке с внутренней стороны вала обнаружены многочисленные обломки керамики XI—XIII вв., полуземлянки и хозяйственные ямы, а также остатки наземных жилищ.

На посаде в разных местах исследовано около 3000 м^2 площади. В 150 м западнее городища была заложена поперечная траншея длиной 200 м и проведены раскопки между траншеей и городищем. Исследования проводились в северной, средней и западной части посада, а также на Иванковом бугре севернее городища. Установлено, что наиболее заселенной была северная часть посада, расположенная ближе к старице Сулы. К югу и особенно к западу жилищно-хозяйственные комплексы размещались значительно реже.

Всего исследовано 7 полуземляночных жилищ, свыше 15 хозяйственных полуземляночных сооружений и около 20 наземных жилищ.

Полуземляночные жилища в плане четырехугольные, размером 3×4, реже 4×4, углублены в грунт на 0,9—1 м от уровня современной поверхности и имели столбовую конструкцию. В одном из углов стояла глинобитная печь.

Хозяйственные сооружения представлены обычными округлыми или овальными ямами-погребами поперечником от 1×1 до 1,75×3 м для хранения припасов; в отдельных случаях они имели подпрямоугольную форму размерами 2,1×2,5 и 2,5×2,5 м. К наземному типу жилищ принадлежат остатки разрушенных печей с уцелевшими в основном глинобитными подами. Контуры жилищ в культурном слое не прослеживались.

В заполнении жилых и хозяйственных построек встречены случайно оставленные, потерянные или непригодные для дальнейшего употребления предметы бытового назначения. Как правило, оставляя жилище, владельцы уносили с собой наиболее ценные вещи. На площади значительной части наземных, а в отдельных случаях и в полуземляночных постройках обнаружены следы пожара. Однако случаев внезапной гибели жилищ от пожаров не зафиксировано. Полуземляночные жилища существовали в конце X—XI в. и в XII—XIII вв. Большинство жилищ наземного типа, по-видимому, относится к XII—XIII вв.

Материальная культура Воиня датируется концом X — первой половиной XIII вв. Основная масса изделий из металла, стекла, кости, камня датируется XI—XIII вв. К X—XI вв. принадлежит часть найденных замков, стеклянных браслетов, костяных гребней и других немногочисленных предметов. Наиболее полно хронологию Воиня определяет массовый керамический материал. Почти вся керамика представлена гончарной посудой конца X— первой половины XIII в. Среди лепной керамики несколько обломков сосудов относится к роменской культуре IX—X вв. Найдены они в северной части посада. К более ранним материалам, не имеющим непосредственного отношения к Воиню, относятся обломки лепной керамики и некоторые другие единичные изделия эпохи неолита, бронзы, предскифского и скифского времени.

Основным занятием жителей Воиня, несомненно, было сельское хозяйство, хотя орудий труда этой отрасли производства встречено немного: обломок наральника, чересло от плуга, пять обломков серпов и две фрагментированные косы. Результаты анализа остеологического материала показали, что среди домашних животных основное место занимали крупный рогатый скот, свинья и овца. Важная роль принадлежала охоте и рыболовству — найдены орудия этих промыслов, кости пушных и мясных животных, рыб.

Значительного развития в Воине достигла обработка металлов. Заслуживают внимания находки довольно характерных орудий труда — кузнечных молота-кувалды, клещей, наковальни для слесарно-ювелирных работ, двух каменных и одной керамической формочки для отливки украшений. Обнаружены также три куска медной круглой проволоки, использовавшейся, очевидно, для изготовления различных украшений.

Из орудий деревообрабатывающего ремесла встретилось 7 плотницких топоров, 4 тесла, 14 долот, пила-ножовка, сверло, резец-ложкарь. О местном косторезном ремесле свидетельствуют многочисленные находки отходов производства в виде обрезков рогов и костей, заготовок, неоконченных или бракованных изделий.

Из предметов вооружения и военного снаряжения найдены 3 перекрестья от сабель и одно от меча, 3 наконечника копий, 2 боевых топора, костяная булава, 5 кистеней, 33 железных наконечника стрел, несколько костяных пластинок от сложного лука, части пластинчатого панциря, обрывки кольчуги.

К числу редких для древнерусских городищ находок относятся 10 византийских монет, из них 7 — второй половины X—XI в. и одна XIII в. (две монеты плохо сохранились), пломбир для наложения свинцовых товарных пломб, 2 свинцовые весовые гири, 6 железных заклепок от ладей. Эти находки дают представление о специфи-

ческой функции Воиня как укрепленной гавани.

Воинь обеспечивал жизненно важные интересы Южной Руси в торговле с Северным Причерноморьем и Византией, что стимулировало его социально-экономическое развитие.

На детинце и особенно на посаде найдены многочисленные обломки византийских и севернопричерноморских амфор X—XIII вв., обломки стеклянных браслетов и перстней того же происхождения. Об уровне развития средневековой городской культуры свидетельствуют находки двух железных стилей для письма и шести бронзовых застежек от книг. Найдена также свинцовая вислая печать XI в., которой скреплялись княжеские грамоты.

По-видимому, Воинь основан в конце X в. киевским князем Владимиром Святославичем в период его строительной деятельности по укреплению южных границ Руси. С самого начала Воинь имел важное военное значение, о чем говорит его название.

Обнаружение на посаде керамики роменской культуры скорее свидетельствует не о существовании на месте Воиня более раннего поселения, а о наличии среди поселенцев во вновь основанном укрепленном пункте северян.

Первоначально Воинь состоял из двух укрепленных частей: внутренней — детинца и внешней — посада. Внешняя линия укреплений проходила с севера на юг в 100 м западнее детинца и, судя по сохранившемуся на поверхности углублению на месте рва, резко поворачивала в восточном направлении, примыкала к детинцу, огибая его непосредственно с юга до самой Сулы. Из открытых в восточной части детинца двух более ранних валов внутренний вал принадлежал собственно детинцу, а внешний являлся продолжением вала посада.

Впоследствии вместо двух линий валов и рвов была сооружена одна мощная укрепленная линия, в результате чего защита сосредоточивалась в одном месте — детинце-гавани.

Значение Воиня, как порубежного перевалочного пункта на Днепровском торговом пути, способствовало перерастанию его в город.

Воинь подвергался нападениям со стороны кочевников, о чем свидетельствуют обгорелые во время пожаров оборонительные сооружения, но продолжал существовать на протяжении всего древнерусского периода. С нашествием орд Батыя город пришел в запустение.

Юрьев

История Юрьева тесно связана с *Поросьем — южным порубежьем Древ*нерусского государства. Из летописей известно, что после похода Ярослава и Мстислава Владимировичей на Червенские грады «...многы Ляхи приведоста и разделивши я, Ярослав посади своя по Рси и суть до сего дне» [ПСРЛ, 1962, т. 2, ст. 150]. Под 1032 г. в летописи имеется запись: «В лъто 6540. Ярославь поча ставити городы по Ръси». Первое упоминание под 1072 г. связано не с самим городом, а с местной епископией — юрьевском епископе Михаиле. Другие поросские епископы упомянуты под 1089, 1091, 1095, 1113, 1115, 1122, 1147, 1183, 1197, 1231 гг.

Согласно летописным сведениям, в 1095 г. Юрьев (Гюргев) выдержал осаду половцев, но жители покинули город, «...а Гюргев зажгоша половце тощь». В 1103 г. при Святополке Изяславиче город был заново отстроен.

Впервые разместить Юрьев на территории современной Белой Церкви (имя которой известно из письменных источников XIV в.) предложил Л. Похилевич, мнение которого позже разделили М. М. Тихомиров, М. П. Кучера, П. П. Толочко [Похилевич, 1895; Тихомиров, 1956; Кучера, 1978; Толочко, 1980]. Некоторые исследователи локализовали детинец города на Замковой горе в центре современного города, другие — на городище в дендропарке «Александрия». Археологические раскопки Юрьева до 1978 г. не прово-

дились, но в результате наблюдений за земляными работами П. А. Трохимца и М. Ю. Брайчевского в 1957 г. были получены данные о мощном культурном слое древнерусского времени

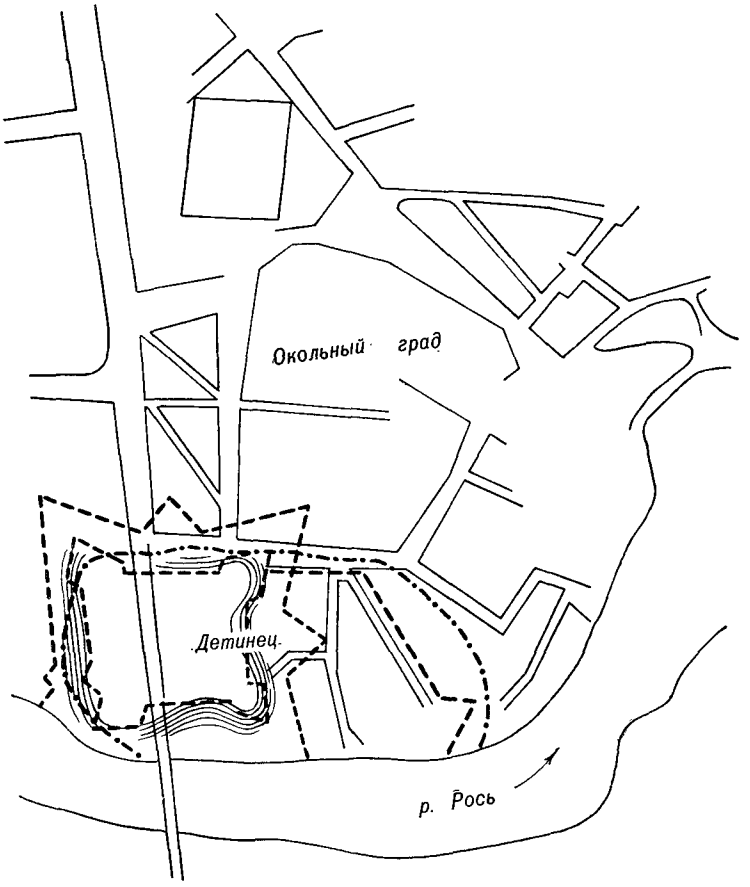


Рис. 81.
Юрьев. План древнейшей части города.

на Замковой горе. Исследования Юрьева проводились экспедицией Института археологии АН УССР в 1978, 1980—1983 гг. под руководством Р. С. Орлова. Раскопки сосредоточивались преимущественно на площадке Замковой горы в местах, свободных от современной застройки.

Топографию города XI—XIII вв. определить трудно, так как в настоящее время городище представляет собой площадку прямоугольной формы, размерами 135×110 м с угловыми бастионами и раскатами, сооруженными около 1550 г. Высота площадки над уровнем р. Рось достигает 16 м. К позднесредневековой крепости примыкает возвышение на месте современных первого и второго Замковых переулков, отделенное рвом, глубиной до 5 м. Можно предположить, что в древнерусское время этого рва не существовало и площадь детинца Юрьева достигала 4 га. С юго-восточной напольной стороны располагался окольный город (территория усадьбы сельскохозяйственного института, усадьба Преображенской церкви, ул. Горького), площадь которого определяется до 10 га. Современная Замковая гора представляет собой северную мысовую часть городища древнерусского Юрьева, размещенного на высоком левом берегу реки.

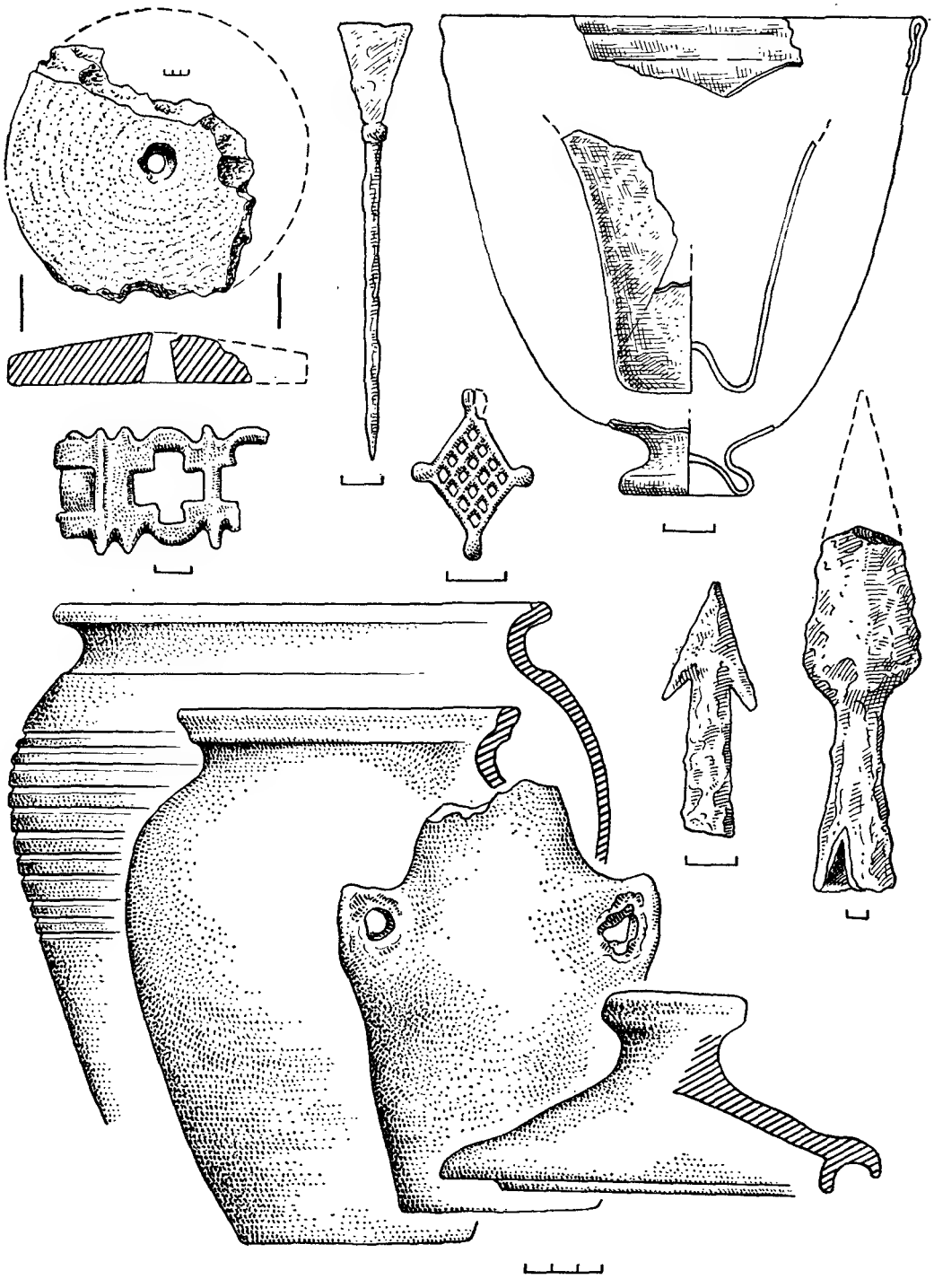


Рис. 82. Юрьев. Керамика, орудия труда, оружие и украшения из раскопок на Замковой горе.

Кроме работ разведочного характера, раскопки проведены на площадке между зданием костела 1807 г. и западным склоном, обращенным к реке. Здесь обнаружены жилые и хозяйственные постройки XI—XVIII вв. Они представлены наземными жилищами с подклетами и погребами, хозяйственными ямами, производственными печами. Исследовано четыре жилища XI в. и четыре жилища XII—XIII вв., а также две постройки XII—XIII вв. хозяйственного назначения. Сохранившиеся углубленные части жилых построек XI—XIII вв. (подклет или подполье) прямоугольные или квадратные, площадью около 25 м², углублены от древней поверхности на 1—1,5 м.

К двум жилищам XI в. через коридоры шириной около 1 м примыкали круглые хозяйственные ямы, вырезанные в материковом лессе. В одном случае к жилищу XII—XIII вв. примыкала пристройка столбовой конструкции с печью. Все печи в жилых постройках глинобитные, каркасной конструкции, диаметром до 1,5 м, с хорошо сохранившимся подом. Исключение составляет жилище XII—XIII вв., где печь рухнула с помоста в подклет. Жилища на площадке горы расположены тесно, что дает возможность проследить усадебный характер застройки. С одной из усадеб связан комплекс «поварни», состоящий из двух построек с печами и хозяйственной ямы. В одной из построек находилась обычная глинобитная печь, в конструкции которой использован камень, и две печи-«ниши», грушевидные в плане. В другой постройке в стене были вырезаны две печи-«ниши». На небольшом дворике между постройками размещались еще три печи. Здесь же найдено обгоревшее зерно и мука. Аналогичный комплекс из трех печей, открытый в Белгороде, интерпретирован Б. А. Рыбаковым как остатки княжеской поварни.

В культурном слое на Замковой горе прослеживаются следы от двух больших пожаров. В результате первого пожара погибли одновременно все жилища с материалами XI в. Еще более грандиозный пожар уничтожил город в середине XIII в. Между двумя этапами жизни города существовала преемственность — жилища XII—XIII вв. расположены на месте построек XI в. Иногда повторяются одни и те же конструктивные особенности построек, каждой усадьбы. Приведенные факты подтверждают летописные сведения о пожаре города в конце XI в. и последующем восстановлении, о бегстве и временном переселении жителей Юрьева на восемь лет на Витачевский холм. Пожар и разрушение города в XIII в. связаны, по-видимому, с нашествием орд хана Батыя. Однако жизнь в городе продолжалась — в раскопе повсеместно встречается керамика XIV—XV вв. К этому периоду относится и постройка хозяйственного назначения, возможно, косторезная мастерская.

В постройках и в культурном слое возле них обнаружен вещевой материал, свидетельствующий о разнообразных занятиях населения. В большом количестве встречены обломки камней от ручного мельничного постава. С обработкой железа связаны находки шлаков, с обработкой цветных металлов — куски медного литья, обрезки пластин. Находки шпор XII—XIII вв., псалий, наконечников копий и стрел характеризуют воинский быт города-крепости. Другие находки обычны для городского культурного слоя: трубчатые замки и ключи к ним, ножи, пряслица из пирофилитового сланца, четырехгранные гвозди, кольца поясные и трензельные, точильные бруски. Следует назвать обломок цепи от хороса, двусторонний наборный гребень, костяные ручки от ножей с циркульным орнаментом, косорешетчатую и крестовидную подвески.

В горелом слое первой половины XIII в. обнаружена византийская ткань — двухслойная саржа, окрашенная червецом. Шитье из византийского пряденого золота выполнено напроем и воспроизводит сетку из диагональных квадратов с вписанными в ячейки

равноконечными крестами. Техника шитья — древнерусская. Из других редких находок — четыре «писала» или стила, одно из которых выполнено из медного сплава, остальные — железные, и небольшой (диаметром около 20 мм) колт из медного сплава.

В постройках и культурном слое XII—XIII вв. найдены десятки обломков стеклянных браслетов, кубков — остродонных (в постройках XI в.) и с поддоном, глазчатых и золоченых бус. Изделия из стекла главным образом древнерусского производства. В большом количестве встречены обломки византийских красноглиняных амфор со светлым ангобом, относящихся к типу больших грушевидных с дуговидными ручками, распространенных на Руси в XII—XIII вв. [Якобсон, 1979, с. 113].

Керамический комплекс Юрьева древнерусского производства разнообразен: кухонные горшки с крышками, миски, кувшины, «амфорки» киевского и волынского типов, столовая белоглиняная посуда со светло-зеленой глазурью. В постройках XI в. чаще встречаются горшки бело- или красноглиняные, тонкостенные; венчик обычно с закраиной без утолщения, иногда с косыми срезами. Декор скромен, в тесте изредка примесь толченого гнейса. Горшки XII—XIII вв. с более валиковидным, чем в горшках XI в., венчиком и, как правило, с примесью толченого гнейса в тесте, с толстыми стенками и богатым орнаментальным декором.

В северо-восточной части Замковой горы исследован древнерусский могильник XI—XIII вв. и остатки фундаментов храма, согласно византийским источникам, посвященный Георгию. Значительная часть могильника и восточная часть храма уничтожены в результате строительных работ XIX—XX вв. Раскопано 33 хорошо сохранившихся погребения и около 10 разрушенных. Обряд погребений — христианский, в ямах и в деревянных гробах, сколоченных гвоздями, и в одном случае — в каменном саркофаге из плинфы и брускового кирпича. Из датирующих находок — пуговицы в виде полого шарика с петелькой, лировидная пряжка и железный нательный крест, что позволяет отнести погребения к XI—XIII вв. Летом 1983 г. полностью раскрыт фундамент храма. Это трехапсидный, четырехстолпный храм, шириной до 12, длиной до 18 м с фасадом, расчлененным полуколонками. Фундамент лучше сохранившейся северной стены сложен из крупных валунов с внутренней забутовкой на глинистом растворе, шириной до 1,4 м. Сохранились и другие строительные материалы: плинфа и брусковый кирпич от стен, известковый раствор, керамические плитки от пола с глазурью зеленого, коричневого и желтого цветов. Конструктивные особенности позволяют датировать сооружение каменного храма второй половиной XII в.

На территории дендропарка на высоком левом берегу р. Рось на площадке городища (так называемой Палиевой горе) проведены небольшие разведочные раскопки. Городище круглое в плане, диаметром около 55 м, окружено кольцевым валом шириной 7—8, высотой до 1,5 и рвом глубиной до 1,5 м. С напольной стороны проходит другой вал. Условия не позволили выяснить время сооружения оборонительных конструкций городища. Обнаружен небольшой культурный слой древнерусского времени, а также остатки постройки VI—VII вв. с материалами, характерными для пеньковской культуры.

В окрестностях Юрьева, но на противоположном берегу р. Рось возле с. Яблоновка исследован курганный могильник XI—XIII вв. Раскопки были начаты Белоцерковским краеведческим музеем в 1969 г. (раскопано 18 курганов) и продолжены в 1981—1982 гг. Институтом археологии АН УССР (раскопано 43 кургана). Всего в могильнике насчитывается 169 насыпей высотой 0,2—1,5 м. Обряд погребения — в вытянутом положении на спине на уровне погребенной почвы. Инвентарь разнообразен и обилен — меч, сабли, ножи, кресала, тесла, на-

конечники копий и стрел, ножницы для стрижки овец, браслеты, бусы и т. д. Керамический комплекс отличается от синхронных из Среднего Поднепровья, но некоторые формы свидетельствуют о связях с Подоньем. Возможно, появление таких черт в материальной культуре населения пограничья связано с русскими походами на половцев в начале XII в., когда «...взяша... и веже с добытком и челядью».

Материалы раскопок Юрьева свидетельствуют о том, что основанный как крепость для борьбы с кочевниками город к XII в. превращается в крупный экономический и идеологический центр Поросья. После нашествия орд Батыя в 40-х годах XIII в. жизнь в городе не прекращается. В 60-х годах XIV в., после освобождения Правобережной Украины князем Ольгердом, город упоминается в письменных источниках под новым названием — Белая Церковь.

Василев

Василев упоминается в Галицко-Волынской летописи под 1229 годом [ПСРЛ, 1908, т. 2]. Его руины сохранились на территории современного с. Василев Заставновского района Черновицкой области. Он состоял из укрепленного детинца, ремесленного посада и периферийных поселений, в том числе укрепленного феодального замка [Тимощук, 1969].

Остатками детинца является городище Замчище, расположенное в северной части села на невысоком мысу правого берега Днестра. Его площадка (130×110 м) с напольной стороны ограждена заплывшим дуговидным рвом, по дну которого проходила древняя дорога. По периметру детинца в XII—XIII вв. стояли деревянные оборонительные стены, по-видимому, срубной конструкции. Раскопанные здесь остатки глинобитной печи свидетельствуют о том, что помещения оборонительных стен были приспособлены под жилища.

В северо-восточной части укрепленной площадки обнаружены остатки деревянного храма: керамические глазированные плитки, камни, куски обугленного дерева. Рядом с храмом находилось древнерусское кладбище, на котором раскопано три погребения в грунтовых ямах. Одно из них сверху перекрыто каменной плитой.

За оборонительной линией детинца начинался посад, простиравшийся вдоль берега Днестра на 3 км. На его территории обнаружены наземные дома со стенами столбовой и срубной конструкции и глинобитными печами, раскопаны ремесленные мастерские. Рядом с детинцем, в уроч. Торговица, размещалась торговая площадь, представлявшая собой ровную местность, в большей своей части свободную от застройки. Лишь в ее центре обнаружено скопление глиняных глазированных плиток, камней, углей и обломков керамики XII—XIII вв., возможно от деревянной церкви. Вокруг площади размещались ремесленные мастерские. Здесь раскопано девять одно- и двухъярусных гончарных горнов.

В юго-восточной части посада на холме высотой около 20 м исследованы фундаменты белокаменного храма [Логвин, Тимощук, 1961]. Он был четырехстолпный, однокупольный, трехнефный с тремя полуциркульными апсидами с востока. Размеры храма 21,2×13,6 м по внешнему обводу стен. Его фасад расчленен плоскими пилястрами. В западной стене размещался перспективный портал.

По технике строительства василевский храм — типичное для Галицкого княжества монументальное сооружение. Стены сложены из больших тесаных блоков известняка с внутренней забутовкой, а фасад украшен деталями из резного камня: капителями, колонками и полуколонками, остатки которых найдены во время раскопок.

Пол храма вымощен глазированными керамическими плитками обычного для XII—XIII вв. типа. Они трехугольной или четырехугольной формы со скошенными краями и покрыты светло-

желтой, зеленой и коричневой глазурью.

В притворе храма раскопано пять каменных саркофагов с остатками захоронений XII—XIII вв. Наиболее древний из них, сложенный из отдельных каменных плит, вмурован в ленточный фундамент. Другие саркофаги представляют собой прямоугольные каменные ящики длиной до 2,2 м. Вытесанные из целых каменных блоков, они сужаются в одну сторону.

В центральной части храма находилось шесть каменных костниц длиной до 1,4 м.

В них человеческие кости лежали без анатомического порядка. Костницы сделаны из блоков известняка в виде ящиков, сверху покрытых *каменными плитами.*

Возле храма находилось кладбище XII—XIII вв. На нем раскопано 12 каменных саркофагов того же типа, что и в храме. В каждом из них лежали останки нескольких погребенных: мужчин, женщин и детей. На крышке одного из саркофагов сохранилась надмогильная надпись в виде геометрических знаков: «вавилона», «знаков рюриковичей», палочки с петлей, круга с крестом и пр.

На посаде, кроме главного, обнаружено еще три кладбища XII—XIII вв. В центре посада раскопаны погребения, огражденные каменными кругами диаметром 6—12 м. В середине каждого круга (их раскопано четыре) находилось несколько погребений в дубовых гробах, принадлежащих мужчинам, женщинам и детям. В них найдены серебряные и медные серьги, перстни и височные кольца.

В состав летописного Василева входили пригороды: феодальный замок на мысу Хом, монастырь и селища (Жигулевка и др.). Раскопки проведены на городище Хом. Здесь на месте подковообразной возвышенности, ограничивающей площадку размерами 80×50 м, обнаружены остатки наземных домов с глинобитными печами. В северо-восточной части площадки раскопаны остатки наземного деревянного дома (церкви?) размерами 8×8 м, в середине которого находился каменный саркофаг. Рядом с этой постройкой раскопано погребение XII—XIII вв. На городище обнаружены бронзовый крест-энколпион, бронзовая булава, стеклянные браслеты и пр.

Стратиграфические данные, полученные экспедицией Черновицкого краеведческого музея во время раскопок фундаментов храма в 1958—1959 гг., и древнерусские находки позволяют утверждать, что Василев начал свое развитие в первой половине XII в., когда Среднее Поднестровье входило в состав Теребольского княжества. Возможно, по инициативе теребольского князя Василька (1092—1124) на Днестре был построен замок, названный его именем — Василев. Замок стал основой формирования поселения городского типа.

Во время нашествия орд хана Батыя на Русь укрепления Василева были уничтожены. Тогда же прекратил свое развитие и городской посад. Но само поселение Василев продолжало существовать. Оно упоминается в 1448 г. как обычное село.

Древнерусское жилище

Большая часть территории древней Руси была покрыта лесами, чем и объясняется тот факт, что уже в I тыс. н. э. восточнославянские племена строили добротные жилища из дерева.

Размах плотничьих работ на протяжении всего русского средневековья был поистине огромным: летописи, начиная с записи под 988 годом, сообщают о закладке и возведении целых деревянных городов: «И поча нарубати муже лучшие от Словен, и от Кривич, и от Чуди, и от Вятичь, и от сих насели грады» [ПВЛ, 1950, т. 1. с. 83].

О существовании на территории славянских земель многочисленных укрепленных городов со сложными деревянными сооружениями сообщают древние греческие, скандинавские, арабские и другие письменные источники.

По свидетельству, например, Геродота (V в. до н. э.), на землях Восточной Европы, покрытых густым разнородным лесом, жили народы, умевшие возводить из дерева обширные города с высокими крепостными стенами, жилыми домами и храмами. Ибн-Мискавейх отмечает, что воины-русы носили на поясе, кроме оружия, плотничные инструменты. По свидетельству другого арабского писателя — Ибн-Фадлана, прибывшие в Болгары купцы-русы строили для себя и своего товара вместительные рубленые жилища. В IX в. скандинавские источники называли Русь «страной городов». И хотя древние жители не оставили нам точного описания этих построек, само упоминание о них представляет для нас большую ценность.

Плотничным ремеслом — искусством сплачивать, соединять бревна в единые срубы — владел каждый простолюдин на Руси. Судя по летописной статье 1016 г., воевода киевского князя Святополка укорял новгородцев, пришедших к Киеву, что они занялись не своим основным делом: «...а вы плотници суще? А приставим вы хоромов рубити наших» [ПВЛ, 1950, т. 1, с. 96]. Топор в руках крестьянина или горожанина являлся универсальным инструментом, так как почти все ремесла и все занятия в том или ином виде требовали умения в обращении с лесом. Населением древней Руси заготавливались бревна для жилого сруба или крепостной стены, для хозяйственной постройки или оборонительной башни. И та поразительная быстрота, с какой была воспринята сложная техника возведения каменных монументальных христианских храмов на Руси, была бы невозможна, если бы Русь не имела многочисленных высококвалифицированных строителей [Воронин, Каргер, 1951, с. 245].

Строительные технические приемы и правила отрабатывались и проверялись временем при возведении своего жилища. В формах жилища сосредоточивались все приемы, при помощи которых человек защищал себя от разрушительных сил природы и создавал условия для жизни. Жилая архитектура является важной составной частью народного творчества и представляет собой синтез технических возможностей и эстетических идеалов своего времени. Поэтому, изучая историю жилища в широком плане, мы невольно затрагиваем многие стороны жизни народа, его быт и обычаи, вкусы и привычки. Здесь, как ни в чем другом, отражается социальная структура общества, особенности жизни отдельных его слоев, все то, что в своей совокупности составляет единое целое — культуру народа.

Изучение древнерусского жилища X—XIII вв., по сравнению с более чем полуторавековым изучением каменной монументальной архитектуры, имеет относительно недавнюю историю. По мере накопления знаний об отдельных выдающихся архитектурных памятниках в древнерусских городах, нередко упоминающихся в летописи, в науке возникла тема о жилище в древнерусском городе, так как именно жилища простых горожан в своей массовой застройке являлись тем неотъемлемым, неповторимым и своеобразным фоном, который определял архитектурное лицо города.

Археологическое изучение древнерусских жилищ на современной территории Украины началось с раскопок 1891—1892 гг. Н. Ф. Беляшевского на городище Княжья Гора возле г. Канев и в его окрестностях [Беляшевский, 1893]. В 1902 г. В. А. Городцовым исследовались древнерусские жилища на Донецком и Ницахском городищах [Городцов, 1905]. В это же время В. В. Хвойкой открыты жилища доордынского периода в Киеве, Белгородке и на нескольких городищах Среднего Поднепровья [Хвойка, 1905; 1913]. Археологические исследования древнерусского жилища еще только начинались, поэтому единой отработанной методики исследования памятников еще не было. Несмотря на это, полученные данные представляют цен-

ные материалы для характеристики городского жилища древнерусского времени. Так, Н. Ф. Беляшевский довольно четко определил основные черты жилищ Княжьей Горы. Исследуя углубленные части остатков жилищ, исследователь пришел к выводу, что на данной территории существовали плетневые постройки, обмазанные глиной, а также наземные деревянные дома

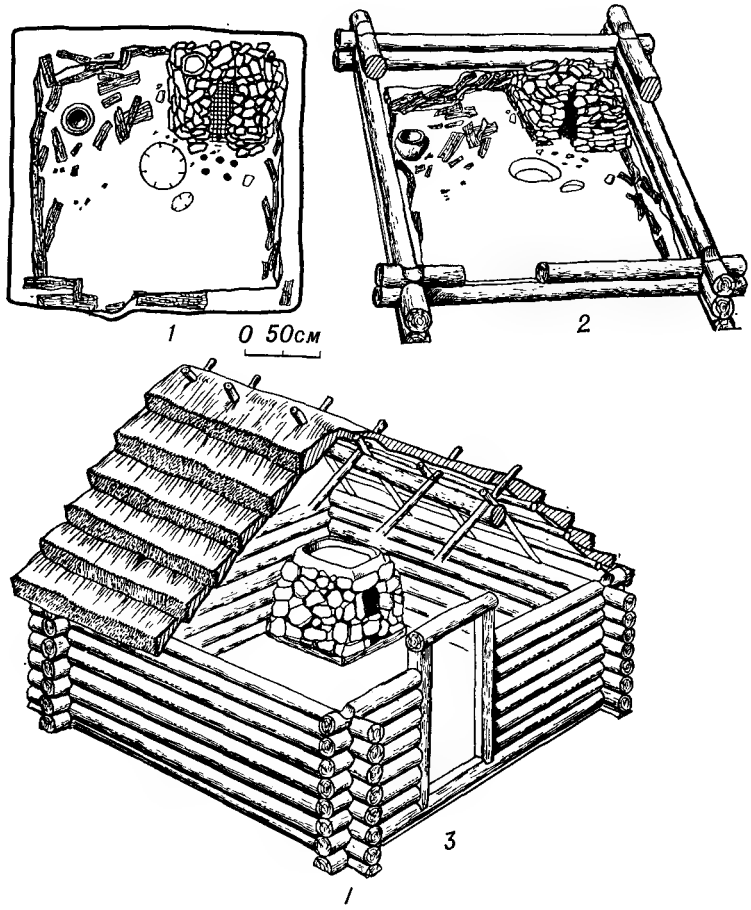


Рис. 83. Реконструкция древнерусских жилищ:

I — жилище IX в., с. Монастырек, Черкасской области, раскопки Е. В. Максимова, В. А. Петрашенко (1 — план жилища; 2 — аксонометрия нижних частей; 3 — реконструкция внешнего вида постройки); II — жилище XI в. Киев, территория Михайловского Златоверхого монастыря, раскопки М. К. Каргера (1 — план жилища; 2 — аксонометрия нижних частей постройки; 3 — реконструкция нижних частей постройки; 4 — реконструкция внешнего вида постройки; 5 — разрез жилища). Реконструкции выполнены В. А. Харламовым и П. П. Толочко.

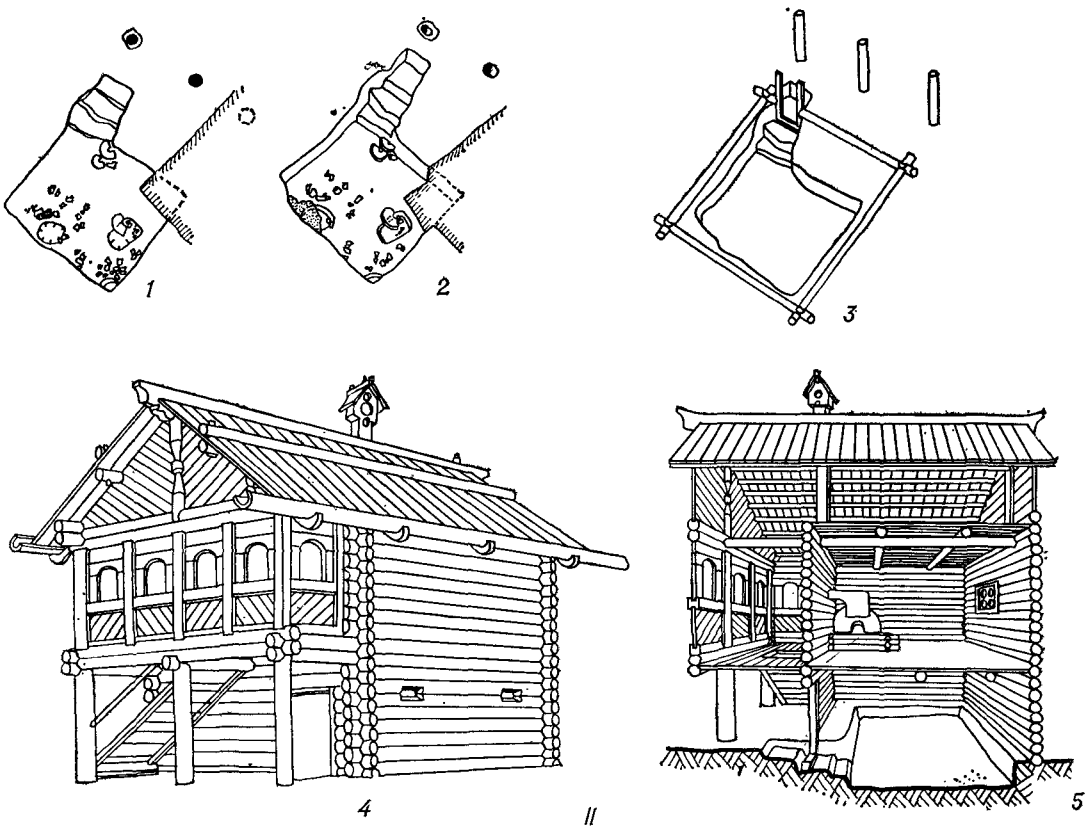
древнерусских жилищ. Так, в 1901 г. раскопками В. Е. Гезе на городище Девич-Гора возле с. Сахновка открыты остатки углубленных жилищ XI—XIII вв. В этом же году В. В. Хвойка [Беляшевский, 1891, с. 64]. Аналогичные постройки обнаружены Н. Ф. Беляшевским в 1899 г. у подошвы так называемого Малого городища на Марьиной горе, недалеко от Княжьей Горы [Беляшевский, 1899, с. 119—120]. В 1898 г. на городище у с. Витачев В. В. Хвойка проследил следы жилищ с остатками глинобитных печей.

Первые годы XX в. были ознаменованы рядом исследований остатков выявил остатки углубленных жилищ с разрушенными глинобитными печами на городище около с. Копончи (у впадения р. Росава в Рось). Интерес представляют и раскопки, проводимые В. В. Хвойкой в течение нескольких лет в начале XX в. на большом городище Шаргород (Васильковский район Киевской области) [Хвойка, 1901, с. 201—202]. Здесь открыты 10 жилищ с углубленной в землю до 1,1 м ниж-

ней частью. В каждой постройке обнаружены четырехугольные печи.

Раскопками, проведенными В. В. Хвойкой в 1909—1910 гг. в местечке Белгородка под Киевом, выявлены деревянные постройки, по словам Н. Д. Полонской, частного (жилого) характера [Полонская, 1911, с. 62—64]. Отмечалось, что деревянная постройка, обнаруженная при раскопках каменного храма XII в., была древнее самого храма и по роскоши отделки не только не уступала, но и превосходила его. В ней найдено большое количество глазированных изразцовых плиток тонкой работы. Особый интерес представляют развалины постройки, довольно близко примыкавшей к храму. Она была деревянная и состояла из нескольких комнат. Сохранились деревянные перегородки, обмазанные глиной. В постройке отсутствовал подвальный этаж. Судя по найденной византийской монете, сооружение датируется XI в.

В советское время проблема археологического изучения древнерусских жилищ приобрела качественно новый характер. С первых лет Советской власти археологические исследования координировались научными центрами и финансировались государством. Началось систематическое изучение древнерусских жилищ. Исследованиями занимались опытные ученые-археологи, ставившие перед собой конкретные научные задачи. Работы приобрели гораздо более серьезный характер — не только по тщательности изучения материала, но и по широте обобщений и по глубине социального анализа. По мере накопления большого фактического материала отрабатывалась ме-



тодика изучения жилищ, их графическая фиксация. Возросший интерес к изучению поселений, в частности древнерусских городов, позволил значительно увеличить количество изучаемых памятников.

Большой и весьма интересный материал для характеристики жилищ углубленного типа получен в 1932—1934 гг. в результате раскопок Райковецкого городища, детинец которого раскопан полностью [Гончаров, 1950]. Обнаружено более 10 жилищ на самом детинце, а также значительное количество жилищ такого же типа на посаде, расположенных за валами и рвами городища. Жилища прямоугольные в плане, размерами от 2,7 до 3,9 м. Пол материковый, углублен на 0,4—0,8, иногда до 1 м. Во многих жилищах вдоль стен открыты остатки сгоревших бревен или плах. Столбовые ямы почти отсутствуют. По мнению В. К. Гончарова, исследовавшего Райковецкое городище, жилища представляли собой деревянные, наземные рубленые дома.

К выводу о том, что древний Вышгород был застроен наземными рубленными жилищами, пришел и В. И. Довженок, исследовавший в 1934—1937 и в 1947 гг. обширную территорию города [1950, с. 68—72].

Интересное жилище с углубленным в материк полом и очагом в центре открыто в 1934 г. на городище вблизи Коростеня. В его заполнении найден разнообразный хозяйственный инвентарь: топоры, долота, тесла, точила и пр. В 1946 г. возле с. Городск Коростышевского района Житомирской области А. В. Дмитриевской открыто шесть жилищ с углубленным полом [1949, с. 47—49], а в 1947 г. В. К. Гончаров и М. Ю. Брайчевский, продолжая эти раскопки, раскрыли еще четыре жилища [Брайчевський, 1952, с. 187—197]. Датируются постройки концом IX-X—XII — началом XIII вв.

В 1948—1950 гг. раскопками В. К. Гончарова на городище около с. Колодяжное Житомирской области (остатки древнерусского города Колодяжин) открыт замечательный комплекс жилищ, состоящий из 16 построек углубленного типа [1951, с. 51—53; 1952, с. 172—174]. Все жилища относятся ко времени существования укрепленного поселения XII—XIII вв. Они прямоугольной в плане формы, длиной 3,0—4,7 м, шириной 2,5—3,8 м; в материк врезаны на 0,25—0,5, а кое-где — до 0,9 м. По углам прослежены углубления от столбов. На полу жилищ — уголь, зола, обгорелые доски и брусья. Печи расположены в углу построек. В Колодяжине, как и на Райковецком городище, существовали жилые и производственные постройки, размещавшиеся в деревянных внутривальных клетях оборонительного земляного вала, опоясывавшего городище.

Рассмотренные городища XI—XIII вв. входили в состав Киевской земли и представляли собой оборонительные форпосты-заставы на подступах к Киеву по Правобережью среднего течения Днепра и его притоков [Каргер, 1958, с. 354—364]. Жилища, аналогичные рассмотренным выше, в большом количестве обнаружены и в городах Днепровского Левобережья. К раскопанным и исследованным объектам Левобережья относятся городища Донецкое (В. А. Городцов), Полтавское (И. И. Ляпушкин), Любечское (В. К. Гончаров), Черниговское (В. А. Богусевич), Переяслав-Русское (М. К. Каргер, Р. А. Юра) и др. Жилища Киевской Руси с углубленной нижней частью, а также наземные рубленые деревянные дома открыты и на городищах Галицко-Волынской земли. Это городище возле с. Коршов Луцкого района Волынской области (А. А. Ратыч), Городница на Днепре (М. Ю. Смишко), древний Галич (М. К. Каргер), Плеснеск (И. Д. Старчук) и др.

За многие годы раскопок, проведенных на Украине, открыто большое количество жилых построек. По конструктивному способу возведения стен они делятся на каркасно-стоичные (столбовые) и срубные (венцовые). Отметим, что обе схемы не зависят от

глубины заложения основания и прослежены на объектах как с углубленным, так и с неуглубленным основанием. Между тем именно степень углубленности основания построек и определила терминологические понятия, применяемые к ним. В археологическую лексику прочно вошли такие понятия, как землянка и полуземлянка. Однако из-за отсутствия однозначных критериев для деления жилищ на землянки, полуземлянки и наземные применение терминологии было не всегда правильным. В ее основе заключен второстепенный признак — устройство основания построек, а не основной — конструктивный способ возведения стен [Толочко, 1982].

Каркасно-столбовые постройки определяются в раскопках довольно четко по наличию круглых ямок по периметру нижней части пятна сооружения. Нередко ямки от вертикально вкопанных столбов размещаются по углам постройки, причем диаметр столбов иногда бывает до 45 см. Изучение жилищ этого типа, начавшееся с раскопок Н. Ф. Беляшевского и В. В. Хвойки, было подытожено исследованиями М. К. Каргера, предложившего их реконструкцию [1958, с. 350]. По мнению М. К. Каргера, массовым городским жилищем вплоть до XII—XIII вв. была полуземлянка. Ее деревянный каркас состоял из нескольких вертикальных столбов, соединенных между собой немногочисленными деревянными перевязями, переплетенными тонкими прутьями. М. К. Каргер высказывался в пользу широкого и повсеместного распространения в Южной Руси такого типа полуземляночных жилищ с глинобитными стенами. Это мнение, поддержанное рядом ведущих исследователей древнерусского жилища [Сегальский, 1972, с. 133; Раппопорт, 1975, с. 160], оставалось господствующим до недавнего времени [Толочко, 1982].

Изучение жилищ каркасно-столбовой конструкции за последние годы обогатилось новыми данными. В первую очередь сказанное относится к раскопкам в Киеве и других центрах [Довженок, 1967, с. 23; Толочко, 1970]. Полученные материалы свидетельствуют о том, что конструктивное решение жилищ было несколько иным, чем это представлялось М. К. Каргеру. Нельзя согласиться с тем, что это были легкие глинобитные постройки, жердевой каркас которых переплетался тонкими прутьями. Во-первых, такая постройка не могла бы противостоять морозам, а, во-вторых, после пожара от такого сооружения должен был бы остаться мощный завал обожженной глины. Между тем археологи его практически не находят, но зато почти всегда удается проследить слой обожженного дерева [Толочко, 1982].

Каркасно-столбовая конструкция жилых построек Южной Руси представляется нам в следующем виде. В углах, а иногда и посередине стен четырехугольного углубления, выкопанного в лесе, ставились столбы диаметром 0,25—0,35 м. В верхней части они перевязывались горизонтальными балками, способными нести чердачное или междуэтажное перекрытие. Стены возводились из горбылей, досок или тонких бревен, закрепленных в пазах вертикальных опор конструкции. После окончания строительства дом оштукатуривался с внешней и внутренней сторон тонким слоем глины и, вероятно, белился [Толочко, 1982]. Сказанное подтверждается проведенными раскопками поселения Рашков (В. Д. Баран), древнего города Плеснеска (М. П. Кучера), Большого Боршевского и Кузнецовского городищ (П. П. Ефименко, П. Н. Третьяков) и др. Хорошую сохранность нижних частей конструкции показали раскопки 1982 г. Иван-Горы (П. П. Толочко, Н. В. Блажевич). Во всех обнаруженных углубленных жилищах прослежены хорошо сохранившиеся обгорелые столбы, составлявшие каркас здания. Высота столбов значительно превышала глубину заложения основания жилища, причем по всей высоте столбов выбраны пазы, в которых сохранилась горизонтальная укладка дощатых стен.

Аналогичный способ возведения стен применялся и в наземных постройках, не имевших углубленного котлована. Так, на Архангельском (Голышевском) городище раскопана наземная прямоугольная постройка, размер которой (10×8 м) определен по ямам от столбов (А. Н. Москаленко). Столбовые ямы от прямоугольных наземных построек открыты на городище Трудень возле хут. Титчиха (IX—X вв.), поселении около с. Репнев (Репнев I) (Ю. Н. Захарук, А. А. Ратич), детинце древнего Перемышля, городища Перемышль (А. А. Ратич) и др. Основание постройки № 12а, открытой в Киеве в 1973 г., составлял каркас из шести столбов-стоек. Стены возведены из толстых колотых досок, концы которых *запазованы в четыре угловых и два боковых* столба [Толочко, Гупало, Харламов, 1976, с. 37].

На территории Южной Руси наряду с каркасно-столбовыми возводились и срубные постройки. Остатки срубных жилищ зафиксированы раскопками на многих городищах и поселениях. Так, на городище Шумск VIII—IX вв. обнаружены жилища с остатками венцов срубных стен (И. П. Русанова), на поселении возле с. Буки сохранилось до четырех венцов бревен жилого сруба (И. П. Русанова). Горизонтальная венцовая рубка стен зафиксирована также на городище у хут. Титчиха (А. Н. Москаленко), на Малом и Большом Боршевском городищах (П. П. Ефименко, П. Н. Третьяков), на детинцах древнего Перемышля и Василева (Б. А. Тимощук), Крылоса (древний Галич) (Я. Н. Пастернак) и др. В некоторых случаях отмечено использование под жилище срубных клетей, входящих в связанную конструктивную систему оборонительного вала. К ним относятся срубы городища Ленковцы (Б. А. Тимощук), галицкого Звенигорода (В. А. Власова, И. К. Свешников), городища у с. Городище на р. Згар (А. Ю. Якубовский), Колодяжин (Р. А. Юра, В. К. Гончаров), городище Малое в с. Городск (А. Н. Дмитревская), Воинь (Р. И. Довженок, В. К. Гончаров, Р. А. Юра), городище Райковецкое (В. К. Гончаров, Ф. Н. Молчановский) и др.

Широкое применение срубного способа возведения жилищ со всей очевидностью показали исследования Киевской археологической экспедиции в 1972—1982 гг. Раскопками установлено, что стены жилых, а также большинства хозяйственных построек киевского Подола возводились в старой срубно-бревенчатой технике способом накладывания бревен верхнего венца на нижний с вырубом чашки и продольного паза на верхней поверхности *нижнего бревна*.

При этом для уплотнения швов применялся мох [Толочко, Гупало, Харламов, 1976, с. 32].

Основу всех раскопанных построек составлял четырехугольный сруб, состоявший из венцов, то есть горизонтально положенных четырехугольников из бревен, связанных по углам врубками. Благодаря такой укладке верхние бревна надавливали на нижние, и в процессе высыхания бревен щелей между ними не оставалось. Стены срубных построек возводились из сосны, иногда дуба, диаметром 16—25 см. Бревна очищались от коры и сучьев. Наращивания и соединения бревен не зафиксированы — горизонтальный размер стен был в пределах естественного размера дерева, идущего на постройку. Отсутствовали наружная и внутренняя оттеска стен срубов, а также внутренняя обшивка или покраска.

Связка углов (или рубка) бревен производилась с выпуском концов, то есть в одном бревне на расстоянии около 30 см от его края вырубывалось полуцилиндрическое углубление, соответствующее соединенному с ним под прямым углом другому бревну [Харламов, 1976, с. 48]. Выпуск концов, выступающих за стены сруба, связан с морозами: со стороны среза бревна промерзают вдоль волокон древесины быстро и глубоко, а поперек ствола — гораздо слабее. Поэтому промерзают

выпущенные наружу концы бревен, а угол дома остается теплым.

Описанный прием хорошо известен по археологическим материалам Бреста (П. Ф. Лысенко), Старой Ладоги (В. И. Равдоникас), Новгорода (А. В. Арциховский, П. И. Засурцев) и других славянских и киеворусских памятников.

Так как при раскопках Подола в Киеве из общего числа построек только 2% приходилось на каркасно-столбовые, а в Верхнем городе срубов обнаружено значительно меньше, чем столбовых построек, ученые пришли к выводу, что выбор конструктивного решения жилищ на поселениях зависел от характера почвы и рельефа местности. Так, на низменной болотистой территории Подола более целесообразными были срубные постройки на высоких подклетах, а в условиях нагорного Киева использовалась каркасно-столбовая конструкция. Сказанное подтверждается и материалами раскопок древнерусских городищ. Интересно, что способ сооружения домов «взаклад» известен на Украине и в наши дни — главным образом в районах с сухими почвами.

Жилища, открытые в городах Южной Руси, по планировочной структуре подразделяются на одно-, двух- и трехчастные. На основании раскопок значительного количества древнерусских городищ, поселений и городов приходим к выводу, что для Киева и небольших городищ наиболее распространенным является одночастный тип. Для киевского Подола типичны двухкамерные постройки площадью 28—30 м², ориентированные углами по сторонам света. Вход в них располагался, как правило, с «теплой» юго-западной стороны на уровне четырех-пяти венцов и вел в меньшую камеру — сени. Со стороны входа к последним пристраивалось крыльцо — рундук на столбах, к которому вели деревянные ступени [Толочко, 1976, с. 106]. Глинобитные печи ставились в основном в правом, ближнем от входа, углу, большой камеры. На Подоле в районе Житного рынка раскопано трехкамерное жилище, построенное по системе изба—сени—клеть. Причем клеть размещалась на стойках-опорах [Толочко, Гупало, Харламов, 1976, с. 25, 29, рис. 3]. Известно, что в процессе длительной эволюции из сруба-клети первобытного жилища сформировалась изба, дальнейшее развитие которой происходило в рамках крестьянских или ремесленных усадеб. На основании археологических материалов выяснено, что существовали усадьбы, состоящие из нескольких деревянных построек — отапливаемой избы и неотапливаемых клетей, примерно равных ей по размерам. Следовательно, усадьбы того времени включали постройки, соответствовавшие различным эволюционным этапам. В этом сказалась одна из характерных особенностей древнерусской архитектуры: старые формы жилья, вытесняемые более прогрессивными формами, не исчезали, а меняли свое назначение, превращаясь постепенно из жилых комнат в кладовые, а впоследствии в сугубо хозяйственные помещения.

Относительно быстрое развитие форм жилища объясняется его связью с производством. Жилище служило не только для ночлега семьи, не только кухней, столовой и местом выполнения домашних работ, но и своеобразным «цехом», где ремесленник — хозяин дома изготовлял изделия на продажу. Таким образом, для эволюции жилища характерно усложнение его назначения. В ходе эволюции одночастное жилье превращается в двухчастное, а последнее — в трехчастное.

Важным вопросом в определении структуры поселения является выделение основных элементов его массовой застройки. Многолетние археологические раскопки и особенно исследования древнерусских городов последних лет показали, что основным элементом планировочной структуры города была усадьба. Так, на городище Трудинь возле хут. Титчиха около жилищ прослежены ямки от частокола — следы от ограды двора (А. Н. Москаленко).

Заборы хорошей сохранности открыты в Киеве. К сожалению, не всегда удается проследить следы от заборов, оград и т. д. Отсутствуют определенные критерии для определения, в чем выражалось отличие между городскими и сельскими жилищами и все ли постройки группировались в усадьбы. Бесспорным признаком городского жилища является совмещение функций жилища и мастерской ремесленника. Состояние археологического материала еще не позволяет сделать определенные выводы об устойчивых, специфических городских чертах мастерских-жилищ XII—XIII вв., которые они уже приобрели в этот период (П. А. Раппопорт).

Усадьба рассматриваемого периода представляет собой жилищно-производственный комплекс. Ее ядром было помещение жилого назначения (нередко и производственного), а во дворе находились хозяйственные и производственные постройки. Характер обстройки двора, его размеры являются одним из основных признаков, по которым можно судить о социальной принадлежности его хозяина. Так, на Подоле в Киеве обнаружены небольшие по размерам усадьбы (площадью 250—300 м²), принадлежавшие бедным слоям киевского общества XI—XII вв., и средние (площадью 600—700 м²), в которых, судя по раскопкам 1972 г. на Красной площади, проживали представители купеческого сословия. По своему типу они относятся к усадьбам с открытым «двором», со свободной застройкой, отдельно стоящими жилыми и хозяйственными сооружениями. Исследованные усадьбы, как правило, состояли из одного жилого дома, двух-трех построек хозяйственно-производственного назначения и были обнесены мощными дощатыми заборами. Жилые дома стояли в некотором отдалении от хозяйственных построек. Последние располагались вдоль заборов таким образом, что центральная часть усадьбы (двор) оставалась свободной от застройки. Там, где размеры и границы усадеб сформировались раньше, чем возникла возможность для устройства помещений, связанных с ремесленной деятельностью хозяина на конкретной усадьбе, они увеличивались не за счет застройки хозяйственными сооружениями (горизонтальный рост), а за счет многоярусности (этажности) самих построек (вертикальный рост).

Хозяйственная часть усадеб с открытым двором состояла из отдельно стоящих хозяйственных построек (хлева, риги, погреба и т. п.). Существование на территории Подола усадеб одного типа — с открытым двором — обусловлено равномерностью экономического развития посада древнего Киева.

Раскопки последних лет позволили пересмотреть материалы исследований древнерусских жилищ предшествующего периода. В первую очередь речь идет о жилищах, от которых сохранились прямоугольные выемки в материковом лессе без каких-либо следов конструкции. В качестве примера приведем жилище VII, исследованное М. К. Каргером в 1938 г. в Киеве на территории бывшего Михайловского Златоверхого монастыря [1958, с. 307—309]. От него сохранилась прямоугольная выемка в материке, размером 2,9×2,45 м, в которую вели вырезанные в лессе ступеньки. Со стороны входа — две ямки от столбов. Печь отсутствовала, но найдены куски глины с желобками, что может свидетельствовать о ее наличии. Характер инвентаря — многочисленные обрезки и заготовки каких-то медных изделий — позволил М. К. Каргеру высказать предположение, что это была полуземлянка «какого-то ремесленного производства» [1958, с. 309].

Что касается плановой структуры описываемого жилища, то открытие ямок от столбов со стороны лестничного входа не оставляет сомнений, что оно занимало гораздо большую площадь. Отсутствие столбов по углам углубленной части дает основание для предположения, что здание было сруб-

ным. И наконец, наличие развала печи в выемке свидетельствует, вероятно, что она стояла на втором ярусе и обрушилась вниз во время пожара. Мы считаем, что раскопанный дом был срубной конструкции с пристроенными сенями на столбах. Углубленная часть служила мастерской, а верхняя — жилым помещением.

Ниже мы попытаемся реконструировать жилище каркасно-столбового типа на материалах раскопок М. К. Каргера 1949 г., проведенными на территории бывшего Михайловского Златоверхого монастыря [Каргер, 1958, с. 347]. Остатки постройки представляли собой вырытую в материковом лессе прямоугольную выемку размером 4,10××4,30 м. По отношению к древнему горизонту пол углублен на 0,7 м. Во всех четырех углах, а также посередине стен находились круглые ямки с остатками вертикально стоящих столбов. В северо-западной стене сохранились две нижние ступени входа, по сторонам которых размещались ямки от столбов. В центре выемки — пятно обожженной глины, являвшееся, по мнению М. К. Каргера, остатками глинобитной печи. Датировано жилище XI — началом XII в.

Изучение отчетных данных позволяет утверждать, что прямоугольная выемка является только частью жилища. Она служила подклетом большого, вероятно, двухъярусного дома. Выше находилось жилое помещение, к которому примыкали сени, поддерживаемые опорными столбами. Предложенная нами реконструкция плановой структуры жилого дома, а также его архитектурное решение объясняют «необычное для киевских жилищ положение печи в центре жилища» [Каргер, 1958, с. 348]. Печь находилась не в самом жилище, а в хозяйственном, возможно, ремесленном помещении. Реконструируя плановую структуру жилого дома в размерах, значительно превосходящих его углубленную часть, мы получаем объяснение, почему в непосредственном окружении прямоугольной выемки найдены «стеклянные витые и гладкие браслеты, шиферные пряслица... боевой топорик, наконечник железной стрелы, лицевая створка большого креста-энколпиона» и другие предметы. М. К. Каргер считал, что прямоугольная выемка и есть жилище, не связывая с ним перечисленные изделия. Мы считаем, что они имеют непосредственное отношение к дому (П. П. Толочко, В. А. Харламов).

В последнее время среди открытых жилищ X—XIII вв. встречаются постройки, печи которых находились за пределами углубленных выемок — на уровне древнего горизонта и обращены устьем во внутрь помещения. Так, раскопками В. И. Довженка в Вышгороде обнаружена небольшая углубленная постройка (3,2×2,7 м), врезанная в материковый грунт на 0,5 м и ориентированная по сторонам света. Столбовые ямы в помещении не найдены. Вход, шириной около 0,8 м, размещался в южной части западной стены. В восточной части южной стены стояла печь, размером 1,6×1,4 м, врезанная настолько глубоко в материковую стенку жилища, что выходила за его пределы. Устье печи находилось на уровне стенки.

Аналогичная постройка раскопана в 1979 г. в Киеве в «городе Владимира» [Килиевич, 1980]. Размеры углубленной части, опущенной в материк на 0,65 м,— 4,0×4,0 м. Судя по обнаруженным в углах и посередине стен углубленной части ямкам от столбов, основа конструкции жилища была столбовой, в отличие от срубной вышгородской. Его плановая структура представляется нам двухчастной: сени размещались с противоположной стороны от печки и на уровне древнего горизонта. Верхняя часть жилого дома могла быть каркасно-столбовой, срубной или на столбах-опорах. Прием объединения в одной постройке каркасно-столбовой основы и срубного верха известен в строительной практике XVI—XVII вв. и имеет древнюю основу [Осипов. 1927, с. 3—5, рис. 1].

Итак, изучение древнерусских жи-

лищ IX—XIII вв., осуществленное в последние годы, показывает, что они принадлежали к двум основным конструктивным типам — срубному и каркасно-столбовому. Их плановая структура в основном была двухчастной, а этажность, зачастую, двухъярусной.

Конечным этапом археологического изучения древних поселений является восстановление быта. Особое место занимает реконструкция жилища как основного структурного элемента застройки [Борисевич, 1969, с. 46—50]. Архитектурное моделирование изучаемых построек и их последующее объемное макетирование дают наиболее полное представление о данном предмете. В настоящее время имеется определенный опыт реконструкции жилищ различных регионов Древней Руси: от Новгорода и Старой Ладоги на севере [Борисевич, Тюрин, Чистяков, 1963, с. 28—31] до Киева и других городов на юге [Харламов, 1976, с. 34—35; 1977, с. 37—46; Толочко, 1980, с. 71, 83—86].

Процесс моделирования представляет собой сложный историко-архитектурый процесс, включающий не только реконструкцию отдельных узлов и деталей жилищ, основанную на материалах раскопок, но и сами жилища. Исследования поселений широкими площадями дают возможность решать градостроительные вопросы — от отдельной постройки до усадьбы, от квартала до планировки и архитектурного образа всего города.

Результаты археологических исследований остатков жилищ X—XIII вв. позволили произвести реконструкцию жилищ различных социальных групп населения в различных городах Древней Руси. При некоторых различиях в размерах, глубине залегания пола, устройстве вспомогательных пристроек и т. п. прослеживается единство конструктивных приемов возведения стен построек — каркасно-столбовой и срубной. Отметим также характерные признаки для домостроительства почти всех областей доордынской Руси: тенденция к блокировке построек в комплексы уже на ранних этапах развития городов за счет увеличения камерности жилищ; объединения отдельных клетей за счет столбовых пристроек, галерей и переходов; единство планировочных приемов организации жилых усадеб; близость объемно-пространственных черт в композиции самого жилища и т. д.

Монументальная каменная архитектура

Каменная монументальная архитектура Киевской Руси сформировалась в период становления молодого государства. В его столице — Киеве — возводились каменные дворцы, храмы нововведенной христианской религии, надвратные башни. Успешное разрешение архитектурных задач в Киевской Руси стало возможным благодаря наличию многочисленных кадров высококвалифицированных строителей, выросших на собственных технических и культурных традициях, быстро освоивших передовую для того времени византийскую строительную технику.

Изучение древней киевской архитектуры началось в начале XIX в. Первыми исследовали древнерусскую архитектуру К. Бороздин, К. Лохвицкий, Е. Болховитинов и др. Уровень их знаний был еще крайне низким, фиксация открытий примитивна и зачастую неправдоподобна.

Во второй половине XIX в. изучением древнерусской архитектуры занимались М. Ф. Солнцев, А. Г. Лебединцев, П. А. Лашкарев и др., а в конце XIX — начале XX в.— А. В. Прахов, Н. П. Кондаков, Д. В. Айналов, Е. К. Редин, П. П. Покрышкин, Д. В. Милеев, А. В. Щусев. Им принадлежит ряд открытий, реставрация и реконструкция некоторых памятников. В 1907—1908 гг. В. В. Хвойкой исследуются дворцовые сооружения киевского детинца, а в 1909—1911 гг. раскопан большой храм Апостолов в Белгороде,

построенный в 1197 г. Д. В. Милеев в 1908—1914 гг. исследовал остатки Десятинной церкви и храма XI в. на подворье Софийского собора. В эти же годы в Киеве С. П. Вельмин раскопал фундаменты Ирининской церкви и прилегающего к ней дворца. П. П. Покрышкин реставрировал церковь Спаса на Берестове, изучил руины церкви Василия в Овруче.

П. П. Покрышкин и Д. В. Милеев блестяще разработали методику архитектурно-археологических исследований, не утратившую своего значения и в наши дни. Однако до Великой Октябрьской социалистической революции исследования носили эпизодический характер: древнерусские памятники в условиях действующих церквей исследователям практически были недоступны, равно как и находившиеся в частных владениях земельные участки с сохранившимися остатками древнерусских сооружений.

После Великой Октябрьской социалистической революции изучение древнерусской архитектуры проводится в несравненно более широких масштабах. Им занимаются государственные научные учреждения на основе разработанной советской исторической наукой методологии. В 1923 г. в Чернигове проводились исследования Спас-Преображенского собора (Н. Макаренко), а с 1924 г. под руководством И. В. Моргелевского начинаются многолетние исследования киевского Софийского собора, в результате которых был воссоздан в основных чертах его первозданный вид. И. В. Моргелевским обмерены и изучены почти все сохранившиеся древнерусские памятники Киева, Чернигова и Канева, причем особую ценность представляют обмеры и исследования зданий, не дошедшие до наших дней. Кроме того, им продолжена и разработана методика архитектурно-археологических исследований и определены основные стилистические черты древнерусских зданий Приднепровской Руси XI—XII вв.

С 1938 г. начинаются археологические исследования ряда архитектурных сооружений Киева Киевской археологической экспедицией, возглавляемой М. К. Каргером. Прерванные Великой Отечественной войной, исследования были продолжены в 1945—1949 гг. В 50-х годах экспедициями под его руководством открыты и изучены многие древнерусские сооружения Киева, Владимира-Волынского и Переяслава-Хмельницкого.

В послевоенные годы памятники древнерусского каменного зодчества изучали Б. А. Рыбаков (Чернигов, Путивль, Белгород); В. А. Богусевич (Киев, Чернигов, Путивль); Н. В. Холостенко (Киев, Чернигов, Новгород-Северский); Ю. С. Асеев (Киев, Канев, Чернигов, Переяслав, Овруч, Белгород) и другие исследователи. В последние годы интересные памятники XII—XIII вв. обнаружены и исследованы Киевской археологической экспедицией АН УССР под руководством П. П. Толочко (работы В. А. Харламова, Я. Е. Боровского, С. А. Высоцкого и др.). Большое количество памятников древнерусской архитектуры было разрушено и повреждено в период Великой Отечественной войны. При их реставрации осуществлялись исследования, позволившие получить исключительно важные данные. Особое значение имела реставрация Пятницкой церкви в Чернигове, блестяще проведенная П. Д. Барановским. Благодаря его работам открыта первая страница неизвестного ранее стилистического этапа древнерусской архитектуры конца XII — первой половины XIII в.

Особо следует упомянуть работы по изучению древнерусского зодчества в западных областях Украины. В 1840 г. памятники Владимира-Волынского изучали А. В. Прахов и Г. И. Котов. Первые исследования памятников древнего Галича в 1880 г. провел И. Шараневич. В начале XX в. они продолжены К. Скуревичем и П. Пеленским. Однако методика этих исследований, особенно фиксации, находилась на довольно низком

уровне. После Великой Отечественной войны остатки каменных сооружений Галичской земли изучали М. К. Каргер, П. Д. Барановский, А. А. Ратич (Звенигород), Б. А. Тимощук и Г. Н. Логвин (Василев).

Развитие городов как центров ремесленного производства и торговли, а также требования молодого государства и складывающейся в нем системы феодальных отношений предъявили к строительству новые требования. Появляются новые типы поселений — города с трехчастной системой и застройкой их усадьбами ремесленников, купцов, феодалов, оборонительные линии и отдельные замки и крепости. Строятся монументальные здания — княжеские резиденции, а позже — монастыри, городские соборы, церкви. Возник новый характер производства работ, новые методы строительства, конструктивные приемы и формы.

Уже в IX в. прослеживаются устоявшиеся формы городской застройки, типы посадских усадеб и домов, сложившаяся система методов строительства и конструктивных приемов. Письменные источники свидетельствуют о наличии в начале XI в. артельной формы организации строительных рабочих (старейшина вышгородских мастеров-строителей городских укреплений Ждан), находящихся на постоянной государственной службе «древоделей», «огородников» и «мостников», о высоком положении, занимаемом их руководителями (вышгородский тысяцкий Миронег). Имеются основания считать, что строительство являлось одной из первых форм артельного труда на Руси.

Важнейшей предпосылкой, во многом определившей быстрое развитие и высокий уровень древнерусской строительной техники, был интенсивный рост ремесленного производства, давший возможность организовать производственную базу для изготовления кирпича, а также обработку металла, производство стекла, добычу и обработку камня и др.

Исследователи насчитывают до 20 наименований ремесленников, обслуживавших строительство: «древоделы», «плотники», «кузнецы по железу», «гвоздочники», «плинфоделатели», «плиточники», «оловольятели» и др. Часть из них появилась в процессе развития каменного строительства, но большая часть оформилась раньше. В правовом отношении мастера в основном относились к категории свободных ремесленников и работали по найму (например, на строительстве зданий Киева и при Ярославе Мудром). Имеются сведения и о том, что строительные мастера находились также в феодальной зависимости от князя или церкви. В отличие от западноевропейского строительства романского стиля нередко руководили постройками каменных зданий, в том числе и церковных, не монахи, а, как и в Византии, гражданские лица.

Совершенство древнерусских каменных построек свидетельствует о высокой профессиональной культуре и глубоких знаниях зодчих. В этом большую роль как в средневековье, так и в эпоху Возрождения играло наследие античной культуры. Литературные источники свидетельствуют о широком распространении на Руси античной литературы: древнерусским писателям были знакомы Гомер, Платон, Аристотель, Иосиф Флавий и др. Имеются основания считать известным на Руси трактат Витрувия (очевидно, по трудам византийских писателей). Конечно, с освоением византийского строительного мастерства древнерусским зодчим в той или иной мере стали знакомы работы Анфимия Тральского («Об арках»), Исидора Милетского («О некоторых парадоксах механики»), Иосифа Севильского («20 книг начал»), возможно, Прокопия, так как в ряде приемов, применяемых древнерусскими мастерами, прослеживаются точные следования советам и правилам, изложенным в книгах этих ученых.

В первом периоде развития древнерусского каменного зодчества методы строительства, несомненно, идут от

византийской школы, о чем свидетельствуют и летописные источники (приглашение Владимиром для строительства Десятинной церкви «мастеров от грек»), и особенности разбивки зданий на местности, и конструктивные приемы, хотя уже в первых известных каменных зданиях видны черты, присущие только древнерусской строительной технике.

Как и в Византии, и в других странах средневекового мира, каменная строительная техника Киевской Руси во многом базировалась на наследии древнего Рима. При этом, в отличие от Византии, отошедшей от техники римского бетона, Киевская Русь в X и XI вв. в кладке стен продолжала древнеримскую традицию, что явилось результатом особенности древнерусского способа строительства.

В XII в. связи древнерусских мастеров значительно расширились. Об этом свидетельствует распространение романских строительных приемов как в кирпичных (Приднепровье, Волынь, западная область), так и в каменных (северо-восточные и юго-западные области) зданиях. В конце XII в. в древнерусской архитектуре наблюдаются приемы, свидетельствующие о несомненном знакомстве древнерусских мастеров с готической строительной техникой. Исследователи отмечают также знакомство древнерусских мастеров со строительными приемами мастеров балканских стран, Кавказа и Ближнего Востока.

Распространенное мнение о том, что каменное строительство на Руси возникло лишь с введением в 988 г. христианства, в настоящее время опровергается не только известным сообщением Начальной летописи под 945 годом — «над горою двор теремный, бе бо ту терем камен» [ПВЛ, 1950, т. 1, с. 40], но и последними исследованиями киевских дворцов, особенно раскопанного недавно дворца к северо-западу от Десятинной церкви. Строительные материалы этого здания, равно как и методы строительства, свидетельствуют о его постройке в более раннее время, чем время строительства первого каменного собора на Руси — Десятинной церкви. При этом длительное время после введения христианства процент каменного зодчества в общем удельном весе строительства на Руси был незначительным.

Каменные постройки в древнерусских городах уникальны. Так, до 30-х годов XI в. в Киеве возведено всего пять каменных зданий (из них — одно церковное); с 30-х по 60-е годы XI в. известно 10 каменных зданий (Киев, Чернигов, Новгород, Полоцк), а с 60-х годов XI в. по 20-е годы XII в.— 31 каменная постройка (Киев, Новгород, Переяслав, Чернигов, Остер, Заруб, Вышгород, Борисполь, Ростов, Смоленск, Суздаль). Значительные масштабы каменное строительство на Руси приобретает в XII в. Ко времени от 30-х годов XII в. до нашествия Батыя относят около 150 каменных зданий в 20 древнерусских городах. Всего известно по исследованиям и письменным источникам около 250 каменных зданий X—XII вв. Из них около 100 относятся к Приднепровским, Северским и Галицко-Волынским землям [Раппопорт, 1982, с. 115].

Каменное строительство на Руси применялось в дворцовых, культовых и оборонительных постройках. При этом и дворцовые и оборонительные каменные здания были очень редки и основной сферой применения каменного строительства являлись христианские храмы.

В дворцовом каменном строительстве известны два типа зданий. Большие прямоугольные в плане постройки, относящиеся в основном к X и XI вв., а также небольшие, квадратные в плане основания, высокие терема, вероятно, входившие в ансамбль деревянных дворцовых комплексов. Они относятся главным образом к XII в. и восходят к древнерусской деревянной архитектуре. Большие, прямоугольные в плане, разделенные на несколько отделений постройки про-

исходят от раннесредневековых дворцовых зданий Византии и Западной Европы. Близки они и дворцовым зданиям Ближнего Востока. К ним относятся трехкамерные южный и западный дворцы комплекса построек вокруг Десятинной церкви и трехкамерный дворец возле Ирининской церкви в Киеве, а также здание к востоку от Десятинной церкви (дом деместиков?) и двухкамерное здание конца XI в. в Переяславе-Хмельницком (епископский дворец или «Строение баньное каменно»?).

Трехчастные дворцы, на основании аналогий в средневековом дворцовом строительстве и миниатюр Радзивилловской летописи, имели вид длинных, очевидно, двухэтажных, построек с башнями в центре (большой западный дворец) или по бокам (южный дворец), возможно, с аркадами в первом ярусе и лоджиями во втором. Большой западный дворец, вероятно, имел размеры около 50 м в длину и до 14 м в ширину; южный — длину 44 и ширину 11,5 м. Исследователи древнерусской архитектуры отождествляют эти дворцы с гридницами, где при Владимире Святославиче происходили пиры княжеской дружины. К северо-западу от Десятинной церкви обнаружены остатки здания, техника строительства которого дает возможность предположить, что оно было построено ранее Десятинной церкви. Возможно, постройка имела ротондональный характер (В. А. Харламов). Археологическими исследованиями обнаружены фрагменты богатейшего убранства этих дворцов, стены которых украшались фресковой росписью, мозаиками и инкрустациями из разноцветных пород мрамора, порфира, известняков и др., мраморными колоннами с резными капителями (Переяславский дворец). Перекрытие помещений дворцов, вероятнее всего, было деревянным, хотя и не исключена возможность сводчатых перекрытий над нижним этажом.

В оборонительной архитектуре Киевской Руси каменное строительство применялось еще реже, чем в дворцовом. Известно несколько случаев постройки каменных башен с проездными воротами в дерево-земляных укреплениях Киева (Батыевы ворота X в., Золотые ворота XI в.) и Переяслава (Епископские ворота), причем над двумя последними были построены каменные надвратные церкви. Имеются сведения о каменных воротах в дерево-земляных укреплениях Турова. Каменные Золотые ворота с надвратной церковью, наподобие киевских, строились в XII в. во Владимире на Клязьме. В ряде случаев каменными стенами окружались резиденции, монастыри и замки (стены XI в. вокруг митрополичих резиденций в Киеве и Переяславе; стены XII в. Староладожской крепости; стены конца XII в. вокруг Печерского монастыря). В XII в. в Галицко-Волынской земле получает распространение строительство каменных башен («веж») в виде замковых донжонов и замковых укреплений (Холм, Столпье, Белавино, Каменец-Литовский и др.).

Типы культовых зданий в значительной степени определялись канонами византийской православной церкви. К X в. таким каноническим типом становится крестовокупольный храм, в котором под влиянием функциональных требований византийские мастера совместили черты, присущие базиликальному и центральнокупольному типам, в единую архитектурно-конструктивную систему.

Крестовокупольный тип храма представляет собой четко определенную архитектурно-конструктивную систему здания. Центр храма, где находился «омфалаос» («амвон»), выделялся четырьмя столбами, членившими внутреннее пространство центральной части храма на девять пространственных ячеек. В отличие от византийской столичной архитектуры столбы древнерусских построек XI—XII вв. имели крестчатую в плане форму, и лишь с конца XII в. их форма становится чаще всего квадратной, восьмигранной

или круглой. Крестчатые столбы четко выделяли пространственные ячейки, что характерно для стиля XI—XII вв., квадратные и особенно восьмигранные и круглые столбы придавали зданию зальный характер, что свойственно стилистическому направлению последующих периодов. Четыре центральных столба несли на себе систему полуциркульных подпружных арок, на них, в свою очередь, опирались своды паруса, при помощи которых создавалось кольцо — основа для барабана купола.

В барабане находились широкие оконные проемы, через которые проникал свет в центральную часть храма. Барабан перекрывался полусферическим куполом. Его горизонтальный распор погашался стенами барабана, что давало возможность обойтись без дополнительных конструкций, воспринимавших горизонтальный распор. От подпружных арок с четырех сторон отходили коробовые своды, перекрывавшие ветви пространственного креста. Иногда в целях выразительности общей композиции здания своды делались с уступами, как, например, в киевском Софийском соборе или Пятницкой церкви в Чернигове. Боковые компартименты первого яруса в XI—XII вв. перекрывались чаще всего полуциркульными или купольными сводами. Однако последними исследованиями открыты крестовые своды, перекрывавшие верхние этажи внутренних галерей киевского Софийского собора. С 30-х годов XII в. в древнерусских каменных постройках широко применяются крестовые своды.

Так создавался простейший четырехстолпный тип крестовокупольного храма. Обычно в XI—XII вв. к западной стороне храма пристраивался нартекс, над которым размещались хоры. При этом внутренняя структура храма получила еще два опорных столба, в результате чего возник очень распространенный на Руси шестистолпный крестовокупольный тип здания. С восточной стороны к храму примыкали три апсиды, где размещались жертвенник, алтарь и дьяконник (ризница). С конца XII в. вместо трех апсид нередко делают одну (особенно в западнорусской архитектуре). Полуцилиндры апсидных стен перекрываются четвертьсферическими сводами («конхи»).

В древнерусской архитектуре применяется известный тогда простой тип крестовокупольной системы (распространенный в византийской провинциальной архитектуре, а также в архитектуре Балканских стран), при котором алтарные помещения примыкают непосредственно к центральному подкупольному пространству. В результате в шестистолпных крестовокупольных храмах центральный купол несколько сдвинут на восток. Однако известны случаи и так называемого сложного крестовокупольного типа, при котором между алтарными помещениями и центральным пространством имеется еще дополнительное членение (например, в Спасском соборе в Чернигове, в Михайловском соборе Выдубецкого монастыря в Киеве, в Нижней церкви в Гродно и др.).

В X—XI вв. большие церкви нередко делались пятинефными, к ним пристраивались галереи, притворы, башни, что усложняло тип здания. Для освещения затемненных двухъярусными галереями боковых частей здания ставились дополнительные световые фонари-главы, в результате чего возникали многоверхие композиции церквей. Со временем в развитии древнерусской архитектуры наблюдается тенденция к компактности планов, а с конца XII в.— к усложнению композиций.

В отличие от архитектуры Западной и Центральной Европы и ряда балканских стран, где доминирующим типом культовых построек являлась базилика, древнерусская архитектура базиликальных зданий не знает. Не были распространены и центровокупольные типы, часто встречаемые в X—XIII вв. в европейском и византийском зодчестве (октогены, ротонды, чаще всего баптистерии и мавзолеи), а также в

зодчестве Кавказа и Востока. В XII—XIII вв. такие типы зданий изредка встречаются в галицкой архитектуре (ротонда в Побережье, Николаевская церковь во Львове и др.). Редким типом подобных построек на Руси являются огромные ротондальные здания в Смоленске (XII в.) и Киеве (конец XII — начало XIII в.).

В развитии техники каменного строительства на Руси, безусловно, главную роль сыграла византийская строительная школа, унаследовавшая традиции архитектуры древнего Рима. От древнеримской техники усвоен прием кладки из тонкого кирпича — «плинфы» — на известковом растворе с примесью толченой керамики — цемянки; от византийской — основные типы древнерусских сводов — коробовые, крестовые, купольные.

Однако с начала развития на Руси каменного строительства известны самобытные технические приемы. Так, в кладке на Руси в основном применялся ломаный камень, а не тесаный, как в Византии. Применение ломаного камня не снижало крепости сооружения и в то же время намного упрощало строительство. К древнерусским особенностям относится и широкое применение в пятах сводов и арок разгрузочных шиферных плит. Значительно бóльшую роль, чем в византийском строительстве, играли на Руси системы деревянных связей. Они состояли из нескольких деревянных балок, положенных горизонтально во время кладки сооружения, начиная с основания фундамента. Связи прокладывали также в подкупольных барабанах. При смешанной кладке из кирпича и ломаного камня такие связи укрепляли сооружения до окончательного затвердения раствора.

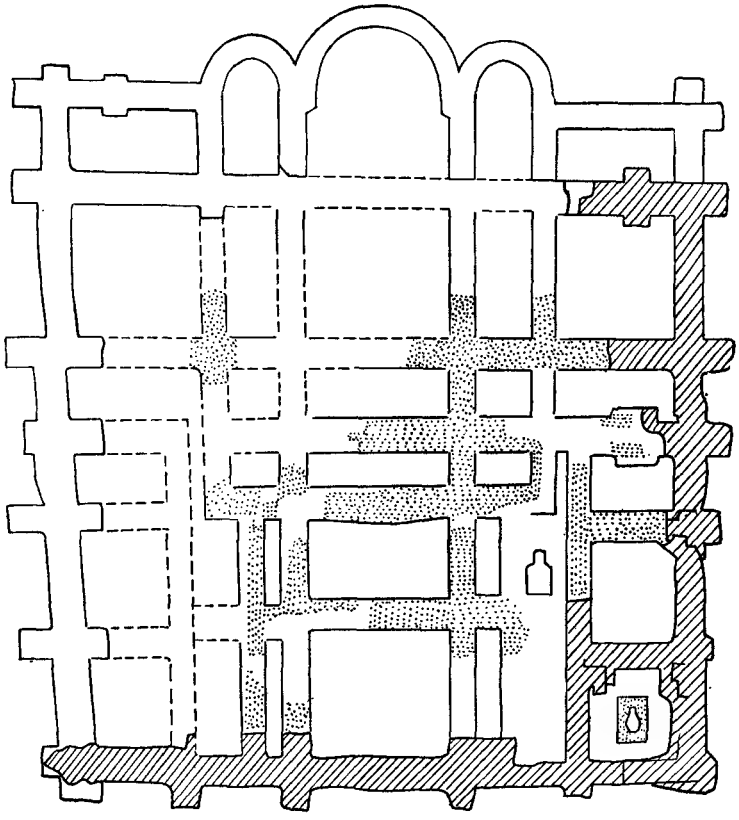


Рис. 84. Десятинная церковь (989——996 гг.). План (по М. К. Каргеру).

Рис. 85. Десятинная церковь. Вариант реконструкции Ю. С. Асеева.

Основным материалом в каменном строительстве Киевской Руси был кирпич, изготовляемый древнерусскими «плинфоделателями».

Мастера древней Руси были знакомы с работами не только зодчих и художников Византии. Русские мастера нередко использовали достижения искусств и архитектуры стран Запада, арабского Востока, Закавказья.

Архитектура Поднепровья и других земель в XII в. имела общие черты с романской архитектурой, а в конце XII — начале XIII в. — готические. При этом древнерусская архитектура не теряла своей самобытности.

Монументальная каменная архитектура конца X — первой половины XI в. Упоминание летописи о каменном княжеском тереме, существовавшем в Киеве еще в первой половине X в., очень интересно, но у нас отсутствуют достаточные основания для отождествления этого сооружения с известными остатками нескольких дворцовых сооружений, выявленных раскопками. Большие работы по возведению каменных сооружений развернулись в конце X в. во времена Владимира Святославича в новом княжеском центре «на горе», где когда-то стояло небольшое укрепление со святилищем, а вокруг возвышались курганы киевского языческого некрополя.

Наибольшим сооружением в Киеве X в. был христианский собор Богородицы, получивший название Десятинной церкви. Собор возвышался над городом, его хорошо было видно издали. Строился он с 989 по 996 г. По летописи, в его строительстве приняли участие мастера, приглашенные Владимиром из Византии. К сожалению, мы не имеем достаточно данных, чтобы полностью восстановить архитек-

турный вид собора. Храм разрушен во время нашествия Батыя в 1240 г., когда стал последним оборонительным рубежом героических защитников Киева. Благодаря проводимым в разное время исследованиям фундаментов установлен тип собора и особенность его строительной техники. Это был большой храм с шестистолпным типом крестовокупольной системы в основании. С трех сторон его окружали галереи, сооруженные, видимо, вскоре после строительства основной части здания или же перестроенные в начале XI в. Западная часть плана собора выяснена не полностью. По сведениям документа XIV в. («Список русских городов»), Богородица Десятинная завершалась «25 верхами», что едва ли соответствует истине. Больше данных имеется о внутреннем оформлении собора. В его развалинах найдены многочисленные архитектурные мраморные украшения — капители колонн, обломки резных плит и пр. Сохранились фрагменты мозаичных полов из мрамора, порфира и других разноцветных пород камня. Недаром постройку называли в старину «церковью мраморяною».

Известно несколько попыток реконструировать план и внешний вид Десятинной церкви, но все они носят гипотетический характер из-за непонятного сочетания остатков фундаментов в западной части. Большинство исследователей считают, что композиция собора имела осевой характер (М. К. Каргер, Ю. С. Асеев) и, возможно, внутри здания северный и южный рукава архитектурного креста были перегорожены аркадами, что придавало интерьеру центрального нефа базиликальный характер (Н. В. Холостенко).

Церковь, вероятнее всего, завершалась пятью куполами над центральным объемом и верхами двух башен с западной стороны.

Десятинная церковь с четырех сторон была окружена большими каменными дворцовыми постройками. Вполне вероятно, что перед дворцом и собором находилась торжественная площадь — своеобразный киевский форум. Где-то здесь, по словам летописи, «за Богородицей Десятинной...», на Бабином торжке поставил Владимир античные статуи и скульптуры медных коней, когда-то украшавшие древний Херсонес.

Дворцовые постройки вместе с Десятинной церковью создавали торжественный ансамбль нового княжеского центра.

Два каменных древнерусских сооружения первой половины XI в. связаны со строительной деятельностью князя Мстислава Владимировича. В 1020 г. он построил в Тмутаракани (Тамань) Богородицкую церковь. Что представляло собой это сооружение — неизвестно. В станице Таманской Б. А. Рыбаковым исследован фундамент небольшой церкви, по технике строительства датирующейся концом X — началом XI в. Это был четырехстолпный крестовокупольный храм, возможно, с мраморными колоннами в середине. Конечно, для отождествления данного храма с Богородицкой церковью Мстислава веские основания отсутствуют, однако это пока что единственная известная нам древнерусская каменная церковная постройка Тмутаракани, по времени совпадающая с сооружением Мстислава. Позже Мстислав Владимирович продолжает строительную деятельность в Чернигове. Где-то около 1035—1036 гг. на холме над Десной он начинает строительство нового княжеского центра, продолжавшего киевскую строительную традицию: Спасский собор, сохранившийся до нашего времени. По типу — это восьмистолпный крестовокупольный храм с пятью верхами. Благодаря тому что в нем использован так называемый сложный тип крестовокупольной системы, центральный купол композиционно поставлен в центре вытянутой с запада на восток постройки.

С западной стороны в соборе четко выделен нартекс, к которому с севера

пристроена круглая башня со ступенями на хоры, а к южному краю (видимо, уже в XII в.) достроена небольшая крещальня.

Архитектурные формы собора спокойны и торжественны. Центральные части фасадов высоко поднимаются над боковыми, что пространственно выделяет архитектурный крест. Плоскости фасадов сдержанно членятся пилястрами, имеющими сложный профиль во втором ярусе. Фасады украшены многочисленными орнаментами, выложенными из кирпича, и небольшими полуциркульными нишами. Внутри собора боковые ответвления пространственного креста отделены от подкупольного пространства трифориями, опирающимися внизу на мраморные колонны со стилизованными ионическими капителиями. Над нартексом и боковыми нефами собора располагались хоры на деревянных настилах. От центральной части они отделялись арками, между которыми стояли профилированные столбы.

Внутри собор украшали фресковые росписи (на стенах сохранились их фрагменты), резные шиферные плиты на хорах, шиферные с мозаичными инкрустациями полы.

Имеются основания полагать, что в строительстве собора после смерти Мстислава в 1036 г. существовал некоторое время перерыв, и впоследствии при достройке здания изменился его первоначальный план.

Десятинная церковь в Киеве и Спасский собор в Чернигове — постройки, близкие по своим стилистическим особенностям. Определенные черты сближают их с византийской архитектурой. В приемах строительной техники наряду с византийскими наблюдаются приемы, ставшие в дальнейшем характерными чертами древнерусского строительства: смешанная кладка с применением ломаного камня, западающие ряды кирпичной кладки с оштукатуриванием и подрезанием швов.

В 1037 г. Ярослав развернул в Киеве большое строительство «Града великого», в ансамбль которого входили Софийский собор, Золотые ворота и целый ряд каменных церквей и монастырей.

За год до этого произошли события, имевшие прямое отношение к этому строительству. В 1036 г. войска Ярослава под стенами Киева «иде же бе поле вне града» разгромили последние печенежские орды.

В этом же году, после смерти Мстислава, Ярослав становится «самовладцем» всех русских земель и строит главный митрополичий храм Руси. Софийский собор не имеет прямых аналогий, но его облик и конструкция связаны и с древнерусскими традициями, и с типами и формами византийских построек, и с художественными и техническими достижениями других культурных народов мира. Идею собора хорошо выразил известный писатель XI в., один из участников строительства «града великого Киева» — Иларион: «церковь дивна и славна всем округным странам, ина-ж бо не обрящется во всем полунощи земленем от востока до запада». В соборе происходили торжественные государственные церемонии. При соборе был основан центр книгописания, здесь находилась и большая библиотека.

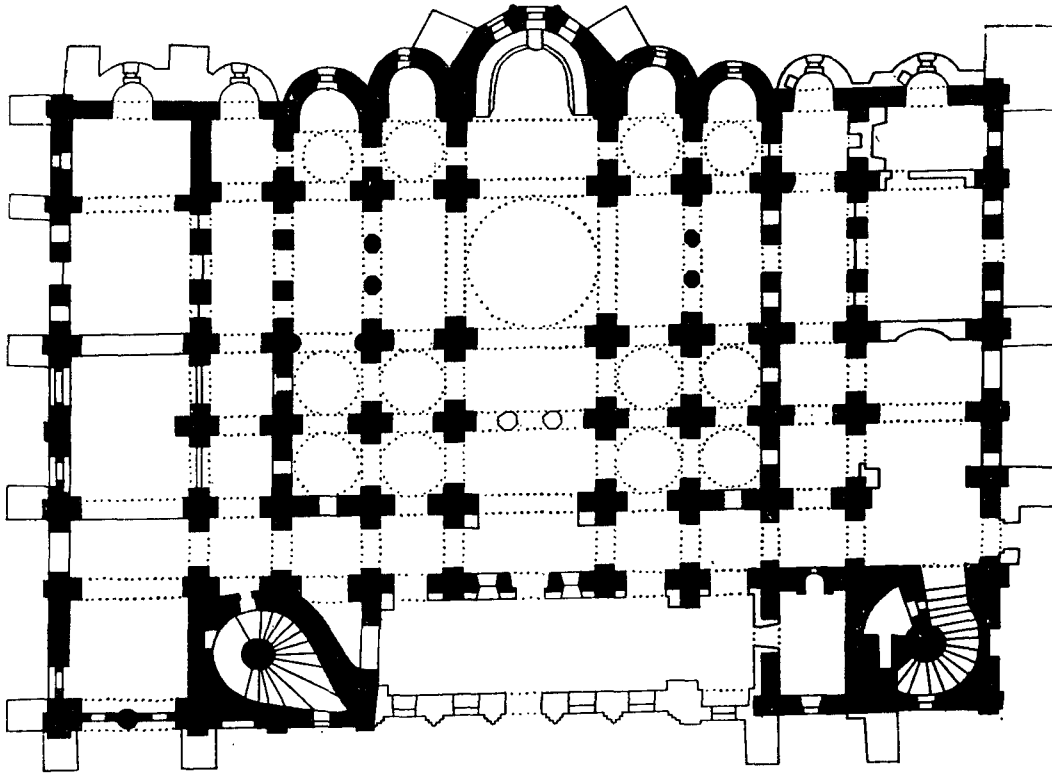
Софийский собор в Киеве является пятинефным крестовокупольным храмом с крестчатым подкупольным пространством (что придает центричность интерьеру) с окружающими его анфиладами боковых нефов. Пятинефный тип нередко встречается в константинопольской архитектуре, однако, не в таком варианте. В киевском соборе использовали не сложную, а простую крестовокупольную систему, распространенную в провинциальном византийском зодчестве.

С трех сторон собор окружают два ряда открытых галерей — двухэтажная внутренняя и одноэтажная внешняя, образованные рядами полуарок — аркбутанов. С запада к собору между внешними галереями пристроены две башни с широкими лестницами, ведущими на второй этаж — «полати». На

втором этаже — «полатях» — находятся два светлых помещения, очевидно, предназначенные для князя и его свиты.

Собор завершают 13 глав, из которых средняя (наибольшая) является центром композиции здания.

В архитектурно-художественном замысле собора особую роль играет синтез искусств. Мозаика и фрески многоцветовой гаммой покрывают стены, столбы, своды, арки и купола.



Красочные изображения и орнаменты с блестящими золотыми фонами мозаик в центральной части храма удачно сочетаются с мягкими тонами фресковой росписи, украшающей боковые стороны центральной части, боковые анфилады, помещения второго этажа и башни собора. Художественный эффект усиливают красочные ковры мозаичных полов, резные мраморные украшения предалтарной преграды, мраморные пороги и створки проемов, резные шиферные плиты, украшающие парапеты второго этажа.

Архитектурно-художественный облик Софийского собора поражает своим совершенством и не уступает выдающимся сооружениям мира того периода. Несомненно, что над созданием храма работал большой коллектив художников различных областей искусств. Вероятно, принимали участие и византийские мастера. Сказанное относится к ряду мозаичных изображений в центральной апсиде и некоторым фресковым композициям. Однако самобытность, оригинальность и вместе с тем близость славянскому зодчеству главной композиционной идеи собора наводит на мысль, что замысел киевского Софийского собора был подсказан древнерусским художественным гением.

К типу Софийского собора близки три перкви, фундаменты которых от-

крыты раскопками в разное время. Они словно полукругом охватывали с запада Софийский собор и входили в состав архитектурного ансамбля центра «города Ярослава». Два из них отождествлялись с церквами Ирины и Георгия, о которых рассказывает летопись под 1027 годом. Третья церковь, расположенная на северо-северо-запад от Софийского собора, осталась неатрибутированной. Очевидно, это была церковь митрополичьего двора, возможно Богородичная (П. П. Толочко). Это были пятинефные (или трехнефные с галереями) трехапсидные крестовокупольные храмы. В северо-западной части неизвестной по названию церкви исследованы остатки башни. Очевидно, такие же башни были в остальных храмах.

Рис. 86. Софийский собор в Киеве (1037 г.) План.

Рис. 87. Софийский собор. Реконструкция Ю. С. Асеева.

Киевский Софийский собор стал образцом еще для двух выдающихся древнерусских сооружений: одноименных соборов в Полоцке (1044—1066 гг.) и Новгороде (1045—1052 гг.).

Архитектура Поднепровья второй половины XI — начала XII в. Во второй половине XI в. наступает новый этап в развитии древнерусского строительства. В это время возрастает влияние церкви. Она становится крупным землевладельцем, от ее поддержки нередко зависит судьба отдельных князей. Особенно большую роль начинают играть монастыри. Чаще всего монастыри основываются князьями, которые стремятся с их помощью укрепить свое политическое положение (так называемые вотчие монастыри). Группа таких монастырей строится в это время в Киеве и его окрестностях. Каменное строительство ведется также во многих центрах Руси — Переяславе, Новгороде, Смоленске, Ростове, Суздале и др. В городской застройке главными типами сооружений становятся ансамбли княжеских усадеб, монастырей и их соборов. Строятся кня-

жеские замки (Любеч, Городок остерский и др.).

В архитектуре древнерусских церквей второй половины XI — начала XII в. получает распространение тип шестистолпного трехнефного крестовокупольного храма. Его основной объем все больше приближается к параллелепипеду, увенчанному чаще всего одной главой на цилиндрическом барабане. Формы становятся статичными, уменьшается количество декоративных деталей на фасадах. В сооружениях этого времени больше от архитектуры Десятинной церкви в Киеве и Спасского собора в Чернигове, чем от Софийского собора.

Среди построек Киева второй половины XI — начала XII в. новое архитектурное направление ярче всего проявилось в Успенском соборе Печерского монастыря, построенном в 1073—1077 гг. Это был шестистолпный крестовокупольный храм большого размера. Фасады постройки расчленены широкими пилястрами, соответствующими структуре плана. С запада находился нартекс, с востока — три граненые апсиды. Фасады украшали традиционные плоские ниши, из кирпичей выкладывали орнамент в виде меандра или же ставили их на ребро. Полуциркульные своды пространственного креста высоко поднимались над боковыми сводами (подобно Спасскому собору в Чернигове), что усложняло композицию постройки. Собор завершался барабаном, перекрытым куполом. Несколько позднее с северной стороны нартекса возле храма была пристроена крещальня в виде сильно вытянутой вверх маленькой часовенки с высоким куполом.

В архитектуре Успенского собора прослеживаются многочисленные традиционные приемы, роднящие его с постройками предыдущего времени: техника смешанной кладки, приемы декорации фасадов и пр. Однако архитектура собора в целом относится к новому стилистическому этапу. Статичные формы сооружения, простая замкнутая композиционная схема, завершающаяся одной главой, соответствует функциональному предназначению постройки — монастырскому собору.

В начале XII в. Печерский монастырь расстраивается. Рядом с собором и Ивановской крещальней в

1108 г. сооружается трапезная, а над главными воротами — Троицкая церковь. Последняя хорошо сохранилась до наших дней и представляет собой небольшой четырехстолпный храм надвратного типа, распространенный на Руси.

Интересен и необычен для древнерусского зодчества собор Кловского монастыря, остатки которого недавно исследованы Киевской археологической экспедицией.

Собор построен в конце XI в. игуменом Стефаном и посвящен иконе Влахернской богоматери. Его план, как выяснилось, похож на план Десятинной церкви: центральную часть здания, как можно предполагать, составлял небольшой, вытянутый в плане восьмистолпный крестовокупольный храм, окруженный галереями. О типе здания высказывались различные мнения (Ю. Я. Асеев, В. А. Харламов, Г. Н. Логвин). В целом здание пред-

ставляло собой комплекс помещений, построенный в технике, характерной для второй половины XI в.

Черты архитектурного направления второй половины XI — начала XII в. свойственны и остальным сооружениям Киева: Михайловскому собору Выдубецкого монастыря (1078—1088 гг.), церкви Спаса на Берестове (первая четверть XII в.), собору Михайловского Златоверхого монастыря (1108—1113 гг.), церкви XI в. на Копыревом конце и церкви XI в. в Зарубском монастыре (с. Зарубинцы Киевской области).

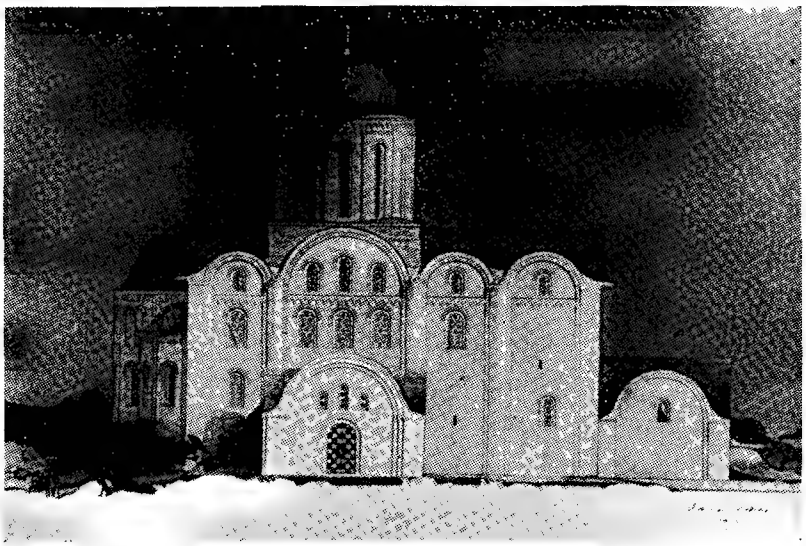


Рис. 88.
Юрьева божница в Остре (1197 г.). Реконструкция Ю. С. Асеева (I). Успенский собор Елецкого монастыря в Чернигове (середина XII в.). Реконструкция Ю. С. Асеева, Н. Е. Онущенко, П. Г. Юрченко (II).

Михайловский Златоверхий собор был украшен мозаикой и фресками работы византийских и киевских мастеров, отличающиеся от мозаик и фресок Софийского собора в Киеве: в композициях больше динамики, живописности. Вместе с пропорциями соборов меняются и пропорции фигур: они становятся стройнее, обогащается цветовая гамма, усиливается линейность. В мозаиках Михайловского Златоверхого собора прослежены черты художественной школы, связанной с Печерским монастырем.

Монументальная каменная архитектура Переяслава занимала в Поднепровье третье место после Киева и Чернигова. Расцвет ее приходится на конец XI в. Она связана с именем Всеволода Ярославича, Владимира Мономаха и епископа Ефрема. В Переяславском детинце строится большой Михайловский собор, каменный епископский дворец, загадочное «строение баньное» (видимо, термы на византийский манер) и ряд церквей. Городской центр окружается каменной стеной; в валах детинца строятся каменные Епископские ворота с надвратной церковью Федора. Ни одно из названных строений до наших дней не дошло. Их остатки исследованы в последние годы раскопками, что дало возможность определить некоторые черты переяславской архитектуры.

Каменные постройки Переяслава, за исключением большого, богато украшенного Михайловского собора, по размерам значительно меньше киевских. Главным образом это небольшие церкви в феодальных усадьбах или в княжеском замке. Они строятся по новой конструктивной схеме: своды опираются на два столба в центре и на уступы апсиды или на четыре столба, расставленных так, что под куполом образовывается не квадрат, а прямоугольник. Перекрытие возводилось,

очевидно, с помощью двух вспомогательных арок, уменьшавших подкупольное пространство до квадрата, на котором с помощью сводов-парусов ставился барабан.

Характерными переяславскими постройками XI в. являются церковь на современной площади Воссоединения (видимо, это была церковь Богородицы на княжеском дворе, построенная Владимиром Мономахом в 1098 г.) и Спасская церковь-усыпальница в Окольном городе, входившая, очевидно, в ансамбль какой-то богатой боярской усадьбы. Первая церковь — трехнефная, трехапсидная — небольших размеров и простой формы. Четыре столба создавали в подкупольном пространстве вытянутый прямоугольник. Остатки фресковой росписи и глазированных керамических полов свидетельствуют о традиционном для Руси внутреннем оформлении храма. Спасская церковь в Окольном городе значительно меньших размеров. Она имеет только одну апсиду посередине, два столба и небольшой нартекс с западной стороны. В нижней части стен сохранились фрагменты фресковой росписи, близкой по характеру к киевским фрескам. Интересными памятниками переяславской архитектуры были церковь Андрея возле Епископских ворот и церковь на ул. Советская.

Единственным памятником переяславской архитектуры, частично сохранившимся до наших дней, является известная Михайловская Божница в Остре, построенная в 1098 г. Владимиром Мономахом как капелла княжеского замка. Церковь имела одну апсиду и два столба в западной части и, видимо, перекрывалась трехлопастным сводом. В середине XII в., вероятно после пожара и разрушения, верх ее был «деревом надрублен». В апсиде церкви сохранилась фресковая роспись.

Архитектура Поднепровья и Волыни 30—80-х годов XII в. С 30-х годов XII в. начинают формироваться областные архитектурные школы. Они обогащаются местными чертами и традициями, а расширение торговых и культурных связей способствует творческим взаимосвязям с архитектурой иных стран. Безусловно, влияние на архитектуру Поднепровья и других древнерусских земель в XII в. имел романский архитектурный стиль, господствующий тогда во многих странах Европы. Но основные стилистические черты, характерные для древнерусской архитектуры предшествующего времени, продолжали существовать и в XII в., особенно в Поднепровье. Здесь строят церкви, близкие к типу Успенского собора Печерского монастыря в Киеве. Феодальное смутное время накладывает свой отпечаток на архитектуру: появляются узкие окна-амбразуры, толстые стены каменных храмов напоминают оборонительные сооружения.

Основные отличия архитектуры Поднепровья XII в. заключались в возникновении новой строительной техники. В XII в. зодчие почти по всей Руси начинают строить из местных материалов. Так, в Галицкой земле развивается техника строительства из белого камня, а в Поднепровье, где залежи камня небольшие, старую киевскую технику смешанной кладки заменяют кладкой из кирпича. Кладки из камня сохраняются иногда в фундаментах и в забутовке стен. Однако в поднепровской технике продолжают существовать традиции XI в.: несмотря на то что размеры кирпича-плинфы изменяются (он становится грубее, кое-где ухудшается качество его формовки и обжига), но в общем остается таким же, как и в XI в. В раствор по-прежнему продолжают добавлять цемянку, хотя помол ее становится более грубым. Во второй половине XII в. в Поднепровье получают распространение система кладки «ящиками», напоминающая романо-готическую кирпичную технику, крестовые своды, что может свидетельствовать о связях с романской архитектурой.

Особое распространение в архитектуре Поднепровья приобретает керамика. Для кладки фасадных полуко-

лонн применяется лекальный кирпич. Из керамических деталей — кронштейнов, донышек, полуарочек — складывают характерные для романской архитектуры аркатурные пояса, вытесняющие из фасадов построек меандровые фризы.

В Поднепровье XII в. можно проследить несколько архитектурных школ, тесно связанных между собой единым стилистическим направлением: киевскую, черниговскую и переяславскую. Отдельную школу составляла архитектура Волынской земли. Но сам Киев, где находился традиционный строительный центр и где бурно развивалось ремесленное производство, играл ведущую роль в формировании новых стилистических черт древнерусской архитектуры. Не исключена возможность прихода в Киев и другие города техники порядовой кирпичной кладки из Чернигова, где в XII в. сложилась сильная строительная школа. К сожалению, спорность датировок черниговских построек не дает убедительных данных для этого предположения. Что касается Киева, то, очевидно, эта строительная техника возникает в 30-х годах XII в. Первым датированным памятником нового стилистического направления в Киеве следует считать собор Федоровского монастыря, построенный в 1129 г. князем Мстиславом Владимировичем. Хорошо изучена исследователями церковь Богородицы Пирогощи на Подоле, построенная в 1132—1136 гг. Это была сравнительно небольшая шестистолпная церковь с простыми, расчлененными лопатками с полуколоннами, фасадами, тремя апсидами и одним куполом. Фундаменты собора, как показали недавние исследования Киевской археологической экспедиции, заложены на глубину более 3 м (очевидно, в связи с геологическими условиями Подола) и сложены из кирпичей и камней от какой-то более ранней постройки. Предположение о том, что эти остатки могли относиться к самой Пирогоще, позднее разобранной и возведенной наново во второй половине XII в., мало убедительно.

Известным памятником киевской архитектуры этого периода является Кирилловская церковь, построенная в середине XII в. на окраине Киева (Дорогожичи) вдовой киевского князя Всеволода Ольговича — Марией Мстиславовной.

Это шестистолпный храм большого размера со стенами, расчлененными лопатками с мощными полуколоннами. Фасады украшены узкими аркатурными поясами. Церковь завершается барабаном с куполом. В целом сооружение производит впечатление тяжелого и слишком массивного. В западной части собора — нартекс с крещальней и ходом на хоры. Наверху — довольно широкие и светлые хоры с часовней в правом крыле. Внутри церкви сохранилась фресковая роспись работы местных мастеров XII в. По стилю она значительно отличается от росписей XI в. Ее красочная гамма более пестрая, в рисунке прослеживается усиление графичности, в композициях больше динамики. Среди изображений — крупные фигуры воинов в главных местах в середине храма и более сложная композиция страшного суда в нартексе.

К постройкам Киевской земли относится Юрьевский (Успенский) собор в Каневе, построенный в 1144 г. киевским князем Всеволодом Ольговичем. Каневский собор меньше Кирилловской церкви, но пропорции его более совершенны. Фасады собора украшены рядами плоских ниш, напоминающих постройки XI в. и хорошо подчеркивающих масштабность сооружения.

Последней постройкой киевской архитектуры рассматриваемого стилистического направления была Васильевская (Трехсвятительская) церковь, возведенная на княжеском дворе в 1183 г. князем Святославом Всеволодовичем. Это был небольшой четырехстолпный храм со всеми стилистическими особенностями XII в. Однако архитектура его значительно отличает-

ся от архитектуры ранних построек. Пропорции храма намного стройнее сооружений предыдущего времени. В исполнении чувствуется большое профессиональное мастерство. На стенах фасада, кроме полуколонн и аркатурных поясов, из кирпича выложены орнаментальные кресты, а узкие окна имеют не прямые, а скошенные откосы.

Среди сооружений Переяслава XII в. известны две церкви, фундаменты которых исследованы при раскопках. Первая — довольно большой шестистолпный храм (Воскресенская церковь?) в Окольном городе. Его особенностью является восьмигранная форма западной пары подкупольных столбов и плоские пилястры на фасадах. Вторая церковь — маленький бестолпный храм, расположенный под современной Успенской церковью.

Рис. 89. Кирилловская церковь в Киеве (около 1150 г.). Реконструкция Ю. С. Асеева.

В Чернигове сохранилось несколько памятников XII в. О мастерстве черниговских зодчих этого времени свидетельствуют высокое качество кирпича и керамических деталей, совершенство конструкций. В декор зданий черниговские архитекторы вносили свои черты. Так, на фасадах они применяли тонкую цемяночную обмазку — штукатурку с разбивкой ее на квадры, в украшении сооружений использовались резные белокаменные детали. На кирпичах черниговские мастера, в отличие от киевских, ставили свои знаки.

Известным памятником черниговской архитектуры является Успенский собор Елецкого монастыря. Год его постройки не известен, но, скорее всего, он был возведен в первой половине XII в. Это шестистолпный крестовокупольный храм, с четко выделенным нартексом, в южной стороне которого, как и в Кирилловской церкви в Киеве, находится небольшая крещальня. Ее апсида с наружной стороны украшена прекрасно прорисованной аркатурой. Аркатура также украшает фасады, расчлененные лопатками с полуколоннами на южном и северном фасадах. Барабан главы украшен полуколонками и орнаментом из кирпича — «городками». Существует предположение (И. В. Моргилевский), что полуколонны на фасадах завершались резными белокаменными капителями.

Характерной постройкой черниговской архитектуры XII в. является Борисоглебский собор, построенный на

княжем дворе. По типу и архитектуре он похож на каневский собор. Исключительный интерес представляют найденные в соборе резные белокаменные капители с декоративным орнаментальным плетением и изображениями птицы-собаки («симургла»), барсов.

Усложненную композицию имел Благовещенский собор, построенный в 1184 г. князем Святославом Всеволодовичем. Это большой шестистолпный храм с галереями, богатыми мозаичными полами, резными белокаменными деталями и т. п. Возможно, что собор завершался несколькими главами. Б. А. Рыбаков высказал предположение, что в формах собора прослеживается тенденция к воскрешению традиций архитектуры периода расцвета Киевской Руси, по образному выражению автора «Слова о полку Игореве» — «звонение в прадедную славу».

Среди памятников Чернигова XII в. следует назвать Ильинскую церковь — маленький однонефный бесстолпный храм, хорошо сохранившийся до наших дней. У него простые фасады, на которых отсутствуют даже характерные для этого периода полуколонны. Стройные пропорции и высокое качество конструкции свидетельствуют о выдающемся мастерстве его зодчих. Год постройки церкви не известен. Исследователи относят его то к XI, то к XII в. Наиболее вероятно ее строительство можно отнести к 30-м годам XII в.

При всей стилистической общности черниговская архитектура несколько отличается от киевской, в первую очередь наличием резных белокаменных деталей, что роднит ее с владимиро-суздальской и галицкой архитектурой. Можно также отметить более совершенную, чем в Киеве, кирпичную кладку со знаками мастеров на боковых сторонах кирпича. Под сильным влиянием Чернигова находилась архитектура Рязани, входившей в состав Черниговского княжества.

Очень близкой к киевской и черниговской была архитектура XII в. Волыни. Во Владимире-Волынском от многочисленных каменных сооружений сохранился только Успенский собор, построенный в 1170 г. князем Мстиславом. Этот большой шестистолпный крестовокупольный храм, по строительной технике и архитектуре копировавший поднепровские соборы XII в., отличается от них более тонкими стенами и вытянутостью. Близка к поднепровской архитектуре и церковь XII в., выстроенная в монастыре, расположенном на окраине г. Владимира (так называемая Старая Катедра). В плане она подобна Кирилловской церкви в Киеве.

Архитектура Поднепровья конца XII — начала XIII в. Во второй половине XII в. в древнерусских городах значительно возрастает ремесленное производство. Увеличиваются и крепнут города, на их торжищах бурлит жизнь, городское население начинает принимать все более активное участие в общественной жизни. Древнерусские города интенсивно застраиваются, каменные сооружения появляются на торжищах, в ремесленных посадах и торговых слободах. Церкви нередко посвящаются «патронам» торговли (Пятницкие церкви), судоплавания (Никольские церкви) и пр. В их архитектуре сказались вкусы ремесленно-торгового люда. Черты народной архитектуры с древними славянскими традициями с новой силой проявились в монументальном каменном строительстве. В первую очередь сказанное относится к сложной пирамидально-объемной композиции, заменившей традиционные крестовокупольные постройки предшествующего времени. Главное внимание архитекторы уделяют внешнему виду построек. Если предшествующее стилистическое направление имело некоторые черты, сближающие его с романским архитектурным стилем, то новый стиль по времени соответствует началу развития готического.

Начало нового стилистического направления связывают с постройкой в середине XII в. мастером Иваном

Спасского собора Евфросиньевского монастыря в Полоцке: между барабаном и основным объемом храма зодчий ввел дополнительный объем из трехлопастных фронтончиков, что придало композиции пирамидальный вид. Характерными признаками нового стиля является центрический и башнеподобный характер композиции зданий, членение фасадов пилястрами сложного профиля, заменившими полуколонны предшествующего времени, широкое применение керамических украшений на фасадах построек.

Рис. 90.
Собор Апостолов в Белгороде (1197 г.). Реконструкция Ю. С. Асеева.

До последнего времени это направление считалось смоленским, так как там было открыто большое количество сооружений нового стиля. Несомненно, Смоленск, один из крупнейших торговых городов Руси и Поднепровья, играл заметную роль в развитии архитектуры вообще и нового направления в частности. Однако сооружения, открытые в последнее время в Киеве, Белгороде, Чернигове, Путивле, Новгород-Северском, Трубчевске, дают все основания считать, что такое направление было общим для всего Поднепровья, откуда оно распространилось и на остальные земли Руси (Гродно, Владимир-Волынский, Новгород, Псков, Владимир-на-Клязьме). Новое стилистическое направление становится характерным не только для храмов, но и посадах и торгах. Именно этот стиль мы видим в сооружениях киевского князя Рюрика Ростиславича, который, по словам летописи, имел «любов ненасытну о зданиях», что уме-

ло использовал в своих интересах. Архитектором, выполнявшим заказы Рюрика, был известный киевский зодчий Петр Милонег — «художник, мастер не прост», как про него пишет летопись.

Выдающимся памятником этого времени является Васильевская церковь в Овруче. Построена она в конце XII в. в феодальном владении князя Рюрика Ростиславича. Храм дошел до наших дней в реконструированном (архитектор А. В. Шусев) виде. Возможно, что первичная форма его верха была значительно сложнее, а композиция постройки имела пирамидальный характер.

Васильевская церковь представляет собой четырехстолпный в плане храм с двумя башнями перед западным фасадом, богатой декорацией фасадов, профилированными пилястрами и тягами, орнаментами из кирпича («поребрик», аркатура, «городки») и вставленными в кирпичную кладку камнями, придающими поверхности стен своеобразную художественную выразительность.

Вершиной нового архитектурного стиля можно считать Пятницкую церковь в Чернигове, которая была восстановлена в первоначальных формах в 1946—1952 гг. архитектором П. Д. Барановским. Это — небольшой в плане четырехстолпный храм, стоявший на торжище, среди пестрой застройки посада. Архитектура церкви радостная и праздничная. Пропорции стройные. Фасады сооружения завершаются не традиционными для Руси предшествующих времен полуциркульными закомарами, а трехлопастными фронтонами. Постамент под барабаном развит в сложную композицию трехъярусных ступенчатых сводов, на которых стоит высокий барабан с полусферическим куполом. Слегка стрельчатые формы арок и окон хорошо гармонируют с динамичной пирамидальной композицией постройки. Лопатки, членящие фасады, украшены пучковыми тягами, что еще больше подчеркивает вертикальность композиции здания. Фасады церкви богато украшены различного типа орнаментами из кирпича — появляются характерные для XI в. меандры, применяются орнаменты «поребриком», «городками», сеткой. Как показали последние исследования, Пятницкая церковь не была единственной постройкой этого стиля. Остатки зданий конца XII—XIII в. обнаружены в различных местах города.

В Киеве это стилистическое направление было связано со строительной деятельностью князя Рюрика Ростиславича и, вероятно, его архитектора Петра Милонега.

В послевоенные годы обнаружено несколько сооружений, непосредственно относящихся к стилистическому направлению конца XII — начала XIII в. Таким был небольшой четырехстолпный храм в Киеве на ул. Смирнова-Ласточкина (древний Копырев конец) с одноапсидным планом и пучковыми пилястрами, украшавшими его фасады. Есть основание атрибутировать этот памятник как церковь Василия, построенную на новом княжеском дворе в 1197 г. князем Рюриком Ростиславичем.

Как можно предполагать, зданием нового стилистического направления был храм Апостолов в Белгороде (с. Белогородка под Киевом), построенный в том же 1197 г. князем Рюриком Ростиславичем. По типу — это шестистолпный храм, завершавшийся, видимо, тремя главами. Фасады храма украшены профилированными пилястрами, а интерьер — богатой фресковой росписью с применением позолоты. Пол был вымощен яркими разноцветными глазированными плитами. Этими же плитами, судя по их остаткам в развалах кирпича, были украшены и фасады здания.

Интересные два памятника конца XII — начала XIII в. недавно раскопаны Киевской археологической экспедицией в уроч. Церковщина под Киевом в древнем Гнилецком монастыре. Здесь открыта церковь со всеми стили-

стическими признаками этого времени. Ее техника и формы упрощены (плоские пилястры, кладка стен на глиняном растворе), но внутри она была украшена яркой фресковой росписью и разноцветными глазированными плитками пола. В 1975—1976 гг. в центре Киевского детинца открыты фундаменты и нижние части стен большой ротонды, диаметром 20 м, и круглым столбом в центре здания, диаметром 3,2 м. Стены сложены из кирпича техникой, характерной для конца XII — начала XIII в., и снаружи украшены мощными пилястрами. Внутренние стены здания украшены фресковой росписью. Перекрыта ротонда, как можно предположить, деревянными балками и конусовидной крышей. По мнению исследователей, тот факт, что во время раскопок не было обнаружено погребений и церковных вещей, может свидетельствовать о гражданском назначении постройки.

Своеобразной и интересной архитектурой конца XII — первой половины XIII в. была архитектура Северской земли. Остатки зданий этого времени обнаружены в Путивле, Новгороде-Северском, Вщиже и Трубчевске.

Интересным памятником этого стиля являются остатки храма в Путивле. К его южному и северному фасаду прилегали полукруглые апсидиолы, фасады были украшены профилированными пилястрами. Апсидиолы усложняли композицию здания и подчеркивали его «устричность». Под современным Спасским собором в Новгород-Северском исследованы остатки древней трехапсидной постройки — четырехстолпного храма с тремя притворами или апсидиолами, как в Путивле. Углы постройки украшены пилястрами с тягами трехлепесткового профиля. Несколько проще по характеру архитектуры был храм в Трубчевске. Во Вщиже небольшую четырехстолпную церковь окружали галереи. Черты стилистического направления конца XII—первой половины XIII в. прослеживаются и в постройках Волыни. Таким был небольшой четырехстолпный храм с толстыми внутренними столбами, узкими боковыми нефами и профилированными пилястрами на фасадах, остатки которого обнаружены недалеко от Васильевской ротонды в г. Владимир-Волынский.

Значение стилистического этапа конца XII — начала XIII в. в развитии древнерусской архитектуры огромное. В нем берут свое начало те композиционные приемы, которые в дальнейшем получат развитие и станут характерными национальными чертами строительства трех братских народов — русского, украинского и белорусского.

Архитектура Галицко-Волынских земель во второй половине XII—XIII в. Остатки десятков сооружений обнаружены на территории древнего Галича и его окрестностях. Летописи сообщают о многочисленных галицких церквах, монастырях и княжеских дворцах. В отличие от Волыни, где в XII в. архитектура находилась под влиянием Поднепровья, архитектура Галича сильно от него отличалась. В Галиче мы не видим традиций киевской строительной техники: применяется только кладка из старательно обтесанных блоков местного камня — известняка, сложенных на тонких слоях известнякового, без примеси цемянки, раствора. Такая техника, как известно, характерна для романской архитектуры.

В Галиче, наряду с крестовокупольными сооружениями, распространены однонефные постройки, однонефные с круглой в плане центральной частью, квадрафориумные, полигональные и пр. Во время раскопок находят многочисленные фрагменты белокаменных украшений, которыми отделывались фасады и интерьеры галицких сооружений. В приемах резьбы, так же как и в строительной технике и ряде типов сооружений, можно отметить близость к романской архитектуре соседних с Галичем стран, в первую очередь, Венгрии, Чехии, Польши.

Интересной особенностью галицкой архитектуры является прием облицов-

ки стен керамическими рельефными плитами с изображениями грифонов, орлов, воинов, растительным и геометрическим орнаментами и т. п.

Белокаменная архитектура Галича в своем развитии проходит те же стилистические этапы, что и остальные области древней Руси. К наиболее ранним постройкам Галицкой земли относят церкви Ивана в Перемышле, Спаса в Галиче и церковь в Звенигородке. Они близки по характеру к зодчеству 20—60-х годов XII в., в частности к постройкам времени Юрия Долгорукого во Владимиро-Суздальской земле. Это четырехстолпные одноглавые храмы, построенные в технике квадровой каменной кладки на известковом растворе, характерной для романского зодчества. Как и в других древнерусских землях, во второй половине XII в. усложняются композиции зданий. Известнейшим памятником галицкой архитектуры этого времени является Успенский собор в Галиче, построенный Ярославом Осмомыслом около 1152 г. Фундаменты его раскопаны в 30-х годах XX в. Собор — четырехстолпный, окружен галереями, украшен каменной резьбой.

В галицкой архитектуре получают распространение типы центрических зданий — квадрифолии в Галиче и ротонда в с. Побережье под Галичем. Необычна по типу трехчастная церковь Ильи в Галиче. Можно предположить, что типы этих зданий появились в результате взаимосвязей с западным, в частности венгерским и романским, зодчеством.

К этому времени относится единственное сооружение древнего Галича, сохранившееся до наших дней,— церковь Пантелеймона, построенная около 1200 г. в крепости или укрепленном монастыре, защищавшем Галич с севера (современное с. Шевченково на Днестре).

От церкви сохранились стены нижнего яруса и восточный фасад. В первичном виде это был четырехстолпный храм, возможно, крестовокупольного типа. Стены сложены из тонко обтесанных блоков светло-желтого известняка. В то же время два портала перспективного типа, сохранившиеся на западном и южном фасадах, богато украшены колоннами с капителями коринфского ордера и орнаментальной резьбой (стилизованный аканф и плетение). Апсиды церкви членят тонкие полуколонны с коринфскими капителями, на которые опираются пять арок аркады.

В Васильеве на Днестре известен еще один храм галицкого строительства: четырехстолпная, видимо, крестовокупольного типа церковь, построенная, очевидно, в XII в. По плану она близка к поднепровским сооружениям, по технике — типична для Галича.

В XIII в. значительным архитектурным центром был г. Холм, где продолжали развиваться традиции галицкой архитектуры. К сожалению, ни один из памятников холмской архитектуры не сохранился, но летопись рассказывает о церкви Ивана, построенной зодчим и резчиком Авдием («хитрец», как называет его летопись).

Ее фасады были украшены резными украшениями из белого и зеленого камня, скульптуры позолочены, а окна украшали «римские стекла» — витражи.

О развитии традиции галицкой архитектуры свидетельствуют и древнейшие памятники Львова — города, приобретшего позднее большой вес в Галичине. К древнерусскому времени второй половины XIII — начала XIV в. во Львове относят ряд церквей в Подгородье, где в то время находился основной центр городской жизни. Это церкви Николы, Пятницы, Онуфрия и костелы Марии Снежной и Иоанна Крестителя.

На Волыни каменное строительство продолжается и после нашествия хана Батыя. Летопись детально сообщает о строительной деятельности волынского князя Владимира Васильковича в 70—80-х годах XIII в. Им основан ряд замков (Берестье, Каменец и др.), в городах строятся каменные церкви

(Берестье, Каменец, Любомиль). Очевидно, к этому же периоду относится и Михайловская ротонда, остатки которой раскопаны в г. Владимир-Волынский. Это круглая постройка с двумя кругами фундаментов и тремя полукруглыми апсидными нишами в толще стен. Ротонда сложена из брусчатого кирпича, окончательно вытеснившего в XIII в. из монументальных сооружений древнерусскую плинфу и ставшего в дальнейшем основным строительным материалом в украинской архитектуре Волыни и Поднепровья.

Большой интерес представляют известные каменные башни, сохранившиеся до наших дней на окраинах г. Холм (села Белавино, Столпье) и в Каменец-Литовском (Белая Вежа). Известно, что такие же башни были в Люблине, Черторыйске и Дрогобыче. Холмские башни сложены из белого камня, что характерно для галицкой строительной техники. Каменецкая Белая Вежа построена из волынского брусчатого кирпича. Она достигает в высоту 29 м и имеет пять ярусов, из которых три — перекрыты сводами. Верх башни увенчан зубцами, под которыми проходит декоративная полоса из нескольких рядов орнамента. Белая Вежа, очевидно, относится к периоду строительства князя Владимира Васильковича, и, видимо, именно о ее строительстве рассказывается в летописи.

Нашествие орд хана Батыя затормозило развитие архитектуры в Галичине и на Волыни. Однако древнерусские традиции не были забыты. В дальнейшем они проявились в архитектуре украинского, русского и белорусского народов. Так, особенности поднепровской архитектуры проявились в строительстве Украины XIV—XVI вв., а мастерство галичских каменщиков ожило в работах львовских мастеров периода ренессанса XVI в.

II ГОРОДИЩА, СЕЛИЩА И МОГИЛЬНИКИ

Городища

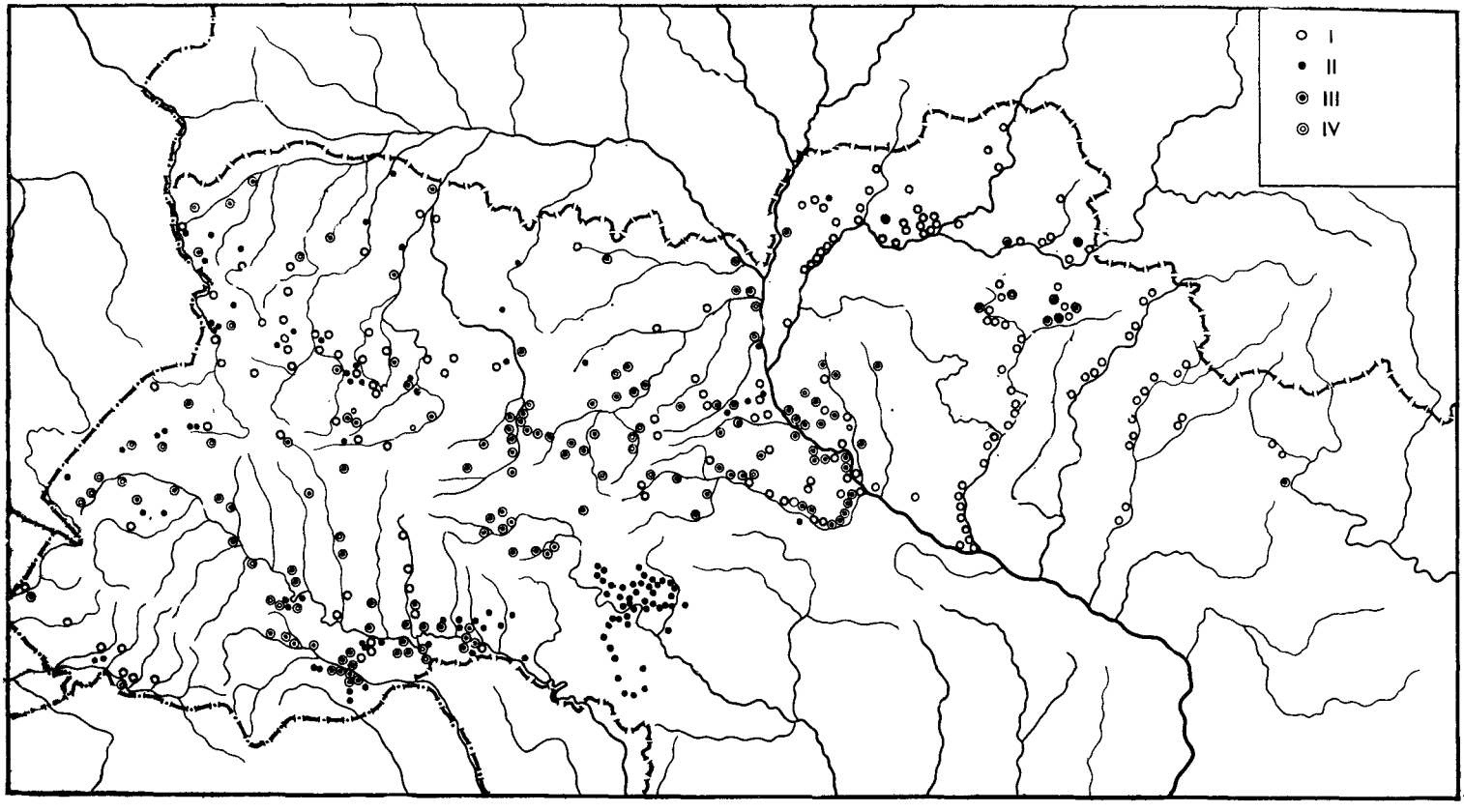
В Киевской Руси, как и в других раннесредневековых государствах, значительная часть поселений имела укрепления. Особенно характерны они для южнорусских земель, расположенных вблизи неспокойного кочевого мира, занимавшего огромные пространства степей Восточной Европы.

Необходимость массового строительства новых укреплений возникла в X в. при киевском князе Владимире Святославиче в связи с усилившимися набегами печенегов. Под 988 годом в летописи говорится: «И рече Володимер: «Се не добро есть — мало городов около Киева». И нача ставити городы по Десне и по Оустрь и по Трубежеви и по Суле и по Стугне, и нача нарубати мужи лутши от Словен и от Кривич и от Чюдии и от Вятич и от сих насели грады, бе бо рать от печенег и бе воюяся с ними и одоляя им» [ПСРЛ, 1962, стб. 106].

Летописцев-монахов, находившихся за прочными стенами монастырей, мало интересовало оборонительное строительство, тем более в удаленных от Киева районах, и только лаконичная запись под 1032 годом посвящена этой теме: «...Ярослав поча ставити городы по Рси» [ПСРЛ, 1962, стб. 137].

Археологические исследования свидетельствуют, что оборонительное строительство в эпоху древней Руси проводилось на территории современной УССР не только в Среднем Поднепровье, но и западнее — вплоть до границ с древнепольским и древневенгерским государствами.

Термин «городище», который озна-



Карта 6. Размещение Древнерусских городищ на территории УССР:

I — городища со слоями IX—XI и XI—XIII вв.; (IX—XI вв.);
II — городища раннего периода Киевской Руси (IX—XI вв.);
III — городища конца XI — XIII вв.;
IV — древнерусские городища, хронология которых требует уточнений.

чает остатки любого древнего укрепленного пункта — «города», независимо от его социально-экономического содержания, встречается в древнерусской летописи. Термин сохранился до наших дней и в таком значении вошел в литературу. Иногда древнерусские городища на территории УССР именуются «замчищами» — термином более поздней эпохи, происшедшим от

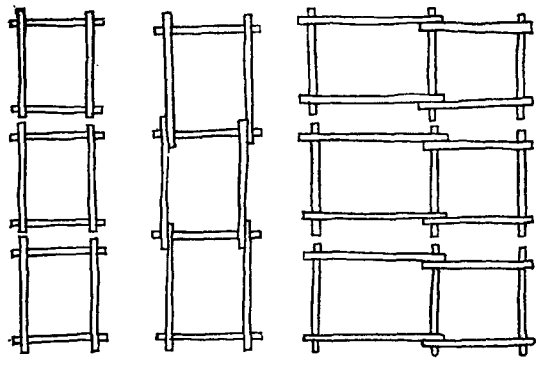


Рис. 91.
Схема укреплений городищ из отдельных и взаимосвязанных срубов.

названия остатков замков XVI—XVIII вв. О древности и первичности термина «городище» свидетельствует и тот факт, что многие из существующих населенных пунктов, расположенных вблизи или на месте остатков земляных укреплений, носят название Городище.

Признаками городищ являются остатки земляных укреплений — валов и рвов, ограничивающих замкнутую площадь, предназначавшуюся для заселения, и обеспечивающих возможность круговой обороны.

Обычно возле каждого городища находится неукрепленная часть поселения — селище. Обе эти части образовывали единый населенный пункт. Поэтому под термином «городище» подразумевается и примыкающее к нему селище, иногда называемое в литературе «посадом».

Изучение городищ на территории современной УССР началось в середине XIX в. Первые исследования, проводимые любителями, носили случайный характер и не могли дать сколько-нибудь положительных результатов. Во второй половине XIX в. по инициативе московского Археологического общества была проведена большая работа по учету древних памятников, в том числе и городищ, через административные органы — путем рассылки вопросников-анкет по волостям Украины и России. Собранные в 1873 г. ответы на анкеты являлись основным источником знаний о городищах. Полученные данные, дополненные последующими обследованиями некоторых городищ и новыми сообщениями краеведов, опубликованы в виде «Археологических карт» Киевской, Волынской [Карта, 1895; Карта, 1901] и Подольской [Сецинский, 1901] губерний. Недостаток карт состоял в том, что в них были объединены памятники самых различных эпох без указания их хронологии. Сказывалась крайняя ограниченность археологических исследований, незнание археологического материала, в первую очередь наиболее массовых находок — керамики.

По-новому проводил исследование городищ на Левобережье Днепра профессор Д. Я. Самоквасов. Проводя раскопки славяно-русских курганных могильников на Черниговщине, он установил, что расположенные возле них городища являются остатками укрепленных поселений того же самого населения. Так, впервые был открыт метод косвенного датирования городищ по находящимся рядом с ними могильникам. Заслуга Д. Я. Самоквасова состоит в том, что опубликованные им работы [1873; 1878; 1908] не только содержат учетные данные, но и окончательно утвердили мнение о городищах как о местах древних поселений. До этого многие исследователи считали городища остатками языческих культовых сооружений — святилищами.

АРХЕОЛОГИЯ ЭПОХИ КИЕВСКОЙ РУСИ

Большую работу по обследованию городищ южной части Левобережья Среднего Поднепровья в бассейне рек Сула, Псел и Ворскла проделал в конце XIX — начале XX вв. В. Г. Ляскоронский [1901; 1907; 1911]. Хотя археологическим находкам В. Г. Ляскоронский и не придавал значения, но он впервые составил схематические планы городищ, что остается ценным источником и для современного поколения археологов.

Началом археологических раскопок городищ, изучения их культурного слоя с остатками жилищ, мастерских, бытовым и производственным инвентарем явились работы киевского археолога В. В. Хвойка в XIX — начале XX в. [1905; 1913]. В числе древнерусских памятников Среднего Поднепровья им проведены исследования в Киеве, на городищах у сел Шарки и Кононча в бассейне р. Рось, возле с. Витачев на Днепре, в древнем Белгороде.

Выяснилось, что древнерусская материальная культура имеет свои специфические черты и что только на основании археологических находок возможно выделить древнерусские городища среди городищ иных исторических эпох.

Практика показала, что археология стала самостоятельной отраслью знаний и что для продолжения серьезных исследований, в особенности по древнерусской тематике, необходимы квалифицированные специалисты. Однако в дореволюционной Украине отсутствовало какое-либо научное археологическое учреждение, способное бы возглавить эту работу.

Только после победы Великой Октябрьской социалистической революции при вновь образованной Академии наук УССР была создана Археологическая комиссия, а затем Всеукраинский археологический комитет, преобразованный в 1934 г. в Институт истории материальной культуры, а в 1938 г. в Институт археологии АН УССР. Уже в 20—30-х годах Н. Е. Макаренко и Ф. Н. Молчановским возобновились разведки и раскопки древнерусских городищ.

Основные работы по изучению городищ осуществлены в послевоенный период. Дореволюционными исследователями был проведен довольно полный учет городищ на территории Украины. В настоящий период учеными поставлена важная задача определить их хронологию, отделить древнерусские городища от укреплений более ранних и поздних эпох. Усилиями Института археологии АН УССР, Института общественных наук АН УССР (г. Львов) и Института археологии АН СССР эта задача в основном выполнена. Проведены разведки почти во всех районах, где имеются сведения о наличии городищ. Значительные работы осуществлены на территории западных областей УССР и в Северной Буковине, вошедших в состав УССР, и где состояние изученности древнерусских памятников оставалось на уровне XIX в.

Среди многочисленных публикаций послевоенного времени, посвященных результатам археологических разведок памятников, в том числе древнерусских городищ, следует назвать работы А. А. Ратича [1957], Б. А. Тимощука [1969], И. И. Ляпушкина [1961] и особенно П. А. Раппопорта [1956; 1967].

Наряду с обследованием проводились разведывательные и стационарные раскопки более чем на 60 городищах, в том числе пять городищ раскопаны полностью (Райковецкое в бассейне р. Тетерев, Бабка на р. Стырь, Судовая Вишня в верховьях р. Сан, Селевинцы на р. Южный Буг, Гринчук на р. Днестр) и три на широкой площади (Иван-Гора возле г. Ржищев и Зарубинцы на р. Днепр, Старая Ушица на р. Днестр), не считая трех полностью раскопанных городищ, принадлежащих остаткам городских поселений (возле с. Городище в районе г. Шепетовка в бассейне р. Горынь, центральное городище Замок в г. Любече и одна из частей — Малое

городище летописного Городска на р. Тетерев).

Всего к настоящему времени на территории УССР известно 517 городищ с находками древнерусского времени X — первой половины XIII вв.

Не по всем памятникам имеются необходимые сведения. Во время обследования не всегда составлялись планы городищ, нечетко определялась их топография. Основным критерием хронологии городищ является собранный на них керамический материал. Последний иногда датировался исследователями в широком диапазоне «древнерусского времени». Для подавляющего большинства городищ установлена более конкретная датировка по столетиям. При этом необходимо иметь в виду возможные случаи возведения укреплений — валов и рвов на уже существующем поселении. Раскопки самих валов с целью поиска в них датирующих вещей требуют больших по объему и длительных по времени исследований. Археологические находки, встречающиеся в валах и в их основании, в одних случаях происходят из культурного слоя, отложившегося до сооружения укреплений и использованного для насыпи вала, в других — могут относиться ко времени функционирования укрепленного пункта и связываться с перестройкой и усилением укреплений, последующим расползанием насыпи валов, использованием жителями внутривальных помещений-клетей, дополнительным сооружением валов со стороны естественных преград на мысовых укреплениях и т. д. Кроме того, не всякая находка пригодна для уточнения хронологии в пределах древнерусского периода. Более надежные результаты дают раскопки внутренней площади городищ, получение сведений о расположении жилищно-хозяйственных комплексов по отношению к валу.

К настоящему времени известно немного памятников, исследованных в такой степени.

Используя материалы раскопок и разведок, можно достоверно выделить укрепленные пункты конца XI — первой половины XIII вв. Многие из них возникли в более раннее время. Кроме того, часть более ранних укреплений запустела к XI в. и в XII—XIII вв. не существовала, а некоторые после запустения вновь возобновили свою деятельность.

Городища сосредоточены главным образом в лесостепной зоне УССР и в меньшем количестве в северных полесских районах. Их ареал очерчивает почти всю южную территорию древней Руси. На западе часть древнерусских городищ находится на территории современной ПНР (в верховьях рек Сан, Вепш и вдоль западных притоков Западного Буга). На юго-западе в состав Руси входило Верхнее и Среднее Поднестровье, верховья Прута и Сирета. Городища в верховьях Тисы (современная Закарпатская область УССР) принадлежали местным восточным славянам, а впоследствии древнерусскому населению, находившемуся в политической зависимости от древневенгерского государства. Южная граница Руси проходила по Среднему Поднестровью, верховьям Южного Буга и по Роси в сторону Днепра.

Юго-восточной границей на Левобережье Днепра, особенно в ранний период Руси, являлась р. Сула. В XII в. в условиях борьбы против участившихся половецких вторжений южнорусские княжества распространили влияние на широкую пограничную область с малочисленным древнерусским населением, проживавшим вдоль рек Псел, Ворскла и Северский Донец. Свидетельством этому является оживление жизни и возобновление укреплений на некоторых северянских городищах роменской культуры.

Наиболее ранние городища, возникшие в IX—X вв., очерчивают укрепленные области летописных племен: тиверцев в Среднем Поднестровье; хорватов в Верхнем Поднестровье; верховьях Прута, Тисы и Сана; бужан в верхнем течении Западного Буга;

дулебов между верховьями Днестра и Западного Буга; волынян в бассейне Стыри и Горыни; древлян в междуречье Случи и верховий Здвижа, Ирпеня; уличей в бассейне среднего течения Южного Буга; полян и западных северян, образовавших ядро «Русской земли» на Правобережье Среднего Поднепровья и в междуречье Днепра и Десны.

В конце X—XI вв. наиболее интенсивное строительство укреплений продолжалось в землях волынян, полян, а на Левобережье — в бассейнах Десны и Сулы как на незаселенных местах, так и в области расселения северян. В конце XI — первой половине XIII в. оборонительные сооружения возводились в пределах княжеств, возникших в XI в. на основе слияния более ранних племенных общностей в процессе сложения государственной территории древней Руси. Большое количество новых укреплений возводится в Галицкой земле — в Верхнем и Среднем Поднестровье и верховьях р. Прут. Особенно в значительных масштабах ведется оборонительное строительство в Киевской земле на правобережье Среднего Поднепровья.

Впервые покрывается сетью укрепленных пунктов обширная область в верховьях Тетерева, Южного Буга и Случи. В результате территория Киевской земли распространилась к юго-западу до Галицко-Волынского княжества. На опасном участке южной границы Руси, протяженностью свыше 150 км, был поставлен мощный заслон против половцев. Расположенная южнее этого направления южнобугская группа уличских укреплений, прекратившая существование с появлением половцев во второй половине XI в., уже не восстанавливалась. Древнерусское государство не смогло закрепить за собой и удаленную к югу восточнославянскую область нижнеднестровских тиверцев. Немногочисленная группа укрепленных поселений в междуречье Днестра и Реута (территория современной Молдавской ССР) почти полностью опустела в конце X — второй половине XI в.

Близкое соседство Южной Руси с беспокойной степью с юга и юго-востока, а также древневенгерским и древнепольским государствами с запада вынуждало возводить густую сеть укрепленных пунктов. В Среднем Поднепровье в течение X—XII вв. были сооружены оборонительные линии из укрепленных пунктов и так называемых Змиевых валов южнее и западнее Киева между Днепром и Ирпенем (по рекам Вита и Бобрица), а также по Стугне и водоразделу Ирпень—Здвиж—Тетерев; по Роси и водоразделу Рось—Тетерев; по Днепру и Суле.

С нашествием хана Батыя и распадом Древнерусского государства укрепления к середине XIII в. на большей части Южной Руси теряют свое значение, а в Галицко-Волынской земле во второй половине XIII в. приходят в запустение.

Укрепления обычно возводились на труднодоступных местах — мысах и останцах на краю высоких берегов рек. Но при отсутствии участков с расчлененным рельефом укрепления сооружали и на равнине, выбирая под них наиболее возвышенные места.

Городища на мысах имеют естественные препятствия (склоны обрывов) с двух или трех сторон, на останцах — по всему периметру, расположенные на равнине (возвышении или плоской местности) лишены естественной защиты. Иногда городища только одной стороной примыкают к естественной преграде — обрыву берега реки или оврага. Естественные склоны мысов и останцов, для придания им большей крутизны, в верхней части эскарпировали одним, двумя и тремя ступенчатыми уступами, высотой 3—4 м и более. На каждой ступени-уступе, опоясывавшей склон в виде террасовидной площадки, шириной 3—6 м и более, выкапывался ров, а по внешнему ее краю насыпался вал, чем достигалось увеличение высоты уступа. С

напольной стороны мысовые городища защищались валом и рвом, а иногда — двумя валами и рвами. Нередко вал, как правило меньших размеров, проходит и по краям мыса.

Городища, занимающие останцы, в большинстве случаев имеют по краю вал только с наиболее доступной стороны. Ров на этих участках расположен ниже вала и обычно соединяется с эскарпом на более крутых склонах. На равнинных городищах вал и ров проходят по всему периметру.

Оборонительный ров по краю площадки городищ всегда находится с внешней стороны вала. Но встречаются выемки наподобие рва и с внутренней стороны перед валом, которые иногда воспринимаются как обычные рвы. На самом деле так называемые внутренние рвы не имели оборонительного значения. Они образовывались в результате выборки грунта при вторичной подсыпке вала. Замечено, что такие же рвы встречаются на городищах более древних эпох, но вторично использованных славянами.

На месте въездов на городища сохранились разрывы в валах. На мысовых городищах они расположены на перешейках, то есть со стороны основания мыса (с напольной стороны), а на останцах — с любой наиболее доступной стороны. Иногда для въезда, особенно на останце, использовали эскарпированную террасу, опоясывающую городище в виде серпантина, поднимающуюся по склону на край площадки.

У большинства городищ, так называемых простых, укреплена только одна часть. Существуют также сложные городища, расчлененные валами и рвами, а иногда балками и оврагами на две-три и более укрепленные площадки-части. Сложные городища принадлежат остаткам поселений городского типа. Известны городища сложного плана и незначительными культурными остатками древнерусского времени. Очевидно, они возникли в более ранние исторические эпохи. Известен целый ряд более древних городищ-убежищ с несколькими внутренними валами, рассчитанными на пассивную оборону. Часть из них использовалась в древнерусское время, хотя планировочная структура и не отвечала новым нормам оборонительного строительства.

Форма городищ, занимающих труднодоступные участки местности, зависит в целом от конфигурации последних. На мысах и останцах городища бывают округлыми, овальными, трехугольными, трапециевидными и т. д. Городища на плоской местности и незначительных возвышениях всегда круглой или овальной формы, а городища, в плане которых использованы естественные препятствия с одной стороны (расположенные на краю обрыва), имеют полукруглую форму. На территории УССР округлые городища наиболее распространены на равнинной местности между Днепром и Трубежом и в верховьях Сулы на Левобережье, а также в полесских районах Волыни на Правобережье.

Сохранность городищ различная. Большинство сильно повреждено временем и хозяйственными работами. Особенно значительному разрушению подверглись валы и рвы, в результате чего многие городища потеряли первоначальные очертания, а некоторые полностью уничтожены или находятся на грани исчезновения.

На лучше сохранившихся городищах валы с напольной стороны имеют высоту 4—5, ширину в основании 10—12 м. Обычно внешний склон вала, обращенный ко рву, более крутой, чем внутренний. Рвы в профиле трехугольной или трапециевидной формы с узким дном и крутыми стенками, особенно в нижней части. Глубина рвов в среднем 2—4, ширина 8—12 м. Таким образом, внутренняя стенка рва и внешний склон вала составляли преграду высотой 6—9 м. Кроме того, на валах находились еще и деревянные стены.

В древнерусских письменных источ-

никах валы и рвы не имеют самостоятельных определений, а упоминаются под общим названием «гребля», «гробля». Говоря о строительстве укреплений, летописцы нередко употребляют выражение «срубить город», что указывает на дерево как строительный материал. Встречается в летописях термин «стена», а также название деревянных частей укреплений: нижней — «городни» и верхней «заборола».

Остатки деревянных конструкций открыты в валах почти на всех городищах, где проводились исследования. Это прямоугольные срубы, скреплявшие насыпь вала и обеспечивавшие достаточную крутизну склонам, особенно со стороны рва. При раскопках они встречаются в нилом или обугленном состоянии. Лучше сохраняются остатки обгоревших при пожаре срубов.

В зависимости от мощности укреплений в валах городищ встречаются один, два и даже три ряда срубов, примыкающих друг к другу и ограничивающих по периметру площадку городища с разрывом только на въезде.

Известны два основных типа срубных конструкций. В первом случае срубы сооружались вдоль и по ширине вала каждый в отдельности. Концы бревен от стен выходили по углам в узкие промежутки между соседними срубами. Во втором — все срубы конструктивно связаны между собой. Про-

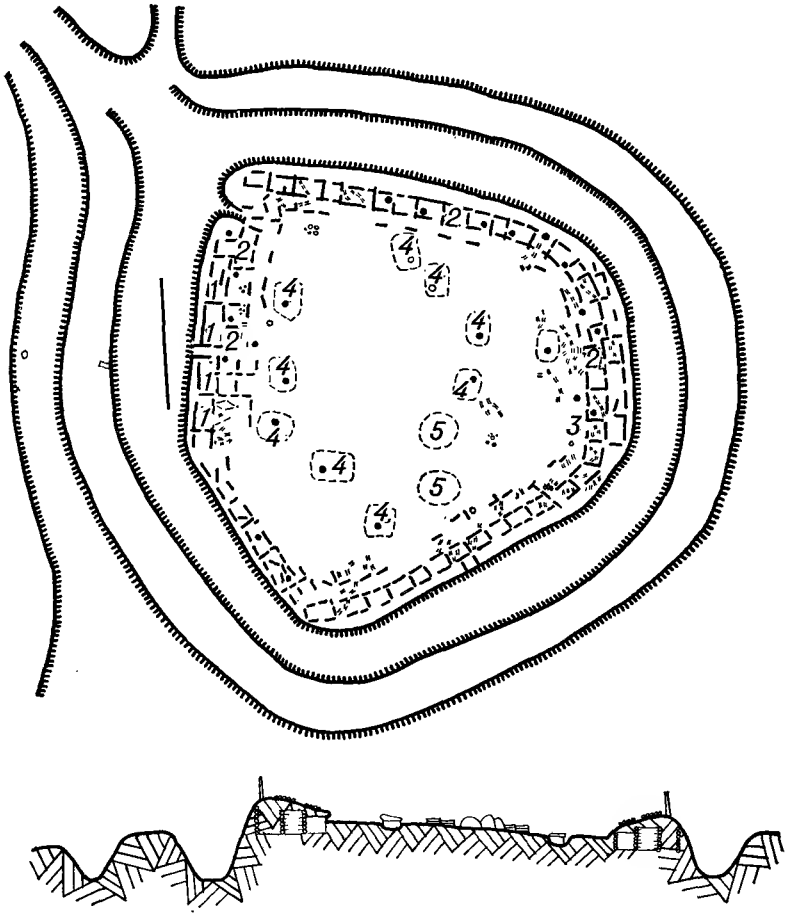


Рис. 92. План Райковецкого городища:
1 — городня;
2 — клеть;
3 — пристройка к клети;
4 — полуземляночное жилище;
5 — сгоревшее сено или солома в стогах.

межутков между ними не было, поскольку они имели общие смежные стены. При такой конструкции срубы строились одновременно.

Раскопками открыты срубные конструкции смешанного типа, когда срубы вдоль вала сооружались отдельно, а поперек вала они были взаимосвязаны друг с другом.

В плане срубы имели прямоугольную или квадратную форму. Так как они размещались по кругу или дуге, внутренняя продольная стена их нередко была короче. Такие срубы имели трапециевидную форму. Средние размеры срубов 3—3,5×4 м, но нередко встречаются и с размерами 1,5—2× ×3 м, 3—3,5×5 м. Исследованиями установлено, что на ранних городищах (X—XI вв.) применялась конструкция из отдельных, приставленных друг к другу срубов. На городищах XII — XIII в. преобладает конструкция из взаимосвязанных срубов.

Срубы заполнялись внутри грунтом (лесом, глиной, песком), вынутым при сооружении рва. С внешней и внутренней стороны они присыпались землей в виде уклонов, образовывавших склоны вала. На обычных городищах встречается в валах по одному, редко — по два ряда засыпанных грунтом срубов. Кроме городищ с засыпанными срубами, известны городища с пустотелыми срубами в валах. В большинстве случаев в одном и том же валу находились как засыпанные, так и пустотелые срубы. При этом засыпались внешние ряды срубов, а внутренние оставались пустотелыми. Заполненные грунтом срубы принято называть летописным термином «городни», а пустотелые — обычно называют «клетями». Укрепления с клетями особенно широко распространены в древнерусское время на территории Среднего Поднепровья [Кучера, 1969]. Они располагались по периметру укрепленной площадки, примыкая с внутренней стороны к городням вала. Обычно клети состояли из одного ряда помещений, но на некоторых городищах открыто по два ряда клетей

Остатки городен, как правило, сохранились в валах в гнилом состоянии. Нередко от них прослеживается древесная труха или пустоты в плотной насыпи с отпечатками истлевших бревенчатых стен. Иногда остатки городен, в особенности в местах перекрещивания бревен, находят в обгорелом состоянии. Обычно стены городен в поперечном разрезе имеют вид волнистой линии, образованной из истлевших округлых бревен, сдавленных по сторонам насыпью вала.

Клети на всех городищах, где они были обнаружены, погибли от пожара. Лучше всего сохраняются нижние бревна стен, на которые во время пожара съехала насыпь вала и как бы законсервировала их неполностью сгоревшие остатки. Городни и клети строились из дубовых бревен диаметром 15—25 см. В единичных случаях в развале дубовых клетей встречаются остатки других пород дерева.

Основным элементом дерево-земляных укреплений являлись городни. Однако валы с одними только городнями встречаются на городищах редко. Они более характерны для городов. Широкое распространение получили укрепления из городен и клетей. Известно немало городищ, где срубная конструкция укреплений представлена только клетями. Валы на этих городищах небольшие — клети имели земляной уклон только с внешней стороны и присыпку вверху. Обычно укрепления из одних клетей сооружались по краям мысовых городищ с высокими эскарпированными склонами.

Кроме оборонительного назначения, клети использовались для хранения различных хозяйственных припасов, а иногда и в качестве жилищ (встречаются печи). В клетях ряда городищ встречаются обугленные зерна злаков, орудия сельского хозяйства, различные бытовые предметы. Иногда в клетях находят очаги, свидетельствующие о временном использовании клетей под жилища, но в подавляющем

большинстве случаев находки отсутствуют. В целом клети как неотъемлемая конструктивная часть укреплений строились без учета специфики их фактического использования. В первую очередь они предназначались как резервные помещения на случай военной опасности. В мирное время их использовали преимущественно как хозяйственные помещения.

На территории УССР в древнерусское время существовали также дерево-земляные укрепления столбовой конструкции. Они состояли из стены в виде частокола, присыпанного с внешней стороны землей. Известны укрепления в виде помещений-клетей, сложенных из горизонтальных бревен и закрепленных посередине и по углам столбами; на них с внешней стороны опиралась земляная насыпь вала. Столбовая конструкция дерево-земляных укреплений открыта на нескольких городищах X—XIII вв. (Грозинцы, Ломачинцы, Дарабаны) в междуречье Днестра и Прута, где она сосуществовала со срубной.

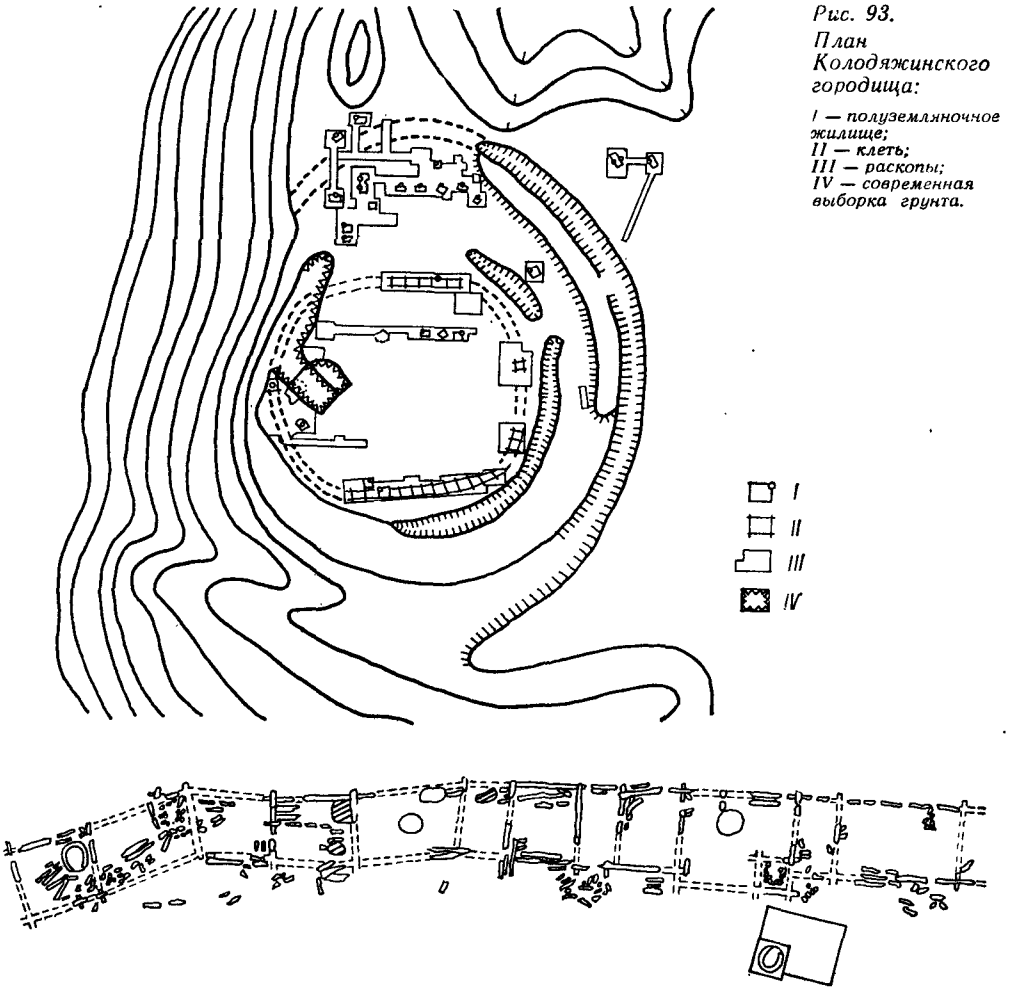
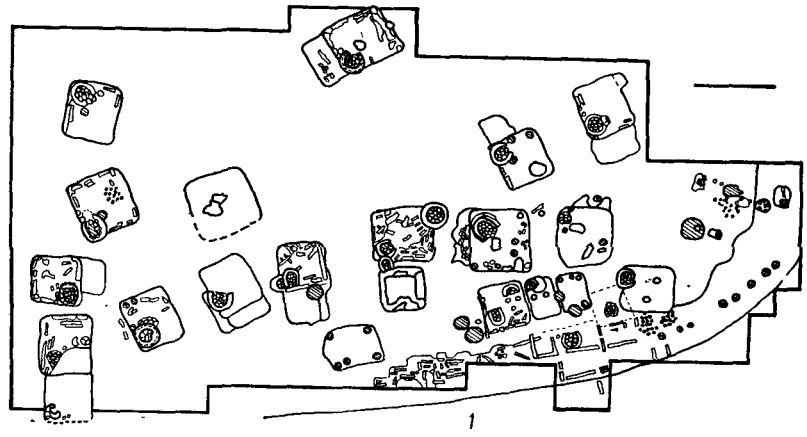


Рис. 93. План Колодяжинского городища:

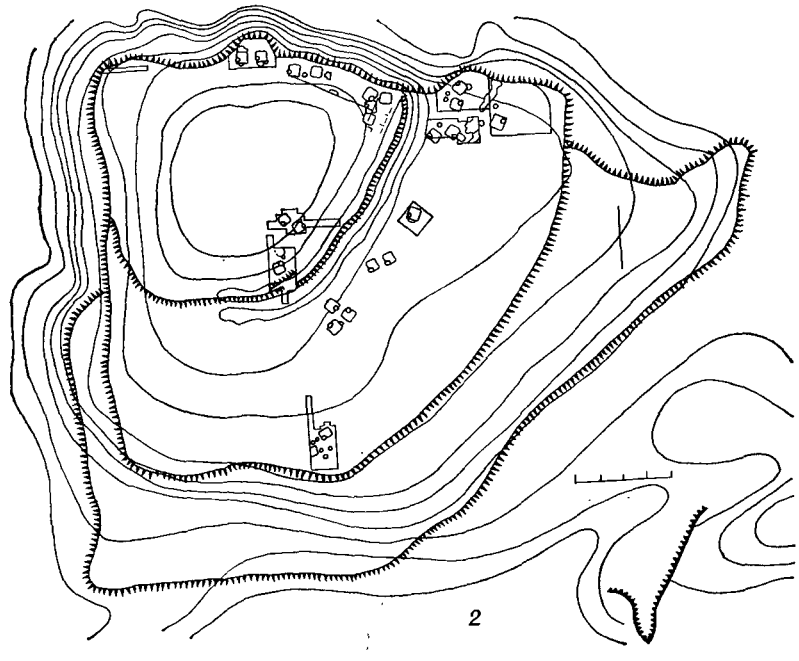
I — полуземляночное жилище;
II — клеть;
III — раскопы;
IV — современная выборка грунта.

Известны валы, в которых деревянные конструкции отсутствуют. Обычно эти валы образуют вторую, внешнюю линию укреплений или относятся к

городищам раннежелезного века, повторно использованным в древнерусское время. Однако земляные валы без специальных конструкций всередине встречаются по краям укрепленной площадки и на древнерусских городищах, в том числе с напольной стороны. В небольшом количестве они известны на Волыни (Белев, Шепель, Мельница, Тихомль).



1



2

На некоторых городищах в Среднем Поднепровье в валах исследована кладка из сырцовых кирпичей, которая в виде сужающейся кверху стены размещалась с внешней стороны, непосредственно перед городнями, и укрепляла внешний склон вала. Такая конструкция применялась в конце X в. в городском оборонительном строительстве. Она открыта в валах Белгорода, Переяслава, Василева (городище в Василькове на р. Стугна), а на небольших городищах — с. Заречье на р. Стугна.

Сооружение валов требовало прове-

дения трудоемких земляных работ, что было необходимым для обеспечения надежной защиты в наиболее опасной нижней части укреплений. Сверху на валах сооружали стену

Рис. 94. Городища Днепровской оборонительной линии:

1 — план раскопа Иван-Горы; 2 — план Щучинского городища.

только из бревен. Кроме защиты от стрел, а с конца XII — начала XIII в. и от камнеметов, стена на валу являлась и боевым ярусом, приспособленным для отражения вражеского нападения. Находящиеся в валах городни составляли нижнюю часть укреплений. Первоначально они выходили на поверхность, возвышаясь в виде срубной стены. Об этом свидетельствует обугленность городен в верхней части насыпи вала в результате пожара в наземной части. Замечено, что городни не всегда начинаются с основания вала, а связаны, в первую очередь, с его верхней частью. Кроме того, срубные стены из сплошного ряда помещений-клетей известны на ряде северорусских памятников деревянного зодчества XVI—XVII вв., сохранивших традиции древнерусской архитектуры.

Кроме срубных стен, на валах размещались и стены столбовой конструкции. Такие стены прежде всего характерны для небольших валов, где они являлись конструктивной основой земляной насыпи. Как уже отмечалось, на некоторых городищах Юго-Западной Руси это были частокол и стена из горизонтальных бревен, закрепленных в столбах. Фактически стены были наземными, присыпанные снаружи внизу грунтом. Их столбы крепились не в насыпи вала, а углублялись ниже его основания. Стены аналогичной конструкции могли сооружать и сверху на валах.

Что касается частокола, то выразительных его следов на валах древнерусских городищ не открыто. Остатки двух столбов обнаружены на внешнем склоне вала, у его подножия, на городище возле с. Белев на Волыни [Раппопорт, 1967, с. 121, 135]. Столбы расположены вдоль склона на расстоянии около 60 см друг от друга и наклонены наружу. Они являлись остатками не самой стены, а какого-то дополнительного препятствия на склоне. На городище Иван-Гора возле г. Ржищев на Днепре на значительном протяжении вдоль вершины вала открыты остатки одного ряда столбов, скреплявших, очевидно, стену из горизонтальных бревен. В этом же валу открыты и остатки сгоревших срубов, относящихся, несомненно, к первоначальным укреплениям.

Стены столбовой конструкции по прочности уступали срубным, но их можно было быстрее построить, что в условиях частых пожаров имело немаловажное значение. Сгоревшие срубные стены не всегда восстанавливались, и вместо них сооружали стену столбовой конструкции. В военное время последние использовались для дополнительного усиления основных оборонительных линий. Стены из частокола в виде надолбов устраивались во рвах и на эскарпированных склонах (древний Галич, городище Ревное в Прикарпатье). Столбовая конструкция стен могла находиться также на внешних земляных валах городищ.

На некоторых городищах исследованы въезды в валах. Они были ограничены по сторонам стенами из вертикальных столбов — частокола (Судовая Вишня в Прикарпатье, Заречье на р. Стугна, Старая Ушица на р. Днестр) и имели вид длинного, до 13—15 м, коридора, шириной 2,5—3 м, проходящего через вал и продолжающегося от него на несколько метров далее во внутреннюю сторону. В Судовой Вишне проезд выступал с внешней стороны перед валом, понижаясь в сторону рва. Отметим, что на всех трех городищах в валах открыты срубы, но длинный воротный пролет, тем более на наклонной плоскости, было

практичнее строить из частокола. На городищах Воинь и Райковецкое въезд шириной 2,5—3 м проходил между срубами вала. Воротный пролет здесь, очевидно, не выступал во внутреннюю сторону, хотя он должен был продолжаться ко рву через толщу внешнего земляного наклона вала.

Въезды запирались воротами, крепившимися к прочным опорным столбам. Поэтому в древнерусских источниках въезды всегда называются воротами.

Сверху над воротами могли находиться обычные оборонительные стены. Однако в ряде случаев, судя по археологическим данным и аналогиям позднейшего времени, ворота венчались многоярусной срубной башней. В некоторых древнерусских городах известны каменные ворота (Золотые ворота в Киеве, ворота Киево-Печерской лавры, Епископские ворота в Переяславе, Золотые ворота во Владимире-на-Клязьме). Внизу они состояли из двух параллельных стен, ограничивавших проезд, а выше имели башневидную композицию с церковью, которая, очевидно, одновременно использовалась в случае защиты.

В древнерусских летописях башни упоминаются под названием «столп» и «вежа». При этом до половины XIII в. оба термина применялись к иноземным каменным башням, и только со второй половины XIII в. ими начинают обозначать отечественные башни. Последнее обстоятельство дало основание П. А. Раппопорту вполне справедливо считать, что в доордынское время башни на Руси не имели значительного распространения и использовались в основном для наблюдения [1956, с. 136, 137].

На части городищ на валах или по краю укрепленных площадок открыты различной сохранности кургановидные земляные насыпи диаметром в среднем 6—10 м, на которых могли стоять деревянные башни. Они известны в небольшом количестве преимущественно на памятниках Галицко-Волынской Руси, хотя встречаются и в Среднем Поднепровье и на территории БССР. В большинстве случаев эти насыпи находились у въездов и предназначались для защиты ворот. Часть из них расположена в местах, удобных для ведения наблюдения — на краю городищ, на склонах. Исключением являются городища возле с. Горзвин на Волыни, где насыпь расположена в средней части укрепленной площадки. Здесь, по-видимому, башня предназначалась для защиты всей крепости в целом, тем более что сама крепость имеет незначительные размеры.

В северном углу городища древнерусского города Витачев на Днепре на округлом в плане возвышении Б. А. Рыбаковым исследованы остатки деревянной сигнальной башни [1965, с. 124]. Правда, возвышение имеет размеры целого городища (диаметр 50 м), но по местоположению и внешним признакам оно относится к тому же типу остатков, что и кургановидные насыпи.

Городища, на которых сохранились кургановидные земляные возвышения от башен, датируются X—XI и XII—XIII вв., то есть этот тип оборонительных сооружений применяли на Руси на протяжении всего древнерусского периода.

Очевидно, существовали и иные типы башен, от которых не сохранилось внешних признаков. На некоторых городищах открыты отдельные клети, выступавшие наружу за линию ряда клетей. Небольшие башни могли размещаться в линии срубных стен в любом месте, но определить при археологических раскопках отличия в устройстве верхней части срубных укреплений практически невозможно.

На городище Старая Ушица, укрепления которого погибли в пожаре, в завале и вокруг одной клети, примыкающей к въезду, среди обугленных остатков найдено скопление кусков глиняной обмазки, не характерной для обычных клетей. Очевидно, обмазка происходит из башни, стоявшей в ли-

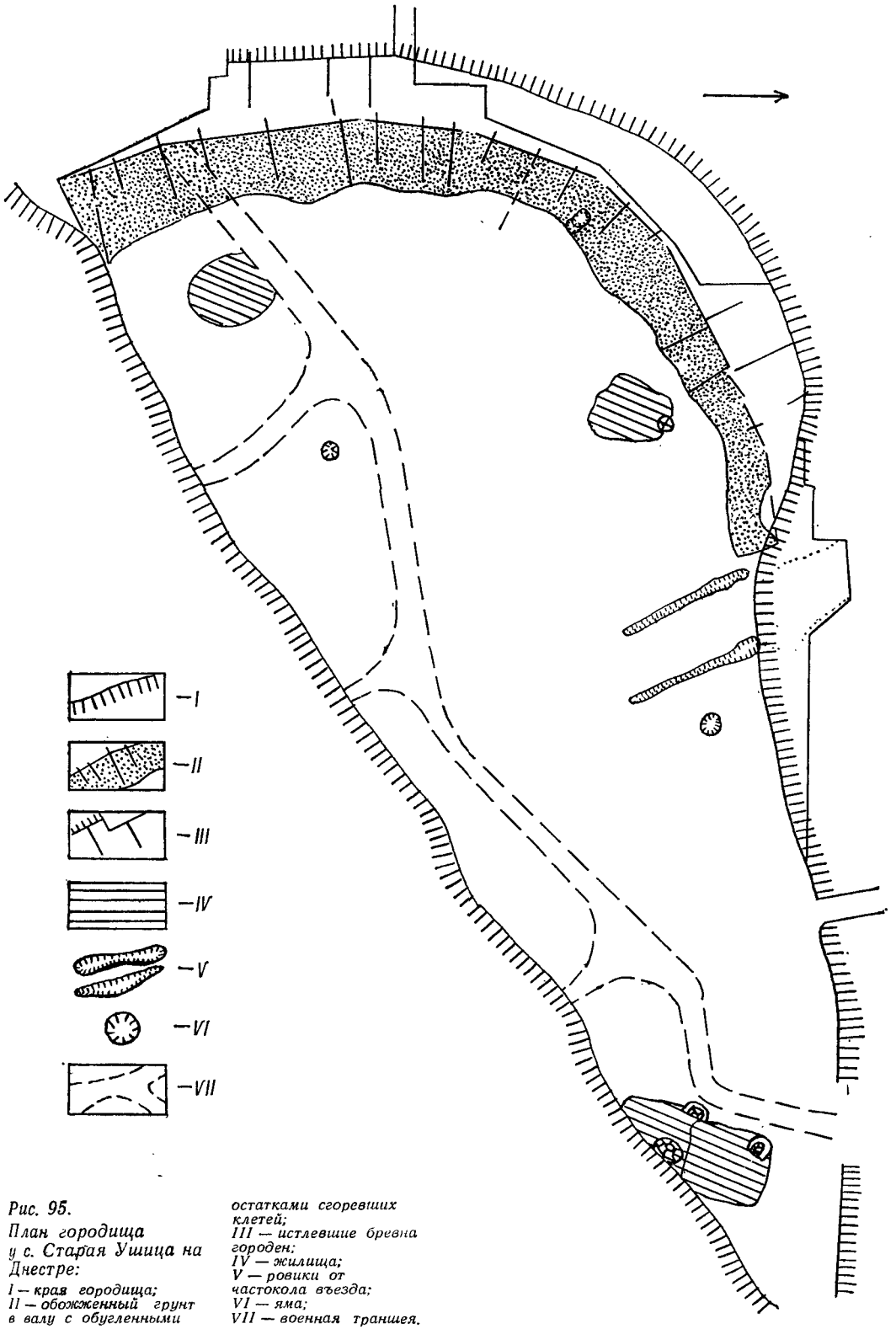


Рис. 95.
План городища у с. Старая Ушица на Днестре:
I — края городища;
II — обожженный грунт в валу с обугленными остатками сгоревших клетей;
III — истлевшие бревна городен;
IV — жилища;
V — ровики от частокола въезда;
VI — яма;
VII — военная траншея.

нии оборонительной стены над нижним ярусом городен и клетей.

В некоторых случаях роль башен выполняли небольшие каменные церкви. Остатки такой церкви конца XI в. сохранились в углу крепостной стены на городище в г. Остер. Согласно летописи, церковь была надрублена деревом. Очевидно, на ней, как предполагают исследователи, стояла деревянная башня.

Около половины известных на территории УССР древнерусских городищ имеют внутреннюю площадь (без валов и рвов) 0,05—0,50 га. Основная их часть (около 65%) ограничивается площадью в пределах 0,05—0,80 га. При этом более поздние городища в целом меньших размеров, чем более ранние. Например, свыше 65% укрепленных пунктов, возникших в конце XI — первой половине XIII в., имеют размеры до 0,50 га и свыше 75% до 0,95 га, а среди более ранних указанные размеры составляют соответственно 26 и 51%. Городища размером от 1 га и более (включая города) составляют среди поздней группы памятников только около 25%, а среди возникших в IX—XI вв.— свыше 40%.

Характерно, что с конца XI в. укрепленные пункты площадью более 1 га возводились очень редко — они единичны. В целом для XII—XIII вв. на территории УССР типично уменьшение размеров вновь возникающих укрепленных пунктов и возрастание их удельного веса в оборонительном строительстве. Объясняется это в основном тем, что городские центры, существовавшие в XII—XIII вв., возникли в более раннее время или же зарождались на более ранних укрепленных поселениях. Оборонительное строительство в период феодальной раздробленности проводилось главным образом за счет возведения небольших укреплений. Определенное значение имел и географический фактор — в более позднее время, с освоением внутренних районов Руси, немало укреплений основывалось на ровной местности, лишенной естественных преград. Такие укрепления не зависели от размеров и конфигурации естественных мысов и останцов, им придавали наиболее рациональную округлую форму, и занимали они небольшую площадь.

Размеры городищ являются одним из важных признаков, позволяющих судить о значении и роли того или иного укрепленного пункта. В первую очередь сказанное относится к выделению среди них остатков городов. Это обычно сложные городища, состоявшие из детинца и окольного града. П. А. Раппопорт отметил, что среди небольших городищ сложного типа площадью менее 3 га имеются настоящие города. Что касается укрепленных поселений простого типа площадью менее 1 га, то они почти наверняка не имели городского характера [Раппопорт, 1967, с. 190]. При определении значения того или иного укрепленного пункта необходимо учитывать также степень его заселенности, насыщенность археологическими находками культурного слоя и, особенно, сведения письменных источников. Пожалуй, не остался вне внимания древнерусской летописи ни один сколько-нибудь важный городской центр на территории Южной Руси.

Сопоставляя сведения о количестве городищ различных размеров на территории УССР с археологическими данными и письменными источниками, можно предположить, что все заселенные укрепленные пункты площадью 2 га уже отличались не только от древнерусских сел, но и от обычных укрепленных поселений. Они входили в число мелких городов — поселений городского типа, являвшихся местными административно-хозяйственными и военными центрами и занимавших низшее звено в системе княжеского управления.

К перечисленным выше 37 пунктам можно с большой долей вероятности добавить еще 9 поселений городского типа, остатками которых являются преимущественно сложные городища

площадью 3—7 га с культурным слоем X—XIII и XI—XIII вв. Это Торговица, Жорнов, Мельница на Волыни; Городница и Бильче-Золотое в Среднем Поднестровье; Старая Котельня в бассейне р. Тетерев (очевидно, летописная Котельница). Из более мелких можно назвать сложное городище Гощa (2,4 га) на р. Горынь в районе г. Ровно. К аналогичным пунктам с культурным слоем конца XI—XIII вв. площадью 3—4 га относятся городища возле с. Городище близ г. Шепетовка и в с. Шевченково Галичского района на Днестре. На последнем культурный слой в большей его части отсутствует, но около 1200 г. на нем была построена каменная церковь Пантелеймона, дошедшая в перестроенном виде до наших дней.

Городской характер могли иметь городища, площадь которых превышала 2 га: возле с. Рогощa (летописный Оргощ) в бассейне р. Десна; археологически слабо исследованное городище летописного Шеполя в с. Шепель на Волыни; Китаевское городище в Киеве (очевидно, летописный Пересечен); около с. Михнов на р. Горынь (в районе бывшего с. Гнойницы, очевидно, летописная Гнойница); Паляновщина возле бывшего с. Жовнин; Тарасовка; летописный Лукомль; Сверидовка; Красный Колядин (летописный Глебль?); Шевченково в Посулье; Ташань на р. Супой; Воргол в Посеймье. Судя по насыщенности культурного слоя на значительной укрепленной площади, к ранним городам относятся и три населенных пункта, опустевших в XI — начале XII в., расположенных на территории Волыни и Прикарпатья; сложные городища Коршев (4 га); Листвин (свыше 7 га) и Ступница (около 14 га).

Известно еще свыше 10 укрепленных пунктов площадью от 2 до 7 га, существовавших в XII—XIII вв. и возникших, за единичными исключениями, в более раннее время (Городец в Житомирском Полесье; Будераж на Волыни; Залесье, Стенка, Капустницы, Приворотье, Грозинцы в Среднем Поднестровье; Шабалинов в Посеймье; Петровка в верховьях р. Супой; Хитцы на р. Удай; Журавное на Ворскле; Бушево на Роси).

Отметим, что размеры укрепленной площади не всегда соответствовали реальному общественно-экономическому значению населенного пункта. Если даже возводились новые мощные и обширные укрепления, то и в этих случаях они иногда диктовались иными потребностями. Например, убежище торков — городище Бушево в пойме рек Рось и Ольшаница площадью 3,8 га. В его огромном кольцевом валу сохранились остатки расположенных *на двух разных уровнях двух рядов* сгоревших клетей. Таких случаев немного. В древнерусское время широкое распространение получило использование городищ раннежелезного века, в том числе больших, сложного плана. На них не всегда восстанавливались все оборонительные линии, не всегда заселялись и все их части. В свою очередь, на ряде древнерусских городищ основывались позднесредневековые укрепления. Иногда они дополнялись внешними укрепленными частями с валами и рвами. Без проведения квалифицированных целенаправленных исследований трудно разобраться во всех этих вопросах, и поэтому нельзя отождествлять все крупные городища с крупными населенными пунктами.

С другой стороны, нельзя отрицать возможность существования городских поселений на городищах площадью немногим менее 2 га, например, на городище летописного Вьяханя у с. Городище на р. Терны (1,8 га), городища летописного Тумаща возле с. Старые Безрадичи на р. Стугна (1,8 га). К обоим городищам примыкают обширные селища: около с. Городище свыше 10 га; у с. Старые Безрадичи около 10 га; селище в уроч. Местечко, площадью 8 га, с напольной стороны защищено со всех сторон естественными преградами — крутыми склонами мыса и глубоким оврагом.

Среди небольших древнерусских ук-

репленных пунктов, являвшихся объектами массового оборонительного строительства, исследователи выделяют феодальные замки и крепости (или сторожевые города). Летописные сообщения первой половины XIII в. и документы XIV в., указывающие местопребывание отдельных феодалов в тех или иных населенных пунктах, среди которых имеются древнерусские городища (упоминание боярина Климяты из Голых Гор, боярина Филиппа из Вишни) или называющие отдельных феодалов по имени аналогичных населенных пунктов (например, боярин Карабчеевский, князь Рогатинский и т. п.), дали П. А. Раппопорту основание высказать предположение, что в данном случае речь идет о феодальных замках — княжеских и боярских укрепленных усадьбах [1967, с. 191]. К их числу на территории бывшего Галицко-Волынского княжества исследователь относит городища в с. Гологорки (0,60 га), пгт Судовая Вишня, с. Подгородье (0,55 га), с. Великий Карабчеев (0,50 га), расположенные в Верхнем и Среднем Поднестровье и др. Исходя из этих данных, П. А. Раппопорт считает, что для городищ — остатков феодальных замков, в особенности боярских, характерны сравнительно небольшие размеры, бедный культурный слой и сильная оборонительная система. Ученый высказал предположение, что феодальные замки существовали на ряде других городищ Волыни (Острожец, Одерады, Посников и др.) с культурным слоем конца X—XIII в. К княжеским замкам он относит летописные «города» Болоховской земли — Кудин, Губин, Деревич и другие городища, сохранившиеся в верховьях рек Южный Буг, Случь и Тетерев.

К крепостям П. А. Раппопорт относит городища типа Райковецкое и Колодяжин, в оборонительных валах которых имеются хозяйственные и жилые клети. На этих городищах в результате многолетних раскопок найдены различные сельскохозяйственные орудия и предметы воинского снаряжения. По мнению П. А. Раппопорта, здесь проживали свободные воины-земледельцы, своего рода военные поселенцы. Наличие таких укреплений в Южной Руси диктовалось необходимостью защиты населения от кочевников [Раппопорт, 1966, с. 115; 1967, с. 193].

Иное мнение высказал В. И. Довженок. Укрепленные пункты с клетями типа Райковецкого городища он считал феодальными замками — хозяйственными дворами феодалов, основную часть населения которого составляла феодально-зависимая челядь, выполнявшая земледельческие работы, а также рабы. Из зажиточных слоев общества в них проживали представители вотчинной администрации и воины-дружинники. Во время опасности все население, владеющее оружием, становилось воинами (Довженок, 1975, с. 3—14].

Укрепления, построенные князьями против степных кочевников вдоль южных и юго-восточных рубежей Руси, В. И. Довженок называл сторожевыми градами, в которых жили различные представители военного сословия. Большинство сторожевых градов, по мнению В. И. Довженка, объединяли черты пограничных крепостей с феодальными замками. Они были заселены, кроме воинов, обычным для феодальных замков людом, хотя и отличались от последних формой собственности. Были среди них и пограничные крепости, в которых постоянно жили небольшие отряды, несшие сторожевую службу. Остатками их являются самые маленькие по размерам, но наиболее неприступные городища [Довженок, 1975, с. 11, 13]. По мнению П. П. Толочко, в социальном плане «сторожевые города» В. И. Довженка лучше подходят под определение военно-феодальных поселений [1980, с. 162].

Так, попытки выяснить социальные типы укрепленных пунктов даже на примерах наиболее изученных памятников массового оборонительного строительства привели исследователей

к различным выводам. По одним только археологическим, к тому же незначительным материалам, трудно восстановить социальный состав жителей того или иного городища, их сословную принадлежность и характер зависимости. Более того, само понятие феодального замка не имеет единого определения. П. А. Раппопорт считает, что феодальный замок — это укрепленная усадьба, крепость и жилище феодала одновременно. По В. И. Довженку, феодальный замок — это укрепленный хозяйственный двор феодала, на котором не обязательно проживание самого владельца-вотчинника.

П. А. Раппопорт и В. И. Довженок по-своему правы, если учесть, что они поставили вопрос о древнерусских феодальных замках только на конкретных археологических примерах, но не решили его.

В приведенных П. А. Раппопортом примерах феодальный замок рассматривается как жилище феодала с хозяйственным двором на завершающем этапе феодального дробления древнерусских земель, разоренных ордами хана Батыя. Но в доордынский период существовали феодалы, в частности князья высших рангов, имевшие по нескольку хозяйственных дворов, хотя жить в каждом из них не было необходимости. Именно в этом плане рассматривает В. И. Довженок укрепленные пункты типа Райковецкого городища.

В связи со сказанным отметим, что ни феодальные усадьбы, ни феодальные хозяйственные дворы с каким-либо определенным типом городища связать невозможно. «Города» Болоховской земли, которые П. А. Раппопорт относит к числу княжеских замков, имеют, как показали последующие исследования, тот же самый характер укреплений и находок, что и городища, относимые П. А. Раппопортом к крепостям, а В. И. Довженком — к хозяйственным дворам феодалов. И дело не только в недостаточной археологической изученности городищ, а в действительном несоответствии археологического облика укрепленных пунктов с их социальным характером.

Мы считаем, что городища необходимо различать по степени их заселенности, размерам, наличию и характеру примыкающих к ним неукрепленных селищ.

Эти признаки имеют прямое отношение к характеру не только самих городищ, но и населенных пунктов в целом, состоявших из укрепленной и неукрепленной частей.

Степень заселенности городищ, в отличие от примыкающих к ним селищ, самая различная. Рассмотрим наиболее типичные примеры.

Известны городища вообще без следов заселения или на которых встречаются лишь отдельные находки. Вместе с тем они имеют небольшие, а иногда и долговременные обычные селища: Затурцы в верховьях р. Турия на Волыни — IX—XII вв.; Одерады в Киверцевском районе Волынской области — XI в.; Сухолесы в среднем течении р. Рось — XI—XIII вв.; Василев — XII—XIII вв.; Красное 2 — XI — XIII вв. на р. Красная; Малый Букрин на Правобережье Среднего Поднепровья и Набутов на р. Рось — XII—XIII вв.; Процев, Головуров, Веселиновка на Левобережье — XII—XIII вв.; Городище, Каленики в районе г. Переяслав-Хмельницкий, Самсонов остров возле с. Сенча на р. Сула — XI—XIII вв. и др.

Изредка встречаются городища с незначительными культурными остатками, при которых селища не обнаружены: Рудня, городище на р. Гнилопять Житомирской области; Грицев на р. Хомора в Шепетовском районе Хмельницкой области; Уляники в Кагарлыкском районе Киевской области; Новая Слобода в районе г. Путивль и др.

Все перечисленные городища небольшие — 0,05—0,35 га, но отдельные достигают 0,5 и даже 0,95 га. Часть из них относится к раннежелезному веку и временно использовалась жителями небольших древнерусских посел-

ков для защиты или других общественных мероприятий. Другая часть имеет типичную древнерусскую конструкцию валов с клетями и городнями и, судя по находкам обломков керамики, временно использовалась в оборонительных целях. На некоторых из городищ проведены разведывательные раскопки (Процев, Городище, Затурцы), на других — шурфовка или тщательный осмотр свежевспаханной поверхности. Вопрос о наличии на них хотя бы двух-трех стационарных жилищ остается открытым.

Среди памятников более раннего времени, почти лишенных культурного слоя, исследовано городище возле с. Бабка на р. Стырь в Ровенской области, служившее, очевидно, убежищем и административным центром неукрепленного поселения. Округлая площадка городища диаметром 30 м (0,07 га) раскопана полностью, а окружающий ее вал со рвом разрезаны поперечной траншеей. Городище принадлежит, очевидно, к милоградской культуре раннежелезного века. Вторично оно использовалось восточными славянами в VII в., а в конце IX—X в. его укрепления были реконструированы. На площади городища найдены три кремневых орудия: наконечник стрелы, скребок и ножевидная пластинка,— относящиеся, несомненно, к дославянскому времени. На площадке найден 31 обломок глиняных сосудов, из которых примерно половина лепных датируется VII—VIII вв., половина гончарных — концом IX—X в., а также большой железный нож.

Жилища не найдены, но прослежены остатки очагов в виде скопления золы и угольков. Вдоль вала по периметру площадки открыто 13 длинных корытовидных ям, образовавшихся в результате повторной подсыпки вала, очевидно, в конце IX—X в. в связи с устройством срубной конструкции. Обугленные остатки срубов, очевидно клетей, обнаружены в разрезе насыпи вала. В конце X — начале XI в. укрепление прекратило существование вместе с большим по площади селищем, на котором раскопаны два полуземляночных жилища, две полуземлянки хозяйственного назначения и несколько хозяйственных ям VII—X вв.

На большинстве городищ аналогичных размеров имеется слабый культурный слой, как правило, значительно беднее, чем на примыкающих к ним селищах, занимающих обычно площадь по нескольку, а то и более 10 га. На ряде этих городищ проводились разведывательные раскопки: Белев в бассейне р. Горынь — XI—XII вв.; Витачевское (Южное) на Днепре — конец XI—XIII вв.; с. Половецкое на р. Рось — конец XI—XIV вв.; Веремеевка (бывший хут. Миклашевский) на левом берегу Днепра — конец X—XIII вв.; Кизивер на р. Сула — конец X—XIII вв. Почти полностью раскопаны городища Старая Ушица и Гринчук на Среднем Днестре и Зарубинцы в Среднем Поднепровье.

На городище XII—XIII вв. возле с. Старая Ушица Каменец-Подольского района Хмельницкой области полностью исследована сохранившаяся часть площадью 0,07 га (остальная часть, примерно такая же по площади, срезана р. Днестр). На укрепленной площадке открыто два полуземляночных разновременных жилища (частично перекрывали друг друга) и остатки двух наземных жилищ. В валу, окружавшем городище, найдены городни и клети. Всего в сохранившейся части вала исследовано свыше 20 сгоревших клетей. В одной из них открыт очаг в виде углубления в материковом грунте, а во второй — такой же углубленный очаг, но обмазанный изнутри глиной. В первой клети вокруг очага и в его золисто-угольном заполнении найдены крупные обломки костей животных и фрагменты глиняной посуды. Во второй — бронзовая шпора, боевой железный нож с остатками деревянных ножен, два серебряных кольца от портупеи, два раздавленных горшка возле очага и многочисленные кости животных, разбросанные на полу клети. Аналогичное скопление обломков

костей животных открыто и в соседней клети.

В культурном слое на площади городища и в жилищах обнаружена в основном глиняная посуда и обломки костей животных, а также единичные предметы бытового назначения (ножи, наконечники стрел, гвозди, украшения от конской сбруи, несколько обломков стеклянных браслетов, серебряные подвеска и кольцо, железный ключ и т. п.). Из орудий труда на городище найдены только железное долото и два шиферных пряслица.

Непосредственно перед городищем выразительных следов селища не обнаружено (встречаются лишь единичные обломки керамики). Возможно, оно срезано рекой.

Городище является остатками древнерусского «города» Ушица, упоминаемого в летописи под 1144 и 1159 годами. Согласно последнему сообщению, в Ушице постоянно проживало немного населения. В связи с военной опасностью галицкий князь Ярослав Осмомысл заблаговременно послал в Ушицу военный отряд, который и держал «город» в своих руках. Сопоставление археологических и летописных данных свидетельствует, что городище Старая Ушица является остатками одной из крепостей Галицкого княжества в Среднем Поднестровье, в которой не было постоянного воинского гарнизона, а проживал ограниченный контингент «служилых людей».

Вторая аналогичная крепость исследована в этом же районе на городище возле с. Гринчук. На почти полностью раскопанной площади городища (0,13 га) открыто два полуземляночных и одно наземное жилища, а также два хозяйственных полуземляночных сооружения и четыре ямы. В валу, ограждавшем более половины периметра городища (кроме стороны, ограниченной крутым обрывом Днестра), открыты остатки стоявших рядом сгоревших клетей. На одном из краев площадки обнаружено девять расположенных друг возле друга углубленных очагов, обмазанных изнутри глиной и размещавшихся непосредственно перед клетями. Неподалеку находилось углубление с железными шлаками, возможно, остатки кузнечного горна. Находки, помимо керамики и костей животных, представлены снаряжением всадника и предметами вооружения (семь железных шпор, наконечники стрел, обломок лезвия сабли или палаша), обломком бритвы, бронзовым крестом-энколпионом. Отсутствуют орудия труда и почти нет предметов женского обихода (одна бусина и несколько шиферных пряслиц).

Как и в Ушице, на этом городище постоянно проживали немногочисленные представители княжеской администрации. Очевидно, на более длительное время здесь оставались воинские отряды, о чем могут свидетельствовать летние очаги и значительное количество предметов воинского быта. Неукрепленная часть поселения почти в десять раз превышала по площади городище, но насыщенность культурного слоя слабая. Разведывательными раскопками на селище открыта одна полуземлянка.

Почти полностью исследовано городище летописного Заруба возле с. Зарубинцы на высоком правом берегу Днепра напротив Переяслава-Хмельницкого. В летописи Заруб начиная с 1096 г. упоминается неоднократно в связи с его местоположением у брода через Днепр. Обычно к Зарубу подходили отряды киевских князей, для того чтобы воспрепятствовать переправе на правый берег их противников со стороны Переяславля.

На городище, площадью 0,65 га, открыто пять полуземляночных жилищ конца XI—XIII вв. и 12 — конца VIII—X вв., что указывает на незначительную его заселенность в поздний период. Кроме того, с напольной стороны к городищу примыкает в пять раз бóльшая по размерам, но слабее укрепленная внешняя площадка, которая в ранний период была заселена, а в XII—XIII вв. находилась в запустении и частично использовалась под

кладбище. Археологический материал XII—XIII вв. на городище обычен и в целом беднее находками более раннего периода, среди которых имеются импортные монеты и оригинальные украшения.

В ранний период укрепленное поселение было заселено полянами и входило в состав приднепровской «Русской земли». К концу X в. оно пришло в упадок, очевидно, в связи с набегами печенегов, когда при киевском князе Владимире Святославиче граница Руси на правобережье Среднего Поднепровья была уже укреплена по р. Стугна. В 30-х годах XI в. государственной границей на Правобережье стала р. Рось, а в конце XI в. началось строительство внутренней оборонительной линии по Днепру. Одной из первых среди новых укреплений на части более древнего городища возникла Зарубская крепость.

Непосредственно перед городищем на террасах берега Днепра открыто селище с материалами конца XI—XIII вв., а неподалеку, вверх по течению реки, на полукруглой террасе в коренном берегу размещался Зарубский монастырь. На его площадке исследованы фундаменты двух каменных церквей XI и XII вв. В возвышающихся с трех сторон крутых склонах коренного берега прослежены следы от завалившихся, очевидно нишевидных, монашеских келий. Напротив Заруба в устье р. Трубеж находилась укрепленная гавань Переяславля.

Местоположение Заруба возле брода, важном транспортном узле на Днепре, способствовало торговым занятиям населения, о чем свидетельствуют находки обломков привозных амфор на территории монастыря. Зарубская крепость принадлежала не монастырю, а киевскому князю. Монастырь, несомненно, пользовался правом иммунитета на земельные владения и, по-видимому, в церковном отношении был тесно связан с духовенством соседнего Переяславля. Весь этот комплекс, состоявший из неукрепленного поселения, крепости и монастыря, постепенно становился населенным пунктом городского типа.

На других аналогичных городищах с недостаточно выраженным культурным слоем также открыты немногочисленные стационарные жилища, хотя при них открыты, как уже упоминалось, селища с обычным культурным слоем, превышающие городища по площади нередко в десятки раз. По-видимому, незначительного количества обитателей было достаточно для выполнения особых обязанностей по поддержанию порядка в крепости.

Среди более ранних укреплений с достаточно выраженным культурным слоем, но заселявшихся в период военной опасности, полностью раскопано уличское городище X—XI в. возле с. Селевинцы в Немировском районе на Южном Буге. На его площадке (0,75 га) найдены различные бытовые изделия, орудия сельского хозяйства и ремесла, наконечники стрел, многочисленные обломки керамики, кости домашних животных, десятки человеческих скелетов, преимущественно детей, женщин и мужчин пожилого возраста со следами преднамеренного убийства. Однако стационарные жилища в виде полуземлянок, характерные для расположенного рядом селища, открыты в единичных случаях, хотя исследованы остатки временных навесов и множество ям для хранения различных припасов. П. И. Хавлюк, изучавший это укрепление, не без оснований считает, что жители селища прятались здесь в случае опасности, и относит все человеческие скелеты к жертвам вражеского нападения.

Городище, как и другие уличские укрепления в Южном Побужье, возникло в X в. и прекратило существование в начале второй половины XI в. П. И. Хавлюк отмечает два периода в использовании городища и два периода в строительстве его оборонительных сооружений. Первыми напали, очевидно, печенеги. Окончательно запустели городище и селище в результате вторжений половцев.

На городище возле с. Червоное (0,60 га) в том же районе в горелом культурном слое на площади 408 м² открыто свыше 10 хозяйственных ям с обугленными зернами от различных злаков и не обнаружено ни одного жилища. Найдено 50 железных изделий, в том числе предметы вооружения и повседневного быта, кузнечное зубило, кричное железо, 5 серебряных гроздевидных сережек и 4 демонетизованных дирхема, использовавшихся в качестве подвесок к ожерелью. На этом городище почти отсутствуют кости животных. Найдено очень мало обломков глиняной посуды. Возле городища расположено большое селище с полуземляночными жилищами, ремесленными горнами. Культурный слой насыщен различными находками.

Для уличских городищ, в отличие от селищ, вообще характерно отсутствие сколько-нибудь выразительного культурного слоя. Последний встречается только на тех укрепленных памятниках, которые имеют следы пожара и расположены в направлении с юго-запада на северо-восток — по пути неприятельского вторжения. Южнобугские укрепления размещены густо, в 3—4 км друг от друга, а то и попарно и, как правило, находятся на всех селищах. В мирное время крепости были административно-хозяйственными центрами сельских общин.

Примерно около половины городищ на территории Украинской ССР имеет хорошей насыщенности культурный слой, нередко более интенсивный, чем на прилегающих селищах. Размеры городищ различные — от маленьких (площадью 0,10—0,30 га) до сравнительно больших (площадью 1—1,5 га).

Более чем на 10 городищах проведены значительные раскопки: Перемышль X—XIII вв.— 1,1 га; городище возле с. Чаруково X—XIII вв.— 0,75 га; Муравица на Волыни XI—XIII вв.— 0,60 га; Городище в Деражнянском районе Хмельницкой области и Тележенцы в верховьях Южного Бута XII—XIII вв.— около 1 га; Колодяжное на р. Случь XII—XIII вв.— 1 га; Ходоров XII—XIII вв.— 0,21 га; Иван-Гора XII—XIII вв.— 1 га; Волынцево IX—XIII вв.— 0,45 га; два Ницахских городища IX—XIII вв.— 0,10 га и 0,20 га. Раскопаны полностью Райковецкое городище XII—XIII вв.— 0,30 га и центральная часть городища около Судовой Вишни XI в.— 0,30 га.

Центральная укрепленная часть на городище Судовая Вишня в плане ромбовидная, окружена по периметру земляным валом. Первоначально в валу находился один ряд клетей, которых насчитывалось, судя по сгоревшим остаткам, примерно 47—48. Во многих клетях найдены обломки керамики (реставрировано 30 горшков), целые жерновые камни и их обломки, кости домашних животных. Печей в клетях не обнаружено. Керамика из клетей однотипная и датируется концом X — началом XI в. На самой площадке городища керамики найдено мало, но она обнаружена в полуземлянках в южной части городища. Очевидно, в клетях в момент опасности укрывалось население городища.

Через какое-то время остатки сгоревших клетей, возможно, были присыпаны дополнительной насыпью вала, и эта часть городища начала заселяться. По ее краю, в том числе на внутреннем склоне вала, открыто 24 полуземляночных жилища с керамикой XI в. Наиболее характерный археологический материал из жилищ представлен единичными находками серпов, тесел, долот, значительным количеством точильных брусков, перекрестием сабли, шпорой, конскими удилами, немногочисленными наконечниками стрел. Как видно, жители занимались различными ремеслами. Среди них были, как справедливо отмечает автор исследований А. А. Ратич, и военные.

В конце XI — начале XII в. жизнь на городище прекращается. Другие его части запустели еще раньше.

Райковецкое городище погибло от пожара в результате, вероятно, нашествия орд Батыя в 1241 г. В валу,

окружавшем со всех сторон округлую площадку, открыто свыше 50 сгоревших клетей, которые местами размещались в два ряда. Почти во всех клетях найден различный хозяйственно-бытовой инвентарь и предметы вооружения. Более чем в 10 клетях обнаружены печи, в одной клети — кузница, в другой — литейно-ювелирная мастерская. На площадке городища исследованы восемь полуземляночных жилищ. Здесь же обнаружены зольные пятна от сгоревших стогов сена и загон для скота. Находки представлены орудиями земледелия, кузнечного, ювелирного и деревообрабатывающего ремесла, вооружением. На площадке городища и в клетях расчищено множество скелетов погибших жителей, а также домашнего скота.

На селище возле городища исследовано несколько сгоревших полуземляночных жилищ. В некоторых из них найдены человеческие скелеты. То же обнаружено и на селище, расположенном в 0,5 км от городища.

Городище в с. Колодяжное является остатками летописного «города» Колодяжин, который в 1241 г. был разгромлен ордами Батыя. Оно состоит из двух укрепленных частей — округлой внутренней — площадью 0,45 га и охватывающей ее с трех сторон внешней — площадью 0,55 га. Исследовано менее половины внутреннего вала с клетями и примерно 1/8 часть площади во внутреннем и внешнем укреплениях. Открыты остатки от 24 сгоревших клетей и 21 полуземляночное жилище с различным бытовым и производственным инвентарем, скелетами погибших мужчин, женщин и детей. Металлических изделий найдено меньше, чем на Райковецком городище, но они представлены теми же группами орудий сельского хозяйства и земледелия, кузнечного, литейно-ювелирного и деревообрабатывающего ремесла, предметами вооружения и быта. К городищу примыкает селище, на котором раскрыто четыре полуземлянки.

По устройству, обстоятельствам гибели, характеру находок аналогичными памятниками в западной части Киевской земли являются городища возле сел Тележенцы и Городище в верховьях Южного Буга. Это постоянно заселенные укрепленные пункты, население которых занималось различной ремесленной деятельностью, но главным образом земледелием. В социальном отношении их жители не были равными, о чем свидетельствуют находки на всех упомянутых городищах дорогих серебряных украшений и оружия профессионалов-воинов. Под управлением военно-феодальной верхушки укрепленных поселений находились и жители неукрепленной части населенных пунктов.

Не исключено, что с приближением нашествия орд Батыя, падением под ударами завоевателей почти всех крупных городских центров в восточной части Руси население укрепленных пунктов западных районов Киевщины, уже до этого обособившееся в так называемую Болоховскую землю, заблаговременно подготовилось к обороне. Очевидно, к моменту опасности в укреплениях временно проживала и часть жителей селищ, используя для этого клети. Количество орудий сельского хозяйства и бытовой утвари на городищах данного района превышает потребности постоянного населения. Открытие загона для скота, в том числе скелетов коров, свиней и овец в клетях, двух стогов сена или соломы, рядом с немногочисленными стационарными жилищами на маленькой площадке Райковецкого городища, также позволяет говорить о чрезвычайных условиях жизни в укреплении накануне разгрома.

К описанному типу постоянно заселенных военно-феодальных укрепленных пунктов, жители которых занимались хозяйственно-производственной деятельностью, относятся городища XII—XIII вв. Иван-Гора и Ходоровское. По их краю размещались укрепления из клетей, а на площадках — полуземляночные жилища. Кроме обычных вещей, на Иван-Горе найде-

ны, хотя и в меньшем количестве, свинцовая печать, копье, стремена, удила, долото, обугленные зерна ржи, пшеницы, проса, а на Ходоровском городище — костяные накладки от лука, обломки стеклянной посуды, бронзовые крестики с эмалью, множество обломков стеклянных браслетов, остатки местного производства глазированной керамики. Более долговременные из исследовавшихся укрепленных пунктов, существовавших в XI—XIII и в IX—XIII вв., имеют тот же характер укрепленных поселений сельского типа с находками различных орудий труда, а также предметов вооружения (Перемыль; Городище возле с. Чарукова; Муравица на Волыни; Волынцево на Сейме в районе Путивля; Ницаха в бассейне Ворсклы).

На малых по площади городищах постройки обычно расположены по краю площадки (Ходоров, Судовая Вишня, Райки, Гринчук, Старая Ушица, Зарубинцы), на более крупных — на всей площади и образуют, как правило, подворно-рядовую застройку (Городище, Телиженцы, Колодяжное — внешняя часть, Иван-Гора, хотя на последнем имеется по краю, возможно более ранняя, и кольцевая застройка). Известны исключения: городище возле с. Волынцево (очевидно, летописный город Зартый 1160 г.), несмотря на небольшие размеры (0,45 га) имеет подворно-рядовую застройку. Последняя позволяла более компактно использовать полезную площадь и, главное, отвечала потребностям ведения индивидуального хозяйства. Она характерна для городов и неукрепленных сельских поселений. Кольцевая система застройки предполагает определенную хозяйственную общность жителей и, возможно, наиболее наглядно свидетельствует об их зависимости от владельца укрепления.

Как показывают материалы обследования городищ, сельское население древней Руси предпочитало жить за пределами укреплений. Известно немало случаев выбора мест для поселения под защитой городищ более ранних эпох, но на самих городищах жители неукрепленных поселений не селились. Эта традиция берет свое начало еще в племенном периоде.

Строительство крепостей в древней Руси осуществлялось государственной властью. Укрепленные пункты играли решающую роль в освоении и защите государственной территории Руси, распространении судебных функций и даннических отношений над подвластным населением. Такое строительство одновременно являлось и средством колонизации свободных земель. Крепости возводились на новых местах и вместе с ними основывались неукрепленные поселения за счет переселенцев.

Каждое селище возле городища было местом постоянного проживания непосредственных производителей материальных благ. Что касается жителей укреплений, то они выполняли различные служебные обязанности: от общественно-политических до хозяйственно-производственных, состав и объем которых определялись владельцем данного укрепления и зависели от характера населенного пункта в целом.

Чаще всего в небольших по площади укреплениях постоянно проживало ограниченное количество жителей, несших охранно-сторожевую службу. Среди более крупных укрепленных пунктов, площадью примерно свыше 0,50 га, преобладали военно-феодальные поселения с достаточно развитой хозяйственной деятельностью. В обоих случаях укрепления являлись административными центрами неукрепленной части населенного пункта и убежищем для его населения в случае опасности.

Владельцами укреплений были князья и бояре. В одни из них назначались княжеские слуги, другие находились под управлением княжеских посадников, третьи жаловались вассальным боярам или строились ими по распоряжению князя и могли переходить в наследственную вотчину, если

не прерывалось исполнение ими служебных обязанностей по отношению к сюзерену. В период феодальной раздробленности, в условиях феодальных войн XII—XIII в., ослаблявших центральную княжескую власть, многие укрепления узурпировались служилым боярством и рассматривались ими как свои вотчины.

Укрепления, существовавшие в населенных пунктах и являвшиеся крепостями и административно-хозяйственными центрами, сооружались еще в догосударственный период и были средством самозащиты населения, организованного вначале в родовые, а затем в сельские общины. С возникновением классового общества строительство крепостей стало одной из важнейших функций государственной власти, проявлявшейся в защите и расширении подвластной территории, увеличении числа подданных и закреплении господства над ними. Активную роль в этом процессе принимали не только представители княжеского рода, но и боярство. Под укрепленные пункты древней Руси — крепости и военно-феодальные поселения вполне подходит более позднее название «замки».

Селища

Селища являются одним из наиболее многочисленных археологических памятников эпохи древней Руси. Письменные источники освещали лишь немногие стороны жизни села. Они почти не содержали данных о селе как определенном типе населенных пунктов, о его месте в структуре социально-экономических отношений. Актовый материал, в основном более поздний, не является полноценным источником для X—XIII вв. Некоторые сведения о хозяйственной деятельности сельских жителей отражены в книжной миниатюре, живописи. Только с появлением археологического материала стало возможным значительно расширить наши представления о занятиях, быте сельского населения.

Выявление селищ затруднено из-за отсутствия внешних признаков. В дореволюционный период эта категория археологических памятников практически не изучалась. Начальный этап исследований относится к 20—30-м годам нынешнего столетия. В 1927—1928 гг. во время строительства Днепровской гидроэлектростанции им. В. И. Ленина Днепропетровской археологической экспедицией на территории, подлежащей затоплению, открыты древнерусские селища близ с. Кичкас (А. В. Добровольский, П. И. Смоличев, С. С. Гамченко). В 1930—1932 гг. А. В. Добровольский провел разведочные раскопки этих селищ. В 1930 г. осуществлены небольшие раскопки на о-ве Каменоватый, где открыты жилища древнерусского времени, а также возле с. Старая Игрень.

В довоенное время археологические работы проводились на Житомирщине: возле городища у с. Райки были открыты древнерусские селища (В. К. Гончаров).

В 1945 г. А. В. Добровольским раскапывалось древнерусское поселение около с. Старая Игрень. В 1946 г. А. В. Добровольским и О. В. Бодянским открыты древнерусские селища в селах Днепровское, Волошское и Перше Травня. В том же году на поселении у с. Днепровское Д. И. Блифельд и О. Равич провели стационарные раскопки. Широкие исследования проводились в 1959—1961 гг. в связи со строительством Днепродзержинской ГЭС. В результате найдено 11 селищ древнерусского времени [Кучера, Драчук, 1962; Телегин, 1962]. На поселении возле с. Дериевка проведены стационарные раскопки. Исследования надпорожских селищ продолжались в 50-е (А. Т. Смиленко) и 70-е годы (А. А. Козловский). В результате была определена специфика южных памятников, особенности топографии селищ, материальной культуры населения.

В середине 50-х годов изучалось древнерусское поселение около с. Реп-

нев на Львовщине. Получены интересные материалы для освещения раннего этапа исторического развития X—начала XI в. (В. В. Аулих).

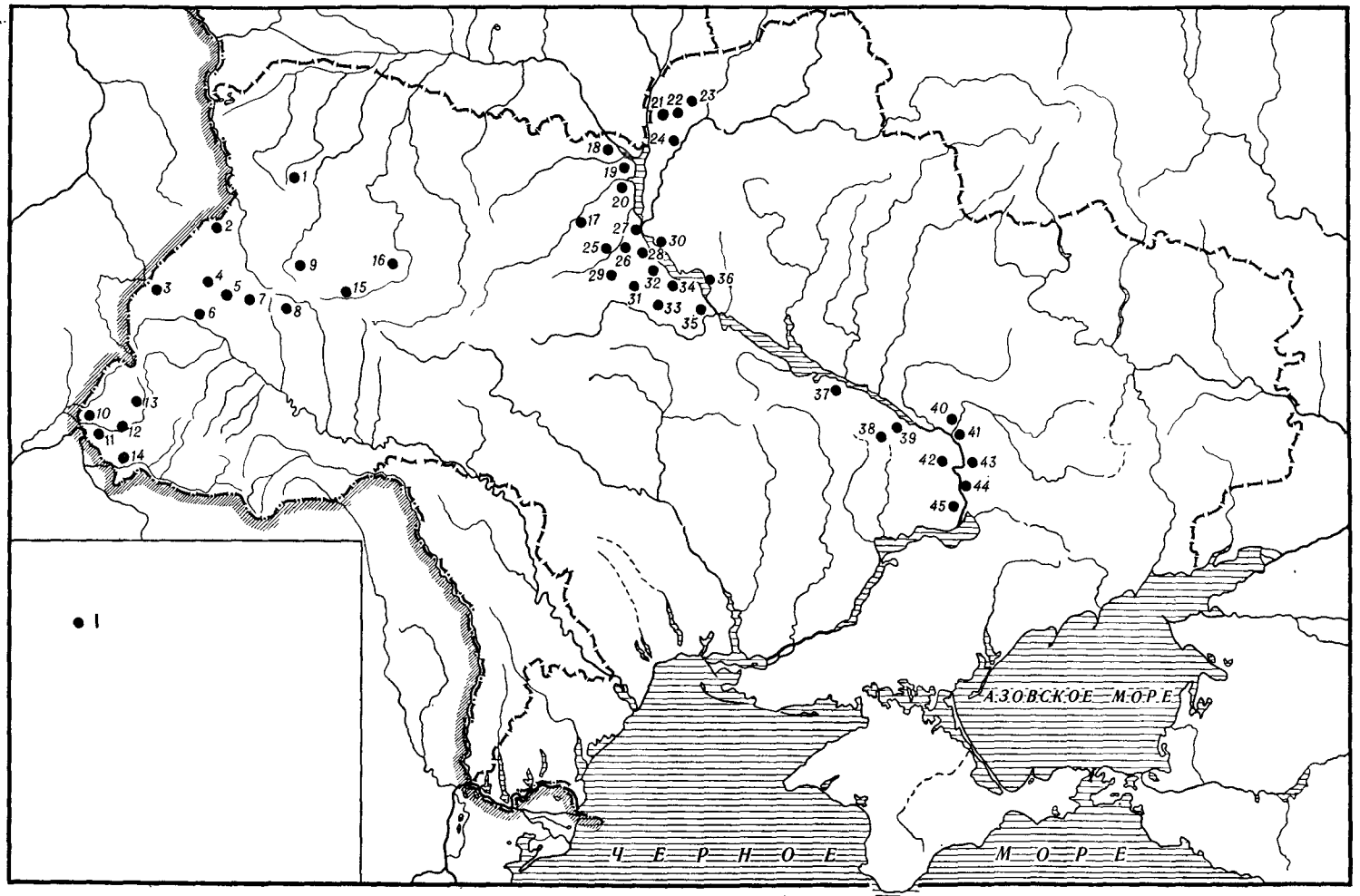
50—60-е годы ознаменовались значительным расширением исследовательских работ. Разведочные экспедиции проводились в большинстве районов УССР: бассейнах Десны, Сейма, Сулы, Роси, Ростовицы, Стугны, Тетерева, Ужа, Случи, Западного и Южного Буга, Прута, Днестра и некоторых других рек. Основные работы осуществлялись ИА АН СССР, ИА АН УССР, Институтом общественных наук и другими учреждениями (В. В. Аулих, В. К. Гончаров, Р. И. Выезжев, В. И. Довженок, М. П. Кучера, Д. Т. Березовец, М. Ю. Брайчевский и др.). Размах археологических разведок в 60-е годы был прежде всего связан с охранными работами в зонах строительства каскада днепровских водохранилищ (М. П. Кучера, В. И. Довженок, Д. Т. Березовец, А. И. Кубышев, Е. А. Петровская, П. П. Толочко, Э. А. Сымонович и др.). Проводились стационарные раскопки на ряде селищ Поднепровья: у с. Лапутьки (П. П. Толочко), Комаровка, Казаровичи (В. И. Довженок, А. И. Кубышев), Григоровка (В. И. Довженок). Особенно большие площади вскрыты на поселении возле с. Комаровка. Здесь открыто 24 жилища древнерусского и 12 жилищ второй половины XIII—XV вв., десятки хозяйственных построек, огромное количество зерновых ям. Найден разнообразный вещественный материал, включавший сельскохозяйственные орудия, ремесленный инвентарь, предметы быта и т. д.

В 70-е годы в результате проведенных разведок и раскопок на территории Киевской, Сумской и Черниговской областей обнаружены новые древнерусские селища (М. П. Кучера, О. В. Сухобоков, С. А. Беляева, А. В. Шекун), что позволило значительно пополнить карту селищ, особенно Левобережья. В этот же период расширились исследования в западных областях УССР (В. В. Аулих, Б. А. Тимощук, И. П. Русанова, В. Д. Баран, С. И. Пеняк и др.). Существенным итогом проведенных работ явилось уточнение этапов развития древнерусской материальной культуры, ее специфики на территории западных областей УССР и, в частности, в Закарпатье (С. И. Пеняк).

В результате проведенных археологических исследований к настоящему времени известно более 600 селищ, расположенных по всей территории современной Украины; получены данные о топографии, планировочной структуре, жилищах и хозяйственных постройках, занятиях и быте сельских жителей [Кучера, 1975].

Как показали археологические разведки и раскопки, неукрепленные поселения древнерусского времени размещались в лесной и лесостепной зонах Украины, а также вдоль р. Днепр, вниз по течению, вплоть до устья, в степной зоне. Почти все древнерусские селища располагались по берегам рек, ручьев, озер и других водоемов, иногда на водоразделах. Их остатки прослеживаются на надпойменных террасах, нередко на мысах, при впадении малых рек в большие. Подобные топографические условия характерны для территории Поднепровья, особенно Среднего с многочисленными притоками и небольшими речками, густо заселенного в древнерусский период.

Поселения располагались и на песчаных дюнах, возвышениях в поймах рек и среди болотистой местности, что характерно для ряда районов Верхнего Поднепровья, Полесья и других северо-западных областей УССР. В Закарпатье селища не только охватывали плодородные долины, но и южные склоны Карпат, пригодные для земледелия и скотоводства [Пеняк, 1981]. В степной зоне древнерусские поселения тянутся узкой полосой вдоль Днепра по склонам или краю второй надпойменной террасы [Смиленко, 1975] и особенно густо сосредоточены в Надпорожье в местах перевозов.


1
АЗОВСКОЕ МОРЕ
ЧЕРНОЕ МОРЕ

АРХЕОЛОГИЯ ЭПОХИ КИЕВСКОЙ РУСИ

Территориальное размещение селищ было различным: они располагались поодиночке и группами или концентрировались вокруг городищ, что, очевидно, свидетельствует об их различном функциональном назначении и роли в социально-экономической структуре общества.

Топография поселений определяла планировочную структуру и перспективы их развития. Выгодное в оборонительном плане расположение на мысах в то же время ограничивало возможности роста селищ, способствовало увеличению плотности застройки. На таких селищах определить первоначальную структуру планировки довольно трудно. Поселения, расположенные вдоль реки, имели больше возможностей для увеличения собственной территории. Как правило, селища удалены от воды обычно на 20—40 м. Их границы определяются распространением культурного слоя, шурфовкой и раскопками. Размеры селищ от 0,2—0,6 (наименьшие) до 8—10 га и более. В среднем площадь поселений составляла 2—3 га. Как показывают предварительные подсчеты, по сравнению с VI—VIII вв. в X—XIII вв. прослеживается тенденция к постепенному уменьшению площади поселений. Аналогичная ситуация характерна и для других древнерусских земель [Седов, 1960; Фехнер, 1967; Никольская, 1977; Риер, 1982].

Для планировочной структуры селищ типична рядовая застройка. В некоторых случаях, когда поселения размещались на мысах или останцах, в процессе перестройки или новой застройки нарушалась их структура. Большинство селищ при ширине 80—100 м были двухрядными, поселения шириной до 40 м — однорядными, крупные, типа Комаровки, шириной более 100 м — трехрядными.

В связи с недостаточной изученностью селищ данных о плотности застройки немного. Расчеты по памятникам других территорий показывают, что в среднем на 100 м^2 приходится не более одной усадьбы. В подобном случае на таком большом поселении, как Комаровка, могло размещаться до 80—100 дворов [Довженок, 1968], на поселениях средних размеров — 20—30 и на небольших — 2—6 дворов.

Жилищно-хозяйственное строительство на селищах различается по территориальным и хронологическим признакам. Для X—XI вв. наиболее распространенным типом жилища было углубленное, столбовой или срубной конструкции. Углубленные части стен обшивались деревянными плахами или ставился сруб. В углах и по середине стенок жилища — столбы, на которые опиралась крыша. Вход ступенчатый, обычно прямоугольной в плане формы, являлся продолжением одной из стен жилища. Размеры жилищ от 6—7 до 30 м^2 и более. Постоянного места для печи не было, но чаще она стояла по диагонали от входа или у одной из стен. Наибольшие отличия в различных районах наблюдаются в устройстве печи.

В Пруто-Днестровском междуречье и Побужье, как и в раннеславянское время, в X—XI вв. распространены печи-каменки (с. Белая), смешанные (с. Репнев) и глинобитные (с. Ромош). В отдельных случаях печи вырезались в материковой стенке жилищ в виде

Карта 7.

Размещение древнерусских селищ по наиболее обследованным районам на территории УССР:

1 — селища;
1 — Усичи;
2 — Ромаш;
3 — Судовая Вишня;
4 — Черепин;
5 — Звенигород;
6 — Репнев;
7 — Стрелки;
8 — Гончаровка;
9 — Олеско;
10 — Комаровцы;
11 — Великая Добронь;
12 — Червенево;
13 — Чинадиево;
14 — Береговое;
15 — Волица;
16 — Городок;
17 — Ставище;
18 — Новоселки;
19 — Лапутьки;
20 — Богданы;
21 — Пересаж;
22 — Сибереж;
23 — Малый Листвен;
24 — Чернигов;
25 — Томашовка;
26 — Белгородка;
27 — Софиевская Борщаговка;
28 — Казаровичи;
29 — Васильков;
30 — Процев;
31 — Обухов;
32 — Триполье;
33 — Жуковцы;
34 — Ржищев;
35 — Григоровка;
36 — Комаровка;
37 — Дериевка;
38 — Перше Травня;
39 — Днепровское;
40 — Лоцмано-Каменка;
41 — Старая Ягорель;
42 — Волосское;
43 — Ременево;
44 — Перун;
45 — Кичкас.

ниши (с. Репнев) [Аулих, 1958]. В Закарпатье в IX—X вв. существовало три типа отопительных устройств. Больше всего найдено открытых очагов, которые находились внутри или вне жилища. Последние, очевидно, использовались в летнее время (села Ратовцы, Радванка). Открытые очаги характерны и для VII—XIII вв. На втором месте по численности — глинобитные печи (села Федорово, Комаровка). Иногда встречаются и печи-каменки, а также печи, в устройстве которых применялись глина и камень [Пеняк, 1981].

На Волыни, Житомирщине печи глинобитные на материковых останцах. Аналогичные печи распространены и по всей территории Поднепровья. На юге Среднего Поднепровья (села Кичкас, Перше Травня) помимо глинобитных встречаются открытые очаги, сооруженные из глины и камня. Иногда в конструкции глинобитных печей применяли камни. Форма печей округлая, овальная и подковообразная. Нередко в печь встраивали большие глиняные сушилки для зерна.

В XII—XIII вв. по всей территории УССР углубленные жилища постепенно вытесняются наземными. Они фиксируются в различных районах: Западной Украине (с. Береговое, с. Перебыковцы), в Среднем Поднепровье (с. Комаровка), Надпорожье (с. Балка Яцева). Вместе с тем этап перехода к наземному домостроительству на территории УССР еще не изучен достаточно. В XII—XIII вв. сохраняется и старая застройка: углубленные жилища по-прежнему встречаются на поселениях. Однако соотношение наземной и углубленной застройки остается невыясненным.

Исследования последних лет позволяют по-новому рассматривать вопрос о массовой застройке селищ в X—XIII вв. и особенно в XII—XIII вв. на территории Украинской ССР. Это связано не только с открытием срубных жилищ в Киеве, что явилось важным свидетельством единства материальной культуры различных районов Древнерусского государства и покончило с вопросом о полуземляночной столице Руси, но и с открытием жилищ на подклетах. Последние к настоящему времени стали известны не только на городищах, но и селищах (хут. Половецкий, с. Комаровка). Вполне вероятно, что к такому типу жилищ относятся и небольшие по размеру «углубленные жилища». У них печь размещалась выше уровня пола, вне котлована, и нередко плохой сохранности. Наземная часть жилища шире подклета и обычно плохо фиксируется. Печи наземной части также в разрушенном состоянии, что известно по северорусским аналогам [Раппопорт, 1975] и памятникам Южной Руси второй половины XIII—XV вв.: села Ломоватое [Сымонович, 1960], с. Комаровка [Кубышев, 1968], Озаричи [Беляева, 1981]. Видимо, к жилищам на подклети следует отнести и несколько построек с древнерусского поселения возле с. Игрень [Козловский, 1981]. Печи в них вынесены за контуры котлована углубленной части.

Площадь наземных жилищ от 9 до 36 м^2. Размеры наземных жилищ несколько больше углубленных. Жилища в основном однокамерные, радко — двухкамерные (Городок).

В XII—XIII вв. происходят изменения и в развитии отопительных устройств. Широкое распространение на всей территории УССР получают глинобитные печи, иногда с камнями в нижней части конструкции (села Комаровка, Игрень). Вместе с тем в деталях конструкции печей сохраняются и некоторые локальные особенности. На Волыни, Житомирщине, а также ряде памятников Поднепровья, в том числе и в Надпорожье, печи по-прежнему сооружают на материковых останцах (села Городок, Райки, Ржищев, Григоровка, Днепровское, Кичкас, Балка Яцева). Иногда печи ставили прямо на полу жилища (с. Днепровское).

В Закарпатье основным типом печи становится глинобитная печь. В это же

время получает распространение и новый тип печи, особенно в Поднепровье, на деревянных каркасах-опечках (села Жуковцы, Ржищев, Комаровка, Игрень). Последний тип отопительного устройства стал основным в XIV—XV вв. и получил повсеместное распространение не только на территории УССР, но и на территории Белоруссии и РСФСР. В XII—XIII вв. печи на материковых останцах и каркасах встречались на одних и тех же памятниках.

Возле жилищ размещались хозяйственные постройки, углубленные, чаще наземные, площадью 7—12 м². На поселениях открыто большое число зерновых ям, что объясняется недолговременностью функционирования подобного хранилища, очевидно, предназначенного для хранения семенного фонда до весны.

Помимо постоянных жилищ известны временные летние постройки наземного типа. Этот тип домостроительства был связан с сезонными сельскохозяйственными работами или промыслами, например жилища скотоводов в междуречье Днестра и Прута, или же производственными нуждами — железоделательное производство в Среднем Поднепровье (с. Лапутьки).

Археологическими исследованиями на селищах выявлены остатки производственных помещений либо остатки самих производств, а также разнообразный вещественный материал, дающий представление о занятиях местных жителей сельским хозяйством, промыслами, ремесленной деятельностью: лемехи, чересла, серпы, косы (необходимые для обработки урожая), жернова, растиральники, ножницы для стрижки овец, наконечники стрел, копья, рогатины, остроги, рыболовные крючки, грузила и т. д.

Вместе с тем сельскохозяйственные орудия не являются массовыми находками. Особенно редко на селищах встречаются наральники, лемехи, чересла. Это объясняется рядом субъективных и объективных причин. Прежде всего стационарные раскопки поселений проводятся еще не в больших масштабах, что значительно сокращает объем сведений. Кроме того, малочисленность находок сельхозинвентаря объясняется экономикой древнерусского села, что частично известно и по письменным источникам: орудия были дорогостоящими, и далеко не каждая крестьянская семья могла их иметь.

Археологические материалы дают представление о различных отраслях сельского ремесла. Особенно широко распространенным было железоделательное производство, которое в эпоху древней Руси считалось занятием сельских жителей [Рыбаков, 1948; Колчин, 1953]. Этому способствовали и естественные условия: близость и богатство сырьевых источников — болотистых и луговых руд и топливной базы — лесов. Остатки железоделательного производства встречаются практически на всей территории древней Руси (шлаки, стенки горнов, крицы). Известны специализированные временные поселки, жители которых занимались добычей и выплавкой железной руды. Группа таких поселков открыта возле сел Лапутьки [Толочко, 1980], Новоселки, в Среднем Поднепровье.

Обнаружены специализированные поселки по добыче камня и изготовлению шиферных пряслиц в окрестностях Овруча [Толочко, 1980]. Возможно, аналогичные мастерские по обработке шифера находились и на Черниговщине, где на ряде поселений встречены куски шифера, отходы, заготовки и шиферные пряслица, свидетельствующие об обработке шифера на поселениях.

На селищах находят следы и других отраслей ремесленной деятельности: бронзолитейной (капли бронзового литья, льячки, тигли, шлаки), деревообработки (тесла, долота), гончарства (гончарные печи, керамика, гончарный брак, шлаки), ткачества (пряслица), резьбы по кости (заготовки, отходы, готовые изделия, инструменты для резьбы). Так, по-видимому, остатки косторезной мастерской обнаружены на Дериевском поселении (Д. Я. Теле-

гин) XII—XIII вв., где в полуземлянке на полу найдены заготовки обкладки лука и другие заготовки из кости и рога. На поселениях представлены и универсальные орудия, использовавшиеся в различных видах производственной деятельности: пилы, ножи, иглы, шилья, топоры и т. п.

Широко представлены бытовые предметы: кресала, точильные бруски, оковки для лопат, ведер, бочек, ручки от ведер, обручи, светильники, гребни, замки, ключи. Из предметов одежды характерны находки железных пряжек и костяных и бронзовых пуговиц. Строительный инвентарь включает находки гвоздей, штырей, скоб. Среди изделий из кости — рукоятки для ножей, иглы, проколки, астрагалы, иногда резные или с залитыми свинцом отверстиями. Украшения сельских жителей более скромны, чем городских: стеклянные браслеты, серьги, кольца из серебра и бронзы, бронзовые браслеты. Почти отсутствуют предметы из драгоценных металлов, камня, янтаря; проще ювелирная техника выполнения украшений.

Характерной особенностью вещественного материала поселений является незначительное количество находок предметов вооружения, снаряжения коня и всадника, монет. Несколько выделяются в этом плане поселения южных районов, например Днепропетровщины. Здесь чаще встречаются и оружие (каменные ядрища, наконечники стрел), и снаряжение коня, что, по-видимому, объясняется местоположением поселений, близостью кочевого мира, представлявшего постоянную опасность для земледельческого населения.

Наиболее массовым видом находок является керамика. Основное количество остатков принадлежит кухонной керамике, включающей горшки и крышки. Эта керамика практически не отличается от городской ни техникой изготовления, ни формальными признаками, ни орнаментацией. Керамика X—XI вв. в некоторых районах сохраняет определенные локальные особенности, тесно связанные с предыдущим периодом. Довольно ярко это прослеживается на памятниках южных районов Среднего Поднепровья и Надпорожья, где господствует южноднепровский вариант керамики с характерными салтовскими чертами. Вместе с тем уже в этот период отчетливо проявляются общие черты, характерные почти для всех памятников на территории древней Руси, в том числе и на территории УССР. Наиболее полно эта общность проявляется в Среднем и Верхнем Поднепровье в так называемой керамике курганного типа со специфическим манжетовидным краем венчика. Именно она послужила основой для формирования в XII—XIII вв. среднеднепровского типа, составившего впоследствии основной тип керамики древнерусских земель на территории УССР и получившей широкое распространение в других районах Древнерусского государства.

К XII—XIII вв. господствующей становится керамика среднеднепровского облика. Особенно хорошо это прослеживается на южных памятниках, где южноднепровский тип керамики уже не является доминирующим. Вместе с тем и в XII—XIII вв. наблюдаются определенные локальные отличия, например, между керамикой Киевщины и Галицко-Волынской земли [Малевская, 1969].

Помимо кухонной на селищах представлена и столовая посуда: кувшины и миски.

В качестве тарной керамики применялись амфоры местного изготовления, так называемого киевского типа, и импортные — херсонесские. В процентном отношении херсонесских амфор немного, видимо не более 1—2%, то есть еще меньше, чем в городах. Исключение составляет Игреньское поселение, на котором амфоры составляют до 4,3% всей керамики [Козловский, 1981], что, очевидно, связано с южным местоположением селища и его участием в оживленной торговле на днепровском пути. Торговыми контактами объясняется и наличие на том

же поселении обломков византийской стеклянной посуды с позолотой, находки которой пока не известны на других селищах.

Массовыми находками являются пряслица: наибольшее количество розовых шиферных, но известны и глиняные. С X в. Овручский центр добычи и обработки шифера играет большую роль в широком распространении шиферных пряслиц по всей территории Руси и за ее пределами. Ремесленные мастерские по обработке шифера существуют в селе и городе. К настоящему времени пряслица из овручского шифера не найдены только в Закарпатье. Возможно, что они неизвестны из-за незначительной исследованности селищ XII—XIII вв.

Многочисленны стеклянные браслеты, получившие широкое распространение в XII—XIII вв. Они обнаружены на всей территории УССР, за исключением Закарпатья, и, вероятно, являются наиболее распространенным видом украшений сельского населения древней Руси [Щапова, 1968]. На некоторых памятниках, особенно южных, они найдены в очень больших количествах. Так, например, на поселении Старая Игрень их найдено 279 штук [Козловский, 1980]. На юге среди украшений встречаются элементы кочевнической культуры: серьги с костяной подвеской. Отметим, что находки стеклянных браслетов на селищах известны почти на каждом памятнике, а это позволяет опровергнуть бытовавшее ранее мнение об отсутствии украшений в костюме сельских жителей и в то же время поставить вопрос о различии городского и сельского набора украшений.

Вещественный материал селищ отражает специфику хозяйственной деятельности и быта сельских жителей, позволяя представить себе характер материальной культуры села, проследить ее отличие от городской.

Хронологическая классификация древнерусских селищ разработана недостаточно. Чаще всего исследователи выделяют два этапа — X—XI и XII—XIII вв., что в целом соответствует развитию определенных тенденций в эволюции села. Но не все селища переживают эти два этапа. Их датировка определяется по составу находок и стратиграфии. К датирующим материалам относится керамика, некоторые бытовые изделия и орудия, имеющие узкую датировку (некоторые типы наконечников стрел, ключи, замки, кресала и т. п.), украшения (в частности, стеклянные браслеты). Наиболее массовым датировочным материалом является керамика.

Как показывают материалы исследований, генетической основой ряда древнерусских селищ являются поселения VII—IX вв. Непрерывное существование поселений с VIII по X—XI вв. доказано на примере селищ Закарпатья (села Комаровка, Осий и др.), Западной Украины (Репнев). В X—XI вв. сеть древнерусских поселений значительно расширяется. Этим временем датируются многие селища Львовщины и Волыни (села Вишневка, Ильковичи, Прилбичи и др.). Поселения X—XII вв. или более распространенные XI—XII вв. характерны для северной части Украинского Поднепровья (Черниговщина) и Полесья (Житомирщина), а также вокруг Киева. Южнее селищ раннего этапа пока исследовано мало. Исключение составляют поселения Поросья, датированные М. Ю. Брайчевским [1952], и в районе с. Монастырек на Каневщине [Максимов, Петрашенко, 1980, 1981].

Количество сельских поселений увеличивается в Среднем Поднепровье в XII—XIII вв. Древнерусское население осваивает Поднепровье до границ с кочевым миром, спускается к устью Днепра. Древнерусская материальная культура становится всеобщей. Особенно ярко это проявляется в повсеместном распространении среднеднепровской керамики. Многие из поселений XII—XIII вв. доживают до XIV—XV вв., как бы являясь своеобразными носителями древнерусских культурных традиций.

Рассмотренные хронологические рамки отражают и этапы социально-экономического развития древней Руси — два периода развития феодализма: ранний и часть развитого, или «зрелого», феодализма. На протяжении этих этапов селища проходят путь эволюционного развития, в процессе которого происходят крупные перемены во всех сферах жизни. Заметны изменения в демографической структуре, жилищно-хозяйственном строительстве и материальной культуре населения. Унификация ассортимента и технологии изготовления, нарастание общности культурных явлений в XII—XIII вв. свидетельствуют о том, что переход к развитому феодализму, с присущей ему эпохой феодальной раздробленности, означал разобщенность в основном в политическом плане.

Роль села в социально-экономической системе древней Руси велика и многогранна. Она определяется прежде всего его значением в развитии сельского хозяйства — основы феодальной экономики. Крестьянство являлось основным общественным классом, и его труд обеспечивал получение наиболее значительной части прибавочного продукта, что в конечном итоге определило быстрое развитие Древнерусского государства. Село являлось и главным источником людских ресурсов.

Помимо сельского хозяйства и промыслов, в селах развивались и некоторые виды ремесла, обеспечивавшие функционирование самих сел и участвовавшие в системе внутреннего рынка. Разделение труда между городом и деревней, ремесленная специализация и характер производства обусловили деление ремесел на сельское и городское, между которыми осуществлялся обмен продукцией.

Роль села не исчерпывается сферой экономики, но охватывает и такую важную сферу, как культура. Крестьянство являлось проводником сельской, народной культуры феодальной эпохи и, наряду с городскими низами ремесленников, составляло общедемократическую культуру народных масс.

Древнерусские могильники

Одной из основных категорий археологических памятников древней Руси являются могильники, которые делятся на курганные и бескурганные (без внешних признаков).

Археологические исследования древнерусских погребальных памятников начались в середине прошлого века, когда археологи-любители в разных частях восточноевропейской территории (в том числе и на Украине) занялись раскопками многочисленных курганных насыпей. Сравнительно быстро исследования приобрели широкий размах, стали целенаправленными. Усовершенствовалась и методика работ. Добытые многочисленные материалы и сейчас являются источником для разработки отдельных вопросов истории Древнерусского государства.

На территории Украины первые научные раскопки курганов в 1856, 1858 гг. на Волыни, а в 1863 г. в Киеве провел В. Волошинский. Особенно широкие исследования захоронений древнерусского времени проведены в последней четверти XIX — начале XX в. В. В. Хвойкой, Д. Я. Самоквасовым, Н. Е. Бранденбургом, Н. Е. Макаренко, С. С. Гамченко и многими другими. В результате получен большой материал, выявлены и исследованы грунтовые некрополи, особенно на территории западных областей Украинской ССР. А. А. Спицын не только ввел в научный оборот результаты раскопок многих археологов-любителей, но и провел большую работу по анализу полученных материалов. В дореволюционное время раскопки ограничивались накоплением фактического материала и отдельными попытками его упорядочения и осмысления. Материалы захоронений в большинстве случаев имели вспомогательное, иллюстративное значение.

В советское время, особенно в послевоенное, особое внимание уделяется

изучению грунтовых могильников. Работы Б. А. Рыбакова, И. П. Русановой, Д. И. Блифельда, В. И. Довженка, М. К. Каргера, А. А. Ратыча, Г. Ф. Соловьевой и других ученых не только расширили круг источников, но и позволили разобраться во многих вопросах. Большое внимание уделяется датировке обнаруженных в погребениях различных категорий погребального инвентаря, обобщаются данные об основной массе захоронений. Материалы погребений привлекаются для решения вопросов возникновения и развития отдельных населенных пунктов, для определения границ обитания отдельных «летописных племен» (полян, древлян, северян, волынян) и уточнения социального состава древнерусского общества.

На территории Украинской ССР исследовано более 200 курганных некрополей (количество изученных погребений превышает 2800) и свыше 100 грунтовых могильников (изучено более 1400 захоронений). Отметим, что при описании грунтовых некрополей исследователи дореволюционного времени в большинстве случаев не указывали точного числа изученных могил. Поэтому общее количество раскопанных бескурганных погребений весьма приблизительно. Кроме того, на территории ряда древнерусских городов и монастырей обнаружено свыше 70 саркофагов, каменных гробниц, склепов, аркосолиев. Погребения интересующего нас времени известны в пещерах, под полами многих храмов, в братских могилах, где погребали жертвы нашествия орд Батыя.

Курганный обряд захоронения был господствующим в большинстве районов рассматриваемой части Древнерусского государства. Количество насыпей на некрополях различное: от нескольких десятков до нескольких сотен. В отдельных пунктах, например около с. Ягнятин Ружинского района Житомирской области, насчитывалось до 1000 насыпей. Высота основной массы курганов колеблется от 0,5 до 1,5 м, диаметр 5—10 м. Всегда необходимо учитывать, что курган в его современном виде — это не изначальная форма надмогильного сооружения, а холм, образовавшийся в результате естественных процессов разрушения надмогильного сооружения [Грязнов, 1961].

Вокруг многих насыпей выявлены кольцевидные ровики. Для курганов древнерусского времени характерно тесное расположение по отношению друг к другу. Размещены некрополи в основном на ровных и сухих участках местности, нередко по берегам рек, ручьев и озер. Удаленность от поселений различна, но не более 1 км (во многих случаях не выявлены поселения, жители которых хоронили умерших на том или ином могильнике). В подавляющем большинстве древнерусских курганов найдено по одному захоронению. Погребенные в них ориентированы в основном головами в западном направлении.

Погребальные памятники восточнославянского населения конца I — начала II тыс. н. э. по обряду захоронения делятся на три группы: трупосожжения на стороне; трупосожжения на месте захоронения; трупоположения. Погребения первых двух групп совершены на уровне древнего горизонта или в курганных насыпях, третьей — также на горизонте или в насыпи. Известны захоронения в подкурганных ямах. Под частью насыпей погребения вообще не обнаружены, что, по мнению исследователей Д. А. Авдусина, В. В. Седова и других, свидетельствует об их меморативном характере.

Обряд трупосожжения на стороне славянским населением на территории Украинской ССР в IX—X вв. применялся эпизодически. Исключение составляли носители роменской культуры. В X в. получил распространение, правда, на недолгое время и не по всей территории, обряд трупосожжения на месте захоронения. Для характеристики упомянутого обряда типичным является могильник сельского типа возле с. Пересаж Репкинского района Черниговской области, где в

АЗОВСКОЕ МОРЕ
ЧЕРНОЕ МОРЕ

разные годы исследованы 44 насыпи. Могильник состоит из 136 насыпей и расположен в 700 м от синхронного ему селища. Подавляющее число погребений — остатки трупосожжений на месте. В основном они содержат по одному захоронению, и лишь в одном кургане обнаружено одновременное погребение женщины и ребенка. Чаще всего кострище прямоугольной формы, размером 1—2 м. После затухания костра остатки кремации собирались в урну и ставились на кострище.

В результате раскопок найдены: насыпь с остатками сожжения на стороне; трупоположение в подкурганной яме; четыре кенотафа (под насыпями расчищены кострища без человеческих кальцинированных костей). Вещи, обнаруженные в курганах возле с. Пересаж, немногочисленны: единичные предметы вооружения, ножи, украшения. В большинстве захоронений встречены фрагменты древнерусской гончарной керамики и целые сосуды X в. [Бранденбург, 1908; Ширинский, 1969].

Характерные черты обряда трупоположения на древнем горизонте или в курганной насыпи представлены в погребениях Житомирского некрополя, насчитывавшего до 500 насыпей. Исследовано 77. В них, за исключением одного, выявлены остатки трупоположений на горизонте (на подсыпке). Погребенные посыпаны пеплом и мелкими угольками. Скелеты лежали на спине в вытянутом положении, головой на запад, иногда с сезонными отклонениями на север или юг. В насыпях курганов встречались фрагменты керамики. В 28 пегребениях обнаружены железные гвозди от гробов. 16 погребений безынвентарные, а в остальных чаще всего встречались украшения (кольца, бусины, перстни), железные ножи, кресала и кремни к ним, остатки ведер, фрагменты керамики, серпы, пряслица, молоток [Гамченко, 1888].

Наиболее выразительные могильники, *где хоронили по обряду трупоположения* в подкурганных ямах, расположены возле с. Гущин Черниговского района, с. Липовое Талалаевского района Черниговской области, а также с. Буки Сквирского района Киевской области.

Гущинский могильник в 70-х годах XIX в. насчитывал около 120 насыпей, из которых исследовано 11. Курганы, за исключением одного, небольших размеров. Глубина могильных ям в малых курганах составляла 1,4—1,7 м. Погребенные лежали в вытянутом положении, головой на запад. В одном кургане прослежены следы гроба. В трех погребениях обнаружены остатки одежды: шелковая и позументная ленты, бронзовые пуговички. Найдена железная кирка. Под насыпью большого кургана, высотой 4,2 м и диаметром 25 м, открыта могильная яма со следами деревянного сруба, в котором совершено погребение человека с конем. Умерший лежал в южной части ямы на спине, головой на запад. Из сопровождающего инвентаря найдены железные серп, боевой топор, наконечник копья, кресало и кремень, нож, оселок, деревянное ведро и горшок. Скелет лошади лежал слева от умершего, на животе, головой на запад. Возле коня обнаружены удила, стремена, пряжка [Самоквасов, 1908].

Могильник возле с. Буки насчитывал в прошлом веке в шести группах 444 кургана. В 1878 г. исследовано 33. Под четырьмя насыпями выявлено по два погребения, в одном — три, в остальных — по одному. Погребения совершены в подкурганных ямах глубиной 0,15—1,9 м. В большинстве захоронений прослежены следы дерева, а в пяти случаях деревянные конструкции открыты в земляных насыпях. Погребенные лежали на спине в вытянутом положении головой на запад. Безынвентарных погребений насчитывалось 27; в других обнаружен незначительный инвентарь: височные кольца, бусины, пуговицы, железный нож.

Карта 8. Размещение древнерусских могильников: *I — курганные могильники; II — бескурганные могильники.*

Курганы в с. Липовое расположены на пологом краю надпойменной террасы левого берега р. Ромен на относительно небольшой территории. В прошлом на могильнике насчитывалось несколько тысяч насыпей. В наши дни Липовской некрополь — один из наиболее хорошо сохранившихся на территории УССР. В разные годы на могильнике раскопано более 100 насыпей, [Макаренко, 1906; Самоквасов, 1908].

При исследовании большинства некрополей находят остатки захоронений, относящихся к различным вышеупомянутым группам могил. Примером мо-

Рис. 96. Курганный могильник XI—XII вв. у с. Липовое.

но информация сохранилась только о 40 из них. Большинство курганов небольших размеров; глубина могильных ям 0,5—1 м от уровня древнего горизонта. Под тремя насыпями выявлено по два захоронения, остальные — одиночные. Восемь погребений безынвентарные, в других найдены различные украшения, фрагменты керамики, оселок, нож, кресало и кремень. Некоторые предметы (мелкозернистая лопастая бусина, лировидная пряжка, керамика) позволяют датировать могильник началом XI—XII в.

Ранние комплексы с захоронениями в подкурганных ямах аналогичны могилам на Болдиных горах в Чернигове. Интерес к курганам в с. Липовое вызывается и наличием небольшого (90 м в диаметре) синхронного городища, расположенного в 1 км от некрополя. Естественно, что жители этого пункта за два столетия проживания на нем не могли оставить такого числа умерших. Вероятно, основная масса проживала на открытом поселении, остатки которого обнаружены возле городища жет служить известный Шестовицкий могильник X — начала XI в. (возле одноименного села Черниговского района и области), где в семи группах насчитывалось несколько сотен насыпей, из которых исследовано около 150. В 57 курганах выявлены остатки трупосожжений (из них в 31 — на стороне и 26 — на месте захоронения). В 48 курганах обнаружены остатки трупоположений. В семи курганах — по нескольку погребенных. Большинство погребений по обряду трупоположения совершено в грунтовых могилах, иногда со следами гроба. В некоторых, наиболее богатых погребениях стены подкурганных ям обложены деревом. Среди захоронений выявлено значительное количество дружинных могил по обряду кремации и ингумации. В 48 курганах открыты кенотафы. Некоторые погребения могильника безынвентарные, но большинство могил — с инвентарем, иногда очень богатым. Чаще всего встречались остатки одежды, украшения и предметы быта. В 28 курганах обнаружено оружие, а в 15, вместе с

оружием, конское снаряжение. Среди инвентаря встречаются импортные изделия, в частности скандинавские [Станкевич, 1962; Блифельд, 1977].

Сопровождающий инвентарь большинства могил восточнославянского населения незначительный, а около трети захоронений — вообще безынвентарные. Наиболее многочисленными категориями вещей среди инвентаря курганных древностей являются керамика (фрагменты и целые сосуды), украшения (височные кольца, бусы, перстни и т. п.), остатки костюма и обуви, предметы бытового назначения. Значительно реже встречаются орудия труда, оружие, снаряжение всадника и верхового коня, туалетные принадлежности и такие категории вещей, как ключи, замки, ларчики, принадлежности для игр, сумки и т. п.

В отдельных курганах найдены изделия из кремня (ножи, стрелы, отщепы) — так называемые громовые стрелы, обладающие, по мнению древних славян, магическими свойствами. Кости птиц и животных, а иногда и целые скелеты обнаружены во многих могилах и насыпях, особенно в сочетании с богатым инвентарем. В некоторых случаях в погребениях зафиксированы остатки флоры — желудки, орехи, семена. Погребальный инвентарь в какой-то мере обусловлен обычаями и бытом, а также полом и возрастом умершего. В характере и количестве вещей в погребениях отражены имущественное положение, социальная и этническая принадлежность умерших.

Захоронения под курганными насыпями на территории современной Украинской ССР совершалось древним населением, особенно в сельских районах, на протяжении всего древнерусского периода.

Бескурганные могильники на рассматриваемой территории стали распространяться после официального введения христианской религии на Руси в конце X в. Первоначально грунтовые некрополи появились в городах, но в последнее время открыты сельские бескурганные могильники древнерусского времени. Исключение составляет район верховьев Днестра и Прута, где на протяжении всего средневекового периода господствовал бескурганный обряд погребения. Еще одной особенностью захоронения на этой территории является распространение, наряду с ординарными грунтовыми могилами, подплитовых захоронений [Ратич, 1976].

Бескурганные грунтовые трупоположения расположены обычно более-менее четкими рядами, на небольшой глубине от современной поверхности. Умерших погребали на светлом материковом суглинке или в небольших углублениях в нем. Подавляющее большинство скелетов вытянуто на спине и ориентировано в западном направлении. Примерами грунтовых некрополей XI—XIII вв. могут служить могильники возле сел Казаровичи Киево-Святошинского района Киевской области и Жовнино Чернобаевского района Черкасской области.

Могильник возле с. Казаровичи расположен в 0,5 км западнее синхронного ему поселения XI—XIII вв. Раскопками вскрыто 40 одиночных погребений, совершенных по обряду трупоположения в прямоугольных ямах, на глубине 0,2—1 м от современной поверхности. Скелеты лежали в вытянутом положении, головами на запад. Возле некоторых из них найдены остатки дерева и кованые железные гвозди — следы гробов. 35 захоронений безынвентарные. В пяти погребениях обнаружен незначительный инвентарь: украшения, элементы костюма, оселок. А в одной могиле прослежены следы применения огня — пережитки верований более раннего времени [Степаненко, Блажевич, 1976].

Почти все 200 выявленных погребений на грунтовом некрополе около с. Жовнино исследованы В. Д. Дяденко в 1960—1970 гг. Могильник принадлежал населению летописного города Желни, остатки которого открыты в 0,5 км севернее некрополя. Как и в других случаях, погребения осуществ-

лялись по обряду трупоположения в прямоугольных ямах на глубине 0,5—1,5 м. В большинстве захоронений выявлены остатки от деревянных гробов, углы которых соединены пазами, без применения гвоздей. Никаких признаков могильника на поверхности земли не прослежено. В 105 захоронениях (72 мужских, 8 женских и 25 детских) инвентарь отсутствовал. В 95 погребениях, большинство из которых (более 50) женские, встречены многочисленные украшения, элементы костюма, бытовые вещи, керамика. В отдельных захоронениях найдены остатки фауны, угольки. Инвентарь датирует могильник XI—XIII вв., что позволяет уточнить дату основания летописного града (сообщение о нем относится к XII в.). На части мужских скелетов прослежены следы зарубцевавшихся увечий, полученные, вероятно, защитниками этого района Посульской оборонительной линии Древнерусского государства в боях с кочевниками.

Половина погребений на грунтовых могильниках древнерусского времени безынвентарна. В захоронениях с инвентарем состав вещей в основном повторяет категории инвентаря в курганах, но еще беднее. Наиболее многочисленны украшения (кольца, бусы, перстни, подвески), элементы костюма (пряжки, пуговицы), керамика (фрагменты и целые сосуды), бытовые изделия (ножи, кресала, оселки). Кресты, иконки, туалетные принадлежности, принадлежности для игр, орудия труда и оружие, конская упряжь, замки встречаются редко. В отдельных случаях выявлены остатки фауны (кости), угольки (возле покойников или в засыпке могильных ям).

Выше отмечалось, что погребальный обряд восточных славян в конце I — начале II тыс. н. э. прошел несколько этапов развития (кремация на стороне, на месте захоронения, ингумация). Обряд трупосожжения на стороне безраздельно господствовал по всей территории Украины, заселенной славянским населением в VI—IX вв. (в X в. он сохранился на территории обитания носителей роменской культуры). В многочисленных пунктах обнаружены остатки сожжения, сначала в грунтовых погребениях, а позднее под курганными насыпями [Русанова, 1976]. Кальцинированные косточки, в урнах или без них, находят в ямках, на горизонте или в насыпи. Многочисленные находки лепной керамики позволяют датировать бытование данного обряда VI—IX вв.

В IX—X вв. на южнорусской территории (в различных районах и в разное время) около столетия существовал обряд трупосожжения на месте захоронения. Определить хронологию курганов этой группы позволяют фрагменты так называемой керамики курганного типа (с манжетовидными утолщениями по внешнему краю венчиков гончарных сосудов), оружие, сбруя, некоторые типа украшений, монеты. С середины (на Правобережье Днепра) или в конце (на Левобережье) X в. господствующим становится обряд трупоположения, сначала на уровне древнего горизонта или в курганной насыпи, а в XI—XII вв. в подкурганных ямах. Такое развитие обряда прослежено на основании многочисленных датирующих изделий сопровождающего инвентаря. Исключение составляют районы Киевщины и Западной Волыни, где трупоположение с первых веков древнерусской истории совершалось в подкурганных ямах. На Черниговщине трупоположения в подкурганных ямах также встречаются на могильниках X в. Но так как основная масса населения продолжала кремировать умерших (о чем свидетельствуют материалы некрополей сельского населения типа Пересажского могильника), можно говорить о том, что в подкурганных ямах по обряду трупоположения были погребены жители Правобережья.

В переходные периоды два различных обряда могли сосуществовать на одном могильнике какое-то время (по мнению В. В. Седова, 50—80 лет). Пережитки обряда кремации прослежи-

ваются на более поздних могильниках в виде отдельных угольков и прослоек золы около умерших или в засыпках и насыпях. Известны случаи частичной кремации.

Для выяснения причин эволюции погребального обряда у восточных славян в рассматриваемый период необходимо помнить, что традиции погребальных ритуалов формируются под воздействием идеологических представлений [Массон, 1976]. Исходя из марксистского положения о взаимодействии базиса и надстройки, развитие обряда захоронения необходимо связывать с социально-экономическим развитием древнерусского общества. Следует учитывать и определенную отсталость, консервативность погребального обряда и влияние христианской религии, которая все активнее проникала на территорию Восточной Европы.

Развитие обряда трупосожжения и замена его обрядом трупоположения происходили у восточных славян в очень важный для них период — окончательного разложения первобытнообщинного строя и возникновения Древнерусского государства. Во время последней стадии первобытного общества, когда род еще существовал, погребальный обряд осуществлялся всеми членами общины. Это нашло отражение у восточных славян в кремации умерших на общем для всей общины место. Такие места открыты на могильниках второй половины I тыс. н. э. не только на территории УССР, но и на землях восточных, западных и южных славян. Возможно, что ближайшие родственники вообще малоактивно участвовали в ритуале погребения.

Этнографические исследования свидетельствуют, что в конце доклассовой эпохи, когда окончательно распадается род и формируется государство, погребальные обряды, сохраняя общинный характер, совершаются самой семьей [Токарев, 1964]. Начавшийся процесс индивидуализации личности, основанный на все бóльшей хозяйственной самостоятельности небольших коллективов ближайших родственников, вероятно, и явился причиной перехода от обряда трупосожжения на стороне к кремации на месте. Первыми новый обряд, очевидно, начали применять представители общинной знати, выделившиеся из общей массы общинников. Смена форм обряда кремирования не была процессом равномерным и единовременным для всех районов рассматриваемой территории, а зависела от темпов и своеобразия социально-экономического развития.

На смену первобытному обществу пришло классовое. Наступила эпоха цивилизации, когда окончательно утверждает свое господство моногамная семья. Отдельная семья становится хозяйственной единицей общества [Маркс, Энгельс. Соч., 2-е изд., т. 21, с. 176]. В конце I тыс. н. э. погребальные обряды переплетаются с семейно-родовым культом, составляя часть последнего и утрачивая связь с публичными формами. Община принимает участие в похоронах, но основная нагрузка в выполнении обряда перекладывается на семью. Экономические трудности влияли на идеологические воззрения по отношению к погребальному обряду и были одной из причин перехода восточных славян от кремации к ингумации.

Нельзя забывать и о влиянии христианской религии на погребальный обряд восточноевропейского населения на рубеже I—II тыс. н. э. По мнению большинства исследователей, именно христианство и явилось той единственной причиной, которая привела к кардинальной смене обрядности (трупосожжение на трупоположение) у восточных славян. Вряд ли это было так, хотя отсутствие достоверных письменных данных об идеологических представлениях рубежа I—II тыс. н. э. не позволяет высказываться категорически. Тем не менее некоторые исследователи (А. В. Арциховский, Д. И. Блифельд, В. В. Седов) высказали сомнение о полном и безраздельном влиянии христианства на славянскую погребальную обрядность.

Имеются сведения русских, византийских, чешских письменных источников о проникновении христианских идей на Киевщину и в Западную Волынь в самом начале древнерусской истории. Интересно, что на всей территории распространения восточнославянских курганов IX—X вв. только в названных районах встречаются в большом числе трупоположения в подкурганных ямах. Поэтому правомочно говорить о воздействии новой религии на воззрения жителей Киевщины и Западной Волыни. Захоронения в ямах могли быть «подсказаны» канонами христианства.

Довольно трудно говорить о христианстве как об основной и единственной причине смены трупосожжения на трупоположение на других землях, куда религия классового общества проникала намного позже и с бóльшим трудом. Кроме того, в Восточной Волыни, Левобережном Полесье захоронения в могильных ямах, что является одной из характернейших особенностей христианского погребального обряда, появляются только в XI—XII вв. До этого времени господствует обряд трупоположения на горизонте или в курганной насыпи. То же можно сказать не только о южнорусских территориях, но и о других областях древней Руси. Так, на землях вятичей, которые, вероятно, были окончательно присоединены к Древнерусскому государству только в конце XI в. после походов Владимира Мономаха, христианская религия яростно боролась с язычеством на протяжении всего XII в. Об этом говорится в Киево-Печерском патерике, где рассказывается об убийстве вятичами монаха Кукши за пропаганду христианского вероучения.

В то же время, по данным Н. Г. Недошивиной, население Волжско-Окского междуречья к обряду трупоположения перешло в XI в., а погребения в подкурганных ямах появляются только во второй половине XII в. и становятся характерными для данной территории с рубежа XII—XIII вв. Вероятно, социально-экономическое развитие общества, о чем говорилось выше, сыграло немаловажную роль (через весь комплекс идеологических воззрений) в развитии рассматриваемого обряда независимо от степени влияния христианства в том или ином регионе Руси. Как видим, причин для эволюции погребального ритуала было несколько.

Антропологические материалы из подкурганных ямных захоронений Среднего Приднепровья свидетельствуют об определенных физических отличиях погребенных от жителей других районов Южной Руси [Седов, 1974]. Различные восточнославянские «племена» периода военной демократии и сложения государственности сохраняли отличительные черты в этнографическом и антропологическом отношении. Вероятно, христианство первоначально распространялось только на территориях отдельных племенных княжений (например, Полянского) и встречало отпор на территории других. Поэтому различия в элементах обрядности (уровень захоронения) и в антропологическом облике населения разных областей позволяют в какой-то мере использовать их как этнографический признак для определения границ обитания летописных племен (полян, древлян и т. д.), что и делается многими исследователями.

Некоторые восточнославянские образования, занимавшие самые южные области Восточной Европы, вообще не насыпали курганов, а хоронили умерших в грунтовых некрополях. К сожалению, древности уличей, тиверцев и хорватов рассматриваемого времени изучены весьма слабо. До сих пор не выяснены причины бескурганных славянских захоронений I — начала II тыс. н. э. на этой территории.

С конца X в. на Руси начинает насаждаться христианство — типичная для средневековой Европы форма феодальной надстройки. Но «христианство на Руси, заимствованное от греков и в то же время не отмежеванное полностью от запада, оказалось в конечном счете не византийским и не рим-

ским, а русским» [Греков, 1975]. Новая религия приносит новый погребальный обряд. В первую очередь церковь старалась искоренить трупосожжения, убрать из погребений инвентарь, погребальную пищу, захоронения «рабынь». Небольшие курганные насыпи, напоминающие грунтовые погребения христианских могил, не вызывали такого негодования у священников, как перечисленные элементы языческого обряда [Рыбаков, 1949]. Но там, где это было возможно, церковники боролись и с этой характерной чертой язычества в погребальном обряде. Правда, самими церковниками на территории Руси, несомненно, под влиянием восточнославянского этноса византийский погребальный обряд был изменен: с самого начала введения христианства славяне Восточной Европы хоронили умерших в одном месте, а не перезахороняли в кимитириях. В некоторых районах, например на древлянской территории, население и через столетие после введения христианства упорно продолжало хоронить умерших под курганными насыпями выше уровня древнего горизонта. В городах христианский обряд, несомненно, при контроле не только церкви, но и властей насаждался с самого начала более успешно.

Находки в грунтовых могилах XI—XIII вв. инвентаря свидетельствуют о том, что в ряде случаев население, вероятно, повинуясь требованиям церковников и княжеской администрации не насыпать курганов, тайно клало его в могилы. Удивляет малое число находок в погребениях предметов христианского культа (крестов, иконок). Возможно, что в древнерусское время эти символы христианской религии еще не получили того широкого распространения у населения, как в более поздние века. Вероятно, что часть крестиков делалась не из камня или металла, а из другого материала, который не сохранился. Кроме того, кресты могли просто передаваться по наследству. Христианство постепенно проникало в массы, но этот процесс был длительный и продолжался еще в послеордынское время.

Широкая датировка некоторых категорий вещей, обнаруженных в поздних захоронениях, не дает возможности назвать точное время прекращения насыпания курганов на южнорусских землях. Известен ряд комплексов, датированных в целом XII—XIII вв. Вероятнее всего, возведение насыпей прекратилось после нашествия орд хана Батыя. В XIII в., помимо того, что новая религия длительное время насаждалась государством, начинается процесс исчезновения свободной крестьянской общины — оплота языческого мировоззрения. В связи с нашествием с востока вероисповедание сыграло определенную роль в борьбе с захватчиками, что также способствовало укреплению христианства.

Материалы погребальных памятников позволяют раскрыть и дополнить некоторые аспекты реконструкции социального состава населения, сведения о процессе феодализации Руси. Отметим, что материалы погребений рядового населения древней Руси (как зависимого, так и свободного), противостоявшего классу феодалов, не позволяют выделить различные общественные группы людей, известные по письменным источникам. Говоря о средневековой иерархии, классики марксизма-ленинизма подчеркивали, что для народа и для широких масс людей ее не существовало [Маркс, Энгельс. Соч., 2-е изд., т. 3, с. 164]. Конечно, в общей массе рядового населения не все были равны в имущественном отношении. Но в связи с тем что погребальные обряды отражают именно социальное, а не имущественное положение усопших, хотя сама оценка общественной дифференциации нередко дается по материальным критериям бедности и богатства [Массон, 1976], мы не можем, используя только погребальные памятники, выделить различные группы рядового населения. Различия в украшениях и элементах костюма (в первую очередь,

головного убора), прослеженные во многих рядовых женских погребениях, вероятно, можно связывать с возрастом погребенных. Это прослежено Б. А. Рыбаковым на материалах Чернигова. К сожалению, большинство антропологических материалов средневекового времени из южнорусских земель не сохранились, что не позволяет проверить данное предположение на массовом материале.

В общей массе погребений с рядовой обрядностью привлекает внимание группа могил, которая некоторыми деталями (наличие остатков деревянных ведер, поясные пряжки) сближается с богатыми погребениями городских некрополей. Погребения этой группы, датируемые X—XIII вв., позволяют предполагать существование среди рядового населения прослойки, порожденной социально-экономическим и политическим развитием древнерусского общества в процессе укрепления его феодальной экономики, дальнейшего разделения труда, развития ремесла, торговли, распространения по сельской периферии элементов городской культуры. Возможно, погребения принадлежали лицам, непосредственно не занимавшимся сельским хозяйством, а работавшим в сфере ремесла, и лицам непроизводственных профессий.

Среди курганных захоронений древнерусского времени известна группа могил, которая по своим признакам (размеры погребальных сооружений, наличие в могильных ямах деревянных конструкций-камер, нахождение среди инвентаря дорогих вещей и украшений, некоторые элементы костюма, положение в могилы рабынь и лошадей) выделяется из общей массы. Наличие перечисленных элементов, а также различное сочетание их в отдельных погребениях позволяют в какой-то мере реконструировать иерархическую лестницу класса феодалов на Руси. Подобное социальное деление нашло отражение в погребальном обряде первых веков существования классового общества у восточных славян. Анализ так называемых дружинных погребений по обряду кремации и ингумации позволяет выделить следующие погребения.

1. *Погребение одного воина.* От рядовых захоронений они отличаются наличием оружия, представленного в большинстве случаев каким-то одним видом — луком со стрелами, боевым топором, копьем, реже мечом или саблей. Иногда находят только имитацию оружия — ножны меча (по принципу «часть вместо целого»). Кострища больших размеров, могильная яма в некоторых случаях обложена деревом. Это наиболее многочисленная группа среди дружинных захоронений. Погребения первой группы обнаружены на территории Украины более чем на 20 некрополях.

2. *Погребения воина с конем.* Размеры погребальных сооружений большие. Рядом с воином положен боевой конь. Инвентарь богаче — значительное количество оружия, конская упряжь. Захоронений этой группы меньше (Великий Листвен, Гущино, Чернигов, Шестовица, Киев, Вышгород).

3. *Погребения воина с женщиной.* От предыдущих захоронений отличаются более богатым инвентарем, в составе которого нередко встречаются драгоценные женские украшения. Такие погребения открыты в Киеве, Коростене, Седневе, Шестовице, Плеснеске.

4. *Парные погребения с конем.* Кроме захоронения воина и женщины, в ноги клался конь в полной экипировке. Это наиболее богатые захоронения с оружием. Они исследованы в Киеве, Чернигове, Шестовице, Белгороде.

Несмотря на то что погребения вышеупомянутых групп и называют дружинными в связи с находками предметов вооружения, нельзя их рассматривать только как погребения воинов-профессионалов или вассалов, живущих обычно при дворе феодала и составляющих низшую ступень в иерархической лестнице господствующего класса феодального общества. К этой категории, бесспорно, можно причислять только захоронения первой груп-

пы. Что касается погребений других групп, особенно третьей и четвертой, то такое определение не подходит. Богатство инвентаря, наличие насильственно умерщвленных женщин-«рабынь» свидетельствуют о том, что перед нами погребения очень богатых людей, составляющих верхушку древнерусского общества. Присутствие «рабынь» интересно в плане социальной характеристики. По свидетельству исторических источников, рабство в конце I тыс. н. э. не было ведущей формой эксплуатации. Тем не менее в личной жизни и хозяйстве господствующей верхушки раннефеодального общества оно еще играло значительную роль.

Наличие вооружения в вышерассмотренных захоронениях свидетельствует о том, что воинская принадлежность была привилегией господствующего класса.

Значительное число трупоположений этой группы могил выявлено в подкурганных могильных ямах, стенки которых обложены деревом. Иногда дерево обнаружено на полу ям, иногда в виде перекрытия ям. Такой тип погребальных сооружений получил в отечественной историографии наименование «срубные гробницы». По поводу их происхождения существует ряд мнений. Часть исследователей, особенно западных, считает, что этот тип погребальных сооружений принадлежит скандинавам.

На территории Восточной Европы остатки деревянных сооружений прослежены в ряде погребений славян второй половины I тыс. н. э. Трудность их выявления связана с бытованием в то время обряда кремации. Но в некоторых случаях удалось их реконструировать. Постройки напоминают четырехугольный деревянный дом. При переходе от кремации к ингумации эти строения перестали сжигать, благодаря чему археологам удается иногда их обнаружить. Срубные (или камерные) гробницы известны не только на Руси и в Скандинавии, но и в Вестфалии и Богемии, где в рассматриваемый период определенно не было скандинавов. Поэтому мнение, что данный тип погребальных сооружений не был специфически скандинавским и в то же время существовал у разных, притом неродственных европейских народностей [Шаскольский, 1965], представляется весьма убедительным. Наличие богатого инвентаря во многих срубных гробницах (и не только мужских) на Руси обусловлено социальными факторами. Варяги, служившие у киевских князей, могли занести аналогичный обряд со своей родины уже в готовом виде и хоронить своих соплеменников по его традициям.

Наиболее богатым погребением раннего периода древней Руси является черниговский курган Черная Могила. Размеры погребального сооружения, захоронение воина, подростка и женщины, большое количество оружия, бытовых вещей, жертвенные животные и два взнузданных коня, ритуальные принадлежности, говорящие о сочетании военных и жреческих функций в одном лице, позволили Б. А. Рыбакову высказать предположение о том, что перед нами княжеское захоронение.

Находки в некоторых погребениях весов и гирек свидетельствуют о занятии торговлей, а обнаруженные в отдельных могилах орудия труда, не характерные для домашнего производства (литейная формочка, штампы для изготовления украшений, молотки, долото, кирка, камни и готовые жернова), возможно, указывают на погребения ремесленников. В составе ряда некрополей обнаружены отдельные погребения, отличающиеся от общей массы необычным, скорченным состоянием находящихся в них умерших. По данным этнографических исследований о верованиях и обычаях славян XIX — начала XX в., сохранивших традиции более раннего времени, в скорченном положении погребали так называемых колдунов, которых связывали или засовывали в мешки («чтоб мертвый не встал из гроба»). Их предшественниками в конце I — начале II тыс. н. э. были волхвы, которым, вероятно, при-

надлежат скорченные погребения на древнерусских некрополях.

После введения христианства большое значение имело место захоронения — возле стен или внутри храма. Примером могут служить многочисленные княжеские захоронения в кафедральных соборах крупных городов (Киев, Чернигов, Галич, Переяслав). В XII—XIII вв. появляются многочисленные «отчие» монастыри, где хоронили представителей княжеских семей. Вероятно, некоторые виды домовин (мраморные, шиферные, деревянные саркофаги, кирпичные и каменные гробницы или простые захоронения в гробах, но под сводами церкви) также отражают прижизненное положение в обществе отдельных индивидуумов. О стремлении подчеркнуть социальное положение умершего одеждой свидетельствуют находки в некоторых женских захоронениях Чернигова золотых и серебряных украшений, а также гривна на шее Ярослава Мудрого (сохранился отпечаток на дне саркофага). В единичных случаях встречаются мечи или ножны к ним. Возле церквей, в монастырях и пещерах хоронили служителей культа.

Появление дружинных захоронений в сельской местности указывает на феодализацию древнерусского села. Конечно, погребальные памятники XI—XIII вв. дают нам намного меньше, чем памятники X в., для рассмотрения вопросов развития феодальных отношений на Руси. Но само по себе принятие религии классового общества, постепенно отвоевывающей себе позиции и в погребальном обряде, является одной из немаловажных побед государства. В целом материалы захоронений рубежа I и II тыс. н. э. в какой-то степени отражают исторически закономерную победу феодального строя над первобытнообщинным.

На территории Южной Руси во второй половине I тыс. н. э. размещалось несколько метаэтнопотестарных общностей [Бромлей, 1980], имеющих между собой определенные этнографические отличия. Этнографическое единство каждого из них сохранялось продолжительное время, что позволяет в какой-то мере использовать материалы более позднего времени для решения некоторых вопросов периода существования летописных племен. Не последнюю роль, в частности в определении племенных границ, играют материалы древнерусских захоронений, которые, начиная со времен А. А. Спицына, привлекаются для решения этого вопроса. Многие летописные известия конкретизированы (например, о территории проживания древлян), хотя в отдельных случаях (граница между полянами и северянами) продолжают существовать разногласия.

Материалы погребальных памятников времен древней Руси позволяют говорить об этническом составе населения, проживавшем на территории современной Украинской ССР в средневековое время, то есть мы можем расширить наши знания о том, из каких компонентов формировалась в этой части Восточной Европы древнерусская народность — колыбель трех братских восточнославянских народов.

Для населения отдельных районов, проживающего в одно и то же время, в связи с разными темпами исторического развития, различиями в условиях существования, особенностями идеологических воззрений, были присущи некоторые отличительные черты в деталях погребального обряда. В погребальном обряде населения других восточнославянских областей и особенно других этносов того же времени также имеются свои характерные признаки: способ захоронения и расположение умершего относительно дневной поверхности, ориентировка, устройство погребального сооружения, размещение в могиле и некоторые характерные детали сопровождающего инвентаря, различия в обращении с определенными вещами. Выделив характерные черты, присущие для большинства захоронений того или иного района южнорусской территории (то есть для погребений представителей местного насе-

ления) и найдя аналогии погребениям, не типичным для данной местности, среди синхронных погребальных памятников других территорий, можно установить этническую принадлежность пришлого населения в каждом конкретном районе.

По материалам погребальных памятников раннего периода истории Руси наблюдается взаимное проникновение населения одних областей на земли других летописных племен. Кроме того, большое число выходцев из разных уголков Восточной Европы было поселено в пограничных со степью районах. Основную часть неславянского населения, особенно на правобережье Среднего Поднепровья, составляли кочевники («свои поганые»). Погребения выходцев из Скандинавии, которым многие западные исследователи продолжают приписывать роль создателей государства у восточных славян, немногочисленны. В крупнейших городах захоронений варягов очень мало. Видимо, основная масса скандинавов, служивших в княжеских дружинах, проживала вне крупных центров. Об этом свидетельствуют варяжские погребения на могильниках возле с. Шестовица, летописного Белгорода и некоторых других современных населенных пунктов. Среди погребений на территории Среднего Поднепровья выделяются могилы выходцев из финно-угорских областей Восточной Европы. В южных районах Руси большое количество славян из более северных районов — кривичи, радимичи, дреговичи в конце X в. поселяются со времен Владимира Святославича для защиты страны от кочевников. Так, около с. Нежиловичи Макаровского района Киевской области выявлены захоронения целой колонии радимичей, а возле с. Ницахи Тростянецкого района Сумской области в инвентаре многих погребений прослеживаются черты, характерные для северо-восточных областей Руси, откуда, вероятно, переселенцы были родом.

Отметим, что наиболее смешанный состав населения, по данным погребальных памятников, прослеживается в городах — центрах ремесла и торговли. Здесь же проживало и разноэтничное княжеское окружение.

Полностью исключают возможность этнической интерпретации погребения с христианской обрядностью. Можно только говорить, что подавляющее большинство христианских захоронений принадлежит восточным славянам, утратившим под воздействием новой государственной религии племенные черты в погребальной обрядности.

В целом же материалы могильников свидетельствуют о том, что на южнорусских землях преобладало местное славянское население, среди которого селились выходцы из других территорий.

Все вышеприведенные факты подтверждают, что погребальные памятники IX—XIII вв. являются ценным источником для изучения социально-экономического, этнического и культурно-исторического развития Древнерусского государства. Они отражают коренные изменения в погребальном обряде средневекового населения Украины, что явилось следствием зарождения и сложения у восточных славян классового общества и образования феодального государства.

III РЕМЕСЛЕННОЕ ПРОИЗВОДСТВО И СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

Железообрабатывающее ремесло

Железодобывающее и железообрабатывающее ремесло занимало одно из важнейших мест в экономике древней Руси.

Древнерусское железообрабатывающее ремесло привлекало внимание ис-

следователей еще во второй половине XIX в. [Аристов, 1866; Хмыров, 1875]. Но русские древности IX—XIII вв. тогда почти не были известны. Кроме того, большинство исследователей так и не смогли преодолеть бытовавшую в дореволюционной науке схему, отрицавшую возможность высокого уровня развития ремесленного производства в древней Руси.

Подлинно научное изучение древнерусского ремесла стало возможным лишь в результате комплексных и планомерных исследований древнерусских памятников, когда были открыты остатки железоплавильных горнов и кузниц, найдены кузнечные и слесарные инструменты, собраны богатые коллекции железных изделий различного назначения.

Новый этап изучения древнерусского металлообрабатывающего ремесла, как и других ремесленных производств, связан с именем Б. А. Рыбакова [1948]. В своих работах исследователь показал самобытность и высокий уровень развития на Руси ремесленного производства, систематизировал древнерусский кузнечный инструмент, составил перечень железных изделий, рассмотрел ряд сугубо технологических вопросов.

Дальнейшее углубление исследований потребовало от археологов широкого применения достижений естественных наук. Впервые широко использовал их при изучении массовых серий древнерусских железных изделий Б. А. Колчин. Им изучена технология производства железных изделий, показан высокий уровень древнерусской железообработки, установлены основные закономерности развития металлургического и кузнечного ремесла [Колчин, 1953].

В последующие годы изучается кузнечное ремесло Новгорода [Колчин, 1959], Любеча [Вознесенская, 1965], Серенска [Хомутова, 1973], Белгорода [Мезенцева, Гопак, 1974], Киева [Вознесенская, 1981], совершенствуется методика исследований [Недопако, 1978].

В настоящее время можно считать установленным, что древняя Русь обладала высокоразвитым кузнечным ремеслом. Для него характерны общность ассортимента, форм и размеров изделий, близкая техника производства.

Исследования показывают, что в дневней Руси широко использовались как железные, так и стальные изделия. Железо получали в сыродутных горнах, которые без особых конструктивных изменений просуществовали до изобретения доменных печей. Название «сыродутные» они получили в XIX в., так как во время плавки в них нагнетался непрогретый воздух в отличие от домен, где применяется подогретое дутье.

Остатки сыродутных горнов известны на многих памятниках Южной Руси. На ремесленном посаде в Городске их найдено около десяти [Гончаров, 1952].

Возле с. Григоровка на Среднем Днестре раскопано 25 углубленных в землю металлургических горнов объемов от 0,02 до 0,06 м^3. Датируются они IX—X вв. [Артамонов, 1955]. Железоплавильные комплексы найдены в Вышгороде [Довженок, 1952], Райковецком городище. На многих памятниках, где железоплавильные печи еще не обнаружены, встречаются шлаки, обломки керамических сопел для дутья воздуха и пр. Обломки стенок горнов и скопления металлургического шлака открыты Е. В. Максимовым в древнерусском Зарубе. Группа сезонных производственных поселков, связанных с выплавкой железа, являвшимся в большинстве случаев сезонным деревенским промыслом, исследована вокруг Киева [Вознесенская, 1981] и пр.

Наряду с углубленными в землю сыродутными горнами существовали и более совершенные железоплавильные печи. Примером такой печи может служить горн, найденный на Райковецком городище. Горн установлен на толстом глинобитном основании овальной формы размером 3×3,5 м и отно-

сился к наземному типу. Судя по кускам обмазки, на которых сохранились отпечатки дерева, стенки горна толщиной 15—18 см были выложены из глины на деревянном каркасе. Диаметр округлой нижней части горна не превышал 1 м, высота составляла 2—2,5 м. Внутри центральной части пода выкопано углубление, заполненное шлаком и древесным углем. От него по радиусам расходилось восемь наклонных канальцев длиной до 60 см. Канальцы оканчивались округлыми углубленными гнездами. Гнезда и канальцы предназначались для расплавленного шлака [Колчин, 1953].

Воздух нагнетался в сыродутный горн при помощи ручных мехов. В XII—XIII вв. для этой цели, возможно, стали применять мельничный привод, приводимый в действие течением воды. Загрузка горна производилась через верхний продух, куда засыпались руда и древесный уголь.

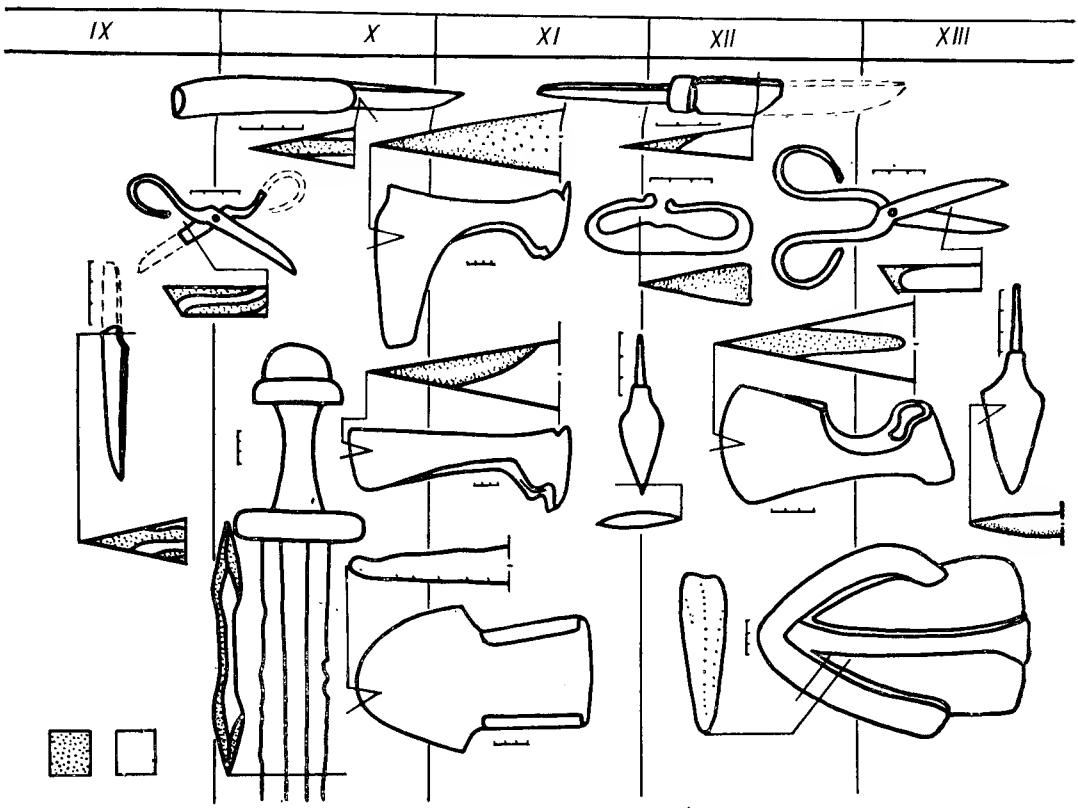
Исходным сырьем для выплавки железа служили болотные и луговые железные руды, распространенные повсеместно. Болотная руда — одна из наиболее легко восстанавливаемых руд. Однако ее недостатком является сравнительно низкое содержание железа. Кроме того, при сыродутном металлургическом процессе 50—60% железа уходило в шлак. Поэтому применение руды без предварительного обогащения было невозможно. Древнерусские способы добычи и обогащения железной руды едва ли значительно отличались от методов, применявшихся в XVI—XVIII вв. Разработка руды обычно велась поверхностным способом при помощи лопат и кирок. Добытая руда промывалась, сушилась, обжигалась, размельчалась и просеивалась.

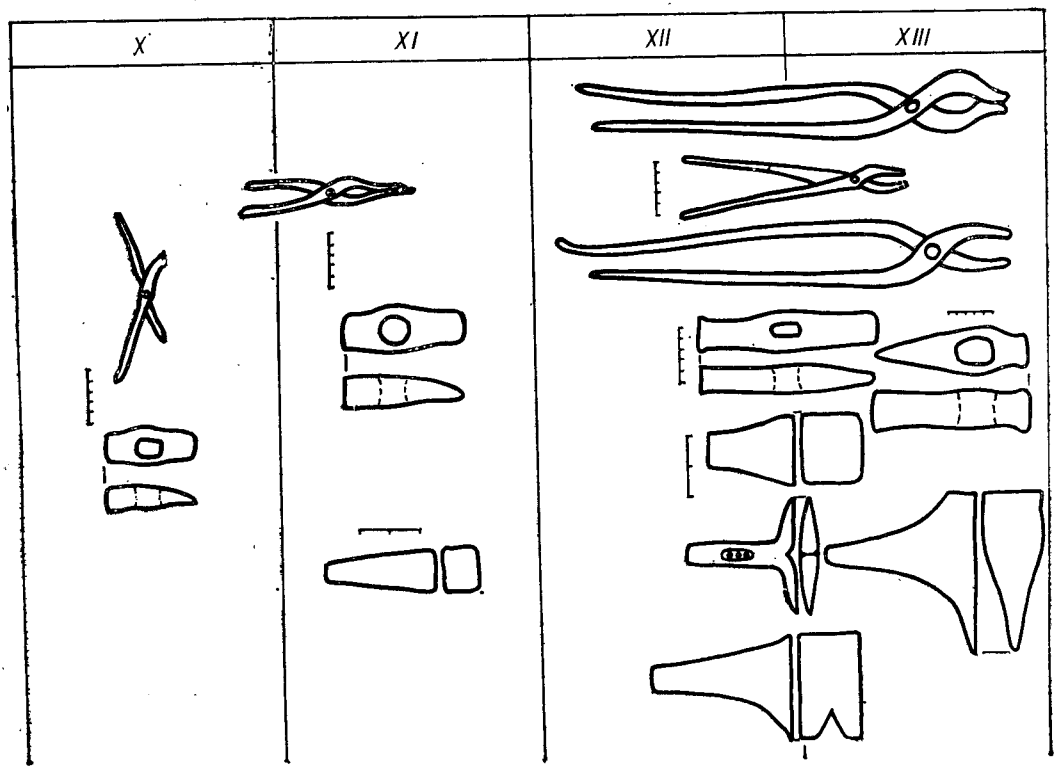
Топливом служил древесный уголь, выжигавшийся в специальных угольных ямах или наземным способом. Последний сохранялся в Украинском Полесье вплоть до начала XX в. [Гопак, 1976]. Выход угля из 35 кубических метров древесины составлял 3 т, то есть не отличался от полученного ямным способом.

В сыродутном горне древнерусские металлурги получали губчатый ком железа, пропитанный шлаком — так называемую крицу. Извлеченная из горна крица подвергалась последующей многократной проковке, в процессе которой из железа удалялся шлак. После проковки крице придавалась округлая лепешковидная форма. На Райковецком городище найдено 47 криц, на Колодяжинском — 15. Вес древнерусских криц колеблется в пределах 2—6 кг.

Металлографические анализы древнерусских железных изделий показывают, что в Южной Руси производились и применялись главным образом два сорта стали. Наиболее широко была распространена так называемая томленая или цементированная сталь. Получали ее путем глубокого науглероживания и последующей многократной проковки железных пластин. Науглероживание (цементация) достигалась путем длительной выдержки заготовок из железа при $t = 900$—940 °С в закрытых тиглях, наполненных смесью размельченного угля и иных органических примесей (обрезков рога и кожи, костяной муки и пр.). Затем цементированная заготовка для равномерного распределения углерода в металле тщательно проковывалась. Древнерусская цементированная сталь в большинстве случаев содержит 0,3—0,5% углерода, то есть относится к группе среднеуглеродистых. Сравнительная однородность содержания углерода в стали предметов, найденных на различных древнерусских памятниках, показывает, что технология ее получения была хорошо известна и отработана.

Менее распространена была сварочная сталь — уклад. Техника его получения заключалась в следующем: поверхность железной крицы науглероживалась в кузнечном горне, а затем резко охлаждалась. Закалившаяся хрупкая сталистая корка скалывалась ударами молотка, отколотые пластин-


IX
X
XI
XII
XIII


X
XI
XII
XIII

ки собирались пучком и сваривались кузнечной сваркой в крупные заготовки.

Оба сорта стали, значительно более трудоемкие, чем кричное железо, требовавшие высокой квалификации исполнителя, ценились высоко и расходовались экономно. В общем объеме используемого черного металла удельный вес стали не превышал 10—12%. Использовалась она главным образом для наварки лезвий или рабочих частей у орудий труда, оружия и других изделий [Колчин, 1953].

Остатки кузниц на южнорусских памятниках встречаются довольно часто. В Киеве открыто не менее десяти объектов IX—XIII вв., связанных с кузнечным ремеслом. Размещались они главным образом на Подоле [Вознесенская, 1981]. Известны находки кузниц в Белгороде, на Райковецком городище, в Воине. Удалось восстановить первоначальный облик нескольких кузниц.

Помещение одной из кузниц киевского Подола представляло собой навес или сарай. Кузница, раскопанная на посаде древнерусского Белгорода, размещалась в землянке. Ее размеры в плане 3×2,6 м, глубина котлована 1,5 м. В северо-западном углу помещения сохранились остатки кузнечного горна. В кузнице найдены ножи, пряжки, скобы, гвозди [Мезенцева, 1977]. Кузница Райковецкого городища сооружена в земляном валу, опоясывающем городище. Площадь помещения кузницы достигала 10 м². В левом дальнем углу находился кузнечный горн. Здесь же обнаружены сопло для дутья и кузнечный шлак. В кузнице найдены двое клещей, две наковальни, два кузнечных молотка, зубило, а также готовая продукция — серпы и косы [Гончаров, 1950]. Кузница в Воине являлась оружейной мастерской. Здесь сохранились остатки кузнечного горна, инструмент и изделия — панцирь, наконечники стрел и копий.

Известны многочисленные находки древнерусских кузнечных и слесарных инструментов. Кузнечный инструмент по своему назначению делится на четыре группы: 1) для удержания нагретой заготовки в процессе ковки; 2) для ковки, правки и рубки металла; 3) инструмент, на котором куется металл; 4) инструмент для измерения заготовки в процессе изготовления изделия.

Инструменты первой группы — кузнечные клещи — на древнерусских памятниках встречаются часто. Известны они на Княжьей Горе, Девич-Горе, на городищах Райковецкое [Колчин, 1953], Сажки и Червоное в бассейне Южного Буга [Гопак, 1976] и др. Конструкция клещей однотипна. Они имеют полукруглые или плоские губки и, в зависимости от размеров заживаемых в них заготовок, разделяются на малые (длиной до 20 см) и большие (до 50 см). Вероятно, древнерусским кузнецам было известно применение шпандыря и зажимного кольца, найденных на более ранних памятниках и служивших для закрепления изделий в клещах во время ковки.

К инструментам второй группы относятся орудия двух типов: молотки-ручники, служащие для нанесения ударов одной рукой, и кувалды-молоты для нанесения сильных ударов двумя руками. Вес ручников 0,5—2 кг, кувалд 2—4 кг. Древнерусские молотки-ручники встречаются редко. Они найдены на Княжьей Горе, Девич-Горе, Райковецком городище, Житомирском могильнике, в Червоном и др. Как правило, у них плоский боек, заостренный передний торец, и по форме они мало отличаются от современных. Древнерусский молот-кувалда, весом около 3 кг, найден в Воине. Молотки крепились к рукояти с помощью деревянных или железных клиньев. Один такой железный клин обнаружен в гнезде древнерусского молотка из Вщижа.

Кроме молотков и кувалд, к этой

Рис. 97. Железообрабатывающее ремесло. Технологические схемы орудий труда и оружия.

же группе инструментов относятся зубила, подсечки, пробои, обжимки, гладилки. Кузнечное зубило имеет плоскую головку, по которой наносятся удары, острое лезвие и отверстие в корпусе для горизонтальной деревянной ручки. Находки кузнечных зубил известны на Княжьей Горе, Девич-Горе, на городище Бобрища. У них широкое (до 50 мм) лезвие [Колчин, 1953]. На Райковецком городище найдено также нижнее зубило-подсечка, вбивавшееся заостренным концом в массивную деревянную подставку [Гончаров, 1950]. Использовалось оно главным образом для изготовления гвоздей — рубки проволоки.

Кузнечный пробойник конструктивно близок к зубилу, однако рабочая часть его выполнена в форме тонкого стержня для пробивания отверстий в нагретом металле. Находки пробойников на древнерусских памятниках пока не известны, но анализ технологии изготовления кузнечных изделий указывает, что подобные инструменты, бесспорно, применялись.

Анализ технологии изготовления железных предметов позволил установить также использование и других, не найденных до настоящего времени видов инструмента. Заглаженная поверхность изделий свидетельствует о применении гладилок; наличие опорных площадок у основания черенков наконечников стрел — о существовании обжимок. Применялись и разнообразные чеканы для нанесения узора на изделия. Например, найденное в Сажках перекрестье меча было украшено чеканкой. Здесь же найдены два чекана, служившие для фигурного оформления концов заклепок.

К инструментам третьей группы относятся наковальни, шпераки, гвоздильные доски. Древнерусская наковальня обычно имела форму усеченной пирамиды. Узкий конец ее закреплялся в массивной деревянной колоде, а широкая верхняя площадка использовалась для ковки, то есть служила наличником наковальни. Высота наковален колеблется в пределах 15—19 см, размеры наличников от 7×6 см до 11×9,5 см, вес от 3 до 7,5 кг. Это наиболее древний тип наковальни, использовавшийся уже в VII—VIII вв. [Смиленко, 1960].

В XII—XIII вв. на Руси появляются и более совершенные конструкции наковален с одним или двумя рогами. Размеры их значительно больше — высота около 25 см, величина наличников 11×18—10×27 см. Древнерусские кузнечные наковальни найдены на Княжьей Горе, в Киеве, Воине, на Райковецком городище и в других местах. На Княжьей Горе обнаружена и небольшая двурогая наковальня-шперак, служившая для фигурной ковки [Колчин, 1953]. Гвоздильные доски, применявшиеся для высадки головок у гвоздей и закрепок, найдены на Княжьей горе и Бородинском городище на Смоленщине. На последнем обнаружены также небольшая однорогая наковальня и волочильная доска для получения проволоки. Измерительный инструмент пока не найден. Однако не исключено, что кузнецы пользовались шаблонами, линейками, лекалами для измерения элементов сложных изделий (клинков мечей, наконечников копий, деталей замков и пр.), отличавшихся чертами стандартизации. До сих пор не известно и устройство древнерусских тисков, хотя они и должны были существовать. Не сохранились и остатки мехов для дутья воздуха. Однако, судя по изображениям древнерусских миниатюр, использовались обычные клинчатые меха, применяемые в сельских кузницах и в наши дни.

Дневнерусский слесарный инструмент представлен находками слесарных зубил и пробоев, а также напильников различных форм и размеров.

Результаты раскопок свидетельствуют о том, что древнерусские кузнецы производили громадное количество железных изделий разнообразного назначения. Только при раскопках древнего Киева найдено свыше 5000 железных предметов [Вознесенская,

1981]; в Воине — около 1000 [Довженок, Гончаров, Юра, 1966]; на Княжьей горе — свыше 2000 [Мезенцева, 1968]; на Райковецком городище — около 3500 [Гончаров, 1950]. Прекрасные образцы изделий дневнерусских кузнецов-оружейников обнаружены в курганах Чернигова — Черной Могиле, Гульбище и др. [Рыбаков, 1949]. Не менее богаты железным инвентарем и другие древнерусские памятники. В Новгороде найдено свыше 10 000 изделий [Колчин, 1959], в Белой Веже — около 2000, в Новогрудке — 1700.

Перечень известных сегодня древнерусских кузнечных изделий превысил 150 наименований [Колчин, 1953]. Здесь широко представлены орудия сельского хозяйства и промыслов: наральники, чересла, лопаты, мотыги, серпы, косы, остроги, гарпуны и пр.— всего не менее 20 наименований. Различного вида ремесленные инструменты — кузнечные, слесарные, деревообрабатывающие — насчитывают более пяти наименований. Предметы снаряжения всадника и коня представлены десятью наименованиями — стременами, шпорами, подковами, удилами, кольцами, всевозможными украшениями. Изделия бытового и хозяйственного назначения насчитывают 43 наименования; принадлежности одежды и украшения — 19.

В настоящее время металлографический анализ сделан на многих сотнях древнерусских предметов из железа и стали. Он показал, что общей закономерностью для всех областей древней Руси являлось единообразие применяемой технологии, распространение одинаковых технологических схем и конструкций кузнечных изделий.

Особое внимание древнерусские кузнецы уделяли орудиям труда и предметам вооружения. Именно в их производстве использовалась основная масса древнерусской стали. Качественные изделия кузнецов древней Руси отличаются продуманностью и совершенством примененных технологических схем изготовления и мастерством исполнения, доступным лишь высококвалифицированным специалистам. В ряде случаев качество и рабочие свойства многих древнерусских орудий труда не уступают аналогичным современным образцам. Для получения качественного стального лезвия применялись: сварка многослойных клинков с выходом на рабочую часть стальной зоны; наварка на рабочую часть стальной пластины; изготовление цельностального лезвия; цементация рабочей части изделия. В основу технологии была заложена кузнечная сварка стального лезвия с железным корпусом изделия.

В IX—X вв. основной технологической схемой сварного ножа являлась продольная сварка двух железных и размещенной между ними центральной стальной полосы. Полученное таким образом лезвие приобретало твердую стальную сердцевину и мягкие цельножелезные боковины, которые легко стачивались. Таким образом, на режущей кромке лезвия постоянно выступала прочная зона стали [Колчин, 1953]. Трехслойные ножи известны на многих южнорусских памятниках: в Киеве, Любече, Белгороде, на Княжьей Горе, Донецком городище и пр. Встречаются сварные ножи, изготовленные из так называемого пакетного металла. «Пакетные» заготовки производились путем сварки уложенных поочередно — «пакетом» — тонких стальных и железных полос или свернутой в «пакет» тонкой цементированной железной ленты. На рубеже IX—X вв. они вытесняются трехслойными технологическими схемами [Гопак, 1976]. Однако и трехслойные изделия из-за высокой трудоемкости изготовления в XI и особенно в XII в. почти полностью вытесняются менее трудоемкими производственными операциями — наваркой узкой полоски стального лезвия на железную основу [Колчин, 1953]. Ножи с наварным лезвием могли эффективно использоваться лишь до полного износа стальной режущей

кромки. Однако значительное снижение их себестоимости по сравнению с трехслойными обеспечило им широкое распространение.

Сварные технологические схемы широко применялись в производстве сельскохозяйственных орудий. Рабочие зоны серпов и кос также формировались при помощи продольной сварки боковых железных и центральной стальной полосы, продольной сваркой стальной и железных полос, наваркой стальной полосы на железную основу. Цельножелезные наральники усиливались наваркой дополнительных железных пластин на рабочие грани; чересла изготовлялись путем наварки упрочненных цементацией железных пластин на массивный железный черенок. Наварка стальных рабочих зон на железный корпус стала основным методом при изготовлении деревообрабатывающего, слесарного и других видов инструмента [Колчин, 1953; Гопак, 1976; Вознесенская, 1981].

Высокого мастерства достигли древнерусские ремесленники в изготовлении оружия. Хорезмийский ученый-энциклопедист аль-Бируни в трактате, написанном в 1048 г., ставит мечи русов в один ряд с прославленными булатными клинками восточных мастеров. Современные анализы клинков древнерусских мечей показали, что в основу изготовления клинков древнерусскими мастерами был заложен принцип сочетания твердых стальных лезвий, обеспечивающих максимальную эффективность удара, с пластичностью железной сердцевины клинка, препятствующей поломке оружия во время боя.

В производстве клинков широко применялась узорчатая сварка, при которой заготовка для основы клинка изготовлялась сваркой нескольких перекрученных полос с различным содержанием углерода. Это позволяло получать на лезвии после специального травления своеобразный узор. Среди исследованных Б. А. Колчиным девяти мечей из Гнездовских и Михайловских курганов в подобной технике изготовлены два клинка [1953]. О местном производстве древнерусских мечей свидетельствует надпись на одном из клинков имени мастера — «коваль Людота» или «Людоша» [Кирпичников, 1966]. Наварка стальных боковин на железную сердцевину пера, многослойная сварка и наварка стальных лезвий на железный корпус нашли широкое применение в производстве наконечников и боевых топоров [Колчин, 1953].

Высокой степенью совершенства отличалось древнерусское защитное вооружение, в первую очередь шлемы и кольчуги. Древнерусские шлемы IX—X вв. изготовлялись из соединенных заклепками железных пластин. Но уже в XI — начале XII в. появляются цельнометаллические шлемы, изготовленные из одного железного листа методом штамповки. Шлемы украшались пластинками из цветных и благородных металлов или чеканкой по железу [Колчин, 1953]. Особо высокое мастерство требовалось от мастеров-кольчужников, которые при изготовлении одной кольчуги использовали до 20 000 соединенных заклепками или сваркой железных колец диаметром 10—12 мм из проволоки толщиной 2—2,5 мм. Диаметр заклепки, соединявший концы колец, достигал 0,75 мм. Исследования показали, что проволока для древнерусских кольчуг, как и для славянских догосударственного периода (Волынцевский могильник), протягивалась из хорошо прокованного пластичного железа [Колчин, 1953; Гопак, 1976].

Орудия труда и предметы вооружения ковались целиком из стали. В Киеве найден прекрасно сохранившийся меч с богато инкрустированной золотом рукоятью и цельностальным клинком [Вознесенская, 1981]. Однако цельностальные изделия редки, еще реже встречаются цементированные предметы. Очевидно, цементация готовых изделий в древней Руси была распространена слабо из-за того, что неглубокий твердый цементированный

слой быстро изнашивался и орудие теряло рабочие свойства.

Некоторое количество орудий труда и предметов вооружения оказались цельножелезными. Очевидно, это наиболее дешевые кузнечные изделия.

Прочие виды продукции, не требовавшие высокой твердости и износоустойчивости, обычно ковались из кричного железа. Значительно реже применялась малоуглеродистая сталь. Качественная сталь здесь почти отсутствует за исключением случаев, когда ее применение вызывается необходимостью. Из качественной стали, в частности, изготовлялись древнерусские кресала. Нередко при изготовлении кресал ограничивались наваркой узкой стальной полоски на ударную площадку.

В предметах снаряжения всадника и верхового коня, в элементах одежды и украшений большое внимание уделялось декоративной отделке: чеканке, инкрустации цветными и благородными металлами, омеднению, серебрению, позолоте. Позолоченные шпоры найдены на Райковецком городище. Полностью золоченные и инкрустированные полусферическими медными заклепками шпоры обнаружены в Белгороде; инкрустированные серебром шпоры найдены в Мартыновке. Стремена со следами серебрения обнаружены в Нежине, с медной инкрустацией — в Кагарлыке, с серебряной — в Пешках. Всего же среди находок XII—XIII вв. известны 23 богато украшенных стремени. Тщательностью отделки и декором отличались древнерусские удила и другие элементы конской упряжи.

Изящество форм характерно для древнерусских калачевидных кресал, витых дверных ручек, выполненных в форме кольца, стилей-писал, браслетов, застежек, пряжек, фигурных булавок и других бытовых поделок. Высокого уровня профессионального мастерства требовало изготовление пружинных замков, имевших широкое распространение, о чем свидетельствует тот факт, что уже в XII—XIII вв. древнерусские замочники производили более десяти типов замков разнообразного назначения.

Технология. Свободная ковка. Древнерусские кузнецы прекрасно владели свободной ковкой железа и стали. Конструкция и формы изготовленных ими предметов хорошо продуманы и целесообразны, изделия профилированы, тщательно выполнены сопряжения их элементов, поверхность заглажена. Кузнецы умело применяли все известные им ковочные операции — осадку, вытяжку, протяжку, рубку, кручение, прошивку отверстий и пр. Все предметы ковались с применением нескольких кузнечных переходов, и технология их изготовления достаточно сложна. Количество примененных технологических операций в процессе ковки изделий различного назначения колеблется от 3 до 12. Если, к примеру, при изготовлении ножей, шильев, слесарных пробойников, зубил использовались сравнительно простые кузнечные операции протяжки, оттяжки, вытяжки, то в производстве изделий более сложной конструкции (втульчатых долот, калачевидных кресал, втульчатых наконечников копий) широко применялись операции гибки на оправке, прошивки отверстий, фигурной вырубки и т. д. Сложная технология применялась при изготовлении топоров, втульчатых тесел, серпов, кос. Значительного мастерства требовало изготовление клинков мечей, кольчуг, боевых топоров.

Особо высоким качеством в Южной Руси отличалась продукция кузнецов Киева, Чернигова, Переяслава и других городских центров. Именно в древнерусских городах обнаружено наибольшее количество высококачественных предметов из железа и стали. Здесь найдены золоченые и инкрустированные шпоры, а также сложные изделия, производство которых недоступно квалифицированным кузнецам-универсалам и требует четкой специализации ремесла.

Микроструктуры металла древнерус-

ских кузнечных изделий показывают, что кузнецы умели правильно выбирать наиболее оптимальный интервал ковочных температур, контроль которых мог производиться лишь визуально по цветам каления, то есть по цвету свечения раскаленного металла, который меняется при повышении температуры нагрева от темно-красного до ослепительно белого.

Кузнечная сварка. Кузнецы древней Руси применяли пять различных видов кузнечной сварки: технологическую, обеспечивающую соединение отдельных конструктивных элементов изделия (например, заварка втулки топора); получение «пакетного» металла; изготовление трехслойных и многослойных лезвий; изготовление двухслойных лезвий; наварку стального лезвия на железную основу.

Предметы из «пакетного» металла появляются на юге Восточной Европы еще в скифское время [Шрамко, 1963] и существуют здесь вплоть до начала древнерусского периода. Столь длительное существование «пакета» объясняется сложностью получения в древности больших цельностальных заготовок и высокими рабочими свойствами откованных из «пакетного» металла изделий. К конце I тыс. н. э., по мере совершенствования древнерусской техники производства стали и увеличения объема ее выпуска, трудоемкий и недостаточно качественный «пакетный» металл вытесняется менее трудоемким — трех- и двухслойными сварными. Они являлись непосредственными преемниками «пакета», отличаясь от последнего лишь уменьшением числа и увеличением размеров свариваемых полос.

Техника кузнечной сварки заключалась в соединении заготовок, нагретых до пластичного состояния, в единое целое путем применения внешнего давления. Выполнение кузнечной сварки требовало высокой квалификации исполнителя. Необходимо было недопустить пережога или недогрева металла под сварку, обеспечить возможно более частыми, вначале слабыми, а затем сильными, ударами равномерность качества сваривания всех поверхностей, выбрать правильный способ сварки (внахлест, вразруб, встык, врасщеп) и т. д.

Цементация. Глубокая цементация готовых железных изделий использовалась редко. Одновременно, как уже говорилось, она служила основным способом получения стали. Кроме глубокой цементации, на Руси, возможно, существовал и ускоренный метод неглубокой цементации. Суть этого процесса заключается в посыпании или обмазке нагретого изделия специальными присыпками или пастами с последующей закалкой в воде. В результате такой обработки на поверхности предмета образуется очень неглубокий (до 0,2 мм), но твердый слой.

Не исключено, что часть цельножелезных древнерусских изделий упрочнялась именно так. Однако к настоящему времени тонкие цементованные зоны уничтожены коррозией. В частности, применение ускоренной цементации можно предположить для раннеславянских и древнерусских наконечников стрел, большинство которых отковано из кричного железа низкой твердости. Многие из них сохранили остатки неглубокого поверхностного науглероживания и даже мелкие участки закаленной структуры. В таком случае «каленые стрелы» «Слова о полку Игореве» и других дневнерусских источников находят свое естественное объяснение.

Термическая обработка. Подавляющее большинство древнерусских стальных изделий для придания высокой твердости подвергалось термической обработке. На практике применялись четыре вида термической обработки стали: полная закалка всего изделия путем его нагрева и последующего охлаждения в холодной воде: местная закалка, при которой в воде охлаждалась только рабочая часть нагретого предмета; местная закалка с самоотпуском, во время которой

предмет охлаждался в воде частично, после чего оставшееся в металле тепло производило отпуск закаленной части; отпуск закаленных изделий, заключавшийся в их дополнительном нагреве после закалки от 150 до 680 °С, для снижения их твердости и уменьшения хрупкости [Гопак, 1976].

В большинстве случаев древнерусские стальные предметы подвергались вначале закалке, а затем отпуску. Некоторые из них были только закалены. Местная термическая обработка применялась значительно реже. Чаще всего ей подвергались изделия X—XI вв., найденные на памятниках бассейна среднего течения Южного Буга. Здесь местной закалке и местной закалке с самоотпуском подвергалось более половины термически обработанных предметов [Гопак, 1976].

Изредка встречаются древнерусские изделия с так называемой мягкой закалкой. В этом случае нагретый предмет подвергался охлаждению в «мягкой» закалочной среде, обеспечивающей невысокую скорость охлаждения. В качестве такой среды могли применяться растительные масла или животные жиры. Изделия с мягкой закалкой обладают хорошими механическими свойствами. Однако широкого распространения в древней Руси они не получили.

Особенности микроструктуры термически обработанных изделий позволяют утверждать, что нагрев под закалку велся в большинстве случаев до светло-вишневого и красного цвета каления (780—900 °С). Контроль температуры производился визуально. Нагрев во время отпуска мог определяться главным образом по цветам «побежалости», то есть по изменению цвета светлой зачищенной поверхности металла при подъеме температуры до 330 °С. Следовательно, можно говорить, что древнерусская технология обработки железа и стали отличалась сложностью, продуманностью, многообразием приемов и операций, обусловивших высокое качество кузнечных изделий древней Руси.

Изучая развитие городского и сельского ремесла на Руси, Б. А. Рыбаков установил, что сельское ремесло отличалось от городского большей примитивностью технологии, более низким качеством и узостью ассортимента продукции [1948]. В кузнечной продукции всех древнерусских территорий встречаются качественные и некачественные изделия.

К первой группе относятся многие орудия труда и предметы вооружения: ножи, ножницы, серпы, топоры, мечи, шлемы, кольчуги и т. д. К этой же группе принадлежат и изделия, покрытые цветными и благородными металлами, или инкрустированные предметы снаряжения всадника и верхового коня, кресала, замки и т. п. Все они изготовлены в сложной технике, доступной лишь высококвалифицированным профессионалам в условиях специализации производства. Обычные или некачественные предметы не требовали столь высокой квалификации.

Сравнение качественных изделий, найденных в древнерусских городах с аналогичными предметами сельских курганов и селищ, показало, что для тех и других характерны как единообразие форм, так и одинаково сложная технология изготовления, доступная лишь специализированным отраслям кузнечного ремесла. Последнее совершенно исключает труд сельского кузнеца-универсала, который просто не в состоянии был изготовить весь ассортимент кузнечной продукции от гвоздя до стального лезвия косы с одинаково высоким качеством. Таким образом, главным поставщиком качественных кузнечных изделий как для города, так и для деревни могло быть только специализированное кузнечное ремесло древнерусских городов или ремесленных поселков. Примером такого поселка может быть Райковецкое городище — пограничная крепость, гарнизон которой занимался ремеслом для сбыта продукции окрестному сельскому населению. Отметим, что здесь

найдено более 100 серпов, часть из которых хранилась связками в кузнеце.

Для свободных кузнецов древнерусского города, проживавших на городских посадах, ремесло давно уже превратилось в основной источник существования. Благосостояние их семей зависело от реализации произведенной ими продукции. Только после продажи кузнец мог приобрести продукты сельского хозяйства и необходимые изделия других ремесленников. Постоянный рост торгового рынка и увеличение спроса на железные изделия не только сельским, но и городским населением вынуждает посадских кузнецов изыскивать пути удешевления производства. Они направляют усилия на совершенствование технологии и инструмента, внедрение более рациональных технологических схем изделий.

В настоящее время выделено 16 различных кузнечных специальностей, 12 из которых упоминаются в письменных источниках XI—XV вв.: кузнец (универсал), серповик-косник, секирник (топорник), ножовник, инструментальщик, оружейник, бронник, шлемник, щитник, стрельник, гвоздочник, удник, булавочник-колечник, изготовлявший украшения, уздник, мастер по изготовлению весов, замочник [Колчин, 1953]. Специализация способствует дальнейшему подъему технического уровня городского железообрабатывающего производства, достигшего в первой половине XIII в. очень высокого для своего времени уровня технического и социально-экономического развития.

Наряду со свободными кузнецами городских посадов при княжеских и боярских усадьбах существовали и зависимые от феодалов вотчинные кузнецы. В отличие от посадских кузнецов, работавших на свободный рынок, они выполняли главным образом заказы своих господ. По уровню мастерства вотчинное ремесло не отличалось от городского. Функции сельских кузнецов-универсалов ограничивались в основном изготовлением более простых железных изделий, необходимых сельскому населению, и ремонтом инвентаря.

Как видим, высокоразвитое кузнечное ремесло Южной Руси не возникло внезапно и не принесено на древнерусские земли извне. Оно явилось результатом длительного и сложного развития восточнославянской железообработки и основано на многовековом опыте, технологических традициях и технических достижениях славянских кузнецов догосударственного периода. Сказанное убедительно подтверждается общностью форм и размеров раннеславянских и древнерусских кузнечных изделий, однотипностью кузнечного инвентаря, близостью технологических схем и приемов изготовления продукции и прочими аспектами техники и технологии [Гопак, 1976].

Ювелирное ремесло

Ювелирное ремесло, являющееся основой прикладного искусства Киевской Руси, высоко ценилось современниками. В манускрипте Теофила, ювелира и художника, жившего и работавшего в Бенедиктинском монастыре Гельмерсгаузен, во вступлении читаем: «...что в тщательности эмалей или разнообразии черни открыла Туска...». Б. А. Рыбаков полагает, что под «Туска» подразумевается Руссия, то есть Русь [1948, с. 393]. Норвежские конунги в первой половине XI в. поручают купцам покупать на Руси предметы роскоши, в том числе мастеров-торевтов: «...летом Гудлейк отправился в Восточные страны, побывал в Хольмгарде (то есть в Новгороде.— *Авт.*) и купил там драгоценных тканей для праздничных нарядов, дорогие меха и роскошную столовую утварь...» [Снорри Стурулсон, 1980].

Памятники ювелирного искусства Киевской Руси давно привлекают внимание исследователей. Впервые обобщил данные о ювелирных изделиях в

конце XIX в. Н. П. Кондаков. Именно ему принадлежат подробные описания и тщательный анализ русских кладов, а также атрибутация произведений древнерусских мастеров [Кондаков, 1896]. Новым этапом в изучении ювелирного ремесла стала монография Б. А. Рыбакова «Ремесло Дневней Руси», где серьезное внимание уделено технологии производства, мотивам орнамента, социальной организации ремесла. Несостоятельность представлений о примитивности древнерусского ювелирного ремесла можно считать доказанной [1948; 1953]. В последующих исследованиях Б. А. Рыбаков раскрывает семантику изображений на различных категориях украшений [1968; 1969].

Важную источниковедческую работу выполнила Г. Ф. Корзухина по материалам древнерусских кладов. Исследовательница наметила локальные и хронологические отличия отдельных типов украшений, определила основные этапы развития женского парадного убора, а также орнаментального декора древнерусского оружия [1950; 1954]. Типологической классификации металлических украшений сельского населения Руси, позволившей наметить пути их датировки, локальные особенности и эволюцию типов, посвящен коллективный труд сотрудников Государственного исторического музея [Труды ГИМ, вып. 43]. Сведения о древнерусском оружии, снаряжении всадника и верхового коня приведены в монографиях А. Н. Кирпичникова [1966; 1973]. Важным звеном в изучении ювелирного ремесла является составление каталога изделий с перегородчатой эмалью, в результате чего выявлены школы эмальерного дела Руси [Макарова, 1975]. Опорной работой для датировки украшений служит свод ювелирных изделий Новгорода [Седова, 1981].

В 60—70-е годы на территории Киева были проведены масштабные археологические исследования [Новое в археологии Киева, 1981]. Работы Киевской экспедиции ИА АН УССР не только дополнили представления о ювелирном ремесле Киева [Каргер, 1958], но в ряде случаев и изменили их.

В эти же годы появились монографические исследования памятников византийского [Банк, 1966; Даркевич, 1975], западноевропейского [Даркевич, 1966], восточного [Даркевич, 1976] искусства, способствующие успешному решению основных проблем истории древнерусского ювелирного ремесла. Для понимания системы организации ювелирного производства важным вкладом являются исследования по истории Киева и южнорусских земель [Толочко, 1980], древнерусского стеклоделия [Шапова, 1972], архитектурных школ [Воронин, Раппопорт, 1979]. Технологические исследования новгородских и южнорусских ювелирных изделий помогают выделить хронологические этапы сложения и развития местных традиций [Рындина, 1963; Коновалов, 1969; Орлов, 1983].

Источниками для изучения приемов художественной обработки металла являются клады и находки ювелирных изделий в культурном слое сельских поселений, городов, в курганах. Известно литье по восковой модели с сохранением глиняной формы и с ее потерей. Примером литья по восковой модели служат наконечники пояса из погребения возле Десятинной церкви [Рыбаков, 1948, с. 248]. Известно сочетание двух плоских восковых моделей, применявшихся для отливки боевых гирь (кистеней), змеевиков. Для производства некоторых типов поясных украшений применялось литье в глиняные формы, полученные путем оттиска готового изделия [Орлов, 1983].

Подобным способом изготавливались некоторые кресты-энколпионы. Высшим достижением древнерусского литья по восковой модели являются киевские хоросы [Каргер, 1958].

В южнорусских городах найдено большое количество каменных литейных форм для отливок височных ко-

лец, *браслетов, колтов, крестов-энколпионов* и т. п. Формы изготовляли из сланца, особенно пирофиллитового, реже — известняка. Наиболее ранние двусторонние формы для массового производства наременных украшений, подвесок (в том числе лунниц), датируемые второй половиной X — началом XI в. найдены в Киеве, под Черниговом, Плесневском [Гупало, Ивакин, 1980]. Формы имитационного типа для воспроизведения зерни, скани на колтах, а также гравировки на браслетах, тиснения появляются в середине XII в. [Седова, 1978].

Одним из наиболее распространенных приемов обработки изделий была чеканка в сочетании с дифовкой, гравированием с последующим золочением или чернением. К образцам плоскорельефной чеканки относятся оковки ритонов из Черной Могилы. На оковках и браслетах рисунок выполнен гравированием, а фон выделен золочением или чернением. Некоторые рукояти мечей (Киев, Карабчиев), наконечников ножен выполнены в сложной и богатой приемами технике, когда применялась дифовка, чеканка, таушировка, чернение, золочение, гравирование и различные слесарно-сборочные работы. Известны приемы тиснения, зерни, скани [Рыбаков, 1948].

Источником для изучения технологии производства является инструментарий ювелира из погребения Пересопницкого могильника: весы, наковаленка, молоток, бронзовые матрицы для изготовления украшений с зернью [Мельник, 1901; Корзухина, 1954]. Другим важным источником являются мастерские по производству украшений, открытые на горе Замковой, в усадьбе Петровского, в усадьбе художественной школы, на территории Михайловского Златоверхого монастыря, на Подоле [Каргер, 1958; Гупало, Ивакин, 1980] в Киеве, а также в Вышгороде, Райках и других городах Руси.

Данные, характеризующие ювелирное ремесло VIII—IX вв., немногочисленны.

На Григоровском поселении VIII—X вв. рядом с железоплавильными печами найдены тигли для цветных металлов [Ляпушкин, 1968]. Тигли и льячки обнаружены в раннем слое Плесневска, на поселениях VI—IX вв. Новотроицкое, Зимнее и Городок, о. Митьковский, Самчинцы. Глиняные и каменные формочки, а также остатки мастерских известны в Зимном, Городке, на о. Митьковском, в Самчинцах. Крупным ювелирным центром было Пастырское городище. Литой поясной набор мартыновского типа найден в лепном горшке на территории Пеньковского поселения в с. Вильховчик Черкасской области [Приходнюк, 1980]. На поселении возле с. Великие Будки Сумской области открыт клад «антского» облика, в состав которого входили отходы производства, сырье и готовые изделия [Романова, 1983]. Ювелирные мастерские, формочки и льячки обнаружены на поселениях Ревное, Черновцы, Добриновцы, Посудичи, Курган Азак, Волынцево, Опошня.

Некоторые из поселений со следами литейного производства различных украшений являлись административно-хозяйственными центрами сельской округи. Большое городище у с. Горналь возникло как племенной центр из 18 небольших неукрепленных поселков. Одним из признаков определения поселения как раннегородского служат льячки, тигли, отходы меднолитейного производства, литейные формы [Куза, 1981]. На Каневском поселении найден не только литейный брак (лунница), но и глиняная форма для производства сережек с имитацией подвески-стержня, на которую нанизаны бусины. Такие сережки салтовского «восточного» типа известны в Хазарии, в инвентаре верхнекамских могильников, где датируются концом VIII—IX в.; они изображены на согдийских блюдах в сценах царского пира. О местном производстве сережек великоморавского (нитранского) типа говорит находка двух

одинаковых сережек, но выполненных в различных литейных формах, найденных на поселении Монастырек (возле Зарубского брода через Днепр) [Максимов, Петрашенко, 1980].

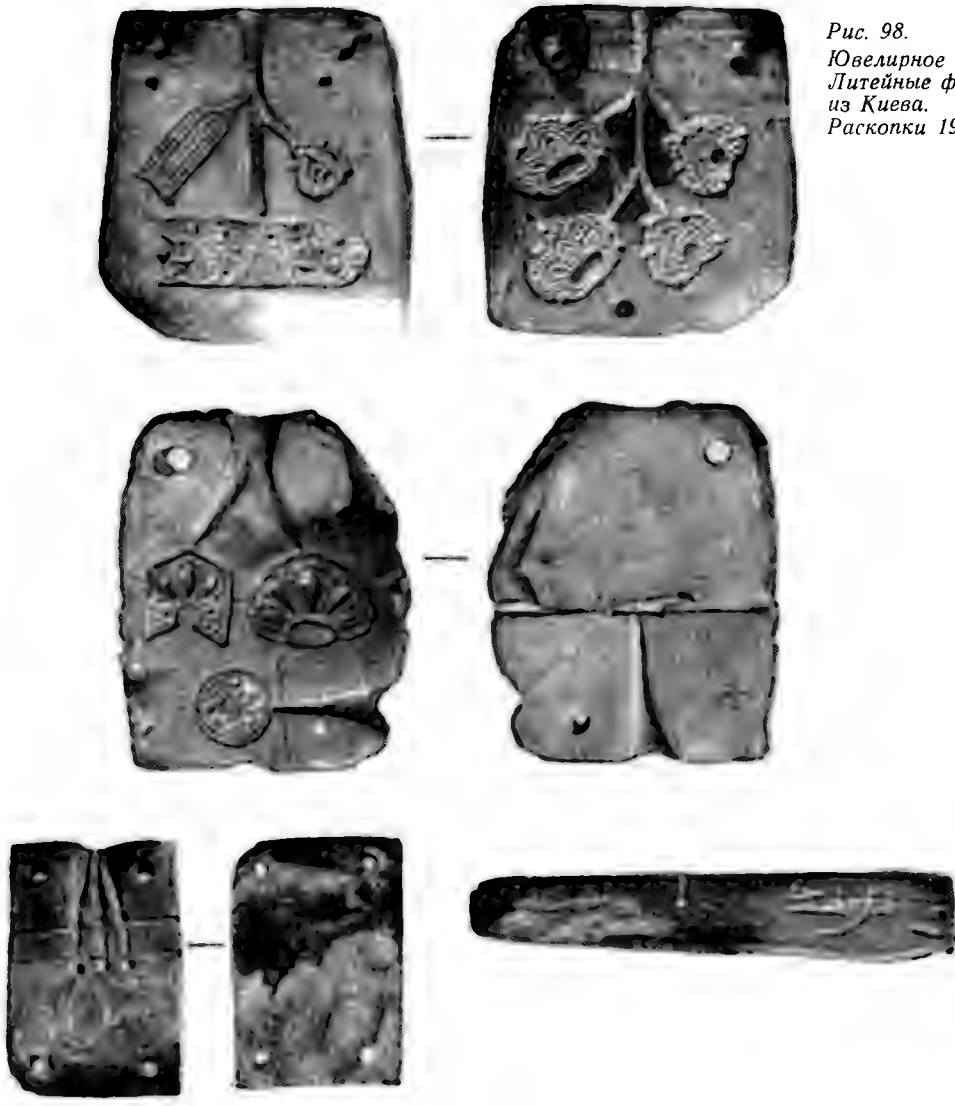


Рис. 98.
Ювелирное ремесло. Литейные формы X в. из Киева. Раскопки 1975 г.

Гораздо отчетливее вырисовываются ремесленные традиции мастеров Волыни — тисненые (полые) серьги, бусы, пуговицы, перстни, медальоны, декорированные мелкой зернью. Здесь имеются и массивные кованые и витые гривни и браслеты. Особенностью волынских ювелирных изделий является набор стилистически единых украшений: ожерелье из лопастных бус, лунниц, медальонов, серег с бусинами и свисающей подвеской сложной конструкции (так называемые височные кольца волынского типа). В XI в. изделия данных типов постепенно исчезают [Корзухина, 1954]. Ближайшей аналогией волынским вещам (Копиевский, Юрковицкий, Боршеевский клады) является Гнездовский клад 1868 г. Происхождение волынской

школы не совсем ясно. Г. Ф. Корзухина высказала предположение, что подобные украшения появились под воздействием традиций Польши и Чехии. В настоящее время после публикаций памятников ювелирного искусства Великой Моравии их связь с ремесленной традицией Волыни очевидна [Dekan, 1976].

Великоморавские типы украшений прослеживаются не только на Волыни, но и на Днепровском Левобережье в специфически славянских деталях головного убора — височных кольцах. Известно, что спиралевидные кольца характерны для союза племен северян, а семилучевые — для радимичей. Однако наиболее ранние пятилучевые кольца с ложнозернистым орнаментом, широко распространенные на Левобережье в IX — первой половине X в., имеют прототипы на западнославянской территории среди великоморавских ажурных украшений.

Намного сложнее определить ремесленную традицию Киева и Среднего Поднепровья. На памятниках VIII — IX вв. найдены бляшки и серьги салтовского типа, литейная форма для серег восточного типа [Мезенцева, 1965], серьги нитранского типа. В Киеве обнаружены височные кольца волынского типа, изделия ювелиров из Прибалтики и Скандинавии [Орлов, 1983б]. Эти изделия немногочисленны, и несмотря на специфику использования «модных» украшений, приведшую к отказу от традиционных украшений, не определяют местной традиции [Орлов, 1979]. Г. Ф. Корзухина на материалах кладов пришла к выводу, что в Киеве и Среднем Поднепровье в X — XI вв. изготовлялся мужской убор, состоящий из массивных золотых кованых вещей. Прежде всего это браслеты, кольца, а позднее — шейные гривны (главным образом, из серебра) [Корзухина, 1954]. Браслеты изготовлялись из круглой или граненой проволоки с обрубленными концами, а также витые с завязанными концами (Киевский клад, 1899 г.). В большом количестве встречены шейные гривны (Мироновский клад). Они делятся на несколько типов: 1) редкого плетения тонкая проволока, замок — два крючка или крючок с петлей; 2) пластинчатые полые, замок — небольшие крючок и петля, прикрытые розеткой на шарнире; 3) витые полые, замок — два крючка; 4) витые из нескольких пар проволоки, замок — два крючка или крючок с петлей. Последний тип наиболее распространен на Руси в XII—XIII вв. как и тип браслета с миндалевидным наконечником, декорированным чернью. Изредка встречаются перстни, серебряные тисненые медальоны, поясные накладки (Черниговский клад).

Ремесленная традиция Среднего Поднепровья определяется по металлическим деталям костюма, включающего снаряжение всадника и боевого коня, оружию и типу посуды, связанной с дружинным бытом и ритуалом. Исследователи неоднократно отмечали международный синкретизм такого костюма, сложную сеть влияний и заимствований [Кирпичников, 1973]. Особенно показательны листовидные бляшки из погребений в Киеве, Чернигове, Табаевке, Шестовиц, украшавшие сбруйные ремни. Конструктивно они восходят к типам сбруйных украшений Средней Азии VI—VIII вв., а позднее известным в салтовской культуре [Орлов, 1981]. Мотивы пальметт и отдельные детали (черта с кружком, штрихованные части лепестков, пуансонный фон) свидетельствуют об общих с венгерскими украшениями истоках орнаментального декора. Стилистические особенности данной группы украшений говорят о местном развитии среднеднепровской художественно-ремесленной традиции. Изготовлены эти украшения во второй половине X в.

Более определенно о влиянии восточных мастеров на древнерусских ремесленников-ювелиров, обслуживавших дружинную верхушку, свидетельствуют находки на Подоле в Киеве литейных форм для производства на-

ременных украшений. Они изготовлены из местного пирофиллитового сланца. На торцевой части одной из них имеется арабская надпись [Гупало, Ивакин, 1980]. Декор состоит из мотивов многолучевой звезды и трех-, пяти- и семилепесткового цветка. Подобные мотивы известны ювелирам Венгрии, Прикамья, Поволжья, но наиболее близкие им аналогии в Шпилевском кладе и могильнике Бирки. Они убедительно свидетельствуют о распространении наременной гарнитуры с юга на север во второй половине X в. по пути «из варяг в греки». Бляшки с мотивом многолучевой звезды изготовлялись в литейной форме (одна найдена под Черниговом), а готовая продукция встречена в погребениях Киевского и Шестовицкого могильников.

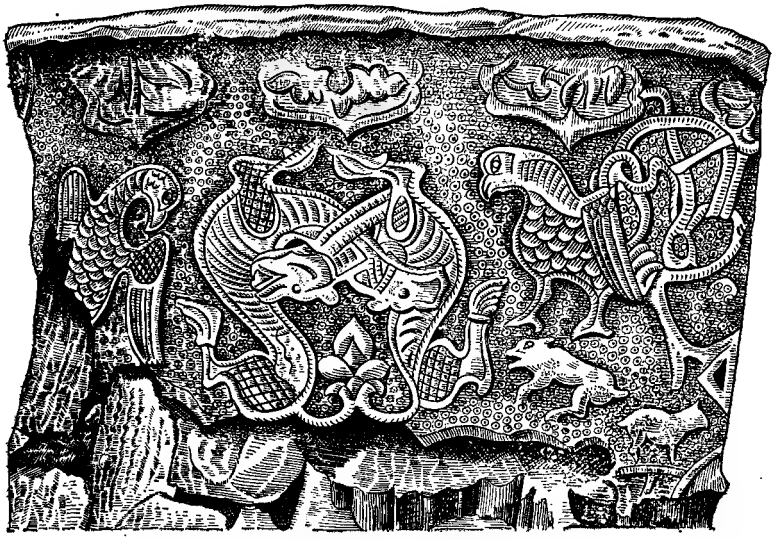


Рис. 99.
Оковка турьего рога из кургана Черная Могила в Чернигове.

Декор листовидных сбруйных бляшек своеобразно проявился в виде отдельных элементов мотива цветка на бляшках других типов из Чернигова, Табаевки, Шестовиц: пуансонный фон, черта с кружком, штрихованные части стеблей. Украшения отливались в глиняных формах, каменных двустворонних формах, составленных из отдельно изготовленных частей. Применялась ташировка, гравирование, золочение. Специфика производства характеризуется рецептурой сплавов, определенных методом спектроанализа. Применялись в основном сплавы на основе меди с лигатурой олова и свинца, многокомпонентные сплавы, реже — латунь или цинк со свинцом. Рецептура сплавов отличает украшения Среднего Поднепровья от ювелирных изделий Новгорода, Прибалтики, Скандинавии (X—XI вв.).

Приведенные факты свидетельствуют о возникновении в первой половине X в. в Киеве и Среднем Поднепровье местной школы художественной металлообработки наременных украшений и, возможно, оружия, посуды, опирающейся на традиции восточного ремесла.

Массовость украшений данного региона с характерными мотивами цветков на пуансонном фоне, штрихованными частями лепестков и стеблей служит серьезным аргументом в пользу местного происхождения ритонов из Черной Могилы. Иконография отдельных образов оковок указывает на разные источники заимствования: ближневосточные (грифоны), скандинавские (волки или барсы, плетение), венгерские (грифоны в сопоставлении

с грифонами на чашах из с. Бездеда и стн. Веселовской). Из этого, вероятно, не следует делать вывод, что данная вещь свидетельствует о «гибридном» характере художественной культуры Руси X в. Скорее, данный памятник позволяет увидеть, с какими регионами контактировала княжеско-дружинная верхушка молодого государства.

Методически верным является отношение к торевтике молодых государств

средневековой Восточной Европы, в том числе и Руси, сформулированное Б. И. Маршаком: «...более или менее случайно отобранные... мотивы многократно тиражировались и приобретали своего рода геральдическое значение, переосмысляясь как отличительные признаки возникающей государственной культуры. Вскоре подражаний становится меньше, а на базе отобранных мотивов начинается самостоятельное развитие» [Маршак, 1976].

Территория каждой земли, входившей в состав Русской земли, определяла масштаб социальных и сырьевых источников ювелирного ремесла.

Обратим внимание на куфические монеты, проникавшие в область левых притоков Днепра на Сейм, Сож, Десну по южному хазарскому пути. В. Л. Янин и В. В. Кропоткин приводят данные об 11 кладах дирхемов начального периода обращения (до 833 г.), ареал которых охватывает земли северян, радимичей, вятичей.

На поселениях роменской культуры известны находки небольших кладов, по-видимому, сельской старшины (Новотроицкое — клад из 10 оммеядских дирхемов (младшая — 818—819 гг.) в одном горшке с украшениями и ломом. Здесь монеты использовались в качестве сырья для ювелирных изделий. Химический состав монет из Горнальского городища, бывшего, по мнению А. В. Кузы, местным племенным центром, а также металла из тигля Переверзевского II городища (Курская область) указывает на идентичный состав и доказывает использование дирхемов для сырья. На исследованном А. А. Узяновым поселении возле с. Жерновец сохранившийся сплав из тигля показывает пониженное в сравнении с дирхемами содержание серебра (50%) и меди (45%). Такое соотношение близко металлу украшений из постройки Горнальского I городища — семилопастных височных колец и почти совпадает с металлом браслетов с расширяющимися концами.

Сплав типа биллона использовался северянскими ювелирами и в XI—XII вв. Об этом свидетельствуют данные спектрального анализа ювелирных изделий из могильника возле с. Липовое — среднее содержание серебра составляло 57%.

Примеры соответствий между типами украшений и химическим составом сплавов можно привести во множестве, но общая картина останется неизменной. Среднее Поднепровье входило в зону обслуживания княжеской дружины во время ежегодных полюдий первых киевских князей, где формировались все особенности древнейшей школы художественной металлообработки.

С рубежа X—XI вв. декор ремесленных изделий обогащается новыми мотивами. Появляются меандровые завитки (наконечник ножен из погребения возле Десятинной церкви в Киеве, поясной набор из Городца на Волыни), каннелированный или инкрустированный фон (лировидные пряжки). К изделиям данной школы относятся перекрестия сабель из Гочева и Княжей Горы, перекрестье меча из Киева. На последнем орнаментальный декор состоит из двойного ряда пальметт в петлевидном плетении. Наиболее ярким памятником среднеднепровской школы первой половины XI в. является рукоять меча из Карабчиева [Кирпичников, 1966]. Необычно богатый растительный орнамент (гравирование и чернь) свидетельствует об активном использовании ювелирами византийских образцов.

Древнерусский экспорт деталей оружия и наременных украшений оказал сильное влияние на скандинавскую орнаментику, что в дальнейшем привело к преобразованию местного звериного стиля в декор с мотивами растительного орнамента [Кирпичников, 1966]. Среднеднепровской художест-

Рис. 100. Ювелирное ремесло. Изделия из Киева XII—XIII вв.: *1—4, 8 — браслеты, височные кольца и колты; 5—7 — литейные формы.*

венно-ремесленной традиции XI в. отвечают сбруйные наборы из Северо-Западного Причерноморья, найденные в погребениях торко-печенежской знати. Они, как и наборы из Среднего Поднепровья, имеют каннелированный фон и выступающий контурный черневой рисунок, близкие мотивы пальметт в ленточном плетении. Возможно, некоторые из наборов типа Гаевки—Сарайлы—Кият были выполнены на Руси.

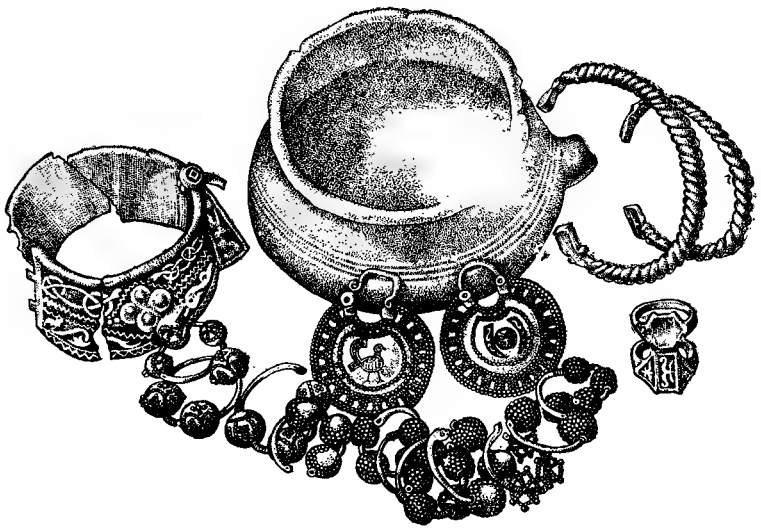


Рис. 101.
Ювелирное ремесло.
Клад 1955 г. из Киева.

Погребения XII—XIII в. почти не содержат произведений ювелирного ремесла, поэтому развитие парадного убора можно проследить на материалах кладов, спрятанных в период между 1170 г. и 1240 г. Клады представляют собой гарнитуры парадных или повседневных уборов княгинь и боярынь. Такой убор состоял из венца, по бокам которого на цепях (ряснах) спускались колты — чечевицевидные подвески из бус, золотых плетеных гривен, медальонов. Форма традиционных гривен и браслетов почти не меняется. Увеличивается количество золотых украшений новых типов с перегородчатой эмалью, драгоценными камнями, сканью.

В первой половине XI в. в Киеве под влиянием греческих мастеров появляется первая эмальерная мастерская. По мнению Т. И. Макаровой, базой для дорогого и сложного производства служили вотчинные княжеские мастерские и монастыри. Их изделия весьма разнообразны: колты, рясны, диадемы, бармы, напрестольные кресты, пластины церковных облачений, пластины окладов книг и икон и т. п. Наиболее известной категорией украшений являлись колты — часть головного убора древнерусской женщины, состоящая из двух спаянных пластин. Известны колты с изображениями сиринов, грифонов, птиц и древа жизни, святых с многолучевой каймой. С колтами конструктивно связаны рясны — круглые и квадрифольные. На них изображены птицы, геометрический орнамент. Наиболее интересными изделиями с эмалью являются диадема из с. Сахновка со сценой вознесения Александра Македонского и диадема из Киева с деисусом. Они состоят из семи килевидных киотцев, выполненных с большим мастерством, и датируются XII в. [Макарова, 1975]. Бармы представляли единую композицию из деисуса или патрональных святых. Диадемы и бармы являлись регалиями древнерусских княгинь [Толочко, 1963].

Значительную коллекцию вещей с

эмалью составляют пластины от окладов книг и икон (оклад Мстиславова евангелия), пластины церковных облачений (митрополита Алексея), кресты-энколпионы. Замечательным произведением ювелирного ремесла был напрестольный крест Евфросиньи Полоцкой второй половины XII в., сохранивший имя киевского мастера — Лазаря Богши.

Рис. 102. Ювелирное ремесло. Золотые украшения с эмалью из Киева.

Для киевской эмальерной школы характерны суховатая геометрическая манера выкладывания перегородок, стремление к замкнутым фигурам. К произведениям этой школы относятся Каменнобродская гривна и медальоны с деисусными композициями (епитрахиль митрополита Алексея). Возможно, своеобразие колтов из Чернигова и эмалей из Любеча свидетельствует о существовании в этих городах собственных мастерских. В XII в. эмальерное дело выходит за пределы Среднего Поднепровья. Так, в частности, в Рязани продолжают развиваться традиции киевской школы. Для киевской школы характерна устойчивая гамма цветов — синий, красный, бевый, светло-зеленый и вытеснившие зеленый — желтый и бирюзовый. По мнению Т. И. Макаровой, для новгородских эмалей, развивающих традиции иной, греческой школы, характерно стремление к чистым, насыщенным тонам.

В XII—XIII вв. на Руси создается стилистически единый убор из тех же типов украшений, что и золотые с эмалью, но из серебра с чернью. Наиболее яркими изделиями являются колты (звездчатые, круглые с ажурной каймой или из бус, шариков, без каймы), серьги с тремя бусинами (ажурными, сплошными, с зернью или сканью), дужки («аграфы»), височные кольца, гривны, ожерелья из бус и подвесок, цепи (плетеные, из полых бляшек, из колец), браслеты с мотивами растительного и геометрического орнамента, с изображениями птиц, людей, зверей, витые браслеты (с черненными наконечниками), перстни, чаши и т. п. При декорировании применяется чернение, зернь, скань, рубчатая проволока, полые колпачки и пр. Такие изделия найдены в кладах (территория Михайловского Златовер-

хого монастыря в Киеве, на Княжьей Горе и др.), зарытых между 70-ми годами XII в. и 1240 г. Найденные в кладах браслеты-наручи относятся к трем группам по географии распространения: киевской, галичской и владимирской [Рыбаков, 1948]. Группы отличаются друг от друга сюжетами и стилем орнаментики.

Для всех деталей парадного костюма знатных горожанок характерна виртуозность исполнения, что позволяет говорить о том, что изготовлены они высококвалифицированными придворными ювелирами. Именно перечисленные типы украшений воспроизводились в имитационных литейных формах. Наиболее интересные образцы обнаружены в тайнике под развалинами Десятинной церкви [Каргер, 1958]. Широко известна литейная форма с именем мастера «Макосимов» для производства сережек, имитирующая зернь и скань (около Десятинной церкви). Находка в Серенске литейной формы с надписью «Максима» может свидетельствовать о переезде мастеров-ювелиров для выполнения заказа на большие расстояния [Медынцева, 1978].

Особой отраслью древнерусского ювелирного ремесла было изготовление литых нательных крестов, амулетов-змеевиков, крестов-энколпионов, медальонов с изображениями святых и христианской символики. Возможно, часть такой продукции изготовлялись в монастырских мастерских, а прототипом служили произведения византийских ювелиров [Корзухина, 1958]. Среди крестов-энколпионов следует упомянуть известный тип с обращением к Богородице, изготовляемый в Киеве в начале XIII в., и не менее распространенный тип борисоглебских рельефно-черненых энколпионов XII в.

Наименее изучены вопросы об организации городского ювелирного производства. Местонахождение мастерских вблизи княжеских дворцов или на территории боярских усадеб свидетельствует об их вотчинном характере. Анализ продукции позволяет уточнить характер социальной организации ремесла: мастера-ювелиры поставляли на широкий рынок «имитационные» копии изделий, выполненные по индивидуальному заказу. Б. А. Рыбаков и Т. И. Макарова считают, что стеклоделательные и эмальерные мастерские также были вотчинными. Исследование художественной металлообработки в южнорусских городах свидетельствует о том, что базой для расцвета ювелирного ремесла начиная с X в. было формирование княжеского вотчинного хозяйства и государственной земельной собственности княжеско-дружинной верхушки Руси.

Деревообрабатывающее, косторезное и другие ремесла

Деревообрабатывающее ремесло. Дерево использовалось в качестве строительного материала, для изготовления столовой посуды, тары (бочки, чаны), транспортных средств (телег, лодок), мебели, конского снаряжения и доспеха. Для XI—XIII вв. мы располагаем сведениями о плотниках и столярах из письменных источников [Рыбаков, 1948], в которых называются древоделы (плотники), тесляры (столяры), огородники (специалисты по крупным постройкам). Инструменты для обработки дерева упоминаются в летописи. Они найдены при раскопках в постройках X—XIII вв. В киевском «жилище художника» обнаружен набор инструментов: топор, сверло, скобель, резец, кирка [Каргер, 1958, с. 469]. Кроме того, известны тесла, пилы, долота, сверла (перовидные и спиральные), стамески, резцы, фигурные ножи, лучковые циркулярные резцы — все они изготовлялись из высокоуглеродистой стали с последующей закалкой [Колчин, 1971].

В культурном слое южнорусских городов деревянные изделия сохраняются плохо. Лучшие образцы изделий найдены в Новгороде, Ладоге, Пскове. Исключение составляет коллекция де-

ревянных изделий из увлажненного слоя Подола в Киеве, представленная несколькими категориями [Новое в археологии Киева, 1981]. Для обработки использовалась древесина липы, сосны, дуба, яблони, самшита, можжевельника и др. Применялось несколько видов резьбы: контурная, выемчато-трехгранная, плоскорельефная, прорезная.

В хозяйстве использовалась бондарная посуда, известная по курганным погребениям дружинников (Киев, Чернигов, Шестовицы). В Черной Могиле найдены дужки и обручи от 12 ведер, в которых хранились мед или вино [Рыбаков, 1949]. На Подоле обнаружены бочонок, берестяные коробы, лукошки, туес, плетеные корзины [Новое в археологии Киева, 1981]. Нередки находки выточенной (выполненной на токарном станке) посуды — миски и чаши. Чаши на поддонах обнаружены в тайнике под Десятинной церковью, в раскопе на Житном рынке, где встречены и ковши с ручками [Каргер, 1958, с. 469; Толочко, Гупало, Харламов, 1976, с. 42]. Ковш с длинной изогнутой ручкой найден в раскопе на Красной площади в Киеве [Гупало, Толочко, 1974, с. 75]. Некоторые деревянные чаши предназначались для дружинных пиров, о чем свидетельствует тематика изображений на чашах из Новгорода и Ростиславля [Колчин, 1971; Алексеев, 1974]. Следует назвать ложки, одна из которых найдена в «жилище художника», и миску, обнаруженную в усадьбе на Красной площади.

В Киеве на Подоле встречены и другие категории изделий: лопаты, балясина и причелина, остатки колеса с дубовыми спицами, колотушки-вальки, полоз от саней, заготовки деталей, детские игрушки. Основная масса деревянных изделий из Киева имеет прямые аналогии в новгородских древностях. В последние годы уникальные находки деревянных изделий сделаны на территории северо-восточного пригорода Звенигорода Львовской области. Здесь обнаружены законсервированные в слое торфа деревянные постройки, посуда, орудия труда и быта. Найдены точеные миски, тарелки, макогоны, ложки, молоток бондаря, маслобойка, датируемые первой половиной XII в.

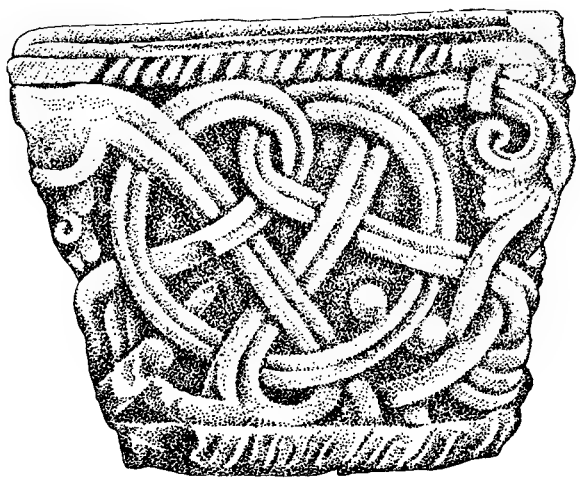
Косторезное ремесло. Изделия из кости весьма разнообразны и относятся к массовым находкам при раскопках городских построек и курганов. Это гребни, рукояти ножей, шахматы, шашки, обкладки луков и седел, стрелы, кресты, иконки [Рыбаков, 1948]. Мастерские по производству изделий из кости обнаружены в Киеве, Белгороде, на Княжей Горе. Чаще встречаются обработанные и спиленные кости животных, готовые изделия. Наиболее крупные мастерские открыты на горе Замковой в Киеве, где найдены сотни заготовок и готовых изделий. В последние годы в Киеве раскопаны еще две косторезные мастерские — на Старокиевской горе и на Подоле [Новое в археологии Киева, 1981]. Рукояти ножей, уховертки, обкладки луков и гребни украшены простым циркульным узором и сложными мотивами растительного и геометрического орнаментов.

Ранними образцами косторезного ремесла X в. являются обкладки лука из кургана Гульбище, односторонние гребни с футлярами из курганных погребений Киева, Чернигова, Шестовиц, рукоять из раскопа на Красной Площади в Киеве с резьбой в виде стилизованной ветви. Гребни составлялись из нескольких пластин и соединялись клепками. В XII—XIII вв. форма гребней меняется — они становятся цельными, двусторонними. Для изготовления гребней и рукоятей широко использовались пила и сверло, а для шахмат и шашек — токарный станок.

Камнеобрабатывающее ремесло. Материалом для камнеобработки служили пирофиллитовый сланец, известняк, песчаник, вулканический туф, мрамор и другие горные породы. Из камня изготовляли жернова, мелкую

пластику (кресты, иконки, литейные формы), архитектурно-декоративные детали (карнизы, капители, детали порталов, плиты ограждения хоров и алтаря в храмах), точильные бруски, пряслица. В галицком и владимиро-суздальском зодчестве применялась романская техника белокаменной кладки с элементами резного убранства, принесенная на Русь строительной артелью из Малопольши, а в середине XII в.— зодчими из Венгрии.

1



2

Один из древнейших памятников камнерезного ремесла — збручский идол — выполнен в виде четырехгранного столба с фигурами славянских языческих богов, высеченных в манере невысокого рельефа. Збручский идол вырезан из местного серого известняка. Известняк и песчаник применялись для изготовления объемной скульптуры и жерновов в последней четверти I тыс. н. э.

На славянских поселениях вдоль р. Сибок, притока Южного Буга, изготовляли жернова из вулканического туфа. Здесь обнаружены городища и карьеры с заготовками и отходами производства. Мощность слоя залежей возле с. Жорнище достигала 6 м [Хавлюк, 1973]. Изготовление и использование жерновов из вулканического туфа в бассейне Южного Буга известно с начала III в. н. э. Туфовые жернова широко использовались славянским населением Побужья уже середины I тыс. н. э., но их потребление заметно возрастает в X—XI вв. Специализированное производство жерновов из туфа на р. Сибок является одним из недостаточно изученных сельских побочных промыслов, ориентированных на вывоз и удовлетворение спроса на них населения Среднего Поднепровья.

Другим значительным специализированным производством являлись добыча и переработка пирофиллитового сланца, добывавшегося в карьерах Овручского кряжа. В 1983—1984 гг. у сел Покалев, Прибытки, Городец и других были обнаружены мастерские по изготовлению пряслиц, нательных крестов, подвесок. Возле каждого пункта, на площади в несколько гектаров встречены тысячи обломков бракованных изделий, заготовок, отходов производства. Объем обработки пирофиллита в каждой мастерской намного превышает спрос на пряслица всей Киевской земли и свидетельствует о производстве изделий для внеш-

него рынка. Объем производства указывает на государственную организацию мастерских по обработке пирофиллита на поселениях Овручского кряжа. Ареал сбыта продукции «пирофиллитового» сельского побочного промысла настолько велик, что позволил В. Л. Янину высказать предположение об использовании пряслиц в качестве товаро-денег [Янин, 1956]. Изготовлялись две основные формы пряслиц — бочковидная и битрапецоидальная. Их размеры различные, что объясняется необходимостью для прядения нитей из шерстяной, льняной и конопляной пряжи неодинаковой толщины.

Рис. 103. Камнерезное ремесло: *1 — Галич, Успенский собор; 2 — Чернигов, Борисоглебский собор.*

Гораздо меньше пряслиц из пирофиллита производилось в городах. Исключением являются крупнейшие центры, где возводятся каменные храмы. Так, в Киеве из отходов пирофиллита от вытесывания архитектурно-декоративных деталей храмов XI—XII вв. изготовляли пряслица, литейные формы, нательные кресты, иконки. Одна из мастерских по обработке овручского сланца обнаружена на Подоле [Гупало, Ивакин, 1980]. Реже пирофиллит использовали для изготовления битрапецоидальных бус. Они найдены на Райковецком городище [Гончаров, 1950]. Из пирофиллитового сланца и других камней древнерусские городские мастера изготовляли каменные иконки личного назначения с изображениями святых — покровителей и защитников. Наибольшее количество иконок найдено в Киеве, на Княжьей Горе, в Изяславе. Иконки из Киева в сравнении с найденными в Изяславе отличаются разработанной иконографией и тщательностью исполнения. Эти различия свидетельствуют о многочисленности мастеров и мастерских, следовавших разным иконографическим и технико-стилистическим традициям [Николаева, 1983].

Киевскую архитектурно-декоративную скульптуру XI в. изучали Д. В. Айналов, Н. Е. Макаренко, М. А. Новицкая, а в настоящее время В. Г. Пуцко [1982].

Широко известны плиты шиферномозаичного пола из киевских построек XI в., а также Спасского и Борисоглебского соборов в Чернигове. Инкрустированные плиты обычно занимали подкупольное пространство пола в храмах, а в остальных частях пол выкладывался из гладких плит. В Успенском соборе Печерского монастыря гладкими плитами вымощено 530 м² площади [Холостенко, 1976]. Из Десятинной церкви, Софийского собора и Печерского монастыря происходит большое количество мраморных фрагментов колонн, карнизов, капителей. Известна светская тематика композиций рельефов из Печерского монастыря — «Геракл со львом» и «Триумф Диониса», утверждающие идею могущества киевского князя.

Исследования убеждают, что мастера, выполнившие пирофиллитовые саркофаг из Десятинной церкви, рельефы парапетов хор Софии Киевской и рельефы святых всадников из собора Дмитриевского монастыря, владели высоким искусством профессиональной резьбы. Очевидна связь киевских резчиков по камню с балканскими и константинопольскими мастерами, а также ориентация резчиков на киевскую каменную и металлическую пластику XI в.

Недостаточно изучена каменная скульптура Чернигова. Она уникальна и не связана непосредственно с галицкой и владимиро-суздальской каменной резьбой. В качестве примера назовем капители с парными фигурами зверей (гепардов (?)) и угловой камень с изображениями дракона и птицы. Камень широко применялся при сооружении плитовых могил, саркофагов. Тщательно отделанные саркофаги найдены в Белгороде под Киевом и Василеве на Днестре.

Для южнорусских городов харак-

терны изделия из янтаря (бусы, кресты-тельники, оправы икон). Нередки и находки мастерских для обработки янтаря: в последние годы в Киеве на Подоле обнаружены мастерские с заготовками и готовой продукцией (перстни, бусы, крестики, подвески). Хорошая коллекция янтарных изделий найдена И. К. Свешниковым в Звенигороде Львовской области.

Ткачество, портняжное дело, кожеобработка. Образцы тканей, найденные при раскопах в курганных погребениях южнорусских земель, изготовленные из пряжи местного происхождения, немногочисленны и практически не изучены. Известны и находки вышивок, выполненных в геометрической орнаментальной традиции [Орлов, 1972]. Лучше сохранились и изучены ткани Новгорода и Старой Ладоги. Новгородские шерстяные ткани вытканы из толстых нитей, имеющих 6—18 нитей на основе и 4—12 нитей на утку (на 1 см), но встречаются и более плотные. Льняные отличаются большей плотностью. Здесь же представлены две основные группы тканей — полотняные и саржевые [Нахлик, 1968; Давидан, 1981].

Гораздо лучше сохранился до нашего времени шелк, бывший одним из важнейших объектов международной торговли. Во французской литературе XII—XIII вв. шелковые ткани называли «русскими», так как из Руси шелковые ткани поступали в страны Западной Европы [Фехнер, 1982]. Находки шелка сгруппированы по бассейнам Днепра (Десны, Припяти, то есть по наиболее важным торговым путям древней Руси). В летописи упоминаются дорогие сорта тканей: «фофудья», «оловир грецкий», «аксамит», использовавшиеся в княжеско-боярской среде и для церковных облачений. Это ткани сложного саржевого плетения, с полихромным вытканным узором — мотивами кругов с жемчугом, розетками, эллипсоидными фигурами, треугольниками, грифонами и пр. Наиболее известные обнаружены в Чернигове, Киеве, погребениях возле с. Росавы [Фехнер, 1977].

Большая часть находок шелка (гладкого, безузорного) происходит из рядовых курганных захоронений городского и сельского населения. Полосками шелка красного цвета, иногда с золотной вышивкой, обшивали ворот и обшлага рукавов верхней одежды. Иногда вышивка выполнялась шелковыми нитями, воспроизводя местные орнаментальные мотивы [Орлов, 1972].

На Руси известна и золотная вышивка, применявшаяся для украшения вещей церковного употребления и костюмов феодальной знати [Новицька, 1965]. Образцы золотной вышивки найдены в Киеве, Чернигове, Белгороде, Галиче, на Княжьей Горе. Это головные повязки, обшивки ворота, нагрудные вставки, обшлага с разнообразными мотивами кругов, розеток, сетки ромбов, кринов. Большая часть золотного шитья выполнена в технике «в прокол», а некоторые фрагменты — «в прикреп». В погребении Белгородского могильника золотная вышивка украшала шелковую тесьму продольного края полы одежды [Мезенцева, Прилипко, 1976]. Мотив узора вышивки — плетенка, выполненная «в прикреп».

В обиходе населения Киевской Руси были золототканые ленты, которыми обшивали ворот и обшлага, а также головные повязки (венцы). Возможно, кроме шелка византийского происхождения, в X в. на Руси использовали ткани иранского (Черная Могила, Гнездово) или среднеазиатского производства. Шелк с введением золотых нитей (Владимир, великокняжеская гробница) происходит из Испании. Приведенные данные дают основание говорить о широком использовании шелка всеми группами населения Киевской Руси.

Намного реже при раскопках встречаются фрагменты кожаных изделий: обуви, ремней, сбруи, седел, сумок и т. п. Гораздо чаще находят «усорезные» ножи, шилья [Рыбаков, 1948]. Поэтому особое значение имеет находка

на Подоле в Киеве «чимбарни» X в. Это своеобразный деревянный чан-постройка столбовой конструкции, в которой шкуры подпаривались и прели. Здесь же встречены коньки — подтесаные пястные или плюсневые кости быка или лошади, при помощи которых лощили кожу. Остатки мастерской сапожника с обрезками кожи и с готовой продукцией найдены на территории северо-восточного пригорода Звенигорода Львовской области (первая половина XII в.).

Стеклоделие

Наиболее многочисленной категорией стеклянных украшений VIII—IX вв. на Среднем Поднепровье являются привозные бусы. Они представлены бисером желтого цвета, многоцветными бусами, посеребренными (Левобережье) и зелеными пронизками, ложнозолоченными пронизками, многоцветными бусами (среднее течение Днепра, Припять, Тетерев, Рось, Тясмин). Основная масса бус поступала из мастерских Сирии и Египта. Небольшое количество бус с навивкой стеклянной массы вокруг стержня изготовлено в мастерских Византии. Некоторое количество (2/3 всех находок) таких бус обнаружено на территории Левобережья Днепра.

Долгое время стеклянные изделия, находимые при раскопках древнерусских памятников, считали привозными [Аристов, 1866; Кондаков, 1896]. В. В. Хвойка на Старокиевской горе обнаружил остатки стеклоделательного производства [1913]. Несколько ранее следы стеклоделательного производства отмечены под Овручем [Хойновский, 1893].

Методы изучения бус разработаны подробнее других предметов стеклоделательного производства [Деопик, 1963; Львова, 1968; Щапова, 1972; Федорова-Давыдова, 1981]. Наиболее полно изучена коллекция бус Новгорода киевского производства, представленная 250 экземплярами [Щапова, 1972]. Бусы простейшей формы — желтые и зеленые — появляются на рубеже X—XI вв. и к XII в. широко распространяются по всей территории Руси.

В середине XI в. появляются бусы ложнозолоченные: серебряная фольга покрыта желтым стеклом. В отличие от бус с яркой позолотой (из трубочек) без каймы сирийского происхождения и с каймой византийского происхождения, они выделываются киевскими стеклоделами до 1240 г.

Бусы из темного стекла с пластичным узором (желтая волнистая линия), скорее всего, производились в Киеве греческими стеклоделами. Подобные бусы из свинцово-кремнеземного стекла, обычного для провинциального стеклоделия XII в., могли изготовляться в Новгороде [Щапова, 1972].

Перстни изготовлялись путем накручивания стеклянной массы на стержень и дутьем. Они в сечении плосковыпуклые, из бирюзового, фиолетового, синего, зеленого, коричневого и черного стекла. В последней четверти XI в. стали производить щитковые сложные перстни главным образом бирюзового и фиолетового цвета.

Стеклянные браслеты являются массовой находкой при раскопках культурного слоя южнорусских городов. Цветовая гамма сводится к шести основным цветам: фиолетовому, бирюзовому, голубому, желтому, зеленому, коричневому. Формы браслетов разнообразны: гладкие, крученые, плосковыпуклые, плоско-выпуклые вдвое, плоско-выпуклые усложненные, треугольные, квадратные, рубчатые, витые, гладкие двойные. В Киеве 8,7% браслетов являются привозными, изготовленными в причерноморских, кавказских и византийских мастерских или греческими стеклоделами в Киеве, в том случае, когда в составе присутствует оксид калия. Привозными из Причерноморья или Византии являются браслеты, расписанные желтой, красной или золотой краской с мотивами растительного орнамента, а так-

же с изображениями птиц и животных. Признаками привозных браслетов являются: изготовление на плоской поверхности плоско-выпуклых браслетов; «античный» состав стекла; получение синих браслетов с помощью оксида кобальта.

Производство стеклянных браслетов, по мнению Ю. Л. Щаповой, не являлось монополией Киева, в отличие от посуды [1972]. В 30-х годах XII в. бы-

Рис. 104.
Основные типы стеклянных изделий IX—XIII вв.

ла основана мастерская в Любече [Щапова, 1966], где стекло варили в основном по киевскому рецепту — из калиево-свинцово-кремнеземной шихты. В середине — второй половине XII в. киевские мастера основывают стеклоделательное производство в Новгороде, Полоцке, Смоленске (простейшее свинцово-кремнеземное стекло), а к концу XII в. начинают производить по киевскому рецепту стекло в Новгороде и Старой Рязани. Но и в этих городах доля собственного производства не превышала 15 % (Любеч), 15—24% (Рязань), 30% (Новгород), то есть большую часть составляла вывезенная из Киева готовая продукция.

Различает и сближает браслеты различных городов Руси не столько форма, сколько цветовая гамма. Киевской гамме соответствуют браслеты Изяслава, Райкова, Городска, Колодяжина, Любеча и других городов. На Руси из стекла редко изготовляли пуговицы и подвески [Щапова, 1972, с. 175].

Очень многочисленна коллекция стеклянных изделий восточного происхождения. Фрагменты сосудов с арабскими надписями обнаружены в Киеве и Городске, но наиболее многочисленна коллекция из Новогрудка. Особенностью стекла восточносредиземноморского или византийского происхождения является его натриево-кальциево-кремнеземный состав. Это флаконы, чаши, кубки, расписанные золотом и эмалью, датируемые XII — серединой XIII в. Наиболее вероятный путь, по которому доставлялись восточные сосуды, проходил через Киев и южнорусские земли. По этому же пути проводилась и большая часть стеклянных изделий древнерусского производства [Гуревич, 1981, с. 154].

В конце X в. в Киеве сложились объективные условия, при которых произошла непосредственная передача приемов изготовления и технологии от греческих стеклоделов к древнерусским мастерам. Первый этап древнерусского стеклоделия тесно связан с храмовым строительством конца X — XI в. и производством мозаичных стекол для Десятинной церкви, Софийского собора, Михайловской церкви в Переяславе и Успенского собора в Киево-Печерской лавре.

Наиболее ранние мастерские (XI в.) обнаружены в Киеве и Переяславе [Богусевич, 1954; Сікорський, 1976]. Две мастерские обслуживали строительство Успенского собора и Михайловской церкви в Переяславе, остатки третьей найдены в непосредственной близости от Софийского собора в Киеве [Килиевич, 1981]. В мастерских Киево-Печерского монастыря и в Переяславе-Хмельницком обнаружены горны из плинфы, глиняные тигли со стеклянной массой, куски свинца,

поташ и остатки его производства. Здесь же найдены заготовки и готовая смальта, оконные стекла. В мастерской, обслуживающей строительство Софийского собора, обнаружены заготовки, брак и шлаки от производства смальты, а также тигли со смальтовой массой. Химико-технологическое исследование огнеупорных тиглей из мастерской Киево-Печерского монастыря показало, что они изготовлены из местных «пестрых» глин [Безбородов, 1956]. Мастерские имели узкую специализацию и не производили бус, перстней, браслетов.

Мастерские XII—XIII вв. для производства стеклянных украшений обнаружены в Киеве (8 мастерских), Галиче, Любече; мастерские для ремонта стеклянных браслетов — в Райках и Колодяжине [Щапова, 1972].

Главным центром стеклоделия Киевской Руси вплоть до 1240 г. был Киев, где оно совершенствовалось. Отсюда экспортировалась большая часть продукции в другие города Руси.

С помощью химического анализа удалось выделить состав древнерусского стекла. В него входили оксид свинца, оксид калия и кремнезем, а также диоксид олова, оксид меди, закись меди, оксид кальция, диоксид титана, оксид железа, оксид магния. Спецификой такого стекла является применение поташа с высоким содержанием оксида калия, в отличие от западноевропейского, сваренного на буковой золе с высоким содержанием оксида кальция.

Для византийского стекла характерно высокое содержание оксида натрия, кальция и кремнезема. Исходным сырьем для него служила зола из морских водорослей или природная сода [Безбородов, 1956, с. 254]. В отличие от греков, получавших стекло синего цвета с помощью оксида кобальта, киевские стеклоделы использовали для этой цели оксид меди (бирюзовый) и оксид марганца (фиолетовый). Синий цвет получался путем смешивания бирюзового и фиолетового.

Производство мозаики возникает в Киеве в конце X в. Мастерская по производству мозаичных стекол (зеленых, красно-коричневых, желтых, синих, черных, золотистых) открыта в Печерском монастыре в Киеве. Состав стекла: свинцово-кремнеземный, натриево-кальциево-кремнеземный. Состав стекла из других мастерских по производству мозаики (в Переяславе и возле Софийского собора в Киеве) недостаточно изучен. Лучше изучены мозаики Михайловской церкви и Софийского собора (сиреневого и черного цвета), изготовленные из натриево-свинцово-кремнеземного стекла. Переяславские мозаики, как и мозаики Благовещенского собора в Чернигове, состоят из свинцово-кремнеземного стекла [Безбородов, 1956, с. 158—169]. Цвет стекла заглушен диоксидом олова, красно-коричневый — закисью меди. Производство полых емкостей при помощи дутья развивалось в Киеве в первой половине XI в. Киевский экспорт посуды в другие города Руси изучен лучше, чем собственно киевская коллекция [Щапова, 1972; 1974]. Наиболее ранний тип посуды — остродонные кубки с гладкими или рифлеными стенками и широким устьем. Уже в последней четверти XI в. производились невысокие сосуды с плоскими донцами бочковидной или цилиндрической формы, иногда с ручкой. Они найдены в Киеве, Чернигове, Новгороде.

Декор ранней киевской посуды состоял из нитей сиреневого, бирюзового, фиолетового, зеленого и желтого цвета, опоясывающих корпус. Одновременно появляются кубки с нешироким дном и конусовидным выступом внутри, с тонкими и гладкими стенками. Они украшены рядами фиолетовых или бирюзовых нитей. Кубки изготовлялись из желтоватого стекла, реже — из синего или бирюзового.

Во второй половине XII в. в Киеве начали производиться кубки с выпуклыми ребрами путем выдувания в форму. Они найдены в Киеве, Новогрудке, Турове. К середине XII в. ведущей

формой стеклянной посуды становятся кубки с поддоном (целый кубок найден в женском погребении в Галиче). Обломки таких кубков составляют до 50% общего числа находок в Вышгороде, до 56% — в Новгрудке [Щапова, 1972, с. 37] и до 10% — в Новгороде. Кубки с поддонами имели стандартное донце и нестандартный (гладкий или ребристый) корпус. Они изготовлены из прозрачного желтоватого стекла, реже — из сине-зеленого, бирюзового, фиолетового. Прототипом этих кубков служили византийские сосуды, что подтверждается находками таких же кубков в мастерской Киево-Печерского монастыря.

В мастерских Киева во второй половине XII в. изготовлялись редко встречаемые при раскопках сосуды, известные по коллекциям Новогрудка, Турова, Новгорода. Это круглобокие сосуды с узкой шейкой, похожие на кухонные горшки или кувшины, рюмки, тарелки, сосуды типа колбы. Изредка они расписывались коричневой, фиолетовой и желтой эмалью, чаще — накладными нитями. Некоторые образцы свидетельствуют о знакомстве с традициями сирийского стеклоделия [Щапова, 1974, с. 89]. Кубок на поддоне из фиолетового стекла с узором из молочно-белого стекла найден в Старой Рязани.

К началу XIII в. декор сосудов обогащается спиралями, змейками, бегунками, опоясывающими весь корпус, цветными ручками, вплавленными крупинками металла [Щапова, 1972, с. 62]. Высокий уровень производства стеклянной посуды объясняется интенсивными контактами киевских ремесленников с греческими мастерами и, возможно, с ближневосточными стеклоделами.

Оконные стекла, найденные при раскопках древнерусских городов, изготовлялись в виде дисков диаметром 18—22 см и, реже, прямоугольной формы. Прямоугольными оконницами были застеклены оконные проемы Десятинной церкви в Киеве [Каргер, 1958, с. 411]. Они выдуты из натриево-калиево-кальциево-кремнеземного стекла по способу, описанному Теофилом, как византийский. Производство круглых оконниц технологически было связано с производством посуды и по составу аналогично ей: калиево-свинцово-кремнеземное стекло. Оконницы применялись в храмовом строительстве и для освещения интерьера гридниц, княжих палат и боярских усадеб.

Организация стеблоделения на Руси не совсем ясна. Б. А. Рыбаков объясняет массовый характер продукции стеклоделов не самостоятельной работой на рынок, а особой организацией княжеского хозяйства, использовавшего вотчинных ремесленников для производства ходкого товара [Рыбаков, 1948]. Тем не менее в середине — второй половине XII в. киевские стеклоделы переселяются в другие города Руси, сближая производство и сбыт товара. Массовое изготовление посуды и украшений из стекла прервано в Киеве в 1240 г.

Керамика

Древнерусская керамика представлена, в первую очередь, гончарной посудой. Незначительное место в археологическом материале занимают такие глиняные изделия, как светильники, игрушки, облицовочные строительные плитки.

Керамика, в частности глиняная посуда, наиболее многочисленная категория находок, обязательный атрибут культурного слоя любого поселения. Она имеет важное значение не только как этнографический источник и продукт ремесленного производства, но и содержит наиболее доступную информацию о хронологии археологических памятников и исследуемых объектов.

Интерес к древнерусской керамике проявился еще в дореволюционное время в связи с раскопками могильников. Первые исследователи уделяли основное внимание гончарным клеймам на днищах сосудов. Со временем привлечение этнографических материалов да-

ло возможность решить вопросы технологии гончарного производства. После Великой Октябрьской социалистической революции изучение керамического материала продолжалось. Полученные данные были опубликованы Б. А. Рыбаковым [1948].

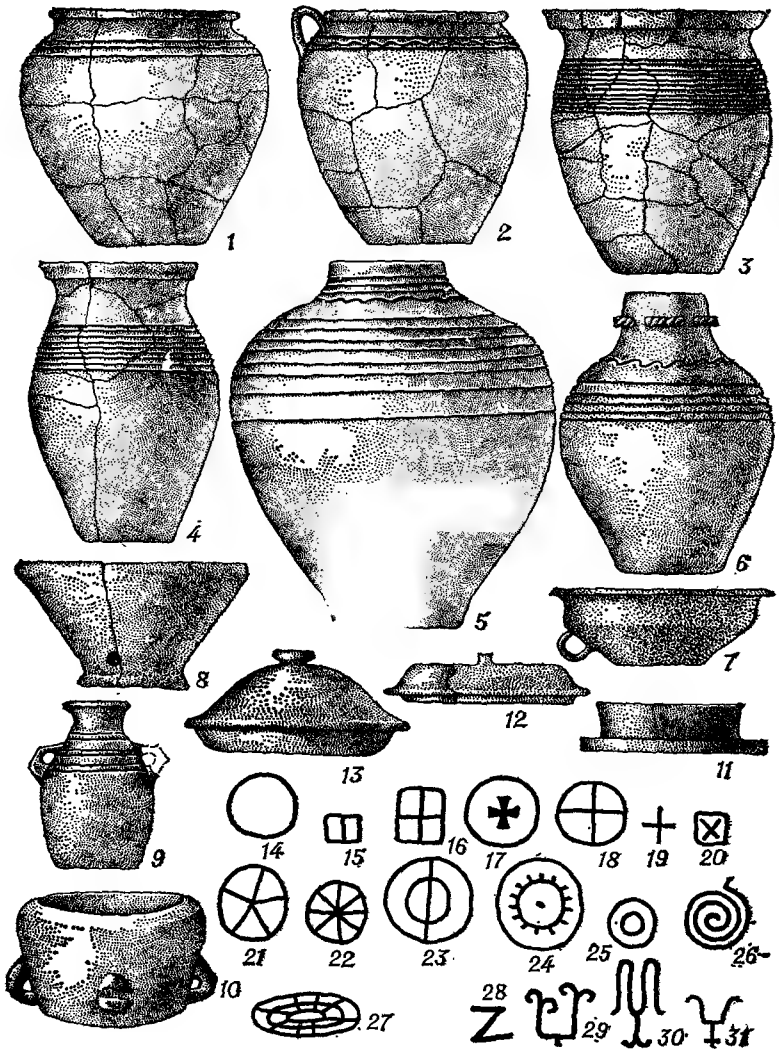


Рис. 105. Основные типы гончарной посуды и клейма:
1—4 — горшки;
5 — корчага;
6, 9 — кувшины;
7, 8 — миски;
10 — лампадка;
11 — светильник;
12—13 — крышки;
14—31 — клейма (1, 2, 9 — Ходоров; 3, 4, 7, 8, 10 — 24, 30, 31 — Плеснеск; 5, 6, 25, 26 — Колодяжин; 27—29 — Киев).

Раскопками послевоенных лет на территории УССР накоплено значительное количество керамического материала. Сведения о керамике привод-

дятся в целом ряде публикаций, посвященных итогам исследований отдельных памятников, а иногда и отдельных районов. Выявлены особенности керамики XII—XIII вв. Галицкой земли [Малевская, 1969]. Из состава древнерусской керамики выделена посуда послеордынского времени XIII—XIV вв. [Кучера, 1969; Беляева, 1979]. Сведены данные о глазирован-

ной посуде древней Руси [Макарова, 1967]. В последние годы на основании этнографических, археологических и экспериментальных данных разработана методика изучения технологии изготовления гончарной посуды [Бобрин-

ский, 1978]. Исследуется керамика столицы древней Руси — Киева [Толочко, 1981].

По функциональному назначению древнерусская посуда делится на несколько типов: горшки, корчаги, кувшины, миски, миски-сырницы, сковороды, кубки. Наиболее распространенным типом были горшки; другие типы посуды при раскопках встречаются реже.

Горшки имели отогнутый наружу венчик и невысокую шейку, от которой стенки переходили в выпуклые бока, конически суживающиеся к донышку. Обычно наиболее широкая часть приходилась на плечики. Как правило, ширина горшков немного меньше их высоты, то есть горшки имели несколько удлиненные пропорции.

По размерам горшки неодинаковы; высота их колеблется от 7 до 35 см. Кухонные горшки имели небольшие и средние размеры. Большие горшки одновременно использовались для хранения припасов. В IX—X вв. на территории современной УССР, особенно в ее западных областях, преобладали горшки двух форм: макотровидные с широкой верхней частью и удлиненных пропорций, приближающиеся по форме к кувшинам. Сосуды обеих форм, возникшие еще в VII—VIII вв., имели не только кухонное назначение, но использовались и для хранения круп и жидкостей.

В XI в., с распространением специальных типов посуды для хранения припасов — корчаг и кувшинов, горшки приобретают наиболее распространенную форму по всей территории Руси, в том числе и на территории современной УССР. Иногда горшки имели по одному небольшому ушку, прикрепленному к краю венчика и плечику. Они получили распространение в XII—XIII вв. в Среднем Поднепровье.

Венчики горшков заметно отличаются друг от друга. В отличие от остальных частей сосуда, выполнявших чисто утилитарные функции и обладавших относительным постоянством признаков, венчики формовались в различные периоды древнерусской истории по-разному.

Поскольку венчики горшков являются наиболее характерным датирующим признаком, выделение их хронологических особенностей имеет большое практическое значение в археологических исследованиях.

На раннегончарных сосудах венчик по верхнему краю, как правило, наклонно срезан и иногда профилирован по срезу неглубокой выемкой. При этом плоскость среза обычно наклонена во внутреннюю сторону (от вертикали), а край венчика нередко слегка утолщен (оттянут вниз или вниз и вверх). Венчики раннегончарной керамики преимущественно удлиненные и в отличие от более поздних типов не сильно отогнуты наружу. Датируется эта керамика в пределах древнерусского периода IX — началом или первой половиной X в. Она возникла в предшествующее время по мере распространения у юго-западной группы восточных славян гончарного круга.

Раннегончарную керамику вытеснила так называемая керамика курганного типа X — начала или первой половины XI в. Она впервые стала известной по раскопкам ранних древнерусских курганных могильников с дружинными погребениями. Наружный край венчиков этой группы имеет утолщение в виде манжета, нередко профилированного выемкой-углублением или бороздкой. Плоскость манжета (профилированного среза венчика) находится в вертикальном положении, но чаще наклонена наружу. Верхний край манжета, как правило, бывает острым или значительно тоньше нижнего края. В сечении манжет такого венчика подтреугольный. Венчики с вертикальной наружной плоскостью манжета встречаются на сосудах реже, чем венчики с наклонным манжетом, появившиеся раньше последних (известны на раннегончарных сосудах и нередко присутствуют на тех памятниках, где имеется раннегончарная керамика).

Для горшков второй и третьей чет-

верти XI в. характерны венчики с утолщенным манжетом по всей ширине как в верхней, так и в нижней части. При этом плоскость манжета всегда наклонена наружу соответственно от-

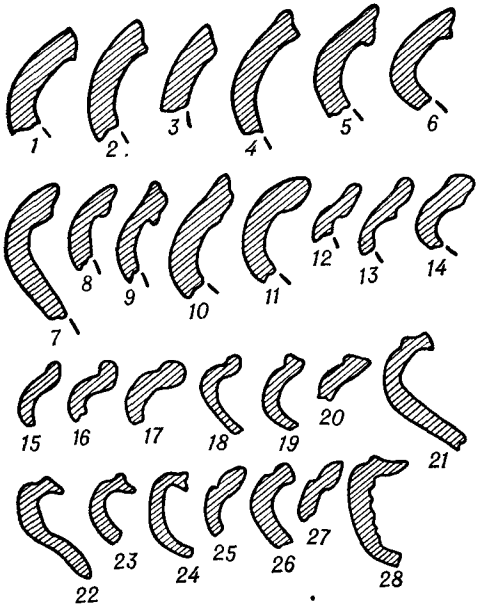


Рис. 106. Типы венчиков кухонных горшков:
1—4 — IX — первая половина X в.; 5—11 — X — первая половина XI в.; 12—14 — середина и начало второй половины XI в.; 15, 16, 28 — вторая половина XI в.; 17—27 — конец XI — первая половина XIII в.

гибу венчика. На более поздних сосудах — второй половины XI в.— верхний край венчика завернут внутрь, а слабо выделяющийся манжет снаружи округлен. На горшках конца XI—XIII вв. край венчика завернут внутрь и округлен в виде валика, или же, очень редко, валик сверху наполовину срезан, и иногда его край по линии среза оттянут наружу в виде острого канта.

Приведенная выше датировка типов венчиков кухонных горшков не является безусловной. Она отражает общую схему изменения их наиболее характерных признаков, которые в различных районах происходили не одновременно. Хронологически смежные типы посуды, как показывают археологические исследования, не сменяли друг друга внезапно, а на протяжении некоторого времени сосуществовали.

Хронологическая последовательность изменения типов венчиков обусловлена усовершенствованием гончарного круга, приобретением соответствующих технологических навыков и традиций, передававшихся контактным путем на огромные территории.

На раннем этапе развития и совершенствования гончарного производства сосуды, в том числе венчики, предварительно формовались от руки и только после этого обрабатывались на круге. Как доказал А. А. Бобринский, вначале обтачивался, а затем уже и профилировался на круге только венчик сосуда [1978]. Зависимостью формы венчика от приемов его изготовления применительно к техническим возможностям гончарного круга следует объяснять факт бытования однотипных венчиков на сосудах IX—X и даже XI в. у восточных, южных и частично западных славян. В XII—XIII вв. древнерусская керамика уже резко отличается от керамики соседей формой венчика. Причину этого следует усматривать в сложении местных традиций, приоритет которых обнаруживается на целом ряде других категорий материальной культуры Руси. Однако закрепление новых традиций, в частности, в гончарном ремесле стало возможным лишь при определенном техническом уровне, когда отпала необходимость в предварительном ручном моделировании венчика. На древнерусской керамике XII—XIII вв. венчики формовались непосредственно на круге, и вследствие этого, очевидно, их форма упростилась.

Кроме перечисленных типов венчиков, известны и другие формы. К неустойчивым и случайным формам относятся венчики с утонченным или поразному срезанным краем, а также с округленным срезом. Они чаще встречаются на раннегончарной керамике и, скорее, могут свидетельствовать о

недостаточной профессиональности гончаров. Однако некоторые особенности керамических венчиков конца XI—XIII в. имеют признаки локального характера. Прежде всего сказанное относится к территории Галицкой Руси, где наряду с обычным древнерусским валиковидным венчиком встречаются горшки с угловатым моделированием венчика — чаще всего с широким срезом по верхнему краю, нередко профилированному бороздками или желобками.

Для горшков конца XI—XIII в. на целом ряде памятников в бассейне Средней и частично Нижней Роси характерна довольно оригинальная профилировка венчиков. Они имеют удлиненный острый или округленный край и характерную неширокую и глубокую бороздку на внутренней стороне. В других местах они не известны, а в Поросье встречаются на различных памятниках в неодинаковом и, в целом, небольшом колнчестве вместе с общерусскими формами конца XI—XIII в.

Специализированные типы посуды для хранения сыпучих тел и жидкостей — корчаги и кувшины, как правило, имели цилиндрическое горло. Высота корчаг в среднем 35—50 см. Для кувшинов характерны те же размеры, что и для обычных горшков.

На ряде памятников в верховьях Западного Буга и Днестра в культурном слое XI в. найдены кувшины и корчаги с горлышком, полностью гофрированным по наружной стороне несколькими (тремя—пятью) концентрическими утолщениями. Последние, очевидно, имели практическое значение, придавая горлышку дополнительную прочность, необходимую при пользовании сосудом (ушки на этих сосудах отсутствовали). Наличие на западнорусских пограничных землях сосудов с прямым горлышком объясняется проникновением гончарных традиций с соседних районов Польши, где сосуды с цилиндрическим горлышком (например, в Мазовше) имели в раннее средневековье более широкое распространение.

На остальной территории современной УССР корчаги и кувшины с гофрированным горлышком встречаются на единичных памятниках. Известны они на двух поселениях на обоих берегах Роси, возле городища между пгт Стеблевым и с. Николаевкой Черкасской области. Здесь же в значительном количестве представлены и другие керамические изделия XI в. со следующими признаками: горшки с цилиндрическими шейкой и горлышком, сосуды с вогнутой нижней плоскостью донышек, характерными мотивами орнамента и т. д. Несомненно, это был один из тех населенных пунктов, куда киевский князь Ярослав Мудрый, по свидетельству летописи, поселил в 1032 г. пленных «ляхов». Аналогичные гофрированные горлышки найдены в отдельных пунктах на Черниговщине (в частности, на поселении на р. Белоус у с. Малый Листвен под Любечем), что также подтверждает летописное сообщение о поселении братом Ярослава — черниговским князем Мстиславом части пленных на своей земле.

Типичными для древнерусских памятников конца XI—XIII в. являются корчаги и кувшины с более низким и более узким прямым горлышком или же, реже, с отогнутым наружу венчиком. В большинстве случаев эти сосуды, особенно кувшины, имели по два небольших ушка на плечиках или одно, более крупное, в виде ручки. В Среднем Поднепровье, кроме того, были распространены небольшие узкие кувшины с двумя ушками и слегка отогнутым венчиком, так называемые амфорки киевского типа.

Для галицко-волынских земель и Западной Киевщины характерны кувшины с валиком на горлышке. Валик с двух противоположных сторон имел по одному вырезу, куда продевался шнур или ремешок, которым перевязывалось горлышко для подвешивания сосуда. Такие кувшины были удобны для переноса. Датируются они концом

XI—XIII в. На Волыни в это же время бытовали небольшие низкие кувшины с узким горлышком и двумя противоположными отверстиями в отогнутом наружу венчике. Концы шнура, которым перевязывалась шейка, проходили через отверстия в венчике.

Отметим, что на Руси, особенно в крупных населенных пунктах, в качестве тары широко использовались привозные амфоры из Северного Причерноморья и Византии. Этим объясняется сравнительно позднее сложение местных типов тарной посуды и наличие нескольких ее локальных форм.

Миски встречаются при раскопках редко. В древней Руси с распространением токарного станка столовая посуда изготовлялась из дерева. Глиняные миски в ранний период Руси имели прямые конические стенки. Позже размеры их уменьшались, и по форме они приближались к низкому горшку с широкими плечиками и еще более широким верхним краем, оканчивавшимся отогнутым наружу венчиком. Иногда сбоку помещалось ушко.

Миски-сырницы с толстыми, конически расширяющимися стенками были сравнительно глубокими и для большей устойчивости имели утолщенное по наружному краю дно. В нижней части находилось отверстие для стекания сыворотки при приготовлении сыра.

Сковороды имели форму толстого круга с загнутыми вверх краями-бортиками. Они характерны для раннего периода Руси и на памятниках XII—XIII вв. не встречаются. Для этого времени уже известны железные сковороды. Глиняные сковороды, очевидно, предназначались для выпечки лепешек и хлебов.

Кубки имели вид небольших низких сосудов с одной ручкой. Они встречаются при раскопках в единичных случаях.

Немногочисленными находками представлены крышки конической или цилиндрической формы XI—XIII вв. Судя по размерам, они происходят от небольших горшков и кувшинов. Крышки X в. известны в Западной Волыни. Они массивные, конической формы и принадлежали большим сосудам.

Поверхность посуды обычно украшалась углубленными прямыми или волнистыми горизонтальными линиями, наносившимися по сырой глине при вращении сосуда на гончарном круге с помощью острия или гребешка с несколькими зубцами. Встречается также орнамент в виде ямочных углублений, рядов насечек, оттисков зубцов штампа и т. п. На ранних сосудах орнамент нередко опоясывает почти всю поверхность, тогда как сосуды XI—XIII вв. украшены только в верхней части, на плечиках. Более ранним орнаментальным мотивом являются прямые и волнистые линии, образованные гребенчатым штампом. Начиная с X в. этот мотив постепенно выходит из употребления и в XII в. почти полностью исчезает. В XII—XIII вв. сосуды украшались по плечикам несколькими горизонтальными линиями, нанесенными острием. Наряду с орнаментированной посудой бытовала, хотя и в меньшем количестве, неорнаментированная.

В древней Руси в незначительном количестве изготовлялась глазированная посуда, представленная в археологическом материале обломками кувшинов и горшков, встречающихся главным образом в Среднем Поднепровье.

В глине, из которой изготовлена посуда, имеются примеси песка, дресвы (зерна гранита, кварца и т. п.), иногда шамота (толченые черепки). Примеси предотвращали растрескивание глиняного теста при сушке и особенно при обжиге.

Все охарактеризованные типы посуды изготовлялись на гончарном круге, распространение которого начиная с VII—VIII вв. привело в IX — начале X в. к почти полному исчезновению лепной керамики на большей части территории современной УССР (не считая роменской культуры на Левобережье Днепра).

Гончарная посуда IX—X вв. техно-

логически отличается от посуды более позднего времени, например XII—XIII вв. Для этой посуды характерны сравнительно толстые стенки, некоторая асимметричность форм, не совсем ровные орнаментальные линии, большее количество примесей в тесте, более слабый обжиг и т. п.

С конца X — начала XI в. гончары начинают ставить на некоторых изделиях так называемые клейма, которые вырезались на гончарном круге и отпечатывались на донышках сосудов при их формовке. Клейма разнообразной формы, начиная от простых — круга, квадрата, креста — и кончая усложненными знаками, основу которых чаще составляет круг. Имеются также клейма в виде знаков «Рюриковичей». Единого мнения о назначении клейм не существует. Одни их считают знаками заказчиков, другие придают им культовое значение.

Не лишено основания мнение Б. А. Рыбакова, что гончарные клейма являются личными знаками гончаров. Сопоставляя рисунки клейм с этнографическими данными, Б. А. Рыбаков высказал предположение о наследственности гончарного ремесла в древней Руси. Принимая от отца ремесло, сын не нарушал схему клейма, а только дополнял ее новым элементом.

Приведенное мнение подтверждается сопоставлением клейм на посуде из отдельных сельских курганных групп, то есть по материалам небольших изолированных коллективов, которые снабжались продукцией узкого круга гончаров. Что касается поселений, то на некоторых из них найдено по нескольку экземпляров тождественных клейм одного и того же мастера, но генеалогические линии по степени усложненности клейм выделить не удается. Возможно, это объясняется сравнительно небольшой площадью раскопок по отношению к размерам поселений, на которых изучались клейма.

На раннегончарной керамике клейма отсутствуют. Появляются они на керамике курганного типа и имеют довольно четкий рисунок. Однако на сосудах XII—XIII вв. клейма становятся менее выразительными из-за небрежного отпечатывания и нечеткости негатива, вырезавшегося на гончарном круге. В клеймах этого периода трудно распознать личные знаки, по которым можно было бы различить индивидуальную продукцию гончаров. Между тем клейма встречаются и на сосудах XIV в., сформованных на ручном гончарном круге. Но они уже отсутствуют на изделиях, выполненных на ножном гончарном круге.

К гончарным изделиям относятся светильники. В Среднем Поднепровье использовали светильники с одним или двумя ярусами плоских чаш на цилиндрической ножке; в чаши помещали фитили и наливали масло. Аналогичную форму имели и подсвечники. У них полая цилиндрическая ножка возвышалась над чашей и служила для закрепления в ней свечи. Известны светильники в виде кувшина с ручкой и глухим верхом: внизу в стенке имелся вырез для свечи, а выше — небольшое отверстие для тяги. Такие светильники наподобие фонарей были удобны при переносе их с места на место.

Несколько типов древнерусских светильников известно из материалов раскопок на Волыни. Это небольшие мисочки цилиндрической формы с выступающими наружу краями донышек. Существовали и светильники в виде обычных неглубоких чашевидных мисочек. Применялись также цилиндрические светильники наподобие лампадок, подвешивавшиеся с помощью двух налепных ушек и двух защипов, через которые протягивалась, судя по отпечаткам, проволока. В донышке такой лампадки крепилось металлическое острие, на которое, очевидно, надевалась свеча.

Судя по ряду признаков, древнерусские глиняные сосуды изготовлялись только на ручном гончарном круге, устройство которого можно восстановить по этнографическим данным. Он

состоял из деревянного круга, диаметром 15—20 см, насаженного на деревянную ось, и небольшой скамьи из толстой доски, где проделывалось отверстие для нижнего конца оси. Во время работы гончар сидел на скамье и вращал круг левой рукой, а правой — формовал сосуд. На этом круге сосуды изготовлялись не путем вытягивания из одного куска глины, как это стало возможным позднее с внедрением быстровращающегося ножного круга, а лепились из глиняных заготовок в виде лент, которые спирально накладывались одна на другую и затем заглаживались с помощью вращения круга. Ленточная техника формовки прослеживается на многих древнерусских сосудах. в местах соединения лент стенки сосудов, как правило, более тонкие и легче поддаются разлому. Для того чтобы сосуд легче было снять с круга, его нередко посыпали песком или золой.

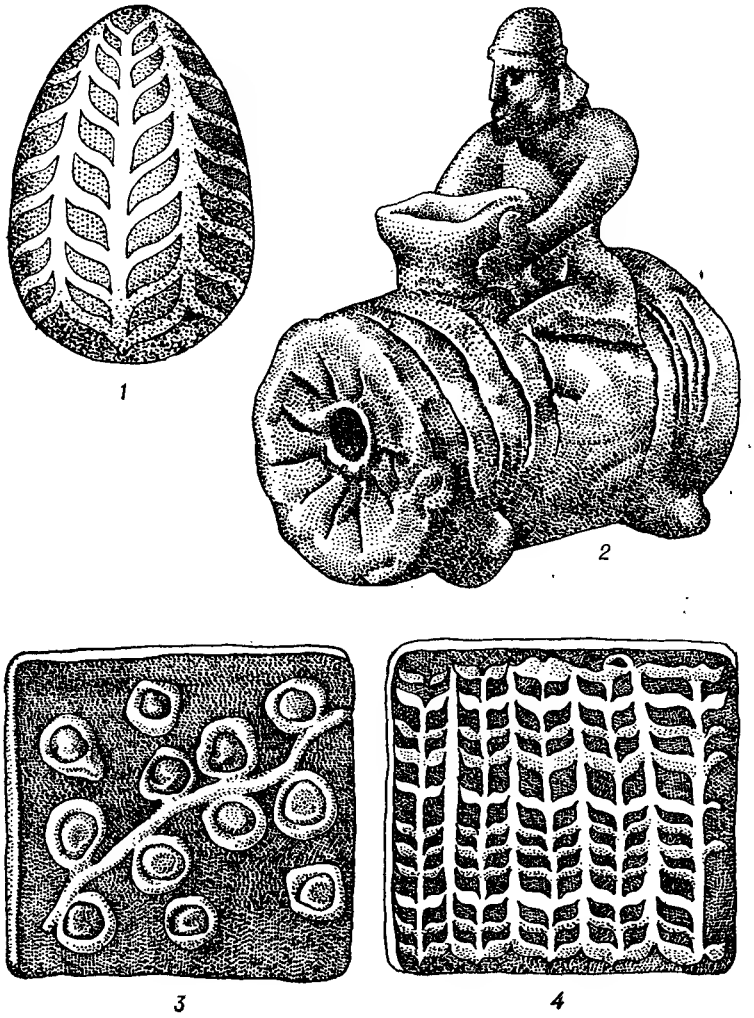


Рис. 107. Художественно-декоративные изделия из глины:
1 — писанка из Плеснеска;
2 — игрушка из городища у с. Городище Шепетовского района Хмельницкой области;
3—4 — глазированные плитки из Белгорода.

Судя по изделиям, в IX—XII вв. технические навыки древнерусских гончаров значительно изменились, что произошло благодаря совершенствованию самого гончарного круга. Можно так-

же полагать, что в древней Руси существовало несколько вариантов гончарного круга, которые, однако, в техническом отношении заметно не отличались друг от друга.

Разновидностью ручного круга был и так называемый круг тяжелого типа, имевший значительно больший диаметр и быстрее вращающийся. С такого круга сформованный сосуд срезался ниткой, от которой обычно оставались на донышке дуговидные следы. На территории современной УССР в древнерусский период этим кругом пользовались редко.

Обжигали гончарные изделия в печах или в специальных горнах. При печном обжиге стенки сосудов прокаливались не на всю толщину, горн давал более сильный и более равномерный обжиг. Гончарные горны XII—XIII вв. на территории современной УССР найдены в Вышгороде, Белгороде, Донецком и Райковецком городищах. Они относятся к двум типам: двухъярусным и горизонтальным. При двухъярусной конструкции внизу находилась топка, отделенная от верхней части (камеры для загрузки посуды) горизонтальным подом с отверстиями для прохода горячего воздуха. В одном из горнов Донецкого городища в поду вместо отверстий были сделаны жаропроводные каналы. В горизонтальных горнах топка размещалась в передней части, откуда по жаропроводным каналам горячий воздух поступал в обжигательную камеру. Такой горн вместе с обжигавшимися сосудами открыт в Белгороде.

При раскопках древнерусских памятников изредка встречаются глиняные поделки, в том числе глазированные фигурки людей, животных, всадников на коне. Такие игрушки найдены в Киеве, на Донецком и Воинском городищах. Наиболее интересна глазированная игрушка из городища у с. Городище на Волыни. Она довольно реалистически передает бородатого мужчину, сидящего на бочке, в которой сверху и сбоку имеется по отверстию для наливания и выливания жидкости, очевидно, вина.

К бытовым художественным изделиям относятся также глазированные глиняные яйца, так называемые писанки. Они пустотелые и нередко внутри их помещен шарик. Писанки украшены стилизованным растительным орнаментом, напоминающим математические фигурные скобки. Желтый цвет глазури нанесен по черному или темно-коричневому глазированному фону. Писанки были распространены на всей территории Руси, но чаще они встречаются в древнерусских городах Среднего Поднепровья.

К наиболее красочным керамическим изделиям древнерусского периода относятся глазированные плитки, применявшиеся для вымостки пола и облицовки стен храмов, княжеских, а иногда и боярских дворцов. Плитки были квадратные, прямоугольные или треугольные, небольших размеров — со сторонами в среднем 10—16 см. Обычно лицевая поверхность покрыта коричневой, зеленой, желтой или синей глазурью. Часть плиток разноцветная: на основном фоне — красноватом, темно-коричневом или черном — глазурью же нанесен орнамент желтого (иногда с бронзовым оттенком), белого (молочного), синего или зеленого цвета. Нередко узор, как и на писанках, напоминает стилизованные растения в виде рядов математических фигурных скобок. На других плитках узор образует волнистые линии, петли и кольца с точками посередине.

Плитки были распространены по всей территории Руси, причем находят их главным образом в городах. Наиболее высокохудожественные образцы многоцветных глазированных плиток происходят из Белгорода.

Древнерусская керамика, в частности гончарная посуда, на раннем этапе истории Руси в технологическом отношении существенно не отличалась от западнославянской. К XII в. она становится более совершенной, приобретая самобытные черты, характерные

для древней Руси. Изготовление керамических изделий с красочной разноцветной глазурью было уникальным достижением древнерусского художественного ремесла. Часть керамических изделий, судя по находкам писанок в Швеции и Польше, экспортировалась в другие страны.

Оружие

Значительное место среди археологических материалов древнерусского времени принадлежит оружию. Мечи, сабли, наконечники копий и стрел, боевые топоры, булавы, кистени, шлемы, доспехи и щиты — частые находки во время раскопок древнерусских поселений и могильников.

Оружие Киевской Руси по своим техническим качествам находилось на высоком, для того времени, уровне. Это объясняется прежде всего развитым металлообрабатывающим ремеслом и достижениями в военном деле. Военное снаряжение в древней Руси ни ассортиментом, ни качеством не уступало снаряжению войск других средневековых государств. Имеются яркие свидетельства летописца по поводу внешнего вида дружины Данилы Галицкого. Летописец, очевидно, и сам принадлежавший к дружине, писал: «Щите же их яко зоря бе, шолом же их яко солнцю восходящему, копием же их дражащим в руках яко трьсти мнози, стрельцем же обапол идущим и держащим в руках рожанцы свое и наложавшим на не стрелы своя противу ратных» [Летопись по Ипатьевскому списку. Спб., 1871].

Изучение древнерусского оружия началось с момента его нахождения во время раскопок поселений и могильников. Первые исследователи ограничивались главным образом описанием и публикацией оружия вместе с другими материалами раскопок. Позже появляются специальные исследования, посвященные определенным видам оружия [Завитневич, 1909].

В работах конца 40-х — 70-х годов был обобщен и суммирован материал, накопленный археологией по этому вопросу [Арциховский, 1946; 1948; Рабинович, 1947; Корзухина, 1950; Довженок, 1950; Медведев, 1959; Кирпичников, 1966; 1973].

Древнерусское оружие по функциональным признакам делится на оружие ближнего и дальнего боя, а также на рубящее, колющее и ударное. Все эти виды являются одновременно наступательными и оборонительными. Но существовало и специальное защитное снаряжение: щит, кольчуга и шлем.

Меч — дорогое оружие. Им владела военная аристократия. Большинство известных древнерусских мечей найдено в погребениях богатых дружинников, бояр и князей, в некрополях возле Киева, Чернигова, Смоленска, Новгорода, Ладоги. Часть их происходит из городищ. Всего на территории Киевской Руси найдено более 170 древнерусских мечей [Кирпичников, 1966].

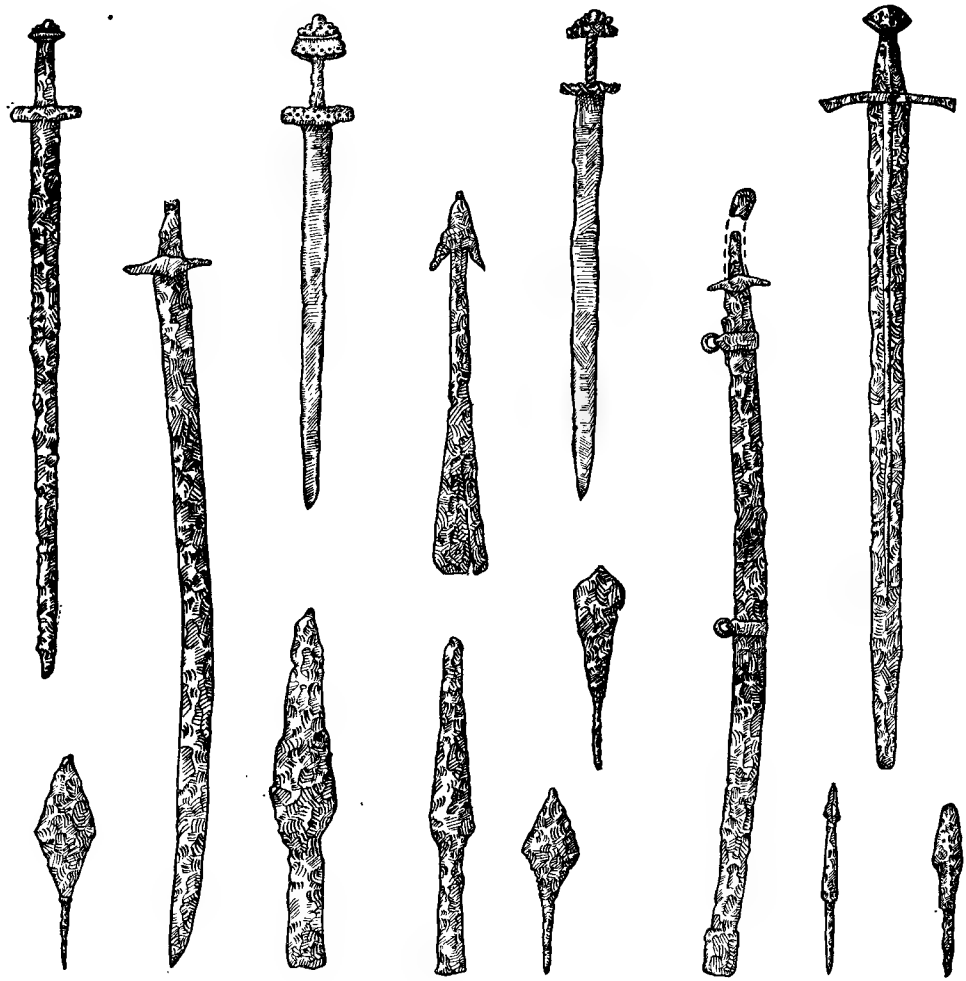
Изготовлялись мечи из стали высшего качества, они отличались прочностью и назывались харалужными. Лезвие мечей заострялось с обеих сторон. Вдоль лезвия проходил желобок — дол. Между лезвием и рукоятью меча насаживалось перекрестье, защищавшее руку от ударов противника. Рукоять оканчивалась головкой. Перекрестье, рукоять и головка оформлялись золотыми и серебряными украшениями ювелирной работы. Носили меч в ножнах, привязанных к поясу сбоку. Украшался и наконечник ножен.

По морфологическим признакам древнерусские мечи подразделяются на множество типов; некоторые исследователи насчитывают их около двух десятков [Кирпичников, 1966]. Каждый тип отличается от других формой и украшением рукояти, перекрестья и головки; лезвие у всех типов мечей одинаковое. Отдельные типы мечей соответствуют определенным хронологическим периодам, среди которых выделяются два: так называемые ка-

ролингские (IX—XI вв.) и капетингские, или готические, мечи (XI—XIII вв.).

Общий тип каролингских мечей возник в VIII—IX вв. в Западной Европе. Центром их производства была Рейнская область. Оттуда этот тип мечей распространился по всему средневековому миру, в том числе и в Киевскую Русь. Древнерусские мечи ничем существенным не отличались от общеевропейских. Очевидно, часть их изготовлена в Рейнской области. На некоторых мечах имеются клейма, подтверждающие их среднеевропейское происхождение. Широко известны клейма с надписью «Ulfbert» или с крестом. Мечи с такими клеймами распространены как в странах Западной Европы и Скандинавии, так и в древнерусских землях.

Но есть основания считать, что значительная часть найденных на древнерусской территории мечей изготовлена на месте, хотя и по общеевропейским образцам. К местным изделиям относятся мечи без клейм и некоторые экземпляры с орнаментальным украшением лезвия. На мечах русских мастеров встречаются надписи. Один из них с надписью «Людота коваль» происходит из Фощеватой [Кирпичников, 1966]. Интересно, что



этот меч по всем морфологическим признакам и оформлению ничем не отличается от европейских и скандинавских экземпляров. Наоборот, пока на нем не была обнаружена русская

Рис. 108.
Оружие IX—XIII вв.

надпись, меч считался типично западноевропейским.

Капетингский, или готический, тип мечей возник в Средней Европе и со второй половины XI в. распространился на русских землях. Мечи этого типа отличаются от предшествующих бóльшей длиной и массивностью, острым узким лезвием, а также размерами рукояти и перекрестья. Это объясняется изменениями в технике боя и усовершенствованием доспеха, происшедшими во второй половине XI—XIII в. Меч становится не только рубящим, но и колющим оружием, чем и было вызвано заострение конца лезвия. Усовершенствование доспеха требовало увеличения пробивной силы меча. Длинный и тяжелый меч нужно было держать двумя руками, для чего удлинялись рукоять и перекрестие.

Сабля — рубящее оружие, приспособленное для конного боя. Она легче меча, с заостренным, выгнутым с одной стороны лезвием. Рукоять, навершие и перекрестье отличаются по размерам и форме: рукоять меньше, приспособлена для держания одной рукой; навершие заканчивалось шариком; перекрестье небольшое, ромбической формы, с острыми концами.

Сабли на Руси появились в X в.; самый ранний экземпляр найден в Черной Могиле в Чернигове. Принято считать, что сабля попала на Русь от кочевников, у которых она была основным оружием. Начиная с XI в. с развитием конницы сабля становится одним из главных видов оружия на Руси, что подтверждается находками ее в могильниках и на городищах, а также свидетельствами письменных источников. На территории древней Руси найдено 150 целых и фрагментированных сабель [Кирпичников, 1966].

Эволюция сабли шла по пути удлинения и расширения лезвия и придания ему большей кривизны. Длина сабель X — первой половины XI в. составляет около 1 м, ширина 3 см, лезвие заострено с обеих строн. Длина лезвия сабель XII—XIII вв. около 1,1 м, ширина — 4 см, лезвие заострено с одной стороны.

Как и меч, сабля была оружием представителей господствующего класса. Ее клали в могилы князей, бояр и богатых дружинников. Известны экземпляры сабель, рукояти которых украшены золотом и серебром, с высокохудожественной ювелирной обработкой.

Копье относится к древнейшим массовым видам оружия. Византийские писатели говорят о нем как об оружии, характерном для антов. Копье упоминается в летописях не только в конкретном смысле, но и как номинальное понятие для определения количества войска, военных действий. Например, «взяти город копием» и т. д.

Среди древнерусских археологических находок копье занимает одно из первых мест. На территории древней Руси найдено около 800 копий. Они встречаются почти на всех древнерусских городищах и во многих погребениях, сопровождающихся оружием. Таким образом, согласно письменным и археологическим источникам, копье является основным оружием, игравшим решающую роль в боевых действиях.

По форме древнерусские копья подразделяются на два основных типа: ранние листовидные и поздние ланцетовидные. У листовидных копий расширяется лезвие, заостренное с обеих сторон, имеется втулка для насадки на древко, конец заострен. Датируются они IX—XI вв. У ланцетовидных копий нижняя часть лезвия острее и тоньше, а верхняя — утолщенная. Та-

кая форма типична для копий XII—XIII вв.

Изменения формы копья были вызваны усовершенствованием и распространением кольчуги. От копья уже требовалась бóльшая пробивная способность. Основная боевая функция копья — поражение противника на близком от руки расстоянии. Нередко оно использовалось и как метательное оружие, о чем говорится во многих летописных рассказах о боевых действиях русских войск.

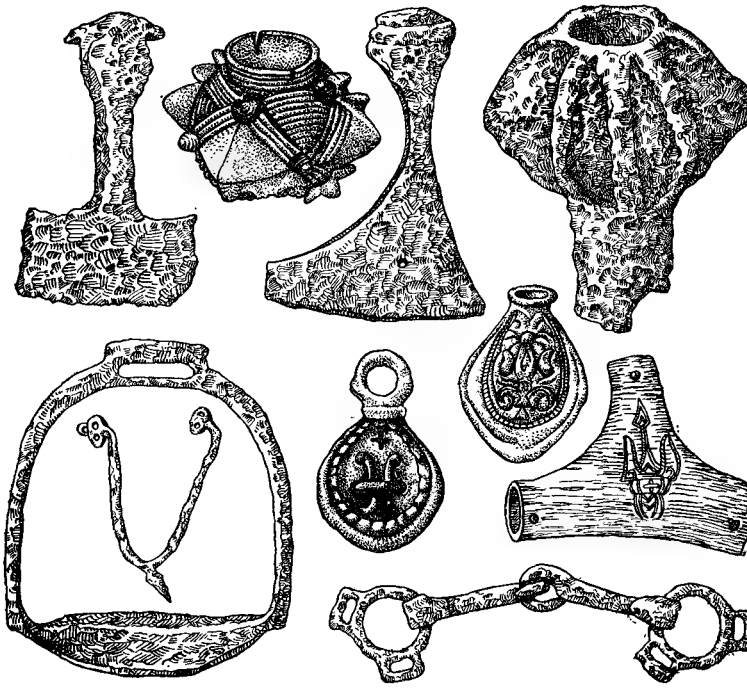


Рис. 109.
Оружие и снаряжение всадника XI—XIII вв.

В древней Руси существовали и специальные метательные копья или дротики — сулицы. От ударных копий они отличались меньшей массивностью и размерами. По форме лезвия сулицы делятся на граненые (треугольные или ромбические в разрезе) и листовидные. У некоторых на концах лезвия нередко помещена бородка с двумя шипами, благодаря которым оружие застревало в теле противника. Найдено всего 47 сулиц [Кирпичников, 1966], что свидетельствует о сравнительно меньшем их распространении.

Лук и стрелы наиболее распространенное дальнобойное оружие. В этом отношении их можно сравнить с ружьем последующих времен. Недаром использование в бою ружья определяется словом «стрелять», происходящим от названия стрелы. Лук и стрелы были, как и меч, объектом религиозного поклонения. Существует большое количество письменных свидетельств, в том числе и иностранных авторов, о действии этого оружия.

Лук, к сожалению, плохо сохранился до настоящего времени. Во время раскопок древнерусских памятников встречаются отдельные его части, преимущественно из кости. Поэтому о его устройстве можно судить на основании рисунков времен древней Руси и этнографических параллелей. В древней Руси был распространен так называемый сборный лук, изготовленный из нескольких пластинок разных пород гибкого дерева и кости, специально скрепленных между собой. Таким образом достигалась большая эластич-

ность и пружинность. Очевидно, именно о таких луках и упоминают летописи, называя их тугими.

Наконечники стрел — одна из наиболее распространенных категорий

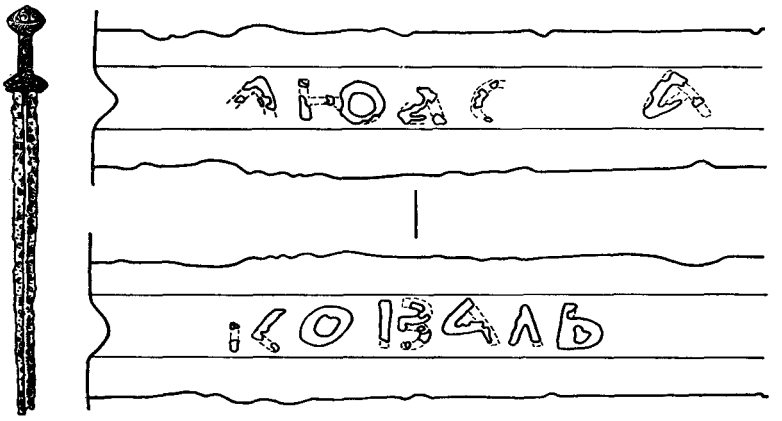


Рис. 110. Меч с клеймом «КОВАЛЬ ЛЮДОТА».

археологических находок. Известно несколько типов древнерусских наконечников стрел, основными из которых являются листовидные, ланцетовидные, ромбические, четырехгранные, пирамидальные и круглые. Каждый из типов имел определенную боевую функцию: тяжелые пирамидальные и тонкие круглые использовались для пробивания доспеха; широкие листовидные и ланцетовидные оставляли опасную широкую рану; ромбические застревали в теле противника. У кочевников существовали трехлопастные наконечники стрел с дырочками на лопастях, издававшие во время полета резкий свист, пугавший противника.

Топоры на Руси того времени были основным хозяйственным орудием и одновременно боевым оружием. Для того чтобы хозяйственный топор стал удобным оружием, нужно было всего лишь удлинить рукоять. Топорами преимущественно вооружалась наиболее многочисленная часть войска, так называемые вои (народное ополчение). В летописных рассказах о боевых действиях русских войск топоры упоминаются чаще, чем какое-либо другое оружие.

Топорам принадлежит одно из первых мест среди археологических находок. Но определить, какой топор использовался в качестве оружия, а какой являлся хозяйственным, сложно. Топоры, найденные на городищах, в основном делятся на два типа: клиновидные с постепенно расширяющимся книзу лезвием, и с бородкой, лезвие которых в верхней части со стороны рукояти имеет полукруглый вырез. Топоры первого типа называют иногда хозяйственными, а второго — боевыми. Однако, повторяем, боевым мог стать любой топор.

Известны и только боевые топоры. Это небольшие экземпляры второго типа с серебряной инкрустацией на лезвиях. Они найдены на Райковецком городище и возле г. Старая Ладога. Вероятно, они принадлежали общественной и военной верхушке древней Руси. О боевых топорах как персональном оружии князей и бояр неоднократно упоминают летописи.

Ударным оружием в древней Руси были булавы и кистени. Булава насаживалась на конец деревянной рукояти. Среди булав, найденных на древнерусских поселениях, встречаются железные, медные и костяные. Форма их круглая, граненая, ребристая и с острыми шипами. Использовались они для нанесения удара по противнику, одетому в доспех. Кистень был похож на булаву. К деревянной рукояти он

крепился с помощью цепи, ремня или веревки. В отличие от булавы у кистеня вместо дырки для насаживания на рукоять существовали «ушки», с помощью которых он привязывался к рукояти. Это оружие имело большую ударную силу.

К боевому оружию следует отнести также большие массивные ножи и кинжалы, использовавшиеся во время рукопашного боя.

Таким оружием, по свидетельству летописи, князь Мстислав Владимирович во время поединка убил касожского богатыря Редедю.

Воина защищали от ударов противника щит, шлем и доспех. Щит — один из важнейших видов защиты. Умбоны — металлические полусферические выступы, помещавшиеся в центре щита,— найдены на могильниках Новгорода, Гнездова, Чернигова, Шестовиц и Воиня. Но большинство щитов не имело металлических частей. В основе обычного щита была деревянная доска или каркас, обтянутый толстой и твердой кожей. На внутренней стороне щита находился поперечник, игравший роль ручки для держания щита.

Известны щиты разных форм: круглые, овальные, треугольные, трапециевидные. Общая черта всех щитов — выпуклость. Благодаря такой форме стрелы и копье, ударяясь о щит, падали под косым углом к его плоскости, что уменьшало пробивную силу оружия.

Размеры щита зависели от наличия у воина иного защитного снаряжения. Если воин не имел доспеха, то щит должен был прикрывать туловище и грудь. У воина, одетого в броню, щит был небольших размеров.

Шлем защищал от ударов голову. Его форма соответствовала назначению. Древнерусский шлем имел широкую тулью и плавно выгнутые и вытянутые вверх стенки, сверху он увенчивался шпилем. Благодаря такой сфероконической форме шлем лучше защищал воина от ранения. Удар, нанесенный противником по шлему, скользил по его стенке. Впереди на шлеме имелась удлиненная пластинка, защищавшая нос. Но известны шлемы и без нее.

Шлемы появились на Руси в IX в. Их прототипами были шлемы, известные в странах Востока уже в VII—VIII вв. Отличие русских шлемов от восточных и западных свидетельствует об их местном изготовлении. Выработанная в X в. на Руси форма шлемов оставалась почти неизменной на протяжении всего доордынского периода. Типичными являются шлемы, найденные в черниговских курганах (Черная Могила, Гульбище), в Киевском могильнике, в тайнике Десятинной церкви, на Райковецком городище и т. д. Всего в древнерусских землях найдено более 20 шлемов [Кирпичников, 1958].

Наличие шлема в воинском доспехе являлось признаком высокого военного положения их владельцев. Это были достаточно дорогие вещи, имевшиеся только у представителей военной феодальной верхушки. Как ценные вещи и военные реликвии они хранились и передавались по наследству. Этим объясняется сравнительно небольшое количество найденных экземпляров. Известны шлемы, богато украшенные золотом, например экземпляр, найденный возле Юрьева Польского, принадлежавший князю Ярославу Всеволодовичу. Такие шлемы блистали, по словам галичского летописца, «яко солнцю восходящю» и были видны издалека. Кроме того, они указывали на местонахождение военачальника и направление движения войск, то есть были ориентиром во время боя. О такой функции шлемов рассказывается в «Слове о полку Игоревом» при характеристике храброго князя Всеволода: «Камо тур поскочаше своим златым шоломом посвечивая, тамо лежать поганые головы половецкие».

Доспех (кольчуга и панцырь) защищал туловище воина. В летописях доспех упоминается достаточно часто, что отражает его распространенность в древнерусском войске.

Наиболее распространенным видом доспеха в древней Руси была кольчуга, представлявшая собой металлическую рубаху, изготовленную из колечек, продетых одно в другое и заклепанных. Кольчуга впервые появилась на Востоке. В Восточной Европе она известна на сарматских памятниках. Но по технике изготовления она отличается от славяно-русских. У восточных славян кольчуга появилась во второй половине I тыс. н. э. (Волынцевский могильник на Сейме). Кольчуги IX—X вв. обнаружены в курганах Киева, Смоленска, Чернигова, Приладожья. Встречаются они почти на каждом древнерусском городище XI—XIII вв. — Княжьей Горе, Колодяжине, Райковецком, Воине и др.

Панцирь известен в Восточной Европе со скифского времени. Но в древней Руси он был не так популярен, как кольчуга. Объясняется это преимуществами последней: она легче, эластичнее, удобнее в пользовании и надежнее как способ защиты. Панцирь найден на нескольких древнерусских городищах, в том числе в Воине.

Панцирь представлял собой кожаную одежду с нашитыми поверх нее металлическими, в основном железными, пластинками. Они размещались рядами таким образом, что каждая верхняя прикрывала часть нижней, на манер рыбьей чешуи. Поэтому такие панцири называются чешуйчатыми.

Щит, шлем и доспех хорошо защищали воина во время дальнего и ближнего боя. Так, по свидетельству Льва Диакона, в бою под Доростолом Святослав Игоревич упал с коня и оказался на земле, но щит и броня защитили его от ударов вражеских мечей, и князь избежал серьезного ранения.

Таким образом, в древней Руси получило распространение разнообразное боевое оружие и эффективные защитные приспособления. По качеству военное снаряжение древней Руси стояло на уровне мировой военной техники того времени.

Сельское хозяйство

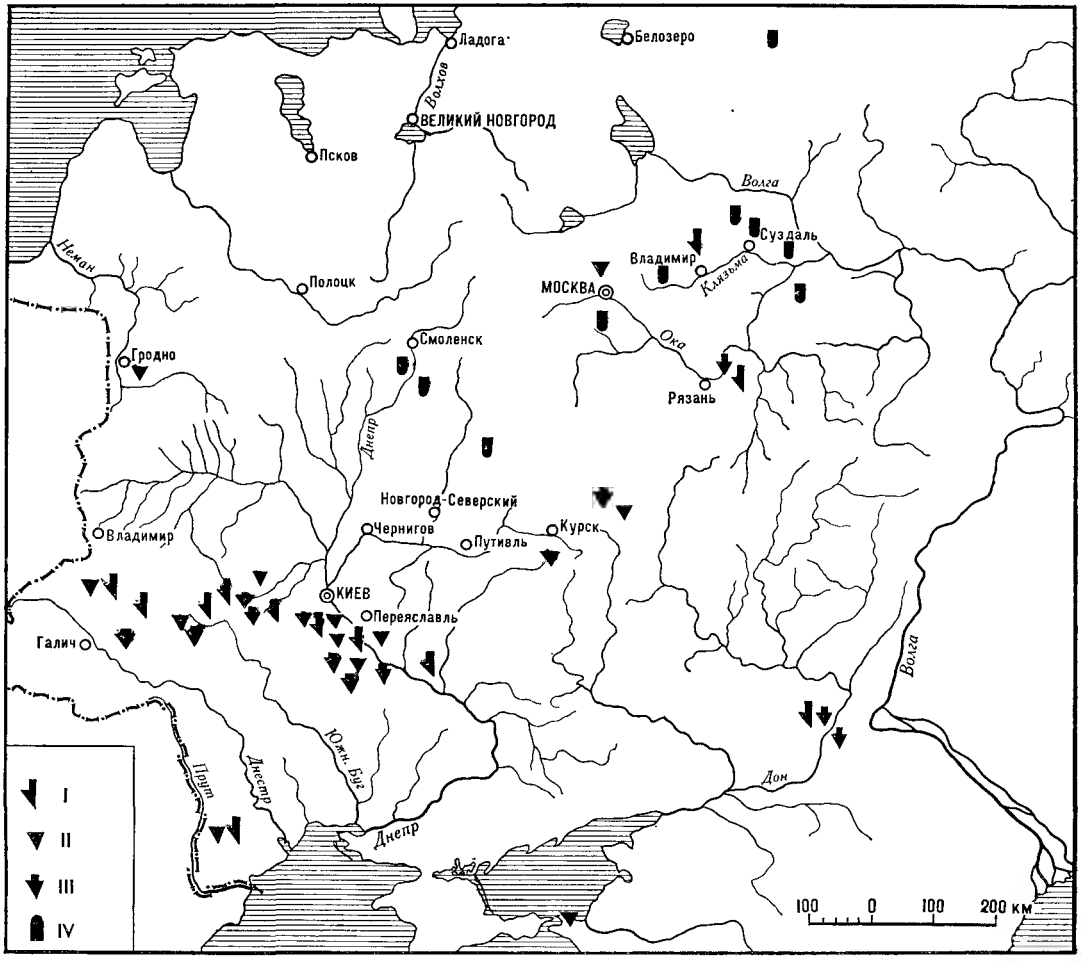
Сельское хозяйство составляло основу феодальной экономики Древнерусского государства. Различные стороны его развития отражены в сведениях письменных источников — летописях, юридических актах, художественной и церковно-религиозной литературе, в древнерусской миниатюре, монументальной живописи и предметах прикладного искусства. Однако более существенные данные для освещения истории сельского хозяйства в эпоху древней Руси дают раскопки археологических памятников.

Уже в дореволюционное время стали известны археологические материалы, позволившие судить о роли сельского хозяйства в экономике Древнерусского государства [Хвойка, 1913]. В советский период, особенно в последние десятилетия, в результате широких археологических исследований древнерусских памятников получены массовые археологические материалы для изучения сельского хозяйства. На их основе советскими археологами и историками создана концепция истории сельского хозяйства, показан комплексный земледельческо-скотоводческий характер сельскохозяйственного производства и определена главенствующая роль земледелия в системе хозяйства [Левашова, 1956; Довженок, 1961; Кочин, 1965; Чернецов, 1976; 1977; Краснов, 1969; 1982].

Ко времени Киевской Руси сельское хозяйство в Восточной Европе прошло долгий путь развития. Основные достижения предшествующих периодов были унаследованы восточнославянскими племенами и подняты ими на новый технический уровень.

В X—XIII вв. на территории Киевской Руси господствовала пашенная паровая система земледелия; двуполье и трехполье. Она возникла из перелоговой системы путем значительной интенсификации полеводства: сокращения периода отдыха участков земли

и технического усовершенствования пахотных орудий. Объективной предпосылкой перехода к более прогрессивной паровой системе явилось значительное уменьшение площади незанятых земель. Подсечная система земледелия применялась в основном при расширении пахотных полей и освоении новых участков. Раскопки последних десятилетий свидетельствуют о



господстве и в лесной полосе полевого пашенного земледелия уже накануне образования Древнерусского государства [Седов, 1982].

Остатки орудий обработки почвы в виде железных наконечников, а при соответствующих почвенных условиях и отдельных деревянных частей найдены на многих археологических памятниках, что дает возможность реконструировать различные категории орудий и составить представление об их функциональном назначении. Орудия обработки почвы делятся на две категории: пахотные, применяемые с помощью тягловой силы и ручные. Пахотные орудия (рало, плуг, соха) сосуществовали и использовались в зависимости от условий ландшафта, специфики почв и различий в процессах обработки почвы.

Древнейшим и простейшим пахотным орудием было рало. В древнерус-

ский период рало с деревянной рабочей частью применялось главным образом при культивации почвы [Гильденштедт, 1804]. Самый простой тип рала с железным наконечником — ра-

Карта 9. Размещение находок земледельческих орудий:

I — наральник;
II — сошник;
III — лемех;
IV — чересло.

ло с узколезвийным (узколопастным) наральником, общая длина которого составляет 9—12 см. Этот тип рала представлен, например, в находках из Райковецкого городища шестью наральниками. Важной чертой узколезвийных наральников, определяющей функциональные особенности орудия в целом, была форма самого наральника: лезвие у́же втулки, что исключало возможность работы в горизонтальном положении. Конструктивные особенности узколезвийного рала не позволяли подрезать слой почвы. Вклиниваясь рабочей частью в грунт под определенным углом, оно только разрыхляло почву. Кроме того, между бороздами оставались полосы невспаханной земли. В X—XIII вв. и позднее узколезвийные наральники сосуществовали вместе с другими пахотными орудиями в зонах с преобладанием лесного ландшафта, а также использовались в качестве вспомогательного орудия.

В VII—X вв., особенно на территории южнорусских земель, преобладают широколезвийные (широколопастные) наральники [Чернецов, 1976]. Они известны на многих археологических памятниках — Белая Церковь, Владимир-Волынский, Колодяжин, Княжья Гора, Плесневск, Райковецкое городище, Сахновка (Девич-Гора). Время их существования практически охватывает весь древнерусский период. Отличительная черта широколезвийных наральников заключается в том, что лопасть (лезвие) шире втулки. Размеры широколопастных наральников следующие: длина 12,7—23, ширина 6,3—11,5 см. Рало с широколезвийным наральником подрезало слой почвы горизонтально, поднимало грунт ровным слоем, не оставляло невспаханных полос. Все это обусловило значительную продуктивность и широкое использование широколезвийного рала в эпоху древней Руси.

Наиболее совершенным пахотным орудием был плуг. Древнейшей находкой части плуга на восточнославянских памятниках второй половины I тыс. н. э. является чересло из поселения возле с. Хотомель, датируемое IX в. В древнерусских письменных источниках плуг впервые упоминается в «Повести временных лет» под 981 годом [ч. 1, 1950].

Предшественником плуга являлось рало с широколопастным наральником. Превращение рала в плуг шло в основном путем усовершенствования отвального устройства, перехода от наральников к лемехам, а также дополнительного устройства для подрезания слоя почвы со стороны невспаханного поля (чересло). Находки лемехов и чересел встречаются на многих древнерусских памятниках (Белая Церковь, Воинская Гребля, Плесневск, Княжья Гора, Колодяжин, Щучинка и др.). Особенно много сельскохозяйственных орудий найдено в слоях XII—XIII вв. Форма лемеха имела первостепенное значение (симметричная или несимметричная) для эффективности работы [Кочин, 1965]. На протяжении истории плуга совершался постепенный переход от симметричного к асимметричному. При вспашке симметричным лемехом поднимаемая земля разваливалась по обе стороны орудия, при вспашке асимметричным — пласт переворачивался на 180° — ложился вниз луговиной.

В эпоху древней Руси известны лемехи трех типов: симметричные, относящиеся к наиболее ранним пахотным орудиям, близкие к широколопастным наральникам; с признаками асимметрии, для обработки частично освоенных почв; асимметричные, для обработки окультуренных почв. Эволюция развития лемеха прекрасно

прослеживается на материалах древнего Изяславля. Здесь найдены лемехи всех трех типов: симметричные, длиной 18—20 см, выкованные из целого куска железа; с ярко выраженной асимметричностью сторон, до 25 см длиной, изготовленные из двух кусков железа, сваренных методом горячей ковки; асимметричные лемехи, длиной 30—35 см, также изготовленные из двух кусков железа, усиленные с боков наварными пластинами [Миролюбов, 1984].

Чересла (плужные ножи) делались в форме большого массивного ножа, длиной 40—50 см, с шириной лезвия до 8 см.

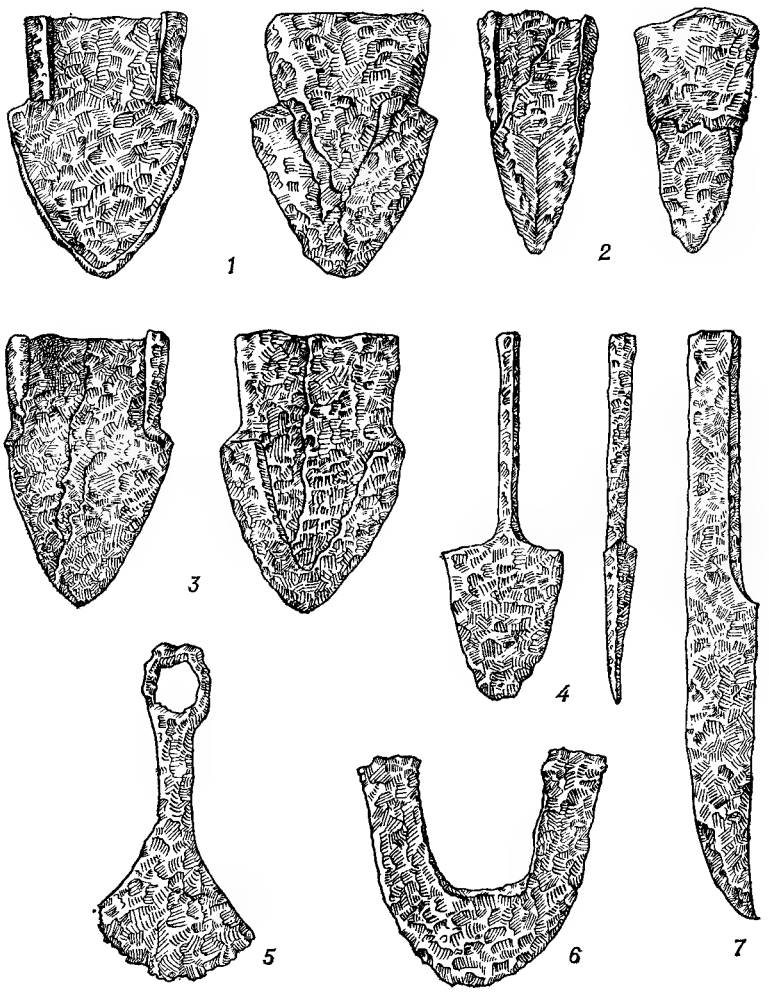


Рис. 111.
Сельскохозяйственные орудия:
1, 3 — лемехи;
2, 4 — наральники;
5 — мотыжка;
6 — оковка лопаты;
7 — чересло (1—4, 7 — Райковецкое городище; 5, 6 — Княжья Гора).

Для переворачивания подрезанного лемехом пласта к плугу крепилась отвальная доска — полица. По мнению А. В. Кирьянова, остатки отвальной доски найдены в Хотомели вместе с наральником и чересло [1952].

В лесной зоне, к которой относится северная и северо-западная части территории современной Украины, получила распространение соха. В древнерусский период существовали два основных типа сохи, отличающиеся

техникой обработки почвы: работавшие наклонно к поверхности почвы, разрыхляя ее сверху, и работавшие в горизонтальном положении, подрезавшие грунт снизу. В функциональном отношении первый тип сохи походил на узколезвийное рало, а второй — на плуг. Сошники второй группы всегда асимметричны. Каждая такая соха имела по два сошника (правый и левый), что дало основание называть их двузубыми. Длина сошников одно- и многозубых сох 20—25 см, двузубых около 30 см.

Вышеописанные типы орудий обработки земли использовались на различных почвах и для определенных процессов. Плугом вспахивали целину тяжелые черноземные почвы Лесостепи. Для него требовалась значительная тягловая сила. На твердых грунтах первопахотных и перелоговых земель плуг дополнялся узколезвийным ралом. На культурных старопахотных почвах функции плуга могли выполнять широколопастные рала, что хорошо фиксируется одновременными находками в Лесостепи частей плуга и широколопастных наральников. И наконец, в лесных районах на участках недавно очищенных от леса либо каменистых почвах использовалась однозубая соха, а на подзолистых почвах с тонким слоем чернозема применялась двузубая.

Дополнительно обрабатывали почву бороной. О ней упоминается в «Русской Правде»; отдельные находки зубьев встречаются на памятниках с хорошей сохранностью органики, например, в Старой Ладоге, так как бороны были деревянными.

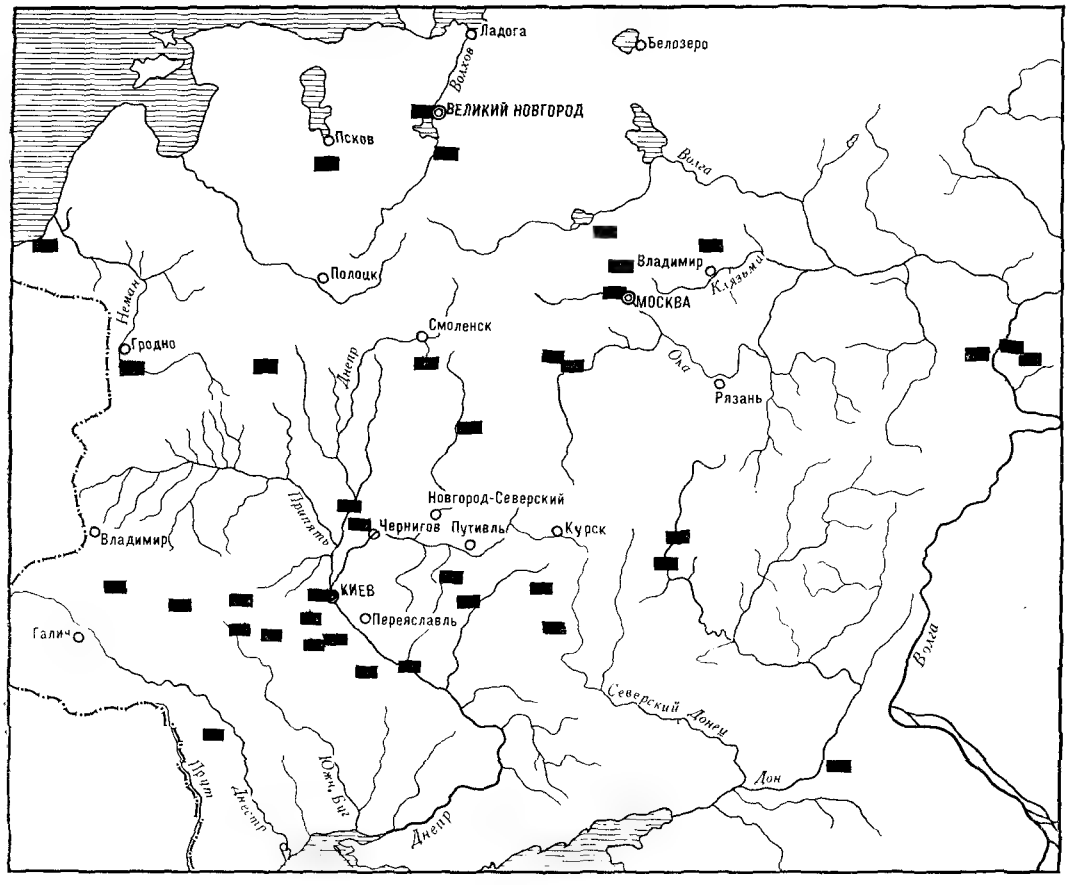
Обрабатывались пашни и огородные участки с помощью мотыг и заступов. Очевидно, в VIII—X вв. роговые славянские мотыжки сменяются железными. Из наиболее ранних памятников они встречены на поселениях Каневское, Макаров Остров, на Пастырском городище [Пашкевич, Петрашенко, 1982]. Известны мотыги двух типов: в виде лопаточки с прямым или чуть расширенным лезвием и вертикальной втулкой с загнутыми бортами, небольших размеров (длина 7,5—12 см) и орудия с горизонтальной проушиной и длинным корпусом, расширяющимся книзу (длина 13—23 см). Для обработки приусадебных участков под огороды и участков, непригодных для пахоты, использовались заступы. Они состояли из деревянной части, имевшей вид лопаты, окованной железом. Размеры заступов разные: средняя высота рабочей части 20 см, ширина 17, ширина пластины оковки около 5 см. Известны также цельножелезные лопатки, подобные современным, с зауженным книзу острием в виде треугольника.

Земледельческие культуры древней Руси представлены на археологических памятниках широким набором злаков: озимые и яровые, бобовые и технические культуры (Райковецкое городище, Воинская Гребля, Княжья Гора, Киев и т. д.), обгорелые остатки растений или отпечатки злаков на керамике, сушилках. Палеоботанические исследования показали наличие таких культур, как рожь, твердая и мягкая пшеница, ячмень, просо; бобовых: горох, вика, чечевица, бобы; из технических и масличных культур — конопля и лен.

Основной зерновой культурой в южной части Древнерусского государства, в том числе Поднепровья, была пшеница. В VIII—X вв. главное место в ней занимала двузернянка, наиболее выносливая, засухоустойчивая и зимостойкая культура [Пашкевич, Янушевич, 1978]. В XI—XIII вв. двузернянка постепенно заменяется голозерными пшеницами, что связано с широким внедрением плуга и развитием его технических возможностей: переходом от широколопастных наральников к тяжелым лемехам, особенно асимметричным, производившим глубокую вспашку, при которой семена двузернянки слишком глубоко попадáли в землю. Кроме того, двузернянка (полба) требовала значительных затрат труда и времени на очистку зер-

новок от плотной чешуи, к тому же она давала меньший выход муки, чем голозерная пшеница. Наряду с полбой встречалась пленчатая пшеница-спельта, также устойчивая к неблагоприятным почвам и колебаниям климата [Пашкевич, Янушевич, 1978]. Несмотря на преобладание мягкой пшеницы, в XII—XIII вв. двузернянка как стойкий вид зерновых, а также тыкву, чеснок, морковь, свеклу, лук и т. п.

Подсобное значение имело и садоводство, распространенное не только в сельской местности, но и в городах.



для получения крупы-полбы возделывается длительное время [Пашкевич, 1984].

Письменные источники и археологические материалы дают достаточно сведений об огородничестве. Занимая второстепенное место в системе земледелия, огородничество было широко распространенным занятием сельских и городских жителей древней Руси, выращивавших разнообразные культуры: капусту, репу, огурцы, Известны такие виды плодовых деревьев, как яблони, груши, сливы, вишни, плодово-ягодные кустарники.

Таким образом, состав сельскохозяйственных культур мало отличался от современного и включал практически все основные культуры, характерные для эпохи средневековья в соответствии с определенной климатической зоной.

Важным завершающим этапом сельскохозяйственных работ являлся сбор

урожая и обработка продуктов земледелия. Главным орудием для уборки зерновых культур был серп, одно из древнейших земледельческих орудий. Древнерусские серпы по разме-

Карта 10. Местонахождения культурных растений.

рам и форме близки современным, но последние несколько крупнее. Длина древнерусских серпов в среднем составляет (по прямой линии) 19—23 см, наибольшая ширина 1,8—3,5 см. Технологические особенности серпов зависят от формы лезвия. Наибольшей продуктивностью обладают серпы, у которых угол среза во время работы между линией движения и каждой точкой острия одинаковый и приближается к 50°. Лезвие у серпа обычно зубчатое, что положительно влияет на продуктивность работы.

Среди общей массы серпов в древнерусский период выделяется несколько типов, характерных для определенных географических зон. На территории УССР в основном распространено два типа серпов: киевский и юго-западный. Серпы киевского типа чаще небольшие, угол резания в среднем составляет 40—50° и редко превышает 50°, уступая по своим рабочим качествам новгородскому. Юго-западный тип серпа характеризуется более высокими показателями угла резания, в среднем от 48 до 55° и не уступает новгородскому. Оба вида серпов нередко встречаются на одних и тех же памятниках Южной и Юго-Западной Руси. В настоящее время серпы практически находят почти на всех стационарно раскапываемых памятниках, причем в отдельных пунктах в значительных количествах: в Изяславле — 405, Райках — 113 экземпляров.

Сжатые снопы складывались в копны, сушились. Молотили хлеб деревянными цепами. Просушенное зерно ссыпалось в хранилища — зерновые ямы.

Размол зерна проводили с помощью ротационных мельниц. Жерновой постав, распространенный на территории Южной и Юго-Западной Руси, представлял совершенное мельничное устройство с большой скоростью вращения бегуна [Минасян, 1978], состоявшее из двух жерновов, порхлицы и цапфы. Жернова изготовляли из природного камня, чаще — из вулканического туфа [Хавлюк, 1973]. Размеры жерновов 30—50 см, толщина жернова 5—10 см. Для южнорусского жернового постава характерна высокая производительность, самая высокая для эпохи средневековья.

Наряду с земледелием значительное место в сельском хозяйстве Древнерусского государства занимало скотоводство, тесно связанное с развитием земледелия, обеспечением населения продуктами, а также с другой хозяйственной деятельностью, средствами передвижения, военным делом. Письменные источники, древнерусские миниатюры в сочетании с археологическими данными (следы построек для содержания скота, орудия труда и инвентарь, остатки фауны) дают представление о развитии скотоводства, составе стада. Остеологические материалы позволяют определить хозяйственное районирование отраслей скотоводства в зависимости от физико-географическоих зон, проследить изменения соотношения видового состава стада в динамике.

На раннем этапе VIII—X вв. на Правобережье Днепра и Поднестровье основной отраслью животноводства было разведение крупного рогатого скота, а также мелкого, свиней, овец, домашней птицы [Пашкевич, Петрашенко, 1982]. На Левобережье при аналогичном видовом составе преобладало свиноводство.

Отметим, что крупный рогатый скот был не только источником питания и сырья, но и тягловой силой в пашенном земледелии, особенно в южных районах [Седов, 1982].

На городищах и поселениях Среднего Поднепровья VIII—X вв. числен-

ность остатков коня сравнительно невелика. Исключение составляет пограничье Лесостепи — Степи [Пашкевич, Петрашенко, 1982].

В XI—XIII вв. господствующее положение в составе стада Среднего Поднепровья (Правобережье) по-прежнему занимает крупный рогатый скот. Его остатки на памятниках региона составляют до 39,1% всего состава стада [Тимченко, 1972]. На втором месте по численности — свинья (до 26%), на третьем овцы (до 23,6%).

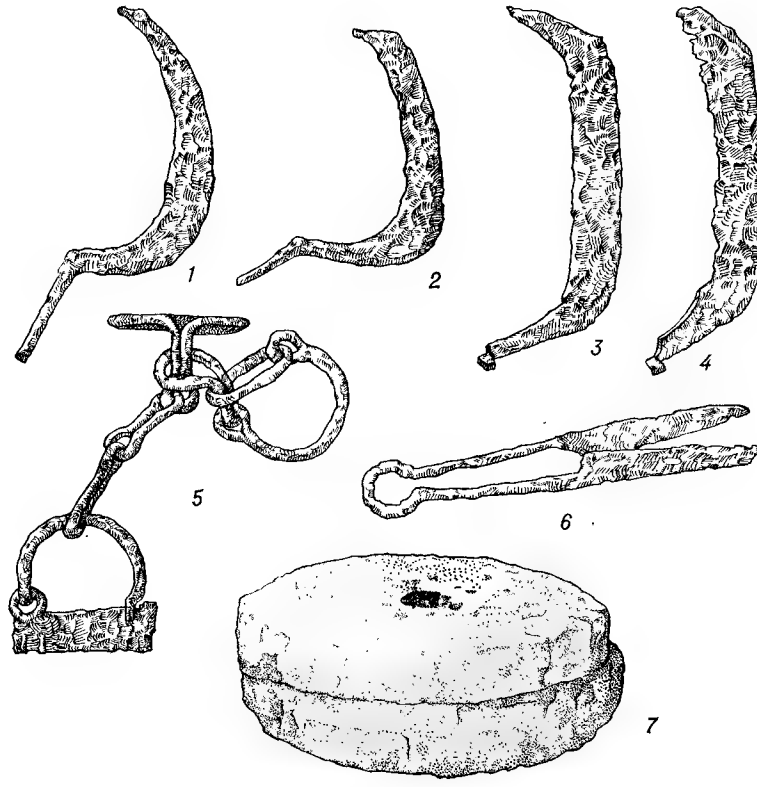


Рис. 112.
Орудия уборки, обработки урожая и скотоводческий инвентарь:
1, 2 — серпы;
3, 4 — косы-горбуши;
5 — ножницы для стрижки овец;
6 — конские пута;
7 — жернова
(1, 4 — Райковецкое городище;
5, 6 — Княжья Гора;
7 — Донецкое городище).

Все бóльшее значение приобретает разведение лошадей. Использование лошадей в качестве тягловой силы при плужном земледелии началось на Руси раньше, чем в Западной Европе (вторая половина XI в.). Уже в начале XII в. в речи Владимира Мономаха упоминается смерд, пащущий на одной лошади [ПСРЛ, 1962, т. 1]. По-видимому, на территории древней Руси раньше, чем в Западной Европе появляется и жесткий хомут, необходимый для упряжи при пахоте [Чернецов, 1977]. Письменные источники и археологические материалы свидетельствуют и о широком использовании лошади для верховой езды. Так, относительно высокий процент остеологических остатков коня отмечается в древнерусских крепостях Днепровской оборонительной линии: Чучине и Иване [Белан, 1978]. Сравнительный анализ остеологического материала VIII—X и XII вв. с городища Монастырек показал, что лошадь по количеству костей и числу особей занимала второе место. В древнерусском слое этого памятника прослеживается уменьшение особей быка (38%) и увеличение особей коня: с 8,2 до 27,8% [Белан, 1978; Пашкевич, Петрашенко, 1982].

Стойловое содержание скота обеспечивало круглогодичное использование мясо-молочных продуктов в питании населения, и вместе с тем, требовало заготовки кормов. На древнерусских памятниках повсеместно известны находки железных кос, применявшихся для заготовки сена. В древнерусский период существовало несколько типов кос-горбуш, форма которых непосредственно связана с особенностями ботанического состава трав в различных природных зонах. Наиболее существенные различия между отдельными типами кос выражаются в пропорциях и характере изгиба лезвия [Левашова, 1956]. Для территории УССР наиболее характерен так называемый южнорусский тип косы. Такие косы короче и шире северных, так как степные и лесостепные травы гораздо грубее северных, лесных. Вместе с тем эволюция кос и те изменения, которые они претерпевают на рубеже I—II тыс. н. э., особенно в XIV в., свидетельствуют о тенденции к увеличению размеров кос, уменьшению изгиба клинка и формированию небольшого черенка. В среднем размеры кос следующие: длина лезвия 30—55, ширина 3—4,5 см.

Из других орудий, необходимых при заготовке и уборке сена, известны грабли и деревянные вилы. На археологических памятниках встречаются и предметы, связанные с развитием скотоводства: ножницы для стрижки овец, конское снаряжение: удила, подковы и т. п.

Большую роль в хозяйственной жизни населения играли промыслы: охота, рыболовство, пчеловодство. Их широкому развитию объективно способствовали благоприятные природные условия: наличие больших лесных пространств, изобиловавших зверями и птицами, многочисленных рек и озер, богатых рыбой. Особое место занимала охота — источник пушнины, шкур и, частично, мясной пищи. Значение охоты в различных районах древней Руси непосредственно связано с природными факторами и спецификой хозяйствования на раннем и втором этапе развития феодализма. Так, кости диких животных в остеологическом материале археологических памятников Пруто-Днестровского междуречья VIII—X вв. составляли около 10%, на памятниках Правобережного Поднепровья — от 36,6 (Монастырек) до 55—63% (Сахновка, Каневское поселение), на памятниках Левобережья — до 50% [Пашкевич, Петрашенко, 1982; Седов, 1982]. В XI—XIII вв. такое соотношение изменяется в сторону увеличения удельного веса домашних животных, что особенно характерно для лесостепных районов Среднего Поднепровья. Так, в слое XII в. городища Монастырек удельный вес диких животных снижается до 24%, а в древнерусском Чучине дикие животные составляют всего 6% остеологического материала.

По видовому составу в Поднепровье известны костные остатки 23 видов млекопитающих [Тимченко, 1972]. Среди них преобладали копытные (до 71,1% особей млекопитающих): олень, лось, косуля. Довольно часты находки костей дикого кабана, тогда как костные остатки тура, зубра, кулана, сайги, медведя, бобра встречаются редко. На более южных памятниках (Воинская Гребля) возрастает количество костей кабана, оленя. В то же время снижается численность лося. В лесной зоне и северных районах Среднего Поднепровья лось добывался в значительном количестве (Вышгород).

Охотничий инвентарь, судя по археологическим находкам и письменным источником, был довольно разнообразным. Основными орудиями охоты служили лук и копье. При охоте на крупных зверей применяли также рогатины и топоры. В арсенале охотника имелись и специальные костяные наконечники стрел, не портившие шкуру пушного зверя. Из письменных источников известно о капканах, сетях, ловчих ямах и других приспособлениях для ловли зверей и птиц.

Археологические материалы свиде-

тельствуют о широком распространении рыбного промысла. Ихтиологические остатки (шелуха и кости рыб), орудия рыболовства встречаются на многих древнерусских памятниках. По костным материалам известно о ловле щуки, сазана, сома, судака, осетра, линя, карася, красноперки и пр. Такие орудия, как гарпуны, остроги, крючки, обычно большие по размеру, предназначались в основном для ловли крупных рыб. Нередко встречаются каменные, свинцовые, глиняные грузила для сетей. В благоприятных для сохранения органики почвенных условиях киевского Подола найдены поплавки из дерева, коры, бересты от неводов и сетей. В древнерусском Воине (Воинская Гребля) раскопаны складские помещения для хранения рыбы. Специальные производственные помещения для обработки рыбы зафиксированы на поселениях Змеевка и Игрень-Подкова в Южном Поднепровье [Козловский, 1984].

В письменных источниках и археологических материалах имеются сведения о занятиях пчеловодством. В древнерусский период существовало три вида пчеловодства: дикое коренное, или естественное дупловое, бортничество и пчеловодство с ульями [Розов, 1972]. Интересны данные о занятиях пчеловодством в VIII—X вв. с применением колод в качестве ульев. Находки сот, меда и остатков особей пчелы медоносной известны на городище Монастырек [Пашкевич, Петрашенко, 1982]. Орудия бортничества на древнерусских памятниках встречаются редко. Это ножи для срезания пчелиных сот и древолазные шипы.

Таким образом, археологические материалы дают представление обо всех отраслях сельского хозяйства Киевской Руси и позволяют говорить о высоком уровне его развития, включавшем практически основные достижения агрокультуры средневековья: прогрессивную систему земледелия в сочетании с передовой техникой обработки почвы (плуг с асимметричным лемехом), что позволило в конечном счете осуществить качественно новый переход от техники взрыхления к технике поворота пласта. Наличие высокопродуктивного земледелия и скотоводства, хозяйственного районирования и специализации создавало благоприятные возможности получения прибавочного продукта и обеспечивало ускоренное экономическое развитие Древнерусского государства.

IV ТОРГОВЫЕ СВЯЗИ И ДЕНЬГИ КИЕВСКОЙ РУСИ

Торговля в южнорусских землях (VIII — первая половина XIII в.)

Важным фактором развития производительных сил и углубления общественного разделения труда внутри восточнославянского общества конца I — начала II в. н. э. являлась торговля. Она играла значительную роль в совершенствовании феодальной экономики Древнерусского государства, содействовала формированию денежной системы, включению феодального поместья в товарный оборот. В создании и накоплении торгового капитала главенствующую роль играли внешнеэкономические связи, за которыми не стояло непосредственно товарное производство. Продукты, поступавшие на внешний рынок, присваивались господствующим классом путем внеэкономического принуждения. Они не производились как товар, но становились им в процессе самого обмена. Международная торговля Руси, не затрагивая экономических устроев феодального общества, способствовала обогащению господствующей верхушки и увеличению купеческого капитала. В то же время рост совокупного общерусского ку-

ческого капитала способствовал появлению товарного производства и, следовательно, внутреннего товарного обмена: «... все развитие купеческого капитала влияет на производство таким образом, что все более придает ему характер производства ради меновой стоимости, все более превращает продукты в товары» [Маркс, Энгельс. Соч., 2-е изд., т. 25, ч. 1, с. 359].

Древнерусское товарное производство и выпуск ремесленной продукции для удовлетворения потребностей внутреннего рынка достигают наибольшего развития, по свидетельству археологических и письменных источников, к XII в. Организация торгового обмена, описание важнейших торговых путей отражены в книге Н. Я. Аристова «Промышленность Древней Руси» — первом в отечественной историографии труде по экономической истории древней Руси [1866]. С появлением работ В. О. Ключевского проблемы торговли занимают центральное место в историко-экономических исследованиях о Древнерусском государстве.

Заметный след в изучении торговли Южной и Юго-Западной Руси оставил В. Г. Василевский, который впервые ввел в научный оборот европейскую торговую трассу X—XII вв. Киев — Прага — Регенсбург [1888].

В первые годы Советской власти продолжилось изучение внешнеторговых связей Руси [Рубинштейн, 1925; Любомиров, 1928; Брим, 1931]. Новый этап в изучении древнерусской торговли наступил после выхода работ Б. А. Рыбакова в конце 40-х годов [Рыбаков, 1948; ИКДР, 1948, с. 315—369]. Впервые на обширном археологическом материале рассмотрена внутренняя торговля древнерусских городов, в первую очередь Киева, научно обоснованы районы сбыта ремесленной продукции, выделены отдельные категории товаров. Была обрисована разветвленная сеть внутренних и трансевропейских торговых трасс. Значительный вклад в изучение социальной организации древнерусской торговли внес М. Н. Тихомиров, показав ее тесную связь с экономикой города, зависимость благосостояния городского хозяйства от «рыночной» конъюнктуры. Значительное внимание М. Н. Тихомиров уделил вопросам древнерусской купеческой корпорации, ее связи с социально-экономической политикой княжеской администрации [1955, с. 41—49, 95—104].

Данные работы во многом определили перспективы дальнейшего изучения торговли Киевской Руси на марксистской методологической основе. В последующие годы вышли исследования, углубившие и конкретизировавшие знания о данном разделе древнерусской экономики. М. В. Фехнер, изучавшая топографию бус на большей части территории Руси, показала, что в торговый обмен этим товаром втягивались не только горожане, но и сельские жители [1959; 1961]. Восточный и юго-восточный керамический импорт на Русь изучался Т. И. Макаровой [1967; 1972].

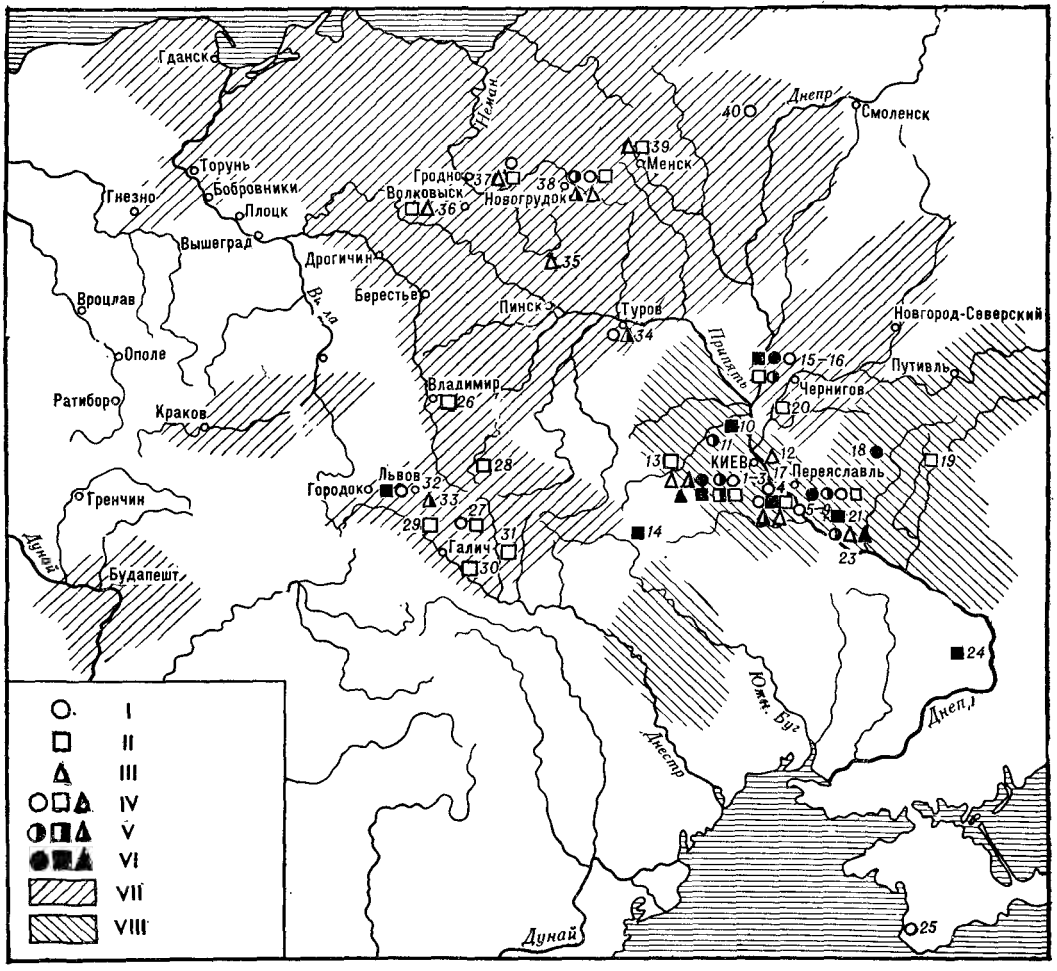
Большое значение для освещения западноевропейских, византийских и арабо-восточных экономических связей древнерусского государства имели исследования В. П. Даркевича и В. М. Потина [Даркевич, 1966; 1975; Потин, 1968]. В ряде работ рассмотрены экономические связи Прибалтики с Русью [Мугуревич, 1965; Кипciene, 1972; 1981], западных и северо-западных земель Руси с южнорусскими княжествами [Рыбина, 1971; 1972; 1978; Гуревич, 1976; 1981]. В последнее время появились и обобщающие очерки, специально посвященные импорту и экспорту южнорусских земель [Кучера, 1975, с. 373—376; Ратич, 1976, с. 201—203; Толочко, 1981, с. 356—378].

Одним из важных направлений торговли периода образования Киевской Руси было восточное. Активизация арабской торговли при поздних омейядских халифах (40—50-е годы VIII в.) привела к вовлечению в свою орбиту европейских территорий. Выход арабских купцов в Восточную Европу, судя по источникам, осуществлялся

через Прикаспий и Северный Кавказ в Приазовье, во владения хазар и далее в степи междуречья Дона и Днепра.

Персидские и арабские авторы неоднократно свидетельствуют о взаимных арабо-русских торговых контактах IX—X вв. Ибн-Хордадбег (первая половина IX в.) отмечал, что «руссы вывозят к Черному морю, в столицу хазар Итиль и даже Багдад меха белок, черных лисиц и мечи» [Заходер, 1967, с. 84—85]. По словам Ибн-ал-Факиха (начало X в.), товары купцов «руссов» шли из Гургана на Рей [Заходер, 1962, с. 59]. Присутствие русских купцов в IX — первой половине X в. было обычным явлением на южнокаспийских торгах в Абаскуне, Гургане, Рее.

Восточные связи южнорусских купцов не прекращаются с падением Хазарии под ударами войск Святослава и разрушением Владимиром Святославичем городов Волжской Булгарии. Ибн-Хаукаль сообщает, что после захвата Итиля «прилив торговли» не уменьшился. В XI в. русские корабли, по свидетельству Абу-Фази-Бейхани, пришвартовались у Амоля [Абу-Фази-Бейхани, 1962, с. 410]. Идриси (середина XII в.) сообщал, что мусульманские купцы доходят из Армении до «Куябы» — Киева [Новосель-



цев, 1965, с. 413]. Еврейский путешественник XII в. Вениамин Тудельский в своем итинерарии упоминал русские торговые корабли в Александрии [Цетлин, 1964, с. 173].

Карта 11. Схема распространения импортов Древнерусского государства и киевского экспорта в Восточной и Средней Европе:
I — восточный и византийский импорт;
II — западноевропейский импорт;
III — прибалтийский импорт;
IV—VIII—X вв.;
V — X—XI вв.;
VI—XI—XII вв.;
VII — регионы концентрации ремесленных импортов Южной Руси;
X — начало XIII в.;
VIII — районы концентрации восточных импортов;
VIII—X вв.
1 — Киев;
2 — Вышгород;
3 — Белгород-Киевский;
4 — Ржищев;
5 — Сахновка;
6 — Княжья Гора;
7 — Грищинцы;
8 — Таганча;
9 — Пекари;
10 — Красный Рог;
11 — Мышеловка;
12 — Городище (Изяславль);
13 — Городск;
14 — Райки;
15 — Чернигов;
16 — Шестовицы;
17 — Переяславль;
18 — Шпилевка;
19 — Хорол;
20 — Кошаны;
21 — Дуниковка;
22 — Жукин;
23 — Воинская Гребля;
24 — Хортица;
25 — Херсонес;
26 — Галич;
27 — Владимир;
28 — Подгорцы (Плесневск);
29 — Сапогов:
30 — Михалков;
31 — Зеленче;
32 — Судовая Вишня;
33 — Звенигород;
34 — Туров;
35 — Слоним;
36 — Волковыск;
37 — Гродно;
38 — Новогрудок;
39 — Менск;
40 — Ликомль;
41 — Логойск.

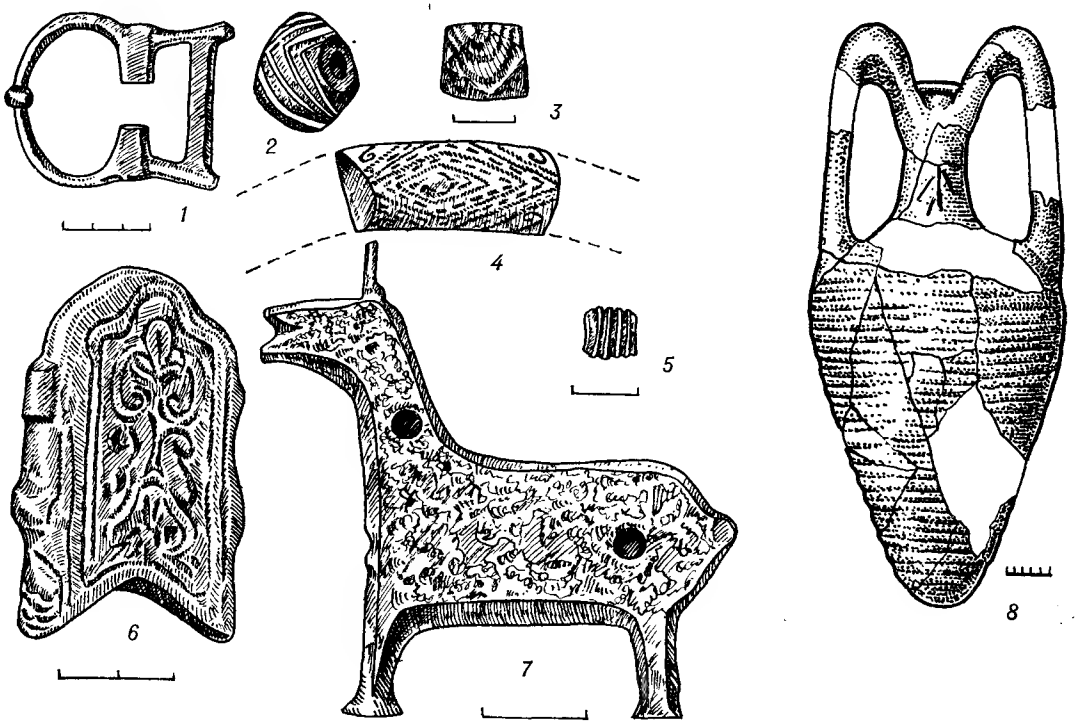
Наиболее массовой категорией изделий восточного импорта в Восточную Европу в VIII—X вв. являются стеклянные бусы, обнаруживаемые как на поселениях, так и в могильниках. Ибн-Фадлан (первая половина X в.) сообщал, что «руссы» покупали зеленые бусы по дирхему за штуку и составляли из них ожерелья. Наибольшее количество бус этого времени на территории современной Украины происходит из бассейнов рек Сула, Ворскла, Псел, Сейм и низовьев Десны. В основном это желтый бисер, посеребренные пронизки, ребристые эллипсовидные и бочонковидные голубые бусины. Аналогичный состав «бусенного» импорта характерен для районов верховьев Дона, Салтовского городища, Староладожской округи.

Вторым районом значительного распространения бус было правобережье Среднего Днепра, бассейны рек Припяти, Тетерева, Тясмина и Роси. Здесь преобладают зеленые пронизки, округлые бусины, желтые с меридианными коричневато-красного или белого цвета разводами (так называемые лимонки). Встречаются также «ложнопозолоченные» пронизки и многогранные голубого цвета бусины. По типологическому составу к среднеднепровским бусам тяготеют немногочисленные находки Буго-Днестровского междуречья. Аналогии бусам Правобережья Днепра известны в Польше, Словакии, Скандинавии, в Подонье и на Северном Кавказе. Как показал спектральный анализ, основная масса обнаруженных на южных древнерусских территориях бус VIII—X вв. изготовлена в сирийских и византийских центрах стеклоделания. Обращает внимание и тот факт, что подавляющее большинство импортных восточных бус изготовлено из стекла. Хрустальные и сердоликовые бусы обнаружены лишь на поселениях Волынцево, Опошня, Новотроицкое. Вероятно, их массовое поступление на юг Руси осуществлялось только с середины второй половины X в. [Шлоьников, 1978, с. 97—104].

Начиная с середины IX—X в. в восточном импорте на Южную Русь все большее значение приобретает металл, поступавший в виде монетного серебра и всевозможной утвари. Меняются и центры, поставляющие импортную продукцию. Если в начальный период древнерусско-восточных связей, как это видно на примере бус, основным поставщиком была Сирия, то обнаруженная на полянско-северянской территории металлическая утварь, датируемая после середины IX в., была изготовлена главным образом в ираносреднеазиатских владениях Саманидов, находящихся до 900 г. под протекторатом Багдада.

Ассортимент товаров, поступавших из Ирана и Средней Азии, включал в себя различного рода металлическую посуду (блюда, чаши, курильницы), поясные наборы, традиционные бусы,

среди которых появляются, в сравнительно большом количестве, сердоликовые и из горного хрусталя. Наиболее ранней вещью этого периода торговли можно считать бронзовую с позолотой курильницу, обнаруженную в Киеве в «городе Ярослава». Судя по орнаменту, покрывающему ее днище, она входит в круг изделий фергано-семиреченских мастеров и может быть датирована IX в. [Сагайдак, 1982, с. 85]. Иранского происхождения и фрагмент серебряной чаши IX—X вв. из Переяслава [Корзухина, 1954, с. 26, 27, 93, табл. XVI, *10*]. Возможно, среднеазиатским изделием является и бронзовая курильница — тренога с литой ручкой-втулкой, входящая в состав инвентаря одного из погребений начала X в. Киевского некрополя [Каргер, 1958, с. 195—196, рис. 41].



Широкое распространение в IX—X вв. по обеим сторонам Днепра получили серебряные поясные украшения, изготовленные в ирано-среднеазиатских центрах. О торговле поясами в конце X в. сообщал и Макуддаси (около 985 г.). С его слов, пояса вывозились из Самарканда [Бартольд, 1963, с. 295]. Однако не все обнаруженные на юге Руси поясные бляхи и наконечники являются импортом. Часть из них изготовлена на месте с сохранением иранской традиции в декоре. Ярким тому подтверждением являются обнаруженные в слое второй половины X в. на Подоле в Киеве две формочки для отливки бляшек для поясного и, возможно, уздечного наборов, изготовленные из овручского шифера. На одной из них имелась куфическая надпись, свидетельствующая о том, что подольский мастер был выходцем из мусульманского мира.

Распространение восточного импорта IX—X вв. охватывает главным образом территорию Среднего Днепра, территорию северян, граничившую на востоке с Хазарским каганатом,

В XI — первой половине XIII в. южнодревнерусско-восточная торговля достигла своего расцвета. После падения Хазарии и достижения Русью политико-экономического превосходства над Волжской Булгарией русское купечество было поставлено в наивыгоднейшее положение в отношениях с мусульманским миром. Русь становится основным посредником в азиатско-европейской торговле, а Киев — главным рынком азиатско-европейских торговых операций. В середине XII в. Абу Хамид-ал-Гарнати по прибытию в Киев встретил здесь «тысячи магрибинцев». О нахождении в Киеве азиатских караванов свидетельствуют обнаруженные в культурном слое XI—XII вв. кости верблюда. Последние найдены и в Вышгороде.

Рис. 113. Восточные и византийские импорты из древнерусских памятников:
1—5 — Вышгород; 6 — Мышеловка; 7 — Среднее Поднепровье; 8 — Воинь.

О решающей роли киевского купечества в восточной торговле южной Руси XI—XII вв. свидетельствует тот факт, что из 10 произведений восточной художественной металлообработки восемь приходится на Киев и Среднее Поднепровье [Даркевич, 1976, с. 50—54]. В это время достигает своего апогея ввоз массовых товаров из Средней Азии, Ирана, Сирии и Египта — сердоликовых и из горного хрусталя бус, стеклянной посуды, шелка из гладкой некрученой ткани, восточной глазированной керамики. В одном из киевских жилищ XII в. обнаружено 1274 бусины из горного хрусталя и 65 — из сердолика [Каргер, 1958, с. 473—474, табл. XCVI]. Отметим, что одним из лучших сортов горного хрусталя на Востоке считали согдийский, а наиболее искусными мастерами по его обработке славилась Басра [Бируни, 1963, с. 171, 460]. Среди 11 образцов шелковых тканей из клада 1903 г., обнаруженного на территории киевского Михайловского монастыря, наравне с византийскими имелись и фрагменты ирано-среднеазиатской ткани [Фехнер, 1974, с. 66—70].

Находки фрагментов люстровой керамики — самого высокого достижения керамистов Востока — в тесно связанной с Киевом Новогрудке дают основание для предположения о наличии транзита этого товара через Среднее Поднепровье на Неман. К сожалению, в Восточной Европе такая керамика встречена только в Саркале (Белой Веже) [Макарова, 1972, с. 8].

Для восточной торговли южнодревнерусских земель XII — первой половины XIII в. характерно расширение контактов. Вместе с ирано-среднеазиатскими центрами в торговлю включаются Сирия и Малая Азия. Определенную роль играли армяно-киликийские владения сельджуков. Расширению сферы древнерусско-восточной торговли во многом способствовали крестовые походы, оживившие мореплавание по Средиземному и Черному морям. Процессы, происходящие в мировой восточной политике и торговле, затрагивали политико-экономические интересы великокняжеской администрации. Древнерусские дружины принимали участие в крестовом походе 1097 г. Наравне с поляками и норвежцами они сражались в никейской битве, а в Иерусалиме, после его завоевания латинянами в 1099 г., появилась древнерусская монашеская община [Пашуто, 1968, с. 140—141].

С восточной торговлей тесно связаны и византийско-древнерусские экономические контакты. Товары, поступавшие с Востока и Византии в центр Киевской Руси, провозились по Великому Днепровскому пути, известному в летописи как «греческий». Константин Багрянородный (середина X в.) отмечал, что устье Днепра служило не только началом плавания к византийскому побережью: отсюда руссы ездили в Черную Болгарию, Хазарию и Сирию. Налаживание прочных экономико-политических связей молодого восточнославянского государства с Византийской империей происходило од-

новременно с активизацией восточных военно-торговых акций. Первое сообщение о выходе руссов на малоазиатское побережье Византийской империи относится к 40-м годам IX в. В «Житие св. Георгия Амастридского» отмечается, что руссы в это время устремляются в богатую торговыми городами Пафлагонию, с центром в Амастриде. Результатом похода явилось заключение мира между обеими государствами [Сахаров, 1980, с. 30—36].

О русско-византийской торговле первой половины IX в. писал Ибн-Хордадбег. Он отмечал, что с руссов «римский властелин» брал десятину, под которой можно усматривать торговую пошлину. Регулярные византийско-древнерусские контакты начинаются, по письменным источникам, с 60-х годов IX в. А в русско-греческих договорах 907, 911, 944 и 971 гг. Русь выступает полноправным торговым и политическим партнером Византии. О составе византийского импорта X в. дает представление известное высказывание летописца, передавшего слова Святослава перед возобновлением боевых действий против Византии в 969 г.: «... хочю жити в Переяславци на Дунаи, яко то есть середа земли моей, яко ту все блага сходятся: от Грекъ злато паволоки, вина и овощева разноличныя...» [ПВЛ, 1950, ч. 1, с. 48].

В XI—XII вв. византийско-древнерусская торговля переживала период своего расцвета. В ее стабильности были заинтересованы не только киевский великокняжеский двор, но и имперская власть Константинополя, представители которой получали из Киева различного рода сырье, в первую очередь — дорогостоящие меха. Безопасность «греческого» пути обеспечивалась коалиционными походами древнерусских князей. Императорские акты второй половины XII в. ограничивают деятельность своих конкурентов в русско-византийской торговле, которая велась в Крыму и Приазовье, выступавших узловыми районами византийско-древнерусских торговых контактов [ПСРЛ, 1962, т. 2, стб. 527—528; Бибиков, 1981, с. 67—68].

Хронологически ранней группой византийского импорта, обнаруживаемой в комплексах IX—X вв., являются стеклянные бусы, поступавшие на территорию Киевской Руси вместе с восточными. Центры изготовления бусин этого времени, встреченных на юге и юго-западе Руси, пока еще не выделены. Но уже можно говорить о преобладании стекольной продукции византийских мастерских на левобережье Среднего Поднепровья и на прилегающих к Киеву памятниках [Школьникова, 1978, с. 98]. Бусы византийского происхождения найдены и в самом Киеве (раскопки на Красной площади 1972 г., усадьба первой четверти — середины X в.). Они изготовлены путем навивки стеклянной массы вокруг стержня. Форма их в основном зонная и элипсовидная. На некоторых из них имеется пластичный узор в виде прямых и ломаных линий, выполненных инкрустацией из стекла иного цвета, чем остальная масса.

Неоднократно встречались в Киеве, Чернигове, Воине и других городищах Среднего Поднепровья фрагменты амфорной тары с вытянутой горловиной и низкими ручками. Такая форма амфор характерна для северопричерноморских владений Византии, где они изготовлялись в IX — первой половине X в. Отметим, что амфорная тара этого времени сосредоточена исключительно в городских центрах Среднего Поднепровья. Вместе с амфорами на Русь поступала и иная продукция византийского керамического ремесла. В Киеве и его ближайшем окружении, несомненно, должны были оседать полихромные керамические изделия IX—X вв., подобные блюду с Сэнмурвом или кружкам с восьмилепестковыми розетками, обнаруженными в погребальных комплексах Гнездовского некрополя и связываемых с константинопольскими мастерскими.

Значение византийской торговли для Руси возрастает с введением христианства в 988 г. В XI—XIII вв. расши-

ряется ассортимент ввозимых из Византии товаров, которые распространяются практически по всей территории Древнерусского государства. Изделия константинопольских, малоазиатских и северопричерноморских мастеров встречены при раскопках не только таких крупных городов Южной и Юго-Западной Руси, как Киев, Чернигов, Переяслав, Галич, но и в отдаленных пунктах, подобных Райковецкому городищу на западе Киевщины. Сосредоточением древнерусско-византийских связей по-прежнему оставалось Северное Причерноморье, где находились греческие и древнерусские торговые эмпории — Херсонес, Корсунь, Судак, Сурож, Белгород в устье Днестра.

На Русь доставлялись вина и различные масла, о чем свидетельствуют находки целых и фрагментарных амфор (на Руси они назывались корчагами) практически на всех известных древнерусских городищах в пределах современной Украины. Особенно их много в древнерусских городских центрах. На некоторых усадьбах Киева и Вышгорода фрагменты амфорной тары XII в. составляют 15—25% всей обнаруженной здесь керамики.

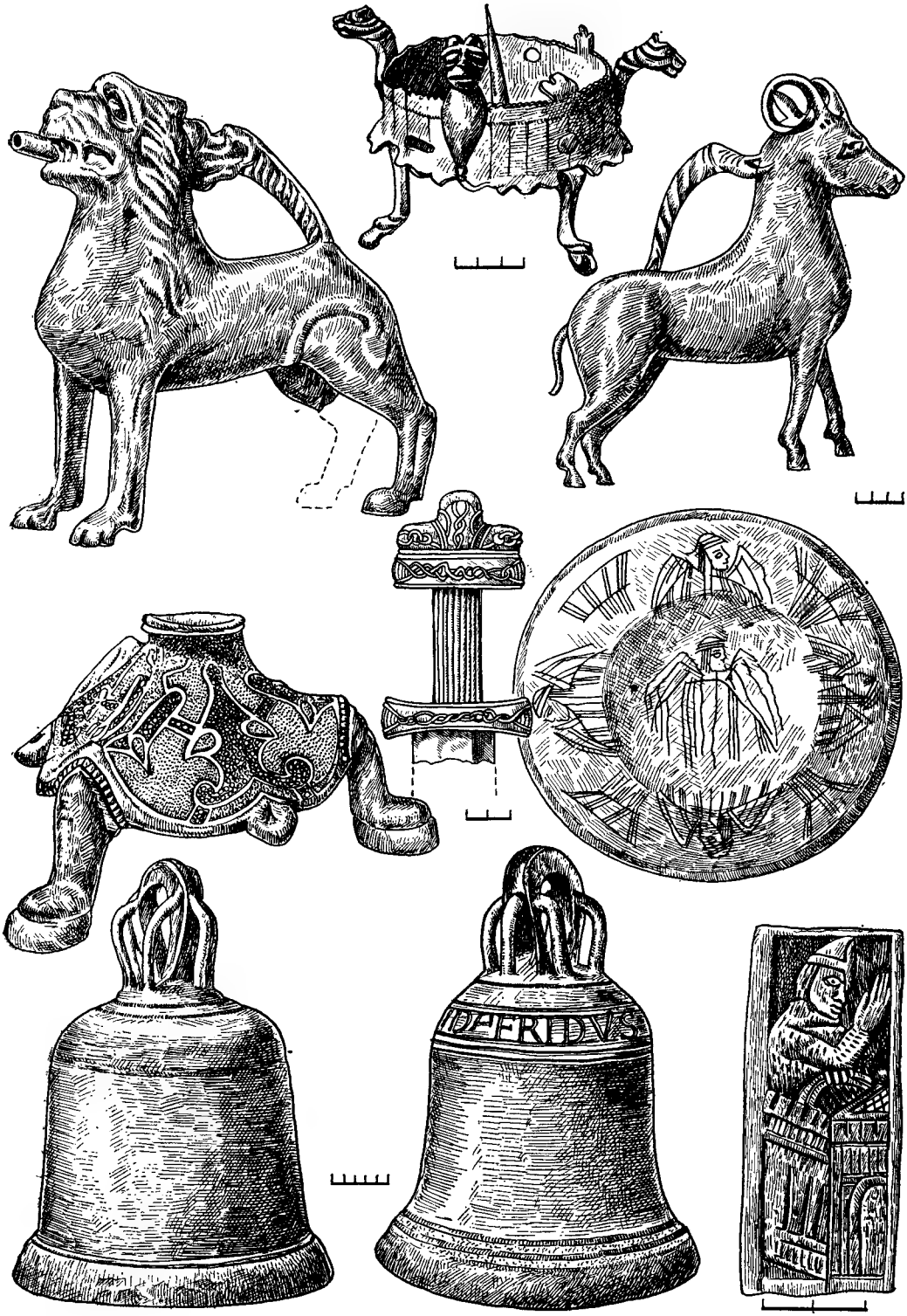
Большинство из обнаруженных в южнодревнерусских городах амфор XI — начала XIII вв. северопричерноморского происхождения. На некоторых из них имелись древнерусские граффити, выполненные по сырой глине. Преобладали амфоры двух типов. Первый имел грушевидную форму с низким горлом, на уровне венца которого крепились небольшие ручки. Днище амфор округлое, корпус покрыт крупным рифлением. Вторую группу составляют вытянутые остродонные амфоры с длинным горлом и высоко поднятыми над ним ручками. Рифление корпуса мелкое. Из других керамических изделий византийского происхождения следует назвать глазированную посуду, найденную в городах Среднего Поднепровья и Волыни. В Киеве, Чернигове, Вышгороде, Любече, Городске встречено до 50 фрагментов белоглиняной и зеленой глазированной керамики. Некоторые из них, датируемые XI в., могли быть и византийским импортом. Из Византии происходят и фрагменты столовой посуды с подглазурной росписью, встреченные в Киеве, Вышгороде, Чернигове и Воине в слоях XI в. В одном из византийских центров XI—XII вв. было изготовлено полихромное блюдо с изображением утки в центре днища, обнаруженное в Киеве.

Сокращение привоза глазированной посуды в XII в. можно объяснить налаживанием собственного древнерусского ее производства в крупных городах, прежде всего в Киеве.

Десятками насчитываются фрагменты византийских стеклянных изделий имперской митрополии XI—XII вв., найденные в южнодревнерусских городах. Это бусы с пластичным узором, уплощенно-прямоугольные полихромные или инкрустированные браслеты, кубки и флаконы различных видов. Доставлялась из Греции и смальта. «Киево-Печерский патерик» сообщает о греческих купцах, приехавших вместе с зодчими на строительство Успенского собора Печерского монастыря (1073—1077) и продававших «мусию» — древнерусское название смальты.

Археологические исследования свидетельствуют о непрекращающемся в XI—XII вв. ввозе в Южную Русь византийских тканей. Ее образцы обнаружены не только в Киеве, Чернигове, Переяславле, но и на менее значительных памятниках [Новицька, 1965, с. 31—32; Фехнер, 1974, с. 61—69].

В XI—XII вв. широко ввозилась на Русь из Византии художественная утварь, мелкая пластика. В основном это предметы религиозного культа — иконы, кресты-тельники, энколпионы. Встречались и сугубо светские изделия, например серебряная чаша из Чернигова. Особенно многочисленное скопление предметов византийского литья, резьбы по камню и кости отмечается в Среднем Поднепровье, вокруг


DEFRIDVS

Киева. Как установлено В. П. Даркевичем, главным центром импорта художественной византийской утвари на Русь был Константинополь.

Не менее важное значение имела и торговля Руси с западными и центральноевропейскими государствами, со скандинаво-прибалтийским регионом. Письменные источники начала X в. знают русских купцов в германских городах Подунавья, в Кракове, Праге. Раффельштеттенский таможенный устав 903—904 гг. свидетельствует о воске, конях и невольниках, привозимых на Средний Дунай руссами. Ибрагим-ибн-Якуб (вторая половина X в.) сообщал, что из Кракова в Прагу приходят для торговли различными товарами и византийским золотом, наравне с венграми, евреями и мусульманами, также славяне и руссы. Последние вывозили из Праги в свои страны рабов, цинк и меха. Косвенные данные о посещении древнерусскими купцами Бирки — главного портового торга Швеции IX—X вв.— находим у Адама Бременского, писавшего, правда, спустя почти столетие после ее гибели. По словам хрониста, морской путь из Бирки на Русь занимал пять дней.

Не прекращались эти связи и в XII—XIII вв. Регенсбургская хроника второй половины XII в. сообщает о купце Гартвиге, пожертвовавшем 18 фунтов серебра монастырю св. Эммера и имевшем торг в Киеве. В начале XIII в. колония немецких купцов в Киеве основывает свою кирху. В «Житии Фомы Бенета» Уильяма Фитц-Стивена (конец XII в.) упоминаются купцы из Скифии и Руси, привозившие на продажу в Лондон оружие, беличьи и собольи меха (под Скифией автор, верный античной традиции, подразумевал, вероятно, южную часть Восточноевропейского континента).

О европейской торговле имеются сведения и в отечественных источниках. В упомянутом обращении Святослава к киевлянам сказано, что руссы могут получать из Чехии и Венгрии серебро и коней. У княжеских дружинников, как свидетельствуют аллегории «Слова о полку Игореве», имелись «венгерские иноходцы» и «латинские» шлемы.

В «Киево-Печерском патерике» в связи с событиями конца XI в. сообщается о кладе «латинских» золотых и серебряных сосудов, зарытых в «варяжской пещере» на Печерске.

Наиболее ранним, археологически зафиксированным в Южной Руси западноевропейским импортом являются пять бусин из синего прозрачного стекла цилиндрической формы с ребристой поверхностью, диаметром до 1 см. Четыре из них найдены в Киеве в погребениях первой половины X в., пятая — на городище Судовая Вишня Львовской области в слое X в. По внешнему виду и химическому составу стекла, полученному на материале шведского могильника в Бирке и памятников конца I тыс. н. э. с территории Восточной Прибалтики, бусы данного типа близки к продукции стеклоделательных мастерских провинций Алеманнии и Австразии. Скопление находок этих бус в Скандинавии, Северо-Западной Литве и Белоруссии предполагают их проникновение на юг Руси через современные территории Литвы и Белоруссии по днепро-неманской речной системе.

О тесных связях Южной Руси с Прирейнской областью в X в. свидетельствуют и обнаруженные здесь мечи общеевропейских типов, вышедшие из мастерских «Ultberht» и «Ingelred». На южнодревнерусских землях известен 21 экземпляр мечей Прирейнья. Территориально европейские мечи распределяются следующим образом: Киевская земля — шесть экземпляров, столько же в Черниговской и на Днепровских порогах, в Переяславе — два, Галицкой и Волынской — один.

О непосредственных контактах По-

Рис. 114. Западноевропейские импорты из древнерусских памятников.

днепровья с междуречьем нижнего течения Рейна и Эльбы свидетельствуют обнаруженные в Белгороде и Смоленске стеклянные геммы с магическими изображениями царей-волхвов. По мнению исследователей, такие амулеты служили личными печатями фрисландских купцов в IX—X вв. Возможно, какая-то часть восточноевропейских находок прирейнского импорта доставлена сюда предприимчивыми фризами, торговая активность которых отмечена на рубеже IX—X вв. от Скандинавии до южного побережья Балтики

Большая часть обнаруженных в пределах Южной Руси скандинавских изделий также относится к X в. В основном это скорлуповидные фибулы различных модификаций, находимые в женских погребениях Киева, Чернигова, Шестовиц. Скандинавского происхождения, возможно, является железная оковка от рога, украшенная позолоченными бронзовыми пластинами с выполненной в ажурной технике чешуйчатой плетенкой. Оковка обнаружена при раскопках Подола в Киеве в слое X в.

Своего расцвета европейско-древнерусская торговля достигает во второй половине XI—XII в. В это время на Русь широко доставляется всевозможная церковная и светская художественная утварь из металла, кости, камня. В южнодревнерусские земли поступают изделия романского литья: колокола; подсвечники; аквамалины в виде животных и человеческих фигур; чаши; различного рода ларцы, в том числе и с эмалевыми накладками, изготовленные в Лиможе; декоративные ложечки для причастия; изделия из резной кости, сбруйные наборы.

Основными центрами импорта были Лотарингия (14 экз.), Саксония (10), Вестфалия — Минден (5), Северная Германия — Фрисландия (4 экз.). Из Франции известно шесть экземпляров, в том числе четыре лиможские эмали. Два предмета происходят из Скандинавии или Ютландии, по одному — из Тироля, Венгрии, Южной Италии. Хронологически эти южнодревнерусские находки романского импорта распределяются следующим образом: XI—XII вв.— Киев и Волынь (по одному предмету); XII — начало XIII в.— Киевское княжество (13), Черниговское (5), Галицко-Волынское (3), Переяславское (2), Херсонес (1); первая половина XIII в.— Киевское княжество (7), Черниговское (3), Переяславское (2), Галич и Крым (по 1).

Из стран романского мира экспортировались, как и в предыдущие времена, вооружение. Как показали результаты статистического анализа находок романских мечей на территории Руси, большинство их найдено в южнодревнерусских центрах — Киеве, Княжьей Горе, Изяславле, Райковецком городище [Кирпичников, 1966, с. 49—50].

Археологические материалы дают представление об импорте в Среднее Поднепровье западноевропейских тканей. Согласно проведенному недавно анализу фрагментов шелка из комплексов конца XI — начала XIII в. из Киева и Россавы, некоторые из них изготовлены в шелкоткацких мастерских Испании [Фехнер, 1980, с. 124—129].

Говоря об экспорте Руси в европейские государства, следует отметить, что помимо традиционного натурального сырья вывозилась и ремесленная продукция. Это кресты-энколпионы, изделия из овручского шифера и, в первую очередь, пряслица, глазированная керамика (пасхальные писанки), трубчатые замки, сфероконические золоченые шлемы. Главным экспортером товаров в Европу в XI — начале XIII вв. был Киев. Основная магистраль, связывающая юг Руси с государствами романской Европы, проходила из Киева через Волынь и Прикарпатье на Краков, Прагу, далее в Регенсбург. Активно использовался также южный участок Балто-Днепровской транспортной системы, обеспечивающий связь с Европой через Юго-Восточное побережье Балтийского моря.

Прочными были и непосредственные экономические контакты Южной Руси с Юго-Восточной Прибалтикой. Проникновение отдельных украшений западнобалтского населения в Среднее

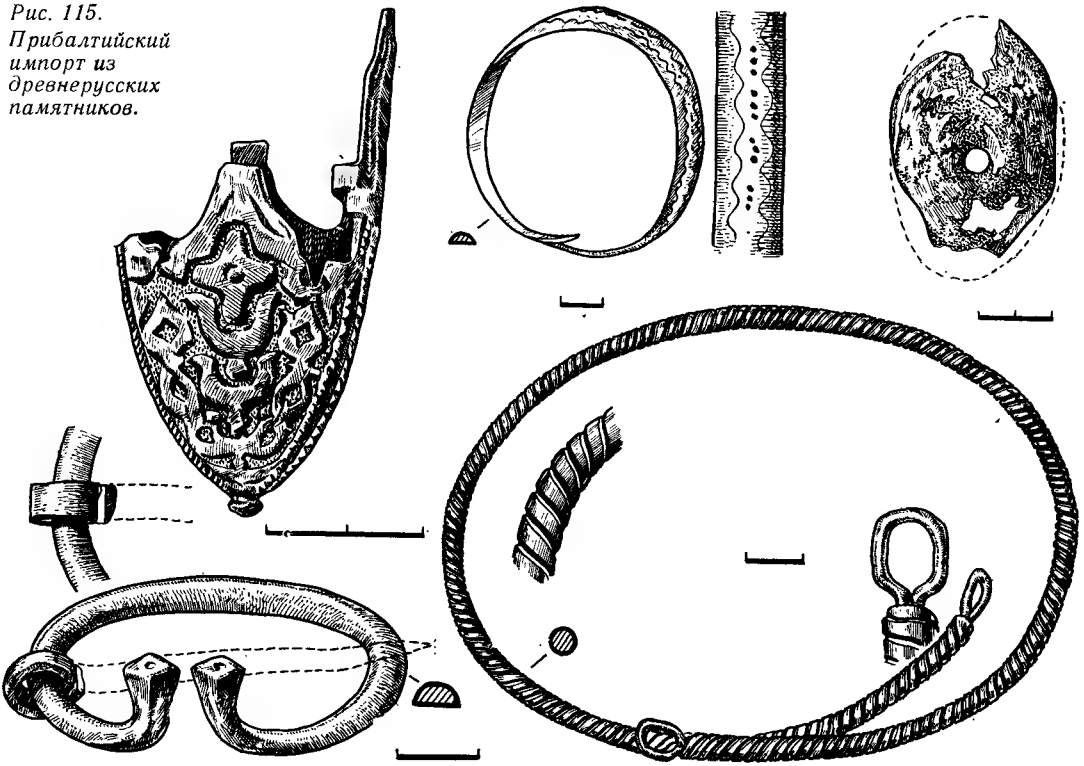


Рис. 115. Прибалтийский импорт из древнерусских памятников.

Поднепровье археологически фиксируется с последней трети I тыс. н. э. Это два серебряных браслета с «гвоздичными» окончаниями из Жукина (Вышгородский район Киевской области) и бронзовая арбалетная фибула с «маковидными» окончаниями, происходящая из полянского курганного могильника на Батыевой горе в Киеве. Первые два предмета имеют аналогии на территории скальво-прусского пограничья, последний соответствует скальво-жематийским застежкам VIII—IX вв.

Балтский импорт в Среднее Поднепровье, Подолию, Волынь и Прикарпатье X — первой половины XIII в. можно разделить на три группы. Во-первых, различного рода украшения костюма, рук и шеи; во-вторых, оружие и оружейные принадлежности; в-третьих, минеральное и естественно-промысловое сырье. Среди украшений выделяются подковообразные фибулы восьми модификаций, характерные для древнего населения Литвы, Южной и Юго-Западной Латвии, Калининградской области. Подавляющее большинство из них (22 экз.) обнаружено на памятниках Среднего Поднепровья. Найдены также перекладчатая арбалетная фибула XI—XII вв. прусско-куршской схемы (Киевское Поднепровье); три булавочные застежки, шесть шейных гривен, поступивших с территории древнелитовских племен, ливская скорлуповидная фибула; восточнолитовский браслет с утончающимися концами (оба найдены в Вышгороде).

Из изделий прибалтийских оружейников, найденных в Южной и Юго-Западной Руси, известно девять бронзовых литых наконечников ножен мечей, семь из которых отлиты в прусско-куршском оружейном центре, а два — ливскими оружейниками. Все они датируются концом XI — началом XII в. и географически распределяются следующим образом: Среднее Поднепровье — 5 экз., Подолия и Прикарпатье — 3, бассейн Северского Донца — 1 экз.

Анализ археологических находок янтаря в Киеве показал, что поступление балтийского сукцинита на юг Руси осуществлялось главным образом до середины XI в. Поступал он сюда в основном в изделиях (бусы и подвески). С XII в. начались разработки местных янтароносных пластов в Среднем Поднепровье, что нашло отражение в изменении цветографических и оптических характеристик, а также в резком увеличении находок изделий и появлении мест складирования необработанной смолы в слоях Киева XII — начала XIII в. Вероятно, большое значение для экономики Киевской Руси имела торговля и сбор дани в Юго-Восточной Прибалтике пушниной. Об этом же говорят и данные летописи, правда, относящиеся к более позднему времени. Так, Даниил Романович в 1257 г. собирал дань с ятвягов «черными кунами и белью серебро».

Экспорт из Южной Руси в Прибалтику начинает поступать с конца IX—X в. Киево-русские изделия на племенных территориях пруссов, скальвов, куршей, жемайтов, ятвягов, аукштайтов, селов, земгалов, ливов представлены брусками и пряслицами из овручского шифера, мечами, саблями, боевыми булавами, сфероконическими шлемами, серебряными шейными гривнами с раскованными окончаниями, ожерельями из полых серебряных бус и криновидных подвесок, стеклянными браслетами, бусами, перстнями, крестами-тельниками и энколпионами, железными трубчатыми замками. Встречен один пластинчатый серебряный браслет «киевского типа».

Динамика импорта-экспорта в южнорусско-прибалтийской торговле показывает, что наибольшей активности она достигает в XII в. Основными связывающими трассами между данными регионами Восточной Европы были реки Днепро-Неманской системы с волоками в верховьях Березины и Припяти.

Определенную роль в экономике южнорусских земель имел и товарный обмен с кочевниками южных степных районов, прилегающих к границам Киевской Руси. В своих записках ал-Бекри (вторая половина X в.) сообщает, что печенеги менялись товарами с кипчаками, хазарами, гузами и славянами. Константин Багрянородный говорит о закупках руссами у печенегов волов, коней и овец. Киевский митрополит Иоан (1080—1089) обвинял русских купцов в том, что они ездят к половцам и «скверняются... имения и скотолюбия ради». Археологические материалы XI—XII вв. показывают, что берендеи, торки, печенеги и половцы приобретали древнерусское оружие и доспехи. Широкий сбыт в степях находили и другие изделия среднеднепровских ремесленников — шиферные пряслица, замки, кухонная посуда.

Период XI—XII вв. в экономической жизни южных и юго-западных земель Руси характеризуется не только активизацией и ростом внешнеэкономических связей, но и становлением внутреннего городского торга, усилением экономических связей между княжествами всего Древнерусского государства. Особенно высокий вес в общерусском торговом обороте имел Киев. В начале XI в., по свидетельству Титмара Мерзербургского, в нем насчитывалось восемь торжищ. Источники свидетельствуют, что на киевских торгах происходила распродажа крупных партий хлеба и других продуктов питания. Торговля продуктами сосредоточивалась в руках купцов-оптовиков. Из Киева хлеб

вывозился в другие центры Руси, прежде всего на северо-запад и северо-восток.

Сельскохозяйственная продукция, являясь доминирующей статьей внутриторгового обмена, все же не была единственной. Археологические находки изделий киевского ремесла практически во всех древнерусских городах, а нередко и на памятниках сельского типа свидетельствуют о широком сбыте товаров столичных мастеров. Высоким спросом пользовались кресты-энколпионы, женские украшения, стеклянная посуда, браслеты, перстни, глазированная керамическая продукция, трубчатые замки. Качественная близость янтаря из комплексов XII — начала XIII в., открытых в Новгороде, Минске, Турове и Рязани, к среднеднепровским ископаемым смолам свидетельствует о существовании киевского общерусского янтарного экспорта. Факт торговли Киева янтарем подтверждается и замеченным Е. А. Рыбиной совпадением на рубеже XI—XII вв. сокращения поступления янтаря в Новгород с распределением южного импорта, поступавшего днепровским путем [1978, с. 41—47]. Для киевского периода торговли янтарем в Восточной Европе характерен вывоз не столько изделий, сколько необработанного сырья.

Киевское купечество играло большую роль и в транзите товаров, поступавших в северорусские города из Причерноморья, Волыни и Прикарпатья. Е. А. Рыбиной показана зависимость поступления в Новгород амфорной тары, грецких орехов и изделий из овручского шифера от ввоза непосредственно киевских товаров. Вполне вероятно, что через Киев поступала прикарпатская древесина из тисса и бука, изделия из которой обнаружены в новгородском культурном слое XII—XIII вв. [Вихров, 1958]. С другой стороны, открытая в Киеве мастерская по изготовлению пряслиц из овручского шифера демонстрирует возможность прямого товарного распространения этих изделий из Киева. Возможно, в Киев с волынских каменоломень по рекам Уж — Припять — Днепр доставлялся камень. Какая-то часть его шла на строительство, а какая-то поступала к резчикам мелкой пластики и утилитарных изделий.

Подобный ход развития «прясличного» производства и торговли выглядит реально уже на том основании, что торг-рынок Киева был несоизмеримо шире по товарообороту, чем небольшого Овруча. Скорее всего, именно из Киева в XI — начале XIII вв. распространялись по Руси и за ее пределы изделия, строительный материал и просто необработанные шиферные плиты. О поставках необработанного овручского шифера в городские центры Севера и Запада Руси свидетельствуют обнаруженные в последнее время следы изготовления пряслиц в Суздале и Минске.

Как показывает археологический материал, наиболее тесными и регулярными были товарообменные связи Киева с Новгородом, Туровом и городами понеманской Руси — Новогрудком, Гродно, Минском. Из летописных свидетельств можно заключить, что в Киеве с XI в. функционировали постоянные торговые представительства Новгорода и Турова. Не менее крупным средоточением общерусских торговых операций являлись Чернигов и Галич. Левобережный Чернигов играл главную роль в товарообмене между югом и северо-востоком древней Руси. Трудно переоценить значение древнего Галича в организации общегосударственного соляного торга. Галицкие города Удеч, Перемышль и сам Галич монопольно пользовались правом сбыта этого необходимого продукта. Во время распри киевского князя Святополка Изяславича с галицкими Ростиславичами «...не пустиша гостей из Галича ни людей з Перемышля, и не бысть соли во всей Русской земли... И бе видите тогда люди сущая в велицей печали» [Патерик Киевского Печерского монастыря, 1911, с. 108].

Приведенный фрагмент иллюстрирует значение товарообмена между центрами древнерусских княжеств для экономической системы государства вообще. При помощи товарообмена происходило укрепление феодального экономического базиса. В его расширении и регулировании была заинтересована княжеско-боярская администрация, стремящаяся к перераспределению торгового капитала, скапливающегося в руках купечества от посредничества в обмене. Поэтому нередко политическая борьба между княжескими родами подкреплялась экономическими блокадами, как это случилось в правление Святополка Изяславича. О княжеской заинтересованности в развитии межрусского торга имеется интересное сообщение летописи, датируемое 1224 г. Михаил Всеволодович Черниговский в ответ на приглашение новгородцев занять у них княжеский «стол» дает отказ, но в то же время обращается к новгородцам с приглашением торговать в Чернигове. О высоком уровне развития внутригосударственного товарооборота в Киевской Руси свидетельствует и практика кредитных операций на внутреннем торге, регламентируемая специальными статьями «Русской Правды».

Таким образом, археологические данные и письменные источники свидетельствуют о широком международном характере южно-русской торговли. Ее развитие с успехом осуществлялось на всем протяжении истории Киевской Руси вплоть до нашествия орд Батыя. Вместе с тем древнерусские города юга и юго-запада государства являлись крупными центрами внутрирусского торгового обмена. Главенствующую роль в торговых связях как региона, так и страны в целом играл Киев. Апогея в своем развитии южнорусская торговля достигает в конце XI—XII в., в период расцвета всех сфер древнерусской экономики.

Одной из важных особенностей средневековой торговли, в том числе и древнерусской, было то, что она носила посреднический характер. Товар в процессе обмена проходил через множество территорий и рук, прежде чем попадал к потребителю. При этом главный барыш извлекался не из вывоза продуктов своей страны, а из посредничества при обмене продуктов таких обществ, которые еще не развились в торговом и вообще в экономическом отношении, и из эксплуатации вступавших в обмен обеих производящих стран [Маркс, Энгельс. Соч., 2-е изд., т. 25, ч. 1, с. 367].

Такое положение вещей в древнерусской торговле отмечают и средневековые источники. Ал-Масуди писал, что «страна хазар не производит ничего, что вывозилось на юг, кроме рыбьего клея, так как мед и воск, каковые Персия получает от Хазарии, привозится туда из Руси, Болгар и Киева» [Гаркави, 1870, с. 133]. Посреднический характер был присущ русской торговле и в более позднее время. В редких случаях купечество Киева доставляло продукцию своего города на рынки Западной Европы и Прибалтики. В ее посредническом транзите принимали участие западнорусские центры, такие как Новогрудок близ Немана, Дрогичин на Буге и Галич на Днестре. Об этом свидетельствует скопление киевских изделий, южного импорта и свинцовых товарных пломб, так называемых дрогичинских, в этих городах.

Осуществление торговых операций происходило как путем прямого обмена (товар — товар), так и при помощи монет или слитков драгоценного металла. Преобладал прямой обмен. Даже в период широкого распространения арабского серебра в Восточной Европе ибн-Якуб отмечал, что приходившие в Прагу руссы и другие славяне вели исключительно обменную торговлю.

Основными потребителями дорогостоящих импортных товаров и художественной утвари были светские и духовные феодалы Киевской Руси.

При этом определенная часть импортных вещей доставлялась к княжескобоярским дворам вообще внеэкономическим путем в виде посольских и свадебных даров, а также узаконенного и беззаконного грабежа. Однако это не исключало сравнительно широкого развития товарообмена внутри городских слоев и, в значительно меньшей мере, в среде сельского населения. Археологические материалы XII — начала XIII в. красноречиво свидетельствуют о проникновении торгово-обменных отношений практически во все слои древнерусского общества.

Деньги Киевской Руси

Памятники денежного характера времени Киевской Руси очень разнообразны. С одной стороны, это обильный вещевой материал: многочисленные клады и отдельные находки серебряных арабских (дирхемов) и западноевропейских (денариев) монет, серебряные и золотые монеты собственной, древнерусской чеканки (так называемые сребреники и златники), слитки серебра (гривны) различной формы и веса, гирьки. С другой — письменные источники: сведения русских летописей и различных памятников юридического характера, свидетельствующие о наличии у славян развитой и постоянно приспосабливающейся к меняющимся экономическим условиям системы денежного счета, а также показания современников — арабских и европейских путешественников. Поскольку большая часть денежных терминов совпадает с названиями пушных зверей (куна, веверица и др.), а путешественники сообщали об употреблении славянами мехов в качестве денег, согласование вещественного и терминологического материала вызывало немалые трудности. В русской исторической науке XIX—XX вв. сформировались два непримиримых лагеря, с одной стороны — сторонники теории металлических, с другой — меховых денег древней Руси.

Решительное преобладание «металлистов» как в дореволюционной, так и советской историографии не привело, однако, к их полной победе. Сравнительно недавно стало известно сочинение арабского путешественника XII в. Абу-Хамида ал-Гарнати (ал-Гарнати), содержащее новые и более подробные сведения об употреблении меховых денег. Важно отметить, что данные Абу-Хамида подтверждаются археологическими материалами и письменными источниками (Монгайт). Ценность сведений Абу-Хамида признают и сторонники теории металлических денег [Янин, 1970].

Становится очевидным, что сложные вопросы зарождения и развития денег древней Руси могут быть разрешены не при альтернативном, а при комплексном изучении всех источников (М. Б. Свердлов).

Денежное хозяйство Руси возникло на основе развитого товарного обращения, торговли. Начиная с IX в. все без исключения источники указывают на меха различных пушных зверей как на основную статью вывоза не только славянского, но и сопредельного ему населения лесной полосы Восточной Европы. Постоянная реализация мехов, выступавших в роли денег в торговле с иноземными купцами, неизбежно должна была привести к тому, что меха становились товаром и, соответственно, деньгами и в самом славянском обществе. «В действительности процесс обмена товаров возникает первоначально не в недрах первобытных общин, а там, где они кончаются, на их границах, в тех немногих пунктах, где они соприкасаются с другими общинами. Здесь начинается меновая торговля и отсюда она проникает во внутрь общины, на которую она действует разлагающим образом. Особенные потребительные стоимости, которые в меновой торговле между различными общинами становятся товарами, например, рабы, скот, металлы, чаще всего образуют первые деньги внутри самой

общины» [Маркс, Энгельс. Соч., 2-е изд., т. 13. с. 37].

Таким образом, происхождение одного из древнерусских терминов, обозначающих деньги — «куны», находит исчерпывающее объяснение. Именно этот термин наиболее характерен для Руси IX—XIII вв., поскольку он проходит все стадии развития от общего названия товара к понятию «деньги», постепенному переносу этого значения на металлические деньги, монеты, замещающие во внутреннем обращении натуральные ценности — меха, и, наконец, к наименованию конкретного номинала в денежной системе.

Менее определенно происхождение другого древнерусского термина, также означающего деньги,— «скот». Скот из славянских земель не вывозился, напротив, славяне сами получали его от кочевников («Руссы стараются жить в мире с печенегами: они покупают у них быков, коней и овец — и от этого живут легче и привольнее, так как на Руси ни одно из названных животных не водится»). Можно предположить, что термин «скот» (в значении деньги) возник на основе торговли с кочевниками во второй половине I тыс. н. э. Однако наиболее вероятно его архаическое происхождение, уходящее корнями в первые века нашей эры, как показывают аналогичные термины в германских языках (Н. П. Бауэр), или еще более древние эпохи.

Наиболее ранними по времени появления в Киевской Руси являются серебряные монеты Восточного халифата. Древнейшие находки кладов дирхемов относятся еще к концу VIII в. (например, клад из Старой Ладоги 1892 г.), однако основная масса их попала на Русь в IX и X вв. Более ранние византийские монеты не имели такого экономического значения, как арабские.

Ранние клады (конец VIII — первая треть IX в.) состоят из монет куфического типа, среди которых преобладают дирхемы африканской чеканки, собственно сасанидские монеты, и довольно значительная примесь монет сасанидского типа. В кладах следующих двух третей IX в. преобладают аббасидские дирхемы азиатской чеканки, монеты вышеупомянутых типов почти полностью исчезают.

В начале X в. приток монет на Русь увеличивается. Происходит обновление состава кладов. Так, в кладах 900—938 гг. исчезают монеты аббасидов, их сменяют саманидские дирхемы. С начала X в. они составляют не менее 90% состава кладов. Среди монет саманидов из древнерусских кладов выделяются две обособленные весовые группы: 2,7—3,2 и 3,3—3,6 г. Причем монеты, принадлежащие к разным весовым группам, иногда чеканены одним штемпелем. Возникновение этих двух весовых групп следует объяснить отбором монет и признать чисто местным, древнерусским явлением [Янин, 1956, с. 124].

Состав монетных кладов 938—1000 гг. остается в основном таким же. Резко увеличивается диапазон колебаний весов монет, наметившийся в предыдущий период. С 60-х годов X в. количество кладов и территория их распространения сокращаются, что следует связывать с нехваткой серебра на Востоке. Резко уменьшается приток дирхемов в Южную Русь. В начале XI в. приток восточных монет на Русь полностью прекращается.

Продолжительное употребление дирхемов взамен мехов и других товаров, вывозившихся славянами, привело к формированию в X—XI вв. древнерусской денежно-весовой системы, построенной на привозном металле. Эта точка зрения была высказана И. И. Кауфманом, отметившим близость веса русского фунта (409,512 г) и иракского ратля (409,32 г), лежавшего в основе чеканки дирхема. Попытка В. Л. Янина отнести формирование русской весовой системы ко времени употребления римского денария [1956, с. 195] была справедливо отвергнута В. В. Кропоткиным.

Не находит оснований отрицание связи выведенной В. Л. Яниным гривны кун весом 68,22 г с антиохийским (545,28 г) или иракским ратлем [Янин, 1956, с. 193]. Эта гривна составляет соответственно точно $^1/_8$ или $^1/_6$ каждого из них. Нелогично и неисторично выводить весовые нормы всех единиц древнерусской денежной системы по дирхемам и в то же время отрицать влияние арабского веса. Сложившееся на Руси соотношение номиналов было полностью оригинальным, а не заимствованным на Востоке — славяне имели дело не с арабским счетом, а с весом реальных серебряных монет, поступавших к ним в результате торговли.

Древнейшее свидетельство существования на Руси определенных метрологических норм связывает местные единицы с византийской весовой системой. В договорах Руси с Византией 911 и 945 гг. имеются статьи, предусматривающие уплату штрафа за удар копьем или мечом в размере 5 литр серебра «по закону Русскому». Под литрой следует понимать византийскую литру весом 327,456 г или, вероятнее всего, ее половинный вес, поскольку именно такой вес позднее был материализован в гривнах киевского типа точно так же, как половинный вес ратля (или фунта) был материализован в гривнах новгородского типа.

Эта малая литра весом 163,728 г стояла во главе *южной системы,* зародившейся, вероятно, в самом начале притока на Русь арабских монет. Различные в весовом отношении группы восточных монет, проникавшие сюда в IX в., могли находиться с ней в следующем рациональном отношении: литра (163,728 г) = 40 сасанидским драхмам (по 4,09 г) = 60 дирхемам (по 2,73 г) = 80 табаристанским монетам (по 2,05 г). Со второй половины IX в. сасанидские и подражающие им табаристанские монеты постепенно исчезают из кладов. Основной метрологической единицей остается дирхем, получивший наименование «куна» по меху ценного пушного зверька, служившего одним из основных предметов экспорта.

Южная система сложилась, несомненно, на основе экономических культурных и военно-политических связей Киевской Руси с Византией. В это же время еще более тесные связи, прежде всего торговые, соединили Северную Русь с халифатом, куда по волжскому пути устремился поток восточного серебра. Здесь сложилась отличная от южной *северная система,* базировавшаяся на весовых нормах арабской денежной системы. Однако заимствованным оказался лишь вес арабского ратля, тогда как оригинальная система счета образовалась с учетом реального веса поступавших на Русь дирхемов.

Высшая единица северной системы определяется при сопоставлении упомянутых статей договоров 911 и 945 гг. и статей 3—4 «Краткой Правды» [Тихомиров, 1953, с. 76], где за одинаковые проступки предусмотрены штрафы в 5 литр и 12 гривен. Следовательно, вес гривны составлял 163, 728 × 5 : 12 — 68,22 г.

Это была счетная единица — гривна кун. Другие статьи «Русской Правды» — о возмещении за скотину и «покон вирный» — позволяют установить соотношение между гривной кун и мелкими единицами кунной системы — ногатой, куной и резаной: гривна кун (68,22 г) = 20 ногатам (по 3,41 г) = 25 кунам (по 2,73 г) = 50 резанам (по 1,36).

Кроме гривны кун, в северной системе известна также гривна серебра, которую можно отождествить со слитками новгородского типа. Вес последних в среднем составлял около 200 г. Гривна серебра, таким образом, содержала 3 гривны кун, а ее теоретическая весовая норма составляла 204,66 г. Подтверждением правильности соотношения гривны кун и гривны серебра как 1 : 3 могут быть статьи древнейшей части «Краткой Правды», относящиеся к 1016 г. [Тихомиров,

1953, с. 14]. В них штрафы определены в таком количестве гривен (кун) — 3 и 12, что их пересчет на гривны серебра давал целые числа (статьи 2—4, 6—7, 9—10). Иное соотношение зафиксировано только в статьях 1 и 5, однако они относятся к более позднему времени [Тихомиров, 1941].

С большей долей вероятности можно предположить, что выведенные выше весовые нормы северной ногаты, куны и резаны были усвоены и южной системой. В этом случае литра (163, 728 г) = 48 ногатам (по 3,41 г) = 60 кунам (по 2,73 г) = 120 резанам (по 1,36 г).

Обе системы, южная и северная, сложились на основе употребления дирхема и просуществовали до начала XI в. К этому времени состав монет, поступавших на Русь, коренным образом меняется — дирхемы перестают выпускаться, и приток их постепенно прекращается. Место дирхема занимает западноевропейский денарий.

Возможно, сокращение притока дирхемов обусловило возникновение собственной чеканки Киевской Руси. Во всяком случае, оба эти явления примерно совпадают по времени. Немаловажную роль также играли и политические события конца X в.— поход Владимира на Корсунь и женитьба его на сестре византийских императоров.

В соответствии с господствующей в науке точкой зрения чеканка монет производилась великими киевскими князьями — Владимиром, Святополком и Ярославом Мудрым. Ко времени Владимира относится выпуск златников и четырех типов сребреников. Наличие христианских символов на монетах позволяет считать началом чеканки время после 988 г. Златники и сребреники Владимира Святославича первого типа имеют на лицевой стороне изображение князя с крестом и надпись «Владимир на столе», на оборотной — изображение Христа.

Сребреники первого типа происходят главным образом из клада, найденного в Киеве в 1876 г. (120 экз.). Они отсутствуют в Нежинском кладе 1852 г. (свыше 200 экз.), который состоял из монет Владимира второго — четвертого типов, Святополка и с именем Петр, приписываемым также Святополку, что свидетельствует о некотором хронологическом разрыве между выпуском тех и других. Сребреники Владимира второго типа имеют иные изображения — на лицевой стороне великий князь на престоле, на оборотной — знак Рюриковичей. Все последующие монеты копируют этот тип, отличаясь лишь надписями и усложненной формой знака.

Вес золотых монет Владимира (4,4 г) соответствует весу византийских монет того же времени. Сребреники имеют широкий диапазон весов — от 1,5 до 4,5 г, однако бóльшая часть их весит 2,4 — 3,4 г. Это могла быть как куна, так и ногата. Отметим плохое качество металла бóльшей части монет.

Попытка чеканки собственной монеты великими киевскими князьями оказалась неудачной — древняя Русь не имела необходимой сырьевой базы, а слабое развитие товарно-денежных отношений привело к тому, что сребреники, так же как и дирхемы, оседали в кладах.

Начало поступления западноевропейских денариев на Русь приходится на середину и вторую половину X в., однако временем их массового притока является XI в.

Область распространения денариев в основном совпадает с территорией хождения дирхемов. Большая часть кладов сосредоточена на территории Новгородской земли. Находки кладов и отдельных монет на Черниговщине, Киевщине и Переяславщине свидетельствуют о том, что Южная Русь была знакома с денарием.

Основными группами западноевропейских монет, поступавших на Русь в первой половине XI в., были немецкие, английские и фрисландские монеты. Со второй половины XI в. ан-

глийские и близкие им денарии Дании, Швеции и Норвегии полностью исчезают из кладов, в обращении остаются лишь немецкие и фрисландские монеты.

Поступление денариев на Русь прекращается в 30—40-е годы XII в., однако окончательно они выходят из употребления примерно к 1200 г. [Потин, 1981].

Длительное употребление денариев в международной и внутренней торговле заметно повлияло на денежно-весовые системы Руси.

Гривна серебра и ее весовая норма (204,66 г) остались без изменений, о чем свидетельствует распространившееся с середины XI в. литье слитков такого веса.

Гривна кун уменьшилась в весе, составляя $^1/_4$ гривны серебра, ее весовая норма равна 51,16 г. Эта гривна получила название гривны «новых кун». Новая денежно-весовая система (северная) приобрела следующий вид: гривна кун (51,16 г) = 20 ногатам (по 2,56 г) = 25 кунам (по 2,05 г) = 50 резанам (по 1,01 г). Поскольку «новые куны» — денарии — соответствовали по весу резане, последняя как особый номинал перестает существовать, и вместо нее появляется «куна». В «Пространной Правде», составленной в начале XIII в., все платежи, выраженные ранее в соответствующих статьях «Краткой Правды» в резанах, заменены адекватными платежами в кунах.

Претерпела изменения и южная система. В третьей редакции «Повести временных лет» (1118 г.) в упомянутой выше статье договоров 911 и 945 гг. о выплате штрафа за удар вместо 5 литр указано 10 литр. По-видимому, переписчик, зафиксировал уменьшение вдвое веса литры, которая стала весить 91,86 г. При сохранении прежнего соотношения между литрой и мелкими номиналами кунной системы (1 : 48 : 60 : 120) весовые нормы ногаты, куны и резаны составляли 1,70—1,36—0,68 г. Ногате могли соответствовать обрезанные дирхемы Стародединского клада второй половины X в. [Янин, 1956, с. 148], куне — английские, резане — фрисландские денарии.

Западноевропейские денарии были последними монетами, поступавшими в большом количестве на Русь. Прекращение их притока в середине XII в. не следует, однако, рассматривать как свидетельство упадка древнерусской экономики. Причины этого явления лежат в условиях экономической жизни западных стран. Процесс феодализации и развитие денежного обращения, в частности Германии — основного поставщика монет на Русь, привел к разнообразию монетных систем, измельчанию монет и ухудшению качества монетного серебра. Монета перестала экспортироваться на Русь не только вследствие запрещения вывоза, но и по причине непригодности ее использования в международной торговле. Потребность Руси в серебре удовлетворялась ввозом слитков серебра [Потин, 1968].

На Руси в это время получают хождение слитки серебра. Они встречаются в кладах с начала IX в., однако окончательная стандартизация формы и веса слитков происходит к середине XI в.

Подавляющее большинство слитков — гривен — принадлежит к двум типам: шестиугольной формы, так называемые киевские гривны, отливаемые по норме южной малой литры весом 163,73 г, и продолговатые палочковидные, так называемые новгородские гривны, соответствующие по весу гривне серебра северной системы (204,66 г). Киевские слитки выпускались до середины XIII в., новгородские существовали дольше, смыкаясь и некоторое время сосуществуя с начавшейся при Дмитрии Донском чеканкой монет.

Слитки обоих типов сосуществовали, о чем свидетельствуют совместные их находки в кладах [Корзухина, 1954, № 106, 109, 133, 170]. Одновременное обращение тех и других привело к

появлению слитков киевского типа северного веса и слитков новгородского типа южного веса [Корзухина, 1954, № 106, 138, 145, 170].

Не следует забывать, что основу товарного обращения древней Руси составляли меха. Меха (куны) — одна из основных, если не главная статья вывоза — превратились в деньги и во внутренней экономической жизни славянского общества. Меха всегда оставались реальным богатством, к которому прибегали во всех случаях платежей, раздач, контрибуций и т. п. По словам ал-Гарнати (середина XII в.), «на них покупают любые товары: невольниц и невольников, и золото, и серебро, и бобров, и другие товары» [ал-Гарнати, с. 35], то есть они оценивались как всеобщий эквивалент — деньги.

Замещение мехов серебром (дирхемами в IX—X вв. и денариями в XI—XII вв.) не имело полного, окончательного и необратимого характера. Металлическое обращение не приобрело доминирующего значения, показателем чего являлась бы собственная чеканка. Привозной металл являлся, по сути, надстройкой над обращением мехов, с исчезновением которой в экономике древней Руси мало что изменилось. «Русская Правда» длительное время выполняла функции своеобразной тарифной системы, с помощью которой можно было легко перевести любые платежи из натуральной формы в металлическую и наоборот. Предпринимающиеся иногда попытки отыскать какие-то промежуточные формы денег между мехами и серебром, заменители денег в виде пряслиц [Янин, 1956], раковин каури [Спасский, 1970], ножей, гвоздей или других «нужных в хозяйстве товаров» [Котляр, 1973, с. 160] несостоятельны прежде всего с экономической точки зрения, поскольку эти изделия никогда не составляли основу экономического богатства Руси, в отличие от мехов, не говоря уже о том, что источники не содержат ни малейшего намека на их существование.

Меха, как и всякий другой товар, должны обладать потребительной и меновой стоимостью. Меновая стоимость мехов находила свое выражение в потребительных стоимостях различных товаров, что и делало их всеобщим эквивалентом. Однако меха были весьма непрочным носителем меновой стоимости, равно как и скот, например, в Древней Греции или Риме.

Окончательный переход функций денег к металлу на Руси не был завершен из-за прекращения притока серебра в середине XII в., что и вызвало к жизни закономерный экономический феномен — обращение мехов, утративших свою потребительную стоимость. Ал-Гарнати сообщает: «рассчитываются они между собой старыми беличьими шкурками, на которых нет шерсти и которые нельзя ни на что использовать и которые совсем ни на что не годятся. Если же шкурка головы белки и шкурка ее лапок целы, то каждые восемнадцать шкурок стоят по счету [славян] серебряный дирхем, связывают [шкурки] в связку и называют ее джукн». Ал-Гарнати отмечает, какие именно шкурки шли в связку и как происходила операция по превращению их в денежные единицы: «когда они [шкурки] испортятся в их домах, то их [иногда даже] рваные несут в мешках, направляясь с ними на известный рынок, на котором есть некие люди, а перед ними работники. И вот они кладут их перед ними, и работники нанизывают их на крепкие нитки, каждые восемнадцать в одну связку и прикрепляют на конец нитки кусочек черного свинца, и припечатывают его печаткой, на которой имеется изображение царя. И берут за каждую печать одну шкурку из этих шкурок, пока не опечатают их все. И никто не может отказаться от них, на них продают и покупают» [Ал-Гарнати, с. 35—36].

Приведенный отрывок является ясным и подробным свидетельством, что подтверждается такой многочислен-

ной категорией древнерусских печатей, как дрогичинские пломбы, назначение которых оставалось неясным [Ал-Гарнати, с. 114—116].

Широкое распространение дрогичинских пломб — Дрогичин, Псков, Новгород, Тверь, Рязань, Киев — свидетельствует об общерусском распространении «меховых» денег. Их обращение продолжалось вплоть до XV в.— связки шкурок по 18 штук служили предметом вывоза Тевтонским орденом [Ал-Гарнати, с. 117—119]. Очевидно, только повсеместная чеканка монет на Руси в конце XIV в. положила конец обращению меховых денег.

V ПИСЬМЕННОСТЬ ДРЕВНЕЙ РУСИ ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ПАМЯТНИКАМ

Длительное время судить о письменности на Руси в XI—XIV вв. можно было только на основании книжных памятников, таких как Остромирово евангелие 1056—1057 гг., Изборники 1073 и 1076 гг., и других книг, переписанных наиболее грамотными людьми того времени. Видимо, поэтому сложилось мнение, что письменность на Руси была привилегией узкого круга лиц — духовенства и феодальной верхушки. Вот почему при изучении древнерусской письменности важное значение приобретают новые эпиграфические находки.

Происхождение славянской и особенно восточнославянской письменности еще не совсем ясно. Это объясняется не только отсутствием достаточного количества ранних памятников письменности, но и тем, что до нашего времени сохранились две славянские азбуки — глаголица и кириллица. Какая из них более ранняя и какую изобрел славянский просветитель Кирилл — вот некоторые из тех вопросов, над которыми работают слависты в разных странах.

В начале X в. болгарский писатель Черноризец Храбр в сказании «О письменах» выделил три этапа в развитии славянской письменности: 1) до тех пор пока славяне были язычниками, у них не было книг, а для счета и гаданий они пользовались «чертами и резами»; 2) когда славяне стали христианами, то начали употреблять для письма латинские и греческие буквы и писали долгое время «без устроения»; 3) изобретение Кириллом славянской азбуки [Куйо М. Куев, 1967, с. 195].

Ученый-славист прошлого века И. И. Срезневский на основании собственных исследований и наблюдений пришел к выводу, что славяне начиная с VI—VIII вв. пользовались для своего письма буквами византийского устава. В наше время эта мысль была развита болгарским ученым Е. Георгиевым [1952]. Он считал, что на определенном этапе развития письменности славяне, пользуясь для письма греческими буквами, постепенно ославянили греческий (византийский) алфавит, добавив к нему специальные буквенные знаки, необходимые для улучшения передачи фонетики славянской речи. Так возникло протокирилловское славянское письмо, названное Храбром «без устроения».

В 60-х годах IX в. Кирилл изобрел глаголицу, но из-за сложности графики букв она не получила особого распространения.

В начале X в. в городе Преславе при болгарском царе Симеоне (893—927) протокирилловское письмо было усовершенствовано и впоследствии получило название «кириллица».

Еще более сложным представляется вопрос о происхождении восточнославянской письменности. Обычно ее появление связывается с введением на Руси христианства при Владимире Святославиче в 988 г., при этом предшествующее время относится к бесписьменному периоду. Однако знаком-

ство с письменностью на Руси, несомненно, относится к более раннему времени. Проникновение письменности на восточнославянские территории было тесно связано с социально-экономическим и политическим развитием страны. Этому способствовали торговые связи с другими странами, в первую очередь с Византией, а также проникновение христианских верований, связанных с развитием феодальных отношений. Так, в Никоновской летописи рассказывается о походе киевского князя Аскольда на Царьград, о мире с греками и крещении части дружины во главе с князем, получившим крестильное имя Николай. Вероятно, именно об этом походе и крещении руссов в 60-х годах IX в. упоминал константинопольский патриарх Фотий в «Окружном послании».

Прямое указание о знакомстве на Руси с письменностью в первой половине X в. содержится в договорах с греками 911 и 944 гг., тексты которых сохранились в «Повести временных лет». Из договоров становится известным, что они, согласно византийской дипломатической традиции, были написаны на двух языках: греческом и языке того народа, с которым заключался мир или соглашение, в данном случае, на славянском языке, понятном на Руси. В договоре 944 г. упоминается обычай руссов писать завещания на случай, если кто-либо из них отправлялся надолго в другую страну по торговым делам или нанимался на военную службу По условиям того же договора княжеские послы и купцы обязаны были, отправляясь в Царьград, иметь при себе не золотые и серебряные печати, как ранее, а писанные грамоты [ПВЛ, 1950, ч. 1, с. 35]. Важное значение имеют и упоминание в договоре 944 г. христианской соборной церкви Ильи на Подоле в Киеве, поскольку ее функционирование, согласно каноническим правилам, требовало наличия определенного числа (26) богослужебных книг. Это могли быть греческие или же болгарские книги. Должны были быть и люди, читавшие их.

Вот почему время до официального введения на Руси христианства следует считать не бесписьменным периодом, а временем ограниченного употребления письменности. Договоры с греками свидетельствуют об употреблении письменности в государственных канцеляриях Руси. Если отрицать это, то не понятно, кто же и где должен был читать вторые экземпляры договоров; кто писал завещания и грамоты для послов и купцов, отправлявшихся за границу?

Ограниченным пользованием письменностью на Руси в X в., видимо, можно объяснить и большую редкость эпиграфических находок, относящихся к этому времени. Известна надпись на хозяйственном сосуде-корчаге X в. из Гнездовского могильника, расположенного неподалеку от Смоленска. Надпись «Гороухща» или «Горунша» говорит о содержимом сосуда — горчице или, скорее, горючей жидкости, очевидно, нефти, служившей для разжигания погребального костра.

Необычная находка обнаружена среди древнерусских граффити Софийского собора в Киеве. В алтарной части одного из приделов собора острым предметом на стене вырезана азбука, состоящая из 27 букв. Среди них — 23 буквы греческого алфавита, написанные в обычном порядке от «альфы» до конечной «омеги». Четыре же буквы Б, Ж, Ш, Щ — славянские. Трудно согласиться с мнением некоторых исследователей, считающих, что это просто недописанная азбука кириллицы. Этому противоречит конечная «омега», являвшаяся в греческом алфавите последней буквой, места «фиты» и «кси» в середине азбуки, а не в конце ее, как в кириллице. Невероятным представляется и столь беспомощная попытка написания азбуки кириллицы в алтарной части придела, куда доступ для праздного люда был закрыт.

Азбука из Софийского собора заставляет нас вспомнить тот период славянской письменности, когда, со-

гласно Храбру, греческие буквы использовались для письма «без устроения». По предположению Е. Георгиева, не отражает ли софийская азбука время, когда к греческому алфавиту

Рис. 116. Древнерусские надписи:
1—3 — на пряслицах (1 — «Потворен прялен», Киев; 2 — «Невесточь», Вышгород; 3 — «Янка вдала прялен «Жирце», Киев); 4, 6 — на корчагах (4— «Благодатнейша полна корчага сия», Киев; 6 — «Новое вино Добрило послал князю Богунка», Старая Рязань); 5— на штукатурке («Месяца декабря в 4-е сотвориша мир на Жемени Святополк, Володимер и Олег», Киев). 7 — на бересте («от Жизномира к Микуле...», Новгород).

были добавлены первые славянские буквы? В таком случае открытая азбука должна представлять письменность очень раннего времени. Однако причины написания ее на стене собора в первой половине XI в. трудно объяснить.

С введением в 988 г. христианства — религии классового общества на Русь в большом количестве стали поступать греческие и болгарские книги, так называемые кирилло-мефодиевские переводы, сыгравшие важную роль в распространении и развитии восточнославянской письменности.

Сохранившиеся книжные памятники не дают возможности в полной мере судить о распространении письменности среди различных слоев древнерусского населения и ее роли в жизни общества. Значительно большие возможности представляются при изучении эпиграфического материала, открываемого во время археологических исследований. Это надписи на разнообразных ремесленных изделиях, бе-

ресте, граффити на стенах построек, нанесенные не только писцами-профессионалами, но и представителями народных масс, людьми разных профессий и социального положения.

Значительная часть эпиграфических находок, позволяющих судить о письменности на Руси, обнаружена на территории Украинской ССР. Ниже мы рассмотрим наиболее интересные памятники древнерусской эпиграфики, выполненные на керамике, камне, металле и стенах древних построек.

Особое значение для понимания уровня развития и распространения письменности на Руси имеют надписи на ремесленных изделиях. К ним относятся надписи на пряслицах, литейных формочках, корчагах, голосниках, кирпиче-плинфе, на металле и дереве. Ряд подписных пряслиц найдено в больших древнерусских городах. В Киеве возле Десятинной церкви в 1885 г. обнаружено пряслице с надписью, переходящей на другую сторону: «Потворин пряслень» [Рыбаков, 1948]. Два пряслица с надписями найдены во время археологических раскопок в Вышгороде в 1935 — 1937 гг. На одном из них надпись «Невесточь». Притяжательная форма записи, по-видимому, должна была указывать на владельца пряслица — невесту. Надпись на втором пряслице не читается. Она состоит из отдельных букв, представляющих сочетание «...ANЄT...».

Еще два пряслица из овручского шифера найдены во время раскопок в 1957 г. в Любиче. На одном из них выцарапано начало кирилловской азбуки: А, Б, В, Г, Д, Є, Ж, З, а на втором — сделана надпись любопытного содержания: «Иванко сотворил тебе это единственной дочери».

В 1967 г. в Киеве на Старокиевской горе во время археологических работ было найдено биконическое пряслице с очень четкой хорошо читаемой надписью в две строки: «Янка вдала пряслень Жирце». Имя Жирка, очевидно, сокращенное от Жирослава, встречающееся в письменных источниках. Судя по палеографии, надпись относится к XI—XII вв. [Толочко, 1970].

Приведенные примеры надписей на пряслицах свидетельствуют о грамотности горожан. Подобные подписные пряслица встречены и в сельской местности.

Как мы видели, в надписях на пряслицах преимущественно употребляется притяжательная форма записи, указывавшая на принадлежность их разным лицам.

Очень близки по содержанию к надписям на пряслицах (пометка владельца) надписи, сделанные на литейных формочках. На одной из них, найденной в Киеве, с внешней стороны читается имя: «Макосимов», а на другой — всего лишь две буквы И и Т [Каргер, 1958, т. 1].

Известен также крест-энколпион с именем на оборотной стороне, свидетельствующим о том, что на форме, в которой он отлит, было выгравировано имя мастера «Никодим» [Рыбаков, 1948].

Еще одна группа надписей хорошо известна на керамических ремесленных изделиях — корчагах. В корчагах на Руси хранили или транспортировали вина, зерно и другие жидкие или сыпучие вещества. К таким сосудам относится упоминавшаяся корчага из-под Смоленска.

На территории древнего Киева найден фрагмент корчаги с надписью, нанесенной мастером вокруг горловины. Б. А. Рыбаков реконструирует запись так: «[Благодат]нейша полна корчага сия».

Две интересные надписи с упоминанием вина обнаружены на обломках корчаг в 1948 г. в Старой Рязани и при раскопках 1957 г. в Пинске [Монгайт, 1949; Равдина, 1957]. Первая из них — четырехстрочная — читается: «Новое вино Добрыло послал князю Богунка». Из надписи не совсем ясно: кто послал князю вино — Добрило или Богунка. Если это сделал Добрило, то тогда Богунка — имя писавшего на корчаге, а если это — подарок

Богунка, тогда Добрило — название вина.

На корчаге из Пинска читается лаконичная запись из двух слов: «Ярополче вино».

В 1975 г. в Киеве на Подоле обнаружена корчага с надписью, расположенной полукругом между ручками. Стремление писавшего уместить ее в этом месте привело к сокращению почти всех гласных букв. Надпись гласит: «Мстиславля корчага» («Мстлсвл крчгъ»), то есть указывает имя владельца сосуда и его содержимое.

При разборке руин Успенского собора в Киеве найдена надпись на корчаге, выполненная до обжига по сырой глине. Уцелевшая часть надписи состоит из одного слова «Доброга...». Если бы существовала уверенность в том, что это отдельно стоящее слово, то его можно было бы считать языческим именем, хотя отсутствие признаков притяжательной формы заставляет в этом усомниться. Как мы видели, в надписях на корчагах нередко говорится о содержимом сосудов, поэтому можно предположить, что словом «добро» в значении имущество начиналась какая-то надпись, например «Добро Га[вриила]».

Там же на Подоле в 1973 г. обнаружена горловина амфоры с надписью, состоящей из одного сокращенного слова: «Олкси» — притяжательная форма имени Алексей. На том же обломке с противоположной стороны написана буква М с числовым значением 40. При археологических раскопках на территории древней Руси нередко на сосудах или их фрагментах встречаются отдельно стоящие буквы. Несмотря на то что они не покрыты обычно титлами, имеются основания полагать, что это цифры, обозначающие емкость сосуда или вес содержимого. Такая буква с цифровым значением N-50 есть на упомянутой корчаге X в. из-под Смоленска [Симонов, 1977]. С подобным цифровым значением встречены буквы и на корчаге из развалин Успенского собора в Киеве. На ней выцарапаны буквы NH-58 [Холостенко, 1975].

Значительное число надписей на различных предметах быта открыто во время археологических исследований на древнерусских городищах и в летописных городах: Воинь, Иван-Гора, Чучин, Жельни и др. В большинстве случаев находки представляют собой отдельные буквы или их сочетание, не поддающиеся расшифровке. Таким образом, рассмотренные выше надписи указывают на значительный круг авторов. Их надписи имели чисто практическое значение. Наиболее часто это имена владельцев вещи или сосуда и его содержимого, реже — пожелания мастеров. Надписи на вещах, нанесенные с практическими целями, свидетельствуют о значительном проникновении письменности в экономическую жизнь Руси.

Известны надписи, выполненные на строительных материалах: кирпиче-плинфе и голосниках. Выше упоминался сосуд с буквами, употребленный в качестве голосника или для облегчения свода, из Успенского собора в Киеве. Известна и надпись «Стефан писал» под рисунком магического знака на голоснике из Новгородской Софии.

Надписи на плинфе обнаружены при раскопках Десятинной церкви в Киеве. На одной из них выцарапано хорошо известное в славянской археологии начало канонической формулы: «Господи помози...» [Каргер, 1958]. В другом случае надпись сделана мастером по еще сырому кирпичу. К сожалению, прочитать ее не удается.

В руинах Успенского собора Киево-Печерской лавры обнаружена плинфа с трехстрочной надписью. Плинфа была вмурована в кладку здания во время постройки. Надпись делится на слова и читается так: «Аже лоза в [ъ] рыто се было ч [ъто] ваєши човѣкъ». Несмотря на то что чтение слов надписи не представляет особых трудностей (утрачены отдельные буквы в конце строк справа), можно колебаться

между двумя вариантами толкования надписи. Главный вопрос заключается в том, что именно писавший подразумевал под указательным местоимением СЄ: плинфу с надписью или же строящийся храм. В первом случае содержание надписи можно понимать так: замуровка плинфы в стену здания, которое строит (вояет) человек, сравнивается с виноградной лозой, зарываемой в землю. Но при этом возникает сомнение: слишком уже незначителен сам по себе факт замуровки плинфы с надписью, чтобы сравнивать его с виноградной лозой — символом христианского учения.

Более вероятен другой вариант понимания смысла надписи, при котором строительство собора и закладка его фундаментов сравнивается с посадкой виноградной лозы, то есть насаждения христианства, в конкретном случае — христианства на Руси. К сожалению, точно не известно место, где именно в храме была замурована плинфа с надписью. Если это было сделано в нижней части здания, то предложенное чтение представляется вполне правдоподобным. Человек, сделавший надпись на плинфе и замуровавший ее в кладку собора, по всей верятности, имел какое-то отношение к постройке здания. Это второе известное нам лицо из числа киевлян, помимо художника Алимпия, о котором сообщает Киево-Печерский патерик, причастное к постройке Успенского собора.

Надписи на металлических ремесленных изделиях: кубках, чарах, змеевиках, разнообразных крестах не были простым копированием заранее написанных текстов. Поэтому мастера, работавшие по обработке металлов, должны были быть значительно грамотнее других ремесленников.

Надпись XI в. обнаружена на мече из с. Хвощеватое [Кирпичников, 1966]. Надпись инкрустирована проволокой с обеих сторон в верхней части лезвия. Она гласит: «Коваль Людота», то есть «кузнец Людота». Эта надпись представляет собой производственное клеймо, что дополняет сведения о знакомстве с письменностью еще одной группы древнерусских ремесленников — оружейников.

Свидетельством грамотности и высокого мастерства исполнения является надпись на чаре черниговского князя Владимира Давыдовича, найденная в Сарай Берке. По венчику чары выгравирована круговая торжественная надпись с именем владельца и пожелания здоровья тем, кто из нее пьет: «А се чара княжеская Владимира Давыдовича. Кто из нее пьет, хваля бога и своего господина, тому на здоровье!».

Из широко известных металлических изделий древнерусских мастеров с надписями следует упомянуть два серебряных кратера XII в. из ризницы Софии Новгородской. По верхнему краю сосудов нанесена обычная евхаристическая надпись. По нижнему краю одного из них выгравировано: «Се сосуд Петрила и жены его Варвары», а на другом — «Се сосуд Перов и жены его Марии». На днищах кратеров подписи мастеров Кости и Братилы.

Все надписи сделаны очень опытной рукой, а подписи мастеров написаны не хуже, чем у писцов-профессионалов книжных памятников.

Имена мастеров-литейщиков известны на так называемых арках из города Вщижа. На их оборотной стороне читается надпись: «Господи помози рабу своему Константину» [Рыбаков, 1948]. Константин — имя одного из мастеров, отливших в XI в. эти высокохудожественные украшения неизвестного назначения.

О надписях на дереве можно судить по археологическим находкам в Новгороде, где обнаружены различные бытовые предметы с надписями, сапожные колодки с именами заказчиков, крышки от бочек с надписями «отень», «юрищина» и др. [Арциховский, Тихомиров, 1953].

Редким памятником эпиграфики, отражающим, видимо, стиль и слог

письменности государственных канцелярий древней Руси XI в., является знаменитая запись на камне из Тмутаракани, сделанная в 1068 г. Надпись вырезана на мраморной плите, которая была частью цоколя какой-то античной скульптуры. Она состоит из двух строк длиной около 0,9 м и выполнена торжественным уставом, напоминающим письмо Остромирова евангелия. Начертания некоторых букв (З, Є, А) близки к мозаичной надписи из Михайловского Златоверхого собора в Киеве. В записи сообщается: «В лето 6576, индикта 6 Глеб князь мерил море по леду от Томутороканя до Корчева, 14 000 сажень» [Медынцева, 1976]. Князь Глеб Святославич, измерив расстояние от Керчи до Тмутаракани, приказал зафиксировать это событие в специальной надписи.

К надписям, сделанным не по инициативе самих писавших, а по указанию официальных лиц, можно отнести эпиграфическую находку из Ближних пещер Киево-Печерской лавры. Это надпись над входом в склеп для захоронения. Читается она так: «В лето 6000 и 658-е ископахом место се на положение тела... [и мир праху его]». Надпись выполнена каллиграфическим почерком. Буквы ее, вырезанные в довольно твердом лессе, тщательно отделаны, и рельеф их заполнен красной краской. Палеография надписи в целом и отдельных букв напоминает запись на тмутараканском камне, хотя оба эти памятника разделены довольно значительным промежутком времени, поскольку первый из них выполнен в 1068, а второй в 1150 г.

Наблюдения в других местах возле входов в склепы подтвердили, что открытая надпись была не единичной. Подобные пояснительные надписи делались и у входов в другие крипты, для того чтобы знать, кто именно погребен в данном склепе. К сожалению, в рассматриваемом случае имя погребенного из-за обвала части стены не сохранилось.

Уцелевший фрагмент надписи представляет собой замечательный памятник древнерусской письменности, видимо, в какой-то мере отражающий торжественный слог монастырской или княжеской канцелярии XII в.

Говоря о письменности древней Руси, нельзя не упомянуть о находках берестяных грамот, открытых в Новгороде и некоторых других городах, дающих совершенно новое представление о роли письменности в жизни большого древнерусского города и его окраин. Большинство берестяных грамот сообщает о разных хозяйственных распоряжениях, тесно связанных с экономической жизнью. Их авторы дают указания о продаже коней, сообщают о покупке земли, поручают купить «маслеца деревяного». Приказчик или крестьянин сообщает феодалу, что «земля готова надобе семяна...», просит прислать посевного зерна. Некоторые грамоты являются записками ростовщиков и перечисляют долги, другие сделаны купцами, торговавшими мехами. Некий новгородец пишет грамоту к своей жене и просит ее: «спиши список с купной грамоте да пришли», что, очевидно, свидетельствует о грамотности женщины-горожанки или крестьянки; к грамотной невестке обращается свекр и дает ей мелкие хозяйские поручения, напоминает, где стоит солод, просит ее спечь хлеб «колоб» и т. д.

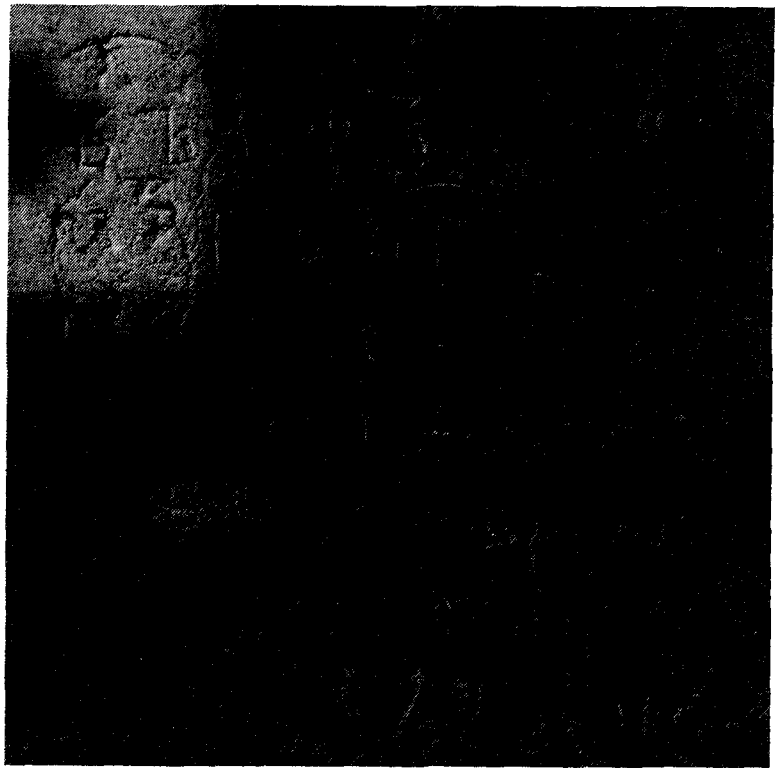
Интересные сведения получены из новгородских грамот о методах овладения грамотой в древней Руси. Среди разнообразных находок открыта азбука, вырезанная на деревянной дощечке. Исследователи полагают, что подобные пособия были распространены на Руси и изготовлялись на продажу.

При археологических раскопках встречаются и так называемые писала, или стили,— металлические стержни, заостренные с одной стороны, употреблявшиеся для письма по воску или на бересте. При случае таким писалом можно было выцарапать надпись-граффити на стене здания.

Обнаружено несколько грамот, написанных, новгородским мальчиком Онфимом, жившим в XII—XIII вв. На одной из них написана азбука, а рядом его ученические упражнения: *ба, ва, га, да,* и т. д. которые отражают древнерусский способ обучения по слогам.

На других грамотах сохранились остатки надписей и рисунков: по находкам в Киеве, Новгороде и других древнерусских городах [Медынцева, 1978].

Значительное число древнерусских граффити, имеющих интересное содер-



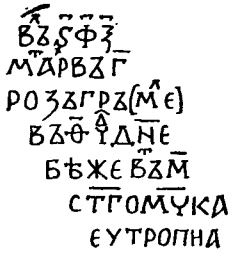


Рис. 117.
Древнейшая древнерусская датированная надпись о громе (молнии), ударившем в Софийский собор (?) 3 марта в 9 часов дня 1052 г.
(Фото и прорись).

неоконченная азбука, имя «Онфим», рисунок всадника с копьем, изображение человечков.

В Киеве, к сожалению, грамоты на бересте пока еще не найдены. Однако археологические раскопки на Подоле позволяют думать, что они вскоре будут найдены. Об этом свидетельствует хорошая сохранность дерева в этом районе города.

Другой довольно значительной группой памятников древнерусской письменности являются граффити — надписи и рисунки, сделанные посетителями на стенах зданий и известные

жание, обнаружены на архитектурных постройках древнего Киева. На руинах Золотых ворот есть остатки надписей и рисунков XI в. [Высоцкий, 1967].

На западной стене ворот сохранился фрагмент древнего облицовочного раствора, на котором изображена сцена охоты на дикого кабана-вепря. Такой рисунок, возможно, был сделан под влиянием подобного сюжета охотничьего жанра в юго-западной башне Киевской Софии. Рядом с рисунком, слева, заметны остатки длинной однострочной надписи. Удалось разобрать

лишь ее окончание «...оск на конь». Надпись, по-видимому, имела отношение к грубому изображению коня, помещенного в этом месте. Несколько выше надписи заметны следы других граффити, но прочитать можно всего один фрагмент — начало обычной формулы: «Господи, помози рабу своему...».

Летом 1981 г. во время работ по консервации руин Золотых ворот обнаружен фрагмент упавшей части западной стены, на котором также были нанесены граффити и рисунки. Один из них изображал «кентавраса», то есть кентавра с сопроводительной надписью: «Господи, помози рабу своему Василеви».

Граффити в проезде Золотых ворот, очевидно, были сделаны путниками, толпившимися здесь в ожидании открытия городских ворот. Их содержание с упомянутой канонической формулой определялось тем, что над Золотыми воротами находилась церковь Благовещения.

Из киевских граффити особый интерес как памятники письменности и по содержащимся в них сведениям, имеют граффити XI—XIV вв., открытые в Софийском соборе, который посещали представители всех социальных групп древнего Киева и окружавших его земель. Среди граффити встречены надписи, по содержанию которых можно судить о принадлежности их авторов к разным социальным группам населения города. В древнерусских памятниках книжного письма упоминается категория зависимых церковных людей — «прощеников». Один из них сделал свою надпись во Владимирском приделе собора: «Михаль Скопосовъ прощеникъ».

Большой интерес представляет надпись, сохранившаяся в главном нефе собора. Неизвестный автор торжественным уставным письмом записал на столбе сообщение о важном событии своего времени — смерти великого киевского князя Ярослава Владимировича Мудрого: «В лето 6562 (1054) месяца февраля в 20-е успение царя нашего...».

Надпись окончательно разрешила спорный вопрос о дате смерти Ярослава Мудрого [Рыбаков, 1964]. Она подтвердила свидетельство Ипатьевской летописи, в которой это событие отнесено также к 20 февраля 1054 г.

Интересно, что в том же месте, немного выше надписи о смерти Ярослава Мудрого, выцарапаны под титлами две глаголические буквы М и К (приводятся в кирилловской транскрипции). Вполне вероятно, что это начальные буквы слов: «Мудрый князь».

Запись о смерти Ярослава Мудрого в 1054 г. и надпись из собора 1052 г. являются в настоящее время наиболее ранними датированными памятниками письменности Руси.

Большую торжественную надпись в центральной части Софийского собора сделал 14 апреля 1093 г. отрок киевского князя Всеволода Ярославича Дмитр. Надпись читается так: «Въ великий четверг рака положена бысть, а то Андрея русьского князя благоверного, а Дмитр писал, отрочка его месяца априля в 14...». Отрок Дмитр сообщает, чо в Софийском соборе 14 апреля был установлен саркофаг Всеволода Ярославича, названного крестильным именем — Андрей. Это событие отражено в летописной записи под 1093 годом: «В лето 6601 (1093), индикта I лето преставился великий князь Всеволод, сын Ярославль, внук Володимерь, месяца априля в 13 день, а погребен бысть в 14 день, недели сущи тогда страстней и дни сущю четвертку, в онь же положен бысть в велицей церкви святыя Софья» [ПВЛ, 1950, ч. 1].

Как видим, отрок Дмитр, слуга князя или младший воин княжеской дружины, был грамотен. Он воспользовался случаем и записал на стене собора событие, очевидцем которого был.

После смерти Всеволода Ярослави-

ча, как известно, киевским князем стал Святополк Изяславич. Именно на XII в приходится большинство надписей, сделанных на стенах собора. В одной из них сообщается о мире, заключенном вблизи Киева на летописной местности Желяни: «Месяца декабря в 4-е сотвориша мир на Желяни Святополк, Володимир и Ольг».

В надписи упоминается мир, не зафиксированный в летописи. По перечислению имен князей довольно легко установить, что речь идет о прекращении княжеских усобиц в период княжения Святополка Изяславича (1093—1113). Первым как великий князь упомянут Святополк Изяславич, а далее Владимир Мономах и Олег Святославич. Особенностью надписи является то, что она, несомненно, сделана рукой писца-профессионала. Однако ее графика не является уставным письмом, распространенным на Руси в XI—XII вв., в ней отсутствуют следы кропотливого выписывания каждой буквы. Надпись выполнена энергичным деловым почерком, передающим динамику движения руки автора. На

знакомство с книжной письменностью указывает редкая среди граффити лигатура, в которой объединены буквы В и Т. Достоверной надписью писца-профессионала из южной галереи собора, видимо княжеского чиновника, является запись: «Иван дьяк Давыдов».

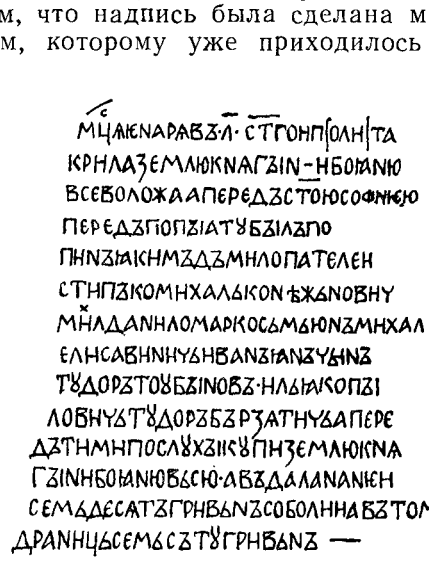


Рис. 118. Запись XII в. на стене Софийского собора о продаже Баяновой земли. (Фото и прорись).

К княжескому государственному аппарату, несомненно, принадлежал и автор надписи на хорах с северной стороны: «Господи, помози рабу своему Георгиеви и мечнику княжескому Василеви». В надписи упоминаются два христианских имени: Георгий и Василий; есть в ней признаки и того, что вторая строка является припиской, сделанной экспромтом. Об этом свидетельствует формула «Господи, помози...», где не употреблено двойственное число. Очевидно, автор первоначально сделал надпись с упоминанием только одного имени Георгия, а затем, поразмыслив, решил назвать и себя.

Из текста надписи следует, что Василий был мечником у Георгия, имя которого не требовало никаких дополнительных комментариев. Возможно, Георгий — крестильное имя князя, вероятнее всего, Юрия Владимировича Долгорукого.

Интересная надпись открыта на фресковом изображении святого Фоки: «Святый Фоко, иже поручен от бога, плавающим в море. Правителе, направи мя потопляема волнами житиискими». Автор надписи обращается к Фоке и просит помощи в каких-то житейских делах.

Отметим, что Фока в древности не просто считался покровителем путешественников вообще, подобно св. Николаю, но и был святым патроном моряков-рулевых, или, как их называли на Руси, кормников. Автор надписи, несомненно, знал, что Фока — защитник и покровитель моряков, но все же обратился именно к нему с просьбой помочь «направить» в делах житейских. Это, вероятно, следует объяснить тем, что надпись была сделана моряком, которому уже приходилось обращаться за помощью к Фоке, плавая по морю или по Днепру в Царьград — столицу Византийской империи. Подобное предположение тем более вероятно, что рядом в соборе помещено и популярное у моряков изображение Николая.

Палеографические приметы надписи не выходят за пределы XI в. Наиболее характерные начертания имеют буквы: Ж, М, И, Ч, близкие к соответствующим написаниям в Остромировом евангелии и Изборнике Святослава 1073 г.

Надпись указывает на род занятий местного населения и свидетельствует о том, что среди древнерусских моряков были грамотные люди.

Из софийских граффити важное значение имеют и надписи, сделанные женщинами. Одна из таких надписей выцарапана на хорах собора княгиней Олисавой — матерью великого киевского князя Святополка Изяславича (109 — 111?). Там же, на хорах, обнаружена запись какой-то Агафии.

Кроме Софийского собора, Золотых ворот, руин Успенского собора Киево-Печерской лавры, граффити встречены в Кирилловской церкви и на стенах церкви Михаила Выдубецкого монастыря, где давно известна большая надпись XI в. с упоминанием Стефана.

Последнее время древнерусские граффити обнаружены в Чернигове

Рис. 119.
Корчага с надписью «МСТСЛВЛ КЧУГЬ».

под штукатуркой на церкви Спаса. На южной стене здания открыта фрагментарно сохранившаяся большая надпись следующего содержания: «Месяца апреля в 23 день обедал Илья... на святого Юрия [день]...».

Рассмотренные памятники письменности существенно дополняют сведения о грамотности и о ее распространении на Руси. Новые эпиграфические материалы, полученные в результате успехов археологической науки, позволяют усомниться в выводах представителей дореволюционной историографии, утверждавших, что письменность на Руси была исключительно привилегией узкого круга людей — феодальной знати и духовенства. Подобный вывод, видимо, был результатом изучения только одного круга доступных в то время источников — памятников книжной письменности, в которых в качестве писцов-профессионалов фигурируют главным образом лица духовного звания: попы, дьяки и т. д. Поэтому изучение литературных памятников не могло дать удовлетворительного ответа на интересующий нас вопрос.

Наиболее ранние памятники письменности, обнаруженные во время археологических исследований, свидетельствуют о том, что на Руси с 50-х годов XI в. и вплоть до нашествия орд Батыя получило распространение кирилловское письмо. Правда, древнерусские книжники знали и другое славянское письмо — глаголицу, изредка встречающуюся среди граффити Софийских соборов Киева и Новгорода.

Археологические находки различных ремесленных изделий с надписями, берестяные грамоты, граффити архитектурных памятников позволяют заключить, что в XI и особенно в XII в. древнерусская письменность не была привилегией исключительно господствующего класса. Ею пользовался уже довольно широкий круг людей разных профессий, населявших торгово-ремесленные посады городов.

Мастера, изготовлявшие пряслица, возможно, и женщины, которым они принадлежали, делали на них различные пометки и надписи для того чтобы не потерять или не перепутать с чужими необходимую в хозяйстве вещь. С такой же целью литейщик делал надпись на драгоценной для него форме.

Гончары писали разнообразные надписи на корчагах, которые они изготовляли, указывая на содержимое или принадлежность сосуда какому-либо лицу. Писали надписи на своих изделиях и мастера, изготовлявшие голосники и кирпич-плинфу.

Еще большее знакомство с письменностью наблюдается у ремесленников-

ювелиров, обрабатывавших цветные металлы. Невозможно представить себе, чтобы мастер-ювелир, изготовивший чару Владимира Давыдовича Черниговского, скопировал заранее кем-то написанный текст. Подобное предположение опровергается сознательным применением вязи в тех случаях, когда мастеру не хватало места для обычного размещения букв.

Резчики по камню умели делать не только маленькие надписи на пряслицах, а и монументальные официальные надписи вроде тмутараканской или обнаруженной в пещерах Киево-Печерской лавры, а также на так называемых Борисовых камнях и крестах на р. Мсте. Еще более полное представление о древнерусской письменности дает знакомство с берестяными грамотами и граффити. По количеству находок берестяные грамоты, обнаруженные в Новгороде и других городах древней Руси, представляют собой целый архив разнообразных хозяйственных документов: распоряжений, счетов, поручений, писем и т. д. Их содержание свидетельствует о том, что с XI в. и позднее письменность имела большое значение в экономической жизни Новгорода. Берестяные грамоты указывают на грамотность значительного круга людей; их писали горожане и крестьяне из ближайших сел, феодалы и приказчики, женщины и даже дети.

Приведенные сведения о роли письменности в древней Руси подтверждаются и изучением граффити архитектурных памятников не только Киева, но и Новгорода, Чернигова, Смоленска, Старой Ладоги. В киевском Софийском соборе открыто около 300 граффити, нацарапанных на стенах посетителями в старину. Названная цифра лишь незначительная часть граффити, дошедшая до нашего времени, несмотря на неумелые реставрации живописи в XIX в., обвалы древней штукатурки и пр. Среди авторов граффити представители почти всех слоев населения феодального города. Тут князь и княгиня, бояре и представители княжеской администрации — мечники и дьяки, многочисленные отроки-дружинники, «церковные люди» — прощеники, монахи, служки, попы. Некоторые граффити написаны, видимо, лицами, близкими к летописанию, что подтверждается не только их грамотностью, но и содержанием и формой надписей.

Авторов граффити волновали события общерусского значения: смерть Ярослава Мудрого, погребение его сына — Всеволода Ярославича, мир на Желяни, прекративший княжеские усобицы в начале XII в. и др. Некоторые записи дают основания видеть в их авторах выходцев из других древнерусских городов: Полоцка, Турова, Белой Вежи (Остерской?), Белгорода и Чернигова. Такие надписи были сделаны приезжими купцами или паломниками, что свидетельствует о распространении грамотности не только среди киевлян, но и среди жителей других городов Руси.

Изучение эпиграфического материала XI—XIII вв. из Киева и некоторых других городов Южной Руси показало, что наибольшего расцвета древнерусская письменность достигла в конце XI и особенно в XII в. Именно к этому времени относится наибольшее число надписей, сделанных хорошим уставным письмом. Важное значение письменности в экономической и культурной жизни древнерусского общества привело в конце XI — начале XII в. к появлению более простого, делового письма, которым, наряду с литургическим уставом, написаны некоторые граффити Софийского собора. Таким письмом сделаны записи о мире на Желяни, приходе Святополка Изяславича в Киев на княжение, о Ставре Городятиниче и др.

Эпиграфические находки убедительно свидетельствуют о непрерывности письменной традиции в Киеве начиная с середины XI и вплоть до XVII вв. включительно.

Эпиграфические материалы, обнаруженные в послевоенные годы в ре-

зультате археологических исследований, являются важным историческим источником, существенно пополняющим наши знания о письменности и ее роли в древней Руси. Изучение полученных материалов показывает, что в XI—XIII вв. письменность была распространена среди различных слоев населения и играла важную роль в экономической и культурной жизни страны.

VI ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВЫЕ ПАМЯТНИКИ ПРИЧЕРНОМОРЬЯ, ПРИАЗОВЬЯ И КРЫМА

Памятники кочевых племен Степного Поднепровья IX—XIII вв.

Кочевники Степного Поднепровья длительное время были соседями восточных славян, что способствовало активному взаимовлиянию этих групп населения. Особенно тесными связи между кочевниками и оседлым населением, судя по письменным и археологическим источникам, были в период существования Древнерусского государства.

Интерес к истории кочевых народов, занимавших в IX—XIV вв. южнорусские степи, исследователи начали проявлять с середины XIX в. Главное внимание уделялось вопросам политической истории кочевников. Основывались исследования в основном на многочисленных данных русских летописей и иностранных письменных источников. Изучение археологических памятников кочевого населения, позволившее шире характеризовать быт и культуру, началось с 80-х годов XIX в. Это, прежде всего, раскопки Н. Е. Бранденбурга, В. И. Гошкевича, Д. Я. Самокваса, В. А. Городцова, Д. И. Яворницкого погребений кочевников в Киевской, Харьковской и Екатеринославской губерниях. Тогда же В. А. Городцов и А. А. Спицын предприняли попытки на основании добытых археологических материалов определить этническую принадлежность отдельных типов кочевнических захоронений.

В послереволюционный период раскапывались, как правило, впускные могилы в более ранние курганы эпохи бронзы или раннего железного века. В связи с новостройками на юге УССР количество раскопанных памятников значительно возросло. Была проведена классификация археологических материалов из захоронений [Зяблин, 1952; Плетнева, 1958 и 1973; Федоров-Давыдов, 1966], каменных изваяний [Плетнева, 1974). Накопленный и проанализированный материал позволил обобщить кочевнические древности X—XIII вв. (Степи Евразии в эпоху средневековья, 1981). Комплексное использование письменных источников, археологических и этнографических материалов дало возможность изучить закономерности социально-экономических отношений кочевого общества [Плетнева, 1982]. История кочевников и их взаимоотношения с Русью рассматривались в ряде обобщающих работ по средневековой истории Восточнославянского государства.

Можно выделить два этапа в истории кочевого населения южнорусских степей — печенежский (X — начало XI в.) и половецкий (середина XI — первая половина XIII в.). Предполагается, что печенеги остались на первом уровне кочевания (отсутствие земледелия и оседлости), а половцы в конце XI в. перешли ко второму способу ведения кочевого хозяйства, при котором появляются постоянные зимовники и частичные заготовки кормов для молодняка и высокопородных коней [Плетнева, 1982].

Первыми среди кочевников Северного Причерноморья в контакты с Русью вступили печенеги. В их отно-

шениях с молодым государством восточных славян прослеживается несколько этапов. Первое упоминание летописей о печенегах относится к 915 г. Киевский князь Игорь провел с печенегами мирные переговоры, после чего они ушли к Дунаю. Под 944 годом сообщается об участии печенегов в походе князя Игоря на Византийскую империю. До середины X в. печенеги не препятствовали взаимоотношениям Руси с Византией и мусульманскими государствами Востока.

Во второй половине X в., когда под ударами Руси пал Хазарский каганат, в степях Северного Причерноморья значительно возрастает количество кочевого населения, и оно активизирует свою деятельность по отношению к северным соседям. Летопись отмечает, что уже в 968 г. «... прыидоша Печенези пѣрвое на Рускую землю...». Период со второй половины X до середины XI в. характеризуется наибольшей печенежской экспансией на Русь. В связи с участившимися набегами печенежских орд (968, 993, 997, 1015, 1034 гг.) Владимир Святославич и Ярослав Владимирович укрепляют южнорусские рубежи многочисленными крепостями по Десне, Трубежу, Суле, Стугне, Роси. Но походы печенегов не смогли нанести ощутимого урона политическому и экономическому развитию Руси — государство восточных славян становилось одним из наиболее могущественных в средневековой Европе.

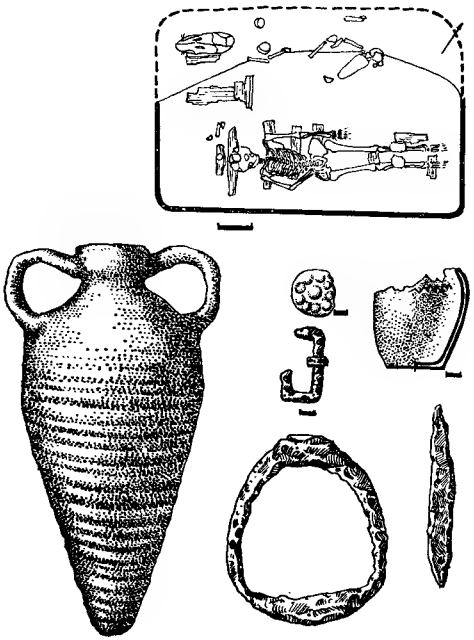
Население Северного Причерноморья в описываемое время не было однородным в этническом отношении. Здесь проживали потомки алано-болгарских племен, венгерские, тюркские, славянские племена. В 985 г. в этот район приходят торки. В середине XI в. союз печенегов и торков, которых теснили с юга половцы, а с севера Русь, перестал существовать как политическая сила.

Движение половцев отличалось бóльшими масштабами и сопровождалось разрушительными нападениями на русские земли. Почти каждый год, за редким исключением через два-три года, тот или иной район Руси подвергался опустошительным набегам половцев. Так, в 1093 г., окружив город Торческ в Поросье, «...половце же, приемыше град, запалиша огнем, и людие разделиша и ведоша я оу веже к сердоболям своим и сродникам своим...». Только в XII в. русские князья организовали первые походы против половцев, особенно во времена умного и энергичного Владимира Мономаха. В период феодальной раздробленности кочевнические орды приглашались на Русь и отдельными князьями (в частности, черниговскими Ольговичами) для достижения своих политических целей.

Не всегда взаимоотношения с кочевниками регулировались военной силой. Существовали и мирные отношения. Не выдерживавшие борьбы племена, а также обедневшие кочевники переселялись на южные границы Руси и оседали среди земледельческого населения. В XI—XII вв. происходит процесс постепенного расселения части кочевников в Поросье, верховьях Южного Буга, вдоль притоков Тясмина и Синюхи, в левобережных районах Среднего Поднепровья [Кудряшов, 1948; Плетнева, 1973; Толочко, 1980]. Летопись называет их «своими погаными» в отличие от «диких кочевников». В силу этих обстоятельств на южных окраинах Руси этнический состав населения был пестрым.

Под 1177 годом письменные источники отмечают взятие половцами в бассейне Роси шести берендейских городов. В середине XII в. в Поросье образовывается союз Черных Клобуков, находившихся в вассальной зависимости от киевского князя. Центром этого образования был город Торческ, остатки которого локализированы возле с Шарки Киевской области [Рыбаков, 1966]. Население Черноклобукского союза постепенно переходило к полукочевому и даже оседлому образу жизни. Этнографические особен-

ности представителей различных племенных образований, входивших в этот союз, постепенно стирались [Плетнева, 1973]. Русские князья использовали кочевников главным образом в качестве легкой конницы для обороны государственных рубежей Руси. Находясь на службе у киевских князей, торки с полным правом могли говорить Юрию Долгорукому: «...Мы



1

2

умираем за Русскую землю с твоим сыном, и головы своя складываемь за твою честь».

В среде кочевников происходил процесс имущественной дифференциации, шла борьба за обладание лучшими пастбищами. Социальные отношения находились на стадии окончательного разложения первобытного строя и зарождения классово-феодальных отношений [Федоров-Давыдов, 1966]. В 70—80-х годах XII в. во главе половцев стоял хан Кончак, пытавшийся объединить их в одно государство. Для этого периода характерно усиление половецкой экспансии. В 90-е годы XII в. давление половцев на Русь ослабевает. После нашествия орд хана Батыя часть половцев была разгромлена, а часть попала под власть Золотой Орды.

В археологическом отношении кочевнические древности представлены в основном материалами погребальных памятников. Ниже мы приведем сведения о некоторых из них, исследованных в разные годы на территории современной Украинской ССР.

К раннему периоду пребывания кочевников в причерноморских степях относятся два захоронения возле сел Новочерноморье и Шевченко Херсонской области. Оба они впускные в курганы эпохи бронзы. Погребение № 7 кургана № 4 возле с. Новочерноморье совершено в центре кургана на глубине 1,5 м. Могильная яма прямоугольной формы (2,2×0,8 м) с закругленными углами, ориентирована по линии запад — восток с небольшим отклонением к северу. Умерший лежал на спине в вытянутом положении, головой на юго-запад. Около черепа об-

наружены золотые проволочные серьги с несомкнутыми концами, железные ножницы и нож, а между коленями стремя (второе найдено справа у ног). Слева от умершего лежали черепа лошади с железными удилами без перегиба во рту и кости ног лошади [*Ковпаненко, Качалова, Шарафутдинова*, 1967].

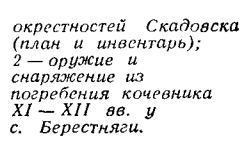


Рис. 120. Погребения кочевников XI—XIII вв.: 1 — курган из окрестностей Скадовска (план и инвентарь); 2 — оружие и снаряжение из погребения кочевника XI — XII вв. у с. Берестняги.

Погребение № 2 в кургане № 1 возле с. Шевченко (окрестности г. Скадовск) совершено в южной части кургана на глубине 0,4 м. Погребальная яма прямоугольной формы имела ступеньку. Основная часть ямы, где лежал погребенный, в плане прямоугольной формы 2,6×1,25 м) с закругленными углами. Яма перекрыта вдоль бревенчатым накатом. На ступеньке обнаружены кости лошади — череп и кости ног, железные удила и стремена. Погребенный лежал на дне ямы в вытянутом положении, головой на юго-запад. Под скелетом расчищены остатки деревянного настила. Возле черепа найдены остатки кожаной шапки, бронзовая бляшка, а у таза — железная пряжка. Около ног лежали железный нож, маленькая красноглиняная амфора и раздавленный гончарный красноглиняный одноручный кувшин. На берцовых костях умершего сохранились голенища от кожаных сапог [Черненко, Яковенко, Корпусова, 1967].

В долине р. Молочная вблизи с. Новофилипповка Запорожской области в кургане эпохи бронзы на глубине 1,05 м вскрыто впускное позднекочевническое захоронение. Скелет лежал в скорченном положении, головой на юго-запад. Рядом расчищены кости коня — череп, задние конечности и хвостовые позвонки. Между челюстями коня — костяные удила. Рядом с костями лошади найден железный нож [Вязмітіна, Іллінська, Покровська та ін., 1960].

Возле с. Подолье Киевской области, также в кургане эпохи бронзы на глубине 0,53 м в прямоугольной яме (2,25×1,2 м) обнаружено мужское захоронение, относящееся к XI в. Умерший лежал в деревянной домовине на спине, головой на запад. Рядом с черепом найдены две золотые серьги, на тазовых костях — поясной набор из пряжек и колец (рядом лежали кресало и нож). Около коленного сустава был положен железный стилет, а возле левого плеча — берестяной колчан и бронзовая пряжка [Орлов, Погорілий, 1977].

В Поросье, недалеко от с. Берестняги, исследовано богатое захоронение воина с конем XI — XII вв. Воин был одет в кольчугу, шлем, а на лице имел защитную маску. В погребении обнаружены седло, сабля, удила, стремена, котел, оселок, орнаментированные бляшки [Бранденбург, 1908].

Богатством инвентаря отличается женское захоронение с конем конца XII — начала XIII в. в курганном могильнике у с. Новоивановка Донецкой области. Сопровождающий инвентарь свидетельствует о знатном положении умершей. Голову погребенной украшали диадема и бубенчик-подвеска. Между ключицами найдены две золотые пластинчатые бляшки и золотая шейная гривна, на груди — брошка, на предплечьях — по два браслета (стеклянный и серебряный). У кисти правой руки найдена вторая гривна, а на пальцы рук надеты два серебряных и два золотых перстня. Под скелетом обнаружены бронзовое зеркало и хрустальная линза, кусочки ткани; в правой руке — железный нож. Возле черепа стоял кувшин, вокруг которого рассыпаны зерна проса. Кроме того, в могиле найдены стремена, удила, пряжка и ременные остатки сбруи, а также медный котел с костями овцы — остатками погребальной пищи [Швецов, 1974].

Примечательно также женское погребение № 2 в кургане № 11 у с. Большая Белозерка, исследованное Запорожской экспедицией ИА АН УССР в 1975 г. Прямоугольная могильная яма с подбоем в южной стенке ориентирована по линии запад — восток. Поверх перекрытия из деревянных плях и камыша, на уступе возле северной стены лежали два деревянных колеса, детали повозки, а также конечности и череп лошади с железными удилами и стременами. Погребенная лежала вытянуто на спине, головой на восток, в решетчатом гробовище. Среди погребального инвентаря найдены: позолоченная витая гривна, височные кольца, серьги, костяной гребень, шиферные пряслица и золотая монета Мануила I Комнина (1143—1180), которая использовалась в качестве нашивной бляхи [Болтрик, Отрощенко, Савовский и др., 1976].

Уникальным оказалось богатое половецкое захоронение XII — XIII вв., исследованное в кургане высотой 6 м на р. Молочная в 1981 г. [Отрощенко, 1983]. Его ценность заключается не только в разнообразии богатого инвентаря, но и в том, что погребение сохранилось в нетронутом виде, а это дало возможность проследить и зафиксировать все детали погребального обряда.

Вокруг прямоугольной ямы больших размеров лежали пять лошадей со сбруей и седлами, отделанными серебряными с позолотой украшениями. На заплечиках, внутри ямы, были разложены до 10 разрубленных бараньих туш. Умерший, ориентированный головой в западном направлении, лежал в деревянном, закрытом на четыре цилиндрических замка, саркофаге, размером 2,5×1,1 м. Богатая одежда (расшитый золотыми бляшками, золотистыми нитями и бисером, парчевыми лентами кафтан, парчевые, украшенные серебряными пластинками и пряжками пояса, матерчатая шапочка с нашитыми серебряными, инкрустированными янтарем бляшками), предметы вооружения (шлем с полумаской и кольчужной бармицей, щит, колчан, налучье, стрелы, кольчуга, сабля, кинжал), аксессуары верховного жреца (курильница и ножи), витая распрямленная гривна из высокопробного золота — символ власти, золотые и серебряные украшения, разнообразная утварь, богатые ткани свидетельствуют о том, что умерший при жизни занимал высокое положение в половецком обществе.

На территории Приднепровья в погребениях кочевников IX—XIII вв. отсутствует какой-то определенный господствующий обряд. Нередко на одной и той же территории и даже на одном и том же курганном могильнике встречаются синхронные захоронения кочевников с различным погребальным обрядом. Набор инвентаря в могилах одинаковый: в мужских погребениях — оружие (стрелы, наконечники копий, сабли, иногда топоры), конская сбруя (стремена, удила, седла), защитные доспехи, бытовые вещи, остатки одежды, изредка украшения; в женских — бытовые вещи, украшения, остатки одежды, а иногда оружие (стрелы, наконечники копий) и предметы конской сбруи.

Хронологические отличия в инвентаре прослеживаются лишь для IX—X и XI—XIII вв. Если говорить об оружии, то его эволюция проходила в рамках широкой территории Евразии, и поэтому похожее оружие использовали различные народы в определенные исторические периоды.

Типичным кочевническим оружием является сабля с широким, слабоизогнутым клинком, приближающимся к однолезвийным мечам. Характерные для кочевников стремена имеют узкую подножку (2,5—3,5 см) и рельефную линию на внешней стороне.

Из бытовых вещей в погребениях IX — X вв. чаще всего встречаются кресала, ножи, ножницы и глиняные

сосуды. Кресала имеют форму незамкнутого овала с согнутыми концами, ножи с горбатой спиной и костяной или деревянной ручкой. Из украшений встречаются височные кольца с несомкнутыми концами, бусы. Одежда представлена фрагментами ткани, пряжками, пуговицами, обувь — кусками кожи.

В инвентаре кочевнических погребений XI — XII вв. заметны определенные изменения, которые связываются с приходом половцев. Наиболее четко они прослеживаются в оружии. В XI в. появляются кольчуги, шлемы, щиты, отсутствовавшие в предыдущее время. Большой интерес представляет защитный конский наголовник, найденный в кочевническом погребении в с. Ромашки Васильковского района Киевской области. Он состоял из трех подвижных железных пластин, соединенных металлическими кольцами. Пластины согнуты по форме головы и имеют прорезь для глаз [Кирпичников, Черненко, 1968].

Сабли кочевников XI — XII вв. существенно отличаются от сабель предыдущего времени. Они сильнее изогнуты, имеют длинный, узкий и острый конец, а также изогнутый железный эфес. Как пережиток встречаются сабли со слабоизогнутым клинком. Изменение сабли, ставшей более легкой и приспособленной для скользящего удара, требовало большего упора на стремена. Поэтому в стременах XI — XIII вв. подножка значительно шире (6—10 см), чем в предыдущее время. Удила без псалий с трензельными кольцами. В могилах воинов этого времени встречаются стрелы, наконечники копий, костяные обкладки луков, остатки берестяных, иногда с костяной обкладкой колчанов в виде длинных футляров, расширенных в нижней части.

Из бытовых предметов в могилах кочевников XI — XIII вв. встречаются кресала, ножи, ножницы, металлические зеркала, котлы, чаши, глиняные сосуды, рыболовные крючки. Кресала имеют форму незамкнутого овала с согнутыми концами, овала или прямоугольника. В женских погребениях из украшений встречаются серьги, шейные гривны, бусы, изредка браслеты, нашивки на одежду; некоторые вещи повторяют древнерусские типы.

В IX — XIII вв. у кочевников существовали следующие основные обряды погребений: 1) впускные могилы в курганы более раннего времени, в прямоугольных или овальных в плане ямах. Умерший лежит вытянуто, почти всегда головой на запад, чаще всего в гробу, реже в долбленой колоде или дощатом гробовище; нередко погребение сопровождается костями коня, лежащими в анатомическом порядке, и инвентарем; 2) обряд погребения подобен предыдущему, но умершего клали в скорченном положении в сопровождении инвентаря и костей коня; 3) погребения совершены под курганом в прямоугольной яме со ступенькой, на которой, как правило, положены кости коня (чаще всего череп и конечности), или же умершего клали в вытянутом положении на спине в гробу или на подстилке. Ориентация погребенного чаще всего по линии запад—восток. Захоронение сопровождается инвентарем; 4) аналогичные предыдущим, но над погребениями в яме имеется деревянный настил; 5) погребения совершены под курганом в могиле с подбоем. Умерший лежит в подбое на спине в вытянутом положении, ориентированный, как правило, на запад. Захоронение сопровождается костями коня, инвентарем; 6) бескурганные могильники. Скелеты лежат в яме на спине в вытянутом положении; ориентация западная и северо-западная. Погребения сопровождаются инвентарем; 7) насыпи курганов земляные или перемешаны с камнями. Встречаются погребения с каменным кромлехом. В могильную яму умершего клали в вытянутом положении на спине в гробу. Ориента-

ция на запад или восток. Как правило, погребение сопровождается целым конем или его частью, положенными в отдельную яму. Известны и погребения без костей коня, что свидетельствует о некоторых изменениях в погребальном обряде. Набор инвентаря в этой группе погребений богатый.

На основании ряда особенностей погребального обряда в сопоставлении с вещами, обнаруженными в захоронениях, С. А. Плетневой удалось выделить группы погребений, относящиеся к различным хронологическим периодам.

К первой, наиболее ранней хронологической группе, датируемой по инвентарю X — началом XI в., относят захоронения со следующими особенностями: погребения под небольшими земляными насыпями и впускные в насыпи предыдущих эпох; одиночные погребения в неглубокой яме; захоронения головы и ног коня слева от человека (в виде исключения вместо головы и конечностей коня клали голову и конечности коровы или быка); захоронения чучела коня без человека; отсутствие женских погребений. Наиболее характерным инвентарем в погребениях являются: сосуды, украшенные «роскошным» орнаментом, стремена с выделенной для путлища петлей, короткие прямые сабли, луки с тяжелыми серединными накладками, «копоушки» с богато украшенной ручкой, подвески в виде стилизованных птиц, характерные серповидные бляшки на поясе.

Вторая группа отличается от вышеописанной отсутствием кенотафов и наличием женских погребений, расположением головы и ног коня не рядом с покойником, а на приступке или над ним в засыпке могилы на середине глубины. Могильные ямы глубже, чем в первой группе.

В тех случаях, когда конь в погребении отсутствует, в яме имеются заплечики для сооружения перекрытия. Вещи в этой группе захоронений почти синхронны первой, их можно отнести к XI в.

Третья группа захоронений значительно отличается от первых двух следующими особенностями: в конструкцию кургана входят камни; погребенный лежит в неглубокой яме головой на восток; рядом с умершим клали коня, ориентированного мордой на восток или, реже, на запад. Вещи типичны для XII — XIII вв. и отличаются разнообразием и богатством: сильно искривленные длинные сабли, овальные кресала, серебряные гривны и изготовленные из ниж «жезлы», серьги с напускной дутой биконической бусинкой, зеркала и пр.

Первую группу захоронений можно отнести к печенегам, вторую — к гузам, а третью — к половцам [Плетнева, 1981].

Все выделенные этнические группы представлены незначительным количеством погребений, а основная масса кочевнических погребений, особенно середины XI — середины XII в., имеет смешанный характер.

Говоря об обряде погребения кочевников, необходимо учитывать, что какая-то их часть была христианами или мусульманами, поскольку эти верования распространялись и среди кочевников. В таких погребениях, в отличие от языческих, инвентарь отсутствует.

Охарактеризованные обряды погребений кочевников IX — XIII вв. свидетельствуют о смешанности населения Степного Поднепровья.

Большое значение для изучения вопросов расселения различных кочевнических орд имеют каменные изваяния, так называемые бабы. После длительных споров рядом исследователей была доказана принадлежность каменных «баб» половцам. Советские ученые на основе типов каменных изваяний смогли выделить территории, принадлежавшие конкретным кочевым племенам [Плетнева, 1974; 1975]. Каменные статуи не только служат источником для изучения вопросов расселения различных половецких племен, но дают и ряд ценных сведе-

ний об одежде, украшениях, оружии и бытовом инвентаре кочевников.

Половецкие каменные изваяния устанавливались над могилами, о чем писал Рубрук в XIII в.: «Команы насыпают большие холмы над покойником и сооружают ему статую, которая повернута лицом к востоку и держит в руке перед пупком чашу» [1911].

Однако каменные «бабы» не только служили надмогильными памятниками, но и являлись предметами поклонения. Нередко их устанавливали в специальных святилищах, остатки которых открыты в последние годы на юге Украины. Все это свидетельствует о наличии у половцев довольно развитых верований и обрядов, связанных с культом предков.

Выше упоминалось о сложных этнокультурных процессах, происходящих в разноплеменных группах кочевников, проживавших на одной территории в интересующее нас время. Подобные взаимосвязи и взаимовлияния происходили и между кочевниками и оседлым славянским населением.

На протяжении древнерусской истории отношения между кочевниками и славянами-земледельцами складывались по-разному. Были периоды военных столкновений и времена мирных взаимоотношений, когда заключались династические браки, а часть кочевых племен селилась на территории Южной Руси. В частности, археологические материалы фиксируют такие связи в Поросье — районе обитания Черных Клобуков. Во многих погребениях кочевников находят продукцию древнерусских ремесленников (оружие, украшения, посуду). В ряде пунктов курганы кочевников и славян размещались недалеко друг от друга или же на общих некрополях. Это говорит о совместном проживании или, по крайней мере, о мирном сосуществовании кочевников и славян. В качестве примера можно назвать славяно-кочевнический некрополь в уроч. Варенников Яр около с. Зеленки Киевской области [Русанова, 1966].

Об этом говорят и некоторые детали погребального обряда. Так, возможно, обычай хоронить умершего без коня или его какой-то части появился у кочевников под влиянием славян. Существует мнение, что некоторые погребения, относящиеся к кочевническим, являются, возможно, славянскими. Это погребения с саблями, но без захоронения коня или его частей, а также со славянскими горшками или пряслицами [Плетнева, 1973]. В отдельных кочевнических захоронениях обнаружены шейные *гривны — нетипичное для кочевников* украшение. Можно предполагать, что этот элемент костюма представителей древнерусской знати был заимствован кочевниками в результате контактов от славян. Погребенные с гривнами, чьи могилы обнаружены на границах Древнерусского государства, при жизни могли быть представителями верхушки кочевников, служившими русским князьям и отмеченными ими.

Иллюстрацией к взаимоотношениям кочевников и славян может быть и некрополь на городище у с. Шарки (древний Торческ), где захоронения в грунтовых могилах почти не содержат инвентаря, то есть они совершены по христианскому обряду. Кочевники, видимо, хоронили умерших возле городища, где открыт курган. А принявшие христианство погребались вместе со славянами на одном кладбище.

Материалы из некоторых древнерусских погребений говорят о влиянии кочевников на погребальный обряд славян. Ярким примером является раскопанное под Таганчей погребение воина с конем и богатым инвентарем. В могиле найдены шлем-шишак с наносником, кольчуга, золотая гривна, удила, стремена, медные сосуды, серп [Хойновский, 1896]. Предполагается, что восточная ориентировка некоторых погребенных в

южных районах Руси, наличие камней и каменных кромлехов в славянских курганах появились под влиянием кочевников [Русанова, 1966; Седов, 1970].

Постепенно кочевники ассимилировались в среде славянского населения [Наулко, 1975].

Значительный интерес для понимания связей кочевников с оседлым древнерусским населением представляет Южное Поднепровье, где также прослеживается контакт оседлого славянского населения с кочевниками.

Степные просторы Южного Поднепровья попеременно занимали различные кочевнические объединения [Плетнева, 1958]. Однако вдоль Днепра, начиная от укрепленных границ Древнерусского государства на севере до побережья Черного моря на юге, проживало оседлое население. Благодаря исследованиям А. Т. Смиленко [1975] выяснилось, что поселения оседлого населения размещались неравномерно. Большая их часть сосредоточивалась в Надпорожье и ниже порогов. Материалы, полученные в результате раскопок ряда памятников, свидетельствуют, что основным занятием населения этого района было земледелие и животноводство. Среди промыслов широкое развитие получило рыболовство. На отдельных наиболее крупных поселениях зафиксировано довольно развитое ремесленное производство: выплавка и обработка железа, обработка цветных металлов, камня, дерева, кости. На ряде поселений широкого развития достигло гончарное производство. О занятиях торговлей свидетельствуют привозные вещи — амфоры, украшения, изделия из стекла [Козловский, 1981].

Материальная культура оседлого населения Южного Поднепровья в целом аналогична остальным древнерусским землям. Но ряд особенностей позволяет рассматривать ее как культуру, оставленную населением, не однородным в этническом отношении. Так, наряду с жилищами с глинобитными печами и печами-каменками, характерными для оседлого славянского населения [Раппопорт, 1967], на южноднепровских памятниках сравнительно широко представлены жилища с открытыми очагами, характерными для кочевников, оседавших на землю [Нечаева, 1975]. Влияние кочевников проявлялось и в наборе украшений местного населения Южного Поднепровья. Наряду со стеклянными браслетами, трехбусинными серьгами, бронзовыми браслетами различных типов встречаются и украшения кочевников — серьги в виде знака вопроса, бронзовые зеркала с изображениями зверей и растений, бусы из кашинной керамической массы.

Интересен и набор оружия, встречаемый на памятниках Южного Поднепровья. Здесь найдено значительное количество сабель — оружия, характерного для кочевников. Форма большинства наконечников для стрел также более характерна для кочевников, чем для славян.

Отличался своеобразием и погребальный обряд оседлого населения Южного Поднепровья. Наряду с христианскими погребениями, имеющими аналогии на территории древней Руси, известны погребения с рядом особенностей, характерных для язычников. Это проявляется в наличии в некоторых погребениях оружия, орудий труда, изредка керамики [Сымонович, 1956]. Погребения обоих видов сосуществовали на одних и тех же могильниках.

Все вышеприведенные данные позволяют говорить о проживании в Южном Поднепровье на протяжении IX — XIV вв. неоднородного в этническом плане населения. Особенности материальной культуры свидетельствуют о том, что проживавшее по берегам Днепра население состояло из славян и оседавших на землю кочевников. Причем последние заметного влияния на материальную культуру славян не оказали. По-видимо-

му, кочевники довольно быстро ассимилировались, перенимая более высокую культуру своих соседей.

Все изученные поселения были неукрепленными, что указывает о мирных отношениях их обитателей с окружающими кочевниками. Очевидно, кочевники получали здесь часть необходимых им продуктов земледелия и ремесла, а отдельные поселения могли служить местом, где происходила торговля не только продуктами и изделиями местного производства, но и привозными товарами.

Как видим, оседлое население Южного Поднепровья, имевшее смешанный этнический состав, играло немаловажную роль в торговых отношениях кочевников с древней Русью, а также в какой-то мере способствовало переходу части кочевников к оседлости и земледелию.

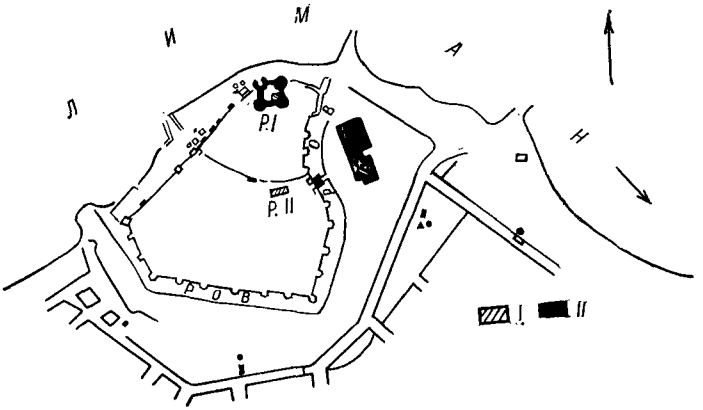


Рис. 121. Белгород-Днестровский. План крепости:

I — места раскопок 1977 г.;
II — места раскопок 1945—1976 гг.

Средневековый Белгород-Днестровскнй

Белгород расположен на правом берегу Днестра, в 14 км от его впадения в Черное море. Город, возникший здесь еще в античный период, находясь на перекрестке больших водных и сухопутных дорог, соединявших в разные исторические периоды местные племена с западноевропейскими и восточными странами, существовал на протяжении многих веков и известен под именами Тирас, Офиуса, Турис, Белгород, Ак-Либа, Мон-Кастро, Четатя-Албэ, Аккерман, Белгород-Днестровский.

Письменные источники свидетельствуют, что в I тыс. н. э. эта территория была заселена славянскими племенами. Летопись сообщает, что вдоль Днестра до моря жили племена уличей и тиверцев: «Уличи, Тиверьци сѣдяху по Днѣстру к Дунаевѣ: бѣ множъство их; сѣдяху бѣ по Днѣстру оли до моря, суть грады их и до сего дне». Баварский аноним X в. писал, что тиверцы имели 148 городов, а уличи — 318 [Шафарик, 1848, с. 216]. По-видимому, в числе их был и Белгород. О нем уже определенно говорит в X в. Константин Багрянородный, который в своем труде «Об управлении государством» рассказывает о стоянке руссов на пути в Константинополь в устье Днестра и называет среди шести городов и Белый город: «Должно знать, что по сю сторону Днестра, в стороне, обращенной к Булгарии, у переправ через эту реку, имеются опустевшие города: первый город, называемый у Печенегов Белым вследствие того, что камни его кажутся белыми...» [Константин Багрянородный, 1934, с. 10).

Поднестровье в XII — XIII вв., согласно сведениям Галицко-Волынской летописи, достигло высокого развития. Галицко-Волынское княжество вело интенсивную торговлю с Визан-

тией, и Днестр стал вторым путем «из варяг в греки». Города Поднестровья играли в этом важную роль и, несомненно, в первую очередь Белгород, занимавший ключевое положение в устье Днестра [Пашуто, 1950, с. 167].

В документе XIV в. «Список городам русским, дальним и ближним» в числе других назван и Белгород,

что подтверждает его развитие как древнерусского города [Новгородская 1 летопись, 1950, с. 475].

Археологические исследования в Белгороде начались в конце XIX в. Первоначально это были разведки, а затем Э. Р. Штерн провел небольшие раскопки (1901 и 1912) открыв здесь античный Тирас. С 1945 по 1953 г. раскопки велись на прикрепостной площади под руководством Л. Д. Дмитрова, выявившим античные и славянские памятники [Дмитров, 1948; 1952]. В 1954— 1958 гг. раскопками Г. Б. Федорова и С. Г. Рабиновича в крепости открыты средневековые слои и найден серебряный колт XII в. [Рабинович, 1968]. В 1968 г. А. А. Кравченко на восток от крепости открыла большую прямоугольную двухкамерную гончарную печь XIII в., служившую для обжига кирпичей, аналогичную средневековым гончарным печам, в частности из Херсонеса [Кравченко, 1979].

С 1977 г. в Белгороде-Днестровском проводится планомерное исследование территории крепости экспедициями Института археологии АН УССР.

Сохранившаяся в Белгороде-Днестровском средневековая крепость представляет собой сложный комплекс оборонительных сооружений с множеством наслоений различных строительных периодов. По многочисленности и многообразию сооружений, богатству строительных приемов и архитектурного облика, хранящего черты византийского и мусульманского искусства ренессанса, готики, кре-

пость является выдающимся памятником средневекового зодчества.

Крепость расположена на высоком скалистом плато правого берега Днестровского лимана. Выстроена

Рис. 122. Белгород-Днестровский. Цитадель крепости.

она из известняка местного происхождения, кирпича, полуплинфы и дерева. В плане крепость имеет вид неправильного многоугольника, площадью 9 га, окруженного высокими стенами с 35 башнями. Периметр стен 2,5 км. Крепость окружена рвом, достигавшим 21 м глубины при ширине 12 м. Ров был обложен камнем и во время осад заполнялся водой из лимана, что превращало крепость в неприступный остров. В крепости имеются три двора: южный, северный и западный (порт).

Ядро крепости — могучая четырехбашенная цитадель, расположенная на самом мысу лимана. В плане цитадель квадратная, площадью 1500 м², окружена каменными стенами высотой 10,5 м с круглыми массивными башнями разных диаметров и высоты, стоявших по углам (диаметры 11—15 м, высота 18—27 м).

Раскопками 1977—1980 гг. раскрыта основная часть площади цитадели и открыто большое дворцовое сооружение, расположенное вдоль ее восточной и северной стен. В юго-восточной части этого сооружения в подвальном помещении раскопана калориферная печь прямоугольной формы (размерами 2,4 и 2,2 м) со столбом в центре, который был сложен из больших квадратных плинф, сильно обожженных огнем. В стенах печи сохранились отверстия и остатки керамических труб, по которым нагретый воздух подымался и обогревал помещение дворца. В систему дворца входила внутренняя церковь. Выявлено ее подвальное помещение размером 8,5×4,5 м. Сохранилась и апсида церкви, выложенная камнем в восточной стене цитадели. При раскопках церкви найдены бронзовые небольшие прямоугольные энколпионы и нательные крестики XIII — XIV вв., обломки голосников и фрагменты цветной штукатурки.

В одном из подвальных помещений хорошо сохранились каменные стены на глубину 2,20 м и каменная лестница. Площадь подвала 5×4,2 м. Здесь найдены многочисленные железные пластины с заклепками от кольчуг и панцирей, множество железных наконечников стрел и копий XII—XIV вв., боевой железный топорик X в., часть железного шлема, умбона от щита, железные шпоры X — XII вв., железные подковки от сапог, стремена и другие предметы военного снаряжения, свидетельствующие о том, что здесь был склад оружия.

Все помещения дворца перекрыты слоями от пожаров, а найденные предметы — обугленные и спекшиеся.

В центральной части цитадели выявлен небольшой внутренний двор квадратной формы, размерами 10× × 10 м, вымощенный каменными плитами. Открыто три слоя древних вымосток. С северной и западной стороны двор окаймлен водостоками, сложенными из каменных блоков, соединенными с водоемом для сбора дождевых вод.

К цитадели примыкает северный двор крепости, площадью 2,5 га, а к нему — большой южный двор, площадью 5 га.

В южном дворе крепости во время раскопок 1977—1982 гг. открыты храмы, могильники, жилые и хозяйственные комплексы различных периодов. В центральной части южного двора в верхнем слое обнаружены каменные с деревянными конструкциями фундаменты мечети XV в., построенной, по свидетельству письменных источников, турецким султаном Баязетом II. В плане она квадратная, площадью 20,5×20,5 м. С западной сто-

роны находится минарет, сохранившийся до настоящего времени.

Под фундаментами мечети в следующем слое открыты фундаменты каменного храма, представлявшего собой одноапсидную базилику размерами 13×9 м, перекрытую цилиндрическими сводами на подпружных арках. Особенностью базилики является широкая апсида (5,10 м) и разделение

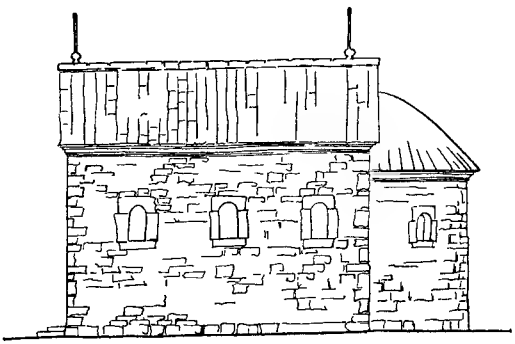


Рис. 123. Белгород-Днестровский. Храм XIII в. Реконструкция храма-базилики.

внутреннего пространства пилястрами. Она ориентирована апсидой на восток (с отклонением 20° на север). Стены расписаны фресковой живописью, от которой найдены многочисленные фрагменты. Цветовая палитра их ярка и многообразна: красные, желтые, коричневые, синие, черные и другие цвета. В сюжетном отношении — это орнаменты геометрического и растительного характера, изображения святых. Спектральный и химический анализ фресок показали, что грунт под живопись и сама роспись накладывались несколько раз, что свидетельствует о длительном существовании храма и многократном обновлении фресок. Роспись аналогична древнерусским храмам Киева XII — XIII вв. Кроме фресок, при раскопках храма найдены обломки голосников, круглого оконного стекла, куски свинцовой кровли, а также бронзовый энколпион XII — XIII вв. По-видимому, храм сооружен в XIII в. и разрушен турками в XV в., а на его месте построена мечеть.

Ниже фундаментов храма-базилики XIII в. в следующем слое выявлен древний могильник с трупоположениями, ориентированными с запада на восток. Раскопано 30 погребений и несколько ям с разбросанными скелетами, свидетельствующими о нарушении могильника во время постройки храма. Сохранность костей очень плохая. Умершие лежат на спине, руки вытянуты вдоль тела. В мужских погребениях возле головы покойного найдены маленькие железные наконечники стрел и ножики, на груди — бронзовые пуговицы и круглые бляшки. В женских погребениях встречены железные предметы, например трубчатый замок и бронзовые, серебряные и золотые украшения. Из них можно назвать золотые височные кольца: одно — из витой проволоки, другое — с тремя подвесками с жемчужинами. Подобные височные кольца известны не только из древнерусских кладов, но и среди инвентаря могильников Болгарии и Великой Моравии, где они датируются IX—X вв.

При раскопках могильника найдены железные кованные гвозди. По-видимому, могильник принадлежал тиверцам, проживавшим, согласно летописи, на этой территории. Позже наслоились погребения XV в., судя по находкам серебряных и бронзовых (молдавских) монет и железной секире XV в.

На запад от храма раскопками 1981—1982 гг. открыто несколько жилищ и хозяйственных помещений, перекрытых слоями пожаров и относящихся к разным хронологическим периодам. В нижнем слое выявлены два полуземляночных прямоугольных жилища с круглой глинобитной печью. По характеру устройства, размерам и находкам (керамика, жернова, железные косы, топоры, замки, прясли-

ца и др.) они относятся к XII—XIII вв.

В следующем слое обнаружено несколько жилищ с печами-тондырями и керамикой XIII—XIV вв., относящихся к золотоордынскому периоду.

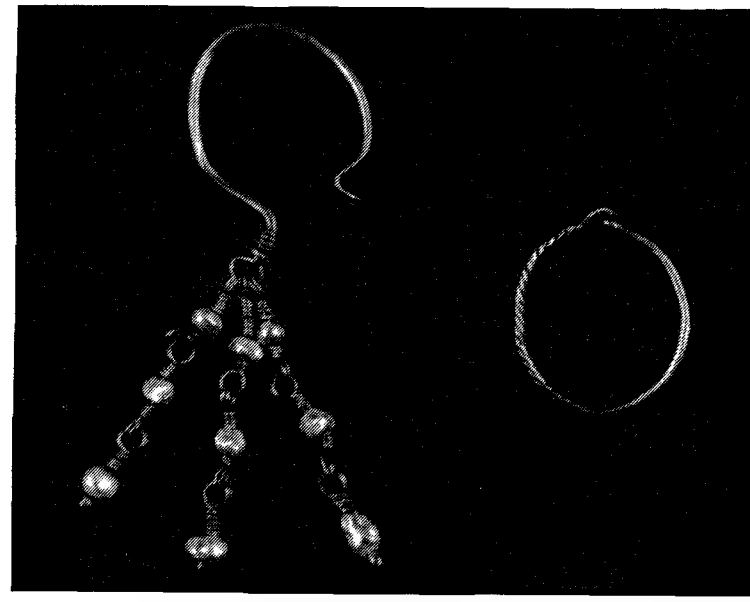


Рис. 124. Белгород-Днестровский. Золотые височные кольца из могильника VIII—IX вв.

Среди хозяйственных помещений интересно одно — с большим гончарным горном. При его расчистке найдено большое количество глазированной посуды, в частности мисочек с подглазурным геометрическим орнаментом и изображением птиц, или монограммы, так называемого византийского типа и датируемых XIII—XIV вв. Очевидно, к этому же времени относится и открытый горн.

Проведенные в крепости раскопки дали десятки тысяч разнообразных находок, относящихся к различным историческим периодам и свидетельствующих о длительной заселенности этой местности.

Среди керамики встречаются обломки грубых лепных горшков и сковородок VII — VIII вв., средневековых амфор, корчаг, кухонных горшков, кувшинов и мисок XII — XIV вв. Найдено большое количество строительных материалов — кирпичей-полуплинф XII — XIII вв., керамических плиток для полов, черепицы, кровельного свинца, мраморных и шиферных деталей. Железные изделия представлены множеством различных инструментов и орудий труда: топорами, долотами, косами, серпами, наральниками, оковками лопат, крючками и т. п.; предметами быта: замками, пряжками, бляшками, ножами, ручками от ведер и т. п., датируемых XII — XV вв.

Часть железных предметов составляют вооружение и воинское снаряжение: наконечники стрел и копий, пластины от панцирей и кольчуг, умбоны, шлемы, шпоры, стремена и прочее, датируемое главным образом XII — XIV вв.

Найдены в крепости медные, серебряные и золотые монеты. Из них можно назвать золотой дукат венецианского типа XII в., серебряные монеты Золотой Орды, молдавские и турецкие. Интересна находка медной византийской монеты Константина X Дука, датируемая XI в. Найдены также медные белгородские монеты XV в.

Встречены серебряные и медные античные монеты.

Значительный интерес представляют находки всевозможных бронзовых украшений (бляшек, височных колец, пуговиц, орнаментированных гравировкой, тиснением) и костяных изделий с характерным для Киевской Руси глазковым орнаментом. Выявлены также находки позднейших периодов XV—XVIII вв. Среди них керамические трубки, фрагменты турецкого фаянса и фарфора XVI—XVII вв., глазированная посуда.

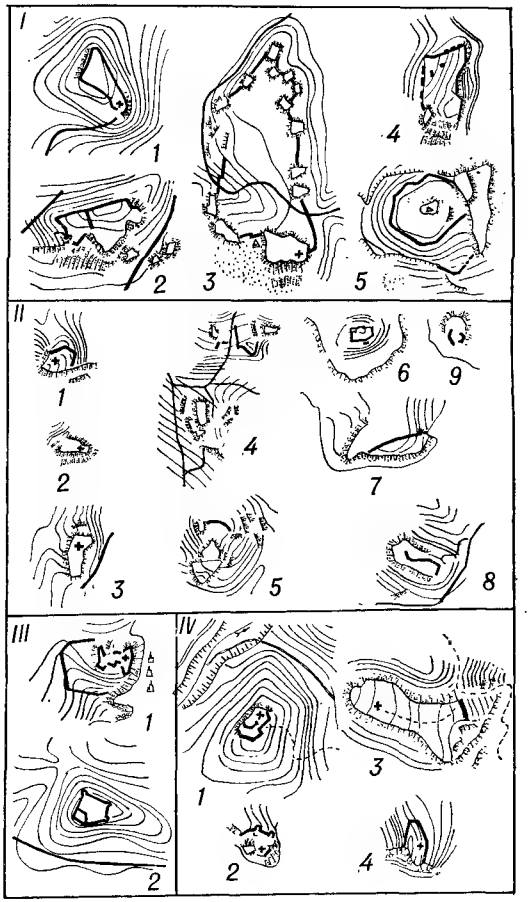


Рис. 125. Сравнительная таблица средневековых укреплений Южного берега Крыма.
I — городища на южных склонах гор:
1 — Сераус;
2 — Алупка-Исар;
3 — Биюк-Исар;
4 — Кошка (Симеиз);
5 — Ургенда (Верхняя Ореанда).
II — сторожевые укрепления;
1 — Шайтан-Мердвен;
2 — Кастрополь;
3 — Хачла-Каясы (Верхняя Ореанда);
4 — Гаспра-Исар;
5 — Гелин-Кая (с. Краснокаменка);
6 — Кучук-Исар;
7 — укрепления на м. Плака;
8 — Пахкал-Кая;
9 — Ай-Йори .
III — византийские приморские крепости:
1 — в Горзувитах (поселок Гурзуф);
2 — Алустон (Алушта).
IV — укрепленные монастыри:
1 — Ай-Тодор (Малый Маяк);
2 — Панеа (Симеиз);
3 — Ильяс-Кая (Ласпи);
4 — Фуна.

Богатство и разнообразие археологического материала, обнаруженного в крепости, уникальность и разнообразие самих сооружений свидетельствуют о многовековой и насыщенной истории Белгорода. В Белгороде-Днестровском открыты и другие средневековые памятники. Интересна древняя радиальная планировка города: все улицы сходятся к крепости, как к центру города — сосредоточию деловой и культурной жизни и надежной защите в период войн. Сохранились памятники архитектуры XIV—XV вв.: две греческие церкви Ивана Сучавского, армянская церковь Рождества Богородицы.

Средневековый Крым X—XV вв.

Посвященные средневековой Таврике книги, статьи, заметки и высказывания целой когорты исследователей XIX—XX вв. столь многочисленны, что не могут быть все перечислены в данном разделе. В многочисленных исследованиях отразилось то внимание, с каким изучалась история Крымского п-ова на протяжении длительного времени. Ведь по мере того как возрастал вес международной торговли на Черном море, усиливалось военно-стратегическое значение черноморских водных коммуникаций. Обладание Крымским п-овом всегда выгодно определяло политическое положение владевшей им страны и не только в Азово-Причерноморском регионе, но и среди всех стран Запада и Востока.

В X—XV вв. на территории Крымского п-ова сталкивались экономиче-

ские и политические интересы Византийской империи и Хазарского каганата, Киевской Руси и Византии, Крымского ханства и Московской Руси, Генуи и Османской империи. Вместе с тем история средневекового Крыма из-за немногочисленности письменных свидетельств изучается преимущественно на основании археологических источников. К ним относятся разновременные, не одинаковые в фортификационном отношении, а значит, и функционально различные укрепления, почти неисследованные остатки многочисленных поселений и могильников, следы былого сельскохозяйственного террасирования давно заросших лесами горных склонов, затерявшиеся в горах крепиды террас и бывших дорог, заброшенные цистерны для воды, разрушенные гончарные водопроводы, бездействующие ныне арыки, фонтаны, колодцы, средневековые каменоломни, рудоплавильные и гончарные печи, тарапаны.

Еще недавно Крымское средневековье трактовалось только как провинциальное отображение византийской культуры и государственности. История средневековой Таврики освещалась как отголосок или третьестепенный эпизод политической истории Византийской империи. Современные сторонники этого направления забывают о том, что их предшественники не располагалн археологическими данными, появившимися в последнее время.

Благодаря археологическим исследованиям 60—70-х годов Крымский п-ов стали рассматривать не только как византийский плацдарм в Северном Причерноморье, а и как неотъемлемую часть многонационального юга нашей страны. Более того, в результате планомерных исследований, масштаб которых непрерывно возрастает, история многоэтничного средневекового населения Крымского п-ова сможет занять конкретное место в общей картине исторического развития племен и народов огромного региона, простиравшегося от Киевской Руси до Кавказского хребта, Балкан, гор малоазийского Тавра и Киликии. Решение подобной задачи еще не вышло из стадии накопления и первичной исторической обработки археологического материала. Однако уже теперь можно привести некоторые выводы, сделанные на основании новых археологических наблюдений и фактов, изменяющих привычный взгляд на историю средневекового Крыма.

В середине X в. византийское правительство учредило фему Херсона для консолидации местных сил Юго-Западной и Южной Таврики против территориальных притязаний хазар и разорительных печенежских набегов. В канун этого мероприятия этногеографическая, экономическая и социально-политическая ситуация в названных районах полуострова складывалась неустойчиво и весьма своеобразно. Население той части Крыма, которую Византия могла считать по праву своей, «ромейской», то есть унаследованной от Рима, было издавна неоднородным, а соседство и соприкосновение разных этнических групп в X в. еще не привело к образованию единой этнокультурной общности. Ближайшая к Херсону округа (юго-западное предгорье) была к тому времени занята не столько потомками древнегреческих колонистов, сколько византинизированным поколением дружественных Византии переселенцев — тюрко-болгар, вытесненных хазарами и печенегами. Отступая, переселенцы заходили в горы, где искони обитали потомки тавров и куда при нашествии гуннов уходили «поздние скифы» и часть готских племен.

После восстановления иконопочитания (842 г.) через горы Юго-Западного Крыма стали переходить из южнобережного Поморья расселившиеся там малоазийские изгои, бежавшие из восточных провинций Византии от иконоборческих религиозных гонений. Они разбредались по Юго-Западной Таврике наравне с готами, гото-аланами, скифо-сарматами (пользуясь терминологией средневековых письменных источников) или, вернее, сармато-аланами,

проникавшими в Крым из ныне осетинского Предкавказья. Об этнической пестроте тогдашнего населения Таврики могут свидетельствовать — наряду с топонимическими данными — многочисленность и разнообразие погребальных сооружений, инвентаря и похоронных обрядов *.

Население Таврики, издревле связанное вначале с Римом, а затем с Византией, традиционно тяготело к «ромейскому» Херсону. Уровень общественного развития этого средневекового населения вряд ли был одинаков; ведь группы, этнически различные, находились и на разных этапах феодализации. С течением времени неминуемый процесс ассимиляции одновременно с нивелированием социального устройства привел к этнокультурному единству. Вначале же сосуществование на одной земле нескольких социально различных этнических общностей, очевидно, не было, да и не могло быть мирным. Каждая сельская община, складывавшаяся в Таврике, стремилась к наиболее выгодному для себя разделу (чаще захвату) пашен и пастбищ, охотничьих угодий или удобному местоположению. О межобщинных конфликтах свидетельствуют многочисленные — разные, хотя и синхронные — оборонительные системы [Домбровский, 1974, с. 5—56]: укрепленные, но необитаемые в мирное время убежища рядом с открытыми поселениями; селища, окруженные стенами; укромные обиталища в горных пещерах. Встречаются и убогие хижины, теснившиеся на каменных вершинах недоступных останцов или примыкавшие к труднопроходимым глыбовым навалам — под заслоном скальных нагромождений; сотообразно спланированные селища с домами в виде небольших башен, превращавших земледельческую усадьбу в своего рода маленькую крепость.

Напластования культурных отложений и стратиграфия строительных остатков, изучаемых в их взаимосвязи, свидетельствуют о длительном и постоянном использовании населенных пунктов всех перечисленных категорий.

Выбор мест для жилья и различия в образе жизни могли быть обусловлены прежде всего вековой привычкой тех или иных пришлых групп населения к определенным отраслям хозяйства, которые могли развиваться в разнообразных природных условиях Таврики. Это и отгонное скотоводство в горах, и охота в сочетании с бортничеством, и собирание диких плодов, и «чаирное» земледелие на очищенных от лесных зарослей мелких участках земли, и хлебопашество в долинах, и огородничество на невысоких водоразделах, и виноградарство, и виноделие на южных склонах гор, и рыболовство, и мелкие домашние деревенские ремесла, и многое другое. Следы разнообразной хозяйственной деятельности хранят до сих пор ландшафты Крыма, наряду с бесчисленными остатками средневековых жилищ и более полусотни укреплений.

Селившиеся в Таврике, надо думать, не только применяли здесь личный житейский опыт, но и соблюдали привычные общинные обычаи, хранили традиционный житейский уклад.

Около середины X в. центральная часть Крыма — холмистое лесостепное нагорье, снижающееся к северу от низовьев Бельбека, среднего течения рек Качи, Альмы, Салгира, с большими пахотными площадями, тучными пастбищами — оставалась в руках хазар, а крымская степь по-прежнему была наводнена печенегами. Агрессия со стороны тех и других угрожала не только византийской политике и торговым интересам Херсона. Это были непосредственные враги обитателей Таврики в целом. Наличие опасных противников, несомненно, стимулировало мобилизацию и сплочение против них вооруженной силы независимого населения Горного Крыма под эгидой авторитетного для него Херсона. Учреждение Херсонской фемы в X в. лишь закрепило в

* См. раздел о раннесредневековом Крыме в данной книге.

пользу последнего этот назревший, хотя и зыбкий союз. Вместе с тем житейские взаимоотношения политически объединенных Херсоном сельских общин тоже постепенно становились

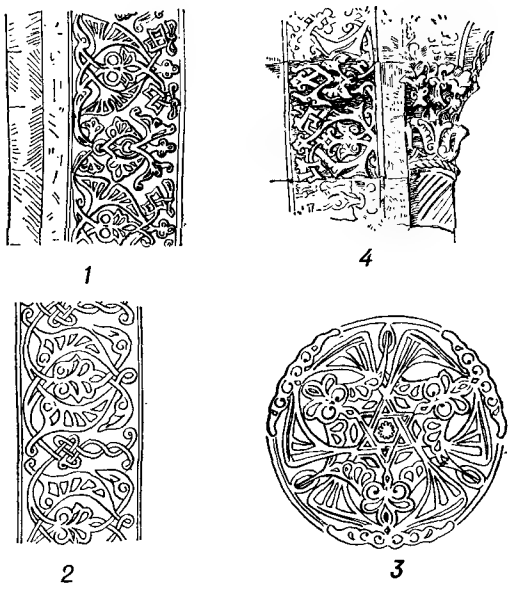


Рис. 126. «Сельджукские» резные орнаменты из Феодосии и Старого Крыма: 1 — наличник двери церкви Иоанна Предтечи в Феодосии, 1348 г.; 2 — один из орнаментов мечети Узбека в Старом Крыму; 3 — узор на камне из раскопок медресе в Старом Крыму (рис. В. А. Сидоренко); 4 — капитель и часть обрамления портала мечети Узбека в Старом Крыму (по рис. П. И Голландского).

мирными. При традиционной специализации общин на разных, но взаимосвязанных отраслях сельскохозяйственного производства способствовали появлению взаимного обмена продуктами хозяйственной деятельности. Это открывало возможность более тесного общения и культурных взаимовлияний.

Взвешивая все обстоятельства, направлявшие Таврику по пути феодализации, нельзя забывать о Руси политически и хозяйственно заинтересованной в прочных связях с оседлым населением Крыма. Во взаимоотношениях Византии и Хазарского каганата сохранялась известная двойственность: то вражда из-за территориальных захватов, то союз против арабов. Если в Таврике это вело к двоевластию (временами переходившему в безвластие), если византийская администрация ограничивалась действиями, лишь сдерживавшими натиск хазар и печенегов, то для Руси борьба с хазарами и печенегами была жизненно необходимой — они мешали ее стремлению выйти к Черному морю. До тех пор пока длилось их присутствие в причерноморских степях и Восточном Крыму доступным для русской заморской торговли оставался только херсонесский отрезок великого пути «из варяг в греки», да и то лишь через посредничество самого Херсонеса.

О связях Руси с Херсонесом и Таврикой свидетельствуют письменные источники, а также археологические материалы, обнаруженные в Херсонесе и Судаке. С этими крымскими центрами Русь поддерживала активные торговые связи. Русские купцы имели здесь свои торговые дворы.

На территории Руси убедительным свидетельством ее торговли с Херсонесом являются многочисленные амфоры. Они поступали на Русь в X—XIII вв. и получили широкое распространение в быту населения. Особенно обильный амфорный материал в культурных слоях Киева.

Для выяснения же вопроса о существовании дружественных политических связей Киева с Таврикой (предполагать которые есть основания) интересно мнение Б. Д. Грекова о том, откуда мог получать Владимир продовольствие и фураж для своего войска, длительно стоявшего у стен Херсона — Корсуня [Греков, 1950]. Из летописей известно, что Корсунь открыл свои ворота перед киевским князем, оправдывая это порчей водопровода (якобы учиненной Владимиром по совету, поступившему из осажденного им города). Очевидно, у Владимира были тут сторонники — и не только в Херсоне,

но и в ближайшей сельской округе Юго-Западного Крыма.

Высказанное Б. Д. Грековым предположение в последнее время подтверждается некоторыми археологическими находками, при условии, что их датировка и атрибуция правильны. В одной из искусственных пещер Мариамполя (средневековое селище близ Бахчисарая) обнаружен высеченный на скале знак, повторяющий трезубый герб Рюриковичей *. Несколько глиняных и каменных предметов, подобных крупным бусам или пряслицам, сплошь покрыты руническими «резами». Подобные предметы являлись своего рода документами — «квитанциями» об уплате долга или дани, деловыми обязательствами и т. п. **

Такого плана изделия косвенно подтверждают все еще спорную гипотезу о крымской атрибуции широко известной, неоднократно и по-разному трактованной [Левченко, 1956; Литаврин, 1957] «Записки греческого топарха», начальника какой-то области. Последняя, формально подчиненная Византии, но, по смыслу «Записки...», слабо ею контролируемая, была избавлена от вражеских посягательств благодаря покровительству, а затем и протекторату «властелина Севера», в котором можно предположительно видеть киевского князя.

Как бы то ни было, от удачного исхода борьбы Древнерусского государства с хазарами и печенегами во многом зависело самостоятельное развитие Таврики. Разгром Святославом Хазарского каганата в 964—965 гг. не только избавил Византию от сильнейшего соперника в Северном Причерноморье, но и лишил ее союзника в сражениях с арабами. Это ослабило позиции Византии на Востоке и в Таврике, но одновременно привело к союзу с Древнерусским государством. Подобный союз был особенно важен для Византии ввиду вновь назревавших столкновений с болгарами на Балканах, где и у Руси были свои интересы.

В 988 г. Киевская Русь приняла христианство в качестве государственной религии, что ускорило процессы ее историко-культурного развития. Значительно возрос международный авторитет Руси, превратившейся в реальную военно-политическую силу в Европе.

После разгрома Хазарского каганата и покорения печенегов (1036 г.) черноморская торговля древней Руси стала достаточно независимой. Освобождение от кочевников Восточного Крыма и Тамани дало возможность Тмутараканскому русскому княжеству начать торговлю с Востоком через Трапезунд. Не только Херсон, но и другие города Крыма — греко-русский Корчев (средневековый Боспор, современная Керчь), византийская Сугдея (Сурож, Солдайя, ныне Судак) — становятся важными торговыми портами, связывавшими Таврику с Русью и Византией [Секиринский, 1955; Фронджуло, 1974].

Тмутараканское княжество, судя по данным письменных и археологических источников, было важным для Киевской Руси торговым и военным форпостом на пути к Византии.

Однако в начале XII в. в результате внутренних смут на Руси, половецких захватов и участившихся набегов татар оно прекратило свое существование.

В XII—XV вв. Крымский п-ов в политическом отношении разделился на три района. Выделился Херсонес с его ближайшей округой. Постепенно обособилась так называемая Готия, захватившая весь Юго-Западный Крым и Южный берег от Алушты до Фороса. Восточная граница этого района шла примерно по Каче или Альме, верховьям Салгира, Долгоруковскому и Домерджийскому нагорьям до Алустона (совр. Алушта). Северный район охватил Лесостепной Крым, нагорье Караби, старокрымские и судак-

* По сообщению М. Я. Горефа, сотрудника Бахчисарайского краеведческого музея.

** Эта мысль подсказана автору В. Н. Даниленко.

ские горы, степь, включая Присивашье, а также Керченский п-ов и побережье от Керчи до Алушты. Если исходить из совпадения на этих территориях основных разновидностей археологического материала, то можно говорить о близости или одинаковости материальной и духовной культур. Заметим, кстати, что и для средневекового Херсонеса тоже характерен состав вещей, общий для всего Крыма X—XV вв.

По другим археологическим данным, эти районы отличаются в социально-экономическом отношении. Разная степень развитости общественного уклада населения проявляется в градостроительстве, фортификации, архитектуре, а также в различных количественных соотношениях находимых там импортных и местных изделий, дорогих парадных и дешевых обиходных вещей. Север Крымского п-ова вскоре после освобождения от хазар и печенегов был занят половцами-кипчаками. Юрты их не оставили следов, а многие могилы, как правило, впущены в насыпи древних курганов и дают погребальный инвентарь, обычный для позднекочевнических погребений Причерноморской и Приазовской степи: бляхи и пряжки от поясных наборов, металлические украшения уздечек и седел, стремена, удила, застежки одежды, кольчуги, листовидные наконечники копий и стрел, кривые лезвия сабель, рукояти и ножны которых украшены резной костью, иногда торевтикой и драгоценными камнями. Захоронение коня, принесенного в жертву умершему, или его чучела нередко сопровождает половецкие погребения.

На многих курганах высились примитивные каменные изваяния, при всем своем уродстве и грубом исполнении не лишенные своеобразной художественности. Свое название — «бабы» — они получили из-за двух круглых выпуклых блях на груди и волос, заплетенных в косички. В действительности — это изображения вооруженных воинов, держащих перед собой зажатый в обеих руках кубок. Смысловая нагрузка таких изваяний еще не раскрыта. Попытка же сопоставления их местонахождений в Крыму с распространением крымских топонимов половецкого корня дала картину проникновения половцев вплотную к южнобережному Поморью и горам Юго-Западного Крыма, где аналогичные степным погребения встречаются в насыпях курганов эпохи бронзы. Означало ли это отход какой-то части половцев-кипчаков из степей и лесостепного предгорья в места, безопасные от вторгавшихся в Крым из степей Приазовья татар, сказать трудно.

Половецкая степь и предгорье Центрального Крыма в XIII в. сделались территорией татарского улуса [Смирнов, 1887], внутри которого стали выделяться феодальные землевладения-бейлики во главе с беями. Такая титулатура была заимствована татарской «аристократией» в период их походов на Ближний Восток и в Закавказье, что завершилось, как известно, формированием Золотой Орды.

До принятия Золотой Ордой ислама в качестве государственной религии в материальной культуре татар (по крайней мере, в Крыму) трудно уловить существенные отличия от культурного наследия кипчаков. С середины XIII в. заимствования из Малой Азии и Закавказья привели прежде всего к расцвету в татарских городах строительства, принесенного переселившимися в Орду армяно-малоазийскими и закавказскими зодчими, каменщиками, резчиками. Учрежденное на Таврическом п-ове в 30-х годах XIV в. золотоордынское наместничество нуждалось в своего рода столице. Резиденцией наместника становится Солхат — он же город Крым (совр. Старый Крым) [Домбровский, Сидоренко, 1978, с. 47—92].

Центр наместничества должен был быть хорошо укрепленным пунктом и в то же время отражать величие и блеск Золотой Орды. Резиденция наместника (первоначально — полувоен-

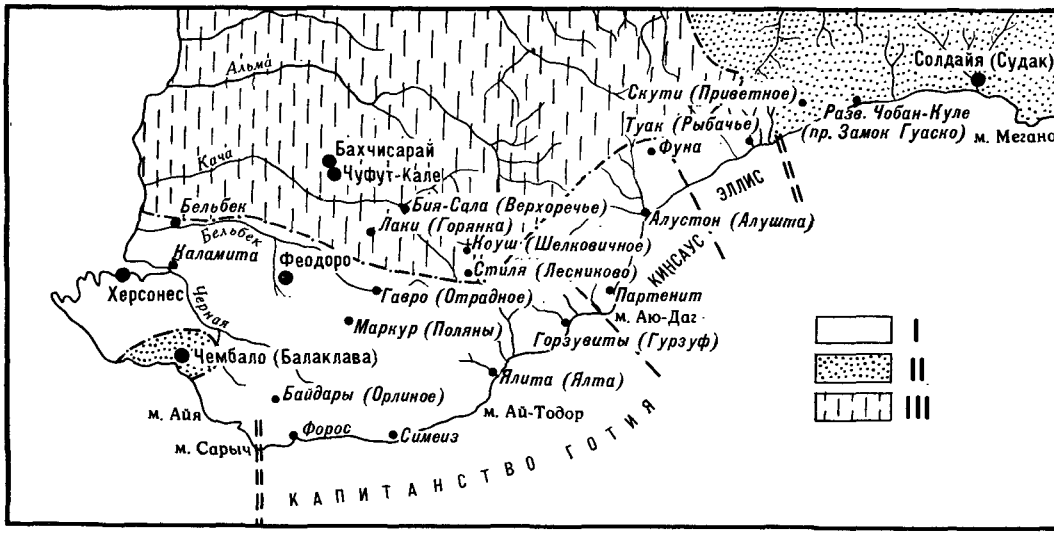
ный лагерь, окруженный валом и рвом) начала отстраиваться и вскоре превратилась в многолюдный и по тем временам крупный город, защищенный стенами и башнями [Бороздин, 1926]. Остатки их сохранились на северо-восточной окраине современного города.

Строительство Солхата привлекло большое количество строителей, художников, резчиков по камню. Обслуживание двора правителя и домов татарской знати способствовало появлению умелых ремесленников различных специальностей.

В мусульманском Солхате имелись монументальные культовые здания, большие дома, рынок и пр. От них сохранились развалины караван-сарая и двух мечетей, а также медресе, к которому примыкает сохранившаяся мечеть, строительство которой приписывается хану Узбеку.

Цель систематических исследований Солхата — выявление строительной истории города. Археологическими раскопками уже открыты многократные наслоения мостовых, водопроводы из керамических труб, канализационные устройства. В различных районах города найдены подземные водосборные галереи (так называемые кяризы). Под фундаментами «мечети Узбека» и развалинами так называемой мечети Бейбарса обнаружены остатки более ранних сооружений, в том числе производственного характера.

Караван-сарай, развалины которого привлекают внимание археологов, размещался возле главного въезда в город, точное местонахождение которого можно определить лишь по гравюрам и планам конца XVIII — начала XIX в. Рядом же находилась и гончарная мастерская, вырабатывавшая глазированную керамику, характерную для Крыма XIV—XV вв.: полихромную по белому ангобу, с прорезным орнаментом, коричневые линии которого не совпадают с расплывчатой расцветкой зеленой и красновато-оранжевой глазурью по светлому желтовато-зеленому фону. Размеры караван-сарая и многочисленные обломки дорогой привозной посуды (преимущественно из восточных центров) свидетельствуют о широкой торговле с городами Ближнего Востока, Средней Азии, далекого Китая. Вряд ли в этом можно усматривать прямые торговые связи Солхата: вещи эти попали в него потому, что он являлся одной из стоянок купеческих караванов на «шелковом пути» с Востока на европейский Запад.



В Солхате, невдалеке от «мечети Узбека», сохранились руины небольшого христианского (предположительно армянского) храма: одноапсидная и однонефная базилика.

Рис. 127. Южная Таврика накануне турецкого нашествия: I — предполагаемые владения Мангупского княжества; II — владения генуэзцев; III — территория Крымского ханства.

В архитектурном отношении интересны остатки разрушенной до цоколя Георгиевской церкви небольшого средневекового монастыря, развалины которого обнаружены в лесу к югу от Сурб-Хача. Это был один из шедевров архитектуры так называемого постсельджукского стиля, вобравшего конструктивные и стилистические элементы византийской, арабской, армянской, ирано-малоазийской и некоторых других, в том числе западных, архитектур.

Процесс контаминации и одновременно творческой переработки архитектурных стилей начался задолго до появления Сельджукского государства и тем более Золотоордынского. Возникновение и становление своеобразного, локально-крымского варианта этого стиля было обязано выходцам из восточных провинций Византии и киликийским переселенцам, точнее их потомкам, натурализовавшимся в средневековом Крыму.

Соперниками армян в строительстве монументальных зданий, прикладном искусстве и художественном ремесле в Крыму могли быть только греки, чья деятельность протекала главным образом в Херсонесе, Юго-Западной и Южнобережной Таврике. Здесь проживали уцелевшие от гуннских нашествий потомки боспорских и херсонесских греков, и сюда же устремлялись малоазийские греки в период иконоборческих гонений. В юго-восточной части Поморья (от Алушты до Судака), подчиненной татарам (впоследствии за немалый откуп уступившим эти места итальянцам), греки строили главным образом небольшие сельские церкви.

Греческая часть населения Золотоордынского наместничества была, по-видимому, беднее армянского. Несмотря на это, греки принимали участие в городском строительстве Сугдеи и Кафы: из четырех средневековых церквей на территории бывшей Карантинной слободы в Феодосии (у подножия стен и башен Генуэзской цитадели) одна церковь — Иоанна Предтечи — безусловно, может считаться построенной армянской общиной Кафы. Три остальные, судя по их архитектуре, в том числе церковь Стефана с ее византийской росписью и надписями на греческом языке, принадлежали, надо полагать, греческой общине.

Письменные источники тоже свидетельствуют об активном участии не только армян, но и греков Кафы в укреплении обороны города, строительстве стен и башен. Генуэзские же власти оказывали строителям всевозможное содействие, так как сами строили мало.

Археологические исследования о жизни населения Кафы, Солдайи, Солхата и многочисленных деревень, снабжавших города и поселения продуктами питания, находятся в стадии накопления данных. Однако мы можем говорить о развитии торговли и ее влиянии на социально-этнический облик этого портового города. Предприимчивые армянские купцы и ростовщики постепенно заняли прочное положение в торговле Кафы и вскоре стали не только полноправными ее гражданами, но и играли видную роль. Армянская община настолько разрослась, что к концу XV в. итальянская колония стала, по существу, армяно-итальянской [Микаэлян, 1974], хотя и оставалась в административном отношении генуэзской.

После того как в 1261 г. генуэзцы завладели всей черноморской торговлей, они сумели, вытеснив венецианцев, захватить Солдайю и вскоре распространили (по сговору с Ордой) территориальные притязания на южное Поморье Таврики вплоть до гавани Чембало (совр. Балаклава), которую

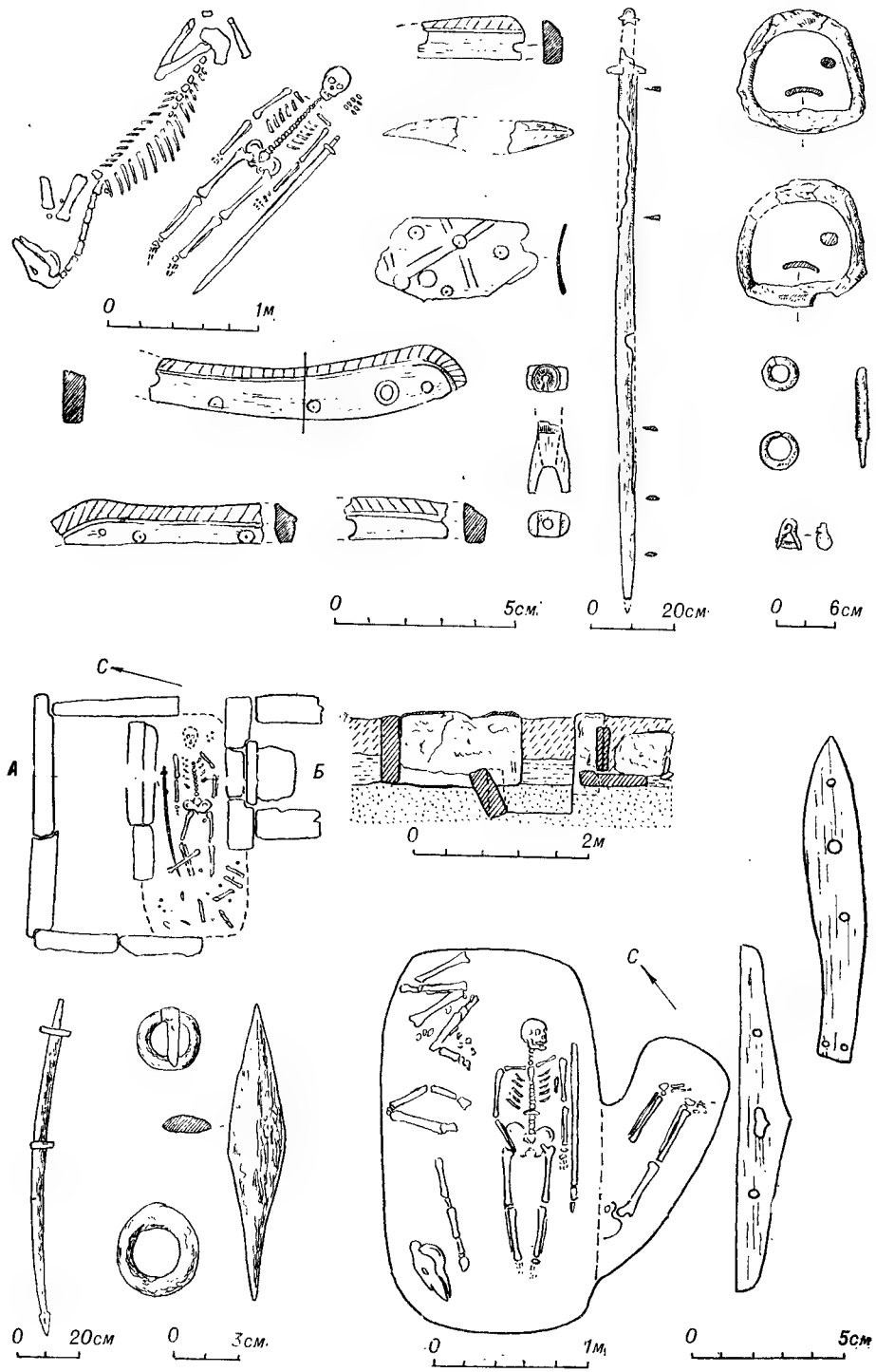


Рис 128. Позднекочевнические погребения в окрестностях Симферополя.

они постепенно сделали своей торговой пристанью. Однако генуэзская колония не пустила в средневековом Крыму глубокого социально-экономического и социально-культурного корня; она преследовала сугубо узко-эксплуататорские цели. Очевидно, поэтому ни в фортификации, ни в градостроительстве и архитектуре двух принадлежавших колонии городов, ни в других проявлениях материальной культуры всего Юго-Восточного Крыма не прослеживается ничего генуэзского, кроме отдельных случайно завезенных предметов домашнего обихода. Стены и башни Кафы, Солдайи, Чембало, церкви и административные здания — все это в творческом отношении не итальянское, а местное — продукт синкретизации в многоэтничной среде различных архитектурных традиций.

Напрасно мы стали бы искать в самой Генуе архитектурные аналоги тем крепостным башням, на которых красуются итальянские надписи с именами консулов и гербами каждого из них, Генуи или Банка Св. Георгия, Каффы или Солдайи. Постройки эти сооружались по заказу генуэзских властей местными строителями, достаточно искусными, но исполнявшими заказы на свой лад.

Стремясь присвоить «Поморье» Южной Таврики, генуэзцы захватили существовавшие до них прибрежные небольшие крепости и блок-посты. Стараясь удержать захваченное, они учредили оказавшееся эфемерным «капитанство Готия» (как стала называться в их документах южнобережная часть Таврики).

С распространением христианства в Юго-Западной Таврике стали селиться, вживаясь в местную многоэтничную среду, многочисленные выходцы из восточных земель Византии. Судя по остаткам их южнобережных поселений и могильников, они к тому времени плотно заселили узкую полосу земли между горами и морем. Это греко-язычное население, традиционно руководимое духовенством, принесло в Таврику ортодоксальное христианство, феодальные порядки (в их византийском варианте) и идеологию, военную организацию. Основное же значение этого переселения заключалось в том, что в Таврике стали интенсивнее развиваться сельское хозяйство, ремесла, жилое, фортификационное и культовое зодчество, а также изобразительное искусство. Греческая же грамота получила тут слабое распространение, оставаясь церковной монополией. Сильным влиянием греческого населения можно объяснить кажущуюся внезапность победы христианства над язычеством в Крыму: ведь жители ее — «херсаки», как известно, еще в VIII в. были «туги на веру». Византинизация Херсакеи, как названа эта область в одной из лапидарных надписей Горного Крыма [Соломоник, 1983], к середине X в. уже охватила всю Южную Таврику, сплотив население вокруг византийского Херсонеса, придав городу с его округой характер как бы одной из византийских провинций. Поэтому неудивительно, что этнокультурный сплав ее обитателей оказался в конечном счете «огреченным».

Историческая топография поселений и укреплений позволяет наметить представленную на археологической карте концептуальную модель феодального деления Южной Таврики.

Ее поселения изучены недостаточно. Источниковедческий обзор и анализ крайне скудных письменных данных о них [Бертье-Делагард, 1920] явился только необходимой предпосылкой полевых исследований. Изучением поселений средневекового Крыма занимались Н. И. Репников, Н. Л. Эрнст, братья В. П. и Н. П. Бабенчиковы, Е. В. Веймарн, М. А. Фронджуло и др. Среди них были исследователи античного Крыма, изучавшие (по ходу раскопок) средневековые поселения, кое-где перекрывавшие остатки античных.

Наиболее весомый вклад в изучение средневековых поселений Крыма внес А. Л. Якобсон, собравший разрозненные данные, накопленные предшественниками и обобщивший результаты соб-

ственных раскопок. Хозяйственная жизнь и социальный уклад населения рассмотрены им на основании хотя и ярких, но скудных археологических данных. Поэтому его работа [Якобсон, 1970] является лишь первым приближением к изучению деревни средневекового Крыма.

В настоящее время целенаправленным исследованием деревни средневекового Крыма заняты экспедиции Института археологии АН УССР на Южном берегу и экспедиция Свердловского университета, отряд которой работает в Бахчисарайском районе. Интерес в этом плане представляют работы последних лет в урочищах Сотера и Ласпи [Паршина, 1983].

Поселение VIII—X вв. в уроч. Сотера (раскопки Е. А. Паршиной) расположено у самого моря на горном ступенчато террасированном склоне, возле устья одноименной речки. Жители покинули поселение одновременно — возможно, из-за сильных оползневых разрушений, вызванных, вероятнее всего, подрезкой крутых делювиальных склонов при глубоком их террасировании. Все террасы со стороны моря были укреплены каменными кладками, а на более устойчивой тыльной стороне каждой стоял дом — продолговатое однокамерное строение, выложенное из мелкого камня на глине; в такое помещение вход расположен, как правило, почти на углу в одной из продольных сторон. Кладка нерегулярная, но откосы дверей и углы выложены из крупного и хорошо подтесанного камня. Визуально насчитано 38 жилых комплексов. Следов отдельных хозяйственных построек при жилищах не обнаружено. В культурном слое почти отсутствуют кости домашних животных: по-видимому, их здесь разводили мало, довольствуясь рыбой и в основном растительными и молочными продуктами.

У подножия склона, занятого поселением, расстилается, огибая гору с северо-запада, широкое устье р. Сотера. Отлогая пойма реки также была террасирована на значительном пространстве, лишенном построек. Однако посреди одной из террас (ныне в парке перекрывшего их пионерского лагеря) прослежены и частично вскрыты основания большой двухкамерной постройки из крупных блоков необработанного камня и массивная кладка от ограды. Обилие черепицы выделяет эту постройку среди прочих, имевших, судя по отсутствию черепичных обломков, саманные кровли. Черепичной была и кровля церкви, стены которой сохранились на плоском и оползнеустойчивом выступе горного склона.

В противоположность примитивно сооруженным жилищам (раскопано семь) церковь Сотеры (спасителя) представляла собой хотя и небольшое, но монументальное здание с двумя апсидами. Ее стены сложены из тщательно подогнанных камней на песочно-известковом растворе и были оштукатурены и расписаны изнутри. Постройка эта не пострадала от оползня, разрушившего почти все поселение.

Пилястры стен внутри и столб посередине говорят о том, что храм имел коробовый свод на подпружных арках и как бы был разделен на два нефа двухпролетной аркадой. В западной торцовой стене, напротив каждой из апсид, имелось два входа. Двухапсидное устройство храма для Крыма почти уникально. Еще одна двухапсидная церковь «Храм на консолях» известна в Судакской крепости. Летом 1985 г. небольшая часовня с двумя гранеными апсидами открыта Е. А. Айбабиной в уроч. Фуна близ одноименной крепости XIII—XV вв.

Раскопками 1982 г. собрано множество различных по величине туфовых камней, имевших форму клина,— от сводов и арок, перекрытий дверей и окон, сводов алтарных апсид. Среди небольших туфовых клиньев от арок проемов найдены темно-красные кирпичи из шамота таких же размеров: по-видимому, в кладке они чередовались с белыми камнями. Кроме того, найдены обломки нескольких глиняных украшений, подобных керамическим розеттам, украшающим стены не-

которых малоазийских храмов. Черепичная кровля, судя по диаметру коробовых сводов, была в меру крутой. Черепица кровли привозная, о чем свидетельствуют рельефные буквенные клейма, шрифт которых выполнен с античным изяществом и строгостью.

Возможно, открытый на поселении храм имел два строительных периода, так как в кладке апсид и позднее встроенных пилястр, в заделке дверных проемов и в других строительных деталях видны следы перестройки, вызванной, скорее всего, разрушением самого здания. Возможно, храм пережил поселение, обветшал, а затем был восстановлен при вторичном заселении Сотеры.

В левой (восточной) части поселения открыты две керамические печи, в которых обжигались амфоры причерноморского типа. В материалах из раскопок поселения встречены светло-розовые обломки амфор, черепок которых прочен и звонок. Этим они и отличаются от изготовленных на месте. Очевидно, амфоры привезены из других мастерских, возможно, Херсонеса. В немалом количестве найдены фрагменты плоскодонных кувшинов с «ременными» ручками и высоким горлом, широко распространенных в X—XII вв. как домашняя тара.

Поселение снабжалось водой из ручья, протекавшего в небольшой котловине, на террасированных склонах которой размещались жилища. Питьевая вода хранилась в пифосах, найденных в каждом доме (кое-где встречены целые). Для хозяйственных нужд и особенно керамического производства был проложен длинный арык, огибавший гору над поселением и тянувшийся параллельно реке почти к ее верховьям. Ответвления арыка подавали воду вниз на террасы — для полива огородов и фруктовых деревьев. Заканчивался арык канавой возле гончарных печей. После того как поселение опустело, оставленный без присмотра арык размыл канаву, превратив ее в глубокий овраг, разрушивший большую часть ремесленного комплекса.

Обитатели Сотеры, судя по обилию амфор, пифосов, кувшинов, успешно занимались виноделием и виноградарством. Восточновизантийский облик поселения и датировка VIII—X вв. дают все основания связывать его возникновение с прибытием в Крым малоазийских переселенцев.

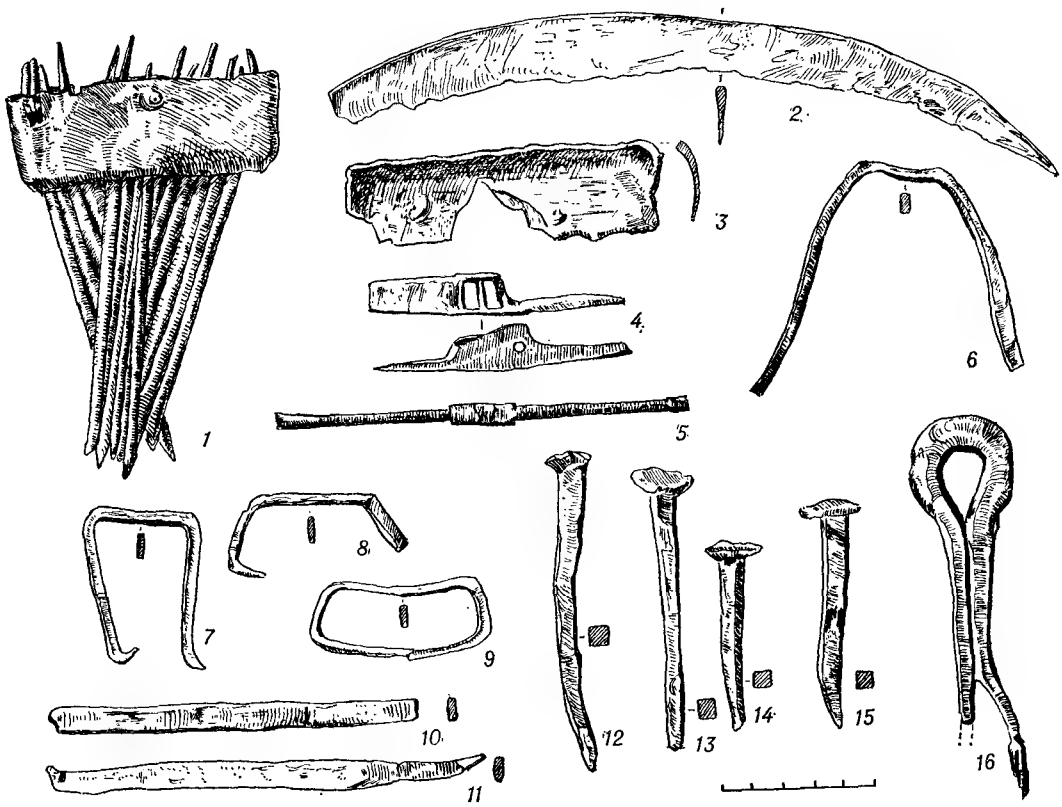
История маленького поселения в уроч. Сотера характерна и для других поселений Южного берега Крыма; многие из них, в том числе и более крупные, также разрастаются в VIII—X вв., а затем пустеют.

Начиная примерно с XII в. для многих поселений Южной и Юго-Западной Таврики становится общим следующее: строения, как правило, размещаются на скалистых или очень крутых участках, не пригодных для возделывания. Пойма реки или равнинная часть орошаемой долины используются исключительно для посадок или посевов. Эта черта характерна и для Байдарской долины, где отмечены поселения, разместившиеся вокруг нее на горных отрогах.

Засвидетельствованы и другие разновидности горных поселений, жилые и хозяйственные постройки которых возводятся непосредственно на земледельческих террасах с подпорными стенами или же полях, разделенных на участки каменными оградами.

Среди поселений различаются три основных типа планировки [Домбровский, 1974], что хорошо прослеживается на поселениях в уроч. Ласпи. Прежде всего это поселения с ячеистой структурой, например, Хаспио на среднем водоразделе Ласпи, вдоль левого берега протекающего тут ручья. Поселение (самое раннее из шести поселений данного урочища) состояло более чем из 30 спускавшихся к морю террас, укрепленных крепидами. На последних стояли стены, отделявшие террасы, пристраивавшиеся одна к другой по мере роста поселения. Жилая башня (часто с недоступным нижним этажом), помещение

хозяйственного назначения, небольшой хлев для мелкого домашнего скота примыкали к стенам каждой такой ячейки. Строились они с таким расчетом, чтобы основанием или одной из стен служили каменные глыбы, разброс которых по водоразделу в значительной мере определял размещение и контуры террас. Все это делалось с целью экономии площади, пригодной



для земледелия. Поселение снабжалось водой при помощи водопровода из гончарных труб, проложенных от источника на северном склоне горы Ильяс-Кая, возвышающейся в центре ласпинской котловины.

Поселение Хаспио продолжало существовать даже тогда, когда выше него, возле мощного родника (под самыми обрывами ласпинской яйлы) возникло более позднее, возможно дочернее, поселение Шабурла. Планировка поселения, подчиненная сложному горному рельефу, выявлена еще не полностью. По расположению же нескольких раскопанных жилищ можно предположить, что относительно правильные ряды построек размещались на длинных террасах, опоясывавших обращенные в сторону моря (то есть на юго-запад) отроги крутого и скалистого горного массива, отделяющего Ласпи от Байдарской долины.

Строения Шабурлы отстоят довольно далеко друг от друга, что создает впечатление разбросанности на большом пространстве. Характерной особенностью Шабурлы, как и некоторых других поселений, расположенных в сходных условиях, является то, что из-за удаленности окраинных жилищ от родника над центром поселения возле домов вкапывались большие пифосы для хранения воды. Жилища двух названных поселений различны: в Хаспио небольшие (3,5×3 м) одно-камерные, в плане двухэтажные (су-

дя по толщине стен) постройки из крупного камня; в Шабурле также однокамерные, с выходом прямо во двор,

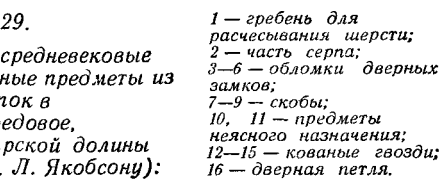


Рис. 129. Раннесредневековые железные предметы из раскопок в с. Передовое, Байдарской долины (по А. Л. Якобсону): *1 — гребень для расчесывания шерсти; 2 — часть серпа; 3—6 — обломки дверных замков; 7—9 — скобы; 10, 11 — предметы неясного назначения; 12—15 — кованые гвозди; 16 — дверная петля.*

но удлиненные, одноэтажные и примерно в 1,5 раза больше, сложенные из мелкого бута на глине.

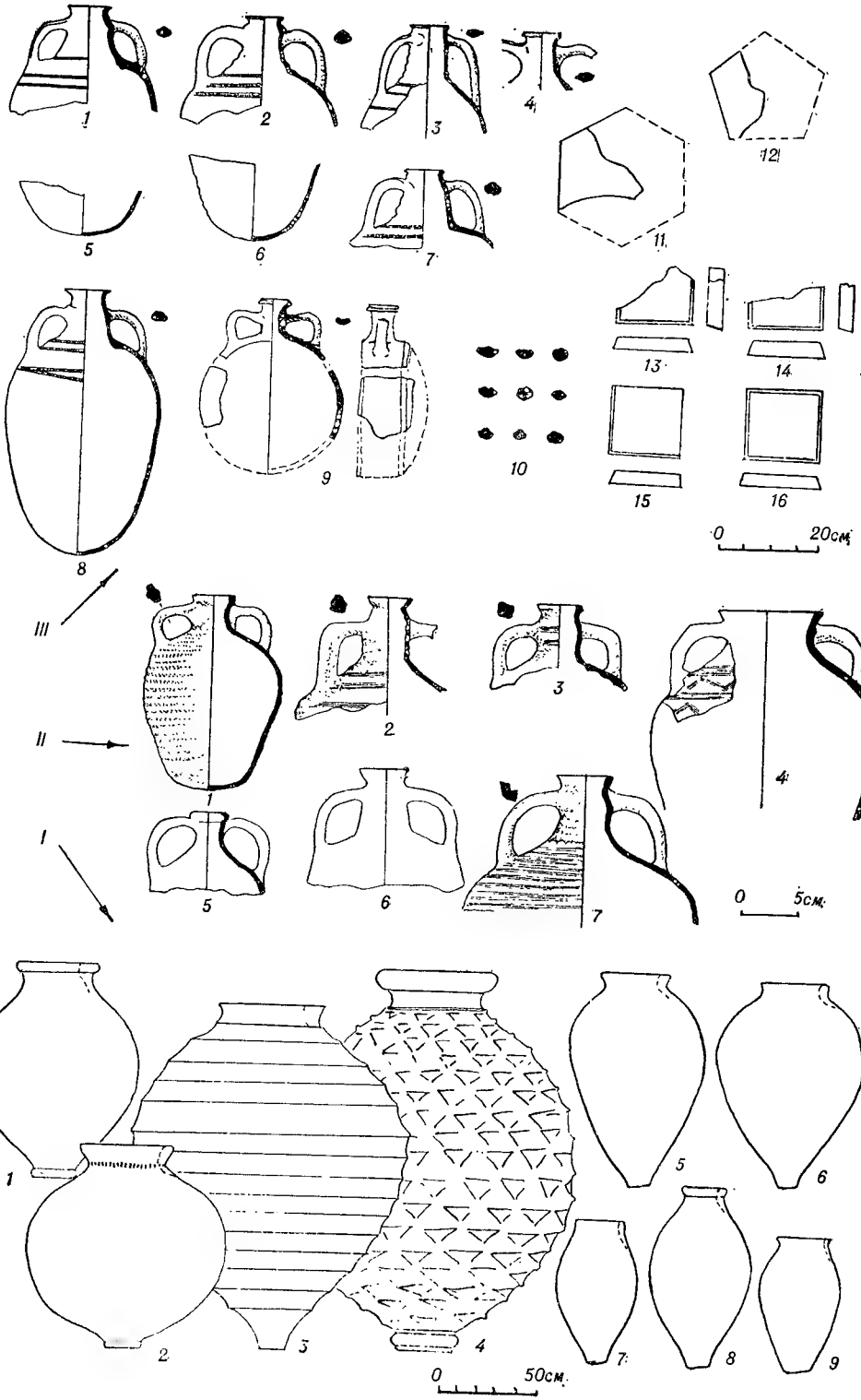
Третье большое поселение, так называемое Приморское, расположено на правой стороне того же ручья. В парке пионерского лагеря «Ласпи» и в окружающем его лесу сохранились остатки беспорядочно разбросанных древних строений, отличающихся друг от друга величиной, качеством кладки и устройством. Несмотря на плохую сохранность построек и изрезанность всего склона глубокими промоинами, можно установить изначальную, нерегулярную планировку поселения, полностью подчиненную сильно пересеченному рельефу местности. Сохранившиеся местами развалы массивных и длинных стен свидетельствуют о том, что дворы поселения Приморское были огорожены, а между ними пролегали извилистые улицы.

Среди домов, в большинстве небольших и небогатых, хотя и под черепичными крышами, выделяется многокамерное большое здание, раскопки которого дали материалы, не обычные для сельского поселения. Это свинцовая вислая печать византийского нотария, скреплявшая какой-то важный документ; мраморные и керамические фигурные плитки; обломки шестигранного анта, капитель которого была украшена резными изображениями фантастических птиц или грифонов, а грани испещрены граффити — это надписи на греческом языке и несколько человеческих изображений, нанесенных рукой какого-то опытного рисовальщика.

К северо-западу от поселения Приморское в вертикальном срезе подмытого морем берега в 25 метровом слое делювия видны остатки построек. Комплекс их условно назван Береговым поселением. Выше и севернее, между морем и обрывами горы Куш-Кая, тоже прослеживаются остатки многочисленных построек, следы древних дорог, земледельческих террас и прочие признаки обитания. По сути дела, границы отдельных поселений в Ласпи почти неуловимы: в XII—XIV вв. котловина была заселена настолько плотно, что отдельные группы построек почти слились, и долина представляла собой как бы одно огромное поселение.

Южнее, на сужающейся полосе обрывистого берега (между морем и отвесными скалами горы Ильяс-Кая), в балке возле родника раскопками открыты две горновые печи, производившие черепицу и простую гончарную посуду. Найдены отвалы боя и брака, а также жилые и производственные постройки. Ближе к источнику открыта еще одна группа каменных жилищ, пристроенных к скальным глыбам, а рядом — в русле ручья, следы ломки известкового туфа (травертина). Найдены изделия из туфа — карнизы с профилем в виде простой выкрушки, камни в виде клиньев для арок и сводов, куски шлака и криц, железные конкреции. Все это говорит о том, что за пределами земледельческих поселений находились производственные комплексы — керамический, камнерезный, железоделательный,— удовлетворявшие потребности окружавших их поселений.

Еще южнее расположено каменистое, но богатое родниками урочище Чобан-Таш. Мощный родник бьет из-под скалы, вокруг которой чуть ли не к каждой скальной глыбе лепятся мелкие хижины и хлевы для скота, сложенные из необработанного камня и крытые, судя по отсутствию черепицы, саманом, травой или глиной. Керамический материал позволяет отнести поселение также к XII—XIV вв.


1
2
3
4
12
5
6
7
11
8
9
10
13
14
15
16
0 20см
III
II
I
1
2
3
4
5
6
7
0 5см
1
2
3
4
5
6
7
8
9
0 50см

Здесь обитали пастухи, в летнее время занимавшиеся отгонным скотоводством на яйле над Ласпи, где сохранились окруженный мощной стеной загон для животных, пастушеское жилище и даже часовня.

Пастушеские хижины и хлевы размещаются и за пределами Чобан-Таша возле южного подножия Ильяс-Кая. Они открыты и в уроч. Комперия, обращенном в сторону моря между горой Ильяс-Кая и отрогом Яйлинского хребта — горой Мачук. Тут, над самым берегом (ниже нового шоссе в Севастополь), открыты остатки еще одной керамической печи.

За перевалом между Ильяс-Кая и горой Мачук сохранились остатки поселения Ласпи, давшего название всей котловине. Поселение, возникшее не ранее X в., расположено возле двух родников у подножия Ильяс-Кая, откуда был проложен гончарный водопровод в поселение Хаспио и на западный склон горы Мачук. Поселение существовало вплоть до конца XVIII в., когда его жители — крымские греки — были выселены за пределы Крыма. Несмотря на то что склон горы Мачук и седловина самого перевала некруты и наделены спокойным рельефом, поселение Ласпи лишено регулярной планировки и, судя по данным разведок, в первоначальном варианте состояло из отдельных разрозненных усадеб. Лишь к XV в. оно приобрело черты упорядоченной планировки. Здесь исследован только храм XIII в., находящийся между поселением и могильником с плитовыми, грубо обтесанными надгробиями без надписей. Маленькие, базиликальные одноапсидные храмы под двухскатной черепичной кровлей имелись и на каждом из описанных выше поселений.

Возле поселения Ласпи П. И. Кеппеном открыты надгробия с изображениями различных орудий труда: наковальни, плуга, ткацкого станка и т. п. [Кеппен, 1935]. Аналогичные надгробия сохранились в верховьях р. Качи над современным с. Верхоречье, возникшим, как многие села Горного Крыма, на остатках средневекового поселения.

Картину тесного, затерянного среди гор и, в основном, земледельческого средневекового комплекса дополняет один немаловажный штрих: две небольшие расселины между скалами яйлы, через которые позднее пролегали скотопрогонные тропы, в XII—XIV вв. были наглухо закрыты каменными стенами, остатки которых видны и поныне. Так же заблокирован был и доступ в Батилиман — смежное с Ласпи урочище по другую сторону бухты, под скалой Исар-Кая. Оставались открытыми (но могли быть легко перекрыты) только один въезд в Ласпи — через узкий горный проход у скалы Куш-Кая и скотопрогонная тропа — через извилистую щель между скалами Мачука и обрывами яйлы.

Над этим, замкнутым в себе мирком с его многоотраслевым натуральным хозяйством и примитивным ремеслом, возвышался, в самом его центре — на труднодоступной вершине Ильяс-Кая, одноапсидный храм св. Ильи. У подножия храма, на единственно доступном спуске от него на Мачукскую седловину, теснились мелкие хижины небольшого монастыря X—XV вв. Очевидно, монастырь не только был духовным центром для обитателей ласпинской котловины, но

Рис. 130.

Керамика средневековой Таврики:

I — пифосы X—XV вв.;
1 — из укрепления на горе Крестовой (Ореанда);
2, 3 — из Партенита (с. Фрунзенское;
4, 6, 8 — из укрепления на горе Ай-Тодор (пос. Малый Маяк);
5 — из поселения Голубой залив;
9 — из Ласпи.
II — амфоры VIII — X вв.:
1 — гора Кастель (Алушта);
2, 3 — из поселения Кипарисное (Ялта);
4, 7 — из поселения у скалы Крыло Лебедя (Симеиз);
5, 6 — из раскопок керамического производства над Мисхором.
III — продукция средневековых керамических печей из раскопок в Верхней Ливадии (VIII—X вв.);
1—8 — амфоры;
9 — фляга;
10 — сечения амфорных ручек;
11—16 — облицовочные плитки.

и управлял шестью поселениями, примыкавшими к его подножию. Последнее было в Крыму явлением обычным. Несомненным пережитком явилась просуществовавшая до конца XVIII в. структура так называемых «обществ» — объединения нескольких деревень вокруг приходской церкви. Настоятель деревенского храма был наделен не только религиозными, но и судебно-административными полномочиями, осуществлявшимися через выборную коллегию «демократов» (старейшин) — своего рода депутатов от каждой из объединившихся деревень. Существовали в средневековом Крыму и иные социально-экономические структуры, когда во главе «обществ», состоявших из нескольких мелких поселений, видимо, специализировавшихся на разных отраслях хозяйства, мог стоять и светский правитель, хозяин того или иного укрепления из числа тех, что возвышались в Горном Крыму над каждым заселенным урочищем. Они, несомненно, представляли собой зародыши «замков» или, точнее, подобия византийских «кастелов» — укрепленных усадеб, принадлежавших тимариотам, представителям сельской социальной верхушки, постепенно превращавшихся в своего рода помещиков-феодалов.

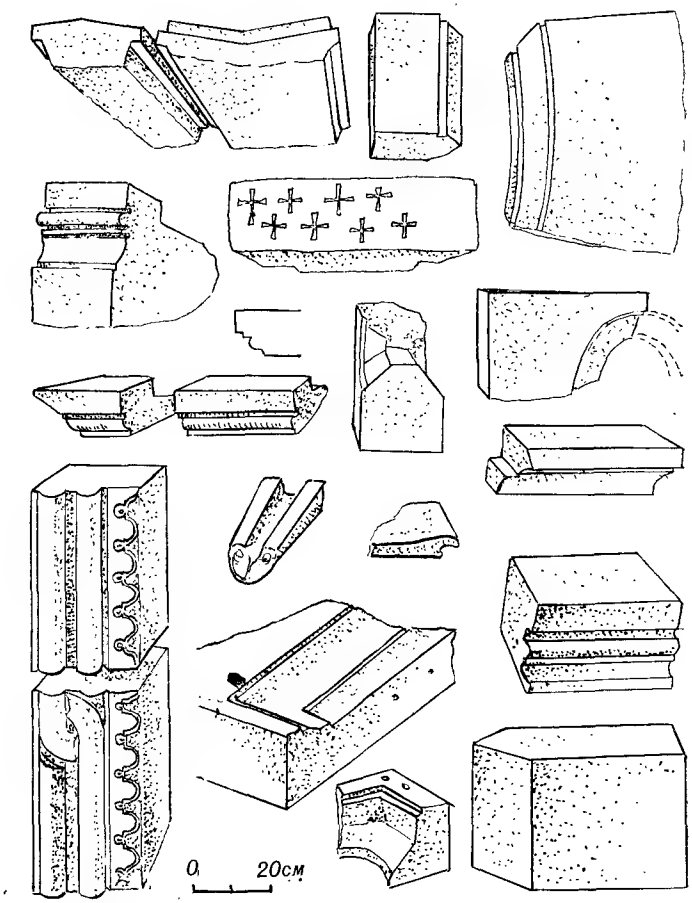


Рис. 131. Архитектурные детали церкви св. Георгия близ Старого Крыма (рис. В. А. Сидоренко).

О разнообразии сложившихся в сельской Таврике социально-экономических форм свидетельствуют охарактеризованные выше типы планировки деревень. Защищенные стенами поселения «ячеистого» типа, как и ульепо-

добные поселения (с убежищами в стороне — на случай военной опасности), могли принадлежать отдельным независимым общинам; о них свидетельствует один из пунктов генуэзского устава — запрет «давать взаймы общинам Готии».

Разбросанные вокруг укрепленной твердыни мелкие усадьбы могли быть подчинены владельцу «замка» или монастыря. Наконец, имелись и такие поселения, которые группировались на значительных, защищенных стенами территориях вокруг храмов или монастырей, что придавало подобным объединениям сходство с западно-европейскими аббатствами. К таковым можно отнести архитектурно-археологические комплексы Ак-Дага, Бойки, Кочи-Кальма, изучавшиеся в последнее время Крымским отделом Института археологии АН УССР. Эти сложные образования феодального характера еще слабо изучены и требуют дальнейшего исследования. Этого же ожидает и Мангупское городище — главный центр крымской «Готии», отождествляемое с Доросом раннесредневекового письменного источника — «Жития Иоанна Готского». Носившее имя Феодоро, оно было резиденцией митрополита «Готии» и правителя этой горной страны. Татарские источники называют его беем, русские — князем, а генуэзские — «господином Феодоро». Сам он звал себя в строительных надписях, найденных на Мангупе, «владетелем Феодоро и Поморья». Это уже вполне феодальное образование в XIV—XV вв. охватывало указанные выше пределы «Готии», куда входили многочисленные и разнохарактерные сельские поселения, монастыри и «замки».

История возникновения Мангупского княжества (будем называть его так) становится ясной, если учесть, что оно территориально совпадало с византийской фемой Херсона (позднее — «фемой климатов»).

Материальными свидетельствами существования последней можно считать те раннесредневековые укрепления, которые в строительном и фортификационном отношениях отличаются своим византийским обличьем от прочих, примитивно выстроенных. В одном случае перед нами дело рук, вероятно, херсонесских строителей, а в другом — продукт местной, «варварской», фортификации.

После падения Византии под натиском турок-османов, когда в XIV в. прекратил существование византийский Херсонес, предоставленная самой себе «фема климатов» продолжала действовать и в условиях тяжкой борьбы с Ордой: объединив силы свободных общин и феодальных образований Таврики против татар, а затем и генуэзцев. Бывший архонт фемы — хозяин Мангупа, стал полновластным правителем большой территории; по социальным нормам своего времени — князем.

Обозревая всю совокупность немногочисленных письменных и многочисленных археологических источников о средневековом Крыме X—XV вв., можно (пока еще схематически) представить его деление на три неустойчиво ограниченных района, внутри которых действовали, конфронтируя друг с другом, крупные феодальные образования: Золотоордынское наместничество, сделавшееся при распаде Орды независимым Крымским ханством; Генуэзская колония, постепенно армянизирующаяся и не чуждая сепаратистских тенденций; Мангупское княжество, противостоявшее татарам и латинянам, искавшее политических связей с Русским государством. Турецкий разгром Таврики в 1475 г. не дал осуществиться этому исторически назревшему союзу.

Средневековый Херсонес

Более чем столетние исследования Херсонеса можно разделить на три основных этапа. К первому относятся раскопки, предпринятые в 1853 г. А. С. Уваровым и сразу же после Крымской войны продолженные Одесским Об-

ществом истории и древностей и Археологической комиссией. Возглавлял раскопки К. К. Косцюшко-Валюжинич, основавший Херсонесский музей. С 1906 г. Херсонес исследовали Р. Х. Лепер, Н. И. Репников, Н. А. Моисеев и другие видные археологи России. В результате раскопаны восточная часть городища, севернее главной улицы Херсонеса, а также часть северного берега и прибрежный участок той же улицы возле Карантинной бухты, где находилась гавань. Кроме того, исследованы отдельные участки в западной части Херсонеса, в том числе большой отрезок оборонительных сооружений. Итоги дореволюционного этапа изучения Херсонеса подведены были в «Памятниках христианского Херсонеса» — *серии, один из выпусков которой* («Развалины храмов» [Айналов, 1905]) посвящен результатам раскопок.

Второй этап исследований начался после Октябрьской социалистической революции, когда в Херсонесе долго и плодотворно работали К. К. Гриневич, раскопавший здесь наиболее ранние из античных оборонительных сооружений, Г. Д. Белов, изучавший жилые кварталы вдоль северного берега Херсонеса. Накопленные в этот период материалы обобщил А. Л. Якобсон [1950; 1959].

Новый, еще мало освещенный в научной литературе этап изучения Херсонеса начался после Великой Отечественной войны. Его содержание надолго определили результаты работ С. Ф. Стржелецкого по исследованию «Базилики 1935 г.» (открытой Г. Д. Беловым) и земледельческих наделов (клеров) на Гераклейском п-ове, а также работ целого ряда других ученых, направленных, в частности, на доисследование ранее открытых памятников средневекового и античного Херсонеса, а в ряде случаев — и пересмотр традиционных датировок и периодизаций.

Средневековый Херсонес (он же Херсон, Корсунь) был посредником Византии в ее морской и сухопутной торговле с Северным Причерноморьем и Русью.

Власть Византии в Таврике не была абсолютной. По сути, только Херсонес был здесь ее опорным пунктом в экономической и политической борьбе за Северное Причерноморье. В свою очередь Византия охраняла Херсонес от кочевников.

С IV в. официальной религией в Херсонесе, как и во всей Византии, стало христианство, окончательно упрочившееся здесь лишь с конца V — середины VI в. В это время усиливается миссионерская деятельность православной церкви в Северном Причерноморье, а расширение имперских границ сопровождается оживлением *заморской торговли и поиском новых* рынков. Со второй же половины VI в. Херсонес, как и Византия, переживает полосу упадка. В первой половине VII в. наиболее доходный для него рыбный промысел сокращается; вместо огромных промышленных рыбозасолочных цистерн появляются небольшие домашние рыбохранилища. Город постепенно утрачивает значение главного торгового, ремесленного и культурного центра Таврики, но для Византийской империи остается важным стратегическим и военно-административным пунктом.

Между 665—730 гг. вокруг Херсонеса начинают селиться тюрко-болгары (предполагаемые федераты Византии), что оживило сельское хозяйство и экономику Таврики. Укрепились связи Херсонеса с ближайшими сельскохозяйственными районами Горного и Степного Крыма. Вторжение хазаро-болгарских полчищ в Крым почти не коснулось Херсонеса, так как в его существовании как перевалочного пункта морской торговли были заинтересованы не только византийские, но и хазарские власти.

В условиях длительного византийско-хазарского двоевластия возрастает политическое значение Херсонеса. Со второй половины IX в. снова крепнет его основанная на посреднической торговле экономика. Он занимает видное место на великом торговом пути «из

варяг в греки», то есть между Русью и Византией.

Экономический подъем, рост политического престижа и широкое распространение христианства привели к тому, что в X в. в Херсонесе развивается интенсивное церковное строительство. Археологические раскопки последних лет показывают, что большинство монументальных построек (четырехапсидный храм, западная базилика и ряд других), возведенных еще в VII—VIII вв., были основательно перестроены именно в X в. Базилики украшаются настенной росписью, мозаичными полами, мраморными архитектурными деталями, привозившимися из каменоломен Проконнеса на кораблях, в свою очередь, вывозивших из Таврики зерно, днепровскую рыбу, продукты степного скотоводства и русскую пушнину.

Оживление посреднической торговли Херсонеса нельзя не связать с известным историческим событием — крымским походом киевского князя Владимира: взятие города, столь важного для Византийской империи, привело к военно-политическому союзу Руси и Византии, а женитьба князя на византийской царевне высоко подняла международный престиж Русского государства.

На территории Крыма сформировалось грекоязычное, но сохранившее своеобразные местные черты население, получившее название крымских греков. Население тяготело к Херсонесу, чем объясняется сосредоточение земледельческих поселений, а затем и значительных феодальных укреплений вблизи города или на подступах к нему.

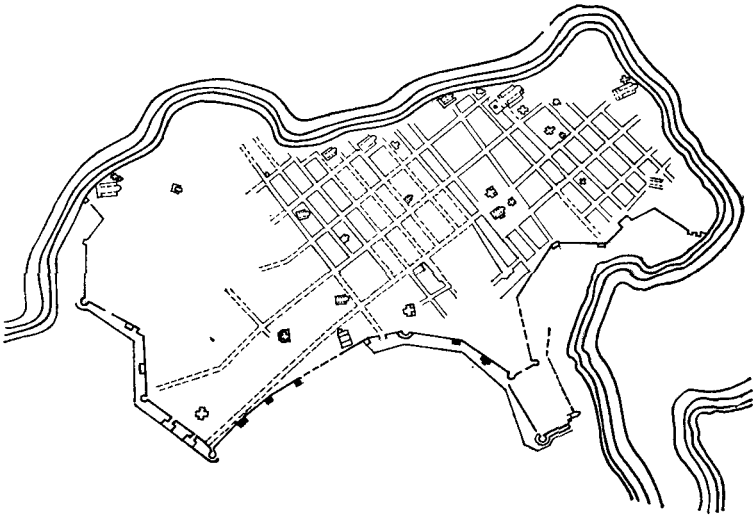


Рис. 132. План средневекового Херсонеса.

В IX—X вв. в Херсонесе наряду с перевалочной торговлей хлебом интенсивно развиваются соляной и рыболовный промыслы. Раскопками открыты рыбозасолочные цистерны различной емкости, а также кладовые, где в пифосах хранилась засоленная рыба. Во второй половине IX в. город увеличивает чеканку медной монеты, что укрепляет экономическое первенство Херсонеса среди других городов и поселений Южной Таврики.

С расцветом Херсонеса в нем развивается и городское строительство. Восстанавливаются и ремонтируются портовые сооружения, расширяется территория города: с напольной, западной, стороны возводятся новые куртины оборонительных стен, упорядочивается линия обороны.

Представление о Херсонесе как городе дает в основном изучение восточного района и северного берега, где открыты жилые кварталы. Оборони-

тельные сооружения в припортовой части города — на берегу Карантинной бухты, служившей гаванью Херсонеса, красноречиво говорят о постоянной военной опасности, в обстановке которой протекала вся жизнедеятельность этого большого города. Не меньшее значение для его истории имеют исследования оборонительных сооружений и ворот на южном, юго-западном и западном отрезках окружавших город стен и башен. В непосредственной близости к ним открыты остатки различных общественных зданий, огромной цистерны одного из городских водопроводов и прилегающих к ней терм X в. Все это свидетельства высокой для своего времени культуры градостроительства и цивилизованности обитателей города.

Средневековый город рос на руинах античного, повторяя его регулярную планировку. Изменялась только разбивка домовладений внутри кварталов [Якобсон, 1959, с. 47—100], перестраивались усадьбы, но планировка улиц оставалась прежней. Постепенно наслаивались одна на другую уличные вымостки, перекрывали друг друга крытые камнем каналы для стока воды и нечистот. По мере роста города, наслаивания культурных отложений и разновременных строительных остатков выравнивался первоначальный рельеф его территории. В X—XII вв. стало возможным заметно упорядочить городскую планировку и застройку: центр города приобретает характер целостного архитектурного ансамбля.

Главная улица, пролегавшая через весь Херсонес с востока на запад, исследована лишь в восточном конце на 1/3 всей ее длины. По обеим сторонам улицы стояли вплотную друг к другу двухэтажные дома. В нижних этажах большинства из них размещались лавки. Помещения освещались дневным светом, поступавшим через широкие двери, открывавшиеся прямо на улицу. Внутренние узкие двери вели в заднее помещение, служившее кладовой и конторой. За второй такой дверью находилась лестница, которая вела на верхний жилой этаж. Под деревянным полом здания обычно выкапывался глубокий погреб (иногда в качестве погреба использовалась подходящая по размерам цистерна), где хранились запасы продовольственных товаров. Сыпучие продукты (зерно, мука, крупа, соль), соленая рыба и жидкости (масло, вино) хранились в больших пифосах. Универсальной тарой для торговых перевозок, как и в античное время, оставались амфоры, а в розничной торговле и быту применялись различной емкости одноручные плоскодонные кувшины. Вся эта тара, как и многие другие виды глиняной посуды, вырабатывалась в мастерских Херсонеса, удаленных за городскую черту во избежание пожара.

Фасады жилых домов, за исключением наиболее богатых, оформлялись просто. Цоколи, как правило, выкладывались из хорошо отесанных плит, а стены, сложенные из бута на глине, оштукатуривались и белились. Небольшие окна верхних этажей, выходившие на улицу, обрамлялись наличниками из отесанного камня, иногда резными, раскрашенными, с узором в виде малоазийской «плетенки» или незамысловатыми розеттами. Кое-где над обрамлением окна возвышался сандрик, иногда — полукруглый тимпан с резьбой или орнаментальной росписью.

Главную городскую магистраль, деля ее на почти равные отрезки, перпендикулярно пересекали поперечные улицы; вдоль магистрали проходили продольные. Главная улица восточным концом выходила на площадь, вымощенную плитами еще в античный период. Здесь возвышалась, предположительно на месте уничтоженного античного храма, трехнефная восточная базилика (возможно, VI в.). В V в. она была окружена различными постройками.

Тесно застроенные жилые кварталы размещались по обеим сторонам главной улицы, террасами спускаясь на север — в сторону открытого моря — и

на юг — к гавани. Западный, еще нераскопанный конец главной улицы, очевидно, доходил до южных ворот, обнаруженных и засыпанных при строительстве батареи в 1908 г.,— где-то рядом с расположенным подле ворот четырехапсидным храмом. Храм возведен был над известеобжигательной печью. Его мозаичный пол дошел до нас благодаря полевым зарисовкам художника М. И. Скубетова, а также описанию и фото 1906—1908 гг., когда храм был открыт Р. Х. Лепером [1908]. Завершил же исследование этого памятника лишь в 1979 г. В. А. Кутайсов.

Монументальная архитектура представлена в Херсонесе культовыми сооружениями. Базилики, купольные храмы, часовни возводились чуть ли не в каждом квартале и во многом определяли архитектурный облик города.

В восточной части Херсонеса расположен один из наиболее интересных памятников — так называемая «уваровская» базилика (по имени ее первоисследователя А. С. Уварова). Судя по ее местоположению, размерам и устройству, именно она могла быть тем кафедральным храмом, где венчался Владимир после взятия Корсуня. Первоначальная предположительная датировка постройки (IV в.) не подтвердилась, и ее, по аналогии с базиликами Малой Азии и Балкан, отнесли к VI в. Этим же временем датировали и ее мозаичные полы, в частности мозаику южного нефа. В 1902 г. К. К. Косцюшко-Валюжиничем в засыпанном колодце, перекрытом стеной базилики, найдена монета VII в. Находка монеты свидетельствует о том, что базилика не могла быть построена раньше этого времени.

Исследование «уваровского» архитектурного комплекса завершилось в 1953 г. В 1978 г. были проведены окончательная расчистка субструкции одной из мозаик в экзонартексе храма и некоторых строительных остатков, что позволило окончательно определить облик всего архитектурного ансамбля базилики с ее атриумом, двумя башнями, боковыми галереями, крещальней, домом настоятеля (возможно, епископа?) и прочими примыкавшими к ней постройками.

Атриум перед базиликой — широкий парадный двор с колодцем и шестигранным фиалом в центре — справа и слева от входа ограничивали северная и южная галереи с аркадами. С восточной стороны они примыкали к базилике. Возле западных концов обеих галерей, примыкавших к ограде, стояли небольшие, квадратные в плане башни. Две (вероятно, похожие) башни возвышались и над нартексом храма, разделенным на три части арками и колоннами. Экзонартекс представлял собой галерею с широко открытой к западу колоннадой перед фиалом и двумя — справа и слева — глухими «карманами» Вдоль стен стояли каменные скамьи. Мозаичный пол экзонартекса был выложен из крупных «кубиков» разноцветного камня, создававших геометрический орнамент.

В атриум, вымощенный плитами из песчаника, с расположенной выше него поперечной улицы вели два парадных лестничных спуска. На продольную улицу, проходившую вдоль морского берега, вели ворота, расположенные под северной башней атриума. На южную сторону вел еще один вход — между атриумом и южной галереей. Весь этот храмовый ансамбль занимал квартал.

За алтарем базилики проходила еще одна поперечная улица. К северному нефу базилики примыкали сооружения невыясненного назначения, с южной — длинная пристройка, разделенная на три части. Между алтарной апсидой и выступающей к востоку пристройкой находилась более поздняя (X в.) часовня-усыпальница, вход в которую был прорублен в восточной стене южного нефа.

Южнее алтаря и часовни сохранились основания стен небольшой базилики. Она более ранняя, чем описанная выше. В плане почти квадратная,

с «трехлистным» алтарем, тремя нефами и нартексом. Между нею и огражденным стеной проходом в южную галерею размещался «малый двор», занятый зданием баптистерия. С западной стороны того же прохода расположен жилой комплекс, связанный с базиликой. Он представлял собой объединенные под одной крышей помещения, окружавшие с трех сторон

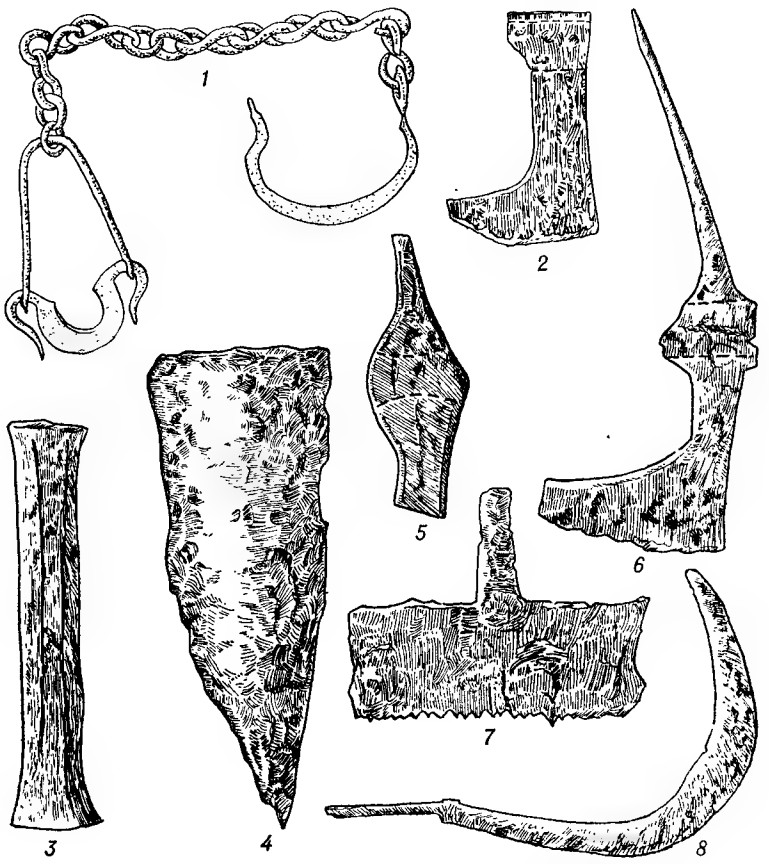


Рис. 133.
Орудия труда из средневековых слоев Херсонеса:

1 — весы;
2 — топор;
3 — зубило;
4 — сошник;
5 — молоток;
6 — топор-мотыга;
7 — гребень для шерсти;
8 — серп.

небольшой внутренний двор с колодцем и входом в южную галерею атриума. Судя по всему, жилище принадлежало настоятелю храма или было резиденцией епископа.

«Уваровская» базилика, возвышавшаяся над морем, была хорошо видна с кораблей, подплывавших к Херсонесу. По найденным при раскопках архитектурным деталям можно предположить, что она построена на месте большого языческого храма. Во всяком случае отлогий склон к морю был еще в древности, задолго до появления базилики, террасирован широкими вырубами в скале и каменными кладками, выровнявшими западающие участки. Нижнюю террасу занимала базилика. «Малый двор» находился на средней террасе. Несколько выше размещалась площадка меньших размеров. На ней находились южные ворота и проход в атриум, отделявший «малый двор» от расположенного здесь же жилого дома, связаного с галереей атриума. К югу, за оградой «малого двора» и епископским домом, на верхней, самой высокой, террасе располагались жилые кварталы, прилегавшие к торговой главной улице.

Описанный архитектурный ансамбль

появился в результате длительных и многократных достроек и перестроек. К V—VI вв. можно отнести лишь малую базилику с «трехлистным» алтарем. В VII в. рядом с ней была построена большая базилика. К последней позднее пристроен экзонартекс, а затем и атриум с галереями. Если последовательность возведения этих сооружений хорошо прослеживается, то их датировка остается еще невыясненной.

Южная пристройка к базилике появилась не ранее X в., так как южный неф, к которому она примыкает, был наново остроен именно в это время. О последнем могут свидетельствовать и окатанные морем осколки синего, ранее неизвестного, кобальтового стекла и известково-песчаный раствор, взятый из стен для анализа, а также две монеты императора Василия, найденные в самой кладке среди забутовки.

Причины, по которым «уваровская» базилика отстраивалась почти заново, не известны. Различия в техническом «почерке» каменной кладки и вяжущими растворами позволяют выделить остатки первоначальной постройки: алтарную апсиду и восточную часть южного нефа. Остальная часть последнего была переложена, причем южная стена наискось сдвинута в сторону от края скального выруба храмовой террасы. В результате образовался косой выступ внутри западного конца нефа. Выступ, очевидно, был скрыт под мозаичным полом, обнаруженным А. С. Уваровым в 1853 г.

В 1902 г. К. К. Косцюшко-Валюжинич раскопал южный неф до скалы. В результате открыты остатки еще одной, более ранней мозаики. Отметим, что в нартексе также были обнаружены остатки мозаики, но иного рисунка, чем открытая А. С. Уваровым. В алтаре, под вымосткой, был найден заклад монет (пережиток строительных жертвоприношений?) и собраны смальты от предыдущей отделки алтарной апсиды. Эти и другие находки из 70-сантиметровой толщи мусора между двумя полами южного нефа — «уваровским» и первоначальным, а также ряд строительных наблюдений дают возможность датировать базилику, как и «мозаику Уварова», X в.

Сзади крещальни, а также между ней и малой базиликой размещались: водосливный колодец, связанный с ним широкий бассейн для сбора и отстоя дождевой и талой воды, небольшая цистерна.

Архитектуру византийского Херсонеса дополняют крестовидные купольные храмы, составлявшие характерную особенность средневекового города.

В начале XX в. при строительстве Владимирского собора была уничтожена группа построек, составлявшая в X в. своеобразный архитектурный комплекс центральной части города, где в древности размещалась агора, оставшаяся главной площадью и в эпоху средневековья. Сохранились остатки выстланной мраморными плитами базилики с кладкой стен в характерной для раннего средневековья технике opus mixtum и два небольших храма X в. План одного из них в виде «свободного креста» приближает эту постройку к упомянутым выше крестообразным усыпальницам возле западной и восточной базилик с тем, однако, отличием, что восточное ответвление заканчивается алтарной апсидой. Храм перекрыт зданием монастырского собора, символизировавшим место крещения Владимира. Остатки второго храма расположены рядом с собором за алтарем базилики.

В градостроительную композицию центра средневекового Херсонеса мог входить и расположенный возле спуска от площади к гавани «храм с ковчегом», возведенный на месте античного театра. Свое название храм получил по найденному в подпрестольном углублении алтаря серебряному ковчегу с мощами, который В. Н. Кондаков датировал VI в.

Крестовидное в плане здание построено целиком из камня разрушенного античного театра. В частности,

углы и откосы проемов сложены из блоков от каменных театральных скамей. «Храм с ковчегом» — наиболее сохранившаяся постройка средневекового Херсонеса: стены уцелели на высоту до сводов перекрытия, полностью сохранилась конха апсиды в пастофории между апсидой алтаря и северным крылом храма. Аналогичная, но без апсиды постройка справа от алтаря служила диаконником. Углы между западной ветвью храма и его северным и южным крылом были застроены двумя портиками, аркады которых опирались на мраморные колонны. Пристройки составляли одно целое с храмом и сообщались дверными проемами в северной, южной и восточной (алтарной) ветвях крестовидного здания. Широкий главный вход в западной стене его западной ветви был скромно оформлен, выделялась только узкая каменная паперть, под которой находилась могила. Могилы-костницы, заполнявшие пространство под мраморным полом храма, придавали храму характер усыпальницы. Кроме того, алтарное возвышение, амвон с омфалием в центре (под куполом), облицованный мрамором синтрон под тремя окнами алтаря и архипастырское кресло, встроенное в синтрон, свидетельствуют о значимости этой постройки.

В 1954 г. ниже пола храма и под насыпью, в которую были «впущены» фундаменты здания, обнаружены монеты императоров Василия и Псевдо-Романа, глазированная керамика X в. [Домбровский, Паршина, 1956]. Открытые материалы заставляют отказаться от прежней датировки этого памятника.

По архитектурному облику «храм с ковчегом» — постройка смешанного типа, как бы переходного от церкви в виде «свободного креста» к церквам, план которых выглядит как крест, вписанный в четырехугольный абрис.

О том, что в зодчестве Херсонеса происходило, как и повсюду, контаминирование различных архитектурных форм и планировочных решений, свидетельствует еще один выдающийся памятник — загородный крестовидный храм [Косцюшко-Валюжинич, 1904], стоявший среди весьма древнего кладбища. Этот храм и его широко известная мозаика в 1902 г. были датированы VI в., но в итоге раскопок 1953—1954 гг., проведенных после перенесения мозаики на территорию Херсонесского историко-археологического заповедника, также нуждаются в передатировке.

Первоначально здание имело форму «свободного креста» с дверьми в торцовых стенах каждой ветви. В результате раскопок выяснилось, что крестовидный храм был воздвигнут над остатками до фундамента разрушенной часовни, построенной над склепом архаичной трехлистной формы. Часовня датируется VI в. на основании найденных под плитами ее пола монет Феодосия и Юстиниана.

Насыпь толщиной до 1,5 м, выровнявшая косогор для первоначального цемяночного пола храма, содержала керамику не ранее X в., что и определяет время сооружения этого храма. К еще более позднему времени можно отнести опубликованные К. К. Косцюшко-Валюжиничем армянские надписи — граффити и роспись его стен по штукатурке, явно вторичной. Следы разрушения и перестройки видны в кладке стен: был утрачен купол, убраны мрамор колонны, стоявшие в углах подкупольного квадрата и поддерживавшие паруса, пол, ранее мраморный (по цемяночному настилу), был заменен мозаичным, перекрывшим места, где стояли базы колонн. Под мозаикой пола в слое строительного мусора оказались жалкие остатки мозаичной отделки разрушенного купола.

Во втором строительном периоде изменился не только интерьер, но и внешний вид загородного храма — он стал терять крестовидную форму: были наполовину заложены и переделаны все окна и двери, кроме западной; в восточном крыле устроено возвыше-

ние и поставлен синтрон, что превратило его в алтарь; в углах между его восточной (теперь алтарной) ветвью и северным и южным крылом храма сооружены жертвенник и диаконник (с маленькой круглой апсидой).

Для сообщения с пристройками проемы окон в боковых стенах алтаря, южной и западной ветвей были прорублены до пола и переделаны в двери. В окончательном виде загородный храм напоминает «храм с ковчегом».

Возле южной стены западной части здания обнаружен колодец, который питала длинная водосборная галерея (так называемый подземный ход), прорубленная в скале под храмом.

Мощные фортификационные сооружения Херсонеса не отличались каким-либо интересным архитектурным решением. Их строители преследовали исключительно утилитарные цели. Тем не менее куртины оборонительных стен и руины боевых башен свидетельствуют о развитом строительстве и высоком для своего времени искусстве зодчих, профессиональном опыте мастеров-строителей, артели которых оставили на стенах свои знаки-клейма. За исключением стен западной (напольной) стороны города, которые отодвинули к западу от снесенных античных для расширения городской территории, остальные стены и башни возводились на основе более древних. Раскопками на уровне материка открыты три основных яруса этих сооружений — эллинистический, римский, средневековый. Каждый из них имеет свои характерные черты, несмотря на повторное использование одних и тех же камней. Отметим, что в кладках припортовых куртин X в. встречены блоки от театральных скамей. Как видим, руины античного театра долго служили своего рода каменоломней.

Наиболее внушительно выглядит так называемая башня Зенона (по имени субсидировавшего постройку императора), возвышающаяся над портом в южном конце оборонительной линии. Основанием этой круглой башни была постройка IV в., которая на протяжении столетий обстраивалась и утолщалась новыми каменными панцирями.

Период расцвета экономики и культуры средневекового Херсонеса длился до XIII в., когда его роль как основного для средневекового Крыма центра торговли и культуры стала сокращаться. Торговый путь «из варяг в греки» переместился далеко на восток от Херсонеса, туда же передвинулась и международная торговля.

Восточные районы полуострова постепенно выходят из-под влияния Херсонеса, с XII в. подчинявшегося Трапезундской «империи», но южная и главным образом юго-западная часть полуострова еще признают его верховенство, составляя округу, получившую теперь название «фемы климатов». Климаты Таврики являлись областью горных укреплений, защищавших мелкие владения феодального и полуфеодального характера. Возможно, поздний Херсонес оставался для населения «фемы» своего рода военно-политическим символом, объединявшим и направлявшим усилия «общин Готии» в борьбе с половцами и татарами, постепенно захватывавшими степные просторы и предгорья полуострова.

В конце XIII в. и без того обедневший Херсонес перенес разорительное нападение ордынского хана Ногая. С этого времени город постепенно приходит в упадок.

Территориальный рост Херсонеса прекратился одновременно с угасанием его заморской торговли, но связи его с ближайшей земледельческой округой стали теснее. По археологическим данным заметны перестройка города, аграризация его экономики, выразившаяся в сельскохозяйственном освоении ближайшей территории Херсонеса. По-видимому, возросла роль и городского ремесла — гончарного, строительно-керамического, железоделательного. В культурных отложениях этого времени встречаются

мелкие каменные жернова от ручных домашних мельниц, крупорушки, лепная и кружальная посуда местного производства, керамическая тара и черепица, железные лемеха, серпы, мотыги, чесалки для шерсти, топоры и наковаленки, различные плотничные, слесарные, столярные инструменты.

Городские мастера изготовляют разнообразные изделия (наряду с разнообразным рыболовецким инвентарем) не только для нужд горожан, но и для продажи в окрестные села или небольшие города, возникшие возле наиболее значительных укреплений «фемы климатов». Об этом, например, свидетельствуют материалы раскопок Мангупа и особенно Эски-Кермена. Среди многочисленных изделий, характерных для средневекового Херсонеса, найдены импортные, поступавшие в город.

До самой своей гибели Херсонес в какой-то степени сохранял значение морского порта. Но уже в XII-XIII вв. ту же роль играет и ближайшая к нему (при впадении р. Черная в северную бухту), но вряд ли ему подчиненная крепость Каламита [Бертье-Делагард, 1918]. В это же время возрастает и торговое значение гавани в бухте Чембало (современная Балаклава), принадлежавшей «владетелю Мангупа и Поморья». Однако она, как и южнобережные Горзувит, Алустон и другие береговые крепости, вскоре становится предметом притязания быстро развивавшейся генуэзской колонии.

После прекращения роста города в нем перестают сооружаться монументальные здания. Вместо больших базилик и центральнокупольных храмов строятся многочисленные — по две-три в каждом квартале — небольшие часовни, служившие нередко и семейными усыпальницами. Так как численность населения Херсонеса на протяжении длительного времени не уменьшалась, то строительная деятельность протекала на очень ограниченном пространстве: перестраиваются дома и дворы, перепланируются кварталы. Передел домовладений приводил к появлению среди старых кварталов новых небольших площадей, переулков, тупиков. Из-за тесноты нарушались правила фортификации. Многие дома пристраивались вплотную к оборонительным стенам, общественным зданиям, захватывали часть улицы или площади, нарушали ранее созданные архитектурные ансамбли.

В качестве примера можно привести почти раскопанный квартал, примыкавший к «храму с ковчегом». Расположенный рядом с оборонительной стеной и воротами, он первым и наиболее сильно пострадал от пожара и разорения в результате ордынских вторжений в конце XIV в. «Закрытые комплексы» его сгоревших и обнаруженных раскопками домов дают яркое представление о жизни их хозяев. Дома в этой части города можно считать большими и зажиточными: в каждом имелось не менее двух-трех помещений, в их числе кладовые с продовольственными запасами, жилые комнаты с разнообразной домашней и хозяйственной утварью, простой и высокохудожественной глазированной посудой. Последняя ценилась и сохранялась, переходя от одного поколения к другому.

Самый большой из открытых здесь домов мог принадлежать священнику «храма с ковчегом»: главный вход дома вел прямо к паперти. Внутри дома найдены медные кацея и хорос — церковные предметы, благодаря чему и атрибутирован дом.

Вторая дверь в северной торцовой стене просторного помещения, вытянутого с севера на юг, вела в чулан, в углу которого находился очаг. К южной торцовой стене главного помещения примыкала темная кладовая. Над кладовой была фахверковая надстройка — горница, куда вела, найденная полусгоревшей, деревянная лестница, на перилах которой висела для просушки рыбацкая сеть, густо унизанная керамическими грузилами. К глухой западной стене помещения крепи-

лись дощатые полки с посудой (мисками и кувшинами). Здесь найдены: небольшая амфора с отбитым горлом, наполненная коваными гвоздями; инструменты: зубатка, молоток, струг, щипцы, садовый нож. Кацея и хорос находились в «красном углу» и, очевидно, хранились вместе с иконами (также сгоревшими). Посреди помещения стояли длинный стол и две лавки, а третья стояла вдоль южной стены. В кладовой обнаружены in situ три пифоса (один с остатками соленой хамсы), обломки нескольких амфор; дорогая глазированная посуда разбилась, провалившись сюда из сгоревшего верхнего помещения.

Несмотря на экономический спад и политическое ослабление Херсонеса, изделия местных мастеров отличаются разнообразием форм, качеством выделки и нередко художественным совершенством.

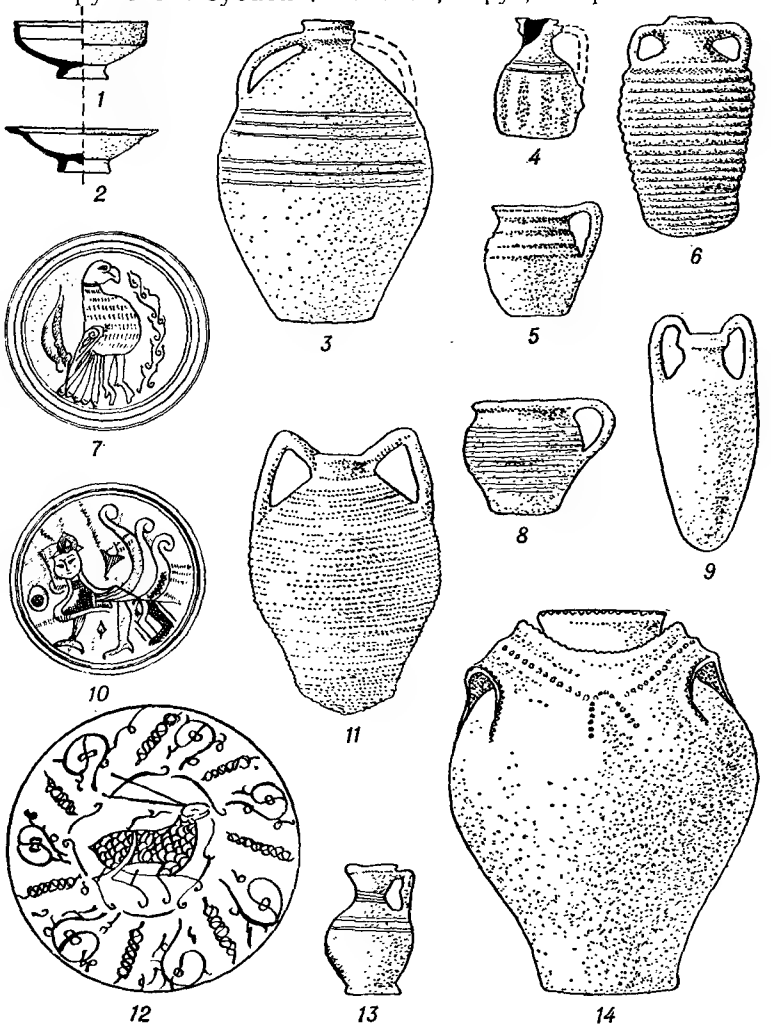


Рис. 134.
Столовая посуда и керамическая тара из Херсонеса:
1—2 — миски;
3, 6, 9, 11, 14 — амфоры;
4 — столовый кувшин;
5—8 — горшки;
7, 10, 12 — глазированные блюда;
13 — ойнохоя.
1—3, 5, 7, 9—14 — XII—XIII вв.; 4, 6, 8 — IX—X вв.

Важнейшим из производств по-прежнему было гончарное. В его продукции главное место принадлежало простой и дешевой (но тем не менее красивой) кухонной посуде: мискам, горшкам, кувшинам и т. п., а также таре — амфорам и пифосам различных форм и размеров, нередко с врезными волни-

стыми линиями, зональным рифлением и прочими нехитрыми украшениями. Высота амфор и пифосов колеблется от 0,9 до 1,2 м.

Большую группу керамических изделий составляла красноглиняная столовая посуда с росписью белым ангобом по красной глине или глазированные по светлому ангобу миски, тарелки, мелкие кувшины и пр. Привлекает особое внимание дорогая посуда, покрытая цветной глазурью, украшенная разнообразными растительными и геометрическими орнаментами, изображениями реальных и мифических животных, всадников (возможно, сцены охоты или же подвиги Георгия Победоносца). Художественная технология разнообразна: глазурь — многоцветная или монохромная; рисунок — то росписью, то врезной линией, иногда дополняемой так называемой выемкой, дающей внутри контуров темные красно-коричневые пятна. Иногда трудно отличить местные изделия от привозимых из городов Малой Азии, Балкан, Закавказья. Попадая в Херсонес, они становились образцами для местных мастеров — им подражали, их формы, мотивы художественной отделки варьировались и перепевались на свой лад, но с неменьшими вкусом и виртуозностью. Одним из шедевров херсонесских гончаров по праву можно назвать оригинальную по композиции тарелку из помещения «дома священника»: на ней изображе-

Рис. 135. Мозаика в подкупольном квадрате Западного крестовидного храма в Херсонесе.

на сцена охоты большой хищной рыбы за мелкими, переданная реалистично, с экспрессией и композиционным чутьем, свидетельствующая о том, что мастер творчески овладел художественным стилем своего времени.

Особое место в керамике Херсонеса занимают амфоры — основная тара для жидких и сыпучих продуктов. Обычная их высота 0,35—0,55 м. Наиболее распространенным типом были широкие грушевидные круглодонные амфоры с низкой шейкой и двумя высоко поднятыми ручками. Их удобно было перевозить морем, вкапывая в песок, насыпанный в трюм корабля. Производились и мелкие толстостенные амфоры удлиненной формы — они использовались для транспортировки наиболее ценных сортов масла и вина. Были в ходу и плоскодонные амфоры с двумя или тремя плоскими ручками, нередко украшенные точечным узором или линейным волнистым орнаментом по плечикам. Эти сосуды применялись в быту.

Бытовой тарой, как всегда, служили и кувшины. Назовем мелкие кувшинчики, подававшиеся к столу,— их формы и отделка были наиболее разнообразными. Большинство кувшинов имело высокие фигурные венчики со слегка оттянутым сливом; другие — водолеи для омовений — имели длинный носик в виде трубочки, прикрепленный к корпусу. Кувшины украшались линейным нарезным орнаментом, росписью ангобом, покрывались глазурью, иногда полихромной, с рисунком, повторявшим мотивы украшения тарелок, мисок, блюд. Очевидно, изготовлялись и столовые сервизы, предназначавшиеся для парадных и праздничных трапез.

Производство строительной керамики ограничивалось в основном черепицей, находившей выгодный сбыт не только в самом Херсонесе, но и в его окрестностях. Так как камень для строительства был в избытке, то отсутствовала надобность в глиняных кирпичах. Поэтому в Херсонесе не развивалось производство плинфы. Спрос на водопроводные гончарные трубы был большим. Они встречаются в обломках и целые не только в Херсонесе, но и за его пределами. Плоская прямоугольная черепица была меньших размеров, чем античная (0,4—0,42×0,34—0,36 м); ее бортики ниже, и профили их различны. Поэтому попытку типологизации бортиков для установления хронологии [Якобсон, 1950] приходится признать безрезультатной.

Отметим, что в развитом средневековье тут преобладали односкатные кровли из плоской черепицы с наклоном чаще всего во двор — для собирания дождевой воды; двухскатные или более сложные кровли известны лишь на церквах. Желобчатая черепица, подобная античному калиптеру, использовалась только для их коньков и изготовлялась в ограниченном количестве. Плоская черепица в это время кладется уже иначе: ряды керамид, уложенных одна на другую бортиком кверху, расставлены далеко один от другого, а промежутки между ними перехвачены керамидами, положенными бортиком книзу.

Стены подавляющего большинства домов сложены из бута на грязевом растворе. Они достаточно широки (около 75—78 см), чтобы нести на себе второй этаж, скорее всего, фахверковый: с хворостяным или дощатым заполнением деревянного каркаса и двусторонней штукатуркой и побелкой. Дома стоят очень тесно и носят следы неоднократных переделок. Так, вплотную — «спиной к спине» — к «дому священника» находился другой, состоявший из двух просторных помещений, пристроенных к той же амфилемме, сначала сообщавшихся между собой и имевших общий выход во двор. Через какое-то время дверные проемы были заделаны и в каждом из помещений были прорублены новые двери наружу, а большее из них разделено каменной перегородкой на две комнаты. Очевидно, подобная пере-

стройка была вызвана изменениями в семейных отношениях владельцев дома. Через некоторое время уменьшился и двор — значительная часть его отошла под переулок, проложенный среди домов и между храмами «с ковчегом» и «1958 г.». При этом была уничтожена церковная ограда «храма с ковчегом» и образовался выход на улицу, ведущую от городского центра к гавани. Новый переулок упирался в апсиду небольшой часовни, построенной, как и дома, из бута на грязевом растворе. На тесную площадку вокруг часовни выходили двери домов, однообразных по планировке и также со следами переделок и перестроек.

Напротив «храма 1958 г.» на краю невысокого косогора, отступя от городской стены, стоял «дом 1972 г.» с дверью, выходившей в узкий тупик между домом и храмом, служивший двором. Северный торцовый фасад дома, обращенный к переулку, отделявшему его от «дома священника», был глухим. Постройка тоже погибла от пожара. Рухнувшая кровля приглушила огонь, так как рухнувшие деревянные стропила, мебель и пр. найдены под слоем битой черепицы полусгоревшими, что позволило реконструировать и внешний вид, и интерьер погибшего здания. В кладовой этого дома найдены разбитые пифосы, амфоры (в том числе две плоскодонные и орнаментированные, с тремя плоскими ручками), два жернова и два гончарных маховика из обожженной глины. Очевидно, хозяин дома был гончаром, а наличие рухнувшей сверху импортной глазированной посуды малоазийского облика и прочая сохранившаяся обстановка свидетельствуют о том, что хозяин мастерской был довольно зажиточным человеком.

Если в северном помещении «дома священника» удалось лишь раскрыть интерьер, то в аналогичном помещении «дома 1972 г.» нами восстановлена картина происшедшего здесь трагического события. Находки золотоордынских монет на вымостке переулка-тупика, наконечник татарской стрелы свидетельствуют о том, что связи Херсонеса с Золотой Ордой не всегда были мирными. Судя по размещению остатков деревянной утвари, можно прийти к выводу, что посреди помещения стоял стол со скамьями. В момент падения кровли на столе была накрыта трапеза: среди его обуглившихся остатков найдены четыре расколотые тарелки со скорлупой куриных яиц, куриные кости, четыре разбитых столовых кувшина, покрытые зеленой глазурью, и маленькие глубокие миски для питья с высокими краями и небольшим поддоном, крохотный сосуд, напоминающий детскую игрушку, мог быть солонкой. В углу за очагом, на котором стоял большой, прокопченный от частого употребления горшок, найден скелет кошки, забившейся туда с мышью в зубах.

Дверь комнаты открывалась внутрь и была оставлена открытой, она упала наискосок от проема: удалось проследить ее очертания, кроме того, на месте остался железный замок. В переулке, возле порога, найдена маленькая золотая сережка, вероятно, потерянная в момент бегства одной из обитательниц дома. Ближе к городской стене и углу «храма 1958 г.» под хаотическим каменным завалом, найдены смешанные человеческие кости и черепа семи человек. Раскопки показали, что тела как бы были брошены друг на друга: то ли упали они так в рукопашной схватке, то ли их спешно — после битвы — зарыли среди развалин. Описанное событие могло произойти в момент последнего, в конце XIV в., татарского нападения на Херсонес. После этого разрушения и грабежа Херсонес уже не смог подняться из пепла. В портовой части города, по-видимому, еще какое-то время теплилась жизнь, но некогда блестящий центр торговли, ремесла и культуры превратился в рыбацкую деревню, а вскоре и последние херсонеситы покинули это место.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Одним из важнейших источников для изучения этно-культурных и социально-экономических процессов Юго-Восточной Европы в I тыс. н. э. являются археологические материалы.

В настоящее время установлено, что начиная с рубежа нашей эры и до раннего средневековья (VI—VII вв.) на территории Украины существовало более десяти археологических культур*. Их сравнительное изучение показало, что такие культуры, как зарубинецкая, киевская и, частично, черняховская, отражают процессы длительного автохтонного развития населения Юго-Восточной Европы на рубеже и в первой половине I тыс. н. э. Памятники остальных культур оставлены в разное время населением, приходившим на земли Украинской ССР с юго-востока (скифы, сарматы), юго-запада (латенская, лукашевская, липицкая, а также культура карпатских курганов), с запада и северо-запада (пшеворская и вельбарская культуры). Сосуществование этих культур с местными, их взаимовлияние, а также интеграция большинства их элементов является одной из важнейших черт развития материальной культуры этого региона в I тыс. н. э.

Взаимоотношения различных по своему происхождению и этнической принадлежности групп населения, оставивших названные памятники, были сложными, и поэтому они не всегда могут быть до конца раскрыты. Однако остается неприложным тот факт, что в результате эволюционного развития к V в. н. э. на огромной территории от Сейма до верховьев Прута и Днестра появляются памятники, для которых, с одной стороны характерны черты, близкие к киевской и днестровской группам черняховских древностей, а с другой — свойственные славянским раннесредневековым культурам (колочинской, пеньковской, пражской).

Переходными памятниками от позднеримских к раннесредневековым являются открытые в последние годы поселения V в.: Теремцы и Сокол на Днестре, Хлопков на Киевщине, Хитцы в устье р. Удай (приток Сулы) и др.

Корни процессов приведших к сложению славянских раннесредневековых культур, берут свое начало во II—I тыс. до н. э., что позволяет сделать важный исторический вывод о том, что современная территория Украины, в частности междуречье Днепра, Днестра и Вислы, входила в регион формирования славянской этнической общности, то есть, что это земли древнейшей славянской прародины. Именно здесь происходили процессы сложения славянских раннесредневековых культур — пражской и пеньковской. Началом их сложения можно считать время разгрома гуннами готского объединения и славяно-готские войны, описанные Иорданом. Эти события, а также упадок римской империи, вызвали глубокие и сложные этнокультурные и социально-экономические перемены, положившие начало средневековью в Юго-Восточной Европе.

Гуннское нашествие в 375 г., разгром существовавших племенных союзов и отход значительной части населения (готы, аланы) на юго-запад, создают новую политическую обста-

* Мы учитываем древности поздних скифов и сармат, полная характеристика которых дана во втором томе настоящего издания.

новку. В конце IV — начале V в. в Юго-Восточной Европе на месте распавшегося готского объединения, состоявшего из разных этнических группировок степного и лесостепного населения, складывается новая культурно-этническая общность, ведущее место в которой занимают славяне. По социально-экономической модели эта общность наиболее близка к киевской культуре. Письменные источники упоминают славянские пламена антов и склавинов. С ними и связываются памятники VI—VII вв., соответственно, пеньковской и пражской культур.

Планомерное изучение славянских раннесредневековых поселений и полное исследование некоторых из них (Рашков III) позволило поставить вопрос о социальной структуре славянской общины. В V—VII вв. для нее характерны: групповое расположение селищ (от двух до пяти и более в одном гнезде); отсутствие в большинстве из них значительных административно-политических центров — городищ; групповая застройка поселений с общими площадками-дворами и хозяйственными постройками; количественное преобладание жилищ над хозяйственными помещениями; отсутствие на поселениях признаков имущественной дифференциации; начавшееся выделение индивидуальных усадеб и пр. Основной экономической ячейкой сельской общины была большая патриархальная семья, состоявшая из малых семей, определяемых количеством одновременных жилищ, расположенных группами, составляющие отдельные дворы-хозяйства. Наряду с выделившимися единичными индивидуальными хозяйствами в экономической области они выступают как соседи, хотя еще прочно сохраняют черты родовообщинного строя. Все это позволяет заключить, что славянские селища V—VII вв. отражают развитие славянской общины на этапе ее перехода от родовой к соседской.

Важнейшей особенностью периода, известного как эпоха переселения народов, является широкое расселение славян на юг в Подунавье и на Балканский п-ов, вверх по Дунаю на запад в междуречье Эльбы и Одера, Эльбы и Заале, где возникают новые славянские культуры, изучаемые в настоящее время археологами многих стран Центральной Европы [Herrmann, 1970].

После завершения интенсивного расселения славян в V—VII вв. начинается период стабилизации славянского общества. В конце VIII—IX вв. намечается значительный подъем всех отраслей хозяйственной деятельности, особенно, земледелия с применением плуга, металлургии, возрождается гончарное ремесло. Наряду со значительными экономическими сдвигами продолжаются процессы социального развития — сложения территориальной общины, зарождение городских центров, углубление социального расслоения. На территории Восточной Европы создаются новые значительные племенные образования, союзы племен, представленные памятниками VIII—X вв. типа Луки-Райковецкой, волынцевской и роменско-боршевской культур. Среди них ведущую роль играло объединение «Руси полян и северян». Именно это объединение и стало ядром формирования древнерусской государственности [Рыбаков, 1982, с. 567].

В IX в. в результате длительного внутреннего развития восточнославянских племен сложилось одно из крупнейших государств средневековой Европы — Киевская Русь. Политическая форма государства — раннефеодальная монархия на первом этапе (IX — 30-е годы XII в.) и федерация русских княжеств с центром в Киеве на втором (30-е годы XII в. — 30-е годы XIII в). Территория, занимаемая славянскими объединениями простиралась от Балтики до Черного (Русского) моря и от Закарпатья до Волги. На протяжении XI — начала XII в. на политической карте Руси возникло около 15 больших феодальных княжеств, из которых Киевское, Черниговское, Переяславское, Владимир-Волынское и

Галицкое находились в пределах современной территории Украинской ССР. Их археологическому изучению и посвящена вторая часть настоящего тома.

История Киевской Руси сравнительно хорошо освещена в письменных (отечественных и иностранных) источниках. Однако без исследования археологических памятников, комплексного изучения материальной культуры, многие явления в ее жизни не могут быть поняты в полной мере. К их числу относится, прежде всего, проблема средневекового города, рождение и развитие которого теснейшим образом связано с рождением и развитием Древнерусского государства.

Археологическое изучение городов Южной Руси — Киева, Чернигова, Переяславля, Новгорода-Северского, Любеча и других, позволяет определить три хронологических этапа их становления. Первый — датируется VI—VII вв., когда восточные славяне консолидируются в крупные союзы племен, создают ранние, военно-демократические формы государственности. При этом следует учитывать, что в межплеменных центрах — эмбрионах городов — заложена лишь возможность превращения их в раннефеодальные города, реализовывавшаяся только при исключительно благоприятных условиях. Многие укрепленные «грады» VI—VIII вв. так и не стали городами. Они были сожжены кочевниками или же оставлены населением из-за изменившихся условий жизни.

Второй этап датируется концом VIII—IX вв., когда в сельском хозяйстве, ремесле, торговле, а также социальных отношениях достигается такой уровень, при котором некоторые средоточия племен или союзов племен превратились в настоящие раннефеодальные города (Киев, Чернигов, Псков, Полоцк, Изборск, Ладога и др.). К этому времени относится и сложение в Среднем Поднепровье на базе бывших княжений (полянского, древлянского и северянского) государственного образования «Русская земля» во главе с Киевом.

Третий этап становления древнерусских городов, относится к X—XIII вв. Он проходил в системе оформившегося государственного организма и характеризовался чрезвычайным многообразием форм. Городами становились княжеские замки, порубежные крепости, монастырские усадьбы, торгово-ремесленные поселки.

Города Южной Руси, как и других регионов Древнерусского государства, представляли собой сложные социально-экономические организмы, отличавшиеся друг от друга не только экономической основой развития, но и местом в государственной структуре. Их социальную иерархию можно представить сегодня следующим образом: города-столицы земель (Киев, Чернигов, Переяславль, Галич, Новгород-Северский, Владимир), для которых характерны многофункциональные признаки; города-столицы уделов (Путивль, Курск, Белгород, Вышгород, Юрьев, Торческ, Луцк, Звенигород) с преобладанием всего нескольких городских функций; провинциальные города (Любеч, Родень, Воинь, Чучин, Любомль, Каменец), чье развитие определялось одной, реже — несколькими функциями.

Общей чертой всех древнерусских в том числе и южнорусских городов была аграрность. Это проявлялось не только в том, что земледельческий потенциал обеспечивал необходимый прибавочный продукт для существования городов, но и в непосредственной связи с сельским хозяйством. В городах, о чем свидетельствуют письменные и археологические источники, проживали лица владевшие землей, а также население, занятое в сфере сельскохозяйственного производства. Разумеется, города являлись и крупными центрами ремесла.

Широкие археологические исследования, развернувшиеся в южно-русских городах, позволили изучить вопросы градостроительства и планировки, монументального зодчества и мас-

совой гражданской архитектуры. Особый интерес представляют памятники монументального зодчества, являющиеся своего рода индикатором уровня исторического развития Древнерусского государства. Они отражают его широкие культурные связи со многими странами, содержат ценные сведения об идеологии, искусстве, организации ремесла. Возникнув под влиянием византийской строительной традиции, древнерусское монументальное зодчество уже в ранний период приобретает ярковыраженные национальные черты. Одним из крупнейших центров монументального зодчества, оказавшим глубокое влияние на архитектуру всех земель древней Руси, был Киев. В нем, а также и в других южнорусских центрах, в течение X—XIII вв. возведено около 120 монументальных каменных построек, что составляет примерно половину их общедревнерусского количества.

Для массовой жилой застройки южнорусских городов были характерны два конструктивных типа: срубный и каркасно-столбовой. Их плановая структура была одно- и двухчастной. Основным звеном являлась усадьба, состоявшая из жилого дома и двух-трех хозяйственных построек.

Картографирование древнерусских неукрепленных поселений, городищ, а также могильников показывает, что Южная Русь была одним из наиболее заселенных регионов Древнерусского государства. В социальном отношении неукрепленные поселения представляли собой земледельческие села, укрепленные — феодальные усадьбы. Раскопки Райковецкого, Колодяжинского и других городищ, где обнаружен богатый вещевой материал, прежде всего, орудия сельскохозяйственного производства, свидетельствуют о том, что основной хозяйственной деятельностью этих замков было земледелие. Почти на каждом из них обнаружены и следы ремесленного производства, обслуживавшего ближайшую сельскохозяйственную округу.

Изучение орудий сельскохозяйственного производства, а также видового состава злаковых показывает, что земледелие в эпоху Киевской Руси находилось на высоком агротехническом уровне. Количество производимой им сельскохозяйственной продукции превосходило потребности самих производителей и создавало значительный прибавочный продукт. Это служило основой поступательного экономического развития Древнерусского государства.

В результате многолетних раскопок древнерусских городов, городищ, неукрепленных поселений и могильников накоплен огромный материал для характеристики древнерусского ремесла. На городских посадах, в вотчинных и монастырских мастерских работали ремесленники более чем 60-и специальностей. Уже к X в. они освоили ряд сложных в техническом отношении производств: обработка железа и стали, литье ювелирных изделий в каменных формочках, изготовление строительной керамики. К началу XI в. относится овладение секретами стеклоделия, эмали, черни, зерни, глазури. В этих отраслях древнерусские (главным образом киевские) ремесленники достигли подлинного совершенства. В XII—XIII вв. ремесленное производство развивалось главным образом под воздействием рынка и обладало огромным потенциалом. В одних только киевских кладах (их найдено около 60) насчитывалось более 3 000 изделий из золота, серебра, сплавов. Находки изделий киевских кузнецов, керамистов исчисляются десятками тысяч.

Высокого уровня развития достигли в Киевской Руси отрасли ремесла, связанные со строительным делом: дерево- и камнеобрабатывающее, изготовление кирпича, извести. В Киеве, Суздали и некоторых других центрах обнаружены остатки мощных мастерских по обжигу плинфы и извести. В киевских печах за один производственный цикл обжигалось около 600 бочек извести.

Успехи в области сельскохозяйственного и ремесленного производства явились основой для развития торговли. Уже в IX—X вв. на Руси произошло третье разделение труда: выделилось сословие купцов. В XII—XIII вв. они объединились в торговые корпорации по принципу специализации торговли отдельными видами товаров («Ивановское сто» в Новгороде) или торговли с отдельными странами (летописные «гречники» и «залозники»).

Русь осуществляла и широкую международную торговлю. В VIII—IX вв. главными ее торговыми контрагентами выступали страны Арабского Востока, о чем свидетельствуют не только письменные источники, но и арабские дирхемы, найденные на русских землях десятками тысяч. В конце IX—XII вв. основным торговым партнером Киевской Руси является Византия. Активные торговые связи поддерживала Русь со скандинавскими, центрально- и западноевропейскими странами, Кавказом, Прибалтикой. Русь вывозила на внешние рынки мех, мед, воск, кожу, некоторые виды ремесленной продукции, например, оружие, трубчатые замки, энколпионы, а также рабов. Предметами ввоза были золото и серебро, дорогие ткани, вино, овощи, масло, серебряная и стеклянная посуда.

Торговля явилась прогрессивным фактором в развитии Киевской Руси. Она стимулировала рост производительности труда в сельскохозяйственном и ремесленном производстве, способствовала укреплению экономических связей между отдельными районами страны.

Одной из важнейших категорий археологических памятников, способствующей более полному раскрытию духовной культуры Киевской Руси, являются памятники эпиграфики. Берестяные грамоты Новгорода и других городов Северной Руси, граффити на стенах соборов, керамических сосудах, шиферных пряслицах свидетельствуют о том, что письменность на Руси не была привилегией духовенства и феодальных слоев населения.

Изучение памятников материальной и духовной культуры IX—XIII вв. свидетельствуют о том, что накануне нашествия орд Батыя древняя Русь входила в число наиболее развитых стран средневековой Европы. Нашествие прервало дальнейшее развитие Древнерусского государства. Большинство населенных пунктов Южной Руси погибло в страшные 1239—1240 годы.

Судьбу древней Руси разделили и ее соседи. Речь, прежде всего, идет о районах Северного Причерноморья, Крыма и Приазовья, где молодое Древнерусское государство с первых дней своего существования успешно конкурировало с Византийской империей. Особенно прочными были позиции Руси в Приазовье. С IX—X вв. в сферу ее политического влияния попал и Крым. В XI—XIII вв. в аналогичном положении пребывало и Днестро-Дунайское Понизовье, значительный процент населения которого составляли славяне.

Попытки Византии вытеснить Русь из этих районов не имели успеха. Традиционно Северное Причерноморье тяготело не к метрополии (Греции, Риму, Византии), а к соседним с ним материковым территориям с древней высокой культурой земледелия и скотоводства. Этим и объясняется включение в настоящий том материалов по археологии средневекового Крыма, Причерноморья и Степного Поднепровья.

Таким образом, объемный и многообразный археологический источник, представленный в третьем томе, открывает широкие возможности для реконструкций этнокультурных и социально-экономических процессов, приведших к сложению восточнославянских межплеменных объединений, к созданию крупнейшего раннефеодального государства — Киевской Руси, сыгравшего выдающуюся роль в истории средневековой Европы.

ПРИМЕЧАНИЯ

Маркс К. Немецкая идеология.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 3, с. 7—544.

Маркс К. К критике политической экономии.— Там же, т. 21, с. 1—167.

Маркс К. Капитал. Т. 3.— Там же, т. 25.

Энгельс Ф. К истории древних германцев.— Там же, т. 19, с. 442—494.

Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства.— Там же, т. 21, с. 23—178.

Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм.— Полн. собр. соч., т. 18, с. 7—380.

Часть первая

Абашина Н. С., Гороховський Є. Л. Кераміка пізньозарубинецького поселения Обухів III.— Археологія, 1975, вип. 18, с. 62—71.

Айбабин А. И. Погребения второй половины V— первой половины VI вв. в Крыму.— КСИА АН СССР, 1979, вып. 158, с. 22—34.

Амброз А. К. Экономические связи и передвижение народов на юге Европейской части СССР в I в. до н. э.— IV в. н. э.: Автореф. дис. ...канд. ист наук.— М., 1964.— 24 с.

Амброз А. К. Фибулы юга Европейской части СССР (II в. до н. э.— IV в. н. э.).— М.: Наука, 1966.— 113 с.—(САИ; ДІ-30).

Амброз А. К. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы.— СА, 1971а, б, № 2, с. 96—124; № 3, с. 106—134.

Амброз А. К. Стремена и седла раннего средневековья как хронологический источник (IV—VIII вв.).— СА, 1973, № 4, с. 81—98.

Амброз А. К. Хронология раннесредневековых древностей Восточной Европы V—IX вв.: Автореф. дис. ...д-ра ист. наук.— М., 1976.— 34 с.

Амброз А. К. Бирский могильник и проблемы хронологии Приуралья в IV—VII вв.— В кн.: Средневековые древности евразийских степей. М., 1980, с. 1—56.

Амброз А. К. Восточноевропейские и среднеазиатские степи V — первой половины VIII в.— В кн.: Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981, с. 38—42.

Антонова И. А., Даниленко В. Н., Ивашута Л. П. и др. Средневековые амфоры Херсонеса.— В кн.: Античная древность и средние века. Свердловск, 1971, с. 81—101.

Артамонов М. И. Средневековые поселения на Нижнем Дону.— М., 1935, 118 с.— (ИГАИМК; Вып. 131).

Артамонов М. И. Археологические исследования в Южной Подолии в 1952—1953 гг.— КСИИМК, 1955, вып. 59, с. 100—117.

Артамонов М. И. История хазар.— Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1962.— 523 с.

Артамонов М. И. Вопросы расселения восточных славян и советская археология.— В кн.: Проблемы всеобщей истории. Л., 1967, с. 21—69.

Артамонов М. И. Етническата принадлежност и историческото значение на пастирската култура.— Археология, София, 1969, № 3, с. 3—28.

Аулих В. В. Славянское поселение у с. Рипнева (Рипнев I) Львовской области.— МИА, 1963, № 108, с. 366—381

Ауліх В. В. Зимнівське городище.— Киев: Наук. думка, 1972.— 123 с.

Бабенко В. А. Памятник хазарской культуры на юге России. Каменный город.— В кн.: Тр. XV Археол. съезда. М., 1914, т. 1, с. 464—470.

Балагурі Є. А., Бідзіля В. І., Пеняк С. І. Давні металурги Українських Карпат.— Ужгород, 1978.— 124 с.

Баран В. Д. Поселення перших століть нашої ери біля с. Черепин.— К.: Вид-во АН УРСР, 1961.— 124 с.

Баран В. Д. Памятники черняховской культуры в бассейне Западного Буга.— МИА, 1964, № 116, с. 213—250.

Баран В. Д. Поселення черняхівської культури поблизу с Дем'янів у Верхньому Подністров'ї.— Археологія, 1971, вип. 1, с. 103—113.

Баран В. Д. Раскопки раннеславянского поселения в с. Зеленый Гай на Днестре.— АО 1966 г., М., 1967, с. 236—237.

Баран В. Д. Ранні слов'яни між Дністром і Прип'яттю.— К.: Наук. думка, 1972.— 234 с.

Баран В. Д. Славяне в середине I тысячелетия н. э.— В кн.: Проблемы этногенеза славян. Киев, 1978, с. 5—39.

Баран В. Д., Некрасова А. Н. Славянские поселения у с. Рашков на Днестре.— АО 1977 г. М., 1978, с. 294—295.

Баран В. Д. Черняхівська культура (за матеріалами верхів'я Дністра і Західного Бугу).— К.: Наук. думка, 1981.— 262 с.

Баранов И. А. Погребение V в. н. э. в Северо-Восточном Крыму.— СА, 1973, № 3, с. 243—245.

Баранов И. А. Ранние болгары в Крыму. Локальный вариант салтовомаяцкой культуры: Автореф дис. ... канд. ист. наук. — Киев, 1977.— 24 с.

Баранов И. А. Некоторые итоги изучения тюр-

ко-болгарских памятников Крыма.— В кн.: Плиска-Преслав. София, 1981, т. 2, с. 57—71.
Белан Н. Г. До історії мисливства і тваринництва у племен Правобережної України у I тисячолітті н. е.— Археологія, 1977, вип. 24, с. 29—37.
Беляшевский Н. Ф. Поля погребальных урн эпохи латена в Радомышльском уезде Киевской губернии.— АЛЮР, 1904, № 1/2, с. 13—18.
Березовець Д. Т. Дослідження на території Путивльського району Сумської області.— АП УРСР, 1952, вип. 3, с. 242—250.
Березовець Д. Т. До питання про літописних сіверян.— Археологія, 1953, т. 3, с. 28—44.
Березовець Д. Т. Археологические памятники летописных северян.— КСИА АН УССР, 1958, вып. 2, с. 25—26.
Березовець Д. Т. Дослідження слов'янських пам'яток на Сеймі в 1949—1950 рр.—АП УРСР, 1954, т. 5, с. 49—66.
Березовец Д. Т. Раскопки в Верхнем Салтове в 1959—1960 гг.— КСИА АН УССР, 1962, вып. 12, с. 18—22.
Березовец Д. Т. Поселения уличей на Тясмине.— МИА, 1963, № 108, с. 145—208.
Березовець Д. Т. Слов'яни і племена салтівської культури.— Археологія, 1965, т. 19, с. 47—67.
Березовец Д. Т. Новые раскопки в с. Волынцево.— АИУ в 1965 -1966 гг., Киев, 1967, вып. 1, с. 166—169.
Березовець Д. Т. Могильники уличів у долині р. Тясмину.— В кн.: Слов'яно-руські старожитності. К., 1969, с. 58—71.
Березовец Д. Т. Северяне: (Перед образованием Киев. Руси) : Автореф. дис. ... канд. ист. наук.— М., 1969а.— 27 с.
Березовець Д. Т. Про ім'я носіїв салтівської культури.— Археологія, 1970, т. 24, с. 59—74.
Березовець Д. Т. Лівобережжя Дніпра (пам'ятки волинцівського та роменського типів).— В кн.: Археологія УРСР. К., 1975, т. 3, с. 135—150.
Березовец Д. Т., Петров В. П. Лохвицкий могильник.— МИА, 1960, № 82, с. 84—99.
Бернякович К. В. Древнеславянские памятники Закарпатской области (СССР).— Slov. Archeol., 1957, vol. 2, с. 435—455.
Бідзіля В. І. Залізоплавильні горни середини I тисячоліття н. е. на Південному Бузі.— Археологія, 1963 , т. 15, с. 123—144.
Бідзіля В. І. Поселення Галіш-Ловачка.— Там же, 1964, т. 17, с. 92—143.
Бідзіля В. І. З історії чорної металургії Карпатського узгір'я рубежу нашої ери.— Там же, 1970, т. 24, с. 32—48.
Бідзіля В. І. Історія культури Закарпаття на рубежі нашої ери.— К.: Наук. думка, 1971.— 161 с.
Бидзиля В. И., Пачкова С. П. Зарубинецкое поселение у с. Лютеж.— МИА, 1969, № 160, с. 51—74.
Блаватский В. Д. Харакс.— МИА, 1951, № 19, с. 9—62.
Бобринский А. А. Перещепинский клад.— МАР, 1914, № 34, с. 111—120.
Бобринский А. А. Древнерусский гончарный круг.— СА, 1962, № 3, с. 33—52.
Бобринский А. А. Гончарство Восточной Европы.— М.: Наука, 1978.— 272 с.
Бобринский А. А., Гусаков М. Г. Реконструкция гончарной мастерской III—IV вв.— СА, 1973, № 1, с. 150—162.
Богусевич В. А. Роботи Чернігівської експедиції.— АП УРСР, 1952, т. 3, с. 109—122.
Богусевич В. А. Розкопки в Путивльському Кремлі.— Археологія, 1963, т. 15, с. 165—174.
Брайчевський М. Ю. Про етнічну приналежність черняхівської культури.— Там же, 1957, т. 10, с. 11—24.
Брайчевський М. Ю. Римська монета на території України.— К.: Вид-во АН УРСР, 1959.— 244 с.
Брайчевський М. Ю. Ромашки.— МИА, 1960, № 82, с. 100 -147.
Брайчевський М. Ю. Біля джерел слов'янської державності.— К.: Вид-во АН УРСР, 1964.— 356 с.
Брайчевський М. Ю. Походження Русі.— К.: Наук. думка, 1968.— 168 с.
Брайчевський М. Ю., Довженок В. И. Поселение и святилище в с. Иванковцы в Среднем Подпестровье.— МИА, 1967, № 139, с. 238—262.
Брайчевская А. Т. Черняховские памятники Надпорожья (по материалам раскопок и разведок И. М. Фещенко, А. В. Бодянского и автора).— МИА, 1960, № 82, с. 148—191.
Браун Ф. Разыскания в области гото-славянских отношений.— Спб., 1899, с. 1—14.
Вакуленко Л. В. Памятники культуры карпатских курганов у с. Глубокое.— АИУ в 1967 г., Киев, 1968, вып. 2, с. 169—172.
Вакуленко Л. В. Пам'ятки підгір'я Карпат першої половини I тисячоліття н. е.— К.: Наук. думка, 1977.— 140 с.
Веймарн Є. В. Археологічні роботи в районі Інкермана.— АП УРСР, 1963, т. 13, с. 15—89.
Веймарн Є. В. Одне з важливих питань ранньосередньовічної історії Криму.— В кн.: Середні віки на Україні. К., 1977, т. 1, с. 40—61.
Вернер И. К происхождению и распространению антов и склавинов.— СА, 1972, № 4, с. 102—115.
Винников А. З. Славяне Верхнего и Среднего Подонья VIII—X вв. (По керамическим материалам) : Автореф. дис. ... канд. ист. наук.— М., 1977.— 27 с.
Виноградский Ю. С. Раннеславянские памятники в окрестностях Сосницы.— КСИА АН УССР, 1952, вып. 1, с. 50—52.
Винокур И. С. Некоторые вопросы духовной культуры черняховских племен.— СА, 1969, № 1, с. 48—61.
Винокур И. С. Опыт реконструкции мельничного сооружения III—IV вв. н. э.— СА, 1970, № 2, с. 238—244.
Вінокур І. С. Історія та культура черняхівських племен Дністро-Дніпровського межиріччя II—V ст. н. е.— К.: Наук. думка, 1972.— 180 с.

Винокур И. С. Ружичанский могильник.—В кн. : Могильники черняховской культуры. М., 1979, с. 112—135.

Винокур И. С., Островский М. И. Раковецкий могильник.— МИА, 1967, № 139, с. 144—159.

Вознесенская Г. А. Металлообрабатывающее производство у лесостепных племен Восточной Европы в первой половине I тысячелетия н. э. : Автореф. дис. .. канд. ист. наук.— М., 1972.— 21 с.

Вознесенская Г. А. Техника обработки железа и стали.— МИА, 1972а, № 187, с. 8—33.

Воляник В. К. Могильник черняхівської культури у верхів'ях р. Горинь.— Археологія, 1974, вип. 13, с. 65—79.

Воляник В. К. Пам'ятки черняхівської культури на Волині.— Археологія, 1979, вип. 29, с. 54—62.

Гамченко С. С. Раскопки в бассейне р. Случи.— М., 1901.— Т. 1. (Тр. XL археол. съезда).

Гапусенко Г. М. Боротьба східних слов'ян за вихід до Чорного моря.— К. : Наук. думка, 1966.— 160 с.

Гаркави А. Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и руссах.— Спб., 1870, с. 1—200.

Генинг В. Ф. Хронология поясной гарнитуры I тысячелетия н. э.— КСИА АН СССР, 1979, вып. 158, с. 96—106.

Генинг В. Ф., Халиков А. Х. Ранние болгары на Волге.— М. : Наука, 1964.— 202 с.

Гончаров В. К. Лука-Райковецкая. — МИА, 1963, № 108, с. 283—315.

Гончаров В. К., Махно Є. В. Могильник черняхівської культури біля Переяслава-Хмельницького.— Археологія, 1957, т. 2, с. 127—143.

Гопак В. Д. Кузнечное ремесло славян Днепровско-Днестровского междуречья в VI—XIII вв. : Автореф. дис. ... канд. ист. наук.— Киев, 1976.— 19 с.

Гопак В. Д. Техника кузнечного ремесла у славян во второй половине I тысячелетия н. э. (Днепровско-Днестровское междуречье). — СА, 1976, № 2, с. 46—56.

Гопак В. Д. О тенденциях развития древнего кузнечного ремесла в Поднепровье.— В кн. : Археологические исследования на Украине в 1978—1979 гг. : (Тез. докл. XVIII конф. ИА АН УССР). Днепропетровск, 1980, с. 150.

Гороховский Е. Л. Хронология украшений с выемчатой эмалью Среднего Поднепровья.— Там же, с. 143—144.

Городцов В. А. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде в 1901 г.— В ки. : Тр. XIII Археол. съезда. М., 1905, т. 1, с. 211—213.

Горюнов Е. А. Ранние этапы истории славян Днепровского Левобережья. — Л. : Наука, 1981.— 133 с.

Горюнов Е. А., Казанский М. М. О происхождении широкопластинчатых фибул.— КСИА АН СССР, 1979, вып. 155, с. 55—91.

Готье Ю. В. Кто были обитатели Верхнего Салтова? — ИГАИМК, 1927, вып. 5, с. 65—84.

Гранчак І. М., Балагурі Є. А. Археологічні дослідження в зонах меліоративних робіт Закарпатської області.— В кн. : Дослідження стародавньої історії Закарпаття. Ужгород, 1972, с. 96—105.

Гринченко В. А. Пам'ятка VIII ст. коло с. Вознесенки на Запоріжжі.— Археологія, 1950, т. 3, с. 37—63.

Даниленко В. М. Пізньозарубинецькі пам'ятки київського типу.— Археологія, 1976, вип. 19, с. 65—95.

Діброва О. Т. Географія Української РСР.— К. : Вид-во АН УРСР, 1958.— 528 с.

Дмитрюков А. Городища и курганы в Суджанском и Рыльском уездах.— Вестн. РГО, 1854, ч. 2, кн. 4, с. 26—37.

Довженок В. Й. Археологічні розкопки біля с. Волинцевого Сумської обл.— АП УРСР, 1952, т. 3, с. 251—269.

Довженок В. Й. Феодальний маєток епохи Київської Русі.— Археологія, 1958, т. 8, с. 10—27.

Довженок В. Й. Землеробство древньої Русі.— К. : Вид-во АН УССР, 1961.— 266 с.

Домбровский О. И. Пещеры в урочище Кизил-Коба в позднеантичное время.— В кн. : Труды комплексной карстовой экспедиции. Киев, 1963, с. 152—164.

Домбровский О. И. Средневековые поселения и «исары» Крымского Южнобережья.— В кн. : Феодальная Таврика. Киев, 1974, с. 5—56.

Дьяченко А. Г. Технология изготовления предметов из Цыпляевского клада раннеславянского времени.— В кн. : Использование методов естественных наук в археологии. Киев, 1978, с. 27—35.

Ефименко П. П. Рязанско-Окские могильники.— В кн.: Материалы по этиографии. Л., 1926, с. 59—84.

Ефименко П. П. К истории Западного Поволжья в I тысячелетии н. э.— СА, 1937, № 2, с. 39—64.

Заверняев Ф. М. Почепское селище.— МИА, 1969, № 160, с. 88—119.

Засецкая И. П. Золотые украшения гуннской эпохи.— Л. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 1975.— 78 с.

Зеест И. Б. Керамическая тара Боспора.— М. : Изд-во АН СССР, 1960,— 180 с.— (МИА; № 83).

Зиневич Г. П. Антропологические материалы средневековых могильников Юго-Западного Крыма.— Киев : Наук. думка, 1973.— 261 с.

Иордан. О происхождении и деяниях гетов.— М.: Изд-во вост. лит-ры, 1960.— 435 с.

Иченская О. В. Об одном из вариантов погребального обряда салтовцев по материалам Нетайловского могильника.— В кн. : Древности Среднего Поднепровья. Киев, 1981, с. 80—96.

Каспарова К. В. Могильник и поселение у дер. Отвержичи.— МИА, 1969, № 160, с. 131—168.

Каспарова К. В. О верхней хронологической границе зарубинецкой культуры Припятского Полесья.— СА, 1976, № 3, с. 128—140.

Килиевич С. Р. Детинец Киева IX — первой половины XIII веков.— К. : Наукова думка, 1982.— 173 с.

Ковалевская В. Б. Башкирия и евразийские степи IV—IX вв. (по материалам поясных наборов).— В кн. : Проблемы археологии и древней истории угров. М., 1972, с. 95—109.

Ковалевская В. Б. Поясные наборы Евразии IV—IX вв. Пряжки.— М. : Наука, 1979.— 58 с., 29 табл.— (САИ; Вып. Е1-2).

Ковалевская В. Б., Краснов Ю. А., Амброз А. К. Рец. на кн.: Erdelji j., Ojtozi E., Gening W. Des Gräberfeld von Nevolino.— Budapest: Akad. Kiado, 1970.— 327 s.— СА, 1973, № 2, с. 88—89.

Козак Д. Н. Пшеворская культура в междуречье *Днестра и Западного Буга.*— В *кн.:* Проблемы этногенеза славян. Киев, 1978, с. 72—91.

Козак Д. Н. Могильник початку нашої ери у с. Звенигород на Львівщині.— Археологія, 1978а, вип. 25, с. 96—107.

Козак Д. Н. Пшеворська і черняхівська культури у Верхньому Подністров'ї і Західному Побужжі.— Там же, 1982, вип. 37, с. 31—48.

Козак Д. Н., Орлов Р. С. Обкладка ножен меча из Гринева.— В кн. : Новые памятники древней и средневековой художественной культуры. Киев, 1982, с. 104—115.

Корзухина Г. Ф. К истории Среднего Поднепровья в I тысячелетии н. э.— СА, 1955, № 22, с. 61—82.

Корзухина Г. Ф. Предметы убора с выемчатыми эмалями V — первой половины VI вв. в Среднем Поднепровье.— М. : Наука, 1978.— 123 с.— (САИ; Вып. Е1-43).

Котигорошко В. Г. Новые данные в изучении древней истории славян Закарпатья.— Slov. Archeol., 1977, vol. 1, с. 81—99.

Котигорошко В. Г. Итоги изучения могильника Иза I в Закарпатье.— СА, 1980, № 1, с. 229—247.

Кравченко Н. М. Косановский могильник.— МИА, 1967, № 139, с. 77—135.

Кравченко Н. М. К вопросу о происхождении некоторых типов обряда трупосожжения на черняховских могильниках.— КСИА АН СССР, 1970, вып. 121, с. 44—51.

Кравченко Н. М. Исследование славянских памятников на Стугне.— В кн. : Славяне и Русь. Киев, 1979, с. 74—92.

Кравченко Н. М., Абашина Н. С., Гороховський Є. Л. Нові пам'ятки I тисячоліття н. е. в Київському Подніпров'ї.— Археологія, 1975, вип. 15, с. 87—98.

Кравченко Н. М., Гороховский Е. Л. О некоторых особенностях развития материальной культуры населения Среднего Поднепровья в первой половине I тысячелетия н. э.— СА, 1979, № 2, с. 51—69.

Красильников К. И. Гончарная мастерская салтово-маяцкой культуры.— СА, 1976, № 3, с. 267—278.

Красильников К. И. Исследования в Ворошиловградской области.— АО 1977 г., М., 1978, с. 338—339.

Красильников К. И. Возникновение оседлости у праболгар Среднедонечья.— СА, 1981, № 4, с. 110—125.

Краснов Ю. А. К вопросу о существовании плуга у племен черняховской культуры.— КСИА АН СССР, 1971, вып. 128, с. 3—11.

Краснов Ю. А. Древние и средневековые рала Восточной Европы.— СА, 1982, № 3, с. 63—80.

Кропоткин В. В. Из истории средневекового Крыма (Чуфут-Кале и вопрос о локализации города Фулы).— СА, 1958, № 28, с. 128—218.

Кропоткин В. В. Клады римских монет на территории СССР.— М. : Изд-во АН СССР, 1961.— 135 с.— (САИ; Вып. 14—4).

Кропоткин В. В. Клады византийских монет на территории СССР. — М. : Изд-во СССР, 1962.— 134 с.— (САИ ; Вып. Е4-4).

Кропоткин В. В. Новые находки римских монет в СССР : (Доп. к САИ вып. Г4--4).— НЭ, 1966, т. 6, с. 74—102.

Кропоткин В. В. Экономические связи Восточной Европы в I тысячелетии н. э.— М. : Наука, 1967.— 135 с.

Кропоткин В. В. К вопросу о развитии товарного производства и денежных отношений у племен черняховской культуры в III—IV вв. н. э.— В кн. : Ленинские идеи в изучении первобытного общества, рабовладения и феодализма. М., 1970, с. 146—160.

Кропоткин В. В. Черняховская культура и Северное Причерноморье.— В кн. : Проблемы советской археологии. М., 1978, с. 147—163.

Крушельницкая Л. И. Кельтский могильник в Верхнем Поднестровье.— СА, 1962, № 1, с. 21—26.

Крушельницька Л. І., Оприск В. Г. Поселення східнопоморсько-мазовецької культури у верхів'ях Західного Бугу.— Археологія, 1975, вип. 18, с. 75—80.

Кубышев А. И., Максимов Е. В. Пироговский могильник.— МИА, 1969, № 160 с. 25—38.

Кузьмин А. Г. Об этнической природе варягов.— ВДИ, 1974, № 4, с. 54—83.

Куник В. В., Розен А. А. Известия Аль-Бекри и других авторов о Руси и славянах.— Спб., 1878.— 1903.— Ч. 1—2.

Кухаренко Ю. В. Поселение и могильник в с. Привольном.— СА, 1955, № 22, с. 125—152.

Кухаренко Ю. В. Чаплинский могильник.— МИА, 1959, № 70, с. 154—180.

Кухаренко Ю. В. Распространение латенских вещей на территории Восточной Европы.— СА, 1959а, № 1, с. 31—51.

Кухаренко Ю. В. К вопросу о происхождении зарубинецкой культуры.— СА, 1960, № 1, с. 289—300.

Кухаренко Ю. В. Памятники раннего железного века на территории Полесья.— М. : Изд-во АН СССР, 1961.— 116 с.— (САИ; Вып. Д1-29).

Кухаренко Ю. В. Средневековые памятники Полесья.— М. : Изд-во АН СССР, 1961а.— 53 с.— (САИ ; Вып. Е1-57).

Кухаренко Ю. В. Зарубинецкая культура.— М. : Наука, 1964.— 67 с. — (САИ ; Вып. Д1-19).

Кухаренко Ю. В. Баївський могильник (за матеріалами розкопок В. П. Петрова і А. П. Калішука).— Археологія, 1975, вип. 18, с. 51—61.

Кухаренко Ю. В. Могильник Брест-Тришин.— М. : Наука, 1980.— 125 с.

Кучера М. П. Древній Пліснеськ.— АП УРСР, 1962, т. 12, с. 3—56.

Латышев В. В. Исследования об истории и государственном строе г. Ольвии.— Спб., 1887.— 314 с.

Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе.— ВДИ, 1947, № 3, с. 235—315.

Линка Н. В., Шовкопляс А. М. Раннеславянское поселение на р. Тясмине.— МИА, 1963, № 108, с. 234—242.

Липкинг Ю. А. Могильники третьей четверти I тысячелетия н. э. в Курском Посеймье.— В кн. : Раннесредневековые восточнославянские древности. Л., 1974, с. 136—152.

Лобода И. И. Новые раннеславянские могильники в Юго-Западном Крыму.— СА, 1976, № 2, с. 135—147.

Ляпушкин И. И. Материалы к изучению юго-восточных границ восточных славян VIII—X вв.— КСИИМК, 1946, вып. 12, с. 117—126.

Ляпушкин И. И. О датировке городищ роменско-боршевской культуры. — СА, 1947, № 9, с. 121—136.

Ляпушкін І. І. Старослов'янське поселення VIII—XIII ст.— АП УРСР, 1949, т. 1, с. 58—75.

Ляпушкин И. И. Раннеславянские поселения Днепровского лесостепного Левобережья.— СА, 1952, № 16, с. 7—41.

Ляпушкин И. И. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне Дона.— МИА, 1953, № 62, с. 85—150.

Ляпушкин И. И. Городище Новотроицкое.— М.: Изд-во АН СССР, 1958.— 328 с. (МИА; № 74).

Ляпушкин И. И. Днепровское лесостепное Левобережье в эпоху железа.— М. : Изд-во АН СССР, 1961.— 383 с.— (МИА ; № 104).

Ляпушкин И. И. Славяне Восточной Европы накануне образования древнерусского государства.— М. : Наука, 1968.— 191 с.— (МИА ; № 152).

Ляскоронский В. Г. Городища, курганы и длинные (змиевые) валы, находящиеся в бассейне р. Сулы.— В кн.: Тр. XI Археол. съезда.— М., 1901, т. 1, с. 404—457.

Маврикий. Тактика и стратегия / Пер. М. А. Цыбышева.— Спб., 1903, с. 1—360.

Магомедов Б. В. О происхождении форм черняховской гончарной керамики.— В кн. : Новые исследования археологических памятников на Украине. Киев, 1977, с. 111—123.

Магомедов Б. В. Каборга IV (раскопки 1973—1974 гг.).— В кн. : Могильники черняховской культуры. М., 1979а, с. 24—62.

Магомедов Б. В. Могильник у городища Городок на Южном Буге.— В кн. : Памятники древних культур Северного Причерноморья. Киев, 1979б, с. 105—114.

Магомедов Б. В. О культурно-хронологическом соотношении черняховских памятников Причерноморья и Лесостепи.— В кн. : Славяне на Днестре и Дунае. Киев, 1982, с. 135—155.

Макаренко М. О. Городище Монастырище.— Наук. зб. іст. секції Укр. акад. наук, 1925, т. 19, с. 3—23.

Максимов Є. В. Античний імпорт на Середньому Подніпров'ї в зарубинецький час.— Археологія, 1963, т. 15, с. 110—122.

Максимов Є. В. Зарубинецьке городище Пилипенкова Гора.— Археологія, 1971, вип. 4, с. 41—56.

Максимов Е. В. Среднее Поднепровье на рубеже нашей эры.— Киев : Наук. думка, 1972.— 183 с.

Максимов Е. В. Зарубинецкая культура.— В кн. : Проблемы этногенеза славян. Киев, 1978, с. 39—57.

Максимов Є. В. Кераміка зарубинецької культури.— Археологія, 1981, вип. 39, с. 40—51.

Максимов Е. В., Орлов Р. С. Поселение и могильник второй четверти I тысячелетия н. э. у с. Казаровичи близ Киева.— В кн. : Раннесредневековые восточнославянские древности. Л., 1974, с. 11—21.

Максимов Е. В., Терпиловский Р. В. Поселение киевского типа у с. Ульяновка на Десне.— В кн. : Славяне и Русь. Киев, 1979, с. 21—37.

Максимов Є. В., Петрашенко В. О. Городище Монастирьок VIII—XIII ст. н. е.— Археологія, 1980, вип. 33, с. 3—20.

Махно Є. В. Пам'ятки культури полів поховань черняхівського типу.— Археологія, 1950, т. 4, с. 56—77.

Махно Є. В. Кантемирівське поселення та могильник культури полів поховань.— АП УРСР, 1952а, т. 3, с. 231—241.

Махно Є. В. Ягнятинська археологічна експедиція.— Там же, с. 154—168.

Махно Є. В. Знов про локальні варіанти черняхівської культури.— Археологія, 1970, т. 24, с. 49—58.

Махно Є. В. Типи поховань та планування Компаніївського могильника.— В кн. : Середні віки на Україні. К., 1971, с. 88—92.

Мацулевич Л. А. Войсковой знак V в.— Визант. временник, 1959, т. 16, с. 183—205.

Мачинский Д. А. Кельты на землях к востоку от Карпат.— АСГЭ, 1973, № 15, с. 52—64.

Мезенцева Г. Г. Канівське поселення полян.— К.: Вид-во Київ. ун-ту, 1965.— 123 с.

Мельниковская О. Н. Племена Южной Белоруссии в раннем железном веке.— М. : Наука, 1967.— 196 с.

Мерперт Н. Я. О генезисе салтовской культуры.— КСИИМК, 1951, вып. 36, с. 14—30.

Митрофанов А. Г. Железный век Средней Белоруссии.— Минск: Наука и техника, 1978.— 160 с.

Мишулин А. В. Древние славяне в отрывках греко-римских и византийских авторов по VII в. н. э.— ВДИ, 1941, № 1, с. 231—280.

Моисеев Л. А. К изучению Перещепинского кла-

да. III Сасанидское серебряное блюдо.— ИАК, 1914, вып. 54, с. 27—37.

Михельбертас М. Фибула с эмалями из Рудишкяй (Северная Литва).— В кн.: Studia archeologika in memoriam Harri Moora. Tallin, 1970, с. 122—125.

Москаленко А. Н. Городище Титчиха.— Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1965.— 311 с.

Мыц В. Л. Могильник IV—V вв. на южном склоне горы Чатырдаг.— В кн.: Актуальные проблемы археологических исследований в Украинской ССР: Тез. докл. респ. конф. молодых ученых. Киев, 1981, с. 133—134.

Никитина Г. Ф. Классификация лепной керамики черняховской культуры.— СА, 1966, № 4, с. 70—85.

Никитина Г. Ф. Гребни черняховской культуры.— СА, 1969, № 1, с. 147—159.

Орлов Р. С. Поселення з керамікою волинцівського типу на Київщині.— АДУ, 1972, вип. 4, с. 236—240.

Пашкевич Г. А. Культурные растения из памятников черняховской культуры на Украине.— В кн.: Тез. докл. симпоз. «Позднейшие судьбы черняховской культуры». Каменец-Подольский, 1981, с. 34—35.

Пашкевич Г. А., Терпиловский Р. В. Сельское хозяйство деснинских племен III—V вв.— В кн.: Использование методов естественных наук в археологии. Киев, 1981, с. 93—113.

Пачкова С. П. Господарство східнослов'янських племен на рубежі нашої ери.— К.: Наук. думка, 1974.— 132 с.

Пеняк С. І. Ранньослов'янське і давньоруське населення Закарпаття VI—XIII ст.— К.: Наук. думка, 1980.— 180 с.

Петрашенко В. А. Лесостепное Правобережное Поднепровье в VIII—X вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук.— Киев, 1982.— 18 с.

Петров В. П. Масловский могильник на реке Товмач.— МИА, 1964, № 116, с. 118—167.

Плетнева С. А. От кочевий к городам.— М.: Наука, 1967.— 198 с.— (МИА; № 142).

Плетнева С. А. Сведения русских летописей о восточноевропейских кочевниках эпохи раннего средневековья (VII — начало X вв.).— В кн.: Археология восточноевропейской лесостепи. Воронеж, 1979, с. 24—36.

Плетнева С. А. Салтово-маяцкая культура.— В кн.: Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981, с. 62—75.

Плетнева С. А., Николаенко А. Г. Волоконовский древнеболгарский могильник.— СА, 1976, № 3, с. 279—298.

Поболь Л. Д. Итоги изучения древностей железного века Белорусского Поднепровья.— В кн.: Древности Белоруссии. Минск: Наука и техника, 1969, с. 89—117.

Поболь Л. Д. Славянские древности Белоруссии. — Минск: Наука и техника, 1971—1973.— Ч. 1—2.

Поболь Л. Д. Древности середины и третьей четверти I тысячелетия н. э. в Белорусском Поднепровье. — В кн.: Раннесредневековые восточнославянские древности. Л., 1974, с. 159—180.

Повесть временных лет.— М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950.— Ч. 1.

Потушняк Ф. М. Археологічні знахідки бронзового та залізного віку на Закарпатті.— Ужгород: Изд-во Ужгород. ун-та, 1958.— 144 с.

Приходнюк О. М. Слов'яни на Поділлі (VI—VII ст. н. е.).— Наук. думка, 1975.— 154 с.

Приходнюк О. М. Ранньосередньовічне слов'янське поселення на р. Рось.— В кн.: Дослідження з слов'яно-руської археології. К.: 1976, с. 101—119.

Приходнюк О. М. Археологічні пам'ятки Середнього Подніпров'я VI—IX ст. н. е.— К.: Наук. думка, 1980.— 152 с.

Приходнюк О. М. Об этнокультурной ситуации в Днепровском лесостепном пограничье во второй половине I тысячелетия н. э.— В кн.: Проблемы этногенеза славян. Киев, 1978, с. 108—124.

Прокопий из Кесарии. Война с готами.— М.: Изд-во АН СССР, 1950.— 514 с.

Пудовин В. К. Датировка нижнего слоя могильника Суук-Су (550—650 гг.) — СА, 1961, № 1, с. 177—185.

Раппопорт П. А. Древнерусское жилище (VI—XIII вв.).— В ки.: Древнее жилище народов Восточной Европы. М., 1975, с. 104—105.

Рафалович И. А. Славяне VI—IX вв. в Молдавии.— Кишинев: Штиинца, 1972.— 242 с.

Репников Н. И. Некоторые могильники в области крымских готов.— ИАК, 1906, вып. 19, с. 1—80.

Репников Н. И. Партенитская базилика.— ИАК, 1909, вып. 32, с. 91—140.

Рикман Э. А. Памятники эпохи великого переселения народов.— Кишинев: Картя молдовеняскэ, 1967.— 138 с.

Рикман Э. А. Этническая история населения Поднестровья и прилегающего Подунавья в первых веках н. э.— М.: Наука, 1975.— 336 с.

Романовская М. А. Об этнической принадлежности населения, оставившего памятники типа Лукашевки.— В кн.: Древние фракийцы в Северном Причерноморье. М., 1969, с. 81—95. (МИА; № 150).

Романовская М. А. Памятники культуры Лукашевка-Поенешти (II—I вв. до н. э.).— В кн.: Археологическая карта Молдавской ССР. Памятники раннего железного века. Кишинев: Штиинца, 1974, вып. 4, с. 74—86.

Русанова И. П. Археологические памятники второй половины I тысячелетия н. э. на территории древлян.— СА, 1958, № 4, с. 33—46.

Русанова И. П. Языческое святилище на р. Гнилопять под Житомиром.— В кн.: Культура Древней Руси. М., 1966, с. 233—237.

Русанова И. П. Славянские древности VI—IX вв. между Днепром и Западным Бугом.— М.: Наука, 1973.— 100 с.— (САИ; Вып. Е1-25).

Русанова И. П. Славянские древности VI—VII вв.— М.: Наука, 1976.— 220 с.

Русанова И. П. Поселение Кодын II в бассейне Прута.— АО 1976 г., М., 1977, с. 364.

Русанова И. П., Тимощук Б. А. Стратиграфия

поселения Кодын II на Буковине. — АО 1977 г., М., 1978, с. 381.
Русанова И. П., Тимощук Б.. А. Кодын — славянское поселение V—VIII вв. на р. Прут.— М. : Наука, 1984.— 87 с.
Рутковская Л. М. О стратиграфии и хронологии древнего поселения около с. Стецовки на р. Тясмине.— В ки. : Раннесредиевековые восточнославянские древности. Л., 1974, с. 22—39.
Рыбаков Б. А. Анты и Киевская Русь.— ВДИ, 1939, № 1, с. 319—337.
Рыбаков Б. А. Ремесло древней Руси.— М. : Изд-во АН СССР, 1948.— 792 с.
Рыбаков Б. А. Древности Чернигова.— МИА, 1949, № 11, с. 7—102.
Рыбаков Б. А. Уличи.— КСИИМК, 1951, вып. 35, с. 3—17.
Рыбаков Б. А. Древние русы.— СА, 1953, № 17, с. 23—105.
Рыбаков Б. А. Предпосылки образования древнерусского государства — В кн.: Очерки истории СССР III—IX вв. М., 1958, с. 733—831.
Рыбаков Б. А. Календарь IV в. из земли полян.— СА, 1962, № 4, с. 66—89.
Рыбаков Б. А. Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи.— М. : Изд-во АН СССР, 1963.— 361 с.
Рыбаков Б. А. Первые века русской истории.— М. : Наука, 1964.— 239 с.
Рыбаков Б. А. Раскопки в Путивле.— АО 1965 г., М., 1966, с. 154—155.
Рыбаков Б. А. «Слово о полку Игореве» и его современники.— М. : Наука, 1971.— 293 с.
Рыбаков Б. А. Геродотова Скифия.— М. : Наука, 1979.— 157 с.
Рыбаков Б. А. Язычество древних славян.— М. : Наука, 1981.— 530 с.
Рыбаков Б. А. Новая концепция предыстории Киевской Руси.— История СССР, 1981а, № 1/2, с. 40—59.
Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв.— М. : Наука, 1982.— 591 с.
Самойловский И. М. Корчеватовский могильник.— МИА, 1959, № 70, с. 61—93.
Самоквасов Д. Я. Северянские курганы и их значение для истории.— В кн. : Тр. III Археол. съезда. Киев, 1878, с. 185—224.
Самоквасов Д. Я. Могилы русской земли.— М., 1908, с. 1—271.
Самоквасов Д. Я. Могильные древности Северянской Черниговшины.— М., 1916, с. 1—104.
Свешников И. К. Могильники липицкой культуры в Львовской области.— КСИИМК, 1957, вып. 68, с. 63—74
Седов В. В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья.— М. : Наука, 1970.— 200 с.
Седов В. В. Происхождение и ранняя история славян.— М. : Наука, 1979.— 203 с.
Семенов-Зусер С. А. Розкопки коло с. Верхнього Салтова 1949 р.— АП УРСР, 1949, т. 1, с. 112—135.
Семенов-Зусер С. А. Дослідження салтівського могильника.— АП УРСР, 1952, т. 3, с. 271 — 284.
Сміленко А. Т. Глодоські скарби.— К. : Наук. думка, 1965.— 87 с.
Смиленко А. Т. Находка 1928 г. у с. Новые Санжары.— В кн. : Славяне и Русь. М., 1968, с. 158—166.
Сміленко А. Т. Слов'яни та їх сусіди в Степовому Подніпров'ї (II—XIII ст. н. е.). — К. : Наук. думка, 1975.— 210 с.
Смиленко А. Т., Брайчевский М. Ю. Черняховское поселение в с. Леськи близ г. Черкассы.— МИА, 1967, № 139, с. 35—62.
Смирнова Г. И. Раннеславянское поселение у с. Незвиско на Днестре.— Pamątky archeol., 1960, № 1, с. 222—238.
Смирнова Г. И. Могильник типа Поенешти-Лукашевка у с. Долиняны на Буковине.— СА, 1981, № 3, с. 197—207.
Смирнова Г. И., Бернякович К. В. Происхождение и хронология памятников куштановицкого типа в Закарпатье.— АСГЭ, 1965, № 7, с. 89—109.
Смішко М. Ю. Селище доби полів поховань у Вікиинах Великих.— Археологія, 1947, т. 1, с. 111—122.
Смішко М. Ю. Два курганні могильники в околицях с. Ізи Закарпатської області.— АП УРСР, 1952, т. 3, с. 315—336.
Смішко М. Ю. Дослідження пам'яток полів поховань в західних областях УРСР у 1947 р.— Там же, с. 337—378.
Смишко М. Ю. Богатое погребение начала нашей эры во Львовской области.— СА, 1957, № 1, с. 238—243.
Смішко М. Ю. Археологічні дослідження в західних областях УРСР за роки радянської влади.— МДАПВ, 1959, № 2, с. 18—24.
Смішко М. Ю. Карпатські кургани першої половини I тисячоліття н. е.— К. : Наук. думка, 1960.— 186 с.
Смішко М. Ю., Свешніков І. К. Могильник III—IV ст. н. е. в с. Дитиничі.— МДАПВ, 1961, № 3, с. 89—114.
Спицын А. А. Предметы с выемчатой эмалью.— ЗРАО, 1903, т. 5, вып. 1, с. 22—28.
Спицын А. А. Памятники латенской культуры в России.— ИАК, 1904, вып. 12, с. 78—86.
Спицын А. А. Историко-археологические разыскания : Искон. обитатели Дона и Донца.— ЖМНП, 1909, № 1, с. 67—98.
Спицын А. А. Древности антов.— В кн. : Сборник отделения русского языка и словесности. АН СССР М., 1928, с. 492—495.
Спицын А. А. Поля погребальных урн.— СА, 1948, т. 10, с. 53—70.
Станчев С., Иванов С. Некрополът де Нови Пазар.— София: Изд-во БАН, 1958.— 148 с.
Сухобоков О. В. Рятівні розкопки городища біля с. Волокитина.— Археологія, 1974, вип. 13, с. 109—110.
Сухобоков О. В. Славяне Днепровского Левобережья : (Ромен. культура и ее предшественники).— Киев : Наук. думка, 1975.— 166 с.
Сухобоков О. В. До питання про пам'ятки волинцівського типу.— Археологія, 1977, вип. 21, с. 50—66.

Сухобоков О. В., Юренко С. П. Этнокультурные процессы на территории Левобережья Украины в I тысячелетии н. э.— В кн.: Проблемы этногенеза славян. Киев, 1978, с. 124—142.

Симонович Е. О. Млинове спорудження перших століть н. е. на Південному Бузі.— Археологія, 1952а, т. 6, с. 97—107.

Симонович Э. А. Погребение V—VI вв. у с. Данилова Балка.— КСИИМК, 1952б, вып. 43, с. 62—77.

Симонович Э. А. Памятники черняховской культуры Степного Поднепровья.— СА, 1955, т. 25, с. 282—316.

Симонович Э. А. Лепная посуда памятников черняховской культуры Нижнего Днепра.— КСИИМК, 1957, вып. 68, с. 14—19.

Симонович Э. А. Раскопки могильника у овчарни совхоза Приднепровского на Нижнем Днепре.— МИА, 1960, № 82, с. 192—238.

Симонович Э. А. Магия и обряд погребения в черняховскую эпоху.— СА, 1963, № 1, с. 49—60.

Симонович Э. А. Городище Колочин I.— МИА, 1963, № 108, с. 97—137.

Симонович Э. А. Орнаментация черняховской керамики.— МИА, 1964, № 116, с. 7—43.

Симонович Э. А. Гончарная мастерская III—IV вв. н. э. в Журовке.— КСИА АН СССР, 1966, вып. 107, с. 117—121.

Симонович Е. О. Перший черняхівський могильник у Північному Причорномор'ї.— Археологія, 1966а, т. 20, с. 196—201.

Симонович Е. О. Хірургія у черняхівську епоху.— В кн.: Середні віки на Україні. К., 1971, вип. 1, с. 83—87.

Сымонович Э. А. Черняховские могильники на востоке и западе Одесской области.— В кн.: 150 лет Одесскому археологическому музею: Тез. докл. юбил. конф. Киев, 1975, с. 157—158.

Сымонович Э. А. Раниесредиевековая культура лесной полосы Поднепровья (типа Колочин—Акатово) и ее место в славянском этногенезе.— Slav. antiqua, 1975а, vol. 22, с. 17—28.

Сымонович Э. А. О культовых представлениях населения Юго-Западных областей СССР в позднеантичный период.— СА, 1978, № 2, с. 105—116.

Сымонович Э. А. Коблевский и Раижевский могильник около г. Одессы.— В кн.: Могильники черняховской культуры. М., 1979, с. 63—111.

Сымонович Э. А. Черняховская культура и памятники киевского типа.— В кн.: Археологические исследования на Украине в 1978—1979 гг.: Тез. докл. XVIII конф. Ин-та археол. АН УССР. Днепропетровск, 1980, с. 134—135.

Талис Д. Л. Оборонительные сооружения Юго-Западной Таврики как исторический источник.— В кн.: Археологические исследования на юге Восточной Европы. М., 1974, с. 89—113.

Тацит. О происхождении германцев и местопребывании Германии.— Сочинения: В 2-х т. М.: Наука, 1970, т. 1, с. 357—364.

Терпиловский Р. В. Население Нижнего и Среднего Подесенья III—V вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук.— Киев, 1980.— 22 с.

Тесленко І. І. Розкопки Верхньо-Салтівського могильника 1920 р.— Наук. зап. Н.-д. катедри історії укр. культури, 1927, № 6, с. 353—356.

Тимощук Б. А. Подкарпатские курганы III—V вв. н. э.— КСИИМК, 1953, вып. 52, с. 54—60.

Тимощук Б. О. Слов'яни Північної Буковини V—IX ст.— К.: Наук. думка, 1976.— 176 с.

Тимощук Б. А., Русанова И. П., Михайлина Л. П. Итоги изучения славянских памятников в Северной Буковине V—X вв.— СА, 1981, № 2, с. 80—93.

Тиханова М. А. Культура западных областей Украины в первые века н. э.— МИА, 1941, № 6, с. 24—31.

Тиханова М. А. О локальных вариантах черняховской культуры.— СА, 1957, № 4, с. 168—194.

Тиханова М. А. Раскопки на поселении у с. Лепесовки.— В кн.: VII Междунар. конгр. доисториков и протоисториков: Докл. и сообщ. археологов СССР М., 1966, с. 210—212.

Тиханова М. А. Раскопки на поселении у с. Лепесовка в 1957—1959 гг.— СА, 1963, № 2, 178—191.

Тиханова М. А. К вопросу об обмене и торговле в эпоху черняховской культуры.— КСИА АН СССР, 1974, вып. 138, с. 66—73.

Толочко П. П. Історична топографія стародавнього Києва.— К.: Наук. думка, 1972.— 219 с.

Третьяков П. М. Стародавні слов'янські городища в верхній течії р. Ворскли.— Археологія, 1947, т. 1, с. 123—140.

Третьяков П. Н. Восточнославяиские племена.— 2-е изд.— М.: Изд-во АН СССР, 1953.— 312 с.

Третьяков П. Н. Чаплинское городище.— МИА, 1959, № 70, с. 119—154.

Третьяков П. Н. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге.— М.; Л.: Наука, 1966.— 263 с.

Третьяков П. Н. Зарубинецкая культура и поднепровские славяне.— СА, 1968, № 4, с. 58—67.

Третьяков П. Н. Основные задачи и итоги изучения зарубинецких древностей. — МИА, 1969а, № 160, с. 7—16.

Третьяков П. Н. Об истоках культуры роменско-боршевской древнерусской группировки.— СА, 1969б, № 4, с. 78—90.

Третьяков П. Н. У истоков древнерусской народности.— Л.: Наука, 1970.— 156 с.

Третьяков П. Н. Вопросы и факты археологии восточных славян.— В кн.: Ленинские идеи в изучении истории первобытного общества, рабовладения и феодализма. М., 1970а, с. 161—188.

Третьяков П. Н. Древности второй и третьей четверти I тысячелетия н. э. в Верхнем и Среднем Подесенье.— В кн.: Раниесредиевековые восточнославянские древности. Л., 1974, с 40—118.

Трубачев О. Н. Названия рек Правобережной Украины.— М. : Наука, 1968.— 290 с.

Удальцова З. В. Идейно-политическая борьба в ранней Византии (по данным историков IV—VII вв.).— М. : Наука, 1974.— 352 с.

Фармаковский Б. В. К изучению Перещепинского клада. II Блюдо епископа Патерна.— ИАК, 1913, вып. 49, с. 24—48.

Федоров Г. Б. Тиверцы.— ВДИ, 1952, № 2, с. 250—259.

Федоров Г. Б. Население Прутско-Днестровского междуречья в I тысячелетии н. э.— М. : Наука, 1960.— 378 с.— (МИА; № 89).

Фенін О. В. Знахідки римських монет у Прикарпатті.— Археологія, 1951, т. 5, с. 92—104.

Флеров В. С. Поселение VIII—IX вв. у ст. Богоявленской.— СА, 1971, № 2, с. 258—265.

Флеров В. С. Орудия VIII—IX вв. для орнаментации керамики.— СА, 1972, № 3, с. 351—353.

Фролов И. К. Поселение Тетеревка I (VII—VIII вв.).— КСИА АН СССР, 1967, вып. 110, с. 30—35.

Хавлюк П. И. Славянские поселения VIII—IX вв. на Южном Буге.— АСГЭ, 1962, № 4, с. 116—126.

Хавлюк П. И. Зарубинецкие памятники на Южном Буге.— АО 1967 г., М., 1968, с. 226—227.

Хавлюк П. І. Пам'ятки зарубинецької культури на Побужжі.— Археологія, 1971, вип. 4, с. 84—96.

Хавлюк П. І. Заячівський могильник на Вінничині.— Там же, 1974, вип. 14, с. 62—72.

Хавлюк П. И. Раннеславянские поселения в бассейне Южного Буга.— В кн. : Раннесредневековые восточнославянские древности. Л., 1974, с. 181—215.

Хавлюк П. І. Зарубинецька культура Південного Побужжя та Лівобережжя Середнього Дністра.— Археологія, 1975, вип. 18, с. 7—19.

Хавлюк П. І. Про реконструкцію черняхівських жорен.— Там же, 1977, вип. 24, с. 21—28.

Хвойка В. В. Поля погребений в Среднем Поднепровье.— ЗРАО, 1901, т. 12, с. 172—190.

Хвойка В. В. Древние обитатели Среднего Поднепровья и их культура в доисторические времена.— Киев, 1913, с. 1—101.

Цезарь. Галльская война.— М. : Изд-во АН СССР, 1962.— 213 с.

Цигилик В. М. Нові матеріали до вивчення культури карпатських курганів у Закарпатській області.— МДАПВ, 1964, вип. 4, с. 71—79.

Цигилик В. М. Розкопки на поселенні липицької культури біля с. Верхня Липиця Івано-Франківської області у 1962 р.— Археологія, 1965, т. 18, с. 180—185.

Цыгылык В. Н. Поселение возле с. Ремезовцы Львовской области.— СА, 1971, № 2, с. 157—166.

Цигилик В. М. Дослідження поселення в Майдані Гологірському на Львівщині.— Археологія, 1973, вип. 9, с. 83—90.

Цигилик В. М. Населення Верхнього Подністров'я перших століть нашої ери.— К. : Наук. думка, 1975.— 175 с.

Цыгылык В. Н. Могильник липицкой культуры у с. Болотня Львовской области.— В кн. : Археологические исследования на Украине в 1976—1977 гг.— Ужгород, 1978, с. 24.

Цыгылык В. Н. Новое поселение липицкой культуры на Львовщине.— АО 1979 г., М., 1980, с. 347.

Черепанова Е. Н., Щепинский А. А. Там, где пройдет Северокрымский...— Симферополь: Таврия, 1966.— 94 с.

Черных Е. Н., Барцева Т. Б. Сплавы цветных металлов.— МИА, 1972, № 187, с. 63—89.

Шахматов А. А. К вопросу о древнейших славяно-кельтских отношениях.— Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1918, с. 24—62.

Шелов Д. В. Узкогорлые светлоглиняные амфоры первых веков н. э. Классификация и хронология.— КСИА АН СССР, 1978, вып. 156, с. 16—21.

Шовкопляс А. М. Раннеславянская керамика с горы Киселевки в Киеве.— МИА, 1963, № 108, с. 138—144.

Шовкопляс А. М. Работы на Оболони.— АО 1974 г., М., 1975, с. 373—374.

Шмидт Е. А. Днепро-двинские племена в I тысячелетии н. э. : Автореф. дис. ... канд. ист. наук.— М., 1975.— 34 с.

Шрамко Б. А. Новые данные об устройстве раннеславянских жилищ.— СА, 1960, № 3, с. 319—321.

Шрамко Б. А. Древности Северского Донца.— Харьков : Изд-во Харьк. ун-та, 1962.— 402 с.

Щукин М. Б. К предыстории черняховской культуры. Тринадцать секвенций.— АСГЭ, 1979, № 20, с. 66—89.

Юренко С. П. Исследование раннеславянского поселения у с. Волынцево.— АО 1980 г., М., 1981, с. 327—328.

Юренко С. П. Новые исследования у с. Волынцево.— В кн. : Тез. докл. респ. конф. молодых ученых. Киев, 1981а, с. 103.

Якобсон А. Л. Раннесредневековые сельские поселения Юго-Западной Таврики. — М., 1970.— 224 с.— (МИА; № 168).

Якобсон А. Л. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики.— Л. : Наука, 1979.— 163 с.

Янкович Д. Позднеантичные фибулы VI—VII вв. и славяне.— В кн. : Rapp. IIIe Congr. Intern. Archeol. Slave. Bratislava, 1979, vol. I, с. 118—123.

Almgren O. Studien über Nordeuropëische Fibelformen.— Leipsig, 1923.— 184 s.

Babeš M. Moldova centrală şi de nord in sekolule II—I i. e. n. (cultura Poineşti — Lukasevka) : Rexumatul tuzei de doktorat.— Bukureşti, 1978.— 23 p.

Benadik B. Latenske należy z panitria na Slovensku.— AR, 1955, vol. 7, s. 42—54.

Benadik B. Chronologicke vztahy keltskich pochrebisk na Slovensku.— SA, 1962, vol. 2, s. 13—34.

Bialekowa D. Nove včasnoslovanske nalezy z

juhozapadneho Slovenska. —Ibid. vol. 1, s. 97—148.
Borkovsky J. Staroslovanska keramika ve střední Europe.— In: Studie k počatkam slowanske kulture. Praha, 1940, s. 5 95.
Bönhm H. W. Germanische Greberfunde des 4 bis 5 Jahrhunderts.— München, 1974.— 382 s.
Budinsky-Krička V. Slovanske popelnicove pole z doby predhradištnej vo Vyčapoch-Opatoviciach, okr. Nitra.— Hict. Slov., 1947, vol. 5, c. 135—144.
Budinsky-Krička V. Pohrebicko z neskorej doby avarskej v Zitavskej Tôni na Slovensku.— SA, 1956, vol. 1, s. 18—23.
Budinsky-Krička V. Vuskum na mohylniku v Zempline roku 1958. — In : Referaty za rok 1958, Ziblice, 1959, cz. 2, s. 61—69.
Castelin K. Keltove na pocatku druchego stoleti pred n. e.— Numizmat. Cisty, 1958, vol. 13, s. 28—48.
Curiele J. Roman frontier post and its people.— Glasgov, 1959.— 207 p.
Demetrykiewicz W. Die österreichische-ungarische Monarchie in Wort und Bild : Galisien Vorgeschichte.— Wien, 1898.— 135 S.
Diaconu Gh. Tîrgşor. Nekropola din secolele III—IV e. n.— Bukureşti, 1965.— 333 p.
Donat P. Haus, Hof und Dorf in Mitteleuropa vorn 7—12 jahrhundert.— In: Schriften Zur Ur — und Frühge-Schihte. Berlin, 1980, S. 5—250.
Ejsner J. Latenski pamatky na Slovensku Podkarpatski Rusi.— Praha, 1922.— 134 s.
Godłowski K. The chronology of late roman and early migretions period in Central Europe.— Pr. archeol., 1970, vol. 11, p. 11—112.
Godłowski K. Z badan nad zagadnieniem rozprzestrzenienia slowian w V—VII w. n.e.— Kraków, 1979.—80 s.
Godłowski K. Kultura przeworska.— In : Prahistoria ziem Polskich. Warszawa , 1981, Z. 5, s. 57—120.
Hachmann R. Chronologie der jüngeren vorrömischen Eisenzeit.— In : Beriht der Römisch-Germanischen Komission, 1960. Berlin, 1961, S. 1—277.
Hadaczek K. Grabarka Niesłuchowska.— In: Teka Konserwatorska, Lwów, 1900, s. 1—18.
Hadaczek K. Album przedmiotow wydobytych w groboch cmentarzyska ciałopalnego koło Przeworska.— Ibid., 1909, s. 1—21.
Hadaczek K. Kultura dorzecza Dniestru w epoce cesarstwa rzymskiego.— Mater. antropol.-archeol., etnogr., 1912, vol. 12, s. 23—28.
Halder A. Älteltischen Sprachschatz.— Graz, 1962.— Bd 3.— 117 S.
Jahn P. Der Reitersporn, seine Entshund u. früheste Entwicklung.— Leipzig, 1921.— 56 S.
Jonita J. Cultura Sîntana de Mures-Cernea choype teritoriul Rominej.— Archeol. Moldov., 1966, vol. 4, s. 110—112.
Jonita J. The social economik structure of society during the migretion in the Carpathian-Danubian area.— In : Relations betwean the aftohtones population and the migretial population on the teritory of Romania. Bucureşti, 1975, p. 77—79.
Feist S. Germannen und Kelten in der Antiken Uberlieferung.— Baden-Baden, 1948.— 134 S.
Filip J. Keltove ve Střední Europe.— Praha, 1956.— 551 s.
Hunyady J. Keltak a Karpat medenceben.— Budapest, 1944.— 211 l.
Kolnik T. Pohrebisko v Besedove (Prespouek v studiu dobu rimskey na Slovensku).— SA, 1961, vol. 9, N 1/2, s. 84—86.
Kolnik T. K typologii a chronologii niektorych spon z mladsej doby rimskej na juhozapadnem Slovensku.— SA, 1965, vol. 13, N 1, s. 187—219.
Kopernicki J. Mogila w Strutyniu Niznim.— WA, 1923, sv. 8, s. 194—197.
Krüger B. Dessau-Mosigkau.— Berlin, 1967.— 205 S.
Kudrnač J. Latenski meč si pseudoantropomorfni rukojeti se Kšěl.— AR, vol. 8, s. 64—78.
Lajos A. A korai La-Tene kultura Madyarorzagon.— Archeol. Hund., 1933, vol. 11, old. 54—68.
Laszlo G. Studes archeologique sur l'histoire de la Societe des avars.— Archeol. hung., 1955, vol. 34, ps. 103—106.
Lehoczky T. Adatok hazank arhaeologiajahoz különös tekintettel Bergmegyere es környekére.— Munkacz, 1912.— 2 köt.
Lehoczky T. Vaskort emlekekröl Munkacs környékén.— Arheol. hung., 1908, vol. 28. old. 34—39.
Lehr-Splawinski T. Kilka uwag o stosunkach jezykowich celtyckopraslowianskich.— Roczn. slow., 1956, vol. 18, z. 1, s. 18—24.
Macrea M. Santierul archeologie Casolt Aprasul de Sus.— MCA, 1957, vol. 4, p. 119—154.
Macrea M., Rusu M. Der dakische Friedhof von Porolissum.— Dacia, 1960, vol. 4, S. 226—229.
Macrea M., Protase D., Rusu M., Mitrofan M. Santierul archeologie Porolissum.— MCA, 1961, vol. 7, s. 19—38; vol. 8, s. 23—31.
Matei M., Nicorescu M. Santierul archeologie Suceave.— Ibid., vol. 7, s. 8—16.
Matzulewitseh L. Byzantinische Antike.— Berlin, 1929.— 134 S.
Menandros Experta de iegationibus / Ed. C. Booc de.— Berolini, 1903.— 125 s.
Menandros Experta de sententiis / Ed. U. Ph. Boissevain.— Berolini, 1906.— 113 s.
Mihailescu-Birliba V. Un nouveau groupe culturel sur le territoire de Roumanie. Zes fouilles de Braniste-Nemtisor (Comm. de Vinatori, dep. Neamt).— Dacia, 1980, vol. 24, s. 181—207.
Morintz S., Hartucki U. Sapaturile de la Tifesti.— MCA, 1962, vol. 8, s. 51—112.
Nestor I. La necropole slave d'epoque ancienne de Serata-Monteoru.— Dacia, 1957, vol. 51, p. 16—29.
Nitu A., Zamosteanu I., Zamosteanu M. Sondajele de la Piatra-Niamt.— MCA, 1959, vol. 6, p. 367—370.

Okulicz J. Studia nad przemianami kulturowymi i osadnieczymi w okresie rzymskim na Pomorzu Wschodnim, Mazowszu, Podlasiu.— AP, 1970, vol. 15, s. 419—498.
Ondrouch V. Náležy keltskych a bizantickych minci na Slovensku,— Bratislava, 1964.— 123 s.
Parduch M. Denkmäler der Sarmatenzeit Ungars.— Budapest, 1941.— 135 S.
Parvan V. Getica.— Bucureşti, 1926.— 856 p.
Paulik Y. Yizni Morava — zemé davnich slovanu.— Brno, 1948—1950.— 195 s.
Pawlowicz E. Wystawa archeologiczno-bibliograficzna Institutu Staurop — In : Przewodnik naukowo-literacki. Lwów, 1898, s. 4—8.
Pokorny J. Urgeschicht der Kelten und Illiren.— Halle, 1938.— 156 S.
Prahistoria ziem polskich. Vol. 5. Pózny okres latenski i okres rzymski.— Warszawa etc., 1981.— 493 s.
Pelichet E. A propos des amfores romaines trawees a Nyon.— Z. Schweizeri. Archäol. und Kunstgesch. 1946, Bd 8, S. 16—123.
Reinecke P. Aus der russischen archäologischen Literarur.— Meinz. Z., 1906, Bd 1, S. 38—49.
Riley J. A. The Pottery From the First Session of Excavation in the Caesarea Hippodrome.— In : Basor, Manchester, 1975, p. 37—49.
Schindler R. Besidlungs geschichte der Goten und Gepiden in unteren Weichselraum auf Grund der Tangetasse.— Leipzig, 1970.— 66 S.
Smiszko M. Kultury wczesnego okresu epoki cesarstwa rzymskiego w Malopolsce Wschodniej.— Lwów, 1932.— 193 s.
Śmiszko M. Znalezisko wczesnorzymskie w Kolokoline pow. Rohatynski.— WA, 1935, vol. 13, s. 159—161.
Szombathy J. Prähistorische Recognoscierungenstaur nach der Bucowina im Jahre 1893.— In : Jahrbuch des Bucowiner Landes-Museums, Czernowitz, 1894, Bd 2, S. 2—134.
Szymanski W. Szeligi pod Plockiem na poczatku wczesnego sredniowiecza.— Warszawa, 1967.— 397 s.
Svoboda B. Cechi ve dobe stechovani narodu.— Praha, 1956.— 84 s.
Zamiová-Schmiedlová M. Römerzeitlische Siedlungkeramik in der Südostslowakai.— SA, 1969, vol. 17, N 2, S. 403—501.
Zasterova M. Beitrag sur Diskussion über den Charakter der Bezehungen zwischen Slawen und Awaren.— In: Actes XIIe Congr. intern. etud. Byzantines. Beograd, 1964, vol. 2, S. 244.
Zatlukal J. Zatlukal E. Adatok Podkarpatska Rusz praehistoriahos.— Mukačevo, 1937.— 34 s.
Zeman J. Nejstarsi slomanske osidleni Cech.— PA, 1976, vol. 17, s. 115—235.
Zirra V. Un cimitir Celtie in nordvestul Romaniei.— Bucuresti, 1967.— 152 p.
Zirra V. Beitrage zur Kenntnis des keltischen Latene in Rümänien.— Dacia, 1971, N 15, S. 171—238.
Taskenberg K. Zu der Funden von Lukaschovka im Bezirk Kischenew Moldau-Republik.— In : Alt-Thüringen Jahrschift des Museums für Ur-Frühgeschichte Thüringens. Weimar, 1962/1963, vol. 6, S. 418—426.
Teodor D. Teritoriul est-carpatic in veacurile V—XI e. n.— Jasi: Editura junimea, 1978.— 223 p.
Teodorescu V. Despre culture Ipoteşti-Cîndeşti in Lumina cercetărilor archeologice din nordestul Munteniei (regiunea Ploiesti).— SCIV, 1964, vol. 15, N 4, p. 485—504.
Tocik A. K otazke osidlenia juhozapadneho Slovenska na zlome letopoctu.— AR, 1959, N 5, s. 841—863.
Todorovic J. Kelti u juhoistocnej Europe.— Beograd, 1968.— 105 s.
Toth E. H. Frühawarenzeitlicher Grabfund in Kesckeme't Sallaistrasse.— Acta archeol., 1968, vol. 32, S. 13—48.
Tudor D. Sucidava II.— Dacia, 1941, N 7/8, S. 16—34.
Welkow J. Eine Gotenfestung bei Sedowetz (Nordbulgarien).— In : Germania. Berlin, 1935, S. 48—86.
Werner J. Zu einer elbgermanischen Fibel des Jahrhundersts aus Gankanigshofen, Lakr, Würzburg.— In : Bajerische Vorgeschichte. Berlin, 1981, N 46, S. 10—76.
Wołongiewicz R. Zagadnienie stylu wczesnor zumskiego w kulturze welbarskiej.— In: Studia Archeologica Pomeranica. Kaszalin, 1974, s. 129—152.
Wołongiewicz R. Kultura welbarska.—In : Prahistoria Ziem Polskich. Warszawa etc., 1981, vol. 5, s. 135—191.
Wozniak Z. Osadnictwo celtyckie w Polsce.— Wrocław etc., 1970.— 353 s.
Venze S. Gegossene Fibeln mit Scheimunwichklung des Bügels in der östlichen Balkanprovinzen.— In : Studien zur vor — und trühgescshichtlichen Archäologie. München, 1974. vol. 2, S. 472—491.
Vouga P. La Tene.— Leipzig, 1923, S. 1—218.
Vulpe R., Vulpe E. Les fouilles de Tinessul.— Dacia, 1924, N 1, s. 134—149.
Vulpe R., Vulpe E. Les fouilles de Poiana.— Dacia, 1927/1929, N 3/4, p. 159—176.
Vulpe R. Săpăturile dela Poineşti din 1949.— In : Materiale archeologice privind istoria veche a R. P. R., Bucuresti, 1953, vol. 1, p. 213—506.
Vulpe R. Izvoare.— Bucuresti; Academici, 1957. —216 p.

Часть вторая

Ал-Гарнати. Путешествие Абу-Хамида Ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131—1153 гг.).— М. : Наука, 1971.— 105 с.
Алексеев Л. В. Древний Ростиславль.— КСИА АН СССР, 1974, вып. 139, с. 81—92.
Аристов Н. Я. Промышленность Древней Руси.— Спб., 1866.— 321 с.
Артамонов М. И. Славянские железоплавильные печи на Нижнем Днестре (IX—X вв.).— Сообщ. Гос. Эрмитажа, 1955, вып. 7, 1—44 с.
Арциховский А. В. Древнерусские миниатюры

как исторический источник.— М. : Изд-во Моск. ун-та, 1944.— 214 с.

Арциховский А. В. К методике изучения сернов.— Тр. секции РАНИОН, 1928, вып. 4, с. 20.

Арциховский А. В. Оружие : История культуры древ. Руси.— М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1948.— Т. 1.

Арциховский А. В. Русское оружие X—XIII вв.— В кн.: Докл. и сообщ. ист. фак. МГУ. М., 1946, вып. 4, с. 5—12.

Арциховский А. В., Тихомиров М. Н. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1951 г.) — М. : Изд-во АН СССР, 1953.— 66 с.

Асеев Ю. С. Архитектура древнего Киева.— Киев : Будівельник, 1982.— 160 с.

Асєєв Ю. С. Собор Апостолів у Білгороді.— Образотворче мистецтво, 1970, № 1, с. 19.

Асєєв Ю. С., Богусевич В. А. Воєнно-оборонні стіни XII ст. в Києво-Печерській лаврі.— Вісн. Акад. будівництва і архітектури, 1952, № 4, с. 40—43.

Асєєв Ю. С., Козін О. К., Сікорський М. І., Юра Р. О. Дослідження кам'яної споруди XI ст. в Переяславі-Хмельницькому дитинці.— Там же, 1962, № 4, с. 57—61.

Асеев Ю. С., Сикорский М. И., Юра Р. А. Памятник гражданского зодчества XI в. в Переяславе-Хмельницком.— СА, 1967, № 1, с. 199—214.

Асеев Ю. С., Харламов В. А., Сикорский М. И. Исследования Михайловского собора в Переяславе-Хмельницком.— В кн. : Славяне и Русь. Киев, 1979, с. 122—137.

Ауліх В. В. До історії літописного Галича.— В кн. : Дослідження з слов'яно-руської археології. К., 1976, с. 120—134.

Аулих В. В. Древнерусское поселение у с. Репнев Львовской области.— КСИА АН УССР, 1957, вып. 7, с. 106—108.

Аулих В. В. Раскопки в древнем Галиче.— АО 1972 г., М., 1973, с. 254—255.

Багряноролный Константин. Об управлении государством. — Город, 1934, — (ИГАИМК; Вып. 91).

Банк А. В. Византийское искусство в собраниях Советского Союза.— Л. : Сов. художник, 1966.— 392 с.

Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия.— Сочинения. М. : Наука, 1963, т. 1, с. 48—350.

Бауэр Н. П. Денежный счет Русской Правды.— ВДИ, 1937, с. 183—244.

Безбородов М. А. Стекледелие в древней Руси.— Минск.: Изд-во АН БССР, 1956.— 306 с.

Белан Н. Г. Фауна городища Монастырек на Среднем Днепре.— В кн. : Использование методов естественных наук в археологии. Киев, 1978, с. 96—109.

Беляєва С. О. Про основні принципи датування південноруських пам'яток другої половини XIII—XIV ст.— Археологія, 1979, т. 31, с. 36—45.

Беляшевский Н. Ф. Раскопки на Княжей Горе в 1891 г.— КС, 1892, т. 36, янв., с. 61—104.

Беляшевский Н. Ф. Раскопки на Княжей Горе в 1892 г.— КС, 1893, т. 12, апр., с. 134—142.

Березовець Д. Т. Дослідження на території Путивльського району Сумської області.— АП УРСР, 1952, т. 3, с. 242—250.

Берлинский М. Краткое описание Киева.— Спб., 1820.— 204 с.

Бертье-Делагард А. Л. Каламита и Феодоро.— ИТУАК, 1918, № 55, с. 1—44.

Бертье-Делагард А. Л. Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде.— Там же, 1920, № 57, с. 1—135.

Бейани абу-л-Фази. История Масуда (1030—1041).— Ташкент, 1962.

Бибиков М. В. Византийские источники по истории Руси, народов Северного Причерноморья и Северного Кавказа (XII—XIII вв.).— В кн. : Древнейшие государства на территории СССР. М., 1981, с. 5—152.

Бідзіля В. І. Залізоплавильні горни середини I тисячоліття на Південному Бузі.— Археологія, 1963, т. 15, с. 123—144.

Бидзиля В. И., Яковенко Э. В. Рало из позднеямного погребения конца III — нач. II тысячелетия до н. э.— СА, 1973, № 3, с. 146—153.

Бируни-абу-р-Райхин Мухаммед ибн Ахмед: Собрание сведений для драгоценностей. (Минералогия).— М. : Изд-во АН СССР, 1963.— с. 520.

Блiфельд Д. І. Давньоруські пам'ятки Шестовиці.— К.: Наук. думка, 1977.— 236 с.

Бліфельд Д. І. Давньоруський могильник у Чернігові.— Археологія, 1965, т. 18, с. 105—138.

Блифельд Д. И. Раскопки курганов в Чернигове.— КСИА АН УССР, 1955, вып. 4, с. 23—24.

Богусевич В. А. Археологічні розкопки в Чернігові в 1949 та 1951 рр.— АП УРСР, 1955, т. 5, с. 5—11.

Богусевич В. А. Археологічні розкопки в Києві на Подолі в 1950 р.— Археологія, 1954, т. 9, с. 42—53.

Богусевич В. А. Мастерские XI в. по изготовлению стекла и смальты в Киеве.— КСИА АН УССР, 1954, вып. 3, с. 14—20.

Богусевич В. А. Роботи Чернігівської експедиції.— АП УРСР, 1952а, т. 3, с. 109—122.

Богусевич В. А. Розкопки на горі Киселівці.— АП УРСР, 1952, т. 3, с. 66—72.

Богусевич В. А. Розкопки в Путивльському кремлі.— Археологія, 1963, т. 15, с. 165—174.

Богусевич В. А. Раскопки в Чернигове.— КСИА АН УССР, 1955, вып. 4, с. 9—11.

Богусевич В. А., Холостенко Н. В. Черниговские каменные дворцы XI—XII вв.— КСИА АН УССР, 1952, вып. 1, с. 32—42.

Богуславський С. Українсько-руські пам'ятки XI—XVIII ст. про князів Бориса і Гліба.— К. : Вид-во ВУАН, 1928.— с. 183.

Бобринский А. А. Гончарство Восточной Европы.— М. : Наука, 1978.— 272 с.

Болтрик Ю. В., Отрощенко В. В., Савовский И. П., Шелапов С. М. Работы Скифского отряда Запорожской экспедиции.— АО 1975 г., М., 1976, с. 306.

Борисевич Г. В. Роль макета в реконструкции древнерусского жилища.— КСИА АН СССР, 1969, вып. 120, с. 46—50.

Борисевич Г. В., Тюрин В. П., Чистяков Г. П. Опыт реконструкции деревянной жилой застройки Новгорода. — Архит. наследство, 1963, № 15.

Бороздин И. Н. Солхат.— М. : Изд-во Науч. Ассоц. Востоков. при ЦИК СССР, 1926.— 31 с.

Брайчевський М. Ю. Розкопки на третьому Городському городищі.— АП УРСР, 1952, т. 3, с. 187—196.

Брайчевський М. Ю. Слов'янські пам'ятки Середнього Поросся.— Там же, с. 62—64.

Брайчевский М. Ю., Асеев Ю. С. Археологические исследования в Переяславе-Хмельницком в 1958 г.— КСИА АН УССР, 1960, вып. 81, с. 112—116.

Бранденбург Н. Е. Журнал раскопок 1898—1902 гг.— Спб., 1908, с. 1—220.

Брим В. А. Путь «Из варяг в греки».— Изв. АН СССР. Отд-ние обществ. наук, 1931, № 2, с. 203—232.

Бромлей Ю. В. Ієрархія історико-культурних спільностей: основні риси і тенденції динаміки.— Нар. творчість та етнографія, 1980, № 6, с. 20—32.

Бунин А. В. История градостроительного искусства. Т. 1. Рабовладельческий строй, феодализм, капитализм.— М. : Госиздат, 1953.— 531 с.

Васильевский В. Г. Древняя торговля Киева с Регенсбургом.— ЖМНП, 1888, т. 207, с. 83—260.

Верзилів А. Найдавніший побут Чернігівської околиці.— В кн. : Чернігів і Північне Лівобережжя. К., 1928, с. 62—79.

Вихров В. Е. Использование древесины в древнем Новгороде.— Тр. ин-та леса и древесины, 1958, т. 37, с. 145—158.

Воеводский М. В. Важнейшие итоги Деснянской экспедиции 1946 г.— КСИИМК, 1948, вып. 20, с. 36—44.

Вознесенская Г. А. Стальные ножи древнего Любеча.— КСИА АН СССР, 1965, вып. 104, с. 145—149.

Вознесенская Г. А. Кузнечное ремесло.— В кн. : Новое в археологии Киева. Киев, 1981, с. 267—283.

Воронин Н. Н., Каргер М. К. Архитектура.— В кн. : История культуры древней Руси. М. ; Л., 1951, т. 1, с. 204—233.

Воронин Н. Н., Раппопорт П. А. Зодчество Смоленска XII—XIII вв.— Л. : Наука, 1979.— 414 с.

Высоцкий С. А. Граффити Золотых ворот в Киеве.— СА, 1967, № 1, с. 274—281.

Высоцкий С. А. Древнерусские надписи Софии Киевской.— Киев : Наук. думка, 1966.— 240 с.

Вязьмітіна М. І., Іллінська В. А., Покровська О. Ф., Тереножкін О. І. Кургани біля с. Ново-Пилипівки і радгоспу «Аккерманъ».— АП УРСР, 1960, т. 8, с. 22—135.

Гамченко С. С. Житомирский могильник : Археол. исслед. Житомир. группы курганов.— Житомир, 1888.— 126 с.

Гаркави А. Я. Сказание мусульманских писателей о славянах и русах.— Спб., 1870.— 220 с.

Георгиев Е. Славянская письменность до Кирилла и Мефодия.— София : Изд-во БАН, 1952.— 18 с.

Гильденштедт А. Описание некоторых в Малой России употребляемых плугов.— Техн. журн., 1804, т. 1, ч. 2, с. 7—18.

Голубева Л. К. Квартал металлургов в Вышгороде.— В кн. : Славяне и Русь. М., 1968, с. 26—30.

Гончаров В. К. Древний Колодяжин.— КСИИМК, 1951, вып. 12, с. 49—53.

Гончаров В. К. Роботи Волинської експедиції 1948 р.— АП УРСР, 1952, т. 3, с. 169—181.

Гончаров В. К. Райковецкое городище.— Киев : Изд-во АН УССР, 1950.— 149 с.

Гончаров В. К. Розкопки древнього Городська.— АП УРСР, 1952, т. 3, с. 182—186.

Гончаров В. К. Розкопки древнього Любеча.— Там же, с. 132—138.

Гончаров В. К. Археологічні дослідження древнього Галича в 1951 р.— Там же, 1955, т. 5, с. 22—31.

Гопак В. Д. Кузнечное ремесло славян Днепровско-Днестровского лесостепного междуречья в VI—XIII вв. : Автореф. дис. ... канд. ист. наук.— Киев : 1976.— 19 с.

Городцов В. А. Результаты исследований, проведенных научными экспедициями XII Археологического съезда.— В кн. : Тр. XII Археол. съезда в Харькове (1902 г.). М., 1905, с. 111—121.

Греков Б. Д. Золотая Орда и ее падение.— М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1950.— 473 с.

Греков Б. Д. Киевская Русь.— М.; Л. : Госполитиздат, 1953.— 568 с.

Греков Б. Д. Крещение Руси.— В кн. : Религия и церковь в истории России. М., 1975, с. 139—167.

Гупало К. Н., Ивакин Г. Ю. О ремесленном производстве на Киевском Подоле.— СА, 1980, № 2, с. 203—219.

Гуревич Ф. Д. Древнерусские города Понеманья и южнорусские земли в конце X—XIII вв.— В кн. : Средневековая Русь. М., 1976, с. 25—29.

Гуревич Ф. Д. Древний Новогрудок. Посад-Окольный город.— Л. : Наука, 1981.— 160 с.

Гурин М. Ф. Металлургия и кузнечная обработка железа в белорусском Поднепровье (I тысячелетие н. э.) : Автореф. дис. ... канд. ист. наук.— Вильнюс, 1979.— 26 с.

Давидан О. И. Ткани Старой Ладоги.— АСГЭ, 1981, № 22, с. 100—114.

Даркевич В. П. Произведения западного художественного ремесла в Восточной Европе.— М., 1966.— 148 с.— (САИ; Вып. Е1-57).

Даркевич В. П. Светское искусство Византии.— М. : Наука, 1975.— 352 с.

Даркевич В. П. Художественный металл Востока.— М. : Наука, 1976.— 200 с.

Даркевич В. П., Едомаха И. И. Памятники западноевропейской торевтики XII в.— СА, 1964, № 3, с. 247—255.

Деопик В. Б. Классификация и хронология аланских украшений VI—IX вв.— МИА, 1963, № 114, с. 122—147.

Дероко А. Средневековни градови у Сербији, Црној Гори и Македонији.— Београд : Просвета, 1951.— 214 с.

Дмитревська А. Звіт Городської експедиції 1946 р.— АП УРСР, 1946, т. 1, с. 47—49.

Дмитров Л. Д. Розкопки в Тірі-Акермані, Білгороді-Дністровському. — Археологія, 1948, т. 2, с. 210—211.

Дмитров Л. Д. Розкопки в Білгороді-Дністровському в 1947 р.— АП УРСР, 1952, т. 4, с. 59—64.

Довженок В. Й. Військова справа в Київській Русі.— К.: Вид-во АН УРСР, 1950.— 86 с.

Довженок В. Й. Огляд археологічного вивчення древнього Вишгорода за 1934—1937 рр.— Археологія, 1950, т. 3, с. 72—97.

Довженок В. Й. Селища и городища в окрестностях древнего Галича.— КСИА АН УССР, 1955, вып. 4, с. 12—13.

Довженок В. Й. Землеробство древньої Русі.— К. : Вид-во АН УРСР, 1961.— 267 с.

Довженок В. Й. Некоторые вопросы изучения древнерусского села домонгольского времени.— In : I Miedzynar. kongr. archeol. slov., Warszawa, 14—18, wrzes. 1965. Wroclaw etc., 1968, t. 4, s. 7—33.

Довженок В. Й. Про типи городищ Київської Русі.— Археологія, 1975, т. 16, с. 3—14.

Довженок В. Й., Гончаров В. К., Юра Р. О. Древньоруське місто Воїнь.— К. : Наук. думка, 1966.— 148 с.

Домбровский О. И. Средневековые поселения и «исары» Крымского Южнобережья.— В кн.: Феодальная Таврика. Киев, 1974, с. 5—56.

Домбровский О., Сидоренко В Солхат и Сурб-Хач.— Симферополь : Таврия, 1978.— 127 с.

Єфіменко П. П., Богусевич В. А. Кріпость Ярослава Мудрого в Києві.— Вісн. АН УРСР, 1952, № 2, с. 38—46.

Завитневич В. Военное дело у русских и славян в эпоху их выступления на историческую арену.— Воен. ист. вестн., 1909, № 12, с. 7—21.

Закревский Н. Описание Киева.— М., 1868.— Т. 1/2.— 888 с.

Заходер Б. Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе.— М. : Наука, 1962—1967.— Т. 1—2.

Зяблин Л. П. Археологические памятники кочевников X—XIV вв. Восточной Европы : Автореф. дис. ... канд. ист. наук.— М., 1952.— 19 с.

Каргер М. К. К истории киевского зодчества XI в.— СА, 1952, т. 13, с. 88—99.

Каргер М. К. Памятники древнерусского зодчества в Переяславе-Хмельницком — В кн. : Зодчество Украины. Киев, 1954, с. 271—296.

Каргер М. К. Древний Киев.— М. : Изд-во АН СССР, 1958—1961.— Т. 1—2.

Карта. Археологическая карта Киевской губернии.— М. : Моск. археол. о-во, 1895.— 139 с.

Карта. Археологическая карта Волынской губернии.— В кн. : Тр. XI Археол. съезда. М., 1901, с. 1—132.

Каталог украинских древностей коллекции Тарнавского В. В.— Киев, 1898.

Кауфман И. И. Русский вес, его происхождение и развитие в связи с историею русских денежных систем с древнейшего времени.— ЗНОРАЮ, 1906, т. 1, вып. 1, с. 5—13.

Кеппен П. И. О древностях южного берега Крыма и гор Таврических.— В кн. : Крымский сборник. Симферополь, 1837.— 78 с.

Килиевич С. Р. Детинец Киева IX — первой половины XIII вв.— Киев : Наук. думка, 1982.— 176 с.

Кирпичников А. Н. Русские шлемы X—XIII вв.— СА, 1958, № 4, с. 21—32.

Кирпичников А. Н. Так называемая сабля Карла Великого.— СА, 1965, № 2, с. 268—276.

Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие.— М. : Наука, 1966.— Т. 1—3.— (САИ ; Вып. Е1-36).

Кирпичников А. Н. Снаряжение всадника и боевого коня на Руси IX—XIII вв.— Л., 1973.— 140 с.— (САИ ; Вып. Е1—36).

Кирпичников А. Н., Черненко Е. В. Конское боевое оголовье первой половины XIII в. из Южной Киевщины.— В кн. : Славяне и Русь. М., 1968, с. 62—65.

Кирьянов А. В. К вопросу о земледелии в Новгородской земле в XI—XII вв.— КСИИМК, 1952, вып. 47, с. 147—157.

Коваленко В. П., Карнабед А. А. Охранные раскопки в Чернигове.— АО 1979 г., М., 1980, с. 279—280.

Ковпаненко Г. Т., Качалова Н. К., Шерафутдинова И. Н. Курганы у с. Новочерноморское Херсонской области.— В кн. : Памятники эпохи бронзы юга Европейской части СССР. Киев, 1967, с. 60—81.

Козловський А. О. Нові дослідження давньоруського поселення в Дніпровському Надпоріжжі.— Археологія, 1981, т. 35, с. 79—92.

Козловский А. А. О торговых связях древнерусских городов с Южным Поднепровьем.— В кн. : Древнерусский город. Киев, 1984, с. 54—56.

Колчин Б. А. Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси (домонгольский период).— М., 1953 — 258 с.— (МИА; № 32).

Колчин Б. А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого.— МИА, 1959, № 65, с. 7—120.

Колчин Б. А. Новгородские древности. Резное дерево.— М., 1971.— 184 с.— (САИ; Вып. Е-55).

Кондаков Н. П. Русские клады.— Спб., 1896.— 190 с.

Коновалов А. А. Изучение химических составов медных сплавов из Новгорода.— СА, 1969, № 3, с. 205—216.

Кореневский Э. К истории инструмента. История техники.— ОНТИ, 1939, вып. 2.

Корзухина Г. Ф. Из истории древнерусского оружия XI в.— СА, 1950, т. 13.

Корзухина Г. Ф. Русские клады IX—XIII вв.— М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1954.— 156 с.

Корзухина Г. Ф О памятниках «корсунского дела» на Руси.— ВВ, 1958, т. 14, с. 129—137.

Косцюшко-Валюжинич К. К. Извлечение из отчета о раскопках в Херсонесе в 1902 г.— ИАК, 1904, вып. 15, с. 1—62.

Котляр М. Ф. Грошовий обіг на території України доби феодалізму.— К. : Наук. думка, 1971.— 175 с.

Котляр Н. Ф. Еще раз о «безмонетном» периоде денежного обращения Древней Руси (XII—XIII вв.).— ВДИ, 1973, т. 5, с. 152—169.

Кочин Г. Е. Сельское хозяйство на Руси конца XIII — начала XIV века.— М ; Л. : Наука, 1965.— 464 с.

Кравченко А. А. Производственные комплексы Белгорода XIII—XIV вв.— В кн. : Античная Тира и средневековый Белгород. Киев, 1979, с. 115—136.

Краснов Ю. А. Опыт построения классификации наконечников пахотных орудий по археологическим материалам Восточной Европы.— СА, 1978, № 4, с. 98—114.

Краснов Ю. А. Древние и средневековые рала Восточной Европы: (по археологическим данным).— СА, 1982, № 3, с. 63—80.

Краснов Ю. А. Некоторые итоги и задачи изучения истории земледелия в советской археологии.— КСИА АН СССР, 1969, вып. 118, с. 58—68.

Кропоткин В. В. Клады римских монет на территории СССР.— М., 1961.— 135 с.— (САИ ; Вып. Г4-4).

Кубышев А. И. Раскопки средневекового поселения у с. Комаровка.— АИУ 1967 г., 1968, с. 49—51.

Кудряшов К. В. Половецкая степь.— М. : ОГИЗ, 1948.— 162 с.

Куза А. В. Русские раннесредневековые города.— В кн. : Тез. докл. сов. делегации на III Междунар. конгр. слав. археологии. Братислава, сент. 1975 г. М., 1975, с. 62—65.

Куйо М. Куев. Черноризец Храбър.— София, 1981.— 25 с.

Куйо М. Сказание о начале славянской письменности.— М., 1981.

Кучера М. П. Древній Плісненськ.— АП УРСР, 1962, т. 12, с. 3—56.

Кучера М. П. К вопросу о Плеснеске.— СА, 1968, № 1, с. 301—308.

Кучера М. П. Про один конструктивний тип давньоруських укріплень в Середньому Подніпров'ї.— Археологія, 1969, т. 22, с. 180—195.

Кучера М. П. Про одну групу середньовічної кераміки на території УРСР.— В кн. : Слов'яно-руські старожитності. К., 1969, с. 174—181.

Кучера М. П. Селища.— В кн. : Археологія УРСР. К., 1975, т. 3, с. 295—300.

Кучера М. П. Предмети імпорту.— Там же, с. 373—376.

Кучера М. П. Давньоруські городища на Правобережжі Київщини.— В кн. : Дослідження з слов'яно-руської археології. К., 1976, с. 176—197.

Кучера М. П., Драчук В. С. Памятники раннеславянского времени и Киевской Руси в зоне водохранилища Днепродзержинской ГЭС.— КСИА АН УССР, 1962, вып. 12, с. 100—103.

Лашкарев П. А. Церковно-археологические очерки.— Киев, 1898.— 240 с.

Левашева В. П. Сельское хозяйство : Очерки по истории рус. деревни X—XIII вв.— Тр. ГИМ, 1956, вып. 32, с. 19—105.

Левицкая В. Михайловские мозаики.— М. : Искусство, 1966.— 272 с.

Левченко М. В. К вопросу о «Записке греческого топарха».— В кн. : Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956, с. 36—70.

Летопись по Ипатьевскому Списку.— Спб. : Изд-во Археографической комиссии, 1871.— 616 с.

Ліньова Є. А., Мезенцева Г. Г. Гончарне виробництво на посаді Белгорода Київського.— Вісн. Київ. ун-ту. Іст. науки, 1980, № 22, с. 80—91.

Литаврин Г. Г. Записка греческого топарха.— В кн. : Из истории средневековой Европы (X—XVII вв.). М., 1957, с. 17—44.

Логвин Г. Н. Чернигов. Новгород-Северский. Глухов. Путивль.— Киев : Мистецтво, 1980.— 280 с.

Логвин Г. Н., Тимощук Б. А. Белокаменный храм XII в. с. Василева.— В кн. : Памятники культуры СССР: Исслед. и реставрация, М., 1961, № 3, с. 37—50.

Львова З. А. Стеклянные бусы Старой Ладоги.— АСГЭ, 1968, вып. 10, с. 64—94.

Любомиров П. П. Торговые связи с Востоком VIII—XI вв.— Учен. зап. Сарат. ун-та, 1923, т. 1, вып. 3, с. 5—38.

Ляпушкин И. И. Городище Новотроицкое.— М., 1958.— 327 с.— (МИА ; № 74).

Ляпушкин И. И. Днепровское лесостепное Левобережье в эпоху железа.— М., 1961.— 381 с.— (МИА ; № 104).

Ляскоронский В. Г. Городища, курганы и длинные (Змиевые) валы в бассейне р. Сулы.— В кн. : Тр. XI Археол. съезда. М., 1901, т. 1, с. 404—457.

Ляскоронский В. Г. Городища, курганы и длинные (Змиевые) валы по течению рр. Псла и Ворсклы.— В кн. : Тр. XIII Археол. съезда. М., 1907, с. 158—198.

Ляскоронский В. Г. Городища, курганы, майданы и длинные (Змиевые) валы, находящиеся в области Днепровского Левобережья.— В кн. : Тр. XIV Археол. съезда. М., 1911, т. 3, с. 1—182.

Ляскоронский В. Г. Киевский Вышгород в удельно-вечевое время.— Спб., 1913.— 285 с.

Макаренко Н. Е. Отчет об археологических исследованиях в Полтавской губернии в 1906 г.— ИАК, 1907, вып. 22, с. 38—90.

Макаренко М. Є. Біля Чернігівського Спасу.— В кн. : Чернігів і Північне Лівобережжя. К., 1928, с. 184—196.

Макарова Т. И. Поливная керамика древнего Любеча.— СА, 1965, № 4, с. 230—237.

Макарова Т. И. Средневековый Корчев.— КСИА АН СССР, 1965, вып. 104, с. 70—76.

Макарова Т. И. Поливная посуда : Из истории керам. импорта и пр-ва древ. Руси.— М., 1967.— 128 с.— (САИ ; Вып. Е1-38).

Макарова Т. И. Поливная керамика в Древней Руси.— М.: Наука, 1972 — 20 с.

Макарова Т. И. Перегородчатые эмали Древней Руси.— М. : Наука, 1975.— 135 с.
Максимов Є. В., Петрашенко В. А. Городище Монастирьок на Середньому Дніпрі — Археологія, 1980, т. 33, с. 3—20.
Максимович М. А. Собрание сочинений.— Киев, 1877.— Т. 2.— 524 с.
Малевская М. В. К вопросу о керамике Галицкой земли X—XIII вв.— КСИА АН СССР, 1969, вып. 120, с. 3—14.
Маниковский Ф. Вышгород и его святыни.— Киев, 1890.— 91 с.
Марков М. Е. О достопамятностях Чернигова.— М., 1847.
Массон В. М. Экономика и социальный строй древних обществ.— Л.: Наука, 1976.— 191 с.
Матузова В. И. Английские средневековые источники IX—XIII вв.— М. : Наука, 1979.— 268 с.
Медведев А. Ф. Оружие древнего Новгорода.— МИА, 1959, № 65, с. 121—191.
Медынцева А. А. О литейных формочках с надписями Максима.— В кн. : Древняя Русь и славяне. М., 1978.
Медынцева А. А. Древнерусские надписи новгородского Софийского собора.— М. : Наука, 1978.— 312 с.
Мезенцева Г. Г. Канівське поселення полян.— К. : Вид-во КДУ, 1965 — 124 с.
Мезенцева Г. Г. Древньоруське місто Родень. Княжа Гора.— К. : Вид-во КДУ, 1968.— 184 с.
Мезенцева Г. Г. Про топографію стародавнього Білгорода.— УІЖ, 1968, № 8, с. 114—117.
Мезенцева Г. Г. О некоторых особенностях планировки древнего Белгорода.— В кн. : Культура средневековой Руси. Л., 1974, с. 38—40.
Мезенцева Г. Г., Гопак В. Д. Залізні вироби стародавнього Білгорода. Археологія, 1974, т. 14, с. 73—81.
Мезенцева Г. Г., Прилипко Я. П. Открытие Белгородского могильника.— СА, 1976, № 2, с. 245—248.
Мезенцева Г. Г., Прилипко Я. П. Давньоруський могильник Білгорода Київського. — Археологія, 1980, т. 35, с. 98—111.
Мельник Е. Н. Раскопки в земле лучан.— В кн. : Тр. XI Археол. съезда. М., 1901, т. 1, с. 98.
Мец Н. Д. К вопросу о торках.— КСИИМК, 1948, вып. 13, с. 45—49.
Милеев Д. В. Вновь открытая церковь XI в. в Киеве.— В кн. : Тр. IV съезда рус. зодчих. Спб., 1911, с. 1—27.
Милонов Н. П. Древнерусские курганы и селища в бассейне Верхней Волги.— МИА, 1950, № 13, с. 152—172.
Минасян Р. С. Классификация ручного жернового постава.— СА, 1978, № 3, с. 101—112.
Миролюбов М. А. Сельскохозяйственные орудия древнего Изяславля (XI—XIII вв.).— В кн. : Древнерусский город. К., 1984, с. 82—84.
Мовчанівський Т. Археологічні дослідження в Києві.— Наук. зап. ІІМК, 1935, кн. 34, с. 7—23.
Монгайт А. Л. Археологические исследования Старой Рязани в 1949 г.— ИАН. Сер. Истории и философии, 1949, т. 6.
Монгайт А. Л. Путешествие абу-Хамида ал-Горняти в Восточную Европу.— М.: Наука, 1971.— 176 с.
Мугуревич Э. С. Восточная Латвия и соседние земли в X—XIII вв.— Рига : Зинатне, 1965.— 144 с.
Наулко В. И. Развитие межэтнических связей на Украине.— Киев : Наук. думка, 1975.— 276 с.
Нахлик А. Ткани Новгорода : Опыт технол. анализа.— МИА, 1968, № 123, с. 228—315.
Недопако Д. П. Некоторые вопросы методики исследования металла из археологических раскопок.— В кн. : Использование методов точных наук в археологии. Киев, 1978, с. 8—20.
Нечаева Л. Г. О жилище кочевников юга Восточной Европы в железном веке (I тыс. до н. э.— I тыс. н. э.).— В кн. : Древнее жилище народов Восточной Европы. М., 1975, с. 7—49.
Николаева Т. В. Древнерусская мелкая пластика из камня XI—XV вв.— М. : Наука, 1983.— 162 с.— (САИ, вып. Е1-60).
Никольская Т. А. Сельские поселения земли вятичей.— КСИА АН СССР, 1977, № 150, с. 3—10.
Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов.— М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1950.— 640 с.
Новицька М. О. Гаптування в Київській Русі (за матеріалами розкопок на території УРСР).— Археологія, 1965, т. 18, с. 24—28.
Новосельцев А. П. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI—IX вв.— В кн. : Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965, с. 410—438.
Онежские былины зап. А. Ф. Гильфердингом.— М. ; Л., 1938—1940.— т. 1—2.
Орлов Р. С. Давньоруська вишивка XII ст.— Археологія, 1972, т. 12, с. 41—50.
Орлов Р. С. Деякі особливості художньої культури Києва у X ст.— В кн. : Археологія Києва: Дослідження і матеріали. К., 1979, с. 18—22.
Орлов Р. С. Некоторые особенности формирования древнерусского художественного ремесла.— В кн. : Новые памятники древней и средневековой художественной культуры. Киев, 1981, с. 163—173.
Орлов Р. С. Південноруський центр художньої металообробки X ст.— Археологія, 1983, т. 44, с. 29—47.
Орлов Р. С. Художня металообробка у Києві в X ст.— Там же, 1983а, т. 42, с. 28—40.
Орлов Р. С., Погорілий В. І. Поховання кочівника поблизу с. Поділля на Київщині.— Там же, 1977, т. 24, с. 87—89.
Отрощенко В. В. Раскопки курганов в Запорожской области.— АО 1981 г., М., 1983, с. 300—302.
Осипов Д. П. Крестьянская изба на севере России.— Тотьма, 1924.
Очерки по истории русской деревни X—XIII вв. — Тр. ГИМ, 1956, № 32, с. 1—254.

Очерки по истории русской деревни X—XIII вв.— Там же, 1967, № 43.— 296 с.
Патерик Киево-Печерского монастыря.— Спб., 1911.— 158 с.
Пашкевич Г. А., Петрашенко В. А. Землеробство і скотарство в Середньому Подніпров'ї в VIII—X вв.— Археологія, 1982, вип. 41, с. 46—62.
Пашкевич Г. А. Находки культурных растений из раскопок летописного Юрьева.— В кн.: Древнерусский город. К., 1984, с. 94—96.
Пашкевич Г. А., Янушевич З. В. Палеоботанические исследования раннеславянского городища у хут. Монастырек.— В кн.: Использование методов естественных наук в археологии. К., 1978, с. 86—96.
Пашуто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской земли.— М.: Изд-во АН СССР, 1950.— 330 с.
Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси.— М.: Наука, 1968.— 472 с.
Пеняк С. І. Ранньослов'янське і давньоруське населення Закарпаття VI—XIII ст.— К.: Наук. думка, 1980.— 180 с.
Петров Н. И. Историко-топографические очерки древнего Киева.— Киев, 1897.— 267.
Петров В. П. Історична топографія Києва.— В кн.: Історичні джерела та їх використання. К., 1964, вип. 1, с. 130—131.
Плетнева С. А. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях.— МИА, 1958, № 62, с. 151—226.
Плетнева С. А. Древности Черных Клобуков.— М., 1973.— 96 с.— (САИ; Вып. Е1-19).
Плетнева С. А. Половецкие каменные изваяния.— М., 1974.— 200 с.— (САИ; Вып. Е1-24).
Плетнева С. А. Половецкая земля.— В кн.: Древнерусские княжества X—XIII вв. М., 1975, с. 260—300.
Плетнева С. А. Кочевники Средневековья.— М.: Наука, 1982.— 188 с.
Повесть временных лет.— М.; Л.; Изд-во АН СССР, 1950.— Ч. 1.
Полонская Н. Д. Археологические раскопки В. В. Хвойки 1909—1910 гг. в местечке Белгородке.— В кн.: Тр. Моск. предвар. ком. по устройству XV Археол. съезда. М., 1911, с. 62—64.
Попудренко М. А. Стародавні знахідки з Чернігова.— Археологія, 1975, т. 16, с. 82—86.
ПСРЛ.— М., 1962.— Т. 1—2; т. 9. 1965.
Потин В. М. Древняя Русь и европейские государства в X—XIII вв.— Л.: Сов. художник, 1968.— 239 с
Потин В. М Нумизматическая хронология и дендрохронология (по материалам новгородских раскопок).— ТГЭ, 1981, т. 21, с. 78—89.
Похилевич Л. Сказания о населенных местностях Киевской губернии.— Киев, 1895.— 764 с.
Пуцко В. Г. Киевская скульптура XI в.— Byzantinoslavica, 1982, т. 43, Fasc. 1, S. 51—60.
Рабинович М. Г. Из истории русского оружия IX—XV вв.— Тр. института этнографии. Н. с., 1947, т. 1, с. 65—97.
Рабинович М. Г. Исследование средневековых слоев Белгорода-Днестровского в 1954 и 1958 гг.— КСИА АН СССР, 1960, вып. 113, с. 102—107.
Равдина Т. В. Надпись на корчаге из Пинска.— КСИИМК, 1957, вып. 70, с. 150—153.
Ратич О. О. Давньоруські археологічні пам'ятки на території західних областей УРСР.— К.: Вид-во АН УССР, 1957.— 96 с.
Ратич О. О. Населення Прикарпаття і Волині в епоху Київської Русі та в період феодальної роздробленості.— В кн.: Населення Прикарпаття і Волині за добу розкладу первісного ладу та в давньоруський час. К., 1976, с. 201—203.
Раппопорт П. А. Очерки по истории русского военного зодчества X—XIII вв.— М., 1956.— 184 с.— (МИА; № 52).
Раппопорт П. А. К вопросу о Плесненске.— СА, 1965, № 4, с. 92—103.
Раппопорт П. А. Из истории Южной Руси XI—XII вв.— История СССР, № 5, с. 113—116.
Раппопорт П. А. Древнерусское жилище.— Л., 1967.— 179 с.— (САИ; Вып. Е1-32).
Раппопорт П. А. Военное зодчество западнорусских земель X—XIV вв. М; Л., 1967.— 242 с — (МИА; № 140).
Раппопорт П. А. Древнерусское жилище (VI—XIII вв.).— В кн.: Древнее жилище народов Восточной Европы. М., 1975, с. 1—57.
Раппопорт Л. А. Русская архитектура X—XIII вв.— Л., 1982.— (САИ; Вып. Е1-47, с. 115).
Риер Я. Г. Некоторые вопросы развития феодальной деревни Могилевского Поднепровья.— В кн.: Древности Белоруссии и Литвы. Минск, 1962, с. 137—144.
Розов С. Н. Очерки по истории отечественного пчеловодства.— М.: Наука, 1972.
Рубинштейн Н. Л. Западные пути торговли Украины-Руси.— Вісн. Одес. ком. краєзнавства, 1925, № 4, 2, 3, с. 120—134.
Рубрук В. Путешествие в восточные страны.— Спб., 1911, с. 63—178.
Русанова И. П. Курганы полян X—XII вв.— М., 1966.— 48 с.— (САИ; Вып. Е1-24).
Русанова И. П. Славянские древности VI—VII вв.— М.: Наука, 1976 — 216 с.
Рыбаков Б. А. Владимировы крепости на Стугне.— КСИА АН СССР, 1965, вып. 100, с. 126—129.
Рыбаков Б. А. Древности Чернигова.— МИА, 1949, № 11, с. 7—102.
Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв.— М.: Наука, 1982.— 590 с.
Рибаков Б. О. Київські колти і віли-русалки.— В кн.: Слов'яноруські старожитності. К., 1969, с. 92—103
Рыбаков Б. А. Любеч — феодальный двор Мономаха и Ольговичей.— КСИА АН СССР, 1964, вып. 99, с. 21—23.
Рыбаков Б. А. Первые века русской истории.— М.: Наука, 1964.— 240 с.

Рыбаков Б. А. Прикладное искусство Киевской Руси и южнорусских княжеств XII—XIII вв.— В кн.: История Русского искусства. М., 1953, т. 2, с. 5—26.

Рыбаков Б. А. Раскопки в Белгороде Киевском.— АО 1968 г., М., 1969, с. 330—332.

Рыбаков Б. А. Раскопки в Любече в 1957 г.— КСИИМК, 1960, вып. 79, с. 27—34.

Рыбаков Б. А. Раскопки в Путивле.— АО 1965 г., М., 1966, с. 154—156.

Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси.— М.: Изд-во АН СССР, 1948.— 792 с.

Рибаков Б. О. Розкопки в Переяславі-Хмельницькому у 1945 р.— АП УРСР, 1949, т. 1, с. 21—25.

Рыбаков Б. А. Русалии и бог Симаргл-Переплут.— СА, 1967, № 2, с. 91—116.

Рыбаков Б. А. Русские датированные надписи XI—XIV вв.— М., 1964.— 48 с.— (САИ; Вып. Е1-44).

Рыбаков Б. А. Торговля и торговые пути.— В кн.: История культуры Древней Руси. М.; Л., 1951, т. 1, с. 10—45.

Рыбаков Б. А. Торческ — город Черных Клобуков. — АО 1966 г., М., 1967, с. 243—245.

Рыбина Е. А. Из истории южного импорта в Новгород.— СА, 1971, № 1, с. 38—45.

Рыбина Е. А. Из истории торговли янтарем в Новгороде.— В кн.: Новое в археологии. М., 1972, с. 224—228.

Рыбина Е. А. Археологические очерки истории новгородской торговли.— М.: Изд-во МГУ, 1978.— 167 с.

Рындина Н. В. Технология производства новгородских ювелиров X—XV вв.— МИА, 1963, № 117, с. 200—268

Сагайдак М. А. Великий город Ярослава.— Киев: Наук. думка, 1982.— 96 с.

Самойловський І. М. Розвідки та розкопки у Києві та його околицях в 1947—1948 рр.— АП УРСР, 1952, т. 3, с. 73—84.

Самоквасов Д. Я. Древние города России.— Спб., 1873.— 190 с.

Самоквасов Д. Я. Историческое значение городищ.— В кн.: Тр. III Археол. съезда. Киев: 1878, т. 1, с. 225—235.

Самоквасов Д. Я. Могильные древности Северянской Черниговщины.— М., 1916.— 104. с.

Самоквасов Д. Я. Могилы русской земли.— М., 1908.— 271 с.

Самоквасов Д. Я. Основания хронологической классификации и каталог коллекции древностей.— Варшава, 1892.— 101 с.

Самоквасов Д. Я. Северянская земля и северяне по городищам и могилам.— М., 1908.— 119 с.

Самоквасов Д. Я. Северянские курганы и их значение для истории.— В кн.: Тр. III Археол. съезда. К., 1878, т. 1, с. 1—50.

Самоквасов Д. Я. Раскопки северянских курганов в Чернигове во время XIV АС.— М., 1916.— 41 с.

Сахаров А. К. Дипломатия Древней Руси.— М.: Мысль, 1980.— 358 с.

Свердлов М. Б. Источники для изучения русского денежного обращения в XII—XIII вв.— ВДИ, 1978, т. 9, с. 3—16.

Седов В. В. Восточные славяне в VI—XIII вв.— М.: Наука, 1982.— 326 с.

Седов В. В. Сельские поселения центральных районов Смоленской земли (VIII—XV вв.).— М., 1960.— 156 с.— (МИА; № 92).

Седов В. В. Славяне верхнего Поднепровья и Подвинья.— М., 1970.— 200 с.— (МИА; № 163).

Седов В. В. Славяне Среднего Поднепровья (по данным палеоантропологии).— СЭ, 1974, № 1, с. 53—62.

Седова М. В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X—XV вв.).— М.: Наука, 1981.— 195 с.

Секиринский С. А. Очерки истории Сурожа IX—XV вв.— Симферополь: Таврия, 1955 — 104.

Сецинский Е. Археологическая карта Подольской губернии.— В кн.: Тр. VI Археол. съезда. М., 1901, т. 1, с. 197—353.

Сікорський М. І. Склоробна майстерня XI ст. у Переяславі-Хмельницькому.— В кн.: Дослідження з слов'яно-руської археології. К., 1976, с. 146—150.

Симонов Р. А. Математическая мысль Древней Руси.— М.: Наука, 1977.— 121 с.

«Слово о полку Игореве». Древнерусский текст и переводы под ред. В. И. Стеллецкого.— М.: Наука, 1965.

Смиленко А. Т. Кузница на Пастырском городище.— КСИА АН УССР, 1969, с. 99—103.

Сміленко А. І. Слов'яни та їх сусіди в Степовому Подніпров'ї (II—XII ст.).— К.: Наук. думка, 1975.— 209 с.

Смирнов В. Крымское ханство.— Спб., 1887,— 87 с.

Собрание Б. И. и В. Н. Ханенко. Древности русские. Кресты и образки.— Киев, 1899.

Сотникова М. П. Нежинский клад сереброников 1852 г. (реконструкция состава).— НиС, 1971, № 4, с. 15—41.

Спасский И. Г. Русская монетная система.— Л.: Аврора, 1970.— 256 с.

Спегальский Ю. П. Жилище Северо-Западной Руси IX—XIII вв.— М.: Наука, 1972.— 275 с.

Станкевич Я. В. Шестовицкое поселение и могильник по материалам раскопок 1946 г.— КСИА АН СССР, вып. 87, с. 6—30.

Степаненко Л. Я., Блажевич Н. В. Поселення та могильник XI—XIII ст. поблизу с. Козаровичі на Дніпрі.— В кн.: Дослідження з слов'яно-руської археології. К., 1976, с. 151—163.

Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР.— М., 1981.— 303 с.

Сухобоков О. В. Новые исследования древнерусского Путивля.— АО 1979 г., М., 1980, с. 342—343.

Сымонович Э. Л. Раскопки поселения Ломоватое-2.— КСИИМК, 1960, вып. 79, с. 21—26.

Телегин Д. Я. Из работ Днепродзержинской экспедиции 1960 г.— КСИА АН УССР, 1962, вып. 12, с. 13—17.

Тимощук Б. О. Північна Буковина — земля слов'янська. — Ужгород : Карпати, 1969.— 192 с.

Тимченко Н. Г. К истории охоты и животноводства в Киевской Руси : (Среднее Поднепровье).— Киев : Наук. думка, 1972.— 208 с.

Тихомиров М. Н. Пособие для изучения Русской Правды.— М. : Изд-во МГУ, 1953.— 192 с.

Тихомиров М. Н. Крестьянские и городские восстания Руси.— М. : Госполитиздат, 1955.— 279 с.

Тихомиров М. Н. Древнерусские города.— М. : Госполитиздат, 1956.— 477 с.

Ткачев С. А. Ранние формы религии и их развитие.— М. : Наука, 1964.— 399 с.

Толочко П. П. Гончарное дело.— В кн. : Новое в археологии Киева. Киев, 1981.

Толочко П. П. Древний Киев.— Киев : Наук. думка, 1983.— 397 с.

Толочко П. П. Історична топографія стародавнього Києва.— К.: Наук. думка, 1970.— 220 с.

Толочко П. П. Киев и Киевская земля в эпоху феодальной раздробленности XII—XIII вв.— Киев : Наук. думка, 1980.— 223 с.

Толочко П. П. Массовая городская застройка Киева IX—XIII вв.— В кн. : Тез. докл. на IV Междунар. конгр. по слав. археологии. Киев, 1982, с. 25.

Толочко П. П. Про приналежність і функціональне призначення діадем і барм в Древній Русі.— Археологія, 1963, т. 15, с. 145—164.

Толочко П. П., Асеев Ю. С. Новый памятник архитектуры Киева.— В кн. : Древнерусское искусство. М., 1972, с. 80—87.

Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов.— М. : Изд-во МГУ, 1966.— 274 с.

Федоров-Давыдов Г. А. Археологическая типология и процесс типообразования: (На примере средневековых бус).— В кн. : Математические методы в социально-экономических исследованиях. М., 1981, с. 267—317.

Фехнер М. В. Изделия шелкоткацких мастерских Византии в Древней Руси.— СА, 1977, № 3, с. 130—142.

Фехнер М. В. Испано-русская торговля XII в.— Тр. ГИМ, 1980, вып. 51, с. 124—130.

Фехнер М. В. Заключение (деревня северо-западной и северо-восточной Руси X—XIII вв. по археологическим данным) : Очерки по истории рус. деревни X—XIII вв.— Там же, 1967, вып. 43, с. 275—281.

Фехнер М. В. К вопросу об экономических связях древнерусской деревни.— Там же, 1959, вып. 33, с. 149—224.

Фехнер М. В. Некоторые сведения археологии по истории русско-восточных экономических связей России до XII в.— В кн.: Международные связи России до XVII в.— М.: Наука, 1961, с. 123—128.

Фехнер М. В. Некоторые данные о внешних связях Киева.— В кн. : Культура средневековой Руси. М., 1974, с. 55—61.

Фехнер М. В. Шелковые ткани в средневековой Европе.— СА, 1982, № 2, с. 57—70.

Фронджуло М. А. Раскопки в Судаке.— В кн. : Феодальная Таврика. Киев, 1974, с. 139—150.

Хавлюк П. І. До питання про виготовлення жорен у давній Русі.— Археологія, 1973, вип. 9, с. 34—40.

Харламов В. О. Київська садиба X ст. (за матеріалами Подолу).— Археологія, 1977, т. 24, с. 37—45.

Харламов В. О. Конструктивні особливості дерев'яних будівель Подолу X—XIII ст.— В кн. : Археологічні дослідження стародавнього Києва. К., 1976, с. 47—55.

Хвойка В. В. Древние обитатели Среднего Приднепровья и их культура в доисторические времена.— Киев, 1913.— 101 с.

Хвойка В. В. Городища Среднего Поднепровья, их значение, древность и народность.— В кн. : Тр. XII Археол. съезда. М., 1905, т. 1, с. 93—104.

Хойновский И. А. Раскопки великокняжеского двора древнего града Киева, произведенные весною 1892 г.— Киев, 1893.— 78 с.

Хойновский И. А. Краткие археологические сведения о предках славян и Руси.— Киев, 1896.— Вып. 1.

Холостенко Н. В. Архитектурно-археологические исследования Пятницкой церкви в г. Чернигове (1953—1954 гг.) — СА, 1956, т. 26, с. 271—292.

Холостенко Н. В. Исследования памятника XII в. в г. Новгороде-Северском.— Сб. тр. ин-та «Киевпроект», 1958, № 12, с. 34—43.

Холостенко Н. В. Клад у Борисоглебского собора в Чернигове.— СА, 1962, № 2, с. 235—238.

Холостенко Н. В. Новый памятник древнерусского прикладного искусства.— Искусство, 1958, № 9, с. 5—10.

Холостенко М. В. Нові дослідження Іоанн-Предтеченської церкви та реконструкція Успенського собору Києво-Печерської лаври.— В кн. : Археологічні дослідження стародавнього Києва. К., 1976, с. 131—165.

Холостенко М. В. Успенський собор Печерського монастиря.— В кн. : Стародавній Київ. К., 1975, с. 107—170.

Холостенко Н. В. Черниговские каменные княжеские терема XI в.— М., 1969.— 200 с.— (Архит. наследство : № 15).

Хомутова Л. С. Техника изучения кузнечного ремесла в древнерусском городе Серенске.— СА, 1973, № 2, с. 216—225.

Хмыров М. Д. Металлы, металлические изделия и минералы в древней Руси.— Спб., 1875.— 110 с.

Чачковський Л., Хмілевський Я. Княжий Галич.— Станислав, 1938.— 78 с.

Черненко Е. В., Яковенко Э. В., Корпусова В. Н. Раскопки в окрестностях Скадовска.— В кн. : Памятники эпохи бронзы юга Европейской части СССР. Киев, 1967, с. 20—32.

Чернецов А. В. Классификация и хронология наконечников древнерусских пахотных орудий.— КСИА АН СССР, 1976, вып. 146, с. 32—36.

Чернецов А. В. Следы пахоты на миниатюре Радзивилловской летописи.— КСИА АН СССР, 1977, вып. 150, с. 23—28.

Чумаченко В. В. Раскопки в древнем Вышгороде.— АО, 1973 г., М., 1974, с. 359—360.

Шаскольский И. Н. Норманская теория в современной буржуазной науке.— М.; Л.: Наука, 1965.— 222 с.

Шафарик П. И. Славянские древности.— М., 1848.— Т. 2. Кн. 1.

Шафонский А. Ф. Черниговского наместничества топографическое описание.— Киев, 1851.— 600 с.

Шахматов А. А. Обозрение русских летописных сводов XIV—XVI вв.— М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1938.—372 с.

Швецов М. Л. Багате кочівницьке поховання з Донбасу.— Археологія, 1974, т. 13, с. 93—98.

Шендрик Н. И. Наконечники стріл з Княжої гори. — Тр. Киев. ГИМ, 1958, вып. 1, с. 158—174.

Школьникова Н. А. Стеклянные украшения конца I тыс. н. э. на территории Поднепровья.— СА, 1978, № 3, с. 97—104.

Шрамко Б. А., Солнцев Л. А., Фомин Л. Д. Техника обработки железа в лесостепной и степной Скифии.— СА, 1963, № 4, с. 36—57.

Щапова Ю. Л. Скляні браслети Київщини.— Археологія, 1966, т. 21, с. 106—116.

Щапова Ю. Л. Стекло Киевской Руси.— М.: Изд-во МГУ, 1972.— 216 с.

Щапова Ю. Л. Стеклянные изделия из Старой Рязани (по материалам раскопок 1966—1968 гг.).— В кн.: Археология Рязанской земли. М., 1974, с. 76—92.

Щетлин М. Н. Средневековый путешественник Вениамин Гудельский.— В кн.: Страны и народы Востока. М., 1964, т. 3, с. 57—63.

Юра Р. О. Воїнь.— В кн.: Археологія УРСР. К., 1975, т. 3, с. 257—264.

Якобсон А. Л. Средневековый Херсонес (XII—XIV вв.).— М., 1950.— 364 с.— (МИА; № 63).

Якобсон А. Л. Раннесредневековые сельские поселения Юго-Западной Таврики.— М., 1970.— 224 с.— (МИА; № 168).

Якобсон А. Д. Раннесредневековый Херсонес.— М., 1950.— 364 с.— (МИА; № 63).

Янин В. Л. Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период.— М.: Изд-во МГУ, 1956 — 208 с.

Янин В. Л. Деньги и денежные системы.— В кн.: Очерки русской культуры XIII—XV вв. М., 1970, ч. 1, с. 317—347.

Czolowski O. O polozeniu starego Halicza.— In: Pamietnik Drugiego Zjazdu Historykow Polskich. Lwów, 1890.

Dekan J. Velka Morava. Doba a umenie.— Bratislava, 1976.— 190 s.

Herrmann J. Die Slawen in Deutschland.— Berlin, 1972.— 530 S.

Kuncienė V. Prekybiniai rysiai IX—XIII am.— in knlieturos Gejventojų prekibiniai ryôiai I—XIII a.— Vilnius: Mintius, 1972, p. 149—254.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АДУ — Археологічні дослідження на Україні
АИКСП — Античная история и культура Северного Причерноморья
АИУ — Археологические исследования на Украине
АЛЮР — Археологическая летопись Южной России
АО — Археологические открытия
АП УРСР — Археологічні пам'ятки УРСР
АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа
АСХ — Античная скульптура Херсонеса
БАН — Болгарская Академия наук
ВВ — Византийский временник
ВДИ — Вестник древней истории
ВИ — Вопросы истории (Москва)
ВССА — Вопросы скифо-сарматской археологии
ГИМ — Государственный исторический музей
ГМИИ — Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина
ДБК — Древности Боспора Киммерийского
ЕМИРА — Ежегодник музея истории религии и атеизма
ЖМНП — Журнал министерства народного просвещения
ЗОАО — Записки Одесского археологического общества
ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей
ЗРАО — Записки Русского археологического общества
ИАДК — История и археология древнего Крыма
ИАИ — Известия на Археологический институт (София)
ИАК — Известия Археологической комиссии
ИГАИМК — Известия Государственной Академии истории материальной культуры
ИКОГО — Известия Крымского отдела Географического общества
ИРАИМК — Известия Российской Академии истории материальной культуры
ИТУАК — Известия Таврической ученой архивной комиссии
КДУ — Київський державний університет
КБН — Корпус боспорских надписей
КСИА АН СССР — Краткие сообщения Института археологии АН СССР
КСИА АН УССР — Краткие сообщения Института археологии АН УССР
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры
КСОГАМ — Краткие сообщения Одесского государственного археологического музея
МАР — Материалы по археологии России
МАСП — Материалы по археологии Северного Причерноморья
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
МДАПВ — Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині
НиС — Нумизматика и сфрагистика
НО — Надписи Ольвии
НОСА — Новые открытия советских археологов
ОАК — Отчет Археологической комиссии
ОАМ — Одесский археологический музей
ОНТИ — Отдел научно-технической информации
ПСА — Проблемы скифской археологии
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
РАИМК — Российская Академия истории материальной культуры
РГО — Русское Географическое Общество
СА — Советская археология
САИ — Свод археологических источников
СГАИМК — Сообщения Государственной Академии истории материальной культуры
СГМИИ — Сообщения Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина
СРАИМК — Сообщения Российской Академии истории материальной культуры
СХМ — Сообщения Херсонесского музея
СГЭ — Сообщения Государственного Эрмитажа
ТР. ГЭ — Труды Государственного Эрмитажа
ТМАО — Труды Московского археологического общества
ТСРАНИОН — Труды секции археологии Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук
ТССА — Тезисы докладов и сообщений на конференции по вопросам скифо-сарматской археологии
УАН— Українська Академія наук
УзЛГУ — Ученые записки Ленинградского госуниверситета
УзМГПИ — Ученые записки Московского Государственного педагогического института
УзХаркДУ — Учені записки. Харківський держуніверситет
Хсб — Херсонесский сборник
AH — Archeologica hungarica
AP — Archeologika Polska
AR — Archeologicke rozhledy
AJA — American Journal of Archeology
JDAI — Jahrbuch Deutsche Archäologische Institut
IPE — Insciptiones orae septentrionalis Ponti Euxini
MCA — Materialy si cercetari archeologice
MAMA — Monumenta Asiae Minoris antiqua
RE — Realencyclopaedie der Classischen Altertums wissenschaft
SC — Scythica et Caucasica
SCIV — Studii si cercetari de istorie Veche
SHA — Scriptores Historiae Augustae
WA — Wiadomosci Archeologiczne

СОДЕРЖАНИЕ

Вступление *(В. Д. Баран, П. П. Толочко)* 5

Часть первая

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ КУЛЬТУРЫ I тыс. н. э.

I Культуры позднелатенского и раннеримского времени 14
Зарубинецкая культура *(Е. В. Максимов)* **14**
Поенешти-Лукашевская культура *(С. П. Пачкова)* **34**
Латенская культура *(В. И. Бидзиля)* **44**
Пшеворская культура и волыно-подольская группа *(Д. Н. Козак, М. Ю. Смишко* **52**
Липицкая культура *(В. Н. Цыгылык, М. Ю. Смишко)* **61**

II Культуры позднеримского времени 70
Черняховская культура *(В. Д. Баран, Б. В. Магомедов)* **70**
Киевская культура *(Н. М. Кравченко, Р. В. Терпиловский)* **100**
Культура карпатских курганов *(Л. В. Вакуленко, М. Ю. Смишко)* **113**
Вельбарская культура *(Д. Н. Козак)* **127**

III Славянские культуры раннего средневековья 135
Пражская культура *(В. Д. Баран)* **135**
Пеньковская культура *(О. М. Приходнюк)* **153**
Колочинская культура *(Р. В. Терпиловский)* **167**

IV. Славянские культуры накануне образования Древнерусского государства 174
Славянская культура VIII—IX вв. правобережья Днепра (памятники типа Лука-Райковецкая) *(А. Т. Смиленко)* **174**
Славянские древности последней четверти I тыс. н. э. Днепровского Левобережья (волынцевская и роменская культуры) *(О. В. Сухобоков)* **191**

V Раннесредневековые памятники юга Украины 212
Салтовская культура *(Д. Т. Березовец, О. В. Пархоменко)* **212**
Погребения кочевников и клады эпохи раннего средневековья *(Р. С. Орлов, А. Т. Смиленко)* **225**
Памятники раннесредневекового Крыма *(И. А. Баранов)* **231**

Часть вторая

АРХЕОЛОГИЯ ЭПОХИ КИЕВСКОЙ РУСИ

Введение *(М. П. Кучера)* **250**

I Древнерусские города 252
Киев *(П. П. Толочко, Г. Ю. Ивакин)* **252**
Чернигов *(Д. И. Блифельд, В. П. Коваленко)* **272**
Переяславль *(Р. А. Юра, М. П. Кучера)* **281**
Галич *(В. В. Аулих)* **286**
Новгород-Северский *(А. П. Моця, В. П. Коваленко)* **295**
Любеч *(Р. А. Юра, В. П. Коваленко)* **229**
Вышгород *(В. И. Довженок, В. Н. Зоценко)* **303**
Путивль *(О. В. Сухобоков)* **310**
Белгород *(Г. Г. Мезенцева)* **314**
Родень *(Г. Г. Мезенцева)* **319**
Плеснеск *(М. П. Кучера)* **322**
Воинь *(Р. А. Юра, М. П. Кучера)* **328**
Юрьев *(Р. С. Орлов)* **334**
Василев *(Б. А. Тимощук)* **339**
Древнерусское жилище *(В. А. Харламов)* **340**
Монументальная каменная архитектура *(Ю. С. Асеев)* **350**

II Городища, селища и могильники 372
Городища *(М. П. Кучера)* **372**
Селища *(С. А. Беляева)* **396**
Древнерусские могильники *(Д. И. Блифельд , А. П. Моця)* **404**

III Ремесленное производство и сельское хозяйство 417
Железообрабатывающее ремесло *(В. Д. Гопак)* **417**
Ювелирное ремесло *(Р. С. Орлов)* **428**
Деревообрабатывающее, косторезное и другие ремесла *(Р. С. Орлов)* **438**
Стеклоделие *(Р. С. Орлов)* **443**
Керамика *(М. П. Кучера)* **446**
Оружие *(В. И. Довженок)* **455**
Сельское хозяйство *(В. И. Довженок, С. А. Беляева)* **461**

IV Торговые связи и деньги Киевской Руси 470
Торговля в южнорусских землях (VIII — первая половина XIII вв.) *(В. Н. Зоценко)* **470**
Деньги Киевской Руси *(В. А. Анохин)* **485**

V Письменность древней Руси по археологическим памятникам *(С. А. Высоцкий)* **491**

VI Позднесредневековые памятники Причерноморья, Приазовья и Крыма 504
Памятники кочевых племен Степного Поднепровья IX—XIII вв. *(А. П. Моця, А. А. Козловский, Л. М. Рутковская)* **504**
Средневековый Белгород-Днестровский *(Г. Г. Мезенцева)* **513**
Средневековый Крым X—XV вв. *(О. И. Домбровский)* **518**
Средневековый Херсонес *(О. И. Домбровский)* **535**
Заключение *(В. Д. Баран, П. П. Толочко)* **549**

Примечания 554

Список сокращений 574